

Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих протоиерей Евгений Попов

Вступительное слово автора

Вступительное слово автора

Доселе системы православного нравственного богословия у нас излагались с положительной стороны дела, объясняя обязанности христианина и указывая на добродетели, к которым христианин должен стремиться. О нарушениях же Закона Божия, или о грехах, делались в них большею частью только общие и краткие замечания.

Мы берем теперь противную сторону дела: излагаем грехи, среди которых несравненно более, чем среди добродетелей, проходит наша жизнь. Каждый грех у нас осуждается, или завиняется, текстом св. Писания, голосом Церкви и по самому содержанию своему.

Настоящая книга исчисляет, можно сказать, все грехи человеческие (исключая детский возраст и некоторые особенные состояния или служения человека в жизни). Но, в то же время, она с отрицательной-то стороны знакомит, и также не без последовательной связи, со всеми нравственными обязанностями человека в отношении к Богу, ближним и самому себе.

Для порядка изложения в таком виде «православного нравственного богословия», т.е. как практического, мы избираем десять заповедей Божиих. Сам Господь Иисус Христос в ответ богатому юноше указал на Десятословие, как на порядок для обозрения им греховной жизни и для узнания того, что ему делать, «да живот вечный» он наследует: «заповеди веси: не прелюбы сотвори; не убий; не укради; не лжесвидетельствуй» (Мк.10:19). И действительно, в десяти заповедях Божиих заключается особая мудрая связь (система). В них постепенно, все более и более, ограничивается в своих злых проявлениях поврежденная грехом природа человека; они шаг за шагом

ведут человека к совершенству в жизни. (Все это и покажется нами ясно в изложении сей книги).

Настоящая книга составляет, как мы обещали читателям, истолковательный текст, или подробнейшее объяснение, на книжку нашу: «Исповедь отроков и всех вообще», именно на третий отдел ее – «Исповедь всех», который напечатан еще особо под заглавием: «Грехи против 10-ти заповедей Божиих». Имея один общий предмет по этому отделу, каждая из трех книг наших, однако, несет свою особую службу. Меньшая из них по содержанию и объему: «Грехи против 10-ти заповедей» предназначена для мирян, для распространения, при своей небольшой цене, в народе, как предохранительный листок против греховной жизни, как чтение особенно полезное во время говенья, или как (скажу чужими словами) «настолярная книга в каждом семействе»¹. Средняя: «Исповедь отроков и всех вообще», со славянским текстом чина исповеди и св. причащения, предлагается в «руководство священникам», когда священники исполняют духовническую обязанность, а в случае напутствования ими в доме больного этими только двумя таинствами (исповедью и причащением) заменяет для них требник. – Наконец, настоящая книга составляет общедоступное чтение для всех «по нравственному богословию», с подробностью предлагает нравственные обязанности человека со стороны их нарушения, предлагает по порядку Десятословия, и на основании Новозаветного Откровения.

Но подробнейшее раскрытие нами грехов не повод ли к самому ознакомлению с ними? В особенности, может быть, так скажут о грехах, которые мы исчислили и объяснили на седьмую заповедь. Нет и нет! Разве лучше, если человек грешит, и не догадывается, или не сознает ясно, что грешит, что несправедливым делом прогневляет Господа Бога? Как часто люди и с добрым направлением согрешают, не зная, что известное действие их есть грех пред Богом! Как, например, многие узнают виновность противоестественных прикосновений к своему телу уже впоследствии времени, из разговора других о подобных действиях! А вообще, в нарушении каждой заповеди Божией, будь только начинание, от повторения же греха труднее

удержаться. Таким образом, против начинания-то особенно нужно нам предохранить и себя, и других, себя – по чувству истинной любви к самим себе, других – по христианской любви к ним. Это-то вот и было самым сердечным желанием, самую искреннюю целью нашего сочинения (Рим.3:20)!

Но, что касается до тех, которые уже впали в известный грех, то раскрытие нашей книгой вменяемости их греха и указание им на степень их вины, может быть, удержит их от повторения этого самого греха, или приведет их к более глубокому раскаянию перед Богом. – Наконец, ныне в гражданских судах открыто же разбираются всевозможные грехи человеческие, и затем все это передается печатной гласности: должна ли Церковь молчать, или скрывать язвы человеческие, когда желает исцелить от них человека? К тому же, мы предназначаем свою книгу не для детей малолетних, а для людей возрастных, которые сами имеют разум проходить мимо грехов, не относящихся к ним ни по образу их жизни, ни по званию и состоянию, и не нужных им, как предмет знания, для посторонней какой цели, например, чтоб удержать других от этих самых нарушений Закона Божия.

Протоиерей Евгений Попов.

Пермь. 1901 г.

Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслью твоею: сия есть первая и большая заповедь (Мф.22:37–38)

**Первые четыре заповеди Десятословия,
определяющие отношение Бога к
человеку. Часть первая**

Заповедь 1: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии разве Мене»

Почитай Бога умом

Первая заповедь внушает человеку почитать Бога или служить Богу, прежде всего умом: потому что ум есть главная, владычественная сила всей природы нашей. Отсюда нарушениями первой заповеди могут быть:

Грехи неверия

Неверие в слово Божие

Первый шаг наш к Богу – верить Его святому Откровению, в котором заключаются вечные истины, без которого мы были бы блуждающими. Между тем, одни верят Библии, и не принимают в ней одного какого-либо текста (как, например, «*идут сии в муку вечную*» (Мф.25:46), но и «*йота едина... не прейдет от закона*» (Мф.5:18)). Другие не признают откровением Божиим и целых библейских книг: но состав священных книг Библии не просто как-либо произошел и принят в Церковь, а утвержден Вселенскими соборами (Афан. Вел. 39 посл.). Есть, к крайнему сожалению, отвергающие все Божественное Откровение Ветхого и Нового Завета, и желающие остаться с одной естественной, или натуральной верой. Но естественная религия, как видно из истории всех народов, непросвещенных христианством, была и находится в самом жалком состоянии. Как, в самом деле, человек одним своим умом может дойти до правильного познания Бога и достойного почитания Его? Он – бесконечно выше человеческого ума. Тех, которые совсем не веруют слову Божию, а веруют только своему уму, для которых свидетельство или учение слова Божия не составляет важности и окончательного заверения в вопросах относительно веры и богочитания, тех (страшно сказать!) Церковь в неделю православия подвергает анафеме (отлучает).

Отрицание Промысла Божия (деизм)

Есть люди, которые признают бытие Бога, но не признают Промысла Божия. По их мнению, «будто бы мир и все твари сами собой продолжают существовать по тем силам и законам, которые даны им вначале от Бога; будто бы в истории всего человечества и в ежедневной жизни человека все бывает в силу сцепления обстоятельств, а нет постоянного живого участия Бога; словом, будто бы весь мир, после того как сотворен, уже не нуждается в постоянной и непосредственной поддержке от своего Творца, и предоставлен самому себе». Все это совершенно противоречит слову Божию, в котором о видимой природе, например, говорится: *«отвращу же Тебе лице, возмзутся»* (Пс.103:29); т. е. живые твари, населяющие мир, в случае оставления их Творцом, смущаются даже до возвращения в прежний свой прах. И еще: *«Отец мой доселе делает и Аз делаю»* (Ин.5:17), т.е. на мир очевидны два действия Божии: творение и промысление о нем. Мир тогда бы только не нуждался в дальнейшем участии или содействии для своего существования со стороны своего Творца, когда бы он был всесовершен и решительно самостоятелен. Но таким он не был, и не может быть, иначе он не отличался бы от Творца-Бога, который один есть всесовершенное и вполне самостоятельное, самобытное Существо. Ограниченность же и несовершенство мира требуют Промысла Божия. А, что в мире много нестроений и зла, этим не унижается достоинство божественного Промысла. При множестве неустройств, еще не извращается весь порядок мира; наряду с некоторыми неустройствами и беспорядками видим и чувствуем, что «прекрасен (вообще) мир Божий».

Кратковременный только упадок веры в Промысл при взгляде на то, как зло торжествует, а добродетель угнетена

«Доколе грешницы восхваляться?» (будут торжествовать), вопрошал Давид (Пс.93:3), и затем духом пророческим рассудил: «по лукавствию их погубит я Господь Бог» (Пс.93:23). Если взять во внимание общечеловеческую жизнь, то будет видно, что добро все-таки достигает своих целей и торжествует, а зло остается постыженным. Разве Господь Бог не всемогущ, чтобы оправдать, осуществить те благие цели, какие Он предположил вначале для мира и человека? «Концом дело красится», и конец мира со всемирным судом, новая вечная жизнь с ее воздаяниями, покажут, на какой стороне победа. – Но и теперь, в примерах самой частной жизни, нередко представляются такие случаи: Бог неожиданно карает людей, которые, будучи «сильными, хвалятся в злобе своей» (Пс.51:3), или же, не имея особенной внешней силы и значения, только грешат безнаказанно. Посему, грех говорить: «до Бога высоко... верно, не видит, забыл Бог»! Христианин всего себя должен вручать Промыслу, помня учение евангельское: «вам же» (т. е. верным слугам Божиим) «и власи главнии вси изочтени суть» (Мф.10:30).

Пытливость при виде непонятных действий Промысла

«Крепльших себе не испытай» (Сир.3:21). Когда в чем ясны пути Божии, тогда человек и сам должен с благоговением удивляться этим путям и вслух других поведать их, чтоб вместе с другими прославить Бога. Но, если пути Божии в каком-либо деле до времени необъяснимы и таинственны, то излишнее старание познать, откуда они, или к чему ведут, смелое толкование их для других, составляют грех; потому что тут начинается высокоумие, близка опасность заблудиться. Лучше на сей раз оставаться в «священном благоговейном недоумении».

Будто Бог лицеприятен

«Не на лица зрит Бог» (Деян.10:34). Богат ли кто или беден, даровит или скуден дарованиями, русский или иностранец православный, духовного или светского звания, – все пред Богом одинаковы, если истинно и правильно почитают Его. Пощаду от Него за что, или особенную милость в чем находят некоторые лица не просто как-нибудь, но или за свои добрые заслуги, добрые жертвы пред Ним, которые вполне открыты Ему и которых часто не постигают люди, или же по особенным преднамерениям Его об этих самых лицах. Таким образом, неосновательны подобные мысли, таящиеся в душе или прямо высказываемые: «чем достойнее меня такой-то? чем же я грешнее других? людям все, а мне нет ничего».

Атеизм (безбожие)

«Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс.13:1). Мысль, что есть существо высочайшее и самобытное, Бог превечный, глубоко положена в душе человеческой и составляет для человека такую же действительность, как действительно то, что сам человек существует на свете, или как верно, что дом не может построиться сам собой, часы не пойдут без мастера: стоит только среди светлой ночи стать в поле пред небом, усеянным звездами, и душа заговорит о Боге. Посему, дойти до отрицания не только Откровения и Промысла Божия, но и самого бытия Бога, дойти до такой крайности, можно не иначе, как намеренно, или насильственно. Для этого надобно заглушить в себе природное убеждение о Боге, – убеждение, которое остается и в дѹхах падших (Пс.13; 1Кор.1:14) (всего чаще развращенная жизнь наделяет человека таким неверием (Иак.2:19)). Отсюда вина безбожника – вина ужасная.

Пантеизм (всебожие)

Св. Писание нигде не сливает Бога с Его творением, и мир произошел не из существа Божия, а из ничего, по всемогущему слову Бога. Итак, особое есть мир, и особое – отличное от мира, и личное существо есть Бог: *«той есть прежде всех»* (Кол.1:17), *«сый над всеми Бог»* (Рим.9:5). (Деист чрезмерно отдаляет Бога от мира, а пантеист не в меру приближает божество к миру). Затем, если б все существующее было Бог или развитие божества, то в мире не было бы перемен и недостатков, так как Бог никогда не изменяется и совершен во всех Своих свойствах, во всей Своей жизни. А между тем, мы видим каждый день и на каждом шагу перемены, как в природе, нас окружающей, так и в самих себе. В таком случае, и самые грехи разумных существ нужно было бы отнести к Богу, что, очевидно, будет верх безумия.

Дуализм (верование в два начала: доброе и злое)

Можно, ли представить, чтоб были два равносильные, независимые божества, одно – доброе, а другое – злое, и отсюда – два начала действий в мире? Но, так как две всемогущие силы вместе быть не могут, и необходимо для каждой отделить или вообразить особенные пределы, то в данном месте и в данное время человеку все-таки нужно находиться во власти одной которой-либо из них, или быть под зависимостью одного божества, что так же ни с чем несообразно. Нет, истинный Бог – один от вечности, как верховное начало всего. Он ни с кем, так сказать, не борется. Противная же Ему сила произошла впоследствии, и эта сила, т. е. зло, или грех, сама в себе показывает не силу, а одно бессилие, или немощь. Понятие «злое начало, злая сила», в смысле злого бога, непримиримо с понятием об истинном Боге, так как Бог может быть только добрым. До каких странностей и явных противоречий доходит человек неверующий!

Материализм (будто все из материи, которая вечна)

Материализм, объясняющий все существующее из материи, которая будто бы одарена для бытия своего силой, – есть также один из страшных видов неверия. Исключая бытие в мире чего-либо духовного, называя все веществом, материализм отвергает и все святое, низводит человека в состояние одной животной жизни: *«да ямы и пием, утре бо умрем»* (1Кор.15:32), вот что думают в себе люди с таким убеждением. Это значит – человеку сравнить себя со скотом, которого закаляют (Пс.48:13). И не значит ли это, вместе с тем, отказаться от здравого смысла, чтоб, например, и свою душу, и свободу считать только движением материи, чтоб миру, который изменяется и через каждые 12 месяцев получает новую цифру года, предоставить право неизменного вечного бытия? Справедливо, посему, Церковь подвергает анафеме (в неделю православия) и такого рода неверующих.

Рационализм (гордое умствование о предметах веры)

Предметы веры нужно объяснять и содержать в духе же веры. Философия, имеющая свое значение в науке, по предметам веры добровольно должна смириться «*в послушание Христово*» (2Кор.10:5). Иначе человеку не понять божественной истины. Покоряя свой ум святому откровению вполне, а не частью только, человек с услаждением усвоит себе божественную истину. Но лишь только он начнет высокоумствовать в предметах веры, лишь только позволит себе говорить: «что мне апост. Павел?» и встретит множество недоумений и противоречий; потому что ум наш не только ограничен, но и, вследствие грехопадения Адама, покрыт каким-то мраком относительно высоких духовных истин, таит в себе какое-то противление божественному.

Натурализм (отрицание чудес Божиих)

«Аще дел (т. е. чудес и знамений) не бых сотворил в них... греха не быша имели», сказал Спаситель об евреях, не поверивших и чудесам Его (Ин.15:24). После этого отрицать даже одно какое-либо чудо (например, как евреи прошли по Чермному морю), составляет большой грех. Но говорить, будто совсем «не бывает чудес» или стараться объяснить чудеса обыкновенным образом, силами природы, не самое ли богопротивное неверие? Нет, чудеса необходимы для высших целей Божиих, например, для подкрепления в людях веры и для обличения лживых верований и неверия. В чудесах виден особенный милостивый Промысл Божий о Церкви. Чудеса, однако, не нарушают течения дел во всей природе, как только временные, редкие и местные нарушения законов природы. Чудеса, вместе с тем, несомненно свышестественные дела Божии; так, например, нетление мощей и бывающие на глазах всех исцеления у святых мощей, из каких же законов природы могут быть объяснены?

Мистицизм (искание в вере только таинственного и чудесного)

«Аще хочеши внити в живот, соблюди заповеди» (Мф.19:17). Значит, в спасении души главное всего требуются добрые дела. И лучше в простоте сердца трудиться для Господа Бога добрыми делами, чем искать в вере только таинственного и чудесного. Ложный мистик, между тем, уклоняется труда и подвигов для спасения души; он только любит рассуждать о том, что нужно жить по-духовному; он даже с презрением смотрит на свое внешнее положение, на свои обыкновенные обязанности, будто бы препятствующие его духовному совершенству; он любит таинственные толкования свящ. Писания; думает в каждом обстоятельстве видеть особенное чудо, ожидает себе во всем чудесной помощи. Таким образом, он доходит иногда до совершенно-ложных представлений и верований. В самой вере неверие!

Фанатизм (изуверство)

«По ревности гоних Церковь Божию» (Флп.3:6). Дух христианства, действительно, есть дух сильный и пламенный; но, вместе с тем, это дух разумный, кроткий и терпеливый. Христос-Спаситель запретил апостолам, когда они со своей стороны находили нужным низвести огонь с неба на те селения, которые не приняли Его евангельской проповеди (Лк.9:54–55). Так, совершенно богопротивны истязания «во имя веры», – делает ли их человек над самим собой (например, в расколе самосожжение, решимость больного на перекрещивание в проруби) или допускает над другими, т. е. над теми, которые мыслят и веруют иначе, или только противятся принятию православия.

Индифферентизм (будто все веры равны)

«Едина вера, едино крещение» (Еф.4:5). А возможно ли подумать, чтоб Бог, чистый и праведный, с одинаковым благоволением принимал и убеждения христианина, который признает Иисуса Христа своим искупителем, и веру еврея, который напротив ненавидит Христа, и религию магометанина, для которого Магомет, человек развращенный, выше всех пророков? Если б все было равно, кто бы как ни веровал, да был бы честным человеком по своей вере, – в таком случае, Спаситель не обличал бы заблуждений фарисеев и верований саддукеев. Нет. отдавать одинаковую честь всем верам, между тем, как они различны по смыслу и к различному образу жизни располагают, – это значит не иметь никакого уважения ни к истине, ни к добродетели; – значит одобрять всякое заблуждение и всякие безнравственные правила, вроде тех, какие, например, можно встретить в алкоране. Такое равнодушие к единой истинной, или православной, вере, которая необходимо должна же быть между прочими верами, хуже и самого неверия.

Фатализм (неизбежная судьба)

«Предложих ти огонь и воду, и на неже хочещи простерти руку твою» (к чему хочешь, т. е. к огню или воде, того и касайся) (Сир.15:16). И Господь Иисус Христос, обыкновенно, учил: «аще кто хочет по Мне ити» (Мф.16:24); «аще хочещи совершен быти» (Мф.19:21). Да, человеку дана полная свобода действовать. Но ни «судьбы (особенно злой), ни рока», ни «слепого случая», который будто «написан на роду», ни «обстоятельств», которые будто бы невольно приводят человека к тому или другому состоянию в жизни и которых будто бы никак нельзя предотвратить («чему-де быть, того не миновать»), ни «счастливой звезды или доли», как, напротив, и неизбежной «горькой участи», – ничего подобного решительно нет и не может быть. Все это слова без всякого смысла, или как «ничто», одни выдумки, одно сочинение человека. Так верили язычники: они представляли себе под именем «судьбы» особое божество, которого власть над людьми будто бы своенравная. Лжеверие так же слышится и в этих, во-видимому, богобоязненных речах иного человека: «как Бог велит..., видно, Богу угодно», если так, т. е. в духе нерешительном, говорится и там, где воля Божия давно и несомненно известна, (например, идти в церковь, говеть в пост), или где человек сам кругом виноват (например, в потере вещей от своей неосторожности). Самое богопротивное лжеверие выражает преступник, когда «судьбою, предопределением Божиим» называет свои незаконные пути и даже человекоубийство, ссылаясь на то, что «без Бога он шагу не мог сделать ни в чем». Нет; жизнь человеческая сколько зависит от Бога, столько же и от самого человека, которому Бог дал свободу и не препятствует каждый раз своим всемогуществом делать по свободе злое, что значит судьбы Божии (Рим.11:33). При этом надобно помнить и ясно различать, что есть «прямая воля Божия» на дела человека, т.е. на добрые дела, и есть только «попущение Божие» на них, т.е. если они злы. Иначе сказать: «одно совершается по воле Божией, а другое бывает по попущению Божию; все же

совершающееся совершается по суду и определению Божию: тайно, от Бога или в независимости от Него ничто не бывает и не может быть».

Будто почитать Бога нужно одним духом, а не телом

«Прославите Бога в телесех ваших, яже суть Божия» (1Кор.6:20). Это решительно мечта верить, будто почитать Бога довольно одним духом, – без крестного знамения, без поклонов, без икон, без хождения в церковь, без украшения храма и т.п. Вернее сказать: это только намеренная уклончивость от всякого богочитания, лень служить Богу, прикрываемая ложными суждениями. Сам Господь наш, Иисус Христос, как Богочеловек, преклонял колена на молитве и ходил в храм Иерусалимский на поклонение.

Ересь (упорное какое заблуждение против веры)

«Развратися... и согрешает, и есть самоосужден» (Тит.3:11), сказано о еретике, т. е. о таком человеке, который, не опровергая православного учения в целом, произвольно искажил какой-либо догмат веры (как некогда Арий о сыне Божиим, или как некоторые особенные секты в нашем расколе). Сомнения только в вере, или заблуждение, или самый раскол, равно, как защита своих ложных убеждений, – еще не составляют ереси. Ересь – отрицание или извращение божественного догмата, или существенного члена веры, притом – с крайним упорством. Посему полная вина человека, придумавшего или принявшего уже готовую ересь, настает только после того времени, как Церковь обличит его, а он продолжает упорно держаться своего мнения, которое противно вселенскому верованию. После этого строго воспрещается правилами церковными иметь с таким человеком религиозное, да и обыкновенное общение (Апост. пр. 45; Лаод. 9 и 37).

Неразумное представление в Пресвятой Троице многих богов

«*Сии три едино суть*» (1Ин.5:7). Не в том же смысле мы исповедуем Бога троичным, в каком и единым: в Боге три лица и одно существо, или одна жизнь, так что лица Его ни на одну точку не отделяются одно от другого, существуя от вечности вместе. Кроме же Пресвятой Троицы нет Бога.

Не исповедание Иисуса Христа Богом

«Отметаясь, яко Иисус несть Христос, сей есть антихрист» (1Ин.2:22). Как страшно быть названным антихристом! И, если Иисус Христос не есть Бог и не Богочеловек, а только мудрый человек: в таком случае, мир доселе не искуплен, – Спасителя доселе для нас нет, все мы остаемся в безысходном состоянии. Какое безотрадное неверие! Нет, – не только словесное возражение, но и колебание в мысли, тайное двоемыслие относительно Божества Иисуса Христа – гибель для веры. Человеческие дела Спасителя (например, ядение, сон) говорит только о том, что Он был действительным, как и мы, человеком. Но, затем, необыкновенное рождение Его (по зачатию Девы от Духа Святого), безгрешность и святость во всем, всемогущая сила в чудесах и засвидетельствование о Нем свыше, – показывают в Нем истинное Божеское Лицо, каким только и мог быть Спаситель мира.

Будто не будет на том свете вечной муки

Ясны и решительны слова Спасителя: *«идите от Мене проклятии во огонь вечный... И идут сии в муку вечную»* (Мф.25:41:46). Это не угроза Божия под условием, хотя много даже условных угроз выполнено со стороны Бога, когда люди сами не выдерживали условий, как, например, смерть Адаму, потоп, казнь евреям и т. п. Нет, это, так сказать, одно пророчество Спасителя. Спаситель приводит слова, в которых Он произнесет Свой суд на грешников, хотя, вместе с тем, Его пророчество не подвергает никого вечной муке «по какой-то необходимости». Итак, не соглашающийся с тем, что будут на том свете огонь и прочие муки, заслуженно, по суду Церкви, подвергается анафеме (Опред. V Вс. Соб.). Он называет эти наказания грешнику чрезмерными, жестокими. Но не дерзость ли считать себя милостивее Бога, Который, при Своем милосердии, не щадит же нераскаянного грешника? Грешник сам себе созидает вечную муку своею неспособностью или неготовностью быть вместе с Богом и со святыми в раю.

Будто совсем нет загробной жизни

«Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Душа умереть и сгнить не может, потому что она не тело. Рассеяться так же не может, потому что она не воздух, а тонкая, простая и невидимая сила. Продолжение ее жизни после смерти тела ничто не препятствует, потому что живут же духи, ангелы. Но и тело человека некогда оживет: *«восстанут, иже во гробех» (Ис.26:19).* Столь несомненна загробная жизнь! Подавить в себе веру в бессмертие страшно и потому, что при отсутствии этой веры человек легко решается на самовольное распоряжение своею жизнью или, вместо прошения к Богу: *«христианския кончины живота...»*, желает себе естественно-то умереть так, чтоб ни на минуту не встретиться со своею совестью, которая стала бы его мучить и могла бы еще расположить к покаянию во грехах, т.е. желает себе смерти в одно мгновение.

Неверие учению, правилам и власти вселенской Церкви

«Аще Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь» (Мф.18:17). Ослушание Церкви, когда оно происходит, собственно, от неверия, по справедливости подлежит такому суду; потому что Церковь вселенская есть *«столп и утверждение истины» (1Тим.3:15)*: она живет истиной и не может заблуждаться. А, таким образом, учреждения ее (например, о поминовении усопших) спасительны; власть ее, благословение или анафематствование, голос на вселенских и, принятых вселенскими, поместных соборах, а также и в каноне церковном вообще, – все это непустые звуки. Лучше же быть названным *«односторонним или недовольно просвещенным человеком»* и веровать, чем при учености своей представлять себя умнее Церкви и, таким образом, быть уже не сыном ее, а судьей.

Открытие своих сомнений в вере другим с намерением породить в душе их те же мысли

«Прииде враг... и вся плевелы посреде пшеницы» (Мф.13:25). Вера живая и простосердечная составляет истинное богатство человека. Поэтому похитить у кого все это богатство или только часть его – тяжкий грех пред Богом и тяжкая обида ближнему. – Апостол Петр, не уверовавши у самого гроба воскресению Господа и только таивший в душе своей «дивление», или сомнение, на сей раз, скорее удостоился видеть Воскресшего (Лк.24:12:34), чем Фома, который выражал пред другими свое сомнение: *«аще не вижу...»* (Ин.20:25:26).

Тайная преданность расколу

Держаться в душе раскола, и, в то же время, показывать себя православным, например, наряду с прочими приходить к исповеди и святому причастию, значит ни во что вменять святыне таинства и сугубо прогневать Бога.

Непоспешение обратиться из раскола

Раскол старообрядства обличается: и внутренним своим разделением, потому что он, не имея единого начала, с первого же раза распался на большое число толков, которые не во мнениях только несогласны между собой, но и разделяются в любви (Ин.20:25); – и отсутствием в нем законного священства, без которого не может быть совершения спасительных таинств и преподавания благодати; – и очевидным лишением его Божия благоволения, потому что Бог еще не проявлял между раскольниками-старообрядцами никаких чудесных знамений, ни мощей, ни чудотворных икон. И так медлить – обратиться из раскола, особенно после того, как его заблуждения выяснены или священником-увещателем, или книгой какой, – непростительная беспечность о спасении души. При этом оправдания: *«родился в расколе, родители не благословили переменять веру, старшие в семье не обращаются»* – пред судом доброй совести не имеют значения.

Сугубый грех в расколе: совращение в него других самозванным учительством и священством

«Иский развратити... от веры.... Се рука Господня на тя»!
(Деян.13:8:11) Совращающий других в раскол, грешит чрезмерно тяжко; потому что он насилует совесть ближнего в столь важном деле, как вера, или исповедание веры – по той причине, что он человек грамотный и начитанный, скорее бы он и сам должен был убедиться в заблуждениях раскола и другим, которые ему доверяют, обязан был бы раскрыть эти заблуждения; затем, он почти всегда действует из видов корысти или честолюбия; дерзая же совершать таинства – святотатствует. С подобною ответственностью пред Богом грешат богатые между раскольниками, которые сманивают в раскол бедных своими деньгами.

Отречение от христианской веры, или богоотступничество

Кто не только словом, но и делом, не только тайно, но и открыто, притом, свободно, без всякого принуждения отрекается от христианской веры и возвращается снова к жидовству или магометанству: тот есть богоотступник и *«о гресех его не обретается жертва»* (Евр.10:26). Святая церковь предаёт его на вечное осуждение, если он не поспешит обратиться к православной вере (Петра Алекс. пр. 4). Таков был Юлиан богоотступник; таковы ныне отступники из крещеных татар. Какая ужасная участь – быть у самой двери к царству небесному, и увидеть потом затворенной пред собой эту дверь!

Грехи суеверия

Непосредственное волшебство, чародейство и гаданье

Последнее допускается: 1) по книге: «Соломон»; 2) по картам и посредством стучащих столов; 3) на воде; 4) на воске, олове, в трубе и чрез зеркало; 5) по полету птиц и пению петуха; 6) по звездам и свисту ветра; 7) чрез прислушивание под окнами и на перекрестках, и 8) чрез цыган.

Волшебство в ветхом завете наказывалось смертью (Лев.20:27); потому что в нем заключается отступление от Бога и вера в тайные злые силы. – Волшебник решительно переходит на сторону врагов-противников Божиих, т.е. бесов, и непосредственно с бесами сообщается. – За чародейство (ворожба с отравой), или колдовство, к которым относится и деревенская порча (заломы), ожидает грешника казнь *«огнем и жупелом»* (Откр.21:8); потому что здесь злоба человеческая предаёт ближнего своего самой бесовской злобе (например, чтоб человеку расслабеть членами тела, даже сойти с ума и т.п.). За разные гаданья правилами соборными назначена шестилетняя епитимия (VI Вс. 61). И – справедливо. Кто гадаёт, т. е. старается узнать будущее или никому неизвестное, не по детской только игре, а сознательно и преднамеренно, тот должен бы спросить себя: *«у кого же это он хочет узнать о будущем и тайном»?* Можно ещё догадкой-предположением предвидеть нечто будущее. Но неожиданные препятствия в будущем кому же известны, кроме Бога, и кто может предотвратить эти препятствия, если не один Бог? Что же это за темное существо, к которому прибегает гадатель или ворожей, и которое будто бы может знать и открыть для него будущее или тайное помимо Господа Бога? Таким образом, гадатель-ворожей крайне унижает и оскорбляет свойство всеведения Божия, никому из тварей не принадлежащее, или только сообщаемое самим же Богом в даре прозорливости некоторым святым людям. – Что же до цыган, то ворожба этих бродяг вводит в один обман и им даёт повод быть обманщиками: в их предсказаниях нет истины и быть не может; у них одна

сметливость, а в ответах (как, вообще, у ворожей)
неопределенность, двусмысленность.

Ворожба по Библии или по Псалтырю, где развернется, а также употребление разных суеверных молитв и заклинаний

«Кое общение свету ко тме?» (2Кор.6:14). Слово Божие и слова из церковных молитв ставить наряду с гадательными книжками или картами – ни с чем несообразно. В слове Божиим, в духе и даже из полных текстов которого составлена большая часть церковных молитв, нет двусмысленных мест, которые бы разъясняли для человека желаемый вопрос. Оно светит человеку (между прочим, и предсказаниями будущего) только для спасения души, а не для разгадки каких-либо иных вопросов. В Номоканоне (при большом требнике) сказано: «..суду подлежит... иже ключи во псалтырь влагают, оттуда ложная вещающе..., иже (употребляют) молитву нежита» (или от лихорадки; сюда же нужно отнести заклинание или заговариванье истекающей крови); «вся сия от бесов действуются» (Номоканон ст. 20).

Обращение к волшебникам и ворожеям

За этот грех назначается также шестилетняя епитимия (VI Вс. 61). Прибегающий к волшебнику может понять свою тяжкую вину, свой опасный шаг – на этот раз против христианской веры – уже из того, что от него требуют снять с груди крест и даже положить крест к подножию своему... Затем, *«сходить только к ворожее и поворожить»* – грех, тоже не извиняемый обстоятельствами. Чтоб, например, скорей отыскалась потерянная вещь или чтоб открылся неизвестный вор, а также, чтоб более успокоиться духом за участь близкого лица, находящегося в отлучке, – в таких случаях есть ближайшая помощь христианину: совершить молебен, подать на проскомидию, просить Божьего содействия и утешения. Обращаться же к ворожее – это часто и даль, и трата, и пустой труд, а главное – грех пред Богом. Но, если ворожея (не подобна волшебнику) будто бы имя же Божие произносит на своей ворожбе и крестное знамение, творит: то этим нечего прельщаться. Номоканон на сей раз отвечает словами свят. Златоуста: *«аще и святыя Троицы имя глаголется..., аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится, бежати подобает и отвращатися»*.

Спиритизм (вызов духов и душ умерших)

Это один из видов волшебства, очень заманчивый и быстро развивающийся ныне в некоторых кружках. Впрочем, он не совершенная новость: еще в ветхом завете под угрозой смерти было запрещено вопрошать мертвых (Втор.18:9–14). Спиритизму (он имеет различные виды) предшествовало волшебное *стологадание*. Но, если бы действовала в нем чудесная сила, то эта сила, как дело Божие, проявляла бы себя достойно величия Божия. А достойно ли Божественного Откровения, когда дух с того света (пусть его речь будет и о добре, например, относительно молитвы) отвечает через дерево или посредством пишущего карандаша? Напротив, здесь очевидно совсем иное откровение – от духа злого; – очевидно из того, что прибегающие к вызову чьей-либо тени, первым долгом, снимают с себя крест (грудный). Последствия от спиритизма еще сильнее говорят за себя. Они вредно отзываются и на теле, и на душе. На теле – долго занимающиеся спиритизмом чувствуют головную боль, тошноту и большой упадок сил. На душе – в силу того, что здесь человек подчиняется влиянию неизвестной силы (загадывает в себе мысль, чтоб на загадку был ответ) – этим самым он отворяет в себе дверь злему духу, или отдает себя во власть злого духа. А злой дух может только губить душу. И вот, немало было примеров, что от стологадания лишались совсем ума или же делались бесноватыми! Итак, спиритизм – обман для легковверных, вреднейшая болезнь и тяжкий грех.

Талисманы (таинственные предохранения от болезней и других злополучий)

У православного христианина есть другие, близкие оберегатели его от злополучий. Это – нагрудный крест его и, вместе с тем, частое ограждение себя крестным знамением; это может быть икона со святых мощей, употребляемая им в дороге; это – молитвенная мысль об ангеле-хранителе. Носить же или хранить такие, например, вымышленные вещи: *«сон Пресвятыя Богородицы, письмо найденное в Иерусалиме или ладанки»*, а также надевать на детей или на животных, для предохранения их от болезней и уроков (от «лихого глаза»), бумажки с какими-либо текстами или привески (например, шнурки и шерсть с медведя, которого водят (Номок. ст.20)): все это значит не что иное, как (говоря текстом соборных правил) надевать на себя «узы душ». За этот грех даже полагается извергать из Церкви (Лаод. соб. 36).

Демонология (домовые, водяные, лесные, ведьмы и проч.)

Несомненно, злые духи существуют, и христианин не может не признавать их существования после множества свидетельств о них в слове Божием и по собственному опыту борьбы с ними, если стремится к бóльшей чистоте жизни. Но «домовых» и проч. нет. Это вымысел и разные олицетворения прежнего русского языческого мира. Верить в домовых и бояться их, значит «в христианстве язычествовать»: «кое же согласие Христови с велиаром?» (2Кор.6:15). Отсюда – грех так же называть кого-либо в гневе ведьмой («старой») или лешим.

Вера всяким снам и соответственное тому расположение своих действий

«Емляйся за *стеня* (хватаящий *тень*, вот кто) *емляй веру сном*» (Сир.34:2). Это потому, что душа человека спящего, действует без сознания своего действительного положения и неправильно, сменяя и смешивая происшествия одного времени, или в одном месте, с происшествиями другого времени и другой местности, так что отсюда выходят самые смешанные представления. Еще хуже, еще больше обмана, когда кто, сам ли собой или чрез знахарей, или чрез книгу «снотолковник», изъяснив особенным образом обыкновенный свой сон, соответственно тому и располагает свою жизнь, свои действия. Иное дело сны знаменательные, (как, например, Иосифу в Египте): они бывают редки. Такие сны говорят сами за себя, и нет нужды сомневаться о них: «аще от Бога суть». Это, например, неизгладимые в душе впечатления после них (Быт.40:7–8), повторение их в последующие ночи (Быт.41:1–5), раздельность, ясность и святость их. Бог, посылающий такие сны, дает и средства, или вразумления, чтоб удостовериться в истине их. Не обращая внимания на всякие сны, как на предвестия какие-то, и не рассказывая их другим, человек может только по ним изучать себя: что есть в нем хорошего или худого; потому что сны, обыкновенно, представляют нам то, чем мы заняты были в продолжении дня.

Чрезмерная вера в предчувствия

Предчувствовать какую-либо чрезвычайную перемену в жизни своей, а особенно – смерть, натурально может человек. Но предчувствия, по большей части, бывают обманчивы; потому что способность их утрачена чрез грехопадение Адама; потому что они происходят часто от изнеженной жизни, или от расстроенного воображения. И так окончательно, на основании их, решать свое или чужое будущее не следует, и тем самым вводить себя в напрасный страх, или же в ложную радость. Это значило бы забыть о Промысле Божиим, Который управляет жизнью нашею и Который, по Своим премудрым и благим намерениям, может и предотвратить от нас самую очевидную беду, как, напротив, совсем не оправдать предчувствуемой нами радости: Езекия по тяжелой болезни своей должен был умереть, и не умер; Аман вперед радовался торжеству своему над Мордохеем, и предчувствие радости не сбылось.

Ворование встречам и другим приметам

«От Господа исправляются стопы мужу», сказано (Притч.20:24). Вместо того, чтоб так-то верить и руководствоваться в жизни своей здравым рассуждением, суеверный человек поставляет свои успехи или же неудачи в делах в зависимость от подобных примет: *«встреча со священником несчастлива; понедельник для начинания дел тяжел; третья горящая на столе свеча опасна, 13 человек за столом – тоже, а нечаянно погашенная свеча, предвещает гостя; новый дом не обходится без умершего»* и т. под. Если подробно всмотреться в дело, то для многих суеверий найдутся простые исторические или живые практические основания, иногда и с происхождением лжи от истины, а для всех, вообще, предрассудков – ясные опровержения в слове Божиим и в здравом смысле. Христианину нужно отрешиться от всяких суеверий, предрассудков и примет, а не то, чтобы иной примете не верить, а другой поверить.

Свечи за упокой живых

Это не евангельская молитва «за *творящих напасть*» (Мф.5:44), а только желание зла ближнему. Таким образом, здесь грех двойной: и зложелательство, и злоупотребление священным обычаем.

Религиозные предрассудки, т.е.: а) в таинствах; б) в обрядах церковных; и в) относительно некоторых праздничных дней

«По преданию человеческому, а не по Христе» (Кол.2:8). Так, много известно неосновательных преданий при крещении, венчании, соборовании, на похоронах, относительно «ильинской пятницы», и т. п. Эти лжеверования оскорбляют благодать Божию, которая преподается в таинствах; отнимают силу у молитвы, для большего возбуждения которой существуют обряды и определены церковные праздники. (Так, например, при венчанье нарочито имеют с собой серебряные деньги, чтоб быть богатым, – как будто благословение Божие сходит на мертвый металл, а не на душу человека; после молебна на закладке дома – а, случалось, и церкви – бросают серебро, которое вот из земли же с трудом и потом вырыто, да в землю же без всякой пользы зарывается). Религиозные предрассудки нередко совсем отвлекают человека от того, чтоб удостоиться Божией благодати и принести в известное время молитву (как, напр., относительно святого приобщения отзыв: *«не плевать... не сдержать...»*). Вообще же, религиозные поверья тем виновнее, что примешиваются к священным предметам и действиям, как к меду горечь, или к делу безделье. (Грешно совсем не верить, или же неправославно верить; грешно и переступить за пределы православного верования; но грешно, также, не иметь обилия веры, принимая веру в смысле богопознания²). Отсюда:

Грехи против богопознания

Беззаботное незнание истин и заповедей православной веры

«Се есть живот вечный, да знают тебе истинного Бога и егоже послал еси Иисус Христа» (Ин.17:3). Так, от истинного богопознания зависит вся будущая судьба человека, и, вместе с тем, счастье его в здешней жизни, которое лучше всего оценивается и вернее достигается этим же самым путем. Следовательно, нет выше и достойнее предмета для мыслящего нашего духа, как наука христианского богословия, как изучение православной веры по свящ. Писанию, по церковной проповеди пастырей и по книгам духовным. И, следовательно, это первейший долг, первейшее любопытство для христианина знать догматы и правила святой веры, предпочитая изучение их всяким другим наукам, всяким знаниям и сведениям человеческим. От нетвердого знания истин православной веры происходит и нетвердость в вере, – сомнения и суеверия, а по отношению к жизни, или к делам, здесь скрывается причина ложных направлений и пороков: «и сия сотворяют, яко не познаша Отца, ни Мене» (Ин.16:3). Сколько же грешат те люди, которые после учебного заведения никогда не возьмут в руки ни нового завета, ни богословской какой книги, ни духовного журнала, ни духовной книги вообще, а убивают досужее время только на чтение светских газет, и которые, таким образом, обо всем с довольным знанием дела могут судить, кроме предметов веры!

Незнание главных молитв, а также Символа веры и десяти заповедей

«Неведение Божие неции имут, ко сраму вам глаголю» (1Кор.15:34). Молитвы «Отче наш» и Богородичная, Символ веры и Десятословие составляют краткое исповедание (кодекс) веры православного христианина. Не изучить их даже и во всю жизнь, действительно, постыдное невежество: знают с малолетства много песен, и не умеют прочесть: *«верую...»!* Нужно бы знать эти молитвы и с толкованием.

Нестарание приобрести себе Библию или только Евангелие, молитвенник, равно как небрежное обращение с этими книгами

Все эти книги в особенности необходимы христианину. Самое присутствие их в доме так же назидательно, как вредно отсутствие их. Один взгляд на них остепеняет человека, пробуждает в душе его добрые мысли и желания. Посему грех (при средствах) не иметь их: у иных целая библиотека книг имеется, а Библии не найдешь во всем доме; у других и при малом состоянии немало же приобретается для дома излишних вещей (зеркала, например), а о приобретении Евангелия нет заботы, приобретение молитвослова-канонника обременяет их! Затем, грех, имея в доме священные книги, не держать их в почетном месте (альбом с портретами на самом видном месте, а Евангелие где-то заложено с книгами, и в пыли); грех небрежно обращаться с свящ. книгами, например, ронять их на пол, рисовать на них картинки, рвать в них листы (VI Всел. 68), вырванные же листы употреблять в хозяйстве на житейские нужды, и т.п. Как здесь жалко непамятование о том, что та книга, которой теперь не читают ни каждый день по главе, ни вообще, когда-либо, которую не хотят приобрести себе или хранить с благоговением, та-то книга, т.е. святое Евангелие, будет на том свете сводом законов, по которому будут судить христианина! (Ин.12:48).

Выход от проповедей или разговор за ними

Проповедь церковная есть продолжение и развитие учения Христова (Еф.4:11–12). Итак, уходящий из церкви, на сей раз грешит, прежде всего, против проповеди, как против дела высокого и святого. Затем, этот человек грешит против собственной душевной пользы, потому что сам себя лишает знания полезных и святых истин. Об иных предметах, весьма важных для каждого христианина, он, может быть, и никогда более не услышит; например, когда в последовательном и подробнейшем объяснении догматов веры (в катехизации) говорится об искупительной жертве Иисуса Христа, о вечных мучениях грешнику и т. п. Другие же предметы и нравоучения ближе всего к нему относятся, а он бежит и не хочет слушать. Грешит частью этот человек против богопознания и душевного назидания и других – чем же? Тем, что препятствует другим слушать проповедь своим, иногда очень нескромным, прохождением через церковь, вообще же, неизбежным стуком при выходе из церкви. Ту же вину несут на себе и те, которые, хоть выстаивают проповедь, но не дают прочим слушать ее, одни своими разговорами, другие – как староста церковный – колокольчиком, третьи – как матери или няньки – плачем младенцев, принесенных для приобщения. Шум тех, и других, и третьих иногда доходит даже до того, что в подобном положении проповедник должен (как некогда поступил и апостол Павел) остановить свое произношение (Деян.22:22). О! забыто здесь, что всем этим показывается пренебрежение или только невнимание не к одному проповеднику, но и к христианской проповеди!

Слушание или чтение проповеди слова Божия с посмеянием, или для одной критики

Улыбаться за проповедью, слушая ее, слушать или читать ее в печати с тем, чтоб злонамеренно возразить против нее или даже подвергнуть нареканию – ответственности за какое-нибудь слово проповедника, который, между тем, искренно и правильно исполняет свое дело, – такое отношение к проповеди слова Божия недостойно ее, и есть грех. Так отнеслись к проповедям Господа Иисуса Христа многие из евреев, и что же? Они сами себя отвлекли от спасения: «ругахуся Ему» (смеялись над Ним) (Мф.9:24); «ищуще уловити нечто от уст Его» (Лк.11:54). Нет; не вредить (потому что это великий грех), а сочувствовать и, по возможности, содействовать нужно проповеди слова Божия, как распространению света Божия (Ин.12:35).

Пренебрежение чтением Четь-минеи и название чудесных сказаний в них ложным преданием

Четь-минеи (жития святых) помогают и богопознанию, именно теми листами, где в них приводится сильная речь святых Божиих, например, мучеников, в защиту божественных истин, которые святые познали не умом только, а более сердцем и опытом. – Тем более четь-минеи научают жизни. В них видим мы добродетели, которые заповедуют всем нам евангелие, оправданными или олицетворенными в жизни угодников. В них и вера в Бога, и любовь к Богу оживлены, ясны, в полной гармонии между собой. Посему читать их вообще, а в последнем случае – в особенности, весьма умное и полезное дело. Высокий пример всегда более воодушевляет и располагает к подражанию, чем слово: читаешь жизнь иного святого или святой, и не можешь не полюбить их всей душой, а с этим вместе – располагаешься искренно к добродетелям их. Притом, кто желает спастись, тому как же не стараться – узнать: как спасались другие? – Но ложных преданий в четь-минеях нет: потому что четь-минеи составлены на основании исторических сказаний и несравненно с большою разборчивостью, чем какая могла бы быть при описании гражданских событий: *«да не будет ми лгати на святаго»*, говорит первый из жизнеописателей святых, святой Димитрий Ростовский. Чудесные рассказы в четь-минеях нисколько не причина называть их ложным преданием («легендами»); потому что явления духовной жизни скорее могут быть поняты людьми духовными же по своему направленно и делам. Жизнь тех святых, о которых говорится в самой библии, также была исполнена чудес: однако против нее не возражают пренебрегающие четь-минеями. Зачем же отвергать чудесную сторону четь-минеи?

Незнание жизни своего святого и не подражание его житию

Церковь поручает христианина особенному покровительству того святого, именем которого нарекает его при крещении. Вместе с тем, это наречение напоминает о некотором особенном обязательстве со стороны нарекаемого, как и вообще имя знаменательно (Ис.65:15). Отсюда обязанность каждого христианина – знать жизнь своего святого преимущественно пред другими святыми. Знать ее можно в главных только, или и в частных чертах, например, по четь-минеи, прологу или по особенному историческому сказанию. Знать ее нужно сколько из уважения к тезоименитому святому, столько же для того, чтоб по возможности подражать сему святому, и через подражание тем более остаться верным Христу.

Чтение книг или рукописей, написанных против святого Православия, и дружество с людьми неверующими и вольномыслящими

«Еретика... отрицайся» (1Кор.2:14); «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» (Пс.1:1–2). Читать книги или рукописи, которые прямо написаны с целью поколебать православие (например, сочинения Ренана) или только заключают в себе погрешности против святого православия, – читать такие сочинения могут одни христианские и церковные учителя, и то с тем лишь намерением, чтоб успешнее поражать врагов истины собственным оружием последних. Но всем прочим, и особенно людям, которые не изучали последовательно истин веры (богословия), чтение таких книг или рукописей опасно для целостности их веры, и поставляется в грех. А также, не следует дружить или без особенной дружбы часто спорить о вере с иноверцами и вольнодумцами, хоть бы (как иной говорит) этим дружеством и спорами (равно, как и чтением еретических или раскольнических книг) нисколько не тревожилась его совесть. Нет, – дружба с вольнодумцем похитит и остатки веры, в ком мало было религиозных убеждений; а речь иноверца, который ненавидит русскую православную веру, не может не беспокоить духа даже в искренне верующем.

Грехи против трезвенности ума и духа пред Богом

Рассеянная молитва

«Егда молишия, вниди в клеть твою (внутри себя) и затворив двери твоя...» (закрой сердце от посторонних мыслей) (Мф.6:6). Останавливаться вниманием на помыслах, которые приходят в часы молитвы, тем более обдумывать в это время целый план какого-либо дела, а также, стоя на молитве, оглядываться по сторонам, прерывать молитву для каких-либо ответов, и особенно так в домашней молитве, когда человек от своего лица лишь приносит молитву, – все это как же не согласно с идеей (понятием) о молитве! «Молитва (как известно) есть возношение ума и сердца к Богу, или беседа с Богом». Скажут: «что же делать, если посторонние мысли приходят на молитве»? – Не нужно лелеять их и развивать; нужно поскорей возвращаться к предмету – содержанию молитвы, т. е. принуждать себя к сосредоточенной молитве; нужно каждый раз сознавать свою вину, если молитва бывает рассеянная; нужно готовить себя к молитве, особенно продолжительной; нужно молить Бога о самой молитве (Рим.8:26). Не худые, а и добрые, или к доброму делу, возникают на молитве мысли! Так! Но все же, это неуместные мысли. А главное: за бесстрастными или порядочными помыслами (если не удерживаться от них) будут приходиться и страстные, или худые, помыслы.

Молитва только наружная и не старание приобрести умную молитву, не заботливость о молитве Иисусовой

«Приближаются Мне усты своими... Все же чтут Мя» (Мф.15:8:9). Да; тем более не истинная и несовершенная молитва, если нисколько на ней не обращают ума своего к Богу, если выполняют ее по одной лишь привычке или по одному расположению ко внешней обстановке ее (а также, для успокоения только своей совести). Хоть и нельзя еще назвать или несправедливо будет в отношении к каждому, кто молится так, почесть эту молитву лицемерною (лицемерие иное дело): но, во всяком случае, эта молитва «все» – напрасная и требует исправления или пополнения духом молитвенным. – Нужно еще стараться приобрести, так называемую, «умную молитву». Пример умной молитвы видим в Анне, матери Самуила (1Цар.1:9–16). Умная молитва полезна нам, чтобы приобрести навык вообще к молитвенному настроению духа. А часто она бывает и совершенно необходима нам. Например, как молиться с крестным знамением и пред иконой в зимнем пути, на железной дороге? и ужели же в продолжение целых суток или еще более оставить христианский долг молитвы? – Наконец, прекрасное упражнение в богомыслии, крепкая поддержка трезвенности духа пред Богом – «молитва Иисусова». Эта простая и краткая молитва, однако, не простое человеческое произведение, или сочинение. Нет, молитва: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас (или мя)»* вытекает из евангельских наставлений самого Господа Иисуса Христа ((Ин.14:13–14;16:23–24); она открыта святым ангелом Пахомию великому (Прим. в конце молитв. канон.); она составляет лучшее упражнение в умной молитве и лучший учитель внимательной молитвы; она удобна для непрестанной молитвы (1Фес.5:17). Итак, надобно позаботиться о ней. Тем более невежественно и грешно пренебрегать ею, как бы молитвою одних простолюдинов, стариков и старух, которые,

действительно, по безграмотству своему не знают, и по незаботливости своей не изучили никаких других молитв.

Неисполнение утренних и вечерних молитв по лени или небрежению

Между тем, пример этих молитв оставил нам сам Господь наш Иисус Христос, будучи духовен и совершен в высочайшей степени. Сказано: *«утро встав... молитву деяше»* (Мк.1:35); *«иде на гору помолитися... вечеру бывшу»* (Мк.6:46–47). Стало быть, утренние и вечерние молитвы совершенно необходимы для христианина и составляют неременный его долг. Но есть люди, которые, хоть не отвергают этого долга, однако же ограничивают выполнение его по утру и вечером только тем, что перекрестятся раз-два, не поставляя себя в молитвенное положение, или же, став пред иконой, сделают наскоро всего пять-десять поклонов. – Какое же тут исполнение долга религиозности? В столь немногие минуты, и так-то каждый раз, возможно ли и войти духом в молитву?

Прежде молитвы утром мысли и разговоры о житейском

Первые мысли или размышления человека после утреннего сна, как бы после выхода из небытия в бытие, должны быть обращены к Богу. И таким обращением, без сомнения, лучше и ближе всего могут быть утренние молитвы или, кроме этого, чтение главы из Библии. Равным образом, первое движение языка, первейшая речь в утреннюю пору должны быть употреблены ни на что другое, как на начальные слова утренних молитв: «во имя Отца и Сына и св. Духа». Адам, когда Бог вдунул в лице его «дыхание жизни», без сомнения, имел первую мысль о Боге, и первое свое слово проговорил, прославляя Творца своего. Когда христианин подобное же обращение к Богу (т. е. мыслью и словом) тотчас после утреннего сна поставит для себя правилом, от которого будет отступать разве в особенных случаях: тогда он выразит этим полную свою зависимость от верховного Существа и готовность свою служить «Тому единому». Какое же это, в самом деле, будет прекрасное правило для каждого христианина! Как оно умно будет подчинять человека Богу! Как хорошо будет наделять утреннюю молитвою! Но прежде утреннего молитвословия успеть надуматься серьезно о том и другом, успеть наговориться с другими и сделать многое сверх неизбежного обихода, – это очевидная уклончивость от первейшего дела в каждом дне. Кроме того, расспросы или рассказы, или распоряжения о чем-либо житейском еще на самой постели, вообще до утренних молитв, часто вводят в гнев-перебранки по семейству, по хозяйству, и, таким образом, совсем расстраивают дух прежде, чем будет выполнен долг утренней молитвы.

Пренебрежение молитвою пред столом и после стола

Молиться в это время дана прямая заповедь в слове Божиим: *«и ясти будеши, и насытишися, и благословиши Господа Бога твоего»* (Втор.8:10). Этот древний завет веры и освящен примером Господа нашего, Иисуса Христа. Со стороны самого дела, прийти и просто садиться за стол, как бы за игру какую, а не почтить молитвою пред обедом Подателя «пищи алчущим» (Пс.145:7), значит так же бросаться на пищу и питье, как бросаются на них бессловесные, которые не умеют, по неразумной своей природе, выразить почтение Творцу. Недостаточно и только раз-два бегло перекреститься перед столом; потому что в таком случае не только не успеть прочесть молитвы: «Отче наш...» или «Очи всех на Тя уповают...», но и сказать: «Господи, благослови питье и ястие»! – Затем, не воздать после стола благодарной молитвы Богу – как же несвойственно для нас, особенно в виду того, что тут же со всею тщательностью стараемся мы отблагодарить лиц человеческих, от которых приняли стол или угощение! К хозяйке и хозяину дома – как в большом, гостинном столе – наперерыв бегут, чтоб поклониться им, поблагодарить их за хлеб-соль, а благодарности Господу Богу не хотят воздать! Если последнее назовут одною обрядностью, наружностью: то и первое разве не наружность? Но просить пред столом и благодарить после стола Господа Бога (став пред иконою) надобно не по наружности только, а искренно и с участием в этой краткой молитве мысли.

Неисполнение молитвы пред началом и после окончания каждого труда и работы

Молитвою, хоть краткою (пусть она будет состоять в одном крестном знамении, еще менее – во взгляде на святую икону или во вздохе к Богу), – молитвою прилично начинать и заканчивать каждый серьезный труд; потому что сказано: *«Мене же не вопросиша, еже помощь имети»* (Ис.30:2); *«аще ли ино что (кроме вкушения пищи) творите, вся во славу Божию творите, благодаряще Бога и Отца»* (1Кор.10:31). Так как молитвою привлекается от Бога благословение на дело, то не молиться при трудах – значит не дорожить Божиим благословением. Верующий и богобоязненный христианин крестится также и в то время, как выходит из своего дома.

Богохульные помыслы, преимущественно на молитве

Дурные помыслы о святых и святыне, унижительные сравнения святого с грешным, – вот в чем состоит тайное богохульство, или в одном уме! Такие помыслы приходят преимущественно на молитве. Что сказать о вменяемости их? Они вменяются в грех только в таком случае, и притом – частью, а не вполне, когда человек не пренебрегает ими, т.е. останавливает на них свое внимание, хотя, положим, и не желает их, так же, когда стыдится открыть их на исповеди (и так иногда целые пять-десять лет). Они, собственно – ветер от дьявола, который ими нападает на человека по своей зависти. Дьяволу и вменяются в вину все эти богохульные помыслы и представления: истинный христианин или христианка, очевидно, не соглашаются с ними и только смущаются от них, не зная еще до времени, – откуда они и зачем. Итак, все, страдающие помыслами и представлениями этого рода, не должны сильно печаливаться от них, говоря в душе нападающему врагу: *«иди за мною, сатана»* (Лк.4:8). Врагу радость, если на его неуместные и скверные картины (например, при взгляде на святые иконы или церковные свечи) обращается внимание, если от этих картин тревожится дух, даже оставляется долг исповеди и св. причащения.

Занятие ума одним земным

Помышления об одном земном отчасти не согласны с назначением христианина, да и прямо запрещаются в слове Божиим: *«горняя мудрствуйте, а не земная»* (Кол.3:2). В этих словах слышится не один совет, которому следовать или не следовать предоставляется воле человека, но положительная заповедь. И заповедь эта не есть какое-либо излишнее, или непомерное требование, а совершенно необходима. Обыкновенно, кто о чем больше думает, тот это самое и начинает любить. Так и для человека, которого мысли непрерывно заняты одними земными делами и никогда не занимают их ничто душеспасительное, – для такого человека Бог и будущая жизнь как бы не существуют. Он сам себя поставляет в такое состояние, что начинает скучать предметами религиозными и даже чувствует к этим предметам какую-то тайную нерасположенность.

Забвение о вседеприсутствии Божиим

«Предзрех Господа предо мною выну» (Пс.15:8). Вседеприсутствие Божие так же нас везде встречает и окружает (Пс.138:7–10), как воздух, которым мы дышим и в котором движемся, хотя и не в силах определить с точностью образа вседеприсутствия. Посему, в чувстве благоговения всегда должны мы помнить, что Господь Бог находится на каждом месте, все Он видит и слышит. А иначе это будет такая же неизвинительная забывчивость, как кто стал бы небрежно и говорить, и двигаться в присутствии самого царя, или пред лицом высокой какой особы. Да, если представлением себе вседеприсутствия Божия каждый легко может удерживать себя от грехов, как показывает пример Иосифа в доме Пентефрия (Быт.39:9); то в забвении о вседеприсутствии Божиим заключается вина такого рода, что человек не хочет пользоваться столь легкой и ближайшею мерою к удержанию себя от зла.

Забвение о своем ангеле-хранителе

Ангел-хранитель – дар Божий христианину от купели (Посл. крещ. мол. 4) и до могилы. Но даже и после смерти христианина он сопровождает душу, которую здесь охранял, когда душа проходит степени суда Божия. От самого человека уже зависит, чтоб ангел-хранитель ходил с ним днем, осиял его своею опекою в продолжение ночи: вера и богобоязненность человека привлекают к нему ангела-хранителя, как, напротив, безверие или маловерие и греховная жизнь, не прерываемая ни искренним покаянием, ни борьбою со страстями – удаляют. Ангел-хранитель дается от Бога не один на многих, но каждому особо. После всего того, очевидно, грех совсем забывать о нем, не молиться ему и не сознавать его благодетельного влияния на свою судьбу, например, в тех случаях, когда проходят мимо нас самые очевидные опасности для здоровья и жизни. Грех, особенно, не вспоминать о своем ангеле-хранителе в Михайлов день, как в главный годичный праздник в честь всех бесплотных Сил, – не освятить этого дня, если не непременно бытностью в церкви, то живейшим представлением себе личности ангела-хранителя.

Заповедь 2: «Не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горé, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им»

Почитай Бога сердцем

Вторая заповедь запрещает ложное богочитание, а требует, чтоб человек, кроме ума, служил Богу всем сердцем своим и всею крепостию своею. Отсюда нарушения ее составляют:

Грехи против святых икон

Поклонение гробам неведомых с признанием их за СВЯТЫНЮ

В этом случае честь святых Божиих воздается неизвестным лицам, может быть, даже грешным, – грех, осуждаемый правилами соборов (Карф. 94 и 95). Седьмой вселенский собор на сей раз поставляет в вину только то непочтение, когда известно, что мощи «подлинные и истинные». Могила же неизвестная, хоть и оглашаемая «мощами», до подлинных удостоверений и до свидетельства голоса Церкви должна оставаться просто.

Хождение к простым местам, как святым, – на источники, к колодезям, в рощи, дубравы, к кумирам, или тайное исполнение обрядов прежней веры

«На версех гор кадыху... под дубом, и под елию» (Ос. 4:12–13). Допускать все подобное, равно как, отдавая почтение некоторым деревьям, привешивать на эти деревья платки, чтоб получить от них какую-либо помощь, – значит блуждать от Бога и подвергать себя страшному осуждению. Да, по правилам одного из вселенских соборов тем людям, которые тайно выполняют обряды прежней веры, отказывается и в крещении их детей, если они не покаются (VII Всел. 8).

Обоготворение икон

Когда евреи стали поклоняться вместо Бога медному змию в пустыне, который изображал Христа распятого, а должны были они только с верою смотреть на это изображение: тогда немедленно же был сокрушен медный змий. Отсюда виден грех тех христиан, которые, стоя пред иконой и молясь, не возносят своей мысли и сердца дальше иконы, думают, что это и есть Бог, Богородица, святой угодник, которые называют святыне иконы «богами, божеством».

Невнимание к правильности и красоте икон

Если мы и портреты любимых и почитаемых нами лиц желаем иметь в более правильном виде и отвращаемся от таких изображений на этот раз, которые несходственны с живыми лицами, или безобразны: то тем более уместны подобные требования к святым иконам. Иконы составляют для нас не одно воспоминание или украшение церкви, в доме, на книге, но и предмет почитательного поклонения. Посему несомненно согрешают как художники пишущие, так и купцы продающие, так еще начальства, позволяющие продавать неправильные и некрасивые иконы, которые написаны все на один образец при разности лиц, без всякого соображения с историческим преданием о святом угоднике: каких он был лет и какой наружности; отсюда, то отсутствие в этих иконах какого-либо сходства с изображаемыми на них лицами. Не должны быть также иконы, которые от небрежности и неумения живописца даже лишены правильного рисунка, или же написанные слишком живо, в чисто итальянском вкусе, совсем не по духовному.

Занятие иконной и живописной работой в порочном состоянии духа и тела

Древние иконописцы, например, святой Алипий, готовились к своей работе постом и молитвой, рисовали с благоговением и призыванием помощи от угодника, лик которого писали. Грешат те живописцы, – всякий мастер и мастерица, которые, изображая святых красками, литьем или чеканьем из серебра и золота, шитьем по бархату, забывают при этом высокое назначение своего труда и безнравственно держат себя на работе; например, курят табак, допускают ссору, произносят брань, даже и скверную, разжигаются похотью.

Оставление комнат без икон, по холодности к Богу и святым, или только по моде

Икона, особенно обилие икон, возбуждают к молитве и помогают удерживаться от рассеянности во время молитвы. Следовательно, кто оставляет свои комнаты без икон, тот не дорожит молитвой, равно как лишает других, которые бывают у него в доме или квартире возможности помолиться, например, при входе к нему и выходе от него. Затем, забота и усердие приобрести себе икону, особенно не одну, а многие, – показывает любовь к святым Божиим. Следовательно, кто не имеет у себя икон, тот холоден к святым угодникам. Все это для православного христианина постыдно и грешно, особенно в виду того, что в том же доме, т.е. где не скоро можно встретить лик Спасителя или кого из святых, *«да знаменается свет лица»* (Пс.4:7) их на приходящем или живущем, – там много висит по стенам дорогих картин. – Не показывать же у себя святых икон, собственно, из подражания моде или намеренно поставлять в своей комнате только малую икону, которая бы не бросалась приходящим в глаза, какое это малодушное стеснение себя в деле религиозном! Мода не спасет и люди переменяются: а святая икона утешит и в горе, и, как богоустановленное почитание, останется всегда.

Употребление иконы (не чудотворной), совсем утратившей свой лик

Кто желает помолиться, а тем более каждый день молится пред известной иконой, тому необходимо знать, какой святой изображен на этой иконе, чтоб мог он с сознанием совершать свою молитву. Но, если икона слишком потемнела от давности времени или вследствие небрежного хранения ее, если на ней почти совсем сгладился лик: в таком случае, она остается для молящегося одной доской (Деян.17:29), которую следует сжечь или спрятать до возобновления на ней лика. И родительское благословение этою иконою не имеет здесь оправдания. Нет; употреблять обветшалые иконы – значит бессознательно и небрежно относиться к чествованию Господа и святых в их изображениях.

Постановление рядом со святыми иконами изображений людей не прославленных

Нельзя обращаться с молитвою даже и к несомненно святым людям прежде того времени, как сам Господь прославит их нетлением мощей или чудесными какими знамениями. Разве можно только на сей раз говорить: «*молитвами раба твоего... помилуй меня, Господи*»! Таким образом, и изображения этих лиц, до прославления их Богом и до решения св. Церковью вопроса о том, чтоб причислить их к святым, не суть святые иконы, а только портреты. Тем более неправильно и неразумно вешать, прибивать на стене вблизи святых икон, без всякого промежутка или расстояния, картину царя, высокой какой духовной особы.

Опущение долга возжигать масло и свечи пред иконами

Почитать святые иконы возжжением пред ними свеч или масла и каждением ладана показал сам Бог в свят. Писании (Исх.30:7–8) и утвердили вселенские соборы (VI Всел., 73). Следовательно, не воздавать иконам такого почтения (когда есть средства на то), ни при каждодневной утренней и вечерней молитве; ни в праздники, составляет грех опущения. Но, с другой стороны, не следует много полагаться на выполнение денно-нощной лампадки пред иконами, – заменять этим свою личную и сердечную молитву к Богу: при горении лампадки, занимаясь обыкновенными делами, нужно бы воспламеняться по временам молитвенным духом. А также, не следует стесняться пойти в церковь или отгответь в пост, если не на что поставить в церкви свечу.

Небрежное отношение к святым иконам и к кресту Господню

Сказано: «*отлучитесь (очистите себя), носящие сосуды Господни*» (Ис.52:11). Так, например, грехом почитается: не устроить киота для иконы, особенно, когда икона без киота чернеет и портится; полагать вместе с иконами (на божнице) солонку, карты, а на столе – сальную свечу, табак, рюмку с вином; заимствовать огонь для курения табаку (закуривать) от горящей у иконы лампадки, а также, прямо, без посредства лучины или бумажки, зажигать от лампадки или восковой свечи сальную свечу; брать в руки святыя иконы, как ни попало, во время переноса их куда-либо или при уборке – чистке комнат; не обметать, или не обтирать от пыли икон; прикладываться ко кресту в хмельном виде или в телесной нечистоте: – делать изображение креста на дверях к нечистому помещению; – чертить крест на земле, где он затем попирается ногами (VI Всел.73). Все это грех, а не такие маловажные случаи или примеры, на которые будто бы не следует обращать внимание: тут, значит, душа не благоговеет к святым угодникам и ко кресту Господню.

Хождение без креста на груди

Крест возлагается на христианина сразу после крещения. Он внушает, что только крестною смертью Иисуса Христа спасен каждый человек. Он напоминает заповедь Спасителя: *«уже хочет по Мне ити»* (Мф.16:24). Он отличает христианина от некрещеного – охраняет от нападений дьявола – полагается с нами и во гроб. Итак, кто пренебрегает ношением его на груди, или только в случае утраты и ветхости не заботится заменить его новым, тот показывает себя маловерующим и невнимательным христианином. С другой стороны, не следует носить одновременно или на одной нити-цепи несколько крестов или привязывать тут же что-либо из вещей житейских.

Небрежное изображение на себе крестного знамения и осмеяние правильного креста в других

Неопределенно махать рукой по лицу или кружить перстами по груди, вместо того, чтоб положить крест сначала на голову, потом на грудь и плечи; не делать при этом и надлежащего поклона, а только кивать головой; затем, креститься без крайней нужды, в перчатках или, по небрежности, всеми пальцами разом; – все это отнимает у крестного знамения смысл и достойную честь, а у молитвы – силу. Нет, хоть крестное знамение делается скоро, в одну секунду: но оно выражает самую умную мысль. Полагая крест на голову, приносим в жертву Богу ум, мысли свои; полагая его на грудь, к сердцу, жертвоприносим Господу Богу свое сердце; полагая на плечи, где сосредоточение телесной силы, – желаем служить Творцу всеми силами тела. Словом, тут должна бы быть у нас в памяти служба-любовь к Богу и *«умом, и сердцем, и всею крепостью»* (Мк.12:30). Махание или вертение рукой при крестном знамении, таким образом, искажает крест, а по словам св. Златоуста (во время которого уже замечалась эта небрежность), здесь только радость бесам. Но кто, крестясь так-то, еще осмеивает в других правильное изображение креста («большими крестами молится, или хочет спастись»); тот поступает и еще хуже. Пусть иной не от усердия делает большой, т. е., вполне истый (истовой) крест: но можно лишь судить неусердие, а не осмеивать самое крестное знамение.

Моление крестом двуперстным и осуждение не молящихся двуперстно

По преданию от свят. Апостолов и по некоторым церковным памятникам крестное знамение христианина должно быть «троеперстным». Двуперстное же явилось в России со времени раскола, заимствовано от армян и осуждено, как не истинное, на соборе в 1667 году. Итак, тому человеку, который знает все это из рассказов или толкований православного священника, особенно грешно молиться двуперстно, и при этом – осуждать или чуждаться других, которые не молятся двуперстием.

Грехи против почитания святынь

Неблагоговейное прикосновение к мощам, к чудотворным иконам, и опущение случая приложиться к ним

В ветхом завете некоторые люди дерзнули раскрыть ковчег завета, чтоб посмотреть на его внутренность, и – целыми тысячами погибли от внезапной смерти (1Цар.6:19). Без теплой веры или же небрежно прикасаться к мощам и другим останкам от святых, а также к чудотворным иконам, значит оскорблять благодать Святого Духа, которая очевидно пребывает и по смерти угодников с телами их, или с изображениями (1Кор.6:19). Затем, так как Господь Бог дает нам эти святыни для оживления нашего ленивого духа к добру и для освящения души и тела, то мы погрешаем, если не хотим приложиться к ним, имея на то время и случай.

Непочтение к Богоявленской воде, к антидору, артосу и просфоре, принятием их после пищи или хранение их, равно как и благословенных хлебов, до порчи

Богоявленская вода имеет такую священную важность, что тем, которые по недостойнству своему не допускаются к святому причастию, – тем в этом лишении положено освящаться питьем ее (Чин посл. в свящ. требн.). Об антидоре сказано: *«аще кто и мало ядяше или пияше (например, чаю), да не приимет»* (Чин лит. св. Злат.); притом, антидор весь должен быть съеден в церкви, а не уносим домой (Кормч.); нужно принимать его с благоговением, как даяние вместо даров Христовых, как остатки хлеба, употребленного для тела Христова, а не с такой торопливостью, чтоб крупички его падали с блюда на пол, под ноги. Подобно тому, артос, благословленные хлебы и служебные просфоры уставом церковным внушается есть, если не до малейшего утоления голода, например, стаканом чаю, то, во всяком разе, *«прежде обычного ядения»* (служ. свящ.), т. е. прежде полного обеда или ужина. (Нужда же какая-нибудь – например, в дороге – иное дело; потому что в нужде и хлебы предложения некогда были употреблены в пищу (Мк.2:26). Но уже излишнее или неразумное уважение воздается этим святыням, когда кто, вместо того, чтоб в первый же или во второй день потребить артос, просфору, хранить их даже до того, что засушивает их, допускает насекомым точить их, перекладывает их из ящика в ящик, из холстины в холстину. Даже и от мощей просфору, которая, действительно, приносит христианину отрадное воспоминание, нет нужды хранить; потому что в каждом месте где есть церковь, можно получить вновь литургийную просфору, потому что бескровная жертва везде имеет одинаковую силу, а, следовательно, и просфора после нее – одинаковое значение. Впрочем, речь наша боле, против порчи просфоры, артоса или благословенного хлеба. А, если нет этого, между тем, не пришло почему-либо время употребить их: в таком случае, и нет

вины в многодневном хранении их. Но нужно хранить обеденную просфору в приличном месте, а не полагать ее на тот стол, где, например, рюмки с вином или мясные блюда.

Неблагоговение к святыне храма Божия

Оно выражается, например, так: 1) с сознанием приходят в церковь в нечистоте естественной («регулы»), еще горше – в скверне произвольной, или греховной; 2) без нужды заходят (миряне) в алтарь, разговаривают там (и немиряне) о делах житейских и с гневом; 3) обращают для себя церковь в место развлечения, приходя в нее, единственно, для того, чтоб послушать певчих или громогласное чтение евангелия, – и так, может быть, каждый раз; 4) при свадьбе же делают церковь и местом зрелища, обратившись, и стоя спиной к алтарю во все время венчания; 5) пользуются церковью, как только удобным местом для свидания с кем-либо по делам житейским, а иные (страшно сказать!) и с целью постыднейшею...; 6) вносят в церковь и даже употребляют там предметы прихоти, например, табак; и 7) проходит или проезжают мимо алтаря с сквернословием, с песнями и криком, между тем, как богобоязненный христианин, поравнявшись с алтарем, открывает голову и творит крестное знамение. – В слове Божиим сказано: *«устроиши сердце твое на вход храма»* (Иез.44:5); *«оскверни Иуда святая Господня»* (Мал.2:11); *«ко алтарю да не приступают»* (Числ.18:3); *«храм мой, храм молитвы наречется: вы же сотвористе и вертеп разбойником»* (Мф.21:13).

Предосудительные дела на христианском кладбище

Это, например: а) прогулка на кладбище с песнями; б) пирование на нем; в) курение табаку на могилах, и г) осквернение праха родных плотским грехом... Подобные дела противны уважению, какое требуется воздавать умершим; показывают в человеке бесстрашие к собственному смертному часу, – только бесстрашие не в духе веры, а вольное и бесстыдное.

Неблагоговение на крестном ходе

Крестный ход есть ни что иное, как движущаяся церковь, и – церковь более многочисленная, чем в стенах храма. Поэтому христианин должен вести себя во время крестного хода с таким же благоговением, как и в церкви. Грешат те, которые приходят на крестный ход не более, как на прогулку, и, чтоб посмотреть на людей. Они смеются и разговаривают на крестном ходе, или заняты тем лишь, сколько тут собралось народа, как несутся по воздуху хоругви, кто и во что одет, словом, совсем не думают об участии в общей, всенародной молитве: между тем, молитва составляет здесь самое главное (2Макк.23:18). Но, если крестное хождение бывает продолжительным (когда, например, переносится чудотворная или особенно почитаемая икона из села в село, из города в другой город или в пустынное место); в таком случае, с особенною трезвенностью духа требуется держать себя на крестном ходе и как в подвиге духовном. Но, как далека и мысль о подвиге, о святом угоднике, которого икона несутся, если, с одной стороны, временно устраивают, а с другой – заходят по пути в такие палатки, которые не утоляют только голод и жажду путника, но и соблазняют его к невоздержанию и неуместному развлечению!

Незаботливость о постройке нового храма (при крайней нужде в нем) или о поддержке и украшении старого

«Созиждите храм, и благоволю в нем», говорил Бог Иудеям (Аг.1:8). Но за то, что где-либо храм не строится или же «запусте» (Аг.1:4) (не поддерживается), или только не особенно украшается, между тем, как мирские дома цветут, – «сего ради (так было сказано тем же иудеям) земля оскудит изношения своя» (Аг.1:10). Господь наш не отказал же сборщикам на содержание храма, и даже заплатил храмовую подать за двоих (статир вместо требуемой дидрахмы) (Мф.17:27). Храм на множество домов – один дом и составляет общее достояние для всех и каждого в приходе: не долг ли каждого прихожанина принести на него свою лепту? В храме совершается бескровная жертва Христова, и этою жертвою освящается весь тот край, где стоит храм: как же не дорожить Божиим храмом? Как не стараться построить его, если нет его? Как не любить, украшать его, ради совершения в нем бескровной жертвы? Как допустить, чтоб он представлял из себя развалины? Усердные евреи и снимали с себя одежды, встречая Иисуса Христа (Мф.21:8).

Многолетняя небытность у исповеди и Святого Причастия

К тем, которые медлят своим покаянием во грехах (а долго не быть у исповеди и значит медлить), относится замечание: *«аще не покается, еси такожде погибнете»* (Лк.13:3). Еще сильнее угроза произнесена на уклоняющихся от св. причастия: *«аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе»* (Ин.6:53).

Неусердие приступать к Святому Причастию чаще, или более одного раза в год

Что православному христианину нужно исповедоваться и приобщаться св. таин чаще, а не однажды только в год, для этого мы имеем, главным образом, следующие основания: прямую заповедь Спасителя – «*примите, ядите...*» – особую заповедь Церкви, внушающую приобщаться во все четыре поста года, и даже предлагающую ревностным христианам приобщение каждый месяц; – ревность первых христиан, которые «*бяху терпяще в преломлении хлеба*» (Деян.2:42), и затем – пример всех святых людей последующего времени, так же часто приобщавшихся; наконец, невозможность кому бы то ни было достигать совершенства в духовной жизни без частого освящения себя таинством евхаристии. Итак, из грехов опущений самый важный – когда кто не более одного раза в год исповедуется, между тем, как была бы ему возможность чаще приступать.

Говенье только по внешнему какому требованию со стороны закона или старших лиц, по принятому обычаю, при вступлении в брак, по нужде болезни, из опасения препятствий к погребению в случае смерти

На сей раз вменяются в вину, прежде всего, притворство и холодность чувств, с которыми приступает человек к исповеди и св. Причастию. Затем: можно ли одобрить, если для достижения обыкновенных и внешних целей употребляются средством столь высокие таинства? Но и в том случае, когда кто, напутствуясь сими таинствами по особенной нужде, например, по болезни, решается этим заменить говенье, которое он должен бы наряду с другими выполнить в пост и с положенным по уставу приготовлением, – и в этом случае нет полной искренности, полного свободного произволения исполнить христианский долг. Сказано: *«не аки по нужди благое твое будете, но по воли»* (Флм.1:14). А тут, как бы, ожидалась только внешняя нужда («в церковные – исповедные книги не запишут, заболел, без говенья не обвенчают, без напутствования не похоронят»), – нужда, чтоб прийти к исповеди и св. причастию.

Малоприготовленное или совсем недостойное приобщение святых Таин

«Да искушает (испытывает) человек себе и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет...» (1Кор.11:28). Для самоиспытания-то пред святым приобщением и полагается православному христианину, между прочим, говеть неделю, в крайнем же случае – полнедели. Но прийти прямо к причастному правилу или ограничивать, без всякой уважительной причины, говенье (притом, только однократное в год) всего одним днем, это показывает человека, который явно не благоговеет к святым, страшным тайнам Христовым: это и не в характере православия (так принято говеть только у римских католиков). – *«Ядый же и пийй недостойны, суд себе ясть и пьет» (1Кор.11:29).* Еще тяжелее вина: приступить к святым тайнам очевидно недостойному, т. е. в таких смертных грехах, за которые по правилам церковным запрещается приступать. Что священническая власть не запретила приступить, это не оправдывает человека недостойного. Он или не принес ясной, полной исповеди пред священником и, таким образом, священник не имел возможности правильнее отнестись к его нравственному состоянию, – разрешить ему приступить, или же он усиленно испросил себе это разрешение; уверял исправлением своей жизни, – только без сердечного намерения исправиться. О, тяжкий грех – недостойное приобщение!

Дерзновение приступить к Святым Тайнам, когда духовник запретил

Здесь заключаются такие вины: недоверие к решению духовника, богопоставленного судии совестей; явное ослушание пред духовником; иногда, вместе с тем – тайность дела, т.е., если признанный недостойным приступить приступает за глазами духовника, в другой церкви; а главное всего, небрежение себя от великой ответственности пред Богом за недостойное приобщение. Грех такого дерзновения не извиняется ни старанием избежать стыда со стороны людей, ни строгостью духовника, ни сердечным, будто бы, желанием причаститься. Если духовник обстоятельно и беспристрастно рассудил не приступать, то всякий порыв приступить есть дерзость и вред.

Нехранение дня причастного и, вообще, дней после говенья

Грехи на этот раз составляют: 1) выход из церкви после приобщения без благодарных молитв и целования креста, а вечером – небытность у вечерни; 2) падкость тотчас на пищу и питье; 3) неразмышление о даре, которого сподобил Бог; 4) опьянение в тот же день; 5) неудержание себя от супружеских ласк; 6) бытность на вечеру, допущение игры какой; и 7) незаботливость исправить свою жизнь. – *«Тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною...?»* (Мф.26:40). *«Человеке постяйся о гресех своих», и паки... таяжде творяй... Что успе смирением (покаянием) своим?»* (Сир.34:26). *«Не бо врагом твоим тайну повем».*

Грехи ложного Богопочитания

Воздаяние божеской чести Божией Матери или ангелам, или кому-либо из святых

Един есть всевышний Господь: пред Ним на бесконечном расстоянии всё и все. Итак, *«Тому единому послужиши»* (Втор.16:13); *«се раба Господня»*, сказала о себе сама Божия Мать (Лк.1:38); *«никто же вас да прельщает... службою ангелов»*, сказано против обоготворения небесных сил (Кол.2:18). Что же до божеской чести святым, то из них апостолы Павел и Варнава тотчас разодрали на себе одежды, когда народ почел их богами и хотел было принести им жертвы (Деян.14:13–19). Если и говорится: *«да спасет угодник Божий»*, то спасает он не сам по себе, а помощью Божией. (Посему, лучше бы и не соединять, или не поставлять рядом, молебна Пресвятой Троице или Христу-Спасителю с молебном святым, которые принесут нашу молитву тому же Всевышнему Господу: лучше бы выполнять первый молебен отдельно, или в особое время, если только позволяют время и обстоятельства).

Убеждение будто некоторые места, например, гора Афон или звание, как монашеское, священническое, сами по себе спасают человека

«Аще кто речет вам: се zde Христос или онде: не имите веры» (Мф.24:23). Да, Иисус Христос везде, где веруют в Него, где любят Его. Нас спасает Его благодать, а она предлагается и доступна всем (Евр.4:16 и др.); спасение наше зависит от нашего усердия, а оно недалеко от нас, – вот, в душе нашей; так Адам и в раю согрешил, а Иов и на гноище остался верен Богу; Иуда был и в числе Апостолов, обращался близ самого Спасителя мира, но погиб; Закхей же между грешными мытарями угодил Богу. Нет, ни монастырь, ни самое дальнее путешествие к святым местам, и ни большой счет сделанных для богомолья путешествий, ни высокий сан, ни ежедневное предстояние у святого престола в церкви или у мощей угодника, все это само по себе никого не спасет, как, напротив, ни мир, ни униженное какое звание никого не погубят. Иное дело думать, что некоторые места и состояния человека удобнее, ближе для спасения.

Ложный стыд в исповедании веры и в делах богопочитания

«Иже аще постыдится Мене и моих словес..., и Сын человеческий постыдится его, егда приидет во славе» (Мк.8:38), т.е. на всемирном страшном суде. Бояться высказать свои православные убеждения, когда вызывают на то; даже неохотно открыть о себе в кругу иноверцев – какого вероисповедания; не сметь в присутствии других и перекреститься, или сделать земной поклон пред святыней; молиться, осмотревшись прежде, не наблюдает ли кто со стороны, или не может ли заметить, и так каждый раз; затрудняться выразить близкое расположение к благочестивому священнику; вообще, с робостью скрывать свои религиозные убеждения и добрые расположения; наконец, решительно отказываться от них в угоду людям: вот все это и значит «стыдиться Христа»! Ложный (религиозный) стыд – измена Богу и напрасное стеснение самого себя в чувствах богобоязненности. К чему же это так украдкой креститься или полагать земные поклоны, если душа желает того? для чего же стеснять себя – воздать благодаренье Богу, если при особенном каком случае так и готовы выйти из сердца слова: «слава Богу, слава Тебе, Господи»? Не дороже ли нам людей Господь Бог и святая православная вера? Если же укажут при этом на молодость, на юность, которая, обыкновенно, стыдится обнаружения чувств религиозных: то и тут, конечно, не стыд, а напротив, еще честь молодому человеку; потому что весьма утешительно видеть в молодом, как он выполняет священные и первейшие свои обязанности, как человек и христианин.

Название набожности, добродетели ханжеством, фарисейством, юродством; или гонение человека благочестивого самым делом

«Не подобно есть иным житие его (праведника)..., удаляется от путей наших... (Посему) досаждением и мукою истязим его» (Прем.2:15,16:19). Посему обзывают набожного ханжой, святошей, фанатиком; чуждаются его, изгоняют его от себя, когда можно – и бьют. Но поступать таким образом с человеком, который совершенно невинен и нисколько не касается других, вымещать на нем собственную свою вину и неисправность, потому что его благочестивая жизнь служит укором для нечестивого, – это в высшей степени несправедливо и жестоко: *«ненавидением неправедным возненавидиша мя» (Пс.24:19).* Что же делать набожному человеку, чтоб избавиться от имени «ханжи, пустосвята, фанатика», чтоб помириться с людьми мирского духа? Ужели изменить своему религиозному направлению? О, это было бы слишком легкомысленно! И вот, тут, вместе с лицом осмеивается, преследуется самая набожность! Впрочем, иной раз к набожному человеку, по особенным внешним обстоятельствам его, и не выражают ни чувства ненависти, ни вида гонения. Только лишь называют его направление не современным, не практичным, ошибочным; только лишь жалеют его за то, что он «напрасно изнуряет себя, мало есть и спит, подолгу стоит на молитве, много тратит денег на церкви, на милостыни». Все это одними трактуется, а другими принимается, будто несомненно напрасное, или излишнее. Но жалость здесь к ближнему неуместная. Это значит представлять самую добродетель жалкой, излишней. Нет, не воздыхать нужно об истинно-набожном человеке, а душевно радоваться за него: от духовных подвигов он ничего не потеряет, а, скорее, будет долговечным и упрочит свое материальное состояние. Но некоторые, по-видимому, хотят быть основательными и беспристрастными судьями религиозного человека. Говорят, «если этот человек хочет жить по закону Божию или по духовному, то зачем же в тех и иных

случаях поступает неправильно? зачем часто говорит так, а делает иначе»? По мнению этих судей, выходит, что набожный человек и согрешать никогда не должен, между тем, как сказано: *«седмерицею падет праведный»* (Прит.24:16). Иное дело было бы: злая богопротивная страсть или нераскаянность в каком-либо смертном грехе. В таком случае, и благочестия истинного не будет. И разве можно быть истинно-благочестивым, так сказать, по заказу, по непременному требованию, как известно, – истинная добродетель соединена с борьбой. О! лучше бы строгим судьям взять для подражания, или в урок себе, известные добрые качества истинно-набожного человека, чем отрицать его религиозное направление, чем бросать ложный взгляд вообще на христианскую набожность.

Фарисейская набожность

Это не одна только наружность в религии. Так сказать – будет мало: наружность религиозная, без мысли и усердия, иногда примечается и в истинно набожных людях. Не составляет еще фарисейства в религии и неискренность молитвы или другого какого доброго дела, раз-два допущенная. Фарисейство – это намеренная ложь, или рассчитанная искусственная святость. Сущая гибель от него, когда оно перейдет в характер, сделается направлением человека. Какая же его цель? *«Да видими будут человеки»* (Мф.23:5); *«да прославятся от человек»* (Мф.6:2). Лицемеры или хотят приобрести себе влияние на народ (как, например, у старообрядцев их наставники, подающие милостыню, одолжающие в своей среде деньгами), или стараются войти в милость у высокопоставленных в духовенстве лиц, чтоб воспользоваться ходатайством этих лиц, о месте службы для себя, или же рассчитывают заслужить похвалу и почет у людей истинно-набожных, которые рады бы видеть подобного себе. Веры и благочестия в душе их нет, но они выдают себя ревнителями на сей раз там, где этим путем могут достигнуть известной своей цели. Если что доброе они делают, то делают только напоказ, и опять, не для полезного примера другим, но, единственно, для похвалы или другой преступной цели. Некому видеть их набожность, никто не расскажет о них, или нет выгоды им пред известными лицами показывать себя набожными, и – они не показывают себя тем. Тогда, например, легко ими ослабляется или совсем нарушается пост, не протягивается их рука для частого крестного знамения, нет у них усердия пойти в церковь, не полагаются ими низкие поклоны на молитве; напротив – пред людьми мирскими или светскими они вполне обнаруживают мирское же направление, и уже не в одну угоду этим людям, но как собственное и господствующее направление. Для лицемеров самое неважное в богопочитании (*внешнее стекланицы*) имеет бóльшую цену, чем совесть, любовь и правда. Строгие к мелочам, они нипочем считают «суд

и милость, и веру» (Мф.23:23), а отсюда, ложная их набожность всегда бывает взыскательна к другим и снисходительна к себе. Они жестоки сердцем и под личиною добродетели готовы решиться на всякие злодеяния. Итак, горе и горе, усвоившим себе дух фарисейской набожности!

При пожертвованиях на церкви и иконы, и по поводу этих пожертвований, отказ в посильном пособии бедным

Бедные и нищие в среде православных христиан тоже «храмы Божии» – храмы живые; одушевленные (1Кор.3:16). Истинное ли это направление религиозного человека: в одном случае быть щедрым, а в другом ничего не давать, в первом – многого не жалеть, а во втором – и в малом отказывать? Украшая храм, христианин должен украшать и душу свою добрыми качествами: а не лучшее ли украшение для души милосердие к ближнему? Иной отказывает бедному в пособии потому, что «делает, например, серебряную ризу на икону»: а бедному, между тем, помощь нужна без всякого отлагательства времени, и, может быть, у него уже нет сил пойти к другому, чтоб просить. Не значит ли это поражаться более внешностью в богопочитании, чем соблюдать «*вещающая закона... и милость, и веру*» (Мф.23:23)? Не одностороннее ли это направление религиозности – всегда поступать так при достаточных средствах? Да, и нечего сомневаться в этом.

Ложное юродство, или не Христа ради

«Юродивый или блаженный», очевидно, не тупой или полоумный от природы: последний только урод. Юродство же есть величайший подвиг в христианстве, утверждающийся на словах апостола Павла: *«мы убо буи (безумны) Христа ради»* (1Кор.4:10). На этот подвиг способна только пламенная ревность к Богу; его, например, несли и вполне вынесли Андрей юродивый и друг. Юродивый имеет целью в отношении к себе смирить себя и прикрыть свою духовную жизнь от глаз мирских, а в отношении к другим, под видом безумного, привлекать людей от жизни горделивой и суетной, которая истинно безумна, привлекать к истинному разуму, или к истинно разумным делам; под видом глупого, с которого нечего взыскивать, он обличает пороки и неправды в таких лицах, к которым, может быть, и никто не смеет приступить с подобным обличением. И вот (бывали и бывают такие примеры), этот-то трудный и высокий подвиг в христианстве искажают некоторые намеренно! Обманщики действуют наружно, по примеру святых юродивых, говорят таинственно, а на самом деле ищут только того, чтоб собирать себе деньги, чтоб служила им доверчивая набожность, среди которой, обыкновенно, они являются (истинные же юродивые или ничего не брали, или раздавали нищим – притом, тайно – все, что только добрые люди предлагали им). Притворяясь пред другими и обманывая легковверных, ложный юродивый, наконец, привыкает обманывать и самого себя, считает себя богоугодно-блаженным; между тем, как ни молитвы, ни поста, ни других высоких качеств Христа ради юродивых отнюдь не имеет. Тяжкий, претяжкий грех!

Ложное странничество

Сходить или съездить на поклонение мощам угодника Божия или к святым местам в Иерусалим, в Киев, – при известных условиях, дело благочестивое и также, это подвиг духовный. Тут например, имеется целью (кроме исполнения обета, если путешествие предпринято по особенному обету): а) потрудиться ради царствия Божия; б) видеть живые примеры высокой, духовной жизни; в) когда же или где нет таких примеров – при взгляде на гробницы угодников Божиих воодушевиться большею ревностью о спасении души, облагодухаться здесь и благодатью Божией, как особенною силою для спасения; г) может быть, и увидеть осязаемые чудеса на месте поклонения, следовательно, ощутить ближайшее присутствие Бога; наконец, д) видеть более умиленное, продолжительное и торжественное богослужение, чем дома. В этих богоугодных целях и в духе молитвенном можно даже не раз в жизни предпринять дальнейшее путешествие к святым местам и мощам. Но бывают такие «странники и странницы», которые далеко уклоняются от этих чистых целей в своем путешествии, и разве у самой только святыни на короткое время показывают в себе дух веры и благоговения. Раз побывав у святых мощей и по святым местам, и с первого же этого раза возвратившись домой не лучшими, как вышли, напротив принеся с собой много зла, которое переняли от странников, – эти люди стремятся к богомольям снова, и некоторые почти целую жизнь так-то странствуют. Для чего же, или ради чего? Чтоб не работать дома и пропитываться на чужой счет (обыкновенно, они не запасаются на дорогу собственными трудовыми деньгами; но, кроме готового приюта и стола, еще по домам просят подать им, как идущим на богомолье (Деян.20:25); чтоб иметь разнообразие к своей жизни, видеть постоянные перемены лиц и местностей. На путях своих, или придя на время домой, они пускаются в ложные рассказы «об Иерусалиме и Синае, о чудесах и гласах», пожалуй, покажут «запекшуюся кровь Вифлеемских младенцев» (в кусочках разбитого коралла),

предлагают для продажи «четки и иконы, якобы от мощей». Приютившись в дороге к какому-нибудь семейству, вкрадчиво вносят в это семейство разлад, начальная причина которого вернее узнается уже после ухода их: это, именно, «*суть поныряющие в дома*» (2Тим.3:6). Теснота дорожного помещения в дальнем странствовании приводит их к неопрятности, а смешение полов – к тайным порокам. Но и на местах самой святыни иные из них держат себя не лучше этого: не редкость, что того и другого поклонника видят на улице, лежащего без чувств от вина. И вот, все это прикрывается тогой благочестия, так что надобно иметь немалую дальновидность, чтоб отличить ложного странника от истинного! Какое жалкое направление! какое злоупотребление христианским благочестием! сколько здесь повода для людей легкомысленных и вольнодумствующих, не умеющих собственным примером добродетели вразумлять порок, – повода осмеивать христианскую набожность! Это последнее обстоятельство так же поставляется в вину пред Богом для ложных странников и странниц.

Ложное отшельничество среди мира и ложно носимое одеяние лиц монашествующих или белого духовенства

Иные (как в селах-деревнях) строят себе особые кельи, удаляются от семьи под предлогом спасения души, и – вдали-то от надзора семейного легко доходят до жизни предосудительной. Другие (как из женского пола) носят в мире черное одеяние по примеру монашествующих. Третьи отращивают себе волосы и надевают на себя длинную одежду, как бы лица духовного звания. Но, так показывая себя отшельниками среди мира, отделившись от мирян наружностью своею, эти люди постоянно обращаются среди мирских мужчин и женщин, и живут вполне по духу и обычаям мира. Очевидно, они *«ложные богочтецы»* (Ин.9:31). На них-то VI Вселенский Собор произносит такой суд: *«которые в черных одеждах и с отрощенными власами обходят грады, обращаясь среди мирских мужей и жен... изгоняти их ...»* (Прав. 42).

При равном разделе каких-либо земных благ, требование себе (в одном сердце или и на словах) большей части пред другими за свою набожность

Для благочестивого человека гораздо дороже должны быть духовные блага (Флп.3:8). Случается так, – его положение в мире скудное или унижительное: но для молитвы, но для служения Богу особенными какими-либо добродетелями, к которым он особенно предрасположен, – положение это более благоприятное. Авраам и из той земли, которая уже принадлежала ему по обетованию Божию, как награда за его веру и святость, т.е. из прямой собственности своей, скромно и бескорыстно предоставил Лоту свободный выбор; а затем нисколько не противоречил, когда Лот выбрал себе лучшие места, ему же оставил худшие. За это самое Бог и удостоил его нового благословения, явившись к нему вслед за таким разделом его с Лотом (Быт.13:9–18).

**Пренебрежение в опасных случаях
обыкновенными, или близкими, средствами для
охранения от насилия своей православной веры, и
вообще, для спасения души**

Так, не воспользоваться бегством ради того, чтоб не быть названным беглецом или трусом, – не бежать оттуда, где угрожает явная опасность допустить измену православной вере, например, в кругу вольнодумцев, в руках изувера какого, – или же не откупиться деньгами, жалея деньги, в том случае, когда желательно достигнуть высокой духовной цели, например, чтоб пройти с проповедью евангелия к некрещеным, поклониться святыне; – все подобное осуждается голосом вселенской Церкви, как несогласное с истинным, разумным богочитанием (Петра Алекс. кан. пр. 12, снес. Деян.17:9–10). Тут и бегство, и откуп деньгами, и униженная просьба перед кем-либо составляли бы службу Богу.

Неприготовленность к исповеди по беспечности или в надежде на вопросы от духовника

«Буди увещааяся с соперником твоим..., дбндеже еси на пути с ним» (Мф.5:25). Соперником здесь можно назвать совесть, которая оскорблена грехами, обременена тяжестью всяких грехов перед Богом. Кто идет к исповеди, не рассудив прежде с этим соперником своим, не испытал себя предварительно в делах своих: тот на самой исповеди, обыкновенно, бывает сух, не сознателен, совсем не знает, в чем и винить себя, держит себя на духу так, как будто дело не до него касается; он говорит одно, и даже вперед духовника: «грешен, грешен». Затем, этот человек не пользуется вполне благодеянием Божиим в таинстве исповеди, – не усвоит себе со всею живостью разрешения во грехах, которого удостоивается чрез священника. Принося так свое покаяние, не погрешает ли он в самом покаянии? не ложно ли относится к таинству покаяния? Да, это великое опущение, когда не заботятся самоиспытанием приготовить себя к исповеди, или думают, будто довольно только для них ответить, о чем спросит духовник. Не оставляя после себя глубоких следов в этих говеющих, исповедь делается для них как бы одним обрядом.

Утаение греха исповеди с сознанием

«Аще что скроеши, сугуб грех имаши», говорится в наставление каждому перед исповедью. Здесь также изобличается ложное понимание таинства, и исповедник сугубо виновен в утаиваемом грехе вот почему: он не доверяет таинству, т. е., будто не сам Христос слушает его исповедь; обманывает священника и самого Бога; напрасно стыдится без меры духовника, потому духовнику дано правило: *«такое имей грехи, яже исповедают тебе, яко же бы были твои»* (Номокан. пр.189); наконец, подвергает себя опасности остаться совсем неразрешенным в тяжком грехе, т.е., если постигнет его скоропостижная смерть и уже не будет он иметь возможности снова исповедаться.

Нарушение тайны своей или чужой исповеди

«Да не явится срамота наготы твоя» (Откр.3:18). Исповедь есть не только таинство, но и тайна, из которой ничего нельзя открыть другому. Было, правда, время и всенародного, публичного покаяния: но всенародная исповедь отменена из снисхождения к нашей же слабости. Итак, виновна здесь даже простодушная откровенность, т. е., когда рассказывают, о чем спрашивал их духовник, как они каялись и какая назначена им епитимия. Но как тяжко грешит злонамеренный рассказчик, или тот человек, который, открывая что-либо из исповеди своей или чужой, хочет тем или повредить священнику-духовнику, или только насмешить других! С одной стороны, тайна тут Божия и ему никто не поручал открывать эту тайну, а с другой – и никто не просит его открыть, не допытывается от него узнать. Не следует также переговаривать слова этого человека.

Неисполнение епитимии от духовника, или произвольное замещение ее, или же саморазрешение от нее после смерти духовного отца

«Иже не держать правила своего (назначенной епитимии), отжени их, да не погибнешь и ты с ними», дается совет духовнику (Номок. 189). Не принимающий и не выполняющий епитимии, кроме упорства, грешит против исправления своей жизни; потому что главная цель епитимий, которые, большей частью, состоят из подвигов, противоположных прежним тяжким грехам или преступнейшим страстям, – есть исправление жизни исповедника. – Затем, если б кто и находил для себя нужным изменить или совсем отменить возложенную на него епитимию, тот должен в этом случае обратиться к духовнику же для разрешения своего недоумения. Исполнение епитимии, назначенной за тягчайший грех, так обязательно, что одна только болезнь, угрожающая смертью, освобождает от нее; а в случае выздоровления, состоящий под епитимией, снова должен выполнять ее до назначенного срока (I Всел.13).

Молитва о суетном, или прямо противном Богу

«*Молящиеся не лишше глаголите*» (Мф.6:7). Сто молитв к Богу приносит человек, и все только о здоровье, об урожаях, об успехе торговли, по случаю постройки дома или предположенного путешествия, об устройстве участи детей и т. под. И, если одна из этих молитв, продолжавшаяся долгое время, будет услышана, – тотчас сменяет ее человек подобною же молитвою о земном. Кратко: если б пред иным человеком была раскрыта завеса всех его молитв, или за всю его жизнь, он устыдился бы самого себя; потому что увидел бы, что предметом его молитв была земля и земля, плоть и плоть. Но скажут: «кого же, как не Бога, просить в нуждах жизни»? Бесспорно, так. Но зачем же просить Его только о земном и временном? Разве для человека одна земля, а нет неба, и не ожидает его вечность? и разве Господь Бог одно земное и временное может подавать нам? почему же мы не молимся о душе, которая имеет своего рода нужды, например, исправиться от какой-либо злой привычки, приобрести себе какую-либо добродетель, словом – почему не молимся по примеру ектений просительных: «*дне сего совершенна..., прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати..., христианские кончины...*»? Все это доказывает, что мы любим только свое тело, а не душу, что отдаляем от своего внимания дальнейшую свою участь – в будущей жизни. – Но иные приносят и прямо богопротивную молитву: «*не приемлете, зане зле просите*» (Иак.4:3). Например, один, вместо забвения обиды, молит Бога, чтоб был наказан его обидчик; другой, сделав кражу и не полагая пред Богом твердого намерения оставить этот порок, молит только быть ему сокрытым от людей и суда; а некоторые, хоть просят позволительного, но с намерением нечистым, например, богатства – для жизни роскошной и веселой. Нет, – это несомненный недостаток наш в богопочитании: молиться всегда об одном земном и суетном. Тем более грех просить Бога о том, что само в себе нечисто или предполагается для нечистой цели.

Малодушие, когда не исполняется и чистая молитва

Сам Господь наш, Иисус Христос, примером Своей молитвы в саду Гефсиманском, научает нас не опечаливаться, когда мы молимся, и не бываем услышаны (Мф.26:43–44). Равным образом, из самых великих святых одни совсем не были услышаны в молитвах своих, например, Моисей, желавший войти в землю обетованную, и не достигший ее (Втор.3:26); другие же целую почти жизнь не видели исполнения своей молитвы, как богоотцы Иоаким и Анна (Четь-Мин. под 9 сент.). Может быть, молитва наша еще не самая прилежная, – мы думаем (иногда по самой чистоте ее), что она сама собой должна исполниться; может быть, и полезное само в себе было бы нам не в пользу, почему и сбывается даже противное нашей молитве, почему в бесплодии своей молитвы мы можем видеть, напротив, истинный плод ее; может быть, не пришло еще время исполниться нашей молитве; или же Господь, замедляя оправдать нашу молитву, желает приучить нас к терпеливой молитве, хочет сделать нас, вообще, усердными молитвенниками; наконец, Он готовит нам тот дар, ту милость, которые просим у Него долго-долго, притом, с задатком, или залогом, самым сильным, как молитва при бескровной жертве, – готовит нам милость к тому времени, как мы совсем обессилим в человеческой помощи и в какой ни есть надежде на эту помощь. Во всяком случае, как бы наша молитва ни представлялась возможною для исполнения, и как бы ни была чиста сама в себе, а также сильна сторонним подкреплением, как ходатайство за нас Божией Матери, поминовение на проскомидии и за литургией, – неисполнением ее не следует огорчаться нам до того, чтоб оставить ее или раскаиваться за нее. Будущее прикрито от нас: придет время, и многое, чего мы не понимали в судьбе своей, раскроется пред нами. Итак, *«обаче (впрочем) не якоже аз хошу (по своей человеческой воле и рассчитанной надежде), но якоже Ты (по воле Божеской)»* (Мф.26:39).

Гнев во время молитвы, а также тотчас по приходе из церкви

«Да молитвы творят..., воздеюще преподобныя руки без гнева...» (1Тим.2:8). Кроме внутренней рассеянности, и отвне человек часто встречает препятствия к доброй молитве. Это гнев – досада на кого-либо, или на что-либо, – особенно в той молитве, которая совершается совместно с другими, как, например, в церкви молебен, панихида. От чего же здесь является расположение ко гневу? – Или от непривычки нашей к молитве, или от затаенной тягости подвигом молитвы, пожалуй, и от усталости, или только от врага-дьявола. Врагу-дьяволу невыносима добрая молитва человека; потому что в молитве человек входит к Богу и уходит от Него. Поэтому, как виновный в чем-либо всячески старается задержать того человека, который порывается войти к высокому начальнику, чтоб пожаловаться на него, так и враг-дьявол все козни употребляет, чтоб человек не входил в беседу с Богом (внимательная молитва, действительно, есть беседа с Богом) и не выходил бы из этой беседы со знаками Божией милости. Отсюда, старание врага, прежде всего, попрепятствовать нашей молитве в назначенный для нее час, приготовлением к этому самому времени других занятий. Отсюда его усилие расстроить уже совершаемую нами молитву (кроме посторонних и худых помыслов, о которых мы сказали раньше), – расстроить чем-либо неприятным отвне; а добрую, совершенную молитву и можно узнавать по тому признаку, что человек ничем более не смущается, хотя бы весь мир оскорблял его. Наконец, когда враг не успеет и в этом, т.е., чтоб расстроить молитву в минуты ее, и когда, между тем, видит, что мы со вниманием и усердием помолились, тогда старается похитить всю молитву нашу или только уменьшить заслугу ее вслед затем. Отсюда, от него поводы к раздражению – досаде, когда человек окончит свою усердную молитву или придет от обедни, тем более после говенья. Итак, нужно каждому с осторожностью оберегать свою молитву. Прямой грех обращать ее только в спор, в гнев до

резких слов и крика, а также сердиться, как нарочно, вслед за молитвой, придя, например, из церкви. Но грех, вместе с тем, и не щадить в это время ближнего, поставляя поводы к его досаде, или недовольству.

Порочная печаль

«Неуязвися печалию греха» (Сир.14:1). Если чувствуется скука, недовольство всем, что окружает, в таком случае, надобно проверить себя: от чего же это происходит? Когда окажется, что причиною печального расположения духа, собственно, неудовлетворение какой-либо суетной привязанности (малы, например, прибыли в торговле) или неудача в каком-либо порочном искании (не удался случай повеселиться вином): тогда и стыдно продолжать такую печаль; надобно очиститься от нее вздохами покаяния пред Богом, и это уже будет лучшая и полезнейшая «печаль, яже по Бозе» (2Кор.7:10). Иногда душа долго скучает: но стыдится открыть, о чем скучает.

Непитание в себе чувства страха Божия, под предлогом свободы духа

«Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс.2:11). Особенно первые шаги в служении Богу каждый человек должен делать под водительством страха Божия, – с памятованием того и подчинением своей воли тому, чего требуют евангельское учение и церковные законы; а также требуется особенно в первое время помнить свою смерть и вечные мучения, потому что все это сильно пробуждает в душе страх Божий, – быть еще в близком знакомстве с людьми богобоязненными. Но свобода духа, которою некоторые хотят на этот раз оправдывать себя (как некогда Николаиты (Откр.2:6:15)) не может и не должна быть понимаема так, будто каждый может веровать в Бога лично и исполнять заповеди веры по своим лишь убеждениям, т. е., будто слово Божие дано каждому отдельно и лично, а не всем вместе для одинакового разумения и руководства. Нет, христианская свобода духа и состоит в покорении ума и сердца учению и закону божественному. Свобода же духа тех людей есть ни что иное, как «дерзость», весьма опасная в духовной жизни, по опыту св. подвижников (Преп. Агафон, авва Дорофей и др.).

Только рабский страх к Богу

Против этого же страха, действительно, идут слова Писания: *«идеже дух Господень, ту и свобода»* (2Кор.3:17), слова, сказанные на евреев, которые исполняли закон не по свободной любви к Богу, а по одному лишь страху наказания и по некоторой неволе. На рабском страхе, который вначале необходим и полезен, – никак не следует останавливаться. Возрастной и разумный сын не потому уже слушается отца, что боится отцовского наказания или ожидает себе подарка-награды, но по любви к своему отцу и с уверенностью, что все имение отца принадлежит и ему; так и рабский страх к Богу должен постепенно переходить в сыновний (Гал.4:7). Оставаясь же в состоянии рабского страха, человек готов был бы грешить, если б знал, что за грехи он только лишается любви и благоволения к себе Бога, а не подвергается никакой казни. Тогда человек представляет себе Бога только грозным карателем грехов, которого и боится, а не видит в Боге, вместе с тем, существо, достойное самой пламенной любви (1Ин.4:8). Тогда человек как бы жалеет о том, что узнал известное церковное правило, которым осуждается его привычный грех, так как, не зная этого правила, не считая дотоле в своей совести грехом своего незаконного дела, – он мог бы свободно грешить. Чувства, несогласные с истинным богопочитанием!

Холодное сердце к Иисусу Христу

«Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят» (1Кор.16:22). И действительно, не великий ли это грех – с холодным чувством относиться к Тому, Кто был бичуем у столба и «язвлен за грехи наша» (Ис.53:5). Кто умер на кресте как принявший на Себя все до одной нашей вины, и в Ком вся надежда спасения для каждого из нас? Грех, например, не любит душеспасительных бесед о лице Иисуса Христа; скучать тем, или отворачиваться; и тогда, как другие в чувстве любви произносят Его имя, не стараться приобрести себе Его святой лик и не взирать с любовью на этот прекрасный лик; не читать или не слушать никогда акафиста сладчайшему Иисусу, не произносить хоть таких кратких воззваний к нему: «Иисусе, искупителю мой, преблагий; Иисусе, пастырю мой, не погуби мене...»! Последнее дело даже и так относиться в душе к Иисусу Христу, что все равно – был ли бы Он или нет. В первые же времена Церкви любовь к Нему считалась первою добродетелью и первым счастьем, или наслаждением для души. Это видно из церковных епитимийных правил. Первой епитимией грешнику за тяжкий грех было «не удостаивать его Христа», т.е. лишать святого причащения на известное время. Очевидно, это наказание не признавалось бы тяжким, если б не было в тогдашних христианах горячей любви к Иисусу Христу, – не было у них желания жить с Ним и, как бы, дышать Им.

Холодное чувство к Божией Матери

«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь!» Божия Мать, после Бога, всех достойнее нашей любви по Своим, более чем ангельским, добродетелям-заслугам. Да и нас после Бога никто столько не любит, как Она: что дорого Ее Сыну, Господу Иисусу Христу, тем дорожит и Она по Своей беспримерной чистоте и доброте сердца, как например, грешные души человеческие. В истинном богопочитании, или для истинно набожного человека, сердечная любовь к Божией Матери также необходимейшая добродетель: чем благочестивее делается человек, тем с большей любовью и благоговением начинает относиться к Ней, Царице Небесной.

Грехи против надежды на милосердие Бога

Человекоугодие

«Аще бо бых человеком угождал, Христов раб не убо был» (Гал.1:10), говорит ап. Павел. Эти слова с первого раза показывают, что человекоугодник – уже не богоугодник. Почему же именно так? – Потому что он изменяет истине, которая в Боге, которая есть Христос, изменяет истине пред людьми и на словах, и в действиях своих; подделывается, или применяется во всем к мнениям и характерам грешных людей: с одними, или в одном случае, говорит и действует так, а с другими или в другом – иначе, лишь бы только не было ущерба в чем ему самому, лишь бы дело не касалось его личных интересов. Таким образом, этот человек поставляет для себя правилом действий не закон Божий и совесть свою, а только желания других; и значит, он раб людей, а не раб Божий, значит изменяет Богу ради людей. Какая же у него цель? Чтоб заслужить благосклонность к себе со стороны людей. Часто в душе своей он и не жалуется, даже ненавидит тех, пред которыми человекоугодничают, но мысль, что и «эти люди, может быть, пригодятся ему на что-нибудь», что через них он может войти в расположение у других, эта мысль мирится с его человекоугодливым нравом. Не богопротивно ли все это? Но возразит нам: «ужели же идти наперекор всем людям, целому миру? Как тот же апост. Павел и дает наставление: *«Кийждо ближнему да угождает»* (Рим.15:2), и сам *«всем был вся»* (1Кор.9:22)? Для мирских человекоугодников эти слова и пример апостола вовсе не опора. Надобно только во всей полноте привести апостольские слова, и дело окажется ясным: *«да угождает во благое к созиданию; да всяко некия спасу»*. Итак, вот цель истинного угождения людям: «благое для них, или спасение души их»! Тут, в сущности дела, вовсе не меняется истина из-за того, чтоб применить к людям, а только употребляются особые способы и приемы, чтоб люди приняли ее. Тут только не опускаются все возможные меры, чтоб удобнее провести к людям истину и успеть в чем-либо добром. Таким образом, тут человек уже не людям угождает, а Богу, для

Которого дорого спасение людей. Угождение людям может касаться всего, но только не истины. Если можно угодить людям, не изменяя истин и не прогневая Бога, то в этих случаях и нужно угождать, уступать им к созиданию. Если же нет, если нужно идти вопреки многим и многим: остается быть смиренным богоугодником, а не человекоугодником.

Пресмыкательство

«И аз сам человек есмь» (Деян.10:25:26), сказал ап. Петр со смирением, когда некто пал к его ногам, хотя и самое коленопреклонение было тоже смиренное и искреннее, без искательного какого-либо самоунижения. Пресмыкательство отличается от человекоугодия: последнее бывает и тонким (деликатным), а то грубая лесть до целований рук у подобных себе лиц, до падений в ноги и коленопреклонений (и все опять с корыстной целью, а не по усердию, или христианскому смирению, о которых здесь и речи не может быть); человекоугодник заискивается у всех, а пресмыкающийся только у известных каких-либо лиц высоких, или богатых; человекоугодников на свете много, пресмыкающиеся – редки. В чем же вина пресмыкательства? Здесь видно полное человекообожание³: ту честь, которая подобает единому Богу, отдают человеческому лицу. Здесь человек явно унижает пред ближними свое человеческое достоинство и честь. Наконец, он в высшей степени подстрекает к гордости тех, пред которыми кланяется-пресмыкается.

Излишняя надежда на человека, на знатные связи и сильные покровительства

«Не надейтесь на князи, на сыны человеческия» (Пс.145:3). Почему же? *«В них же несть спасения».* Первое, что неблагонадежно здесь, – это смерть покровителя: *«изыдет дух его» (Пс.145:4).* Представь себе, живущий человеческим покровительством, что, вот, твой покровитель лежит на столе мертвым, как безгласный камень! Где же его обещания помочь тебе, защитить тебя, вывести на блестящую дорогу жизни, обещания, которыми ты жил? У него не достало жизни, чтоб исполнить свои обещания; он и сам не мог оказать себе покровительства против смерти. Затем, и те знатные связи, на которые ты надеялся через него, которыми ты и пользовался, – скоро прекратятся для тебя: в первые дни после смерти твоего покровителя, может быть, еще взглянут на тебя, а там и забудут. Итак, полагаясь во всем на сильные покровительства, ты вперед готовишь себе падение. Пал твой покровитель, и твое падение неизбежно: (со смертью знатного покровителя, или же с потерей им самим силы, падает иногда и целая партия лиц, которым он покровительствовал). Или пусть здравствует чей-либо покровитель, например, высокий начальник. Но, как легко может этот покровитель переменить место своего жительства, или же сам измениться в своем расположении к тому, кого удостоивал своего покровительства! Не будь же всех этих перемен и не будь человеконадеяния: тогда жизнь наша текла бы ровнее. Но самая главная беда здесь: прогневление Бога, – прогневление до того, что *«проклят, иже надеется на человека» (Иер.17:5).* Почему столь страшный приговор произносится на человека, живущего покровительствами других, во всем полагающегося только на знатные связи? Потому что для этого человека милосердый Господь Бог как бы и не нужен: у него есть свои боги, – его сильные покровители. Поэтому он и не просит Господа Бога по случаю своих нужд, или же просит только, как чужой, с сухостью сердца. О! не спокойнее ли, не блаженнее ли всего надеяться на Господа Бога, – Его-то иметь

своим покровителем? Человек погибает, а Бог всегда пребывает. Можно, конечно, надеяться и на человека покровителя, можно прибегнуть в нужде к посредству знатных связей: но только без оскорбления христианской надежды, только так, чтоб первее всего ожидать помощи от Господа Бога и, обратившись к земному покровителю, в то же время, просить Божьего благословения и содействий ему в ходатайстве за нас.

Горделивое пренебрежение всякой помощи со стороны ближних

«*Просити стыжуся*» (Лк.16:3). Это другая крайность: не хотеть просить сторонней помощи в самой необходимой, или благородной нужде. От чего же? Или от стыда, или, чтобы только не одолжаться у других (в характере особенно молодых людей). Прежде всего, тут человек напрасно обидит самого себя: терпит невыносимую нужду, и не хочет попросить. Затем, он уклоняется от такого порядка в жизни человеческой, установленного Самим Богом: «служить другим и принимать взаимно услуги от других». Господь Бог так мудро разделил между людьми способности, силы и блага, что люди необходимо нуждаются друг в друге (2Кор.8:14) и нет ни одного человека, который бы был «всем для себя», который мог прожить хоть один день без посторонней помощи. Только Он Сам, всемогущий, ни от кого и ничего «не требует» (Деян.17:25). Итак, пренебрегающий всякою помощью – услугою со стороны ближнего как бы думает быть самобытным существом. Напрасно!

Надежда на свое богатство

«Ниже уповати на богатство погибающее» (1Тим.6:17). Здесь указывается и причина, почему не следует полагаться на богатство. Оно называется «погибающее». Да, оно нередко погибает, или отходит от человека, еще прежде, чем сам человек уйдет с этого света. Думал человек жить широко, строил себе те и другие планы, хотел взять верх при помощи денег в тяжбе какой-либо, и уже капитала в руках у него нет. Но, во всяком случае, в день смерти, для каждого богача богатство его погибает. Дом-то у богача крепок и обширен, а сам он разрушается; капитал у него так велик и прочен, что некоторым денежным вкладам он дал название «вечных»: а у самого душа готова выйти из тела, и ни огромное имение, ни денежные запасы не могут избавить его от смерти, не делают его на земле вечным. В чем же, собственно, состоит вина этого человека, полагающегося не свое богатство? В том, что он отступает сердцем от Бога. Присмотримся к самим себе ближе в то время, как у нас сряду несколько дней не бывает ни копейки денег в доме, а потребности жизни своим порядком говорят о себе. В эти скудные для нас дни мы более чувствуем свою зависимость от Бога и более обращаем свои надежды к Богу, находя себя в положении человека, который и желал бы пойти туда и сюда, или сделать то и другое, но от бессилия не может даже встать с места. Когда же придут к нам в руки деньги, тотчас мы чувствуем перемену в расположении своей души: вместо прежнего смиренного упования на Бога являются у нас опора на деньги, на средства к жизни. По крайней мере, таким чувством сопровождается прибыль в деньгах после скудости в них для людей внимательных и духовных по жизни. Но это только минутное отступление их сердцем от Бога, или одно искушение положиться вместо Бога на деньги. Представьте же себе положение того из людей богатых или состоятельных, который всегда и во всем полагается на свое богатство, для которого денежный капитал первейшее счастье: не богоотступно ли его сердце во всякое время? Какая бы ни постигла его

неприятность в жизни, какая бы ни угрожала ему беда: у него первая мысль не к Господу, а к деньгам. Деньгами он думает откупиться от всякой беды; деньги (а не честность и правду) он, по сердечному убеждению, называет «двигателем всего на свете»; если же он и просит Бога когда, то более о том, чтобы целы были у него деньги. У святого псалмопевца сказано: *«не убойся, егда разбогатеет человек»* (Пс.48:17). Когда же это богач заставляет бояться себя? Когда он страшен для других? Именно – тогда, когда надеется на свое богатство, и в этой надежде, между прочим, готов обижать других, а тем более, грозно вступает за обиду ему самому. И так *«како неудобь уповающим на богатство в Царствие Божие внити»* (Мк.10:24)! Как заманчива надежда на деньги! Как необходимо христианину навсегда и во глубине самой души положить такую уверенность, что на деньги, на богатство надеяться нечего, что все это прах, и что одна надежда на Бога живого спасает. (Надобно помнить, что полагаться на деньги можно, и, не имея еще страсти скоплять их (сребролюбие), и не в особенно огромном запасе их).

Надежда на одного себя, особенно в делах духовных

«Да не надеющиеся будем на ся» (на самих себя) (2Кор.1:9); «Бог бо есть действующий в вас, и еже хотети (т. е. и пожелать только) и еже деяти» (выполнить на деле) (Флп.2:13). Хороша самостоятельность в действиях, похваляется труд, которого не останавливают препятствия. Но силы человека зависимы от Бога-Творца. Поэтому самонадеянность и вообще, т.е., и в обыкновенных занятиях, не должна быть, поэтому она наказывается неудачами; Вавилоняне строили башню, и не достроили. Но особенно надежда на одного себя, – на свой только ум или на твердость своей воли, неуместна и богопротивна в делах христианских. Скорее же человек может провести железную дорогу куда угодно, перевести речку на другое место, укротить скопище зверей, но, например, препобедить в себе страсть без возврата или без замены ее иною страстью, привыкнуть молиться без всякого рассеяния мыслей, успеть в каком-либо святом деле на пользу Церкви или в частной жизни, о! на это он сам по себе совсем бессилён. И в первом случае, т.е. в делах земных, он действует силами от Бога же. Это силы по природе, или естественные: они и годны для дел временной земной жизни. А во втором случае, дела человека имеют прямую связь с вечностью. Поэтому обыкновенных сил для них решительно недостаточно. Здесь нужны силы особенные, высшие или, так называемая, «благодать Божия». И вот, доколе «всякая гора и холм не смирится» (Лк.3:4), доколе человек не придет к самому глубокому сознанию того, что он бессилён сам по себе для истинно-добрых дел, и не будет с надеждою искать себе у Господа Бога помощи; доколе и не будет иметь успеха в этих делах. Итак, самонадеянность виновна, и как горделивое обегательство Божией помощи, и как причина безуспешности дел.

Самосоветие в духовной жизни

«Спасение есть во мнозе совете» (Притч.11:14). В особенных случаях, по духовной жизни, когда, например, человек решается на такие обязательства для своей совести: принять монашеское звание или в мире оставаться вдовцом, незамужней; сделать какое-либо значительное пожертвование в церкви; совершить путешествие в Киев или Иерусалим – в этих случаях преимущественно требуется совет другого лица, если найдется лицо, могущее посоветовать. Случается, также, что иной страдает от худых помыслов, видит нападение на себя со стороны врага – дьявола какою-либо страстью; если, опять, найдется человек, которого не соблазнит открытие этих тайн и который может дать разумный духовный совет – нужно обратиться к нему. «Но какая же (спросят) тут вина обходиться без постороннего совета, когда дело предпринимается очевидно – доброе или, когда с худыми помыслами, равно, как с угнетающей нас, или с приступающей к нам страстью, все-таки нет нашего согласия»? – Вина та, что иной раз мы ошибаемся в выборе для себя каких-либо особенно богоугодных дел (жертвует, например, иной к церкви вещь вместо существенно-необходимой менее нужную или только составляющую украшение для храма); таим в себе на этот раз такое непокорное чувство, чтоб нам никто не мешал в нашем предприятии и никто не делал бы нам насилия в том, что мы уже задумали выполнить, – между тем, как совет, обыкновенно, не заключает в себе непременно условия исполнить его; избегаем унижения для себя просить совета и открываться пред другими, между тем, как, раскрывая свои преднамерения ближнему, уже этим самым мы более уясняем пред самими собой дело, даже и не получив никакого ответа или помощи, чувствуем себя несколько смелее и спокойнее. Что же до борьбы с помыслами или с внутренней какой страстью, то молча от других переносить эту борьбу, значит еще более усиливать против себя напасти врага – дьявола. Напротив, когда бы дьявол (как дух, он ясно видит наши разговоры с

другими и самые действия наши, только не всегда проникает в затаенную мысль нашу), – когда бы этот враг увидел, что человек, на которого он нападает помыслами или страстью, совещается с кем (особенно с духовным отцом), тогда бы он, так сказать, оробел и, действительно, обессилил бы в своем нападении; потому что увидел бы дружное совещание и вооружение против него. Да, немалое это опущение в духовной жизни быть самосоветником, если, между тем, находятся лица, которые могут дать совет по просьбе, и от которых, в то же время (если они не поставлены учить, если это не духовники или не старшие и близкие какие-либо лица), нельзя ожидать советов по собственному их побуждению. (Только и духовный совет другого лица нужно усвоить себе с осторожностью, а не по первому действию этого совета на душу. Иной раз советник, не зная внутренней жизни человека, которому советует, предложит ему совет как есть, по какой-либо сокровенной его страсти. Тогда совет, очевидно, будет очень нравиться. Но тот, кто искал совета и получает его, должен как о своих намерениях, так и о советах ближнего посоветоваться с евангелием).

Принятие трудов для спасения души сверх своих сил

Сказано: *«могий вместити, да вместит»* (Мф.19:12); *«аще хочеши совершен быти»* (Мф.19:21). Хорошо только удивляться святым подвижникам, о которых передают нам Четь-Минеи. Еще лучше: стараться подражать им. Но желать вдруг сделаться тем, чем были они (как, например, Антоний Великий, Серафим Саровский), – это дело неразумное и невозможное. Намерение угодить Богу, без сомнения, всегда ценится. Труды же для благоугождения Ему должны быть соразмерны нашим силам, согласны с другими нашими обязанностями, которые Им же возложены на нас. А еще важное в этих трудах: не мера или количество их, но мера смирения, с какою мы несем их. Если нет у нас сил чем-либо послужить Богу при всем пламенном желании служения; то, очевидно, нужно отказать себе в желании. А такой отказ будет тоже жертвою Богу. (Например, иной при слабых силах решился было выдержать многодневный пост, говея, и – изнемог до того, что должен был отложить приобщение святых таин до следующего дня. – Сюда же можно отнести падение на колена и стояние на коленях каждый раз на всенощных и обеднях в воскресные дни, что правилами соборов не полагается (I Вселен. пр.10).

Недостаток преданности воли Божией

В молитве Господней каждый раз читаем: *«да будет воля Твоя»* (Мф.6:10); слышим также наставление в св. Писании: *«смиритеся под крепкую руку Божию»* (1Пет.5:6). И должен предавать себя воле Божией верующий христианин, как в особенных каких неудачах и огорчениях на пути своей жизни, так и в ежедневных неприятных случаях. Получил, например, он отказ в том, чего долго ожидал; сряду неприятное постигает его, так что утром та неприятность, в полдень другая, а вечером – третья; не успел он в одном деле, не успевает и в другом, и в третьем. Как же ему быть? Без сомнения, в другое время нужно стараться поправить дело, предотвратить неудачу; но тут уже дело совершилось, – ворочать нечего. Иное дело и пытливость о тайнах промысла Божия, так же не одобряемая, но тут и испытывать нечего, – случаи иной раз бывают вполне ясны. Остается, значит, только согласиться с тем, что совершилось. Между тем, человек смущается, беспокоится, приходит в досаду (хотя, положим, еще и не доходит ни до уныния, ни до ропота, ни до отчаяния). Почему же так смущается? – Потому что в нем не подавлено самолюбие: ему досадно, что делается не по его желанию, и он хотел бы поставить на своем, только ничего не может предпринять. Он в самой душе своей не покоряется воле Божией, уже совершившейся, – хочет вместо воли Божией жить больше собственною волею. Он излишне заботлив о самом себе и как бы не дает совершиться над собою воле Божией, которая есть премудрая и милостивая. Втайне не совсем покорный Богу, он лишает себя, вместе с тем, покоя душевного. Вместо того, чтоб так умно поставить себя пред каждым приключением в жизни, пред каждой неприятной встречей: *«не иду против обстоятельств, покоряюсь воле Божией»*, – вместо этого успокоения он столько же раз смущается и беспокоится (хоть и на короткое время), сколько в день встречает неудач и неприятностей. Нет; лучше же христианину быть *«яко отдоеное на мать свою»* (Пс.130:2), т. е. как дитя спокойно подле матери или, когда держится за мать, так и христианин, всегда,

езде и во всем предающейся воле Божией, успокаивает себя в Боге. Он на сей раз остается и тем еще спокоен и счастлив, что, когда после неприятных приключений встретит приятное или особенную какую милость Божию, – тогда не стыдится за предыдущую свою внутреннюю непокорность Богу, потому что ее не было, не имеет нужды раскаиваться, что раньше-то смущался, досадовал. Тогда ровно выходит его душевное настроение: и отсюда он научается и вперед, и на последующее время, в обстоятельствах первого рода говорить: *«аще благая прияхом..., злых ли не стерпим?»* (Иов.2:10).

Неблагодарение Бога за особенное благодеяние

«*Како не обретошася возвращеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей*» (Лк.17:18), с негодованием сказал Христос-Спаситель о прокаженных, которые не пришли поблагодарить Его за исцеление. Обязанность благодарить Бога и добродетель благодарения Богу истекают из искупительной жертвы Христовой, или из евхаристии (1Фес.5:18). Но люди, скорее, просят Бога, служат молебны в виду какой-либо особенной нужды своей, пред начатием трудного какого дела, чем благодарят Его за успехи свои, за неожиданную какую милость, – благодарят в уединенной своей молитве или служением «благодарной обедни». Еще хуже, когда кто относит к самому себе или только к случаю успех в своем деле, между тем, как успеть ему не было никакой надежды, – все обстоятельства клонились к противному. Как благодарность Богу усиливает веру, укрепляет христианскую надежду и на будущее время, как чувство благодарности, так сказать, поощряет Бога подавать человеку милости новые и еще большие прежних, так забвение или нехотение благодарить Бога убивает веру и христианскую надежду. Неблагодарный будто боится или сомневается больше надеяться на Бога. Но и первое в нем нехорошо, и это последнее напрасно: у Господа Бога неистощим запас милостей для нас; после одних милостей Он готов излить на нас и другие, если мы ценим Его милости и благодарим Его от всего сердца. Он не укорит нас Своим благодеянием, как иногда укоряет человек. И нужно, посему, за все благодарить Его. Нужно благодарить не за вещественные только благодеяния, но и за духовные, или для души. Нужно благодарить не за радости только, но и за самые скорби. Обыкновенно, благодарят за подарки. А скорбь, как часть Христова, есть так же подарок истинному христианину: «*вами даровася (оказано прямо) ... еже по Нем страдати*» (Флп.1:29); так, святые мученики некогда благодарили Бога, что сподобились мучений. Нужно благодарить Бога достойным употреблением самых благодеяний Его (Втор.8:10–14).

Прекрасно благодарить Его (служением, например, «благодарного молебна» за особенное благодеяние в жизни не раз только, но и в продолжении нескольких лет в известный месяц и день, или даже так целую жизнь. – Вид благодарения Богу составляет также исповедание пред другими оказанной милости Божией и приглашение с собой других благодарить Бога: так, например, благодарил Господа Бога Захария за рождение своего сына (Лк.1:64).

Уныние в несчастии, а также и в духовной жизни

«Еда тма поперет мя (несчастья, как темные дни, не одолеют ли меня?)» (Пс.138:11–12). Спросят: «что же виновного в унынии человека, когда постигло его несчастье? не естественное ли такое его состояние?» Печаль есть чувство души полезное, но только она должна быть в меру. Хороши, полезны и слезы: хуже, если кто крепится от них: но и слезы также должны быть в своей мере. Во дни горести и в часы глубокой печали человек показывает себя равнодушным почти ко всем страстям: его не занимают честолюбивые замыслы, не снедает зависть, меньше прельщают деньги, не тревожит гнев. С этой-то стороны и нужно бы пользоваться в несчастях жизни чувством печали. Это значит «печаль яже по Бозе» (2Кор.7:10). Как в счастье человек скоро забывается: так в несчастье он волей и неволей обращает свои мысли к самому себе и лучше сознает свои грехи и слабости. И даже никогда он не приходит так скоро к сознанию своих погрешностей, как в это время. Тогда первая мысль у него является: «не за тот ли или этот грех наказал – посетил меня Бог»? И душа на сей раз бывает верным пророком, – ясно скажет человеку, за что он терпит наказание или посещение. Но вот, человек унывающий, уже чрезмерно увеличивает в себе чувство печали! Унынием своим, которого отличительный характер не минута времени, а продолжительные часы или дни, – унынием он расслабляет в себе и душевные, и телесные силы: у головы он отнимает мысль, у рук – дело, у самого тела – сон, аппетит и силы, словом, останавливает совсем течение своих дел, бросает свою должность или обычное занятие, чем, т. е. опущением своих рук, праздностью, и еще более расстраивает себя, еще более увеличивает свое горе. Этот человек и сам не говорит с другими, и каждое стороннее слово находит для себя докучливым: он тяготится присутствием других лиц, избегает свидания с друзьями или близкими, тогда как чья-либо добрая беседа и могла бы утешить его. Все это ужели не составляет вину унывающего? Но всего главнее: он не доверяет Промыслу

Божью, в руках Которого участь каждого человека, – не доверяет уверению богодухновенного апостола, что Господь Бог «не оставит» человека *«искуситися паче, еже возмощи»* (1Кор.10:13) ему понести, – забывает или не научается понять, что часто при последней-то точке терпения и приходит к нам помощь Божия. – Затем, уныние в духовной жизни, имея те же оттенки, как и в мирской скорби, – еще более виновно и, вместе, опасно. Вот признаки этого уныния: «человек духовной жизни видит в себе какую-то усталость от своих христианских подвигов, мало этого – чувствует холодность и отвращение ко всякому доброму делу; дела спасения представляются ему и тягостным, и излишним, и безблагодарным трудом; он начинает жалеть, что отказался от каких-либо мирских, суетных удовольствий; рай, вечное блаженство видит он в чрезмерно отдаленной от себя будущности». Но такое уныние не справедливо. Пусть награда христианина не так видна и близка, как иной человек служит за хорошее жалованье, и в виду каждого кончающегося месяца, мыслью о жаловании воодушевляет себя на труд. За то его награда и несомненна, ничто ни на волос из его трудов не пропадет (Евр.6:10), и в высшей степени превышает его труды (2Кор.4:17). Итак, *«доброе творяще, да не стужаем си»* (да не унываем) (Гал.6:9). Нужно служить Богу духовною жизнью не отягощаясь, *«не помрачая своего лица»* (Мф.6:16) и не пропуская ни одного случая для доброделания. Нужно и от уныния, возникающего особенно в людях одиноких и, особенно, каждый раз в полдень, – и от уныния бесовского нужно не унывать, а еще воодушевляться ожиданием близкого за тем утешения духовного, как всегда почти бывает, – воодушевляться вообще великой наградой за борьбу с этим унынием, как с самым трудным искушением. Не прогоняемое же и усиливаемое христианином уныние, поднимает на ноги против него врага-дьявола, доставляет врагу повод совсем отвлечь его от дел богоугодных, лишает его теплой молитвы и не дает ему хода ни в каком добром деле, точно, как цепи на ногах. О, верующая и богобоязненная душа! Превозмогай, при помощи Божией, овладевающее тобой духовное уныние!

Желание себе смерти в сильной горести

«*Не вожделейте смерти*» (Прем.1:12). Пророк Иона говорил: «*уне (лучше) ми умрети, нежели жити*»; но желание его не было одобрено (Ион.4:3). Кто говорит: «смерть ко мне пришла; желал бы лучше умереть, чтоб избавиться от горя-беды» (а говорят так не какие-нибудь отчаянные, но и верующие люди): тот не понимает состояния той жизни; тот не представляет себе горестей и страданий для грешника в будущем, которые столько страшны, что для спасения от них стоит здесь целую жизнь пострадать. Страшна еще, прежде всего, смерть сама по себе для того человека, который мало приговорен к ней: желает – просит себе смерти иной, а как подойдет к нему смерть лицом к лицу, и – начинает другое говорить и чувствовать. Да и буквально, смерть бывает только однажды: можно же по числу сильных горестей в жизни умирать столько же раз? Нет, желание себе смерти по нетерпеливости, по малодушию, неразумно и грех. Нужно дорожить каждым лишним годом в своей жизни, чтоб успеть более подготовиться к будущей жизни.

Отчаяние

«*Нечаемы, но не отчаяваемы*» (2Кор.4:8), т. е. мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся. Подобный смысл, т.е. безнадежности помимо Бога, имеют слова и в молитвах церковных: «люди отчаянные..., спасение отчаянных души моя...». Тут отчаяние видим только в обстоятельствах, или в положении дел, а не в лице, не в душе человека. И, конечно, такое сознание полной, крайней беспомощности без Бога не грех, но еще приятно Богу. Как богопротивный грех, отчаяние есть потеря всякой надежды, – не в одном только случае, но во всей жизни. Вдруг ли приходит такое отчаяние или же постепенно? Оно подготавливается только земными, суетными надеждами человека в жизни. Человек всегда надеялся то на других людей, то на свой ум, то на состояние свое. Но вот, приходит такое время, когда все изменяет ему, ничто не помогает. Без сомнения, и тогда не поздно было бы ему возложить печаль свою (Пс.54:23) на Бога: но он не способен к высшим надеждам, – не привык надеяться на помощь Божию, не знаком с тем душевным состоянием, как «*благо есть уповати на Господа*» (Пс.117:9). К тому же, совесть его непременно обременена тяжкими грехами или же мучится одним каким-либо грехом, самого преступного качества. Таким образом, он не находит нужным, или не хочет обратиться к милосердию Божию, которое, между тем, готово было бы принять его и помочь ему так же, как нежный отец вышел на встречу к своему блудному сыну (Лк.15:20). В таком состоянии находился Иуда предатель. Иуда надеялся на деньги, – питал чрезмерную любовь к деньгам. Но настало время, когда и деньги не льстили его: он бросил сребреники свои в церкви. Обратился было он к первосвященникам: но и те не оказали ему никакой помощи. Тогда он, увидя себя только с самим собой, и – погиб. В отчаянии можно различать два вида: бывает отчаяние мирское, или в делах мирских, житейских, и религиозное, которое, собственно, относится к прощению во грехах. Человек вошел в платные долги или чем-либо

обесчестил себя пред белым светом, или должен вынести какую-либо неприятность, – угнетение от кого, казнь по суду, и – отчаивается. Свое отчаяние он начинает выражать питьем вина «с горя» или развратом, или решимостью на новые и новые преступления. Иной же допустил смертный грех или приводит себе на память множество прежних грехов, и – отчаивается: называет себя погибшим грешником, отверженным и от Бога, и от людей. К такому состоянию приходил Каин: *«взявшая вина моя, еже оставится ми»* (Быт.4:13). Так как полное отчаяние человека есть самое не естественное состояние, это, чисто сатанинское, состояние: то человек не выносит его долгое время. К тому же и враг-дьявол, более всего радующийся в человеке отчаянию, не дает ему, так сказать, одуматься и старается окончательно погубить его. Поэтому отчаянный скоро решается на самые крайние меры: отсюда происходят самоубийства с отчаяния. Самый род смерти отчаянных самоубийц показывает, как невыносимо их состояние, – как «для них, чем скорее, тем лучше». Они не пускаются вдаль куда-либо и не откладывают на целые недели и дни, чтоб выполнить угнетающую их мысль: лишить себя жизни. Нет, они тут же в своей комнате или в нескольких шагах от жилых помещений, не дожидаясь ничего, поднимают на себя руки (подробнее о вине самоубийств будет сказано в 6 заповеди). – Что же сказать о вменяемости этого греха? Без сомнения, это грех такой, что и нет подобного ему по страшным последствиям. Отчаянный отрекается Бога, – несколько лишь иначе, чем безбожник. Последний своей философией или какими ни есть умствованиями и суждениями отвергает Бога. Отчаянный же и признает бытие Божие, – но отвергает Бога самым делом или, точнее сказать: отвергает Его, как существо милосердное и всемогущее. Этот человек представляет себе Бога безжалостным, жестоким или же слабым, бессильным. По его понятию Бог не хочет или же не в силах спасти его от какой-либо беды, и уже ему нечего умолять Бога о помощи. Значит он восстает против самого существа Божия, которое *«любвы есть»* (1Ин.4:8). Что в полном отчаянии человека заключается отречение от Бога, видим из примера жены Иова: безумная

советовала многострадальному праведнику прежде самоубийства отречься от Бога (Иов.2:9). – Религиозное отчаяние не менее виновно. Здесь человек унижает искупительную жертву Иисуса Христа: он поставляет свои грехи выше, чем оказал заслуги пред правдою Божией Сын Божий, сделавшись человеком и пострадав за мир. Он считает для себя недостаточным покрыться от гнева Божия Христовыми заслугами. Между тем, *«не яко же прегрешение, тако и дар»* (Рим.5:15), т. е. жертвоприношение Христово несравненно превышает тяжкие прегрешения людей; между тем, тысячи примеров из истории показывают, как самые отчаянные грешники получили прощение. И, если жертва Христова с избытком заглаживает грехи целого мира, всего рода человеческого; то ужели недостаточно ее было бы для заглаждения грехов его одного, хоть бы он совершил все известные в мире грехи, хоть бы и каялся уже много раз, но опять без числа согрешил? Так, отчаяние есть грех из смертных смертный. Это *«грех хулы на Духа Святого»*, не прощаемый *«ни в сей век, ни в будущий»* (Мф.12:31), – не прощаемый, впрочем, не потому, чтоб он «препобеждал человеколюбие Божие» или чтоб Господь Бог не хотел простить (в этом смысле не прощаемых на свете грехов нет): но тут, собственно, сам человек отвергает единственное средство к своему спасению: *«благодать Божию»* (Гал.2:21), без которой никто не может спастись, сам пред собой он затворяет двери. О, как же опасно не воспротивиться только первым мыслям отчаяния! Но иногда за отчаявшегося должны дать ответ пред Богом и другие. Он, видимо, кидается туда и сюда, умоляет или же проклинает; между тем, окружающее относится к нему холодно, равнодушно: ни помочь ему, ни пообещать только помощь, ни утешить его дружеским словом, ни ободрить ласковым взглядом, – ничего не хотят. Так отнеслись первосвященники иудейские к Иуде. Тогда как Иуда громко, всенародно говорил о своей вине, тогда как душа его очевидно готова была низринуться во ад, они с презрением ответили ему: *«что есть нам? ты узриши»* (смотри сам) (Мф.27:4). О, Создатель и

Спаситель мой! Посети меня всяким посещением в жизни, но только сохрани от отчаяния!

Излишняя надежда на милосердие Божие

«О богатстве благости Его... нерадиши» (Рим.2:4)? Есть люди, которые доходят до другой крайности, чем отчаянные, которые пред каждым своим грехом или после множества тяжких грехов только говорят: «Бог милостив...; все простит Бог». Так говорят, и сами не просят прощения, будто прощение должно прийти к ним само по себе. Так говорят, и в душе своей вовсе не таят желаний сколько-нибудь и когда-нибудь (например, хоть бы под старость лет) измениться; напротив, еще остаются довольны собой, еще думают, что «особенных грехов не имеют». Так говорят не однажды, а тысячу раз, или во всю свою жизнь. И так-то надеются на Бога только в этом одном случае: в прощении грехов; в других же случаях не живут надеждою на Него, а надеются на себя или на человеческую помощь. По их мнению, достаточно им для спасения того, что «они христиане», а не язычники какие-либо; между тем, как «вера без дел мертва есть» (Иак.2:20), да и в таком случае цель искупления Христова по отношению к ним не достигается (Еф.2:10) и ими самими совершенно искажается. О том, что Бог, вместе с тем, бесконечно правосуден и, что, если Он долготерпит и тяжким грешникам, то, ожидая их покаяния и исправления (Рим.2:4), – о том эти люди помышляют. Они только желают видеть Бога более и более милостивым, чтоб более и более грешить. Таким образом, Господь Бог, судя по их направлению, как бы потворствует им в грехах, и как бы участник их грехов: если б Он не был милостив, то они и не грешили бы (а то «грешны да Божии»). Конец здесь выходит не тот же ли, что и в грехе отчаяния? Отчаявшийся, прилагает вину к вине, преступление к преступлению, потому что потерял всякую надежду восстать при помощи Божией от падения и быть прощенным во грехах; но, вот, и чрезмерно надеющийся на милосердие Божие, нисколько не думает об исправлении себя, о борьбе «противу греха до крове» (Евр.12:4) без конца грешит в такой надежде, что все будет прощено ему. А, таким образом, и состояние последнего менее ли опасно и вина менее ли

преступна? Да, этот человек вместо милосердия Божия отвергает в Боге самым делом другое свойство – правосудие, искупительную же жертву Спасителя уничижает в одинаковой мере, как и отчаянный. Словом, чрезмерная надежда на милосердие Божие есть так же, как и отчаяние, грех хулы на Духа Святаго, т. е. не прощаемый.

Страсти, которые человек поставляет себе вместо Бога

Телесные страсти

Чревоугодие, или плотоугодие

«Имже Бог чрево», сказано о некоторых людях (Флп.3:19). В ближайшем смысле здесь разумеются: чревобесие и гортанобесие. Что такое чревобесие? Это значит «бесноваться о чреве», или для удовольствий чрева, – употреблять пищу и питье сверх меры, собственно, не для потребности тела, а по страсти. Когда человек есть и пьет только ради потребности, то определяет для себя меру в столе и держится определенной меры; иногда он и прибавляет эту меру, но только для того, чтоб поддержать телесные силы. Что такое гортанобесие? Это значит «бесноваться об услаждении гортани», – быть слишком разборчивым или изобретательным в пище и питье, любить до пристрастия такие снеди (лакомства), которые щекотят гортань и которые столько вкусны и приятны, что и не хочется вдруг проглотить их. В отдаленном смысле, чревоугодием, или плотоугодием, называется пристрастие к чувственному, или страстная привязанность к нарядным одеждам для украшения тела, к жизни в довольстве и покое, к пирам, разным играм, увеселениям и зрелищам. – Кратковременный отдых после трудов, соединенный с какими-либо удовольствиями для тела, угощение и принятие угощения по какому-либо случаю еще не составляют страсти чревоугодия, хотя и тут могут быть погрешности этой страсти. (Св. подвижники объедение называют «главою страстей», подобно тому, как начальник бесов есть падший денница⁴. И хорошо удерживать себя от излишества в пище представлением себе мертвого человека, который уже ничего не хочет есть, а от излишнего питья – мыслью о желчи Христовой). – Как всякая страсть есть усиленное стремление к чему-либо желательной силы души и укоренившаяся в душе наклонность, так и чревоугодие проявляется или готово проявляться постоянно, изо дня в день. – Чревоугодник делает душу свою плотскою. Он говорит к своей душе: *«душе! имаша многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пей, веселися»* (Лк.12:19). Что почитается только средствами к жизни, в том он видит истинные блага, истинное

для себя счастье, как сообразно этому понятие его и говорится к нему: *«восприял еси благая в животе твоём»*. «Поесть и попить сладко, повеселиться на свете», вот его задача в жизни! И в этом первая его вина. – Затем, так как жизнь в плотских удовольствиях требует состояния, или средств (нищему нельзя быть чревоугодником в полном смысле этого слова), то чревоугодник, не имеющий состояния наследственного или раньше приобретенного, заботится изо всех сил нажить себе состояние. Но цель здесь одна: *«пожить в свою плоть»*. Это вторая вина его. – Наконец, когда у него уже будет состояние, когда даже все польется ему, как из источников; когда он будет и здоров (больному также трудно быть чревоугодником); когда, придумывая разные плотские удовольствия, развлечения и будет пользоваться ими, так что почти ничего противного или неприятного в жизни не будет встречать, тогда думает, что и во весь век не расстанется с такою жизнью. Будущая жизнь после этого и не приходит к нему на память (чей-либо разговор о смерти, или взгляд на мертвеца для него отвратительны); только плоть свою, эту рабыню духу, он утучняет: *«изыдет яко из тука неправда их»* (выкатились от жира глаза их) (Пс.72:7), а душу, эту госпожу над плотью, оставляет в голоде⁵. Это третья его вина. Пример такого чревоугодника во всех указанных нами видах находим в евангельском богаче. Богач предавался чревобесию и гортанобесию; *«и желаше (Лазарь) насытитися от крупиц, падающих от трапезы»* (Лк.16:21). Богач спокойно и в свое лишь удовольствие наслаждался богатством: *«бе богат, а нищ... Лазарь лежаше пред враты его»* (Лк.16:20). Он любил украшать свое тело дорогими одеждами: *«облачашеся в порфиру и виссон»*. Любил обеда, пиры до того, что можно было у него обливаться вином, любил в своем доме и у других всевозможные увеселения, и все это было не исключением каким-либо, или редкостью в порядках его жизни, а жизнью каждого дня: *«веселяся на вся дни светло»* (Лк.16:19). По первому взгляду в этой жизни не представляется ничего страшного или преступного: так-то и ныне каждый плотоугодник не считает себя великим грешником, а думает, о себе, что живет как следует на свете жить, что это жизнь благородная. Однако

же евангельский богач после своей смерти увидел себя *«во аде и в муках»* (Лк.16:23). Не к тому же ли концу приведут и каждого человека *«пространная врата и широкий путь»* (Мф.7:13) жизни, если только не сойдет кто поскорей с этого пути? Да, с одной стороны, невозможно человеку получить во всей полноте две награды: *«и земную и небесную»* (*«восприял... благая..., и Лазарь такожде злая»*), а с другой – вполне и всегда плотоугодная жизнь человека не имеет ничего общего с Богом, напротив – столько противна Богу, что у апост. Павла прямо называется *«идолослужением»* (Гал.5:20). – Как же православный христианин должен держать себя, чтоб не быть чревоугодником? Он всю жизнь свою должен носить в своей душе и стараться оправдывать в жизни слова: *«уже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми»* (Гал.5:24). Однажды и навсегда *«распяша»*, и без сомнения – не физически или механически, а нравственно – со сластями греха, и преимущественно – с плотью; потому что плоть после греха Адама *«похотствует и дух»* (Гал.5:17); в ней-то страсти и похоти преимущественно проявляются и находят себе поддержку. Итак, христианин помнит: *«вся ми лет суть (позволительно), но не аз обладаю буду от чего. Брашна чреву, и чрево брашням: Бог же и сие и сия упразднит»* (1Кор.6:12–13). Плоть отпадет, а дух останется. И кто, посему, сеял более *«в плоть свою, от плоти и пожнет истление»* (все, чем питал плоть, даром пропадет, и что, собственно, страшного в этой пропаже – она вечна): а кто сеял более *«в дух, от духа пожнет живот вечный»* (Гал.6:8) приобретет блаженство вечное). В уставе церковном, например, относительно трапезы, или стола, говорится иногда: *«бывает велие утешение»*. И вот, если это *«утешение»* будет в редкость, да и тут христианин будет считать себя недостойным его; – если мы вообще не будем всячески доискиваться на земле *«утешения»*, или спокойной жизни, по бессловесному любить плоть, живот и покой ее; если будут занимать нас и возрастать в нас утешения духовные; если плоть свою начнем приспособлять к жизни духовной, а отсюда естественно явится у нас строгость к себе во всем, плотские удовольствия потеряют свою привлекательность; – если все

будет так с Божией помощью: тогда и не будем повинными
чревоугодию.

Пьянство

«Пьяницы царствия Божия не наследят» (1Кор.6:10). В смысле страсти пьянство бывает или без перерыва времени, каждый день (крепкие телосложением и выносят до времени такую нетрезвую жизнь, выполняют и должность свою, хотя не без опущений); или с некоторыми промежутками времени, до первого свободного дня или до первого случая упиться; или, наконец, чрез известные сроки и в продолжение известного срока, но уже с самым свирепым характером: это болезнь, известная под именем «запоя». Пьяница ни в семье своей, ни на должности ни в общежитии, – нигде не бывает приятным, полезным и достойным доверия человеком (о вреде страсти пьянства для здоровья и жизни будет сказано под 6 заповедью). Но в отношении к Богу это самый неверный и изменчивый раб. Пьянство в такой степени отвлекает от служения Богу, что для пьяницы вино вполне кумир, которому он поклоняется и приносит всего себя в жертву, особенно в период свирепого запоя. Отвлекает оно от Бога, потому что привлекает к всевозможным грехам и преступлениям. Ободлив себя вином или дойдя до сильного опьянения, на какие преступления не решается человек? При помощи вина, совершивший одно преступление, может совершить и еще пять-десять преступлений. Этою страстью человек поставляет себя в отношении к Господу Богу как бы в неисправимое состояние. Когда будет случай упиться, да к тому еще присоединится со стороны соблазна (упрашивание, компания), тогда он жертвует для своей страсти и молитвой, и другими священными обязанностями христианина; например, для говенья, для исповеди и св. причащения, у него и в целом году не найдется нескольких трезвых дней; или он все откладывает свое говенье или же приступает к этим таинствам, не совершенно освободившись от винного запаха. И со стороны подать ему добрый совет к исправлению трудно. Надобно ловить время, когда бы он мог понять и принять ваш добрый совет: то он нетрезв, то мучится после сильной нетрезвости; это как человек

сумасшедший каждый день, особенно, если имеет беспокойный характер. «Вином на вино» (т. е. после излишнего вечера допуская новое излишество на другой день за обедом, вместо того, чтоб покрепиться и дать желудку очиститься от винных влаг, а также, и после обеда, невоздержного повторяя то же невоздержание относительно вина вечером), – так-то многие, особенно в молодых летах, быстро развивают в себе страсть и сильнее привыкают к вину, чем грудное дитя к матернему молоку. Другие страсти на время немеют при каком-либо поразительном случае, а пьяницу, особенно в период его болезни, ничто не останавливает. (Скажите ему, что, вот, в другой комнате умирает его жена, и эти слова не потрясут его так, чтоб он вдруг почувствовал отвращение к вину и решился бы не пить; и тогда он, да тогда-то еще скорее, протягивает свою руку к чаше с вином). О, какая же это свирепая страсть! сколько погибло и погибает людей от нее! сколько погребено в вине талантов ума и добрых качеств души! Но скажут: «в болезни пьянства человек находится под неволей и сам себе не рад». И, как болезнь, пьянство не извиняется. Страшные примеры этой болезни на других должны научать каждого, чтоб не развить в себе самом той же страсти: самые ожесточенные винопийцы не вдруг же сделались такими, но постепенно развили в себе страсть (запой, например, бывает сначала на три дня, а потом по неделе, а затем и по месяцу). Но, если кто по наследству от родителей, или по господствующей в родстве страсти, предрасположен к пьянству и запою, то тем более должен вооружиться против страсти, помня наставление: *«прежде недуга врачуйся»* Сир.18:19 – должен увериться, что первое, и второе, и третье опьянение от вина не ничего не значит для него, но скоро приведет его на ту же дорогу, по которой шли его родители, – шли и погибли. (Не начинает ли развиваться страсть к вину – это легко может проверить в себе каждый невоздержный, отказом себе в вине на месяц, на два, – и проверить может, и ослабить начинающуюся страсть). От запоя нужно и лечиться, – стоит перейти *«море и сушу»* (Мф.23:15), если где есть люди, известные своим искусством излечивать от него без вреда вообще организму; между тем,

больные этого рода редко решаются лечиться, не признавая себя и больными, а в сущности дела, не желая расстаться с любимой страстью. Должны они предаться заботам других людей, которые хотят исправить их, и даже вопиять и умолять о посторонней помощи к поддержке себя. Особенно же должны, решившись не упиваться более (твердая решимость здесь имеет величайшее значение), должны прибегнуть к духовным средствам против своей страсти. Это молитва, питье каждый день святой воды, приобщение святых Таин Христовых. О, ради Бога! Пристрастившиеся к вину, тем более страдающие болезнью пьянства (запоем), ради Бога воодушевитесь же, пробудите в себе твердую волю, положите решительный шаг, преодолеть свою страсть! иначе и пред смертью можете не успеть покаяться во грехах своих: как известно, многие ведь от запоя умирают вдруг, или же без сознания, в белой горячке. Ради Бога, пожалейте себя, и для этой жизни (ужели она наскучила вам?), и для вечности. Сначала оставьте хоть крепкие напитки (хлебное вино), а потом совершенно и всякое опьяняющее питье. Господь и добрые люди вам помогут!

Плотская страсть

«Явлена (известны) суть дела плотская, яже суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние» (Гал.5:19). В этих кратких словах плотская страсть вполне обнимается. Действительно, она может держаться и держаться и в супружеском состоянии: прелюбодеяние⁶. Тем более она овладевает людьми вне законного брака: блуд. Наконец, проявляется в противоестественных грехах, и часто в одних грехах этого рода: студодеяние (непотребство). Отличительный характер ее: она обща, доступна и мужескому, и женскому полу, и старым, и молодым людям, и даже, своим образом, детям. Она в такой же близости находится к человеку, как близка к каждому его плоть. Она привлекательнее других страстей, легко и быстро пробуждается снова. Хоть тысячу раз будет побеждена, – снова нападает на человека, подобно лисице, притворяясь спящею, только бы от человека был повод к ней. Мысль самонадеянная, что не падешь, когда, между тем, часто падал, очень вредит. «Страсти любят возвращаться» – это особенно приложимо к плотской страсти. В какой же степени – это преступная страсть? насколько она удаляет от Бога? Что сказано о блудном сыне: *«отъиде на страну далече»* (Лк.15:13), ушел далеко от отца своего, который есть для всех нас Отец небесный: то же относится и к каждому, кто предался плотской страсти. Да, эта страсть столько занимает человека, держит его в состоянии такого осквернения по душе и телу, что человек совершенно забывает, или с трудом может вспомнить Бога, Который есть чистота и святость (1Кор.6:19). Эта страсть более всего убивает в человеке страх Божий и творит безбожников: *«ниже Бога таковый боится, ни человек стыдится, ни себе щадит»*, говорит один из св. отцов о развратнике (Св. Дим. Рост. в Летоп.). Поэтому-то она (как были уверены святые подвижники) особенно радуется за человека бесов. Какие последствия ее (кроме вреда для настоящей жизни)⁷ в будущем свете? *«Таковая творящи, царствия Божия не наследят»*, сказано (Гал.5:21). А для кого не будет

царства Божия, того неизбежно ожидает «пропасть велика» (Лк.16:26); потому что на том свете среднего состояния нет, но только будут две противоположности: вечный рай и вечный же ад. Таков суд Божий на тех, которые потонули в плотской страсти! Однако ж, этот страшный суд тяготеет над несчастными во всей силе только дотолы, пока они живут так. Пусть же они выйдут из бездны греховной, пусть восстанут от своего падения, и – суд о них изменится. Откуда заимствуем такую радостную надежду? Из тех же самых слов св. Писания, которые и осуждают на лишение царства небесного прелюбодеев, блудников и прочих осквернителей себя плотскими грехами. Сказано: «*таковая творящий*», а не «*творивший*». И, о! если б преданные плотской страсти и поспешили покаяться, решительно прекратили бы богопротивную страсть. Средства же к исправлению, хотя бы и медленному для иных, всегда найдутся. Они указаны и в слове Божиим (Мф.17:21), и в житиях святых, которые с величайшей тонкостью постигли эту страсть, не оскверняясь ею на самом деле (исключения известны немногие), но только борясь с ней. Так, например, она более всего поддерживается пресыщением: и утихнуть может более всего от строжайшего воздержания (особенно, в вине), и при помощи постов: пресыщаясь пищей и питьем (первое всего тут пища утучняющая, как мясные блюда, а питье разжигающее, как винные и подобные напитки). Пресыщаясь, человек так же не в силах преодолеть в себе плотскую страсть, как маслом невозможно потушить пожар. Первое и раннее утро каждого поста не тотчас ли дает человеку почувствовать усмирение в себе плотской страсти? (Заботливость о своих обязанностях, утомление себя, умеренность во сне, для кого возможно, и служение больным или увечному, вообще же, сострадание ближнему, памятование смерти и горения в огне геенском, молитва св. Моисею Угину (Четь-мин. под 26 июля) и мученице Фомаиде (Четь-Мин. под 13 апр. От Патер. Скит.), кроме молитв к Господу Богу и Божией Матери, – вот также сильнейшие средства к исправлению от этой страсти!). Итак, никто, сколь бы глубоко не пал, и хоть бы в самой последней бездне страсти

был валяясь, – никто да не теряет надежды встать, исправиться и избежать вечного осуждения!

Но есть страсть плотская, которая не составляет вины. Какая же это страсть, и, в то же время, не страсть, не грех? Это страсть без удовлетворения похоти, и в самой душе ненавидимая, отвергаемая. Она подразделяется на два периода времени: в первый период ее мучат человека скверные мысли и пожелания: рисуются воображению картины, одна другой соблазнительнее; во второй период, или в дальнейшей борьбе с нею, бывает одно разжжение плоти без скверных мыслей, но тут еще более беспокойства человеку. (Во время ходьбы, например, или движения, страсть почти не чувствуется. Но за сиденьем и во время лежания тотчас появляется. Сидит человек и занимается делом: но тело его разгорячено, как печь; и в холод ему тепло при легком только одеянии; он мог бы поделиться теплотой с другими. А лежать долго и не может он: во сне, впрочем, чувствует себя спокойнее. Такие нападения от беса полуденного (Пс.90:6) бывают, преимущественно, в полуденное, или послеобеденное время. Передать их нельзя: до того они наглы, тяжелы). Без всякого сомнения это напасть от дьявола. Доказывают то все проявления такой плотской страсти: а) страсть пробуждается, когда человек не желает удовлетворить похоти, и не ищет удовлетворения, – особенно в уединении; б) против нее не помогают ни оставление мясной пищи, ни малое ядение и питье, ни короткий сон; были опыты, обращались в начале к врачам против нее, как бы против физической болезни: но врачи, самые опытные, не могли понять этой болезни и рецепты их с сильными веществами не принесли пользы; в) она продолжается сряду многие годы (наприм., по 20), не стыдится и преклонных лет (60–70); г) она перестает действовать, или на время утихает, если человек немного лишь уклонится от молитвы, вообще, от духовных дел к мирским занятиям, наприм., по какой-либо общественной должности; д) она, без сомнения, совсем перестала бы действовать, если б человек стал жить по-мирски, если б оставил свое строгое духовное направление. Напротив, она усиленнее действует с одной стороны: аа) за погрешности и падения, которые и

допускает и человек духовной жизни, например, за горделивость, особенно же за осуждение ближнего; таким образом, Божие то попущение приводит здесь человека к сознанию его недостатков и к смирению; а с другой стороны: бб) по случаю особенно добрых дел; в этом случае нападения от нее бывают сильнее, то пред совершением добрых дел, то затем. Но такого рода плотская страсть, постигающая иногда и живущих в миру, не удаляет от служения Богу. Она только мучит человека; действительно, расстраивает его дух, однако же не до того, чтоб он совсем не мог молиться и заниматься духовными делами. Так. обр., она не грех, а только борьба с грехом. Она не вменяется в вину, а еще составляет великий подвиг человека, как, например, этот подвиг несли Иоанн Многострадальный и другие святые Божии. Вернейшее и сильнейшее средство против нее: самое частое приобщение святых Таин Христовых, к которому и нужно приступать в борьбе с ней, «*нимало не сомневаясь*» (Иак.1:6)».

Употребление табаку до чувства голода в нем и во вред

Табак, умеренно употребляемый и в пользу, без сомнения, не составляет вины; так, например, он может быть полезным в какой-либо болезни, возбуждает к бодрствованию ночью, которое по каким-либо особым обстоятельствам требуется. Но невинная ли это привычка употреблять его, особенно курительный, – тем людям, которые нисколько не нуждаются в нем ни по своему телосложению, ни по своим занятиям, а тем более – лицам женским и несовершеннолетним детям? Он – потребность помимо природы, пища не естественная: скорее же, природа указывает на потребность для человека в вине. Что все, так сказать, поголовно употребляют ныне курительный табак, эта случайная всеобщность его употребления еще не может произвести его в чин естественной потребности. Не грех ли это, когда человек, имеющий по семейству много разных расходов, тем более бедный рабочий, разоряется еще и на табак⁸ (в год цифра расхода на эту прихоть составляет и очень почтенная)? Не тяжкий ли грех, когда кто кашляет, страдает одышкой, и – курит? (Нынешний способ курения папиросы – для груди еще более, может, вредить, а также и зрение он портит). Не страсть ли это, когда курят почти непрерывно? – пробудятся утром и, не оставляя еще постели, берутся за куренье; затем, и долго иногда терпят без пищи, поздно садятся за обед, но никак не могут потерпеть без куренья и прежде обеда пять-десять раз покурить; пробудятся ночью, и бросаются к куренью; хоть пять раз пробуждаются, например, по какой-либо торговле, и не иначе могут каждый раз заснуть, как с куреньем. А вред для людей, живущих в праздности и неге, куренье становится делом. Останется иной без запаса табаку на несколько часов, или же сделает опыт бросить эту привычку и несколько дней, действительно, не курит. Какая же скука! Какое беспокойствие духа! Будто и не будет у человека цели в жизни! Что же, ужели это не страсть? Не должен ли бы человек подумать, что это за пища, без

которой он чувствует голод, без которой и на ум нейдет ему дело? Как многие, сильно привыкнув к табаку, раскаиваются в этой привычке своей, потому что она в тягость им! Но, между тем, к горькому сожалению, во сколько крат еще больше таких, которые легко бросаются на эту модную привычку! Сначала курят – как все дети – по шалости или из подражания – как в товариществе, в обществе, – а затем и по страсти. Но, чтоб видеть, как и эта страсть, кроме вреда здоровью и в хозяйственном отношении, кроме тягости самому человеку, – как она сталкивается со служением Богу единому: довольно сопоставить ее с теми минутами и часами, когда человек исполняет какой-либо религиозный долг. Вот, иной пришел в церковь ко всенощной или обедне, и скучает продолжительностью службы. Зачем же? Его томит позыв к куренью... и, возвратившись из церкви, тотчас же он бросается за куренье. Вот, другой готовится приступить к святым тайнам Христовым, – может, раз в год: и как нелегко ему провести одно утро этого дня без куренья! Вот, третий, истинно-набожный человек, прибыл поклониться святым мощам: ему искренно хотелось бы оставить привычку свою на все дни своей бытности у святых мощей; но он не в силах отказать себе в ней и, собираясь в церковь к обедне, предполагая там поклониться гробу угодника, удовлетворяет ей! Была в доме служба молебна, и – тотчас же после службы сам хозяин и гости берутся за куренье. Страсть эта располагает, особенно молодых людей, к рассеянности и, в некоторой мере, к легкомыслию, а также, и к бездействию: нет серьезного разговора или дела, особенно так в постороннем доме, и тотчас ищут около себя табаку, или пользуются им у хозяина, как первым угощением. Скажут: «стоит ли преследовать столь маловажную привычку»? Но зачем же и любители ее не хотят отстать от нее, если она маловажная? Зачем упорно держатся ее, – не хотят, например, сделать уступку родителям своим или воспитателям в заведении, которые убеждают оставить ее? О! и мы убеждаем – умоляем тех, которые еще не знакомы с этим удовольствием курить, или нюхать табак: не испытывайте же этого удовольствия; тысячу раз будете довольны тем, что не нажили

себе лишнего расхода, лишних принадлежностей около себя, лишней заботы, лишнего – как для многих – врага здоровью и лишнего увлечения! Убеждаем – умоляем тех, которые уже начинают пристращаться к табаку: поспешите расстаться с ним, а иначе, чем дальше, тем будет хуже; иначе сочините себе голод, с которым нелегко будет бороться! Если же и сами, проверив себя строго, находите, что употребление табаку для вас не только излишество, но и вред душе и телу: то с крестным знамением выйдите на борьбу с этой привычкой! Бог поможет!

Страсть к картежной игре

Страсть к игре сама по себе, как страсть, есть грех. Сказано: «*Тому единому послужиши*» (Мф.4:10). Между тем, пристрастный к денежной азартной игре служит, как идолу, картам: весь припадает пред этим идолом. Мысль свою приковывает только к игре; да и сам себя приковывает к седалищу на несколько часов сряду, даже на целые дни и ночи, отказывая, себе в отдыхе и сне. От карты он ожидает себе счастья приобрести деньги. Усевшись за игру, выходит из ровного настроения духа, которое свойственно человеку благочестивому; ежеминутно переходит от страха к надежде, и от надежды к страху, раздражаясь этою самою сменю чувств продолжать ее. Затем, он вредит и ближнему, обыгрывая ближнего, по крайней мере, сгорая желанием обыграть его. Вредит самому себе, проигрывая свое состояние. Увлечение этою страстью доходит до того, что иногда игрок проигрывает и дом, и вещи, пускает в игру и чужие деньги, которые поручены ему для хранения или расходования, отсюда расстройство торговых и хозяйственных дел или потеря службы, подсудимость, тюремное заключение, а иногда (от карт-то, страшно сказать!) и покушение на собственную жизнь. Некоторые держат себя на картежной игре особенно безнравственно: увлекают в нее не искусных, употребляют поддельные карты, передергивают или подменивают карту и прибегают к обманам другого рода, – партией путешествуют в места торговли для преступной цели обыграть. О, счастлив тот человек, который и понятия не имеет об удовольствии картежной игры!

Страсть к чтению

Кто проводит в чтении книг не только часы дня, но часто и целые ночи; кто, не желая оторваться от занимающей его книги, забывает и пищу, и дело свое (увлечение такого рода чаще всего бывает при чтении легких книг), тот, очевидно, дошел до страсти, своего рода, – и страсти предосудительной. Надобно прежде всего сказать, что чтение не есть еще дело или труд, а, скорее, удовольствие, препровождение времени и услаждение чувств. Даже и тогда, как читается духовная книга, и тогда нужно видеть в нем только настроение духа к душеполезному делу, а не самое еще дело. Зло увеличивается от того, когда читают книги и журналы без разбора их, без прямой и высшей цели, для того только, чтоб читать, чтоб занять свой праздный ум, из любопытства, а не по истинному любознанию, в ущерб собственной мыслительности. В таком случае, не только уже мало оставляется времени для служения Богу, но и самое служение (добросовестным выполнением своих обязанностей, молитвою или другими духовными делами) иначе понимается, или совсем оставляется. Направлением книги очень легко увлечься, – особенно молодым людям, и особенно в том смысле, что направление, даже иногда и доброе, еще не может иметь применения к читателю. Но вообще, те люди крепче, которые меньше читают, а больше делают, которые не довольствуются тем, чтоб другие за них думали, а сами обдумывают, и думы свои берут с опытом. (О вреде глаз, например, от чтения, особенно ночного, уже и не говорим).

Пристрастие к творениям Божиим: к человеку, к животным, цветам, драгоценным камням

Всякое пристрастие опасно. Так, например, слепое пристрастие к известному человеку (по привычке ли к нему, по нужде ли в нем, или из уважения к его уму) не обходится без обид другим лицам, а главное – и опять заставляет делать отступления от прямых обязанностей в отношении к Богу. – Пристрастие к животным охлаждает чувства доброты и сострадания в отношении к людям, между тем, как в любви-то к ближнему должна развиваться и доказываться любовь к самому Богу (1Ин.4:20–21). Богач питал от своего стола псов, и не обращал внимания на голодающего Лазаря (Лк.16:20–21); иные до того привыкают к своей собаке, что ни шагу не сделают без нее; целуют ее, а также другое какое животное, и ненавидят человека без всякой даже причины; жалеют потерявшуюся собачку, и без жалости беспокоят других для отыскания ее, жестоко взыскивают за потерю ее; плачут о падшем животном, и никогда не поскорбят о своих грехах. – Наконец, страсть к цветам, для приобретения которых в зимнее время делаются большие расходы, и к драгоценным камням, которые стоят еще больших денег, предосудительна в нравственном отношении, как всякая прихоть. Ахав из-за страсти к саду слег в постель и хлеба не ел, а затем и допустил совершиться страшному преступлению, чтоб иметь у себя любимый сад (3Цар.21:1–17).

Пристрастие к немногим и незначительным вещам

«Вменяю вся уметы (сор) быти, да Христа приобретаю» (Флп.3:8). Привязанность к вещам имеет и добрую сторону: она делает человека постоянным в местопребывании, потому что иные вещи бывают недвижимы, или же неудобны для передвижки. Но когда эта привязанность перейдет в пристрастие, тогда уже и худо, тогда уже связал себя человек, хоть бы пристрастие его относилось к ничтожной вещи, как, например, трость, книга, корзинка. И хранит-то человек любимейшую свою вещь с великою заботою, например, уходя куда, и защищает ее, в случае постороннего прикосновения к ней, до того, что сердится на других, заводит спор. А когда лишится этой вещи, то весь в печали, как печалится дитя о своем рожке, из которого питался молоком. Не очень ли сходственно здесь страсть проявляет себя с тем, как кто пристрастился к многому и скупится драгоценными вещами? Да, сила на этот раз более в различии предметов, чем в самой страсти, хотя вина и несравненно меньшая. Да, были примеры, что иные после многого и драгоценного, к которому питали свое пристрастие, но от которого добровольно отказались или поневоле отстали, – после этого, так сказать, пересаждали свою страсть на другое место: они пристращались к незначительным вещам, без которых не могли обойтись. Итак, духовная опытность научает нас не связывать себя и самую малую вещь, чтоб из-за нее не отвлечь нам своего внимания от Бога. Без пристрастия обладание и многим позволительно и невинно, а с пристрастием и ничтожное владение вредит.

Душевные страсти

Самолюбие и излишнее саможаление вместо самоотвержения

«Не себе угождати» (Рим.15:1). Любить как есть всего себя и душу свою, и тело, жалеть самого себя, – есть чувство невинное и законное; потому что душа человека вещь очень ценная, так что потеря ее не может быть заменена и целым миром (Мк.8:36), а плоть его естественно «*питается и греется*» (Еф.5:29), в будущем же свете будет разделять вечную награду вместе с душой (2Кор.5:10). Но правильную любовь к себе человек заменяет самолюбием и излишним саможалением, самоугодием. Самолюбие, можно сказать, общечеловеческая страсть. Человек только себя любит и жалеет, безразборчиво выполняя пожелания своей души и плоти, между тем, как теперь эти пожелания не то, что в раю до падения Адама, – не верны, почти все клонятся только к пристрастному употреблению. (Когда же они бывают верны, где и на сколько нужно отсекал свою волю, отказывать себе в лестном и приятном, – для этого и дан закон Божий, поставлена учить святая Церковь, оставили после себя множество своих опытов и наставлений святые отцы и подвижники). Человек единственно себя, свою личность делает предметом любви, так что, думает ли он о чем, говорит ли что, или делает, во всем и всегда имеет личное какое-либо удовольствие и личную выгоду, а не славу Божию и пользу ближнего. И в ближнем он любит только самого себя, отчего круг его любимцев очень тесен; даже к самым кровным, даже к детям, чистая уже здесь по природе любовь иногда в нем проникается личным удовольствием, превращается в самолюбие, отчего пристрастие, потворство бывают обыкновенными недостатками ее. Очевидно, такая любовь человека к самому себе противна Богу и тем она богопротивнее, чем более развито в ком самолюбие и саможаление. К чему же все это приводит? может быть, здесь одна слабость, и не представляется ничего опасного? О, нет! Самолюбие губит все. Так как нужно любить «всем сердцем и всей душой» Бога, в Котором все прекрасное, а самолюбивый

признает достойнее любви себя, больше свою волю во всем творить, чем Божии заповеди, больше по-своему мыслить, чем по-Божьему; то, в свою очередь, и Господь Бог отказывает ему в Своей любви: «Аз любящих Мя люблю» (Притч.8:17). – Самолюбие составляет корень всех страстей человеческих⁹. Какую бы страсть, телесную или душевную, более или менее преступную, ни стали мы поверять по ее родопроисхождению, окажется, что она родом от самолюбия, что в ней есть хоть некоторая доля самолюбивых побуждений. Таким образом, самолюб и опять не боголюб: он стремится к страстям, а не к Богу. – Затем, и в отношении к ближним он также лишается права пользоваться их любовью по тому самому, что любит и жалеет во всем больше самого себя, чем других; потому что очень щекотлив в обращении с другими. – Наконец, в отношении к самому себе он, казалось бы, уже «друг-приятель»; потому что ни в чем не поперечит себе и так же обходится с собой, как мать с нежным дитятей. Но на деле выходит совсем противное. Желая себе, по-видимому, добра, он делает только зло, так что и самый злой враг меньше ему вредит в жизни, чем он сам себе. Например, в обиде от кого-либо он поступает не по заповеди Божьей, известной ему: «ни единому зла за зло воздающе» (Рим.12:17), но по внушению своего самолюбия: «обидят, – жалко себя, надобно отплатить». И что же? Горячо вступившись за обиду, он еще более накликает себе неприятностей. За всем тем, самолюбие до того общечеловеческая страсть, до того усилилось между людьми, что еще пользуется некоторым почетом. Нередко можно слышать такой разговор о ком-либо: «у него нет самолюбия», или рассуждают: «он лично заинтересован в этом деле..., безынтересное для него дело», хотя бы то дело было самое полезное и доброе. – Как же после этого быть христианину? как ему избежать самолюбия, искажающего невинную и законную по себе любовь к своей душе и плоти? Нужно вспомнить и стараться выполнить самую первую заповедь Спасителя: «иже хочет по Мне ити, да отвержется себе» (Мк.8:34). Отвергнуться себя значит отречься, отворотиться от себя. Исполнение на деле этой заповеди можно пояснить таким

подобием. – Кто-либо отрекся от другого, т.е. почему-либо прекратил к другому всякое сочувственное и доброжелательное отношение. В таком случае, если этого человека и бьют, если томит его голод, если постигла его болезнь, если ему холодно и тесно, и дела нет до него тому, кто отрекся его. Так-то и мы должны поступать в отношении к самим себе для Бога, жертвовать собой Богу, – и не в одном каком-либо случае и на короткое время, но во всем и всегда; например, если б кому вышла счастливая доля ради несомненного добра, ради имени Христова, встретить от других хулы, бесчестие и притеснение, – мы не должны жалеть себя, уклоняться от этих скорбей, как бы были здесь чужие для самих себя (Деян.5:41). И такие отношения наши к себе вовсе не будут жестокостью, напротив, в них-то и выразится истинная жалость, правильная любовь к самим себе; например, если мы и раз, и два удержим себя от излишества в вине, от продолжительного ночного пирования, которое прельщало бы нас, то вот тогда и любим самих себя; потому что после таких побед над собой мы бываем и спокойны, и здоровы. Правда, тяжелы особенно вначале отказы своей душе и плоти там, где душа и плоть по, так называемому, «ветхому человеку» (Еф.4:22), требуют явно противного евангелию и уставам Церкви. Например, как тяжело, живя в мире, почти на каждом шагу встречать невнимание и неблагодарность к истинно-полезным заслугам и, в то же время, видеть расположенность, всякие милости к чьему-либо бездействию или даже к злодейству, только искусно прикрытому! В смысле этой-то тяжести, подобные подвиги христианского самоотвержения и назвал сам Спаситель наш «крестом» и «погублением» души: *«уже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю»* (Мф.16:25). Но зато сладки, о! сладки на целую вечность плоды от самоотвержения: *«и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю»* (Ин.12:25). Итак, истинный последователь Христа, истинно-христианская душа! искореняй в себе страсть самолюбия и вместо того охотно насаждай в себе христианское самоотвержение! Если иногда ты действовал по одному самолюбию и своекорыстию, пусть это будет материалом для

твоего покаяния пред Богом. Но не останавливайся из-за этого, показывай на первый раз хоть малые опыты христианского самоотвержения, например, чтоб пойти в церковь, не смотря на худую погоду. Примером для твоего самоотвержения да будет тебе сам же Христос Спаситель. Он творил не Свою волю, но *«волю пославшаго Его Отца»* (Ин.5:30). В трудных подвигах самоотвержения посмотри только на образ Его в терновом венце, и ты почувствуешь в душе крепость и утешение, почувствуешь даже жажду страданий!

Сердитость-гневливость

«Отложите... гнев, ярость» (Кол.3:8). Первое отродье самолюбия есть гневливость, так что эти страсти немыслимы одна без другой. Бывает гнев и справедливый, благородный, который ободряет нашу душу. Вернее же сказать, это не гнев, а живое сочувствие к правде и столь же живое негодование к злу, пороку, вполне совместимое с чувством кротости (Чис.12:3, снес. Исх.32:27). Не о таком гневе наша речь и несправедливо называть человека «сердитым» за такой гнев. Как страсть, гнев есть безвременное воспламенение сердца, неправильное возмущение всей души. Это как вспышка пороха от огня, горячность при каждой неприятности. В ком сильно развита страсть гнева, кто не обуздывает ее в себе ни пред кем (исключая разве высших лиц), случится ли тут друг, враг, почтенный человек, свой или посторонний: тот, очевидно, неприятный, обидливый человек. К такому человеку и боятся подойти, чтоб спросить или попросить его о чем, опасаются долго говорить с ним, чтоб он не вышел из себя (Притч.22:24). Иногда он своею яростью приводит в смятение целый дом или целое собрание каких-либо лиц, между тем, как в других страстях (впрочем, в редких же) человек вредит одному себе, допуская их тайно, например, плотскую. – Но что же особенно преступного гневливый делает пред Господом Богом? Не одного ли ближнего, действительно, он оскорбляет своею страстью, которая и не обнаруживалась бы и не питалась в нем, если б ближний не был с ним? Каким образом его страсть отчуждает его от Бога? И сама по себе: «*Не есть Бог неустройства, но мира*», сказано (1Кор.14:33). Как же Богу мира пребывать в той душе, которая не мирна и безременно возмущается? Затем, сердитость богопротивна и по своим последствиям. У сердитого человека не достает рассудительности о деле: отсюда действия его часто бывают ошибочны, отсюда «*гнев человека не творит правды Божией*» (Иак.1:20). И он-то не понимает других и другие не могут понять его, он не понимает, потому что по самолюбию своему не хочет выслушивать справедливой речи

других; его не понимают, потому что от вспыльчивости и язык его трясется, и голос хрипит, а иной раз и зубы скрежещут. Таким образом, *«гнев губит и разумных»* (Притч.15:1). В гнев-досаде человек готов и прямо погневаться на Бога. Отсюда его слова в эти минуты: «что это, Господи!». Иногда же гнев доходит решительно до безумия (Притч.29:11) и бешенства. Человек и в отсутствии того, на кого разгневался, махает руками, представляя себе, и желая ударить это лицо. Он сердится и на бездушные вещи, разрушает, что попадет под руку, например, не пишет перо, и – об стол его¹⁰! – Еще виновнее гнев, когда бывает не минутною только вспышкой и не горячностью в одних словах, но долго питается в душе. На сей-то раз припоминается благодетельная заповедь слова Божия прекращать гнев *«до захождения солнца»* (Еф.4:26), или прежде наступления ночи; потому что днем человек может еще развлечься от неприятности, которую встретил, другими встречами, а ночью думы усиливают в нем чувство досады. Но скажут: «невозможно человеку обойтись без гнева». Возможно, но трудно; посему-то сдержанный от гнева, при вызове на сильный гнев, и сравнивается с завоевателем града (Притч.16:32). Сдерживается же человек от дерзкого гнева и молчит, когда высокий начальник говорит ему неприятное или прямо оскорбляет его. В минуты гнева, поэтому, и полезно представлять себе всевидящего Владыку небесного, представлять, что Он Сам велит нам помолчать. Христианин! препобеждай в себе гнев во всех его видах¹¹, чтоб не навлечь на себя гнева Божия. Не оставляй страсти гнева самой себе, успокаивая себя тем, что это еще не великая страсть (Сир.1:22). Сначала она допускается произвольно, т.е. там, где легко было бы обойтись без сердитости и крика, а потом и делается невольною: некоторые и действительно доходили до того, что, даже оставаясь одни, без всякого человеческого вызова на гнев, – сердились, насакивали на своих противников, точно готовые обратиться в духов злых (Леств., сл.8, стр.122).

Вот средства против этой страсти:

замкнутость уст (принуждение себя ничего не говорить, смолчать) в первую минуту вспышки гневом;

если возможно, тотчас уйти оттуда или затвориться там, где начинается раздражение свое или иного человека, если же нельзя удалиться, то, в последнем случае, т.е. в отношении к другому, который сильно разгорячился, хорошо ответить улыбкой и как-либо шуточно, чтоб шуткой-то отойти от него;

предоставление последующим минутам нужного разговора по тому делу, от которого обе стороны в раздражении, так как зло не родит добра;

в случае своей вины пред другим слово ему: «прости» (хорошо и поклон);

крестное знамение (вдруг перекреститься), раздражившись сильно;

обращение к пению духовному (запеть что-либо про себя);

мысль о «ланите» обидящему (Мф.5:39);

молитва за обидящего, хоть бы раз, – относительно же себя – продолжительное моление о безгневии или незлобии, например, к преп. Ефрему Сирину, Тихону Задонскому;

поставление себя на несколько времени, а чем дольше, тем лучше, в такое положение, чтоб не было поводов рассердиться, и чтоб, таким образом, отвыкнуть на сколько-нибудь от сердитости-раздражения, и привыкнуть к тихости духа.

Сребролюбие

«Блюдайте и хранитесь (смотрите, берегитесь) от лихоимства» (любостяжания), с великою пастырскою заботливостью предостерегает нас Христос Спаситель (Лк.12:15). Не осуждает Он, когда кто правильно увеличивает свое состояние: «подобаше... вдати сребро торжником», сказал Он же в притче (Мф.25:27); но в пристрастии к богатству указывает непреодолимое препятствие угодить Богу (Мф.6:24) и получить царство небесное (Мк.10:23). Любостяжание состоит вообще в привязанности к богатству – имению, а сребролюбием в тесном смысле называется страсть копить деньги. Эта страсть явилась между людьми позже других страстей: серебро и золото долгое время не были известны людям. Она действительно, как-то со стороны вкралась к человеку, не имеет ничего сродного с душою и телом человека, не то, что страсть плотская. В этом смысле у св. отцов она и называется «неестественною» (Св. Злат. в толк. на 2Кор., бес.23). Если можно отыскать корень ее в человеке, то так же, в самолюбии. Человек начинает копить деньги под внушением такой самолюбивой мысли: «пусть там живут другие, как хотят; мне надобно обеспечить себя состоянием; с деньгами мне жить будет хорошо» ... Но по мере развития страсти, это «жить хорошо» уже забывается и в самой жизни не оправдывается: далее следует бессознательное, слепое копление денег, т. е., уже не для обеспечения и довольства в жизни, а для самих денег, для металла. Спокойному возрастанию в человеке этой страсти благоприятствует то, что она не бросается в глаза другим, мирится с строгим воздержанием, прикрыта бывает степенною наружностью, а иногда и набожностью. (Да! и набожные люди могут быть сребролюбцами. Пусть иногда они делают значительное какое пожертвование, например, и к церкви, но все-таки остаются сребролюбцами. На что еще ближе примера, эта страсть нашла себе место и в святом обществе Иисуса). Лучшее, по-видимому, отличие сребролюбия от других страстей, оно не столько общая, доступная к людям

страсть, как например, плотская; необходимую принадлежностью его составляют деньги – имение, которые не всякий человек имеет и не всякий же может скоплять; таким образом, сребролюбцы в полном смысле встречаются в редкость. Но зато нет ненасытимее и безграничнее этой страсти: она как бы вымещает на своей жертве ненасытимость за то самое, что мало для нее жертв. Всякая другая страсть доходит до некоторого пресыщения и при каких-либо угнетающих обстоятельствах ослабевает: но сребролюбие не знает для себя ни сытости, ни временного послабления, если человек не хочет, подобно Закхею (Лк.19:8), поступить с ним решительно. Чем больше сребролюбец приобретает, тем более желает приобретать, по мере обогащения, считая себя бедным (на том свете, действительно, он будет нищим). Он желал бы собрать к себе все богатства, превратить весь мир в деньги. В этом случае можно сравнить сребролюбие разве с болезнью пьянства (запой). Чем больше пьяница пьет, тем более чувствует жажду к вину; и, хоть бы постигла его какая печаль, хоть бы он исхудал и ничего не ел (страсть плотская, например, в это время совершенно замирает), хоть бы и заболел чем; но пока на ногах, – все продолжает пить. Так и сребролюбец никогда не перестает желать себе денег и скоплять деньги: исхудалость от чего-либо, или телесная слабость не ослабляют в нем страсти, а неядение или голод еще благоприятствуют ей (как и страсти гнева). Чем ближе человек к старости, тем страсть в нем делается заметнее и упорнее: и разве тогда уже в нем страсть замрет, когда его самого посыплют землей... Отсюда видна преступность сребролюбия, как страсти.

Да, нет хуже этой страсти. По отношению к самому человеку она подавляет в нем высшие и благороднейшие стремления души и делает его таким невольником, что, скорее, он сторож своих денег или имения, чем хозяин – будто ему и запретил кто касаться своей собственности для себя и других. – По отношению к ближнему, эта страсть делает человека каким-то бесчувственным, безжалостливым. Сердце сребролюбца охладевает ко всем, даже иногда и к кровным родственникам, – охладевает так же, как холоден металл, к которому он

пристрастился: скорее из камня потечет вода, чем у сребролюбца потечет сострадательная слеза и со слезою – милостыня бедным. У него нет ни хлебосола, ни друга задушевного. Он часто ожесточает против себя всех; потому что – как говорится – готов снять с другого кожу. – Наконец, в отношении к Богу этот человек есть во глубине души отрекшийся от Бога: *«лихоимание, еже есть идолослужение»*, сказано прямо (Кол.3:5). Серебро и золото для сребролюбца – идол, которому он служит душою и телом, покланяется вместо Бога. Сребролюбец не может чисто выполнить и первой христианской добродетели, сближающей человека с Богом, т. е. молитвы: на молитве ему представляются деньги-материя. Он попирает в себе совесть, решается ради денег на всякую измену и на всякое злодеяние¹². В этом-то смысле и говорится в слове Божиим, что *«корень всем злым сребролюбие есть»* (1Тим.6:10): (как самолюбие – корень страстей, так сребролюбие – корень зла, т. е. грехов; при деньгах, между прочим, человек может удовлетворять разным прихотям своим (1Тим.6:9), хотя это бывает только в период не особенно еще усилившейся страсти). Внутреннее же отречение от Бога в сребролюбце не преминет обнаружиться на словах и на деле, т. е. вскроется полною изменой святой вере в решительные какие-либо минуты, т. е., когда рядом будут поставлены пред ним – деньги и святая вера, богатый прибыль и приобретение добродетели. Он всегда склонится на первое и изменит последнему. Если он и сознает страшную преступность своего поступка, то думает как-нибудь после помириться со своею совестью: только бы ему схватить деньги или драгоценную вещь, когда представился к тому случай. После Иуды-предателя печальный пример на сей раз повторился после, между многими, хотя и с меньшею преступностью, как читаем у св. апостола: *«нецыи (из-за сребролюбия) заблудиша от веры»* (1Тим.6:10); повторяются, без сомнения, те же примеры и ныне, хотя и не в грубой форме вероотступничества, а в тонких изменах истине и правде. – Вот такая это упорная и богопротивная страсть! Мы показали высшую степень ее, хотя бывает она у иных еще в зародыше, у других несколько

медленнее развивается, по недостатку питающего ее материала, т. е. денег, которые не всегда же текут, а у третьих и совсем перестала питаться (на первый раз хоть материально), по причине обеднения их. Но, вместе с тем, для этой страсти и не требуются всегда десятки тысяч рублей; нет, она питается и немногими тысячами, даже одною или еще менее, сколько кто по состоянию своему может приобрести (например, в сельском быту) и расположен пристращаться. Питают эту страсть и не одни деньги, но также разные жизненные припасы, (напр., у крестьян – хлеб), скопляемые для обращения в деньги, и вообще, богатое имущество.

О, да возблагодарят Господа Бога все те, которые избегли этой страсти, для которых деньги имеют более буквальное значение, т. е., как потребность дня, а не как запас на нескончаемое время! (Очевидно, слово «деньги» происходит от слова «день», в смысле «насущенного хлеба»: что нужно для настоящего дня, то, обыкновенно, и не переходит на следующий день, т.е. деньги, подобно насущному хлебу, должны быть приобретаемы только в умеренном количестве). Да просят и молят Господа Бога об исправлении себя и души сребролюбивые! Есть и им средства исправиться. Это, например:

милостыня бедным, которою начал свое исправление Закхей мытарь (Лк.19:8) и к которой отсылал богатого юношу Христос-Спаситель (Мф.19:21),

внешнее устранение себя от денег (реже обращаться с деньгами, реже считать и пересматривать их: чего не видим, о том и не думаем; а о чем нет мысли, к тому и не бывает пожелания);

частый разговор с другими о ненасытимости, и, вместе с тем, о низости страсти сребролюбия;

предрасположение себя в душе вдруг лишиться всего, если постигнет какая-либо беда по Божьему попущению;

глубокое усвоение себе текста: *«богатство еще течет, не прилагайте сердца»* (Пс.61:11);

сердечная преданность своих потребностей и, вообще, жизни своей промыслу Божию, которая не дает развиваться

трусости относительно голода и беспомощной старости;
отказ себе в каждой лишней вещи, пока борет страсть;
любовь платить долги, если они будут, до того, чтоб на
первое время ни с чем самому остаться;
молитва святым бессребреникам, Косме и Дамиану, Киру и
Иоанну.

Честолюбие

«Никто же сам о себе приемлет честь» (Евр.5:4). Честь может следовать за человеком, а не человек должен ходить или гоняться за ней. Тогда эта честь, более или менее истинная сама в себе, и, вместе с тем, искренняя или заслуженная со стороны других. Честолюбие же изобличается самым названием своим. Оно – порочная страсть. Желают себе почета и в высшей степени услаждаются им: «любят», например, «целования» (Мф.23:6) (поздравления, встречи, проводы, благодарные и почетные адреса); с приятностью встречают предупредительность других в исполнении каких-либо своих желаний; довольны, когда спрашивают их мнения или только не обходят их докладом – известием о таких делах, в которых участие их или излишне, или вовсе не по праву, как, например, связанный Иисус был приведен «первое ко Анне» (Ин.18:13), отставному первосвященнику; в высшей степени довольны, когда в честь их делают какие-либо приношения и строят своего рода памятники; а всего чаще – просто любят принимать поклоны и ожидают себе поклонов, – любят, чтоб пришли к ним и уважили их, пришли бы и тогда, как они сами не приходят; ради таких поклонов честолюбивые готовы пообещать многое: «аще пад поклонимся» (Мф.4:9). (К честолюбию иногда присоединяется и санолубие, для кого это возможно, – переставая уже в таком случае быть слишком мелочным). Но что же худого в честолюбии? – Честолюбец поставляет сам себя в обманчивое положение. Он опускает из виду, что почести, воздаваемые ему, сами по себе не имеют значения; потому что не прибавят ему внутренних достоинств и не убавят что-либо из них, если он достойный человек. Он даже не проверяет – искренне ли, от сердца ли его чествуют: лишь бы был видимый почет ему, лишь бы кланялись ему; он желает себе чести для одной чести, между тем, как, может быть, одновременно с величаниями и поклонами ему, тайно же и порицают его. Если бы честолюбие не было его страстью, то из-за одной почести, которой он не получил против своего ожидания, не делался бы

в тягость сам себе, как некогда Аман (Есф.5:9:13). – А сколько он затрудняет других! Так, например, люди честные и правдивые, готовые почитать всякого из ближних, но только одним почтением, поощряющим к добру, – должны каждый шаг свой делать осторожно, чтобы он не почел своей чести оскорбленную от них; на простоту его, в которой они сами привыкли жить и действовать, не могут рассчитывать: капризы его уже известны им. А люди притворные должны придумывать разные пути, а иногда и тратиться, чтоб лучше уважить честолюбца, чтоб выразить к нему свою услужливость и предупредительность. И вот, таким образом, он, принимая себе честь и всячески доискиваясь ее, отвлекает как самого себя, так и ближних от долга всецело почитать Господа Бога! Не богопротивна ли после сего страсть честолюбия, доля людей, по преимуществу, старых? О, добрый христианин! воспротивься развитию в себе этой страсти! искореняй ее в своей душе, если она уже развилась, – памятованием и исполнением заповеди Спасителя: *«уже, аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга»* (Мк.10:43). Если кто и выше других чем-либо, напр., своим званием, – должен стараться служить другим, чтоб не быть ниже своего звания. Прекрасное так же средство против честолюбия: почитать себя в душе достойным всякого бесчестия и, затем, с любовью, или хоть без досады, принимать действительные отказы в чести, даже в заслуженной, напр., в знаке почтения от кого-либо на дороге.

Санолюбие (чины) и пристрастие к знакам отличия

Пример противный подает апост. Павел: «аз есмь мний апостолов, и недостоин нарещися апостол» (1Кор.15:9). Так бы и каждый христианин должен считать себя недостойным даже того чина или тех знаков отличия, которые уже имеет за свои особенные заслуги по службе или же за пожертвование какое деньгами или имением. Высокие чины и знаки отличия так же сами по себе не придают человеку совершенства, как и обыкновенному честолюбцу – почет людской. Посему и желание их, хоть не возбраняется, но, так же, не составляет совершенства. Только самый умный человек и, вместе, богобоязненный христианин, – вот кто умеет пользоваться чинами и отличиями еще для больших успехов по своей полезной деятельности. Он пользуется тут для доброго доверием общества, особенно же простолюдинов, которые просто с удивлением смотрят на украшенного знаками отличия и по ним-то исключительно оценивают этого человека, за них-то готовы во всем верить ему. – Но вот, некоторые, получив один-два чина или столько же знаков отличия, этим возбуждают в себе жажду к наградам, желают себе новых и высоких наград и любуются своими отличиями! Сколько вредного и преступного в их страсти! Они для самих себя извращают цель жизни, полагая ее только в чинах да в отличиях. Чтоб достигнуть своей цели, они жертвуют иногда и своею совестью; потому что иной раз прямо покупают себе возвышения и награды деньгами и подарками, а в другое время изменяют своей службе и по должности, если последнего требуют повелительно или какими-либо намеками те лица, от которых зависит дать или не дать им высший чин или знак отличия. Вообще, они теряют сердечную преданность делу своей службы или не имеют искреннего усердия в своем денежном пожертвовании. А где нет преданности своему делу и усердия в самом усердии: там и мало пользы от заслуг и жертвований, там одни формы дела. Лаская и украшая себя в этой жизни высокими чинами и отличиями, которых не требует же природа, – санолюбивые

забывают о награде небесной и поступают в урон этой награды. В отношении к другим они делаются противниками, с кем стоят на одинаковых степенях служения или в одинаковом звании. Или они оскорбляют других несправедливым своим домогательством, потому что есть достойнее их во всех отношениях – или неизбежно встречаются и в других тот же дух самовозвышения: а им вообще досадно разделять награды с другими. Отсюда и происходят досады, козни и всевозможные старания свергнуть или устранить других. Иногда эти люди желают даже смерти другим, чтоб поскорее понуждались в них для высокой должности или дошли до них с дальнейшей наградой. Так как они, с одной стороны, *«любят,.. зватися от человек: учителю, учителю»* (Мф.23:7), – любят это, сознавая тут свое превосходство пред другими, а с другой – могут прямо не поблагоприятствовать лицу или делу, если не титуловать их по чину: то волей и неволей другие титулуют их так-то, не только в частных свиданиях, но и в домашней жизни (натянутасть отношений к ним доходит до того, что низшие их ходят при них даже на цыпочках). – Наконец, в отношении к Богу для санолюбивых чины и знаки отличия решительно делаются кумиром. Ради этого кумира они не дорожат небесною наградой, которую обещает Господь Бог. Ради того же кумира они готовы оставить Христа; – Пилат все крепился, защищая Иисуса Христа пред иудеями, но как только последние пригрозили ему: *«неси друг Кесарев»* (Ин.19:12), как только он увидел опасность лишиться своего чина, и – осудил невинного на смерть. – Христианин! не пренебрегай земными наградами (в смысле чинов и отличий), когда они даются тебе или в глазах твоих другим. Но и берегись пристрастия к ним: они очень приманчивы и погоняют одна к другой того человека, которой полюбил их чрезмерно. Пристрастия к ним противопоставь живую память слов евангельских: *«восприемлют мзду свою»* (Мф.6:5), т. е. мзду от человеков и на земле, так что Бог и небеса ничем более не должны этим людям. Да, чины и отличия, действительно, могут составлять для некоторых полную мзду на земле в связи с другими дарами земного счастья, если при всем этом жизнь их проходит в нераскаянных

грехах и страстях. Но ты, верующая душа! старайся всегда иметь пред глазами «мзду *многую на небеси*» (Лк.6:23), ради которой стоит уступить желающим самые завидные награды здесь¹³!

Вышестояние и председательство не по праву

«Не сяди на преднем (на первом) месте, еда кто честнее тебе будет» (Лк.14:8). Таким незаконным самовозвышением человек себя же пристыжает; потому что иногда, действительно, заставляют его пересесть или встать ниже те, которым принадлежит право распределять места где-либо и по какому-либо случаю. Затем, этот человек возбуждает в других, равных ему, чувство негодования: между Апостолами не было взаимного недовольства; но как мать сынов Зеведеевых приступила к Иисусу Христу с просьбою, «да един о десную» Его, «и един о шуюю» Его сядут, – то «слышавши десять, начаша негодовати» (Мк.10:37:41). Имея привычку занимать не по праву место между первыми, известный человек, вместе с тем, присвоит себе право и первому говорить или больше других рассуждать в каких-либо собраниях. Такой дух – характер первенства, наружно и с насилием обнаруживаемый, Христос-Спаситель избличил в фарисеях, которые на пиршествах и вообще в народе становились или садились на первых местах, – не как-либо случайно, но выбирая себе эти места намеренно. Этот дух обнаружил себе и тот фарисей, который вместе с мытарем молился в церкви: фарисей стал впереди, выпрямившись. Вообще же этот дух противен Господу Богу, как самовольное возвышение себя, как недовольство тем умаленным, или только не из числа первых, местом, на каком поставлен человек, и особенно, как дух, питающий уже гордость. – Для излечения от него лучшее средство: готовность и даже старание стать или сесть ниже других, и опять – только в простоте души, а не с тем, чтоб еще сильнее поразить других одновременно и важностью своего лица, и видом смирения: (так, например, иной знатный человек встанет в церкви и, в самой глубине ее, но потом вдруг выходит пред народом с лицом самодовольства, чтоб поразить предстоящих).

Славолюбие

«Возлюбиша паче славу человеческую, неже славу Божию» (Ин.12:43). Славолюбие имеет для себя пределы более обширные, чем честолубие или санолубие. Честолубец встречается и в селе; санолубивый и любитель отличий, равно как вышестоятель и председатель, бывают, преимущественно, в своем месте и в своем сословии. Славолюбивый же идет дальше, ему нужна известность и громкая слава, если возможно, и за пределами местопребывания его. Без сомнения, виновна не слава человеческая, а любовь к ней, а особенное услаждение ею, и тем более – искание ее. Слава человеческая может быть и естественною, или заслуженною; такую, например, славою пользовался Соломон, которого Бог наделил мудростью; так славны были святые Божии, которых приходили видеть иногда и знатные сановники. Так и ныне, есть достойные похвал и даже удивления за свою высокую духовную жизнь или же за естественные таланты. Но, если это люди, глубоко проникнутые духом христианским, то они так же, как и святые Божии, не услаждаются славою человеческою, а еще убегают ее. (Святые же, случалось когда кто приходил увидеть их в пустыне или монастыре, прикрывали себя и называли не заслуживающим внимания – глупым того, которого ищет посетитель¹⁴, или же допускали некоторый странности¹⁵, чтоб им менее удивлялись). И сам Господь Бог оберегает от славы человеческой Своих избранных. – Так как эта слава может прельстить и изменить в направлении самого умного и богобоязненного, то Он попускает своим избранным терпеть какие-либо напасти от других; посему почти всегда рядом со славою и похвалою человеческою является для этих людей и не заслуженная ими хула. Господь готовит им вечную «славу на небе» и ведет их к ней, не давая им постоянно пользоваться суетною славою и рукоплесканиями от людей. – Мирской же славолюбец любит народною славою о себе, и не только не препятствует распространению ее со стороны других, но и сам участвует в том; например, он

просит других поведать свету словесно или печатно (в журнале, газете) о какой-либо заслуге его, о пожертвовании каком-либо или произведении, – распространяет свои изображения (портреты), предпринимает неблизкие путешествия, – и все это не с какою-либо общепольною целью и не по запросу со стороны, но единственно, для своей известности и громкой славы. Между тем, сказано: *«аще Аз славлюся Сам, слава Моя ничесоже есть»* (Ин.8:54). – Сколько же виновна пред Богом эта страсть? Она заставляет человека угождать миру: славолуб, вместе с тем, и миролуб; раб славы своей и раб мира. А иначе мир не удостоит его своей славы. Отсюда, действия его непременно подходят к действиям мира и бывают в угоду миру, – следовательно, это действия, враждебные Богу; потому что *«любь мира сего вражда Богу»* (Иак.4:4). Но на что еще лучше доказательства в настоящем случае, как слова евангельские: *«горе, егда добре рекут вам еси человецы»* (Лк.6:26)? – Искание, или только особенное услаждение славою человеческою показывают, что человек дорожит похвалами у людей, от мира, а не славою и, так сказать, добрым мнением о себе у Господа Бога. Дело и здесь доходит иногда до некоторой измены святой вере, по крайней мере, до боязливости исповедать веру, – показать себя пред другими истинно-преданным слову Божию и Церкви православной: *«како вы можете веровати»* (сказано было к знатным иудеям, готовым уже поверовать), *«славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите»* (Ин.5:44)? – Желание и искание земной человеческой славы противны божественному характеру Иисуса Христа: *«славы от человек не приемлю»* (Ин.5:41) сказал Он; однажды хотели Его провозгласить царем, и Он тотчас уклонился от народа (Ин.6:15). Но что же составляло Его славу? – *Страдания и крест: «подобаше пострадати Христу, и внити в славу Свою»* (Лк.24:26). – Итак, истинный христианин! усиленно тебе желать и домогаться человеческой славы, хотя бы и заслуженной, не следует. Язычник, тот не простирает своих мыслей и надежд дальше земли, ему некуда восходить выше, доколе он остается неверующим язычником (Лк.22:24–25). Тебе же, друг наш,

обещается и готовится вечная «слава у Бога» (Ин.17:5), или «вечная память» на небе, а частью, может быть, и на земле, своим, но все же достойным образом! Никто из людей не унес громкой славы своей на тот свет; мирское остается миру. А часто и мир, назвав иных «великими» (Ирод великий), на следующее же утро забывал их. «*Велик же выну...*» вот кто: «*бояйся Господа*»! Всякая знаменитость человеческая после смерти получает себе в наследство пресмыкающихся червей (Сир.10:13). Эти самые мысли и да помогут тебе ослабить в своей душе стремление к известности и славе между людьми, если особенные таланты твои, блестящее успехи и заслуги подстрекают тебя к славолюбию, и если еще не достигло до тебя поущение Божие встретить совместно со славою и какую-либо хулу, или иной вразумляющий случай!

Тщеславие

«Не бываем тщеславни» (Гал.5:26). Тщеславие – страсть особая от славолюбия и виновнее последнего. Славолюбивый человек непременно имеет таланты, труды и заслуги: посему этой страсти поддаются преимущественно люди замечательные чем-либо. Тщеславный же не имеет у себя ничего особенного, ни проницательного ума, ни обширного образования, ни трудов, ни предприятий к великим трудам, ни почтенных заслуг. Чего же в нем не достает или мало, то он и хочет дополнить людскими похвалами. Отсюда происходит самое слово: «тщеславие», т. е. тщетная, не истинная слава. Первый «*приемлет славу от человек*» (Ин.5:41), т. е. из чужих уст или писем, хотя иной раз тоже им самим подготовленную, а последний в полном смысле – свою собственную славу сочиняет, из своих речей или рук ее составляет, трубит сам о себе. Тот ищет себе славы, так сказать, принадлежащей, или по праву, а этот – не принадлежащей, и без права. В чем же, собственно, состоит тщеславие и какой отличительный характер его? – Человек все делает напоказ, или чтоб видели другие, все, и самое малое. Что лицемерие в набожности, то тщеславие в жизни вообще, или во всяком виде человеческих действий. Дело считается тщеславным, когда в душе есть желание выказать его, чтоб был о нем говор других или чтоб только занять им чье-либо внимание, – подивить. Отсюда тщеславие относится к предметам внешним, мало важным и даже мелочным; это, например, изучение какой-либо науки или какого-либо искусства, свойственных веку; внимание к приятности своего голоса; излишество прислуги; хорошие экипажи; трата на богатый обед без всякого повода и вызова, ради того только, чтоб в числе прочих гостей, составляющих на сей раз одну обстановку, принять в свой дом высокую (сравнительно со своим положением) особу; искание важных знакомств и величание этими знакомствами; вообще, похвальба даже и другими лицами или чужим добром, когда они имеют к нам какое-либо косвенное отношение. Тщеславие иногда проявляет

себя и за гробом; например, умирающий заказывает, чтоб похоронили его лучше, с блеском. Чем же преступна эта страсть? – Если тщеславный делает что-либо и доброе, то уменьшает часть своей награды, а то и совсем лишается воздаяния; потому что побуждение его действий были неискренни и нечисты. Так. обр., он оказывается обидчиком самому себе: трудится, жертвует чем, и портит свою заслугу, убавляя за нее награду у Бога. Это первая вина его. – Но все, что он делает, собственно, из видов тщеславия, – все это более или менее действия такие, которые выдуманы суетностью человеческою, или мудрованием плотским, показывают след грехопадения человека, как, например, чрезмерное, и не по состоянию, убранство комнат, дорогие одежды и другие излишества. Следовательно, большая часть действий этого человека в самом основании своем неугодны Богу. Вторая вина. – Он уже готовит себе в человека гордого. Тщеславие, по правде сказать, еще не есть гордость; что дитя против взрослого, то и оно в сравнении с гордостью; разве можно назвать его «внешней гордостью». Но оно верно ведет к гордости. Чем же? Похвалами человеческими, которых ищет тщеславный, и которые возвышают и надмевают душу. Вот третья вина его. – Живя особенно в мире, как легко увлечься тщеславием! Но будем, добрый христианин, бороться с этою страстью. В борьбе с ней нам помогут:

расположение везде оставаться незаметными, «как будто и нет нас»;

приведение себе на память своей уединенной и искренней молитвы, которую, конечно, когда-либо мы имели: она может пристыжать наши тщеславные помыслы;

хранение своего языка от многоглаголения (Иисус Христос молчал пред Пилатом, который суетно любопытствовал о Нем);

смирненное внимание к своим действиям в присутствии посторонних лиц или на народе, так как в это-то особенно время уловляет нас страсть тщеславия.

Гордость мирская вместо разумной простоты

«Нечист пред Господом всяк высокосердый» (Притч.16:5). Конец тщеславия есть начало гордости. В последней можно различать два вида: есть гордость *мирская*, или мирскими преимуществами и естественными дарами; и есть гордость *духовная*, или духовными дарованиями. Но характер всякой гордости: презирать других, как и свойство тщеславия: выказывать себя. (Эти две страсти очень мирятся между собой на том, что тщеславный унижается пред гордым, а гордый выхваляет его). Речь наша будет прежде о мирской гордости. – Она, между прочим, доказывается и обнаруживается: самохвальством в сердце; нетерпеливостью к высказываемой правде или невыслушиванием правды (тотчас убегают); заносчивостью; гневом на того же, кому сделана несправедливость, и ожидание, чтоб этот человек сам же умолял о прощении; чрезмерною или упорною защитой пред другими своих мнений, пусть иногда и справедливых; высокоумием и ненамеренным неудивлением, когда другие кому-либо или чему-либо справедливо удивляются. Иной человек на замечание о скрывающейся в нем гордости отвечает, что «он вовсе не горд»: но это самое несознание и доказывает его гордость. – Гордый оскорбляет ближних, потому что пренебрегает ими, особенно с низшими себя, или же думает еще оказать милость благоволения, если с улыбкой взглянет на кого или скажет кому слова-два: ему думается, что он унизит себя, что его меньше будут уважать, когда он поговорит с кем из низших, да часто и из равных себе. Он не признает достоинств и заслуг в других людях. На этот раз кто чем гордится в себе, то самое отвергает в другом; например, кто гордится красотой (Авессалом, например, гордился своими длинными волосами), для того те и другие, которых выхваляют за красоту, еще не довольно красивы; кто гордится своим умом, пред тем все глупые; кто надмевается своею образованностью, званием или службою ученого, а также своею начитанностью, для того те и другие, и третьи необразованные, непонимающие, – отсталые и

односторонние; кто величается богатством, тот с пренебрежением смотрит на человека, который так же предпринимает дела, чтоб расширить свою торговлю или какое-либо производство; кто возносится своею честностью, например, по должности (а честность гордого всегда бывает односторонняя), тот всех считает бесчестными и низкими, не узнав еще иных. Памятно ли другим, в виду сознания своих человеческих прав и своих каких-либо заслуг, встречаться в жизни с таким человеком? И вот, гордец, действительно, отталкивает от себя других: если постигает его какая-либо беда, – ему мало бывает сочувствующих и жалеющих его! А это, в свою очередь, не вражда ли его против самого себя, т. е., когда он поставляет себя в столь неприязненные отношения к ближним без всякой нужды и пользы, ради только собственного высокопочитания? – Затем: как несправедлива или дерзка гордость пред Господом Богом! Например, без помощи ума человек не мог бы успеть в науках или по службе своей, или по торговым предприятиям: а самый ум не Бог ли дает каждому? Без здоровья и, вообще, без телесных сил не успеть бы человеку в тех и иных трудах: а тело не творение ли Божие? Итак, *«что имашь, его же неси приял»* (1Кор.4:7)? Отocchi Божие, и что же останется твоего? Особенно как несправедливо гордиться теми способностями, которые имеем мы от самой природы, например, быстрым умом, сильным голосом, высоким ростом, красивым лицом, происхождением от богатых или знатных родителей! Будто у человека был какой предварительный труд, чтоб получить подобные естественные способности и силы! Будто мог он, прежде чем родился на свет, оказать пред Богом какие заслуги со своей стороны, чтоб удостоиться этих естественных и особенных пред другими талантов! И вот, за то, что человек возносится естественными в себе дарами, не получает часто и вышеестественных, или духовных – благодатных!

О, благоразумный христианин! Не давай развиваться в тебе мирской гордости! Вот ближайшие против нее средства:

избегать величавости во всем, или любить простоту в образе своей жизни, например, и в одежде, и в разговоре, и в

мере своего голоса, и в походке: как слабые души высятся часто от наружного блеска, так, напротив, от наружной обстановки, которая представляет глазам если не убожество, то простоту, они заимствуют себе смирение;

быть у кого-либо в повиновении («под началом»): известно, что гордый терпеть не может подчиняться другим, таким образом, и от сурового человека, с которым он невольно встречается по службе или в общежитии, может быть ему своя польза¹⁶;

сознавать или припоминать свое незнание, а, может быть, и полное невежество в какой-либо науке или в каком-либо деле, которое знают все другие или же большинство;

в великих предприятиях особенно не говорить: «я, мы...», но: «как Бог поможет».

Гордость духовная вместо христианского смирения

«Пощуся дважды в субботу (в неделю), десятину даю всего, елико притяжу» (Лк.18:12). Так и ныне, может быть, надмеваются иные постом своим («столько-то лет мяса не ем»); большими пожертвованиями в церкви («все это в храме от меня: а что же было когда от других?»); богатством приходской церкви или множеством в ней богомольцев; бытностью у богослужения, кроме праздников, и в будни, если даже не каждый день; честным и многолетним вдовством, духовною начитанностью и богословскими знаниями («*во гресех ты родился еси весь: и ты ли ны учиши?*» (Ин.9:34)); саном священническим или званием монашеским пред мирянами; самым смирением своим, и вообще строгою жизнью. Эта духовная гордость или таится в одном сердце, или выражается явно. В последнем случае, хоть набожный и оговаривается, думая рассказать про свое доброе дело: «не в укор Богу сказать... во что Бог поставит...»; но, когда в его рассказе нет никакой доброй цели в отношении к ближнему, ничего, кроме самохвальства, его слова выходят не лучше слов фарисея: «*Боже, хвалу Тебе воздаю*» (Лк.18:11). Высшая степень духовной гордости состоит в том, когда кто почитает себя «бесстрастным», – видит себя потрудившимся для Бога и души настолько, что будто бы ему более и не о чем заботиться, – называет себя «грешным» по одному лишь смирению, а не поистине, или, скорее, за другим, чем за себя: «*несмы, якоже прочие человецы*». Это есть полное самообольщение, полная «прелесть бесовская». В таком случае видим человека уже с характером духовной гордости, а не с ошибками только самохваления духовного, хотя так же преступными пред Богом. Впрочем, можно и безгрешно говорить о своих трудах и заслугах для Бога, – когда же? Если спрашивают нас о том с целью видеть в нас добрый пример (Мф.5:15), получить от нас наставление; если нужно нам изобличить клевету, восстановить истину, а, пожалуй, и напомнить о себе пренебрегающим. Можно и без особенного вызова открывать другим, но только

людям подобного же настроения, – открывать о своих добродетелях и пожертвованиях для добродетели, о своей борьбе с людьми за истину, о своих успехах в делах духовных, например, по миссии. Но с какою целью? Чтоб «соутешиться верою общюю, вашею же и моею» (Рим.1:12).

От чего же возникает духовная гордость, или самоправедность? – Частью и от похвал человеческих. Чрезмерно хвалят человека за строгую, духовную жизнь или за одно какое-либо доброе дело или пожертвование: а довольно было бы успокоить его, что, вот, он идет истинным путем; довольно было бы подкрепить его дух надеждою небесной награды, а иногда торжеством угнетаемой добродетели еще на земле. Неосторожные же и излишние похвалы человеку ослабляют в нем усердие, приводят его к мысли, что и нечего более достигать ему (Ис.3:12). Со стороны этого самого человека при подобных похвалах, или ублажении от других, требовалось бы держаться такого правила: «не предаваться быстро самоуслаждению или удивляться самому себе, но тотчас привести себе на память тайные свои грехи¹⁷ или припомнить какое-либо горькое несчастье в своей жизни». – Гордость духовная возникает при бездействии страстей, т. е. когда настанет тишина в жизни, – нет ни помыслов злых, ни в плоти движений нечистых. Без сомнения, не о том наша речь, будто лучшее положение, когда действуют в нас страсти, будто есть нужда в страстях. Нет, но напрасно обольщает себя христианин мыслью, что страсти совсем перестали в нем действовать, напрасно он обнадеживает себя, что с ним никакой перемены не будет. Разве плывущие по морю считают себя безопасными, если несколько дней выйдет самых тихих и ясных? не тогда ли только они уверяются в своей безопасности, когда достигнут пристани? зная еще и такие примеры, что у самой пристани можно потонуть? Так и относительно «житейского моря»: нечего уверяться временной тишиной его, нечего обеспечивать себя тем, что в нем не застигнет нас буря страстей. «Страсти бездействуют, затихли». Да не оттого ли, что устранены причины, которые могли бы возбудить их? или же не

потому ли, что бесы, искушающие нас к ним, на время – значит с хитростью – отступили?

Но от каких бы причин ни возникала духовная гордость, – это для деятельности христианина, желающего жить или начавшего уже свою жизнь по евангелию и уставам Церкви, такой же вред, как повредить бы в растении сердцевину, без которой растение тотчас засыхает. Это порок, которым христианин расстраивает свое собственное дело, прекрасное по началу своему, – напрасно обижает ближнего и дерзко оскорбляет Бога. Начал он гордиться своею доброю жизнью, почислил себя праведником или *«не требующим ничего»*, между тем, как в сущности дела *«и нищ, и слеп, и наг»* (Откр.3:17). И что же? – Благодать Божия отступает от него. Тогда он допускает падение за падением или, по меньшей мере, уклоняется от такой задачи в своей жизни, *«задняя забывая, во предняя же простираяся»* (Флп.3:13). Не наказывает ли себя он таким образом и в том, и в другом случае, т. е. и падениями от уныния, и остановкой на избранном пути? и не гибель ли для него это состояние, если оно продлится долго, а тем больше останется навсегда? Случись бы тогда с ним болезнь и стань бы он близко к смерти: тогда и сознал бы свое заблуждение, – увидел бы, что далеко не был бесстрастным. – Ближнего своего он обижает пренебрежением, упреком грешника. Он не только чернит пред собою всех грешных: *«хищницы, неправедницы, прелюбодеи»* (Лк.18:11), но иной раз или пред иными и лично упрекает кого, принижает пред собою: *«или яко же сей мытарь»*. Как будто христианство, благодать, царство небесное – его одного достояние (*«несть добро отъяти хлеба чадом, и повреши псом»* (Мф.15:26) – думает он), а не могут быть получены эти наследства и другими! Он брезгует и поговорить, или разделить стол, с теми, которых жизнь не имеет характера церковности (у раскольников, например, это значить *«измиршиться...»*). И так-то чуждается он других вовсе не по тому опасению, чтоб сделаться человекоугодником или чтоб самому не занять от живущих в мире духа мирского, но, единственно, по самомнительной праведности. Но как же напрасно он обходит хоть бы и последнего из мирян, хоть бы

какую-нибудь сельскую женщину! Не сказано ли в евангелии: *«мытари и любодейцы варяют вы (вперед идут) в царствии Божию»* (Мф.21:31)? Сколько было примеров, что святые пустынники – эти ангелы во плоти – были посылаемы Богом видеть в мире лиц, с которыми они только что сровнялись по святости жизни¹⁸ или должны были еще сравниться¹⁹! Но скажут: «что закрывать от себя собственные глаза? как же религиозному человеку не сознать себя по жизни выше других, которые, например, и постов совсем не соблюдают, и в церковь никогда не ходят, между тем, как он почти каждый день в церкви»? Здесь верного только то, что небесная награда христианину будет дана и не без оценки того, когда или среди каких людей общества он жил и подвизался. Но зачем же это ему сравнивать себя с теми одними, которые окружают его и которых, допустим, самая большая часть живут беспечно и во грехах? почему он не сопоставит себя с другими, живущими где-либо вдали (например, на Афоне, в Сарове) и известными своею высокою жизнью? (Таков, например, и был в Сарове современник наш, старец Серафим, разнообразием своих подвигов превзошедший даже многих подвижников первых веков). Далее: почему же он не сличает своей жизни с житиями святых, которые описаны в Четь-Минеях и Прологах, как, например, Антония Великого, Ксении преподобной, иногда по целым неделям не пивших и не евших? Войдя в этот-то «град великий» (Откр.21:10) святых мужей и жен, гордый благочестивец и увидел бы себя в нем разве последним гражданином. Но и этого мало. Каждый христианин должен доходить в своей духовной жизни до такого совершенства: *«святите будите, яко Аз свят есмь»* (Лев.19:2). Вот это-то последнее мерило для святости жизни, указанное человеку, заставляло и самих апостолов говорить о себе: *«аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас»* (1Ин.1:8). Нет, – совершенно напрасно гордый подвижник, а тем более опирающийся только на свой высокий сан или звание монашеское, – напрасно возвышают себя над грешным миром. Православная Церковь даже анафеме подвергает как самих прельстившихся собой праведников, так и других, которые,

удивляясь строгим подвигам в их жизни или многолетнему их подвижничеству, думают, будто им уже ничего просить о прощении своих грехов (Карфаг.128–130), будто «они замолили Бога и остается только у них-то просить молитв и благословения». – Сколь несправедливо относится самоправедность к самому Господу Богу! Сказано: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин.15:5). А она себе одной присваивает добрые дела и Бога считает своим должником за них! – Укажем здесь и особенные оттенки, если не прямо гордости духовной, то мечты подвижнической. Иной думает, что коли уж он для славы Божией предпринял какое дело, или за имя Божие терпит какую-либо напасть человеческую, то и «нет ему нужды приносить молитву к Богу, что Бог сам попечется о добром деле, и что он, как слуга или орудие в этом деле, очень дорог пред Богом»... Исключим здесь одно понятие: «излишняя молитва»... вообще, не будь бы тут опирательства на свою заслугу, тогда верно бы рассуждал этот человек. Но нет! не так понимали свои отношения к Господу Богу и не так поступали святые Божии в то самое время, когда трудились или служили единственно для Бога. Например, пророк Даниил за свое истинное богопоклонение был брошен в звериный ров. Когда ему там был принесен от самого Бога хлеб, он сказал: «помянул мя еси, Боже» (Дан.14:38). Да, только то сказал о себе пророк, и единственный во всем языческом царстве хранитель истинной веры: «итак, вспомнил-де обо мне Господь Бог»! – Авраам, готовясь выполнить (и не в первый раз, а, может быть, в сотый), – свою добродетель странноприимства, т. е. в час самой заслуги своей пред Богом, – чем же, думаете, почитает себя? Праведником ли? О, нет! Но «землей и пеплом» (Быт.18:27). – Давид рядом со своим трудом для Бога поставляет и смирение, и даже о последнем упоминает прежде первого: «виждь смирение мое и труд мой» (Пс.24:18). – Сотник считал себя недостойным (Мф.8:8), подобно тому, как иной молитвенный христианин находил бы за великое для себя только предстать пред Бога с молитвою. Пусть совершенно верно, что Господь Бог и покровитель, и воздаятель добрых дел наших. И, чем выше чье доброе дело и предприятие, тем более Ему

приятности от этого дела (Лк.15:7). Но мы должны помнить, что приобретаем для самих себя святою службою Ему, – и приобретаем не что-либо маловажное, но царство небесное, которому не будет конца (2Кор.4:17). Следовательно, явная дерзость была бы с нашей стороны думать, что «мы у Него заслуженные, что много добродетелей сделали пред ним, и что сам Он, без нашего прошения, пошлет нам или защиту от врагов, или силы к доброму делу». Нет, – и о каждой нужде следует нам просить Бога, а тем более об успехах в таких великих делах, как спасение своей души или ближнего. Апост. Павел, действительно, говорил о себе: *«паче всех их потрудихся»*, но тотчас же и прибавил: *«не аз же, но благодать Божия, яже со мною»* (1Кор.15:10). Как же после этого православному христианину правильнее поставить себя к Господу Богу во всей своей нравственной деятельности? Где верная дорога, чтоб идти ему к Богу, не уклоняясь в стороны, и, чтоб, таким образом, удостоиться прежде истинной святости, а затем и царства небесного? Для этого вернейший путь, как уже видели мы из приведенных примеров, – *«смирение: иже, смирится яко отроча... той есть... во Царствии Небеснем»* (Мф.18:4). Христианское смирение состоит в том, чтоб сознавать себя недостойным, грешным пред Богом и людьми. Мало этого: считать себя и ниже всех. Пример такого смирения первый показал в себе апост. Павел, когда назвал себя *«первым из грешников»* (1Тим.1:15). В молитвах церковных с покаянным духом христианин часто произносит: *«никто же согреши на земли от века (т. е. от сотворения мира), якоже согреших аз, окаянный»* (Из акаф. Сладч. Иисусу). Святые Божии, вообще, чем святее делались, тем более смирялись и считали себя хуже других. Но и опять, может быть, возразить нам: *«правда ли это называть себя недостойным и многогрешным, – между тем, как в самой жизни нет грехов, между тем, как святой угодник какой-либо только и делом у себя имел, что молился и постился, стоя на молитве, как, например, Виссарион, по 40 дней? (Четь-Мин. под 6 июня). Не излишнее ли это смирение, не обман ли себя и других, – считать себя хуже всех, когда худшие начинаются от самого*

порога той комнаты или кельи, где живет христианин-подвижник, и следуют далеко-далеко, когда между людьми есть и страшные злодеи?» Слова нет, что и смирение может быть ложным: *«никто же вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием»* (Кол.2:18). Смирение паче гордости даже и нередко бывает: например, оно намекает о себе или же прямо называет себя смирением. (Сделайте такому ложному смиреннику замечание, что он, действительно, негодный человек, хуже всех, и он тотчас оскорбится). Гордый и сановный человек смиренным же называет того низкопоклонника, который доискивается у него каких-либо милостей. Но мы говорим о христианском смирении. Нет, если какой-либо святой угодник, по примеру апост. Павла, и считал себя худшим всех: то тут была одна искренность и не было никакой натянутости. Тут мы не должны видеть в угоднике ничего противного уважения им самого себя или располагающего его к отчаянию, к потере доверия у других. Были случаи, – приступали некоторые к святым с уверениями, что они «напрасно признают себя грешнее других, что жизнь их доказывает противное». Но святые угодники после всех рассуждений на этот раз отвечали искренно, что «недостойны и многогрешны» (Авва Дороф. стр. 47 по р.п.). Как же понять эту тайну? Понять ее или усвоить вполне можно только с практики дела. Кто будет читать святое евангелие и будет стараться жить по евангелию, вообще, по правилам христианским: тот сейчас же увидит, что подошел к бремени, которое вовсе не так по силам ему, как он думал и хвалился раньше, или, как например, сильный физически Самсон мог унести на плечах своих в гору городские ворота. Он видит тогда падение всего человечества в себе. Но он, вместе с тем, не отступает назад от предлежащего ему бремени, потому что, взявшись потом за это самое бремя с посторонней помощью (понятно, что эта помощь есть благодать Божия), чувствует некоторую легкость (Мф.11:30); не отступает назад, потому что уже познал истину или истинный путь в жизни человеческой, – вкусил высшего духовного добра. Затем, продолжая нести бремя евангельских и христианских заповедей, он постоянно находит в самом себе остановки,

погрешности; а, обратившись назад, усматривает в своей жизни целый ряд грехов и страстей. Таким образом, христианин-подвижник глубоко сознает себя слабым, грешным, ничтожным; таким образом, он молится постоянно о помощи себе от Господа Бога; таким образом, чем более он исполняет заповеди Божии, тем более испытывает помощь Божию, – помощь в такой степени, что готов сказать: *«вся могу о укрепляющем мя Иисусе»* (Флп.4:13). А отсюда происходит его разумная боязнь, чтоб ему не лишиться и на последующее время помощи Божией. Отсюда-то возникает в нем убеждение, что он даже всех людей грешнее. С этим убеждением, не пускаясь в исследование, т. е. нет ли еще кого грешнее, чем он, и остается он спокоен. Ему некогда всматриваться во внутреннюю жизнь других. Если же его взгляд невольно падет на чьи-либо страсти и преступления; взгляд его будет не строгий, а только поверхностный; потому что он обратил преимущественное внимание на самого себя, – и не с тем, чтоб любоваться собой, но познавать свою слабость. Да если б он и стал по порядку или же при каждой свежей встрече сравнивать себя степенью греховности с другими, то, может быть, и тут нашел бы, что в том и другом из людей есть такие добрые качества (по крайней мере, в известном случае и на одну лишь минуту), такие похвальные действия, которых нет в нем. О, какая же это чудная и божественная (Мф.11:29) добродетель – смирение! Она – основание жизни истинно христианской, соль всех добродетелей: дерево тогда и растет, когда глубже дает от себя корни, или, по мере роста своего и украшения себя плодами, оно и больше укореняется в земле. Макарию великому враг-дьявол прямо сказал, что подвижник одним только препобедил его: *«смирением»* (Четь-Мин. под 19 янв.). – «Но безответное смирение христианина не будет ли, с другой стороны, пищей для гордости других? Видя пред собой человека, который признает себя ниже всех, живущие по духу мира не будут ли тем более величаться пред ним и, в надежде на его христианское смирение, не станут ли тем смелее оскорблять его»? Истинное смирение исполнено особенного величия. Скорее же, всегда расчетливая гордость мирянина сделает уступку, чем смирение

христианское уступит чьему-либо безбожному требованию, преклонится пред какой-либо воюющей неправдой. В этом-то случае смиренного христианина мир и называет, обыкновенно, «гордым, неуступчивым», но мир ошибается. Миру нужна лесть, а смиренный христианин показывает одну искренность, иногда же решается и на обличение. Хотя Христос Спаситель стоял пред Пилатом и связанный, и до последней степени поруганный, униженный; но во взоре Узника и во всем наружном виде Его, вместе с тем, видны были в это время необыкновенное величие и высота духа, от которых и пришел в страх Пилат. Обижать же, оскорблять христианина в надежде на его смирение, конечно, могут, но эти обиды тем виновнее будут пред Богом.

О, истинно-христианская душа! Внимай себе, чтоб тебе духовною гордостью не утратить начатых трудов: гордость «есть знак бесплодия души», как прекрасно сказал один подвижник (Леств.). Возлюби же смирение, которое, напротив, есть «несказанное богатство». За прежние падения духовною гордостью, или самоправедностью, принеси раскаяние пред Богом: но не сомневайся, будто из-за них останешься в числе отверженных. Фарисей, действительно, остался отвергнутым за свою самоправедность: но он как изучал, так и исполнял закон Божий только по букве, а не опытами внутренней жизни. Оттого и не пришел к смирению, которому лучший учитель – повторяем – практика жизни христианской, или выполнение заповедей Божиих на деле. Нужно заметить, что мало было таких примеров, чтоб падшие духовною гордостью совсем погибали²⁰. Итак, полюби евангельское смирение! им выдворяется из души духовная гордость до того, что смиренный и не видит себя смиренным, напротив, сознает в себе много гордости. Научить же нас этой добродетели может следующее:

памятование слов евангельских: *«аще сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко рабы неключими есмы»* (Лк.17:10) (вся повеленная, т. е. все заповеди: а мы, может быть, не исполнили еще и одной заповеди);

живое представление себе примеров Господа, как Он умывал ноги учеников и как беседовал с женой самарянской

(гордые самоправедники особенно считают себе за унижение войти в разговор с женщиной, будто не понимающей ничего духовного);

невысокомудрие (Рим.12:16), или, иначе сказать, смиренный образ мыслей – смиренномудрие, которое предшествует смирению;

неувеличение оправданий себя в каком-либо нарекании или в малой только вине своей, а, напротив, самоукорение, и даже что же? – обвинение себя иногда (например, и по поводу подозрения нас другими) в том, чего не было на деле, что будто бы забыто нами²¹, так как и гордость наша присвоает же себе несуществующие добродетели;

принуждение своего духа к тому, чтоб считать себя хуже или грешнее всех;

труд, который смиряет тело, а со смирением тела и душу сокрушает;

благоговение к каждому из святых угодников, а не к великим только святым;

молитва, которая так же сильна смирить душу;

молитва о даре смирения к препод. Сергию, или о нищете духовной – к Алексею, человеку Божию;

наконец, частая исповедь пред духовным отцом.

Гордый обычай

В молитве к ангелу-хранителю кающийся, между прочим, произносит: *«отгнах тя от себе... гордым обычаем»*. Что же это за грех, или порок? Это гордость, уже выступившая из души наружу, подобно болезненной сыпи на теле; это гордая душа, отражающаяся в теле, придающая телу и всей наружности человека свой особый вид, словом – горделивая наружность, или высокомерие, спесь, надмение, напыщенность, надутость. Гордый обычай прежде всего изобличается высокомерным взглядом, так как вообще, глаза – первая вывеска души: *«высоки очи имать, веждама... возносится»* (поднимает брови) (Притч.30:13); гордый хотел бы все смотреть кверху, потому что все окружающее кажется ему низким против него. – Обнаруживается поднятием и всей головы кверху: *«ходиша высокою выею»* (подняв шею (Ис.3:16), или, как бы, заломя голову). При этом, у гордого как-то надутыми выходят щеки, а поступь или походка бывает, как бы, летающая; ему будто не хочется и ступать по земле, потому что он воображает себя выше всех земнородных: *«ниже ходих в великих»* напротив, говорит о себе смиренный Давид (Пс.130:1). Но всего чаще гордый обычай обличает в себе человек нехотением поклониться другому при встрече или свидании: *«видев... не подвигнувшася и не кланяющася»* (и с места не хотел встать, и не поклонился (Есф.5:9), так некто был почтен за гордого. Иной раз гордый человек сойдется с глазу на глаз с высшим его по сану, званию или заслугам; и знает он, с кем это встретился: может быть, когда-либо и разделял с этим человеком гостьбу-беседу, еще больше – обязан чем-либо этому человеку; однако ж, проходит мимо, не думая вовсе отдать знак почтения, точно иностранец какой и точно поклон его, с одной стороны, был бы самою тяжелою работою для него, а с другой – составит бы какую-то особенную почесть и награду со стороны его тому, пред кем он поклонился бы. Иногда он извиняет себя тем, что незнаком с этим лицом. Но раскланиваться с одними знакомыми – это не столько почтение, сколько дружеское

приветствие; почтение же пред высшими и старшими требуется от нас за их заслуги и превосходство пред нами. Есть ли, например, возможность молодому человеку вести знакомство с высоким начальником, а высшему какому лицу иметь себе всех знакомыми? Нет, – гордый только боится унижить себя, только услаждает свою гордость тем, что не хочет первый поклониться, встретившись на дороге с лицом высшим, известным ему и даже иногда имеющим к нему, в числе прочих, отношение по прекрасным услугам своим. Мало того: иной гордый не хочет и сам ответить поклоном тем, которые ему кланяются, будто он и не замечает чести, которую ему делают, – делают, может быть, и не особенно обязанные ему почтением. Здесь уже человек «гордится самою гордостью» своею, показывает в себе, что умеет гордиться, и, что, хоть этим знаком своей гордости хочет доказать, будто он очень значительная личность. – Нужно ли доказывать, что такую наружность гордый производит на других неприятное впечатление, что его наружность неприятна также и людям одинакового с ним характера? А, если в иных эта наружность и не есть гордость, но, вернее сказать, остаток, отрывок прежней болезни, или только усвоенный вид прежней гордости, если такими-то показывают себя иногда и смилившиеся в жизни; все же это смущает ближнего, дает ближнему почувствовать с первого раза, что с ним обходятся сухо, что будто не хотят удостоить его разговором, будто гневаются на него. – А Господу Богу противна горделивая наружность тем, что она не уважает в ближнем образа Божия, что ею, обыкновенно, питается в душе страсть гордости.

Как же нам с тобою, ближний, изменить в себе «гордый обычай»?

Приобретением себе христианского смирения, которое мало-помалу даст свой лучший оттенок и всей наружности нашей;

принуждением себя к наружной почтительности в отношении к другим: например, будем первые начинать при встрече с другими разговор, и даже с незнакомыми для нас, но равными нам, а также с низшими нас, когда останемся с ними на минуту, на час одни;

будем делать своевременные приветствия другим и стараться отвечать каждому с веселым лицом или с ласковой улыбкой;

а особенно будем отдавать заслуженным лицам поклон при встречах: поклоны до того противны гордому характеру, и, следовательно, лечат этот характер, что вначале делать их для горделивого человека то же значит, что и «проливать кровь», как сознался один подвижник, ими-то особенно исправивший себя от гордости (Лествица. сл. 4, гл.24);

наконец, гордый наш обычай может исправляться памятованием смиренного вида Христа-Спасителя в земной жизни: по преданию еще известно, что Господь наш ходил, несколько склонив Свою голову.

Гордость до самообожания

«Буду подобен Вышнему» (Ис.14:14). В ином человеке гордость, мирская или духовная, или же та и другая вместе, действительно, доходят до этой готовности уподобиться Всевышнему. Он не хочет терпеть ни от кого противоречий, даже и скромных, – будто он непогрешим, всесовершен; указывая на свою голову, он прямо говорит: «вот, где мой бог». Он желает, чтоб все покорялись ему и в правом, и неправом деле. Сам же он никого не считает достойным своего уважения, презирает в душе всех (*презорство* (Иер.43:2)), хоть по наружности, может быть, и бывает вежлив, хоть «гордый обычай», может быть, сглаживает в себе образованностью. И в отсутствии какого-либо достойного человека, а не то что лицом к лицу, ему несносно почтить этого человека. Наконец, в присутствии своем, он не желает слышать воздаваемой славы самому Господу Богу. Если же это человек первый где-либо, если он везде заседает первым, то думает о себе, что едва не на облаках сидит, а низших себя представляет подножием своим²². Так, не значит ли это втайне желать себе божественности, обоготворять самого себя? Страшное заблуждение!

Примеров такой необычайной гордости знаем несколько по истории. Навуходоносор сделал изображение себя и велел поклоняться этому изображению (Дан.3:1–10). Ирод раз надел на себя царские одежды, сел на возвышенном месте и говорил к народу величаво, как бы бог; действительно, и народу чудилось, что-то необыкновенное, будто у Ирода не человеческий, но божеский голос, но то только в ту же минуту ангел поразил его за то, что он «не даде славы Богу» (Деян.12:23). Ирод умер, изъеденный червями.

Да что удивляться тому, что иной человек втайне начинает обоготворять себя, отделившись от Господа Бога? Дьявол и сам этим начал свое отпадение от Бога и довел до того же первого человека. От чего пал Адам? От того, что хотел выйти из-под зависимости Бога, сравняться с самим Богом: «будете яко

бози», вот что прельстило его! И он, со своей стороны, все сделал, и внутренним пожеланием, и внешним действием, чтоб достигнуть своей цели. Но чем начал дьявол свои козни по отношению к людям, тем и покончит: гордость есть любимейшее качество его, и этим качеством он хочет поделиться с людьми. Какой будет главный порок в антихристе, которого «пришествие» последует *«по действию сатанину»* (2Фес.2:9)? – Гордость, которая на этот раз достигнет уже до самых крайних пределов: антихрист будет *«превозносяйся, паче всякого глаголемаго бога или чтилища»* (2Фес.2:4), т. е. отвергнет Бога и все божеское, или ради Бога почитаемое, например, церковь, священные вещи, сочтет низким для себя всякий вид богочитания, какой был известен раньше, и потребует почитать его одного, как бога.

После сего нужно ли много доказывать, что такая сатанинская гордость есть грех самый богопротивный, «смертный»? Да, у премудрого Соломона, например, говорится, что из шести (или даже из семи пороков), которые ненавидит Господь, в первых есть *гордость* (Прит.6:16–17). Первым также злом в беззаконной жизни людей пред кончиною мира поставляется *самолюбие* (2Тим.3:2). Вообще, по священному Писанию ни один порок не подвергается такому строгому суду Божию, как порок гордости (Ис.23:9, снес. Мф. 23 гл.). Он (берем высшую степень его) не просто страсть, которая удаляет от Бога и которой человек служит вместо Бога; но грех противления, вражды и дерзости пред Господом Богом, как видно из слов: *«Бог гордым противится»* (Иак.4:6, снес. Рим.3:10). Человек забывает свое ничтожество пред Творцом, без поддержки Которого не мог бы и одного дня просуществовать; сознавая свои силы и совершенства, втайне обоготворяет себя пред самим собой и пред людьми. Как самолюбие предшествует всем страстям, так гордость следует за всеми страстями, или завершает собой все страсти человеческие. В то же время, это страсть такая, которая одна может наполнить собой место всех страстей, так как она одна свергла с самого неба духов падших. Пусть не будет в человеке других пороков, но враг дьявол рад и доволен за человека, если

в нем остается сильно развитою эта одна страсть. А низшую степень ее, или «возможность превозношения», нечто гордое имели люди и самой высокой, чистой жизни²³. Один из этих-то высоких высказался о бессилии своем избавиться от нее одними человеческими средствами: «блудных могут еще исправлять люди, лукавых и злых людей исправляют ангелы, а гордых исцеляет сам Бог»²⁴. Что же до вреда этой страсти в отношении к ближнему, то еще раз можем повторить здесь такую общую мысль: «чем кто дальше от Бога, тем дальше и от людей».

Однако ж никто, никто не должен унывать, хоть бы дошел и до этой сатанинской гордости. Сверх тех средств, которые уже мы указали против гордости вообще и для приобретения смирения, здесь еще указываем такие средства:

неверование самому себе, – ни своему уму, ни своей власти или славе человеческой, которые столько изменчивы;

распознавание о себе со стороны, – не горды ли мы: с иным человеком обходятся все подобострастно, берегут его, чтоб не огорчить его, и он, редко на кого-либо огорчаясь, думает о себе, что не горд, между тем, как в высшей степени горделив;

памятование страшного в истории примера, как царь Навуходоносор за свою гордость, которую развил в себе до самообожания, был низведен Богом до подобия скота. Стоит этот пример изложить подробнее. Навуходоносор совсем изгнан был из города, от общества людей. Там, в поле, он стал есть траву, как обыкновенную пищу; оброс волосами наподобие льва; ногти у рук и ног его сделались как птичьи; тело его оставалось не покрытым и омочалось росой (Дан.4:22–31). Но, вместе с тем, ни тело, ни душа его не изменились решительно в природу зверя. (Как желудок его мог переваривать траву; как в поле не съели его звери; как это вельможи решились выгнать его от себя и почему не оставили его, как бы человека необыкновенно расстроенного, в его собственных комнатах и не позаботились окружить его прислугой и врачами: все эти вопросы не имеют силы пред всемогущим Богом, который наказывал этого человека за необычайную гордость, – наказывал одного в пример всему миру). Нет! Навуходоносор

только одичал, боялся быть с людьми, как и с ним боялись встретиться, хотя встречались и передавали друг другу страшный рассказ по случаю этой встречи. Но он не лишился рассудка и чувствовал свое униженное положение, против которого ничего не значило бы ему сделаться нищим, убогим или темничным узником; он чувствовал и признавал себя, так как иначе наказание ему не было бы вполне наказанием. В таком положении он был *«седьмь времен»*, или три года с половиною. Когда же определенный срок наказания прошел, и он из пустыни возвратился снова на царство, тогда смиренно исповедал о Господе Боге, что *«вся, ходящая в гордости, может смирить»* (Дан.4:34). А другой некто, мечтавший уже касаться звезд и также необыкновенно наказанный за свою сатанинскую гордость, сказал: *«праведно есть повинутися (покоряться) Богови, и смертну суцу равная Богови и мудрствовати горде»* (не должно думать высокомерно сравняться с Богом) (2Макк.9:12). Горькие это, но самые вразумительные примеры для тех, которые по гордости своей готовы и обожать себя, или уже обожают!

Непротивление страстям вообще и неискоренение их в себе

«Блажен, иже имет и разбьет младенцы... о камень» (Пс.136:9). Страсть (страдательное состояние) есть укоренившаяся в душе привычка к чему-либо: долговременность большая или меньшая, неременное условие ее. Если кто сделал одну милостыню, тот еще не милостив, так и кто раз только рассердился, – в том страсти гнева еще нет. Страстью называется навык, сильное и постоянное движение к чему-либо души и тела. И грех также не есть страсть. Грех – это только исполнительная часть какой-либо страсти, – проявление страсти в фактах, на деле: они могут и не быть некоторое время, но страсть живет в душе; могут они совсем не быть, но борьба со страстью внутренняя еще продолжается или же требуется по особенному искушению от посторонней вражеской силы. Страсти разделяются на душевные и телесные, как мы и рассмотрели их. Но душа и тело у человека такие два друга, которые почти всегда вместе работают для страстей. Душа влечет за собой и тело (например: страсть сребролюбия, живущая всецело в душе, заставляет и тело изнуряться); за телом последует и душа (страсть плотская и душу делает похотливою (Мф.15:19)). А в том смысле, что тело принужденно следует душе, как, в свою очередь, и душа, оставив свойственное или принадлежащее ей по чистой природе, следует за плотию, в этом смысле они становятся врагами друг другу: *«сия же друг другу противятся»* (Гал.5:17). Главный же виновник страстей – душа. От иной страсти, например, к чтению, телу одна только тягость. В строгом смысле говоря, и нет такой страсти, которая бы приносила удовольствие одному телу: каждая телесная страсть есть непременно страсть души и тела.

Откуда же страсти? не от природы ли, не естественны ли они? О, нет! Бог создал Адама невинным и святым. И как болезни бывают уже после здоровья, так и страсти в человеке – случайность, своего рода, болезнь, или то, что составляет

недостаток в жизни человека, как, например, больному-то не достает здоровья. Но, если посмотреть и на нынешнее состояние человека, т. е. как на состояние творения падшего, – и тут для него правильная и добрая жизнь желательнее и приятнее, чем беспорядочная и незаконная; в этом смысле каждая сильно развитая страсть есть ни что иное, как выход человека из естественного чина своего и переход за пределы естества. Затем, если б страсти были естественны, с самым рождением, или только принадлежность творения не совершенного, каков человек; в таком разе они не приносили бы человеку беспокойства, например, для совести, и прямых болезней, например, для тела. Вот, есть только для нас удовольствия естественные, например, пища, отдых; но и из естественных удовольствий не все же необходимы, например, плотское совокупление даже в пределах закона; но и в этих удовольствиях должна быть своя мера; они хороши дотол, пока не заставляют раскаиваться, не отсекают нас от важнейших обязанностей. Наконец, если б страсти были естественны душе или телу, то им принадлежала бы неизменчивость; например, пить и есть естественно человеку, и человек до последнего дня своей жизни желает себе пищи и питья: страсти же с годами, или по обстоятельствам, изменяются, а в иных людях совсем не обнаруживаются. Итак, богохульная это была бы речь, будто сам Бог создал человека со страстями и для греха.

В силу чего страсти берут верх над человеком? Они селятся на готовой земле: эта земля, или основание для них – первородный грех. Они развиваются и крепнут в силу повторений: привычные грехи нам кажутся легкими и простительными; только новое согрешение, хоть бы и меньшей вины, устрашает душу. Они со временем, действительно, обращаются в природу, так что искоренить в себе злую и многолетнюю страсть не меньшая трудность, чем изгнать из кого-либо духа злого (страсти и называются у подвижников «демонами»²⁵). Таким образом, самое льготное время от страстей, это – молодость лет. В молодых людях страсти пылки, но не упорны. Юность – молодость находится по преимуществу

в состоянии «нравственной свободы». – Затем, в ином человеке можно видеть много страстей, а в ином – одну лишь страсть. Многие страсти сходятся вместе там, где господствующая из них самая преступная, например, гордость: как сильный какой человек имеет у себя много знакомств, так и сильнейшая страсть притягивает к себе другие страсти, например, та же гордость порождает от себя и властолюбие, и славолубие. Что же до одной страсти в человеке, то надобно знать: какая это страсть? Если она не предосудительна, если обнаруживается редко, при известном только случае или в известное время, например, когда мы любим похвалиться собой; то вред от нее для жизни духовной незначителен. Подобные пристрастия, или, вернее сказать, слабости оставались не без Божия попущения и в святых людях, для поддержания в них смирения (2Кор.12:7). Но, если это страсть злая и богопротивная, например, сребролюбие, то в ходе жизни христианина делается такая же остановка, как, если б кто бросил в машину большой камень. Тогда приложимы слова св. Писания: *«уже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен»* (Иак.2:10). Девять дел человек творит добрых, а десятое – худое, преступное, и – этим последним портит все. Орел, если и одним ногтем будет в сети, – не может уже лететь кверху, и весь в руках ловца: так и иному человеку быть бы уже на небе по его добрым качествам или заслугам, но он связал себе ноги на земле тяжко-преступною страстью.

Вообще же, по отношению к страстям люди, увлеченные ими, находятся в трех состояниях. Одни вполне служат им и не думают расстаться с ними; например, иной вспыльчивый человек не только оскорбляет несправедливо ближнего, но и жалеет, что еще больше не насказал ему колких слов: это значит *«плен страстей»*, впрочем, добровольный. Другие сопротивляются страстям; например, в той же страсти гнева иной и не хочет сделать ближнему обиды, но увлекается ко гневу силою привычки: за то он скорбит, раскаивается, увлекшись своею страстью: это значит *«борьба со страстями»*. Третьи искоренили или искореняют в себе страсти. Исполнив одно: *«уклонися от зла»*, они перешли и к другому: *«и сотвори*

благо» (Пс.33:15). Эти люди трудятся в противоположной прежнему своему пороку добродетели, так как каждая порочная страсть имеет и противоположную себе добродетель; например, гордый не только отложил свою гордость, но и возложил на себя какой-либо подвиг смирения: это значит преодоление в себе страстей. – Общим, также, о всех страстях суждением, относительно вреда их, может быть следующее: – они ослепляют человека, не дают человеку и судить здраво, и поступать право; в том деле, где затрагивается известная страсть человека, хотя бы в отношении к другим, а не к нему лично, – в том деле (берем более частную жизнь) он не будет вполне беспристрастным судьей: он или защищает свою страсть в постороннем лице (блудник, например, отстаивает подобного себе) или же судит о других больше по себе (тот же, например, развратник не верит тому, что те и другие живут честно, целомудренно). – Страсти более всего ссорят человека как с добрыми, которые не имеют их и которые сами себе вполне расположены к миру, так и с подобными ему лицами; мир-дружба у преданных одинаковой страсти непрочны, хотя и легко возобновляются. Словом, страсти – первые враги, настоящее тираны для человека, прежде всего, в отношении к нему самому, а затем весьма часто через него и к другим. Они мучают совесть, изнуряют тело, расслабляют здоровье. Если б не было действия их на земле, то и земля была бы подобием небесного рая.

О, как же теперь нам с тобой, христианин, не желать освободиться от страстей? И вот какие общие советы против них могут быть предложены:

нужно отсекать, или преодолевать в себе страсть вначале, пока она мала. Маленькое деревцо еще легко вырвать из земли; большое же труднее; а то, которое глубоко пустило свои корни, одному человеку уже и не под силу искоренить: он должен созвать на помощь себе другого и третьего. Так и относительно страстей: юную страсть легко преодолеть; а, когда она будет оставлена без внимания в той надежде, что она мала, что всегда можно бросить ее, тогда уже требуется помощь ближнего, и, особенно, молитвенная помощь святых Божиих.

Страсть, в начале не уничтоженная, как магнит влечет к себе волю человека. Человек же на одной степени добра или зла не стоит: он идет или к лучшему, или же к худшему. Таким образом, всего умнее вначале же воспротивиться страсти. (Один человек крал с общего стола хлеб и другие кушанья, чтобы поест тайно, так как не совсем, или не всегда, насыщался за столом; потом он продолжал красть, когда и позволили ему приходить в столовую хоть открыто, сколько хочет; наконец, он крал кушанья вовсе не для того, чтобы есть, а в силу одной привычки, бросая испортившиеся овощи животным²⁶).

После падения какую ни есть страстью надобно тотчас раскаяться в падении, чтоб поскорей возвратиться на прежний добрый путь, чтоб снова прийти к Господу Богу. Пусть и тяжкий грех по силе страсти будет допущен: но не нужно медлить покаянием. Блудный сын замедлил было воротиться к отцу своему, и – едва не погиб. Иного пути, или исхода, ведь нет в настоящем случае, как покаяние. Рано или поздно, но не желающий погибнуть должен же прийти к Господу Богу с покаянием, не лучше ли же раньше и тотчас выполнить это дело? А иначе грозит «страна далече». Нечего здесь и опасаться такого навыка: падать и вставать. Нет, не все будут падения: при готовности бороться со страстью падения будут, разве, в начале борьбы.

Нужно исправляться от страстей не потому, что оставаться с ними дурно, нехорошо, что они вредят на службе, здоровью, состоянию и т. д.; но, собственно, по любви к Господу Богу, чтоб не удалиться совсем от Бога, чтоб обращаться к Нему, например, в молитве, с большим «дерзновением» (Евр.4:16). А иначе, в существе дела не будет никакого исправления: иначе это будет только смена одной страсти на другую (Мф.12:44), подобно тому, как мы меняем свои одежды; исправившийся, например, от болезни пьянства часто с прежней стремительностью предается плотской стрости. И подобная другая страсть насильно вторгается к человеку вместо прежней.

Нужно отсекал и поводы к страстям, отказывать себе в том, что может потешать страсть или склонять к ней, как, например, к плотской – нехорошие песни. Мало того: нужно

преследовать страсть не во внешних только поводах к ней или в действительных обнаружениях (грехи), но и расположениях самой души. Вот, например, иной сидит у себя в комнате за делом, чувствуя себя в тихом, спокойном расположении духа. Приходит к нему посетитель: начинает разговор, возникает спор, противоречия, и – он приходит в яростный гнев. Что же, уже ли посетитель так и принес к нему страсть гнева? Нет, – посетитель своим приходом только изобличил в нем тайную страсть.

Так как каждый раз, когда мы говорим или читаем о вине и вредных последствиях какой-либо страсти, – в это время чувствуется нами боязнь к той самой страсти и мы даже готовы дать обет Богу всегда удаляться ее: то и полезно нам чаще вести речь о страстях со стороны пагубы их, говоря, только осторожно, т. е. без подробностей, о плотской страсти. Необходимо также поверять себе по временам, например, если не каждый воскресный день, то накануне нового года, – поверять: насколько мы успели в исправлении себя от той или другой страсти?

Не надобно страшиться приступить к борьбе даже с самой непреодолимой страстью или же только с многолетней. Жестоко сначала воспротивится нам страсть, но при условии постоянной борьбы она будет становиться слабее и слабее. Христос Спаситель расслабил для нас страсти, подобно тому, как сильный какой-либо человек расшатал бы для нас деревья, и нам оставалось бы только прийти и вырвать эти деревья. Он подает нам благодать в таинствах, – *«вся божественная силы... яже, к животу и благочестию»* (2Пет.1:3). А иначе, т. е. мы не коснемся и перстом до исправления в себе преступной страсти, которая, кроме преступности, и многолетняя, – иначе грозят нам слова одного из пророков: *«грешник ста лет, и проклят будет»* (Ис.65:20). Борьба же со страстями – подвиг, угодный Господу Богу. А особенно борьба с ними такого рода, когда человек старается искоренить их в самой душе, уже не допуская грехов, по роду или качеству их (и всякий, кто заражен был какою страстью, не может в последующее время прожить без этой скорби от своей страсти), и особенно, борьба со

страстями напускными, или, единственно, по нападении от дьявола – эта борьба прямо равняется «мученичеству»²⁷.

Против всех человеческих страстей сильнейшее средство: смирение христианское. И естественно; потому что «*смирненным же дается благодать*» (1Пет.5:5).

**Заповедь 3: Не приемли имени Господа Бога твоего
всуе²⁸**

Почитай Бога словом

Первое проявление души нашей есть дар слова. Посему внутреннее богопочитание: *вера* (она относится, преимущественно к уму и составляет содержание первой заповеди Божией), *надежда* и *любовь* (относятся к сердцу и воле, и составляют предмет второй заповеди), – внутреннее богопочитание, естественно, должно выразиться и словом нашим, которое может быть «устным, письменным и печатным». И вот, этого-то самого и требует от нас третья заповедь десятословия! Все, что относится до словесного почитания Бога и святых Его, и что составляет оскорбление нашим словом Его самого и святых, а также, что относится до прославления или же до хулы тем же способом божественного и священного, – все это входит в область третьей заповеди, в первом случае – как исполнение ее, а во втором – как нарушение. Итак:

Грехи против величия Божия и достоинства святых

Богохульство

«Отверзе уста своя в хуление к Богу, хулити имя Его... и живущия на небеси» (Откр.13:6). Предметом чьего-либо богохуления могут быть: сам Господь Бог, в Троице Лиц почитаемый, Богочеловек Иисус Христос, Пречистая Владычица Богородица, святые ангелы и святые угодники. Но почему богохульством называются и хульные речи на Божию Матерь и святых? – Потому что «дивен Бог во святых Своих» (Пс.67:36): как прославляется и почитается Он во святых, так и оскорбляется за них, когда они бывают хулимы; – потому что Он – виновник их святости; – потому что всегда с ними и они всегда в Нем. – Богохульство, о котором ведем мы речь, это не богохульные помыслы, которым против воли подвергаются иные верующие души, и которые не вменяются в вину, как исключительно наглые шептания в душу со стороны дьявола. Нет, – это намеренные и умышленные клеветы и поругания на Бога или на святых Божиих, произносимые то публично, т. е., более или менее, в многолюдном собрании, то пред некоторыми только лицами (степень последнего богохуления имеют «письменные» хулы, как читаемые только немногими лицами). – Что сказать о вменяемости богохульства? Это грех чудовищный. Он выражает какую-то ненависть к Богу и святым, показывает отсутствие всякой веры. Первым показателем его был дьявол. Когда дьявол говорил в раю Еве: «что яко рече Бог» (Быт.3:1), то тут слышим клевету на Самого Бога. Какая же это страшная дерзость: человеку, который есть червь пред Богом, произносить хулы на Всевышнее Существо! какое безбожие поднимать язык на божественную чистоту действий Иисуса Христа, Который есть вечный благодетель людей, – искупительная жертва за грехи мира! какое нечестие – поносить Божию Матерь, Царицу Небесную, всегда молящуюся за грешников, какая наглость – клеветать на святых Божиих или приводить в пример из земной жизни их и действительные падения, но только для унижения их, а никак с целью урока или предостережения себя! Они – святые Божии – уже окончили

свой подвиг, прославлены самим Богом и все вообще «достойные всего мира» (Евр.11:38); но и самый меньший из них, например, который покался незадолго перед смертию (как мученик Вонифатий (Четь-Мин. под 19 дек.)) и друг.), есть уже нареченный судия «мирови» (1Кор.6:2), вместе со святыми ангелами и апостолами. – Умышленный и сознательный богохульник, вместе в тем, оскорбляет и ближних. Своими богохулениями он производит всеобщее негодование, касаясь веры, которая есть святыня человека, высшее из всех благ. Слабым душам он и существенно вредит, потому что эти души после его богохулений и подумают иногда: «В самом деле, не так ли...?» Но и твердые в вере люди, но и глубоко благоговеющие к Богу и святым, должны усиливать свои чувства, чтоб не ослабить в себе благоговения, например, к Иисусу Христу или Богоматери, которых безбожник в глазах их похулил (Тит.3:10). Он опасный член государства: какого злодеяния нельзя ожидать от того, кто не боится поносить Самого Бога и святых? – За богохульство в Ветхом Завете назначалось смертная казнь: например, Навуфей по ложному обвинению в этом грехе был побит камнями (3Цар.21:13, снес. Лев.24:16); в Новом Завете этот грех относится к признакам последних времен (1Тим.1:20). – Что же может исправить богохульника? Если богохульство произносится по неразумию, или, как только сильнейшая брань в нетрезвом виде, или же по заблуждению, как в последнем смысле называл себя «хульником» апостол Павел (1Тим.1:13), то оно пройдет вместе с тем, как к человеку возвратится разумное сознание, – и не будет лишено помилования. Но сознательного, но намеренного и многократного богохульника вразумит и исправит, разве, кара Божия; так некогда был наказан за свою гордость и богохульство царь Антиох: еще живым стал гнить Антиох; зловоние от него исходило на целое войско и было невыносимо для всех (2Макк.9:9:28)²⁹.

Ропот на Бога

«В пустыне сей падут елицы ропташа на Мя», некогда сказал Бог и исполнил о ропотливых евреях (Числ.14:29). Одни из людей ропщут за самих себя в каком-либо чрезвычайном несчастье или горе; например, говорят даже: «зачем мы родились на свете?» Другие произносят ропот за других: «зачем же это Бог отнимает (чрез смерть) мать у стольких малолетних детей»? Третьи смущаются промыслительными действиями Бога в истории целого человечества в какое-либо данное время: «зачем допускались войны..., зачем бывают нужды людей»? Ропот не включает еще в себе ненависти к Богу, но он выражает гнев-досаду на самого Бога. Очевидно, он напрасен и безрассуден; «кто разуме ум Господень? или, кто советник Ему бысть?» (Рим.11:34). Он составляет дерзость пред беспредельным величием Божиим: как же человек, всецело зависящий от Бога, может требовать себе отчета в действиях Божиих? Впрочем, ропот иногда бывает и извинителен. Так, иной раз ропщет глубоко верующий. В горести своей этот человек так же, по-видимому, гневается на Бога, говорит, например, к Божией Матери: «зачем оставила меня...»? Но жалобные речи его, скорее, происходят от избытка надежды на Бога, чем от неверия. Таково, например, состояние человека, когда будет допущен тяжкий грех, – не им самим, но близким к нему лицом, и, когда угнетенная мысль его невольно обращается к Богу с воплем: «зачем попущено это несчастье, зачем не помянуты на сей раз мои заслуги»? В таком состоянии находился и праведный Иов, когда боролся с великими ужасами своих страданий (Иов.гл.3). Не следует в строгом смысле принимать ропотливые слова подобных лиц. Если сравнить их горькую жалобу на горькое несчастье, то последнее выйдет тяжелее и жалоба их окажется еще умеренной (Иов.6:1). Тут человек ропотливыми словами выражает только свою чрезмерную скорбь и, как кажется ему, незаслуженную им (Иов.6:26). – Чем же, однако, можем мы удержаться от ропота на Бога или на святых в каком-либо горе? – Такой

мыслью, что, чем больше наше несчастье, тем менее должны мы судить о нем, – полезно или вредно оно для нас, – судить так по настоящей только жизни; нужно смотреть на это несчастье в связи с будущей нашей жизнью. Еще таким простым, но верным, средством: когда в несчастии душа наша будто окаменеет или оглохнет, когда с языка нашего так и готовы исходить слова ропота, – нужно заставить себя говорить вслух и много раз «слава Богу». Пусть машинально и одним языком будут произносимы нами эти слова: но они мало-помалу оживят и смягчат нашу душу, вызовут ее на такое сознание: *«благо мне, яко смирил мя еси!»* (Пс.118:68).

Кощунство: а) словами и б) действиями

«Ниже да именуются в вас... кощуны» (Еф.5:4). Кощунство отличается от богохуления и ропота на Бога. Последние грехи касаются самого существа Бога и личности святых: а оно относится только к тому, что есть Божьего и что принадлежит святым. В нем (если судить по большинству примеров) нет ни ненависти, ни гнева в отношении к Богу и святым: но выражается шутка, желание развеселить других и легкомыслие. Однако ж, оно иной раз бывает еще виновнее пред Богом, особенно в сравнении с ропотом, – по своей невынужденности и частовременности. Оно обнаруживается словами и действиями.

Словами: а) любят говорить священными текстами, языком славянским церковным, не для того, чтоб придать своему разговору более достопочтенности и назидания, а в обыкновенном празднословии, единственно, с целью возбудить в других смех, – и, во всяком случае, не к месту; так, например, припоминают «глас вопиющего в пустыни» (Мк.1:3), желая выразить безуспешность какого-либо дела (но на глас Крестителя в пустыне собиралось много народа (Лк.3:7,12:21); так нередко говорят о твердом знании какого-либо предмета: «знает, как помилуй мя, Боже»; б) приводят тексты слова Божия в светских сочинениях, часто и без буквальной точности, – и опять не по смыслу их, а только ради острого слова и одной шутки, еще думают, может быть, при этом выразить, что простодушное верование Библии есть доля простого народа. (Да, любимейшая это привычка некоторых светских писателей шуточно перемешивать свою речь священными текстами. Сюда же относится намеренное писание или печатание ими имен: «Христос, Богородица» с малых букв: «христос, богородица»), в) сознательно обращают в свою пользу некоторые слова священного Писания, чтоб ими оправдаться в нарушении нравственных своих обязанностей; например, отказываясь от поста, говорят: «не входящее во уста сквернит» (Мф.15:11), между тем, как здесь берется общая мысль о пище, без всякого отношения ее к качеству или количеству, и только пища здесь

противопоставляется нечистоте сердца, от которой происходит и нечистые, и дурные речи; – еще чаще оправдывают свои грехи и опущения нуждою, говоря: *«по нужде и закону пременение бывает»* (Евр.7:12), тогда как в настоящем случае разумеется закон вовсе не коренный и нравственный, а обрядовой – ветхозаветные жертвы, омовения и т. под.; г) совсем по своему перелагают или сочиняют тексты, т. е. слова-то Св. Духа, так как устами апостолов и пророков говорил (глагоал) сам Дух Святой; так, например, страшно искажают последние слова в апостольском чтении во время брака, равно, как и многое в церковных песнях и чтениях, например, *«со святыми упокой»*, – всегда придумывая на этот раз какую-либо грубую рифму или созвучие; д) насмешливо или в грубых словах говорить о некоторых высоких священнодействиях (*макал*, т. е. погрузил в крещении); а также обычным глумлением для многих бывает *«епитимия»*; составляют вновь, или только повторяют за другими насмешливые пословицы на священников и монахов, которые касаются не личности только, но и службы первых, и звания вторых. Такова поговорка и о *«длинных волосах»*. Но, например, у священников длинные волосы – и сами по себе приятный вид – должны бы быть еще приятным напоминанием для мирян, что *«вот, среди них, и так близко, находятся люди, посвященные для особенного служения Богу и для того, чтоб через них же приносить молитвы и жертвы к Богу»* (Евр.7:27).

Действиями кощунство (пародирование) бывает: аа) благословляют рукой для забавы по примеру священника и в виду его, например, когда кто, придя в дом для гостьбы или за делом, и по доброму обычаю благословясь от него, подходит затем к другим с простертою рукою поздороваться; бб) произносят ектении на манер чтения дьяконского, искажая свой голос; вв) представляют (пародируют) целые службы, например, молебен с водосвятием, и целым сбором, назвав тут одного псаломщиком, а других певчими, поделав и облачения священны (например, вместо ризы рогозу), подражая наружному виду священника (волоса и борода изольна); а также равнодушно относятся к играм детей, имеющим предметом смешное представление какого-либо таинства или

обряда, особенно исповеди (один мальчик сидит на стуле, а другие подходят к нему и рассказывают свои грехи, причем, мальчик или девочка покрывает их большим платком); мало этого, и сами взрослые в некоторых местах допускают подобные же игры, например, венчают (венцы из соломы), хоронят искусно скрывающего все признаки жизни, и даже карикатурят великое таинство крещения; гг) в нетрезвом виде поют духовное и церковное, сменяя это пение хохотом или спором; дд) безвременно и неуместно, например, для испытания голоса или ради приятности напева, поют из литургии такие стихи, которые относятся к совершению самой бескровной жертвы («милость мира...» «Тебе поем»), и которые вне богослужения можно петь разве для изучения или спевки и разве еще одиноко, тихо и с глубоким умилением; ее) стараются рассмешить непристойными движениями и смехом человека, предстоящего на молитве, а также иногда останавливают этим чтение или пение на клиросе; жж) надевают, при случае или нарочито отыскав где, священническое платье и даже церковные ризы, и так-то со смехом показывают себя пред другими; зз) в театрах выводят на сцену для большего увеселения публики духовных лиц, даже назвав по имени против печатного текста пьесы, какое-либо местное знакомое публике и известное своею строгостью или учительством лицо; ии) составляют и разыгрывают в театрах целые драмы из свящ. книг (Зора опера). И сколько же известно разных родов кощунства!

К сожалению, этот грех в большом ходу. Для людей легкомысленных любимейшее занятие, приятнейшая шутка: представить в смешном виде обряд церковный или кого-либо из лиц духовных. Иное что для шутки и забудется, а это – нет: так-то человек поврежден грехом и так хитро подстрекает его враг-дьявол к осмеянию священного! – В какой же степени тяжок этот грех? О тяжести его прежде всего можно судить по лицу Ирода, который показал пример его над Иисусом Христом (направление же убийцы Крестителя известно). Ирод осыпал колкими насмешками и дерзкими шутками Иисуса Христа в глазах своих царедворцев (кощунство без соучастников не

бывает); и царедворцы последовали примеру его: он придумал для Спасителя нашего и «ризу светлу» (длинную белую), чтоб представить картину более смешной (Лк.23:11). – Кощунство, хоть бы допускалось не в чувстве пренебрежения к священным лицам и предметам (да! есть кощунствующие и по крайней развращенности сердца), а так просто, для улыбки других, – кощунство непременно убивает в душе подобающее к святыням благоговение. Обыкновенно, и от внешнего многое начинается в человеке, как с другой стороны – внутреннее его отражается с силою во внешнем; например, внешняя внимательность к своим действиям и терпеливость в занятиях делают его и внутренне сосредоточенным, исправляют его от порока рассеянности. Посему, как наружное почитание нами святынь располагает самую душу благоговеть и, чем больше будет знаков такого почитания, в простоте намерения обнаруживаемых, тем больше душа наша начинает благоговеть; так, с противной стороны, т. е. от кощунства, охладевает к священному душа. Случись вскоре услышать в церкви то пение или увидеть то самое таинство или обряд, которые кощунственно представлены были кем-либо, и воображение наше тотчас переносится к прежней картине: уважения к священному и святым невольно не стает в нас или убывает. Сама по себе святыня или священное лицо и действие ничего не теряют; они остаются по-прежнему священными и душеспасительными для прочих, которые приходят к ним или слышат их с доверием: но самими-то кощунниками от их кощунства великий убыток относительно чувства страха Божия. Притом – разве мало еще мирских предметов для шутки и веселости? зачем же трогать священное? Дано нам священное не для того, чтоб шутить над ним, а чтоб благоговеть. – Наконец, тяжесть греха кощунства видна из того, что случалось – тотчас же карал правосудный Бог виновных в нем. Так, были примеры, что тот человек, который притворялся покойником, между тем, как другие шутили над ним или просили у кого пособия, чтоб похоронить его, – тот человек и действительно оказывался умершим. В одной из духовно-повествовательных книг говорится, что дети играли кощунственно обедню, и – тотчас явился с неба огонь на вещи, которые они приготовили

для бескровной жертвы, бросив их самих в страшном испуге на землю: испуг прошел только через сутки³⁰. Но, если Бог долготерпит кощунникам, то потому, что «на покаяние их ведет» (Рим.2:4) или покаяния от них ожидает. И, о! если б они поняли это³¹.

Применение божественного и священного к предметам или действиям явно греховным

«Бог поругаем не бывает» (Гал.6:7). А не поругание ли это, когда просят гостя или сам гость желает угоститься третьей рюмкой вина в честь Пресвятой Троицы? Повторением чего-либо до трех раз можно чествовать Святую Троицу только в предметах чистых, вслед за правосл. Церковью: например, в этом смысле Церковь делает тоекратное обхождение вокруг купели, трижды произносит аллилуйя. Но многопитие вина есть грех: на что же похоже и грех-то творить во славу Божию? – Так, иной святым именем «ангела» величает устно или в письме («ангел мой»!) женское лицо, к которому имеет незаконную любовь... Так, некоторые вплетают имя угодника Божия в разгульную песнь. О, человек! не увеличивай кощунством тяжести и без того нелегких грехов своих!

Равнодушие-смолчание при чьем-либо богохулении и выражение удовольствия к чьему-либо кощунству

В Ветхом Завете услышать чье-либо богохульство почиталось страшною неожиданностью: иудей в сильном негодовании за то, что оскорбляем был Сам Бог, раздирал на себе платье (4Цар.19:1, снес. Мк.14:65–66). Христианину ли быть равнодушным – молчать, когда кто хулит при нем его Спасителя Христа или Пречистую Богородицу, или кого из святых угодников, например, Марию Магдалину? Ему гораздо более, чем ветхозаветному богопочитателю, преподано понятий о величии и свойствах Божиих. Он уже видит исполненным обетование Божие об искуплении человеков и, так сказать, утопает в милостях Божиих, например, приобщаясь Самого Бога в тайнах Тела и Крови Христовой. Он ли, посему, из благоговения и любви к Иисусу Христу, к милосердной матери Божией и святым угодникам, он ли не должен содрогаться при чьем-либо богохульстве, запретить тотчас богохульнику, а в особенных случаях и предъявить надлежащему начальству об этом человеке, чтоб не дать свободы соблазну? Нет, равнодушное смолчание при богохульстве другого уже составляет прикосновенность к этому преступлению³².

Затем, пусть иной лично не допускает кощунства и не умеет кощунствовать: но улыбаться с другими, когда кто язвительно осмеивает священные предметы; но с приятностью принимать у себя гостем веселого кощунника; но просить и убеждать, чтоб кощунник позабавил собрание, чтоб представил чтение или пение какого-либо духовного лица, чтоб пародировал какую-либо службу церковную – все это, с одной стороны, не прямое ли участие в кощунстве, а с другой – не поощрение ли кощунствующих ко греху их? Говорят, «невозможно удержаться от смеха при кощунственных речах или движениях иного: до того иной натурально подражает какой-либо церковной службе или обряду, или же остроумно пестрит свою речь текстами». Жалкая несдержанность! Но этот-то неудержимый смех и дает нам почувствовать, что мы мало серьезны для священного, что

в нас еще не глубоко развито благоговение к божественному и церковному. «Нет иной раз никакой возможности остановить кощунника: потому что все в гостинном собрании, все – и высшие, и средние, любят на него, потому что и он сам иногда бывает из высших». Но для других-то и следовало бы отвечать на выходки кощунника словом истины и обличения: тогда и он вперед был бы осторожнее, особенно пред такими лицами, которых внутреннее расположение на сей раз ему неизвестно. Если уже нельзя, действительно, прямо восстать против кощунника, если не представляется возможности и замять его речь другим разговором; в таком случае, не нужно более *«на седалище губителей сидеть»* (Пс.1:1), помня наставление: *«спасая спасай твою душу»* (Быт.19:17). Трудно переменить Иродов: и остается чаще молчать на их кощунственные речи и действия... Но отвечают: «и уйти иногда нельзя, например, из-за общего стола». В таком случае, одним видом своим остается выразить грусть и недовольство в виду кощунства других. О, добрый христианин! не мирись ни за что с чужим богохулением или кощунством!

О клятвах

Принятие присяги без страха Божия

«Господа Бога твоего да убоиши... и именем Его клянешися» (Втор.6:13). И молиться небрежно грех: а присяга выше молитвы – она священнодействие. И к молитве, даже домашней, требуется приготовить себя хоть двумя-тремя минутами: тем более к присяге. Присягающий должен вдуматься, что свидетелем своих слов и обещаний торжественно хочет поставить самого Бога, что Господь Бог тут и есть с ним, или «близ» его (Пс.114:8, снес. Быт.31:44). К этому чувству (т. е. ближайшего богоприсутствия) он должен присоединить чувство правды. Готовясь принять присягу и принимая ее, он должен весь проникнуться чувством правдивости и отвращения ко всякой лжи; потому что задача присяги беспристрастная правда, искренняя верность.

Обряд присяги также внушает чувство страха Божия к ней. Пред глаза присягающего полагаются крест и евангелие: крест указывает ему на спасение всех человеков, в том числе, значит, и его; а вид евангелия напоминает об учении Спасителя и о надеждах христианина в настоящей и будущей жизни. Священник бывает здесь в качестве такого же свидетеля или посредника, как и во время исповеди. Присягающий поднимает руку свою кверху (Быт.14:22–23), выше головы. Этим он выражает, что клянется вот кем: «*Живущим на небе*»! Поднимает руку не просто, но с крестным перстосложением, в котором также выражается наглядно вся суть веры христианина (верование в Пресв. Троицу и в боговочеловечение Сына Божия). В заключение он целует слова в евангелии и крест Спасителя, показывая тем, что залогом своих уверений или обещаний отдает самое дорогое или любезное ему (целуют, обыкновенно, тех, кого любят, а с одушевленных лиц целование переносится и на неодушевленные предметы). После сего как же неизвинительна небрежность тех, которые и приходят к присяге, нисколько не подумав о важности ее, и принимают ее, как только лишь казенную форму суда!

Слова ее произносят как-то нехотя и тихо (подобно тому, как иные не хотят гласно и искренно читать пред святым приобщением молитву исповедания: «*верую, Господи...*»); руки своей с крестным перстосложением не поднимают как следует; сделав один только шаг от наоя, где присягнули, возобновляют свой спор с теми, по чьему делу должны показывать! Но виновны на этот раз пред величием присяги и руководители к ней, т.е. начальственные лица, судебные следователи, судьи и священнослужители, – виновны, если не оберегают святыню ее, как собственным примером, перешептываясь в минуты ее, стоя непрямо, – так, равно, со стороны других, не запрещая посетителям в те минуты шумно разговаривать. Но, если иные, напротив, в самом-то обряде присяги находят для себя повод относится к ней легко, потому что она очень коротка, то тут не понята причина, почему обряд присяги короче всех церковных треб. Люди в сильном чувстве говорят кратко, но живо: та же сила чувства принадлежит и клятвенному призыванию Бога. Но главное: краткость, ясность и определенность в присяге приняты для того, чтоб не оставалось в ней места недоумениям, чтоб негде было укрыться человеческому обману. Христианин! если ты будешь призван дать присягу, с душевным страхом и благоговением приступай к ней, как к великому священнодействию.

Будто грех принимать присягу

«Похвалится всяк, кленыйся Им» (Пс.62:12). Есть люди, которые, напротив, до того увеличивают свой страх к присяге, что и почитают грехом принимать ее. Но бояться присяги в справедливом деле нечего. Клятва во все времена употреблялась. От воина до царя и от грешного человека до праведника, – все в случае нужды произносят ее. Нужда в ней бывает (почти исключительно) по делам в жизни гражданской. И нужда эта возникла вследствие грехопадения человека в раю, подобно тому, как теперь существенно необходимо для нас покаяние. Ослабла совесть у людей, и отсюда одни говорят не совершенную правду, другие и правде не доверяют, зная много примеров, что *«всяк человек ложь»* (Пс.115:2). По этой-то неверности человека и сам Бог клялся некогда Аврааму, клялся не большим Себя или равным, потому что ни большего, ни равного Себе не имеет, но Самим Собою (Быт.22:16). Клятва излишня была бы разве на небе, да в преисподней: в первом месте нет в ней чужды, потому что ангелы мыслят только об истине, и, если у них также есть дар слова, или, точнее сказать, способ взаимного сообщения мыслей, то они сообщают одну истину; а во втором месте, кроме лжи, уже ничего не существует. В применении этого примера к людям следует, что клятва между людьми была бы не нужна только там, где или развита высокая святость, или же господствует до последней степени порок. (На деле, частью, и выходит так. Тем людям, которые более благочестивы или должны отличаться пред другими своим благочестием, как священники и монашествующие – тем в особенных случаях удостоверена и делается доверие без присяги свидетельской, по одному их священству или монашеству; а люди неверующие, как явные безбожники, и неправоверующие, как раскольники, равно, как явно-порочной жизни, напр., обвиняемые в уголовных преступлениях, живущие между собой в преступной связи, и даже только никогда не исполняющее важнейшего долга христианского приобщаться святых Таин – все эти не

допускаются до присяги). Клятва, как средство в особенных случаях доказать или сохранить верность в отношении к другим, требуется в государственной жизни даже и от тех, которые не почитают христианского Бога, как, например, татары. Некрещенные по-своему присягают³³, и их присяга принимается на том основании, что они признают же Божество, хоть по неведению и заблуждению воздают божескую честь не тому, кому и чему следует (Нав.9:15) (Присяга их, например, свидетельская в судах, до того признается необходимою, что в случае отсутствия духовного лица, которое бы могло привести их к ней по своему вероисповеданию, проводит к присяге свидетеля-иноверца сам председатель суда)³⁴.

Клятва и присяга не только не составляют напрасной тревоги для имени Божия, но и есть, своего рода, служба Богу, особенный вид богопочитания. Угодники Божии для уверения других клялись, но после клятвы не переставали быть угодниками, как например, святой Давид (1Цар.24:23), апост. Павел, (Рим.1:9 и др.) и друг. Произнося клятву, например, в смысле присяги свидетельской, христианин этим показывает, что Господь Бог – всеведущ, не то, что люди, от которых легко скрыть тайну, – что Он всемогущ и по Своему всемогуществу может изобличить, а по правосудию – наказать нарушителя клятвы, что Он самая истина и любит истину. Да, клятва вообще, и в частности присяга, чисты сами в себе.

Что же после этого затрудняться ею, затем обегать ее? Хоть бы сряду несколько раз принималась она, например, присяжным заседателем; но коли принимается по вызову от правительства, по делу вполне известному для того, кто присягает, затем – в чувстве страха Божия и с оправданием ее на деле; в таком случае, не должно быть ничего не спокойного от нее для совести, напротив – можно еще порадоваться, что воздана ею слава Богу истины. Что же касается до слов Спасителя: «не клятися всяко» (вовсе) (Мф.5:34), то Спаситель здесь запретил только клятвы произвольные и суеверные, которые употреблялись в Его время (Мф.23:21–22) (как употребляются и доныне), и которые нужно было ограничить. И на что еще лучше доказательства, что он не осудил вообще

клятвы. Пред Синедрионом Он молчал на все вопросы; но, когда первосвященник Каиафа сделал Ему вызов на клятву: «*заклинаю тя Богом живым, да речеши...*» (у евреев, обыкновенно, судья произносил установленную клятвенную речь, или формулу, а подсудимый усвоял ее себе словом: «аминь»); тогда Он тотчас дал ответ (Мф.26:63–64) и тем самым почтил нашу присягу. Итак, православный христианин! благоговей всегда к присяге; но ответственностью ее не устрашай себя до того, чтоб уклониться от нее или смущаться, когда по требованию закона принял ее. Потери тут нет никакой: драгоценный залог, крест и евангелие, пред которыми ты произнесешь присягу, – останутся при тебе же, если подтвердишь что-либо верно, или пообещаешься в чем-либо искренно.

Двоедушная, или лукавая присяга

«Не клятся лестию» (лукаво) (Пс.23:4). Двоедушие в присяге есть нечто среднее между предосудительным бесстрашием к ней и излишним страхом. Не боятся ложно показать или пообещать, но еще боятся оскорбить присягу. Так, одни, во множестве лиц присягающих, только двигают своими губами для вида, но не произносят языком присяги; другие, если нельзя не произносить ее вслух – будто бы не дают ее умом или толкуют ее не в том смысле, как она написана и читается; третьи стараются воспользоваться тем исключением из порядка дел, что можно дать показание свидетельское и прежде (за отсутствием священника), а потом для подтверждения его принять присягу³⁵. В виду этого они и позволяют себе показать о деле не так, как показали бы под присягою. Не эти люди обманывают самих себя. Ведь не язык главное в присяге, но чувство души. И отвлечение ума в другую сторону или к другим предметам, когда языком произносится присяга – так же напрасный труд; потому что в присяге должна быть решительная мысль, потому что отличительный характер ее – определенность. Готовность стать пред налой для присяги, чтение клятвенного обещания, подтверждение его словом «Аминь» и собственное рукоприкладство на присяжном листе, все это не воображение и не шутка, а истинное дело. Таким образом, присяга и этими людьми, несомненно, дана и принята Богом в том смысле, как требовалась и произносилась. А, таким образом, и за оскорбление ее они так же не избегнут суда Божия. – К греху двоедушия присяги относится и то, если иной изъясняет готовность подтвердить присягою известное дело, а когда все будет готово для привода его к присяге, – отказывается от присягательства. Здесь допускается уже поползновение или покушение на лживую присягу. Христианин! не уклоняйся к неправде во святилище правды, которым для тебя бывает церковная присяга.

Ложная присяга (лжеприсяга)

«Аще» кто «вотще» (напрасно) «клятся не оправдятся» (Сир.23:13), не останется без вины. Ложная присяга, обыкновенно, относится к прошедшему, иногда же и к настоящему времени: она бывает утвердительной, или подтвердительной. В ней есть свои степени, определяющие внутреннее участие воли человека: а) принимают ложно присягу с обдуманном заранее намерением и, б) приняв присягу без злого намерения, подтверждают или отрицают ею что-либо в замешательстве, в какой-либо слабости телесных сил, а также, не понимая того, сколь важна присяга. Умышленный лжеприсягатель вполне безответен в своем грехе. Он подтверждает величием и святостью Бога ложь, которой отец – дьявол; он, так сказать, «утрачивает Бога», как, напротив, верный исполнитель присяги «соблюдает» для себя Бога; и, целуя крест и евангелие, он уже положил в своей душе дать свидетельство ложное,-либо уклончивое: не Иудино ли это лобзание выходит? За такое оскорбление присяги иногда он и наказывается явно, или с ясным указанием, соответственным его греху, казни³⁶. Но он тяжко оскорбляет и ближних, чем же? – Заставляя страдать невинного, которого вину подтвердил своею присягою или на которого только навлек подозрение; освобождая от заслуженной казни виновного ко вреду и обиде других; обессиливая судей и закон правосудия в решении дела. Дальше присяги по делу идти уже нельзя. Присяга, какова бы она ни была, все решает (Евр.6:16). (Только не стесняются ею, если б она казалась подозрительною, как в общих судах присяга свидетельская, – не стесняются лица, тоже принявшие присягу, т. е. присяжные заседатели). И что, обыкновенно, бывает следствием той присяги, которая ложно принимается? Затемнение следственного дела, медлительность суда, а в конце всего – неоткрытие виновных или утайка и своей вины, правды в чем, как по делам гражданским и в смысле «очистительной» присяги. Это и значит «издеваться над судом» (Притч.19:28). Отсюда ряд дел не доказанных, не изобличенных.

Но совсем не то было бы, если б все и каждый дружно свидетельствовали на суде одну правду, в силу данной присяги. Тогда честные судьи легко и скоро могли бы приложить к известному судебному делу надлежащий закон. Но и недобросовестным судьям, хоть бы они желали решить иначе, не успеть бы ни в чем; потому что – повторяем – после свидетельств, которые даны под присягою и, притом, согласны с ходом всего дела, – уже нельзя изменить чью-либо вину. Тогда, естественно, уменьшилось бы и число преступлений.

В тяжком грехе ложной присяги участвуют, без сомнения, и те люди, которые доводят до нее других, т. е., когда уговаривают или подкупают согласиться на нее для прикрытия преступления, своего или чужого. Да сохранит тебя, читатель, благодать Божия от ложной присяги!³⁷

Клятвопреступление

«Воздаси же Господеви клятвы твоя» (Мф.5:33). В клятвопреступления видим неисполнение того, что обещалось в будущем: клятва или присяга на сей раз и не относится к прошедшему. Так, например, нарушается присяга на верноподданство, на верность службы, на должность какую или только на предмет выбора других к должностям. Но грех клятвопреступления составляет не то, собственно, когда не в точности, или не по всей только силе присяги, выполняется служба или временная какая обязанность, – когда допускаются леность, рассеянность и забвение по должности или же нет лишь усердия к службе. Клятвопреступник нарушает данную присягу или клятву в самом корне ее; например, после присяги на военную службу произвольно бежит из рядов воинских; сегодня присягал на верность службы, а с завтрашнего же дня начинает, и так далее; продолжает явно злоупотреблять службою: даже и не находит нужным поступать по присяге, считая ее за один порядок при поступлении на службу; или дал клятву (а не просто обещание) безусловно исполнить что-либо, сказал в таком роде: «разве только умру, – тогда не исполню», и – не исполняет, хоть бы мог исполнить и слышал напоминание об исполнении; вообще, ясно помнит свою клятву, и поступает совершенно напротив (2Цар.21:1). Такой нарушитель присяги или клятвы, которые даны по совести и по делу законному, произнесены торжественно и, вместе с тем, не превышают его сил, – такой нарушитель клятвенного обещания в высшей степени посрамляет имя Божие; тут слышится или предполагается о нем речь: «Богом поклялся исполнить, и – нарушает. Богу ли, ради ли имени Божия было не поверить, когда он клялся»? Давид спрашивал Господа Бога, – кто удостоится жилищ небесных, или царства небесного, и услышал, что это человек, сверх прочих своих добродетелей, «неотметаяся» клятвы «искреннему своему» (Пс.14:4). Напротив, прор. Захария видел в особом откровении серп, простертый на клятвопреступника (Зах.5:2–3). По церковным

правилам клятвопреступник подлежит семилетней епитимии (Вас. Вел. 64 и 82). Но он преступник и против целого государства. Государство предполагает в каждом, кого допускает до присяги, веру в Бога и, следовательно, благоговение к клятвенному обещанию. Кто присягает, тот и свидетельствует о себе, что имеет веру в Бога. И государство верит этому. Так. обр., намеренно и в самом основании нарушающий клятвенное обещание, вводит в заблуждение целое государство. Так. обр., грех этого человека не грех частный, а преступление общественное. Говорят: «трудно выполнить по присяге». В этом труде помощником будет сам Господь Бог, как и говорится в заключение присяги на верность службы: *«как суще мне Господь Бог душевне и телесно да поможет»!* «Иногда же (говорят) бывает прямая невозможность исполнить клятву». Церковь снисходит к случаям крайней необходимости, но только снисходит, а не просто и тут смотрит на клятвопреступление (Вас. Вел. пр.64). Так, например, в древности у многих христиан вынуждали клятву против святой веры; так и ныне какой-либо злой преступник требует от человека в уединенном месте поклясться, что этот человек не откроет о его преступлении никому. Здесь не было совсем намерения дать клятву, и клятва бывает вынужденною. Но все-таки, надлежало не соглашаться на нее до готовности вынести всякое притеснение. Итак, православный христианин! Если ты произнес присягу или клятву, – прими все меры, чтоб исполнить ее. Если же по крайним обстоятельствам раз или два нарушил ее явно и с сознанием, поспеши глубоко покаяться пред Господом Богом в своем тяжком грехе!

Клятва безрассудная, или же прямо злодейская

«Клятся ей... (Ирод), дам *ти*, и до полцарствия моего» (Мк.6:23) пример безрассудной клятвы. Эта клятва необдуманная, торопливая, вредная для ближнего или для самого себя, данная в порыве страсти какой и физически неисполнимая; однако ж она бывает свободною, не вынужденною со стороны других. В таком случае, человек грешит и тем, что предпринимает на себя невозможное, самопроизвольно распоряжаясь своими силами, и неуважением к святости клятвы. Пример же злодейской клятвы видим в людях, которые заклились не пить, не есть дотоле, пока не убьют Павла (Деян.23:14–15) (а святого апостола признавал невинным и начальник их, по вере – язычник) (Деян.23:30). Тот же пример и ныне иногда повторяется со стороны тяжких преступников, которые заклиняют друг друга совершить какое-либо преступление. Какая же это дерзость против святого имени Божия! Призывает человек самого Бога быть посредником и пособником своего злодеяния. – Ты, душа христианская! если увлечешься к безрассудной и злонамеренной клятве, поспеши к духовному отцу, чтоб он разрешил тебя от этой клятвы.

Упорное выполнение неразумной или же на злодеяние данной клятвы

«Клятвы же ради...послав (Ирод) усекну Иоанна в темнице» (Мф.14:9–10). Можно еще поклясться безумно или решительно, но остановиться от выполнения такой клятвы. Давид в чувстве сильного огорчения дал клятву наказать смертью одно семейство, и остался благодарен тому лицу, которое умными доводами удержало его от выполнения его клятвы (1Цар.25:32–33). Саул заклался смертью же казнить виновного по одному делу, а виновным без вины или намерения оказался его собственный сын, и народ другой, лучшей клятвой поставил сильную преграду его опрометчивой клятве (1Цар.14:25–46). Но некоторые упорно выполняют свою неразумную и злую клятву. Ради чего же? Ради уважения к самой клятве, или во имя клятвы. Так, например, иной положил себе клятву никогда не жениться вследствие неудачного выбора себе невесты, и остается холостым, однако ж не живет целомудренно; другой «из начальников, клянущихся зло сотворить» (Василий Великий, п. 29), оправдывает над своими подчиненными свою угрозу во имя клятвы. Но выполнять клятвы «не о добре» еще грешнее, чем давать их: *«лучше бы солгавшу жизнь получить, неже главу Предтечеву усекнути»* говорится в песнях церковных к осуждению Ирода (Служба в день усека. главы Предтечи), который, уважая клятву, явно сознавал и богопротивное выполнение ее, потому что «опечалился». Клятва, как сказали мы, служит к славе Божией: а безрассудною и злонамеренною клятвою, если она упорно выполняется, – не хулится ли только Бог? Апост. Петр трижды и в усиленных выражениях поклялся, что не знает Иисуса Христа: и, что было бы, если б ему нужно было выполнить клятву ради клятвы? грешная сама по себе клятва может ли освятиться тем, что будет выполнена? Но, по всей правде говоря, упорные в исполнении своих неразумных и злодейских клятв дорожат не клятвою, собственно, как делом важным и священным, а только горделивым мнением о себе и тщеславным отзывом других, что

«вот-де они до какой степени стойки». О, сохрани Бог держаться таких клятв!

Заклятия себя разными неблагоприятиями

«Ниже главою твоею кленися» (Мф.5:36). Говорят: «отсохни у меня рука...; чтобы мне свету Божия не видеть; чтоб сквозь землю провалиться; чтобы не сойти с этого места; выйди душа вон; убей меня Бог; чтобы не видеть ни отца, ни матери». Что за нужда в этих потрясающих душу закланиях? Ими хотят тем сильнее убедить другого или в невинности своей, или для исполнения какой-либо просьбы. Но ими, скорее, можно утомить себя, чем убедить человека серьезного, скорее, навести последнего на сомнение, чем успокоить его; потому что они сами по себе составляют явную ложь. Разве можно поверить, что заклинаящий себя отнятием руки так и готов лишиться руки, так и опасается казни от Бога? Между тем, эти заклания унижают дозволенную законом христианским клятву, будто клятве и веры нет; они переходят за черту разрешаемой клятвы. Затем, они не только бесполезны по своей цели и ложны по намерению, но и пусты в самом основании, несправедливы в отношении к Господу Богу. Разве от человека зависит выполнить их? Кто, например, может ручаться своей головой, или, точнее сказать, своею жизнью? (Мф.5:36) не во власти ли Божией вся жизнь наша, – равно, как и рука, и нога, и даже волос, которого мы не в силах сделать белым или черным? Наконец, эти заклания опасны. Что было бы с теми людьми, которые произносят их, если бы Бог и обратил к ним Свой слух? Только, ведь, Господь по долготерпению Своему не оправдывает их на самом деле? Итак, пусть образумятся те, которые нипочем считают вызывать на себя гнев Божий, шутят гневом Владыки живота своего! Пусть отстанут от этой привычки, пока мера долготерпения Божия не исполнилась над ними и не подверглись они на самом деле которому-либо из призываемых неблагоприятиям!

О божбе

Божба без нужды, или в простых разговорах

«Клятися именем святым не навикай» (Сир.23:9). Божба видимо отличается от присяги. Но и в отношении к клятве вообще она имеет некоторую разность. Она заключается не более как в двух словах («клянусь Богом; ей Богу; Бог свидетель; поверь Богу»). Она не бывает таким усиленным уверением, как клятва. Потому и произносится более часто, между тем, как к клятве прибегают в редких случаях. Но в сущности дела, или в своем основании, это та же клятва, частная или по частному делу. Позволительна ли она? Позволительна и безгрешна в случаях особенной надобности, когда все способы обыкновенных уверений уже испытаны, или же были бы недостаточны, потому что обстоятельства дела сложились весьма правдоподобно, а постороннего свидетельства в защиту правды нет; позволительна, когда одному нужно успокоиться, а другому оправдаться: так, например, кто-либо в общежитии или в семейной жизни подозревается в бесчестном поступке, и это обстоятельство беспокоит и его, и других; позволительна, если ею предотвращается зло-вражда в целой семье или в кругу знакомых по какому-нибудь недоразумению или столкновению. Но и только. В простых же разговорах, в таких предметах, которые и спора стоят, божиться не следует, грех. Кто в своей жизни не имел надобности усиленно доказывать свою невинность в чем-либо, тот мог бы и не божиться никогда. И действительно, много есть таких богобоязненных христиан, которые ни разу не произнесут божбы. Они довольствуются для уверения других словами: «ей, ей; ни, ни», т. е. «да» или «нет» (Мф.5:37), – словами, которые, впрочем, не заменяют клятвы, а только прямо утверждают или отрицают что-либо. Чем же виновна божба в обыкновенных разговорах, если она произносится здесь не в обман? Тем, что здесь можно было бы обойтись без нее, что никто не требует ее, никто не противоречит нам, что прибегать к ней нужно только в какой-либо опасности или в самых трудных случаях. А главное:

отсюда может произойти привычка божиться. Привычка эта как-то легко развивается: она замечается уже и в детях, которые начинают божиться по примеру старших. А, развившись, она нелегко искореняется: пример видим в иудеях, которые любили клясться (Иак.5:12) и которых привычка подтверждать клятвою каждое обещание отразилась и в Ироде царе; тот же пример можно видеть по истории в антиохийцах: св. Златоуст целый великий пост увещевал антиохийцев отстать от клятв. Кто же привык божиться, для того божба уже перестает быть священной, тот близок и к напрасной, ложной божбе. Но еще раньше этого – по отношению к тем, которых он уверяет своею божбою – частая божба его принимает вид сомнительный: ему меньше верят в том предположении, что для него ничего не стоит побожиться и напрасно, что видно есть какая-либо неверность в нем, коли он каждую речь дополняет божбой. – Итак, ты, богобоязненный христианин! не привыкай божиться: плохое это дополнение речи – божба. Если же тебе иной раз и не верят, если страдает твоя честь: все-таки не спеши прибегать к божбе (Еккл.8:2). Предоставь последующему времени удостовериться в истине твоих слов тем, кто не верит тебе. Прекрасно было бы тебе дойти до того, чтоб верили одному какому-либо твоему знаку, например, когда бы ты подтверждал что – наклоном своей головы. Но старайся удержаться и других, когда слышишь божбу без всякой нужды, в силу привычки, ими почти и не замечаемой.

Божба во время игр

Эта божба, очевидно, еще виновнее, чем в разговорах; и, если б не было привычки божиться, то здесь она и не произносилась бы. Притом, каковы еще игры: может быть, это не только такие игры, которых нельзя назвать невинными, но и прямо предосудительные, например, картежная. Чему же тут божба может покровительствовать, какой истине или невинности, тогда как мысль о покровительстве ее должна быть присуща каждому, кто произносит ее? не дерзость ли это – влачить имя Божие по играм, между тем, как со страхом произносят его ангелы на небе (Ис.6:2–3)? особенно какая неосторожность и непочтительность произносить имя Божие в театральной игре («ей Богу»), хоть бы и без намеренного кощунства, в виде чужого разговора и, опять-таки, в силу привычки! Богобоязненный человек никогда не прикоснется к священной вещи, если не имеет нужды и законного права прикасаться: как же в игрищах касаться имени Божия? – Христианин! не усугубляй своей вины в играх божбою за ними. А также не следуй тем, которые и в рассказе о грешных своих похождениях (например, к кружку молодых людей) уверяют других божбой, и, так. обр., к одному греху прибавляют еще новый.

Божба в торговле

В этой же божбе есть своя цель, т. е. или прямо обмануть покупателя, или только сбыть свой товар (грех, преимущественно, мелких и разъезжающих по селениям торговцев). Но пусть бы еще божбой торгующий заканчивал свои уверения, что ниже объявленной цены он не может продать. Но нет! Он тут же и изменяет своей божбе: снова сбавляет цену, и – снова божится, что объявил последнюю, и так дотоле, пока сойдется дело. Какое же это легкомысленное злоупотребление божбою! В денежных-то делах или по приобретении вещей всего менее можно было бы употреблять божбу; потому что здесь очень легко увлечься к напрасной божбе; потому что две, преимущественно, страсти доводят до ложных клятв: гнев да корысть. – Православный христианин! положи твердое намерение не прибегать к божбе в своей торговле (если ты из числа торгующих): при этом, не завидуй тем, которые божбами успевают больше продать. Ради того, что ты благоговеешь к имени Божию и боишься произнести его в торговле, сколько бы ни подстрекали тебя к этому, – ты не останешься без покупателей!

Принуждение другого к божбе и даже к частной присяге

Говорят: «побожись; сними со стены образ и поцелуй», между тем, как тот, кому это говорится и чьим словам не доверяют, видимо стесняется произнести божбу, – поцеловать икону или крест. Что же значит это требование и к чему оно может привести? Оно составляет насилие для совести ближнего и легко доводит до ложной божбы. Пусть в стеснительных обстоятельствах, в каком-либо подозрении, и побожится человек: не побожится «во лжу» и с таким оттенком неискренности, что даже и тот, кто принуждал его побожиться, не успокаивается его божбою. – Частной же присяги никакие законы, ни церковные, ни гражданские, не допускают. Присяга – принадлежность суда или же государственных и общественных дел: она составляет торжественную клятву. Ей и может законно предшествовать, а, всего лучше, ее может предупредить и заменить, частная божба в таком житейском споре, который иначе перешел бы в тяжбу: когда божбой предупреждается тяжба, тогда она и безгрешна, и служит к славе имени Божия. – Нет, добрый христианин! оставь свою настойчивость, чтоб другой пред тобой побожился, да еще крепче побожился, – с целованием, вот, креста или иконы, или даже с заклитием себя. Оставь, удержишься! Мало этого: если видишь в ком расположение уверять тебя божбой, т. е. самопроизвольно с его стороны, – постарайся отвлечь его от божбы!

Неверие к божбе ближнего

«Единою кляхся о святем моем (т. е. святостию моею), аще Давиду солжу» (Пс.88:36), внушается доверие к клятве самого Бога. Да, не доверять без всякого основания (судят, может быть, по себе, по своей привычке божиться), – не доверять клятве ближнего, значит оскорблять святыню клятвы, как удостоверения Самим Богом: «свято имя Его», сказано (Лк.1:49). Затем, недоверие – чувствительная боль душе того человека, который побожился правильно. В таком случае этот человек уже и начинает раскаиваться, что употребил божбу. – Христианин! не оскорбляй божбы недоверием к ней. А, если ближний твой божится – как тебе известно – только в силу привычки своей и совсем ложно: в таком случае и опять предупреди его, что ты не нуждаешься в его божбах, и проси не божиться.

Божба помимо имени Божия: а) сотворенными вещами, например, небом, и б) рыцарски: честью, шпагой

«Не клянитесь ни небом, ни землею, ни иною коею клятвою» (Иак.5:12). В первом случае, т. е. творениями Божиими, божатся некоторые, обходя Бога, по-своему суеверно. На сей раз разные божбы существовали у евреев, например, небом, землей, Иерусалимом, церковью, деньгами церковными (Мф.23:16–23). Так как евреи, с одной стороны, привыкли клясться, а с другой – все-таки боялись нарушения заповеди Божией, то и придумали для успокоения своей совести такие божбы, в которых умалчивалось имя Божие и которые будто бы не заключали в себе оскорбления имени Божию. За то они и не считали для себя строго-обязательными таких божб, не затруднялись поступать вопреки им (Мф.23:16). Но напрасное успокоение! Божба тогда только и сильна, когда опирается на всемогущее имя Божию: если в ней не подразумеваются всеведение и правосудие Божие, то она и не имеет смысла. Небо, земля и церковь, эти творения Божии уже сами собой указывают на Творца, и, следовательно, божба ими выходит полная, как Самим Богом. Между тем, евреи, употреблявшие их в божбу, хоть и незаметно для самих себя, воздавали им ту же честь, которая принадлежит одному Богу; потому что, без сомнения, чем клянутся, то самое и любят, и почитают³⁸. И вот в этом-то и заключалась вина евреев, как виновны и все, которые божатся сотворенными вещами» (Иер.5:7)! – Во втором случае, т. е. рыцарски и язычески, божатся некоторые от своей гордости. Например, на место достойного имени Божия эти люди ставят честь свою: «клянусь моею честью». И опять напрасное успокоение, особенно для других, перед которыми так клянутся! Далеко ли человек уйдет со своей честью? Но божба именем Господа, если она произносится искренно, с благоговением и не без особенной нужды, – скорее бы могла закрепить человека в данном слове, предохранить его от неверности. Тем постыднее божиться шпагой или «Зевсом»,

богом языческим. За такие клятвы Церковь строго осуждает виновных (6 Всел. 94). – Ты, христианин, если хочешь и имеешь нужду употребить божбу: всегда призывай в ней только имя Бога, а не клянись Богом через тварей или собственными какими-либо качествами!

Свидетельство о себе Божией Матерью или кем-либо из святых

Говорят: «вот, порукой за меня будет Мать Божия; ручаюсь святым чудотворцем Николаем». Позволительна ли эта божба, составляет ли она истинное богопочитание? Также нет. Клянущийся, представляет себе и в том же хочет искренно уверить других, что он говорит правду пред лицом Самого Бога, Который все знает, и, что, в противном случае, т. е. за ложное свидетельство, или уверение, может покарать его Бог. Но это свойство, т. е. всеведение, и это право, т. е. наказывать людей за грехи, – принадлежит только одному Богу. Следовательно, свидетельствоваться, хоть бы и справедливо, в делах для другого сомнительных ни Божией Матерью, ни святыми нельзя. Иное дело – искать молитвенного покровительства у Божией Матери и святых, чтоб открылась правда и доказалась невинность. – Так-то ты, благочестивый христианин, и утверди себя относительно всякой клятвы или божбы.

Об обетах

Непамятование и несохранение обетов крещения, а также, и по присоединению к православной церкви

Обеты отличаются от клятвы и божбы; потому что в них нет уверения другого в чем-либо: они исключительно касаются одного лица, которое обещается, хотя некоторые из них также произносятся пред Церковью и при свидетельстве других, как обеты в крещении, монашеские и сердобольных вдов. Скажем прежде об обетах крещения и по присоединению к Церкви. Обеты крещения состоят в *«отречении от дьявола и сочетании Христу»* (Гал.3:27). В том и другом случае они произносятся трижды. Значит – настойчиво, с такою твердостью, что против дьявола и дел дьявольских человек объявляет вечную вражду, а по отношению к Иисусу Христу полагает обещание во всю жизнь служить Ему, – неизменно быть христианином. И стоит произнести эти обеты со всею решительностью и искренностью, подобно тому, как утопающий на воде полагает пред Богом много обещаний, лишь бы спастись, или как человек в минуты особенной радости своей готов на многие добрые обещания. Почему же стоит? – До крещения человек находится под влиянием и властью дьявола, потому что дьявол победил – запленил первых людей в раю. Оставаясь же волей и неволей (как в младенческом возрасте) в такой близости к дьяволу и в повинности прародительскому греху, или же свободно допуская (как в совершенных летах) дьявольские – грешные дела, человек и после смерти своей разделяет одну участь с дьяволом, т. е. вечную муку. Но вот, после крещения он освобождается от этого самовластия дьявола и уже по самой купели делается наследником царства небесного! (Рим.8:16–17). Тогда как до крещения дьявол и грех жили внутри его, а благодать Христова действовала только отвне, призывая его к себе (как возрастных) разными внушениями, после крещения же выходит иной порядок: благодать поселяется в сердце человека, а дьявол и грех действуют извне (Добр. ч.4, гл.9); из сердца враг выходит³⁹, подобно тому, как из внутренних помещений дома

выгоняется обыкновенный враг или грабитель; после этого враг-дьявол уже не самовластный властелин над человеком, а только беспокоящий его соблазнитель. Да, святое крещение такая драгоценность в жизни, такое счастье для человека, что и нет слов выразить. А отсюда, и обеты его дороги. Это самые первые обеты в жизни человека, – первые и пожизненные, или до конца жизни.

Можно услышать рассуждение: «все мы крещены младенцами; обеты отречения от дьявола и сочетания Христу произнесли за нас крестные отцы. Наше участие в обетах было бессознательное». В этом рассуждении мы не предполагаем чьего-либо раскаяния (сохрани Бог!), что напрасно крестили его: ужели кто будет раскаиваться, или жалеть, что он родился на свет не слепым, а видящим? Но бессознательно же на крещенного младенца действует и благодать Божия. Все мы еще во младенчестве были христианами: жизнь христианская была в нас и тогда. Благодать Божия действовала в нас, как свойственно ей действовать, в то время без ведома нашего, совершенно одна. Хотите видеть некоторые примеры? Вот, младенец, лежащий в своей колыбели, во время сна улыбается. Эту улыбку простодушная вера нянек объясняет тем, что младенца «утешает ангел-хранитель». Объяснение, близкое к истине. Ангел-хранитель дан младенцу от крещения и находится у его колыбели. Мы же назовем эту улыбку благодатным игрием духа в спящем младенце. Или вот, всеми замечается, что младенец после святого приобщения спит: глубокий покой его в этот день не от благодатного ли умиротворения происходит? Еще некоторые внимательные замечают, что младенец (уже начинающей понимать) в день приобщения бывает особенно ласков, – готов обнять каждого, как члена родной семьи; опять, не благодатная ли это радость духа его? Та же сила святых Таин Христовых проявляет себя и в телесной жизни младенцев: весьма часто детские болезни проходят без леченья, если младенца сносить к св. причастию. А также, замечательна в подрастающих детях охота к молитве, к церкви и к церковности: не дух ли благодати, полученной ими в крещении, располагает их так к молитве и к любознательности

относительно всего церковного? Да, благодать Божия действует и в младенческой, а затем в детской душе, действует на том основании или в такой надежде, что, не сознающий себя младенец, когда придет в сознание, сам свободно и охотно пойдет путем спасенной жизни, что будет и благодарить, и радоваться за дар ему святого крещения. Опытов действия благодати на младенца будет заметно больше, если родители по мере возраста его примерами своей истинной набожности будут охранять в нем благодать святого крещения, если будут пробуждать в нем первейшее сознание такого рода, что он не человек только, но и христианин.

Затем, приходя в возраст (с 10–15 лет) и найдя в себе следы влияний на душу благодати, человек должен сознательно усвоить себе обеты святого крещения, должен самостоятельно решиться жить, как христианин. Если так он сознает себя, если свободно сочетается со Христом, если имя православного христианина будет слышаться в его душе, то жизнь истинно-христианская сделается в нем собственностью, личным достоянием, заслугою (т. е., в смысле свободного хранения благодати).

Итак, можем ли мы считать обеты святого крещения чем-то не относящимся до нас или только давно прошедшим? можем ли когда-либо забыть купель, в которой нас крестили? не памятен ли должен быть для нас тот день в году (если знаем его), когда совершено над нами святое крещение⁴⁰? Не полезно ли нам одно припоминание обетов по крещению? Как однажды человек родится на свет, так и креститься может только один раз. Обеты крещения, повторяем, и первые у нас, и пожизненные. Они не слагаются с нас никогда. Если же мы нарушаем их (а действительно это так), то можем только каждый раз начинать возобновлять их на деле в другом таинстве, – в святом покаянии.

Но кто принимает крещение уже возрастным или, крещенный правильно в прежнем вероисповедании, присоединяется к православной Церкви таинством миропомазания, а иногда одним чином присоединены: эти люди уже собственными устами (а не через восприемников)

произносят обеты. И произносят они свои обеты не только торжественнее, чем выполняется этот обряд в крещении младенцев, – мало того: они подтверждают свои обеты целованием слов в евангелии и креста⁴¹, наконец – в случае решительного нарушения своих обетов, или измены православной вере, говорят на себя: «да постигнет мя гнев Божий, и клятва, и вечное осуждение...»⁴²! Значит обеты этих людей уже подходят к смыслу клятвы, или, как бы, присяги на верность служению Царю небесному. И такие-то ли обеты можно забыть и не стараться сохранять?

О, Господи разумов! Научи меня всегда благодарить Твое милосердие ко мне, что я удостоен крещения еще младенцем, что я христианин от колыбели моей! Помоги мне помнить и хранить обеты святого крещения до самой седины моей, до самого гроба!

Нарушение обетов монашества

В монашестве как бы повторяются обеты крещения: в нем особенное, высшее проявление христианства. Посему обеты его также остаются на всю жизнь. В виду трудности и святости этих обетов полагается предварительный «искус», или испытание для желающих обязаться ими: признается за лучшее этим лицам носить еще мирские, а не монашеские одежды⁴³, чтоб затем не могли они изменить монашескому званию. Измена же монашеству до сложения с себя его обетов и до возвращения в мир у святых отцов почитается *«оставлением Христа, обманом Бога»*⁴⁴. Но и кто, оставаясь в стенах монастыря, всецело и постоянно нарушает то один из обетов монастырских, то все три, т. е. относительно целомудрия, бескорыстия и смиренного послушания, – этих людей ожидает тяжкое наказание от Бога. Тут на виновную главу падает троякий суд: суд за грехи, которые он допускает, суд за нарушение им монашеских обетов и суд соблазна для мирян. О, да смягчится этот суд Божий покаянием или ради покаяния тех, которые уже повинны ему! Монастырь и есть место, убежище для покаяния.

Неисполнение какого-либо обета Богу или святым

«Аще обещаеши обет Господеви Богу твоему, да не умедлиши воздать его» (Втор.23:21). Кроме обетов крещения и монашества, которые даются на всю жизнь и с особенными священнодействиями, – возможны еще обеты частные, временные и кратковременные. Предметом их бывает какое-либо доброе дело или дар, то или иное во славу самого Бога или же в честь Божией Матери и святых, в которых «дивен Бог» (Пс.75:12). Одно еще намерение или расположение сердца исполнить что-либо доброе или принести какой дар Богу не составляет обета. Обет есть обдуманное и свободное обещание богоугодного дела, – решительное обязательство себя к чему-либо, хотя иной раз и под условием, например, если счастливо окончится известное предприятие. Может быть, здесь вопрос: «делать всякое доброе дело не обязан ли христианин и по обетам крещения, если имеет для того и случай, и силы»? Так. Но обет относится к одной какой-либо добродетели, бывает выражением особенного усердия, составляет особую жертву. Хотя ни в Писании, ни в церковных законах обеты не указываются в виде заповеди, и, таким образом, нет греха не давать их: но они, без сомнения, богоугодны и имеют благодетельное значение для христианина. Закхей пред лицом самого Господа Иисуса Христа произнес обет: «раздать половину своего имущества нищим» и – Господь одобрил его обещание (Лк.19:8–9). Причины, или поводы, по которым даются обеты, также доказывают их богоугодность. Так, одни что-либо обещают Богу в случае успеха своего дальнего путешествия или затруднительного какого дела, подобно Иакову, который давал обет посвятить десятину из своего имущества, если в Месопотамии встретит довольство и оттуда возвратится здоровым (Быт.28:20–22); не богоугодное ли это дело полагаться на помощь Божию, и особенно в затруднительных обстоятельствах? Другие в тяжелой болезни или в ином несчастном случае спешат возложить на себя обет или несколько обетов: к кому же и прибегать в бедах, если не к

Господу Богу, и святым? Третьи обетом хотят умилоствовать Бога за свои грехи или возблагодарить Его за благодеяние: стараться загладить пред Богом свои вины и воздать Ему благодарение, все это какие святые дела! Да, есть люди, которые и по одному глубокому благочестию, без всяких внешних побуждений, обязывают себя обетом к богоугодным делам, например, не есть мясной пищи или есть постное по понедельникам. Так. обр., обеты сближают душу с Богом, наделяют ее прекрасными заботами, как придумать, так и исполнить обещанное, приносят ей взамен того милости Божии, приучают ее к верности и постоянству в добродетели. И, если есть одна твердая решимость воли принести дар Господу Богу, например, пожертвовать что-либо в церкви, или же послужить каким трудом для Бога: то лучше же сделать это не просто, а с обетом. Но когда известный обет вполне определился в душе или, вместе с тем, устно при чьем-либо свидетельстве произнесен, когда он по своему предмету не противоречит никаким правилам веры, тогда уже становится обязанностью христианина и должен быть выполнен без замедления: *«благо тебе, еже не обещаватися, неже обещавшуся тебе не отдати»* (Еккл.5:4). К сожалению, у многих достает решимости только на то, чтоб положить обещание, а не на то, чтоб исполнить обещанное. Беда прошла, обстоятельства поправились, и обет остался забытым. Как это оскорбительно для чести и святости имени Божия! не значит ли это задерживать у себя Божие достояние или оставлять за собой то, что уже отделено для Господа Бога, – как бы пользоваться для домашнего употребления алтарною вещью? Да, все обещанное, т. е. личный труд или вещь какая, – уже перестают быть нашею собственностью: они принадлежат Богу. А исполнить обет лучше без замедления, потому что тогда еще свежи впечатления на душу от того случая, по которому и дан он. – Христианин! не бойся обречь себя к посильным обетам: но и старайся выполнить данный обет, и радуйся, когда исполнишь его.

Неправильные обеты

Иеффай в случае победы над врагами обещал безусловно принести в жертву Богу то, что первым встретит, возвратившись домой. И естественно, – его встретила с радостным приветствием прежде всех дочь: тогда он глубоко опечалился (Суд.11:30–40)⁴⁵. Обет требуется предварительно обсудить, соразмерить с силами (Лк.14:28). Но, если он произносится в сильном чувстве, под самым живым впечатлением какого-либо несчастья или особенного благодеяния Божия, и в таком случае должны быть определены его предмет, место и приблизительное время. Между тем, одни возлагают на себя обеты и физически, и нравственно невозможные для них, например, обещаются быть в Киеве для поклонения святым мощам, между тем, как Киев в страшной дали от них, а дома дети остались бы без надзора.

Другие произносят безусловно такой обет, которого исполнить не могут, не спросившись прежде согласия старших или высших себя, например, мужа или начальника, или хозяина дома, и исполнение которого сопровождалось бы нарушением законных прав этих лиц: (один, путешествуя на Афон, тайно постригся в монахи без согласия своей жены, которая оставалась дома, а главное – после этого снова возвратился домой, чтоб распорядиться своим имением). Обещаются за свое дитя, сына или дочь, – но не за малолетний возраст его, который находится еще во власти их, а за будущность его в совершеннолети: только великие святые (как мать Самуила), которые с рождением своего дитяти и сообщали ему тот же дух благочестия, а воспитанием вполне развивали в нем этот дух, – только такие избранные лица могли обречь Богу свое дитя прежде рождения (1Цар.1:11). – Иные же своим обетом одно исполняют, а другое нарушают в отношении к тому же Господу Богу или святым; так, фарисей указывал на свое двукратное в неделю пощение, которое выполнял по усердию, но, в то же время, осуждал, унижал пред собой мытаря (Лк.18:11). Подобно этому, некоторые строят и содержат торговые бани не без

постыдной цели в отношении к иным посетителям, и – обетом какой-либо жертвы Богу хотят освятить эту торговлю свою. Есть люди, которые в силу данного обета просят священников отправлять в церкви от одного имени их какую-либо особую молитву за самой литургией, например, петь «Высшую небес...» Но к чину литургии, который утвержден вселенскою Церковью, нельзя делать никаких частных прибавлений, кроме тех, которые вытекают из самого смысла литургии (например, моление о болящем или путешествующем) и указаны в правилах церковных. Просят также читать за всенощными по воскресеньям какой-либо акафист. Но в этом случае не избежать многих неудобств: для сокращения службы опускается из всенощной или заутрени положенное по уставу; прочие посетители службы тягостятся молитвой, которая выполняется по обету и просьбе одного лица, и даже уходят из церкви, не выполнив своей особенной личной молитвы, например, молебна в день именин. К сожалению, многие дают обеты только такие, которые требуют от них внешнего труда, или внешней жертвы, например, сходить для встречи иконы особенно-почитаемой, исправить молебен – всенощную в доме, поставить большую свечу в церкви и т. п. Но лучше было бы им избирать обеты, помогающие исправлению и обновлению жизни их; потому что и несчастье-то, по случаю которых более даются обеты, Господь Бог посылает на нас с тою целью, чтоб мы исправлялись от пороков. Так. обр., вместо обязательства к дальним путешествиям, которые год от года отлагаются и, наконец, совсем забываются, – лучше было бы им положить и постараться исполнить обет Богу около себя, например, отстать от какой-либо недоброй привычки (от божбы, от картежной игры и т. под.), или же исполнить богоугодное дело дома, например, отговорить и приобщиться св. Таин во все четыре поста года. – Ты, читатель наш, не будь тороплив в выборе себе богоугодного обета, особенно такого, который должен продолжаться долгое время!

Самовольное замещение или отменение данного обета

Иногда исполнить обет оказывается неудобным, например, если он дан опрометчиво или в несовершеннолетнем возрасте: в таком случае, можно заменить его другим даром Богу. Иногда же и нет никакой возможности исполнить его, потому что неожиданно переменились обстоятельства (пожар истребил то, что было обещано Богу); потому что и самый предмет обета сделался запрещенным (например, вход во внутренность тюрьмы для подаяния милостыни) – в этих случаях следует совсем отменить обет, или прекратить его. Но замена или отмена обета должна произойти не просто, а с ведома и разрешения духовного отца. Почему же так? – Потому что обет есть строгое обязательство совести к какому-либо богоугодному делу. А судья и свидетель совести есть духовник. Если же христианин легко будет позволять себе то перемену обетов, то совершенную отмену их, то и требования совести для него не будут священными. – Ты, сын Церкви – не решайся отменять свои обеты без духовного отца! Да, притом, и проси на сей раз разрешения только в очевидной нужде, а не без нужды.

Не от сердца частое призывание имени Божия или святых

«Уготовися призывати Бога твоего» (Ам.4:12). Кроме прямых богохулений, кроме напрасной клятвы или божбы и нарушении обетов, – имя Божие, если и не хулится, то многими, и во многих случаях, недостойно почитается, или все произносится. Такова, например, привычка часто поминать в разговорах имя Божие или святых без мысли. Христианину православному чье же более имя поминать, как не Божие? По опыту святых людей известно, что частое произношение имени Божия ослабляет и искореняет в нас страсти. Как это бывает, мы не сознаем, подобно тому, как больной не сознает же той постепенности, с какою действует на его болезнь лекарство; тут припоминается пример: *«видехом некоего, именем твоим изгоняща бесы»* (Мк.9:38). Но имя Божие или святых даже среди обыкновенного разговора надобно произносить не так просто и равнодушно, как бы простое слово, а с мыслью, с искренностью сердца и благоговением: тогда произношение его будет и позволительным, и спасительным. Между тем, одни произносят его только по одной привычке («Господи помилуй; да спасет тебя Божия Матерь»); другие – в ложной чувствительности, или в таких чувствах, которые и неискренни, и обращены к предметам недостойным («ах, Боже мой!»); третьи – всего чаще – в гневе («что это, Господи! Христос с тобой, образумься! с глупым Бог не волен», и тому под.). Что подобное богопризывание неискренне и недостойно, может каждый поверить себя так: когда он произнесет в разговоре имя Господа, или Богородицы, или святого – чувствует ли в сердце своем хоть малейшее движение к Богу? Без сомнения, этого движения не окажется. – Ты, православный христианин! люби произносить имя Божие; пусть оно, так сказать, не сходит с языка твоего; пусть и с каждым вздохом произносятся тобой слова: «Боже мой; помилуй, Господи». Но только говори все это приготовленно, с сознанием.

Частое упоминание в разговоре врага Божия

«Не давайте месту дьяволу» (Еф.4:27). Между тем, многими и многими место ему дается в каждом разговоре, так, что и речь их будто не полна, если дьявол (черт) тут не будет ими помянут. Это новая крайность, противоположная частому, но не поистине, призыванию имени Божия. Это просто болезнь нынешнего времени. О, горе великое! Имя дьявола слышится в разговорах и на улице, и в гостиных, как между невежественными людьми, так и в среде образованных, иногда же и почтенных по своему званию или должности. Ни радость, ни печаль, ни работа, ни отдых после работы, ни шутка, ни серьезный разговор, не обходятся без призывания дьявола («черта»). Забыто ли что сделать, долго ли не отыскивается нужная бумага или вещь, оступилась ли нога, чувствуется ли холод или зной, томит ли голод или жажда, болит ли голова? И уже готово на языке слово «дьявол» и даже «сто чертей»! Затрудняет ли какая мысль, не легко ли понять какой счет или предмет? – Тотчас делается указание на врага: «лукавый знает, что такое; сам черт не разберет»; и прочие безумные слова. Досадил ли чем ближний? – Посылают его ко врагу или же называют его именем врага (уже тяжело только лишь повторять, для примера, чужую речь!). Упрямится ли животное, например, конь, не ладится ли что в уходе за животным? И сыплется на него брань именем дьявола. Та же брань, то же призывание имени врага допускается и в письме, и в печати, будто для большего какого украшения речи. Что сказать об этой привычке? нужно ли обращать на нее внимание? стоит ли она преследования со стороны Церкви? –Имя дьявола редко упоминается в слове Божиим: в евангелии, например, оно встречается только 20 раз. Святые Божии также редко произносили это слово, и, обыкновенно, называли дьявола «врагом». (Непристойное «черт», происходящее от «неприятной черты что ли, или от безобразного очертания», придумано в мирской речи). Каждый христианин еще в крещении отрекался от «дьявола... и всех аггелов его». Здесь нельзя не поставить

новых вопросов: знамением чего же служит эта развившаяся ныне привычка поминать дьявола? что это за гость, без которого будто и обойтись нельзя? что за редкость его имя, так, что около его имени постоянно вертится язык? удаление ли от дьявола, согласно обетам крещения, доказывает эта привычка христиан или же, напротив, гибельное приближение к нему по духу и делам его? По-видимому, имя его произносится всегда с чувством отвращения, потому что более всего сходит с языка в минуты гнева-досады. Однако же, кого или что ненавидят, о том или то самое и тяготеют вспомнить: но кого или что любят, тех или то самое часто имеют на языке. Поэтому уже не трудно судить, какой это грустный признак в нынешней модной привычке поминать дьявола, по-видимому, и с чувством вражды к нему. Где Бог и имя Божие, там можно ожидать всего доброго; так, напротив, где дьявол и имя дьявола, там нельзя не опасаться злого. Но обратим внимание на самые частности в брани дьяволом. Разумно ли и не богопротивно ли относить к дьяволу свойства всезнания и всеуправления («знает, разберет...»)? Доброжелательно ли отсылать к нему ближнего («поди к...»)? как страшно представить, что вот, человек, выгнанный кем-либо, и приходит к дьяволу, и ищет у дьявола приюта себе! как тяжело вспомнить о власти дьявольской над христианином, от которой уже он освободился в крещении, и которая заметно остается всегда в среде некрещенных, особенно же язычников! Обдуманно ли и безвредно ли предавать скотину дьяволу? Уже известен нам пример в евангелии, как бесы, на волю которых было отдано стадо свиней, тотчас потопили в озере всех свиней (Мк.5:13–14). Нет; и позор это для имени Божия, и опасность самому человеку, равно, как и для ближних его, которых он осыпает черною бранью, – то просто лишь поминать имя дьявола, то и сердиться этим именем. Прислушайтесь речи тех, которые любят поминать врага! – Имени Божия они почти совсем не произносят: будто имя врага для них все заменяет. Но пусть даже многие, имеющие привычку поминать дьявола, и не верят его бытию, следовательно, как бы безвредно для своего духа произносят его имя. Враг этим и не оскорбляется, равно как

бранью чрез его имя. Почему не оскорбляется? – потому что в таком случае он ближе поставляет к людям свой неприятельский лагерь. О, какая это горькая печаль слышать, что ныне люди то и дело призывают дьявола! – Ты, православный христианин, – возненавидь эту привычку! С корнем исторгни ее из твоих речей, если по примеру других обращался к ней. Не лучше ли для тебя помнить и поминать имя Христа? Христос есть истина, а дьявол – ложь; Христос – свет, а дьявол – тьма; Христос – твой благодетель, а дьявол – враг. Как умны и блаженны те христиане, которые и никогда не побоятся, и никогда не произнесут имени врага под словом «черт»!

Название животного именем человеческим, которое начально происходит от имени святого

«Пронесут имя ваше, яко зло» (как бесчестное) (Лк.6:22). Эта укоризна не относится ли также и к тем, которые необдуманно дают имена человеческие: «Василий, Михаил» и проч., только в уменьшенном виде, – дают домашним животным: собаке, кошке или же зверю, например, медведям? И для ближнего оскорбительно называть животное тем же именем, которое он носит и каким иногда в гневе и его называют. Но его имя ведь есть христианское имя: оно перешло к нему от какого-нибудь угодника Божия. Наконец, оно напоминает о самом Христе, – о союзе человека через соименного святого с самим Христом, в Котором сокрыта святость всех святых. Какая же после этого неосторожность: усвоить имя человеческое и христианское животному! (Имена человеческие и святых даются и усвоятся только селениям, где живут люди, или временным помещениям людей, как, например, пароходы). И что же за нужда называть животное по человечески? разве нельзя дать ему иное название, по свойствам его бессловесной природы, например, белый, черный и т. под? – Христианин! Помни, что и ненамеренное оскорбление имени Божия в имени святых Его все же считается оскорблением.

Выбор имен новорожденным по одному лишь приятному звуку или же ради частого употребления другими этих имен

Правило церковное назначает младенцу имя того святого, которого память случится в восьмой день после его рождения, как в тот же день (кроме нужды) и следует нарекать младенца. Затем, если может быть отступление от этого правила (как и от самого дня, когда дать имя), то нужно избирать новорожденным имена по особенным каким-либо преднамерениям или побуждениям. Например, можно наречь младенца по святому, которого самое имя, по буквальному своему значению, научает какой-либо добродетели, как некогда Сиф с этим именно намерением дал своему сыну имя: Енос ([Быт.4:26](#)). Можно и хорошо дать новорожденному или новорожденной имя такого святого или святой, к которым родители имеют особенную веру и любовь, которые уже не раз благодетельствовали их дому и семейству, и которых молитвы и благословения, по великим заслугам их перед Богом, вообще известны особенною действенностью. А давать детям при крещении имена только для суетного услаждения этими именами своего слуха, только потому, что эти имена вычитаны из романов, а также и по одной лишь общеупотребительности их, или же просто – как случится: все это показывает неуважительность к именам святых Божиих. (Имя Мелетий – неблагозвучно: но некогда антиохийцы с ревностью вносили это имя своего святого епископа в семейства свои⁴⁶). – Читатель этих советов! Не оскорбляй святых Божиих обегательством имени кого-либо из них для новорожденного или возрастного при крещении, а также, и сожалением, что тебе самому дано имя от купели не столь благозвучное или общеупотребительное!

Грехи относительно ревности к славе Божией

Рассказ о ложных боговидениях

Могут быть (и бывают) и ныне боговидения, – не только в монастырях и пустынях, но и живущим в мире: благодать Божия никогда не оскудеет в православной Церкви. Без сомнения, первое условие боговидений, чтоб были лица, достойные их по своей вере и благочестивой жизни. Мирским лицам они могут быть для общей пользы, или в целях Божьего домостроительства о спасении людей. А по нужде одного лица или, так сказать, частные видения бывают исключительно тем, которые находятся в исключительном же положении; таковы, например, пустынноики или же, опять, мирские лица, но среди мира поставленные так, что ни от людей, ни от места, где живут, нет им помощи, между тем, как над головой их опасность великая и продолжительная, например, голод, смертная болезнь. Подобных-то людей удостаивает Бог Своих небесных видений для утешения и подкрепления их равно, как и в воздаяние ревности тех, которые (это, именно, отшельники, по благословенно старших отделившиеся даже и от монастыря), не ожидают себе помощи от видимого. Подвизающимся же, для спасения души, в монастырском общежитии или среди мира, пусть эти будут и достойнее, или еще выше по духовным подвигам, – Господь не посылает видений; потому что они могут найти подкрепление в людях или от окружающей природы. (Один жил в безлюдной пустыне и удостаивался божественных видений; но когда сблизился с миром, приняв сан архиерейский, то видения прекратились. Это смутило его. Тогда Господь Бог открыл ему, что благодать не отступила от него, но, что в форме небесных видений она нужна и подается отшельникам)⁴⁷. Преимущественно, боговидений удостаиваются между благочестивыми христианами простые и незлобивые по душе. Но так как они – дело высокое и чудесное, то нужно относиться к ним с величайшим вниманием. Никакому духовному видению, если оно приходит вдруг, не следует с первого раза верить, и поспешно, или без разбора, разглашать о нем другим. Сама Божия Матерь *«помышляше, каково будет целование»*

(приветствие) к ней Архангела (Лк.1:29). Погрешности не будет, если кто, опасаясь прельститься и считая себя недостойным божественного видения, до времени не примет этого видения за истинное; но опасность представляется большая, когда кто поверит ложному видению и возмечтает о своей святости. Прежде всего и нужно признать себя на сей раз недостойным, а затем перекреститься и закрыть глаза: тогда окажется несомненно – от Бога ли это видение или от врага. Вместе с тем, нужно передать виденное на рассуждение тех людей, которые призваны Богом рассуждать о духах, т. е. какого-либо духовного лица или же только людей благочестивых, известных духовною опытностью. – Благочестивый христианин! В виду сказанного о боговидениях, берегись самопрельщения, равно, как с осторожностью относись и к тем лицам (есть такие, хоть и единицы), которые при первой же встрече с человеком, видимо духовного же настроения, рассказывают о своих боговидениях!

Расславление ложно икон чудотворными

«Аз навожду злая на дом Иероваамов» (3Цар.14:10). Это за то, что царь Иероваам, из своих личных видов желая отвлечь израильский народ от храма в Иерусалиме истинному Богу, сделал двух золотых юниц и назвал их богами. Так же, вот, и тот, кто выдает простую икону за чудодейственную (с полным сознанием или только увлекаясь суеверием), принимает на себя весьма тяжкую вину. Прежде всего, этот человек бесславит славу Божию. Затем – оскорбляет религиозные чувства других напрасною тревогою в них этих чувств. Как стыдно будет самому себя, когда разуверишься, что икона, пред которой ты просил отслужить молебен и от которой получил для хранения у себя масло, – окажется простою! А сколько возникает говоранедоумений во всем народе, когда узнают, что та икона, которая будто бы в частном доме источала из себя капли елея, – после принесения в церковь и тщательного наблюдения там за ней, ничем не проявляет себя! (Известно, каким горьким несчастьем окончился случай в нашей Москве, когда некоторые обманщики во время моровой язвы провозгласили икону Божией Матери чудотворною). – Ты, послушный сын Церкви, – следуй на этот раз удостоверению и примеру самой Церкви, а не уверению только тех, в доме которых была бы или еще остается икона, расславляемая чудотворною!

Отказ в каком-либо содействии и пособии по делу обращения иноверца или раскольника

«Лена внемшася (льна курящегося) не угасит», сказано (Мф.12:20). А кто не хочет помочь желающему присоединиться к православию, например, чтоб ускорить для него этим делом или оказать ему возможное снисхождение в чем-либо, – не хочет, когда имел бы даже на это поручение или влияние своею властью, тот и «угашает лен курящийся». Это значит, что он охлаждает духовную ревность как в иноверце, пожелавшем присоединиться, так и в тех, которые просят за этого иноверца. – Православный христианин! Не опускай и одного случая, когда можешь чем-либо содействовать присоединению другого православию. Это покрывает часть твоих собственных прегрешений пред Господом Богом (Иак.5:20). А как же не пользоваться случаем к скорому прощению грехов, которыми обременен каждый из нас?

Непринятие возможного участия в православном миссионерском обществе или в христианском каком братстве

«В церкви сущей во Антиохии... постившиеся и помолвившиеся... отпустиша» (Деян.13:1–3), сказано об отделении апостолов Варнавы и Павла для проповеди язычникам. Если же во всей церкви антиохийской были по этому случаю пост и моление, то, значит, и ныне долг православного христианина участвовать в миссионерском обществе или в местном христианском братстве, для обращения некрещенных. Такое участие и возможно для многих и многих, если не для каждого. Чем же? «Личным трудом для миссионерного дела; только услугами тем, которые непосредственно трудятся; убеждением наедине к делу лиц способных и потом заявлением о них; денежным пожертвованием на миссии, тогда приглашают, или еще отдельно от этого – содействием к увеличению денежных средств в миссионерском обществе, когда о том и просят; сочувствием успехам дела; чтением того, что почитается по этому делу; посещением общего миссионерного собрания, и здесь неуклончивым подаванием голоса против каких-либо неправильных действий или только к развитию дела», и т. д. Быть же совсем безучастным, на сей раз значит не сочувствовать той Божией радости, которая бывает на Небе «о едином грешнице, кающемся» (Лк.15:7). Затем, это показывает, что православный христианин мало ценит в отношении и к самому себе сокровища православной веры: иначе он желал бы подичиться тем же сокровищем с другими. – О, искренний христианин! Возревнуй от всей души о миссионерском обществе, которое у нас в России, в лице «совета», сосредоточивается в Москве, и которого отделы открыты во многих епархиях, а также или в том же роде – православным братством (например, Казанскому)! Здесь уже дело касается не одного лица, а многих, и даже целых племен инородческих, притом – не иноверца, в котором уже были начатки веры христианской, а совершенно чуждых для вечного спасения.

Какая же кроме этого может быть выше и приятнее Богу ревность в отношении ближнего? И как же горько видеть, что на сей раз очень мало ревнующих, что для многих все равно – крестятся ли или же остаются некрещенными целые тысячи магометан и язычников!

Прямое противодействие окрещению или присоединению кого, и, вообще, православной миссии

Противодействие выражается: а) укрывательством язычников или раскольников от увещаний, для которых путешествуют миссионеры; б) таким внушением магометанину, еврею или язычнику: «зачем креститься? будь хорошим человеком по своей вере»; в) отговором других православных от участия в деле окрещения или присоединении кого-либо; г) и собственным бездействием для обращения неправославных и, в то же время, не предоставлением свободы действовать другим, которые способны и готовы на это, между тем, как «судьба местной миссии», так сказать, «находится в руках» этих-то бездействующих и препятствующих лиц; и д) послаблением, даже прямым покровительством тем людям, которые стараются разрушить дело миссионерское. В таких случаях православный христианин прямо идет против своей веры и потворствует неправоверию. Но горе, *«горе вам..., яко затворяете царствие небесное пред человеки!»* (Мф.23:13) – Православный христианин! Помни, что такое противодействие миссии, бывающее от зависти, по злобе или ради денег, собирает на голову виновных *«углие огненное»* гнева Божия!

Напрасный отказ быть восприемником кого-либо от купели

Это значит также быть равнодушным к славе Божией; потому что каждым новым крещением увеличивается число членов царства небесного. Затем, отказ человеку бедному или беспомощному (т. е. отцу крещаемого младенца или самому крещаемому, если крестится возрастной), – отказ в столь уважительной нужде составляет истинное огорчение ближнему. – Сын православной Церкви! Напрасно, или без причины, ты не уклоняйся от звания восприемника («кума»), особенно при крещении иноверца!

О прославлении имени Божия в службах церковных

Возмущение духа в себе или в других пред тем временем, как идти в церковь

«Прежде даже не помолишися, уготови себе» (Сир.18:23). Молитва есть мать добродетелей⁴⁸. А церковная молитва продолжительнее и по существу своему важнее домашней; поэтому требует от христианина большего приготовления собранностью и успокоением духа. К тому же и враг-дьявол поставляет случаи к расстройству духа (преимущественно, в благочестивых семействах) пред тем временем, как семьяне должны идти ко всенощной или к обедне, – особенно к той обедне, за которой готовятся приобщиться св. Таин. И так надобно стараться – устранить все поводы к тому, чтоб не возмутить духа перед службою, как в себе самом, так и в других. Забота эта относится особенно к главе семьи. – Если ты, читатель этих наставлений, – уже сам испытал, как вредит расстройство духа пред уходом в церковь, то и избегай в это время неприятных разговоров и встреч. Святые угодники пред церковною службою начинали еще более молчать; так, например, препод. Пимен, когда собирался в церковь, то садился и около часа хранил молчание⁴⁹. А из церкви и после службы иные из них просто бежали, чтоб не расстроиться в какой-либо беседе или встрече своим духом⁵⁰.

Гордое в церковь Божию вхождение и такое же из нее исхождение

«Внидоша в церковь помолитися: един фарисей, а другой мытарь. Фарисей став» (в том же духе гордости, как и вошел в церковь), став отдельно от других и ближе к самому святилищу, чтоб не быть в кругу простых людей, «*сице* (так-то и) *молящеся...* Мытарь же издавеча стоя» вдали от святилища храма, «*бияше в перси своя*» (Лк.18:10–13). Одна из целей бытности христианина в церкви та, чтоб «помолиться Господу Богу о прощении своих грехов и удостоиться милости Божией в чем-либо». А горделивость, очевидно, не свойственна просителю или тому человеку, который нуждается в милости, в снисхождении. Итак, входить в церковь нужно с сознанием своей греховности, или своего недостойнства пред Богом, и из этого-то сознания должны истекать наши молитвы за богослужением, особенно в посты и во время нашего говения. Когда же душа будет в смиренном состоянии, тогда, естественно, и наружный вид наш не будет горделивым. Кто несет на плечах своих какую-либо ношу (например, дрова бы), тот разве не наклонится, не согнется? Так точно и христианин, когда сознает на душе своей бремя грехов, невольно примет вид простой, скромный. И вот, богобоязненный христианин, подходя еще к церкви, готовясь еще предстать лицу Божию, пред множеством святых икон и в виду святого престола, – и тут сохраняет благоговение: например, он не бежит, не смотрит по сторонам, не машет руками. Подойдя же к дверям церковным, он ограждает себя крестным знамением. А, переступив через порог церковный, творит в себе самую первую молитву: «Боже, милостив буди мне грешнику» или другую краткую, к какой привык. Затем, если служба еще не начиналась, он делает поклон на обе стороны собравшемуся народу и становится на свое место. Но как неуместен дух гордости в самой церкви, когда, например, иные входят в церковь с видом самодовольства и самомнения; когда за службою, без всякой нужды, усиливаются раньше других

подойти к целованию евангелия, иконы или креста, а в посты также – и к чаше с тайнами Христовыми? Как неуместна гордость, когда, при выходе от службы, встретив священника, который и совершал в церкви службу, преподавал народу «мир и благословение» или только произнес проповедь, и которого, значит, нельзя уже не знать, кто он, какого сана и какого прихода, – как и тут даже не отдают ему знака почтения. – Христианин, кто бы ты ни был! отложи у порога церковного мысль о твоих мирских преимуществах. Если есть на земле такое человеческое общество и собрание, где бы все сравнивались между собой, где бы чувствовались живо слова Христовы: *«вси же вы братия есте»* (Мф.23:8), – то это собрание в церкви.

Поздний приход в церковь или же преждевременный выход из нее

«Не оставляюще собрания своего, якоже есть неким обычай» (Евр.10:25). Каждая служба, а особенно литургия, имеет свой «цельный», назидательный смысл. И нужно оказать к ней цельное же – от начала и до конца – внимание. – Поздно приходящие в церковь лишают церковное собрание торжественности: например, как же отнимается торжественность у литургии, когда литургия (время уже было начать ее) начинается с редующими в церкви рядами народа! Если нас приглашают к обеду, не приноравливаем же мы прийти к середине или к концу обеда, а в церкви предлагается нам другая трапеза, – это трапеза слова и трапеза Таин Христовых. – Но еще большая вина выходить без всякой причины из церкви до окончания службы. Запоздать в церковь можно еще иногда поневоле. А спешить от богослужения, кроме болезни, что же заставляет? 9 апостольское правило тех, которые преждевременно выходят от службы, не иначе судит, как *«бесчиние в церкви производящих»*. И действительно, это бесчинники; потому что беспокоят тех, которые остаются в церкви, своим стремительным движением к дверям; потому что выходят, большей частью, вдруг, толпой, например, за проповедью, пред молебном. – Мирянин православный! не спеши из церкви, когда пришел помолиться. Будет целая неделя, и ты отдохнешь от утомления, если почувствовал его в церкви.

Праздные разговоры в церкви во время службы

«Страшно место сие: несть сие, но дом Божий» (Быт.28:17). Даже и в промежутки между службами, даже и вообще в церкви, без особенной надобности не следует допускать никаких громких переговоров, никаких рассказов о новостях и т. п. Здесь всем тем, которые пришли с целью молитвы, нужно или молиться, или в ожидании богослужения хранить тихое молчание, по примеру той тишины, какая всегда бывает на небе. А за самую службу оказывать явное

неблагоговение, например, переходить с места на место, смеяться, громко кашлять, шептаться и чуть не вслух вести посторонние и праздные разговоры, – вина тяжкая. Это значит, как бы, вести свою службу, когда идет служба Божия; значит оказывать очевидное неуважение к богослужебному чтению, пению и действованию. – Непочтительные к службам церковным! не забудьте, что церковь есть и судилище Божие. Как известно по евангелию, из нее можно выходить или оправданным, или осужденным (Лк.18:14).

Скучающее на службу внимание

«Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем» (Пс.121:1). Как с веселием духа ревностный христианин встречает благовест к службе, особенно праздничной и особенно к божественной литургии: так, затем, и придя в церковь, среди самого сокрушения о грехах, как преобладающего чувства за церковным богослужением, хранит дух свой веселым и бодрственным. Между тем, иные же здесь скучают. Они пришли в церковь и выстаивают службу с каким-то принуждением, будто подать какую выполняют, – пришли и стоят только потому, что так уже заведено, так уж привыкли делать. Они переминаются с ноги на ногу; прислоняются к стене или столбу; часто посматривают на свои часы; любопытствуют, как ставится большая свеча или спускается лампадка; часто оглядываются назад, сами не зная зачем; обращают внимание на входящих и выходящих, на бумагу или книгу, какая попадет на глаза; не делают поклонов или кланяются, когда поклон не совсем-то идет; решительно не следят умом и сердцем за богослужением; не проникают в смысл или значение службы: не применяют всего того, что читается и поется, к своей грешной душе; недовольны, что долго идет служба или долго произносится проповедь. А наскучавшись так, с окончанием богослужения торопливо выходят из церкви, как бы из темницы на свободу. Пусть эти люди и не видят телесными очами в церкви ничего страшного. Но, если б они раскрыли ясновидящие очи души своей, то увидали бы, что в лице святых икон сам Господь с сонмом угодников взирает на них. – Нет, посетитель церковных богослужений! Надобно нам с тобой заниматься в церкви только Богом и Его присутствием. Тело наше должно бы быть здесь неподвижным, а душа – в глубоком умилении. Чтоб не поверхностно внимать богослужению, полезно нам и за богослужением повторять в клети душевной какую-либо молитву, – только краткую, так как в церкви нельзя молиться своими молитвами, только такую, которую часто мы употребляем. Моление этою краткою молитвою не отвлечет

нашего внимания от того, что читается и поется за службой, но еще поможет вниманию.

Бесчинное чтение или пение в церкви

«Вся благообразно и по чину да бывают» (1Кор.14:40). Чтение в церкви, главным образом, должно быть нескорое, тогда оно и будет понятным для тех, которые хотят расслушать и усвоить его своей молящейся душе. Но, с другой стороны, и медленным, или протяжным оно не должно быть, потому что может утомлять; так, например, нет нужды в медленном произношении ектений, паремий, апостола и евангелия. Оно должно выполняться природным голосом и быть, хоть внятным, но не крикливым; иначе будет оскорблять священный текст читаемого. Оно должно быть и выразительным, или передавать собой для предстоящих тот смысл и дух, или те чувства, какие заключаются в нём. Впрочем, относительно выразительности, сделаем ограничение: выразить церковное чтение переливами и изменениями голоса могут только хорошо наученные читать настоятелями церквей или же те, которые сами глубоко понимают смысл и дух, сокрытые в чтении, на языке которых и всякий новый или неожиданный текст читаемого был бы выразительным. А иначе лучше быть чтению, – как клиросному, так на ектеньях и в молитвах, – простому, без излишества собственных чувствований, приблизительно в один тон; т. е. лучше предоставить самому тексту читаемого, его внутренним достоинством и силою, действовать на «предстоящих и молящихся». – Что же до неблагопристойности пения, то еще на VI вселенском соборе было определено: *«желаем, чтоб приходящие в церковь для пения... не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего, несвойственного церкви...»* (Прав.75). Да, чрезмерно крикливое (а не просто громкое) или же близкое к светским тонам пение бывает отяготительным, и для слуха, и для совести истинного христианина. В таком случае, церковное пение, равно, как и чтение, выходит, как только один *«плод устен»* (Евр.13:15), а не излишнее умильного сердца и выражение благоговейного ума. Вообще, во время служб церковных надобно сохранять всевозможное благоговение и благоприличие, как для славы

Божией, так для душевной пользы тех, которые пришли к богослужению и не просто стоят в рядах, но и принимают участие в богослужении, так и для назидания всего народа. – Православный мирянин! Этого самого духа в чтении и пении церковном и ты держись, если сам участвуешь в том и другом, или, если тем более имеешь средства пригласить в церковь чтеца, содержать певчих!

**Заповедь 4: Помни день субботний, еже святити его:
шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя,
в день же седмый – суббота Господу Богу твоему**

Почитай Бога всем существом твоим, употребляя на это некоторые дни в особенности

Ум, благоговеющий к Богу, сердце и воля, более всего преданные Ему, а не кому-либо или чему-либо иному, самое слово, всегда только благословляющее Его, – все это прекрасные жертвы со стороны человека: но полноты жертвоприношения они еще не составляют. Необходимо служение Господу Богу совокупное и «духом, и телом» (1Кор.6:20). Притом, – это служение должно быть в некоторые дни всецелым, потому что и самое время есть Божий дар нам. Отсюда заповедь: «помни день субботний», т. е. о праздниках, и «шесть дней делай», т. е. о труде. Отсюда столь естественная, последовательная связь этой заповеди с тремя предыдущими. Итак:

Относительно правильного употребления и распределения времени

Сонливость, привычка поздно вставать утром

«Доколе, о лениве, лежиши? когда же от сна возстанеши?» (Притч.6:9). Первое время у нас, это – утро каждого дня. Когда же мы пользуемся богодарованным утром? по примеру ли ветхозаветных праведников, например, Навина (Нав.7:16; 8:10), Авраама (Быт.19:27), Иова (Иов.1:5), которые с раннего утра поднимались на свои дела, и тем более, чем важнее ожидали их дела? К сожалению, для многих из нас раннего (естественного) утра совсем не существует: встают в семь часов, и даже в 9–10. Что здесь не по Божьему закону, и что вредного? – От сонливости, по замечанию духовно-опытных людей, происходит забывчивость. Сонливые утром не пользуются самым лучшим временем для серьезных своих занятий; потому что раннее вставание утром – раньше обыкновенного часом-двумя – освежает умственные способности и укрепляет силы, так что человек трудится, и – сравнительно с другим временем не чувствует усталости в труде; – оно дает развязность движениям, предупреждает и дурное расположение духа. (Потому-то люди, чем умереннее поспят утром, или чем раньше встанут и больше поделают, тем чувствуют себя здоровее и спокойнее). Излишний сон благоприятствует развитию чувственности и плотской страсти. А еще очень важное здесь: поздно встающие утром, просыпают заутрени, как особенно в праздники, и обедни, как особенно в будни. Когда в церкви совершается бескровная жертва за благосостояние города или прихода, где они живут, и, может быть, с поминанием, по усердию других, о здравии и их, – тогда они остаются каждый раз в постели. Привыкнув к долгому сну утром, они затрудняются встать к утрени и в тот день (например, в великую субботу), когда готовятся приобщиться св. Таин. – Читатель этих наставлений! Полюби любезное утро для твоего труда.

Бдение Богу противное (превращение в порядке своей жизни ночи в день, и наоборот)

«Нощи яко дни провождает» (Сир.38:27). Привыкли некоторые отходить ко сну ночному не раньше часу, даже в 2–3 после полуночи: иначе и не могут заснуть. Естественно, недостаток этого сна они должны пополнить сном дневным или после обеда. Отсюда жизнь их проходит больше ночью, в темноте (исключительных случаев, которые отвлекают на целые недели от своевременного сна с вечера, во время, например, отлучек по службе, по семейным обстоятельствам, – мы не берем). Отсюда эти люди совсем почти превратили ночь в день, а бóльшую часть дня в ночь. Что же грешного в таком порядке жизни их? – Грешное, прежде всего, то, что ими нарушаются планы Творца, то течение жизни, которое установил Господь Бог, что или устанавливается свой противный этому распорядок в употреблении времени. Не напрасно же Господь Бог повелел в известный час восходить солнцу и заходить: этим Он указал время для наших занятий. День Он определил нам для трудов, а ночь для отдыха. Ночью вся природа погружается в сон. В это время засыпают и животные, – не по привычке только, но потому, что ночь – то же в природе, что сон для нашего тела. Одни только лесные хищные звери не спят ночью: как наступит ночь, они выходят, чтоб найти себе пищу, с восходом же солнца, – этого общего пробудителя всей природы, – тотчас скрываются в свои места (Пс.103:20–24). (К стыду человеческому, надобно сказать, что подобно этим хищным животным еще бодрствуют ночью ночные грабители и воры). Затем, искусственная бессонница ночью, ночные занятия вместо дня, дневной сон взамен или дополнение ночного, составляя отступление от богоустановленного порядка, – и неизбежно вредят. (Здесь мы не говорим о том вреде, как ночная усидчивость делает человека хилым, бледным, как долгое время бессонный походит на живой труп⁵¹. Думает ли кто, будто все равно: отойти ли ко сну в 9–10 часов с вечера или же в 1 и 2 ночи? О, нет! Тут есть большая разница. Сон в середине ночи бывает самый сладкий,

здоровый и питательный. Этот сон гораздо скорее восстанавливает силы для новых трудов, да и сумма его требуется для здоровья и восстановления сил меньшая, так что шесть часов этого сна лучше 8–9 после полуночи, или, вообще, дневных. Таким образом, люди, привыкшие к засыпанию после полуночи, тратят лишние часы в продолжение суток для подкрепления своих сил необходимым сном, и в этом-то состоит их новая вина. (Ночная жизнь еще требует совершенно напрасной затраты некоторых материалов, например, осветительных). Итак, ты, читатель наших нравственных, практических уроков! Упорядочи твою жизнь так, чтоб день и был для тебя светлым живым днем, а ночь – успокоительною ночью. – Отступив же по нужде от такого порядка жизни, старайся тотчас возвращаться к нему, когда пройдет нужда. Определяй для каждого рода твоих дел свое время, так, чтоб, оканчивая одно дело, иметь уже в виду другое. Такой правильный образ жизни, кажущийся с первого взгляда скучным, – при умеренном отдыхе будет составлять для тебя, своего рода, наслаждение.

Пирования и увеселения дальше полуночи

«Упивающиеся в ночи упиваются» (1Фес.5:7). Иные и не для занятий уже или только по привычке своей не спят ночью, но потому что более или менее часто пользуются чьим-либо гостеприимством или от себя предлагают гостеприимство. Думают еще иные придать тем больше важности своему вечеру, чем позже поставят гостям ужин. Все кругом спит, нигде в домах не видно огня, уже и близко утро, а эти люди бодрствуют над вином, над игрой какой, – дышат целую почти ночь теплым, стесненным воздухом, который, кроме того, пропитан табачным дымом. В настоящем разе приходит на память пример несчастного Валтасара. Валтасар ночью веселился, забыв Бога, и – вдруг увидел на стене руку, пишущую на него суд (Дан.5). Житейские беседы, пирования и увеселения дальше полуночи, несомненно составляют особенную вину. Почему же? – Они соединены бывают с насильственным ночным бодрствованием; наделяют человека головною болью на следующий день и большею способностью, чем в другое время, раздражаться; нарушают порядок занятий, какие у кого есть, и какие иной раз призывают к труду с раннего утра. – Тебе же, верующая душа! время полуночи должно напоминать о втором пришествии Христовом!

Напрасная медлительность на деле, или в исполнении дел

«Поспеши время» (Сир.36:9). Вот, мы, встав утром, принимаемся за исполнение своих дел и обязанностей. Но и в самой деятельности не тратим ли мы напрасно времени? Пусть разом всего нельзя сделать. Господь Бог мог же сотворить мир в одну минуту, но употребил на сотворение его целые дни, чтоб научить нас постепенности и внимательности в наших делах. Однако ж, зачем же нам без всякой цели медлить? Хорошо не торопиться – приступить к делу в видах лучше обдумать его, если особенно это дело с какой-либо стороны для нас новое, но медлить за ним, когда уже приступили, например, просто сидеть, или стоять, или оставаться в ожидании кого-либо или чего-либо, – это значит не достигать полного успеха в деле, а иногда и доводить дело до такого исхода: «уже поздно, уже напрасно...». Посмотрите на мастера золотых дел: он и самые частицы золота при своей работе собирает. Так и для нас среди самой работы-деятельности малейшие части времени должны бы быть частицами золота, между тем, как мы проводим их в каких-либо пустых вопросах или разговорах, а также и в значительных промежутках от одного дела к другому. – Нет, христианин, – медлительность, вялость и беззаботность в делах неумное качество! И ты не давай пропадать у тебя напрасно не только дням и часам, но и минутам! Промедлим, напрасно простои́м на каком-либо деле, а потом будем торопиться, да торопиться с опущениями для дела.

Излишние посещения и привычка не находиться дома

«Нога буяго (безумного) скоро в дом» (Сир.21:25). Бывают посещения должностные (часто и в будни), почетные (преимущественно в праздники), дружеские и родственные (во всякое время, или, когда только придется: об этих подробная речь будет в своем месте) (в отделе 5 запов.). Все такие посещения и визиты необходимы, полезны и позволительны: и святые угодники посещали друг друга, как, например, Павел Фивейский Антония Великого (Четь-Мин. под 15 янв.). Но нужно делать их в часы досуга, а не тогда, как требуется заниматься делами (женские же визиты занимают и будничное время, и почти все это время поглощают). Затем, посещение и визиты должны быть более или менее по внутреннему расположению и по сознанию долга, а не для одной суеты или принужденно. – Наконец, они должны быть в определенном кругу лиц, а не без счета домов и лиц посещаемых. Но у нас в этом ли виде и с этими ли целями они бывают? – Особенный род излишних посещений составляет хождение по именинам. (Некоторые имеют у себя даже запись, – когда кто именинник, чтобы не забыть поздравить, и таких-то поздравлений у них насчитывается несколько десятков). Если же за целый год счесть время, которое они тратят на эти свидания, визиты и поздравления, – какая выйдет огромная потеря его! И чем могут они вознаградить эту потерю? Как трудно им наверстывать потраченное время среди дельных занятий! Жалко еще здесь того, что на продолжительную гостевитость употребляют – не по-прежнему – часы «раннего» вечера, а время полдня, так что после этого теряется весь остаток дня. Но время наше вообще скоротечно, оно бежит скорее курьера, летит как птица. Оно безвозвратно и изменчиво: из прошлого мы не можем возвратить ни одного часа, а будущее находится не в нашей власти и может вдруг изменить нам: «яко дние лукави суть» (Еф.5:16); одним только настоящим временем можем мы пользоваться по своему усмотрению. Как же нам не дорожить

столь коротким и безвозвратным временем! Как считать нипочем трату его! А главное: этими-то скоротечными и безвозвратными годами своей жизни мы должны приобретать себе вечную жизнь. Следовательно, *«дондеже день есть, да делаем благое: а приидет ночь»*, тогда *«никто же может делати»* (Ин.9:4). – Наконец, от излишних посещений, визитов и поздравлений происходит в свое же время ощутительный вред. Гостевитых людей трудно заставить дома, кто имеет до них нужду: им в привычку обратилось не находиться дома. Они делают неизбежные опущения по своим обязанностям, живут рассеянно. – Нет, умный христианин! Нужно нам с тобой умерить свои «входы и исходы» из дома. Когда мы и совсем бываем готовы идти куда, поставим себе вопрос: «нельзя ли обойтись без этого свидания? не отложить ли его пока»? После этого и увидим у себя большую экономию времени, которым можем воспользоваться для существенных наших занятий.

Излишняя хлопотливость в делах

«Время суда вестъ сердце мудраго» (мудрый знает и время и устав) (Еккл.8:5). Есть люди, у которых руки полны дел и голова, так сказать, кружится от забот. Но эти дела и заботы их не возложены только на них другими из уважения к их талантам, усердию и опытности, но изысканы ими самими. Они не только не отказываются от должностей, но еще борются, спорят за должности. Они хотят быть там и сям, желают судить обо всем, числиться членами всевозможных обществ или комитетов?.. Прекрасно, если б вся эта хлопотливость была для славы Божией, если б истекала из такого источника: *«дондеже время имамы, да делаем благое»* (Гал.6:10). Действительно, надобно делать больше добрых дел, чтобы больше пожать плодов от добродетели, надобно не пропускать ни одного случая к доброделанию и даже изыскивать случаи к тому. Но, между тем, их хлопотливость естественная: они обязывают себя к этой хлопотливости или из тщеславия, или же для того, чтоб иметь влияние на дела и на известных лиц. Но спросят: «что же тут худого»? Много худого. Эта чрезмерная хлопотливость производит недосмотры, вредит успеху дел, мало оставляет времени для молитвы и вообще отклоняет человека от главнейшей его цели в жизни, которую евангелие выражает кратко: *«едино же есть на потребу»* (Лк.10:42)⁵². – Нет, трудящийся человек! Если у тебя остается свободный час от твоих обязанностей и дел, которые и без того, может быть, сложны: то лучше ты подыши открытым воздухом, полюбуйся на Божию природу, освежись родственным или дружеским свиданием, а еще лучше – помолись, почитай духовное или побеседуй о духовном.

Относительно честного труда

Бесчестные труды или промыслы, именно для увеселения других

«Чти Господа от праведных твоих трудов» (Притч.3:9). А вот, ходящие по улицам со зверями (с медведем, обезьяной) или органщик с певицей, или представители разных комедий в балаганах: разве это труд праведный, разве это дело? Нет, – это, скорее, искажение человеческого труда и безделье. Ужели Господь Бог для того дал разум человеку, чтоб он ходил со зверями для потехи малых детей и народа, – или рамена, чтоб, согнувшись, носил орган и играл на улицах и во дворах, – или грудь, чтоб с утра до вечера выпевал для других разные песни, хоть бы в своей душе чувствовал глубокую грусть? Или, вот, «цирки» (конные представления): разве это труд, достойный человека и сообразный с назначением животных? И собственные силы люди напрасно губят тут и к своему пустому занятию привлекают животных: при хорошем питании, какое они дают этим животным, могли бы извлекать хорошую пользу из конного рабочего труда, а вместо того только обучают этих животных скакать и плясать из-под палки и со стонами. Или, вот, небольшое товарищество музыкантов, то путешествующих на пароходе для игры, то встречающих и провожающих поезда железной дороги в тех помещениях, где проезжающие пьют или едят: разве это полезный труд? Играть на музыке изредка или слышать музыкальные звуки через долгое время может еще быть развлечением, а заниматься игрой с утра до вечера – как тут быть сочувствию к игре самого игрока, и стремление ли это к изящному? На железной же дороге – случается – играет музыка и в раннее утро: еще человек не успел оглянуться на свет Божий, еще ничем не утомил себя, чтоб мог пожелать развлечений, и – ему предлагает свою услугу наемная музыка. Наконец, вот искусство театральное и фокусников в балаганах: пред судом христианской совести можно ли назвать труд этих людей серьезным? можно ли применить к ним слова Писания: *«чти Господа от праведных твоих трудов?»* Говорят: «в театральных сценах – не как было прежде – изучается жизнь;

там уроки для умной, доброй жизни». Пусть бы, по такому намерению учреждения их, везде они имели поучительный, нравственный характер. Но так ли везде на деле? И что это за уроки среди шуток, смеха и лицедейства? Совместно ли с достоинством истины и добродетели, и давать, и брать эти уроки, играючи и смеясь, с топотом обуви и рукоплесканиями? Нет, – в правилах церковных, так называемые, «игралищные упражнения» прямо называются «нечистотами» и подвергаются шестилетней епитимии (Карфаг.74). И все эти скоморохи народные под конец своей жизни сами сознают (если в данное время еще не убедились), что занятия их в жизни были пустые. Рассуждают: «хуже было бы, если б они ничего не делали, если б протягивали руки к чужому». Да зачем же на худших только путях жизни останавливаться? почему не избрать лучшие, – более разумные и почтенные? «К другим занятиям, может быть, они неспособны». Копать и возделывать землю, быть в услужении и т. под., без сомнения, были бы способны; потому что их-то занятия требуют гораздо больших способностей и искусства. – О, какое это унижение человеческого достоинства видим мы в трудах и промыслах только для потехи других! как жалок здесь человек и как был бы он полезен на другом труде, например, на патриархальном земледелии!

Пренебрежение трудом простым или черным, при самой нужде в нем

«Не мудрися (не почитай низким) *творити дела твоего*» (Сир.10:29). Есть люди, которые лучше соглашались быть без службы и всякого занятия, продавая последние свои вещи на содержание себя, чем поступить на малую должность или избрать простое какое занятие; лучше решаются голодать, чем взяться за работу, какая случится; скорее, потерпят недостатки и потери в своем хозяйстве, очевидные и для других, и для них самих, чем присмотрят за своим хозяйством; скорее, будут видеть около себя разбросанность вещей и неопрятность, которых даже и не любят в душе, чем своими руками поправят, что могут, если не дождутся посторонней помощи. Не по лености эти люди отказываются от подобных трудов, но, собственно, потому, что считают их для себя низкими, неприятными. Какое заблуждение! Всякий необходимый труд в жизни есть и честный труд. Господь наш умыл ноги ученикам, когда не было слуги для омовения ног (1Цар.25:41) и когда из самих учеников никто не вызывался на этот труд. Ангелы Божии также снисходят до простого труда, – когда оставляют светлые обители неба и переселяются в нашу землю, как бы в темный и низкий рудник или погреб, чтоб по Божьему устройению охранять нас. У апостолов руки были благородные и священные, но один из них говорил: «*труждаемся делаяще своими руками*» (1Кор.4:12). Нет, – только низкие побуждения могут унижить простой или черный труд, а сам по себе всякий общежительский труд честен. – К сожалению, и очень многие ныне пренебрегают простыми занятиями и ремеслами. Дети кузнецов, стекольщиков или сапожников, побыв несколько времени в школе, с пренебрежением относятся к трудам своих родителей и ищут себе каких-либо письменных чиновнических занятий; дочери мещан и солдат, послушав уроки в среднем учебном заведении, насмотревшись там на своих богатых сверстниц, также неохотно приступают к своему домашнему очагу, а тем более считают за низкое пойти в услужение, хотя родители их и не сделали

более состоятельными оттого, что они поучились в заведении; – иные же и в сельском просторе видят для себя тесноту: бросают свои поля и переселяются в город, чтоб только не быть деревенскими жителями. Между тем, нужны же в общечеловеческой жизни и кузнецы, и стекольщики, – это раз; выполняя трезво и постоянно свой простой и черный труд, кузнец, печник или плотник еще скорее могут упрочить материальное состояние, чем на скоропреходящей должности писмоводителя, приказчика, служащего на пароходе, – это второе; среди подобного труда человек вернее может сохранить простоту веры, жизни и добрую нравственность, а это, конечно, самое главное. Затем, нужны же люди для прислуги и для черных домашних работ. А тем более как необходимы огородники и хлебопашцы! Труд ухода за огородом и земледелия, это труд Адамов, это – основание народного довольства. И, что будет дальше, если у нас и народные-то земледельцы будут чуждаться своего труда? – Читатель этих наставлений, кто бы ты ни был! не пренебрегай простым трудом, – будет ли он всегдашней долей для тебя или только временным, может быть, минутным занятием по особенной нужде.

Изнеженность на поденной работе

«Перенесшими тягость дня и зной» (Мф.20:12), сказано в Евангелии о работавших в винограднике. И целый день, с утра до вечера, работники провели на своем деле за поденную плату; и не уклонились от работы из-за солнечного жара; но так выполняли всю работу, что как бы каждую минуту смотрел на них хозяин. Отсюда и было у них полное сознание своей заслуги, чувствовали они в душе верность своему делу и, вместе с тем, право на полную плату. Такова должна быть работа каждого подёнщика, каждого работника, работающего без особого обязательства. Между тем, ныне многие показывают себя изнеженными и на поденной работе: выходят на нее не рано, ожидают, например, звона к ранней обедне (где есть церковь и где каждодневная служба); принявшись за работу, часто отдыхают; а потом и спешат уйти с работы; возвратившись же домой прежде темного вечера, ожидают себе в доме хозяина, кроме стола подкрепляющего силы, угощения чаем, вином. (Здесь мы не говорим об убытках для хозяев от таких работ⁵³; не говорим о том, что вследствие такого ленивого выполнения поденщиками их работ и излишних требований, поставка самых главных жизненных потребностей и припасов, как хлеб, овес, сено, выходит затруднительною и дорогою, что и коренные сельские промышленники готовы бы сами покупать из других рук эти припасы, а не беспокоиться поставлять их). Но поденщики, так изнеженно выполняющие свою работу, оскорбляют самое имя работы, напрасно теряют рабочее время, не привыкают к терпеливому труду, не стыдятся и примера одного из товарищей своих, который за ту же самую плату кропотливо работает, первый везде берется за дело. – Нет, – работающие за поденные платы! не играючи и по гостевитому должны вы работать, но с сознанием, что рабочий труд необходим вам и что дороги часы для него, а также не ради только человека, но, вместе с тем, ради самого Бога (Еф.6:6).

Полная праздность

«Слышим ныне ... ничто же делающая» (2Фес.3:11). Эти люди, которые не имеют ни ремесла, ни должности и целые месяцы, и даже годы, проводят только в раздумье куда бы им пристроить себя; люди, которые с утра до вечера сидят, поджавши руки, покоются в своем кабинете, читают что-либо легкое от скуки; люди, которые проводят часы дня то в завтраке, то в прогулке, то в обеде и продолжительном после обеда отдыхе, то в разговоре вечером со своими посетителями, то остаются снова в ожидании ужина и долгого сна. Словом, люди гораздо меньше делающие, чем те женщины, которые приготавливают ежедневно стол. Неужели это есть жизнь и цель жизни человеческой? Нет, это только застой жизни, разрушение умной цели бытия человеческого. Жизнь есть деятельность, и значит, бездеятельная жизнь не заслуживает имени жизни, по крайней мере, в существе разумном и нравственном, каков человек. И животное редкое не несет своего труда, предназначенного ему Богом. Тем более, человека Бог создал на труды, а не для праздности: что птице летание, то человеку труд (Иов.5:7). Когда Адам еще не согрешил, когда земля еще не была проклятой и давала от себя все обильно и без вызова на потовый труд: – и в то время Бог указал человеку занятие: «делати и хранити» рай (Быт.2:15). А после грехопадения труд сделался «общей для всех епитимией» (Быт.3:19); явилась особая заповедь о шестидневном в неделе делании. Таким образом, праздность и сама по себе вина. – Затем, как порок, она не бывает одна, но постепенно вводит с собой друзей, т. е. другие пороки: «мнозей злобе научила праздность» (Сир.33:28), как и в простой пословице говорится: «праздность мать пороков»: – вот новая вина ее. Далее: тунеядец обременяет собой ближних, из которых одни дают ему пищу и помещение, другие – одежду, третьи – средства для самых прихотей его, например, для табака. Но пусть иные убеждены, что они не составляют бремени для других, которые доставляют им потребности жизни порознь или все вместе; пусть это будут дети

богатого отца и живут на отцовском содержании, или же наследники богатого наследства; пусть иных содержат, как компаньона или компаньонку, подобный же тунеядец, или праздная дама, имеющая хорошее состояние. Наконец, пусть иные никого не обременяют своим содержанием, потому что живут на собственный капитал, который приобрели, или получают хорошую пенсию, до которой дослужились; пусть им и не для кого, и не для чего больше хлопотать или трудиться; словом, пусть иные живут совершенно в райском довольстве. Однако же труд телесный или духовный составляют обязанность каждого человека, при всяких обстоятельствах его жизни и во всякое время, исключая беспомощную болезнь или престарелость. Известно по преданию, что Господь наш до выхода на всемирную проповедь разделял труды столярства со старцем Иосифом (Мк.6:3). Апостолы говорили о себе «ни у кого не ели хлеба даром» (2Фес.3:8), хотя и могли, и должны были бы есть туне, как и действительно пользовались готовым содержанием и приемом, где принимали их и где нисколько не мешало это успехам их проповеди. Для нас, грешных, труды имеют еще особенный смысл, т.е. кроме борьбы за существование. Труды не дают душе нашей слишком сблизиться с телом, препятствуют душе вдаваться в телесное, истомляют тело, и таким образом скорее располагают нас каждый раз к покою и сну, чем к каким-либо увеселениям и прихотям. Итак, вполне неестественна, вредна и виновна пред Богом праздность. Ты, читатель наш! Возненавидь ее в себе и в других. Если и пройдет для тебя время службы, посмотри: не можешь ли принять на себя одну из должностей бесплатных, например, члена в каком-либо благотворительном комитете, – которою иногда обременяется человек служащий? Или, если не будет тебе ни нужды, ни возможности заниматься хозяйством или торговлей, в таком случае, кроме труда молитвенного, который должен быть впереди всего, испытай – не можешь ли принять на себя еще малый какой-либо полезный труд?

Бродяжничество

«Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно» (2Фес.3:11). Это не просто ленивцы и тунеядцы, но люди гулящие, бросившие свои дома, семьи или только общество, службу-занятие. Когда несколько подобных лиц появилось между солунскими христианами: «некие»; ап. Павел со всею строгостью писал о них, чтоб исправились и чтоб другие не увлеклись их примером. Это, вместе с тем, преступники и гражданских порядков. Бродяги – такое состояние, которого государство не признает, которому не дает никаких прав, им не покровительствует. Что же заставляет некоторых решаться на бродяжническую жизнь? Первоначально – какой-нибудь проступок: стыдятся своего проступка в своем месте, боятся наказания за него, и скрываются. Затем – бегство от военной службы, а иногда и уклонение от семейных раздоров или притеснений. Но, что, например, до наказания за проступок, то оно почти всегда было бы меньшим, чем та казнь, которой подвергает себя пойманный бродяга. Между тем, бродяжничество заманчиво и после первоначальной, часто ничтожной причины его, к нему легко привыкают. В этом состоянии человек тяжело грешит и против других, и самого себя. Он слагает с себя бремя общественных или, вместе с тем, семейных обязанностей на других, которые, может быть, слабее его силами. Он окончательно отвлекается от всякого труда, и не знает даже с чего начать честный труд. Он находится иногда в нужде скрывать самое имя свое. Не может, если бы и желал, правильно исполнить христианские обязанности, например, прийти в церковь по случаю великого праздника, поговеть в пост. Таким образом, он сам себя убожит. – О, какой страшный ответ дадут Богу праздношатающийся и бродяга за целую жизнь свою, или только за половину ее, когда и за несколько дней, которые человек проведет праздно, потребует Бог ответа!

Нищенство по лености или же для нетрезвости

«Не проводи нищенской жизни» (Сир.40:29). Нищие, впрочем, всегда были и будут (Мф.26:11). Господь Бог оставляет их между людьми, как для них самих, чтобы они, между прочим, нищетою выстрадались для будущей жизни, так и для пользы других; например, чтобы богатые и состоятельные люди могли оказывать к ним свое милосердное, а милосердием развивали бы в себе вообще любовь к ближнему и заслуживали бы царства небесного. Самый наружный вид нищего наводит на мысли, способные научить: дряхлый и калека, которые просят милостыню у церкви, своим видом напоминают людям молодым и красивым, что и этим изменят их молодость и красота; одетый же в рубище и имеющий через плечо суму, между тем, как прежде, может быть, занимался торговлей или занимал хорошую должность, — напоминает богатым или должностным, что «никто не должен отречься от сумы, как и от тюрьмы». Но, как «бедность, по пословице, не порок», так и вынужденная нищета не составляет порока. Истинному нищему и приятно сделать подаяние. Между тем, сколько же таких нищих, которые могли бы еще работать, и не работают; могли бы еще служить или быть в услужении, особенно женский пол, и особенно в летнюю пору, или во время летних сельских работ, когда и дорог человек для того только, чтобы остаться дома с малыми детьми, — могли бы еще нести подобный труд, и — отказываются от него! Вместо работы же и труда собирают на бедность по домам, на площадях и у дверей церковных. Мало этого; целыми артелями разъезжают для сбора подаяний по ярмаркам и к праздникам на собственных лошадях и экипажах, не худо одетые и обутые. Или вместо должности и ремесла ходят по домам с просительными письмами и умоляют о пособии. Сколько таких, которые собирают себе на прихоти и для удовольствия, к которым при довольстве своей жизни привыкли, но в которых за скудостью средств должны бы отказать себе! Особенно, как много обращающих собранную милостыню в вино, и не для вида уже, но по действительной

нужде остающихся в самой изношенной и грязной одежде! (А есть, как в столицах, и такие, которые составляют себе от подаяний капитал). Вся эта ложная нищета привыкает к лицемерию, чтоб скрыть свои физические силы и прикрыть свои пороки, — к наглой напрасливости, и к мелким кражам вследствие той же праздности своей. А что сказать о детях, собирающих милостыню с посторонними для них и искусными в своем промысле нищими? Эти с малых лет привыкают к лени и вообще к нищенскими порокам, так что иные из них прямо готовят из себя преступников и злодеев. О, как далеко уклонились такого рода нищие с истинного пути жизни! как они позорят имя Христово, выманивая себе им ненужные подаяния! какое зло они составляют в обществе! В слове Божиим сказано: *«если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»* (2Фес.3:10), т.е., кто не трудится, имея силы трудиться, то и не стоит хлеба, и, если ест хлеб, то без всякого права, по своей навязчивости или по милости других. *«Работая ..., ели свой хлеб»* (2Фес.3:12), т.е. пусть-де каждый от своих трудов содержится; пусть пропитывается своим трудовым хлебом, который слаще и почтеннее, а чужой должен же жечь его внутренность, как огонь (Сир.40:32). *«Блаженнее давать, нежели принимать»* (Деян.20:35), т.е. лучше подавать, чем принимать. Посему-то подвижники и святые Божии и при видимой нищете своей отказывались от подаяний, пропитываясь плетеньем каких-либо прутьев⁵⁴ или другим рукоделием. И у многих из наших нищих стали ли бы двигаться руки и ноги, если бы они захотели хоть частью содержать самих себя. Говорят иные из них к своему оправданию: «наш труд состоит в том, что мы молимся за подающих нам милостыню». Но они не священники, чтоб брать на себя труд молитвы за других и больше ничем не заниматься, между тем, как имеют еще силы для занятий: — при молитве можно иметь и ручную работу; — молитва сильна при трезвенной и доброй жизни; — а главное — это только слова: и за себя-то нищие помолиться не могут и не хотят, потому что разленились, — потому что не входят внутрь церкви, когда начнется богослужение, а остаются на паперти и там заводят между собой спор и шум из-за подаяний; — или еще хуже — с паперти

церковной прямо уходят в подвальное и подобное тому невидное помещение с продажей спиртного. – О, ложная нищета! о, напрасное попрошайство! зачем же вы так глубоко пали? О, злоупотребители Христовых подаяний, зачем вы отказываетесь от царства небесного, на путях которого уже стоите, подобно Лазарю нищему? Умоляем вас любовью Христовою: обратитесь от тунеядства к посильному труду, или же, не имея сил трудиться, не посрамляйте своею ежедневною нетрезвостью, которая уже и выступила на лица ваши, и говорит сама о себе каждому, – не посрамляйте, не унижайте, кого же, думается вам? – самого Христа...! потому что ведь Сам Христос невидимо стоит за плечами вашими, когда ради Его вы просите себе подаяния, а добрые христиане ради Его-то и подают вам!

**Безразборчивое подаяние милостыни
злоупотребляющим ею – с одной стороны, и
неосторожное осуждение подающих в потере
заслуги пред Богом – с другой**

«Уделяй по расположению сердца» (2Кор.9:7). Так, нужно подавать милостыню с внутренним расположением, с доброю охотою, с жалостью к положению ближнего, по чувству христианского милосердия и с такою верующею мыслью, что в лице нищих принимает наши подаяния сам Христос. Но может ли быть внутреннее расположение к делу милостыни, если знаем верно, что нищий злоупотребит нашим подаянием, и не отказываем ему ради только принятого обычая, или из опасения, чтоб он не оговорил нас пред другими, будто мы гоняем от себя нищих? Может ли быть добрая охота к подаянию, если подаем что-нибудь из-за того только, чтоб не совсем трезвый проситель «на бедность» не наговорил нам в нашем доме оскорбительных слов, особенно при посторонних у нас? Какая может быть жалость к тем, которых положение вовсе не жалостное, которые только просят, а не нуждаются, которые и по летам, и по здоровью своему могут еще работать, имеют средства даже на наряды, на разгульную жизнь, навьючивают целые повозки всяким добром, приезжая со стороны, словом, во всем дают заметить у них довольство? Милосердие ли это христианское – кормить сытых, и, в то же время, не всегда довольно сытых и неблагодарных, утешать веселых? Благоговейная ли вера к имени Христову, когда дозволяем нетрезвому языку произносить это достопокланяемое имя для испрашивания милостыни, когда допускаем обманывать нас под этим именем и как бы платим своими подаяниями за то, что оно несправедливо произносится? – Нет! Христос-Спаситель указал нам людей, которым мы должны помогать милостынею, только в лице голодающих, жаждущих, нагих, кратко – в лице вынужденной и действительной бедности, хоть бы эта бедность по стыду или по другим каким обстоятельствам сама не протягивала к нам руки, хоть бы не заявляла о себе. И не будет

противно христианской любви к ближнему, если мы заставим нищего немного поголодать; потому что это будет лучшая мера расположить его к труду. Безразборчиво же каждый раз подавать милостыни, значит, сорить их; иногда и самому от них беднеть, и нищим, в сущности дела, не помогать. Значит, это поощрять ленивого к его лености, а нетрезвого – к нетрезвости. Вообще сказать: милостыни без всякого разбора и пытливости отвлекают в нищенство людей достаточных, привлекают в известное село или в дом к известному благотворителю множество тунеядцев и попрошаек, поддерживают пороки в людях, которые уже и раньше были порочными, развивают нищету и нужды, уменьшая число рабочих сил. Да, несправедливо это, некоторые рассуждают, будто «их дело только подать, а куда нищий употребит их подаяние, кто он такой, от чего беден, заслуживает ли милостыни, не им будто бы разбирать». Всякая христианская добродетель должна быть соединена с благоразумием и опытностью: так и милостыня.

Впрочем, в слове Божиим сказано: *«вы же, братие, не стужайте (не унывайте), доброе творяще»* (2Фес.3.13). Эти слова написал апостол Павел вслед за тем, как обличил тех, которые по собственному произволу, или напрасно, принадлежат к числу нищих, как запретил им: *«кто не хочет трудиться, тот и не ешь»*. По мнению многих святых толковников эти слова обращены к подающим милостыню, чтоб подающие не скучали, чтоб не охладевали в своем усердии и не допускали мысли, будто их заслуга не принимается Богом, будто добро их пропадает даром. Да, слова Апостола: «тот и не ешь» относятся только к тунеядцам – нищим, и сказаны им для того, чтоб потревожить совесть этих людей. Но они не представляют права, и не заключают в себе наставления людям богатым и состоятельным, чтоб последние производили суд и расправу с нищими: всегда и непременно отказывали бы в милостыне недостойным ее. Иначе, что же могло бы произойти? Нищие-ленивцы и пьяницы еще не исправились, еще не начали привыкать к труду; между тем, люди, которые могли бы подавать им милостыню, разом отказали бы им и в хлебе, и в деньгах на квартиру, и в одежде, в обуви; тогда, естественно,

они стали бы томиться от голода и изнывать от стужи. Ведь никто же не оставит голодным своего родного брата, хоть бы брат сам был виноват в своей нищете. Притом, иные благотворители не имеют ни времени, ни лиц знакомых и подручных, чтоб собрать сведения о поведении нищего или бедного просителя. Ужели ради одной неизвестности о нищем, они и могут отказать ему хоть в малом подаянии, между тем, как средства их позволяют подать? (Пожалуй, были времена столь жестокие к нищим, что сами правители народа прибегали к насилию для уменьшения их; например, при императоре Галерии нищих сажали на корабли и бросали в море. После таких-то примеров жестокости, и вообще, вследствие общего равнодушия к нищим, Церковь Христова и приняла их под свою опеку). Итак, напрасно смеются над теми милосердными христианами, которых подаяния попадают и в руки тунеядцев или нетрезвых; напрасно говорят, будто милостыня этих благотворителей останется без награды у Господа Бога. Сам Господь *«повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных»* (Мф.5:45); примеру такого милосердия следуют и эти благотворители. Они смотрят на крайнюю нужду нищего, например, когда он, истратив милостыню на вино, просит себе только обеда, а не останавливаются на том, на чем он долго не исправляется. Иные из них положили еще правилом: подавать большую или меньшую милостыню всякому просящему, чтоб ко всякому отнестись с любовью и никого не осудить, как недостойного. Это, очевидно, добрая и смиренная милостыня.

Как же, однако, применить подаяние милостыни с тем, чтобы не содействовать лени и нетрезвости нищих? Часто научает нас этому тот же апостол Павел: *«Завещаем... (говорит) ... удаляться ... поступающего бесчинно»* (2Фес.3:6), т.е. и праздного попрошая. Апостол советует отделяться от нищих-тунеядцев, или не придавать им смелости в их требовании, показывать вид, будто мы гневаемся на них. Но верить нужды сомнительных бедняков, но испытать поведение нищих, не от лени ли, и не для вина ли, они собирают милостыни: это дело удобно более для общественной

благотворительности (для комитетов или целых обществ благотворительных), чем для частного лица. Когда древняя церковь с евангельской любовью приняла под свою защиту нищих, когда богатые люди сносили к ней свои большие жертвы на этот предмет, и когда она могла ежегодно пропитывать по 3000 бедняков, как, например, в Антиохии при св. Златоусте, тогда избирались экононы и диаконы для того, чтобы поверять нужды просителей, тогда составлялись списки нищих своего прихода.

Итак, ты, милостивая к нищим душа! Не чуждайся благоразумной разборчивости и предусмотрительности в твоих подаяниях, но и не ослабевай в своем усердии подавать. Когда же видишь нищего, который недостоин милости, за которого нельзя не опасаться, что он злоупотребит ею, объявляй, что ты скоро перестанешь подавать ему, что это одно из последних твоих подаяний ему: ты откажешь ему не потому, что его осуждал или отвергал, но, чтобы только не дать ему пищи ко греху. А лучшим сведением для тебя, заслуживает или не заслуживает подаяния неизвестный нищий, может быть уверение о нем приходского священника, если только нищий будет не бродячий и известен в приходской общине.

Нарушения воскресных дней и праздников

Вечера или гостьба под праздник

Церковный день начинается с вечера по порядку миротворения: *«бысть вечер, и бысть утро, день... един»* (Быт.1:5). Так и каждый воскресный день, заменивший в Новом Завете еврейскую субботу, равно как каждый праздник, считаются с вечера и оканчиваются в порядке богослужения вечером же, т. е. через сутки, хотя еще некоторым великим праздникам бывают свои «предпразднства и попразднства». Посему первый шаг христианина в почитании праздника относится к вечеру этого дня: вечер здесь есть доля самого праздника, принадлежит к составу праздничного дня. Как же мы проводим этот вечер? Прекрасно, когда к воскресенью в наших комнатах бывает все очищено; когда в сумерки затеплится пред иконами лампадка, кто имеет ее; когда в эти часы мы оканчиваем свои работы и житейские занятия; когда грамотными и учеными берется в руки книга духовная; когда ложимся пораньше спать, чтоб подняться к заутрене! Но вот, иные, как нарочито, под праздник приглашают к себе гостей или сами идут в гости, в клуб, на бал (в печатном приглашении и прямо объявляют, что собрание в клуб окончится в 3 часа); другие к этому времени приурочивают у себя случайный – хоть и небольшой – праздник, например, крестины, новоселье, обручение. И какое же столкновение тут выходит? Церковь созывает к себе православных христиан на всенощное бдение, а эти люди собираются на вечер. Церковь ударяет в колокол к заутрене, а они начинают расходиться с вечера, с гостьбы. Более степенные, желая совместить то и другое, Божие и свое, стараются сначала быть у всенощной, например, во время святок, а потом отправляются на вечер, например, для встречи нового года; но без сомнения, дух молитвенный, которым они прониклись за всенощной, весь пропадает в гостьбе их. – Ты, благочестивый христианин, не допускай такого поругания над воскресным или праздничным днем! Оно тем еще виновнее, если бывает не в малом только кружке знакомых и родственников, но в общественном собрании, например, клубы,

которые (какое непочтение!) светлее церкви освещаются под праздник Господень.

Пение светских и мирских песен на воскресный день, иногда и в самую позднюю пору ночи

Евреи строгое соблюдение субботнего покоя простирали до того, что в субботу и не плакали над умершими (Лк.23:56). Как же оскорбляют святость воскресного дня те из православных христиан, которые или дома напевают себе светские песни под праздник, или – как простолюдины – громко оглашают улицы таким пением! Уже несколько часов остается до удара колокола к заутрене, везде у добрых христиан тишина в ожидании праздника, а они поют грешное мирское! Так ли нужно настраивать дух к встрече праздника Господня? встречают ли и дорогого гостя с видом гуляющим? Если же эти певцы придут затем в церковь, то и естественно церковные песнопения и чтения покажутся им скучными, так как их слух был занят накануне мирским пением. – Ты, добрый сын Церкви, не доходи до того, чтоб даже забыть, какой завтра день, чтоб нипочем считать воскресенье и унижать его чистоту мирскими песнями, которые и в другое-то время нельзя назвать невинными! (см. под 7 запов.)

**Ожидание светлого годового праздника не с
мыслью о Господе, а только с плотскими
помышлениями и приготовлениями**

«Праздников ваших ненавидит душа моя», говорил в одно время Господь иудеям (Ис.1:14). Не праздники сами по себе подвергались негодованию Господа, а суетное и грешное сретение их, как и препровождение. Так и ныне многие с радостью ожидают праздника только потому, что не будут в это время учиться или работать, или служить по должности: эти люди радуются своей лени, а не Господу. Так, легкомысленная девица и женщина ждут не дождутся светлого праздника, например, Пасхи, чтоб надеть свои обновы: они радуются своим нарядам и суете, а не Господнему празднику. Ядца и пийца видят, или воображают себе, праздничные столы и угощения, и, таким образом, заранее веселы: эти люди радуются своему чреву, а не Господу. Любитель светских развлечений готовит для себя и других к празднику, например, к святкам, забавы и увеселения, уже радуется при одной мысли об ожидаемых удовольствиях: он рад своей рассеянности, а не Господу; для него существует одно имя праздника, подобно как оно же одно бывает для многих хозяек дома, делающих с утра до вечера с гневом-криком на своих домашних разные праздничные приготовления; к самому же празднику, к радостям же его в смысле благодеяний Божиих, эти люди и не приложат своего духа. — Ты, христианин, прежде и более всего сочувствуй, ожидая праздника, самому празднику (идее его). А прочее из сказанного, если и может быть допущено тобой, то должно следовать уже за тем.

Небытность совсем у заутрень в праздники или же старание всегда и без нужды заменить их для себя всенощными

Одни вовсе не приходят к заутреням, другие круглый год заменяют их для себя всенощными, где служатся всенощные бдения. О вине первых и говорить нечего. Но и последних еще нельзя назвать усердными почитателями христианских праздников. Причина уклончивости от заутрень у тех и других одна: утренний сон. Не хочется позаботиться встать раньше, расстаться с мягкой постелью, выйти из домашнего тепла, идти в церковь иногда по глубокому снегу и там встретить меньшее тепло, чем дома. Прежде всего здесь худо то, что утро воскресного дня или великого праздника встречается сном, как и в будни. Затем – по изнеженности, или из любви к телесному покою, не хотят пожертвовать своим сном для светлого праздника, так что все звоны заутрени просыпают и не несут с другими подвига утреннего богослужения; не могут и духом находиться с прочими в церкви, потому что вместо светлой и сияющей светом церкви, какою бывает церковь в праздничные заутрени, имеют для себя темную спальню, вместо бодрствования погружены в бессознательный сон; так же просыпают и тогда, как бывает погребальный звон, например, при выносе креста или в память погребения Спасителя (в великую субботу). Но всего главнее: не пользуются лучшими часами для своей молитвы, которая особенно в праздники-то должна бы быть нерастерянная, внимательная. Утром ведь и дышится легче. Так и утренняя молитва боле легка и чиста, чем вечером. Если, например, тяготили душу разные думы, если в продолжение дня были встречены сильные огорчения, если чувствовалась днем и болезнь какая: – все это более или менее заглаживает ночь и всего этого уже не принесем мы с собой в церковь к заутрене. Даже и та печаль или неприятность, которая чувствуется сряду несколько дней, после сна утром как-то скорее смягчает душу, вызывает из сердца жалостный вздох, чем раздражает. Но за всенощной труднее избавиться от всех

этих дневных мыслей, встреч или огорчений, т. е., которые произвели на нас сильное впечатление и сильно занимают; или в таком случае нужно больше готовиться, успокаиваться духом, чтоб со вниманием выстоять службу. – Говорят: «для чего же бывают и всенощны (зимним временем)? не столько же времени служится и всенощна, как заутреня?» При слове: «всенощная» (всенощное бдение) на первый раз мы невольно должны смириться, почувствовать обличение, вспомнив, от чего произошло это слово и как оно было вполне точным только у первых христиан. Первые христиане на праздники, действительно, целую ночь молились. Но ныне частью по нужде, частью по немощи, а частью от лености и произвола, наши всенощные бдения инде очень сокращаются и далеко уже не походят на всенощную службу первых христиан, от которых в сущности дела мы и разнимся только этим одним, что они были «*первые*» (по времени; все же остальное, т. е. и евангелие, и таинства, и надежды на царство небесное, – все это с первыми христианами у нас одно). Всенощны служатся в иных храмах круглый год по особенным нуждам той самой церкви, где она устроена (например, в заведениях, в тюрьмах), то тех лиц, которые посещают ее (например, если это лица, обремененные занятиями, но, вместе с тем, имеющие усердие слушать богослужение каждый день, – или только лица от большой семьи, из которых одни могут быть у заутрени в праздник с вечера, а другие – утром, как и у обедни одни – у ранней, а другие – у поздней). Вообще же, пользоваться всенощными взамен ранних заутрень могут те, которым необходимо, или для которых составляет большое облегчение разделить молитвенный подвиг утрени и обедни, бывающих подряд, а также – удобнее по дальнему расстоянию церкви от их домов, прийти в церковь вместо двух раз (к вечерне и заутрене, как в великий пост) только однажды и с вечера. Но так как эти люди не по лени или неге обегают заутрень, а только по слабости своих сил, старческих или особенно чем изнуренных; то они и часов заутрени не просыпают же, но с ударом утреннего колокола, или вслед за тем, встают на домашнюю молитву. Зачем же без всякой-то нужды заменять заутрени всенощными?

Зачем отыскивать церковь, где с вечера бывает заутреня, или усиленно хлопотать об отмене заутрень, между тем, как ремесленный и рабочий народ не может же быть у всенощн? Зачем только тогда и там посещать праздничную заутреню, когда и где она служится с вечера – и все так не изредка, а круглый год? Не прикрытие ли это своей лени в молитвенном подвиге? не слабость ли это и тела, и духа в богопочитании? Представляют только простому народу да священникам вставать к заутреням, а сами за собой оставляют легкое и покойное. – Нет, православный христианин ты не жалея себя, чтоб подняться в праздник к заутрене, пусть иной раз и весьма рано, например, в Рождество Христово! Благодарю колокол церковный, вдруг пробуждающий тебя от сна. Полюби и утренние звуки его, вместе с ними вставай бодро с постели твоей, чтоб собраться и пойти в церковь к заутрене, чтоб там с приятным утомлением в конце службы, увидев и на улице рассвет, услышать возглас: «слава Тебе, показавшему нам свет» и вторить с церковью пение: «слава в вышних Богу». Представляй себе в эти минуты, что некогда и еще раньше («се Жених грядет в полунощи») пробудит нас от могильного сна труба Архангела на последний суд Христов. И, о! если б нам с тобой и тогда так же бодренно пробудиться и встать! Бодрствуй же более, христианин, для царства небесного!

Неусердие прийти в некоторые особенные дни кроме обедни к прочим службам

«Непрестанно молитесь» (1Фес.5:17). Древние христиане и выполняли с усердием это заветное слово Божие. Они по восьми раз в сутки собирались в церковь на молитву. Удивляет это нас. Но памятником их неустанных молитв доселе остаются у нас названия суточного богослужения: а) полунощница; б) утренняя; в) первый час; г) третий час; д) шестой; е) обедня; ж) девятый час; з) вечерня и повечерие. Теперь эти восемь служб соединены в три раза: а где по особенной нужде или, когда по случаю особенного праздника служитя всенощна, то – и в два лишь раза. Есть и ныне в православном мире такие ревностные христиане, такие жаждущие спасения души, которые буквально из своего дома или квартиры приходят в церковь к каждой службе и каждый день, а не то что перейдут для этого только ограду или коридор, как, например, в монастырях. У них достаёт времени и на мирские занятия, хотя это люди уже престарелые и не могут нести больших общественных или житейских занятий. Эти-то люди всегда скажут нам, как важна непрестанная молитва, заветная слово Божиим христианину, – как она поддерживает всегдашнее духовное настроение: опустив один только день без бытности у обедни, они чувствуют себя уже не так, как в прочие дни; а после долгой или многодневной небытности в церкви и должны несколько усиливаться – настраивать свой дух (как музыкальный какой инструмент) к духовному, божественному... Но, если трудно или невозможно так многим богобоязненным мирянам каждодневно посещать церковь Божию, то, по крайней мере, в некоторые дни должны бы они приходить в церковь ко всем службам, т. е. не только к обедне, но и к утрени и вечерни. Это, например, день соименного святого (или, как привыкли говорить, день «ангела»), – престольный праздник приходской церкви и двенадцатые праздники. – О, православный мирянин, будь усерден к посещению всех церковных служб хоть в подобные-то

дни. Тогда и ты на сей раз особенно исполнишь заповедь Божию: «непрестанно молитесь!»

Редкое хождение в церковь, до опущения сряду трех воскресений

На VI вселенском соборе было определено: «аще – мирянин, не имея никакой настоящей нужды или препятствия, которым бы надолго устранен был от святыя церкви, но, пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц, не придет в церковное собрание..., да будет удален от общества» (Прав. 80). Это правило было подтверждено и после на соборах (Сардик. 11): оно относилось, как видим, не к одним духовным лицам, но и к мирянам. Отсюда легко может каждый поверить себя: «часто ли он ходит в церковь, или же редко? где начинается его вина, если повести речь о редком хождении в церковь?» Коли за небытность в церкви сряду по три воскресенья или же в продолжение трех недель, среди которых мог бы случиться особенный праздник, – полагается уже «отлучение», то, значит, вину составляет – не быть в церкви и по одно только воскресенье. И действительно, первых христиан одна тяжкая болезнь или тюремное заключение, или же отлучка, – вот, что могло только удержать от участи в церковном богослужении. Но и тут они, т. е., если по нужде оставались дома или были вдали от церкви, – отсылали сердца свои в церковь к тому времени, как там шла служба: отсюда сохранился прекрасный обычай звонить по несколько раз во время праздничных заутрень и обедень, чтоб задержанные дома по нужде, например, из прислуги, охранители комнат и домов, больные и т. под., могли знать, что служится в церкви, и сочувствовать этой службе. После службы же, то и раньше, от прежней литургии, – если была у них в виду дальняя отлучка, они получали св. дары, которых и приобщались (Апол. Иуст. муч.). А ныне сколько таких христиан, которые очень легко позволяют себе не быть у богослужения и по три воскресенья! Да и оставшись дома по уважительной нужде, за которую Церковь не судит, – сочувствуют ли они в часы богослужения молитве прочих, которые находятся в церкви? теплится ли, например, у них лампадка или свеча во

время обедни и полагают ли они на себе крестное знамение во время звона «к достойну», представляя себе совершение в эти минуты тайн св. тела и крови Христовой? напротив, не сидят ли они только в это время в покойных креслах за какую-нибудь книгу или не убивают ли время в разговоре с своим посетителем, а то сами не посещают ли кого, задерживая и других пойти в Церковь? Нет; быть каждое воскресенье у службы не есть только дело усердия, но и долг.

Что же отвлекает от точного исполнения этого долга тех, которые не отказываются ходить в церковь и ходят, но только с опущениями? – Более всего отвлекают будто бы «дела по службе или по хозяйству». Но Давид имел дел гораздо больше, чем прочие, как царь и отец семьи: однако находил же досуг посещать церковь. Быть в церкви даже было единственным желанием его, – услышать со стороны приглашение пойти в церковь (как ныне приглашает всех нас праздничный колокол) составляло для него особенную радость (Пс.26:4; 121:1). – Очень часто останавливает готовых пойти к службе «худая погода, – дождь, грязь, снег»: особенно на этот раз повинуются погоде женский пол, жалеющий свои платья. Но виновен ли иной церковный праздник тем, что случился в непогоду? не случайная ли это причина, чтоб не пойти в церковь? и не минутная ли это, иной раз, причина, потому что пред обедней было дождливо или снежно, а в конце обедни сделалось сухо и светло? Как же такая-то случайность и кратковременность могут одерживать победу над нашим расположением пойти в церковь? как после этого судить о своем расположении нашем быть в церкви, – не похоже ли и оно на изменчивую погоду? не оправдываются ли здесь над нами слова: «*тамо убояшася страха, идеже не бе страх?*» (Пс.13:5) убояться худой погоды, и – оставить церковь почти пустою, сколько бы ни был велик праздник: какое это нетвердое благочестие! Что же вредного может сделать нам ненастная погода, когда мы пройдем или проедем несколько улиц до церкви? и может ли церковь отложить день или только час своего праздничного богослужения до светлой погоды? не требуется в общем ходе дел природы и пасмурная или бурная погода? Нет, уступать

погоде ради долга и готовности быть у обедни в воскресенье или в годовой праздник, – это неизвинительная измена празднику, очевидная слабость воли и нетвердость правил христианских. Это выходит: «лев на путех» (Прит.26:13). Древние христиане, когда не могли собираться, по страху гонений, для богослужения днем, то собирались ночью, – и не только в светлый и поместительный дом, но, иной раз, и в подземелье. – Нередко иные не идут в церковь из-за того, что «нет у них расположения к молитве, что дух их очень непокоен». Но самое верное средство развлечься от беспокойства душевного, в той или иной мере найти отдых страдающей душе, это и есть: быть в церкви. Давид одною из причин, которые развили в нем особенное стремление к церкви, указывает вот что: «яко скры мя в селении своем в день зол моих» (Пс.26:5), т. е. – Ты дал мне безопасность от горестей и бед в храме Твоем. Отчего бы ни происходило беспокойство духа, – от неприятностей ли в жизни, от угнетающей ли злобы людей, от сознания ли собственных ошибок и тяжких прегрешений: не миновать – обратиться к Богу, а то еще дольше продлится время тяжелого состояния по душе. Есть такие, испытанные на сей раз в душевных страданиях, люди, которые того и желают, чтоб «бегство» их (т. е. страдание, которому суждено быть) «не постигло их в зиме» (Мф.24:20), – не тогда бы, когда нельзя им бывать часто в церкви, но во дни бы непрерывного хождения их в церковь (например, так вот и для священников на черед их служения, когда сряду бывают их литургии. А кто же в самом деле более испытывает разных душевных страданий в жизни, как не истинный и ревностный священник – пастырь?). О других причинах, по которым многие легко дозволяют себе опускать службу воскресного дня, как, например, «неготовность нового платья, не с кем пойти в церковь, не отпускают хозяева или старшее лицо, нечего принести на свечи», – уже не считаем нужным говорить. – Ты, сын православной Церкви! препобеждай все подобные препятствия не пойти тебе и по одно только воскресенье в церковь. Посещай церковь часто, как только можешь. Но, переступив за предел сряду трех воскресений,

когда без причины не будешь у богослужения, уже почитай себя заслуживающим епитимии!

Нехождение совсем в церковь

«Не оставляюще собрания своего» (Евр.10:25). Бывают такие православные, которые в целый год не придут в церковь к службе, исключая разве высокаторжественного дня (как между чиновниками) или похорон, или свадьбы самого близкого лица (как иные купцы и торгующие), или говенья в пост по обычаю (как военные, некоторые из светских дам и деревенских жителей). Для этих людей храмы Божии как бы не существуют и их не огорчила бы весть, что совсем не было или не будет почему-либо службы в церкви. Они до того отвыкли, или еще не начинали привыкать – быть в церкви, что их пугает вдруг прийти к богослужению, – особенно, если они видные лица: это значит, по их мнению, вызвать на себя людские замечания. А, если они соберутся когда-либо в церковь, например, «к стоянию на страсти Христовы и в Пасху», то чувствуют боль в ногах и желают присесть, как бы расслабленные. – Что же они готовят себе в будущей жизни? Печальный ожидается ответ. Рассмотрим подробнее. Есть две церкви: «земная и небесная» (Евр.12:23). Последняя не может быть без первой: надобно прежде пожить или подышать в первой, чтоб перейти навсегда в последнюю, подобно тому, как нельзя же с первой ступени на высокой лестнице вдруг ступить на самую верхнюю. Но быть в земной церкви только по имени «крещеного и православного», или только по записям приходским, – это еще не бытность и не жизнь церковная. Надобно непрерывно оживляться исповедью и св. причащением, слушанием слова Божия, благословением церковным, прикосновением к святыням храма, общео с народом верою и молитвою, наконец, – благодатью Божией, которая не от дома частного исходит, а от церкви, и в дом может прийти только через церковь. Чтоб родиться человеку на свет – известное дело – нужна утроба матерняя: так и для рождений и воспитания в жизнь вечную, для царства небесного, необходима духовная мать, Церковь. Иосиф и Пресвятая Дева отыскивали Иисуса Христа не где-либо, как только в церкви (Лк.2:45–46): и всякий, кто бы уклонился от Христа, должен воротиться в

церковь, где только и может найти Его для себя. Возражений на сей раз уже никаких не должно бы быть: никто из Святых не обегал церкви, и каждый вышел только из недр ее. Раскольники, например, говорят, что «церковь может быть внутренняя, в душе». Но «церковь внутренняя» (2Кор.6:16), но «храм духовен» (1Пет.2:5), о которых говорится в слове Божиим, тогда-то и будут устрояться, когда кто не чуждается внешнего храма, или приходской своей церкви; потому что все основания для постройки того внутреннего храма находятся только в Церкви, которая есть сокровищница и раздаятельница благодатных даров. На что еще вернее доказательства и выше примера? – Те же святые родители Господа нашего Иисуса Христа, могли бы, кажется, уволить себя от долга приходить в Иерусалимский храм, потому что у них дома был храм; потому что с ними жил Тот, Кому приносились молитвы и жертвы в Иерусалимском храме; однако ж, они каждый год бывали в храме, хотя это стоило им пешеходства на несколько дней (Лк.2:41). Нет! хоть бы у иного все стены кабинета или кельи были увешены образами, и хоть бы он и дольше молился в доме, чем отправляется служба в церкви: его дом не стоит и порога церковного (Пс.83:11), сколь бы ни бедна была церковь украшением, – его молитва никак не выше и не действеннее, чем служба литургии, которая совершается в храме. – Прибегают иногда не бывающие совсем в церкви и к таким извинениям себя: «хоть мы не ходим в церковь, но стараемся делать добро человеку; знаем же людей, которые каждый день бывают в церкви и полагают там большие поклоны, но в них много злобы, они жизни недоброй, – делают иногда преступления». Добродетели пренебрегающих церковью верить нельзя; потому что добродетель их безблагодатная (Рим.14:23), или только естественная, односторонняя, нетвердая и до первого испытания. Лицемеров же и тех, которые без всякого понятия и страха Божия выполняют какие-либо службы или должности в храме Божиим и от самого обращения со святыней или от слушания каждый день церковных чтений и пений притупляют в себе всякое религиозное чувство, подобно иудейским первосвященникам, – таких людей никто не одобряет

и не защищает. Пример этих людей только показывает, что везде нужна и везде ценится свободная воля человека, что впереди всего должно быть «убеждение и усердие», что благодать Божия силой никого не исправляет. – Но от чего же, однако, происходит это отречение от церкви, – отречение до такой степени, что круглый год не бывающие ни у обедни, ни у заутрени в праздник как бы и не чувствуют своего удаления от Христа и благодати? – От лени; от неверия или раскола; от погружения в чувственную жизнь; от привязанности к увеселительным домам (театры, клубы, трактиры), которые не напрасно же св. Давид противопоставляет, под именем «селений грешнических», дому Божию (Пс.83:11); оттого будто бы, что в церкви нет хора певчих и вся служба не в таком вкусе, как они когда-то видели в столице или в городе; иногда же, решительно по гордости, чтоб не следовать за другими, чтоб не быть вместе с простым более народом, как, например, в заводских и сельских местах. – О, вы, забывшие совсем церковь, хоть она может быть каждый день у вас на глазах, хоть благовест церковный слышится вами несколько раз в день! Церковь, в лице своих священнослужителей, не может же быть у вас, когда идет служба, – не может, таким образом, предложить вам ни слова поучающего, ни благословения оживляющего, ни благодати освящающей. А помимо ее вы не думайте быть на истинном пути веры и освящаться благодатию Божией. Итак, поспешите же возвратиться к ней собственным расположением и собственными стопами, пока под ее же покров не принесут вас бездыханными!

Неисполнение долга посвящать целый воскресный день, как и каждый праздник, на дела благочестивые

«Еже святите его», сказано о дне субботнем, который заменило для нас воскресенье (Исх.20:8). Стало быть, не часть только дня праздничного, даже не половину его, а весь его сполна, нужно посвящать Богу. Стало быть, и недостаточно одной бытности у заутрени и обедни в воскресенье, чтоб исполнить заповедь о седьмом дне. Быть у службы требуется часа два-три. Но затем (кроме вечера на праздник и раннего утра праздничного, об освящении которых своим образом мы уже сказали), – затем еще остаются многие часы праздника. Эти-то часы и не должны быть праздными или состоять в одном лежанье, сиденье, сне и разговорах обыденных, хотя действительно, отдых телесный в праздник более уместен, чем в будни. Но кто в эти часы только отдыхает, не дотрагиваясь, и не имея никакой охоты дотрагиваться до дел будничных (последнее так и должно быть); тем более, кто начинает отдыхать с самого утра воскресенья, т. е. покоится и в те часы, когда бы нужно было пойти в церковь: тот проводит воскресенье нисколько не лучше еврея. Этот человек будто хочет славить Бога только отдыхом – лежанием своим, но тут не видно никакого прославления Господу Богу. Для него нет совсем цели в воскресном дне; потому что для Бога и души его воскресный день ничего ему не приносит, между тем, как богопочитание и есть единственная цель праздника. Правда, седьмой день, или седьмая часть недели, с самих древних времен употреблялись на отдых: так пользовались этим днем не одни евреи, но и язычники; – не может же и лук быть постоянно натянутым. Но иное язычник, и иное христианин: у язычника духовная природа в усыплении, а христианину дано движение духовной жизни. Нужно, чтоб после шести дней неустанной работы-деятельности человек нашел для себя в седьмой день занятия противоположные; например, если б он в продолжение недели упражнял только мускулы своих рук у столярного станка или у

машинного какого колеса, то затем и надо дать ему дело для ума и сердца. Тогда только и будет уравновешение его сил. А, если другой кто в продолжение шести дней работал головой-умом, в седьмой день он должен найти себе работу, от которой бы согрелось и его сердце, ожила бы вся душа его. Христианские праздники, а особенно, в каждой неделе воскресный день, кроме восстановления утомленных сил, вот и имеют прекрасною целью дать христианину эти противоположные будням занятия. Это такого рода занятия, которые доставляют простор бессмертной и богоподобной душе, заключенной в теле. В христианстве покой еврейской субботы до суеверия с первого же раза оставлен. Древние христиане в воскресенье, как и в каждый праздник, имели свои труды: они слушали проповедь слова Божия от священников (Деян.20:7–9:11), которым тогда была двойная служба; и сами одни читали слово Божие; упражнялись в духовном пении; делали сбор для милостынь бедным (1Кор.16:1–2); ходили по тюрьмам, отпускали на волю рабов. – Итак, что же именно должно быть предметом занятий для христианина ныне в воскресные и праздничные дни кроме богослужений? – Домашнее чтение слова Божия и духовных книг; домашнее же пение духовного в виде общей домашней молитвы; домашняя или уединенная с кем-либо беседа о духовных предметах. Еще лучше, когда все эти занятия выполняются в церкви, под председательством или только по благословению приходского священника, причем, не следует исключать из реестра их и духовного пения (Еф.5:19): потому что духовное пение смягчает душу, а не изнеживает ее, как светское и мирское пение, возбуждает в душе возвышенные чувствования, а не страсти. (Говоря о проведении воскресного дня церковной семьей, мы имеем в виду «воскресные собеседования в церкви не во время богослужения»)⁵⁵. Вместе с тем, в воскресный и праздничный день следует выполнять дела милосердия к ближнему, телесного и духовного, – кто имеет для того средства и силы; потому что сказано: *«достоит в субботы добро творити»* (Мф.12:12). (Но, что сказать о духовных концертах, о духовной музыке и духовно-литературных вечерах в воскресные дни?

Если они будут в строгом смысле духовности, то, без сомнения, это благородные, невинные и нравственно-воспитательные удовольствия. Однако ж, «семья или церковь» всегда будут выше их, т. е., если в семье христианин проводит воскресный день священно, – молитвою, духовным чтением и пением, или же так все в церкви на «духовной беседе»: в семье-то христианин в воскресенье и оденется лучше, и тон разговора с семейными как-то переменяет, и имеет досуг больше говорить с ними). – Православный христианин! будем в этом духе стараться проводить воскресные дни, и – мы почувствуем, что вошли в божественный покой их.

Будто много праздников, и отсюда – вред их для благосостояния народного

«Праздны бо суть», упрекал фараон евреев по поводу их молитв и жертвоприношений (Исх.5:8). Ныне же особенно говорят и едят: «у русских – православных много праздников: праздники отнимают у них время для работ и увлекают большинство к нетрезвости». Основательны ли эти суждения? Рассмотрим. – Еще в Ветхом Завете Господь Бог, кроме субботы, установил другие праздники. И у древних неверующих народов праздники не ограничивались одним седьмым днем в неделе, но по разным обстоятельствам составлялись и получали свою твердость другие праздники (у греков не было и напоминаний о субботе, а отправлялись торжественные дни). В Новом Завете Христос-Спаситель, обыкновенно, посещал все праздники в Иерусалиме. Церковные праздники, как, например, двенадцатые, составляют для христианина самые важные напоминания и духовные утешения. Они установлены Церковью, освящены веками, поддерживаются народным преданием и обычаем. Чем больше их, кроме воскресений, тем больше людям, которые в полном смысле трудящиеся, как, например, чиновник с малым жалованьем, рабочий у подрядчика и крестьянин, – больше этим людям возможности и времени ощутить в себе душу, сознать свое небесное предназначение. – В будни ведь с полной свободой могут служить Богу только люди, обеспеченные своим состоянием, и не имеющие у себя должностей. Отнимите у народа церковные праздники, троньтесь еще и воскресного дня, и – тогда в народе совсем будет забит дух веры и богобоязненности; тогда народ наш очерствеет духом и с ним повторится то же, что за границей, где массы людей заняты одним материальным благосостоянием и ведут «борьбу за существование». – Тогда народ будет близок к тому, чтоб совсем «выродиться», исчахнуть и душою, и нравственно, и телесно. – Церковные годовые праздники прекрасно сближают между собою православных христиан: тут и высокие, и простые, и богатые, и

бедные, и друзья, и враги, сходятся вместе во имя Христа. – Праздники полезны для возбуждения и оживления родственных связей и общности. Как приятно видеть, когда в праздничное время родственники посещают друг друга, – человек отдается чувствам и впечатлениям семейной жизни или же спешит разделить со своим другом досужные часы! как приятно и вне церкви видеть встречи людей разных сословий, поздравляющих друг друга с праздником! – Но рассуждают: «праздниками тоже не достигаются для большинства народа духовные цели. И, мало того, что тогда не идут для богомолья в церковь, что это время – по преимуществу – время нетрезвости и разных преступлений, – мало этого: невоздержные из рабочих привлекают к своему разгулу и последующие дни, так что после праздника не вдруг возможно собрать их на дело. Отсюда, не только отнимается время у труда, но и теряется расположение к труду, упадают и хозяйство, и нравственность». Но ради этой причины сократить число церковных праздников было ли бы справедливо по отношению к другим лицам, которые не злоупотребляют ими, проводят их по христиански? Притом, достигается ли сокращением их цель, которую имеют попечители народного благосостояния и к которой, положим, ни один из благонамеренных не откажет в своем сочувствии, т. е., чтоб поддержать в народе от упадка труд, экономию и нравы? Едва ли. В таком случае, простолудин, проработав узаконено в праздничный день, сделает же для себя незаконный праздник в один из рабочих дней. И – вот, выйдет та же потеря времени и нравственности! А может выйти и еще хуже; потому что каждый будет составлять для себя особый праздник, когда вздумают, или, когда получат в руки деньги для этого. Говорит: «народу нужен хлеб, а не праздники». Хлеба прибавит разве тем фабрикантам, заводчикам, подрядчикам и артельщикам, на которых стал бы без отдыха работать народ, как рабочая машина. Один труд, хоть бы был самый усидчивый и даже – допустим – правильный, еще малозначителен для того, чтоб сделать народ с хлебом и вообще обеспечить его материальное благосостояние. Для этого нужны умственное и нравственное развитие простолудинов. А то у них и хлеба не будет, и доброго

настроения нравов. – Нет, напрасны все эти рассуждения об уменьшении церковных праздников! праздники всегда были достопочитаемы во всем христианском мире. Иное дело отменить в народе те праздничные дни и часы, которые введены по предрассудку, как, например, «Ильинская пятница» летом, или же по произволу и прихоти, как угостительный вечер (а иногда и целый день) при сборе из домов рабочих к хозяину-мастеру. Иное дело принять самые заботливые меры, и совокупными иногда силами и духовных, и светских лиц стремиться к тому, чтоб простой народ естественно и достойно проводил христианские праздники. – Ты, православный христианин, остановись на том, что никто так искренно не любит простого народа, как Церковь. А она, имея в виду прежде всего вечную жизнь всех, не может одобрить сокращения увековеченных праздников, которые по своей цели (идее) должны воспитывать христиан для вечности.

Работа по воскресеньям и в праздники

В Ветхом Завете одного человека застали на работе в субботу: он собирал дрова. Как же с ним было поступлено? – Всем народом присудили его к побиению камнями, и – побили (Чис.15:32–36). Мы теперь живем не под строгостью древнего закона, а в благодатной свободе. Но Законодатель один, что для ветхозаветных, то и для нас. Ужели только потому мы легко можем нарушать заповедь о неделании в день воскресный (отсюда название: неделя), что не боимся побиения камнями? Но, вот, строгость и нынешнего закона на сей раз: *«аще кто делает в неделю и в праздники, да отлучится»* (Номок.162). Между тем, как же многие, без всякого страха пред Богом, оскорбляют праздники работами! Косят, пашут и жнут; строят; работают у горна; а особенно – одни предлагают за особую плату, другие же выполняют, заработки на фабриках у паровой машины, так что, где заведены паровые машины, там и помину нет о праздниках, там работа бесконечная, занимаются чиновническими служебными делами с тою только разницею, что не идут для них в присутственные места, но сидят за ними дома; столяры, сапожники, портные и подобные ремесленники с согласия и в виду своего хозяина, его же инструментами или только в его помещениях, от досужего, будто, времени успевают заработать сколько-нибудь в свою пользу; женский пол шьют, кроят, ухаживают за огородом, а иные только от скуки вяжут чулки. Словом, во многих местах с раннего же утра в праздник видим все то же деловое движение, как и в будни. Чем преступны эти работы в праздник? Тем, что ими всецело и буквально нарушается заповедь Божия не работать или не делать в праздничный день всего того, что для каждого составляет его будничной труд, что тут и внимания не обращается на закон Божий, который, между тем, всем известен и не требует толкования. – Тем главным образом, что с этими работами не совместима духовная сторона праздника, что они не дают никакой возможности провести по Божьему воскресный или праздничный день, что они сталкиваются, как нарочито, с

теми часами, которые особенно следует посвящать Богу. Так, например, портные и другие мастера по постройке одежд часто спешат закончить свои работы и в часы самой пасхальной заутрени, – сидят за работой во время всенощны на «Троицын день». После обеда эти мастера также бывают свободны, но уже для них нет всенощны или обедни, чтобы могли они быть в церкви. Плотники, каменщики, столяры когда же выходят на свои работы в праздничный день, желая сверх недельной платы еще приобрести себе гривны и рубли? Обыкновенно – утром, когда идет служба обедни. К вечеру и они также освобождаются: но, если иметь в виду счет праздничного дня по церковному, или с вечера, то скорее же они могли сделать что-либо очень нужное вечером в праздник, чем утром и в часы церковного богослужения. Вспомнят и все они про праздник, – только вспомнят поздно, совсем врознь с Церковью, не по духу Церкви, а своим образом, большею частью, весельем в вине. И так-то вот проходят дела многих все воскресенья в году однодневные праздники. Притом, коли кто принялся за работу будничную в праздник, у того и одежда рабочая, и руки черные, и голова не причесанная, кратко – во всей наружности нет ничего светлого, праздничного или же праздничный вид покажет он на себе только при закате солнца. Боже мой! Ради чего же допускается такое нарушение и поругание Твоих праздников? Ради большего обогащения, ради наживы. Но кто же когда разбогател от праздничных работ или же упрочил за собой богатство, так нажитое? – Православный христианин! положи себе твердое намерение не гнаться за будничными работами по воскресеньям и праздникам. Иначе ты будешь красть Божие часы. Решаешься ты без всякой нужды отнимать у Господа Бога один день, не довольствуясь тем, что Он не все же семь дней отчислил себе, а только один: но за это самое Он может отнять у тебя и целые дни. Если ты имеешь у себя по ремеслу или по хозяйству какому мастеров и рабочих, то не изъявляй своего согласия на их работы не только для тебя, но и для их прибытка; но дай им совет и сделай понуждение, чтоб пошли в церковь. Если же не имеешь у себя ни мастеров, ни подмастерьев, ни рабочих иного рода, то и посторонним не

пропускай без замечания, как увидишь их в воскресенье публично, открыто работающими.

Суетливость по делам в праздники

«Да не сотвориши всякого дела в онь» (Исх.20:10). В Ветхом Завете уже слишком оберегали праздничное время от житейских занятий. Одни из евреев до суеверия и вместе с лукавством совести относились к покою субботы, почему осуждали благодеяния Иисуса Христа страждущим в субботу (Лк.13:14); другие далеко лишь простирали свою добровольную строгость на сей раз, – думали, что в субботу в случае войны и защищаться от врагов не следует, вследствие чего, раз, язычники нашли выгодным напасть на них в этот день (1Мак.2:37). Но мы, как ученики высшего евангельского закона, должны показать на самом деле и высшее понимание сего закона. Нет у нас мнительности относительно того, будто дела неизбежные, вроде падения овцы в яму, следует отлагать в праздник до другого дня. Поэтому у нас и лекарь лечит в воскресенье, и путешественник, особенно в общем экипаже, как в вагонах железной дороги, совершает свое путешествие без разбора дней, и почта не останавливает своего хода во всякое время. Однако не предрассудок ли своего рода и не лукавство ли совести иные выражают, когда в праздник за работу действительно не принимаются, рабочего платья на себя, положим, не надевают и на места работ, в мастерские или на постройки не ходят, но суетятся нисколько не меньше будней? Так, например, портной и сапожник пойдут разносить по домам выполненные ими заказы с утра воскресенья, и продолжают свое хождение до обеда, словом – суетятся в продолжение всего того времени, как идет служба в церкви. Купец и фабрикант также к утру воскресенья приноравливают плату мастерам за недельные заработки, и ни сами, ни мастера, работающее на них, не успевают к обедне. Подрядчики плотничных или каменных работ с обеда и до вечера в праздник, одевшись лучше, ходят по разным домам и осматривают предполагаемые работы, чтоб заручиться новыми подрядами, чтоб условиться ценой, составить контракты, между тем, как дома у них лежит евангелие или другая духовная книга,

которую они должны бы и давно собираются прочитать. А сколько бывает в воскресенье свиданий и продолжительных переговоров по хозяйским, торговым и служебным делам! Не приноравливают ли также к воскресенью перемещения на другую квартиру или на дачу, всю скопившуюся за неделю переписку с родными и знакомыми? И все эти занятия не как-нибудь неожиданно или против собственного желания выходят, но уже раньше рассчитаны: «ужо (говорят) в праздник когда-нибудь сделаем...». Что же это, как не работа или, по крайней мере, не окончание недельной работы? Да; это так же работа, только в своем роде, праздничная: иной, например, домохозяин столько нахлопочется в воскресенье по своему двору, осматривая его или назначая работникам на следующий день работы, или распоряжаясь относительно перестановки каких-либо вещей, что рад бывает месту вечером; нет; день воскресный должен быть свободен не только от тяжелой работы, но и от всяких житейских сует, забот и беспокойств, именно – в целях провести его по духовному. Тогда только он и будет днем «священным и приятным». К мастерам, которые сдают в праздники свои работы, а также и к переменяющим в воскресенье свои квартиры, вообще, к тем, которые к праздничному дню приноравливают снести, свести, передвинуть, переставить что-нибудь тяжелое, – относится прямое запрещение у одного из древних пророков в праздники *«не носить бремени»* (Иер.17:27). – Ты, православный христианин, старайся освобождать воскресные и праздничные дни от всякого постороннего дела, чтоб дать больше отдыха своей душе, и – Бог благословит тебя за достойное почитание праздников!

Сельские помочи в праздник

«Ниже входити вратами Иерусалима с бременами в день субботний», строго было сказано в Ветхом Завете (Иер.17:27). Между тем, ныне, вот, вратами городскими или сельскими в воскресный день целым обозом вывозят к одному кому-либо или срубленный лес на постройки его, или поставленное им сено, или же только заготавливают на его поле бремена от созревших посевов. Что за нужда в этих общих, дружественных работах в праздничный день? Нужды, собственно, нет; потому что созывает к себе работников человек состоятельный, а не бедняк. Бедняку, действительно, посторонняя помощь на этот раз была бы как благодеяние: но его и не послушают, чтоб обратиться к нему на помощь, и у него не достанет средств, чтоб угостить работников. Состоятельный же человек приглашает к себе соседей, чтоб скорей выполнить свое дело, например, поставку сена, и чтоб, вместе с тем, не платить им по цене поденных работ, как полагается в будни: он только предлагает хорошее угощение своим работникам («помочанам»). Большая вменяемость греха здесь и остается на домохозяине: он извлекает себе из воскресного дня экономию по найму поденщиков; сам суетится в праздник и других, притом – многих, вовлекает уже не в суету, а в полную работу на целый день или на половину дня; сам не идет к службе в церковь и других задерживает: так. обр., оказывается явным врагом Церковного праздника. Но постыдно поступают и те, которые ходят на «помочи». Не работают же они у себя в праздник: а тут, пренебрегая заповедью Божиею, уважают просьбу другого. Не христианскую милостыню они делают своему соседу или богатому однопосевенцу, работая на него бесплатно, но только помогают ему по такому побуждению: *«аще благотворите благотворящим вам»* (Лк.6:33) (да и самая милостыня в таком виде оскорбила бы праздник). – Ты, добрый сын Церкви! никогда ни сам не созывай у себя помочан в воскресенье, ни следуй на помочи за другими; потому что это великое зло, это

открытое поругание над Господним праздником. Иное же дело взаимная, дружная помощь по работам среди недели, в будни.

Торговля и базары по воскресеньям и в праздники

Для одних здесь видим опять полное будничное дело, у других только будничную суетливость, а со стороны всех – оскорбление Богу и обиду св. Церкви. Так, торгующие в магазинах, лавках, в рынках, на перекрестках улиц, на базарах или торжках, для которых нарочито и приезжают за несколько верст, – решительно ничем не отличают для себя праздника от будней. Мы сказали, что в праздник должно быть для каждого занятие противоположное будничному, а для них не то же ли всё дело в праздничный день, что и в будни? Разница разве та лишь, что в будни они меньше суетятся, так как тогда меньше бывает у них покупателей. И не довольно ли им было шести дней, чтоб продавать, как и каждому ремесленнику или крестьянину в продолжение недели работать? Думают успокоить себя в нарушении праздничного дня бытностью у ранней обедни, прежде которой и не выходят в лавки. Но здесь уплачивается ими празднику только часть долга, именно – молитвою, а не весь долг. Чтение же духовной книги, богомыслие же, беседа о спасении души, тем более посещение кого-либо по чувству милосердия и с целью сделать благотворительное дело, – разве совместимы с магазином или лавкою? Еще иногда на сей раз бывает и такое важное опущение: не слушают проповеди, которая произносится каждый раз за поздней, а не за ранней обедней; потому что те пастыри, которые имеют ревность проповедовать слово Божие и дар проповедания, – те почему-либо не могут служить ранних обеден, а служат поздние. Но торгующие в мелочных лавках даже не успевают быть в праздник и у ранней обедни, тем более – у поздней: как так в праздник у них больше покупателей, то они и не помнят, когда же были у божественной службы! – Говорят, обыкновенно, торгующие по праздникам к оправданию себя: «я, пожалуй, готов не торговать в воскресенье; но мой сосед и многие другие не попустятся торговли: не должен ли я буду терпеть убытка»? Прекратить праздничную торговлю нужно с единодушного согласия: начало

же этого истинно христианского дела должны положить своим убеждением и примером почтенные по летам купцы, а на начинающего, в настоящем случае, Бог, со Своим благословением. Впрочем, для заповеди Божией и ради тех приобретений, которые доставит душе полный покой воскресного дня, но которые невозможны при торговле воскресной, еще в виду того, что есть и теперь не открывающиеся, по христианскому благочестию, своих магазинов и лавок в праздник, – по силе всех этих побуждений христианин лучше должен лишиться и выгод, чем продолжать праздничную торговлю. Что же до общего интереса от торговли по праздникам, то он пострадать не может: покупатели придут в будни, коли не у кого им в праздник покупать, и цены на товар, как ради праздника, не могут повыситься, так и в простые дни не должны же упасть. Вот, евреи дружно же удерживаются от торговли в свою субботу: а слышно ли, чтоб они терпели чрез это убытки? Во всяком случае, продающий в праздники, более виновен, чем покупающий. Не будь тогда открытых магазинов и лавок: покупатели поневоле отложили бы свои покупки до следующего дня; по примеру же купца, который вместо лавки идет к обедне, и они, может быть, пошли бы в церковь помолиться. О, какое же это оскорбление Господних праздников – торговля в праздники! (За границей, некоторые неправославные на сей раз нас превзошли: у них – как например, в Англии – в праздники тишина).

А что сказать о воскресных базарах? Вот это уже разорители церковных собраний, похитители душ у церкви Божией! Базары бывают не после обедни или в послеобеденное время, а с утра. И что же тогда выходит? Все домохозяева идут на площадь базарную и там теснятся, суетятся, шумят, иные успевают напиться вина, допускают споры, ссоры, сквернословия; а в храме Божиим совершается бескровная жертва, поется песнь: *«всякое ныне житейское отложим попечение»*. Песнь, которая в иное время (например, летом) и в ином месте (как в селе) часто достигает и до слуха торгующих на рынке; а храм Божий почти пуст, оставлен всеми, как оставляют посетить отца неблагодарные дети: в нем старые да

малые. И все это не изредка бывает, но повторяется каждый раз, где удерживается воскресный базар. (Говорят, что с закрытием воскресных рынков еще меньше будут в сельских приходах посещать церковь и жертвовать в пользу церкви; потому что из деревень одновременно-де приезжают и на рынок, и в церковь. Но уменьшение посетителей можно предполагать только на первое время, пока не привыкнут трогаться из деревень, собственно, для бытности в церкви, следов., без примеси корыстных и житейских целей, по чистому усердию. Это – раз. – Посещают церковь во время воскресных базаров не столько богомольцы, сколько вкладчики своих лепт в церковную казну после успешной своей торговли. Но для Церкви гораздо дороже сами эти вкладчики, их души, молящиеся и слушающие проповедь слова Божия, чем лепты их. Это второе, и вполне уже верное). Рассуждают: «безобразные принадлежности базара, как нетрезвость, ругательства и сквернословия, и в будни будут так же, как в воскресенье». Все же тогда они менее виновны; потому что ими будут оскорблены не светлые дни праздника, а будни: но и это шаг для улучшения народной нравственности. Да, притом, они, естественно, уменьшатся; потому что в воскресенье некуда спешить приезжим с рынка, и оттого-то иные, оставаясь в рынке, предаются нетрезвости и разгулу, а в будни, в рабочие дни, как особенно в летнюю пору, каждый торопится покончить на базаре свое дело, чтоб не терять рабочего времени.

Но виновны и покупатели, когда идут купить в праздник. К ним можем мы уместно обратиться с евангельскими словами: *«шесть дней есть, в няже достоин делати»* вообще: *«в тыя убо приходяще»* (Лк.13:14) покупайте, сколько хотите. В воскресный же день позволяется покупка (равно как и продажа) только самого насущного, т. е. что пить и есть, – и то, опять, не с запасом на целую неделю, а на содержание одного дня, словом – чем меньше, тем лучше; потому что и манна в ветхом завете не сходила же по субботам, а падала с избытком накануне (Исх.16:25–26). Но для чего же делать в праздник большие покупки самых съестных припасов, тем более таких предметов, которые требуются не сейчас, а на дальнее, будущее время, как

одежда? для чего же, собственно, например, приноравливать к воскресному дню задуманные покупки и проводить целый день в путешествиях из лавки в лавку? Не потому ли только это, что в воскресенье больше досуга? Но в досуг воскресный не следует вторгаться с этими делами, потому что они будничные; – потому что в случае приглашения праздничных покупателей к чтению духовной книги или к другому духовному занятию услышится же от них обратный ответ: «нам недосужно; надобно пойти в лавки». (Говоря против праздничной продажи и купли, мы, однако, исключаем здесь дни срочной и обширной ярмарки, а также те немногие города – Москву, например, – в которых обширная торговля равняется всегдашней ярмарке: сюда со всех концов государства собираются для купли и продажи, и отсюда каждый спешит возвратиться домой. Это иное дело. К торговле праздничной в таком случае применимо то же, что мы сказали о путешествии в праздничный день. Но и здесь усердию торгующих предоставляется не рано открывать свои магазины и лавки). – Ты, послушный сын Церкви! не льстись ни на продажу, ни на покупки в праздничные дни, чтобы не запятнать грехом и не лишиться прочности ни того, что было бы продано тобой, ни тех вещей, которые были бы куплены тобой в праздник.

Ранняя торговля вином в праздники

«Сохрани́те суббо́ту, яко́ свя́та сия́ е́сть Госпо́ду и ва́м: оскверни́вый ю́, сме́ртию умре́т» (Исх.31:14). Винная торговля с раннего утра в праздник сама себя обличает как недозволенная, и, следовательно, вредная, – обличает тем, что производится тайно (по закону гражданскому питейные дома не должны быть открываемы прежде окончания поздней обедни). Со стороны христианского взгляда эта торговля просто возмутительная для нравственного чувства. Только разве неверующему еврею свойственно торговать напитками в раннее утро воскресного дня или так каждый раз на пасхальной неделе. И вообще, ранняя торговля вином не должна быть; потому что веселие и угощение приличны вечеру или обеду, а не утру; – потому что она содействует развитию болезни пьянства, так как нет ничего вреднее в питье вина, если пьют его в ранние часы и натошак. В воскресный же или праздничный день эта торговля, если особенно поселяются с ней, как в селах, вблизи церкви, где больше проходят люди (и не жалеют дорого оплачивать эти места для торговли), – такая безвременная продажа напитков решительно может быть названа осквернением праздника. Почему же? – потому что возможность рано упиться вином, какую предоставляет она, и на какую решаются слабые, оканчивается в селах вот чем: в сельские престольные праздники, на пасхе и в другие общие для всех христиан праздничные дни, до обедни по улицам встречаются поющие песни или уже падающие на землю, а в церкви за обедней далеко не достает совокупности всего прихода. – О, благонамеренный читатель этих наставлений! будь ты, сколько можешь, другом народа на сей раз: оговаривай, обличай недозволенную и гибельную для слабых простолюдинов торговлю вином в ранние часы праздника.

Излишества в удовольствиях, допускаемые под предлогом праздника

По слову Божию «*в день святой*», т. е. праздничный, можно и «*ясти тучная и пити сладкая*» (Неем.8:10), подобно тому, как прилично в этот день одеться лучше, чтоб почтить чистоту праздника, – уместно обновить только что сшитую одежду, чтоб начать носить ее с бытности в храме Божиим. Но все это должно быть не иначе как «*во славу Божию*» (1Кор.10:31), с благодарною мыслью к Богу или с радостью о Божией Матери и святом, в честь которых совершается праздник. А не хула ли это на праздник и не глумление ли над праздником говорить (и сообразно словам поступать), будто праздник Господень для того, чтоб дозволить себе пирование и всевозможные увеселения, будто повеселиться в праздник какой-то необходимый долг, и во всяком случае можно без зазрения совести? Какое это извращение святых дней, и притом – во имя праздника! крестьянин заходит вскоре после обедни (если только был еще у обедни) в дом веселых питей, и там остается до самого вечера, или же переходит вместе с другими из дома в дом, от знакомых к знакомым, везде угощаясь; после этого ему тем только и помнится праздник, что он по пьянствовал. Рабочие, ремесленники, прислуга и разные служащие, которые живут в городах и сравнительно с крестьянином больше зарабатывают себе денег, – после обеда в праздник идут в трактиры и пивные, чтоб там отдохнуть после шестидневного труда. Но что же это за отдых для тела и души? Сидит себе человек за вином или другим опьяняющим напитком, – сидит в продолжении нескольких часов среди табачного дыма, испарений от вина и других вредных миазмов: таким образом, по телу, своею кожею и легкими, он воспринимает в себя душный и вредный воздух, а по душе занимает себя какими-нибудь пустыми и безнравственными разговорами. Это ли отдых после трудов? здесь ли возобновление сил на новые труды в будущей неделе? это ли значит помнить и святить седьмой день? (Если уже простолюдин хочет ознаменовать праздник

каким-либо лучшим напитком, чем вода и квас: то гораздо полезнее было бы ему завести у себя чай или пойти в чайное или кофейное заведение; потому что чай не произведет охмеления, а кофе и нельзя употреблять в излишестве). Горожане и жители столиц, более развитые и состоятельные, отправляются в воскресенье после обеда на такие удовольствия и развлечения, к каким кто расположен и привык, и на что каждый более имеет средств: одни идти гулять в общественных садах, другие – слушать музыку или смотреть фокусников, третьи – в театр, а четвертые предполагают всему этому картежную игру: и все, закончив так день и возвратившись домой, говорят (хоть и против внутреннего убеждения), что «приятно провели время». Но, что же приобретено ими от такого времяпрепровождения для души? чем тут принесена служба Господу Богу в праздничный день? – О, православный христианин! *«Время»* и без того у нас *«прекращено есть прочее»* (1Кор.7:29). Не погубляй же праздничных часов на пресыщение и пьянство, на гулянья и зрелища. Иначе ты дальше становишься от христианского упования, чтоб удостоиться вечного праздника в будущей жизни, чтоб вечно на том свете субботствовать.

Нарушение праздников в особенности

Не по-христиански препровождение святок

«Христос на земли возноситеся», поется на праздник Рождества Христова. Все 12 дней, от этого праздника до крещения Господня, называются «святками» в том, между прочим, смысле, что христиане должны проводить их «свято», как бы один день, хотя будничные занятия в промежутки их и не оставляются. В эти дни, пусть пост уже прекратился, и не бывает священнодействия брака. Между тем, тут чего-чего не бывает! Допускают «наряживанья: меняют лицо русского-православного на чужой вид и по племени, и по вероисповеданию, например, татарина, турка; даже совсем изменяют человеческий образ на какое-либо уродливое изображение, например, зверя, или страшное, например, бесов. Тут преимущественно приурочивают «гаданья» с зачарованьями и подслушиваньем. Тут же бывают такие «игры», которые не только забавляют, но иногда и пугают, и не только детей, но иной раз и взрослых. Ко всем этим увеселениям во святое время Церковь не может быть снисходительна тем более, что они остаются у русских от язычества. Когда древние русские поклонялись ложным богам, то в числе других богов у них был праздник солнцу, называемый «колядой». Праздник этот выполнялся, между прочим, 24 декабря, т. е. накануне праздника Рождества Христова, и сопровождался песнями, пляской и другими бесчиниями. В язычестве он обходился одним днем, а теперь занимает целую неделю, ту самую, которая называется у православных «святками». Как же несвойственно христианину допускать в своих развлечениях то, что напоминает о язычестве и идолопоклонстве, и в те-то дни, когда идолы погибли (по преданию известно, что, когда младенец Иисус Христос, спасаясь бегством от Ирода, вступил в Египет, то все идолы в Египте пали)! – Нет, ты, добрый христианин, убедившись в том, что такие святочные развлечения не Христа славят, а язычество напоминают, не детством отзывают от себя, но часто сопровождаются вредом и для нравственности молодых людей, и для здоровья их, и для

порядка внешнего, – ты после этого отвращайся от них сам и удерживай членов своей семьи.

Не христианское празднование Пасхи (пасхальной недели)

Это другой у православных продолжительный праздник в году, в смысле же отдохновения от житейских работ и единственный. Хоть работающий имеет часы для своего отдыха и каждый день, во время сна и обеда, но этих отдыхов, этих свободных часов, когда неизбежно и естественно приостанавливается его работа-деятельность, еще недостаточно для тела, а тем более, для покоя души. Если изо дня в день продолжается наша непрерывная деятельность, – полезны и необходимы нам, прежде всего, целые промежуточные дни для отдыха: то есть, дни воскресные и особые праздники. А затем в продолжение года Православная Церковь щедро уделила уже для полного отдохновения (не то что на святках) целую неделю, на Пасхе. Это есть беспримерный праздник на земле: это дни небесной радости для христианина, живейшее напоминание о Пасхе вечной и некоторое предощущение покоя и радости в той вечной Пасхе, т. е. в царстве небесном. Но столь великая радость праздника, прежде в земной церкви, а потом – как ожидается – в небесной, приобретена не другим чем, как страданиями и смертью нашего Искупителя (1Кор.5:7). Первые христиане и проводили пасхальную неделю в том самом настроении духа, для которого она отделена из недель целого года Церковью. Это видим из пасхального богослужения, из церковной истории и правил соборных. Так, они проводили Пасху с самыми чистыми чувствами: *«очистим чувства и узрим»*; – без всякой вражды между собой: *«друг друга обымем.., простим вся воскресением»*; – без мирских грешных скаканий, в другом духовном игрании: *«веселыми ногами пасху хваляще вечную..., и играюще поем виновного»*; – среди самого разрешения «на вся» без одуряющих пиров, более всего в пире веры: *«приидите пиво пием новое...»*; наконец – в утешении от трапезы Христовой: на Пасху они, обыкновенно, приобщались⁵⁶. На пасхальной неделе были запрещены зрелища 6 Вселенским

Собором для той же цели, т. е., чтоб христиане в эти дни *«радовались и торжествовали во Христа»* (прав. 66). Но ныне, напротив, с самого же утра Светлого Христова Воскресения начинают, и так до конца недели, продолжают проводить праздник в одном винопитии, пустом увеселенье и гулянье. Только что произнесут взаимное приветствие, выражающее радость о том, что Христос, распятый и погребенный, по видимому, как только человек, ожил – воскрес, потому что был Богочеловек, истинный Бог, – как только скажут: «воистину Христос воскрес», и – уже сами умирают для жизни со Христом. Безобразно-нетрезвые при встречах своих приветствуют себя этими же словами: «Христос воскрес», и даже повторяют их как бы законное основание к разгулу, когда угощают и угощаются до излишества вином: не смелая ли тут игра в святые слова? Вместо ежедневной бытности у пасхальных вечерень, заутрень и обедень, одни – как в клубах – на все вечера назначают собрания в том или другом роде забав и, естественно, по утру просыпают; другие – как простолюдины и рабочие – то очень рано проходят по улицам с песнями и своей музыкой, – рано, когда другие только что пробуждаются от сна или стоят на утренней молитве и тем самым беспокоивают религиозное чувство других, то и очень поздно, когда другие уже находятся на постели. Вместо наслаждений таким священным, радостным и доступным во всякое время дня зрелищем, как в церкви открытые царские врата, приближение к глазам всей святыни алтаря, – вместо этого идут в балаганы, чтоб смотреть на смешные представления, или только на качели, которые все-таки показывают детское состояние человека. И так-то вот не умеют оценить драгоценное время напоминающее о вечном празднике в раю, так-то из любителей Христа делаются почти врагами Его! – О, тяжкие оскорбители святой недели! хоть раз, хоть один год, отпразднуйте пасхальную неделю истинно по-христиански, и вы почувствуете, что *«радость ваша исполнена... и радости ваша никто же возмет!»* (Ин.16:24:22).

Не по-христиански исправление именин

«Ирод рождеству своему вечерю творяше» (Мк.6:21). Именины – это одиночный или одноличный праздник. Но в нем принимают участие – празднуют своим отдыхом, только не с утра, а с полудня или под вечер, – и другие, кто близок к имениннику. Именинник бывает каким-то торжественным лицом, удостоивается особенной чести от низших и равных себе, и особенного снисхождения от высших или старших. В основании своем (в принципе) все это должно быть потому, что день именин для христианина есть совокупность самых важных воспоминаний и неотъемлемых преимуществ его. Разумею – рождение его на свет, всегда близкое ко дню его именин, – святое крещение, при котором чаще всего и дается имя, и первое звание его в жизни, как христианина, дающее надежду и право наследовать царство небесное (у магометанина и язычника уже не может быть праздника именин). Истинно христианский день именин, кроме бытности у всех служб дня, следует проводить так: отслужить молебен соименному святому; гораздо более оживить обращение к нему своей мысли и сердца, чем во все прочие дни года, когда он на каждой утренней молитве прежде прочих святых нами призывается; желать и просить его о том, чтоб сподобил «соединиться с ним и в будущем веке»; повторить чтение жития его или только живее припомнить его жизнь; подать милостыню или сотворить большее этого богоугодное дело, если позволяют средства; приобщиться Св. Таин Христовых. Без сомнения, можно отличить день именин и принятием у себя гостей, обедом или вечером; только трудно совместить с приемом у себя и угощением поздравителей сосредоточенность ума и воздержание языка в том случае, если именинник приступал к св. причастию, о чем гости могут и не знать, следовательно, не будут оберегаться шуточных и всяких разговоров с ним. – Но как же на самом деле большею частью христиан проводится день именин? Иные только с вечера успеют выслушать у себя в доме или в квартире всенощную, а затем им уже не до молитвы;

другие и этого не выполняют. Утром они намеренно увеличивают часы своего сна, потому что не предполагают среди дня по обыкновению своему отдохнуть. Если они не позаботились раньше выйти из дома к обедне, то и не уходят; потому что принимают поздравителей одного за другим. А там и пройдет час обедни! могли бы они хоть в доме исправить молебн своему святому, но стесняются в этом из-за гостей, которые уже начинают собираться к обеду. Затем, заключают себя на весь день в комнатах, оставаясь с гостями; приглашают музыку, устроят пляску, угощают других и сами вином угощаются. Что же от такого праздника остается для их духа? когда и как тут занять им свою душу воспоминаниями о Божием даре жизни, о великом счастье крещения, о правах христианина на царство небесное и о тезоименитом святом? когда и как им подумать о прожитом годе и испросить Божие благословение на новый год, так как без Божьего благословения и не будут иметь всей силы приветствия им поздравителей быть здоровыми, счастливыми и долговечными? когда и как тут им усилить свою молитву к Господу Богу и соименному святому? Будто именинник сам собой имеет имя, а не от Церкви принял его, будто он выше своего христианского имени и нет ему дела ни до соименного святого, ни до тех великих милостей Божиих, которые иным христианам невольно приходят на память в день именин. Так же точно смотрят на состояние именинника и большая часть гостей. Именины – с одной стороны – только побуждение созвать гостей, а с другой – повод быть в гостях. – Ты, добрый христианин, не помрачай у себя этого светлого дня шумным пиршеством; старайся тогда выполнить прежде и более всего духовную сторону праздника; если должен будешь принимать у себя гостей, – и тут успевай чаще обращать свои глаза к иконе с горящею пред ней лампадою!

Опущение молитвословий со святой водой и особых в доме или квартире у себя

В посланиях апостольских не раз говорится о домашней церкви (Рим.16:4; 1Кор.16:19). Дом каждого христианина и может быть малою церковью в том, преимущественно, смысле, что в нем истинная вера живущих проявляет себя службою церковных молитвословий чрез священника. Так, например, обязанность каждого православного прихожанина принять в свой дом или квартиру священнослужителей с крестом Господним и со святой водой в праздник Богоявления и в престольные праздники храма; созвать причт для освящения дома или квартиры после перестройки их; пригласить священника, чтоб освятил новую квартиру, чтоб совершил водосвятие или всенощную, или молебен по приезду в новый город или в новое селение, или пред новою обширною иконою. И эти минуты, когда совершает священник в доме или квартире молитвословие, составляют для хозяина дома духовный праздник: благословляется его жилище, освящаются его комнаты, — не только кроплением святой воды, но и присутствием в них престольного креста и евангелия, курение ладана, после которого благоухание приятно ему слышать, и возжжением многих свеч на особом столе, на остатки которых приятно ему потом посматривать. Между тем, есть такие православные, которые и отказывают каждый раз священнику, готовому посетить их с крестом Господним и святой водой подряд с другими домами, и не заботятся сами пригласить его к себе в другое время для домашнего богослужения. — Ты, добрый сын Церкви, люби освящать твою храмину церковным молитвословием!

О постах, для которых полагаются свои часы, дни и недели (пощение на несколько часов)

Питье или ядение прежде окончания обедни в праздники

Посты не составляют праздничного времени, но они или приготавливают к какому-либо великому празднику или сами по себе составляют службу Богу почти всегда совместно с будничною работою или деятельностью. Посему там, где говорится о служении Богу, в *особенные времена*, – там вслед за воскресными и праздничными днями должна быть речь и о них. На первом месте поставим только краткие говейные часы. Так, например, не следует пить и есть в праздники до обедень и прежде окончания обедни. В праздники пост не полагается «во всем его объеме», т. е. и в качестве пищи, и в количестве ее, и в отдаленности часа, когда принять пищу. Но, если качество пищи, как в самый пост, непременно соблюдается, то ослабляются последние требования поста, т. е. количество принимаемой пищи и отдаленность часа для принятия ее. Праздники составляют не дни сетования или печали, но дни особенной радости для духа, особенности милостей Божиих, которые и добавятся верующему христианину более в это самое время, чем в простые дни. Но какой же, после этого, смысл иметь пощение в праздник, если оно, между тем, бывает выражением печали о грехах? Не один смысл и не одна цель у поста, но несколько. Пощение в праздники до известного часа необходимо, как подспорье, как товарищ молитве: потому что, с одной стороны – первое, чем святится Богу каждый праздник, есть молитва, а с другой – с молитвою имеет тесную, дружественную связь пост (Мф.17:21). Значит и необходимо удерживаться от пищи и питья каждый раз до обедни в воскресенье и праздники, как в часы, всецело посвящаемые на молитву. В самом деле, не труднее ли нам обращать к Богу молитвенный дух, если мы поели или только пили до обедни в воскресенье? Затем, следует ли разрешать хоть в этот день на трапезу прежде того времени, чем за литургией совершится трапеза Христова, или бескровная жертва? Не лишает ли себя в таком случае христианин права и дозволения принять антидора

или просфоры, принятие которых освятило бы его душу и тело? Говорят иные, к извинению себя: «привыкли уж мы к раннему чаю или к ранней еде». Но ради этой привычки сливать утро светлого праздника или каждого воскресенья с днями будничными, показывает и невнимание к празднику, и детскую зависимость от ничтожной привычки. Ужели же трудно пожертвовать каким-нибудь чаем для праздника и для обедни? Даже не приятнее ли устроить для себя такое разнообразие, чтоб раз в неделю не пить утром чаю или не поесть ничего, чем подряд круглый год встречать каждое утро с каким-то нетерпеливым ожиданием чая или куска хлеба? (Отсюда тяготит некоторых неядение и в то одно утро, когда готовится приобщиться Св. Таин). Говорят еще: «не ради одной привычки пьем чай или едим рано в воскресный день, но и по нужде подкрепить свои силы». Если силы очень слабы или, если ожидает кого особенный какой-либо труд впереди, до окончания еще обедни, – то это назовем исключением. – Ты, православный христианин, не унижай себя броскостью на ранний чай или на раннее едение в воскресенье и праздники ради того только, чтоб быть покорным слугой своей привычки и не отказать себе в привычном удовольствии.

Неразличие часов относительно пищи после полуночи на постный день

После 12 часов ночи настает не только вполне церковный день, но и начинаются естественные сутки. Это уже глубокое утро следующего дня. Мироносицы после полуночи явились у гроба Господня, и – Господь уже был воскресшим: а Он должен был воскреснуть, по предсказанию пророков и Своему, не в субботу, а в третий день после Своей смерти. Итак, *безразборчивости* в столе скоромном после полуночи на день постный не должно быть. Есть скоромные кушанья и до излишества употреблять охмеляющие напитки на среду или пятницу, или же на первый из дней поста в счет предыдущего дня, это есть лукавство совести и пренебрежение к уставам церковным. Истинный сын Церкви не допустит себе такой *безразборчивости*. Скорее же, может каждый разрешить на малое питье или еденье скоромного после полуночи с постного дня на скоромный, например, после пятницы на субботу: это может случиться в дороге и при недостатке постной пищи. – Ты, христианин, будь на сей раз «верен и в малом», чтоб приготовить себя на верность «во мнозе» (Лк.16:10) относительно подвига постного.

О несоблюдении однодневных постов

Несоблюдение поста в среду и пятницу

Постная, а не иная, пища в эти дни принята в православной Церкви от самых первых времен христианства (Петр. Алекс. пр.15). В среду пост полагается в память того, что тогда был предан на страдания (продан, обещан на словах) Господь наш, Иисус Христос, а в пятницу – ради самых страданий и распятия Его. Следовательно, кто не хочет поститься в сии дни этим малым пощением, как перемена пищи с молочной и мясной на рыбную или растительную, кто совсем безразлично принимает в настоящем случае дни в неделе, даже не помнит, когда бывает постный день, тот, кроме непослушания правилам церковным, показывает в себе малое благоговение к искупительной жертве Спасителя мира. Пусть целые посты иной, или иная, и соблюдают. Но, когда среди мясожестия сплошь по средам и пяткам они едят и пьют скоромное – это значит, что, разрешив раз на скоромное, уже нисколько не хотят ограничить свою плоть и свое чрево. А, между тем, прекрасным ограничением для них было бы после нескольких дней мясного стола вдруг очутиться на постной и простой пище, хотя и всего на один день. Такая готовность в каждую пору отказаться от чревоугодия очень полезна христианину, вообще, для самообладания. (Вместе с тем, по удостоверению медицины, эта перемена в каждой неделе скоромной пищи на постную приносит прекрасную пользу здоровью: она сдерживает сгущение крови, помогает очищению желудка, дает время отдохнуть пищеварительным органам, наконец, – приятно разнообразит пищу). – Православный христианин, постись «дважды» в неделю (Лк.18:12)⁵⁷: чем чаще будут подобные твои лишения для Господа Бога, тем больше будут твоих приобретений для духа и вечной жизни.

Не хранение в строгом посте дней: Усекновения главы Предтечи, Воздвижения Креста и пред праздниками Рождества Христова и Богоявления

Постный устав о первом из этих дней определяет: «*ниже рыб подобает вкушати, да не сообщницы явимся Иродову чревоугодию*». Здесь в одном дне сходятся два воспоминания: рождение на свет Ирода и преставление от света св. Предтечи; последнее событие было последствием первого. Хоть «усекновение главы Предтечи» – праздник, но может ли христианин, поставив для себя в этот день праздничную трапезу, не встретиться мыслью с пиршеством Ирода, которое окончилось кровавою жертвою? Посему, для христианина бывает в этот день строгий пост, которым выражается живейшее участие в страданиях и смерти Крестителя. – Относительно второго дня в постном уставе сказано: «*сыра, и яиц, и рыбы никакo же дерзнем коснутися*». Хоть, тем более, Воздвижение креста, на котором распят Господь наш, есть праздник и утешение для верующих душ, но в виду креста кто не придет к живейшему воспоминанию своих грехов, которые и вознесли Господа на крест? кто при этом не вспомнит о страстях Христовых? Посему, для христианина в этот день также полагается строгий пост. О пощении накануне праздников «Рождества и Богоявления», которое относительно качества или рода пищи одинаково с первыми днями, еще прибавляется; «*совершенно ядим по отпуске вечерни*». Это, так называемые, «сочельники». Первый из них, или *рождественский*, дает мысль о вечерней звезде, к которой по преданию может приближаться наше говенье, и которая напоминает об усердном искании волхвами родившегося Христа, как усердно и христианин готовится встретить праздник Рождества Христова; а второй – *крещенский* приводит на память крещение Господа на Иордане (по преданию, оно последовало так же к вечеру⁵⁸), и, вместе с тем, требует поститься до богоявленской воды. – Христианин! если тебя застигают эти однодневные посты вдруг, как, особенно, среди праздника святок «сочельники»: то здесь,

между прочим, и прекрасный нам с тобой урок не
пристращаться к сладким и тучным блюдам.

Нарушение недельных постов

Извращение цели сырной недели

Сырная неделя вовсе не принадлежит к числу церковных праздников. Предназначение ее: быть легким переходом от мясоястия к строгому посту. В церковных книгах о ней сказано: «сырная седмица установлена свят. отцами ради никоего предпочищения, дабы мы не впали в уныние, перешедши внезапно от мясоядения и многоядения к крайнему воздержанию в пище; так же, для того, чтоб не было какого-либо вреда для нашего тела. Так как пост сорокаднейницы – строжайший из постов, то Церковь готовится к нему дух христиан еще прежде сырной недели своими чтениями и песнопениями, которые пробуждают чувство покаяния. На сырной же неделе она хотела бы подготовить к подвигам поста и самое тело наше. Посему на этой неделе она полагает вообще полупост: *«ядим дважды днем сыр и яйца»*. В среду и пятницу стол в этом же роде предлагается иметь только *«единою днем»*. В эти дни уже и не бывает обедни, уже начинаются великопостные поклоны. Между тем, что же? Сырная неделя везде проводится так, что не только не готовится к великому посту, напротив – на каждом шагу, как нарочито, разрушает приготовления к нему. Тогда, вот, каждый день утром делают полуобед, которого раньше не было же и который решительно идет в разрез с поздним ядением и питьем во дни ожидаемого поста, особенно в первые дни его; допускаются пированья, у простых – где случится, а у состоятельных – в домах собственных и в клубах общественных, и – опять сряду несколько дней; делают временные балаганы, где забавляют простой народ и пляской, и прибаутками; устраются искусственные горы для ската по ним, приятного бы только для детской натуры; рядом же с этими пунктами увеселений идет продажа разных снедей и веселых паний, и тут-то истрачиваются те деньги, которые могли бы восполнить заработки, опущенные по случаю недельного говенья в пост; наконец, придумано столько забав, представляется кругом столько рассеянности, что подобного нет

во всякое другое время года. Отличительный же характер этих забав и этой рассеянности на сырной неделе: улица, и во многих местах безобразие. И вот, привыкших в продолжение недели к такому пресыщению, к нетрезвости, увеселениям и к уличной рассеянности, вдруг застигает пост с своим сухоядением, поклонами, покаянием, уединением! Как же трудно и довольно воздержному человеку сделать этот быстрый переход от довольства к скудости, от смеха к плачу о грехах! Отсюда великопостный колокол бесполезно издает смиренные свои звуки, приглашая в церковь к службам первого дня; отсюда тяжелые вздохи о сырной неделе, проведенной беспорядочно; отсюда раздражительность в домашней жизни и скука на все окружающее. Тем более, как тяжело невоздержным-то людям вступить в великий пост! Отсюда нетрезвость некоторых из них даже и в первый день поста; отсюда вопиющее безобразие масленицы, своего рода, для извозчиков и прислуги. Боже мой! какое же это извращение благих преднамерений Церкви! какое отвлечение от поста, вместо приготовления к нему, – затруднение его для себя во всех отношениях, вместо облегчения! И при всем этом, никто из тех, которые так проводят сырную неделю, – никто не сознает, что совсем иначе следовало бы проводить ее: не находят тут ничего странного, потому что так уж масленица проводится издавна. Самые бедные, с трудом приобретающие себе насущный хлеб, – и те тратятся на прихоти ее. Не лучше ли было бы совсем не назначать этой приготовительной недели к посту в виду того, что так извращают смысл и цель ее? Но ради существующего зла несправедливо было бы отказать существованию добра: так и ради злоупотребляющих сырную неделю не исключается она, потому что есть же такие, для которых она служит приготовлением к подвигам поста. – Искренний сын Церкви! припомним себе на этот раз внезапность Ноева потопа и дней Лотовых. Потоп вдруг застиг людей, которые были *«ядущи и пьющи»* (Мф.24:38); так и огонь содомский ниспал тогда, как люди *«ядяху и пияху»* (Лк.17:28). Значит, в том и другом случае грозные события с особенною неожиданностью сказались тем, которые были преданы невоздержанию: невоздержание-то, не

помнящее Бога, и было обстоятельством, предваряющим столь грозные события. Ах! Если б это сравнение, т. е. внезапности великого поста после увеселений сырной недели с внезапностью тех грозных событий, так подействовало на нас, что мы положили бы твердую решимость на будущее время проводить сырную неделю только по намерениям Церкви, а не по извращенным понятиям и грешным обычаям мира!

Рыбный стол и вино в те дни постов, когда нет на них разрешения

По правилам Церкви те христиане, которые без всякой нужды и без всякого различия дней употребляют в посты, особенно, в великий, и рыбу, и вино, «в прещение их сластолюбия», не удостоиваются приступить к Св. Тайнам в Пасху (Номокан. при большом требн. 225). Эта епитимия была чувствительною для древних христиан, которые кроме приобщения среди вел. поста приобщались и в день Пасхи. Ныне она, конечно, не устрасит плохих постников. Но преслушание Церкви не должно ли смущать совесть богобоязненного сына ее? но чрезмерное ослабление для себя поста не уменьшает ли для нас и награду за него, и не отнимает ли у него пользу? В самом деле, разве это подвиг поста, если только не едим мясного и молочного, но рыбное и вино дозволяем себе сряду не только в Успенский, Петров и Филиппов посты, а даже в Четыредесятницу, среди которой, между тем, рыбный стол разрешается только дважды: в праздник «Благовещения» и в «Вербное воскресенье»? Это лишь один шаг вперед от решительного нарушения постов. Рыбная пища только менее утучняет тело, чем мясная. Она также не обходится без закалания, или пролития крови, как и пища животная. Велик ли это отказ себе, чтоб не есть лишь мяса, а питаться изо дня в день рыбой и употреблять вино, сколько душа захочет? Говорят, «к чему еще такая разборчивость в постном столе? довольно, если ядим постное, а не скоромное». Нет, разборчивость кажется излишнею только при легком взгляде на дело. А в сущности, качество самой постной пищи важно; глумиться, например, нечего над тем, что уставом церковным в Лазареву субботу разрешается икра рыбная, но нет разрешения на самую рыбу: найдем разницу и между икрой, и рыбой, если всмотримся. В раю что же было запрещено: количество или качество пищи? Не последнее ли, так как мера ядения не была особо указана, но был определен самый плод древа? Иные слагают с себя точное по уставу

соблюдение постов «болезнью и особенною слабостью сил». Больным и слабым, действительно, пост ослабляется; так, например, жене, разрешившейся от бремени, дозволяются масло и вино даже на страстной неделе (Тимоф. ,Алекс.10). Только должны бы слабые и нуждающиеся в ослаблении для себя постного устава советоваться со священником: *«священнослужитель (сказано) разрешит употреблять... или елей, или вино»*. А когда пройдет слабость, когда укрепится здоровье и, вместе с тем, уменьшатся труды занятий, как, например, под старость лет, тогда должны бы они снова с постепенностью возвратиться к строгому посту, например, в Вел. Пост сначала разрешать бы себе рыбную пищу только по субботам и воскресеньям, а потом и совсем отстать от нее, кроме дозволенных дней. — Ты же, верный сын Церкви, старайся соблюдать посты в точном смысле устава! И не будь так слаб в своих правилах, чтоб легко склоняться по просьбе других на рыбную пищу в тот или иной день среди великого поста, когда, между тем, не был намерен есть рыбы, и дома у себя не приготавливал же ее. А, если в точности почему-либо не выдержишь поста, то, по крайней мере, не считай себя правым. Коли не исправен, то и проси у Бога прощения.

Пресыщение и постной пищей

В правосл. Церкви пост должен быть соблюдаем не только в качестве пищи, но и в количестве ее. Нужно употреблять самой постной пищи не более, как требуется для поддержания жизни, и по мере понесенных, или только ожидаемых, трудов; например, рабочим людям извинительно большее количество постной пищи. Посему пост не имеет совершенства, если употребляют постную пищу до пресыщения, до болезни, если придумывают многие постные блюда с разными приправами и сладостями, или же в двух-трех постных блюдах бывают слишком невоздержны; если в пост прибегают к разным лакомствам, и так-то каждый день. Святые угодники в посты ели столько, что можно было считать их как бы голодными. – Впрочем, мы не смущаем тебя, послушный сын Церкви, если ты иногда бываешь невоздержен или особенно изыскан, соблюдая буквально пост. Не говорим тебе, что у тебя поста совсем нет. Мы назовем тебя добрым постником и за то уже, что ты отказываешь себе, например, в вел. пост, в рыбе и вине, что питаешься, хоть бы и неумеренно, растительными лишь продуктами. Но благословляем тебя соблюдать пост и в самом посте, например, не есть и не пить часто и много.

Неусердие быть в великий пост на одном сухоядении и однократном только в день ядении, как это предлагается постным уставом

«Сухоядением» называется пища сухих плодов с хлебом, а иногда и вареная растительная пища, также «укроп с медом», которому у нас может соответствовать чай. Высшая степень его – хлеб и вода. Такой глубокий пост внушается соблюдать среди недель великого поста (Лаодик. 50). Тогда же следовало бы есть только однажды в день. Так, например, в первые два дня первой недели великого поста совсем не положено пищи тем людям, которые здоровы и могут вынести такое пощение; в среду после обедни полагается обед, но только из хлеба и вареных овощей, слабым же силами и престарелым летами дозволяется подкрепить себя хлебом раньше, во вторник после вечерни; в четверток опять не положено стола; в пятницу та же трапеза, как и в среду, с прибавлением только разваренного пшена (кутий); – на следующих неделях, кроме суббот и воскресений, полагается употреблять пищу каждый день, но однажды, и то не раньше вечера. Вино и масло разрешаются в субботы, в воскресные и праздничные дни среди великого поста. Не говоря о времени, когда произошли такие подробности великопостного устава, мы должны заметить, что правила о строжайшем соблюдении четьредесятницы идут от времен апостольских (Апост. прав. 69). Св. подвижники, которых и вся жизнь представляла великий пост в строгом смысле, не только со всею точностью соблюдали эти правила о великопостном пощении, но по усердию выносили гораздо высшие подвиги поста. Между ними были и особые подвижники на сей раз, известные под именем «святых постников», как, например, Иоанн постник, саном патриарх (Четь-мин. под 2 сент.), Симеон Дивногорец (24 мая), Савва препод. (5 дек.) и друг. Были даже такие, которые, подражая сорокадневному неядению Спасителя, ничего не ели в продолжение 40 дней, как, например, препод. Герасим (март.4, и др. патер. гл.4 сказ.83). – Сын православной Церкви! мы указали тебе

строжайшие правила пощения и высокие примеры постничества с тем намерением, чтоб ты тем более устыдился своего уклонения от строгостей церковного поста и старался бы приближаться к точному, по уставу, посту. Вспомни еще, что и ныне есть такие люди, которые среди своих работ (поденщинами) по бедности своей питаются одним хлебом и водой.

Несоблюдение без пищи Великого Пятка

«Егда отъимется от них жених, и тогда постятся в тыя дни» (Мк.2:20). Так предсказал Спаситель о Своих учениках, которые и стали поститься в своей скорби, когда Его не стало с ними. Но и мы все также ученики и последователи Иисуса Христа. Посему в день распятия Его у нас и литургии не бывает. Посему в этот день не полагается совсем ни пить, ни есть, исключая самых немощных людей. Когда человек поражен каким-либо горем, тогда он, обыкновенно, продолжение некоторого времени не пьет и не ест: так и глубоко любящим Христа, уже не до пищи, когда Христа бичевали и распяли на кресте, когда живейшее представление Его страстей со всею же живостью сознания приводит нам на память тяжкие наши грехи, за которые требовалось пострадать Спасителю нашему. – Благочестивый христианин, хоть этот-то один день в году – Великий Пяток проводи совсем без пищи и питья, или, в крайнем случае, без пищи! Не бойся, будто заболеешь от такого поста или не вынесешь его. Подольше тогда пробудь в церкви, и – это поможет тебе удержаться от ядения (Древн. патер. гл.4:83). А затем, когда продлишь пост до позднего вечера, тогда ночной сон вознаградит для тебя совершенное неядение и – ты встретишь следующий день (Великую Субботу) со свежими силами⁵⁹. На следующий же год легче будет тебе провести в таком же неядении этот день и половину Великой Субботы: хоть год – промежуток времени велик, но – как известно по опыту – на сей раз пост одного дня имеет большое влияние на день другого года.

Нарушение всех постов, кроме великого, скоромной пищей

«Аще кто не хранит поста святых Апостол и Рождества Христова, и Богородицы, в церковь сего да не приемлещи» (Номокан. 228), вот суд вселенской Церкви на смелых нарушителей постов! В самом деле, что же это за льгота и преимущество присваивают себе нарушители постов? Все равно, православные христиане, все члены Церкви, всем одни уставы церковные, для всех одни права на благодать Божию, одни надежды на царство небесное. Но вот, одни соблюдают посты, а другие – нет. Одни лишают себя в пище и питье, а другие все разрешают себе, будто бы им так и следует, будто бы им и взыскания никакого не должно быть ни пред Церковью, ни пред совестью, будто бы подвижничество христианское, которое на сей раз не усердию предоставляется, не под условием: *«аще хочещи совершен быти»* (Мф.19:21) предлагается, но предписывается как заповедь, будто оно относится не к ним, а к кому-либо иному. Укажут ли на малое, будто бы, значение этих постов? Нет! все они, т. е. и Петров, и Рождественский, и Успенский, имеют свое утверждение в правилах святых соборов (6 Всел. 56, Гангр.19). Римские католики отвергли их, пожелав остаться с одним великим постом. Но как уж они начали делать себе послабления, то ослабили и великий пост, в качестве пощения, и даже первые дни его, столько строгие у нас в правосл. Церкви, совсем исключили, будто не принадлежащие к св. Четыредесятнице. (Да и в физическом отношении каждый из четырех постов в году имеет свое благодетельное значение. Так, Филиппов пост предохраняет от воспалительных зимних болезней; Петров и Спасов весьма помогают переносить летний жар; потому что, когда человек питается растительной пищей или рыбой, тогда мало развивает в себе внутренней теплоты; великий пост после строгих дней пощения возвышает цену мясной пищи и, кроме того, дает возможность животным, особенно теплых стран, выплодить своих детей: между прочим, он должен бы быть сбережением мясной пищи для мясоеда,

хотя, к крайнему сожалению, в некоторых городах, вследствие широкой мясной торговли в продолжение его, цена на эту пищу сильно возвышается после него, когда бывает разрешена эта пища, так что из-за прихотей людей состоятельных, которые и великим постом едят мясное, иные бедные люди и в мясоед отказывают себе в мясном столе). – Ты, православный христианин, подумай о суде церковном, который угрожает нарушителям постов! Не смотри на общий пример в каком-либо месте или в кругу каких-либо лиц, где даже нипочем считают нарушение постов. Каждый должен поститься для собственной души и каждый за свой труд получить награду от Господа Бога, в будущем свете. Даниил с тремя отроками не смотрел же в этом случае на пример вавилонян (Дан.1:8).

Мясоястие даже и в Великий Пост, исключая, разве, двух-трех недель в нем

«Аще кто не постится во св. Четыредесятницу, кроме препятствия от немощи телесныя, да будет отлучен», такова опять воля Церкви о великом посте (Апост. прав. 69). Между тем, ныне, к горькому сожалению, не мало между православными таких, которые даже и в великий пост разрешают себе мясной стол, для которых круглый год мясоест, которые даже и ту неделю, когда для исповеди и св. причастия оставляют мясные блюда и употребляют рыбную пищу, – и эту неделю считают для себя бременем. (Раньше в правосл. России есть в великий пост скоромное признавалось до того преступным и странным, что на таких нарушителей поста смотрели не иначе, как на жидов, но знакомство с немецкими странами, которые не подчиняются никаким церковным законам, и вольность мысли религиозной приводят, вот, некоторых к этим смелым нарушениям устава). О *«препятствии же от немощи телесныя»* здесь и говорить нечего; потому что, большею частью, самые-то здоровые люди, часто тучные, и едят в великий пост мясную пищу. Если же многие из них не приучили себя к посту с ранних лет, то сами же виноваты. Притом, могли бы они приучить себя во всякое время, если б захотели (препод. Дорофей, приучая постепенно своего ученика, Досифея, к пощению, с 4 фунтов хлеба в день довел его, наконец, до 12 доли фунта). Иные думают *«поменьше есть в посты, да только молочное и скоромное»*. Заблуждаются! Качество пищи всегда больше производит бед, чем количество ее. Между тем, как враг-дьявол не может совсем приступить, или с трудом приступает к телу постника, которое охлаждено постною пищею, не может возмутить прохлажденной крови этого человека, – к тем же, которые питаются мясною пищею, и так-то круглый год, – к тем он имеет легкий доступ; потому что плоть, которая не обуздывается пощением, способна к игранию. Да и самый ум, и самое сердце человека в настоящем случае, так как не имеют особенной

духовной бодрости, легче повинуются искустителю (Лк.21:34). Отсюда, не избегают и в великий пост падений плотскою страстью, питающиеся в продолжение его мясными блюдами. А что, между прочим, готовят себе эти люди в будущем свете? В свящ. Писании сказано: *«бращна чреву, и чрево брашном; Бог же и сие, и сия упразднит»* (1Кор.6:13). Пищи телесной на том свете, значит, не будет. Между тем, они, никогда и нисколько не ограничивая здесь пожеланий своего вкуса и чрева, сильно развивают в себе эту часть природы своей, имеющую совсем погибнуть. Когда душа каждого из них перейдет на тот свет с таким пристрастием и не будет там находить ничего, удовлетворяющего чревоугодию, – не будет ли томиться и носить сама в себе муку? Жить придется на том свете духом, хотя и плоть возвратится к своему духу: духовную-то жизнь, а не плотяную только, и нужно бы нам здесь развивать. (И в отношении здоровья мясная пища далеко уступает постной, а особенно растительной. Еще ничего бы, если б тело равномерно питалось растениями и животною пищею. Но исключительно мясная пища дает человеку плотное и крепкое тело, душе же – воинственный характер; она производит быстрое кровообращение, густоту и волнение в крови, вообще разгорячает тело, доставляет телу тучность и слишком раздражительное качество, которое особенно располагает к болезням. Совсем противоположно действует постная пища, растительная и рыбная, при частом, и особенно, при исключительном употреблении ее. Эта пища прохлаждает тело, уменьшает выделение густой крови, предотвращает те, преимущественно, болезни, которые обнаруживаются волнением крови, жаром в теле, раздражением в разных органах: в этом отношении она особенно полезна для людей полнокровных, молодых, раздражительных, подверженных приливам крови к груди и голове, наконец, – и для кандидатов чахотки). – О, православный христианин! ты никогда не мирись не только для себя, но и для других, с тем, чтоб можно было и в великий пост кому-либо употреблять мясной стол без всякой нужды. Эта угодливость чреву показывает, что чрево берет у человека верх над высшими областями, между тем, как оно ни

мыслит, ни желает. Ведь над ним возвышаются сначала грудь, в которой живет сердце, а потом – голова, где владычествует ум: как же ему позволять быть выше груди и сильнее головы?

Пощение с ропотом

«Егда поститесь, не будите сетующе... Ты же, постясь, помажи главу твою, и лице твое умой» (Мф.6:16–17). Слова нет, что пост с первого раза для плоти нашей кажется неприятен, тяжел: плоть с трудом подчиняется ему. Отсюда, мы вздыхаем, когда приближаются дни поста, – точно хотят нас увести куда; скучаем, когда наступит пост; тщательно высчитываем недели и дни, когда окончится пост. Но это отягощение бывает дотоле, пока человек не испытает пользы от поста, как и не ожидает для себя этой пользы, как постится только по внешнему требованию устава или старших лиц. Совсем иное, если кто убедится в пользе поста. А убеждаться может каждый по мере того, как с послушанием будет нести бремя его; потому что от поста облегчается дух, утихают страсти, утончается тело, да и сон легче и скорее. Кто внимательно будет наблюдать за собой, когда постится, – кто вообще решительно обратится к Богу после греховной жизни, тот непременно найдет для себя полезнейшим пост и будет держаться его с возможною строгостью. – Зачем же это тебе, христианин, роптать на посты? зачем произносить брань на постные кушанья? Постясь и жалуясь, ты только убавляешь цену своего подвига.

Умствования против постов, будто они излишни, или только предлоги к нарушению их

Указания на пост встречаются во всех книгах св. Писания, Ветх. и Нов. Завета. И самая-то первая заповедь Божия человечеству с видимой своей стороны была о воздержании и посте. А еще раньше – делами миротворения – Господь Бог показал людям разные роды пищи, из которых самый первый есть тот, который составляет теперь для нас строжайшее церковное пощение; потому что прежде явилась растительная пища (в 4 день), а потом рыбная (в 5 день), наконец, и мясная (в 6 день). По книге Бытия (Быт.1:29) видим, что в начале пищей для человека были растения, например, плоды с деревьев. (Животным же была назначена только зелень. Так. обр., и этот вопрос «от природы назначено человеку равномерно питаться растительною и животною пищею», – еще не решителен; напротив, перевес в настоящем случае клонится на сторону пищи растительной). Затем, – если о каждом из нынешних четырех постов и не говорится буквально в св. Писании, – для православного христианина они обязательны вполне потому, что их установила вселенская Церковь, которая есть *«столп и утверждение истины»* (1Тим.3:15). – В существе дела посты и необходимы, и полезны. Они уравнивают в человеке две природы, телесную и духовную; дают уму трезвенность и чистоту, а сердцу некоторую тонкость и духовность, если только соблюдаются правильно; имеют большую силу на бесов, так что *«сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом»* (Мк.9:29); они – великая помощь христианину в важных событиях жизни (Деян.13:3), в скорбях и трудностях его (Ион.3:10), как знаем из множества примеров по священной истории; они делают тело способным выносить продолжительные молитвы: тут уже нет гири, которая бы тяготила тело человека к низу. Как же после всего этого неосновательны возражения против церковных постов! Возражений и немало. Только все эти возражения давно уже известны Церкви и не представляют ничего серьезного.

Напрасно каждый из возражателей думает про себя, будто говорит что-то новое и неопровержимое. Нет, несоблюдающие постов, если еще оспаривают и осмеивают их (иные отсылают их от себя с презрением к духовенству да простонародью, которые будто теперь единственные постники), – эти люди только «прибавляют грех ко греху». Забыли они слова Самого Спасителя: *«да не когда отягчают сердца ваши объядением и пьянством»* (Лк.21:34). Особенно легкомысленное рассуждение то, будто «посты ныне не современные». Ужели это средство к ослаблению плотских страстей, указанное евангелием и апостольским учением, перестало иметь свою силу? ужели плоть человека, поврежденная грехом, изменилась и не воюет более против духа? – Затем, и все предлоги к нарушению или только к крайнему ослаблению постов, как-то: «негде взять постного стола, дорог он, слабы мы силами (будто и все ныне сделались больны!), желудок не принимает постной пищи, здоровье упадает от поста»: – все подобные предлоги не вынесут в применении к каждому нарушителю постов строгого испытания. Относительно, например, здоровья посты всегда были другом здравия и задатком долговечности. В медицине теперь сознают, что растительная пища больше всего располагает к долговечности: собственно, диетой врачи назначают более растительную пищу, чем животную, например, так почти во всех острых и хронических болезнях. Жития святых показывают, что великие постники проживали по сто лет и более. Есть даже целые племена, или народы, которые не употребляют совсем животной пищи, но питаются по условиям своего климата и местности одними растениями. – Нет! Ты, сын православной Церкви, никогда не допускай ни возражения, ни посмеяния на церковные посты. Лучше же тебе покаяться пред Богом в грехе несоблюдения их, чем еще оспаривать несомненное и святое.

Отвлечение других от поста убеждением, примером и в хлебосольстве

«Ядый не ядущаго да не укоряет» (не уничижает) (Рим.14:3). У греха есть несчастное свойство: увлекать с собою других. Это свойство особенно показывают не соблюдающие постов совсем или только во всей строгости их. Так, одни упрашивают ослабить говенье (например, в великий пост поесть рыбы или пить вино), – говорят: «ешьте-пейте; ничего, Бог простит; я на себя принимаю ваш грех». И когда нетвердый постник согласится с этими советниками, они считают эту уступку приятным угождением себе, благоволят за нее. Другие совершенно знают, что, если они первые нарушат или ослабят пост, то и прочие последуют их примеру: так. обр., из-за своего удовольствия или прихоти, в которых могли бы отказать себе, они отвлекают от поста тех, которые не думали нарушить его или ослабить; так, например, неосторожно поступают старшие в семье. Третьи, пригласив к себе гостей, без разбора подают в постный день скоромные блюда; а когда гость-постник отказывается от их блюд, то бывают недовольны. Четвертые, приняв к себе квартирантов, не готовят постного стола для желающих хранить постные дни. Всего чаще в гостиницах по средам и пятницам не запасаются постными блюдами, между тем, как не должны бы отказывать никому в своем столе, потому что уже взялись доставлять его за плату. И во всех этих случаях поступают люди не по нужде какой, а только по легкому взгляду на пост, или, чтоб не им одним быть нарушителями его. – Ты, сын Церкви, хоть бы сам и неточно соблюдал посты, не привлекай к этой неточности других, но порадуйся за ближнего, который строго постится; и уважь его, и окажи ему возможное содействие соблюсти пост, как он хочет⁶⁰.

При посте телесном нестяжание себе поста душевного

«Не такового поста (т. е., чтоб судиться и производить между собой ссоры) Аз избрах... но разрешаяй всяк союз неправды», обличает от имени Божия пророк Исаия (Ис.58:4–6); «покрых постом душу мою» говорит о себе Давид (Пс.68:11), т. е., как тело все от строгого поста покрывается особенною сдержанностью и целомудрием, так и душа вся от умного поста остепеняется; «постяся телесне, постимся и духовне», поется за первой же великопостной обедней (Стих. на веч. в среду). Что же составляет душевный пост? Безгневие и смирение: так, Давид, посредством пощения, смирял свою душу (Пс.34:13). – Чувство раскаяния во грехах, раздражение своего сердца, а не вретича только: Ниневитяне к посту присоединили покаяние, и – спаслись (Ин.3:10)⁶¹. Усиление молитвенного подвига, между прочим, в великий пост выполнение и на домашней молитве поклонов со стихами «Господи, владыко живота моего...»; так Апостолы пред избранием Павла и Варнавы на миссионерскую проповедь не только постились, но и усиленно молились (Деян.13:3); так все святые Божии в посты усиливали и без того непрестанную свою молитву. – Дела милостыни и, вообще, доброта к ближнему: так постник Корнилий, будучи еще язычником, творил при посте своем и милостыни (Деян.10:30). Но кто постится только для того, чтоб поститься, чтоб не иметь упрека в своей совести или переговора со стороны других, будто он не соблюдает постов; кто не заботится ни об одном из сказанных видов душевного поста, и так-то поставил себе правилом, или привык поститься всегда, во всякий пост, или еще сверх постов, например, когда по особенному обету не ест совсем мясной пищи: такого человека мы встречаем еще более жестким, расположенным к гневу, к гордости, к осуждению ближнего и к тому, чтоб соблазняться поведением других, положим, он не ест мяса, но «снедает своею злобою или клеветами брата»⁶². Словом, постное голодание одним телом, без духа и теплоты сердца, развивает в человеке гораздо

сильнее те страсти, которые носят на себе характер духовный. Отсюда замечаем, что некоторые неумные постники во время поста сердятся более, чем в другую пору: и бесы ведь ничего не едят, а исполнены злобы. — Ты, православный христианин, не будь односторонним в посте, не поставляй его исключительно в пищу и питье до мнительности такого рода, будто и кусок сахара в пост нельзя тебе употребить с чаем, якобы скоромный, но имей попечение о посте душевном. Впрочем, и не слушай разговора тех, которые под предлогом поста душевного пренебрегают телесным постом: у этих людей уже не найдем ни того, ни другого поста.

Опущение в посты чтения книг божественных и духовных

«Собращася сынове израилевы в пост и чтоша в книге закона... четверицею в день» (Неем.9:1–3). Чтение в посты священных и духовных книг прямо требуется церковным уставом. Сюда относятся книги «Бытия и Притчей, беседы св. Ефрема Сирина, Лествица Иоанна, студиты, житие Марии Египетской», а также сочинения, которые помогают покаянию, например, «исчисление грехов против десяти заповедей», и приготавливают к благоговейному принятию исповеди и св. причащения. На страстной же неделе нужно слушать в церкви св. евангелие или же дома прочитывать его, – занимать себя по какому-нибудь толкованию или размышлению страданиями и предсмертными беседами Иисуса Христа, которых верующая душа читает и не начитается. – Христианин! пользуйся для духовного чтения, особенно временем постов; потому что в посты дух более приспособлен к этому чтению, тогда он скорее взлетает к небу.

Светские увеселения и удовольствия в посты, особенно великий

«Плакахом вам, и не рыдасте» (Мф.11:17). Подобно этому, кто и на зов Церкви плакать о грехах отвечает весельем и смехом, кто нисколько не различает трогательных дней поста от мясоястия, – тех как бы и не остается больше ничем трогать. Искренний пост требует, чтоб все органы и члены нашего тела постились; так, например, для глаз постом должно быть не услаждать их очаровательными и соблазнительными картинами; для духа – не ласкать его нежными звуками музыки и светским пением, которые расслабляют душу. Искренний пост требует также отказываться и духу в суетных развлечениях, как, например, чтение светских повестей, игра в карты. Особенно в такой строгости православные христиане должны проводить великий пост, от первого и до последнего дня его. Великий пост есть время всенародного говенья, всеобщего покаяния, или духовного траура. Господь наш в продолжение этих дней и ночей, за которыми (т. е. сверх четырехдесятницы) следуют уже дни Его страданий, – во все это время не пил и не ел. Если мы – говоря о большинстве, по своей немощи не можем удержаться от питья и ядения и на один день, и на одну ночь великим постом, то, однако, можем совершенно остановить мирские увеселения. Церковь ограничивает в великий пост даже чистые духовные радости; так, она не совершает среди недель его полной литургии с пением «милость мира», – той литургии, за которой душа христианина всегда чувствует на себя влияние какого-то торжества. Требуя проводить в подвигах говенья весь пост, а не некоторые только недели его, как первую и последнюю, Церковь в этих видах в самой середине великого поста выносит крест и полагает его на аналое. Как во время брани пред глаза воинов, которые начинают ослабевать духом и силами, поднимается воодушевляющее их воинское знамя, так и Церковь, выдерживающих в строгом говенье, всецело великий пост подкрепляет, успокаивает воззрением на крест, показывая его православным. (Крест на аналое в это время, по

преднамерению ее, вовсе не бремя на плечи, которое бы и слагалось с плеч вместе со снятием его с наложия, но ободрение для добрых постников). Между тем, оставляются ли в посты светские увеселения? О! тут даже и о великом посте нужно сказать: *«плакахом вам, и не рыдасте!»* Церковь вся коленопреклонилась и слушает умиленное пение: *«да исправится молитва моя...»* – а в некоторых домах в эти часы занимаются музыкой то в виде урока, то, собственно, для удовольствия. Церковь своим звоном призывает к вечерне для припадания на землю с молитвою: *«Владыко многомилостиве...»* – а в это время иные отправляются на загородные катанья, где бывают, своего рода, припадания (танцевальные в гостиницах). В церкви поется: *«покаяния отверзи ми двери...»* – а в мире широко отворяются двери в дома увеселительных собраний и даже в театры. Не похоже ли это на то, как прийти бы на похороны и здесь шутить и веселиться? не разрыв ли это с церковью, членами которой, однако, не перестают числиться поступающие так? (Действительно, был пример в древней церкви, во времена св. Златоуста, что многие пошли и на страстной неделе в театр. Но то было вскоре после язычества, в котором получили свое бытие театры и от которого в верующих христианах еще оставалась сильная привычка к посещению театральных представлений. Св. Златоуст и вопиял против этих ругателей над великими и печальными днями, много раз повторяя к ним в своем обличительном слове: *«можно ли это стерпеть? можно ли снести...? забыв важность поста, вы отдались в плен дьяволу. Можно ли это стерпеть? можно ли снести?»*⁶³. Но, конечно, мы должны «простираяться» в христианском благоговении и благоповедении *«в предняя»*, а не припоминать на сей раз *«задняя»* (Флп.3:13). О, «людие мои» православные! *«что сотворих вам или чим оскорбих вас?»* (Мих.6:3) – невольно слышится через Церковь этот голос Самого Господа в виду всяких увеселений, и даже театральных, великим постом. – Ты, православный читатель настоящих правил о христианской жизни! не мирись даже и мыслью с тем, будто можно одним членам семьи церковной веселиться и ликовать, когда другие по

зову Церкви, сетуют о грехах. И не только тебя, наперсник наш, Церковь оберегает на сей раз, как и на всех путях жизни, желая тебе душевного спасения; но и «*расточенная чада*» (Ин.11:52) она собирает и рада бы до одного собрать к вечному спасению. С Божией помощью сохраняй все положенные ею посты и во всех отношениях, т. е.: «и в качестве, и количестве пищи; и в часах, когда нужно принимать пищу; и по телу и по душе; и чтением духовным, и ограничением себя в суетных развлечениях!» Прими к сердцу такую мысль, что православие в России потому, между прочим, доселе оставалось и остается еще крепким, что утверждается на четырех постах, как бы на четырех столбах, вместо одного столба – как у католиков, – и то ослабленного. С глубоким убеждением остановись на той мысли, что посты-то каждого года, если христианин проводит их в строгости, достойно готовят его к вечной жизни и окажутся там для него самым лучшим временем во всей его земной жизни!

Вторая (заповедь) подобна ей (первой): возлюбиши ближнего своего, яко сам себе (Мк.12:31). В сию обою заповедю весь закон и пророцы висят. Мф. 22:40.

**Остальные шесть заповедей Божиих,
указывающие отношения человека к
ближнему и самому себе. Часть вторая**

Заповедь 5: Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли

После Бога почитай и люби родителей, а за ними тех, которые тесно разделяют с тобою жизнь с какой-либо стороны.

Эта заповедь, пятая по числу, но первая в отношении к ближним, в особенности «*широка зело*» (Пс.118:96). Из ближних более всех имеют право на уважительность и любовь нашу родители наши, на которых, в свою очередь, лежат важнейшие обязанности к детям. Затем, в ближайшем к нам отношении находятся лица, как-либо заменяющие для нас родителей, например, старшие в семье, воспитатели, учителя и т. д.; а потом – тесно разделяющие с нами жизнь домашнюю и общественную, и, наконец, – отцы в духовном смысле.

Грехи детей

Холодность к родителям

«Матерних (родильных) болезней не забуди» (Сир.7:29). Одни только животные по прошествии некоторого времени забывают и совсем не узнают тех, которые родили их. Человеческая сыновняя любовь так естественна, что это есть первое чувство, которое возникает в человеке от младенчества его, первая добродетель, для которой развивается его сердце: любви к родителям не заменить вполне или не должна бы заменить никакая другая любовь, кроме супружеской (если кто вступит в законное супружество). Итак, грех не чувствовать и не выражать привязанности к родителям; например: непохвально во время разлуки с ними в некоторой мере не тосковать о них и совсем не писать к ним, а, встретившись с ними после разлуки, чуждаться горячих ласк их; нет, очевидно, сыновней привязанности в том, когда сын для службы или должности избирает себе отдаленную от родителей местность, а затем, поступив от них вдаль, не старается при первой же возможности переместиться к ним, тогда как без всякой потери мог бы проходить ту же службу или быть на том же частном занятии и при них. Явная холодность – редко ходить в дом родительский, отделившись от него; явное отсутствие сыновней преданности – не защищать родителей пред другими, когда неправильно о них думают и отзываются, между тем, как детям (взрослым) более известны их свойства и намерения в действиях, – не употреблять законной защиты или ходатайства за них и тогда, как их прямо обижают; противно сыновней любви не оберегать родителей от малейшей досады и неприятности, говоря или делая то, что, как известно по характеру их, не понравится им, да и не должно понравиться всякому благомыслящему; несогласно с сыновнею любовью – не быть только предупредительным к родителям; но, всего хуже, говорить, будто «и совсем не за что питать к отцу–матери чувство привязанности, будто долг их был воспитать тех, которых они родили». В последнем случае выражается уже самое низкое чувство со стороны сына или дочери. Одна жизнь есть такое

благо, за которое дети никогда не могут отплатить родителям равным благодеянием (Сир.7:30). Прежде, чем дитя родится, сколько забот и осторожности должна иметь мать, чтоб сохранить его утробную жизнь! сколько мук должна вытерпеть мать при рождении младенца. А затем, не родителям ли своим человек обязан сохранением своей жизни в детстве, знанием первой молитвы к Богу и т. д.?

Непослушание воле родителей

«Чада, послушайте своих родителей о Господе: сие бо есть праведно» (Еф.6:1). Праведно или справедливо это во всех отношениях. Так: ведь нет древнее и естественнее власти, как власть родительская: отцы, как, вместе с тем, главы семейств (патриархи), явились раньше, чем стали известны народные правители и цари. Т. о., они для детей лица священные, или, как приставники от самого Бога; в их воле, которая (за редкими исключениями) бывает к детям доброжелательная, – дети могут видеть для себя выражение воли Божией. – Долг сыновнего послушания им в слове Божиим и поставляется, можно сказать, рядом с богопочтением; например, Господь Бог даже отказывается от принятия той жертвы, в которой дети отнимают что-либо необходимое у своих родителей под предлогом дара, или жертвоприношения Ему (Мф.15:5–6). Сын непослушный в доме родительском и нигде не будет послушным, уступчивым, – ни в службе, ни в частной жизни, ни в общежитии (2Тим.3:2). В доме родительском, пока он не вышел в общественную жизнь, для него начальственные лица только отец да мать, и приятна ему должна бы быть такая зависимость: а потом пять-десять человек вдруг, может быть, будут предъявлять ему исполнение своей воли, – выражать пред ним по праву свои требования. И вот, если он не привык беспрекословно исполнять волю только двух естественных для него начальников – отца и матери, то как же тяжело покажется ему покоряться воле многих посторонних для него лиц, но влиятельных на его судьбу! – Добрые и умные родители так много делают для своих детей, столько перенесли и переносят ради детей изнурительных забот, бессонных ночей, что им принадлежит неотъемлемое право требовать, чтоб дети исполняли их волю, например, в выборе звания или службы. – Но, если родители и порочны, или сами не исполнили какого-либо важного долга в отношении к своим детям: этим не уничтожаются их права над детьми, только бы они требовали от детей законного; зато, в этом случае, сыновнее послушание

получает еще бóльшую цену. Или, если дети сделались уже самостоятельными, сами имеют детей, – все же они в отношении к родителям не перестали, и до гроба не перестанут быть детьми, а, так. обр., не освобождаются от сыновнего послушания; только в это время послушание их теряет характер безусловной зависимости. Словом, послушание родителям такая естественная и священная обязанность, что непокорность, упорство пред ними, когда они благонамеренно и согласно с законом Божиим чего-либо требуют или к чему-либо убеждают своих детей, или непризнание совсем над собой их прав числятся между признаками «последних времен» (2Тим.3:1). Отсюда и суд Церкви непокорным детям самый грозный: *«уже... родителей своих в коей вещи благочестивой преслушай, при животе и при смерти проклят да будет»* (Номокан. при большом требнике, Пр.114). О, какой же это страшный грех – непокорность, противление родителям!

Грубое обхождение с родителями, укоры им и злословие их

«Всем сердцем твоим прославляй (почитай) отца твоего» (Сир.7:29). А некоторые не хотят даже назвать отца–мать как следует или избегают того, чтоб часто называть их отцовским именем, в котором, между тем, ни на волос нет ничего излишне-присвоенного ими (так, вместо слов: «батюшка... матушка...» в разговоре с родителями они обращаются безыменно: «вы, ты...» или только говорит: «послушайте»). Как грубо это! Затем, грех не отдавать родителям того особого почтения, какое выражают к ним и посторонние лица по особенному их званию, и которое вдвойне требовалось бы от детей: именно – не принимают у отца, имеющего сан священнический, рукоблагословения при свидании и прощании с ним. Грех, встречая или провожая у себя отца–мать, даже не встать перед ними на ноги по гордости. Грех отвечать им колко, с криком, с насмешливой улыбкой или в насмешливом тоне. Грех без всякой нужды противоречить им. Грех только лишь с угрюмым взглядом обращаться к ним, только лишь не выражать к их положению особенного участия, вообще – не показывать пред ними ласк: сыновняя ласка, заметим, особенно желательна родителям под старость лет их; тогда это великая отрада для родителей. – Грех делать родителям укоризны за их недостатки, и с одною только целью завинить их, без искреннего намерения послужить к исправлению их от этих недостатков, между тем, как они терпели же слабости самих детей, были же снисходительны к детям, когда дети в отрочестве досаждали им своим упрямством или шалостями. Грех подобным образом укорять родителей за случаи их забвения, или за неосновательные в чем-либо рассуждения, или за странности какие, что легко встречается в них тогда, как они оскудеют памятью и даже разумом своим (Сир.3:13). Грех осуждать их, или переговаривать в своем семейном кругу, между братьями и сестрами. Грех особенно упрекать их напрасно, например, в скупости на одежду для детей, между тем, как для больших

обнов детям они не имеют средств, не говоря уже о том, что каждое и малое сбережение, которое осталось бы от них, пошло бы детям же. Грех особенно укорять родителей в духовных делах их, например, в богомолье, в милостынях, – когда по поводу этих дел посторонние лица (мир) глумятся над ними и ропщут на них. Все эти виды непочтительного обхождения с родителями отнюдь не мелочь, и не извиняются со стороны детей ни близостью или короткостью отношений к ним отца–матери, ни малою развитостью родителей, ни такою надеждою, будто добрые родители не взыщут за грубость с единственного, может быть, сына или дочери. А также, нечего оправдывать свою неласковость угрюмостью и молчаливостью самих родителей: например, под старость лет родителям и свойственно быть угрюмыми или молчаливыми, вследствие забот, болезней, огорчений в жизни; а зачем же молодым-то детям смотреть на это и платить в отношении к родителям намеренно тою же монетою? – Наконец, когда грубое обхождение с родителями доходит до ругательных слов, прямо в глаза или заочно (у иных с скверной матерной бранью или только в присутствии других – малых детей их); когда сын или дочь, по примеру Хама, посмеиваются над родителями в том или другом положении их, когда порочат родителей пред посторонними лицами или в постороннем доме, разглашая о них худые вести; – тогда припоминается древний закон: *«уже злословит отца своего или мать свою, смертью да умрет»* (Исх.21:16), – закон, который и в Новом Завете повторил Господь Иисус Христос (Мф.15:4). За это самое *«погаснет светильник среди глубокой тьмы»*, т. е. дерзкий сын будет жить как в непроходимой темноте, нигде не найдет себе счастья (Притч.20:20). Итак, горе дерзким детям!

Пренебрежение родительскими молитвами и родительским благословением

Между тем, сказано: «*зана молитвы родителей утверждают основания домов*»⁶⁴; «*благословение отчее утверждает дома чад*» (Сир.3:9). Кто имеет у себя отцом человека благочестивого или мать – женщину богобоязненную; тот прямо может смотреть на свое благополучие, как на плод усердных молитв о нем отца или матери. – Благословение же родительское столь дорого, что Исав, и не совсем благонравный сын, поднял громкий и жалостный плач, когда узнал, что вместо него воспользовался благословением брат его (Быт.27:34). Важная эта тайна, почему молитвы и благословение родителей сильно действуют. За болезненные труды родителей по рождению и воспитанию детей Господь Бог дает им награду: «*проявлять особенную благодетельную силу на своих детей там, где они уже легкое выполняют, т. е. когда молятся только за детей или благословляют дитя словом-рукою*». Они – родители, несомненно, бывают орудиями творческой и промыслительной силы Божией в отношении к своим детям, и отсюда – урок для детей видеть в них божественную к себе благодать, всеблагий промысел о себе Отца небесного. Да и самое имя отца Господь Бог, так сказать, уделил от Себя земным отцам, будучи Сам Отцом едиnorodного Своего Сына; потому что это имя не с человека или от человеческих рождений заимствовано для Божества, а, собственно, от вечного Божества перешло к людям (Еф.3:14). Итак, неразумны и грешат пред Богом дети, если даже и не представляют себе, что о них молятся каждый день родители, если не признают особенной силы молитв родительских за них в особенном каком-либо положении своем, если не желают с чувством благодарности продолжения этих молитв. Тем более злонаправны и оскорбляют Бога такие дети, которые смотрят на родительское благословение, как только на обряд, которые и не думают видеть для себя никакой потери, если не будет для них родительского благословения, – которые,

наконец, угрозу быть лишенными благословения называют одним «запугиванием». Посему участь таких детей оказывается часто и худшей участи Исавовой.

Немоление со своей стороны о родителях и произношение на них самих проклятия

Когда дети (пусть и несовершеннолетние, но уже понимающие), не молятся о здравии и долголетней жизни родителей: это значит, что они не дорожат собственным своим благополучием; потому что в здоровье родителей они должны видеть обеспечение своей участи. А молитвы о родителях детей вполне возрастных или самостоятельно живущих, как во всякое время, так, особенно, в день именин отца или матери за литургией, за молебном, должны быть выполняемы еще более с искренним побуждением; потому что эти дети вполне же могут сознавать, что родители – первые в мире для них благодетели, а жизнь и здоровье – первое счастье для каждого человека; – еще потому, что, чем далее здравствуют родители, тем приятнее детям слышать от них живые предания как о своем детстве, которое, в свою очередь, приятно вспоминается за свою невинность, так и о жизни их самих и, наконец, о дедах или дальнейших предках. Возрастные дети должны молиться не о здоровье только или долголетию своих родителей, но и о том, чтоб родителям их достигнуть вечного спасения. Что же до отцепроклятия, то оно свойственно только самому злому сыну: *«чадо зло клянет отца, и мать не благословит»* (Притч.30:11). Оно показывает в сыне или дочери даже чудовище злости и, без сомнения, не имеет своей силы, а обращается на голову того же, кто произносит его.

Бегство от родительских наставлений или же скорое забвение их наставлений

«Не отрини заветов матери твоея» (Притч.1:8); «чадо! помяни заповеди моя, да не изгладятся от сердца твоего» (Тов.4:19). Так как родители, «прожив свой век», приобрели много опытности, и так как к ним-то ближе, чем ко всякому другому, относится счастье и несчастье их детей, следовательно, советы и наставления их детям не могут быть не искренними, то долг детей верить их совету, а не предпочитать им посторонних советников, хоть бы иногда совет их был совершенно в разрез советам последних; – долг детей просить родительских наставлений на каждое такое дело, которое ново и при новости своей весьма важно или только представляется сомнительным и затруднительным. Особенно так дети должны обращаться к своим родителям до совершеннолетия своего или до выхода из опеки их. Но где же внимание и доверие родителям (и, по-видимому, нисколько не оскорбляя их) – бегать или уклоняться под разными предлогами от разговора с ними, как только они хотят дать совет, как намерены сделать замечание, как начнут беседовать о духовном, чтоб предостеречь детей от суетности и вольности, от ошибок в действиях? или где искренность сыновняя – отделяться от родительских наставлений одним молчанием, не убеждаясь в душе этими наставлениями? Равным образом вина – завтра же забывать, что вчера было сказано родителями в урок и на что изъявлено сердечное сочувствие, – вина не помнить того, против чего родители с особенною заботливостью убеждали (например, не курить бы табаку, не есть по постам скоромное). Можно еще забыть, что-либо другое или слова посторонних лиц, но не наказ родительский. Нет, добрые отеческие советы надобно помнить и после смерти отца.

Выходы или отлучки из дома без ведома родителей

«Или не жезл руки нашея есть внемгда входити (сыну нашему) и исходити пред нама», говорится в свящ. книге Товита (Тов.5:18). Да, дети – особенно несовершеннолетние – не иначе должны пускаться на каждый свой выход или выезд из дома, на каждое свое свидание вне дома, как спросившись у отца или матери, а за отсутствием того и другого из родителей, у старшего в семье; они должны так делать тем более, если сами родители требуют спрашиваться у них и, если отлучка предполагается продолжительная, на несколько часов или дней. Совершеннолетние же дети, живущие в доме родительском, по крайней мере, могут сказываться о себе: куда и на сколько времени они отлучаются? Это необходимо частью для родителей, которые могут понуждаться в их послухах во время отлучки их. Но более необходимо и полезно это для самих детей. Когда каждый шаг из дома дети будут делать с позволения или только с ведома родителей, тогда они больше будут чувствовать свою зависимость от родителей, а такое чувство и естественно и для доброго сына или дочери приятно – тогда каждый же шаг будет сопровождаться для детей родительским благословением, след., большим успехом; тогда меньше будет допущено ненужных или вредных отлучек, пустых свиданий. Как спокойно идти или ехать куда-либо с такою мыслью, что родители о том знают и на то дали позволение! Но грешат, грешат дети, если по самоволию, по гордости или дерзости отлучаются из дома родительского без всякого спроса. Не возвращаясь иной раз до позднего вечера, а иногда и несколько дней, – положим только с прогулки или отдыха, они тем наводят на большое беспокойство своих заботливых родителей.

Неправильные, уничижительные отзывы о строгости и взысканиях со стороны родителей

«Безумный ругается наказанию отчю» (Притч.15:5). Строгость и наказания родительские также необходимы до совершеннолетия детей, как неизбежен в людях первородный грех и как необходимо противодействовать почти на каждом шагу проявлениям этого греха в детях. А что, действительно, и малолетние дети по природе своей склонны ко греху, – пример этого можно видеть особенно из злого чувства зависти, которое нередко и в детской натуре обнаруживается; так, зависть замечалась даже в молочных братьях (значит – в младенцах), которые питались одновременно грудью своей матери. Эта прирожденная склонность к злу, существующая в детях только в возможности, или, как только затаённая способность и сила, и легко пробуждается в них, легко переходит в действительные злые чувствования и деяния; если к тому и другому греху они будут иметь поводы, внешние впечатления. А как все такие поводы и впечатления не могут быть устранены от детей, и, следовательно, зачатки прирожденного зла, в силу их, без труда могут развиваться в детях, например, ложь, то мало одной внимательности и осторожности в обращении с детьми, чтоб они не усвоили себе чего-либо худого; нет, – требуется и насильственное удержание их от зла. Сам Господь Бог, воспитывая человечество, употребляет наказания, и, когда Он наказывает кого, это признается доказательством или признаком Его отеческой любви (Евр.12:6). Итак, называть строгость родителей злоупотреблением их власти, капризом их характера, настоящим тиранством, вредною системою устрашения или же объяснять их строгость одним невежеством их, – тоже своего рода невежественность и решительная несообразность с делом. Напротив, должны дети оставаться благодарными за родительскую строгость, как за время первоначального воспитания своего, так и в последующем затем времени: *«аще жезлом биеши (сына), не умрет (от него)»* (Притч.23:13). Пусть иногда и при строгости не выходит

умным сын; но без строгости он вышел бы еще хуже. А потом, если б и действительно отец–мать допускали иногда излишние или неправильные взыскания, если б увлекались чрезмерным гневом при наказании или только по поводу гнева своего, происшедшего, может быть, от посторонних причин, и наказывали, – дети не должны мстить им за это в последствии времени холодностью, упреками, жалобами пред кем-либо. Почему не должны? – Потому что и суровая строгость в родителях бывает невинною, так как происходит от любви к детям; если иногда и очень строго, круто поступит отец с виновным сыном или с виновною дочерью, – этим показывается только то, что он разом хочет остановить зло, но уже никак не равнодушно или беспечно относится к злу; наконец, кто неумолим к своему отцу или матери, злопамятствуя на несправедливости их к себе при воспитании, тот к кому же и когда будет снисходителен?

Без нужды отделение от дома отцовского

«Отче! даждь ми достойную часть имения... И не по мнозех днех... отъиде на страну далече» (Лк.15:12–13). Подобно блудному сыну поступают все те, которые отделяются от дома родительского совершенно без нужды и против желания родителей, по исканию себе одной свободы, только в угоду молодой жене или тестям. Нередко и эти дети то же самое испытывают, что испытал блудный сын. Отделившись от отца, они терпят различные нужды и неудобства в своей жизни или в помещении; не в силах бывают жить особым хозяйством; а, если раньше вели себя слабо, то еще более ослабевают в поведении. Зло на этот раз бывает ответственнее, что часто и родители, оставленные одни, затрудняются в своем домоводстве или только скорбят о жизни врознь с детьми.

Оставление беспомощными родителей в несчастье их, в болезни и при старости лет

«Коль хулен оставляяй отца» (Сир.3:16). Грех покинуть отца в несчастье каком-либо, например, когда бы он, препровождаемый за свои преступления в ссылку, желал проститься с сыном или дочерью, а дети по стыдливости или в чувстве презрения не хотели бы прийти к нему: «не славися в безчестии отца твоего», сказано (Сир.3:10). Грех также покинуть родителей в болезненном их состоянии, – не лечить их, когда есть возможность полечить, не ухаживать за ними во время болезни: не покидали же они сами детей, когда дети были слабыми младенцами, – ласкали и утешали они детей, когда дети скучали; да и болезни их, может быть, пришли от детей же, т. е. после трудного деторождения или трудных забот и работ, чтоб пропитать и воспитать свою семью. Отказывать же родителям при старости лет их в пище, одежде и помещении у себя (пускать по миру) или же (всего чаще), пропитывая их, роптать, что они долго живут и отягощают своим содержанием, повелительно или свысока обходиться с ними, как своими нахлебниками, да и пропитывать-то их и помещать где-либо с прислугой и в самом последнем уголке дома – все это какое низкое своекорыстие и неестественное жестокосердие! Нет, нужно бы помнить, что беспомощные и престарелые родители естественно возвращаются к младенчеству, и дети должны быть для них тем же, чем они были для детей в младенчестве последних. Нужно бы дорожить в своем доме сокровищем, которое на сей раз составляют для детей престарелые или убогие родители; рады были бы сын и дочь потом, т. е., как умрут их родители, успокоить их, но уже некого будет покоить. Нужно бы христианину не забывать того примера, как Господь Иисус Христос, когда уже висел на кресте и Сам весь был в болезнях, выразил заботу об осиротевшей Своей Матери (Ин.19:25–27). Кратко: постыднейшее это дело покидать беспомощных родителей: «чадо, заступи в старости отца своего» (Сир.3:12).

Непредоставление престарелым родителям возможности более готовиться к будущей жизни или только не предложение им этого

Иосиф оказывал всевозможные услуги своему престарелому отцу, когда отец его хотел выполнить долг богопочтения: например, он подводил к Иакову для молитвенного благословения своих сыновей и отводил их от колен деда (Быт.48:9–20). Так, священный долг каждого сына, каждой дочери, служить лично и предоставлять со стороны других все удобства престарелым своим родителям к тому, чтоб родители больше готовились к часу смертному и к вечной жизни; потому что дни их уже изочтены. Например, хорошо на сей раз делать чрез руки престарелых родителей милостыню; хорошо устроить дело так, чтоб родители спокойнее могли помолиться у себя в доме, например, имели бы уголок для молитвы и приготовленную лампадку пред иконами, – чтоб чаще бывали в церкви и чаще говели: в последнем случае нечего жалеть труда или расхода, чтоб приводить или привозить их в церковь или же в доме иной раз, пригласив священника, исправлять для них всенощную, молебен; не следует отказывать им в особом постном столе, когда они совсем не желают есть мясную пищу; если они и учены, но слепы или плохо видят глазами, – хорошо им предоставить – слушать чтение духовной книги чрез внука или постороннее лицо. – Затем, никак не следует упрекать богобоязненных и престарелых родителей в том, что они, ради церкви и богомолья, не работают или мало помогают домашним в работе. Напротив, когда бы они по пристрастии к житейскому труду и работе или вообще по своей холодности не заботились о богомолье и других занятиях, приготовляющих к смерти, – в таком случае, надобно еще напоминать им об этом самом. Когда бы они хотели на старости лет принять особую какую должность или заняться ремесленным каким делом без всякой нужды, с единственной целью иметь свои деньги или еще более увеличить имеющееся у них состояние, всячески надобно

отвлечь их от порывов такой деятельности. Тем более, когда они ведут себя слабо, закосневают в пороках, не приносят покаяния, как будто еще сто лет жить им на свете, – дети и сами, и через посредство других должны употреблять все меры к исправлению их. Может ли верующий и богобоязненный сын равнодушно относиться к тому, как престарелый отец его или престарелая мать, находясь в нескольких шагах от смерти, упиваются вином, тяжело обижают других своим злым характером или остаются в расколе, словом – находятся в нескольких же шагах от мучений адских? Уместны ли тут такие отзывы: «сами знают...; не нам указывать; пусть живут, как хотят...»? О, это непростительное недоброжелательство в детях в отношении к родителям! Так только подстрекал к злему Каиафа своего престарелого отца (по жене), Анну (Ин.18:13)⁶⁵.

Ложная стыдливость за простых родителей

«Помяни отца твоего и мать твою» даже и тогда, как «посреди вельможи седиши» (Сир.23:17). Стыдиться нужно не простоты родителей по званию или образу жизни их, не того, что они совсем неграмотны или же очень бедны, а, собственно, своей-то гордости, которая не позволяет даже открыть о себе: чей сын или чья дочь, – гордости, которая заставляет тотчас удалить от себя простенького отца или мать, если кто из посторонних придет в дом; которая не допускает и посетить хижину родительскую. Низость это души – вести себя столь высокомерно пред простыми родителями. – Кто, как не родители же, были первыми учителями и руководителями тех сыновей или дочерей, которые возвысились из простого, или низкого состояния?

Непочтительные отношения к тестям и свекрам, отчиму и мачехе

Жена Рагуила говорила родной своей дочери, выдавая ее в супружество: *«чти свекров твоих, тии ныне родители твои суть»* (Тов.10:12). Итак, если здесь законное отечество, то и должны быть истинно сыновние отношения, а не такие, что и отцовским именем иные зятья не хотят назвать своих тестев, невестки же – свекровей, пасынки и падчерицы – отчимов и мачех. Но имя «отца–матери» самое дорогое для слуха и сердца человеческого. Таким образом, из-за одного этого имени, в котором отказывают имеющим на него законное право, возникает в целом семействе раздор. Почтительные отношения к тестям, свекровям, отчимам и мачехе, кроме наименования, должны быть и на самом деле. В Ветхом Завете написана целая книга в похвалу Руфь, которая выразила, между прочим, прекрасную почтительность и преданность своей свекрови: будучи сама вдовою, Руфь приняла из любви к своей свекрови и веру в истинного Бога Израилева. Вместе с непочтительными пасынками и падчерицами погрешают те родственники их (иной же раз совсем посторонние люди), которые, еще не узнав хорошо, которая сторона здесь более виновна, – своим вмешательством и вредными внушениями расстраивают родственные отношения пасынков и падчериц к отчиму или мачехе. Надлежало бы постараться – подкрепить эти отношения, а не ослаблять.

Поднятие рук на родителей

«Иже бьет отца своего или мать свою, смертью да умрет» (Исх.21:15). И эта казнь над буйным сыном (побиение камнями) по закону Моисееву совершалась торжественно, всеми теми лицами, которые были в народном собрании (Втор.21:21)). Действительно, бить родителей – это необыкновенная дерзость, пусть будет она допущена и не в полном сознании, например, в нетрезвом виде или в справедливом гневе, например, когда отец и мать будут «взяты» в постыднейшем деле (Ин.8:3). По церковным законам отцебийца подлежит епитимии даже и в том случае, если б обиженные родители простили его (Номокан., пр.128). А был в древности такой закон: «аще двигнет древо и ударит (отца – мать), да отсечена будет рука его» (там же). Вообще сказать: Божий закон строго заступается за обижаемых родителей. Родители, когда терпят оскорбления и обиды от дерзких сына или дочери, и знают, что эти вины против них не пройдут даром, безнаказанно для их детей. Но это-то сознание приносит новую скорбь их жалостливому сердцу. Как бы не вразумиться такою их терпеливостью и добротой грубому сыну или непочтительной дочери? Но грубые дети не вразумляются... Истинная жалость!

Отцеубийство

Оно бывает не прямое, вообще – беспорядочную жизнью, как жил блудный сын, скрывавшийся неизвестно где, или же одним каким-либо проступком – преступлением, как говорил Иаков своим детям: *«сведете старость мою с печалью во ад»* (в могилу) (Быт.42:38). Так, например, могут ли не убиваться горем почтенные отец–мать, если дочь обесчестила их своим поведением? Эта безутешная печаль надломляет их здоровье, и – неразумная дочь, зная их богобоязненность и, вместе, видное положение их в обществе, не могла не предвидеть такого удара им своим падением. Следовательно, она отцеубийца. Могут ли также не поддаться убийственной печали такие родители, которых сын, зная и особенную их чувствительность, пользуясь еще особенною любовью их, – совершил страшное преступление, за которое подвергся заключение в тюрьму? Следовательно, он, кроме того, что гражданский преступник, и отцеубийца нравственно. – Затем, отцеубийство бывает и прямое, намеренное: тогда оно совершается или тайно, чтоб скорее воспользоваться отцовским наследством, или открыто – по крайней человеческой злости. В последнем случае, действительно, мы видим в нем такое редкое и страшное злодеяние, что во всей библейской истории нет примера его. Есть только пример решимости на отцеубийство; так, Авессалом искал жизни своего отца, Давида. Но из этого примера уже ясно заключаем, как страшно карает правосудие Божие за отцеубийство. Авессалом сам скорее погиб, чем погубил своего отца, царя и праведника: стремясь на коне в лесу, он повис длинными своими волосами на сучьях дуба (2Цар.18:9–10), между небом и землею, как бы в означение того, что его не принимает земля, отвергает и небо. Очевидно, отцеубийство или матереубийство – самая безжалостная жестокость человека и самый вопиющий грех пред Богом. Как желается, чтоб этого греха совсем не было в роде человеческом!

Неотдание последнего долга родителям погребением их, а также – поминовением, особенно в положенные дни

«Чадѡ, аще умру, погребѣ мя... Егда умрет (и мать твоя), погребѣ ю при мнѣ» (Тов.4:3–4). И Товия, которому это было сказано, «погребѣ» как родных своих родителей, так и «тестев» своих «славно» (Тов.14:13). Земле предаются то тело и те кости, от которых жизнь передана детям и продолжается в детях: как же не позаботиться детям о приличном погребении этого тела и костей? Да, грешат те сыновья и дочери, которые заранее слагают с себя хлопоты по погребению отца–матери, а также и тестя или тещи, отчима или мачехи, отсылая их от себя для самых последних дней их к другим ближайшим родным, то погребают их скупѡ и с ропотом на этот расход, то не хотят даже отметить их могилы, – покрыть могилу их, если не памятником, то камнем. – Не выполнять же по родителям поминовения, особенно в положенные дни (как 9 и 40 после смерти их, а затем – ежегодно в день кончины их и в родительские субботы), – не помянуть их по лени, по забывчивости или от скупости: это опущение, в сравнении с похоронами, хоть менее заметное и не особенно бросается в глаза посторонних лиц, но в сущности дела более важное и гораздо чаще допускается. По зову Церкви в известные дни и чужие молятся «за всякого благочестиваго»⁶⁶ между умершими, за самого безроднаго, но православнаго по вере, желая каждому такому человеку облегчения участи его за гробом и вечнаго покоя: не жестоко ли со стороны детей отказывать родителям в той же последней помощи, без сомнения, ожидаемой ими, как утопающій в реке ожидает веревки или посторонней руки? С этою помощью к своим родителям дети должны бы поспешить тем более, что, может быть, за их же грехи (например, по воспитанию) родители их низведены по смерти во ад. При этом долг сыновій требует, в случае нужды, и позаботиться о разрешении, у кого следует, вопросов: «помянуть ли и когда лучше помянуть тех родителей, которые

умерли сомнительною смертью, т.е. от себя, или только без христианского напутствования и в состоянии смертного греха?».

Нарушение завещания родительского

Соломон постепенно привел в исполнение все завещания своего отца, которые высказал ему отец на смертном одре (3Цар.2:1–11,31,44; гл.5). Детям Ионадава, сына Рехавова, за то, что они исполняют завещание отцовское не пить вина, довольствоваться самою простою пищею, – было обещано сохранение потомства их во веки (Иер.35:6:19). И что же? Этот народ, известный под именем «Рихават», уцелел даже до наших дней среди разных войн и опустошений, которые сгладили с земли, как известно, и огромные государства. Это племя доселе сохраняется и живет в пустынях аравийских. Доселе же оно и исполняет завещание своего родоначальника. Так, долг и каждого доброго сына или дочери исполнить такие завещания своего отца – матери, которые не противны закону Божию и гражданскому. Сила духовного завещания заключается в том, что завещание сказывается или пишется, большею частью, перед смертью: а в это время не самые ли лучшие и беспристрастные желания бывают у человека? «Живой думает только о живом», может быть, о чрезмерно-суетном, а умирающий смотрит на эту жизнь совсем не таким узким воззрением, но в связи с вечною жизнью. С этой-то стороны завещание родительское и представляется делом самым достопочтенным по своему содержанию или смыслу и самым обязательным для исполнения детьми. Таким образом, превысить или уменьшить его, изменить подлогом или пользоваться сторонними обстоятельствами к изменению его, наконец – совсем оставить его без внимания: все это значит творить обман пред умершими родителями, глубоко оскорблять умерших, – тревожить, так сказать, самый прах их. Надобно, напротив, постараться преодолеть все препятствия к тому, чтоб избегнуть перемены завещания и во всей полноте осуществить его: *«завета (сказано) никто же отменяет или приповелевает»* (прибавляет) (Гал.3:15). В таком случае и ожидает сына – дочь счастье, а то нет и нет; потому что, хоть родители и смертны, хоть не явятся с того света взыскивать с

нарушителей их завещания, но бессмертен, вечен и правосуден Бог. Особенно завещания родительского исключительно с нравственным характером (а не вещественный только), и сделанный не без ведома и согласия детей, например, вступить им без замедления в законный брак, принять священнический сан по сословному призванию, присоединиться к православию, исполнить неисполненный ими самими по близости или внезапности их смерти какой-либо обет Богу, – особенно такого рода завещание родителей святы и требуют точнейшего исполнения.

Почитание родителей больше, чем Бога

«Еже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф.10:37). Так, например, грех из-за родительского благословения оставаться в расколе. Здесь благословение не имеет силы, потому что оно дано по заблуждению, – и, если родители уже умерли, то исполнением его не успокаивается (как думают) дух родителей; напротив, еще более возмущается. Грех из-за примера живых отца–матери и по опасению оскорбить их противным примером или прямым отказом на злой совет их, – грех так не ходить в церковь, не говеть в пост, подражать какой-либо суетности их. Дочь Иродиады, конечно, поступила бы правильно, и сама не погрешила бы смертным грехом, если б не исполнила желания своей матери о главе Крестителя. С другой стороны, правильно поступил сын Саула, Ионафан, не скрывая своего мнения и голоса пред своим родителем, когда нужно было доказать последнему вопиющие несправедливости его к Давиду.

Грехи в семье и родстве

Пренебрежение своим дедом и бабушкой

«Кая вдовица, внучата иматъ, да учатся (ее внучата) ... взаимъ въздаяти родителемъ» (1Тим.5:4). Деду, прадеду и бабушке, в связи с их седидами и старостью, следует воздавать особенное уважение и быть готовым, пропитывая родителей и их в случае крайней беспомощности пропитывать и покоить.

Грубые чувства к родным брату и сестре

«Подвижется утроба» (воскипела любовь Иосифа) «о брате своем, и искаше (места) плакати» (Быт.43:30), – вот, напротив, пример самой нежной братской любви! Действительно, после союза супружеского и естественной привязанности к родителям, самый нужный союз должен быть между братьями и сестрами: это друзья природные, от первых дней жизни, друзья по крови. Их связывают одинаковая любовь к отцу и матери, одинаковые воспоминания о родителях (если родители уже умерли) и часто одинаковые добрые привычки и наклонности, а тем более – сходственная наружность. Братская любовь так естественна, что и к посторонним лицам, в знак особенного расположения или ласки, обыкновенно говорится: «братец мой». Но, что братья и сестры каждый день и час находятся вместе, это не дает им повода быть холодными, безучастными и молчаливыми или невежливыми друг к другу. А также напрасно иные говорят, будто в другой семье или с посторонними лицами они жили бы дружелюбнее и были бы более ласковы. Нет, – не привыкнув к дружелюбию в семье, эти грубые братья или сестры ненадолго останутся дружелюбными и в кругу посторонних. Особенная нежность чувств должна быть у братьев в обращении с сестрами. Сестры иногда и смягчают строгость отцовского гнева на братьев и вообще в семье. Но будучи способными успокоить печального брата, они сами, по особенной слабости своей природы, требуют особенного братского участия в какой-либо печали своей, нуждаются в особенной охране со стороны братьев, например, при выходе из дома и т. под. Тихон Задонский был и святой, и носил высокий архиерейский сан, но это не мешало ему называть сестру – вдову «сестрицей и родной», а когда сестра умерла – плакать над ее гробом. О, если б все родные братья и сестры так же сердечно относились друг к другу, не чуждались взаимных ласк, желали бы частого свидания, часто сучали бы друг о друге в разлуке и вели бы в таком случае, сколько позволяют обстоятельства, братскую переписку!

Незаботливость руководить младших в семье, а со стороны младших – непочтение к старшему

«Еда страж брату моему есмь аз» (Быт.4:9), – такой грубый ответ сделал один старший брат относительно судьбы младшего. Нет, еще при жизни родителей старший брат или старшая сестра в семье обязаны принимать до некоторой степени участие в воспитании младших и держать себя перед младшими столь умно, чтоб эти брали с них пример. Родители сами вводят в свой взаимный совет старшего и возрастного брата или такую же сестру, когда решается какой-либо семейный вопрос о младших, например, поступить ли последним в учебное какое заведение, быть ли сестре выданной в замужество за известного жениха и т. д. А после смерти родителей старшие в семье вполне входят в права родительские по предмету руководства младших и несовершеннолетних. Старшие отлагают на несколько времени и свою женитьбу или замужество, честно сохраняя себя в холостой жизни, – отлагают, собственно, для того, чтоб свободнее довоспитать и пристроить своих младших братьев или сестер. Долг их также – поддерживать память добрых преданий о родителях, так как младшие братья или сестры могут совсем не помнить своих родителей. С другой стороны, и младшие обязаны к старшему брату или старшей сестре как бы сыновним почтением и послушанием: *«посреде братий старейшина их честен»* (в почтении) (Сир.10:24). Таков уже божеский порядок в семье: соблюдению этого порядка учит сама природа. Хоть бы и одним годом был старше брат, – младший должен почитать его за это право перворождения.

Нелюбовь к «приведенным», а также и к сродным братьям

Исмаил, сам приведенный, между тем, оскорблял и частью даже гнал своего брата, Исаака (Быт.21:9, снес. Гал.4:29), за что был изгнан, по распоряжению Самого Бога, из отцовского дома. По естественной любви к самим родителям, дети должны любить и тех, кто для их родителей делается также законным сыном или законною дочерью от прежнего или нового брака. Иосиф, правда, самую горячую любовь выразил к единокровному Вениамину, но и к братьям от другой матери он с любовью сказал: «аз ... брат ваш» (Быт.45:4), связуя братскую любовь к ним через отца своего. Затем, *сродные* (т. е. двоюродные, иногда, же троюродные по прямой линии) братья и сестры наши так же не далеки от собственной нашей плоти и крови: это доказывается сходством их с нами по лицу, по способностям и характеру, которые иногда и очень бросаются в глаза. Таким образом, естественно должна быть наша любовь к сродным. Если и бывает часто на деле так: «свои хуже чужих», то христианин не должен быть таким: лучше ему находить «своих между своими же». – Господь Иисус Христос освятил в Своей земной жизни то и другое родство: Иаков малый (Мк.15:40), сын Иосифа, называется Его «богобратом», а Иоанн Креститель, сын ужики (родственницы) Его Пречистой Матери, состоят в кровном родстве с Ним, и потому несколько сходствует с Ним по наружному виду.

Без нужды домашний раздел с братьями

Без нужды, – значит только вследствие несогласия или нетерпеливости в семейной жизни. В таком случае, прежде всего, нет доброй, благоговейной памяти о родителях, во имя которой надлежало бы братьям жить вместе. Несогласия от раздела еще больше увеличиваются; потому что тогда необходим бывает дележ отцовского наследства, вначале заманчивый, так как представляет каждому равную часть, а затем приводящий только к спорам, укоризнам и брани. – Несогласия разделом не всегда прекращаются, напротив – часто после раздела переходят в открытую и сильнейшую вражду. Тогда братья жалуются друг на друга перед посторонними лицами, не удерживаясь от худых отзывов друг о друге; не помогают взаимно в нуждах, и даже нужды или неудачи в хозяйстве одного бывают поводом для злорадства другому; они совсем не ходят друг к другу и отделившийся делается совершенно «чужим среди родных». Столько зла в нравственном отношении от братского раздела! – Что же до положения дел хозяйственных, то более всего терпит на сей раз тот, который отделился, которому нужно жить новым хозяйством. Но и «коренному» дому раздел братский отзывается иногда потерями; потому что при соединенных силах братьев хозяйство и состояние, обыкновенно, усиливаются, а при раздробленных – слабеют. Итак, без нужды братский раздел грех пред Богом (Пс.132:1).

Вражда и тяжбы с родственниками

«Враждаваше Исав на Иакова» (Быт.27:41), между тем, как это были не только родные, братья, но и купнорожденные. Итак, братская и родственная вражда, прежде всего, позорна; питать ее в себе и обнаруживать, например, тяжбою значит идти против собственной плоти и крови, которую каждый по природе «питает и греет» (Еф.5:29). Затем, эта вражда между различными родами человеческой ненависти самая богопротивная, так как лютейшие и непримиримые враги между людьми – это родственники. В кругу враждующих родственников

слышатся иногда такие слова: «умирать буду, – тогда не помирюсь, не прощу». Иаков должен был многие годы скрываться от своего брата, чтоб быть живым. – Обыкновенно, родственная любовь сменяется ненавистью, приятные родственные свидания прекращаются, а вместо них разве бывают тяжелые встречи в судах и пред начальством, – все это из-за чего же? Или ради наследства какого, или из-за одних мелочных неудовольствий, особенно с женской стороны, которые могут возникать бесконечно. Но и законное искание и защищение себя следует вести великодушно. А еще лучше незначительные утраты и неприятности от родственников покрыть христианскою любовью, которая, в свою очередь (а это, конечно, всего дороже), *«покрывает множество грехов»* (1Пет.4:8).

Предательство беде какой и на самую смерть своего брата или сестры

Братья Иосифа предали его горькой беде рабства с полным сознанием своего проступка; потому что Иосиф, без сомнения, умолял их о пощаде себя. За это-то дети и потомки их самих потерпели долговременное рабство в земле египетской. Так и ныне, брат допускает своего брата до ареста в тюрьме за долги или за казенную какую плату, между тем, как мог бы без особенного обременения выкупить должника; другой – по личным своим видам или по одной холодности чувств склоняет сестру к такому замужеству, от которого нельзя ожидать счастья последней, например, если жених болен душевным расстройством (временным помешательством) и т. под. Затем, решимость выдать родного брата или сестру прямо на смерть указывает на самые страшные времена в истории человеческой, и, следовательно, на самую страшную вину этого греха; потому что пред концом только мира *«предаст же брат брата на смерть»* (Мф.10:21). А против непосредственного братского кровопролития припоминается суд Божий первому братоубийце: *«изыде Каин от лица Божия... и от лица земли»* (Быт.4:16:14), т.е. братоубийца отлучен был и от Церкви, и от общества, отвержен и Богом, и людьми. Отсюда, или вследствие сознания такой участи за братоубийство, ужасная была наружность братоубийцы: *«стения и трясыяся...!»*. Какие все это страшные преступления, хотя ограждение Богом самого Каина от насильственной смерти со стороны других и не лишает никого надежды быть помилованным за братоубийство!

Презрительная незаботливость о порочном брате

«Брат твой прииде», сказано о блудном сыне. «Разгнеवासя же, и не хотяше внити» (Лк.15:27–28) другой брат, честный и исправный. Гордостью и презрением к падшему брату или к падшей сестре показывается самомнительная святость. Если и желательно поддержать честь своего рода, которую унижает порочный родственник; то достигать этого следует не горделивым презрением к негодному брату, от чего брат еще более упадет духом, а нравственным участием в его положении. Такое участие может быть выражено: в убедительных советах брату или родственнику (лично или письмами) исправиться; в просьбе за него других лиц, чтоб предоставили ему должность или серьезное занятие, что скорее может отвлечь его от невоздержной жизни; в лечении его от запоя; в частой бытности у него в доме или квартире; в поминании его на проскомидии «об исправлении жизни и спасении»; в предложении ему душеполезных книг для чтения. Такое-то участие вполне достойно брата-христианина; потому что тогда добрый брат заботится не о чести только падшего брата и собственной, но об участии его вечной: «изгibl бе, и обретеся» (Лк.15:24).

Пренебрежение простыми братьями и родственниками, а вместе с тем – отказ беднейшим из них в пособии

«Убогаго брата ненавидит» (Притч.19:7). Иосиф, возвеличенный в Египте, вызвал к себе все родство, когда была для этого полная возможность, «и глагола им по сердцу их» (Быт.50:21). Сколь бы ни обширно было родство и ни велико собственное семейство, от родства грех отказываться и простых, или еще подчиненных себе родственников не признавать родственниками и, как бы, не узнавать. Не о том речь, чтоб за всех ходатайствовать (это невозможно иногда), но чтоб не гордиться – назвать себя родственником простых, – и между ними осведомиться о здоровье одних, послать поклон другим, посетить третьих на своей и их родине. – «Аще брат... будет недостаточен... не сожмеша руки пред ним» (Втор.15:7). Нет сомнения, что прежде нужно помочь родственнику, а потом уже (если позволяют средства) постороннему лицу. Вообще же нужно помнить, что Господь наш Иисус Христос самую большую часть земной жизни Своей провел в кругу родственников, и поэтому никто не должен пренебрегать родством.

Неотдание достойной цены (чести) умному родственнику

«Несть пророк без чести токмо... в родстве и дому своем» (Мк.6:4). Аарон и Мариам оказали неуважение к своему брату, Моисею, который совершал дивные дела для своего народа, а главное – был человеком, возлюбленным у Бога: за это первый подвергся угрозе наказания, которая миновала его только в силу его скорого раскаяния, а вторая – была на семь дней отлучена от всего народа, находясь в проказе (Числ.12:1,10:15). Умный, даровитый и, вместе с тем, – честный и правдивый человек и без того встречает в жизни немало завистников и противников: а тут еще родственники его, которые ближе, безошибочнее знают его и которые всячески должны бы поддерживать среди других имя его, не сочувствуют ему, не видят в нем ничего особенного, – хотят унижить его, указывая или на простоту его родопроисхождения, или на беспомощность в детстве. Оттого неблагодарные и теряют иногда среди себя умного и полезнейшего деятеля: он по нужде уходит от них в чужие пределы, где к нему уже совсем иные приемы и отношения.

Пристрастие к своим родственникам

При равенстве достоинств (родственника и постороннего) первого предпочесть не только естественно, но и гораздо полезнее для общественного какого дела или по службе. Но, собственно, грех предпочитать порочного и неспособного родственника честному и дельному из лиц посторонних. В таком случае, т.е. когда кто в служебном ли быту или до управление частным хозяйством – без разбора и пристрастно окружает себя одними родственниками, – в этом случае образуется свой круг деятелей: туда и трудно, и опасно входить постороннему лицу со своими советами, предостережениями или жалобами на злоупотребления. Так. обр., тут и вред общему делу, и обида невинным, по нужде соприкасающимся лицам.

Грехи родителей

Порочное состояние духа в минуты зачатия дитяти и нравственное невнимание ко всему времени беременности

«*Се ты во утробе зачнеши, и родиши; и ныне, не пей вина, ни сикера*», было сказано в наставление одной матери, имевшей родить сына, которого ожидало особенное высокое служение (Суд.13:7). Родители могут сделать счастливым свое дитя еще до рождения. При каких условиях? Если в то важнейшее время, как зачинают дитя, не находятся в физическом каком изнурении, тем меньше – в болезни какой, если хранят себя в эти минуты трезвенно, во взаимном мире и в страхе Божиим. Если, затем, бывают нравственно-внимательны и ко всей утробной жизни своего младенца; например, удерживаются в продолжение всего этого времени от сладострастия и пьянства, вообще от страстей; если, напротив, часто молятся, возбуждают себя к благочестивым размышлениям и чувствованиям, любят рассматривать священные картины или только святые иконы в церкви, и все так в особенности мать беременная. После такого нравственно-осторожного зачатия и богобоязненного чревоношения дитяти, и дитя рождается с большею силою против греха, или с некоторым «предварительным запасом добра». Итак, сам собой виден грех тех родителей, которые поступают совсем напротив: заражают своими пороками не только душевные силы, но и кровь свою, и, таким образом, передают своим детям с самым зачатием собственные недуги, душевные и телесные; отсюда, например, наследственная склонность к пьянству и запою, к распутству или немиролюбивому характеру.

Физическое небережение себя вовремя беременности, и отсюда – ранние или мертвые роды

Жизнь зачатого плода вырабатывается из крови матери. Итак, тревоги и волнения, которые испытывает мать, например, страх, испуг, сильное огорчение, неумеренная радость или же печаль – скука, вредно действуя на кровь ее, непременно вредят и младенцу. Равным образом – чрезмерные напряжения ее, например, трудная работа, не ослабляемая и пред временем разрешения, поднятие ею не по силам тяжести, сильное телесное движение или же от излишней неги сидячая, неподвижная жизнь, по щегольству – стягивание себя корсетами, по рассеянности – танцы до обмороков и целые бессонные ночи в веселом собрании, – все это, ослабляя силы самой ее, ослабляет, делает хилым и младенца во утробе ее. Иногда же от этих причин и умирает младенец в самой утробе матери, или же рождается с какими-либо телесными повреждениями, даже умоповрежденным. Предполагая эти вины, Церковь при рождении каждого мертвого младенца испрашивает прощение матери его, *«во убийство впадшей волей или неволей»*; а затем осуждает мать на годичную епитимию (Требн.свщ.), которую вместе с нею должен разделить и отец, даже отец преимущественно, если изнурял беременную тяжкими работами, если не щадил ее от огорчений и обид, забывая, что беременность есть, своего рода, болезнь, если вовлекал мать в рассеянную и неправильную жизнь, к неумеренным наслаждениям.

Принятие мер к избежанию зачатия

Одна из таких мер изобличается в библейской истории. Об Онане сказано: *бысть егда вхождаше к жене.., проливаше семя на земли* (погублял семя пролитием на землю, не довершая плотского сообщения, для чего же?), *еже не дати семени»* (чтоб не последовало оплодотворения). И такое дело Онана «зло явися пред Богом» (Быт.38:9–10). Употребляются и другие средства, как против законного зачатия, так, тем более, – незаконного. Так, иные родители, имея уже довольно детей и тяготясь новым дитятей, обращаются к близкому для них врачу за советом и помощью, чтоб замеченное зачатие не установилось, – миновало бы их. Так, иное женское лицо, стыдясь незаконной беременности, наперед принимает меры против зачатия, какие посоветуют люди худого же поведения. Так, некоторые жены (дамы), боясь через деторождение потерять свежесть своего лица, грациозность телосложения, вообще – желая дольше сохранить наружную молодость и красоту, чтоб нравиться мужу или мужскому полу, – обращаются к врачу за мерами или же сами произвольно употребляют меры то предупредить оплодотворение, то уничтожить его. Но, что все эти меры противны природе и так же зло являются пред Богом, доказывает и недостижимость ими цели в большей части случаев. Между тем, все они полагают печать бесчестия на деторождение, даже и законное; потому что показывают страх – отвращение к деторождению; большинство их положительно вредят здоровью родителей, особенно матери, уродуют и, наконец, совсем убивают способность родить. Несомненный и тяжкий грех!

Изведение во утробе или убийство вслед за рождением своего младенца

«Рахиль плачущися чад своих, и не хотяше утешитися, яко не суть» (Мф.2:18). Таковы должны быть чувства матери о детях, насильственно убиваемых другими. Как же противоестественно, преступно и незаконно самой матери изводить или избивать свое дитя! Стыд людской, которого побоялась обременевшая или уже родившая незаконно, должен бы быть принят, как заслуженное наказание, да и мог бы мало-помалу изгладиться хорошим поведением. Он уже не составил бы нового преступления, а только уменьшил бы вину греха пред Богом, если б был вынесен со смирением; детоубийство же во всяком случае – страшное преступление. Стыд, вообще свойственный людям за бесчестные дела, есть преследование одной совести: а детоубийство преследуется и гражданским законом. Итак, справедливо за изведение или убийство младенца церковная епитимия полагается до 10 лет (Анكير.прав.21:3). (По правилам же Иоанна постника она сокращается наполовину, но как уже «самая крайняя мера» канонического наказания). Эту епитимию должен понести и родитель умерщвленного младенца, если он содействовал умерщвлению советом или доставлением средств.

Неверности повивальной бабки своему долгу

«Благо же творяше Бог бабам (еврейским) ... понеже бояхуся бабы Бога» (Исх.1:21:20). За то именно, еврейские бабки находились под божественным покровительством, что в чувстве святого страха выполняли свое дело, что лучше решались своей жизнью жертвовать для жизни младенцев, с которыми повивались, чем, убивая их, содействовать сокращению рода евреев, чего желал и требовал от них царь фараон. Ни страх, никакие личные расчеты не могли отвлечь этих бабок от верности своему долгу. Но вот, ныне какие бывают бабки: берутся не за свое дело, т.е. или не понимают повивального искусства и оттого поставляют рождающую в положение более затрудняющее, чем ускоряющее и облегчающее роды, или сами-то болезненны, едва движутся от старости; – медленно являются к страждущим, не думая о том, что тут находится в опасности (особенно когда бывают преждевременные роды) жизнь двух существ: и матери, и младенца, в котором также бессмертная душа; – не сострадательны, бесчувственны к вздохам и стонам рождающей, между тем, как этих вздохов никто больше не слышит, кроме них, и, значит, облегчать – успокаивать эти вздохи их бы единственный долг; предлагают рождающим для бессознательного понесения родильных мук средства, которые за то после приносят боли и более мучительные, и более продолжительные; затем (сторона нравственная), после родов дают у себя свободу свидания имеющим между собою тайную связь, по крайней мере, – с таким же участием празднуют чьи-либо незаконные роды, как и законные; – наконец, по просьбе и из за корысти своей, обменивают при родах детей, даже убивают их.

Неокрещение или неприобщение дитяти, затем умершего

Первого рода грех так тяжок, что виновные в нем и лишаются святого причастия, и осуждаются на пост и многие поклоны каждый день (Из номок. в треб.). Немаловажно также здесь опущение со стороны бабок или родителей: не узнать или не научиться преждевременно, как нужно правильное произносить слова крещения и совершать погружение младенца, если младенец по опасности должен быть окрещен без священника. Вина второго греха видна из того, что Христос – Спаситель, устанавливая тайну святого причастия, о крови Своей прибавил слово «все», сказал так: «пийте от нея все». Уволив младенцев от принятия твердой пищи, как святое тело Его (по первоначальному своему виду). Он этим самым заповедал и младенцев не оставлять без приобщения Пречистой Крови Своей.

Подкинутие младенца

Грешно отторгать от себя собственное дитя. Пусть оно покидается и за нуждою, или по недостатку средств воспитать его: нужно вспомнить, что вдова во дни Илии пророка и при голоде желала иметь в живых своего малого сына. Если же дитя отдается чужим, чтобы избежать бесславия незаконных родов, то здесь допускаются то же отрицание от собственного плода, а затем – ложь, которая вообще законом Божиим запрещается, и, наконец, – покушение, хоть и не намеренное, на жизнь своего младенца; потому что младенец, будучи подкинут и оставлен самому себе, может или простудиться, или совсем погибнуть от холода, голода или от хищного зверя. В последнем смысле в правилах Иоанна постника и говорится о матерях: *«по намерению своему убийцы суть»* (Номокан).

Некормление грудью своего дитяти, кроме болезни

По природе и по намерению Божию: «родить и кормить грудью» должно быть действием нераздельным, и тогда-то мать младенца в полном смысле – мать. Младенец, особенно в первые недели, по бессилию пищеварительных органов, может легко принимать и усваивать себе только материнское молоко. Эта пища предохраняет его от смерти, столь обыкновенной в младенческом возрасте, – упрочивает его здоровье, имеет влияние даже на умственные его способности, при питании правильном полагает в нем начала особенной привязанности к матери. Молоко от животного далеко не может заменить этой пищи. А также не заменяет ее вполне и наемная грудь кормилицы. Известное дело, что чужое дитя не так дорого, как свое. К тому же на нравственные чувства самой кормилицы мало обращается внимания, да и не всегда есть возможность уследить за постыдными ее увлечениями; между тем, кормление грудью совсем не одно питание, но и своя доля воспитания. Итак, несомненно, погрешает и не может быть спокойна совестью та мать, которая отказывает своему дитяти в материнском молоке не по болезни, а совсем по другим причинам; например, чтоб из тщеславия только иметь кормилицу, чтоб не связывать себя сиденьем дома, а свободно выходить или выезжать для гостьбы, на увеселения, чтоб не нарушать ночью своего сна и т. под. Такая мать и при себе делает свое дитя сиротой, – карает сама себя особенными женскими болезнями за нарушение закона природы и не пользуется впоследствии полною привязанностью со стороны своего сына или дочери. Нет, чем более пришлось бы матери провести бессонных ночей по случаю собственного кормления дитяти и отказаться от удовольствий общественной или семейно-супружеской жизни; тем подвиг ее был бы благороднее, и тем более она осталась бы верною внушениям материнской любви. В строгом смысле говоря, и нет матери, не способной кормить сколько-нибудь времени собственною грудью своего младенца, особенно после первых родов.

Заспание у груди младенца

«Умре сын... в нощи, яко лежа на нем» (3Цар.3:19). Церковные законы виновную на этот раз лишают святого причастия в продолжении нескольких лет⁶⁷. Простительно ли предпочитать свой сон безопасности жизни дитяти? Тем же грехом почитается и то, когда дитя, дотоле здоровое, от сильного прижатия к груди матерью или кормилицей вдруг заболевает и вскоре умирает. И вообще, усыплять у груди младенца вредно для его здоровья.

Небрежный или, напротив, излишне-заботливый уход за детьми

Так, грех, например, поручать надзор за младенцами малолетним же, для которых это дело кажется больше наказанием, чем приятною обязанностью, или же совсем оставлять малолетних без надзора; в том и другом случае дитя может то сгореть у печки, то изувечиться, то отравиться тем, что было поставлено для отравы насекомых. Грех, если родители не прививают заблаговременно детям оспы, сами входят в те дома, где свирепствуют сыпные и другие сообщительные детские болезни. Грех, если они, нанимая нянек и кормилиц, не смотрят за обращением или уходом последних со своими детьми, если таким образом младенец иной раз упивается молоком своей пьяной кормилицы, а няньки дают несколько взрослому дитяти вино для потех над малюткой, когда он опьянеет. Грех, если родители нисколько не заботятся о здоровье и крепком сложении детей, например, не приучают их к трудам, избирают для игр их только такие упражнения гимнастические, которые доставляют им удовольствие, а не служат, вместе с тем, к развитию их сил и вообще, к пользе. – Но, с другой стороны, и вредно окружать детей при воспитании чрезмерными заботами, например, кутать их в пух, держать в постоянном тепле, беречь от простуды при малейшей перемене погоды, даже из опасения исхудалости и болезненности их от постного стола питать их в великий пост мясною пищею, спешить учить их грамоте (лет с шести-семи) прежде физического их развития, по поводу того, что они показывают себя очень понятливыми: напротив, особенные, отличные способности их при слабом сложении их тела нужно считать главным препятствием к раннему учению их. И вот, если такое-то нежное воспитание дитяти продолжится до двух-четырех первых лет его, то врожденная способность его прожить известное число годов сократится даже наполовину. Да после такого воспитания дети не выйдут ни добрыми слугами Богу, ни служаками обществу. Они будут во всю жизнь нуждаться в

няньке, в опеке, в сторонней помощи и услуге; от постов церковных они будут отказываться болями желудка и слабостью своего сложения. Особенно ошибочно воспитывают родители первое или же только единственное у себя в живых дитя; тогда иные выполняют все прихотливые требования своего дитяти, так что дитя их делается над ними неумолимым господином (деспотом); тогда они трепещут при малейшей болезни своего дитяти и приучают его к лекарствам, опасаясь лишиться его, а нужно бы помнить, что *«храняй есть младенцы Господь»* (Пс.114:5) и что чрезмерная-то привязанность к дитяти (до обожания), скорее всего, может и физически ослабить его, и вызвать от Господа Бога смерть ему, как казнь за сынообожание.

Неучение детей с раннего возраста молитвам и неприучение их к хождению в церковь, всегдашнее поощрение их будить к заутрене

«Оставьте (пустите) детей и не возбраняйте им приити ко Мне» (Мф.19:14). Так, не следует отлагать изучение детьми молитв до того времени, пока пробудятся в них ум и сознание. В человеке не одна только эта сила души – ум: в нем есть и сердце, и чувство. И как известно, сердце пробуждается в младенце раньше ума – впечатлениями: (даже ведь и в душу взрослого человека проходит много влияний, добрых и вредных, помимо ума). Таким образом, еще в самой колыбели, пред глазами младенца, полезно прикреплять святую икону. Еще и тогда, как дитя начинает только выражать своим языком звуки, нужно ему внушать слово: «Бог, Бог». С четырех же и пяти лет надобно заставлять его молиться утром и вечером, требовать от него, хоть без угроз, чтобы он ни за обед, ни за ужин не садился иначе, как с крестом. С этого-то времени дитя уже с некоторым пониманием должен читать такие кратчайшие молитвы: «Господи помилуй; во имя Отца...; Богородице Дево...». Не следует также возбранять и самым малым детям хождение в церковь под тем предлогом, что они ничего там не понимают и что не по их силам выстаивать службу церковную. Нет, надобно как можно чаще водить детей в храм Божий: вид иконостаса, пение и священнодействия церковные прекрасно действуют на их чувства. – Не следует и каждый раз жалеть их для раннего пробуждения к заутреням. Авраам в раннюю же пору дня поднял с постели сына своего Исаака, готовясь принести в нем необычайную жертву (Быт.22:3). Без самоотвержения не может быть истинной набожности. А кто не имеет самоотвержения даже настолько, или кто не может владеть собой даже в такой степени, чтоб пробудиться рано на молитву, как, например, в великий праздник: тот будет ли способен одержать какую-либо победу над своею плотью и чувствами? Раннее вставанье детей к заутреням (не говоря уже о пользе его для физических сил) и

будет подвигом для детей, как несение креста Христова, как жертва Богу, и благотворительно подействует на всю жизнь их.

Оставление надолго дитяти без приобщения и незаботливость начать исповедь его после семи лет

Христос-Спаситель любит общение с младенцами, которые через крещение очистились от вины первородного греха и еще не имеют личных, вольных грехов. А приводить семилетних к исповеди требуется не только для того, чтоб они приучались к исполнению этого христианского долга, но и по существу самого дела, для очищения их от грехов; потому что некоторые грехи они допускали уже с довольным сознанием. Долг родителей по возможности и приготовить свое дитя к первой исповеди с помощью священника или руководственной на сей раз книги⁶⁸.

Приставление к детям для воспитания иноверцев

Самые опыты доказывают вред, и, следовательно, вину, такого воспитания. В этом случае дети и колыбельные песни и сказки, и анекдоты – слышат все немецкого или французского склада. Молитвам же русским иноверные воспитатели не могут учить детей, потому что сами не знают их. Разве этим молитвам и тому, как творить крестное знамение, научатся дети от престарелой русской прислуги. Меньше еще зла будет, если иноверные воспитатели (гувернеры и гувернантки) вовсе не внушают никаких религиозных понятий младенцам, заботясь только о своем, т. е., чтоб из ребенка сделать картинку, чтоб приучить его казаться не малолетним дитятей, а возрастным, вообще, приучить к лицемерию, хоть и бессознательному. Но вот, иные внушают детям и презрение к православной вере так что отсюда-то, от этого-то иностранного воспитания, и происходит неверие и холодность к святому православию в тех детях, у которых были няньками, дядьками и учителями иноверцы. Нет, – Даниил, например, и три отрока прежде росли среди своего народа, а потом уже безопасно учились в плену, при дворе Навуходоносора (Дан.1:1–5).

Ложное или, единственно, для целей земных и суетных воспитание детей

Сказано: «*воспитывайте чад в наказании и учении Господни*» (Еф.6:4). А это совсем не «учение Господне», когда обучают детей только искусству дочери Иродиадиной, только играть на музыкальном инструменте, искусно петь и говорить на других языках, и все так для того лишь, чтоб лучше устроить участь своих детей, например, женского пола. Не «учение Господне», когда «*преходят*» с детьми «*море и сушу*» (Мф.23:15) чтоб поместить их в учебное заведение, собственно, для славы «высокого образования», а еще чаще ради только прав в жизни и по службе. Такое образование разве можно назвать последним в целях человеческой жизни, а отнюдь не главным и необходимыми. Оно для многих и многих (не говоря еще о духе его, или направлении, со стороны преподавателей) составляет напрасную трату времени, здоровья и состояния, потому что и неприменимо; учат, например, музыке, тогда как ученица не имеет природного слуха к музыкальным звукам; учат иностранному языку, между тем, как говорить этим языком не с кем; учат многому и долго, тогда как по званию и житейскому занятию требуется в жизни немного, тогда как давно уже нужен в доме помощник, которым часто и совсем не выходит юноша, пренебрегающий после своих наук занятием отца. Что это исключительно светское воспитание, состоящее в образовании ума, в науках или искусствах, односторонне, неправильно и суетно, сознают из самих родителей благонамеренные. Действуя на сей раз против своих убеждений, по требованию лишь века, из подражания другим и большинству, родители в душе осуждают самих себя. Но, конечно, суетно воспитание даже сельских детей в том случае, если родители, отдавая своего сына или дочь в начальную сельскую школу, желают, чтобы их сын изучал там больше всего арифметику и счетную часть, а дочь – рукоделье (действительно, дети их и успевают больше в этих занятиях: арифметику тут всегда найдешь лучшею, чем закон Божий). Нет, главнейшая цель всякого

образования, которую родители должны иметь для своих детей, достижением которой только и могут исполнить свой родительский долг в отношении к детям и доставить последним истинное «счастье», – это есть закон Божий, «учение Господне», или то, собственно, чтоб дети сделались верующими и богобоязненными. Без знания закона Божия, и без усвоения его сердцем, человек будет несчастным, хоть бы поглотил всю мудрость мира сего; потому что все прочее годится только для временной жизни; к приобретению же вечности может вести одно благочестие, которому и научает закон Божий. Где же и какими способами вернее достигать для детей такого воспитания, – это зависит от заботливого усмотрения родителей.

Лишение совсем детей образования

«Наказание (ученье) уничтожаяй окаянен (не честен) ... и труды бесплодны.., жены их безумны, и лукава чада их» (Прем.3:11:12). Грамотность есть ключ, всякого знания; за этим ключом сокрыта всякая мудрость. Первая же мудрость для человека есть слово Божие (Сир.1:5). Таким образом, неграмотный лишен счастья читать слово Божие, которым преимущественно назовем святое евангелие. Хоть эта потеря для него и может еще вознаграждаться «огласительным» учением Церкви, службою и проповедью церковною; но все же это потеря великая. Не будь ее, – тогда скорее усваивалась бы неграмотным проповедь церковная, еще легче проникал бы свет Божий в его ум, сердце и жизнь. Затем, от неграмотности происходят потери в житейских или хозяйственных делах; это значит: *«труды бесплодны»*. Отсюда еще большая нерассудительность жен: *«безумны их жены»*. Отсюда их же и тем большая грубость и порочность детей: *«лукава чада их»*. А что часто учившиеся грамоте выходят хуже по жизни, – этим доказывается, между прочим, надобность в той же грамотности, – на сей раз особенно для женского пола. Объясним подробнее. Школьному ученью должно предшествовать, а также и сопутствовать, домашнее воспитание дитяти в страхе Божиим. Первым же воспитателем в доме бывает мать. Неграмотная-то мать, сама не умеющая хорошо читать молитвы, может ли вполне научить молитвам своих детей? Довольно ли способна она внушить детям, что грешно пред Богом, каких речей и действий не любит Бог в человеке? Нет, лицу воспитывающему нельзя быть без знаний. А какое великое значение имеет мать в первоначальном нравственно-религиозном воспитании детей, – на это множество примеров в слове Божиим, и в священной истории: апост. Тимофей был подготовлен в апостола своею матерью и бабкою, которые его воспитали (2Тим.1:5); все три вселенские святителя так же получили первые христианские уроки от своих матерей. И вот, так как в нашем простом народе домашнего материнского воспитания еще мало, – от этого-то,

между прочим, грамотность и не всегда производит на учащихся в школе желаемое действие; ведь вообще учебники и науки сами по себе не делают человека честным и богобоязненным. (То же препятствие доброму воздействию на детей наук представляется и в высшем кругу людей. На этот раз виновно светское исключительно образование самих родителей. Такие родители не заботятся воспитывать своих детей в христианском благочестии или отлагают как теоретическое, так и практическое обучение их закону Божию, до того времени, когда в них пробудится ум, между тем, дети еще до азбуки, еще до школы, успевают занять себе такие мысли и наклонности, что чистые помышления и чувствования на уроках по закону Божию им не особенно нравятся, – приходит не по вкусу). Итак, отказывать детям в образовании, даже и в первоначальном, даже и тогда, как оно предлагается бесплатно – в народных сельских школах, в том числе – и девочкам, это несомненный грех пред Богом: *«аще чада воспитала есть»*, говорится как об одной из главных добродетелей для матери детей (1Тим.5:10).

Подстрекательство детей, во время воспитания их к гневу – мести, а также к честолюбивым мечтаниям относительно будущности их

«Отцы, не раздражайте чад ваших» (Кол.3:21). Вместо того, чтобы воспитывать малых детей в духе любви, родители подстрекают их к злобе, сами ли непосредственно или дозволением этого нянькам и прислуге. Так, например, нарочито сердят детей, отнимая у них любимое их кушанье, любимую игрушку или другой предмет забавы. Для чего же сердят, раздражают? – Чтоб полюбоваться детским гневом, когда, например, кричит дитя, бьет других своими маленькими руками, кусает. Так, заставляют младенцев бить порог, за который они запнулись, ударять куклу, которая пала и сделала им ушиб. Для чего же? Чтоб скорее остановить их слезы по случаю этого падения или ушиба их. Так, когда дитя болеет и плачет, его боли относят или к кошке, или к лицу, которое на виду, и угрожают за то последним побоями или действительно бьют их слегка. С каким, опять, намерением? Чтоб заставить дитя чувством такой мести забыть боль, которая его мучит. Так, когда дитя встретит какую-либо обиду (иногда намеренную со стороны товарища своего) и жалуется на эту обиду с плачем, вместо урока прощения ему позволяют отплатить обидчику подобною обидою или сами тотчас же мстят за него. Но еще чаще раздражают в детях чувство чести чрезмерными похвалами и частыми наградами им, тогда как надлежало бы больше хвалить самое доброе дело или хорошую заслугу, чем лицо. Если же дети показывают в себе отличные способности и успех в науках, если решается о них вопрос – дать ли им большее, или высшее, образование, а также, если они обладают от природы особенной красотой и крепостью сложения, тогда и в глазах их высказываются мечтательные надежды на блестящую их будущность (например, еще у колыбели детской поется: «ты будешь в золоте ходить»). Обещание сыну, что он займет высокую должность или будет замечательным человеком в другом отношении, намек дочери, что ее ожидает знатная

партия: подобные предположения, которые дети или прямо слышат от своих родителей, или только замечают из их отзывов, преднамерений и приготовлений, – в высшей степени подстрекают детей к самонадеянности и гордости. Естественно, что дети после этого начинают смотреть на себя «свысока». Между тем, когда их надежды на счастье не сбудутся, когда они встретят разочарование в действительной жизни: тогда, первое всего, ропщут на родителей же за то, что родители будто бы не дали им удовлетворительного образования или не оставили достаточно наследства. Тогда дети упадают духом и озлобляются вообще против жизни. Таким образом, родители, мечтающие о высоком и знатном для своих детей и подстрекающие к тем же мечтам самих детей, несомненно грешат. Они с уверенностью полагаются на будущее, которое, между тем, известно одному Богу, а не внушают детям держаться в жизни того пути, каким Бог поведет. Они грешат желанием для детей того, чего не следует желать или не прежде всего следует ожидать. Если, например, чей сын и будет многоучен или достигнет высокого места, будет всеми хвалим и уважаем за свой ум и ловкость, а, между тем, в душе он неверующий и по жизни развращенный, в таком случае не лучше ли было бы ему остаться простолюдином-крестьянином, да только верующим и богобоязненным? Более же всего грешат такие родители против детей, обольщая их надеждами счастья.

Пристрастная любовь к одному из детей

В правилах церковных на этот раз сказано: *«аще кто своя чада... едино ненавидит, другое же любит... яко чадоненавистник, не причастится божественных таин, дóндеже не исправится»* (Требн. свящ.). Особенно в большой семье родители не сумеют соблюсти справедливость и беспристрастие в отношении к своим детям. Одного-двух между детьми они особенно любят, об этих больше и заботятся, исполняют все желания их и даже капризы, представляют все действия их в самом лучшем виде или прощают им самые значительные погрешности. К другим же относятся совсем напротив: не ласкают их, оставляют их без всякой заботливости, не обращают внимания на существенные нужды их в одежде или в другом чем, каждый шаг их толкуют в дурном смысле, взыскивают с них за самые мелочи, считают их просто наказанием для себя, лишними и несчастными в семье, – и все так, без всякой, или особенной к тому причины со стороны их. Но отец – мать должны объединять, скреплять любовь в своей семье, исправлять словом вразумления и примером собственной любви к детям замечаемую между детьми холодность друг к другу, а не возбуждать в них, напротив, зависть и ревнивость. Пристрастная любовь к одному или нескольким из детей (скорее, исключение может быть на этот раз для самого младшего в семье, которого и все особенно любят за его младость), между прочим, вредит самим же родителям, возбуждая в остальных детях нерасположение и подозрительность в отношении к ним. Но особенно она вредна детям. Что для одной любимой половины семьи составляет радость, которую доставляют ей отец – мать, то печаль другой – нелюбимой. Но, когда первых встречает какое-либо огорчение или постигает болезнь, тогда вторые выражают злорадство. Таким образом, дети, которым подается повод так завидовать или ревновать другим членам в своей семье, теряют свое добродушие и откровенность. Отсюда вред и здоровью их: дитя, постоянно занятое мыслью, что оно забыто, что ему

предпочитают других детей, изнывает и чахнет. Итак, вполне справедливо подлежат епитимии – не приступать к Святому Причащению родители, пристрастные к одному из детей.

Непопечение о девственности и трезвенности своих детей

«Дщерь человека... аще осквернится, еже соблудити, имя отца своего сия оскверняет» (бесчестит) (Лев.21:9); – «вина в пиянство да не пиеши», говорил в наставление своему сыну Товит (Тов.4:15). Да, вполне бесчестят себя пред людьми, а пред Богом тяжко согрешают те родители, которые допускают своим детям, как несовершеннолетним, так и достигшим совершеннолетия, но еще остающимся в отцовском доме, – допускают дойти до потери целомудрия и до нетрезвости: например, когда дают им полную свободу отлучаться из дома; когда не следят за знакомствами их, – не вредны ли эти знакомства; когда дочерей одних отпускают на долгие вечера и туда, где под предлогом общего рукоделья или работы, дом или изба – место собрания их совсем остаются без хозяев и старших; когда дозволяют своим дочерям читать любовные книги, быть в театрах, долго оставаться наедине с лицом другого пола в комнате, в прогулке или в дороге; когда сыновей своих не далеко держат от женской прислуги (особенно в пунктах ночлегов) и от свободного обращения с женским полом, когда в некоторой мере только не пытливы на этот раз о детях, например, не с запахом ли вина мальчики возвращаются домой после долгой бытности где-либо, не научены ли они кем (равно, как и девочки) самоосквернению и не оскверняют ли себя противоестественным блудом; когда и в физическом отношении родители не заботятся удалить от детей все то, что может преждевременно пробудить, развить в их детях половую страсть, как например, слишком сочная пища, кофе, пряные и ароматные приправы и т. п., и особенно, в то время, как дети оканчивают свой отроческий возраст (с 15 лет и далее); когда, наконец, не предупреждают с благоразумною осторожностью детей в том, что потеря целомудрия и привычка к вину, великий грех пред Богом, затем – позорны не только для их чести, но и для целого семейства, которого они члены, и вредны для их здоровья. Что необходима, между прочим, эта последняя мера

к сохранению невинных детей в девственности и трезвенности, в том нечего сомневаться. Бывают дети в умственном отношении мало развитые или по сердцу особенно доверчивые: но тут же рядом достаточна их развитость физически, по телосложению. Не понимая всей опасности приближения к другому полу и находясь в близкой связи с лицами другого пола в той же самой семье и таких же детских лет, эти дети и могут пасть по-детски, но с страшными последствиями для себя и чести своих родителей. Бывают юноши и девицы, которые уже впоследствии времени, чрез многие годы, узнают через посторонних лиц о греховной вменяемости пред Богом противоестественного удовлетворения своей плотской похоти. Итак, напрасна стыдливость или опасливость со стороны родителей (а также и в школах, на уроках по закону Божию со стороны законоучителей) – не предупреждать своевременно детей относительно грехов против седьмой заповеди: это вовсе не будет ознакомлением с постыдными грехами, а только предостережением детей от этих грехов (укажите страшную яму, и – будут пугаться ее). Напрасна и надежда, будто дети ничего не узнают о плотской страсти до законного времени, или до брака: они могут узнать о ней раньше и гораздо с большим для себя вредом, чем были бы им объяснены в осторожных и искренних словах все губительные последствия ее; ведь теперь человек не с природою невинного Адама, а в состоянии падшем: падения же плотскою похотью самые близкие к каждому и самые опасные. Кроме того, сыновья и дочери, заметив скрытность своих родителей (а в школах – со стороны учителей) относительно плотской страсти, и сами начинают от них скрывать свои шалости и проступки на этот раз: тайный же враг всегда хуже явного. Итак, грех и горе родителям в том случае, если они доводят сына или дочь до потери целомудрия или до нетрезвости через слабость своего характера, своею беспечностью и недосмотром: за такой-то слабый родительский надзор тяжко наказан первосвященник Илия, который, между тем, сам по себе был человеком добрым. Но еще преступнее та отцовская незаботливость о девственности и трезвенности детей, которая бывает сознательною и преднамеренною, когда

т. е. родители легко смотрят на нарушения детьми целомудрия и трезвости, особенно в мужеском поле; когда называют эти нарушения не более как шалостью и увлечением, а не видят тут смерти для души детей; когда сами подают несовершеннолетним из детей вино (в крестьянском быту); когда безотчетно доверяют своим детям (у купцов) суммы денежные, при помощи которых молодые дети заводят себе преступные связи, или же, напротив, по скупости не дают детям денег даже на необходимые (карманные) расходы, вследствие чего, дети решаются красть у богатых отцов и, досадуя на свое безделье, на крайнюю ограниченность во всем, с помощью украденных денег стараются найти себе развлечение в вине; когда, наконец (о, какой срам!), сами родители устраивают дома же или вблизи наложничество для холостых детей – мужчин, собственно, с тою целью, чтоб сыновья их с гуляющими товарищами и с разными блудницами не *«расточили их имения»* (Лк.15:13) (не промотали их богатства). В таком случае, родители являются недоброжелателями к собственным детям; потому что дозволяют развиваться в детях таким страстям, которые дети с трудом могут преодолевать впоследствии времени, но от которых родители же своими отеческими наставлениями, предостережениями и дальновидностью легко могли бы удержать их в свое время. Тяжкая вина родителей!

Невзыскание или, напротив, частые и жестокие взыскания с детей

«Иже щадит жезл ..., ненавидит сына своего» (Притч.13:25). Когда дети малы, тогда-то и нужно быть к ним строгим, полезно сдерживать их от всего худого (Сир.30:12), чтоб по мере их возраста безопаснее было ослаблять строгие отношения к ним и давать некоторый простор их нравственной свободе. В первом, после младенчества, малолетстве их и при особенных обстоятельствах родители могут безотчетно требовать от них послушания, не позволяя им спрашивать или рассуждать так: «зачем? не хочется это делать». А когда они будут приходить в бóльший возраст, нужно объяснять им цель своих требований, а таким образом, вызывать их к сознательной деятельности, пробуждать в них голос совести, полагать в сердцах их нравственные убеждения. И вот, всегда будет виден особый приятный оттенок на той семье, которая воспитывается в строгости родительской! Порадуются тогда сами родители за своих детей в этой жизни (Сир.30:13), в будущей же сугубо возрадуются за них, когда вместе с ними предстанут на суд и скажут «се и аз дети, яже ми дал есть Бог» (Евр.2:13)! Но, если родители (чаще всего мать) не употребляют строгости к детям, например, против своенравия и грубости их, против небытности их в воскресенье у службы Божией, против замеченного за ними воровства, курения табаку или в виду других проявляющихся в них порочных наклонностей, – если не наказывают их за все это по излишней ли любви к ним или потому, что не хотят огорчить их, равно как обеспокоить самих себя тратою времени на исследование их вины, вообще, неприятными напоминаниями или опасением узнать при раскрытии дела еще большие проступки за ними, наконец, – если только угрожают каждый раз виновным детям тем и иным наказанием, но из ста угроз не выполняют и одной: тогда это вовсе не любовь к детям, а, скорее, бессознательная ненависть к ним; потому что тогда худые привычки к детям более и более усиливаются, потому что юность вообще пылка. – Но, с другой

стороны, не следует, и грех наказывать детей часто или неправильно, или только лишь в минуты своего гнева, который возбужден со стороны и вымещается на безгласной семье (в последнем случае и помину нет о доброй какой цели в наказании). Погрешность также наказывать детей без всякого соображения с характером их, так как для иных нужны бывают и телесные удары, а для других достаточно одного выговора и пристыжения. Худо наказывать и без отческого помилования, между тем, как виновный сын или виновная дочь искренно просят прощения. От всех таких наказаний дети делаются скрытными пред родителями, втайне начинают ненавидеть своих родителей, и, как замечает апостол, «*унывают*» (Кол.3:21). Словом сказать, и невзыскательность, и жестокое взыскание составляют крайность. Первый порок относится более к матерям «чадолюбцам» (Тит.2:4), простирающим свою естественную и богозаповедную любовь к детям до слабости, а второй – к отцам, которые и слышат предостережение себе: «*не раздражайте чад ваших*» (Кол.3:21).

Чрезмерное отдаление от себя детей или же, напротив, такое обращение с ними, которое не внушает им страха говорить и делать худое даже при родителях

Чрезмерное отдаление: это значит, что тут чувство господствования над детьми преобладает пред чувством любви к ним. Но, вместе с тем, оскудевают тогда со стороны детей любовь и доверие к родителям. Напрасно какой-либо отец думает при этом опереться на одну естественную привязанность к себе детей. Нет; надобно позаботиться, чтоб дети и свободно любили своего отца. А для этого отец должен, так сказать, снискивать к себе их любовь; не должен обходиться с ними каждый раз столь высоко и холодно, что они бегут от него, лишь только он появляется домой, – что и не смеют подойти к нему с какою-либо просьбою, с каким-либо занимающим их вопросом, и скорее доверяют свои тайны посторонним лицами, чем слишком серьезному отцу. В притче о блудном сыне читаем, что отец сам вышел на встречу к своему сыну и обласкал его, сын же стремился к отцу с полною надеждою, что отец примет его, как нежный, чадолюбивый отец (Лк.15:20). Нет, – в доброй христианской семье можно видеть и отцовские поцелуи с детьми; здесь отец–мать – первые поверенные для детей. (Сюда же относится грех отдаления от себя детей-младенцев. Младенцы исключительно воспитываются няньками и другими посторонними приставниками. Их приносят или приводят к родителям только на короткое время, чтоб ими полюбоваться: но лишь они заплачут, заупрямятся, родители отсылают их от себя вдаль в детскую, – где, как знают, так и обращаются с ними няни, прислуга). – Близкое же, или до того упрощенное обращение с детьми, что дети ни в чем не стесняются присутствия своих родителей, – и еще злейшая крайность. Гораздо лучше, если встреча с родителями тотчас остепеняет детскую резвость, если (представим себе детей вольных или грубых) одно появление между детьми отца–матери, еще меньше – одно опасение, что

родители о них «услышат, догадаются, узнают», удерживает их от вольности. Это значит, что дети еще боятся, стыдятся в своем сердце всего худого. И будь такое присутствие с ними родителей непрерывным, они избегли бы многих нехороших привычек. Но, когда родители обращаются с детьми по-братски или как равные им (между тем, совершенного равенства на сей раз не может, и не должно быть, так даже и в полном возрасте детей, при самостоятельной жизни их), когда родители шутят с детьми и шутками, или дозволением с собой шутить стараются заискаться у них в любви к себе, когда они вместе с детьми играют в карты, поют песни, танцуют, – в таком случае, ничто уже не может удерживать детей от худого. Тогда дети даже и не сознают худого худым, делаются во всем легкомысленными: «играй» (забавляйся с сыном и забавляй его собой), «и опечалит тя» (Сир.30:9–10). Да; эта «последняя лесть горша первыя» (Мф.27:64).

Немоление о детях малых и возрастных

«*Чадо моих молитв*» (Еккл.31:2). Иов после этого, как дети его семьями своими собирались для пиршества, каждый раз приносил за них очистительную жертву (Иов.1:4–5). Так как от Бога «всяко даяние благо», то верующие и богобоязненные родители должны приносить неустанную молитву о том, чтоб сам Господь Бог, благословивший их детьми, и помог им воспитать детей «в трезвенности и целомудрии, в сыновнем послушании и братской, семейной любви, в вере и страхе святом», а для возрастных «указал бы пути общественной службы или частных занятий, устроил бы участь их женитьбой или замужеством, смягчил бы их сердца (если они непокорны родителям), помиловал бы их (если они допустили тяжкое прегрешение), привел бы их теми или иными посещениями к обращению и исправлению жизни (если они совсем развратились)». Церковь положила особенные чины молитв «при начатии учения отроков» и о малоуспешных в ученье отроках. Нередко одною лишь молитвою и можно подействовать на детей, например, когда они живут в отдалении от глаз родительских или, когда совершеннолетние не исправляются от пороков, холодны к вере и, как бы больные белой горячкой, не поддаются никаким добрым родительским убеждениям: тогда молитва за этих детей при бескровной жертве, или за обеднями, остается единственною помощью и много поможет. Надеяться же только на свои человеческие силы и средства, прежде всего, в деле воспитания малолетних, ошибочно, а затем полагаться на свои лишь родительские права, когда взрослые не оказывают послушания и увлекаются к вольномыслию или грубым порокам – тоже очень неверно. Хорошим также предохранением тех и других детей, т. е. и малолетних, и возрастных, от нарушения девственности может быть родительская молитва к Богу, чтоб ангел-хранитель был с ними неотлучно; так, некогда, Товит поручал своего сына за глазами своими вполне охране ангела-хранителя. Особенным предметом родительских молитв о детях должно быть то, чтоб,

«как самим родителям, так и детям их избавиться от вечной муки»; потому что не может быть страшнее беды, как вечная гибель, следовательно, и нет необходимее благожелания своим кровным, как желание избежать этой страшной участи. Худо, если родители не исполняют такой молитвы.

Стеснение детей в делах богоугодных

«Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф.10:37). Следовательно, в свою очередь, и родители не могут требовать от детей любви и послушания к себе в такой степени, чтоб дети их вынуждены были нарушить через это прямые свои обязанности к Богу. Например, грешно из-за себя стеснять детей в говенье или в более частом хождении в церковь, то задерживая их дома для домашнего обихода, то отвлекая другими занятиями; богопротивное дело склонять дочь к замужеству и препятствовать ей поступить в монастырь, когда она первого не желает, а к последнему стремится с разумным сознанием («аще кто, сказано в номоканоне, за еже монашествовати сыну своему лишит его части и наследия, той да отлучится»⁶⁹); – неугодное Богу дело и то, когда отклоняют детей от законного брака с тем, собственно, намерением, чтоб, например, холостой сын исключительно был привязан к матери-вдове и с братскою привязанностью содержал бы своих сестер, между тем, как видимая для его нравственности опасность – оставаться ему надолго холостым.

Лишение детей без причины родительского благословения

Если «благословение отчее утверждает дом чад» (Сир.3:9), то отказывать детям в благословении потому лишь, что, например, сын или дочь как-либо изобличают нехорошую жизнь самих родителей или не хотят услужить суетности матери или отца в чем-либо, – значит злоупотреблять правом, которое дано свыше, значит – вместе с тем, обнаруживать безрассудную злость к детям. Но и только угрожать часто, в минуты сильного гнева, лишением благословения: «бойся; не дам тебе благословения», – не следует; потому что в таком случае дети могут перестать дорожить родительским благословением. (А, чтоб, с одной стороны, дети больше дорожили родительским благословением, с другой – быть для них достойными проводниками благословения от Бога, быть как бы трубой, через которую истекал бы полными струями на них ток Божиих благословений, – для этого-то сами родители должны вести жизнь чистую, богоугодную).

Проклятия на детей

«Клятва матери разрушает до основания» (Сир.3:9). Так и были примеры, что проклинаемые матерью дети один за одним умирали. Прежде всего, безумно проклятие на детей малолетних (ему равняется название в досаде детей именем «дьяволов», или «чертенками»). Пусть такое проклятие на младенцев, вообще на невинных детей, и не получает своей силы (Притч.26:2), но все же со стороны родителей непростительно проклинать свой плод. Затем, неуместно проклятие на взрослых детей. Если взрослые своими дерзостями или худыми поступками и выводят отца–мать из терпения, так что представляется справедливым употребить над ними страшную меру наказания – проклятие, то родители должны на этот раз внимательнее всмотреться в самих себя: в порочных страстях и в злом характере их детей не скрываются ли их собственные пороки, которые они сообщили своим детям в самом зачатии или в период воспитания детей? Горькие уроки в жизни и сама преклонность лет смирили и исправили их самих: но в молодых годах не те же ли самые злые качества и привычки имели они, какие обнаруживают и дети их? Итак, лучше всего остановиться проклятием даже и на взрослых детей, и, укорив себя пред Богом, еще и позаботиться об их исправлении.

Намеренное пред детьми унижение отцом матери их или матерью отца их

В пятой заповеди Божией сказано не только: «*чти отца твоего*», но «*и мать твою*». Таким образом, отец, который словами или примером унижает пред своими детьми мать их, например, упрекая ее малорассудительностью и слабостью женской природы, – грешит против закона Божия; далее, такой отец грешит против матери своих детей; потому что, смотря на его пример, и дети начинают нипочем считать свою мать, между тем, как он должен бы еще усилить ее власть над ними, особенно над малолетними, так как малолетние больше всего находятся с матерью; – грешит такой отец против самого себя потерю должного уважения к себе со стороны детей, потому что от непочитания детьми матери не много шагов и до грубости отцу. – Но еще более грешит сама мать, когда внушает детям не слушаться отца, а слушать ее одну, когда отменяет пред детьми добрые или, по крайней мере, невинные распоряжения отца; – когда хочет иметь на своей стороне всю семью, – возобладать одна любовью детей; – когда стесняет в справедливых требованиях власть отца, которого вознес его над семьей сам Бог, например, заступаясь каждый раз за виновных детей, упрекая отца в ограничениях детям, для которых, между тем, есть основания, порицая открыто отца за то, что он мало доставляет детям средств на приданое и т. п. При равенстве прав над детьми, мать, однако ж, и сама обязана «во всем» (Еф.5:24) повиноваться их отцу, а своему мужу. С ее стороны гораздо благоразумнее будет внушать детям чувство особенного уважения к отцу, как главе семьи, и самой вперед детей показывать примеры этого уважения. Словом, отец и мать должны взаимно поддерживать свои права перед детьми, рука об руку вести дело строгого христианского воспитания их, втайне хранить свои особенные какие-либо преднамерения о ком-либо из них. Взаимное же неуважение отца–матери, раздоры их между собой из-за детей или только озлобленное молчание, которое также поймут дети, все это впоследствии

времени весьма вредно отзовется на отношениях и детей их друг к другу.

Явные соблазны собственным детям

Дети вообще расположены подражать старшим, как еще неспособные к самостоятельной, обдуманной деятельности. Но родителям своим они больше всего подражают; потому что никого не видят ближе к себе, как родителей, потому что отцу – матери больше всех доверяют: действия родителей они считают для себя образцовыми. Если же обратим на сей раз особенное внимание на младенцев, то на этих почти одними-то примерами и можно действовать: ни наставлений, ни замечаний от родителей они еще не способны вместить. Но и тогда, как младенцы будут приходить в возраст, – наставления и замечания со стороны родителей принесут им пользу в таком лишь случае, если слово родительское не будет противоречить делу, если, например, отец, посылающий сына в церковь, сам не остается дома или не старается позже прийти к службе. (Особенно пример родительской молитвы усвоится малолетними детьми, – будет ли то молитва усердная или только наружная и рассеянная. Вообще, добрые примеры родителей столько важны, что у святых угодников всегда почти отец или мать были святые, а чаще всего мать отличалась набожностью). Но, если, напротив, примеры родителей будут явно худые, – дети тотчас же начинают подражать своим родителям в том, чему только по своим летам могут подражать. (Например, отец велит своему сыну сказать о себе, что «его нет дома», между тем, как он дома и может принять посетителя: и сын после этого легко решается на обманы; отец – мать часто при детях своих переговаривают или осмеивают священника: и дети по своему посмеиваются над священником; отец – мать при детях осуждают, поносят соседа: и дети привыкают к пересудам и злословию; молодая мать при своем дитяти часто и подолгу поет песни; и детский слух, вкус и голос привыкают к тому же пению: хороша же наука!). Затем, достигнув совершеннолетия, дети большею частью начинают проявлять в себе те же самые пороки (например, нетрезвость, буйство), которые привыкли видеть в своих родителях. Счастье еще для

детей, если жизнь порочного их отца продлится и, если отец, изменив образ своей жизни, добрыми примерами изгладит в их памяти соблазны, которые подавал им. Вообще же, по свойству памяти человеческой, как поврежденной грехом, – припоминать человеку более худое и соблазнительное, чем святое и поучительное, – на этом самом основании какой-либо соблазн со стороны отца или матери, поданный еще в детском возрасте, о! как долго-долго припоминается даже и самым добрым сыном или дочерью, смущая их дух. Худые родительские примеры до того вредны, что скорее же в настоящем случае можно исправить злое зачатие дитяти (т. е. в порочном состоянии духа и тела родителей), – исправить тщательным воспитанием, чем изгладить соблазнительные впечатления на детей в период воспитания их. Особенно губителен пример развратной жизни родителей, когда, например, вдовый отец держит в своем доме, на виду малых детей, наложницу. Такой отец, может быть, не вступает во второй законный брак в тех, собственно, видах, чтобы показать свою жалость к детям, чтоб не ввести к сиротам новую мать (мачеху). Но, в самом деле, он оказывается очень безжалостным к своим детям. Предаваясь разврату, который не ускользает от зорких глаз его детей, он уже совсем расстраивает счастье своих детей. Как недостойный отец, он не может передать детям от Бога благословение, а своим примером лишь научает их незаконной жизни. Итак, горе, горе тому отцу или матери, ими же *«соблазн приходит»* (Мф.18:7) для собственных их детей, которых руководить – учить доброму более всего обязаны они! Это не отцы своим детям, а, скорее, убийцы.

Ропот на многочадие или на большую семью

«Спасется чадородия ради, аще пребудет⁷⁰ в вере и любви» (1Тим.2:15), – вот что обещается людям, рождающим и богобоязненно воспитывающим детей! Итак, погрешают те родители, которые жалуются на то самое, что, между прочим, верно ведет их к спасению, которые говорят: «согрешили мы с детьми...» (согрешили, т. е. в смысле забот, суетливости по дому и частых вспышек гнева на детей). Затем: справедливо ли раздражаться на детей, если они рождаются и, если их много? – ведь они не виновны в своем рождении. Не жестоко ли желать им смерти из-за того, что трудно воспитывать их или (тем еще хуже) потому только, что они служат помехой родителям в светских развлечениях? Если и множество нужд или прямо бедность угнетает, если жизнь и без того дорога для всех, то многосемейные отцы и матери, эти по преимуществу или по истинной заслуге «воспитатели рода человеческого», без сомнения, не забыты же у Бога с своими семьями, – у Бога милосердного, который и «птиц питает» (Мф.6:25). А, если многочадие или многосемейность не позволяют только составить никакого запаса состояния, всегда обременяя главу семьи большими заботами: в таком случае, несравненно лучший капитал – дети. Дорого очень и это: чем больше у кого детей, тем больше за того молитвенников пред Богом, если его дети воспитаны им в страхе Божиим, если видели искреннюю любовь к себе отца.

Безутешная печаль об умершем дитяти

«О мне не рыдайте, плача бо ничто же начинах достойное»⁷¹. Это первое против безутешной печали. Действительно, каждым вновь умирающим младенцем (если младенец крещен) увеличивается число лиц в царстве небесном. И Господу Иисусу Христу принадлежит право из среды живых избирать Себе младенцев, как пастырь имеет власть выбрать себе из всего стада самую лучшую овечку: Он создатель, питатель и искупитель младенцев – родители же только временные опекуны их. Затем, многообразны могут быть намерения Божии в ранней смерти детей, но, во всяком случае, эти намерения премудры, праведны и милостивы; например, может быть, родители были слишком пристрастны к своему дитяти или его воспитание и обеспечение поставляли предлогом неумеренно увеличивать свое состояние, или же его ожидало в жизни величайшее несчастье. Итак, остается говорить с Иовом, который потерял даже всех до одного детей, – и, однако, благодушествовал; «Господь даде, Господь отъял» (Иов.1:21). Скорбеть же об умершем дитяти до потери сна, до болезни, до отрицания всякого постороннего утешения, это значит: *«уже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин»* (Мф.10:37).

Лишение взрослых и отделившихся детей всякой поддержки и наследства

Родители должны помогать также и взрослым детям, во-первых, материально, когда это требуется, и когда имеют на то возможность. Вечным, так сказать, плательщиком за отцовские благодеяния должен быть сын, но и добрый отец не прекращает сыну своих благодеяний, не отказывает в пособии тем из детей, которые нуждаются в его поддержке. Нуждаются, говорим, или потому, что только лишь начинают жить особым хозяйством, или уже обременены малыми детьми, или, наконец, произвольно отделившись от отцовского дома и истратив скоро наследственную часть, дошли до нищеты и голода. Вызов к пособию последнего рода, правда, неблагоприятен. Но, если неразумный сын, сознав свои вины, желает снова воротиться под кров родительский и только ожидает ласкового родительского слова: долг родителей не отталкивать его, но принять так же, как был принят блудный сын милосердным отцом (Лк.15:20). – Тем более в нравственном отношении родители должны поддерживать взрослых и отделившихся детей, т. е. не бросать их на произвол страстей, если они пали, но с болезнью отцовского сердца отыскивать их на распутьях порока – предостерегать их, неопытных, от ошибок в жизни или по службе – чаще посещать их дом-квартиру, стараться лучше устроить их участь. Новый брак и новые дети от второго или третьего брака неизвинительные причины к лишению взрослых детей всякой поддержки, а в общем разделе и наследства. Так как сказано: *«не должна суть родителем снискати имения, но родителе чадом»* (2Кор.12:14), то после всего этого грешат те родители, которые по холодности своей обделяют долею наследства взрослых и отделившихся детей.

Непонятливое вмешательство в умные дела взрослых детей

Мать царя Соломона вошла с ходатайством к своему сыну за брата его, Адонию; но этим лишь ускорила казнь Адонии, который прибегнул к ее ходатайству (3Цар.2:13–26). Если сын или дочь, занимающие высокие места, почтительны к своим родителям и богобоязненны, то неуместное вмешательство отца–матери в их дела (по должности или по ведению ими частных хозяйственных дел) стесняет их совесть, т. е. и отказать родителям в просьбе для них тяжело, и исполнить просьбу нет ничего хорошего. Но, если сын или дочь несдержанны и направления вольного, в таком случае непонятливые родительские прекословия им в умных делах их составляют для них только повод упрекать своих родителей необразованностью, близорукостью в суждении о деле. Можно судить после этого, – полезно ли непонятливое вмешательство.

Притеснение своих пасынков и падчериц

«Иже сице едино... отрочат приимет во имя Мое, Мене приемлет» (Мк.9:37). Так, от Самого Бога, можно сказать, отчим и мачеха приняли с брачным венцом пасынков и падчериц. Сколько искренний был обет их Богу в любви супружеской, столько же искренняя должна быть решимость их заботиться о приведенных детях. Они обязаны заменить для этих детей родного отца или мать, проявлять к этим детям отцовские чувства, хоть бы, в то же время, имели собственных детей. Виновны, таким образом, тот отчим или та мачеха, которые оставляют «приведенных» детей без всякого внимания, как бы чужих, которые сквозь пальцы смотрят на проступки своих пасынков и падчериц, не удерживают в руках богодарованной им власти над этими детьми. Но тем более грешат они, если злоупотребляют своею властью: если, например, обделяют во всем пред собственными детьми пасынка или падчерицы, если отзываются худо или насмешливо о родном отце или родной матери своего пасынка – падчерицы, вместо того, чтоб с доброю памятью относиться к умершим при детях их, а также поминать бы умерших в церкви в известные дни, вместе с детьми их; если, наконец, ненавидят и угнетают сирот даже до того, что вследствие этих угнетений имя «злой мачехи» вошло в поговорку и к ним-то вполне приложимо. Без сомнения, дадут ответ пред Богом такие отчим и мачеха за свое равнодушие или прямую ненависть к своим приведенным детям. Пусть сами пасынки или падчерицы не располагают их к себе, пусть смотрят на них враждебно; но утешением и наградою за свою отеческую заботливость они должны бы иметь слова Спасителя, которые мы привели: *«иже едино... отрочат приимет во имя Мое, Мене приемлет».*

Угнетение усыновленных и приемышей

Пример противный: *«возмужавшу отрочати введе (Моисея мать его) ко дочери Фараонове, и бысть ей в сына» (Исх.2:10)*. Жестокосерды те бездетные люди, которые, добровольно приняв к себе посторонних детей и усыновив их себе законным порядком, или без усыновления взяв их на воспитание, – оказываются для них хуже и чужих: попрекают их незавидным происхождением, держат их наравне с прислугой, бьют их, как бы вымещая на них свои милости, не дают им доброго воспитания и возможного, по средствам, образования. Вместе с тем, эти люди не готовят обществу в своем воспитаннике хорошего члена. А им-то бы и шло принять для воспитания круглого сироту; принять его могли бы они раньше, еще малолетним дитятей, чтоб больше привязать его к себе. Опасение, что, может быть, будут собственные дети и, что, может быть, придется раскаиваться за принятие чужого дитяти, – не должно бы останавливать бездетных от такого доброго намерения, т. е., чтоб быть родителями чужому: случилось, за приемышами тем скорее рождались свои дети. – Сюда же относится грех крещеных цыган, когда цыгане крадут чужих детей и потом распоряжаются этими детьми для своего обмана.

Оставление без всякой опеки незаконных детей

Хотя рождение незаконно, и хотя незаконные дети остаются самым тяжелым напоминанием для совести родителей, а пред людьми и без слов всегдашним постыдным упреком, однако ж, как естественные родители, ни отец, ни мать этих детей не должны, во-первых, совершенно отказываться от них; во-вторых, быть для них только вполовину родителями, т.е. тайно лишь доставлять им средства к содержанию, и ни о чем больше не заботиться, между тем, как есть возможность поместить их в какое-либо заведение для воспитания или отдать для обучения ремеслу. Дитя не виновато в том, что родилось от таких лиц, которые зачали его по страсти, незаконно; оно так же беспомощно, как и всякое дитя. Особенно в этом случае несправедливы и бесчеловечны отцы, которые предоставляют одной матери пить всю горькую чашу нецеломудренной ее жизни. Мать носит тяжелую беременность, затем в болезни рождает дитя, а потом – водится с дитятей, терпит через это крайнюю бедность, утруждая помощью посторонних лиц, а самозванный пред законом Божиим отец не знает никакой заботы, отказывается от своего плода; пользуясь отсутствием улик в своем грехе, он вступает в брак с кем-либо перед самым разрешением от бремени несчастной участницы его греха, или еще хуже – продолжает с другими лицами жизнь, сопровождаемую так же незаконными рождениями. Какое злое посмеяние над несчастным положением другого лица! Какое бесчеловечие и к дитяти невинному, и к матери его, которая, положим, и сама виновна, но не более, если еще не всегда менее, чем убежавший или скрывающийся отец! (В житиях святых знаем примеры, что монахини, скрывшие свой женский пол в мужеском монастыре, воспитывали и чужих незаконных детей, которых рождение относил к ним бесстыдная клевета людей). Нет; нужно и незаконных детей поставить на добрую дорогу жизни. Одного только при этом должно беречься родители, особенно по поводу сближения между собой для воспитания незаконнорожденных, т. е., чтоб снова не погрешить

преступною связью, за которую они подвергли себя такому постыдному игу в жизни. Иуда, согрешив с Фамарью, которая зачала от него близнецов, *«не приложи к тому познати ю»* (Быт.38:26).

**Злонамеренное предательство какому-либо
неблагополучию собственных детей с
употреблением во зло родительской власти над
НИМИ**

«Предаст же... отец чадо» (детей) (Мф.10:21). Так, например, бывает, что родители:

а) продают детей в неволю, прикрепляя их к работе или в услужение к человеку жестокому;

б) отдают своих детей на распутство, помещая их в непотребный дом, к богатому холостому человеку в наложничество;

в) принуждают к противному для них браку (1Кор.7:28,8:9), чтоб посредством этого брака избавиться от платежа своих долгов, сблизиться с богатым и знатным родством, а то и сбыть только – лишь с своих хлебов дочь.

Или же

аа) не удерживают молодой дочери от замужества с престарелым, чего она сама желает по своей нерассудительности;

бб) не выдают в замужество дочерей (Василий Вел.18) по своей скупости, избегая необходимых расходов, и тем располагают последних к ропоту на свою судьбу;

вв) по нетерпеливости избивают своих детей, т. е. желают им смерти, например, больным или убогим и, наконец,

гг) делают калекой свое дитя, чтоб с искусственным уродом испрашивать себе милостыню.

Холодные чувства к внучатам и незаботливость о внучатах

«Лобыза (Иаков внуков своих) и объят я... и рече...: Бог да благословит детища сия» Быт.48:10:16). Здесь мы видим и нежную любовь, и достойную заботливость в отношении к внукам. Замечательно, – эти чувства в ветхозаветном патриархе не были выработаны – как ныне бывают – особенно наукою или чтением книг о воспитании детей (педагогика), а выразились как чистые чувства природы и как плод страха Божия. Внуки – продолжение рода-фамилии и, большею частью, носят имена своих дедов. Следовательно, деды естественно должны любить их и заботиться о них. С духовной же стороны решая этот вопрос, во внуках своих деды должны видеть благословение Божие на себе: «и узриши сыны сынов твоих» (Пс.127:7). Следовательно, когда деды относятся холодно к своим внукам, то не ценят Божьего благословения. Нет, дедушка и бабушка, не ослабляя власти самих родителей над малолетними внучатами (например, родители хотят взыскать, а они заступаются за любимых своих внучат), должны принимать живое участие в воспитании внучат, особенно в религиозно-нравственном. Это нравственный долг дедов; потому что сами родители или меньше имеют времени, чем они, заняться воспитанием своих детей или же по молодости своей и мирской суетности менее заботливы об истинном счастье собственных детей, или, наконец, по неопытности своей, более допускают ошибок в деле детского воспитания. Таким образом, дед – бабушка обязаны учить малолетних внуков своим молитвам, приводить их с собой в церковь и особенно к тем службам, которые совершаются в церкви от имени их семейства, например, по случаю чьего-либо поминовения, должны занимать внучат своих рассказами из жизни святых, какие сами знают, и т. п.

Притеснение своей невестки или зятя

«Кая неправда моя, яко погнал еси вслед (преследуешь) мене», говорил некто своему тестю (Быт.31:36). Сильный связями или влиянием в обществе тесть теснит своего зятя, обыкновенно, из-за жалоб на него жены; между тем, причина жалоб, в свою очередь, скрывается более в нетерпеливости и непокорности жены своему мужу, чем в действительных ей обидах. Чаще встречается притеснение зятю с того времени, как лицо, связывавшее его с тестями, т.е. жена, умирает. Но всего чаще притесняется не зять тестем, а невестка – своей свекровью и даже всей семьей мужа: *«разделится свекры на невесту свою»* (Лк.12:53). Здесь прежде всего преступно побуждение к преследованию: свекровь боится, чтоб невестка не взяла верха в доме или же опасается охлаждения к себе родного сына, которое уже в некоторой степени и замечает; таким образом, по самолюбию своему она гонит невестку, особенно на первых порах, – старается вооружить против невестки и своего сына ее мужа, забывая о коренном законе: *«оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей»* (Быт.2:24). Затем, в гонении на невестку заключаются такие вины: – невестка (через своего мужа) уже сама имеет право домооснования, следовательно, принижать ее несправедливо; надлежало бы, напротив, утешить ее сочувствием всей семьи, как отделившуюся от родного дома, чтоб она скорее привязалась к чужой семье; – не видя к себе в новой семье ласкового обращения, встречая – особенно от свекрови – каждодневную брань, упреки в лени и неопрятности, она старается всеми силами склонить своего мужа к разделу от дома отцовского, и ненужный раздел сбывается; наконец, натерпевшись много в семье мужа, она и сама впоследствии времени вносит тот же дух угнетения и семейной вражды в новое поколение.

Излишняя любовь к своей семье до равнодушия к крайним нуждам других семейств

«Не твори ми труды: уже дети моя со мною на ложи суть: и не могу, встав, дати тебе» (Лк.11:7). Такова эта излишняя любовь к своим детям, и вообще к своим домашним. Свою только семью она оберегает, защищает в правде и без правды, между тем, как равнодушно и даже враждебно относится к вопиющим нуждам других семей. Очевидно, эта любовь противна христианской любви к ближнему и несносна в общежитии.

При бездетности непитание в себе отеческого чувства и даже ненависть к детям

«Якоже отец чада своя.., утешающе вас», говорил о себе апостол Павел (1Фес.2:11–12). Кому и не суждено быть отцом, тот должен смотреть на малолетних отроков, а при глубокой своей старости – на самых юношей, как бы на своих детей. При таком достойном истинного человека и христианина взгляде на чужое потомство, бездетный человек, встречаясь с теми и иными детьми, должен прежде всего беречь невинность детей от соблазнительной речи или примера в себе. Затем, должен стараться сказать им слова два-три умных и предостерегающих от порока, ободрять их похвалою за доброе, которое они обнаруживают, а в грубых шалостях их никогда не льстить им, не оставлять шалостей без строгого замечания. Приводя себе на память собственное детство и вспоминая о Христе-Спасителе, Который обнимал детей, – бездетный человек должен любить чужих детей, ласкать их, благодетельствовать им, а ради их, и бедным их родителям, но никак не гонять их от себя с ненавистью. Словом, должен питать в своей душе сладостное чувство отеческой любви и носить это чувство в себе всегда, проявляя его, прежде всего, к детям и юношам, а затем и к таким лицам, которые вызывают проявление в нем этого чувства по случаю какой-либо крайней своей нужды, говоря к нему: «явите отеческую милость; будьте вместо родного отца»!

Непопечение о крестниках

Восприемники, или «крестные отцы», звание которых существует в Церкви от первых времен христианства, обязаны помогать родителям (а также и пастырям Церкви, этим первейшим учителям и воспитателям духовным) в добром воспитании и настроении своих крестников и крестниц. А кто принимает от купели возрастного из иноверцев, тот и «сугубо отец» для своего крестника: он сообщает крестнику от своего имени и фамилии, делается у крестника родоначальником. Отсюда обязанности восприемников совсем не столь кратковременны, чтоб могли оканчиваться купелью или только праздником крестин. Если и живы родители тех, которых они приняли от купели, и если сами родители вполне заботливы о воспитании собственных детей в духе веры и благочестия христианского, – все же крестным остается своя доля в столь важном деле; например, могут и должны крестные молиться об утверждении в вере своего крестника или крестницы, могут при каждом свидании давать крестникам добрые советы, дарить им иконы или духовные книжки, благословлять их на брак, подкреплять родительские права над ними своими наставлениями в том случае, если они мало почитают своих родителей, и т. д. Не отвечая ни пред Богом, ни пред Церковью за невозможное исполнить в отношении к крестникам (например, когда и видеть крестников нельзя), восприемники погрешают, когда не делают того, что могут делать и в чем чувствуется очевидная надобность. Например, есть же возможность наблюдать за крестником из евреев или магометан; как-то молится он Богу, ходит ли в церковь, не имеет ли опасного дружества с прежними единоверцами; есть возможность принять и обласкать у себя крестника или крестницу, по крайней мере, представляется случай спросить об их здоровье, об успехах в ученье или о службе; есть сила слова или особенного влияния побудить их говеть каждый год; – дозволяет состояние помогать им в нуждах и даже при бедности или сиротстве их пристроить их к законному браку, завещать

что-либо в наследство им. Однако ж ничего этого не выполняется, даже и на память не приходят духовное родство и духовные отношения к крестникам; кроме того времени, когда крестник или крестница должны бы пригласить своих крестных на свой брак (свадьбу). В таком случае несомненно согрешают восприемники.

Непочтение к крестным

«Якоже крестися та (Лидия)..., моляще (апостола Павла) ...: *вшедше в дом мой, пребудите*» (живите в нем) (Деян.16:15). Так, когда крестные отцы крайне нуждаются в приюте, то следует и приютить их у себя. Во всяком случае, требуется воздавать им, вместе с крестившим священником, сыновнее или подобное сыновнему почтение, и слушать их советов. Когда же они умрут, следует вписать их имена в свой помянник и молиться за упокой их. Пусть и не было никакой заботы их о своем крестнике или крестнице, пусть не сделано и не делается ими ничего для судьбы крестников. Но одно то, что они были посредствующими лицами в даровании от Бога такого величайшего блага, как святое крещение, что принесли в церковь крест, который потом возложен на крещаемого, что давали ответ пред Церковью за младенца, каковым бывает каждый крещаемый, если не по возрасту лет (крещаются иногда и возрастные), то по духу, словом – были отцами в такие важные минуты: это одно для того человека, который дорожит своей православной верой, должно быть достаточным основанием уважать своего крестного или крестную.

Корыстное кумовство

Это грех и родителей, которые крестят свое дитя, и самих восприемников (кумовьев) как в отношении друг к другу, так и к родителям своих крестников, и к самим крестникам. Первые, т. е. родители, ищут в восприемнике лицо чем-либо полезное и выгодное для своих детей и для самих себя; вторые, т. е. кумовья, только для себя хотят найти в кумовстве лицо близкое, рассчитывают тоже на взаимные подарки (есть по местам такой обычай) или только лишь дорожат тем, что пригласили их для кумовства, что бедные люди будут хвалиться ими, как знатными кумовьями, а крестники впоследствии времени станут принимать их на своих домашних праздниках. В таком случае, нисколько не обращая внимания на то, могут ли восприемник или восприемница (кумовья) поручиться воистину за веру крещаемого и быть руководителями его в доброй христианской жизни. Имеется в виду только то, в состоянии ли эти кумовья принести хороший подарок на крестины и впоследствии времени жертвовать крестнику или крестнице, могут ли покровительствовать или содействовать своему куму по службе, в делах торговли, хороши ли они для взаимного приятельства и хлебосольства, сделают ли честь своим кумовством. Таким-то образом и приглашаются, и бывают восприемниками: богатые состоянием, но не верою; обещающие свое земное покровительство, но не обещающие наставлений в вере своим крестникам или не могущие по закону обещать, потому что это иногда иноверцы (лютеране); близкие по соседству или по одинаковому занятию житейскому, но не близкие к Богу по своим молитвам и христианской жизни; щедрые на приношения, но не подающие надежды или дожить по своей престарелости лет до того возраста крестников, когда бы могли выполнять на самом деле обязанности восприемника, или же и совсем видеть когда-либо своего крестника – крестницу, так как проездом лишь или по пути куда-либо приняли от купели младенца. Руководясь этими-то корыстными видами, родители крещаемых младенцев часто обходят для восприемничества близких родных, как,

например, братьев или старших из собственных детей, или же лиц доброго христианского настроения, которые также знакомы им, но только незнатны и небогаты. Очевидно, этим они унижают и святость таинства крещения, и честь своих крещаемых детей.

Грехи воспитанников и воспитателей

Неблагодарность и прямая плата за добро злом своим воспитателям, учителям и благодетелям

«Будут человецы... неблагодарны» (2Тим.3:2); «воздаша ми лукавая возблагая» (Пс.34:12). После родителей ближайшее место в смысле лиц благодеющих занимают для человека воспитатели и наставники его, если они есть или были. От родителей каждый, по воле Божией, является на свет, а воспитатели и учителя образуют человека, чтоб он мог жить на свете для пользы общества и собственной. Поэтому воспитанники к своим воспитателям и опекунам, ученики к своим учителям, должны выражать подобные же чувства любви и признательности, какими обязаны к родителям. Затем следуют благодетели нам. Пусть участие в чьей-либо жизни благодетеля бывает кратковременное, чем продолжительный труд воспитателей или образователей молодого юношества, но зато в участии благодетеля выражается большая доброта сердца или дороже оно по крайнему положению человека, а также, может быть, и радостнее по своей неожиданности. Всего важнее: благодеяние благодетеля дает нам почувствовать милующую нас десницу Самого Бога; потому что особенные благодетели в жизни, как например, спасшие чью-либо жизнь среди явной опасности, предохранившие кого от неверия или разврата, подавшие иному утешение в горькой печали, не оставившие бедняка своими пособиями в крайних нуждах его, – такие благодетели бывают не иначе, как орудиями Божьего промысла о человеке (Иак.1:17). Тогда человек невольно говорит: «Бог послал мне благодетеля...»; тогда благодарность к благодетелю необходимо связывается с благодарностью к Самому Богу. Итак, оставаться вообще неблагодарным – низкое чувство и несомненный грех пред Богом. Грешно, например, не сознавать самых благодеяний, говорить, будто «воспитатели или учителя обязаны были по должности своей, первые – воспитывать, а вторые – учить, благодетель же сделал благодеяние из личных видов или только подстрекаемый именем благодетеля, человека милостивого». (Нужно смотреть

на услугу и одолжения, а не на побуждения к этому, которые осуждать, хоть бы они были и нечисты, – все же не воспитаннику или благодетельствованному, а, разве, кому-нибудь другому). Грешно не довольствоваться благодеяниями, говорить, будто они малы, между тем, как к ним не был обязан благодетель. Грешно не изъяслять знаков благодарности; например, при встрече с учителем как бы и не узнавать его, не поклониться ему и даже не дать ему дороги или же, и питая в душе чувство благодарности, не хотеть выразить ее: чего здесь стыдиться или чем стесняться? разве присутствия других? Но, если это будет первая встреча с человеком, который оказал великое благодеяние, ужели так молча и поздороваться с ним, ужели забыть как бы о его благодеянии? нет; не благодарить при свидетелях не лучше того, что и совсем не благодарить; стыдно ли, тягостно ли благодарить благодетеля и лично пред ним одним? скорее ли искренние и щедрые выражения благодарности явятся заочно и в письме, чем в глаза подвинется язык сказать: «благодарю, искренно благодарю»? но напрасно! сознание благодеяния и выражение благодарности пред благодетелем никогда не унижит человека. Грешно не отклонить случая, которым можно огорчить своего благодетеля, а также, не быть готовым защитить его. Грешно употреблять благодеяния не на добро, которого желали лица благодеющие, а на одно зло. Грешно не стараться воздать благодеяниями или возможными услугами от себя своим благодетелям или же их детям и близким к ним (Быт.45:16–20), а когда на это нет сил, то лишь не молиться о них Господу Богу, да воздаст им своими милостями; с другой стороны, и нет ничего доброго в том, чтоб спешить расплатиться за услуги и благодеяния, чтоб скорее сбросить с себя бремя признательности, и затем иметь повод обходиться с своим благодетелем, как только будет угодно: между тем, великого благодетеля в жизни (равно, как и дорогого наставника) нужно бы помнить и после смерти их.

Но еще непростительнее прямо платить злом своим воспитателям, наставникам и благодетелям, например, пользоваться случаем предать их за что-либо ответственности и взысканию, нанести им публичное оскорбление и т. под. Иуда

предал своего учителя и благодетеля: не страшное ли тут подобие поступка? Неблагодарный вредит не одному своему благодетелю, но и другим, которые часто должны прибегать к посторонней помощи, вредит последним тем, что иной благодетель по слабости своего духа, опасаясь той же неблагодарности и со стороны прочих, отказывается благодетельствовать.

Забвение добрых предостережений для жизни со стороны законоучителя или учителя

«Хвалю вы, яко вся моя... помните» (1Кор.11:2). Умный, благонамеренный и богобоязненный законоучитель – священник, равно, как таких же качеств светский учитель, всегда дают своим ученикам для будущего служения их или для простого какого занятия и общежития добрые предостережения. Может быть, они применяют эти предостережения и к личным качествам воспитанника, а еще чаще, к тем опасностям и соблазнам, с которыми воспитанник в скором же времени встретится в жизни. Выходя из-под воспитания, юноша и девица должны принять эти предостережения, как отеческий подарок, – должны помнить их всегда. Лучше ученикам с полным доверием держаться учительских предостережений, чем пускаться на опасности в жизни, или же, тем самым – испытать злое, чтоб «путем зла дойти до добра» и через это будто бы еще глубже полюбить доброе. Предостережения учительские не догадка, а опыт. Так, например, оставаться надолго холостым и по случаю холостой жизни нарушать целомудрие, – этот грех тем виновнее пред Богом, если законоучитель в свое время много и сильно говорил против него.

Непочтение к старым людям

«Пред лицом седаго востани и почти лице старче» (Лев.19:32). Нужно почитать старость и только за седины ее, если она не имеет никаких других преимуществ: во всех старых людях дитя и юноша могут представлять себе образ своих родителей и предков. Тем более достопочтенна та старость, которая украшается мудростью, многою опытностью и искреннею набожностью (Сир.25:6–9). Но пусть между престарелыми бывают и такие, которые не имеют этих достоинств и даже легкомысленнее многих умных юношей. Если долг службы или без службы одно чувство христианской любви к ближнему требуют того, чтоб вразумить таковых стариков, удержать их от пороков: то и тут *«старца не укоряй, но умоляй яко же отца..., старицы, яко же матери»* (1Тим.5:12). Престарелому несравненно труднее отстать от своего порока. Поэтому великая находка для нас, хоть умоляющим, ласковым словом успеть исправить или остановить его. Таким образом, грешат те люди, которые не хотят почитать старость, например, не уступают престарелому при встрече с ним дороги или в доме место, где сесть; не хотят помолчать, когда он говорит; не оказывают ему услуги, когда он беспомощен, забывая, что и сами в старости будут нуждаться в подобных услугах. Грешат намеренные оскорбители достопочтенной старости дерзким словом или осмеянием, и особенно так публично или при многих, например, на площади, на железной дороге: это сходно с тем, как и оскорблять слабых женщин и несчастных людей; да помнят такие оскорбители, что, если оскорбляемые ими и не всегда, по слабости своего характера и немощи сил, могут защитить себя от их оскорблений, то имеют в Боге сильного защитника и отмстителя. Грешат те молодые и современные люди, которые пренебрегают суждениями, советами и заявлениями старых людей потому только, что так рассуждают старики, будто бы «отжившие свой век». Между тем, справедливость требует сказать, что многие из самых лучших предприятий нового времени не возникли бы, если б не было

для них предварительного кропотливого труда людей, которые жили раньше. Но, во всяком случае, молодой человек, изучающий науки и наблюдающий за жизнью, не будет опытнее такого старца, который прежде его начал изучать науки и жизнь, да и не перестает по возможности следить за всем этим до последнего времени. Словом, не уважать и прямо оскорблять старых людей (наравне, как мы сказали, с женщинами и несчастными) есть признак самого злого человека.

Старание заслужить любовь у своих воспитанников потворством им

«Никогда же в словеси ласкания быхом к вам» (1Фес.2:5). Власть воспитателей и образователей юношества можно считать вполне родительскою властью в том случае, если воспитанники не живут на глазах родителей, а находятся под одним надзором и руководством воспитателей (Гал.4:1). Следовательно, долг воспитателя так же удерживать своих воспитанников от проявлений в них, так называемого, «ветхого человека» или от действий первородного греха, как это признают своим священным долгом и родители. Воспитание и не будет воспитанием, если детям дать волю проявлять безразлично все то, что в них есть по природе, т. е., если не замечать им, почти на каждом шагу, их погрешностей в суждениях, а особенно не направлять к добру действий их, показывая им всякий раз, что делать хорошо и приятно Богу, а что бесчестно и чем оскорбляется Бог. Посему виновны те воспитатели, которые вместо напоминаний своим воспитанникам об ошибках только ласкают – ублажают их, имея при этом, единственно, цель собственную, личную, чтоб снискать любовь к себе воспитанников и быть названным от них «прекрасным, не строгим, добрым». Например, если воспитанник показывает хорошие способности и учится хорошо, то учитель хвалит его без меры, располагая его таким образом к гордости. Если же другой из воспитанников успевает худо, по слабости ли способностей или по рассеянности, и, если это сын или дочь родителей более известных, учитель все-таки ставит знания слабого ученика выше (дает ему больший балл), опасаясь его отзыва не в похвалу себе. Если ученик или ученица обнаруживают добрые качества, учитель или начальник воспитательного заведения, вместо того, чтоб только втайне порадоваться за этих детей и незаметно поддерживать в них хорошие стороны, вместо этого, шумно превозносит их и выражают к ним удивление, подстрекая их тем к самомечтательности и беспечному довольству собой.

Потворствующий учитель держит себя в отношении к ученикам как равный им, любит с ними шутить, делает им всевозможные уступки и снисхождения, например, относительно небытности их в классе и в церкви, развивая в них этим самым неуважение к старшим, а также, и в них самих слишком уступчивую совесть, с которою, между тем, нельзя быть надежным членом ни семьи, ни общества. Но такой воспитатель не всегда достигает и собственной цели, т. е., чтоб быть любимым от своих воспитанников; потому что дети догадливы, они принимают с сочувствием такое только обращение с ними, которое бывает естественным. Например, если учитель хочет быть ласковым, добрым, то и должен быть таким искренно; если же он желает быть строгим, если гневается и наказывает, то и тут должен быть прямодушным, а не показывать только вид строгого учителя. Что же в особенности до последствий потворства по отношению к воспитанникам: то, без сомнения, это великий вред нравственному направлению всей школы. Это уже не воспитание, а порча воспитания.

Пренебрежение здоровьем воспитанников

«Взят его пестунница его и бежа..., и паде, и охроне», сказано о няньке сына Ионафанова (2Цар.4:4). Пренебрежение к здоровью воспитанников может выражаться, например, так: нянька дает дитяти что-либо усыпляющее, чтоб самой спокойнее проспать ночь; держат детей в удушливом, излишне-теплом и неопрятном помещении (дым, пыль), позволяют детям оставаться с шарфами на шеях во время классов, как, например, в селах; обременяют учеников против силы учебными занятиями, притом – не с чистой жизненной целью, а для одного экзамена; не оберегают у них от раннего повреждения или ослабления тех органов, которые важнее других и легче всего повреждаются, как грудь и глаза: для детской груди, да и для глаз, без сомнения, великий вред от курения табаку, которое, между тем, не преследуется; вредит груди слишком наклоненное положение тела во время письменных занятий; вредит глазам чтение тотчас после бани, в сумерки и при рассвете (без свечи) или же книг мельчайшей печати (а таковы большей частью учебники); вредят зубам сахаристые вещества; и вот, на все это не обращается внимание воспитателей; только лишь начальники и сотрудники воспитательного или учебного заведения не внушают воспитанникам об особенных опасностях для их здоровья, которыми они, по своему легкомыслию, пренебрегают, – не знакомить детей с ядовитыми растениями, не как, впрочем, с ядом, которым можно вдруг прекратить жизнь, а как только с причиной жесточайших болей; наконец, ее внушают воспитанникам, что, главным образом, они должны дорожить своим здоровьем и жизнью телесною для будущей вечности жизни; потому что, чем здоровее человек, тем легче может выполнять обязанности христианские (например, выдерживать строгий пост, выстаивать продолжительную молитву); а чем дальше он живет, тем больше имеет времени подготовиться к будущей жизни. Воспитатели, пренебрегающие подобными мерами для здоровья воспитанников, грешат как пред законами

природы, так и пред тем обществом, на служение которому приготавливают своих воспитанников; потому что после такого воспитания, естественно, дети выходят хилыми, мало усидчивыми, или нетерпеливыми в труде, и недолговечными.

Опущение в деле воспитания самого главного: «веры и духа благочестия»

«Начало премудрости страх Господень» (Притч.1:7); «телесное обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть» (1Тим.4:8). Не на одних уроках по закону Божию воспитанники должны усваивать себе дух веры и научиться правилам богоугодной жизни (если еще и закон-то Божий преподается правильно, не ограничиваясь для учащихся одною памятью или одним знанием и устными ответами, но оставляя свой след в самых сердцах учеников и действуя на их волю). Нет; каждый предмет, каждая наука в школе или в учебном заведении должны быть в качестве слуги тому главному делу в воспитании, чтоб учащиеся благоговели пред Богом и научились лучше исполнять заповеди Божии. Если человек теперь грешен, если он и *«родится во гресех»*, то вся забота, прежде всего, воспитателей его, а потом – его самого, когда он будет возрастным, – вся забота должна состоять в том, чтоб ему «менее и менее грешить»: тогда-то он будет более счастлив в настоящей жизни и приготовит себе в будущей самую радостную участь. И нечего затрудняться в том, – может ли каждый преподаватель по своему предмету, преследуя эту главнейшую цель в воспитании юношества, – может ли извлекать для воспитанников уроки благоговейной веры в Бога и доброй жизни: в самых отвлеченных предметах, как арифметика – математика, если не могут быть заимствованы из жизни христианской и церковной примеры к объяснению их (а нужно же брать где-либо примеры), то лишь тон преподавания должен быть смиренным и не высокоумным. Особенно на начальниках воспитательного или учебного заведения (ректорах – директорах, инспекторах и смотрителях) лежит священнейшая обязанность проводить всюду при воспитании дух святой веры и благочестия. Самый же этот дух всем открыт в евангелии, в примерах жизни Господа Иисуса Христа и в житиях святых. Сильнейшими средствами, которые могут воспитывать его в учениках и ученицах, признаются: «чтение евангелия, обучение

церковному пению, церковная молитва и пробуждение в воспитанниках искреннего желания принимать таинства исповеди и св. причастия». Итак, недобрые те воспитатели и учителя, которые еще намеренно обходят это главнейшее в воспитании: «дух веры и благочестия»; которые только внушают своим воспитанникам: «учись больше и дольше», а не говорят: «делай больше доброго, сколько и в настоящем положении своем можешь делать»; которые, скорее, выразят ученику предостережение от худого в таких словах; «не хорошо, не благородно, грубо, по-крестьянски», а не скажут: «грешно пред Богом»; которые обращают внимание воспитанника только на внешние признаки и последствия худого дела, как, например, бесчестие от людей, опасение чтоб не донеслось о проступке до «высшего начальства», а не заботятся о том, чтоб от проступка страдало сердце воспитанника, чтоб мучилась его совесть при мысли о Боге святом, милостивом и правосудном, любящем в людях одну чистоту мыслей и дел; которые только лишь на словах или в отчете чествуют закон Божий главнейшим предметом между прочими науками, а на деле отмежевывают ему едва не последнее место; которые, наконец, кормят своих воспитанников, например, в пансионах, и в великий пост мясною пищею, боясь исхудалости их от постных блюд, а не боясь чрез это сделать их и на всю жизнь неспособными, или же не расположенными, соблюдать святые посты.

Равнодушие к особенным порокам воспитанников или собственные худые примеры им

«Блюдайте (смотрите), да не презрите единого от малых сих» заповедал Христос-Спаситель (Мф.18:10); «юным же образ доблий оставлю», говорил Елеазар, учитель семи отроков – Маккавеев (2Мак.6:28). Что такое пороки, особенно в детском возрасте? Это не такие болезни, которые часто проходят сами собой. Нет, – в детях, которые столько всегда живы, часто легкомысленны и при этом еще быстро сочувствующие друг другу, – в детях-воспитанниках известные пороки, вкравшиеся как-либо к ним, будут возрастать вместе с обыкновенным возрастом их. Притом, пороки мало-помалу дают юноше свое направление, если даже внешние поводы к ним и прекратятся, т. е. они внутренне развращают молодого человека. Итак, тяжко погрешают пред Богом те воспитатели юношества, которые знают, что, например, воспитанники их начинают испытывать вкус вина, делают свои театры и свои детские вечера (у девочек совместно с мальчиками для танцев), вольно рассуждают между собой о предметах веры, иные не ночуют дома, занимаются азартною игрою, например, в карты, знают обо всем этом, и не принимают никаких мер против зла потому только, что зло этого рода ничем особенно не беспокоит их самих. За небеспокоющими же пороками, пожалуй, явятся и очень беспокойные, например, публичные рассуждения воспитанников о современных вопросах, общие и настойчивые о чем-либо просьбы их (сходки), вмешательство в выборе и назначении учителей, – вследствие чего явятся? В силу внутренней нравственной распушенности их, по ослаблению над ними властного надзора. – Но пусть от воспитателей сокрыты особенные пороки в среде их, так как порок вообще не любит света: и это не оправдывает воспитателей, и не может успокаивать их совесть. Добрые воспитатели должны как сами наблюдать за нравственностью своих воспитанников, так и пользоваться посторонними сведениями об их поведении, наконец, – предупреждать тайною молитвою к Богу появление и

развитие между ними губительных пороков. (Здесь, в особенности, имеется в виду тайное самоосквернение, или рукоблудие, и вообще, потеря воспитанниками детской невинности, полученной в крещении: например, в первом случае заботливый воспитатель обходит весьма часто спальни воспитанников, не позволяет воспитанникам совместных постелей, требует, чтоб они не закрывались глухо одеялом и руки свои привыкали бы держать поверх одеяла, как только благоприятствует этому теплота комнаты; распространяет незаметно между ними, когда откроется нужда, и чтение против страшно-гибельного онанизма⁷² и т. под.). – А еще ответственнее пред Богом поступают те из образователей юношества, которые собственными примерами увлекают воспитанников к злу; так, например, одни подают детям пример чрезмерной суетности (молодые учительши); другие и на уроки приходят не трезвыми; третьи нарушают посты, и это иногда допускается даже в сельской простоте сельским учителем (2Макк.6:1–26); четвертые сами вольно отзываются при воспитанниках о лицах и предметах священных или приглашают кого-либо из воспитанников в товарищи своего разгула; иные и нескрывтно от воспитанников имеют преступные связи. Таким-то соблазнительям вполне применима угроза – жернов осельский на шею, потому что детский возраст, детские души особенно дороги Искупителю – Иисусу Христу. В таком случае, образование приводит гораздо к худшему злу; оно только делает человека не верующим и более смелым на худое, по той самой причине, что в человеке, так воспитанном, «Бога нет». В таком случае, несравненно лучше остаться вовсе необразованным, как иные замкнутые инородцы (например, черемисы), представляющие из себя в полном смысле «детей природы».

Попрек других своим благодеянием

«Взаим дайте ничесоже чающе» (Лк.6:35). Если так и данное займы не следует ценить слишком дорого, то тем более не в духе христианской любви попрекать других теми благодеяниями, которые были оказаны по человеколюбию и за которые воздаст Господь Бог. Благодетель, придающий слишком большую важность своему благодеянию или только любящий напоминать о своем благодеянии, отталкивает других обращаться к нему за помощью, а в том человеке, которому уже оказал благодеяние, охлаждает чувство признательности к себе и как бы этим самым освобождает последнего от обязанности благодарить его. Наконец, когда кто, собственно, из-за благодарности и воздаяний будет делать необязательное добро другим: тогда добрая деятельность этого человека скоро должна сократиться. В таком случае, нельзя ему и быть благодетелем, между тем, как это и долг человеколюбия, и ближайший путь к спасению души. Почему же нельзя – потому что примеры злой неблагодарности повторяются часто; а еще чаще бывает взаимный спор – гнев, при котором и не было мысли, да и не представлялось серьезной причины, попрекнуть другого своим благодеянием, но по привычке ожидать благодарность, как-то легко может выйти попрек. Нет, надобно еще радоваться тому, что Господь Бог помог оказать человеку благодеяние и желать только того, чтоб благодеянием воспользовались, как следует.

Грехи слуг и хозяев

Небережение хозяйского добра и вообще нерадение о пользе хозяев

«Аще в чужом верни не бысте, ваше кто вам даст?» (Лк.16:12) Слуга, который небрежлив на хозяйское добро по своей лени, – напрасно тратит дары природы, вместо того, чтоб сберегать и умеренно употреблять их, особенно при скудости в них того дома, у кого служит. Это первая вина небрежливого слуги. Затем, если он не сберегает хозяйской собственности, которую еще должен был бы увеличивать правильным употреблением ее или уходом за ней, например, в продуктах растительных, не сберегает потому только, что все это «не его, а хозяйское»: в таком случае, он погрешает против хозяев, которых добро – чужое лишь чужим, а не ему; для него же оно должно быть дорого, так как собственность. Он погрешает и против самого себя, лишая себя верной надежды жить собственным домом и хозяйством. Да; за беспечность о хозяйском добре Господь Бог не даст ему счастья жить и собственным хозяйством, как видно из приведенных слов. А, что иные хозяева дают почему-либо небольшую плату и никогда особо не награждают или не дарят прислуги, – это не причина не радеть об их пользе. Тогда за усердие свое слуга может надеяться на тем бóльшую награду от Бога: *«еже аще сотворит благое, сие приемлет от Господа, аще раб»* (Еф.6:8).

Положительные и намеренные убытки хозяевам

«Рабы (увещавай) быти некрадущим» (Тит.2:9–10). А то уже и значит красть, когда слуги намеренно по своей злости быют хозяйскую посуду и ломают экипажи; без позволения отдают хозяйские вещи посторонним пользоваться или же совсем; имеют сделки с торговцами, которые что-либо доставляют, или продают в дом хозяйский большим количеством, при покупках хозяйских удерживают себе часть этих покупок или самых денег, доставляя затем отчет в купленном не совсем правильный; делают самые покупки или дозволенные расходы (например, в дороге, в отсутствии хозяина) без особенной нужды, бросая деньги; только лишь по досаде на хозяев не предупреждают их о каких-либо потребностях для дома, например, когда что нужно купить в свое время или где предохранить что от падения или от пожара. Если хозяйский дом и богат, если подобные убытки ничего, по-видимому, не значат для состоятельного хозяина, – это не оправдание для неверных слуг. Господь Бог богат и всем; однако ж, расхищать Его сокровище не следует. Он требует от нас, чтоб мы были *«верными в малом»* (Мф.24:21).

Неверность в служении по обязательствам и обязательным отношениям

Елиезер управлял всем в доме Авраама и даже удостоился поручения приискать невесту сыну своего господина, или хозяина (Быт.24:24); исполняя это поручение, он каждый шаг делал с молитвой (Быт.24:12). Так-то должны бы поступать все те, которые находятся в обязательных отношениях к другим. Это, например, подмастерья, доверенные приказчики, управляющие и арендаторы. Грешат они, если обязались служить на известное время и за известное жалованье, но вскоре же, и вообще до срока, требуют себе прибавочного жалованья; если спорят и не покоряются при вычете у них жалованья или платы за те немалые дни, когда совсем не было их занятий или работы для хозяев, по нетрезвости ли их или от иной неисправности, а также отказываются от вычета с них за утраченные ими материалы и вещи; если в отсутствие хозяина употребляют на собственные дела то время, которое не принадлежит им, которого законный владелец их хозяин; если беспечно замедляют работой против назначенного по обоюдному согласию срока или исполняют работу только лишь по самому настойчивому требованию, поставляя этим своего хозяина в крайнее затруднение пред другими, которым он, между тем, письменно или словесно обязался делом в надежде на их руки; если от имени своего доверителя делают убыточные уступки или же напрасные притязания; если держатся только буквы в распоряжениях своих хозяев и доверителей, а не стараются сделать больше пользы хозяевам; с другой стороны, жертвуют для интересов или в выгоду своего хозяина правом своего голоса там, где обязательные отношения не имеют места, где служащий делается совершенно равным своему хозяину, например, в общественных собраниях, а также опускают для хозяина обязанности христианские, например, не ходят в церковь, занимаясь в конторе; наконец, не имеют почтения к прежним владельцам и не ищут у последних полезного совета.

Перенос тайн хозяйского дома и искусственное произведение раздора в хозяйском доме

В каждом доме могут быть свои тайны, которые знать соседнему дому нет пользы. Так иногда и уважаемый человек отступает от своих правил, предаваясь в домашней жизни нетерпеливости – гневу, говоря о посторонних лицах то, чего не должен бы говорить; так и все доброе семейство иной раз показывает в себе стороны, которых нельзя похвалить. Слуга же, как временный семейный человек, узнает об этих тайнах, то случайно, то по доверенности своих хозяев, а чаще всего – по нетерпеливости последних. И вот, если слуга неразумный и неверный, то разглашает тайны, лишая тем, большею частью, напрасно хозяйский дом общественного доверия. А, если это слуга еще и злонамеренный, готовый из всего извлекать себе корысть: то ради какого-нибудь угощения или подарка искусственно посеивает ссору в семье своего хозяйского дома и между ближайшим родством хозяев. Но «якоже рабы Христовы» (Еф.6:6), сказано о слугах. О, если бы каждый слуга и помнил о себе, что он, «слуга Христов»! Тогда он был бы предан главному своему господину в доме, так, равно, и семейству его, и ближайшему родству всего этого дома. Тогда лишь только несправедливо напали бы на его хозяина со стороны, – он, как знающий лучше других этого человека, оказал бы свою защиту; потому что иначе своим молчанием он подтвердил бы несправедливый отзыв о хозяине, потому что молчание его на этот раз было бы сильнее самой речи. Затем, когда слуга перейдет для услужения в другой дом, – и этот переход тоже не развязка ему от тайн прежних хозяев, которые он, может быть, только боялся раньше раскрыть. Повторяем: в каждом доме, в каждой семье есть свои тайны, иногда добрые, а иногда одни худые. Первые слуги в новом доме, куда поступил для услужения, еще может открывать, если они служат к назиданию другой семьи; а о последних должен хранить молчание и стараться забыть их, как бы случайно услышавший чужую исповедь.

Злоупотребление доверием господ, подобно слуге пророка Елисея

Это значит брать подарки от просителей скрытно пред своим господином. Господин бескорыстен, а слуга, пользуясь его доверием, не допускает войти к нему ни одного человека без того, чтоб не потребовать себе прямо или намеком подарка. Такой слуга – язва для дома хозяйского, где служит; потому что карает из-за себя бесславию своего господина. Язва он и тому обществу, для которого служит его господин или хозяин. Чужою проказою был наказан слуга Гиезий, подобным образом злоупотребивший доверием пророка Елисея: и этот слуга – взяточник часто наследует чужие проказы, т. е. пороки того человека, о котором просил своего господина, приняв подарок, или которому предоставил своим ходатайством должность какую, прощение за вину, стоящую самого строгого наказания.

Научение хозяйских детей худому или же злонамеренное смолчание пред родителями о худом в них

Слово Божие не только запрещает слугам неверность материальную, или относительно вещей хозяйских (домашнее воровство), но и требует от них добросовестности во всем, что близко и дорого хозяевам их: *«веру всяку являющим благу»* (Тит.2:10). У иных хозяев, вот, и есть, кроме имения, другая собственность, которую они также волей и неволей вверяют честности своих слуг и которая дороже для них самого золота и серебра. Эта собственность – невинные дети. Тяжкий грех лежит на слугах, если слуги не только передают бессознательно хозяйским детям разные поверья и приметы, но и с полным сознанием произносят при детях слова и речи, вреднейшие для детского слуха (например, проклятия, матерную брань); если, проводив куда-либо своих хозяев, составляют затем в своих комнатах (а дети тогда с ними) пирушку, пляску, преступные свидания с другим полом; если прямо научают хозяйских детей красть у родителей что-либо для них; если посвящают детей в такие тайны, которых дети никогда не должны бы знать. Да и одно смолчание пред родителями о худом, которое прислуга видит в малолетних хозяйских детях, – тяжкая вина со стороны прислуги. Строгий и заботливый отец готов бы слышать даже от птички, не только от разумного слуги, весть о своих детях, если дети действительно допускают что-либо худое или опасное, чтоб поспешить остановить зло. Итак, это самая постыдная неверность слуг своим хозяевам и тяжкая вина их пред Богом, когда они или прямо развращают невинные души хозяйских детей, или только прикрывают худые поступки последних.

Грехи слуг в своем кругу, или в отношении друг к другу

Это, например,

1) сговор (стачка) против хозяев. Условившись не открывать друг на друга, кто в чем виновен против хозяев, прислуга или крадет хозяйское, или дружно содействует скверному делу одного из главных хозяев, скрывая зло от тех лиц в доме, которые могли бы воспрепятствовать этому злу. А, собравшись вместе, прислуга заводит любимый разговор об ошибках и недостатках своих хозяев, или прямо злословит их.

2) Лениость одного слуги насчет усердия другого. Ленивый медлит и выжидает, не сделают ли за него другие то дело, которое на нем лежит, а усердный слуга и по необходимости иной раз выполняет его дело; потому что иные дела в хозяйстве не терпят отлагательства. Таким образом, первый недобросовестно обременяет последнего.

3) Угнетение младших старыми, или старшим слугою: *«начнет бити рабы и рабыни»* (Лк.12:45), – пример подобного слуги. Младшие или новые слуги в доме не имеют, как старший, ни доверия от своего хозяина, ни доступа к хозяину. Пользуясь этим, старый или, как большею частью бывает «комнатный», – слуга обижает прочих, которые и живут-то вдали от хозяев, в так называемой «людской», – обижает своим грубым обращением, а также долею в столе или в хозяйской награде, общей всем.

4) Наущение на худое старыми в доме слугами новых. Лучшими слугами, обыкновенно, бывают те, которые прямо поступают из дома, особенно из сельской семьи. Затем, и эти добрые портятся, иные – очень быстро. Кто же более портит их? Старые в доме слуги. Старожилы-то, например, внушают новым, что «мала им плата от хозяев, что можно и без спроса у хозяев отлучаться из дома», и т. д. Старожилы подают молодым слугам пример нетрезвости: *«начнет (раб) ясти же, и пити, и упиватися»* (Лк.12:45). Наконец:

5) отговор и препятствие к хорошему. Один слуга от искреннего усердия хочет служить хозяевам, а другой, питая

злобу на своих хозяев, старается охладить в нем усердие. Один встает на молитву утром и вечером, а другой намеренно препятствует ему помолиться своим разговором или смехом. Один просит у хозяев постного стола в постные дни, а прочие не соглашаются на это. Один желает в пост отговорить, исповедаться и причаститься св. Таин, – другой не хочет заменить его по хозяйской работе во время его хождений в церковь. Нет; если по духу евангелия и господу в отношении к своим слугам должны быть как братья, не изменяя внешних отношений: *«все же вы братья есте»* (Мф.23:8), то тем более между слугами должно быть свое братство. Живя под одной кровлей, находясь в непрерывных и близких отношениях друг к другу, словом, составляя из себя одну семью, слуги должны вести себя, как члены одной семьи, а не вредить хозяевам и, взаимно, себе, будто соединившиеся какие враги.

Частая перемена мест служения

Апостол Павел, возвращая Филимону беглого слугу его, Онисима, говорил: «*да вечна (навсегда) того приимеши*» (Флм.1:15); а в Ветхом Завете домовладыки достаивали, наконец, верных своих слуг «*всыновления*» (Быт.15:3, снес. Быт.45:5). Отсюда следует, что и слуги со своей стороны крепко должны держаться своих мест, а не менять часто места по сговору от других, по легкомыслию, по нехотению терпеть обиды в своем кругу и для избежания, будто бы, взаимных ссор, по жадности к большей денежной плате. Часто переменять места обращается в привычку своего рода и развивает в слуге вообще непостоянный характер. (И до чего доходит это непостоянство, это непочтительное своеволие! Прожил месяц, и отходит. Прожила полгода, и нанимается в другой дом). Эта перемена мест большею частью оканчивается одним раскаянием: польстится слуга на большую денежную плату, но в новом месте, куда поступит, встречает другие, и еще большие неудобства, от которых и опять решается бежать. Переменою мест он унижает себя, если, из-за денег придя служить, ради денег же и отходит: между тем, должен бы он служить хозяевам по примеру Господа Иисуса Христа, который «*не прииде, да послужат Ему, но да послужит*» (Мк.10:45). Т. е., должен бы служить не единственно из-за денег, а по любви и свободно, не отягощаясь именем «*слуги*» – служить дотоле, пока не отказывают, пока есть силы, пока нужно где-нибудь служить: после этого и добрые хозяева скорее оценили бы его услуги, стали бы жалеть о нем в то время, когда бы он далеко отлучился куда или умер. Перемена слугами мест составляет истинную обиду хозяевам; потому что в таком случае хозяева должны каждый раз приучать нового слугу к порядкам своего дома, а иногда, при болезни своей или при большой семье, и надолго оставаться без прислуги. Особенно предательски поступает слуга и тяжко грешит пред Богом, когда ничем не обиженный от хозяев вдруг все бросает по своей обязанности в доме и уходит совсем без всякого спроса или

предуведомления. О, где же ныне такие слуги, которые бы жили на одном месте многие годы! Разве одни хозяева нуждаются в прислуге, а прислуга не нуждается в хозяевах? Если б было у чего жить дома, то и не зачем наниматься в услужение. Как же не дорожить местом? Зачем обижать хозяев? О, жалкие нравы!

Горделивое обхождение с прислугой

«Аще ти есть раб, имей его якоже брата» (Сир.33:32) (обращайся с ним как с братом). Только в язычестве на слугу смотрели, как на существо другого (низшего) рода, или как на вещь, которую можно было и продавать, и покупать. В христианстве же взгляд на слугу должен быть совсем иной, – как на человека и как «на брата о Христе». Затем, положение слуги и без того не особенно радостное, если он еще не настолько рассеян, чтоб не понимать своего положения; по бедности своей он живет в «чужих людях», а не дома; он часто одинок, так что не имеет ни предкам высказать свое горе или поделиться своею радостью (берем во внимание слугу доброго, каким более бывает, как сказали, только-то начинающий служить или пришедший от семьи, из села или деревни). Итак, несправедливо и противно человеколюбию обходиться со слугою, как с ничтожною тварью. Апостол Павел, требуя отдавать слугам *«правду и уравниение»*, указывает причину своего требования в том, что и сами господа *«имеют Господа в небесах»* (Кол.4:1), что они сами «рабы» (слуги) пред Богом. Обращаясь и еще раз к самому делу, видим, что грубое и бранливое обхождение с прислугой или же один тон обхождения с ней сухой, презрительный, дает ей гораздо сильнее почувствовать свое зависимое и униженное состояние; напротив, добрая и ласковая речь со слугами делает для них нечувствительною зависимость (Иак.1:9). И напрасно думают (как, например, молодые господа или хозяева), будто только резким, повелительным тоном можно поддержать свою власть над прислугой. Нет, любовь, которая обнаружится в ласковости, всего крепче свяжет слугу со своим господином. Нынешний слуга вынесет, пожалуй, и самое горделивое обхождение с ним, и будет сам унижаться в почтительных названиях или выражениях пред знатными или богатыми хозяевами. Но ради чего? Ради только дорогой платы, а не по чувству искреннего почтения и в простоте. Будет в виду еще дороже плата, и – он готов уйти.

Худое содержание прислуги

«Се яко очи раб в руки господий своих» (Пс.122:2) (т. е. рабы от своих господ ожидают себе и пищи, и содержания). У прислуги не другая же натура, чтоб ей оставаться на сухоядении, чтоб получать хлеб с весу, помещаться в сырости и часто угорать, жить в крайней тесноте и около смрадных мест, спать на голом полу, без постели и т. под. Если позволяют средства нанимать прислугу, то, конечно, найдутся средства и содержать ее порядочно. И в самом деле, такое-то (суровое и скудное) содержание встречает прислуга чаще всего в домах состоятельных людей, следовательно, не от бедности последних, которую можно было бы еще извинить. Раздражает при этом прислугу и неравенство в собственной среде долей хозяйского содержания, например, комнатные слуги удостаиваются даже хозяйской неги, а дворовые терпят большие лишения во всем.

Обременение слуг работою и небрежение о заболевшем слуге

«Да не отяготиши (слугу) трудом и (это потому что) убоишися Господа Бога твоего» (Лев.25:43). И работу дают слуге не по силам, и приказывают иногда столь необдуманно, что вместо одного раза он должен браться за дело несколько раз, и требуют от него чрезмерной исполнительности. Когда работа слишком обременительна, слуга обессиливается и близок к болезни; когда для него не совмещают несколько однородных поручений и, таким образом, излишне беспокоят его по одному и тому же делу, это наводит его на справедливую досаду; когда же к нему бывают слишком требовательны, он сам делается упрям. Наниматель прислуги должен бы мысленно поставлять самого себя на место ее (Мф.7:12) и давать работу или приказания так, как бы все это ему самому приходилось исполнить; и тогда он увидел бы несправедливость и немилосердие свое к прислуге. – «Сотнику... раб, боля зле... Слышав же о Иисусе... моля Его, яко да пришед спасет раба его» (Лк.7:2:3). Вместо того, чтоб по такому евангельскому примеру оказать помощь заболевшему слуге, полечить его из своей домашней аптеки, или показать его врачу, или, если в продолжение двух-трех дней нельзя обойтись в доме без найма новой прислуги, отправить его окончательно в больницу, – вместо всякой возможной помощи иные хозяева, лишь только заболит их слуга, рассчитывают его и выдворяют от себя; другие, опять, никогда не выразят сожаления к такому болящему слуге, который по роду своей болезни еще может продолжать у них свою службу, и служить; – наконец, некоторые ни с чем сверх причитающейся платы, отпускают от себя слугу, который изувечился на их работе. По долгу признательности требуется, чтоб состоятельные хозяева и успокоили в преклонных летах своего слугу, если слуга (например, нянька) еще в детстве служил со всею верностью своему хозяину, если даже за отцом хозяина ходил, если «озлоблен был еси во всех, имиже озлоблен бе отец» (3Цар.2:26) нанимателя.

Удержание mzды наемничи

«Горе человеку..., у него же ближний его работает туне, и mzды его не воздает ему» (Иер.22:13). Не хорошо и только лишь замедлять платою слуге зажитых им денег. Лучше не производить вычетов из его месячной или годовой платы, имея на это и полное право в силу условия, – если он по неосмотрительности утратил или изломал какую-либо не особенно ценную вещь, или от нерадения своего сделал несколько опущений по должности: хозяин должен помнить, что и он сам делает много опущений пред Господом Богом в своих обязанностях, что сколько снисходительным он желает видеть к себе «Господа на небесех», столь же сам снисходителен должен быть к своему слуге. Затем, можно прощать некоторые неисправности слуг и в виду того, что он главных своих обязанностей не оставляет без исполнения, что вообще поведение его удовлетворительно, что, наконец, труды его, сравнительно с умеренною платою ему (как в большинстве примеров), все же стоят несколько большой цены. – Но уже в высшей степени тяжко грешит удерживающий без всякого основания плату у бедного слуги. Удерживает же плату иной хозяин, или господин, или по корыстолюбию своему, или же в следствие расточительности своей, которая истощила его запасы и в которой не виновата же прислуга, или пользуясь только непонятливостью прислуги. И чем беднее тот слуга или рабочий, а при бедности – многосемейнее, которому не добавляют следующей платы, тем грех удержания у него платы ответственнее пред Богом.

Употребление слуг в орудие своих страстей и для худых своих дел

«Жена (Пентефрия) рече (Иосифу, который был рабом в доме ее): *пробуди (спи) со мною... и ухвати его за ризы*» (Быт.39:7–12). Еще можно потребовать от слуг пожертвования трудом и покоем для дома хозяйского, но совести и невинности их никто не должен касаться. Так, например, грех заставлять слугу делать за себя кому-либо оскорбления, даже, может быть, побои, между тем, как слуге известна невинность этого человека (Ин.18:23); грех посылать слугу украсть что от соседа, с поля, с берега реки и т. под., грех заставлять слугу обманывать за себя, например, будто хозяин, который дома и свободен, отсутствует или спит; грех пользоваться неопытностью молодого слуги или служанки, и вовлекать их в плотский грех с собой; грех употреблять слугу, как бы на законную какую услугу, посредствующим лицам в тайном своем блуде: все это, без всякого сомнения, самые преступные насилия для совести слуг. Тяжкую ответственность принимают на себя господа или хозяева, поступающие так. Они нанимали только (и оплачивают) руки своих слуг, а не совесть их.

Препятствие слугам ходить в церковь, а особенно отговорить в пост, и отказ им готовить для себя постную пищу в пост

Эти-то три препятствуемые добродетели: молитва, покаяние и пост, между тем, в высшей степени способствуют к поддержанию в каждом человеке веры и к развитию чувства страха Божия. Таким образом, наниматели и содержатели прислуги, так или иначе препятствующие ей упражняться в этих добродетелях, без сомнения, грешат. Они не должны оскорблять в своих слугах чувства религиозные (Втор.12:12), как чувства самые священные и нежные, – тем более сознательно или бессознательно убивать в них эти чувства. Древние патриархи, принося домашние молитвы и жертвы, непременно и слуг делали участниками своих молитв и жертвоприношений (Быт.35:2–4). – А если наниматели прислуги думают оправдать себя на этот раз тем, что не слышат от самих слуг просьбы пойти в церковь, отговорить в пост, то и это напрасное оправдание. Прислуга не просится, например, в церковь, но почему же? Может быть, потому что сама видит, как невозможно ей, без предварительного распределения хозяевами часов по домашнему обиходу, оторваться к службе Божией; еще потому, что, однажды или дважды испытав со стороны хозяев неудовольствие по случаю бытности своей в церкви, не хочет больше усиливаться пред ними тою же просьбою. Тем более виновны те хозяева, которые и нанимают себе прислугу с таким условием, чтоб она по воскресеньям не просилась к обедням (Втор.5:14); – которые не отпускают прислугу в церковь даже на короткое время, например, отслужить обещанный молебен; которые решительно удерживают ее исполнить долг исповеди и св. Причастия из-за ухода за собой или за своими детьми, вообще, из-за хозяйства; которые, наконец, сами употребляя в посты и постные дни скоромную пищу, не хотят тратиться для особой постной пищи прислуге, а предоставляют ей питаться остатками собственного скоромного стола. О, напрасно, напрасно так поступают хозяева! Они забывают и собственную

пользу, поступая так; потому что на слугу богобоязненного они вполне могут положиться, как напротив, слуга без веры есть самый опасный человек в доме. По примеру древних патриархов, хорошо бы им не лишать и самого дворника учения в своем собственном домашнем богослужении, например, когда у них служится всенощная или молебен.

Беспечность вообще о нравственности слуг

«Свой дом добре правящу» (1Тим.3:4). Глава семьи – дома обязан и в отношении к домашней прислуге исполнять эту заповедь. Прислуга поручена ему Самим Богом, и он частью ответственное пред Богом лицо за образ жизни ее. Действительно, не случайно как-нибудь одни из людей бывают хозяевами и господами, а другие – прислугой. Первоначально это неравенство произошло от греха (Быт.9:25). Но доколе будет продолжаться в мире грех, дотоле и будут слуги, не как, впрочем, что-либо «природное», а как «причина неравенства людей» по способностям и нравственным силам их. Божий же промысл направляет это неравенство к тому, чтоб слабые были под руководством крепких, чтоб менее умные научались от более умных. А прислуга такого-то всегда и бывает в отношении к своим хозяевам, т.е., менее понимающей. Совместно с этим, она, к сожалению, удалена от Церкви, которая есть первый опекун над нравственностью всех. Итак, со стороны хозяев недостаточно только пропитывать и наделять жалованьем свою прислугу, а в духовном отношении только лишь не препятствовать ей исполнять в известное время некоторые христианские обязанности. Нет; хозяева, как видно из сказанного, заменяют для прислуги отца-мать или старших братьев, пока она живет в их доме. Хозяева-христиане должны любить души слуг, как любит души их самих Иисус Христос, и по этой любви заботиться, помимо их собственной заботы, о доброй нравственности их. Между тем, иные хозяева требуют, чтоб слуги только прислуживали хорошо, а во всем остальном дают им полную свободу: не устраняют от них поводов к тяжким грехам, например, оставляя на ночлеги женский пол с мужским в отдаленном от себя помещении, для них же в самом близком; знают и прямо, что в их дом к тому или другому из прислуги приходит лицо другого пола с нехорошою целью, или тут же дома прислуга имеет взаимную прелюбодейную связь, и снисходительно относятся ко всему этому, делаясь таким образом, в некоторой степени сообщниками грехов своей

прислуги; видят иногда прислугу нетрезвою, поздно возвращающуюся домой, слышат, как она производит в нижнем помещении их дома или квартиры музыку, пляску, картежную игру, и за все это разве только выразят к ней минутное негодование, а не скажут никакого наставления; не примиряют слуг во взаимных их ссорах и не предупреждают этих ссор; затем, если и не сменяют сами прислугу часто, то и не употребляют мер, чтоб удержать ее у себя, не нанимают ее на годичные сроки, в каком случае настойчивее могли б вести ее к исправлению, не предостерегают других, к которым поступает их худая прислуга, чтоб не вдруг принимали ее, и, чтоб более условливались с ней относительно верности и постоянства к служению; никогда не заглядывают в помещение прислуги, не входят в разговор с ней о том, что человеку делать грешно пред Богом, не дают грамотным в воскресные дни и по вечерам в будни читать духовные книжки. Не опущение ли все это со стороны нанимателей прислуги?

Слепое пристрастие к своему слуге до подчинений ему, или до обладания с его стороны

«Не речет ли (слуге): препоясався служи ми» (Лк.17:8). Так не естественно, чтоб господин подчинялся своему слуге или только находился бы под таким тонким влиянием его, что внешняя подчиненность и почтительность – особенно при посторонних – еще соблюдается, а затем уже полная воля слуги: слуга смело обманывает своего господина и часто заставляет его делать то, чего бы он не желал, и что противно собственному его взгляду. Чем легче слабохарактерный человек вообще поддается чужому влиянию; тем больше при таком-то характере своем господин или хозяин, особенно старых лет, должен бы остерегаться пристрастия к слуге, тем чаще должен бы поверять действия своего слуги, не без внимания относиться к сторонним отзывам о нем и, наконец, стараться избавиться от него. К такой осторожности отношений к слуге (обыкновенно, давнему) или к самой решимости удалить его от себя побуждают опыты жизни. Да; слуга, как лицо низшее своего господина по своему развитию, по своему значению в общественной жизни, и, вместе, не ответственное пред другими за действия своего господина, – слуга, которому подчинился слабый господин, всегда, скорее, будет злоупотреблять влиянием своим над господином, чем пользоваться этим влиянием к добру его самого и других. Сколько примеров, что слуги управляют за своих господ, что нужно обратиться прежде к слуге, а потом к господину, и тогда только будет успех в просьбе! Уже и говорят, и пишут о злоупотреблениях слуги, о его распорядительности в делах вместо господина, а слуге по пристрастию все не отказывают. Какое ослепление!

Грехи в дружеском союзе

Легкомысленный выбор друга

«Во искушении стяжи (друга) и не скоро уверися ему», сказано (Сир.6:7). Родители и родные, это – друзья природные; воспитатели, учителя и благодетели – такие ближайшие лица, с которыми в свое время была связана жизнь и о которых потом не может не оставаться навсегда, или надолго, такое и иное воспоминание; хозяева и слуги – волей и неволей близкие друг к другу лица по совместной домашней жизни. Но, кроме этого круга родственного и домашнего, может быть еще особенная наша близость к лицам посторонним. Это – дружба, пример которой освятил Сам Господь наш Иисус Христос, имея Своим другом Лазаря (Ин.11:11). Мы обязаны благорасположением и ко всем людям: но дружество есть связь особенная. Оно не означает только близкого знакомства, которое иногда бывает у целой семьи в отношении к другой семье, и в выборе которого также надобно быть осторожным. Другу человек отдает самое сердце. Но как дар сердца есть дар важный, то отдавать его легкомысленно, или первому встречному, – есть вина против уважения к самому себе. Затем, торопливый и легкомысленный выбор себе друга приводит в последствии времени к горькому раскаянию: это новая вина против самого себя. Так, например, одни выбирают себе друга только за его приятное лицо или ловкое обхождение, – всегда живую, веселую речь (из молодых людей). Другие входят в дружбу с лицами не равными себе, например, бедный с богатым (Сир.13:20:24), незначительный человек – с высокостоящим по службе или в обществе; если и возможна неравная дружба, то бедный и простой человек не сами должны искать ее, а только лишь не должны отказываться от нее. Так, многие дружатся с людьми порочными, обегая на этот раз богобоязненного человека, с которым дружество и было бы самым прочным и полезным (Сир.6:17; Притч.14:20). Нет; лучше же совсем оставаться без друга, чем торопиться выбором его и легкомысленно вверяться чьему-либо дружеству. Когда встретится надобность втайне посоветоваться с кем, то до выбора друга или за недостатком лиц, из кого выбрать его,

самым верным советником пусть будет собственное «сердце» (Сир.37:17). Притом, можно иметь искренним другом одного лишь человека, много двух-трех, и то в разных пунктах своей временной бытности, а никак в одном месте – многих.

Своекорыстное дружество

Таково, например, дружество исключительно для выгод, как с людьми богатыми, у которых посему всегда *«друзи мнози»* (Сир.6:10), еще с сослуживцами, с сочленами какого-либо общества или собрания, могущими по своему влиянию поддержать нас, но только, скорее, в неправде, чем в правде, или прикрыть наши ошибки. Таково дружество по одному лишь самолюбивому влечению или расположению сердца, например, с теми, которые уступают во всем, держатся одних, хоть бы и неправильных, мыслей с другом своим, а особенно имеют *«сладкия уста»* (Сир.12:8) (хорошо бы еще по искреннему чувству): *«аще любите любящих вас, кую мзду имате?»* (Мф.5:46) Таково, наконец, дружество только «застольное»: *«есть друг общник трапезам»* (Сир.6:10). Идет друг туда, где готово для него угощение и уверяет того, чей хлеб ест, в своей дружбе. Но все это, очевидно, недостойная для имени христианина дружба, и как доискиваться ее, так и вверяться ей, не следует. В ней нет искренности, хоть бы иному казалось, что он – искренний друг: отсутствие своей искренности этот человек, к стыду своему, должен сознать в себе тотчас, когда богатый друг его, равно, и тот дом, где дотоле он любил находиться и пользоваться угощениями, – падают; ему не хочется, ему скучно хоть когда-нибудь зайти в этот дом.

Дружество только для одинаковой страсти

«И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом.» (Лк.23:12). Так, нередко, самые враги на время дружатся между собой, чтоб действовать заодно против какого-либо невинного человека или вопреки доброму какому делу, которым они завидуют, которыми по своим страстям недовольны. Так друзьями между собой бывают игроки или любящие провести вечера в питье вина или занимающиеся вместе темными делами. Это уже полное извращение дружества, дружество прямо злодейское. В нем нет ни взаимной сердечной привязанности, ни взаимного уважения, а есть только взаимная терпимость и угодливость. Вражда этих лиц была бы меньше предосудительною, чем дружба, основанная на лукавстве. Пред Господом Богом такая дружба – дело противное, как сговор на злые дела, как обоюдная поддержка в злых делах. Если же эти друзья, внутренне не любя и не уважая друг друга, сдерживаются во внешних взаимных отношениях от грубости и, если принуждают себя к миролюбивому обхождению; то такое преодоление себя – новая вина их пред Богом, так как оно могло бы быть употреблено к добру. В такой дружбе нет постоянства, и желать его не следует: один из друзей почему-либо стал меньше или реже поддаваться страсти, сближавшей его с известными лицами, и эти лица тотчас перестают ходить к нему или звать его к себе.

Опасное дружество с лицом другого пола

«Всяка плоть по роду собирается, (живет с однородными), и подобному себе прилепится человек» (так и человек должен входить в связь) (Сир.13:20). Дружество с другим полом по этой самой причине, т. е., что нужды и ощущения разнородных полов бывают различны, и бывает редким, с трудом достигается. Затем, и нельзя не опасаться за вредные последствия от половой дружбы. Меньший здесь вред: со стороны мужчины, например, потеря душевной крепости, расслабление характера (а не полезное смягчение его, что могло бы быть только при редком, или не столь тесном обращении с женским полом). Большой вред! расстройство души скверными помыслами и, наконец, самое плотское падение. В женщине преобладают кровь и чувства; она более расположена к пристрастию. Так, она называет друга – мужчину своим братом, если он равных с ней лет, отцом, если он много старше ее, сыном, если он моложе против нее. Она начинает скоро усматривать и выхвалять в своем друге мужчине такие совершенства, каких он вовсе не имеет. Таким образом, женщина делает друга – мужчину своим идолом, а затем, сама для него становится идолом. – Но, если же и духовные или религиозные интересы, собственно, бывают общими для мужчины и женщины и, если в этих-то видах возможно, по-видимому, дружество между мужчиною и женщиною: то здесь это дружество, по искушению врага-дьявола, еще скорее приводит к опасности. Нравится в друге другого пола, действительно, одно духовное и разговоры бывают только о добре, о спасении души; но, между тем, духовная любовь легко переходит в плотскую и делается пристрастною, так что тут не обращается, пожалуй, внимания ни на неравенство лет, ни на отсутствие красоты: *«наченше духом, ныне плотию скончаваете»* (Гал.3:3), буквально исполняется в этом случае. Потому опасаться, опасаться нужно и «духовной любви» к лицу другого пола!

Соккрытие правды пред другом относительно вины его в чем или, напротив, не защищение его от напраслин, от худого отзыва, которого он не заслужил

«Достовернее суть язвы друга» (Притч.27:6). Цель истинной дружбы в том, главным образом, и заключается, чтоб друзья предостерегали друг друга от ошибок и пороков, а в добрых расположениях поддерживали бы и воодушевляли себя взаимно, подобно тому, как два странника, идя по крутой и скользкой дороге, держатся один за другого, чтоб не падать. Например, ошибочно ли кто поступает в самой семье в отношении к домашним своим, и этих неправильных действий своих еще не сознает? по службе ли ошибается, тяжело ли согрешает против нравственных обязанностей? Если б я считался другом этого человека, то, как более беспристрастное лицо к его семейству и как ближе других видящий его погрешности, непременно должен был бы высказать ему всю правду, предостеречь его от ошибок, дать ему полезный совет, а он не должен был бы огорчаться моими обличениями, которые высказываются по праву и во имя дружбы: грех, если это не исполняется ни с той, ни другой стороны. Сам ли я ослабеваю в горе, изнемогаю под тяжестью своего креста или же, что, собственно, и нужно назвать горем, не могу удержаться от слабостей? Если я имею друга, который, может быть, более тверд характером, более воздержен и богобоязнен, чем я, то вправе ожидать от него, чтоб он поддержал меня и словом, и примером своим, и эта поддержка, пробуждая во мне сознание, что столь достойный человек еще не отворачивается от меня за мои слабости, ободрит мой дух, возвысит меня в собственных глазах и поможет мне исправиться. С другой стороны, если друг мой терпит напраслины, если подвергается худому отзыву, которого не заслужил; то священный мой долг защитить его: *«друга заступати не усрамлюся»* (Сир.22:29). Долг защиты естественно вытекает из того, что никто не знает моего друга столь близко и верно, как я, – особенно, когда дело идет не об

одном темном для меня случае, который поставляют ему в большую вину, а вообще об образе его действий или жизни. Так как в основе дружбы имеются взаимные любовь и взаимное уважение, и так как в силу этих чувств все, что близко касается моего друга, и я должен принимать к своему сердцу, то грех с моей стороны молчать, когда напрасно нападают на моего друга, хотя бы в молчании моем и не было намерения повредить ему. Ионафан неоднократно доказывал пред Саулом невинность своего друга Давида и даже раз по случаю этой защиты едва сам не поплатился своею жизнью (1Цар.20:33).

Измена другу

Она обнаруживается различно или при различных обстоятельствах. Так:

1) забывает своего друга человек, когда возвысится пред ним властью, чином или богатством, между тем, как сказано: *«не забуди друга в душе твоей»* (в радости) (Сир.37:6). Для виночерпия фараонова, когда он снова возвысился, как бы и перестал существовать на свете Иосиф, с которым, между тем, он сидел в темнице (Быт.40:23). Вины со стороны друга моего, без сомнения, еще нет в том, что он, подобно мне, не возвышается званием, чинами или не богатеет: невозможно же всем быть в одном звании и состоянии. Таким образом, если произнесен обет дружбы, то изменять дружбе не следует, кроме того случая, когда кто-либо сделается высшим начальником своего друга. Но и в этом случае разрыв дружеского союза должен произойти при тех же условиях, как вообще благоразумие требует прекратить с кем-либо дружбу, т.е. без оскорбления друга, не тотчас, и не так, чтоб *«вместо друга»* затем сделаться настоящим *«врагом»* (Сир.6:9).

2) Оставляют друга, когда его застигнет безвинно или только по малой вине его, которая, между тем, не имеет отношения к союзу дружескому, – застигнет какая-либо беда, например, гонение на него со стороны сильного лица, потеря им должности или иное несчастье: *«и есть друг во время свое, и не пребудет во время скорби твоея»* (Сир.6:8). Для кого же это составляет новость, что, когда придет, как говорится, черный день в жизни, то все *«друзья-приятели отшатнутся»*? Как тут унижают себя люди! Ионафан, напротив, тем крепче привязывался любовью к своему другу, Давиду, и тем чаще желал видеть Давида, чем сильнее преследовал последнего Саул. Тогда Ионафан снова повторил пред Давидом завет неизменной дружбы (1Цар.20:42). Нет; во дни-то несчастья и требуется доказать верность дружбы и полезно снова уверить друга неизменностью ее: *«вы же есте пребыте со Мною в*

напасть Моих», говорил Иисус Христос своим ученикам (Лк.22:28), которых называл своими «друзьями» (Ин.15:14).

3) Выведывают дружеские тайны сердца, и потом раскрывают эти тайны: *«открываяй тайная... не обрящет друга» (Сир.27:16)*. Еще после размолвки, и даже самой сильной, друзья без труда могут примириться между собой; но, когда один из них злонамеренно раскроет дружескую тайну; не будучи обязан к тому ни законом гражданским, ни совестью, тогда этот изменник сам подает повод прекратить с ним дружество и уже не восстановит по-прежнему союза дружеского, хотя бы и желал. Не следует играть дружескими тайнами даже и после разрыва дружбы, тем более в самой дружбе.

4) Не скучают о друге в случае разлуки с ним, не платят за его посещения взаимными посещениями и, сколь бы долго ни было свидания с ним, не идут к нему сами или не приглашают его к себе. Апостол Павел, напротив, писал к Тимофею, которого дружески любил (Фдп.2:20): *«желал видети тя... потщися скоро приити ко мне» (2Тим.1:4; 4:9)*. Не скорбят в случае смерти друга, между тем, как *«прослезися Иисус»* при гробе Лазаря (Ин.11:35), что иудеи, бывшие при этом, могли объяснить только лишь задушевною, дружескою любовью Господа к Лазарю. Наконец,

5) разывают дружбу по одной лишь нетерпеливости, из-за малого неудовольствия, даже по одному недоразумению или не проверенному наговору со стороны: *«вины (случая) ищет... хотя отлучитися от друзей» (Притч.18:1)*. Действительно, неблагонамеренная это ложь и грех пользоваться самым малым случаем к разрыву дружбы и не допускать к себе друга лично объясниться. Но, если даже будет и доказана неверность друга, и тут нужно еще узнать, – не была ли это только оговорка его в словах (Сир.19:17).

Оставление старого или отцовского друга

«Друга твоего или друга отца не оставляй» (Притч.27:10): «новый бо несть точен» (Сир.9:12) (не сравнится с испытанным, старым другом). Да; противно собственной пользе оставлять старинного друга, с которым на какое-либо время прекращена была дружба по необходимости, например, по случаю разрозненной жизни и за невозможностью или неудобством продолжать дружескую переписку с ним (а при удобстве дружеская переписка – священный долг друзей). Если друг в прежнее время не оказал измены и, если обстоятельства, например, местопребывание его, род службы, – позволяют снова сойтись с ним: следует возобновить с ним дружбу. – Отцовского же друга (когда уже есть и свои друзья) надобно держаться, сколько по уважению к памяти отца, столько же ради той особенной пользы в жизни, какою можно пользоваться от опытности этого друга. Вообще, кто каждый год вводит в свой дом новых друзей и близких – знакомых, оставляя старых, т. е. тех, которые более не представляются ему нужными (а как много таких!), тот никому не бывает другом, у кого только множество знакомых, но нет друга.

Недружелюбие

«На всякое время друг да будет тебе» (Притч.17:17); «есть друг прилепивыйся паче брата» (Притч.18:25). Человек недружелюбный, например, от своей гордости, по которой не находит никого достойным своей дружбы, – остается не без потери самому себе: он не наслаждается теми благородными чувствами, которыми награждает истинная дружба, и от скуки или одиночества своего часто ищет вредных развлечений. Впрочем, недружелюбие, или отсутствие друга, может и не составлять вины. Иногда в окружающей среде, действительно, невозможно найти друга по своей душе, а особенно по своему духовному – религиозному направлению, между тем, как с прочими подружиться не безопасно. Дружество требует взаимности сердец. Для друщества нужен человек такой, с которым бы можно было обмениваться мыслями и чувствами, свидание с которым облегчало бы душу и на которого в трудных обстоятельствах жизни можно было бы положиться. Искренние друзья, сойдясь между собой, выплакивают свою душу (1Цар.20:41), равно как спешат поделиться своей радостью, если которому из них будет радость какая; они любят дарить друг друга любимыми вещами (1Цар.18:4). Если для такой-то дружбы не находится человека, между тем, как в сердце есть готовность предаться верному другу, и если все попытки найти друга, не только для бесед о спасении души, но и для одного разговора о высших и благородных предметах, например, об ученых, оказались напрасными: в таком случае – повторяем – безвинен не имеющий у себя друга и этому человеку остается иметь другом только ангела хранителя своего. Да и дружество для лиц твердых своим направлением менее нужно (например, в монастырях), чем тем людям, которые не столь тверды, и при этом в своей жизни встречают неудачи, нападения или огорчения. («Побратамиться» же с кем, т.е. войти в союз братской любви и взаимной, до самоотвержения, помощи, с особенными обрядами, как, например, отвратительное питье

крови друг у друга, – о! это грех, подлежащий пятилетнему запрещению⁷³: христиане все братья между собою по Христу).

Пристрастие к сверстникам (товарищам) или, напротив, пренебрежение ими

Царь Ровоам, по слепому пристрастию к своим сверстникам, послушал их совета, чтоб сделать на первый раз угрозу подданным, и тем навсегда расстроил свое управление (3Цар.12:1–21). Пристрастием к товарищам по воспитанию, очевидно, доказывается одно самолюбие. Оно-то не дает видеть в товарище неисправностей, заставляет быть излишне снисходительным к погрешностям товарища. Но, с другой стороны, и пренебрежение теми, с которыми делилась детская и юношеская жизнь, недостойно христианина. Почему? – Потому что здесь человек показывает невнимание к такому возрасту своему, который сравнительно с последующими годами его жизни, очевидно, представляется менее поврежденным; следовательно, он показывает невнимание к самому лучшему и, так сказать, богодарованному времени в своей жизни.

Жизнь гражданская и общественная

Оспаривание верховной власти

Первым царем на земле был Адам, равно, как дети его были первыми природно-подданными его. Затем, явилось на земле другое и третье семейство. В каждом семействе считалось членов до сотни и более: тут были и дети, и внуки, и домочадцы. Отец семейства назывался «патриархом» и был для своей семьи, как для маленького государства, и государем, и судьей, и военачальником в случае нападения врагов. Потом из больших семейств составились народы, из народов образовались государства, а совместно с этим из власти патриарха возникла власть законодателя, судьи и, наконец, царя. Посему после семьи, как и вообще после самого тесного круга взаимных человеческих отношений (дети и отцы, ученики и учителя, слуги и господа, благодетели и друзья), что доселе было предметом наших размышлений, – мысль наша естественно обращается к жизни обществ и целого государства. Здесь же она переее всего встречается с божественным происхождением верховной, или царской, власти. Что богодарованная власть отца в каждой семье; то от Бога же власть царя во всенародной, или государственной, семье. И как не отец сам сочинил себе власть в отношении к детям и не дети дали или предоставили ему эту власть, но Бог, но Творец всех, вместе с сотворением человека благословивший его отцовскою властью над детьми, так и верховная, царская власть – Божие дарование и Божие благословение; отсюда идея «величества» (как и титул величества), всего лучше оправдываемая в одном лице (монархия, единодержавие); отсюда государь – существенно самостоятелен, особа священная и неприкосновенная. Так и царская власть должна переходить от одного лица к другому при самом рождении с преемственным престолонаследием, а не может быть назначаема или определяема по выбору от народа (кроме крайнего случая, например, с пресечением царского рода), равно как и заменяема «народным управлением». В св. Писании видим, что над евреями Сам Бог царствовал (1Цар.8:7); а затем Сам же

Господь воцарял для них царей. Видим там не только назначение от Бога царей правоверных, или православных, но и усвоение имени, помазанного самым языческим царям, как, например, Киру Персидскому (Ис.45:1). Видим, что Всевышний уделяет царям самое имя Свое, называя их богами (Пс.81:1). После этого можно сказать, «что на небе или в религии Бог, то на земле и в обществе царь». Итак, «*не прикасайтесь помазанным Моим*» (Пс.104:15) ни самым делом, как, например, дерзким усилием отнять у них наследственный престол или только ввести народное (республиканское) управление, ни словом и писанием в этом роде, т. е. проповедованием таких мыслей (идей): верховная, царская власть утверждается на вечных законах Божьего мироправления. Итак, отвергать необходимость, божественное происхождение и священные права царя есть великий грех. Это один из самых богопротивных грехов, которыми будут отличаться люди пред кончиною мира (2Фес.2:4). Церковь православная подвергает за него анафеме (Чин в нед. правосл.). Нет, – заповедь: «*чти отца*» относится и к царю, как отцу всего отечества, а с нею и соединяются обетование: «*да благо ти будет*». «Батюшка царь», – это слова, выражающие родственные понятия относительно семьи и государства, составляют для русского человека и приятное, и священное предание.

Поносное слово или только хульная мысль на царя

«Князю людей твоих да не речеши зла» (Исх.22:28) «и в совести твоей не клени царя» (Еккл.10:20). А также слово Божие поручает птице небесной донести ту хульную речь на царя, которой почему-либо не преследуют слышащие из людей или свидетели (Еккл.10:20). Так угодно Господу Богу, чтоб люди не прикасались к помазаннику-царю не только внешним каким-либо насилием и намеренно, но и одной ропотливостью, одним неосторожным словом и осуждающей мыслью. Грешат, посему, те люди, которые ропщут на какие-либо новые законы от царя, не понимая истинной цели этих законов; – приписывают царю нечистые намерения в правительственных учреждениях и требованиях; любопытствуют, и потом легкомысленно передают другим о личных качествах царя – припоминают и осуждают в одном сердце слабости его. А нужно бы помнить, что царь дает отчет одному Богу и что державным (и без того, от Самого Всевышнего) «крепко *настоит испытание*» (Прем.6:8). На что уж Саул был не добрый царь, убийца и притеснитель невинных лиц. Но, когда Давид только лишь отрезал полу у его плаща, – почувствовал в душе своей страх; потому что видел в нем помазанника Божия, хотя и сам уже был помазан на царство (1Цар.24), избран был стать на его месте.

Неискреннее отношение к радости или печали царя, всего дома его, а отсюда – неискренняя молитва о нем

«Творити молитвы, моления... за царя» (1Тим.2:1). Всякую радость и всякую печаль царя, как и во всем доме его, подданный должен принимать за собственную; потому что с участью царя, как с участью отца в семье, соединена участь всех: например, во дни Соломона Израильтяне спокойно почивали *«кийждо под виноградом своим»* (3Цар.4:25). Затем, служение царя столько многосложное и, в то же время, так много он имеет препятствий к выполнению своих добрых преднамерений то со стороны непонятливых подданных, то от неверности лиц, которые разделяют с ним власть, – что после всего этого только при силах свыше может он достойно проходить свое служение. Посему не должен ли каждый подданный положить с усердием поклон Господу Богу за своего царя, да проникает царь своим взором во всякой мрак неправды человеческой, да крепки будут его силы! Да; каждый, кто приходит в церковь на царский молебен или к царской панихиде, должен приходить не так, чтоб выполнить только гражданскую обязанность или обычай, но, по совести. В другое же время, выстояв в церкви службу, никто не должен бы уходить до окончания пения о царе: «благочестивейшего». Приведенная нами заповедь о молитве за царя дана была еще в то время, когда цари были не христиане, а язычники, и естественно – не защищали Церкви, напротив, гнали ее.

Несохранение тайны царевой или служебной

«Тайну цареву хранить добро» (Тов.12:11). Будет ли кому лично вверена царская тайна относительно управления государством или доверена наряду с другими по службе, всякую подобную тайну гражданин должен хранить до времени. Как тайны какого-либо дома знают только старшие в семье, но и младшие, как-либо узнав их, если благоразумны, – не выносят их за порог своего дома; так должно относиться и к тайнам служебным. Пусть иной раз будут только канцелярские тайны, которые, например, известны стали в присутственном месте, в заседании какого-либо комитета или совета, или от одного высшего начальника: открывать их без всякой полезной цели, как только занимательную новость или как предмет для своей корысти, а тем более, в виду явного злоупотребления другими, – открывать не следует. Еще не обнародован какой-либо новый закон (обнародовать же его иметь право власть законодательная), а там уже знают о нем и думают воспользоваться им для своих выгод и заблуждений, не по духу и истинной цели его. Только что порешили произвести ревизию на какое-либо должностное лицо или целое учреждение вследствие злоупотреблений их, например, по хозяйству, а через день, если не через час, уже знают виновные о ревизии на себя и стараются сокрыть доказательства своей виновности. По меньшей мере, вред от разглашения служебных тайн: неприятные внутренние отношения одного начальственного учреждения или лица к другому и пересуды; в каком-либо совете или комитете только были сильные пререкания, и это делается предметом для переговоров частных лиц; дана для прочтения какая-либо деловая бумага или выписка из нее, и распространилась молва для чьей-либо чести оскорбительная. Одни дела по содержанию своему чистые и для чистой цели могут быть сообщаемы, например, когда ходатайствуют разрешить что-либо общее или, часто, полезное. На сей раз делается некоторое разъяснение и в самом законе гражданском надписью на бумагах: «секретно». Наконец, хранение

важнейших тайн по службе вверяется под клятвою: «вверенную мне тайность крепко хранить буду...», говорит присягающий на службу. Потому открытие их было бы еще и клятвopеступлением.

Неуважение к государыне

«И рече (царь Есфири, жене своей): что ты есть Есфире?.. дерзай...: общее, повеление наше есть» (Есф.5:1). Супруга царя воспитывает наследников престола его. Она разделяет с ним, в некоторой мере, бремя его великих трудов, например, по устройству и благосостоянию человеколюбивых заведений, по управлению женскими учебными заведениями. А всего главное: в данное время она состоит покровительницей хоть не громкому, но близкому к сердцу каждого христианина, да и для государства, в высшей степени важному делу, это – «православное миссионерское общество в России». Посему грех не иметь глубокого уважения к государыне.

Непочтение к наследнику престола и ко всему царствующему дому

«От плода чрева твоего посажду на престоле твоём» (Пс.131:11). Следовательно, наследник престола бывает по особенному предопределению Божию. Он носит образ Христа, *«Его же Отец положи наследника всем»* (Евр.1:2), Самодержавный царь еще при жизни своей назначает его своим наследником. – Что же до прочих членов царствующего дома, из которых одни родились в этом доме, другие вошли в него посредством брачного союза, то здесь видим от самого Бога *«род избран, царское»* (1Пет.2:9) семейство. Потом каждый из членов его несет свою долю службы для государства, и несет тем с большей пользою для государства, чем ближе по крови к самому государю. Итак, долг русского человека и православного христианина душевно почитать наследника престола и весь царственный дом, – почитать, как и самого царя, гораздо более и усерднее, чем почитают соединенный с ним по гражданской жизни поколения, т.е. некрещенные инородцы.

Злонамеренное оскорбление памяти умерших царей

Давид не похвалил воина, который радовался смерти Саула (2Цар.1:14–15). Пусть умерший царь уже живет в другой стране, где «в равном достоинстве царь и воин»; пусть нет уже отношений его к живым людям, которыми он повелевал, но отношения живых, как подданных, не прекращаются ни на минуту вообще к высокому имени царя. А это имя тотчас приходит на память с названием умерших царственных лиц; оно и перешло по наследству от них к нынешнему царю. Таким образом, грех это дерзости – злонамеренно переговаривать о слабостях умершего царя или иначе, как оскорблять его.

Большее расположение к западным государствам, чем к своему отечеству

Несколько примеров патриотической любви показал нам Богочеловек и Спаситель наш. Так, в словах к самарянке: *«вы кланяетесь, его же не весте; мы кланяемся его же вемы»* (Ин.4:22), Иисус Христос ясно отличил свое отечество от чужого: *«вы... и мы...»*, в первом случае разумея самарян, а во втором – иудеев: так он плакал об Иерусалиме, столице своего отечества (Лк.19:41). Так-то и каждый христианин, любя весь мир человеческий, который находится под управлением одного Царя небесного, в то же время, должен иметь особенную любовь к своему отечеству; потому что отечество не им лично выбрано, а Самим Богом указано ему, когда он родился. Соотечественники связаны между собой одною верою, происхождением, языком, обычаями, законами, воспоминаниями о славе или же о бедствиях своих предков, памятью о знаменитых войнах и царях. Отечество освящено для человека благодеяниями Божьими, если не в тех, то в других и в третьих пределах его. Что же, собственно, до русской земли, то она и не иначе называлась прежде в истории, как «святая Русь», как «святая земля». Почему же? В смысле особенных-то чудесных благодеяний Божиих к ней, а также по великому множеству людей, мученически проливших на ней кровь свою за отечество, и по обилию угодников Божиих, которые почивают в ней мощами. – Посему не любить своего отечества и предпочитать его другим государствам – такое же низкое и неблагодарное чувство, как сын не любит своего отца, а хочет иметь привязанность к посторонним лицам, которые не родили и не воспитали его. В русском же человеке это чувство тем более не справедливо, что сами западные государства, видя обширности земли русской и исчисляя ее богатства, с завистью смотрят на нее; а также благонастроенные из заграничных посетителей высоко ценят гостеприимство и набожные чувства в русском народе. Конечно, не достойна христианина и слепая привязанность к отечеству, когда,

например, русский гордится и хвалится тем, что он «русский», тогда не хочет и слышать о том, что есть лучшего в других землях, когда порицает и ненавидит без разбора все чужое. Но еще вреднее и виновнее пристрастие к иноземному; потому что им загубляется чувство патриотическое в своем основании; потому что, действительно, никак не найти за границей многих прекрасных качеств русского человека.

Предпочтение к службе, в благотворительности и во всем иноверцев и иностранцев, своим, русским

Христос-Спаситель благотворил преимущественно и проповедовал прежде всего Израильтянам: *«несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева»*, говорил Он (Мф.15:34). А потом уже Он повелел апостолам распространять евангельскую проповедь между язычниками. Также поступали и апостолы (Деян.13:46), из которых один учит: *«да делаем благое ко всем, паче же к присным в вере»* (Гал.6:10). После этого кто обходит своих – русских и дает преимущество службы или должности иностранцам ради того только, что эти люди, говорящие другим языком и пришедшие издалека, кто определяет иностранцев без особенной нужды начальниками над природными русскими, кто предпочитает их и в делах благотворительности, принимая, например, деятельное участие в постройке для них богаделен, колоний; тот поступает, очевидно, не в духе христианском в отношении к своим. Если же видят здесь не более, как человеколюбие, которое не ограничивается пределами своей земли, то непонятно: почему же в своей-то земле, среди своего народа, не доказывается делами та же милосердная любовь к человечеству, как доказывал ее для евреев Христос-Спаситель?

Предпочтение иностранных языков в изучении и в разговоре отечественному

«Глаголаху азотским языком, и не умеяху глаголати Иудейски. Я запретих им», так ревновал в свое время Неемия против пристрастия употреблять чужой язык до пренебрежения своим (Неем.13:24–25). Есть такие русские, которые как бы стыдятся своего языка, который, между тем, столько звучный и выразительный; родители, прежде всего, учат своих детей немецкому, или французскому языку, а потом уже русскому, приглашая к 10-летним одновременно и учителя русского языка, и законоучителя. Другие из русских, передавая обществу полезные знания из иностранной науки или практики, без всякой нужды наполняют свою речь иностранными словами, так что при чтении их книги русскому требуется еще иметь или словарь иностранных слов, или толкователя-переводчика. Третьи, не учившись никогда никакому другому языку, кроме русского, подражательно и, большею частью, бессознательно употребляют в разговоре иностранные слова (фразы). Такое предпочтение чужого своему природному языку разъединяет сословия, между которыми всегда огромное большинство знающих только свой природный язык, а особенно разлучает с народом тех, которые по своему образованию могли бы быть его руководителями. Затем – превращает русского в иностранца, иностранцам же дает повод горделиво и презрительно обращаться с русскими. Далее: питает тщеславие, заставляя запасаться для разговора в обществе словами иностранными. А всего главнее: отвлекает внимание от изучения священного и церковного языка – славянского, от которого происходит и русский, а с этим охлаждает чувства любви к православной вере. Только народу пленному или потерявшему надежду быть самостоятельным требуется, безусловно, изучать чужой – иноземный язык, хотя и тут благородный пленник дорожит своим языком: «*како воспоем песнь Господню на земли чуждей?*» (Пс.136:4).

Заимствование от иностранцев явно вредных обычаев

«Вся искушающе, добрая держите» (1Фес.5:21). Можно заимствовать от некоторых иностранцев – по старшинству их пред нами в образовании, в благоустройстве гражданском или хозяйственном – полезные улучшения, но страшно перенимать такие, которые касаются внутренней жизни, которые заставляют расставаться со своим наследованным добром и уже не заслуживают названия улучшений. Так, увеселения и увеселительные дома; странные порядки в общежитии и семейной жизни, например, превращение гостеприимства только в совместный обед с другими в гостиницах на свой же счет, вообще – вместо богоблагословенной семейной жизни, жизнь почти исключительно вне своих домов, в кружках общественных: а также сожитие гражданским браком или гражданские (без священника же) похороны: все это, перенимаемое с запада и известное у нас большею частью под словами иноязычными, или только одобряемое; – все это что же иное, как не тонкая, обольстительная приманка, но, вместе с тем, самая страшная зараза для нашей народной нравственности?

Бегство из отечества или только без нужды проживание за границей

«Благоволиша.. камене его и перст его ущедрят» (Пс.101:15), т. е. некогда для детей Иерусалима самые камни были любезны, и самый прах с путей отечества был приятен: иудеи плакали за границей (Пс.136:1). Иаков же завещал не оставлять и костей своих в чужой стране (Быт.49:29). Пусть можно путешествовать за границу, – например, с тем намерением, чтоб, по словам премудрого, *«узнавать доброе и злое между людьми»* (Сир.39:5), а, узнав доброе или лучшее (в науках, в художествах, в промысловых искусствах), потом водворять все это на своей родине. Но бежать из своего отечества на чужбину по причине, подобной тому, как некогда бежал Авессалом, т.е. вследствие какого-либо преступления; но по долгу и без нужды проживать за границей, ради одной приятности жить в тех местах, где воздух теплее, небо светит лучше, растительность разнообразнее и обильнее; но часто путешествовать за границу, потому что позволяет состояние, потому что после первого и второго путешествия туда снова манит, – что там больше разнообразия и веселья – все это вредит во многих отношениях. Нужно бы служить отечеству своими силами, а любитель заграничной жизни не несет этой службы и заставляет служить за себя других, будто родная его страна не заслужила уважения я, будто ему унижительно оставаться с родным народом; он думает только о своих личных наслаждениях; он совсем отвыкает от труда после заграничной жизни, где каждый день можно рассматривать то и другое, или быть в том и ином собрании. Нужно бы содействовать обогащению своего отечества, а заграничный житель расточает русские монеты в чужих землях. Нужно бы ценить свои блага, какие имеются в русской земле, а любителю заграничных путешествий также все не нравится в России и также для него все отличное только у других народов, как человеку, который мало живет дома, в гостях лишь хорошо и весело; а дома все худо и все здесь раздражает его. (Отсюда, по возвращении из-

за границы, рассказы только о прекрасном там и увлечение этими рассказами к духу иноземному других). Нужно бы развивать себя в жизни по святому православию, что составляет последнюю цель человеческого бытия: «яко сие всяк человек»; а за границей отсутствие церквей, и потому православный отвыкает там от церковной молитвы, начинает не отличать и воскресного дня от будней. Итак, жизнь без нужды за границей несомненный грех.

Неоказание помощи соотечественцу в чужой стране

Прав. Товит, проживая в чужой стороне, доставлял несчастным своим соотечественникам, которые бедствовали в плену, и хлеб, и одежду, а умирающих между ними или убиваемых врагами – погребал (Тов.2:1–9). Приехавший в чужую страну и застигнутый там крайнею нуждою, между прочим, и не знает к кому прибегнуть за помощью, а туземцы в свою очередь не знают его, чтоб с уверенностью в полезности своего благодеяния помочь ему. Главное, же: там все основано на человеческом расчете; там на каждом шагу отвечает за себя только положительный труд; но, вместе с тем, и к труду более благодарному везде уже приставлены или пристроили себя свои люди, так что постороннему остается одна лопата, между тем, как он поневоле должен сказать о себе: *«копати не могу»* (Лк.16:3). Итак, надежная помощь в нужде русскому за границей может быть только от соотечественника, – и грех, если последний отказывает в этой помощи.

Участие в тайных обществах или в явном возмущении

«Утаитися.. ничесому же: несть бо во угле сотворено сие» (Деян.26:26). Если б и сознавалась необходимость в перемене каких-либо общественных или местных учреждений, то эта перемена должна произойти не без ведома правительства, и только путем, указанным в законе, например, и гласностью, так же в законных пределах ее. Люди, замышляющие тайные общества или только присоединяющиеся к запрещенным обществам и сходбищам, безрассудно грешат против самих себя; потому что они никогда почти не успевают в своих замыслах, потому что над ними сбываются слова евангельские: *«ничто же покровено есть, еже не открыется»* (Лк.12:2); преследование их со стороны законной власти неизбежно. – Сам небесный мироправитель, Господь Бог, пред Которым *«вся нага»* (Евр.4:13), не потерпит их тайных сообществ и запрещенных сходбищ, например, когда они направляют свои действия к изменению порядков государственных или к нарушению общественной нравственности, или же к распространению противохристианских учений. – Таким образом, торжество или успех их бывает кратковременные, наказание же тяжкое и продолжительное. Не без вины и наказания остаются на сей раз и знающие, но не предъявляющие об этих противозаконных обществах и запрещенных сходбищах, а также допускающие быть собранию их в своих домах или каких-либо владеемых местах. О, если б жалкие раскаялись в своих заблуждениях и с полною искренностью открыли бы себя пред правительством, прежде неизбежного открытия их тайных действий! Тогда они получили бы снисхождение и даже полное помилование. – *«Видев же Пилат, яко ничто же успевает, но паче молва бывает»* (Мф.27:24), – вот пример и явного народного смятения, – пример, который одним напоминанием устрашает христианскую душу. Да, те люди, которые первые начинают или только поддерживают народный бунт, также безрассудно

погрешают против собственной безопасности. Торжество их еще короче, а горькую чашу затем остается им пить долго-долго. Господь Бог оставляет их, потому что они сами оставляют Его, забыв, что Он есть верховный правитель мира и народов: «потерпи Господа, мужайся», сказано (Пс.26:14). Они безжалостно относятся и к спокойствию других; потому что в этом случае ход дела (по крайней мере, вначале), обыкновенно, бывает таков: преступление совершается немногими, а вина падает на весьма многих. Прежде всего, здесь легко бывает увлечься примером людей возмутительных, как, например, в сословии крестьян: иные ничего не думали и не совещались предварительно, но скоро пристают к толпе, которая их подстрекает и подговаривает (одно какое-либо решительное и безумное слово пред толпой, которая вышла из себя, и – могут посыпаться брань и удары... (так погиб невинный Амвросий во время моровой язвы в Москве). Посему люди, увлеченные возмутителями, когда по первому же воззванию или вразумлению начальственного лица, или же сами по себе разойдутся, оставят всякое намерение о преступном сопротивлении и восстании, – эти люди и заслуживают снисхождения. Но зачинщики и подговорщики, словом – главные виновники в возмущении, хоть бы также не имели между собой предварительного соглашения, они и тут не остаются без вины пред своею совестью и без казни от суда гражданского⁷⁴. В бунте и совершенно невинные из-за этих виновных или подвергаются страху суда и казни, или на самом деле терпят большие потери в своем хозяйстве, часто и до основания разоряются.

Совсем не так поступали христиане первых времен. Они ни тайных обществ, в смысле гражданском не составляли из себя, ни к явному возмущению никогда не прибегали, хоть внешнее положение их было невыносимо. Когда зажигали их дома за то только, что они христиане, когда им самим достаточно было бы одной темной ночи, чтоб вооружиться против угнетающих: они не делали ничего, потому что признавали возмущение противным общественному порядку. Когда их мучили, когда даже до того ругались над ними, что вырывали из могил трупы

их умерших собратий, и в это время они были далеки от какого-либо возмущения или междоусобия. Наконец, они не сопротивлялись своим мучителям за веру, которые действовали под видом суда и власти, не сопротивлялись, хотя сопротивление их не было бы преступными. Они находили свое противодействие бесполезным для себя, а для прочих лиц в обществе очевидно-опасным, и, таким образом, только предавали себя воле Божией. Так, если б ныне жителям какого-либо селения были самые невыносимые притеснения в общественной жизни, – где же благоразумие, где самопоощрение себя и ближнего, где вера и имя православного христианина, если будет их решимость на тайное сопротивление или же на явное возмущение? «Спаси, Господи, люди твоя!»

Пристрастные выборы в должности и склонение к тому же других

«Кийждо не своих си, но и дружних кийждо смотряйте» (Флп.2:4). Между тем, свои только личные виды имеют люди:

а) когда выбирают в должность родственника, чтоб чрез него возвыситься или только дать ему кусок хлеба (разве служба – милостыня?), – вообще, выбирают по влечению родства, будто и лучше нет на свете человека, который им родственник, а также, по связи только дружеской и по знакомству; между тем, напрасно обходят таких, которые не пользуются счастьем быть им знакомыми и которых они сами не заботятся (а должны бы позаботиться) ближе узнать с целью выбора их на службу;

б) когда выбирают богатого помимо его достоинств, расположения и досуга к службе, чтоб только угодить ему своим голосом в его пользу;

в) когда выбирают, например, своим начальником, человека, смиренного по характеру и не самостоятельного, иногда же и не дальновидного, чтоб при его начальстве спокойнее оставаться с собственными слабостями: такой человек и не скоро усмотрит их слабости и не будет строго преследовать их; напротив, когда он будет начальником, им же они думают управлять по-своему, – не состоя во главе управления, надеются между тем проводить чрез него в дела общественные или земские, свои личные и грешные виды;

г) когда выбирают человека, который нравится по первым впечатлениям, например, своею ловкостью в разговоре или в движениях, отвергая других лиц опять в силу одних впечатлений, не располагающих в пользу этих лиц, – между тем, как нужно руководиться в выборе не кратковременными впечатлениями, но исследованием того: способен ли известный человек, и имеет ли надлежащие сведения для дела, которое ему поручают, а главное – честен ли он и богобоязнен ли, так как слово Божие велит избирать не только «мудрых» но и «праведных» (Исх.18:21; Втор.1:15);

д) когда обходят выбором в должность (особенно, если выбор бывает закрытый) человека такого, со стороны которого опасаются в совместной службе с ним противоречий, потому что он при своей благонамеренности и правдив характером, – или с которым раньше была какая-либо личная неприятность, но которого, между тем, открыто же, за его неотъемлемые достоинства, сами приглашают на должность (упрашивают баллотироваться); таким образом, для этих людей тайный выбор есть не что иное, как тайная же ложь, которая легко сходит им с рук, или как тайная месть и лукавая сделка со своею совестью; эти люди составляют бремя для общественного или сословного собрания, недостойны права выбора для других и для себя самих; тайность же их действия помогает им ускользнуть от законного исключения их из собрания навсегда, но зато пред совестью своею они тяжкие изменники. – Кроме того, сами обходя выбором достойнейшего человека, иные громко рассуждают, что этого человека и не следует выбирать, или же в виде догадки-предположения высказывают о других лицах, на которых будто бы падет жребий выбора, и этим самым предзанимают чужие мнения во вред одного и в пользу другого. Есть такие, которые не ради уместного и искреннего хлебосольтва, но с одною целью задобрить, предлагают обеды избирателям, наконец, дают и деньги или только обещание каких-либо льгот, пособий, а последние с охотою принимают все это, чтоб подать голос «за» или «против» при выборе. Но, когда пристрастные избиратели теми или иными путями возьмут верх, – предоставят известную должность человеку не достойному, который с первого же раза будет делать опущения и злоупотребления: – тогда они вредят самим себе; потому что, передав ему свой голос (например, по службе гласного) или удостоив его своего доверия (например, как начальника по выбору), они должны волей и неволей терпеть его до нового выбора, так что тут уже поздно говорить: *«кто ты постави над нами судиею?»* (Исх.2:14). С другой стороны, пристрастные избиратели, обходя своим выбором человека, который и способен к делу, и честен, и трудолюбив, и только лишь не

приходит по их личному характеру и не по страстям им, – вредят опять не этому, собственно, человеку, потому что он, может быть, и доволен остаться без выбора, а пользе общественной. О, какое же это зло – пристрастные выборы на должности во всех отношениях! Во сколько крат лучше пошли бы дела городские или сельские, или земские, или в одном каком состоянии и учреждении, если бы избиратели действовали с христианским самоотвержением, по убежденно истинному, а не ложному и на словах, радея о пользе дел, а забывая о лицах и о своих личностях!

Злоупотребление своим влиянием и властью в общественных собраниях и на мирских сходах

«Архиерее же и старцы наустиша народы» (Мф.27:20), вот кого напоминает этот грех! Как, с одной стороны, в общественном собрании каждый вправе иметь свой личный взгляд на дело, так, с другой, прочие члены собрания не должны отказывать в своем внимании к этому голосу. Справедливо также, что из противоречий или из борьбы голосов вырабатывается истина. Но при этом каждый почти раз может быть и преобладание чьего-либо голоса, – преобладание или заслуженное, например, по высокому чину, по старшинству лет, по достопочтенному образу жизни, а особенно, по уму и лучшему, в сравнении с другими, пониманию дела, или же только принудительное и искательное, как, например, по влиянию начальнической власти, по богатству состояния или просто – по одной смелости и бесстыдной крикливости. Кто, пользуясь на общественном или сословном собрании, или же на волостном суде этими-то преимуществами своего голоса, а то и насильственно присвоя себе их, – явно злоупотребляет ими, хоть отвечает пред Богом и за самое дело, которое вместо защиты и поддержки выдает или продает, и за увлечение на свою сторону других, которые волей или неволей с ним соглашаются. Не о том наша речь, чтоб первому кому высказать свое мнение: иные стесняются прежде подать голос и, таким образом, держится несколько времени общее молчание. А также – и не о том, чтоб, действительно, вперед провести такое мнение, которое много раз прочувствовали, заключает в себе одну истину в пользу, но против которого ожидаются недобрые возражения. Речь наша, собственно, о неблагонамеренном, или, по меньшей мере, о самоугодливом преобладании. Да; несомненно грешит тот общественный человек, который один берется решить вопрос, когда и не просят его об этом; – который предварительно собрания старается собрать голоса на свою сторону, пользуясь правом председателя или же без этого, нарочито приглашает на самое собрание, где будет обсуждаться

интересующий его вопрос, готовых или всегдашних своих сторонников, так что благонамеренные члены собрания находят этот вопрос уже предрешенным и по меньшинству своему ни в чем не успевают, а только лишь противоречием своим навлекают на себя не удовольствие прочих; который на собрании и никому не дает говорить; тонко осмеивает и оскорбляет начинающих ему противоречить – и все так только ради своих личных выгод, ради затаенных пристрастий или отвращений, а не для пользы дела, в которой бы глубоко был убежден.

Злоупотребление доверием общества по должности гласного, или члена комитета, или учреждения какого

Как невозможно, чтоб все вдруг говорили: так не могут все лица известного общества, – городского, сельского, земского, благотворительного, учебного или попечительного какого, – не могут сами непосредственно и лично заведовать делами своего общества. Посему бывают доверенные лица (директоры – члены), благоразумию и честности которых представляется ближайшим образом достигать целей известного общества. Этим лицам делается препоручение, большей частью, если не всегда, неограниченное (уполномочение). Препоручители же по необходимости разделяют с ними последствия или умного, или же вредного их деловодства. Между тем, иные из них злоупотребляют доверием, которого удостоены. Как же? Не следят за ходом дел, совсем не заботятся о деле, например, по начальному народному образованию. – Обременяют народную жизнь еще новыми налогами и ограничениями, например, в городском положении или в земских учреждениях. А должны бы они стараться облегчить народ, на этот раз изыскивая иные источники приобретения или только избегая излишних расходов. Почему должны? Потому что в народе больше нуждающихся, чем таких, для которых новый налог ничего не значит. Иной из нуждающихся и оплачивает безропотно (на словах) увеличенный налог, по долгу исправного гражданина, но не без болезни сердца делает эту уплату. Как довольны были бы общественники, например, в том же городском или земском быту, если б старанием и честностью своих гласных и прочих доверенных лиц были поставлены в такое положение, что не отдавали бы только от себя, но и получали бы; если б, например, при общем хозяйстве в некоторых случаях удешевлена была их жизнь, предоставлялись бы им большие и большие удобства жизни! Иногда же, напротив, доверенные лица вдаются в неуместную скупость, не соображая того, что деньги то пусть и не трогаются, но за то и дело нисколько не

трогается вперед, что полезнейшее дело всегда дороже денег. Наконец, они не защищают прав и интереса своих доверителей пред другими ведомствами. Что же в особенности до сумм или материалов, на которые члены думы, управы, правления или комитета какого скупаются, а чаще всего бывают щедры, то, хоть они также могут признавать себя личными вкладчиками этих сумм, но далеко суммы не их собственность. Таким образом, если и легко им не жалеть чужого, но как *«неверные приставники»* (Мф.25:27), они отдадут ответ Богу за свою неверность и, вместе, за беззаботность приобрести в порученных им делах на пять талант другие *«пять талант»* (Мф.25:20). Таким образом, они не вправе говорить: «хотим – дадим денег, хотим – откажем». Нет, в земских, например, суммах каждый собственник имеет свою долю вклада. Да и одно то, что правительство уступило обществу распоряжение этими суммами, а общество, в свою очередь, предоставило расходовать их своим доверенным гласным или членам управы, – это одно не дозволяет их считать личною собственностью и располагать ими только по личному произволу. О, если б каждый избранный член или депутат, как христианин, говорил и действовал на своей должности по образцу (идеалу) небесного препоручительства, или посольства Спасителя своего! Если б, мысленно став пред лицо своих препоручителей или общества доверяющего, мог сказать к успокоению их: *«дело соверших, еже дал еси (поручил) Мне, да сотворю»* (Ин.17:4).

Недобросовестное и неусердное исполнение обязанностей службы

«Со благоразумием (усердием) служаще, якоже Господу» (Еф.6:7). Если человек не сам искал службы, а служба нашла его, или, если он даже и искал ее, но законным путем: в таком разе он должен смотреть на свою службу, как на Божие предизбрание или определение (1Пет.4:10). А поэтому и должен исполнять обязанности ее пред лицом всевидящего Бога, по христианской совести. Но есть люди, которые только лишь занимают за собой место, например, они почти никогда не бывают в собраниях думы, земства, комитета, между тем, как здесь часто и один превышающий голос (в пользу дела) имеет значение. Другие каждый раз скучают часами общественного собрания или заседания в совете, в съезде, в комиссии, в присутственном месте: торопясь разойтись по своим местам, не обсуждают всесторонне иного и важного дела, особенно при большом количестве дел, которые нужно заслушать и решить. Третьи не показывают сердечного усердия к службе, но ограничиваются одною формою ее: они выполняют не больше и не меньше того, чем требует буква, чтоб только по-видимому быть исправными, чтоб не встретить лишь замечания от высших или не лишиться должности, словом – не заботятся приносить больше пользы на своей службе, для чего бы, между прочим, должны были изучать необходимые для них законы, собирать по роду службы полезные сведения из практики других. Но, что не всегда оценивают на службе ревность, напротив, чаще всего преследуют усердных служак, что выдающихся искренним усердием в должности не любят, а тех, которые выводят на ней одни внешние порядки – тех уважают и награждают: все это, однако, не оправдывает холодности к службе. Как в духовных делах, или в спасении души, так в службе общественной и государственной, истинный христианин может достигать успехов только лишь терпением и самопожертвованием; он помнит, что дело само по себе не виновато, чтоб его бросить, и, что, если

мзда делателя не от человек, то тем цельнее и обильнее она на небе.

Уклонение от бескорыстного служения отечеству в должностях по выборам, равно, как и от повинностей общественных

«Разгневаясь яростию Господь на Моисея» (Исх.4:14) в то время, когда Моисей отказывался от служения, какое предлагалось ему в пользу его соотечественников, хотя и отказывался по одному смирению. Тем более грех пред Богом уклоняться от общественных должностей ради сбережения себе большего времени на собственные, домашние или торговые дела. Если так каждый будет уклоняться от общественного служения, которое ему доверяет беспристрастный выбор общества, тогда и общество не может существовать или же, в таком случае, нужно будет поставлять на общественные должности людей вовсе неспособных и недостойных. Надобно дорожить и правами самоуправления, которые предоставляют в известных случаях верховная власть, а не отказываться от этих прав. Только старость лет, уже слабая силами и напоминающая заботиться более для одного себя, или о «едином на потребу» (Лк.10:42), а также, разве, еще прежние заслуги обществу в понесении разных должностей, после которых желателен отдых: вот, что может освобождать от согласия на ту или иную выборную должность! Первые христиане ни от каких общественных должностей не отказывались и так усердно выполняли их, что удивляли своим усердием язычников. Что же до платежа гражданских повинностей, то Сам Господь Иисус Христос показал нам пример и на этот раз. «Обнищавший нас ради» человек и не имевший у себя, как личную собственность, ни одного кодранта, Он на требование некоторых сборщиков тотчас велел Петру исполнить: «даждь им за Мя и за ся» (Мф.17:27). Затем, Он учил: «воздадите убо яже кесарево кесареви» (Лк.20:25). Посему противно христианскому долгу поступают те, которые уклоняются от казенных, общественных и земских повинностей, или же оплачивают их только лишь по принуждению (сто раз заставляют приходить к ним или же напоминать, — тянут недоимки из года к году). Законные

повинности несут с нами не одни соотечественники, но даже в нашей стране и иностранцы, если имеют какие-либо владения или промысловые занятия. Людям же состоятельным еще и то на этот раз не извинительно, если они не хотят и перстом двинуться чужой гражданской повинности в пользу какого-либо многосемейного или болезненного согражданина, который, между тем, очень обременяется этой повинностью.

Равнодушие к общественным нуждам и бедствиям

«Любит бо язык (народ) наш и сонмище (синагогу) той созда нам», с такою благодарностью отзывались евреи пред Иисусом Христом о сотнике (Лк.7:5). Такого же благодарного отзыва заслуживает и каждый, кто жертвует от своего состояния местному обществу или всему отечеству во время их особенных нужд и бедствий, – жертвует не в видах гласности и награды, а по сознанию своего долга и бескорыстно. Но много бывает совершенно равнодушных к общественным нуждам, особенно из капиталистов. Так, для иного не составило бы никакого обременения построить училищный дом в своем месте или провести мост через реку, который, между прочим, облегчил бы народ собираться в церковь (не нужно было бы далеко обходить кругом), или основать богадельню для беспомощных, престарелых и т. п., но он ничего не хочет сделать по своей холодности к положению бедных своих односельцев. Другой по какой-либо досаде на своих сограждан и по своему нраву жертвует совсем не то, что могло бы облегчить их, но на предметы второстепенные, или терпящее отлагательства, притом – жертвует так, что со стороны общества еще требуется дополнительный сбор к его пожертвованию. Третий, переселившись из деревни, где родился, в город или в столицу, здесь по подпискам и из уважения к предлагающим подписки жертвует на что-либо целые тысячи, а для своей деревни, которая сгорела или потерпела от наводнения, жалеет послать и сотню рублей. Иные нисколько не заботятся, когда соотечественники их голодают в каком-либо краю государства вследствие неурожая; равнодушны, если голодают даже и душевным голодом, как например, в тюрьмах, за неимением там библиотек для чтения, хотя удовлетворить последнему голоду нужно уже в духе более христианской милостыни, чем гражданской благотворительности и, хотя эта умнейшая милостыня требует самых небольших затрат. Надобно помнить, что всеми частными пожертвованиями на общественные нужды облегчается и правительство, у которого вообще такое

множество потребностей и расходов. Как сказано у апостола Павла о частных милостынях, облегчающих церковь, от которой в древности питались бедные: «*да не отяготится церковь*» (1Тим.5:16), так надобно сказать на сей раз и о государственной казне.

Уклончивость от того, чтоб законным путем остановить очевидные и вреднейшие злоупотребления в делах своего общества

Христос – Спаситель открыто обличал книжников и фарисеев за то, что они снедали «*дома вдовиц*» (Мф.23:14). Есть и ныне на общественных должностях такие люди, которые, вместо того, чтоб приносить пользу обществу, обращают все сердце свое «*к сребролюбю и обидам*». Начальствуя, они не вникают даже в дела сиротские, не защищают самых убогих (Иер.5:28), между тем, как богатеют от несправедливых прибытков. Расхищают сумму общественную по случаю каких-либо общественных построек или заготовлений в запас; таким образом, мосты, например, которые они должны были построить, числятся только крепкими, но далеко не безопасны для перевозимых тяжестей; дороги, которые требовалось исправить, по отчетам как бы усыпаны деньгами, а в самом деле наделены только рвинами; магазины общественные кишатся полными хлеба, но хлеб в них только воображаемый или гнилой. Известно также, что лесные стражи из своих же односельцев, приставленные охранять казенный лес, охраняют лишь свои карманы под защитой старших над собой, – без жалости обидают тех, которые волей или неволей везут лес. Вот в подобных-то случаях долг граждан или членов известного общества или земского собрания, особенно членов влиятельных и менее зависимых, – тотчас же останавливать злоупотребления законным заявлением и преследованием. Отзыв же «не мое дело» здесь не уместен; потому что дело общественное есть дело, касающееся и каждого в отдельности; потому что это значит желать, чтоб злоупотребления продолжались без конца, значит – в лице злоупотребляющих испытывать долготерпение Божие к вопиющим злоупотреблениям. Нет; ответственность за явные и вопиющие злоупотребления или за крайнюю недейтельность в делах местного общества, когда все это не обличается, и не

преследуется, падает в некоторой мере и на каждого из членов этого самого общества (Иер.5:29).

Нерасположение к собственному званию

«Кийждо в звании, в нем же призван бысть, в том да пребывает...» (1Кор.7:20) «пред Богом» (1Кор.7:24). Звание для каждого человека первое всего указывается его родопроисхождением, а затем первоначальным воспитанием, когда, например, родившийся от купца, с малолетства же в примере своих родителей видит торговлю и слышит разговоры о торговле, а сын живописца с пеленок знакомится с картинками и рисунками. Но дальнейшее воспитание, и особенно, природные способности могут, впрочем, располагать и к другому званию, не по преемству рода (1Кор.7:21). Только и тут решаться на перемену нужно лишь по особенному Божию указанию, по вызову обстоятельств или по требованию высшей власти. Почему так? – Потому что можно и фальшиво уверить себя в особенном расположении к другой службе. Поэтому, избрав себе иную службу, затем придется раскаиваться или искать еще иной. Можно предположить себя к чужому званию и чувствовать нелюбовь к своему – сословному по одному лишь примеру других или по моде, своего рода, например, к должности врача, или же за одни внешние принадлежности, за формы какого-либо звания, например, военного. Таким образом, грешно без особенных причин и постороннего вызова изменять своему собственному званию и выбирать совсем иное. Тем более грех, состоя в известном звании – по собственному ли выбору, или по родопроисхождению – и не имея уже возможности переменить это звание, скучать им, даже чувствовать к нему отвращение и проклинать его. Такой гражданин или служака не может иметь преданности своему делу, а это вредно отзывается на благосостоянии общегосударственной жизни и составляет, в некотором роде, измену своему обществу или сословию. Такой человек, очевидно, не понимает и не хочет на деле достигать тех прекрасных качеств или добродетелей, которые выпадают на долю каждого звания, оттого незнакомые с утешениями в своем звании, которые, однако, можно найти при всей трудности или незнатности иного звания, обыкновенно, жалуются на свой

род жизни. Нет, христианин (исключая худых дел) везде должен быть постоянным: тогда-то он и «силен внутренне». Так и в отношении своего звания или сословия требуется ему иметь умное постоянство, – даже до того, чтоб и в форме одежды не бросаться в чужое звание; например, крестьянину не гоняться бы за одеждою чиновника, чиновнику за одеждою купца.

Сословная ненависть и возбуждение ее в других

«Воздадите всем должная: ему же честь, честь» (Рим.13:7). Различные звания в государственной и в общественной жизни также необходимы и благородны (хотя не каждое в равной степени), как необходимы разные члены в теле. Если недостает одного только члена в организме, например, глаза или руки, тогда все тело представляется убогим (1Кор.12:12–27). Так и относительно различных званий и сословий в государстве. Каждое из них имеет свои обязанности, свое достоинство и свои почтенные наклонности: например, у дворянина это благородная честь, у крестьянина – неутомимый труд; судья должен радоваться тому, что есть кузнец, а кузнец – должности судьи. Поэтому священный долг каждого, при любви и уважении к своему званию, любить и уважать все прочие звания и не касаться ничьих прав, отдавая при этом предпочтение тому званию, которое действительно заслуживает особенной чести, например, в гражданском быту звание ученых. Когда все это соблюдается, когда, т.е., люди различных званий и состояний, различного образования и назначения в обществе, не чуждаются друг друга; оказывают внимание друг к другу: тогда развивается общественная жизнь, дружно с особым успехом достигаются высокие цели в общественной жизни. Но виновны и против общественной пользы, и против установленного Богом порядка дел те люди, которые питают предубеждение и ненависть к другим званиям; возбуждают и в прочих те же взгляды и чувства ко всему тому, что не их – дорожат лишь своим званием. Если же люди какого-либо звания и злоупотребляют своим званием, если даже злоупотребляющих бывает большинство и как бы уже нет надежды найти добрых в этом звании, то надобно помнить, что каждое звание как имеет свои особые обязанности, исполнение которых вправе требовать от него другие, так и не свободно оно от особых искушений, свойственных ему. Во всяком случае, самое звание из-за недостойных представителей его не перестает же быть необходимым.

В обязанностях к начальникам

Повиновение начальству только из страха, а не по совести

Хоть всякое повиновение начальникам хорошо, но не всякое истинно и твердо. Бывает, например, повиновение из одного страха, т. е., чтоб только не подвергнуться какому-нибудь взысканию или не лишиться совсем должности – службы. Бывает повиновение ради порядка общественного, или по такому сознанию, что общество, в котором каждый имеет нужду, от которого каждый чем-либо пользуется, – не может существовать, если в нем младшие не будут повиноваться старшим. От христианина же требуется повиновение в духе, более возвышенном: *«потреба повиноватися не токмо за гнев, но за совесть»* (Рим.13:5), и еще: *«повинитесь всякому человеку созданию»*, т. е. всякому от Бога созданному над человеками начальству, *«Господа ради»* (1Пет.2:13). Основанием для такого совестливого послушания служит убеждение: *«несть власть, аще не от Бога»* (Рим.13:1). Это значит, что Самим Богом установлены не только верховная или царская власть, но и другие начальства; потому что царю невозможно управлять подданными непосредственно: между ним и народом должны быть постепенные должности. Это значит, что и всякая власть после царской есть так же «власть Божия»; потому что в собственном смысле властитель или владыка всех есть один Господь Бог (Сир.10:4), тогда как люди все между собой равны, как братья. Только такое-то повиновение начальникам можно считать самым прочным. Но, вместе с тем, оно и не обременит души сознанием подчиненности: тогда подвластный смотрит не на лицо начальника, которым может быть и очень недостойный, или слабый человек, но почитает в начальнике власть Самого Бога. Итак, погрешают те, которые повинуются начальству только из принуждения, по видимости; – выполняют законные требования начальников не тотчас и беспрекословно, но после нескольких настояний; – даже столько не почтительны (если не опасаются

взыскания или надеются быть незамеченными), что при встречах с начальником и не отдадут ему знака почтения.

Ропот и поносные слова на начальника

«Согрешихом, яко роптахом на тя», каялись пред Моисеем подчиненные ему (Чис.21:7). Что ропотливость и поношение на начальника, особенно публичные, составляют грех пред Богом, – виновный в том часто удостоверяется собственным печальным опытом. Начальник начинает как-то строго относиться к этому человеку, даже не зная о его вине против себя, и не по одному внутреннему чутью его отношений к себе, а прямо по Божьему попущению в наказание ему. Здесь Господь Бог заступается не за лицо, начальствующее (хотя бывает и так, если начальник, невинен и вообще, жизни доброй), но за оскорбление сана, власти. Надобно сказать, что каждый начальник в кругу подвластных ему есть участник власти самого государя, и, вместе с тем, орудие Промысла Божия, управляющего людьми. А чем выше или обширнее начальствование иного, тем более в лице его нужно представлять величия царского и власти Божией: благодать Божия, которую получает царь – помазанник для управления народами, частью сообщается и этому высшему, или главному начальнику (Чис.11:17). Но пусть начальник неправ; пусть он обидит и оскорбляет, нисколько не беспокоясь за эти обиды и оскорбления ближнему, и не опасаясь ответственности какой-либо; пусть он злоупотребляет своею властью или же ничего не делает, как начальник. В таком случае, может против него быть законная защита у высшего начальства. А хорошо только лишь предать как общее дело, так и его собственную судьбу, воле Божией – с такою уверенностью, что не без воли же Божией он остается до времени на месте начальническом. Но ропот на него или прямо бранные и ругательные слова *что к тебе?* С одной стороны, они неуместны; потому что унижают непосредственного и главного начальника пред другими подчиненными ему лицами, которые, может быть, еще не видят его слабостей и уважают его, так как далеко стоят от него, с другой – и напрасны в том случае, что не помогут же делу, а только лишь потревожат собственный дух ропотника.

Отрицание совсем властей

Участью Содома и Гоморры слово Божие угрожает *«отметающим начальства»* (Иуд.7). Как земля не может стоять без неба: так мир человеческий не может быть без начальств. Есть начальства на небе, где уже все свято и мирно: в чинах ангельских известны «начала, власти, престолы и архистратиги». Есть своя подчиненность и в преисподней – между бесами, подобно тому, как в шайке разбойников бывает же свой атаман. Замечаются свое руководство и старшинство даже между неразумными животными. Но рассуждают, что «человек свободен», и на этом хотят основать свою мысль о неподчиненности его никому. Такой взгляд на свободу совершенно неправилен. Первый человек владел почти всемирною свободою, никем и ничем не был стеснен; но и для его обширнейшей свободы нужен был предел, – ему запрещено было есть от одного из деревьев в раю. Тем более теперь, когда свобода человеческая вследствие греха получила неправильное направление, необходимы для нее не только в жизни духовной, но и во внешней, общественной, свои пределы, или ограничения, которыми (вместе с законами гражданскими) и бывают местные начальства. Неправильность взгляда на свободу, т. е., будто она не требует никакого ограничения, обличается и самым делом со стороны тех же, которые так смотрят на нее. Известно, что между самыми противниками законной власти, которые иногда в духе свободы составляют из себя тайное общество, остается своя подчиненность, бывает преобладание одного кого-либо из них. Но *«хощеши же ли не бояться власти, благое твори»* (Рим.13:3), т. е., если хочешь не бояться начальников, быть царем для самого себя, – не делай законопреступного и худого, не имей пристрастий. Тогда будешь владеть свободою внутреннею, которая и при крайнем внешнем стеснении всегда останется целою и обширною, как видим в примере святых мучеников. Тогда и пред сущими во власти возможно будет сохранить независимость своего характера и свободные убеждения, которые действительно

составляют святыню человека, если бывают воспитаны духом христианским.

Снискание благоволения у начальника подобострастием к нему

«Мнози угождают лицам начальников» (Притч.29:26). Безвременные или непрерывные величания высокого начальника по его чину или должности; чрезмерные похвалы ему за какие-либо полезные распоряжения или действия его; робкая малодушная уступчивость ему, когда он ошибочно или пристрастно относится к известному делу или лицу или, когда прямо требует от разделяющих с ним власть предрешить какое-либо дело противно законам и совести; мелочная предупредительность его любимых привычек и даже прихотей; приготовление для него обедов и вечеров; подарки ему в день именин или по другим случаям; наконец, ухаживанье даже за его семейными или близкими к нему, даже и за прислугой – вся эта искательность что же доказывает? То, что приближенный к высокому начальнику или только по временам бывающий у него, неправы в чем-либо или же не имеют у себя истинных заслуг и достоинств, за которые он мог бы расположиться к ним, или хотят не в очередь, сравнительно с другими, получить награду, а самое меньшее – думают потщеславиться знаками благоволения к себе начальства. Таким образом, это «ложь их прежде всего пред самими собой». А потом, это тем большая ложь пред начальством. О начальнике уже на стороне говорят или пишут, – как он дозволяет злоупотреблять делами по службе лицам, постоянно окружающим его, или как сам с сознанием злоупотребляет: но ближе других стоящие к нему по самой же службе, или по особенному расположению, – но эти приближенные не решаются предупредить его о том и даже ложно успокаивают его относительно слухов, предлагая от себя «мир и утверждение» (1Фес.5:3). Итак, они в отношении к своему начальнику, пока он начальствует и в силе, не что иное, как тайные враги. Но, вместе с тем, когда он оставит службу или будет уволен от службы, – они-то первые отшатнутся от него и из преданных послушников часто делаются явными врагами ему: Семей бросал камни на пошатнувшегося на царском

престоле Давида (2Цар.16:13). А главное, эти угодники и льстецы вредят всему делу управления в известном месте, или в каком-либо сословии лиц. Привыкнув видеть и слышать от них только подобострастные речи, начальник считает затем и самое скромное возражение ему или самое справедливое предостережение чье-либо дерзостью против начальства. В самой невозможности выполнить его требование, как ему желательно, или в самой живости, или только в громкости речи, когда человек взволнованный защищает себя пред ним, – видит он упорство и оскорбление себя, между тем, как заповедь: «воздадите кесарево кесаревы» (Мф.22:21) можно исполнить настолько и не более, чтоб не отнять чести у Бога. Эти люди по-своему иногда переделывают и нового начальника. Поступает новый начальник с прекрасными преднамерениями о своей службе. Но состав лиц, близко окружающих его, все тот же, и вот, он, если не предупрежден никем относительно характера этих лиц и, если не особенно тверд собственным характером, начинает вести дело управления нисколько не лучше своего предместника. О, сколько же зла, сколько вины пред Богом в этом подобострастии некоторых лиц пред начальниками!

В обязанностях самих начальников

Непредусмотрение нужд и непредотвращение всего опасного для вверенных начальническому попечению

«В стража дах ты дому Израилеву» (Иез.33:7). Начальник, действительно, должен быть как страж для своего начальнического округа, или по своей части начальствования, сколько бы ни был обширен или же мал округ его управления. И как глава в доме заблаговременно предусматривает нужды и предотвращает опасности для своего дома, так заботлив должен быть и начальник. «Начальствование не отдых, а труд», не сон или покой, а забота, не для гостьбы оно, которая, пожалуй, каждый день будет предлагаема, и не для частых отлучек и путешествий, которые возможны – доступны, а для того, чтоб отбывать текущие дела и своим глазом все видеть и предвидеть. «Начальник тем менее должен спать, чтоб тем спокойнее спали его подчиненные». Его большее в сравнении с другими образование, его большая опытность в жизни и его особенные права и средства к тому, чтоб делать доброе и полезное, наконец, его добрая воля пойти на начальническое место, все это обязывает его предусматривать нужды своих подчиненных и по возможности устранять от народа всякую опасность. Истинный или богобоязненный начальник, притом, обращает внимание свое на существенное в делах, или на то, что всего необходимее для довольства и благополучия его подчиненных, а не на что-либо мелочное и суетное. «О нуждах, заслуживающих первейшей заботы, скажет ему душа» его, если она исполнена страха Божия. Итак, грешат те начальники, которые поступают противно этому, – которые смотрят на свое место с той лишь стороны, «да послужат» им самим, а «не послужити» (Мк.10:45), и от беспечности которых народ решительно страдает, например, претерпевая холод, голод, падеж скота. Начальник тем более в этом случае виновен, что каждый из подчиненных или частных лиц не имеет сил и, частью, права устранить от себя своевременно подобные нужды и опасности.

Слабость и бездействие в управлении или же, напротив, жестокость и притязательность

«Раб смыслен обладает владыками безумными» (Притч.17:2). Так-то обыкновенно бывает в начальствовании людей слабых ими самими, а за них и подчиненными, управляют лица второстепенные, которые хорошо знают дело, как например, секретари, делопроизводители, или же решительно для дел посторонние, но только близко и постоянно окружающие их, как жены их, родственники, посетители и самые лакеи. Таким образом, слабый и бездейственный начальник грешит, прежде всего, потерей своей власти, и тем, что поручил свою власть, хоть, может быть, и бессознательно, второстепенному или совсем постороннему лицу. А это в высшей степени тяжело отзывается на тех, которые находятся под его начальством. В таком случае, неисправным лишь и бесчестным людям жить и служить хорошо; потому что эти люди не боятся тогда никакого взыскания за свою неисправность и за свои проступки; если же они и подпадут ответственности, то успевают выйти из своего тесного положения поклоном, просьбою или подарком лицам, действующим за начальника. Но исправным и добросовестным при слабохарактерном начальнике нет защиты ни в делах их по службе, которые для общей же пользы они предпринимают и выполняют, ни в личных обидах им. Когда эти люди обратятся для защиты к слабому начальнику, тогда, пожалуй, еще больше беспокоят себя; потому что слабый начальник, хоть на первый раз или при первом докладе их и сочувственно отнесется к правому делу их, но не выдержит своего слова и не сделает для них, как долг правды требует. Мало этого: он часто является для них лицом, усиливающим только неприятные отношения к ним тех, на кого они приносят жалобы, передавая последним жалобные слова их, как есть, и ничем не решая дела (сплетничество вместо разбирательства). Обратиться же к покровительству лиц, действующих за начальника, честные и заслуженные люди по самой честности не могут, хотя бы это обращение и обещало им

пользу, хотя бы самозванные лица, в душе своей боясь их, готовы были бы иной раз услужить им. Таким образом, слабый и бездейственный начальник унижает самые законы, обессиливая их своею слабостью, и равняется тому, что как бы совсем нет его на месте, как и в самом деле полезнее было бы до перемены обстоятельств его месту оставаться совсем праздным; к такому начальнику вполне применимы слова: *«вскую и землю упражняет»* (Лк.13:7)? Но, если иные думают извинить слабого и бездейственного начальника (как и сам он извиняется) слабостью телесных сил, или болезненностью, или престарелостью лет; от которой и зрения почти нет, и память слаба, то эти недуги, внушающие к себе уважение во всяком другом человеке, нисколько не оправдывают начальника; потому что личное свое благо, жалование по должности, или один почет начальнический, или кажущееся унижение закончить свои дни заштатным, отставным: все это поставлять выше общего благосостояния недобросовестно и слишком ответственно пред Господом Богом. Чего, может быть, и не предполагает такой начальник, многие из-за него даже ропшут на промысл Божий, когда видят ход дел в управлении его крайне беспорядочным и расстроеным, когда и в самом деле управлением его как бы испытывается долготерпение Божие. (Случайные люди наживают себе деньги, схватывают награды, а добродетель не защищается и движения к лучшему, к совершенству, никакого нет). Потому-то все честные и богобоязненные начальники лучше решались оставить свою службу, чем начальствовать слабо за своими недугами. Они сознавали, что каждый новый день начальствования их обременял бы их собственную участь пред Богом.

С другой стороны, жестокость и притязательность в начальнике тягостны уже для всех, как для добрых, так и для худых служак: *«я боялся тебя, потому что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял»* (Лк.19:21). Чего не было и в мысли у человека, то выводит в своем заключении притязательный начальник; или, где иной хотел поступить тем законнее, там такой начальник, заранее положивший себе завинять и наказывать других, видит

несомненную, или только вероятную вину. При таком начальнике одни (это люди худые), естественно, делаются лицемерами, скрытными; другие же (это люди добрые) решительно недоумевают: как им вести свои служебные дела, потому, что при всей честности своих намерений и действий они всегда не безопасны от притязания своего начальника, а к человеку, который добросовестно и с ревностью проходит порученное ему служение, всего скорее, можно привязаться, так как он не заботится о формах дела, хоть ими и не пренебрегает, но ищет саму «суть» дела, часто же для пользы дела и действительно жертвует формами его. Жестокосердый начальник, карая правого и виновного, единственно, по злости своего характера, без всякого доброго преднамерения, или же в угоду лицам других ведомств, которые прикосновенны к разбираемому делу и которых он всегда старается оправдывать, естественно, не думает найти в подвластных ему доверие и благодарность к себе. А, таким образом, опасаясь со стороны их мести и вреда, окружает себя из среды их наушниками: вот новая вина его. Наконец, от жестокости его иные малодушные и бессильные решаются сделать и вред самим себе (поднимают на себя руки). Словом, как слабый и ничего не делающий, так и жестокий начальник, равно, враги своим подчиненным, и тяжко грешат против Бога. Слабый начальник, притом, может быть жестоким и в отношении к известным лицам.

Внушение подчиненным покорности закону и порядку одним только гневом-криком

«Владычествуя... в кротости судиши» (Прем.12:18). Гневливый-крикливый начальник грешит и против себя, и против своих подчиненных, и против должности. Против себя грешит, потому что ему нечего сердиться, если он не намерен или совсем не имеет основания простить кого за беспорядки по службе, если должен поступить с виноватым, как закон требует. Ему нечего устрашать других, потому что его высокая власть и чин и без того внушают к нему страх; потому что двух-трех слов его уже боятся, да, наконец, и закон на его стороне. Против других грешит: накрывая гневом-криком виноватого, а затем, не облегчая и наказания, которое он должен понести по закону, начальник вдвойне наказывает этого человека: и от себя лично, и от правосудия закона. Но еще чаще в порыве своего гнева начальник наказывает виновного сверх меры. Вообще, начальник, сколь бы ни был высок и силен властью, не должен оскорблять своего подчиненного, который ему так же ближней, оскорблять своим высоким и взыскательным тоном, или одним строгим взглядом и взгляд его даже до того иногда бывает строг, что и тягостно встретиться с ним, что подчиненный, и не сознавая за собой никакой вины, при встрече с ним так и ждет от него вопля, взыскания. Против своей должности гневливый начальник грешит потерей успехов дела. Привыкнув к его характеру, люди виноватые с терпением, молчаливо, выносят его кратковременный гнев; но этим самым они и надеются искупить свою вину, в этой-то слабости его они находят повод снова вести себя слабо. Напротив, тот из начальников, который действует спокойно, но настойчиво, который гневается благородным гневом, да и для взыскания или замечания усматривает лучшую минуту, а не всегда первую, какая случится: тот скорее успевает восстановить порядок, так что имя «настоятеля» в этом смысле вполне прилично ему. А вообще, в проступках подчиненного лучше угрожать ему судом Божиим, чем устрашать от себя и судом гражданским.

Начальническая недоступность

«Старейшину ли ты поставиша? не возносися, но буди в них, яко один от них» (Сир.32:1). Недоступность начальника может происходить от двух причин: или от высокомерия, и тогда она вполне виновна, или от ведения дел только по письменным и словесным сведениям, а не лично и с опыта: в последнем случае, она менее виновна, потому что не вполне намеренна. Высокомерный начальник – лицо чуждое для подчиненных и находится не на своем месте, хотя, может быть, сам воображает себя и выше того места, которое занимает. Не о том наша речь, будто начальник не может назначать известные только дни в неделе или часы в днях для приема у себя посетителей: такого распределения своих приемов иной раз он необходимо должен держаться в виду многих своих занятий, хотя и тут для лиц, которые придут или приедут из дальних мест и крайне нуждаются в свидании с ним, обязан бы он делать уступки. Но вину высокомерного начальника, собственно, составляет вот что: он всего с минуту говорит с просителями, между тем, как иной из просителей долго-долго готовится, чтоб высказать пред ним те и другие нужды свои, и даже не личные нужды, а по должности; он как бы опасается унижить себя подробным разговором с просителями или выслушиванием их объяснений, между тем, как должен был бы предоставить (как и закон предоставляет) все средства к оправданию обвиняемого в чем-либо; он без нужды томит на ногах приходящих к нему, из которых иные по слабости своих сил и стоять-то долго не могут; он и комнаты свои делает недоступными для просителей, принимая иных у крыльца или не дальше порога своей передней. Итак, этот начальник не для народа, но и народ не для него. Не желая себя беспокоить или унижить беседой с просителями, он не выслушивает их, и, следовательно, не удовлетворяет. Зато, если он и сам имеет до кого нужду, например, если на одного возлагает поручение какое по службе, другому предлагает усиленное заняться службой и, вообще, достигать больших успехов дела, чтоб успехами этих лиц

обеспечить собственное место, или похвалиться еще пред высшими, – труд его, большею частью, бывает напрасен: он не расположит искренно относиться к делу тех, которых не расположил к себе своим обращением, тем более, что и тут он употребляет только предложение, а не убеждение. Нет; истинное это заблуждение начальника, когда он из опасения унижить свое звание чрезмерно далеко держит себя от всех. Выслушивая каждого и делаясь доступным ко всем, как начальник, он более бы оправдывал свое назначение, и, следовательно, более возвысился бы. Убеждая и упрашивая подчиненных к добросовестному исполнению ими обязанностей и, вообще, к добру, он скорее бы достиг своей цели; потому что путь к доброму, действительно, есть путь труднейший, и стоит того, чтоб убеждать к нему других.

Затем, недоступность начальника, зависящая от привычки править делами только по бумагам или по словесным отзывам других, вредит и просителям, и ему самому. Правда, что на бумаге и дело изложить, и другому познаться с делом можно полнее и спокойнее. Но бывает много случаев, которых нельзя изложить на бумаге, между тем, как раскрытие их послужило бы еще к большему разъяснению дела; иное же и не стоит, или трудно излагать на бумаге, а всего легче выяснить на словах. Таким образом, и управление по бумагам, так сказать, бывает только умозрительное, издалека. Но и удовлетворяться одними словесными докладами или рассказами о том, что произошло, где или что нужно предпринять для пользы дела, или кто как себя держит, каких кто способностей и направления, так же было бы управление не прямое и ошибочное. Нужно лично узнавать людей, нужно, по возможности, на месте следить за течением дел, выслушивать не одну которую-либо сторону, но и противную. Итак, начальники, ведущие дела по одним бумагам или словесным только сведениям, виновны против своих подчиненных тем, что не вполне удовлетворяют их в просьбах. Виновны и против самих себя, потому что не приобретают себе опытности по службе и вообще в жизни (не практикуются).

Присвоение, собственно, себе, своему лицу власти над другими

Это дух, или убеждения, Пилата: *«не веси ли, яко власть имам распяти тя, и власть имам пустити тя»*, говорил он Иисусу Христу. И был ему ответ: *«не имаши власти ни единыя на мне, аще не бы ти дано свыше»* (Ин.19:10–11). Действительно, власть начальника, сколь бы ни была обширна, не его собственность: не он сотворил или сочинил себе тот круг лиц или ту область, населенную людьми, над которыми начальствует; он только мог достигнуть власти над этими людьми своею заслугою. Но и тут власть ему доварена, как временное лишь владение (непосредственно ли от царя, или от другой высшей власти, или же по выбору от общества), доверена не безусловно, не так как врачу доверяется для анатомии мертвое тело, но с условием действовать по законам и по совести. Итак, пред Богом это дерзость, а ближнему оскорбление, когда начальнику своему лишь лицу или своему произволу присвоит право миловать или карать подчиненных, позволять им что или запрещать, исполнять их просьбы, например, о должности, о месте службы, или же отказывать, признать кого невинным или же обвинить. Если многое в управлении и предоставляется личному усмотрению начальника, если в многом нельзя даже обжаловать его законным порядком, то он должен помнить, что есть Вышний, *«уже истяжет дела его, и помышления испытает... и что сильнии сильнее же истязани будут»* (Прем.6:3:6). Затем, хоть бы начальник и умеренно пользовался своими правами, хоть бы не употреблял насилия и произвола, начальствуя, одни намеки о себе, как о начальнике, частые напоминания о том, что *«начальству надобно покоряться»* – и это составляет его ошибку. Не для того начальник, чтоб только сознавать и защищать свои права и достоинства, но, чтоб по мере прав своих быть полезным. И без того подчиненность для человека не легкое чувство, так как оно возникло первоначально от греха и необходимо усилилось через грех. Следовательно,

безвременные напоминания о своей власти могут огорчать ближнего. Христианин-начальник должен так стараться держать себя в отношении к своим подчиненным, что, как бы, он вовсе не начальник для них, – и держать себя так не с тем намерением, чтоб заслужить у них простотою обращения любовь и похвалу, но по внутреннему убеждению.

Попраение своею властью одинаковой или же и низшей власти других лиц

Апостолы *«Иаков и Кифа и Иоанн... десницы даша Павлу и Варнаве общения»* (Гал.2:9). Так святые Божии уважали друг в друге равную власть в и известных случаях. Но противно этому примеру поступает тот, кто, состоя членом какого-либо комитета или совета, или присутственного места, берет верх над своими сочленами и не почему-либо другому, как только по самолюбию, в одних и тех же случаях старается разрушить действия и распоряжения своих сочленов в виду тех, которые им и ему равно подвластны. Мало этого, он старается, устранив прочих и вопреки желанию их, действовать совершенно один от своего имени. Что сказать о таком деятеле? Он оскорбляет своих сочленов, делаясь в среде их как бы начальником, тогда как между ними нет начальника, а разве бывает старший член по званию председателя. Он отталкивает от дела своих сотоварищей, за которых позволительно было бы ему и похвально с его стороны трудиться только в таком разе, когда бы они сами не умели, или не хотели ничего делать, или добровольно поручили бы ему одному действие в видах общей пользы. Он вредит успехам дела, если отменяет без всякой нужды, единственно, по своему самовластию то, что подчиненные выполняли по распоряжению другого соначальственного ему лица. Но, если его деятельность и умная, и ревностная, и полезная, – все же он еще больше встретит несочувствия и решительных, хотя безотчетных и напрасных противодействий от своих сочленов, чем тогда, когда бы не обнаруживал над ними преобладания в правах и в своих действиях, когда бы, действуя-работая один, не относил бы гласно к себе одному успехом, напротив, давал бы вид, будто не он, а другие члены работают и успевают, словом щадил бы

на этот раз человеческую слабость своих сочленов. – Равным образом, и высший начальник не должен попираť права и власть, которые принадлежат низшему по должности последнего. Напротив, благоразумие требует всегда подкреплять права низшего или ближайшего начальника над его подчиненными; потому что этот постоянно находится с подчиненными, и, так как в среде последних каждый раз больше можно встретить неисправностей и опущений, чем точных исполнений, то и поставляется он в необходимость быть более взыскательным и строгим, чем миловать, а, таким образом, подчиненные всегда должны иметь к нему страх и уважение. Высшему же начальнику, которого и редко видят, свойственнее показывать себя милостивым и прощающим.

Неоказание начальнического покровительства православной Церкви

Всякий начальник, а особенно стоящий во главе местного управления, имеет случай оказывать покровительство св. православной Церкви. Например, может он замечать вольнодумцам, чтоб не было их посмеяний над православной верой и уставами церковными, хотя бы их хулы произносились и не при нем, а только чрез других доходили бы до его слуха; – особенно же он должен преследовать, в союзе с Церковью, появление какой-либо ереси или распространение книг и рукописей с противорелигиозным направлением; – не должен бы удостаивать своего благоволения таких лиц, которые, оставаясь холостыми или вдовцами, ведут соблазнительную жизнь, хоть бы на службе были дельными; – может содействовать постройке церкви или монастыря, – закрытию базаров в воскресные дни, небытности публичных работ в праздники и даже тому, чтоб народ проводил праздники в трезвости и добром порядке; – должен бы выражать уважение к духовенству, а также и к набожным людям между мирянами, – охранять церковные собрания от беспорядков и т. п. Так покровительствовать Церкви, и особенно тогда, как духовные власти прямо просят о том, – обязывает начальников многое. Им, например, естественно желать возблагодарить Господа Бога за то, что Господь возвеличил их пред другими властью и саном, но лучшей благодарности на этот раз они не могут принести, как, если будут покровительствовать всему тому, что относится к миру и пользе Церкви, за которую Иисус Христос «Себе предаде» (Еф.5:25). Они должны помнить, что от мира Церкви зависит и мир общественный, и что в случае какого-либо народного волнения они же первые прибегнут к помощи начальства духовного и местных священников. По примеру государя, который в службах церковных называется «благочестивейшим» и который есть покровитель православия, и они должны бы каждый на своем месте со всем усердием содействовать святому православию и развитию христианских

нравов в народе, как это указано и гражданскими законами. В древних соборных определениях читаем: *«приличным призвано просити (начальников) о вспомоществовании общей матери католической Церкви... (чем же?). Их начальственным полномочием и попечительностью»* (Карф. 79). При чтении этого правила никто не должен видеть, с одной стороны, напрасное будто обращение Церкви к светским начальникам, а с другой – напрасное же будто вмешательство светского начальства в дела духовные. Нет, – когда в особенных случаях Церковь обращается к гражданской власти, то не потому, что хочет действовать на своих членов насильственно или принуждением, но, единственно, по материнской своей заботливости хоть внешними мерами остановить тех из них, которые так и стремятся к вечной гибели. А особенно она обращается к гражданской власти за тем, чтоб защитить добрых христиан от постороннего притеснения, которое естественно бывает (2Тим.3:12). Но, что еще сказать на сей раз о примере древних русских властей, например, удельных и великих князей? Одною из главных, господствующих добродетелей старинного русского начальства было *«вспомоществование церквам и монастырям»*. История то и дело передает нам такие сказания о князьях: *«не щадил имения своего для церквей..., создал многие церкви»*⁷⁵. Итак, без всякого сомнения, виновны те начальники, которые и не подумают покровительствовать православной Церкви, а вместо этого, скорее, окажут свое покровительство народным каким-либо увеселениям, имеющим и без того поддержку во множестве других лиц; – которые вместо торжественного церковного собрания удостаивают своим посещением и как бы еще в награду, или в поощрение, народные зрелища и театры; – для которых вообще интересы Церкви – чуждое дело. О, как бы начальнику, особенно занимающему высокое место, не подорожить прекрасным своим положением для спасения собственной души! Как бы ему оставаться безучастным к пользам Церкви после того, как Церковь поминает же в своих молитвах *«градоначальники, военоначальники..., всякое начало и власть и уже в палате братию...»*⁷⁶! И как бывают рады и духовные власти, и

истинные сыны Церкви тому начальнику, в котором, действительно, видят покровителя себе!

Стеснение подчиненных в исполнении христианских обязанностей

Есть начальники, не только не пользующиеся с радостью случаями оказать защиту-покровительство Церкви, но и прямо стесняющие своих подчиненных в исполнении последними христианских обязанностей. Например, подчиненному желательно было бы пойти в праздник к службе Божией, и начальник занимает его своей почтой, годовыми отчетами, вызывает его для какого-либо спроса из самой церкви; подчиненному нужно было бы в пост поговеть и приобщиться св. Таин, а начальник командировывает его в дорогу и не хочет заменить его на этот раз другим лицом; подчиненные, например, живущие где-либо артелью, не желали бы – хоть не все – в пост есть скоромное, а начальник распоряжается для них о скоромной пище; подчиненный хотел бы взять с собой в дорогу, которая бывает на казенной счет, свою икону, а начальник, увидев его икону и считая ее лишнею тяжестью, кидает ее. Ах, как необдуманно и злонамеренно поступают эти начальники! Они оскорбляют такие чувства в человеке, которые можно назвать неприкосновенными. Они стесняют православного в его священных обязанностях, между тем, как дозволяют же по духу веротерпимости какому-нибудь магометанину молиться на луну. Не грешат ли они против самого Господа Христа? Да; потому что отвлекают от Исккупителя души. Они идут и против собственной, существенной пользы; потому что те из подчиненных, которые стали бы выполнять с усердием христианские обязанности, – те были бы и для них первыми по своей верности, были бы более всех исправными на службе, так что при большинстве лиц с таким направлением управление их пошло бы спокойно и счастливо. Известная истина, что ради десяти праведников стоит целый город, или целое селение (Быт.18:22–32), может быть применена и здесь. Начальники, которых мы имеем в виду, стараются отыскать и приблизить к себе людей даровитых от природы и практичных на службе, а совсем не обращают внимания на православие и

богобоязненность их. Но напрасно! Эти люди могут быть даже опасными, между тем, как верующие и богобоязненные, из которых, конечно, также найдутся способные службе, всегда благонадежны. Царь Давид, обыкновенно, старался избрать себе сотрудниками и удостоивал своего доверия только последних (Пс.100). Но, чтоб дойти до этих людей, нужно прежде очистить к ним дорогу от разных нареканий на них и сомнений относительно характера и образа жизни их; потому что мир не любит их и оттого слагает на них много таких подозрений, которые, по-видимому, вполне вероятны. И умный начальник, сам испытавший подобное положение богобоязненного человека в мире, «*во зле лежащем*» (1Ин.5:19). преодолевает все эти препятствия, наконец, удостоверяется же в честности и правдивости тех людей.

При управлении другими, не старание управлять самим собой

«Бдите, да не внидете в напасть» (Мф.26:41). Если, например, начальник сам не умеет и не старается удержаться от страсти гнева, то вносит в среду окружающих его одно смятение и недовольство. Он обязан (берем во внимание высокого начальника), – обязан принимать к себе самых разнородных просителей и посетителей. И вот, он, расстроившись духом в разговоре с одним, затем, если не гневно, то сухо и холодно относится ко всем прочим. Иные же, узнав о нерасположении его духа, совсем откладывают свидание с ним, которое, между тем, очень необходимо. Вообще, начальнику требуется твердо поставить себя против страстей. Почему же? Потому что страсти, так сказать, напрашиваются к нему, особенно честолюбие и гордость: в истории древних правителей иудейского народа видим весьма немногих, почти единицы, которые бы, стоя на высоком месте, не увлеклись этими двумя страстями; увлеченный ими, высокий начальник и одного человека впереди себя не хочет видеть. – Страсти затем, получив доступ к высокому лицу, бывают в нем особенно сильны; потому что нет недостатка в средствах и случаях питаться им в нем; например, сребролюбие начальника находит себе непрерывную пищу в подарках от тех, которые ищут у него покровительства, наград и т. п. Те же из страстей человеческих, которые направлены со вредом против других, оказываются в начальнике даже страшными, как например, ненависть: еще можно не опасаться ненависти со стороны простого человека, но нельзя не страшиться ее от начальственного лица (Сир.8:1). – Страсти свои, притом, начальник всегда меньше может сознать, чем всякий другой; потому что никто не смеет или не хочет быть его обличителем. Однако ж, он нисколько в них не извиняется; потому что должен стоять выше других своим умом и образованием, знает по истории и по существу дела особенное влияние на себя страстей. Таким образом, он не прав, если не старается

управлять самим собой и не вооружается преждевременно против человеческих страстей, а увлекшись какою-либо из них, не спешит искоренить ее в себе с Божией помощью. От великих людей требуются и великие качества душевные.

Неподавание доброго примера, и даже соблазнительные примеры лицам зависимым и подчиненным

«Якоже владыка (начальник) града, тако и вси, живущие в нем» (Сир.10:2). Да; жизнь начальника, особенно того, который долго начальствует в известном месте или же силен своею властью, – влечет и других то к добру, то лишь ко злу, так что в жизни этого человека нет ничего частного: каждая черта его характера, каждое движение его на глазах всех. Посему, как солнце светло, так и ему надлежит быть светлым или безупречным по жизни. (Таков идеал начальника в христианстве, если еще не осуществившийся ни в одной стране христианской, однако же, всегда неотложный). Одни – именно люди простые – подражают начальству по доверию: «видно (думают они), и нам надобно так же делать и жить, как делает и живет наше начальство». Другие – это люди понимающие – подражают начальникам, вообще, высшим лицам, из тщеславия; эти люди как бы хотят облагородить свой порок, когда берут пример его с высших. Третьи, подражая действиям своего начальника, хотят угодить ему. Если начальник добрых христианских правил, то и они мало-помалу усваивают себе те же правила. Тут между благонамеренными подражателями иногда бывают и лицемеры, которые, например, в глазах богомольного начальника так же усердно молятся, так же поставляют у себя иконы и лампадки. Богобоязненному начальнику приятно видеть подражателей своему религиозному направлению; однако ж он отличает истинного подражателя от лицемера. Но, если, напротив, начальник порочный; то иные подчиненные избирают самым лучшим средством к тому, чтоб войти к нему в милость, – подражание ему; потому что в этом подражании он находит не просто похвалу себе, или лесть на словах, которую он также привык выслушивать, но и похвалу или одобрение на самом деле; потому что в таком случае он находит опору в других против самого себя, или против своей совести, которая, между тем, обличает его в пороке. Итак,

виновен начальник и тогда, как не подает своим подчиненным добрых примеров, потому что его примеры с особенною пользою могли бы действовать на всех, например, если он редко бывает в церкви, не показывает особенной ревности к правде и т.п. Но горе ему, если он подает совсем противные примеры, например, вольно рассуждает при всех о предметах веры, имеет открытую прелюбодейную связь. В таком случае, его управление – истинное несчастье и для народа: *«начальствующим нечестивым стеснят мужие»* (Притч.29:2). И чем выше он поставлен, тем большая остается на нем ответственность пред Богом за пороки. Итак, горе начальнику – соблазнителью!

Невнимание по службе к людям беззащитным и многосемейным

«Вдова некая бе во граде... и приходяше к судии, глаголющи: отпусти (защити) меня от соперника моего. И не хотяше на долзе времени» (Лк.18:3–4). Человек сильный или только имеющий сильного покровителя и сам себя защитит от обид и обидящих. Но беззащитный, как например, вдова, вообще, женское лицо, или же тот, которого по какому-нибудь столкновению угнетает высшее начальство другого ведомства, – эти люди могут найти себе (по жизни общественной) покровительство в одном лишь непосредственном своем начальнике. Между тем, начальник не заступает за них, – прямо отдает их в обиду, например, ради взаимного мира и взаимной угодливости в отношении к другим начальникам; так поступил и Пилат с Иисусом Христом, угождая иудейским начальниками. Какое же это непонимание своей обязанности! какое своекорыстие и самоугодие – жертвовать своими подчиненными ради напрасного неудовольствия и гнева других! какая суета заискиваться похвальными отзывами и известностью в других ведомствах, между тем, не дорожить расположением у своих сослуживцев и подчиненных, обижать своих-то! Но, если нет пользы от законов и защиты от начальства человеку беззащитному, то законы и начальство и не имеют своего значения; первее всего, они нужны для слабых членов в обществе. – Что же до человека многосемейного, то начальник должен относиться к этому человеку с бóльшим, против других, вниманием и покровительством, во-первых, за его семейство, которого он кормитель, затем – из уважения к тому, что у него самого мало времени заботиться о защите себя, и, наконец, – из опасения, что беспокойствие духа, когда его обижают или когда только не дают ему средств к содержанию себя, вредно отзовется и на его здоровье, которое столь дорого для его семьи, и на чувстве всех семейных его. Но какое немилосердие – прямо обижать многосемейного и невинного, например, переводами его без достаточной причины с места на

место, отказами ему в средствах к жизни, а после его смерти – и его семейству!

Лишение достойных людей награды, повышения или прямое притеснение их по зависти

В первом случае начальник грешит отнятием у достойных служаек того, что уже принадлежит им. Действительно, заслуженная награда или заслуженное повышение чином, саном, высшею должностью или лучшим местом службы, есть собственность служаки, а не произвол и одолжение начальника; если б достойный служака был и личным врагом начальнику, начальник должен показать самоотвержение, должен отдать ему заслуженное. Виновен здесь начальник еще тем, что охлаждает усердие к службе в достойном человеке, между тем, как обязан был бы поощрять всех вообще к полезной деятельности своим вниманием и наградами за нее по закону (1Пет.2:14). – А во втором случае допускается уже грех Саула в отношении к Давиду, т. е. грех смертный, между тем, как положительное притеснение по зависти человека достойного между подчиненными, к сожалению, очень нередко встречается. Иногда начальник при этом говорит, что «он нисколько не завидует тому, кого будто бы притесняет, что по личному его взгляду или по убеждению этот человек, действительно, не хорош и не заслуживает никакого снисхождения». Но напрасное извинение! Личные взгляды надобно поверять с делом и законами, а не основывать на своих личных только чувствах и отношениях. Безответной ненависти ни к какому человеку не должно быть. Нет, – что бы ни подсказывали собственные чувства или неблагоприятные люди против достойного служаки, начальник-христианин и опять должен вооружиться христианским самоотвержением. Если подчиненный достойнее его во многих или даже во всех отношениях, пусть его любовь христианская «радуется о истине» (1Кор.13:6). Притеснением же не прикроешь достоинств в достойном, но, если это глубокий христианин – еще доставишь ему случай более обнаружить их. А то может повториться, что Аман и повезет в колеснице Мардохея. Лучше начальнику в душе своей смиряться пред теми из подчиненных, которые достойнее его и по уму, и по

жизни, подобно тому, как священник смиряется же пред высшими себя по добродетелям в приходе. Начальник, все же по видимости и правам выше самых достойных лиц в своем начальническом округе, как и священник – между своими прихожанами. Следовательно, неуместна его зависть и непростительно его притеснение подчиненному по чувству этой зависти.

Притупление в себе самом чувства страха и стыдливости к преступлениям от разбирательства чужих преступлений

«Судия бе некий в некоем граде, Бога не бояся, и человек не срамляясь» (Лк.18:2). На многих начальниках лежит обязанность или лично разбирать чужие вины, или только выслушивать и прочитывать доносы о преступлениях. Таким образом, они неизбежно знакомятся с самыми разнородными, и часто с самыми страшными преступлениями. Это-то знакомство и притупляет иногда в них самих чувство страха и стыдливости к тяжким грехам человеческим, особенно, когда они, вместе с тем, слышат от виновных извинения. Они без скорби сердца начинают смотреть вообще на преступления, хотя сами еще не допускают тех преступлений. При взгляде на чью-либо новую вину они вслух всех рассуждают: «это ли еще делают другие?» Но напрасно они так легко относятся и к чужим преступлениям. Они не частные люди, чтоб совсем не слушать о чужих грехах, но начальники. Не они от подсудимых, а подсудимые от них должны заимствовать взгляд на свои проступки. Примером своего страха и стыдливости к каждому преступлению, которое разбирают, они должны бы пробуждать и в виновных чувство совести. А главное: обучив свое чувство без трепета выслушивать самые страшные вины людей, начальники и судьи слишком снисходительно решают виновных, – не по надежде на покаяние и исправление этих людей, но только присвоя себе право прощать все и не опасаясь, что будут поверять их решения. Затем, они совсем не преследуют тех проступков, о которых достоверно знают со стороны того или другого из своих подчиненных, но только лишь знают не по форме, или не по доносу, попуская таким образом таиться злу.

Оставление молитвы о добром управлении другими

«Дажь мне премудрость», молился один из правителей народа (Прем.9:4). Управлять людьми – наука из наук, дело из трудных труднейшее. Посему в этом деле недостаточно того, чтоб опираться на свои права, на знание законов и на опытность. Еще с успехом может пригрозить своею властью тот начальник, который живет не высшим духом, а по духу мира, хотя его успех тоже не будет особенно прочен. Но начальник с направлением духовным и сам часто терпит от подчиненных обиды, за которые преследовать ему представляется неудобным, и которые приходят к нему как-то необъяснимо. Таким образом, вполне необходима каждому начальнику-христианину молитва к Богу о лучшем управлении своими подчиненными. В молитве-то заключается сила власти, тайна влияния на подчиненных, проницательность суда. Молитвою к Богу, когда она приносится каждый день втайне души, благочестивый начальник может более предохранить от тяжких падений и преступлений всех тех, которые вверены его управлению. Итак, оставлять этой молитвы не следует.

Грехи воинов

Тоска по родине, а отсюда – намерение о побеге, или самый побег от службы

Святой Давид *«воста рано (в самых молодых летах) и тече в полк»* (1Цар.17:20:22). Сохранять нежную память о родине и родных, в особенности, о детях и жене воину следует и весьма полезно. Живя такими воспоминаниями не только при вступлении в военную службу, но и до самого окончания службы, он тем более может предохранить себя, если женатый, от неверности супружеской, а если холостой – от не целомудрия и других грубых пороков. Но напрасно молодой воин до того предаётся тоске по родине и родным, что усвоит себе мысль бежать или в самом деле бежит от службы. Или напрасно не хочет только помириться с воинскою повинностью, которою доселе были обременены некоторый лишь сословия, и которая теперь сделалась общею. – Войска в государстве необходимы, если не для защиты государства от врагов внешних, которые не часто вооружаются (и дай Бог, чтоб никогда!), то для успокоения общества от внутренних врагов, как например, от злодеев по дороге, а особенно, от преступников, которые в каждом городе содержатся под арестом и которых не всегда безопасно выпустить на свободу. – Служба воинов благословляется Самим Богом, потому что Господь Бог *«научает руки верных своих на ополчение, персты их на брань»* (Пс.143:1). По новым же законам каждый, кто призывается к очереди и кому выпадает жребий не пустой, но указывавший дорогу в полк или роту, – каждый должен ясно сознать в своем назначении волю Божию и никого не может завинять в том, что пришлось ему служить. – Вступая в службу, воин даёт клятвенное обещание на верность ее, и должен побояться быть клятвопреступником. – Да, если же он и убежит, то побег его будет бесполезен, потому что вскоре же откроется. Затем, побег его будет опасен для последующего времени: как известно по опыту, бежавшие от службы однажды сильно соблазняются бежать и в другой, и третий раз.

Неверность по службе из-за корысти, или подкупа

«Сребреники доволны даша воином... Они же приемше сребреники, сотвориша якоже научени быша» (Мф.28:12:15). И ныне иные из воинов прельщаются на денежный подарок, часто самый малый. Для чего же? Чтоб дать возможность преступнику, заключенному в тюрьме, убежать или же пронести к тем же заключенным запрещенные вещи, например, вино, или дозволить недозволенные свидания. Другие из военных служителей, взяв с виноватого деньги, выпускают его из своих рук, как бы судьи какие, вместо того, чтоб привести его же, как им поручено, к полицейскому или другому начальнику; отпустив же виноватого, они говорят, что не могли его найти или удержать. Третьи, стоя у приема людей в военную службу, из-за подарка стараются освободить от военной повинности тех, которые подкупили их. Когда и оружие тупо, тогда уже нечем поражать врага. Неверный воин, которого можно подкупить, в каждом случае хуже и тупого оружия. Это уже не воин, а отдающийся без борьбы всякому, кто только покажет ему монету.

Ложь нижних воинских чинов

«Верен и Истинен... и Воинственный» (Откр.19:11). Верность в услуге, правда на словах и точность в исполнении того, чего закон требует, что исполнить поручает высшее начальство, – вот отличительные качества людей военного звания! Между тем, иные нижние воинские чины верно и точно выполняют разве то, у чего стоит и на что смотрит их начальник, вообще, лицо, могущее взыскать с них за неисполнение. Во всем прочем они лгут и на словах, и на деле; лгут – или потому, что не дорожат каждый по себе мнением и доверием общества; или пользуясь тем обстоятельством, что во множестве своих товарищей, пообещавший что-либо сделать, о чем-либо донести весть, и затем обманувший, не будет узан и изобличен; или, наконец, по такой надежде, что будет кому другому вместо него исполнить неисполненное им дело. Особенно ложь и неисполнительность нижних чинов на деле самой службы, и пред высшими начальниками, – виновны. При отправлении и каждой службы, а, тем более военной, человек находится в напряженном состоянии. Тут каждый неисполненный наказ, каждая остановка, каждое противоречие тревожат, раздражают; тут не до слов и рассуждений, а нужно без замедления вести течение дела. Оттого-то и гражданские, и военные законы строги за препятствия лицам, отправляющим свою службу.

Чрезмерная требовательность к хозяевам, дающим квартиру, а затем неблагодарность к ним

В первом случае воины нарушают древнее наставление, относящееся к ним: *«довольни будети оброки вашими»* (Лк.3:14). Хозяева, дающие квартиру, и без того себя стесняют, между тем, как это не наймы, оплачиваемые ими деньгами, а жертва их отечеству; особенный же прием и угощение они имеют, кроме солдат, предложить другому кому, например, родственникам. – Во втором случае припоминается противный поступок двух израильских воинов, о которых говорится в Священной Истории. Некто Раав доставила в своем доме двум воинам безопасный приют. За это они *«изведоша (ее саму) ... и все родства ея, и вся елика быша ей»* (Нав.6:22), в то время, как все соседи и сограждане ее подверглись нападению. Не тем отплачивают хозяевам за странноприимство те из нынешних солдат, которые, уходя с квартиры, произносят бранные слова на хозяев, чернят у них ворота и т. п.

Вместо охранения покоя и имущества жителей, разрушение всего этого воровством всякого рода

«Никого же обидите», сказано воинам (Нав.6:22). Войска для того, между прочим, и существуют, для того жители города или селения тратятся на содержание их, чтоб они готовы были во всякое время защитить последних от насилия и потерь: это стража, охраняющая внешний покой и достояние частных лиц. Таким образом, извращают и унижают свое служение те из солдат, которые при всяком случае стараются только похитить или разрушить собственность мирных жителей. По дорогам и в лесах они крадут, пользуясь, с одной стороны, своей силой, а с другой – скромностью жителей, которые из опасения их мщения, страшного, опять, по силе же их, не преследуют их ни жалобой, ни оружием. В местах купли и продажи крадут с хитростью и обманом, прикрываясь, между прочим, своею шинелью, по которой не отличишь их один от другого (Лк.3:14). Пусть бедно их содержание. Но оно искони было таким. Зато от них не требуется никаких повинностей и имущественных пожертвований; довольно с них, если они с самопожертвованием служат царю и отечеству. Что же им приобретать лишнее, да еще путем кражи и грабежа? От лишнего они должны удаляться, чтоб в случае призыва к какому-либо перемещению или дальнему путешествию могли без затруднения выполнить это требование воеводы, высшего своего начальства (2Тим.2:4).

Грубое пьянство, и в пьянстве любодейство

«Сотвори Олоферн (военачальник) пир... и пи вина много зело... И бяше желателен зело, еже снитися» с Иудифью (Иудиф.12:10,20:16). Такое же чрезмерное пьянство и стремление к любодейству допускают и ныне некоторые из нижних воинских чинов. Не имея средств для пьянства, они продают казенные вещи и через то подпадают преследованию суда. А в опасении преследования бегут и скрываются, так что причиною их побегов от службы доселе, главным образом, было пьянство да растрата казенных вещей. Затем, так как о вине сказано: «в нем же есть блуд» (Еф.5:18), то пьянствующий солдат доходит и до любодейства, которое допускает он с особенною безнравственностью: в кумовстве и с насилием, и опять злоупотребляя своею внешнею силою. Холостая жизнь или разлука с законною женою и бездомовность соблазняют воина к пьянству и любодейству, но не извиняют его в этих пороках; потому что с соблазнами нужно бороться, и особенно тому, который носит на себе оружие для борьбы, хоть и другого рода.

Жестокосердие при отправлении воинских обязанностей

«Воины ижемоновы,.., прияша трость и бияху по главе» (Мф.27:27:30) Иисуса Христа. А затем, когда Господь наш нес крест на Голгофу и от изнеможения падал под тяжестью креста, – они (как известно по преданию) толчками принуждали Его нести тяжесть. Одно воспоминание такого примера дает понять вину греха воинов, о которых ведем речь. Так и ныне, одни из военных начальников легко присуждают преступника (большею частью, однако, не как действительные судьи, а в частном только разговоре), – присуждают к смертной казни: между тем, закон допускает смертную казнь только для самых крайних случаев, и христианин не может без ужаса представить ее себе. – Другие без нужды бьют и ранят осужденного преступника, например, когда он во время путеследования в ссылку бежит от них, а потом будет схвачен. Если беглец уже безоружен, следует ли делать ему тяжкие побои? Между тем, стража мстит ему за то, что он своим побегом подвергал ее ответственности за недосмотр. Третьи обращаются с заключенными в темнице не иначе, как, поднимая свою руку при малейшем противоречии их, или замедлении исполнить что, а также не доверяют и болезни узника. – Еще иные теснят безоружных и пленных во время войны или в плену. Наконец, не имеют пощады и друг к другу в случае какой-либо вины, т.е. высшие начальники к средним, средние к низшим, а низшие к тем, которые еще ниже их по чину. Служба военная требует одной строгости, а не жестокости, порядка и подчиненности (дисциплины), а не строптивости на каждом шагу. Православный воин показывает себя между врагами львом, а между своими – агнцем. Он стремится к осуществлению такой мысли: *«раскуют мечи своя на орала и копия на серпы»* (Ис.11:4).

Рассеянность мыслей и чувств в отношении к церкви, святыне, к исповеди и св. причащения

«Яко добр воин Иисус Христов» (2Тим.2:3). Слово Божие внушает брать пример с воинов даже другим лицам относительно бодрствования духа. Военная жизнь, с одной стороны, действительно, подстрекает к рассеянности множеством сотоварищей и еще тем, что среди самого служебного дела, как например, в карауле, дает много свободного времени. Но, с другой стороны, она тем более побуждает прибегать к Богу с молитвой, и быть богобоязненным. Так, не говоря о войне, которая составляет исключительное явление, – офицеры и, вообще, воинские чины должны быть во всякое время готовы пожертвовать своею жизнью на службе, например, обращаясь иногда с самыми ожесточенными преступниками в замке или укрощая народное волнение. Затем, воин живет, обыкновенно, на чужой стороне, терпит много нужд, находится в строгом подчинении у своего начальства и судится за преступления особенными военными законами, которых отличительный характер – строгость. Какие же все эти побуждения ему помнить Бога, приходить часто в церковь, подкреплять свою веру прикосновением к святыне, например, к св. мощам и чудотворным иконам, при молебнах – ко кресту и евангелию, очищать и успокаивать свою душу покаянием и освящать ее, равно, как и тело, тайнами Христовыми! В этом-то смысле и можно отнести к воинским чинам урок, оставленный им древними воинами: *«верю победиша царствия»* (Евр.11:38). И русские воины древних времен, например, не иначе отправлялись на войну, как приобщившись святых Таин, а во время сражений носили с собой иконы и кресты, которые с благоговением целовали, после победы же торжественно благодарили Бога: все *«ударили челом пред св. Богородицею с радостью великою и со слезами, воздавая ей хвалы»*, сказано о них по случаю одной победоносной войны⁷⁷. Итак, безответны пред своею совестью и пред Богом те воинские чины, которые всегда рассеянны и с сухостью относятся к церковным

богослужениям, даже так – и к исповеди, и св. причащению. Они думают (но напрасно), что обязанности христианские для них, как для военных людей, должны быть всегда сокращены, что они и на сей раз поставлены во всякую пору в исключительном положении, что им, будто, все прощается, без всякого даже напоминания об опущениях и нарушениях их.

Отношение к пастырям

Неуважение к архиерею

«Ангелу ефесския церкви напиши», сказано в Апокалипсисе (Откр.2:1). Название «ангела» здесь относится к епископу, так как другим из семи ангелов, здесь же упоминаемым, сделано обличение, которого ангелы, как безгрешные, конечно, не заслуживали бы. Таким образом, несомненно, что каждый епархиальный архиерей есть, как ангел для своей епархии. Ангелы посылаются *«за хотящих наследовати спасение»* (Евр.1:14): и он поставлен Духом Святым служить спасению целой епархии, т. е. многих христианских городов и селений. Служит ли он и в какой мере служит настоящему делу, это хоть не тайна, хоть дело всем или многим открытое; однако ж входить в частное рассмотрение сего вопроса нет пользы мирянам, если б ответ с первого же раза казался не утешительным. Уже одно то, что чрез епархиального архиерея продолжается в епархии ток священнической благодати; что чрез него идет преемственное рукоположение священников, которые совершают таинства для всего народа: это одно обязывает мирян известной епархии иметь уважение к нему. Уважение же должно быть не внешнее только, или как к начальнику высокопоставленному, подобно светским высоким лицам; тем более не искательное, т. е., чтоб вниманием его к себе похвалиться пред другими или, чтоб, пользуясь близостью к нему, скорее достигнуть выполнения каких-либо своих нужд до него, наконец, не слепое или подобоострастное, по которому люди не отличают в духовных учителях того, *«елика рекут блюсти»* (Мф.23:3), от самых дел их, неудобных для подражания. Нет, уважение к епархиальному архиерею, как и к викарию в епархии должно быть внутреннее, бескорыстное и сознательное, именно за высокий сан их, за высокие преимущества, какие даны им от Бога. При взгляде особенно на сан-то архиерейский сердце православного христианина должно радоваться торжеству благодати Божией, или славе Христовой в Церкви. Затем, так как архиерей, и, оставив службу, не лишается некоторых духовных прав, чего не видим в светских

начальниках, которые в этом случае уже совсем теряют прежние права, кроме чиновного имени, так как архиерей при своем рукоположении получает силу и высшее содействие: *«Дух Святый постави епископы»* (Деян.20:28); то отсюда вытекает необходимый долг уважать даже того архиерея, который более не служит (находится на покое), равно, как каждого из архиереев других мест или епархий. После всего этого, где же уважение к религии со стороны тех мирян, которые совсем не обращают внимания на своего епископа, потому что он не нужен им для дел мирских, которые не хотят даже правильно назвать его, допускают шутки и посмеяния относительно его безбрачия и одиночества? Но и те не имеют еще разумного и искреннего уважения к архиерею, которые занимаются одними одеждами его, просят его к себе в дом потому лишь, что приятно им и составляет для них честь иметь у себя, с другими, такого гостя.

Грехи против приходских священников

«Молим вы, братие, писал апостол Павел, *знайте... настоятелей ваших о Господе*» (1Фес.5:12). Священники также носят образ Христов, как и архиерей, от внутренней благодати священства до наружного вида (например, по примеру Христа они носят волосы свои отращенными). Они совершают все те же таинства, как и архиерей, кроме одного священства. Христиане первых времен имели к ним совершенную покорность и послушание. В России предки наши по той мере, как почитали св. веру и Церковь, имели уважение и к священникам. В летописях истории русской обыкновенной похвалой доброму князю было не другое что, как любовь к иереям: *«бе иереелюбец..., чтяще и послушаше их, аки самого Христа»*⁷⁸. Князья русские в завещаниях своих говорили *«церкви не отлучайтесь, иерейский чин любите»*⁷⁹. Но и простой народ с сердечным почтением и послушанием относился к священникам, как, в свою очередь, священники всегда были друзьями его, и как доселе, т. е. после множества преобразований гражданских (преобразования начались со времен Петра Вел.), они остаются ближе к народу, довольно еще привязанному к вере и Церкви, чем к обществу. – Между тем, как же многие из прихожан и во много раз более, в сравнении с отношениями своими к архиерею, оскорбляют священников по тому самому, что священники находятся к ним в близкой и необходимой связи, – не как епархиальный архиерей! Так:

а) всего чаще прихожане допускают вины против своего священника, когда он исправляет для них церковные службы и домашние требы. Например, досадуют на него, если он откажется служить литургию, между тем, как просили его о литургии поздно, когда не оставалось уже ему времени приготовиться к службе, как требуется приготовление по правилам: просителям надлежало бы поучиться этим примером благоговения своего священника к литургии на тот случай, когда они сами (в пост) приступают к св. тайнам, а не досадовать и

роптать на него. Гневаются, если он не удовлетворяет их исполнением требы, например, всенощны, в тот, именно, час, какой назначили ему, между тем, как в этом же часу и для той же требы он должен быть в других домах, – будто ему возможно одновременно поспеть во многие места. Называют его неуслужливым и неугодливым, если он отлагает на малое лишь время такую требу, которая терпит отлагательство (например, водосвятие в доме или, если хочет совместно выполнить некоторые требы (например, крещение). Жалуются на него и оскорбляют его, если он законно отказывает им в исполнении какой-либо требы, например, в совершении брака, ничего не желая знать и не сдаваясь ни на какие убеждения, но даже объясняя отказ его одним вымогательством получить вознаграждение. Вообще, прося его о требе, не хотят понять: удобен ли для него-то тот час, какой назначают, и возможно ли ему по законам и правилам церковным выполнить желание их?

б) По личному гневу на него или по одной безразборчивости просят к себе для требы священника из соседнего прихода, ходят для исправления духовных треб в монастырские церкви вместо приходской, приглашают к себе и в дом для какой-либо службы монашествующих.

в) Ходят каждый раз, и опять без особенной нужды (например, слушать бы проповеди), к службам не в свой приход, а в другую церковь.

г) Своевольно избирают себе приход, обходя церковь, в пределах которой живут, – и даже по горделивости своей считают себя свободными от того, чтоб принадлежать к какому-либо приходу.

д) Отнимают у священника право, основываясь на многих своих пожертвованиях к церкви или просто увлекаясь пустосвятством, – отнимают право управлять церковью и приходом, которым он настоятель.

Все эти отношения к приходскому священнику что же доказывают? – Нетерпеливое самоугодие прихожан, отсутствие в них любви к своему батюшке и неуважение к его сану. Но, вместе с тем, это не мелочи, которые будто бы не стоит вменять им в вину. Нет! Подобные-то случаи сначала возбуждают

недоразумение, а потом расстраивают взаимные отношения пастыря и пасомых, но самое главное – из дела столь священного, как молитва и управление по церкви, они производят один гнев и беспорядок. Не жалко ли этого, и не явные ли все это вины прихожан?

Грехи против духовного отца

Приходский священник не каждый раз и не для каждого бывает и духовным отцом; иногда же состоит несколько священников при одной приходской церкви, а приход по требам на части не разделен, и, таким образом, каждый избирает себе одного которого-либо из них духовником. К духовнику прихожанин, как и вообще исповедник, какого бы звания ни был, обязан особенными отношениями. Хотя духовник не свое раздает, когда разрешает во грехах: *«туне приясте, туне дадите»* (Мф.10:8), хотя и труд его на этот раз (если взять отдельно для известного лица) самый малый: – но кому дорога совесть, кому приятно одно воспоминание о тех минутах, которые следуют за очищением совести в таинстве покаяния; для того духовник должен быть всегда лицом особенно почтенным и близким, подобно тому, как получающий царскую награду не холодно же относится к доставителю самой награды. – После этого как же грешно, например, злословить духовного отца! Укажет ли кто на его опущения по службе, которые возбуждают к нему чувство негодования, или вообще на его жизнь, которая огорчает нравственные чувства? Такое-то лицо и не нужно было бы избирать духовником. Но, если нет возможности (как где-либо вдали и в одноклирной церкви) обратиться для исповеди к иному священнику, т.е., если одноклирный священник необходимо остается и духовником, и ничего нельзя предпринять к исправлению его от слабостей: то и злословить его к чему же послужит? Этим прихожанин только помрачит совет пред самим собой, ослабит в себе чувство благоговения к таинству исповеди. – Вина, затем, входить в один горячий спор с духовным отцом, говорить пред ним во всякое время, т.е. кроме исповеди, явную ложь и отвечать ему неискренне: тут какая-либо политика вовсе неуместна. – Но, с другой стороны, не следует предпочитать духовнику более достойных священников, так что последним от этого бывает обида; излишнее это – защищать духовника в очевидной или вероятной вине его, а, таким образом, делать иногда виновным

из-за него другое невинное лицо; неразумно почитать его как бы безошибочным, ходатайствовать о награде его за одно лишь духовническое обращение к нему, даже и не зная его лично. – Не следует менять избранного духовника по причине его строгости; благонамеренная его строгость – величайшее благодеяние: «от огня восхищающее» (Иуд.23), может быть сказано здесь. Грех, тем более, при своих сильных связях, доискиваться удалить от себя духовника, разлучать его ради себя с прочими духовными детьми, или со всем приходом, заводить с ним тяжбу, и все так не по чему другому, как только за то, что он отказывает исповеднику, повинному каким-либо смертным грехом, в св. причащении. – Неправильно обходить для исповеди, без всякой уважительной причины, приходского священника и обращаться каждый раз с исповедью в какой-либо монастырь. – Крайнее невнимание не позаботиться, когда еще никто не избран духовником, о выборе себе такого духовника, который бы своею ученостью и опытностью, правдивостью и строгостью собственной жизни, мог более руководить к христианскому совершенству: узнают во всем городе какой священник скорее и снисходительнее других исповедует, и обращаются к нему, хотя бы рядом с ним стоял другой, опытный и внимательный, и сам по жизни духовный. Но, если Бог помог найти или привел по обстоятельствам иметь духовником священника ученого и богобоязненного, то не следует и чуждаться советов такого духовника по делам совести, а также, быть равнодушным к добрым примерам его жизни: благочестие духовника, да всегдашняя близость или удобство обратиться к нему, – это особенный дар Божий христианину. – Наконец, грех не почитать прежнего духовника, если особенно он долгое время был духовником: например, грех не принять его у себя в праздник с молитвословием, когда есть полная возможность принять; не помочь ему в насущном пропитании, забывая, что никакой добрый сын не допускает же своему отцу ходить по миру...; не отдавать ему при встречах и знака почтения. Пусть давно прошло то время, когда он был духовником. Но это время имеет же свое значение в целой жизни прихожанина с духовной стороны, напоминает последнему на тот или иной духовный

возраст его, а тут-то, вот, был важным участником духовник. Вообще сказать: намеренных и тяжких оскорблений духовнику Господь Бог не оставляет без наказания, а особенно людям духовной жизни. Почему же? Чтоб эти люди не охладели благоговением к самому таинству покаяния, чтоб тем более ценили величайший дар им: «разрешение во грехах». В 121 правиле номоканона читаем: *«не достоин укорити священника, или бити, или обличати в лице, аще убо и истина суть. Аще же постигнет се сотворити, да прокленется мирский... Такожде и настоятеля безчествуй»* (При больш.требн).

Непринятие от священников благословения

Начало благословения видим, когда Господь Бог творил вселенную: «и благослови их», сказано (Быт.1:28). Затем, творческое свое право благословлять Он уступил людям, прежде всего, родителям для детей, а в последствии времени – священникам!.. Первому в мире архиерею (Аарону) и первым священникам (сынам его) была дана чрез Моисея заповедь благословлять народ именем Божиим (Числ.6:23). В Новом Завете Иисус Христос благословил Своими руками детей, которых приносили к Нему (Мф.49:11–13), а также преподал благословение Апостолам при вознесении на небо (Лк.24:50). У святых отцов священническое благословение называется «учреждением апостольским»⁸⁰, и нет сомнения, что оно доныне сообщается в том же виде или порядке, как предали Апостолы. Оно перешло к священникам вместе с властью их «вязать и решить» и служит ясным признаком этой власти. Первые христиане при встрече со священниками, обыкновенно, преклоняли пред ними свои главы, а священники благословляли их. Благословение священническое приносит успех в делах, не только духовных, но и в обыкновенных – житейских, кто принимает его с верою и добрым намерением. Препятствия на сей раз не бывает и тогда, как благословляет рукой самый незнатный священник, например, сельский и не ученый. Большая же сила благословения и большая польза от него для приемлющих может быть: когда благословляющий священник духовной облагодатствованной жизни, когда он благословляет вслед за своей литургией, а вообще, преподает благословение по чину, с благоговением и усердием. После этого ясно изобличают в себе упадок веры такие христиане: стыдятся и тяготеют подойти к священнику или, когда он сам приблизится к ним, не хотят преклонить пред ним свою голову и протянуть руку, чтоб принять от него благословенье; вместо этого, при встрече с ним отдают ему только лишь гражданскую вежливость – поклон, или же, по обычаю светскому, предлагают ему для пожатия свою руку, хотя бы он того и не желал; а, когда

он, помня свою обязанность и держась своей привычки, начнет благословлять их, – спешат заменить принятие от него благословения своим рукопожатием или же пресекают его молитвенные слова какою-либо постороннею речью или улыбкой; не приучают и детей своих к принятию от него благословения, смеются над целованием у него руки при благословении, хотя и руку следует целовать и, хотя он не требует же целования. О, как напрасно это обегательство от благословения священнического! Принять благословение нисколько не унижение для приемлющих и неодолжение со стороны преподающего. Принимается благословение от Самого Бога, на каждый час и на всякий случай полезное; и священник обязан его преподать, как только вверенный дар, – не торопясь совершить его, будто ныне это лишнее, и не боясь поднять благословляющую руку над главою знатного лица. Если же дорого для верующего христианина Христово благословение, то и нечего опускать случаев принять это благословение от руки того, кому оно поручено; нечего высокомерно смотреть на обряды православной Церкви и заниматься своими внешними преимуществами пред смиренным священником, который мог бы благословить: помимо Церкви ведь никому не найти благословения Христова и общения с Богом. Но, что иные из самих священников не благословляют, заменяя богодарованное им право благословлять простым приветствием (действительно, тут вина их); все же этим не может вполне оправдаться мирянин. Встретившись со священником, или подходя к священнику, он должен выразить своим взглядом или прямою просьбою, что желает принять от него благословение.

Требование от священников одной светскости или только наружной степенности и нелюбовь к истинным пастырям

В слове Божиим достоинствами священника признаются не светская ловкость и угодливость, и не одна наружная степенность, или благоприличие внешнее, но вот что: *«прилежащие (начальствующие) добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются; (и этого еще недостаточно) паче же труждающиеся в слове и учении»* (1Тим.5:17). Так, пастырская заботливость о приходе, и особенно труд проповедания слова Божия и учительства, – эти лишь качества дают священнику несомненное право пользоваться особенным уважением у народа и прихожан. Этих качеств и может каждый ожидать от него, и не того требовать, чтоб, например, он принимал участие в светских вечерах или чтоб был только послушным требоисправителем, чтоб как ни есть, да ладил с миром, любовь к которому, между тем, *«вражда Богу»* (Иак.4:4). Миряне должны бы во глубине души своей сознать (да и сознают многие), что всего более достоинств в том священнике, который заботлив об управлении церковью и приходом, и неумоимо или, хоть часто, проповедует слово Божие. Но, между тем, одни из них желают от священников только светского обхождения и направления, говорят даже, что пора священникам и перестать носить рясы, а нужно бы ходить в одеждах общепринятых (*«Аз избрах вы от мира»* (Ин.15:19) – это забыто); другие довольны были бы видеть в священнике одну готовность на всякую потребу для них, и, пожалуй, еще, неторопливость в службе и серьезность, и сдержанность в действиях. Но и только. Нет ли чего вредного от этих требований и для самих священников? Да; такие прихожане часто вредят направлению и своего духовного пастыря; например, иной священник молодых лет хотел бы идти истинным пастырским путем, но вынести ему борьбу с миром на первых же порах очень тяжело, и – он мало-помалу склоняется на сторону мира, который требует у него светскости или одного

внешнего благоприличия. – Но вот, истинного же священника иные и прямо преследуют своею неприязнью. Такой священник, нечего и говорить, – неприятен миру; потому что он, как священник, защищает православие, не сочувствует современной вольности людей в мыслях и образе жизни, – обличает пороки мирские своим проповедническим словом или одним собственным усердием к делам богоугодным. За это миряне не любят его, пренебрегают им, готовы изгнать его от себя. (Правда, есть тут и внешнее, историческое влияние: пренебрежение у нас к духовенству не свое, а с запада). Не любя же напрасно достойного священника, прихожане хотят оправдаться тем, что он сам не умеет хорошо поставить себя к своему приходу, что не может приобрести влияния на приход, что, между прочим, он и недостаточно образован. Но обвинять истинного священника в неумелом поставлении себя к приходу, значит осуждать те святые правила пастырского служения, в силу которых он действует; или, вернее сказать, – это значит желать, не зная уже чего пожелать. Относительно же недостаточной образованности его, заметим: вот иностранное духовенство и отличается многостороннею светскою образованностью; однако ж влияние его на свой народ разве в духе религиозном? Нет, – истинный священник не виновен в том, что его не любят! Между тем, он благодетель прихода, города, общества, где служит; потому что он ревнует о спасении своих прихожан, напоминает им *«о едином на потребу»* (Лк.10:42); затем, из того, чтоб не обременять прихожан своим содержанием и не подать кому-либо повода к осуждению его в корыстолюбии, он терпит иногда и нужды; – он никого не раздражает, как и вообще древнее русское духовенство не раздражало ничем народа и несло вместе с простым народом одну долю бедности; он не переходит за пределы чисто духовного положения в обществе. Не очевидна ли после этого вина тех мирян и прихожан, которые вместо того, чтоб радоваться такому духовному пастырю и дорожить им, – вместо этого ненавидят его? Не так поступали древние христиане. К истинным и достойнейшим пастырям они имели такую приверженность, что именами этих пастырей нарекали

новорожденных детей, подражали даже наружным качествам их, всегда имея их у себя в памяти; например, известны были подражатели медленной речи и задумчивости Василия Великого. Наконец, прежние христиане предавались самой глубокой печали, если злые люди гнали их любимого пастыря как, например, св. Златоуста. Пусть истинный пастырь из-за неприязни и неблагодарности прихожан и не охладевает к своей службе (и гибель всем была бы, если б охладел!); например, не оставляет своей ревности к неутомимому проповеданию слова Божия, к внимательному и строгому исполнению духовнической обязанности. Но тут уже благодать Божия его подкрепляет, воодушевляет, утешает и покрывает от злобы мира; тут уже заключаются заслуги его пред Богом, надежды на венец в будущей жизни. Зачем же миру-то, или прихожанам, не любить и не желать его? О, крепко надобно миру вдуматься в свои отношения к священникам вообще, а особенно – к истинным и достойнейшим!

Неснисхождение к недостаткам священников

«Илиа человек бе подобострастен нам», сказано (Иак.5:17). Так и священники не из другого какого-либо мира (не с луны), но потомки того же Адама, с тою же прирожденною склонностью к злу, как и все люди. Разница здесь та, что они предстоят у святого престола, что удостаиваются освящающей благодати Божией непрерывно, иногда и каждый день сряду, и что, таким образом, имеют от Господа Бога в сравнении с мирянами гораздо больше сил против греха и соблазнов. Как же не оказывать к ним снисхождения в их слабостях? Миряне же и осуждают их большей частью не за действительные пороки и тяжкие грехи, а за внешние только и малые неисправности по службе, например, при тебе крестин, всенощны, которыми они оскорбили самолюбие этих людей. Отсюда можно заключать, что и не за что более осуждать иных из них, что к ним уже излишне строги, притязательны. Но, если некоторые доходят до явных пороков и порочного состояния, то здесь много виноваты сами же миряне, современное общество, среди которых они живут и служат. Не только влияние примеров, но и, своего рода, склонение и принуждение к худому со стороны мирян не могут же не действовать на них. Таким образом, с этой стороны дела представляются необходимым не только снисхождение к приходским священникам, но уже и покаяние за пороки их. Да; не одни священники дадут ответ Богу за своих прихожан, но и прихожане остаются не без ответственности пред Богом за своего пастыря. Впрочем, снисхождение к недостаткам священника должно быть благонамеренное. Так, оно должно выражаться не в том, чтоб оправдывать в лицо слабого в его слабостях, а в мягком отзыве о нем с другими и в сожалении его. Оно должно относиться к лицу, а не к самым порокам, т. е., худое и в священнике нужно называть худым, а не брать это худое за пример для самого себя или оправдывать им собственные свои слабости. Истинному священнику и не желательно, и оскорбительно такого рода снисхождение к нему некоторых мирян, когда ему все прощают, когда приравнивают

его по человеческим страстям к себе, когда и не требуют от него высшей жизни в сравнении с собой, и не доверяют ему, что он может жить или уже живет выше, беспорочнее. Нет! как священники, с одной стороны, должны быть примерами доброй, христианской жизни для своих прихожан, с них и от них должно начинаться исправление народной нравственности; так с другой – своим саном, благодатию Божией, которая окружает их, более они могут предохранять себя от грехов и страстей. (И предохраняют же: кто со вниманием вникнет в жизнь их, тот убедится, что нельзя не уважать многих представителей такого благодетельного духовного общества, как православная Церковь).

Старание узнавать и распространять о священниках худое

«На пресвитера хулы не приемли, разве при двою или трех свидетелех» (1Тим.5:19). Этими словами запрещается не только пытливо узнавать и неосторожно разглашать о священнике худое, но и принимать на него легковерно такие обвинения, с которыми кто-либо со стороны пристаёт. Пусть будет по-видимому вероятна вина, слагаемая на него, однако по слуху решать о нем не следует, – будет ли состоять это решение в признании его виновным в одной душе своей или же в прекращении с ним духовнической связи, или в преследовании его жалобой пред высшим начальством: чтоб осудить его, нужны многие свидетельства, или самые неопровержимые доказательства его вины. С такою заботливостью слово Божие ограждает от нареканий добрую славу священника! Под таким покровительством оно хранит его имя-честь! Если б не сам Дух Святой, горящий вообще в св. Писании, говорил в этих словах Апостола: то еще мог бы иной видеть в них какую-то пристрастную защиту священнику. Но Дух Божий говорит одну истину. Известно также по церковной истории, что Сам Бог Господь то видимо карал тех, которые клеветали на пастырей духовных, то чудом доказывал их невинность; например, когда св. Златоустого по клеветам изгнали из Константинополя, то город постигло страшное землетрясение⁸¹; так в нашей Церкви Муромского епископа Василия народ заподозрил в нечистой жизни и вздумал сам, без всякого законного исследования, изгнать его от себя: епископ употребил все убеждения, чтоб доказать свою невинность, но народ не верил: – тогда Господь Бог чудом подтвердил невинность его, и народ раскаялся⁸². И не напрасно слово Божие с особенною настойчивостью ограждает добрую славу священника. Если на кого особенно слагаются ложные слухи, то на богобоязненного и строгого по службе священника. Эти слухи возбуждает дьявол – клеветник; потому что дьяволу приятно разлучить доброго пастыря с овцами. (Например, на святого

Афанасия Александрийского было сказано, что он изломал сосуды со святыми тайнами, отрубил руку у епископа Арсения: отрубленная человеческая рука, как очевидное доказательство его жестокости, и была принесена на собор епископов; но она не понадобилась Арсению, который явился тут же и имел обе руки целые)⁸³. Затем, худые слухи о священнике, с любопытством узнаваемые и с некоторою радостью распространяемые, вредят тому святому делу, которое выполняет он: например, хулу от проповедника часто доводят до хулы и на самую проповедь; пересуды от того, который совершил таинство или службу, переносят на самое таинство и богослужение. Между тем, все это охлаждает и в хулителе, и в свидетелях хулы чувство благоговения к вере и святыне, так что пренебрегающий священником за худые слухи о нем уже не почитает с глубиною чувства Самого Бога, подобно евреям, которые с пренебрежением Моисея перестали иметь боязнь и к Богу. Наконец, узнавать и распространять худое о священнике – вина в этом, именно, смысле, что иной раз слухи касаются совершения святых таинств, к которым каждый христианин должен благоговеть и в других поддерживать благоговение: как же тут распространять что-либо слышанное? Думают своим рассказом повредить священнику, а, между тем, оскорбляют святыню таинств, – и особенно (случается) Таин Христовых, из благоговения к которым и сам оговариваемый в оскорблении их не оправдывается пред другими, или молчит, без особенного вызова к оправданию. Но, когда худые слухи о священнике и несомненны, и весьма прискорбны, все же любопытство о них, а тем более разглашение между другими не помогут делу; все же не мирянам судить худого священника, а той законной и судебной власти, которая над ним существует; все же не распространять эти слухи в частных разговорах следует, а прекращать, как и всякий добрый сын старается прикрыть перед посторонними пороки своего отца. А всего лучше – и это истинный долг любви к своему пастырю – предотвращать в нем слабости советом, уединенным напоминанием и молитвою об исправлении его.

Отказ в содержании священникам и сиротам их

«Служащие алтарю, со алтарем делятся» (1Кор.9:13). С тех пор, как установлено Богом звание священников, – положено им содержаться вознаграждениями от народа, которому они служат. Так и в Ветхом, и Новом Завете. Следовательно, вознаграждения, делаемые священнику, не подарок, который можно иногда и оставить, но необходимый долг. Этот долг надобно оплачивать по совести, а не из принуждения, сполна, а не вроде скудной милостыни бедному просителю, во всякое время, а не в минуты лишь веселого расположения духа, и как при добрых, так почему-либо и не добрых, отношений к своему приходскому священнику. Священник – слуга прихожанам не тогда только, когда исправляет для них требу, для которой еще не много требуется от него времени. Нет, он служит прихожанам – миру каждый день, то совершая литургию, к которой все желающие могут приходить без всякой платы, то проповедуя слово Божие, которое так же все свободно могут слышать, то назидая в домах, то втайне молясь за тех, за которых особенно нужна молитва Церкви, то устроая приходской храм. Значит и вознаграждение ему нельзя измерять тем лишь, когда он выполняет по чьей-либо просьбе требу: иные, как например, люди холостые или бездетные супруги, и в продолжение целого года, даже многих годов, могут не попросить его ни о какой службе. Значит требуется дать ему положительное обеспечение в жизни, и это обеспечение должно состояться своими долями не от известных только лиц, которые нуждаются в его услугах, как требоисправителя, но и от каждого православного прихожанина. Истинный священник тем свободнее будет заниматься высокими обязанностями своей службы (а обязанности-то его требуют особенного спокойствия духа и чистоты сердца), чем менее будет иметь обременяющих забот о содержании себя и своего дома (Сир.38:24). Следовательно, и в видах тем больших успехов его высокой службы прихожане должны обеспечивать его состояние, помня, что, если он

«духовный» свет им, – «велико ли», если «телесная» пожнет от них (1Кор.9:11)? Священник мог бы быть вполне обеспечен в средствах к своей жизни и непосредственно Божиим Промыслом, но Промысл оставил его на попечение прихожан. С какою же целью? Чтобы он тем ближе стоял к ним, или тем с большим сочувствием относился бы к их духовным нуждам, когда они усердно заботятся о его внешнем благосостоянии, чтоб тут была и внешняя скрепляющая связь. Священник менее нуждается в прихожанах (с материальной стороны), чем прихожане нуждаются в его службе. По своему основательному развитию, по своим способностям, по своему трудолюбию и терпеливости в нуждах жизни (известные это качества лиц духовного родопроисхождения и воспитания) он, и не принимая священства, мог бы во всяком другом звании пользоваться во много раз большим содержанием. Если же его сверстники, может быть, менее его способные, богатеют или возвышаются, то и он мог бы богатеть или возвышаться в светском звании. Однако ж он не уклонился от своего трудного звания, да и, проходя это звание, не завидует богатству или мирскому возвышению своих сверстников, как и вообще, мирских лиц; свое пастырское служение и свою смиренную простоту жизни он не променяет ни на какие капиталы и чины, и не хочет измерять их сравнительно с другими тем или иным окладом жалованья, или доходов. Не должны ли были бы прихожане все это взвесить – оценить с добрым рассуждением и по доброй совести? Между тем, многие из них совсем не сознают долгом содержать своего священника; другие наделят приходского священника наравне с какими-нибудь поздравителями в праздниках из числа служащих; большая часть считают своим произволом вознаградить или не вознаградить священника за службу, и первую мезью ему за какое-либо неудовольствие от него полагают уменьшить ему плату или содержание, а также убеждают к этому и других. Некоторые ропщут на его содержание или толкуют о больших доходах его, между тем, как сами никогда и ничего не жертвуют ему; многие и многие считают как-то и должным – законным оставить его на малых средствах, намеренно принижают его, на этот раз в сравнении

со светскими служаками, как бы предоставляя ему очищаться нравственно чрез бедность. О, если б были признаны все эти заблуждения! – Но добрый христианин не отказывает и вдовам или сиротам священства в своем пособии деньгами, припасами, помещением, бесплатным воспитанием. Если сироты духовного звания бедны, то не от того ли, что мужья или родители их честно и бескорыстно проходили свою службу, что прихожане недостаточно в свое время вознаграждали их питателей за труды? Следовательно, эти бедные пред всеми прочими бедняками заслуживают большего сочувствия, не говоря уже о самом благородном звании их.

Непочтительность к монахам

Монашество существует издавна в христианской Церкви. А для первых христиан и мир (языческий) был монастырем: живя среди мира, первенствующе христиане удалены были от него внутренне. – Сам Господь Бог особым откровением внушал первым и высоким монахам (например, Макарию Египетскому⁸⁴ и великому Пахомию⁸⁵ наставление относительно пустынножителства и общежития в пустыне. По своему предназначению монашество составляет высшее христианское совершенство, «ангельский чин». В законе христианском нет прямого требования тех строгостей жизни, к которым обрекают себя монахи и монахини; но есть там указание достигать высшего совершенства жизни (Мф.22:30). По внешнему достоинству монашество, хоть несколько не равняется сану священническому (монахов в сане здесь мы не имеем в виду), но и не принадлежит оно к сословию мирян; а составляет особый класс в церкви Христовой. Итак, совершенно неосновательно отвергать монашество в историческом значении его и считать его ненужным служением Богу. У нас в России в старину строился город, и рядом с домами мирскими являлся монастырь. Или на известном пустынном месте основывался монастырь, а около него начинали строиться миряне (например, около Сергиевой обители). Многие богатые строили на свои средства по несколько монастырей. Многие из княжеских фамилий и других званий принимали монашество, и даже это сделалось обычаем: постригались в монахи или в схиму, большей частью, пред смертью. – Неосновательны и все прочие современные возражения против монашества. Так, например, упрекают монахов и монахинь в «тунеядстве». Но разве одно это дело для человека, чтоб работать, чтоб наживать себе состояние или служить на общественных должностях? Дело молитвы, которому посвящают себя монахи и монахини особым обетом, без сомнения, выше других человеческих дел. – Говорят: «от самых добрых монахов и монахинь нет пользы обществу». Но монастыри строятся прежде всего для самих

себя. А затем, они приносят истинную пользу и миру, если в них богослужение совершается со всею точностью устава, правила жизни строгие, – дается по-прежнему воспитание детям, как например, в женских обителях. – Монашеская жизнь представляется бесполезною только для тех, которые слишком высоко, но ошибочно, ценят свою деятельность в мирской и общественной жизни: забыто или остается не понятым этими людьми, что основанием и признаком всякой деятельности православного христианина, т. е., где бы то ни было, должно быть смирение (1Пет.4:10). «Монашествующие (слышится упрек) напрасно ходят для сбора пожертвований». Нет, – они не ходили бы собирать, если б не нуждались крайне, если б по-прежнему делались богатые пожертвования монастырям. Загляните в душу и войдите в положение монахини, когда она и в холод зимний, и во дни годового праздника, когда каждому православному приятно провести время у себя, – как она переходит из дома в дом, стоит в передней и часто встречает грубые или насмешливые отказы в пожертвовании: не труднейшее ли это послушание, на которое может решаться только особенная нужда? Но она, эта монахиня, нося на себе мантию и трудясь так, – ищет себе царства небесного, которого должен искать и каждый православный. – Рассуждают: «современные монахи не держатся правил прежних монахов; отсюда их жизнью соблазняются, отсюда толки против них». Церковное учреждение нужно отличать от злоупотребления им. О монашестве надобно судить по истинным монахам, как и о христианах, по истинным христианам. Прежде всего, истинное монашество, как и вообще истинное христианское благочестие, бывают часто прикрыты; высокая жизнь иных в том и другом состоянии узнается при кончине их, или и после этого. Но пусть нынешние монахи и монахини живут далеко не по строгим правилам прежних подвижников. А разве нынешние христиане не только теперь перестали походить на первых христиан? В том-то и ошибка мирян, рассуждающих о негодности монастырей, что миряне слишком отделяют себя по христианской жизни от монахов. Монахи не в монастырях же рождаются и воспитываются, а из мира собираются. Кого же дает и

может дать монашескому званию нынешний мир? Очевидно, он дает свое же больное, ослабевшее, да притом, неразвитое, необразованное (преимущественно – простолюдинов): отсюда частью объясняются и угрюмость, или грубоватость иных монашествующих, но только частью; потому что некоторые только кажутся такими, от того, что не любят многословия и не умеют веселиться по-мирски. – Вообще, не нужно бы вдаваться в суждение о монашествующих. Как целое сословие, и они могут подлежать общественному суду и в этом суде находить для себя полезные уроки: но они должны быть судимы без предубеждений, – так, чтоб тут не таилась ненависть мирская к Духу Божию (Ин.15:18–19). Если нынешнее положение монастырей и монашествующих не соответствует своему высокому назначению и, если, таким образом, необходимы исправление и улучшение их, то это дело должно быть предоставлено не частным лицам и не мирянам, а Церкви и правительству.

Обращение с доверием к пастырям иноверным и пособия на иноверные церкви вместо своих

«По чуждем же (пастыре) не идут, но бежат от него» (Ин.10:5). Католического ксендза или протестантского пастора можно лишь в среде прочих иноверцев отличать особенным почтением за их звание, но не доверием в делах совести. Кто сам не имеет чего: тот как может послужить тем другому? У католиков и протестантов нет православия как в вере, так и в жизни: как же иметь духовное доверие к представителям-то их вероисповеданий? В протестантстве, например, или у немцев, можно видеть прекрасные христианские качества, именно: милостыню, миролюбие, уважение к ближнему и вообще, доброту сердца. Но это качества христианина более внешние, развиваемые чтением евангелия. Высоких же духовных качеств, строгих же подвигов, или евангельского совершенства в протестантах не увидите; потому что в вере их допущено множество послаблений, а главное – они лишены благодатной помощи, которая сообщается в таинствах, и которая течет по-прежнему обильными потоками только там, где есть законное священство, где совершаются таинства, словом, в одной православной Церкви. – Равным образом, несправедливо помогать иноверным церквам, оставляя свои; например, строить немецкую кирху, между тем, как свой приходский храм разрушается; – жертвовать на миссии католические, когда свое миссионерское дело не обеспечено. Блуждал во тьме и оскорблял Бога некогда Миха, который приглашал к себе в дом то одного, то другого жреца, какие только попадались, щедро наполняя руки этих чуждых служителей веры своими подарками (Суд.17). Можно ли не чувствовать отвращения к примеру этого человека?

Заповедь 6: Не убий

Не вреди телесной жизни ближнего, равно как и своей

После пятой заповеди Божией, но первой в отношении к ближнему, внушающий нам обязанности к самым близким для нас лицам (как лица в жизни семейной, общественно-служебной и церковной) следуют обязанности наши к прочим ближним нашим, или к человеку вообще, хоть бы для нас чуждому по крови, отечеству и вероисповеданию. Исчисление этих обязанностей начинается с телесной жизни человека. Шестая заповедь Божия: «не убий», включает в себе все или напоминает нам обо всем, что только относится к телесной жизни других и нас самих, что только способствует целости и покою тела чужого и нашего. Здесь же напоминаются нам некоторые обязанности и к животным, не имеющим разумной души и носящим грубое тело.

Грехи прямого убийства и самоубийства

Умышленное убийство

«Убийцам часть в езере горящем огнем и жупелом, еже есть смерть вторая» (Откр.21:8), Один Бог, как Творец, может отнять у человека жизнь, когда захочет; следовательно, убийца восхищает себе божеское право, убивая ближнего. Затем, у кого он отнимает жизнь, тому делает такое зло, что большего уже и нельзя представить; потому что жизнь и сама по себе есть первое счастье для человека: узнику, сидящему в тесной и смрадной темнице, также приятно дышать, приятно глядеть на свет Божий и сознавать, что он еще жив. Кроме существования жизнь дает возможность пользоваться другими благами, например, семейным состоянием; но всего главнее: чем дальше продолжается жизнь человека, тем больше ему времени – срока подготовиться к вечности. И вот, убийца лишает всего этого своего ближнего! Далее, он отнимает или у общества полезного члена или у семьи единственную подпору. – В самой природе человеческой вложено отвращение к убийству. Человек нравственный, богобоязненный не может и только слышать или произвести без страха слово: «убил, убийство...», а при рассказах об убийстве, которое только что где-либо совершилось, он весь содрогается; вблизи убийцы, как опасного злодея, этот человек тяготится быть даже и короткие минуты. – По церковным законам намеренные убийцы в древности были лишаемы Св. Причастия во всю жизнь⁸⁶; по правилам позднейшим назначается им епитимия не менее 15 лет⁸⁷. Итак, убийство, совершенное с обдуманном заранее планом во всех отношениях страшный, тяжко-ответственный пред Богом грех. Им нарушаются все законы, – и церковный, и гражданский, и естественный. Оно ничем не может быть оправдано. Фанатизм религиозный, как например, у раскольников, тоже несколько не извиняет его. – О, когда же люди остановятся от этого ужасного преступления! Когда же не будет слышно более на свете человекоубийств! Тогда, христианин, – когда люди будут глубокими христианами, как, вот, в среде первых христиан и не было этого преступления (например, у апостола Павла много

посланий, но не встречаем там обличений кого-либо в убийстве (Рим.1:29, Гал.5:21).

Повторение убийства

«И паки иного посла: и того убиша...: и мнози ины ... убивающе» (Мк.12:5). Известно, что совесть ни за один грех не мучит человека столько, как за человекоубийство. Убийцею и испытаны это угрызения совести; он был отвратителен самому себе, как «стения и трясыйся»; по этим мучениям своей совести, которые он, может быть, старался заглушить в себе то вином, то другими грубыми увеселениями и удовольствиями, должен бы он заключить о силе того наказания, которое ожидает его за грехи убийства в будущей жизни. Но вот, он снова решается на тот же грех! Значит он – безжалостный злодей к самому себе. А в отношении к тем, над которыми он совершает новые убийства, и, чем больше числом, тем с большими истязаниями и жестокостями, – видим в нем как бы кровожадного зверя или же злого духа, которому только свойственно убивать всякое живое творение. Он и не выражает сожаления к тем, которые погибли от его руки: рассказывая об убийстве их, он дает видеть в себе, скорее, дальнего зрителя, чем главное действующее лицо. Несомненно, вечная мука ожидает этого человека. Впрочем, Господь Бог «не хочет (вечной) смерти грешника» (Иез.33:11). Так-то, если и душегубец многих прибегнет с верою к Иисусу Христу, Искупителю погибающих грешников; если отдает себя в руки человеческого правосудия, на котором, может быть, по некоторым данным и предполагают уже в нем, но еще не видят ясно преступника; – если, наконец, будет до самого гроба своего стараться загладить свои преступления подвигами покаяния: то, вот, будет и он с разбойником «в раю» (Лк.23:43). – Милосердый христианин! Ты помолился об избавлении от вечной муки и злых многоубийц, – будешь ли знать их или нет, например, когда бы тебе случилось видеть партию ссыльных преступников.

Телесное наказание кого-либо по жестокости до смерти

Если, положим, наказание выполняется и без нарушения законного порядка, то к унижительности его не следовало присоединять бесчеловечие. Кого жестоко наказывают, нельзя не опасаться за жизнь этого человека, хоть бы не в тот самый час прекратилась его жизнь, хоть бы еще несколько часов или дней поболел он. Смысл убийства и имеет здесь только такое телесное наказание, за которым в данном случае последовала смерть, как действие или последствие за своей причиной. Наказание же может быть употреблено не бичами только (или розгами), но и лишением человека теплоты (арест – карцер в холодном месте), пищи (морить голодом), и воздуха для дыхания. При этом смерть человека, так наказанного, одинаково вменяется в вину, – непосредственно ли кто или же чрез других наказал его. Но вина наказавшего увеличивается, если тот, которого он подверг наказанию, умолял его о пощаде, если вслух отчаянно стонал. В этом случае представляется тем большее внутреннее участие воли его в проступке и тем большее предвидение им смертного случая, хотя все же его убийство «не предумышленное», а только «близкое к умышленному». – Ты, христианин – всего более опасайся запальчивости или раздражения в то время, когда будешь находиться в нужде наказать кого-либо по праву!

Намеренное отравление тяжело больных для облегчения их предсмертных страданий

Саул говорил своему оруженосцу: *«убий мя, яко объят мя тма лютая... И убих его: ведех бо, яко не будет жив»* (2Цар.1:9–10). Ни просьба самого Саула о том, чтоб скорее ему умереть, ни сожаление к его страданиям вследствие ран, которые он получил на войне, ни уверенность в неминуемой его смерти, ничто не извиняло того воина, который окончательно прекратил его жизнь: *«кровь твоя на главе твоей»*, было сказано этому воину-убийце. Да, и последнюю нить жизни человека властен прервать только Господь Бог. К тому же, бывали примеры, что больные, совсем приговоренные к смерти, мало-помалу выздоравливали. Между тем, вот, иные решаются скорее прекратить жизнь больного в уверенности, что он должен же умереть. Тут главными действующими являются врачи; но часто и родственники просят врачей о прекращении жизни больного отравой. У тех и других побуждение одно – жалость к больному: хотят, чтоб больной не мучился долго, допускают, чтоб он умер несколькими часами или днями прежде того времени, как должен умереть по ходу своей болезни. Неуместное человеколюбие! Но кроме того, эти люди нарушают в отношении к больному долг человеколюбия и в другом роде. Чем бы больше больной у самого порога к вечной жизни пострадал от своей болезни, тем в большую заслугу милосердый Бог вменил бы ему эти страдания. А они, между тем, лишают его этой заслуги, этого средства к очищению им грехов еще в настоящей жизни, сокращая его часы. Да, если б и сам он просил врача, чтоб скорее прекратить ему жизнь какими-либо медицинскими средствами, – это нисколько не уничтожает преступности деяния со стороны врача. Человек может отчуждать от себя другому что-либо только по своему имуществу, и то, если не будет от того вреда третьему лицу. Но жизнь и здоровье его не принадлежат ему: это Божии дары. Следовательно, и больной не может договариваться или соглашаться с врачом или с кем бы то ни было, чтоб для

сокращения его страданий или, вместе с тем, чтоб не беспокоить ему больше других прекращена была его жизнь. – Ты, друг наш, верующий в бессмертие души и в воскресение мертвых! Страшись выразить в таком виде жалость к тяжелобольному. Даже и не говори о нем таких слов: «скорее бы кончился, чем мучился», как было говорено к страдающему от болезни Иову (Иов.2:9), но старайся облегчить его страдания своим сочувствием и пробуждением в нем надежд на будущую жизнь.

Покушение на чью-либо жизнь, не исполнившееся только от случайных препятствий

Иудеи «совещаша, да и Лазаря убьют» (Ин.12:10), а также «стрежаха» апостола Павла «врат день и ночь, яко да убьют его» (Деян.9:24). Вообще, покушением в настоящем случае нужно считать убийство начатое, но не выполненное. (Приготовление же к убийству, состоящее, например, в приискании орудий, не составляет вполне и покушения; потому что взятые орудия и другие приспособления к убийству могут быть употреблены человеком и на иной предмет; потому что и после приготовления средств к убийству человек может отказаться от самого преступления). Иное покушение бывает «вполне оконченным», когда убийца сделал со своей стороны все, чтоб лишить человека жизни, но человек, между тем, остался жив от неожиданных причин; например, если приемы поданного яда оказались для него слабыми по его телосложению или же тотчас и нечаянно уничтожены в нем сильным противоядием; если он оставлен убийцею в покое потому лишь, что признан уже умершим; и зверь отходит от своей жертвы, которую растерзал, если не видит движения и дыхания в своей жертве. В этом случае вполне выразилась злая воля преступника, так что, если б он думал и остановить вредные последствия от своего злодеяния, не в силах уже был бы остановить. Человек, обреченный им на смерть, остался в живых по особенной милости Божией, независимо от его воли и без предусмотрения с его стороны. Посему такое покушение на убийство достигает смысла оконченного преступления, хотя убийства на самом деле еще не случилось. Вина греха несколько смягчается на суде христианской совести из внимания к тому же обстоятельству, что тут оказана милость Божия, если не к самому убийце за какие-либо его добрые расположения или дела пред Богом, то исключительно к его жертве.

Иное же покушение к убийству бывает только лишь «начатым»; например, неразумная женщина примешала отраву

к пище для соперника своей связи и, увидев бездействие этой меры, остановилась, и не захотела больше не предпринимать ничего. В этом покушении злая воля не вполне обнаружилась и человек сам останавливается от преступления, да еще и не в позднее время; нельзя о нем и со стороны сказать, что он непременно совершил бы преступление. Но все же, этот человек на некоторое время – убийца. Одно то смягчает его вину, что он не пошел против воли Божьей, что в чувстве веры понял, как все намерения его совершить преступление разрушаются Самим Богом. (Как же он должен прославлять милосердие Божие во всю жизнь свою!)

Наконец, иногда покушение на убийство бывает совсем не начатым, или «не обнаруженным во внешнем деянии»; например, человек, которого предположено было лишить жизни, не пришел в известный час или на известное место, или же броситься на него попрепятствовали посторонние лица. Но еще гражданский закон может не преследовать этого покушения, разве будет только предпринимать против него меры, так как человек, раз имевший убийственные мысли, в близком к этому времени может возобновить их и вторично. Гражданскому закону вообще нужны уже внешние действия, а мыслей, а намерений и планов в чьей-либо душе он не касается. Он имеет в рассматриваемом нами случае и ту добрую цель, чтоб человек, зная будто во всяком случае – т. е. выполнит ли он или же не выполнит своего убийственного замысла – одинаково будет виноват и наказан, – чтоб, зная это, не решился уже выполнить. Но там, где законы гражданские судят снисходительнее, христианский же закон поступает с виновным строже, как в иных случаях, и даже часто, бывает, опять, и наоборот: причина здесь та, что законы гражданские преследуют внешние злодеяния, а христианский – и внутренние злые расположения, что первые действуют на целое общество и государство, и пресекают зло страхом наказания, а последний трогает совесть и обращается к каждой верующей душе. Так и в настоящем случае. Пусть человек еще не сделал никакого вреда ближнему; пусть ни руки, ни оружие его еще не коснулись ближнего; пусть даже и не потревожен дух последнего таким

опасением, что его хотят убить. Но согласие сердца на убийство уже последовало, так как *«от сердца исходят помышления злая, убийства»* (Мф.15:19). – О, вы, несчастные своим злостным характером и при этом – пленом своей какой-либо страсти! Берегитесь помысла на кого-либо убийственного. Помысл сначала является в душе, как неясное желание. А потом желание развивается, затем – обдумывается план, и вот, готово покушение к преступлению! Сохрани вас Бог от первоначального-то умысла!

Самоубийство

«Шед (Иуда) удавился» (Мф.27:5). Говорить или писать против самоубийства поздно уже для самоубийц; потому что они находятся на суде Божиим. Так и гражданский закон уже не судит их и даже не числит преступления их в списке человеческих преступлений; потому что нет возможности наказать за это преступление. После самоубийцы остаются лица, близкие к нему (если он не безродный человек); но родственники невинны в его проступке. Все, что может гражданский закон сделать в наказание самоубийце, – это относится к предсмертным его распоряжениям: никакое завещание самоубийцы не приводится в исполнение и не имеет силы. Таким образом, суд гражданский отсылает от себя самоубийцу прямо на суд вечный: таким образом, самоубийство есть не преступление, а исключительно грех. Равным образом, и Церковь подвергает самоубийцу только подобию наказаний. Она не судит его и не наказывает, так, как назначает епитимийные наказания другим грешникам, не теряя еще надежды на их обращение и исправление. Она (как и должно быть) только отталкивает от себя сознательных и намеренных самоубийц: она отказывает им в христианском погребении, не дает им и места – могилы для их обезображенных тел (не рукою смерти обезображены, а своею дерзостью) на общем православном кладбище. Но для живых, из которых выходят самоубийцы, необходима речь о самоубийстве, как она ни печальна.

Действительно, самоубийство, совершенное не в сумасшествии, а с сознанием и предварительною обдуманностью, виновнее всех человеческих преступлений. Оно преступнее всякого человекоубийства, хоть, по-видимому, человек тут не губит никого, а вредит одному себе. Почему же оно виновнее человекоубийства? Потому что закон охранять жизнь другого берется уже с жизни собственной: *«возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе»*, сказано (Мф.19:19). Чувство самосохранения без всякого сравнения, в человеке сильнее,

чем в животных. Но и животные так крепко охраняют свою жизнь; что даже самые кроткие, мирные вооружаются, показывают в себе силы, каких раньше нельзя было в них и предполагать, – если кто хочет лишить их жизни. Вот, первая сторона, почему самоубийство и еще противнее природе, еще отвратительнее для нравственного чувства, чем человекоубийство!

Затем, самоубийце (если он не был в сумасшествии, в болезненном состоянии души или в беспамятстве) не остается надежды быть прощенным от Бога, между тем, как убийца, который, допустим, лишил жизни и несколько человек, оставаясь сам в живых, может еще покаяться и исправиться. Из числа убийц известны и святые: а самоубийце какая же надежда к спасению? Безднадежность его судьбы на том свете, в котором он явится, как и все, хоть, может быть, и не думал явиться-очутиться, безднадежность его там видно из того, что св. Церковь отказывает ему не только в христианском погребении, но и в поминании за упокой. – Грех его совершился, может быть, в одну минуту, с одним выстрелом оружия. Но не от случая, и не вдруг пришла к нему такая смерть. Нет, сильные страсти, а, более всего – упадок веры до отступления от Бога, до отрицания в Боге и милости, и всеведения, и всемогущества, чтоб отвлечь его беду: вот, что довело его до этой смерти! Здесь-то и заключается полная вина его. Кто не подавил в себе природного убеждения в бессмертии души; кто сознает, что *«лежит человеком единою умереть, потом же суд»* (Евр.9:27); – верит, что все мертвые воскреснут и будет вечная мука для нераскаянного грешника: тот никогда не решится посягнуть на собственную жизнь. Значит телесное самоубийство подготавливается полным самоубийством души. Самоубийца есть тварь, возмущившаяся против своего Творца. Это изменник обществу и целому государству, потому что в обществе как постыдно жить только для самого себя, так позорно и умирать только ради себя. Это – безжалостный враг кровным своим; например, к детям, которых он бросает, оставив без всякой нужды сиротами; к братьям и сестрам, на которых полагает черное пятно пред всеми, а на долгое время, так что они новым

или незнакомым лицам уже и не могут сказать, какой еще у них был брат или какая сестра.

И никакие причины, никакие побуждения к самоубийству не извиняют этого страшного греха. Так, если говорить, что «жизнь есть дар от Бога, а всякий подарок можно и не принять, или отдать обратно», то такое поведение о даре совсем неприложимо к человеческой жизни. Человек не был бы волен принять или не принять этот-то дар от Бога, потому что до рождения своего никто не рассуждает и не действует. Следовательно, этот дар для каждого обязательный, или, точнее сказать, – это такой заем, которым никто не может распорядиться по своему произволу, от которого никто не может отказаться ни на одну минуту прежде того времени, как сам заимодатель возьмет его обратно (т.е., как Господь Бог позовет к себе человека из этой жизни). Да и возратить дар можно было бы только в таком виде, как он получен, т. е. целым, полным, а не в обломках или негодных остатках его; между тем, человек, получивший от Бога душу и тело, и потом сам собой уничтоживши свою телесную жизнь, очевидно, не представляет Творцу своему обратно подарка жизни в целости. – Далее: в большом ходу суждение (как и сами самоубийцы объясняют в своих предсмертных записках), что «жизнь нисколько не радовала самоубийцу, что и впереди ему жизнь не обещала ничего приятного, словом, составляла лишь бремя для него, и что посему свойственно было ему скоро покончить с этою горькою жизнью». О, мечты, безумные мечты! Это – взгляд на жизнь просто изуродованный: он заимствован от легкомысленных людей или от чтения романов и трагедий, а не есть плод здоровой мысли и опыта. Сегодня жить тяжело, завтра же Бог даст легче (Пс.26:6). А главное: настоящая жизнь человека уже не жизнь Адама в раю. Это – жизнь нужд и испытаний, особенно для того человека, который с первого раза подал о себе надежды, что «*мзда его на небеси*» (Мф.5; снес. Мф.10:22). Но, вместе с тем, жизнь и не оставляет, в самой борьбе с ее нуждами и горестями, не оставляет верующего без утешений: всегда и каждому она предоставляет находить приятное, радостное в духовных трудах, например, в молитве и

различных служениях Господу Богу, а особенно, в частом приобщении св. Таин. – Извиняют самоубийцу тем, что «невозможно было ему больше выносить чьи-либо притеснения, например, жене от жестокого мужа, подчиненному – от немилосердного начальника, или же терпеть нищету после жизни в довольстве». Но разве самоубийством в таком случае оканчиваются его страдания? разве так после этого он и получит венец мученический? Напротив, страдания его только лишь тогда в полном смысле начнутся; потому что он оказался трусом⁸⁸, потому что вначале же сражения отступил назад, между тем, как *«претерпевый до конца, той только спасен будет»* (Мф.10:22). – «Самоубийством иные хотели избавиться от стыда человеческого, например, женское лицо, обесчестившее себя пред всеми своим поведением, равно как несостоятельный должник, для которого наступили сроки платежей, хранитель (казначей) казенных денег, растративший эти деньги». Какая же безумная защита от заслуженного позора человеческого! Самоубийца не хотел вынести временного и кратковременного стыда в этой жизни, а там его постигнет вечный стыд. Нет; когда бы он с сердечным сокрушением понес заслуженный им человеческий стыд, тогда и Господь Бог более умилился бы к нему, и люди скорее пожалели бы его. Да, если б иное лицо, например, девица, и напрасно было обесславлено, как порочное, самоубийство, к которому иные прибегали в таком случае⁸⁹, также не извинительно. В нем тогда видна борьба не за целомудрие, которому не было насилия, а, скорее, за чрезмерное самолюбие. (Ефрем Сирин и многие другие из мужского и женского пола, – лица самой высокой жизни, выносили и такого рода стыд на этот раз, что при себе держали тех детей, которые будто бы были их незаконнорожденный плод⁹⁰). – «Иной из боязни наказания за свое преступление самопроизвольно прекращает жизнь». Но, несчастный, тут же допускает новое преступление; потому что отнимает у суда земного возможность поступить с ним по закону правосудия. Суда же Божия он никогда не избегнет. А как *«страшно есть, еже впасти в руце Бога Живаго»* (Евр.10:31). – Некоторые «поднимают на себя руки в припадке болезни,

которая пришла от запоя». Но не виноват ли человек в том, что довел себя до этой болезни? не должен ли он был предполагать ее, а с нею и скоропостижную смерть? – Наконец, допустим, что «иной наложил на себя руки в болезненной задумчивости (в меланхолии), особенно после продолжительных бессонных ночей». Однако же не мог ли он преждевременно исправлять свой характер, склонный к чрезвычайной задумчивости, действительною жизнью, дружелюбным обращением с добрыми людьми, лечением у врачей, преданием во всем своей судьбы воле Божией и вздохов – стонов? И вообще, меланхолия без помешательства еще не освобождается от вменяемости и вменения.

Нет, тот самоубийца, который в памяти и уме поднял на себя руки (некоторые даже, пригласив к себе гостей и, будто, просто стреляя в цель, поражали себя в одну минуту, тот самоубийца ничем не может быть оправдан: и *«добро бы было ему... не родиться на свете»* (Мф.26:24). Ты, верующая душа, конечно, ограждаешь себя от сатанинской мысли о самоубийстве и мыслью загробной жизни, и ангелом-хранителем своим, и молитвою «о христианской кончине живота». Памятуй еще, что вообще от скоропостижной смерти спасет молитва к великомученице Варваре⁹¹.

Покушение на свою жизнь, соединенное с решительными действиями

«Темничный страж... извлек нож, хотяше себе убиту» (Деян.16:27). Подобные покушения на свою жизнь, когда например, уже был принят яд, но сила его оказалась слабою; или когда уже было возложено на шею вервие Иудино, но добрые люди успели сорвать вервие и возвратили к жизни полумертвого; или когда безумный сделал себе смертельные раны ножом, огнестрельным оружием, пригвоздил себя ко кресту (у раскольников), но ослабевшая рука не могла увеличить или повторить раны, а искусство врачей предотвратило опасность их для жизни – подобные решительные посягательства на свою жизнь, если допущены в памяти и с сознанием, следует считать окончательным убийством. Если оказались слабыми меры, принятые для самоубийства, если воспрепятствовали совершиться греху люди внезапным приходом или помощью, оказанною без просьбы, и, таким образом, жизнь осталась в целости, – это не смягчает вины ужасного греха. Самоубийца вполне «мертв бе, а оживе» (Лк.15:32) не по своему намерению, или без ведома своего, по одной лишь чрезвычайной милости Божией. Только бы тогда вина его была облегченнее, когда бы он сам остановился вполовину своего преступления; когда бы вдруг просветила его душу добрая мысль не довершать преступления, и он употребил бы усилия не довершить, хотя и эта мысль все же принадлежала бы не ему, а его ангелу-хранителю; когда бы он послушал голоса других людей, как например, темничный смотритель повиновался голосу апостола Павла; когда бы, придя к реке, чтоб утопиться, и, увидев тут случайно поспевшее собственное дитя, почел это дитя своим ангелом-хранителем и с отвращением оставил бы бесовское намерение. Но, без сомнения, еще тяжелее, ужаснее вина того человека, который до нескольких раз повторяет покушение на свою жизнь. Тут преступно то, что этот человек не вразумляется чудесами Промысла Божия, который спасает его жизнь от него

самого, что не трогается ужасами смерти насильственной, что не дорожит вечностью, в которой уже не будет ему возможности снова уничтожить себя.

О, несчастные искатели собственной смерти! С одной стороны, вам нужно радоваться, что милосердый Бог не допустил совершиться вашей преступной решимости, а с другой – остается вам во все остальные годы и дни своей жизни служить Богу каким-либо особенным подвигом покаяния. Считайте же себя не иначе, как возвратившимися с того света, да еще из пропастей ада. Знайте, что и те люди, которые после честной, приготовленной смерти снова возвращались чудесно к жизни (как например, воскресший Афанасий Печерский⁹², – и те не могли наплакаться в новые и остальные годы свои, увидев лицом к лицу страшную участь на том свете грешников. Итак, *«прочее время живота (вашего) в ... покаянии (строжайшем) скончати»*, – вот вам епитимия!

Одна мысль лишить себя жизни

Пусть не было еще никаких приготовлений к самоубийству, пусть мысль поднять на себя руки таилась в душе всего дня два-три, а затем оставлена навсегда и осталась тайною для целого мира. Но в таком случае уже начиналось отпадение от Господа Бога, вместо Него – последование внушениям дьявола. Да; не другой кто, как дьявол, человекоубийца искони, подавал такую мысль: усвоить себе его мысль хоть на кратчайшее время, не отвергнуть ее с первого же раза с боязнью и презрением, и значило уступить врагу. По опытам известно, что, когда человек сделает такую уступку врагу, когда отпадет от Бога в духе веры, – враг так и заманивает к себе несчастного мыслью о самоубийстве, так и шепчет ему на каждом шагу: «пореша себя...». Особенно худо, если уже определялся в уме и род насильственной смерти, – петля, прорубь реки и т.п. Таким образом, мысль лишить себя жизни, хоть бы кратковременная, требует слезного покаяния пред Богом. Покаяние на сей раз может выразиться тем, чтоб в продолжение нескольких лет припоминать себе тот день, когда эта страшная мысль появлялась в душе, – чтоб освящать тот день исповедью или только служением покаянного молебна. Грех также и немалая опасность, не имея совсем мысли в душе, высказывать намерение поднять на себя руки или устрашать тем других, чтоб нас не трогали или не взыскивали с нас. Пусть будут это одни слова; однако враг-дьявол, выслушав их, может в самом деле развить в говорящем злую мысль. И кто со стороны слышит такие слова, такую похвальбу, тот не может не бояться, что человек, говорящий это, и способен совершить преступление, а потому не может не предпринимать меры против его злодеяния. А все это и для ближнего большая тревога.

Вызов и выход на поединок

Один, чувствуя сам себя или же за ближайшее лицо, например, свою невесту, жену, сестру, дочь, чувствуя сильно оскорбленным, вызывает своего оскорбителя на поединок, и думает этим восстановить оскорбленную честь; а другой, стыдясь имени труса и будто бы презрения от людей в случае отказа своего принимает этот вызов. Вот странное изобретение мудрости человеческой! Вот, вернее сказать, дикий предрассудок! Прежде всего, тут нет разумной цели и не достигается никакая цель. Если, допустим, оскорбленный накажет своего соперника решительною смертью, то к бесчестию своему, на которое, может быть, другой кто и не обратил бы серьезного внимания, он присоединяет не только истинное бесчестие, но и страшное преступление: дотоле страдало только его огорченное сердце, а теперь должна страдать целую жизнь его совесть, как преступника. Но может – оскорбитель же его снова возьмет верх, тогда этот к дерзости своей на словах прибавит грубейшую и богопротивную дерзость на деле, а за всем тем, т. е. и после страха казни, какому подвергался за оскорбление чужой чести, не сделается осторожным. – Затем, ни с той, ни с другой стороны нет и тени геройства, а видна одна трусость. У одного не достало духа перенести обиду; другой не был настолько великодушен, чтоб загладить свой проступок пред ближним извинением или другой удовлетворяющей мерой, – не был и настолько смел, чтоб отказаться от вызова на поединок, чтоб не побояться чьего-либо говора о себе, как о трусе. Далее: эта выдумка защищать оружием свою честь с одной стороны, и эта готовность защищаться виноватому тем же оружием с другой стороны, – годны только для зверинца, а никак не для соотношений между собой людей, имеющих сердце. Оскорбление чести и споры могут быть между людьми часто, а что будет, если люди везде начнут отстаивать себя один пред другим, – и не только честь свою, но и имущество, борьбой насмерть? Кто таким средством успеет отстоять себя, тот заслужит похвалу и уважение, разве, у

разбойников, а не со стороны людей благомыслящих. А непозволительность этого средства к защите себя и для решения им спора с своим противником? а самоуправство и нарушение им общественного порядка? – Так, дуэль составляет позор и великое зло для человека и тогда, как подвергнуть ее общечеловеческому рассуждению!

А как она преступна со стороны христианства! В евангелии сказано: *«аще кто тя ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую»* (Мф.5:39); а тут вместо ланиты противопоставляют грубую силу и обнажение оружия. В Евангелии говорится: *«шед... смирися с братом твоим»* (Мф.5:24), а тут не думают о примирении и примирителе, о сознании своей вины пред другим, напротив, приглашают к себе пособников при драке (секундантов). Евангелие требует любви к ближнему и всевозможного охранения его жизни: а тут подают счет сопернику в его необдуманных словах или оскорбительных поступках, – счет, по которому он должен сделать уплату самою жизнью своею или, по меньшей мере, кровопролитием – увечьем. Поединщик (дуэлист) вдруг совершает даже три преступления: а) хочет убить другого; б) решается быть самоубийцей в случае победы соперника; и в) поставляет своего ближнего в такое положение, что ближний может совершить человекоубийство. – Ты, благоразумный христианин, – имей на этот, будто бы, геройский поступок такой взгляд, что в нем нет ничего умного, что он – самое бесчестное средство для поддержания своей чести и, что составляет многосложное душегубство!

Участие в убийстве и самоубийстве умышленном

Убийство по научению, по приказанию, угрозе и принуждению со стороны другого

«И сотвориша отроцы (слуги), якоже заповеда им Авессалом» (2Цар.13:28–29). Авессалом же научал слуг убить Амнона. Как в убийстве такого рода, так и в остальных внешних побуждениях к этому преступлению, на которые мы указали, – недостает только личной злости убийцы. А, может быть, в нем еще было сожаление к личности несчастного, которому он подал отраву или нанес оружием смертельный удар. Зато все остальное в его деянии носит характер вольного убийства. «Решается ли кто убить ближнего из-за подкупа деньгами, которые обещаны или уже даны»? Но это показывает еще особенную низость или подлость поступка: здесь повторяется пример Иуды, который за деньги продал неповинную кровь. «Склоняется ли иной на преступление таким убеждением своего подговорщика или возбuditеля, что последний принимает на себя одного ответственность греха?» Но никто не волен освободить другого от ответственности пред Богом за его преступление: тот же Иуда не оправдался тем, что выполнял не собственную волю, а желание иудейских начальников, когда предал им на смерть своего Учителя. «Встретил ли другой с убеждением и приказанием совершить убийство?» Убеждение, действительно, имеет большую связь с приказанием. Но как бы ни был силен тот, кто приказывает, – силен влиянием или по природе, например, дядя, или по власти, например, начальник: тяжесть поступка, к которому относилось приказание, должна была остановить и от мысли на него; потому что жизнь человека, не жизнь малого насекомого, на которую легко можно решиться. Притом, все же это было влияние или принуждение только душевное (психическое), которому в настоящем случае легче было воспротивиться, чем внешнему. «Угрожал ли подговаривающий к убийству смертью тому самому, которого принуждал совершить преступление?» Угроза здесь не уничтожает вменяемости греха. К кому произносилась она, – тот имел же разум и волю и в то самое время. Затем, злодеяние, к

которому он был принуждаем, было такого рода, что уже не оставалось никакой возможности поправить дело. Таким образом, он должен был бы воспротивиться этому злодеянию, не смотря ни на какие угрозы. Если б пред ним стоял человек с заряженным ружьем и требовал от него совершить другое какое преступление, например, похитить бы чужого младенца: тогда угрозой еще можно было бы оправдываться; потому что в таком случае еще не было бы окончательного злодеяния, еще злодеяние могло бы быть исправлено в последующем времени. А в требовании убийства был поставляем вопрос или о жизни, или о смерти ближнего. В этом-то самая очевидная опасность для собственной жизни не извиняет того, кто, положим, и никак не желал совершить человекоубийство над невинным, но, спасая свою жизнь, совершил его, потому что сказано: *«большая любовь никто же имеет, да кто душу свою положит за други»* (Ин.15:13). «Присоединился ли к угрозе от принудителя и собственный порыв душевный к убийству?» Порыв здесь нисколько не может затмевать сознания и памяти, как он затмевает сознание в других обстоятельствах. Введение преступности дела было раньше, до совершения его: лишить человека жизни – это дело такое, которое нечего обдумывать со стороны вопроса: грех ли это и как велик грех? Таким образом, если и совсем не было времени обдумать преступление, – необдуманность его и отсюда порыв душевный ничего не значат в смысле вменяемости его: случается ведь и напротив, – обдумают преступление, а совершают его не хладнокровно, а в порыве. – Наконец, было ли употреблено «принуждение к человекоубийству и внешнее (физическое)?» Принуждение такого рода тогда только уничтожает вину греха, когда сила того человека, который принуждал, превосходнее силы принуждаемого и когда принуждаемый был как бы мертвым орудием его; например, если б какой-либо силач взял мою руку и моей рукою ударил до смерти другого, то тут, конечно, не было бы моей вины. Но где же слышны подобные случаи принуждения к убийству? – Чтоб тебе, читатель, не быть поставленным в таких опасных обстоятельствах к решимости на

страшный грех человекоубийства, – избегай всякого сближения с людьми злыми и порочными.

Сторожба при совершении убийства и доставление убежища убийцам

«Бех стоя, и соизволяя убиению (Стефана) и стрегий риз убивающих его», осуждает себя в подобном грехе некто, не понимавший еще истины, и ради истины только, которую ложно понимал, так действовавший (Деян.22:20), Положим, виновнее главный деятель в убийстве, а тот, который стоял на страже, занимает здесь второстепенное место. Но, хоть рук последнего не было на месте самого преступления, – была одинаковая предумышленность его с убийцей, который действовал и которому он свою охрану предоставлял возможность действовать. Хоть руки его остались не обгавленными кровью, но окровавилось сердце, которое было вместе с убийцею, и, следовательно, нечего умыть руки, когда взамен их осквернено сердце. Насколько виновен главный, или непосредственный убийца, настолько же заключается вины и этого человека, как пособника. Для решающегося быть стражем опасность еще та, что прямой убийца может допустить зла в своем преступлении больше, чем ему поручено, или в какой мере первый соглашался быть его пособником; например, может он оказать особенную жестокость, убивая, или же предать смерти вместо одного – несколько человек. Таким образом, страж из определенного участника в убийстве может сделаться волей и неволей и неопределенным, и не может не принять на себя ответственности пред Богом за новое зло со стороны убийцы, более или менее им предвиденное. Что же до сознательного пристанодержательства одного или нескольких убийц, то здесь вина равняется участнику и сообщнику убийства. Общественность, составляя отличительный характер людей, к несчастью, проявляется в страшных преступлениях, когда эти преступления не могут совершиться усилиями или средствами одного лица; так и убийцы не всегда же живут в лесу, со зверями, но и, отправляясь на преступление и возвращаясь с преступления, находят себе у кого-то убежище. Вина пристанодержателей их представляется особенно

страшную, когда пристанодержатели дают им убежище постоянное, а не временное только, т.е. не как заговорщикам одного только преступного деяния, которые, выполнив свой заговор, и расходятся: в постоянном пристанодержательстве – зародыш многих заговоров одного рода или же разных родов. И как порок опаснее и преступнее одной вины в силу этого порока, так и скопище (шайка) убийц, следовательно, и пристанодержательство их, преступнее одного случая по убийству. – О, правосудный Боже! воспяти этим злодеям на их преступных путях, да не до конца погибнут!

Доставление убийце или самоубийце средств к их преступлению

Это есть также внешнее (физическое) вспоможение к убийству. Кто доставляет другому яд, пистолет и т.п. с целью совершить преступление над ближним или над самим собой, тот, хоть не присваивает себе чужого намерения, но помогает этому намерению и принимает на себя часть исполнения его. Так, в правилах церковных сказано: *«жен, дающих врачевство, производящая недоношение во чреве, подвергаем епитимии человекоубийцы»*⁹³; скольким лицам эти женщины, равно как и другие пособники в убийстве, дадут отравы или доставят смертельные оружия, столько же раз и делаются убийцами. Иные, задумавшие тайно совершить убийство, например, жена над своим мужем, может быть, остановились бы от своего преступного намерения, если б не нашелся человек помочь им. А иные, и получив средства – орудия совершить преступление, добровольно останавливаются, бросают с презрением приготовленную отраву или готовое оружие, и – приносят Богу слезное покаяние в своем намерении. В таком случае, эти лица еще не сделались убийцами. Но те, которые доставили им средства к преступлению, те и без совершения убийства должны быть признаны убийцами; потому что со своей стороны они все покончили к преступлению и дальнейшее зависело не от их воли. Секунданты также вполне виновны в доставлении средств к чужому убийству и самоубийству, потому что несут и держат орудие поединщиков. Особенно они участвуют в чужих преступлениях тогда, как бывают свидетелями условия, чтоб поединок непременно окончился смертью одного из сражающихся, и – допускают совершиться этому условию, между тем, как вообще должны были бы употребить все возможные средства для предупреждения или прекращения поединка. – О, доставители другим смертельных веществ и орудий! Помыслить бы они должны, какое это страшное занятие их: переводить людей!

Подстрекательство кого к убийству или самоубийству

Здесь же видим пособие или сообщество *нравственное*, умственное. Так, дочь Иродиады выразила сильное и твердое желание пред Иродом, чтобы отсечена была голова Крестителя, и царь совершил убийство, о котором вовсе не думал (Мк.6:22,25:26). Подстрекатель к убийству или самоубийству есть непременно умышленный виновник этих грехов. А главное: здесь он зачинщик (умственный), и в этом-то смысле бывает виновнее самого убийцы, потому что, насилуя чужую волю и совесть, он вовлекает другого в страшный грех. Так, например, подстрекают иного совершить убийство в решительные минуты именем «труса» или же представляют в глазах его нанесенную ему обиду столько тяжкой, что эта обида будто бы стоит мести до крови. Дьявол, соблазнивший наших прародителей ко греху, в котором заключается вина и самоубийства, и человекоубийства («смертию умрете» – вот последствие греха), виновнее же согрешил, чем сами Адам и Ева. К числу подстрекателей на убийство и самоубийство принадлежат и те, которые доставляют сведения о том человеке, которого предположено убить, а также дают другому совет, как вернее совершить убийство над этим человеком или над самим собою; еще – похвалять задуманное дело или упрашивать другое лицо (и это сильное побуждение) совершить грех. Но и после совершения убийства или самоубийства могут быть виновные в подстрекательстве. Кто же это? Это те люди, которые защищают на словах или печатно убийц и самоубийц, завиняют исключительного убитого (например, начальника учебного заведения), оправдывают же убийцу (воспитанника в том заведении), а особенно говорят о самоубийцах, которые ныне столько умножились, что в смерти их могут быть побуждения не только низкие (пошлые), но и «благородные». Подобными-то защитами подстрекают и на будущее время убийц и самоубийц к их злодеяниям. (О страшной вине начинателя войн, или тех, которые подают повод к кровопролитной битве, и говорить

нечего). О, какая великая осторожность требуется в разговоре или печати о насильственной чьей-либо смерти, особенно пред людьми слишком раздражительными или легкомысленными! («Таков-де и был», говорят иногда о скупом человеке, которого грабители убили из-за денег).

Непрямое убийство или самоубийство

Побои другому, от которых произошла или могла произойти смерть

«И начнет бить товарищей своих» (Мф.24:49), «и тому камнями разбили голову» (Мк.12:4). Все те дошли до жестокого убийства, большею частью, имели грубую привычку бить других руками (даться), бить почему и чем ни случилось. Таким образом, в этой дерзости рук, в этой смелости касаться тяжелых или опасных орудий, чтобы, рассердившись, ударить, заключается зачаток убийства. И сколько, действительно, бывает смертей от побоев! Человек, которого осыпают ими, потерял равновесие: в таком случае удар рукою или тяжелым орудием приходится ему против груди или в висок головы, и он падает мертвым; или же, сбитый с ног, ударяется он об острое и умирает. Все эти несчастья происходят от того лишь, что люди привыкли давать волю своим рукам – самоуправствуют. Пусть здесь (при непреднамеренном убийстве) умысла о смертоубийстве отнюдь не было (иначе же те случаи не встречались бы в кругу самых кровных), но предвидеть опасные последствия была полная возможность. Стараются в настоящем случае оправдать поступок порывом, или взрывом душевным, когда сознание помрачается, разум и воля не могут свободно действовать. Но не виновен ли человек в том, что не принял надлежащих мер обуздать себя, избежать взрыва душевного (в гневе или негодовании), что, зная за собой этот недостаток, преждевременно и решительно не положил себе за правило держать себя, разгорячившись тем, как бы у него, точно у убогого, совсем не было рук? Ты, читатель наш, помня, что гнев и негодование стремятся к нападению, и сам связывай себе в душе руки в минуты горячности и ближнего твоего, готового напасть, обезоруживай от себя спокойствием. Да; если человеку, который вышел из себя, успеем мы противопоставить спокойствие (учтиво назовем его, упросим сесть, предложим ему какое-либо угощение, например, чаю, а шутка еще больше раздражит его), то порыв его гнева тотчас же может пройти или ослабнет.

Оставление без помощи человека погибающего

«Священник некий сходяше путем тем, и виде (человека, избитого на дороге разбойниками) мимоиде. Такожде и левит...» (Лк.10:31–32). Эти два лица почти столь же бесчеловечно поступили с избитым, оставив его без всякой помощи, как и самые разбойники, которые избили и изувечили его. Так, если кто погибает на воде (тонет), в огне (во время пожара), под экипажем (в дороге), от нападения хищного зверя или сильного животного, от вьюги или мороза, или только обессилел на улице днем или ночью: виновниками в насильственной смерти этих людей делаются и все те, которые по излишнему самопоощрению и без всякой для себя опасности не хотели спасти несчастных, даже и тогда, как несчастные вопияли к ним о помощи. Эта холодность к положению погибающего человека преступна и потому, что никто не может ручаться, как слабый и смертный, за то, что и сам он не подвергнется когда-либо такому же положению, сколь бы ни был осторожен или обеспечен состоянием, или людьми охраняющими. О, как может успокоиться сердце того христианина, который не помог ближнему в критические минуты (особенно престарелому или дитяти), и ближний умер! Где же было тут чувство человеческое? Ведь и в каждом из ближних наших течет та же Евина кровь, как и в нас. Где особенно было чувство христианское? Ведь характер христианина есть милосердие и самопожертвование для ближнего. Ты, друг наш, будь благодетельным самарянином в случае гибели каждого, не только христианина, но и магометанина или язычника.

**Произвольное оставление проводниками
путешественников в опасном месте или положении,
и прямо смертные случаи на дорогах от
неисправности проводников**

«Аще не сие пребудут в корабли, вы спастися не можете» (Деян.27:31), было сказано о корабельщиках, которые, видя на море очевидную опасность для жизни всех, хотели было обманом убежать с корабля, чтоб спасти только самих себя. Так, особенно те, которые приняли на себя обязанность быть проводниками других, не должны покидать кого-либо в опасности (например, машинист на пароходе, предвидя, что котел с водою от повышенной температуры скоро лопнет, бросается в лодку и бежит с парохода). И спутники иногда покидают своего товарища там, где видима опасность для его жизни. Не извинительно было бы не покидать его даже и в том случае, если б он сам, по своему безумию, подавал повода к тому, например, своею ссорою или нетрезвым поведением; а прямой и велик грех им, если он, оставленный там в опасном положении, и умрет. – Еще чаще проводники поставляют путешественников в опасное положение собственным нерадением. Как тяжко виновны на сей раз такие капитаны и машинисты пароходов, начальники, смотрители, кондукторы и стражи на железных дорогах, еще перевозчики на реках, которые, справляя свои обязанности, занимаются посторонним делом, дозволяют себе быть нетрезвыми, засыпают и просыпают на деле! Оттого, естественно, они и не предусматривают явных опасностей в пути, подвергают тревоге или совершенной гибели тех, которые вверили их опеке свою жизнь. (Например, капитан пароходный и кондуктор с машинистом на железной дороге заснут или не позаботятся предупредить о своем ходе, и – вот, допускают столкнуться, первый – встречному пароходу, а второй – поезду). Когда последует несчастный случай, – начинаются исследование и суд. Но всякий уже знает, от чего последовало несчастье: причиною его были одна лишь беспечность проводников или

недосмотр ими за крепостью моста, машины, экипажа, наконец, самонадеянность и риск. За всем тем, как же возратить потерю? что значит казнь по суду над одним лицом, когда погибли десятки и сотни лиц от его беспечности и неисправности? – еще тяжелей для него должны быть мучения совести до самого гроба от этой гибели чрез него множества людей. И могут ли предупредить на последующее время подобное зло самые заботливые меры и строгие законы от правительства, если проводники на путях не будут вполне заботливыми и осторожными, а при этом – богобоязненными, верующими в Божию помощь и призывающими ее усердно при каждом рейсе, поезде, плаванье, проводе или свозе? (А, между тем, и, действительно, эти-то распорядительные лица на путях сообщения, которые рисуются пред всеми, от которых более или менее зависят все идущее или плывущие, – очень усваивают себе характер горделивый, самонадеянный, вместо веры и надежды на помощь Божию. Когда бы они были более верующими и богобоязненными, тогда больше было бы в них вообще старания и верности своему делу). О, проводники других в дороге! На вас, как на хозяине дома, лежит главная забота охранять тех, которые находятся в экипаже, вами управляемом, охранять не только служебным бодрствованием, но и молитвою.

Смолчание о чьем-либо приготовлении или о самом покушении к убийству, а также и о совершенном убийстве

«Аще преслушаеши (промолчишь) в сие время... ты же, и дом отца твоего погибнет» (Есф.4:14), настоятельно говорил Есфирь Мардохей, чтоб Есфирь открыла убийственные замыслы Амана. Редкий человек живет совершенно один и так, чтоб нельзя было приметить преднамерение его, тем более, покушение к страшному преступлению, каково убийство или самоубийство. Посему окружающие убийцу не должны, например, из боязни мести его, молчать о его готовности совершить грех. Тут вина не та только, что скрываются от правосудия преступление и преступник. Нет, но главное всего то, что теряется время, опускается возможность спасти от гибели чью-либо жизнь; так, если б убийца медленно отравлял кого ядом, а постороннее лицо, заметив его действия, открыло бы о его поступке: то с пользою могли бы быть употреблены медицинские пособия против отравы. Это значит «благоприятствовать» убийству. Положим, это благоприятствование не составляет ни пособия, ни участия в преступлении, что оно никогда не желает чужого преступления, как, напротив, пособие всегда имеет целью, чтоб совершилось преступление, что оно, таким образом, не имеет головной вины. Положим, смолчать – не донести о чьем-либо покушении к убийству или самоубийству иногда побуждает кровь родственная (например, если преступниками были муж, брат, сестра) или сознание многих благодеяний со стороны этих людей. Но во имя–то любви к ближнему лицу и не следовало молчать о его преступлении, чтоб предотвратить это преступление. – Затем, хотя бы преступление и нельзя было возвратить, хотя бы оно вполне совершилось, смолчание – недонесение о нем правительству также составляет вину, только меньшую, в сравнении с не предупреждением начатого убийства. Здесь тем более нет пособия преступлению; потому что оно и не было обещано преступнику. Но смолчание может

иногда поощрить преступника к новому подобному преступлению, а особенно оно виновно в том случае, если готовится наказание невинно-заподозренному. – Так-то, читатель, чем больше злодеяние иного человека, тем более этот человек делает тревоги и смущения совести и другим людям, которые волей или неволей бывают свидетелями его греха или только особенно близкие к нему лица!

Равнодушное, и даже со смехом смотрение на чью-либо драку или побои другому

«Емше вси... Сосфена бияху...: и не едино о сих Галлиону радение бысть» (Деян.18:17). Так и ныне некоторые равнодушно, и даже с удовольствием, с хохотом, смотрят на то, как кто-либо бьет другого, не имея права бить, и за ничтожную вину; или как два человека, иногда же и несколько человек, схватившись друг с другом, борются и бьются. Не значит ли это как бы участвовать в том же буйстве, если не руками, то расположением сердца, и затем – отвечать за самую смерть, если смертью окончатся побои или драка? А нужно бы употребить все возможные меры, например, и физическую силу, и слово убеждения, и приглашение к помощи других лиц, чтоб прекратить побои кому или чью-либо драку. За это будут впоследствии времени благодарны и те, которые бьют или бьются: потому что, разгорячившись, они не могут владеть собой. Бывали случаи, что начинали драться шутя, и один кто делался убийцей (кузнец хотел одной рукой легонько ударить, а из другой отлетела раскаленная полоса и убила сбоку стоявшего тут человека). – Христианин! И чужой удар ближнему, особенно же без вины, должен быть чувствителен тебе. И, хоть бы иной сильный бил такого человека, который всех ближе к нему, и которого он должен бы более всех жалеть, например, муж свою жену или отец своего сына, – пожалей и этих, удержи бьющего их и рукою своею, и убеждением, и мольбою. Тогда ты не будешь подобен равнодушному Анне, который не удержал своего слугу от ударов Иисусу Христу.

Отказ врача, особенно во время эпидемии, в помощи болевающим беднякам

Наставление: *«почитай врача противу потреб честию его»* (приличною ему наградою в случае нужды) (Сир.38:1) относится, конечно, к людям состоятельным. Но болеют и бедные, которых жизнь так же может быть дорога для их семейств. Бедные по самой бедности своей и не знают, и не имеют у себя сподручных средств (домашней аптеки), чтоб помимо врача избавиться от болезни. Врачу и фельдшеру следует различать вообще больных по роду их болезни и по мере надобности в медицинской помощи, и по степени их состояния. Когда врач имеет время и силы посетить больного бедняка и когда знает о его опасном положении, – должен поспеть по первому призыву. Весьма неблагородно и не лучше торгующего поступает тот врач, который даже до того возвышает плату за свои посещения (визиты), что небогатые люди в самой крайней нужде боятся пригласить его к себе, что болеть и лечиться для этих людей составляет самое тяжкое наказание. Не должны также и аптекари отказывать в бесплатном лекарстве бедняку, опасно болеющему. Особенно же во время эпидемии, когда каждый болевающий бывает опасен, врач должен спешить к больному, – кто бы это ни был, богатый или бедный, друг или враг его. Врач-христианин! Награда за евангельскую добродетель: *«болен и посетисте Мене»* (Мф.25:36), несомненно, относится и к тебе, если будешь посещать больных с усердием, без различия их и без ропота. Итак, помнить тебе нужно, что ты стоишь на путях богоугодной добродетели, которою скоро можешь заслужить милость Божию к самому себе!

Умышленное замедление в излечении больного или лечение небрежное

Придают ничтожным болезням значение опасных и намеренно, в видах корысти, тянут болезнь. Таким образом, напрасно задерживают больного в комнатах его и оставляют при тягостном сознании, что он все еще не может считать себя здоровым. Но, с другой стороны, еще большую вину со стороны врача составляют:

торопливое и рассеянное лечение больного, потому что хочется иметь больше домов для своей практики с несомненным вознаграждением;

нераспознавание болезни, а отсюда – неправильный ход лечения с первого раза, что иногда приводит больного и к смерти (например, в казенных больницах);

холодность чувств к стонам и страданиям больного, происходящая от привычки видеть такие страдания;

нестарание облегчить особенные боли пациента безвредными средствами; наконец,

грубое обхождение с больным, которое отталкивает от врача, не располагает иметь к нему доверие и даже усиливает болезнь.

Больному и без того больно. А тут еще сам-то врач, знающий и по науке, и по практике болезненную раздражительность его, – вместо ласкового слова и утешения, смущает его своим гневом, нехотением подробнее расспросить или выслушать. – Врач-христианин! Помни, что как священнику дорога душа его духовного сына и каждого прихожанина, так тебе должно быть дорого тело и здоровье каждого твоего пациента!

Без особенной нужды разрешение или совет врача больным употреблять в посты скоромную пищу

На это врач не имеет права (духовного), хотя и может высказывать свое мнение. Больные могут решаться есть в посты скоромное только с разрешения своего духовного отца. Значит врач входит здесь в столкновение со священником. А это не в порядке дел и неблагоприятно. Он и священник должны помогать друг другу у постели больного: он – врач для тела, а священник – для души; священник поддерживает своими наставлениями доверие к нему, так как в отношении к нему больше может быть нетерпеливого ропота со стороны больного. А, если он успевает иногда завладеть большим расположением у больного (как, например, у маловерующего), чем священник, то не должен употреблять во зло такое расположение. Кроме того, он велит есть в посты скоромное не одним тяжелобольным, которые лежат в постели, но и только слабым по телосложению и здоровью: не запрещает же он этим больным вредных привычек, как например, курение табаку, или половых наслаждений, которые гораздо более ослабляют телесные силы. В степени разрешения от поста врачи так же безразборчивы: советуют не частью только ослабить пощение, например, среди великого поста есть бы рыбное, но совсем оставить пост, до ядения мяса. Нет, богобоязненный врач никогда не решится склонять больного к нарушению уставов церковных, да еще без особенной нужды. А, если иной из врачей сам не соблюдает постов, и потому-то легко смотрит на нарушение другими этого устава церковного, то не должен бы касаться совести больного, который, может быть, дотоле всегда соблюдал во всей строгости посты и которому, однако, стоит только раз разрешить себя от них, чтоб потом без смущения духа нарушать их. Мог бы врач указать слабому здоровьем более питательные блюда из постных, и это – долг его. Нет, ты, врач-христианин! не бери на свою душу ответственности пред Богом разрешать больному то, на что не уполномочен один, и в чем нет и особенной нужды.

Непредупреждение врачом больного о христианском напутствовании и даже отговор-препятствие на этот раз

«И тии (врачи) Господеви молятся, да управит (больным) покой и исцеление» (Сир.38:14), вот, что сказано в слове Божиим о добром враче. Врачу должно быть более известно, чем кому-либо другому, что душевное, религиозное успокоение больного, которое больной получит в таинствах покаяния и св. причащения, поможет и телесному выздоровлению его (Иак.5:15) или только облегчению от болезни, и что с Божией-то помощью скорее можно успеть – вылечить трудно-болящего. Итак, врач поступает против пользы больного и против успеха в собственной практике, если не хочет посоветовать больному, чтоб больной прибегнул к Богу. (А иные богобоязненные врачи после своих наблюдений приходили относительно младенческих болезней к такому правилу: когда младенец заболел, они велели сносить его к св. причастию; потом же. в большинстве случаев, и не находили нужным давать младенцам лекарств. Тут нет совсем практики врача и не за что, по-видимому, благодарить его. Но кто из умных родителей не будет благодарить такого врача?)

Затем, врачу более известна опасность больного. Итак, он должен дать совет о напутствовании больного не в один из последних своих визитов, а своевременно. Между тем, иные из медиков – особенно современных – не хотят предупредить ни прямо больного, ни посредством родственников его, чтоб он напутствовался христианскими таинствами, и, таким образом, допускают ему умереть решительно не приготовленным христиански – сколько они возбуждают через это ропота против себя со стороны родственников умершего! Какую тем более обиду делают умершему! – Но еще хуже, когда иной врач, пользуясь влиянием на семейных в том доме, где лечит, прямо отговаривает, препятствует напутствовать больного. На сей раз спор особенно относится к таинству елеосвящения, или соборования. Видя в этом таинстве, по примеру других

суеверов, напоминание больному о близкой смерти, и оберегая больного от такого напоминания, чтоб не повредить действию на него лекарств, – врач никак не соглашается на соборование своего пациента или же доводит дело до того, что больной уже остается бессознательным во время соборования. Но, как человек образованный, врач не должен бы поддерживать религиозных предрассудков в больном или в родственниках его. Когда больной, действительно, крайне опасен или безнадежен, – обязанность врача продлить его дни и часы жизни с той, именно, целью, чтоб больной с сознанием принял предсмертное напутствование. – Врач-христианин! тем более не принимай на себя греха отклонить больного от приготовления к вечной жизни христианскими таинствами.

Огорчение больному или недосмотр за ним в беспамятстве его, а также и в сумасшествии иных

«Яко на сира нападаете, наскочите же на друга вашего» (пронзает друга), с горестью духа говорил больной Иов своим друзьям, которые вместо утешения огорчали его (Иов.6:27). Если кто раньше не предрасположит себя к терпеливости, опасаясь, как человек, болезни, тому уже слишком трудно не огорчаться, когда заболит: и вот, такой больной огорчается от самых маловажных случаев, привязывается к каждой мелочи! Между тем, вследствие огорчения, какие делают ему, усиливаются его болезнь и страдания от болезни, а иногда и ускоряется смерть. Как же необдуманно или прямо злостно поступают то сами родственники больного, то посторонние для него, например, прислуга, больничные сторожа, все, однако, обязанные заботиться о нем, первые – по долгу природы, вторые по данному обещанию, а третьи по должности, – как они не осторожны или злонамеренны, когда огорчают больного! Например, укалывают его несправедливыми, или только неуместными, упреками, не только дают ему заметить, но и вслух высказывают, что он в тягость им, даже оставляют его на несколько часов или минут самому себе, как бы готовы тягаться и самим больным, наконец, выражают свою досаду на него тем, что не хотят тихо передвинуть его на постель или осторожно перевязать ему раны. Это такая безжалостливость, которой обличителями могут быть и животные, ласкающиеся около своих болеющих господ или благодетелей: «и пси приходяще, облизаху гной его» (Лазаря), сказано (Лк.16:21). Нет: долг человеколюбия требует устранять от больного даже всякий шум – стук, который может обеспокоить его; даже нужно в глазах его умерять жалостливые слезы о нем же, так как это будет сильнее волновать его. Поощаду от огорчений следует оказывать также и тем людям, которые, хоть не лежат в постели, хоть выполняют свои обязанности по службе или по дому, но, очевидно, находятся в болезненном состоянии, например, чахотные или нервные люди; еще разрешившиеся от бремени заслуживают

покоя со стороны окружающих. – Что же до больных в беспамятстве, а также помешанных или совсем безумных, эти требуют и ежеминутного надзора за ними. Сколько было примеров, что больные такого рода от недосмотра за ними простуживались, падали и получали сильные ушибы, а умалишенные и посягали на собственную жизнь (Мф.17:15)! Заметим подробнее о несчастных последнего рода. Число умалишенных заметно увеличивается, – без сомнения, от быстрой современной жизни людей, а отсюда и от чрезвычайных резких перемен в их положении. Первичные случаи сумасшествия скорее поддаются излечению. И вот здесь неправильно поступают те родственники или близкие лица помешавшегося, которые по своему предрассудку или ради ложного стыда медлят поместить его в лечебное заведение: при домашних средствах сумасшествие почти неизлечимо (родов его бываете несколько). А с неизлечимыми остается только обращаться по-человечески, между тем, как их часто бьют, для смеха раздражают, как беззащитных. Не нужно оставлять без сердечной заботливости и только глубоких меланхоликов, особенно тех, которые впали в меланхолию от пресыщения всеми грешными удовольствиями своей жизни. Эти люди дают заметить внимательному человеку, а иногда прямо проговариваются, что их борет мысль о самоубийстве. Итак, нужно быть чаще с ними, чего и сами они желают (между прочим, не следует давать им в руки книги, или статьи, где говорится о самоубийстве). Относительно всех этих несчастных, человеколюбивый пример оставил нам Спаситель. Он благосклонно принимал тех, которые заботились о больных бесноватых (Мф.15:28), и этим показал нам, что и мы должны быть человеколюбивы к больным в беспамятстве и к сумасшедшим. – Милосердый христианин! Особенно о больных-то в беспамятстве или с сумасшествием, если будешь с ними, припомни и исполни слова св. Писания: *«тебе оставлен есть нищий»* (Пс.9:35).

Беспокойство – потрясение умирающему

Можно ли не позаботиться о жизни и покое ближнего в часы самого умирания его? О, и тут можно тем более или послужить, или повредить ближнему! Главное чувство, какое примечается в умирающем, – это чувство оставления. Ему не хочется оставаться одному, хотя пред самой последней минутой иные и просят всех удалиться от них. Итак, не надобно оставлять в одиночестве умирающего. Затем, одни умирают тихо, как бы засыпают, а другие – среди сильной борьбы: тот или иной образ умирания зависит более от качества болезни, а во всяком случае, поэтому еще нельзя каждый раз заключать об особенном достоинстве или недостоинстве умирающего; иной еще и искусственно показывает себя бодрым, тогда как в душе своей тем большие переносит борения. Умирание есть разделение дотоле нераздельного, рассечение на двое души и тела, которые всегда были вместе. Это и тайна, и страшная перемена в человеке. Итак, не следует смущать умирающего разговором о предсмертной борьбе, а во время самой борьбы – потрясать, беспокоить его чем-либо отвне, например, смотреть на него с страшным испугом, затруднять его какими-либо вопросами, напоминать ему о близких, которых он оставляет: все это может и предупредить его кончину. А особенно не следует у постели его громко плакать, или отчаянно стонать. Почему же? Потому, именно, что слух у людей умирающих позже всех чувств закрывается; к тому же, и умирают преимущественно к вечеру или к утру, когда кругом в природе бывает больше тишины. Этого рода беспокойство умирающему может помешать ему в предсмертной борьбе, затянуть эту борьбу и сделать ее мучительною. Посему у постели умирающего все должны оставаться в самом глубоком молчании (4Цар.2:5). Человек, человек! Не бегай от умирающих, потому что и сам умрешь!

Непредостережение себя и других, от опасности быть застигнутым скоропостижной смертью там, где видима эта опасность

Так, одни с крайнею неосторожностью хранят при себе огнестрельное оружие (весь кабинет у них обвешен ружьями да револьверами, из которых одни есть и заряженные). Другие столь же неосторожно держат у себя ядовитые или сильно действующие вещества, которые употребляются ими в ремесленной работе. Третьи в своих фабриках и у машин не предпринимают предохранительных мер против внезапной смерти, даже и тогда, как на известной машине их и в известном пункте уже были случаи убийств, а должны бы они с настойчивостью напоминать не только новым, но, по временам, и старшим людям, которые работают или обращаются у них в фабрике, что вот, в таких-то местах или пунктах, у машины надобно быть крайне осторожным, чтоб не подвергнуться смертной беде. Четвертые в иных случаях всего на шаг стоят от смертной опасности для себя и других, и не берегутся; так, например, держит иной в руках заряженное ружье, и допускает произойти выстрелу в человека, который идет мимо. Во всех этих обстоятельствах вменяемость несчастий, которые произошли или могли только произойти, доказывается на следующих основаниях:

а) вредные последствия для жизни были вероятны, или видимы, и

б) была возможность избежать их.

Здесь-то уже видим не просто неосторожность, или легкомыслие, беспечность, но и «дерзость». – Христианин! береги свою и чужую жизнь от явных опасностей, потому что жизнь у каждого только одна.

Язвительные слова ближнему, а особенно угроза убить его

«Язва язычная сокрушает кости» (Сир.28:20); *се Исав... грозит убить тебя»* (Быт.27:42). Не ровно слово: иное – язвительное – бывает убийственнее и меча для человека; а особенно угроза убийства способна потрясти человека, к которому относится, и надолго оставляет его в страхе перед угрожающим. Бывали случаи самой смерти после такой угрозы, хотя угрожавший и не прикасался к человеку угрожающему («убью тебя» было сказано одному, и он, весь расслабев, через два дня умер). Тут многое убийственно действует на человека с восприимчивой натурой со стороны уязвляющего его словами или угрожающего ему смертью: и громкий, дрожащий от гнева голос, и злобно-пронзительный взгляд, и дыхание, исходящее от переполненного злостью сердца, а иногда и прямо сила злого духа, с которым сблизился злой человек, способный произнести убийственную угрозу («зашибу тебя, все жилы тебе вытяну», говорит в злости своей). Для самого угрожающего опасна эта угроза, хоть бы она произносилась в одной запальчивости тем, что может развиться по искушению дьявола в желание и перейти в дело.

От тебя же, христианин, так как ты должен быть любовью «долготерпеливой и не бесчинствующею» (1Кор.13:1–5), то от тебя пусть исходит ближнему только искреннее благожелание здоровья!

Злая и нескрываемая ненависть

«*Всяк ненавидящий брата своего человекоубийца есть*» (1Ин.3:15), сказано прямо. От чего бы ни происходила эта ненависть, от затаенной ли зависти к ближнему, от сознания ли многих обид со стороны его, от усвоения ли себе ненавистливого характера в среде людей ненавистливых, от ложного ли убеждения, будто и стоит ненавидеть известного человека: во всяком случае, ненависть убийственна в отношении к другому. Тот, к кому она обращена и явно обнаруживается, не может быть спокойным. Сознание, что его ненавидят, да еще напрасно и, тогда как он старается угодить, заслужить честным образом любовь других, такое сознание тревожит его, сокрушает его дух: в этом самом и заключается человекоубийство. И вообще, ненависть есть зачаток убийства. В правилах церковных, когда она бывает явна, непримирима и злостна, полагается за нее такая епитимия: в случае смерти того, к кому выражалась ненависть или с кем была непримиримая вражда, ненавистник в продолжение 40 дней должен прощаться на могиле умершего (Номокан. ст. 127).

Ты, христианин, всячески воспротивься в себе чувству ненависти к ближнему, да еще напрасной, и обнаружение пред ним этого чувства, которое очень тонко передается ему. Воспротивься, потому что ненависть в самом основании противна духу истинно христианскому (Ин.13:35).

Отнятие чести у невинного или невинной (нравственное убийство)

«Добре мне паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит» (1Кор.9:15). Так, на тех людей, которым честь дороже существования на свете, отнятие ее действует убийственным образом. Например, убийственно для благонамеренного служаки, когда уничтожают все заслуги его по службе из-за какого-нибудь ничтожного ошибочного случая, и даже только ищут случая к этому: заслуги несомненны и всем известны, а по зависти и личной досаде говорят, что «их совсем нет», и предпочитают заслуженному – не имеющего ни одной заслуги. Еще хуже, когда и те, которые хорошо знают и обязаны засвидетельствовать о честных заслугах человека, осуждают его же пред всеми. Убийственна для невинной девицы или вдовы огласка о них пред всеми, будто они бесчестны: невинная Сусанна горько плакала, плакали также и родители ее, и родственники, когда бесстыдные два старца завинили ее пред всем народом в нарушении ею целомудрия (Дан.13:32–42). Это убийство ближнего есть «нравственное». Тут человек, особенно же глубоко верующий, всею душою сочувствует словам апостола: «лучше мне умереть...». Но бывали примеры, что оно оканчивалось и действительною смертью (Лавсаик, ст. 36). – Ты, христианин, сделавшись сам виновен в лишении пред всеми невинного лица чести его, не думай обвинять или подозревать это лицо в излишнем будто бы честолюбии. Тут не алчность чести снedaет его, а ревность о похвале своей пред собственною совестью и пред Богом. Итак, лучше берегись всякого случая отнять у невинного честь, хоть бы он тебе и не нравился, хоть бы был враг твой.

Не вполне заслуженное осуждение кого к лишению всех прав состояния или на самую смертную казнь

«Неповинна и праведна не убивай», прямо обличаются в убийстве те, которые *«судят суды неправедны, и неповинныя убо осуждая, прощая же повинныя»* (Дан.13:53). Неправедный судебный приговор сначала убивает дух подсудимого, а затем расстраивает его здоровье: расстройству здоровья предварительно содействует и тюрьма, где мало света, где смрадный воздух, недостаток движений, часто самая скудная пища, бездейственная жизнь. Если невинный впоследствии времени, по особенному Божию устроению, и оправдывается, если получит свободу и возвратится из тюрьмы или ссылки в свое место: все же его здоровье будет потеряно. И вот, за это-то расстройство здоровья его и сокращение жизни и будут в ответе пред Богом судьи, которые небрежно отнеслись к его делу, а также и те лица, который совсем напрасно подвели его под дело! Словом, здесь уже нравственное убийство соединяется и с телесным. – Затем, может состояться и быть выполнен даже смертный приговор не вполне соразмерно с виною преступника. От чего же? От разных причин. – От смелой клеветы на преступника, – смелой по тому самому, что преступник, казненный смертью, уже лишается возможности хоть впоследствии времени изобличить ее. От сильного негодования в первое время на него; потому что он своим преступлением беспокоил или целое общество, как например, зажигатель, или только тех, которые начальствовали над ним, как например, возмутитель или убийца в самой тюрьме. – А особенно, от поспешности суда и по жестокости сердца судей. В законе еще остается смертная казнь для исключительных преступлений. Но здесь важны вызов суда по этому закону и потом – самый суд. Закон далек от преступника, а, вызывая на него суд, который может окончиться для него смертью, и сами судящие видят или могут видеть всю глубину его злодеяния, все, что может смягчить его вину, например, раздражающее влияние на него других, или же увеличивать его наказуемость. И вот, здесь-то, в

этих-то двух пунктах (в вызове суда и производстве его) и может заключаться ошибка человеческого правосудия, которая запечатлевается кровью, да так запечатлевается, что уже навеки остается непоправимою. Главные виновники преступления, против которых направляем был смертный суд, и открываются впоследствии времени, например, из разговоров их же самих. Но уже все оказывается поздним! Таким образом, смерть преступника должна остаться на совести и тех, которые ошибочно вызвали на него смертную казнь, и которые неправильно определили ее. Вместе с тем, эти же самые лица отвечают и за вредные последствия, которые произвела на общество выполненная смертная казнь. А вредные последствия в таком случае особенно могут быть: тогда, например, многие потрясаются необыкновенною жалостью к казненному преступнику (падают в обмороки, не могут некоторое время после казни принимать пищи и спать); но найдутся и такие, которые ищут тут только удовлетворить своему бесчеловечному любопытству⁹⁴.

Читатель! Если ты, по своему частному положению в обществе, не имеешь никакой прикосновенности к тому, чтоб судить или вызывать такого рода суд, который тяжело отзывается на здоровье и даже на самой жизни подсудимых, – тебе остается одно, чего, однако, держатся и все добрые судьи, именно: жалеть и прощать в душе самых тяжких преступников. Относясь к ним с *«любовью, вся терпящую»* (1Кор.13:7), ты станешь на одной стороне с Церковью, которая прощает в таинстве покаяния, и напутствует к смерти молитвами, даже и приговоренных к смертной казни.

Жестокость к убогим и уродам

«Пред слепым да не положиши претыкания» (т.е. камня под ноги его, чтоб он споткнулся и упал) (Лев.19:14). Это до вреда слепым. В отношении же к другим, например, хромым, глухим, глухонемым, горбатым, зобным, калекам и параличным жестокость составляют: покидать их без всякой помощи, если иные из них нуждаются, как младенцы, в уходе и надзоре; преследовать их или прогонять от церквей и монастырей, чтоб они видом своего уродства не возмущали чувств, не расстраивали бы нервов, между тем, как здесь-то за отсутствием для них особого приюта самое приличное место им испрашивать милостыню; издеваться над ними, сильно бить их за проступки. Зачем же так поступать с несчастными? Они ведь беззащитны и нуждаются в особенном покровительстве, что доказывает самое слово: «убогий (у Бога)». Имея их под своим покровительством, Господь Бог внушает и нам жалеть их, а не теснить и убивать. Христос-Спаситель постоянно был окружаем убогими, которые ходили за Ним для исцеления и получали от Него исцеление: не трогательный ли это пример для нас оказывать человеколюбие к этим несчастным? Затем, все же они не звери, а люди, сколько ни безобразен и отвратителен вид некоторых из них. Когда их преследуют, или только брезгают ими, тогда те из них, которые сознают себя, еще больше ропщут на Бога, на свою судьбу, как, напротив, человеколюбивое и ласковое обращение с ними успокаивает их и будто сглаживает пред ними в эти минуты убожество их. Пусть одни из них сделались уродами сами от себя, от своей неосторожности или вследствие нетрезвой жизни, однако это не резон нам обращаться с ними в духе карательном за невозвратимые вины их. Не всегда они подлежат и какому-нибудь взысканию за свои худые поступки, по той самой причине, что некоторые не имеют совсем нравственных понятий (таково, например, состояние глухонемых от самого рождения), что по самой-то уродливости они более расположены к раздражению. Наконец, и то составляет недостаток милосердия

к уродам, когда состоятельные родственники их не дают им возможности обучиться грамоте или ремеслу, или достигнуть еще большего образования, иначе сказать, не дают им прав на человечество. Это касается особенно тех, которые глухонемые и, вместе, слепы от рождения или с раннего детства. Когда у человека нет ни слуха, ни языка, ни зрения: тогда он самый несчастный. Для него закрыт мир познаний; в нем преобладает чувственная природа; отвлеченное, духовное и чистое чуждо для него, хотя и в нем человеческая же душа; хотя скрывается и в его душе искра божественного. Долгое время неизвестны были средства, как помочь особенно этим несчастным уродам, как пробудить в них разум и свободу. Теперь же изобретен и особый язык для них (посредством пантомим и движения губ, или же путем осязания их).

Христианин! по примеру милосердия Божия и Христа-Спасителя, будь и ты милостив к убогим и уродам. При виде их вспомни о своем духовном убожестве, и этим расположи себя к смирению и покаянию ([Ин.9:3](#)).

Пренебрежение игрока опасностью для своей жизни на публичных зрелищах

Здесь человек ставит себя между двух состояний: «или получить рукоплескания от публики, или умереть вдруг». Так, например, на сценах «делают прыжки в виде полета птицы; ходят на высоте по канатам или по потолку вниз головою; остаются продолжительней минуты в воде, подобно рыбе (отсюда название: «рыба-человек»), пользуясь только тем воздухом, который раньше взят ими с запасом в грудь; играют с тяжестями над своей головой; взлезают на огромные и гладкие столбы; нарочито раздражают лютых зверей». Во всех этих играх и представлениях кто же не видит легкой решимости игроков расстаться со своею жизнью? И мало ли известно примеров смертей на этих сценах? (Положил игрок свою голову в пасть льва, и – лев оторвал ему голову, заметив, как кровожадное животное, откуда-то у него на лице знаки крови; вертел над собой силач целое бревно, и – после сотни опытов такого упражнения бревном ударил себе в голову). Здесь опасности для жизни должны быть по законам природы. Если же они предотвращаются, то потому, что иные игроки привыкают к ним с детского возраста, когда мягкие и гибкие члены могут быть приучены ко всяким движениям и положениям тела, невозможным уже в период возмужалости. Но, кроме внезапной смерти, здесь же весьма естественны особенные повреждения здоровья, например, разрыв мышц от сильных движений. На этот раз слишком укрепляются одна часть тела на счет других, непрерывные односторонние движения изменяют тело и располагают его к различным болезням. Итак, кто погибает от этого удалства, тот несомненно – самоубийца. А для кого оно проходит до времени благополучно, тот все-таки делает каждый раз покушение к самоубийству, получает болезни, сокращает свою жизнь. – Ты, читатель, и не имей иного взгляда на этих игроков и представителей как на пренебрегающих своею жизнью.

Решимость на преступные дела, соединенные с опасностью быть убитым

Так, женщина, решаясь только истребить во утробе незаконный плод, принятою отравою может повредить и своей жизни; человек, знающий соперника себе в своей злободетной связи, и, не смотря на явную опасность встретиться с этим соперником, идущий на постыдное дело, – идет, вместе с тем, на явную смерть, хоть, положим, не желает же себе смерти; грабитель, пускаясь на грабеж и разбой в такие места, где есть вооружение или где нельзя не предвидеть сильного сопротивления, также частью решается быть самоубийцей. О, вы, безжалостные к самим себе! Зачем вы решаетесь умереть не только без христианского приготовления, как умирают другие скоропостижною кончиною, но даже среди самого порока, в пылу постыдной страсти? Ведь в таком случае грешник как есть, скверный по душе и телом, ступает ногою во гроб и вдруг является на тот свет к своему бессмертному Судье!

Пьянство, непременно сокращающее, а иногда и скоропостижно прекращающее жизнь

«В вине не мужайся: многих бо погуби вино» (Сир.31:29). Прежде всего, пьянство само по себе сокращает жизнь; потому что в вине заключается огонь, который, хоть медленно, но верно сожигает, или иссушает жизнь. Это яд «алкоголь», как начало всех спиртных напитков. Если употреблять его в чистом или цельном составе и большими мерами, то от него непременно застигнет человека скорая смерть. Но, если он употребляется и умеренно, однако часто, то располагает также к болезням и, между прочим, дает наклонность учащать и увеличивать приемы его (отсюда быстрое развитие привычки к спиртным напиткам). Невоздержанный человек, выпив снова вина, чувствует в себе теплоту, делается развязнее и веселее; если он был болен, то забывает тогда про свою болезнь; ему, наконец, думается, что вином-то он и поддерживает свою жизнь, что без вина он только болел бы. Но все это ложные чувствования. Вино, действительно, ускоряет кровообращение, оживляет, горячит: но, в то же время, и ослабляет тело до изнурения. Пьяница поутру чувствует головную боль, раздражается от всего; затем у него трудное дыхание, расстроен желудок, слабеют ноги (от вин известного рода), дрожат руки, слепнут глаза. Таким образом, жизнь его постепенно истощается, если он не перестанет совсем пить. – К этому часто присоединяются и случайные повреждения его тела в нетрезвом виде. Например, как часто упившийся падает, ушибается, захватывает себе сильную простуду от погоды, которой побережся не умел, или от холодной воды, которою хотел утолить внутренний жар, – ознобляет себе руки или ноги! – Пьянство имеет связь и с другими пороками такого рода, которые разрушительно действуют на здоровье. Оно вызывает эти пороки или страсти как нечто сродное себе, например, распутство, курение табаку, напряжение груди, во время веселого пения или только бессвязного крика. И вот, вполне естественно, что жизнь пьяницы, особенно со слабым телосложением, так же быстро

истощается, как скоро сгорает свеча, если жгут ее с обоих концов. На сколько времени сокращается его жизнь, определить невозможно; потому что одному Господу Богу известен срок жизни каждого, потому что иные люди умирают рановременно от разных причин. Но верно, что люди, во всю жизнь свою не перестающие упиваться, никогда не бывают долговечными. Чем раньше кто из них начал упиваться вином, тем скорее оканчивает свою жизнь: тут большею частью и крепкие телосложением *«не преполовят дней своих»* (Пс.54:24). Если же иногда видим пьяницу и престарелых лет то, потому только, что этот человек нажил себе страсть уже под старость свою, или же предавался ей с большими промежутками времени (переставал на несколько лет пить, и опять начинал). Что же, ужели все это не самоубийство, хоть медленное и ненамеренное? Ужели можно сомневаться, что от пьянства раньше приходит старость и самая смерть? Сознают это и сами пьяницы, но уже поздно, т.е. тогда, как слягут в постель или будут застигнуты злой чахоткой. Но, если пьяница человек семейный и бедного состояния, то тянет с собой к потере здоровья и других: дети его часто или голодают и зябнут в нетопленной избе, или простуживаются от недостатка теплой одежды. Жизнь, значит, гаснет кругом.

Но вот, она нередко и вдруг прекращается от пьянства! Опьянивший смел на все: пускается плавать, и – тонет; сильно погоняет дорогой коней, и кони разбивают его. А кого же это более находят на дороге мертвыми, израненными, замерзшими? – Нетрезвых. Сколько примеров самосгорания от вина! сколько случаев белой горячки, а за нею самоубийств! – И все это терпят, на все это необдуманно решаются люди ради только жидкости спирта и вин, к которым под конец уже и неспособны чувствовать вкуса! – Ты, читатель наш, всяким хранением охраняй себя от пристрастия к спиртным напиткам. И умеренность, но частовременность на этот раз, ведет к нетрезвости. Частовременность же в употреблении вина встречается еще больше, чем грубое пьянство. Пусть бы оставалось для нас с тобой вино только принадлежностью радостных встреч и случаев в жизни, да подкреплением

ослабевших сил. В последнем случае советовал и апостол Павел употреблять его «стомаха (желудка) ради...и частых его недугов» (1Тим.5:23), но с таким дополнительным словом: «мало приемли».

Непредвиденные и нежелательные убийства и самоубийства

Случайное или невольное убийство

«Иже...убиет ближнего...не ведя» (Втор.19:4). Так, кто-либо хотел камнем или палкой защититься от злой собаки или от зверя, но попал в человека, который проходил мимо и умер вот от этого удара (Вас. Вел. пр.8). Другой метил из ружья в птицу или в цель; но не зная, что вблизи есть тропинка для пешеходов, попал там в проходящего человека. Третий, испытывая свое ружье и подвергшись припадку судорог, также ненамеренно застрелил человека. Иной дорогою не мог удержать коней, испугавшихся или разъярившихся от чего-либо (а в конно-железной карете не успел остановить поезда), и замял до смерти человека встречного. Тот легким чем хотел наказать и исправить виновного, между тем, удар оказался смертельным (Вас. Вел. пр.8). Этот, защищая себя от чьих-либо дерзких побоев или от вора-разбойника, думал лишь обессилить соперника, но увлекся страстью злобы, и нанес сопернику смертельный удар в опасное место. А иной, хоть и не увлекался гневом, хоть помнил себя, и только по чувству правды хотел сделать боль человеку виноватому: его нельзя обвинить ни в дерзости, ни в какой-либо неосторожности; потому что он не употреблял ни железного, ни деревянного оружия, которого и тяжесть, и острота, и стремление чрез большое или малое пространство, когда бы оно было брошено, представляли удар очевидно опасным; он действовал одной рукой, но за всем тем сделался убийцей. Как же надобно думать об этих убийствах? Они, скорее, несчастье, чем преступление, потому что произошли совершенно независимо от воли тех лиц. Однако же и невольные убийцы непременно подлежат церковной епитимии: по правилам Василия Великого на 10 лет (прав.11 и 51), а по определению Агкирского собора – на 5 (Прав. 23); например, взаимное и злостное поражение нападающего разбойника судится здесь на основании слов евангельских: *«вси, взявшии нож, ножом погибнут»* (Мф.26:52). (А также и воинам, хотя не их дело отказываться от войны, Церковь советует после кровопролитного сражения не

быть некоторое время у св. причастия, чтоб успокоилась их душа, равно, и тех лиц, которые видели на них человеческую кровь (Вас. Вел. 13; снес. Чис.31:17–24) – Ты, христианин; моли Бога и всегда ходи пред Богом во смирении духа, чтоб и одна капля чужой человеческой крови против намерения твоего не пала на тебя! И нечаянное убийство, о! это также будет тяжелый камень на твою совесть.

Доведение кого через себя до внезапной смерти или до самоубийства

Можно так довести человека до смерти, вовсе не желая и не предполагая ему умереть. Так, Давиду, когда он втайне и смертно согрешил пред Богом, было сказано и затем пред ним исполнено: *«сын твой родившийся тебе смертью умрет»* (2Цар.12:14). Наказания за особенно тяжкие грехи определяются Господом Богом. И человек, когда тяжело согрешает, должен опасаться быть наказанным, однако ж он не может вперед знать род своей казни. Но вот, иногда и казнит его Бог смертью кровного лица! Так, слишком взыскательный человек, отнюдь не предполагая и не желая чьей-либо насильственной смерти в среде тех, на кого обращена была его нестерпимая взыскательность, доводит иного малодушного до самоубийства. – О, и все подобные лица, сделавшиеся причиною внезапной смерти или самоубийства другого, должны слезно каяться пред Богом с преданием себя праведной воле Божией и с извлечением себе отсюда уроков на целую жизнь!

Убиение кого или только покушение на чью-либо жизнь во временном беспамятстве

Горячечный бред, просонки (как бы опьянение от сна), бодрствование во время сна (снисхождение, лунатизм), расстройство душевных способностей от продолжительной бессонницы, потеря всякого сознания в нетрезвом виде: все это при особенном насилии врага-дьявола приводит некоторых к человекоубийству, которое отличается еще особенными жестокостями. Положим, нельзя вменять человеку в вину его болезненное и совершенно бессознательное состояние, в котором он совершает страшный грех; например, и в здоровом сне уничтожается вменяемость (спящий не отвечает за вред, который произошел кругом его); а тем более не может иметь вменения сон болезненный. Однако же часто бывают виновны те причины, которые постепенно расположили человека к бессознательному состоянию: а пьянство в этом случае и совсем не признается причиною, которая бы уничтожала вменяемость. Да; в состояние временного беспамятства человек приходит более от своих же грехов и пороков. Притом, и в это время (как и в сновидении) он, большей частью, отыгравает тем, что в здоровом состоянии его занимало (богомольный, например, и в горячке шепчет больше молитвы, а разбойник бредит убийствами). Затем, без сомнения, виновно непредохранение себя от того, чтоб сделаться убийцей; например, кто спросонок кидается куда ни случилось, а равно, и ходящий по ночам лунатик, если знают про свое болезненное состояние, не должны держать вблизи себя на ночь какое-либо оружие. (Так, когда один из этих лиц был пробужден, то схватил со стола нож, употребляемый для резания хлеба; и бросился на того, кто пробудил его). – Христианин же имеет от Бога ангела-хранителя, который в минуты бессознательного преступления его не отступил бы от него, если б он раньше не удалил от себя этого доброго духа своими богопротивными делами. – Все это и приводит к тому заключению, что в беспамятстве совершивший человекоубийство или покушавшийся на такое преступление,

когда придет в память и сознание, должен принести глубокое сокрушение пред Богом. – Ты, христианин, моли Бога прежде о том, чтоб не быть тебе в каком-либо расстройстве душевных способностей, а затем – чтоб ангел-хранитель не отступал от тебя и в минуты постигшего беспамятства!

Побои беременной женщине, от которых последовали преждевременные роды или самая смерть ее младенца

Преждевременное рождение младенца, большею частью, оканчивается и преждевременною смертью. Следовательно, жестокие побои беременной, от которых она преждевременно разрешилась, составляют грех убийства, хоть не только не умышленного, но и очень медленного. Затем, извержение младенца мертвым (выкидыш), по правилам Церкви, вообще, признается убийством⁹⁵, т.е., и в том случае, когда бы не было ни чьего злонамеренного насилия матери. Следовательно, мертворожденность прямо от побоев матери есть несомненное убийство. В Ветхом Завете убийца беременной осуждался на смертную казнь, если побои были нанесены во второй период ее беременности, т.е., когда младенец был уже развившийся (*изображен*) (Исх.21:22–23). Кроме того, бийца виновен и в том, что подвергает опасности жизнь самой матери. – Ты, сердобольный христианин, храни всякую беременную и только от устатка (например, не томи ее пред собой на ногах), – уступи ей всегда дорогу, исполни какую-либо просьбу ее к тебе прежде других просителей.

Повреждение здоровья чужого и своего

Оскопление себя и других

«Да не входит каженник и скопец в сонм Господень», было сказано в Ветхом Завете (Втор.23:1). По правилам церковным сам себя оскотивший отлучается на три года от таинств⁹⁶; а кто оскопил другого (и не по причине болезни) собственными руками или велел оскотить, или же оказал покровительство оскопителям, тот отлучается от Церкви⁹⁷: первый признается за самоубийцу, а второй – за убийцу⁹⁸. Скопцы произвольно толкуют слова евангельские: «уже искажиша сами себе царствия ради небесного» (Мф.19:12). Здесь, собственно, разумеется борьба с плотскою похотью до подавления в себе полового влечения, до удаления от себя блудной мысли. Но здесь совсем нет речи об отсечении членов, подобно тому, как нельзя же буквально понимать внушение «отсечь десную руку» или вырвать глаз, когда последние соблазняют (Мф.5:29–30). А главное: скопцы не достигают же высокой, духовной цели целомудрия оскоплением себя. Известно, что и у них сладострастные пожелания возникают через воображение, да притом – с особенным неистовством. Так как «от сердца исходят прелюбодеяния, любодеяния», то прежде и более всего они должны бы в самом сердце отсекал сладострастные пожелания (Сир.20:4; 30:21), иметь бы борьбу со страстью внутреннюю. А, между тем, они не заботятся об этой борьбе и не имеют в сердце чистоты и страха Божия. Вместо этого они насильственно уродуют себя, из человека каждый из них делает себя получеловеком с тою целью, чтоб не творить плотского греха. Таким образом, они должны отвечать пред Богом и за внутреннее нецеломудрие, и за нарушение Божьего творческого закона о (физической) целостности тела, и за лишение себя долгой жизни, примеров которой между ними, действительно, не бывает. – Пожалей, православный, о заблуждении этих людей!

Нанесение увечья ближнему или самому себе произвольное и даже злонамеренное

Виновны те люди, которые изувечивают других или самих себя не случайно и невинно, но от какой-либо своей прихоти или порочной страсти, например, на охоте с ружьем. Они оскорбляют в другом или в себе самих «создание Божие»⁹⁹, которое увечьем обезображивается: особенно виновно на сей раз обезображение лица. Увечные накликают себе какую-либо местную болезнь и укорачивают самую жизнь; так, например, горбатый никогда не достигает до глубокой старости. – Тем более поставляются в вину злонамеренные членоповреждения, например, чтоб избежать военной службы; чтоб привлечь сострадание других видом увечного, собирая милостыню; чтоб избавиться от исправительной или каторжной работы. Это уже не несчастье, располагающее к состраданию, а вид преступления, которое отталкивает и от увечного. – Христианин! помни, что тебе нужно, вместе с духом и душою, сохранить «*во всей целости*» и тело свое в пришествие Господа Иисуса Христа (1Фес.5:23), и что на этот раз похвально было бы только на теле носить «язвы» Его (Гал.6:17).

Предание человека слабого и беззащитного в руки сильного

«Не предаждь раба в руке господина» (Притч.30:10). В таком случае, предатель участвует в тех притеснениях, побоях и истязаниях, которые терпят им выданный или выданная. Слабый и беззащитный человек, как бы дитя, плачущее на дороге, естественно вызывает только на сострадание и помощь. Еще «предание» сильному может быть и «нравственно»; так, например, в тяжбе предают бедного богатому, в обиде оставляют обидимого в распоряжение обидящего, в споре по делу какому отступаются в пользу сильного и злого человека с ущербом слабому. Отсюда слагаются для слабой и беззащитной стороны страдания нравственные, которые вредно действуют на здоровье. Христианин! слабым и ты всегда можешь быть в каком-либо случае или положении при самой силе своей. Итак, не выдавай сильному слабого, наперед видя в последнем самого себя.

Вред человеку своею собакою или иным животным

Забаву ли кто находит для себя, когда пугаются от его собаки, или пусть без такого злого намерения, только по одной охоте и по пристрастию, держит при себе злое животное, которое, между тем, кидается на посторонних: в обоих случаях этот человек вредит ближнему. Он подвергает ближнего опасности быть укушенным его животным или сохранить в целости платье (опасность та или другая часто и постигает постороннего). Он затрудняет к себе вход и бытность у себя тем, которые имеют до него нужду или желают видиться с ним. Если эти посетители знают о его животном злом или нескольких животных, наполняющих его двор, а часто живущих и в самых приемных комнатах его, то, обыкновенно, и входят к нему каждый раз и во все время остаются у него не иначе, как в ежеминутном страхе встретить нападение от животных его. Если совсем не знают о его бессловесных сожителях и, придя к нему, вдруг встречают лай, вой, нападение, в таком случае, страх и еще сильнее. Но страх, о котором идет речь, убийствен для тела; потому что он холодит человека, приводит в дрожь, не дает сердцу двигаться свободно, за этим сильно утомляет, а, таким образом (если повторяется часто или продолжается долго), с несомненным вредом действует на здоровье, особенно детей. И пусть хозяин дома или квартиры старается прекратить лай и нападение своих животных на постороннего (чаще всего тут сыплются брань и проклятия на злое животное). Но впечатление уже последовало, страх уже наведен. – Рассудите же, добрые люди – ради чего какой-либо хозяин собак так волнует кровь своих ближних, которые ищут свидания с ним, да и сам приходит в минутный гнев, останавливая лай или нападение своего животного? – Ради одной охоты забавляться бессловесными. Какое неразумение! Но не дороже ли должен быть для него ближний?

Заплевание другому

«Не удерживаются плевать пред лицом моим» (Иов 30:10), жаловался Иов на оскорбление со стороны негодных людей. Так как заплевание допускается более в бешенстве, или в сильном гневе, то слюна человека в это время вредит здоровью другого человека, если попадает на болящую, непокрытую кожу: она производит в большей части раздражение. С другой стороны, плюнуть человеку в лицо составляет самое чувствительное огорчение, почему в некоторых странах (как, например, некогда в Аравии) совсем запрещалось плевать в присутствии других. А огорчение также не обходится без вреда здоровью ближнему.

Ты, степенная душа! Не имей и одного намерения, или не выражай одной готовности сделать другому заплевание, как часто нескромные люди выражают это (например: «плевать бы ему..., плевать на тебя хочу»).

Занесение в чужой дом прилипчивой болезни

«Да изгонят из полка всякого прокаженного» (Чис.5:2), было сказано в Ветхом Завете. Поэтому «десять прокаженных мужей» (которые встретили Иисуса Христа) «сташа издалеча» (вдали) (Лк.17:12). По чувству человеколюбия следует всячески оберегать тело ближнего от болезни, а не переносить к нему, или из своей семьи в чужую свою болезнь, как, например, оспу, корь, скарлатину, гнилую горячку. Яд обыкновенный, физический или мертвый (например, мышьяк) вредит только тому, кто принял его в себя. Но из этих болезней каждая способна сообщаться, или пристать, и к другому. Это значит прилипчивость. Прилипчивая болезнь от одного больного или только зараженного может распространяться чрез прикосновение, от испарины или дыхания, более и более может возрождаться в каждом живом человеке, если больной свободно прикасается, а здоровый особенно восприимчив. Таким образом, вполне виновен первый, как не щадящий своего ближнего от заболевания. Но, с другой стороны, не прав и второй, как не оберегающий самого себя или свою семью от восприятия заразы. А если же нужда заставляет пойти к больному или быть с больным, от которого легко заразиться, то здоровый может и должен употреблять предохранительные средства против прилипчивости. Это, например, особенная чистота на себе (частое обмывание лица, рук, преимущественно же во рту), чистота воздуха в комнате и движение на открытом воздухе, неглотание слюны вблизи больного и недыхание его дыханием, а главное всего – христианское мужество духа. – Ты, христианин, так-то и поступай в последнем случае, когда, например, по христианскому человеколюбию должен будешь послужить больному. Не могут же всегда служить прилипчивые больные таким же больным (только в древности прокаженные соединялись в кучки для взаимных услуг) (4Цар.7:3). И не составляй ты себе нового прилипчивого яда из боязливости и уныния ввиду заразной болезни.

Сообщение заведомо порочной болезни

«Предати такового... во измождение плоти» (1Кор.5:5). Яд любострастной болезни убийственнее всех прочих ядов по силе своего распространения. Притом, он неприметнее других, пока не достигнет известной степени своего развития, или пока не начнет выходить наружу. Таким образом, иные могут уже болеть, но не знают о своей болезни; другие могут заражаться (имея одну постель с зараженным лицом или прикасаясь к нему нижними частями своего тела, прикрытыми тонкою кожицею), между тем, как сами остаются невинными. Первая вина здесь, значит, падает на того, кто своим грехом или развратом приобрел себе худую болезнь. Но виновны, однако, и те, которые стыдятся открыть про свою болезнь (как, например, женский пол), заметив ее в себе. Особенно виновны сообщающие ее другим, прежде чем сами излечились от нее; так, например, иная больная поступает в кормилицы или няньки, и в этом случае загубляет здоровье самого невинного существа. Но в высшей степени тяжкая вина тех людей, которые передают другим худую болезнь тем же беззаконным путем, каким и получили ее сами. Это враги общественного здоровья. С одной стороны, они усиливают собственную болезнь, а с другой – заражают ею здоровых, наконец – передают ее потомству, хотя здесь она является в другой уже форме: в золотушной болезни, в хилости сложения и т. п. Так иногда и родители, зараженные худой болезнью, передают ее своим детям. Надобно помнить, что яд ее может скрываться в теле и после видимого излечения; следовательно, может сообщаться другим и в это время. – Так-то, читатели, плотской грех в плоти же наказывается. И на что бы еще сильнее побуждения удерживаться от этого греха, или от разврата, как яд скверной болезни после него, который скоро и неожиданно может человек захватить, согрешая?

Продажа или даренье заведомо в пищу чего-либо, вредящего здоровью

Кто с сознанием продает, особенно во время эпидемии гнилую рыбу, или только пойманную в мутной, гнилой воде во время засухи; мясо от падшего скота, например, во время скотского падежа; испортившиеся плоды; уже очервившиеся какие продукты; а также окислое вино; ядовитые грибы вместо ядомых; незрелое пиво в рынке (весьма часто случается); или же предлагает в продажи пищу, приготовленную в посуде оловянной или медной, которая худо вылужена – тут за несколько монет губит здоровье других и хочет нажиться на счет здоровья ближнего. А кто только отсылает к другим в дар такое съестное, которое находит для себя самого вредным или которым пренебрегает из-за гнилости; тот и лицемерит пред ближним, и относится к ближнему в рассуждении его вкуса и здоровья, как бы к животному¹⁰⁰. – Ты, благоразумный христианин, помни, что и материалы пищи важны для здоровья даже вот до какой степени: если одна какая-либо пища употребляется очень долгое время, то способна изменить в человеке и телосложение, и наружность его, особенно у молодых, наконец – самый характер и умственные способности. Итак, качеством пищи не вреди здоровью ближнего, как и своему.

Изнурение другого чрезмерными трудами по должности или на работе

«Кийждо брата своего да не отяготит в трудах» (Лев.25:46). Есть, между тем, люди, которые сами нисколько почти не занимаются делами своей должности и слагают все бремя этих дел на другого, который имеет собственные занятия, а главное – слаб здоровьем. Иные же делают и сами, но, желая по каким-либо личным расчетам сделать больше, – уже не дают совсем покоя ни днем, ни ночью другим, над которыми старшинствуют (например, своим сослуживцам в конторах, в канцеляриях и типографии). Некоторые, чрезмерно преследуя свои материальные выгоды, заставляют рабочего до крайнего изнурения сил обрабатывать положенную ему плату или жалованье, – не дают ему вздохнуть. Все это значит: «хоть умри, да делай». Пусть сами изнуряемые так не просят себе облегчения, например, по своей скромности или из опасения огорчить отказом в занятии старших себя. Таким образом, разрушая свое слабое здоровье, они постепенно доходят иногда до гроба. Но молчанием их не могут оправдываться в расстройстве их здоровья и в преждевременной смерти те, которые наложили на них не по силам бремя трудов, между тем, как имели право и возможность облегчить для них это бремя. Тягость их трудов они должны бы чувствовать по собственным человеческим силам, должны бы примечать особенно по тому очевидному признаку, что они худеют, стараются поскорее сесть или лечь после занятий, сказываются больными и лежат действительно в постели. Есть тут бережливость здоровья и жизни других? частью не убийство ли это? А особенная вина обременять другого тяжким трудом прямо с тою целью, чтоб истощить его силы (надсадить), как некогда поступали египтяне с евреями (Исх.1:11). – Ты, христианская душа, будь жалостлив к слабосильным, возлагая на них труды. Примечай благовременно, как бы они не пали под бременем трудов, возложенным от тебя.

Крайнее изнурение самого себя занятиями по должности, ремеслу или в торговле

«Труд глупого утомляет его» (Еккл.10:15); «Бдительность над богатством изнуряет тело, и забота о нем отгоняет сон» (Сир.31:1). Когда силы человека непрерывно возбуждены или напряжены; когда он не дает себе ни малейшего отдыха; отказывает себе и в прогулке на свежем воздухе или же, напротив, не уходит с улицы, работая; когда не уделяет определенного или только свободного часа, чтоб подкрепить себя пищей (для обеда и ужина); мало спит ночью, не хочет заснуть и днем, не смотря на позыв ко сну, который всего вернее доказывает нужду отдохновения; когда таким-то образом он проводит жизнь свою изо дня в день по пословице «вечно суетится»: тогда неизбежно укорачивается его жизнь. Он слишком тратит сумму ее, много издерживает соков, и, если при этом не имеет еще и хорошей пищи, скоро худеет, а склонный к чахотке – быстро чахнет. Затем, в самом основании неумеренность в занятиях по службе, по ремеслу и для торговли преступна. Она происходит или от честолюбия, или из корыстолюбия, а более всего – от современной роскоши. Роскошь-то, которая в каждом сословии ныне своим образом проявляется, она-то увеличивает нужды, и для удовлетворения нужд заставляет браться за многое, решаться на новые и новые дела, или только удвоить утром меру прежнего занятия¹⁰¹. Христианин! Пощади и свою телесную природу от изнурения. Лучше ведь ленивый слуга, чем больной и отживающий свои дни. Так и тело – слуга нам до тех пор, пока здорово.

Нарушение чужого сна по дерзости, или только без всякой нужды и осторожности

«Аще успе (уснул), спасен будет» (выздоровеет) (Ин.11:12). Да! сон – признак и условие здоровья. Он вознаграждает для нас за прошедший день трату сил наших, душевных и телесных. Он наделяет нас новыми силами, так что после каждого сонного отдыха мы как бы молодеем. Он доставляет нам такую же отраду, как отрадна в жизни надежда на будущее: отнимите у человека то и другое, т. е. сон и надежду, и он будет чувствовать себя самым несчастным. Сон даже такое имеет влияние на здоровье и жизнь, что ни от чего человек так скоро не упадет силами, как от совершенной бессонницы, а вообще в жизни ни от чего не может столько стариться, как от недостатка сна, а при недостатке, и от безвременности его. (Общим же правилом для сна в продолжение суток можно положить, не говоря о людях очень молодых или же очень престарелых: не меньше шести часов и не больше восьми). Итак, если сон столь дорог для человека, если он существенно необходим для всякого животного, то нарушать – прерывать его у ближнего по одному грубому своеволию или нетерпеливости – очевидная вина. Кто не удовлетворит пропорций своего сна (не выспится), тот, обыкновенно, чувствует себя слабым, вялым, неспособным к делу. Умственные способности его бывают как-то неподвижны. Он расположен к гневу и скуке, потому что мозг и нервы у него раздражены. Еще хуже, еще опаснее пробудить человека и без его желания или заказа – вдруг, без всякой осторожности, с грубым криком или ударами. В таком случае, от испуга может иной заболеть (особенно дитя), получить какой-либо телесный недостаток (косноязычие), в бессознательном состоянии сделать вред себе или другим, и, наконец, совершенно расстроиться умственными способностями (бывали примеры). Без сомнения, ночной и особенно полуночный (в 11–12 часов) сон более всего должен быть оберегаем. Но так как некоторые по слабости своего телосложения или по роду своих занятий

или по привычке вставать рано утром имеют нужду и в послеобеденном сне, то не следует мешать чьему-либо сну и в эти часы. Незаснувший по привычке после обеда, или безвременно пробужденный чьим-либо громким говором или пением, или музыкой, или стуком дверей, также чувствует себя больным, хоть и на не продолжительное время. Особенную дерзость составляет, когда так или иначе, но, во всяком случае, без нужды, будят трудно засыпающих или весьма чутких к пробуждению; таковы, например, люди чувствительные, а также те, которые много работают умственными способностями. – Ты, читатель наш, всегда береги покой и сон других, хоть бы иной был тебе вполне подчинен или послушен! Безвременно и вдруг можно нарушить чужой сон только по такой нужде, как некогда Апостолы решились разбудить спящего на корме лодки Учителя своего (Мк.4:37–38).

Незаботливость о здоровье и долголетию своем и других

Пренебрежение объявленными предостережениями против эпидемии, особенно злонамеренное

«И прежде недуга врачуйся» (Сир.18:19). Здоровье есть драгоценный дар Божий. Это «свет жизни». Его вполне оценивать могут только больные, которым и не нужно ни чинов, ни капиталов, ни дворцов, а лишь бы быть здоровыми и оторваться от постели: если войдем в госпитали и больницы, то во всей силе и мы, здоровые, почувствуем цену здоровья. Итак, надобно всеми мерами хранить свое здоровье; например, во время какой-либо свирепствующей болезни не следует употреблять в пищу и в образ жизни того, что легко может вызвать болезнь. Грубое это заблуждение, будто «кому суждена смерть, тот, сколько бы ни берегся во время ходящей болезни, заболит и умрет». Нет; благоразумная предосторожность относительно пищи, занятий и движений, которая объявляется советом врачей, может предупредить развитие эпидемии, и разве только резкие перемены после прежней жизни или же излишний страх подвергнут иного болезни. Как можем мы надеяться, чтоб Бог хранил нас, когда мы сами себя не храним, когда предпочитаем захворать и лечиться, чем зайти вперед ходящей болезни? Заблуждением надобно признать и то, «будто предостерегаться от болезни, которая очевидно послана Богом, как наказание за грехи, значит избегать наказания Божия». Здесь совсем не такое бегство, как бежит преступник, приговоренный к казни. От правосудия Божия, положим, убежать никуда нельзя; но стараться быть пощаженным от него, например, и посредством естественных предосторожностей, – это еще не вина. Никто не знает, кому именно суждено в общем наказании эпидемической болезнью умереть, как, напротив, каждый может думать, что не все же умрут от этой болезни. Особенно не по-христиански поступают те, которые злонамеренно пренебрегают предъявленными мерами для предотвращения болезни; например, говорят, будто народная болезнь произошла от злых людей, будто карантинные правила со стороны правительства имеют целью не здоровье народное, а

что-либо другое. В таком случае пренебрегают здоровьем не своим только, но всего народа, и преступно очень это нарушение карантинных правил, хоть бы оно не сопровождалось вредными последствиями. – Христианин! похрани себя во время губительной болезни возможным для тебя, и указываемым тебе, хранением: тогда – веруй тому – Господь Бог будет хранить тебя великим Своим хранением.

Нехотение совсем лечиться в тяжелой болезни или же лечение у знахарей

«Не требуют здравии врача, но болящии», – вот слова Самого Господа Иисуса Христа (Мф.9:12). Значит, лечиться позволительно и помощь врача для больного необходима. А один из апостолов Христовых (Лука) был, вместе, и врачом (Кол.4:14). Рассуждение, будто «лекаря не помогут, если Бог не спасет» правильно в том только смысле, что при лечении не следует исключительно надеяться на лекарей, которые действительно не спасут без помощи Божией. Успех лекарств, которые они дают, показывает нам ни более, ни менее, как то, что болезнь определена нам не смертная; и в этом случае должны мы смотреть на врачей, как на служителей милости Божией к нам. Но зачем же искушать Господа Бога желанием чудесного исцеления и обходить средства против болезни, Им же приготовленные в природе? – Если б лекарства помогли, то не Его же ли это была бы всемогущая помощь? кто вложил в какой-либо маленький корешок, в какое-нибудь ничтожное растение целительную силу, как не Он, Творец наш? Если врачи спасают иных от угрожавшей смерти, кто же привел их к этому искусству тысячами вековых исследований и опытов, как не Бессмертный наставник всех (Сир.38:1)? А когда в иной болезни природа сама себе помогла, и разве было употреблено малое руководство больному со стороны врача, кто опять, как не Творец, так устроил природу больного, что она среди явной опасности возобновилась одной внутренней своей силой, кто как не Он наделил природу этой силой? – Лечиться же, напротив, у знахарей или у старых женщин, которых искусство не засвидетельствовано законным порядком или от правительства, а также врачевать самому себя тайными составами и в медицине неодобренными снадобьями: все это значит слишком небрежно относиться к своему здоровью. А так, обыкновенно, относятся к нему люди суеверные, упрямые, сберегающие свои деньги на лекарства и лекарей. Если и умудряет Бог иных без науки лечить, то от одной какой-либо

болезни. А, между тем, часто знахарь берется лечить одним своим лекарством от всякой болезни: как же можно вручать ему свое здоровье и самую жизнь? – Христианин! Мы не читаем тебе медицины. Но Церковь не может не позаботиться и о телесном здоровье своих чад; потому что человек, как свою душу, так и тело, имеет от Бога; потому что при добром здоровье он более может делать добра. И тебе Церковь желает, прежде всего, чтоб ты, живя правильною жизнью, не нуждался в помощи врачей и лекарств. Но, когда же застигнет тебя тяжкая какая болезнь, она внушает тебе скорее восстановить свое здоровье лечением, только разумным и правильным.

Нетерпеливость в болезни

Между тем, больной *«Иов сядяше на гноищи вне града»* (Иов.2:8). Для него не было ни дома, ни больницы, ни больничной кровати, ни лекарств. Притом, болезнь его постигла после того, как сряду много бед обрушилось на его голову. Однако, этот праведник до конца вынес свою болезнь. А вот наша-то нетерпеливость на одре болезни: жалуются, что негде им взять для лечения врача; ропщут на медленность лечения, когда начал пользоваться врач; чрезмерно досадуют, что человека не имеют послужить им, да передвинуть их на постели; или же не довольны и самими услугами окружающих; думают, будто здоровому не остается ничего терпеть, тогда как и уход за своенравным больным требует от него великого терпения; тяготятся тем, что долго болеют, между тем, как расслабленный находился в болезни 38 лет (Ин.5:5); представляют себе, что никто больше их не страдает от болезни, тогда как есть страдающие гораздо более из числа знакомых же им, и только они не слышат рассказа о чужих страданиях; говорят, что охотнее понесли бы они другой крест или другое несчастье, между тем, как не во власти человека определять себе то или другое посещение Божие. Такими нетерпеливыми во время болезни показывают себя чаще те, которые болеют в первый раз и для которых, вообще, страдания – дело непривычное. Но они своею нетерпеливостью только усиливают болезнь; обременяют семейных и родственников, которые ухаживают за ними, обременяют ненужными беспокойствами; а, если служат им посторонние лица, то и отталкивают от себя прислуживающих; между тем, надлежало бы им благодарить последних даже за самые малые услуги и своим образом беречь их. Чтоб во время болезни избегать всего этого зла или ослабить его, чтоб не прогневать Бога и на самом одре болезненном, мы должны преждевременно, в здоровом состоянии, размыслить о том или приготовить себя к тому: как же лучше можем сохранить непобежденным болезнью свой дух? В самых же тяжких страданиях или в болезненной своей

беспомощности можем приближаться мыслью к Господу Иисусу Христу, Который «язвен бысть за грехи наша» (Ис.53:5); в этом общении чрез свои болезненные страдания с божественным Страдальцем мы найдем твердое подкрепление и утешение. – Болеющий телом христианин! Верю – верю я, что тебе тяжело сохранить терпение, если особенно болезнь твоя медленная, нервная и мучительная. Но умоляю тебя, хоть раз перенеси благодушно свою болезнь и не погубляй мзды своей пред Богом чрезмерною нетерпеливостью!

Пренебрежение во время болезни и при обыкновенном лечении духовными врачевствами

«Разболеся Аса... болезнью зельнейшею: и ниже в немощи своей взыска Господа» (2Пар.16:12), говорится к осуждению болевшего царя. Слово Божие дает нам заповедь: «злостраждет ли кто в вас, да молитву деет.... Болит ли, да призовет пресвитеры церковныя...» (Иак.5:13–14). Итак, во время болезни и при употреблении обыкновенных лекарств необходимы духовные врачевства. Это, например,

1) Внутреннее сознание, что болезнь заслужена грехами. Она, и действительно, есть последствие греха. Имя ее в библии упоминается в первый раз тотчас за грехопадением наших прародителей (Быт.3:16). Если, же больной разделяет со всем человечеством грех, если грешник он, как и все; то и несет вместе со всеми одинаковое наказание за грехи – болезнь (Рим.6:23). Не потому каждый болит, будто болезни неизбежное зло в природе человеческой, но по связи с болезнями грехов (Ин.5:14). Когда больной не усвоит себе такого понятия, т. е., когда не будет внутренне и глубоко сознавать о себе пред Богом, что он «грешен и потому-то страдает от болезни»; тогда и Божие намерение не выполняется над ним относительно болезни, которая попущена ему, и страдает он от своей болезни вдвойне. Да; первейшее чувство души, или самое главное сознание больного должно быть обращено к тому, что болезнь его имеет связь со грехом. Прекрасно каждому винить себя за болезнь с этой именно стороны. Тогда-то *«по множеству болезней моих в сердце моем утешения твоя возвеселиша душу мою» (Пс.93:19).* – Затем, рассматривая себя и в частности, или отдельно от других, больной часто, если не всегда, находит первоначальную причину своей болезни в собственных погрешностях, внешних или внутренних, или же нравственных в тесном смысле. (Так, из десяти случаев, когда заболевает человек, разве однажды – дважды не сам он накликает на себя болезнь легкомысленным небрежением о своем здоровье, неумеренностью в телесных наслаждениях и т.

п.? На словах мы ценим свое здоровье, как первое благо в жизни: «здоровы ли», говорим мы, встретившись; «будьте здоровы», говорим при прощании. Но на самом деле очень мало дорожим своим здоровьем. Почти одни старые люди начинают с особенною осторожностью избегать всех причин, которые могут расстроить их здоровье, поступая на этот раз подобно прожившемуся богачу, который после роскоши и расточительности своей старается сберегать последние рубли).

2) Чтение больным – когда и сколько он может – библии, которую нужно назвать «духовной аптекой» для него, причем, более применительными могут быть псалмы (Пс.15, 22, 30, 37, 38, 41, 76 и др.) а из Евангелия те места, где описываются страдания больных и исцеление их Иисусом Христом (Лк.7:11–15; 8:40–56; 14; и 15; и мн. др.). Тут же должно быть размышление о будущей жизни, которому благоприятствует досужное время болезни.

3) Служение молебна, а для кого возможно – и особой литургии, «о недужном», как это полагается в чинопоследовании молебных пений.

4) Обращение к святым целителям: Пантелеймону, Косме и Дамиану, или же к тем святым, к которым верующий – больной привык во всякое другое время обращаться, а также – молитва пред чудотворными иконами, где они есть.

5) Призывание благословения Божия и на искусство врача, который лечит, и на силу лекарств, которые прописывает врач и которые нужно принимать каждый раз с крестным знамением.

6) Принятие таинств исповеди, св. причащения и елеопомазания. Оно должно быть, прежде всего, искреннее, с верою, а не по такому земному желанию, чтоб избавить себя и родственников от судебного-полицейских дознаний.

Затем – без замедления, когда сознание остается полным и нет еще особенного ослабления духа от телесной болезни, когда дух заранее может утвердить свое господство над слабеющею плотью. (А то, как, например, в болезни с воспалением мозга – у больного надобно уже ловить мгновения, чтоб он успел помириться с Богом). Несуеверное, или с боязнью и неохотою до такой степени, что сказать слово: «нужен священник» как бы

значит произнести себе или выслушать от других смертный приговор. Наконец, в продолжительной болезни надобно стараться принять исповедь, а особенно св. причащение, несколько раз, чтоб более ободрить свой дух и успокоить сердце, особенно в страданиях такого рода, которые слишком расстраивают состояние души. (Так, например, в болезни печени человеку представляется все в черных красках; тогда видим мы больного особенно строптивым, раздражительным, нетерпеливым и упрямым. В болезнях желудка замечаются особенное уныние, робость, а в нервных – крайне падает его воля, ослабляется действие умственных способностей).

Все эти духовные средства, укрепляя и спасая душу, всегда благотворительно действуют вместе с тем и на тело, – восстанавливают больного от болезни или только временно облегчают его в болезненных страданиях. Если присмотреться к его положению со стороны духа, то увидим, что дух его каждый день, а то и каждый час, переменяется: то он делается скучнее и печальнее, то его вид просветляется. И вот здесь-то самое могущественное влияние имеют духовные христианские врачества! Проницательная и добросовестная медицина всегда засвидетельствует об этом влиянии христианских утешений на душу больного, как и о пользе его относительно выздоровления для тех, которых болезнь еще не к смерти. Для такой медицины, или для умного врача-христианина, тело человека не животный только организм наравне с телами бессловесных, но сосуд, приношенный к высшему, духовному и вечному назначению.

Как же после всего этого ошибочно и погрешительно поступают те больные, которые пренебрегают во время своей болезни духовными врачествами или только медлят прибегнуть к ним, – которые ближе поставляют себя к врачам телесным, а не ко Врачу душ и телес! Рецепт врача еще может быть малополезен для них или же по ошибке прямо вреден; однако не боятся они призвать врача. А пособия веры во время болезни – еще повторим – всегда будут полезны душе и телу, и священник ни в каком случае не принесет к ним вредного или опасного врачевства.

Христианин! если тебя постигнет тяжкая болезнь, почитай дороже всего евангельские врачевства и не полагайся безусловно на врачей, чтоб чрезмерною надеждою на них не продержать себя дольше в постели или не лишиться совсем выздоровления, как лишился его царь Аса.

Раздражительность и ярость, умаляющая дни

«Рвение и ярость умаляют дни» (Сир.30:26). Раздражительность, гнев¹⁰², досада, злопамятство, злоба, вражда¹⁰³, все это не одно и то же, хотя и сходственны между собой. Но по отношению к здоровью из всех видов гнева больше вредит раздражительность. Иначе она может названа «горячностью, вспыльчивостью, желчью». Ярость – высшая степень ее. Отличительное в ней вот что: быстрота – кратковременность. Она составляет «вскипание крови около сердца». Отсюда и естественен вред от нее для здоровья. Сердце воскипит и кровообращение ускорится. И пусть бы тем оканчивалось дело. Но в раздражительности есть другая отличительная и свойственная черта: частовременность и, как бы, непрерывность гнева. Еще не успел человек успокоиться от первого гнева, и при новом поводе к нему снова гневается, как бы кипящая в горшке вода. Это-то самое и препятствует восстановлению его истощенных сил. Отсюда раздражительный, обыкновенно, болеет и худеет. Раздражительность его тем более вредит ему и виновна в том случае, если он не исправляется от нее, имея слабое здоровье, или после того, как понес в своей жизни величайшую скорбь, которая способна была бы сделать его терпеливым (Рим.5:3). Что до ярости, то это гнев по-преимуществу телесный, или обнаруженный (Пс.57:5), хотя также до полноты гнева она не достигает. В ярости сильно изменяется вся наружность человека. Глаза ярого наливаются кровью, волос подымается, у одних лицо бледнеет, а у других багровеет, дыхание делается тяжелым и громким, ноздри как-то расширяются, зубы иной раз скрежещут, руки производят всплескивания или стучат, ноги движутся на топот. Если в эти минуты поставить человека перед зеркалом, то он не узнал бы, или устыдился бы самого себя: «муж ярый (прямо сказано) не благообразен» (Притч.11:25). После такого разгорячения появляется на человеке пот, а утомление чувствуется им в высшей степени. – Скажите: не убийство ли это самого себя? Не умаление ли дней жизни, хотя

и незаметное, медленное и никак не намеренное? Христианин! как всякая страсть развивается от повторений, так и подавляется она устранением случаев проявляться ей. Когда, например, мы бываем у посторонних лиц или в дороге, тогда совсем не раздражаемся, стыдясь новых лиц и не видя около себя тех, в обращении с которыми привыкли мы раздражаться. Будем же избегать всех случаев и встреч к раздражению, будем отнимать пищу своего раздражительного характера, и он сам собой исчахнет.

Усвоение себе угрюмого характера

«Мужу печальну засышут кости» (Притч.17:22). Можно быть угрюмым к пустым развлечениям и вредным удовольствиям жизни, но не к чистым радостям ее, как, например, наслаждение прекрасной природой, обращение с добрыми и умеренно-веселыми людьми, домашний семейный круг. Угрюмый характер вредит процветанию жизни, превращает чистый жизненный ручей в стоячее болото. Множество испытанных в жизни измен со стороны людей; мысли и заботы о будущем для себя или для семьи и страх за будущее – все это не вполне же справедливые причины к усвоению себе угрюмого характера. – Христианин! ты помни наставление: *«благодушествует ли кто, да поет»* (Иак.5:13).

Многоедание и многопитие без сытости

«Во мнозех брашнах (во многоедании) недуг будет, и пресыщение приблизит даже до холеры» (Сир.37:33). Сыт человек, а все еще продолжает есть; пил он столько (чаю, пива и т. п.), что, казалось бы, не должно быть никакой жажды, а все еще он продолжает пить. У него забота не о том, чтоб быть сытым и не чувствовать жажды, чтоб подкрепить свои силы пищей и питьем. Он не держится благоразумного правила: по мере и качеству своих трудов то увеличивать, то уменьшать количество своего питания. Страдая недугом многоедания и многопития во всякое время, он любит только испытывать приятное ощущение от стола (от процесса питания), – любит быть дольше в том состоянии, когда ему естся и пьется. Такое многоедание и многопитие, во-первых, недостойно человека: не для пищи человек живет, а пища дается ему Богом для поддержания жизни. Затем, его чрезмерная сытость вредит здоровью. Кто ест и пьет до переполнения своего желудка, и особенно при этом с малыми промежутками времени, или весьма часто, а, таким образом, не дает отдыха своему желудку, не оставляет желудок нисколько пустым, хоть истощает силы желудка, подвергается порокам пищеварения и не столько ест, сколько сам сдается от хлеба, худея и получая худые соки. И невинное питье вредит здоровью, если бывает в излишестве, частовременно или не своевременно: от него желудочный сок разжижается, и пищеварительная сила желудка также ослабевает. Да; как временное воздержание в пище (большие, роскошные обеды), так и привычное (т. е. обжорство) не помогают. Нас питает только та пища, которая сваривается, а не все то количество ее, в каком потребили мы ее. Хотя много мы съедаем или выпиваем, но только немного, а остальное просто пропадает. – Читатель! Помни, что умеренная и преимуществу простая пища, без разных приправ и пряностей в высшей степени полезна для здоровья: поэтому и диета во время заболевания, указываемая самою природою, бывает одним из первых лекарств против болезни. Итак, ты, любя свое

здоровье и сберегая его, как дар Божий, избегай многоядения и многопития¹⁰⁴.

Скверноядение в разных видах с сознанием

Оно состоит:

а) в принятии пищи или питья, которые запрещены в законе Божиим; это например, чайка или молоко от животных, имеющих нераздвоенные копыта (Лев.гл.11). Подобная пища называется в слове Божиим «осквернением душ» (Лев.11:44). Но, без сомнения, как запрещенная она вредна и для здоровья; например, мясо свиней, которые не жуют жвачки и по природе нечистые животные, самая трудноваримая пища; от него происходят нечистые соки,

б) в принятии пищи и питья вместе с собаками или кошками (с одной тарелки), затем – из неомытых и скверных сосудов (Лев.11:23), из такой муки, или соли, или воды в колодце, которые осквернились прикосновением к ним нечистого животного: в таком случае, освящаются по чиноположению церковному и сосуды, и хлебные припасы оскверненные, и сами люди скверноядшие.

в) в ядении и питье вместе с такими людьми, которые почитаются нечистыми, например, идолопоклонник и, вообще, некрещенный, а также еретик¹⁰⁵ (1Кор.5:11). Впрочем, в случае нужды не возбраняется есть вместе с этими людьми, а также не поставляется в вину принять пищу прямо из рук язычников, если б кто находился в плену у них и в подобном тому положении¹⁰⁶; в таком разе «вместо большего зла избирается меньшее»,

г) в принятии пищи, которая, хоть сама по себе не запрещена законом Божиим, но осквернилась, быв принесена в жертву идолам (1Кор.11:28). Наконец:

д) в ядении и питье среди бесстыдных песен, пляски и музыки, которые нарочито придуманы и употребляются по найму или домашним образом для удовольствия во время стола (Ис.5:12 снес 7 Всел. 22).

Для нас же с тобой, православный христианин, скверноядение во всех этих видах, кроме вреда здоровью, несвойственно в высшей степени еще и потому, что мы

приступаем к божественной трапезе Христовой, что и обыкновенная, домашняя трапеза наша должна напоминать нам ту духовную трапезу!

Ношение одежды, вредной для здоровья

«И сделал Бог Адаму и жене его, одежды кожаные, и одел их» (Быт.3:21). Давая жизнь человеку, Творец не имел намерения одевать его. Первоначальным назначением одежд было чувство стыдливости¹⁰⁷, которое требовало прикрыть обнаженные тела, и защита от воздуха и прочих стихий. Но греховность и суетность человека допустили и постоянно допускают в одеждах различные видоизменения, сверх естественной необходимости в них, или искание лучшего и изящного, или различия сословного. На этот раз почти рука об руку идут греховность одежд со вредом их для здоровья. Здоровью удовлетворяет, вообще говоря, одежда просторная, покойная, которая не стесняет тела в движениях, не прижимает или не трет частей тела и нагревает его соразмерно, а главное, соответствует времени года, климату и погоде. Между тем, у нас многие и многие из одежд, особенно женского пола, так и говорят о том человеке, который носит их, что этот человек не желает себе здоровья и готов лучше умереть, чем одеться не по моде. Так, например, относительно материи иные носят (на этот раз только по недоумению и по привычке) – носят непосредственно на теле шубы и шерстяные ткани, которые, между тем, излишней теплотой расслабляют тело и с трудом пропускают сквозь себя испарину. По форме одежд: вредна перетяжка (шнуровка), которая более или менее остается и доныне, как у женского пола, так, в своем роде, и у мужчин, особенно около груди и живота. Она затрудняет дыхание, препятствует кровообращению, а отсюда производит биение сердца и, вообще, стесняет развитие тела. Платья у девиц без рукавов или – равносильно тому – прозрачные кисейные рукава вредно действуют на обычные¹⁰⁸ женскому полу. Поднятие (в прическе) волос кверху вместо более естественного направления их к задней части и по сторонам, а также множество шпилек и булавок при головных уборах, производит головную боль и нервные припадки. Шарфы на шее у мужчин, даже и не в мороз, заставляют держать шею кверху и

вытягивать ее, частью задерживают в шейных сосудах проходящую кровь, которая вместо того приливает к голове, и предрасполагают к действительной простуде. Относительно климата и времени года: в северном климате носят те же платья и наряды, которые употребляются за границей, в теплых странах, преимущественно, во Франции, где возникает мода на эти наряды и оттуда она переносится в Россию; таковы, например, пуховые шляпы у мужчин и воздушные шляпки с неувядающими цветами у женского пола, которые носят зимой и в которых ожидают подолгу экипажей у подъезда; такова узкая и легкая обувь на ногах в зимнее же время, между тем, как ногами-то человек, главным образом, и соприкасается холоду. Отсюда легко наживаются горячки, воспаления в голове и легких, чахотка и ревматизм в ногах. (Но по русскому климату гораздо вернее и полезнее были бы вместо легких головных покровов меховая шапка или повязка головы платком, вместо безрукавного немецкого плаща-бекеш, вместо батистовых сорочек – ситцевые). Читатели и читательницы! не следуйте, вопреки опыту и здравому рассуждению, в ваших одеждах одной суетности и моде, чтоб не ослабить вредными одеждами и без того некрепкое ваше телосложение. Повторяем: избирайте и носите такие одежды, которые дают вам свободно дышать, без всякого затруднения двигаться и действовать, зимой достаточно греют, а летом прохлаждают. (В первом случае по материи – могут быть, если дозволяют средства, одежды суконные и шелковые, а по цвету – темные и черные, всасывающие в себя более теплоты; во втором – белые и светлые, которые отражают от себя солнечный свет и, таким образом, прохлаждают). При этом тех одежд, которые удовлетворяют здоровью, и не меняйте быстро в общем во имя только новизны.

Пренебрежение опрятностью, чистоплотностью и другими условиями для сохранения здоровья

«Да будет и внешнее их чисто» (Мф.23:26). Сколько вредят люди своему здоровью и долговечности, следовательно, погрешают против своей жизни – Божьего дара, – когда неопратно содержат свои дома, да и сами на себе не соблюдают надлежащей чистоплотности, не пользуются возможными средствами для укрепления своего тела! Так, прежде всего еще и не стараются поселиться на высоких местах, а особенно умеренно-высоких, где воздух легко и скоро очищается ветрами, где отдалены земные испарения и хорошая вода. Между тем, без нужды устраивают себе дома или на болотной почве, или с большим углублением в землю, да и тут с недостаточным основанием (фундаментом), так что земная сырость по этому основанию прямо проходит в стены дома (окна нужно бы обращать в северных странах на восток, а в южных – на северо-восток). Делают под домом помещения для домашних животных; редко метут свои храмины: не отдаляют от жилых своих помещений зловоний, которые кроме неприличия портят воздух в комнатах и на дворе; загромождают двор свой нечистотами; не возобновляют по временам воздуха в погребах, где хранятся материалы для пищи, оттого скоро и гниющие; подолгу не чистят колодцев или не допускают быть там течению воздуха, вследствие чего вода делается соленою. – Нечистоплотно содержат самих себя, свою кожу, которая отделяет от себя испарину и пот, составляет главную опору нашего здоровья. А нужно бы так содержать в чистоте свою кожу: умывать и обливать тело, особенно в жаркое время и в жарком климате (польза умыванья доказывается и тем, что у некоторых верований оно вменяется в строгую религиозную обязанность); принимать ванны, которые могут быть или умеренно-теплые, или умеренно-холодные, или же паровые (русские бани); делать купанья в реке, а при неумении плавать – в купальнях, которые, впрочем, уместны и при банях, но пользы которых не могут заменить бани. Только все эти

действия, поддерживающие чистоплотность и дающие после себя почувствовать человеку освежение и крепость тела, если употреблять их с осторожностью, все они не должны сталкиваться с пищеварением, но быть или до стола, или же через несколько часов после стола. – Дышат спертым воздухом. А таков особенно воздух в местах увеселительных (например, и в театре). Здесь от скопления народа воздух слишком напитывается животными испарениями, а таким образом, излишнюю сумму воды и углекислого газа производит в слабых людях кружение головы, стеснение груди, трепетание сердца, слабость тела. (Но не таков воздух в Божием храме, в который призывают христианина нужды духовные и долг богопочитания. Там и при многочисленном собрании народа воздух отлично очищается курением росного ладана, не говоря уже с духовной стороны о том, что и самое дыхание предстоящих бывает более или менее чистое, легкое, а не страстное и греховное. Там и огонь при множестве свеч, держимых в руках, и в тесноте народа, как например, во время пасхальной заутрени, никогда почти не производит вреда). – Не имеют или мало имеют движения физического на открытом, свободном воздухе, отвыкают быть на природе. Между тем, умеренное движение на улице, т.е., только бы не до утомления тела, не до изнурения пищеварительных органов и не до притупления самых умственных способностей, такое движение и прогулка каждый день пред обедом или же утром и не поздним вечером весьма полезно действуют на здоровье. Они сообщают всем действиям тела легкость, правильность, а духу свежесть, отдохновение. Они излечивают от болезней, например, от слабости нервов и полнокровия, и от некоторых душевных. Они в особенности предотвращают простуду, столько обыкновенную у нас болезнь; потому что лучшее средство от простуды каждый день несколько позябнуть. Наконец, некоторые быстро переходят от жара в холод и обратно; употребляют прохладные напитки при разгоряченном теле, например, на балу, в клубе после усиленных движений; не стараются сохранить в целости свои зубы (очень важное условие для долговечности). И такой образ жизни ведут не от

бедности, а от скупости, или же по лени, по небрежности, далее по предрассудку какому.

О, благоразумный христианин! не пренебрегай и этою наукою: как сохранить здоровье, как упрочить его для старости. Старайся узнать и затем применять к делу хоть самые основные условия к сбережению своего здоровья!

Чрезмерная изнеженность в жизни

«Во всем представляюще себе...в терпении мнозе, в скорбех..., в теснотах» (2Кор.6:4–5). Кроме того, что чрезмерный покой и довольство несвойственны нам в настоящем падшем состоянии¹⁰⁹, они вредны и для телесной жизни. Напрасно стараются устранить в обстановке своей жизни всякую тяжесть, всякое неудобство и окружают себя негой, и в физическом, и нравственном отношении. Физическую негу составляют: покойная мебель, чрезмерно-теплое содержание себя и боязнь каждого сурового ветерка, пища, большею частью, уже переваренная, или утонченная с помощью поварского искусства, чувство каждой малой усталости и малой головной боли, привычка лечиться и т. под. К душевно-нравственной неге относятся удаление от себя всякой сколько-нибудь обременяющей заботы, бегство от неизбежной даже тревоги, например, от грома летом и нечаянных пожаров, словом – жизнь как бы в виде игры. Если подобные опыты всегдашней изнеженности еще нельзя назвать средствами, прерывающими жизнь; то, несомненно, они укорачивают ее и тем опаснее, чем менее приметны и страшны. Чрезмерная и постоянная изнеженность в жизни, обыкновенно, раздражает органы и силы человека, или делает их слишком чувствительными, слабыми, предрасполагает человека к болезням. Она особенно вредна для людей молодых, которым еще легко нежиться в чужой счет (у родителей), а трудно будет, когда должны будут содержаться собственными средствами. Слишком изнеженный, как и ленивый, не пользуются долговечною жизнью. На сто человек, которые дожили до глубокой старости, отказывая себе во многом волей или поневоле, мы не найдем и одного такого, который бы всегда жил во всякой неге, и достиг престарелых лет. Таким образом, читатель, не желай себе чрезмерной изнеженности и в отношении к твоему здоровью.

Семь дел телесного милосердия к ближнему¹¹⁰

О человеколюбии вообще

Православная Церковь определила по семи дел милосердия к ближнему, телесного и духовного, как особенные обнаружения христианской братской любви. В этом определении она имела в виду двоякую природу человека, до которого относится оказываемое милосердие; в выборе самых дел милосердия она руководилась евангельским текстом о последнем суде и вообще, словом Божиим; перечисляя те и другие дела милосердия, желает тем более напечатлеть их в нашей памяти и тем вернее обязать нас к исполнению их, подобно тому, как в деловых каких-либо бумагах или в обыкновенных письмах мы поставляем другим пункты с тою именно целью, чтоб даны были нам ответы прямые и полные, так как люди любят уклоняться в ответах. Это прекрасное исчисление дел милосердия полезно для нас еще и тем, что в нем каждый из нас видит возможность оказывать ближнему, если не ту, то другую и третью милостыню. И действительно, милосердие к ближнему в смысле *милостинных* дел есть необходимый долг каждого христианина. Оно имеет неразрывную связь с самою верою (Иак.1:27). Где чистая православная вера, так последствием ее является чистое же милосердие к ближнему. Впрочем, и не одно и то же: вера и доброта к ближнему. Иногда неверие или маловерие говорят к успокоению себя: «что мне догматы и заповеди веры? Вот вся моя вера: делать добро человеку!» Напрасное успокоение! Добро делает человеку или оказывает другим свое человеколюбие и магометанин. В этом смысле человеколюбие (гуманность) и милосердие христианское имеют большую разность. Укажут ли на примере Корнилия сотника, который был язычником, значит, не имел правильной веры, и, однако, заслужил Божие благоволение делами своего человеколюбия? Да; человеколюбивые дела Корнилия прямо названы милостынями. Но только впереди их поставляются молитвы его: *«молитвы твоя и милостыни твоя, взыдоша на память пред Бога»* (Деян.10:4). А молитвы уже предполагают веру и не могут

быть без веры в Бога, хотя, положим, эта вера в самом Корнилие была неясная, или, как только естественное неведение. Нет! православная вера должна быть сама по себе, а человеколюбие само по себе. Но, чтоб человеколюбие было христианскою добродетелью, чтоб удостоено было награды (награда же за него Царство небесное), для этого-то и требуется чистая, живая вера. Спаситель, призывая милосердых к царству небесному, говорит: *«понеже сотворите единому сих меньших, Мне сотворите»* (Мф.25:40). Значит для оправдания на страшном суде делами милосердия, для вечной награды за них, нужно быть человеколюбивым (гуманным), собственно, с мыслью о Христе, с любовью ко Христу и с любовью чрез Христа к ближним. (Отсюда прекрасный, истинно православный обычай простолудинов при подаении милостыни бедным креститься и говорить: «примите Христа ради!») Значит, вместе с тем, не столь легко получить царство небесное в награду за дела милосердия к ближнему, как думают некоторые и потому считают на сей раз счастливыми богатых людей, которые имеют-де средства быть милосердными. Где чистая вера и теплая любовь ко Христу, там предполагается готовность исполнять всякую заповедь евангельскую, всякое правило церковное. И, следовательно, там бывают и молитва, и самоотвержение, и лишение себя во многом. Милости и милостыни наши ко ближним в сравнении с другими добрыми делами, только скорее преклоняют на милость к нам самим Господа Бога (Евр.13:16), искупают наши грехи (Дан.4:24). После этого понятно также, что милостыня бедным по поводу увеселений (после спектаклей, аллегри и каких-либо других забав, и игр) не есть евангельская. Евангельскую милостыню нужно делать для Христа, да и со Христом, или с благодатью Христа (Ин.15:5). А на увеселения будто можно ходить со Христом? Посему милостыня после, так называемых, *«благотворительных увеселений»* разве только есть дело человеколюбия? у многих и многих здесь нет и мысли о бедных, трогающей сердце и привлекающей к пожертвованиям. Притом, и человеколюбие это такое, которым унижается человеческое достоинство бедных до того, как питали бы животных

крупницами, падающими со стола (веселятся-потешаются, и бедным оставляют куски хлеба или объедки). Для чего же смешивать святую милостыню с суетными увеселениями? почему бы святое не творить особо?

Ты, православный христианин, остановись на том, что чистое человеколюбие (гуманность) не может быть вне пределов веры и что доброта к ближнему не заменяет веры, ни есть самая вера, напротив – без веры она всегда нечиста и непрочна. Чтоб угодить Господу Богу каждым делом милосердия в отношении к ближнему, чтоб удостоиться за милосердие вечной награды, ты милосердствуй для Христа, с приближением себя ко Христу в духе веры и любви, с живым припоминанием себе Его слов: *«Мне сотвористе!»*

Алчущего напитать

«Взалкахся бо, и дасте Ми ясти» (Мф.25:35). Одни из телесных милостынь относятся к сохранению жизни ближнего, а другие к особенным бедственным (критическим) обстоятельствам его. На самом первом месте полагается напитать голодного. Кто это голодный? Каждый, которому не откуда и не на что взять пищи, хоть бы он был вовсе не бедный. В таком голодовании может оставаться иной всего на один день. Милосердый христианин и предлагает ему свой стол, видя его голод, и, если делает это без надежды на взаимное хлебосольство, то уже по евангельски питает алчущего. Затем, здесь разумеются продолжительно голодующие, хоть так же еще не нищие; это, например, семья, которой глава питатель болен, или отлучился, или слаб силами, так что не может один справиться с пропитанием семьи. На сей раз особенно уместна тайная милостыня, которую заповедует нам Евангелие (Мф.6:1–4) и пример, который видим в жизни свят. Николая Чудотворца, бросавшего ночью кошелек с золотом к обедневшему отцу семьи. (К сожалению, только иные из простолудинов относительно тайной милостыни держатся предрассудка: думают, будто ночная милостыня, хоть бы была и малая, равняется большой – дневной. Мало того. Прибегают и к лукавству: чтобы не подать большего, нарочито подают ночью и что-нибудь слишком малое, например, кладут под окно сухарь). Далее: есть голодающие случайно во время неурожая, которым требуется помочь уже общими силами и без замедления, в пользу которых, кроме Церкви, и правительство приглашает к пожертвованиям. Наконец, есть всегда или на неопределенное время голодные, как, например, престарелые и беспомощные обоого пола, вдовы с малыми детьми и малые же круглые сироты. Такие голодающие сами придут к нам и попросят у нас хлеба. Христос Спаситель, напिताвший пятью хлебами пять тысяч человек, с благоволением принимает и от нас каждый кусок хлеба, который мы подаем во имя Его. Но кто имеет состояние, тот прекрасно сделает, если будет по временам

собирать к себе в дом нищих и кормить их у себя, например, во дни воскресные, по случаю своих именин или поминовения близких родственников. (В древности равноапостольный Константин на такое кормление нищих употреблял через служителей Церкви в год до 8 тысяч хлебов). Господь наш по Своему примеру прямо заповедует нам такое прекрасное гостеприимство: *«когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых»* (Лк.14:13). И что же тогда? *«И блажен будешь, что они не могут воздать тебе»* (Лк.14:14). Ныне у нас развита более общественная благотворительность, чем частная. Но и там, где устроены богоугодные заведения, где единоличная милостыня заменяется общественной, и там даже представляется возможным сверх этого буквально исполнить евангельскую заповедь о питании алчущих. Тем более эта заповедь удобоисполнима в малых городах и селах. Повторяем: прекрасно во многих отношениях это кормление у себя алчущих. Почему же? – Потому что иное дело только распорядиться о милостыне, отделить из кошелька несколько копеек или рублей для нее, и иное послужить собственными руками нищим. Иное дело выполнять милостыню заочно, на листке бумаги, в котором предлагают подписать пожертвование на приют нищенский, и иное вести милостыню лицом к лицу, с живой нищетой, сидеть и ухаживать около нищих. И первое хорошо, а последнее еще лучше. В последнем случае человек гораздо более развивает в себе христианскую доброту и человеколюбие. Словом, в непосредственном нищепитании вполне чувствуется сила слов: *«блаженнее есть паче даяти, нежели приимати»* (Деян.20:35). Тогда более счастливым сознает себя не тот, кого питают, но кто питает. Это блаженство, счастье, скрывается и в сознании очевидной добродетели, и в радости за голодного, который остался доволен трапезой, и в утешении своей совести. Да такой (животной) милостыней и злоупотреблять нищие не могут. Злоупотребляющим нужны не хлеб-соль для утоления голода, а деньги, которые бы они могли обратить на прихоть. Денег же здесь нет: так тунеядцы и изобличают себя здесь явно тем, что не приходят к нашему столу.

Милосердная христианская душа! Не отвечай: «Бог даст» просящему у тебя на дневное пропитание, если можешь подать не всем, так хоть некоторым просящим, и, если не имеешь очевидной причины признать просителя за тунеядца. Отвечая так, ты отсылаешь от себя нищего, голодного к Богу, между тем, как Бог к тебе посылает его. Итак, во имя Божие, с верою во Христа, не откажи голодному! От такой милостыни вполне освобождаются только нищие же, да еще те, которые истинно могут сказать о себе: «мы оставили все» (Мф.19:27), т. е. какие-либо пустыnnики или миссионеры-проповедники.

Жаждущего напоить

«Возжадася, и напоисте Мене» (Мф.25:35). Кто это жаждущий? Всякий, кто хочет пить, но сам почему-либо не может утолить своей жажды; например, проходящий куда или нуждающийся в питье воды (как весной) из колодца, из источника, которые могут быть не общим владением, подобно реке, а принадлежать известному хозяину, находятся на дворе его. Какого рода питье разумеется здесь? Прежде всего, естественное, или простая вода («студены воды», сказано (Мф.10:42)), которую всякий имеет. Затем, может быть принято здесь питье и несколько искусственное, как квас, более утоляющий жажду (Ин.19:28–29), даже иногда важное для привыкших к нежному, как чай. Но, во всяком случае, питье невинное. Почему же оно вменяется в услугу? В Палестине за скудостью вообще источников и чаша студеной воды томимому жаждой могла считаться благодеянием; кроме того, здесь принимается во внимание некоторый труд, например, сходить за водой или почерпнуть воды, как черпала и наливала Ревекка посланному от Авраама (Быт.24:26). Собственно, Господь Бог обещает награду даже и за такую ничтожную милостыню вот почему: чтобы расположить нас вообще к человеколюбию, чтобы и сами бедные или нищие, которым, обыкновенно, делается милостыня, знали (и исполняли), как и они не лишены, в свою очередь, оказать милосердие к ближнему, потому что легко могут принести или подать напиться жаждущим. А главное вменяются здесь в заслугу внутреннее побуждение и расположение, т.е. и опять вера во Христа: «во имя Мое, яко Христовы есте» (Мк.9:41), а также братская духовная общительность. Отсюда уже видно, что не всякое напоение жаждущего вменяет заслугу пред Богом, что множество самого вкусного и также бесплатного питья для утоления невинной жажды, например, во время прогулки в саду какого-либо богатого человека не стоит и одного стакана воды. Но все ли и всегда оказывают даже такое малое милосердие ближнему? Бывает, одни скупятся напоить, другие ленятся, третьи

предлагают питье окислов, негодное, которое, притом, дается за деньги (не вышел запас питья, а нужно выручить за него деньги, как при железных дорогах, и угощают окислым). Но редкие-редкие утоляют жажду ближнего с верующею мыслью о Христе. Христианин! подивись милосердию Божию: как оно и за стакан воды обещает воздаяние, как ищет только, за что бы нас наградить!

Нагого одеть

«Наг, и одели Меня» (Мф.25:36). У евреев нагим назывались недостаточно прикрытые от холода и зноя, а также и слишком худо одетые (Деян.19:16; Иов.22:6). Того же рода нагие, т.е. а) дрожащие от холода и стужи и б) ходящие в рубищах, в лоскутках, разумеются и здесь. Летом и солнечная теплота дополняет одеяние нищего. Зимой же он зябнет, дрожит и близок к простуде; потому что и на плечах-то у него тонко, и на всем теле коротко, и на ногах просто. А, если он, вместе с тем, и несyt, то в зимнее время больше чувствует суровость воздуха; потому что кровь от скудной пищи мало его греет. Итак, почему бы нам не уделить от себя в пользу полуобнаженного хоть одну из своих одежд, которых полон гардероб? Но, если не всегда готовая одежда может прийтись по плечам полуобнаженного (нищие малютки, обыкновенно, закутываются в длинных подаянных кафтанах), то почему бы богатому человеку не иметь у себя в запасе теплые одежды, обувь и рубашки, чтобы в случае нужды тотчас же одеть полуобнаженного? (В редкость такие умные христоролюбцы). Затем, как же это допустить, чтоб ближний наш ходил в таком рубище, которое, скорее, можно положить на пол, под ноги, чем на плечи творения, созданного по образу Божию? как видеть нищего в тех же лоскутках и в той же черноте даже во дни великих праздников или же когда он приступает к святым тайнам Христовым? (Рубашка не сходит с плеч несколько месяцев и пожелтела от пота, а обувь снизу пустая...) Итак, и на сей раз *«имеяй»* только *«две ризы, да подаст не имущему»* (Лк.3:11). О праведном Товите говорится, что он был *«одеяние нагим»* (Тов.1:17). Божия Матерь и последние две одежды Свои отдала двум вдовам¹¹¹. И ты, милосердый христианин, не откажись, если можешь, надеть на плечи полуобнаженного одну из собственных твоих или же купленных тобою одежд. Тогда ты оденешь Самого Христа: тогда, поверь нам, эта риза или только нижнее платье – рубашку, которые будут поданы тобою нищему

и в твоих же, может быть, глазах надеты им, будут всегда с приятностью вспоминаться тебе!

Прийти к заключенным в темницу

«В темнице бых, и приидосте ко Мне» (Мф.25:36). Темница есть место для укрощения воли таких людей, которые свою волю обращают на зло и во вред другим. Там сидят обидчики, обманщики, воры, грабители и убийцы. Скажите: «они сами виновны в своей участи; стоят ли они посещения?» За преступления и пусть судит их закон: а долг христианина оказать к ним милосердие, потому что «любовь» христианская *«не радуется неправде, а сорадуется истине, ...любовь долготерпит..., всему верит»* (1Кор.13:4–8). Если и сам судья приходит к арестантам, то обращается с ними не как судья (потому что не здесь его судебское место), а как только человеколюбивый посетитель. Даже первая осторожность каждого (частного) посетителя тюрьмы должна быть та, чтоб не любопытствовать: кто и за что здесь содержится. Нет! И преступники темничные для нас ближние, и в отношении к ним лежит на нас долг ближнего. Почему они нам ближние? потому что они нуждаются в нашей помощи: а притча евангельская о самарянинах показывает, что мы сами к тем-то и бываем искренно ближними, которые требуют от нас особенной помощи (Лк.10:36). Притом, в числе несчастных, которым мы обязаны оказывать свое милосердие, заключенные составляют особенность: эти люди связаны по рукам и ногам не могут сами просить нас о помощи, как просят ее нищие и бедные, приходящие к нам на дом; они от нас за крепкими стенами и, сколь бы ни вопияли о какой-либо своей нужде до нас, голос их будет слышаться только ими самими. Затем, как же можем мы перестать считать их ближними, когда между ними, может быть, найдутся невинные? Ведь и Иосиф долго сидел в темнице, между тем, как сидеть бы ему на троне царском. Наконец, пусть будут они совсем посторонние для нас, пусть они закоснелые и вполне виновные преступники. Но их темничное состояние напоминает нам о возлюбленном Спасителе нашем. В каком смысле? В том, что Спаситель наш так же был за наши грехи в

темничных узах, а невидимо и доселе пребывает, как обещался, с заключенными.

Впрочем, не столько вопрос о сочувствии к заключенным требует доказательств, сколько может затруднять практическое применение этого вопроса. Вот, первые христиане по простоте времен и через подарки стражам темницы могли еще входить к заключенным. А ныне темничные двери широки только для тех, которые имеют несчастье дойти до преступления, да еще для лиц, заведующих темницами или служащих в них. А Христос Спаситель в отношении к заключенным, главным образом, заповедует нам посетить их. Как же после сего быть? Если мы не имеем права и дозволения входить в острога, в таком случае можем милосердствовать заключенным через тех, которые по праву входят туда. Это, так называемые, директора тюрем, а также и священник тюремной церкви. Новый вопрос: «чем же мы окажем свое милосердие заключенным? не излишни ли будут наши услуги им»? Действительно, во многих замках заключенные сыты, одеты и пригреты. Но можно найти им милостыню другого рода, для которой средства замка не всегда или везде бывают достаточны. Например, одарите их крестиками на грудь; дайте им в каждую комнату по молитвеннику, чтоб они молились утром и вечером, читая вслух молитвы; доставьте им возможность видеть у себя пред иконой горящую лампадку или свечу, особенно для больных, которые не могут пойти в церковь, хотя бы церковь была внутри темничного дома, и особенно на годовые праздники, как Рождество Христово и Пасха, еще во время «стояния страстей» и заутрени в великую субботу; дайте им средства вознаградить за труд такого между ними грамотного, который бы в палатах больничных читал два-три раза в неделю акафисты для больных, способных еще слышать молитву из чужих уст; а главное, доставьте им для чтения книгу духовную, которая заменит частью личную беседу вашу с ними; пожертвуйте им, если имеете состояние, целую библиотеку; устройте при том же условии церковь в замке, которой еще нет, и которая будет вековым памятником благотворителя. Но, если постройка церкви в тюрьме требует уже особенных средств и особых

приноровлений к зданию тюрьмы, то, во всяком случае, библиотека-то духовная была бы самою умною и незаменимою милостынею для замка. До этого пожертвования не каждый может додуматься, но с ним редкое пожертвование (после устройства тюремной церкви) может сравниться. В иных замках заключенные изо дня в день томятся от скуки и бездействия, но и там, где работают, дни нерабочие, например, во время святок, пасхальная неделя, наводят на особенную скуку. Эта скука и облегчилась бы, и сменилась душевным назиданием чрез духовную книжку¹¹². Словом сказать, пожертвования в тюрьмы, удовлетворяющие религиозным потребностям заключенных, и желательны самим заключенным (просят масла, свеч к иконам, иной умоляет о псалтири для чтения), и пред Богом особенно угодны. Свеча расположит арестанта к молитве, о которой иначе он, может быть, и не подумал бы: свеча сгорит, и злоупотребить ею нет никакой возможности. Книга пробудит в нем добрые мысли. Но, если книгами действительно злоупотребляют арестанты, уничтожая в них листы, то это злоупотребление может быть еще предотвращено, во всяком же случае не должно вменяться в вину тем, которые искренно желают читать. И вот, вся эта польза для души, для утешения и назидания преступников последует от чьих-либо умных пожертвований. Не верная ли после этого надежда жертвователям на воздаяние от Господа Бога царством небесным. И стоит, стоит вообще позаботиться тем, которые имеют средства о подобных пожертвованиях для тюрем, потому что ведь не десятки там заключенных лиц, а часто сотни, а со всех тюрем составится этого рода людей и целый мир!

Что сказать о тех, которые то по должности и за плату жалованья обращаются каждый день с заключенными в тюрьмах, как, например, заведующие тюрьмой и тюремная прислуга, то по долгу христианского человеколюбия считаются попечителями заключенных, то имеют к заключенным временный и случайный вход, как врачи, доставщики припасов, ремесленники и т.п. Как же эти лица должны выполнять евангельскую заповедь в отношении к ним? По праву или по обязанности, входящие часто в тюрьмы, уже лицом к лицу

поставлены к нуждам и лишениям узников, и вот, многие из них, действительно: «милосердые отцы и братья» узникам. Зато есть такие, которые обращают все внимание свое и других на одну только сторону узников – на пороки, за которые в них, конечно, дело не встанет; например, указывают на ложь и коварство арестантов, на готовность их злоупотреблять всяким благодеянием, на строптивость их, на буйство и закоснелость. Лишение же и нужд тюремной жизни служащие и бывающие в тюрьмах будто не замечают. А им ли бы не видеть этих лишений и нужд? Первое лишение заключенных, это потеря свободы. Сколь тяжело лишиться свободы и быть не под кратковременным только арестом, но вполне узником, можно судить и по тому, что иной нетерпеливый арестант решается перенести всякую опасность, чтоб только воспользоваться свободой, и часто (как уже и сам знает) на короткое лишь время. К этой дорогой потере присоединяется для узника разлука его с родными, сознание бесчестия тюремного, волнение при допросах на суде, ожидание наказания, теснота и духота тюремных помещений, злое товарищество и ночная бессонница. Кажется, все это ясно дает видеть в узнике человека, придавленного тяжестью, убитого. Но вот, лица, по тому или другому случаю посещающие заключенных, так или иначе действующие на судьбу их, хвалящиеся знанием их характера, рассуждают, что они «недостойны никакого сострадания и попечения, что не следует давать им книг для чтения, и т.п.». Как рассуждают и убеждены, так эти влиятельные на тюрьмы лица и поступают. Иные и в тоне голоса, и во всем обращении своем с заключенными выражают злорадование стесненному положению их и полную их зависимость от себя. (Не без того, что некоторые ловко присваивают себе многое, что должно быть достоянием несчастного узника, т.е. окрадывают его.) Боже мой! Как же эти люди не поймут, что преступники – своего рода, больные, с которыми нужно обращаться и строго, и милосердно, или отечески, что у них и самая кровь от стесненного, гнилого воздуха изменяется и располагает их к раздражительности! И вот, стоя на уже на самом близком пути к царству небесному,

эти лица, напротив, оттягчают свою вечную участь! К ним относится упрек св. Давида: *«заче, его же ты поразил еси, тии погнаша, и к болезни язв...приложиша»* (Пс.68:27). Ах! Не лучше ли было бы им совсем не вступать на прекрасный сам по себе путь служения в тюрьмах и тюрьмам, чем служить, если от их доброй воли зависел выбор служения? Получить бы им царство небесное оставалось за исполнение евангельской заповеди: *«в темнице бых, и придосте ко Мне»*, а они, между тем, еще дальше отдаляют себя от царства небесного. Почему же так? Потому что невинное угнетение убогих, которыми преимущественно надобно назвать лишенных свободы, есть грех, вопиющий на небо.

О, милосердный христианин! если тебе открыт вход в темницы для посещения заключенных, приходи туда чаще в духе терпения, снисхождения и любви. А, если не можешь прийти, окажи свое сочувствие к узникам хоть чрез посредство других. Но сохрани тебя Бог ожесточаться против узников

Странника принять

«*Был странником, и вы приняли Меня*» (Мф.25:35). Под странником здесь надобно понимать каждого кто находится в дороге, но кто не имеет у себя средств ни для пищи, ни для того, чтоб оплатить квартиру (номер в гостинице), иногда же не знает где только остановиться, у кого найти себе ночлег, как, например, в селе или деревне. Это именно «поклонники» святым мощам и местам по обету или только по особенному усердию. Пусть эти люди обязаны из дома запастись по возможности средствами на пищу и одежду, но комнату, где отдохнуть, они не могли взять с собой; а оплатить помещение в гостинице не в силах. Итак, во имя Христа следует принять их. Это затем, «сборщики» пожертвований на устройство или исправление церквей и монастырей. Сборщики тем более заслуживают странноприимства, потому что они трудятся бескорыстно, бесплатно и собирают пожертвования для славы Христа. Это «переселенцы» из одного места в другое вследствие неурожая или только тесноты места, где до этого жили: они бегут от нужд и голода, и, естественно, нуждаются в нашем странноприимстве. Это и «погорельцы», которым негде укрыться от первой ночи; а также «изгнанные» кем-либо и не знающие где провести ночь: так, например, первых христиан гнали начальники языческие, и гонимые убегали в пустыню и вдаль, между тем, как другие боялись принять их и принимали их только глубоко любящие Христа. Это, наконец, бедный «рабочий», который за 50 и 100 верст идет пешком, чтоб отыскать себе работу: он не меньше прочих странников заслуживает странноприимства. Исполнение долга о странноприимстве опять напоминает нам о возлюбленном Спасителе нашем. Иисус Христос, живя на земле, также не имел где «*приклонить голову*» (Лк.9:58). Пример странноприимства видим в Аврааме: принимая странников, Авраам удостоился принять Самого Господа в лице трех странников (Евр.13:2). В чем же именно должна состоять наша услуга странникам? По смыслу евангельской заповеди पहले

всего мы должны дать им помещение: иные в дороге больше ничего и не требуют. К помещению относятся также постель и ночной светильник, словом все, что только может более успокоить странника. Затем, предоставляется усердию делать и больше, например, предложить страннику бесплатный стол, дать ему в дорогу хлеба. Большая будет заслуга пред Богом и большее утешение страннику, когда хозяин все приготовит для покоя странника собственными руками, например, постель. Авраам был и столетний старец и имел у себя множество слуг, всего 318; но просто летал везде, чтобы угостить трех странников, которые остановились у него¹¹³. Во всяком случае, не следует давать почувствовать страннику, что его обязываем или что он обременил нас своим приходом. Если б прием его был в виде гостеприимства, за которое могло бы быть вознаграждение от него тем же, но которого, однако, нельзя почему-либо ожидать, или, если бы он напрасно утруждал нас, потому что имеет средства нанять помещение в пути, тогда еще иное бы было дело. А странноприимство ради Христа вовсе не бесплатное: оно во сто раз вознаградится. Значит, нужно радоваться случаю оказать такое странноприимство, а не укорять им странника. Авраам не просто принимал странников, но сам выходил к ним навстречу и приглашал их. Высший подвиг странноприимства состоит в том, чтобы построить «странноприимный дом» или же выделить в своем доме помещение для принятия странников. Ты, христианин, если по своим средствам и домашним обстоятельствам можешь дать приют и ночлег бедным людям, которые путешествуют куда-либо по уважительной нужде и с благородной целью, не отказывай никогда: иначе ты допустишь пройти мимо твоего дома Самому Христу!

Посетить больного

«*Был болен, и вы посетили Меня*» (Мф.25:35). Какие это больные? Прежде всего, конечно, родственники и знакомые. Далее: одинокие, которые пусть и не нуждаются ни в чем, пусть будут состоятельные, но или не имеют ни роду, ни племени, или заболели в чужом месте, и, таким образом, вполне заслуживают нашего сострадания. Наконец, «беспомощные»: этим нечем поличиться; для этих некому призвать священника, чтоб исповедать их. А вообще, больные столько же имеют права на наше человеколюбие, как и в темнице заключенные. Между тем, как алчущие, жаждущие, нагие и странники сами сказывают о своих нуждах, только не нужно запира́ть от них дверей, больной прикован к постели, как и узник заключен в своей темнице: кто же его увидит и услышит, если б он и стал просить о помощи? А часто ж и вопиять-то о помощи он не может, даже и чувствовать свою нужду не в силах. Итак, тем более лежит на нас долг христианского милосердия в отношении к больным. Представим себе, чего бы мы пожелали от других, если б находились на одре болезни, и, тем самым, послужим больному. Если мы еще и не испытывали сами состояния тяжелой болезни: все же более, чем вероятно болезнь и нас встретит в старости перед смертью. Возлюбленный Спаситель наш, приглашающий нас к посещению больных, Сам показал нам сию добродетель в тысяче примеров. Чудеса Его в том и состояли, что Он исцелял больных (Мф.4:23–24). Он не только не отказывал в своей помощи страждущим от различных болезней, но и сам спрашивал иных: «хочешь ли быть здоров?» (Ин.5:6). Исполняем ли мы, и по-евангельски ли исполняем Его заповедь о посещении больных? О, как немного таких, которые в этом духе исполняют! И к близкому-то больному мы не соберемся прийти или приходим вместо пяти раз только однажды; потому что нам скучно кажется сидеть у постели больного. А к постороннему, но одинокому, и не считаешь долгом прийти, хоть знаем и уверены, что он был бы благодарен нам за наше посещение. К бедному же и беспомощному как пойти? нужно спуститься к нему куда-

нибудь в подвал или в нижний этаж, где сыро и душно. Тем более целую больницу как обойти? Там духота воздуха, идет перевязка ран, слышатся стоны, некоторые лежат без памяти: все это картины невеселые и неприятно действующие на наши нервы. Правда, если заболит богатый человек или начальник, у постели этих не мало бывает посетителей. Но по чувству ли любви к ближнему, или по вниманию ли к евангельской заповеди, собираются здесь посетители? не по обычаю ли только, или не для того ли, чтоб больной или его семейные оценили их посещение, и, жалея больного на словах, желают ли ему посетители в самой душе выздоровления? Что, притом, более бывает предметом разговора их у постели больного, что, как не новости какие-либо, вообще, легкомыслие и пустота слов, которые не успокоят болящего, а, скорее, утомят его?

По-евангельски же не так следует исполнять заповедь о посещении больных. Евангелие не требует от нас на этот раз многого, а только предлагает одно: *«посетить»*. Действительно, для больного скучно и тяжело проходит время; он рад бывает посетителю, доволен участием в его положении других, а все это, успокаивая и ободряя его дух, облегчает и болезнь. Большее сделать для него Евангелие и опять предоставляет нашему усердию. И вот, прекрасно, если кто лично служит больному. Это служение развивает в нем чувство сострадания к ближнему; оно обнадеживает и его постороннюю помощь в том случае, если он сам заболит; оно – такая заслуга, что равняется собственному болению, особенно, если бываешь у постели трудного или слишком беспокойного больного¹¹⁴. Прекрасно, если богатый человек приглашает к беспомощному больному врача, и платит за лекарства. Истинно евангельская услуга, если иной читает у постели больного духовную книжку или акафист, как только больной может выслушать чтение. Наконец, хоть не велик, но важен и этот труд, пригласить к больному священника или напутствования его исповедью и прочими таинствами, вознаградить труд церковного причта и вообще принять на себя все расходы по этому предмету, как, напротив, самый тяжкий грех допустить умереть больному без исповеди. Но спросят: «как же быть, если

ни время, ни близость расстояния, ни текущие занятия, не позволяют послужить больному»? В таком случае и опять можно выполнить дело милосердия через других, когда позволяют средства. Можно попросить кого из соседей иметь уход за больным или же поместить больного в больницу с платою от себя. Когда благодетельный самарянин не мог сам лично ухаживать за больным, которого нашел на дороге, потому что должен был поспешать вперед, тогда выдал от себя два сребреника (Лк.10:35) хозяину гостиницы, у которого остановился с больным, и просил последнего позаботиться о больном, обещаясь и еще приплатить к тому, что будет израсходовано сверх двух сребреников. Особенным, и опять в некотором смысле вековечным подвигом по исполнению Евангельской заповеди о больных может быть построение больницы за свой счет. Итак, ты, евангельская душа, любящая дела евангельской милостыни, посещай больных и служи им, сколько можешь, представляя себе каждый раз стоящим у изголовья их Самого Христа Спасителя. Поверь, что одно такое посещение твое будет полезнее сотни посещений (визитов), которые бы ты хотел сделать знакомым твоим в годовой праздник. Посещай, а, если можешь, и личною услугою успокаивай больных, и ты получишь царство небесное!

Похоронить умершего в бедности и убожестве

Этот подвиг телесного милосердия к ближнему, подобно посещению заключенных в темнице и принятия странников, также напоминает нам о тесном или беспомощном положении, в каком находился возлюбленный Спаситель наш: *«сего странного, его же ученик лукавый на смерть предаде»*¹¹⁵, сего Иосиф Аримафейский приготовил к погребению и положил в своей семейной могиле. Этим-то подвигом обессмертил себя в истории праведный Товит (Тов.1:17): обширная была и деятельность Товиту, потому что за городскими воротами, где он жил, просто выбрасывали тела убитых пленников, которые были с ним одного отечества. Ради этого подвига Товит лишился имени своего и потерял зрение, но за то Господь Бог наградил его семейным счастьем, впоследствии возвратил ему и зрение, на том свете удостоит вечного блаженства. Первые христиане с великим усердием собирали с мест казни тела мучеников и погребали мученические мощи. В IV веке (в греческой церкви) были известны особенные люди, на которых возлагался труд погребать бедных мертвецов: эти люди назывались «тружениками». Какие же те мертвые, о погребении которых мы обязаны позаботиться по долгу христианского милосердия? О родственниках и близких знакомых и не следовало бы упоминать здесь. Но, к сожалению, иные бегут и близкого к ним покойника. Почему же? Чтоб не видеть и не слышать напоминаний о смерти, чтоб не обонять неприятного запаха от разлагающегося тела. Но смерть не обойдет и каждого, а брезгливость на сей раз показывает излишнюю негу обоняния. Христианского милосердия требуют от нас такие умершие, после которых и на похороны ничего не осталось: может быть, это были люди служащие, даже высокого сана, например, семейный священник. Речь наша, без сомнения, не о великолепии похорон, ни о заказе памятника умершему, но о самом необходимом, как гроб, могила, руки, которые должны отнести и предать земле мертвеца, панихида и отпевание по обряду христианскому. Как же не пожертвовать по подписке или

просто по сбору, наконец, и по собственному вызову на такие похороны? Но в иных случаях представляется возможность даже буквально по примеру Товита выполнить христианское милосердие к убогим мертвецам. Так, в больших городах не в редкость бывают тела умерших на дороге людей, вообще, умерших насильственной или напрасною смертью. Даже нельзя иногда узнать и по имени мертвеца, потому что он пришелец, и можно лишь догадаться, что он был христианином, потому что найден на дороге с крестом на груди. Пусть обязанность погребать таких мертвецов относится к полицейской власти, но есть здесь место и для нашего милосердия, например, имеющие состояние, могут приготовить или вперед выдать для них нескудное погребальное белье; могут возложить на мертвого крест, проводить его в церковь для отпевания и на могилу. (Между тем, вместо милосердия к подобному мертвецу иные, т. е. обязанные уже погребсти его, не покрывают его и холстиною, складывают для него гроб так легко, что он выпадает из гроба... Какое жестокосердие!). Православный христианин! ты, как верная ближнему душа до самой последней беспомощности его, покажи твое усердие к погребению бедных и безродных! Тогда ты примешь участие и в подвиге Иосифа, который удостоился погребсти Христа! Послушай, на случай собственной твоей смерти и погребения, такую речь Церкви: *«еще помиловал еси, человеке, человека, той иматъ тамо помиловати тя... Аще в житии нага покрывал еси, той иматъ тамо покрыти тя!»*¹¹⁶.

Немилосердие к животным, имеющее связь с немилосердием к людям

Бичевание без пощады рабочих животных или только неудержание других от этого

«Праведник милует души скотов своих» (Притч. 12:10). Животные также имеют способность чувствовать, с одной стороны, покой, а с другой – болезни: иное забитое животное пугается, дрожит даже от того, когда на него замахиваются, чтобы ударить. Притом, побои, например, лошади, не прибавляют же сил, а более обессиливают ее, особенно на будущее время. Сколь же бесчеловечно поступают бьющие животных! Одни бьют их за то, что они не везут тяжести, которая, между тем, возложена на них не по их силам. Другие – без всякого даже повода, в нетрезвом виде, или в минуты своего раздражения, только по праву сильного, только в силу такого сознания, что животное беззащитно и безгласно; но, конечно, если б животные могли говорить, то подобно Валаамовой ослице и всегда обличили бы в несправедливости своих мучителей. Третьи бьют их, притом, без разбора по какой ни есть части тела, например, и по голове, за что, впрочем, некоторые из них умеют отомстить (например, лошадь, когда бьют ее по голове, непременно старается укусить бьющего). Не оттого ли, между прочим, домашние животные в сравнении с полевыми менее долговечны, что человек так теснит их? (Например, конь по своей величине и силе, казалось бы, должен жить не менее, хоть, верблюда, который почти равен ему величиной; между тем, конь далеко не достигает до 50-летней старости, как верблюд). Животные так же творения Божии; потому человек не имеет право жестоко обращаться с ними. Пусть он над ними имеет власть: но власть еще не означает тиранства. Как противно Богу жестокое обращение с животными, между прочим, знаем на примере из жизни св. Ефрема Сирина. Ефрем (до решительного обращения своего к Богу) однажды с злым намерением выгнал из загона непраздную корову. За это самое Господь Бог попустил ему быть несколько времени в темничном заключении, поводом к которому было одно напрасное на него подозрение (Четь-Мин.

под 28 янв.). Но и только оставаться равнодушным, как ни в чем не бывало, когда другие бьют животное, например, на улице – извозчики, в дороге – крестьяне, во дворе – кучера, только не останавливать посторонних бичеваний – это также показывает недостаток милосердия, значительное огрубение сердца. Пусть на замечание наше бьющим последовали бы грубый ответ или брань, однако ж, не легче ли нам перенести одну брань, чем отдать на жестокие бичевания животное, не могущее ни пожаловаться, ни плакать по-человечески? свойственно ли природе нашей равнодушно смотреть на чужие страдания, хоть бы и животного? – Нет, христианин! «тварь» и без того «с нами» и за нас *«совоздыхает и сболезнует»* (Рим.8:22), перенося ради нас изнурительные труды, подвергаясь иногда голоду, например, во время засухи. Итак, будем миловать ее, хоть от тех страданий, которые вполне зависят от нас.

Крик на животных с проклятиями на них и с пожеланиями им зла

Животные имеют способность чувствовать сколько ласки своего хозяина, столько же и злой на них крик, и ругательства. Между тем, многие злостно и с сквернословием кричат на них (животных) – кричат на каждом шагу, при каждом повороте их; некоторые иначе и не называют свое животное, как «проклятый, проклятая». Брани этой подвергаются почти исключительно домашние животные, которые, между тем, отличаются кротостью. Затем, если неразумные животные и не понимают тех слов, с которыми мы обращаемся к ним, выражая зложелательство гибели, то мы сами должны понимать, как велика была бы потеря для нас, если бы сбывались на самом деле наши зложелательства им. Пусть есть животные, которые ничем не служат нам, даже вредны и опасны для нас. Однако ж, в целом, в цели творения Божия, и эти существуют не без пользы (Мф.6:26); зачем же проклинать их? Однако ж вспомним, что до грехопадения в рай, когда человек сохранял в чистоте образ Божий, все животные были скромны пред ним, как затем и святых угодников звери боялись и почитали, сознавая в них по чутью восстановление образа Божия. (Собака, например, всегда любит своего хозяина: но, если хозяин замарают свое лицо сажей, – она нападает на него. Вот, сравните, как человек через грех помрачает в себе образ Божий и как после этого животные не узнают в нем своего хозяина!)

Христианин! обрати твое внимание на то, что после искупительной жертвы Спасителя и животные не в том уже отношении находятся к человеку, как были в Ветхом Завете; кровь их более не проливается потоками в жертвах. Мы видим их теперь в самых священных для нас изображениях, как, например, голубя при богоявлении на Иордане. Итак, будем же относиться к ним в примирительном духе, а не во враждебном и раздражительном.

Незаботливость о больных животных, особенно во время повальной болезни, и неотделение их в таком случае от чужого скота

Спаситель одобрил поспешную заботу хозяина об осле, который упал в колодезь (Лк.14:5). Животное не может, как человек, высказать своих страданий и помочь себе в своей болезни. Поэтому оно вполне заслуживает нашей заботы. Между тем, одни, вот, употребляют в работу и заболевшее животное. Другие не лечат больного скота и не предостерегают его от самого боления, особенно во время повальной болезни. Третьи не заботятся об уходе за теми животными, которые только что родились (Лев.22:27). Многие до бессилия обременяют животное ездой или работой, но не платят ему за услугу услугой, – не питают его зерном и ничем кроме травы: если уж и нет у кого средств на корм зерном, в таком случае, надобно давать больше покоя животному или меньше изнурять его на езде и работе. – А в случае скотского падежа домохозяева еще должны позаботиться о том, чтоб тотчас же отделять свой заболевший скот от чужого, здорового, если есть опасность последнему заразиться. Тем хуже поступают, когда с сознанием и без всякой предосторожности провозят или продают что-либо заразительное для скота, например, кожу с болевшего и падшего животного: иногда от одного такого случая начинается в известном месте зараза и мало-помалу измирает весь скот. Во время повальной болезни между животными нужно предпринимать заботливые меры и потому еще, что некоторые болезни животных могут быть опасными для самого человека, например, сибирская язва, водобоязненный яд (бешенство, сообщаемое животными через слюну). – Христианин! не лишай твоего милосердия болеющих животных. Немало примеров, как те из них, которые более приближаются к человеку (это – четвероногие) не раз оказывали как бы человеческую благодарность излечившим их, долго-долго не забывали своих благодетелей¹¹⁷.

Травля скота с целью забавы, гоньба коней до смерти и рановременное истребление некоторых животных в пищу

Это виды бесчеловечия, одно другого виновнее. В евангельской притче не одобряется и одно нерадение человека об овечке, которым воспользовался хищный зверь, растерзав заблудшую овечку (Ин.10:12). А тут намеренно отдают слабых животных более сильным и свирепым, и для того, единственно, чтоб потешиться борьбой их с последними, чтоб видеть их испуг, слышать их визг. Терзания со стороны свирепых животных естественны, а для человеческого достоинства вид этих терзаний крайне унизителен. Отсюда-то человек начинает мало трогаться и страданиями человеческими, привыкает к жестокосердию и к людям, если особенно в детстве привык забавляться мучениями животных. Говорят иные, к оправданию себя, что «травля животных, например, зайцев, не всегда оканчивается мором их». Но нужно вспомнить и об одном испуге, который убийственно действует на слабейшее животное. – Нет; человек должен прекращать по возможности и те терзания животных, какие видит между ними самими со стороны сильнейших над слабыми к какие бывают не для удовлетворения голода, но по одной злости. Он должен быть здесь, так сказать, примирителем. Это его забота; потому что не чрез него ли возникла такая вражда между самими бессловесными? – Затем, загонять коней на езде до смерти также со стороны человека злоупотребление властью над животными и очевидное бесчеловечие. Подобные случаи поставляются тем в большую вину, что не всегда происходит от крайней нужды поспешать в дороге (хотя и тут от коня нельзя же требовать полета птицы), но часто от одной привычки к скорой езде, т.е. также от забавы своего рода: погоняет путник изо всей силы коней, или непременно требует погонять, – это ему нравится, или через это он поспевает раньше часом в известное место, где, однако же, не показывает особенной поспешности в своих делах. Между тем, животному от того

смерть. А, если и редки примеры самой смерти от скорой езды, то, во всяком случае, крайне обессиливается после этого конь на несколько времени. Даже случается, что он по инстинкту упрямится везти другого путника по той дороге, где его сильно погоняли. Таким образом, тут и обида ближнему, который вслед за тем должен отправиться тою же дорогою. Самый бег коней (скачка, конское ристалище) не обходится без большой потери силам их, опять обличая в человеке какую-то бессловесную страсть. – Что же до преждевременного употребления в пищу диких животных, которые по недавнему рождению еще не отделились от родивших их, как, например, весною, а также и рыб, только что зародившихся, то на этот раз следует припомнить ветхозаветный закон, которым запрещалось и в жертву Богу приносить овечку или козла, или теленка прежде семи дней, т. е. прежде того времени, как они находятся под матерью (Лев.22:27). Между рыбами, например, и без того естественная смерть очень в редкость; потому что здесь, по праву сильного, ежедневно большие рыбы пожирают слабейших и закон о перехождении одной жизни в другую всего более применяется. – О, человеколюбивый христианин! и сам отвращайся, и других удерживай, например, в детском возрасте, забавы над животными такого рода, которая убивает их или только крайне обессиливает, а также, и от нетерпеливого истребления их в пищу! Жестокость к животным – еще повторю – имеет самую сильную связь с жестокостью к людям: в древности римляне в гладиаторских зрелищах, любя их, на борьбу со зверями стали выводить и святых мучеников¹¹⁸.

Медленное убивание животных

Вначале не были убиваемы животные для употребления в пищу: так было даже до потопа. Затем, так как человек грехом ослабил в себе силы телесные, то для укрепления сил его Господь Бог (это было после потопа) благословил ему употреблять в пищу животных. Потому закалать их в пищу или для одежды нужно не иначе, как с некоторым сожалением, с некоторою печалью за себя, а не с радостью при виде предсмертных страданий их. Потому за правило надобно положить: как можно скорей убивать обреченный на смерть скот, а также одним ударом или выстрелом прекращать жизнь таких болеющих животных, которые безнадежны к жизни и только мучатся. Для бессловесного жизнь не имеет нравственного смысла, как например, для человека прожить и один лишний день или час, т. е., когда уже болезнь его смертна, дорого в целях покаяния его пред Богом. Сократить жизнь зверя или домашнего животного несколькими днями или часами, когда она уже непременно должна окончиться, нисколько не грешно. – Человек! если и можешь ты истреблять животных, то истребляй не более, как сколько требуют того твое самосохранение и твоя безопасность, да и тут с милосердием своего рода.

Наказывание до смерти животных чужого двора

В Ветхом Завете был закон: *«возвратить хозяину чужой заблудившийся скот, хотя бы этот скот принадлежал врагу; не проходить мимо животного, падшего на дороге под тяжестью, но поднять его»* (Исх.23:4–5). Тем более, значит, грех бить (колом, топором), калечить и до смерти забивать чужую скотину, когда, например, она заходит в чужой огород или травить чужой посев в поле, или есть чужой корм; битьем скотины испорченного уже не воротишь. Да притом, эти побои крайне неразумны. Разве животные, собственно, виноваты, когда вредят сосуду, а не хозяевам их, не имеющие над ними надлежащего надзора? Подобный ущерб, какой делают животные, нужно бы взыскивать не с них, а с хозяев их. – Христианин! будь ты вообще милостив к животным, как миловали их и святые угодники. Достигнув первобытной власти над животными, многие из святых кормили из своих рук самых диких зверей, а тех, которые делали вред человеку, связывали веревками, будто овечек¹¹⁹.

Заповедь 7: Не прелюбодействуй

Не вреди целомудрию ближнего, равно, как и своему – вообще, жизни душевно-нравственной в других и в себе

Важны обязанности наши к телесной жизни ближнего, равно как и к собственной, и виновно пред Богом нарушение этих обязанностей, от помехи чьему-либо сну, до удара оружием. Но обязанности в отношении к душе, или к внутренней, нравственной жизни, столько же важнее их, сколько душа дороже тела: нарушения обязанностей последнего рода в сравнении со грехами против тела (исключая решительного убийства или самоубийства) еще преступнее. После шестой заповеди Божией, которая запрещает касаться со вредом телесной жизни ближнего и своей, и напоминаются нам следующей (седьмой) эти обязанности наши относительно чистоты нравов в своем и чужом образе жизни. Требуется, главным образом, целомудрие не только телесное, но и душевное – целомудрие, как наилучшее украшение человека. Итак:

Виды сердечной похоти

Блудные помыслы, или представления

Бывают помыслы о блуде невольные, у иных только минутные. Они требуют исповедания пред духовным отцом, но еще не вменяются в вину. И вообще, худые помыслы полезно выводить из себя наружу пред другими, притом, не пред духовным только отцом, которого иногда не близко или не легко увидеть, но и пред мирянами, только бы известными строгою жизнью¹²⁰. А особенно с блудными-то помыслами нечего таиться пред искренним и благочестивым человеком. Святые подвижники, обыкновенно, спешили открывать их опытным старцам, а медлительные терпели вред¹²¹. С другой стороны, те, пред которыми кто-либо открывает свою борьбу с блудными помыслами, как и с самою телесною похотью, те должны иметь осторожность, чтобы не пренебречь этим человеком, будто бы человеком нехорошей жизни¹²².

Бывают блудные помыслы или представления, как воспоминание прежних падений. И эти помыслы тоже не составляют вины, если только человек не услаждается ими, если с первого раза отвергает их, стыдясь себя и испуская вздох самоосуждения пред Богом. Но когда кто останавливается приятным воспоминанием на них, например, как он первоначально познал сласть плотского совокупления с другим полом или как впоследствии допускал тот же грех, или как недавно, несколько лишь дней или часов назад, согрешил: это самое показывает, что он не от врага-дьявола, а «... *искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью*» (Иак.1:14). Тут две вины: и повод от себя, по прежней своей жизни, к плотским помыслам, и согласие с ними (а иначе, т. е., если бы они не нравились, то нечего было бы и останавливаться на них)¹²³. Тогда человек может дойти или до нового падения или до падения только духом.

Бывают, наконец, такие блудные помыслы, которые человек сам намеренно возбуждает в себе и подолгу питает в своей душе, приобретая к ним любимую привычку: это любострастная фантазия, распутство мыслей. Человеку, например, живо

представляются любовные целования с лицом другого пола, к которому есть влечение; воображается нагота иного пола (видит, например, он женщину, как она ходит, и представляет ее себе нагою); собственная обнаженность; рисуются в уме все телесные движения к совершению плотского греха, так что одно лишь тело остается не оскверненным, а душа уже вся в блуде. Действительно, в таком случае бывает прямое желание плотского греха, но только нет возможности совершить грех по каким-либо обстоятельствам, это значит зажигать огонь в своем теле. Евангельский закон решительно осуждает подобные помыслы как блуд, преследуя зло в самом корне, а не запрещая одно лишь внешнее прелюбодеяние, как запрещалось более в Ветхом Завете: «уже прелюбодействует с нею в сердце своем», сказано (Мф.5:28). (Говоря о сладострастных помыслах, мы не повторяем здесь о нападении такими-то помыслами, вместе с огненным распалением плоти, со стороны врага-дьявола, и этому подвергаются люди благочестивые и святые¹²⁴: здесь и помыслы, и самое распаление тела – не вина).

Кто же вообще хочет избавиться от блудных помыслов и скверных плотских картин, тот с пользою может представлять себе, как эти гнусные тайны для грешника нераскаянного изобличатся пред всеми на страшном суде; как они сходятся с зловонием в нечистых местах¹²⁵; как наша собственная плоть, которою теперь мы занимаемся и чужая красота, которою прельщаемся, как после смерти они обезображиваются, гниют и оставляют от себя одни кости (остов). Не осуждение ближнего, воздержание в пище и молитва, так же сильные средства против блудных мыслей и представлений.

Похотный взгляд на другой пол и пристрастие к красивым лицам

«Глаза у них исполнены любострастия» (2Пет.2:14); «не засматривайся на чужую красоту» (Сир.9:8). Как мысли блудные пробуждают в теле страсть и тело может быть доведено от них до настоящего блуда; так, с противной стороны, телесное впечатление вносит в душу блудную мысль. Яснее сказать: «от внутреннего блуда заражается и внешний, но и от внешнего возникает внутренний». Праведный Иов потому-то и полагал себе зарок не смотреть на красоту женскую (Иов.31:1), что «за воззрением следует мысль, за мыслью – услаждение, за услаждением – страстное пожелание, а за пожеланием – и само падение». Кто препобедит из этих искушений первое, т.е. соблазнительный взгляд (как, в свою очередь, и блудную мысль), тот разом удаляет от себя все остальное. (Против блудных помыслов должны вооружаться, преимущественно, люди одинокие, например, монашествующие, которые редко встречаются с лицами другого пола; а против взглядов должны беречь себя, преимущественно, те, которые постоянно обращаются среди мира). Но, если и от непредвиденного, однако, неосторожного, любопытного взгляда на лицо другого пола бывает вред целомудрию: то тем более такого вреда и, затем, вины в том, чтобы искать посмотреть на красивых другого пола. Любопытны до того, что, так сказать, раскрывают рот (зевают) на чужую красоту (2Ездр.4:19), думают, как бы с такою-то красавицею или красавцем поговорить, или посидеть. Равным образом, нецеломудренное чувство изобличается и такого рода пристрастием к красивым лицам, когда для человека красивой наружности, за одну его наружность, с первого раза делают предпочтение пред другими и в том, и в другом, и третьем случае; а также, когда любят окружать себя миловидными и молодыми лицами, например, в прислуге. Очевидно, здесь управляет сердцем не любовь к ближнему, но собственная похоть. Пристрастие к красивым наружностям и похотливое

услаждение ими глаз, наконец, распространяются и на мертвые портреты!

О! как же необходимо, поэтому, преследовать в себе зло на первых порах его. Скорее же, всегда можно удержаться от осязания, возбуждающего похоть, чем совладеть с глазами: глаза везде с нами и их не закроешь. Потому через глаз легко приходит в душу похоть. И потому-то зрение требуется охранять со всею осторожностью. Отсюда у человека целомудренного и желающего сохранить себя вполне целомудренным, бывает взгляд более потупленный, чем прямой и острый, особенно на противоположный пол. Отсюда у такого человека (будет ли то молодость или самая старость) видна благороднейшая, достожелаемая краска в лице, когда на него посмотрят пристально. Отсюда у святых подвижников было до того осторожное хранение глаз, что они старались не встречаться глазами и не сидели рядом с лицами другого пола, мало этого, и с лицами одного пола с собой, к которым замечали в себе некоторое нецеломудренное влечение. Без сомнения, это не брезгливость, а только добрая бережливость себя и других.

Чтение книг, описывающих страстную любовь

«От сердца бо (вот, главным образом, откуда) исходят... прелюбодеяния, любоддеяния» (Мф.15:19). А кто любит читать комедии, модные романы и любовные стихотворения, того сердце переполняется любострастными картинами. Волнуя душу, чтение этих книг волнует и кровь. Но пусть любовные романы и повести еще не сводят человека со степени целомудрия. Во всяком случае, они лишают девственности душу, доводят читателя или читательницу до внутреннего самораствления, которое сопровождается своего рода истощением и физических сил. Романическое чтение, разгорячая воображение, возбуждает также к ложной чувствительности и доводит до увлечений. Для женщины, например, оно вредно не только в данное время, т. е. когда женщина молода и живет по-светски, но и в последующем ее времени; именно те женщины, которые много читали романов, а потом сделались набожными, – те и в новой духовной жизни хотят выказать более романтического, чем аскетического, хотят и по духовному настроению быть слишком нежными. И так напрасно думают, будто не вредит и не грех чтение романов. У скольких же лиц оно расстроило дух мысли!

Сладострастные разговоры или слушание таких разговоров

«Признались в похоти своей», сказано о старцах, которые имели скверный замысел относительно Сусанны (Дан.13:14). Сладострастные разговоры бывают и всецело, т.е. по содержанию своему, когда, например, кто рассказывает историю своей постыдной связи, и по тону своему, когда другие искусственно смягчают свой голос или с нежной, но по смыслу своему бесстыдной, шуткой обращаются к невинному, целомудренному лицу, наконец, и по движениям, которые то утонченно, то грубо, ставят перед глазами блудный грех. Кто любит такие разговоры и шутки, тот, без сомнения, обнаруживает в себе любострастное направление, хоть бы уже не предавался любострастию, например, в старости лет, или же жил законным браком. Он до того находит их для себя приятными, что думает, будто и другим они приятны; и потому готов так шутить в веселом расположении духа без разбора лиц, среди которых сидит, например, и в присутствии духовного лица; и до того, любя их, считает ничего не значащими, позволительными, что неосторожно допускает их и при девицах, даже иногда при собственных детях. Какое легкомыслие!

Но виновно и одно слушание сладострастных разговоров. Если они не производят краски в лице у тех, которые их слушают, напротив, выслушиваются с любопытством и удовольствием; это так же показывает развращенность сердца. В той мере, как одни рады случаю рассказать, что, вот, они тогда-то победили невинность; другие рады очень послушать, тотчас же подсядут к рассказчику. И вообще, нехорошие разговоры, действуя только на слух, сильно действуют на пробуждение душевных страстей: это доказывает самый первый грех, который вошел в мир путем слуха. Но сладострастные рассказы, например, о чьем-либо падении в плотской грех, удивительно как пробуждают похоть в говорящих и слушающих. Итак, «удержи язык твой от зла..., еже не глаголати лести» (Пс.33:14) блудной.

Скверная (матерная) брань и слушание ее

«Отложите ... сквернословие (срамословие) от уст ваших», запрещает слово Божие (Кол.3:8). Этот грех столько не маловажен, что был подвергнут обсуждению (и осужден) на одном из соборов: *«непотребными словами (сказано) оскорбляют честь матерей семейств и целомудрие других»* (Карфаг.71). Да; употребляющий скверную брань, прежде всего, безжалостно позорит честь матерей, нагло ругается над богоустановленными законами рождения, забывая, что и сам родился тем же путем *«хотения плоти, хотения мужа»* (ср.Ин.1:13). Как бы он чудовище какое, когда пред словом: «мать, мать» поставляет себе понятие только о блуде и издевается, будучи рожден и воспитан матерью же! Затем, так как он произносит свою гнилую брань не шепотом и про себя, а, большею частью, громко, и, тогда как по какому-нибудь случаю рассердится, думая найти в ней не то подкрепление, или некоторую важность своему гневу, не то облегчение от гнева, то его брань иной раз неизбежно выслушивают и люди вполне стыдливые и целомудренные. Какой же это безобразный оскорбитель нравственного чувства ближних! Как он бьет своим бесстыдным сквернословием по невинному и благородному слуху других! Иногда от его сквернословия возмущается и вся внутренность; иногда ссорящаяся на площади толпа старается перещеголять друг друга искусным подбором оскорбительных для целомудрия слов. Сам же по себе этот человек оскверняет и уста, и всего себя: уста его, как грязный и зловонный источник, особенно в часы нетрезвости его. Иной до того привыкнет к матерней брани, что с унижением себя, своего чина или звания, допускает ее и пред низшими: для простолюдинов же это просто как поговорка, преступная еще потому, что иной раз произносится вслед за божбой: опьяневшего, например, простолюдина и не думаешь встретить без матерней брани.

Но и только не останавливать этой брани, когда на то есть некоторое право или старшинство, не уходить от нее, когда есть возможность уйти, равнодушно выслушивать ее, когда

надлежало бы стыдиться ее: все это также показывает нецеломудренную душу. О, богомерзкая брань! зачем же она так особенно слышится от русского человека? нарушается ли еще где заповедь Божия о чистоте и целомудрии языка, как, к стыду сказать, у нас? С глубокой скорбью некогда говорил Карфагенский собор об этой брани: *«и изреци стыд есть»*. Так же скорбит и ныне Церковь за сквернословящих между православными.

Песни, выражающие любовь к другому полу

Исключая народные гимны и те немногие песни, в которых выражаются то жалоба (протест) молодых невест, насильно выдаваемых в замужество за стариков, то плач на притеснение от мачехи или свекрови, – все прочие светские и мирские песни что же иное, как не голос страстной любви к другому полу вне законного брака? Поются ли они в домах или на улицах, рабочими на работе или путешественником в дороге, мужчиною или женщиною, возрастными или малыми детьми (дети поют их, как иные мальчики и сквернословят, по примеру старших), – дух в них один: это дух похоти, блуда (ты мой... моя..., я люблю...). Сказать, что здесь воспевается та любовь, которой требуют Бог и закон, будет странно и преступно. Услаждение этими-то песнями и показывает в человеке нецеломудренную душу. А чем ближе кто стоит к грубому, плотскому греху, тем грубее и бесстыднее того песни. Но и, так называемые, романсы и пьесы несколько не лучше простонародных песен, хоть выражаются в более мягких и красивых словах, хоть поются более нежным или же тоскливым голосом. Напротив, романсы еще пленительнее, еще более расслабляют душу: вместе с тем, между ними есть самые бесстыдные (как например: «прекрасная Елена»). Любители искусственного пения романсов и пьес даже до того пристращаются к ним, до того привыкают к этой рассеянности, что первая свободная минута у них или только малый промежуток в занятиях, и они начинают выпевать романсы своим голосом или же свистом, например, проходя улицей; до того они этими романсами изнеживают свою душу, что скучают в церкви простым пением, что ради только искусных певчих с охотою идут в церковь, что желали бы и здесь слышать более оперное пение. В какой степени мирские и любовные песни составляют запрещенный плод пред Богом, это видно из того, что к ним, как к запрещенному, особенно располагается поврежденная грехом природа человека: многие, например, из крестьян знают по десятку песен, и не знают ни одной молитвы; самые малые дети, особенно женского пола, воспитанные не

под строгим христианским надзором, скорее выучивают нехорошие песни и поют их бессознательно, чем знают хоть одну краткую молитву. О, какая печаль для христоролюбивой души! На этот раз все люди ученые и все очень памятливые. Что же до внутреннего действия или влияния на человека любовных песен, романсов и пьес, то, без сомнения, они растлевают душу и готовят к телесному блуду. (Укажут ли на потребность к пению? Но зачем же ее обращать в превратную сторону? Если б люди так воспитывались, что с малолетства привыкали бы к духовному пению, то всей душой полюбили бы пение духовное. И есть такие, даже из светских. Быв певчими, они и дома не поют мирских песен, но в часы досуга-благодущия поют только духовное, к которому приучили свое ухо и вкус).

Страстная музыка

Первым изобретателем музыки был некто Иувал. Этот человек *«был отец всех играющих на гуслях и свирели»* (Быт.4:21). (Бытописатель Моисей, однако, не совсем в похвалу упоминает о нем). Музыка, как искусство, как чувство изящного, если и не будет прямо или исключительно обращена для священных песен, все же может не служить для похотей человека. Она, подобно поэзии и живописи, не делаясь чисто-священною или религиозною, иногда также выражает прекрасные нравственные чувства. Такова, например, музыка, возбуждающая патриотические чувствования, и военно-походная, воодушевляющая воинов и придающая им часть и телесных сил. Но мы хотим сказать только о страстной музыке, которая как прежде, так и ныне, употребляется в свете. Иной композитор, будучи сам человеком развращенным, вложит в музыку свои чувства, которые действуют решительно на половое стремление. И как в книге мысль сочинителя усваивается читателями, так и эта музыка, не сопровождаясь даже пением или не выражаясь в словах, но, состоя в одних мелодических звуках, возбуждает те же страстные стремления и в том человеке, который выигрывает ее или слушает. Она прямо проходит в сердце, минуя голову, которая могла бы еще попрепятствовать развитию чувственных образов. С другой стороны, у простолюдинов известна своя разгульная музыка. Итак, на стороне страстной и разгульной музыки несомненная доля развития в человеке похоти. Доходят до слуха звуки музыкальные, и чувствует человек досаду на то или тоску о том, что он, вот, один, что нет у него вблизи лица иного пола, что хорошо бы быть этому лицу сейчас же или тут же, словом, отдаться бы наслаждениям плотской любви. Это равняется чтению целого романа, особенно, когда музыка соединяется с самым искусственным пением романсов. Кто когда-либо в жизни своей падал грехом нецеломудрия, тот, слушая звуки страстной музыки, вдруг припомнит себе все эти падения. Если сравним и оперную музыку с духовным чтением, то вполне сознаем

вредное влияние ее на душу: как духовное чтение привлекает к Богу, так эта музыка отвлекает мысль от Бога. – После сего, *«читающий да понимает»* (Мк.13:14).

Бесстыдные танцы и пляска, бытность при них, равно как и на бесстыдных зрелищах

«Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним» (Мрк.6:22): здесь видим грех и пляски и смотрения на пляску. Нельзя назвать совершенно невинными вообще танцы с лицами другого пола. Это сознают сами танцующие и позволяющие танцевать; потому что неприличным же, оскорбительным для целомудрия было бы признано то, когда бы вне танцев девица одну руку свою прямо отдала постороннему мужчине, а другую положила на плечо ему. А также, разве ничего не значат для молодой девицы такие минуты: в промежутки танцев она сидит с незнакомым мужчиной, который может говорить с ней под звуки заглушающей музыки, о чем хочет? И вот, как же многие в танцевальных залах захватили заразу для девственной души своей! Но бывают танцы, это именно балетные и канкан (сюда же относится простонародная площадная пляска), танцы, в которых и мимика, и движения, и костюмы – все рассчитано на то, чтоб заставить душу похотствовать и в теле пробудить похоть. Надобно быть ангелом бесплотным, чтоб в виду этой пляски сохранить себя в чувстве целомудрия. Выходить же на такую пляску, а, с другой стороны – прямо просить ее (кричать: «канкан, канкан...»!) – полнейшее бесстыдство. (Для такой-то пляски особенно применимы слова св. отцов, которые вообще осуждали танцы: «праздник дьяволу» (Ефрем Сирин), «подводный камень невинности и могила для нравственности» (Амвросий Медиоланский)).

Затем, не менее воспаляют и питают похоть плоти и бесстыдные зрелища, т.е. такие зрелища, где например, слышится разговор двух лиц, мужского и женского, о плотской любви (а в каком же театре нет этого?); где можно видеть тесное приближение друг к другу мужчины и женщины (в лице актеров) до немногих шагов к самому акту греха, запрещаемых седьмою заповедью; где представляются разные обольстительные телодвижения, где так же, как и в пляске,

приняты короткие и обтянутые одежды у женского пола; и где при этом действия – игры девиц или женщин выполняются на возвышении, например, в цирке бег их на лошади с поднятием ног в виде пляски, а в садах – хождение их по канату. Одному Богу известно, сколько душ вовлечено в грех от таких зрелищ! Женатые и семейные с них возвращаются домой в расстроенном духе, возвращаются не одни, но вместе с театральной женщиной, т.е. не вводят же они этой женщины открыто в дом, против чего восстала бы законная жена, но вносят и оставляют ее в своем сознании; а иные и совсем не приходят в тот вечер к семейству, уклонившись на распутья порока. Холостые же тотчас обращаются в постыдные дома; случается еще, иной из холостых, пленившись искусством и наружностью актрисы, вступает с этой актрисой в брак: по увлечению брак не приносит им обоим счастья. Итак, справедливо св. Церковь на своих соборах отлучает от себя представителей и посетителей таких бесстыдных зрелищ¹²⁶.

Переписка о любви или списывание в том же духе СТИХОВ

То и другое показывает не только легкомысленную личность, но и готовую предаться преступной связи. Два человека разных полов уверяют друг друга в любви, выражают тоску о разлуке, назначают часы для уединенного свидания. Или одно которое-либо (им почти всегда бывает девица), не имея определенно никого для своей половой любви, только любовными стихами услаждает свою душу. Любовь к лицу другого пола может быть в пределах лишь закона, или под условием законного брака. Говорить же, что она к известному лицу есть невольное сочувствие (симпатия) или невинное расположение – и опять странно. Ужели она неизбежная потребность? Ужели по здравому смыслу верны слова о женском поле: «прекрасный пол», а о мужчинах: «кавалеры» (т.е. рыцари)? ужели, например, женщина без мужчины немыслима, или как бы бесцельное, незаконченное существо? Нет; такой взгляд на взаимные отношения полов был бы как взгляд язычника, притом – средневековых времен. Каждое лицо, и мужчина, и женщина, есть отдельное, самостоятельное лицо. Нет неперенной необходимости человеку привязываться любовью к лицу иного пола (как и нет нужды каждому соединяться браком). Евангелие желающему любить указывает гораздо шире пределы для его любви. Это любовь не к одному лицу (да, уже не слепая и страстная), а ко всему человечеству. Для проявлений ее в самых делах еще более представляется возможности или удобства тем, которые никому не отдали своего сердца ни вне брака, ни в законном браке. Лазарь (сторона мужская) и сестры его (сторона женская), оставаясь одинокими, какие же были любящие души и какие это высокие личности! Итак, переписываться о любви или списывать откуда-либо любовные стихи, забавляя себя ими, – все это легкомысленность и шаг к постыдной связи. Но тут присоединяется и новая вина: тайность от родителей. Переписываются, обыкновенно, несовершеннолетние и во

всяком разе из женского пола; еще не вышедшие из дома и попечения родительского. А, говоря здраво и по совести, разве у детей несовершеннолетних и не пристроенных могут быть в переписке с кем-либо секреты пред родителями? Очевидно, нет; потому что родители и первые наставники их во всем, и первые друзья для них, и первый предмет их любви. Коли они таятся в какой ни есть переписке, коли скрывают от глаз родителей выписку стихов любовных, то уже и понятно, что тут есть нечистота отношений их к другим. Отсюда-то заботы, которые делает отцу взрослая дочь. Как печалится втайне отец, чтоб дочь не посрамила его пред всеми, чтоб не сделала его посмешищем особенно для врагов; его, между прочим, – вот и слухом о письмах ее к какому-либо холостому человеку или мужчине (Сир.42:11). Но дочь-христианка не доведет своего отца до такой печали.

Свободное, или короткое обращение с лицами другого пола

«Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего» (Притч.6:28, 29). Кто живет в мире, для того обращение с лицами иного пола неизбежно, и, без сомнения, не составляет греха, если бывает в границах нравственности. Короткость же обращения опасна и предосудительна. Ее составляют, например, близкая встреча глаз; пожатие рук; хождение под руку; разговор на сердечные вопросы (темы); бытность друг с другом наедине, особенно продолжительная, например, прогулка по саду, в лесу, в дороге, для уроков, т.е. когда один – учителем, а другая – ученицей, и оба молодые; пешеходное путешествие куда-либо двух лиц, мужского и женского, с ночлегами в поле; вход в комнату к не одетым или полуодетым другого пола; служение постороннему больному с прикосновениями к обнаженным частям, которое можно было бы заменить людьми того же пола, и во всяком случае – требовалось бы обставить другими средствами; не прекращение тотчас знакомства и встреч с таким человеком, к которому уже чувствуется плотское влечение (а лучше бы и оставить дело, требующее свидания, чем губить душу, или же выполнить бы это дело через других); неумеренное воспоминание о другом поле, т.е. даже и за глазами его, или вдали от него (некоторые из святых подвижников и не без разбора молились о женском поле¹²⁷), а в личном свидании продолжительный разговор с шутками и хохотом; наконец, – сидение за вином (как у семейных и пожилых) вместе с замужнею женщиною (Сир.9:10), столь же опасное, как трудно, чтоб уголь в пазухе не прожег платья.

Почему все это нравственно не одобряется? Потому что с самого грехопадения Адама в раю чистые отношения полов, мужского и женского, изменились. Теперь, чем короче, вольнее и чаще бывает сближение между собой посторонних юноши и девицы, или мужчины и женщины, – тем более желается

повторять такие встречи и свидания, тем сильнее становится взаимное влияние их тел, а воля по мере этого слабеет, и тем более бывает порывов к решительному падению. (Между прочим, надобно заметить, что более действует на плотскую страсть, следовательно, более опасна, близость к мужчине девицы, чем замужней женщины). В этом-то случае нельзя доверять ни своему, ни чужому целомудрию, которое будто бы не позволит себе решиться на грубый порок; нельзя всегда успокаиваться и за болезнь, при страданиях от которой по видимому не до помыслов бы блудных¹²⁸; нельзя полагаться ни на свою, ни на чужую старость лет¹²⁹; нельзя оставаться спокойным даже со стороны убогого или урода (глупого от природы). Но, если короткость с другим полом многих еще и не привела к падению, несомненно, она сопровождается расстройством мыслей и чувств. Пусть иные из светских лиц хвалятся, что, вот, они и близко, и часто обращаются в обществе другого пола, однако не чувствуют в душе никаких нечистых представлений, ни в теле страстного распаления. Так можно сказать только о том обращении, которое бывает в границах приличия: тут, если будет лицо другого пола и очень красивое, но нравственное, но чистое по сердцу, не знающее плотских грехов, обращение с этою личностью может вливать в душу добрые расположения. Но не таковы впечатления после вольного разнузданного обхождения с обоих сторон или же только с одной которой-либо. Когда ничего вредного от этих впечатлений не чувствуют, это показывает, скорее, неспособность совсем внимать себе: *«если не имеешь помыслов, то имеешь дело»*¹³⁰, можно сказать в таком случае человеку, который смеется над предосторожностями в обращении с другим полом и хвалится своей бесстрастием. (Действительно, кто не борется в душе со страстью, а прямо впадает в плотской грех, тот по бесчувственности своей и перестает возмущаться помыслами). Или же не чувствуют вреда от свободного обращения с другим полом в то одно лишь время, когда воспринимают впечатления. Придя же домой или оставшись в уединении, мужчина (равно, как в своем месте и в свою очередь, и женщина) после коротких разговоров между

собой, после свободных телодвижений, например, во время игры, чувствуют в себе полную войну: в их душе остаются и беспокоят их и красивое лицо, и приятный голос, и взгляд, и походка, и одежда той личности, с которой они провели время. Нет, ни от чего столько не может возникнуть сильнейшее искушение к блудной страсти и последовать самое падение ею, как от свободного обращения с другим полом. В других случаях свободное до дерзости обращение с ближним сопровождается другими вредными последствиями, а с лицами иного пола оно ведет к потере целомудрия. Это сознали все, которые старались сохранить себя целомудренными. Тут и ничтожное обстоятельство вдруг может изменить расположенность душевную и самый образ мыслей. Итак, отчуждение себя от другого пола вне законного брака вовсе не произвол, а осознанная, после множества опытов, необходимость. Во все это не вражда или пренебрежение, а напротив – истинная любовь к ближнему, которая с сознанием своей и чужой немощи охраняет от падения себя и других. И грешат, посему, грешат против своего целомудрия (особенно так в нынешний век) позволяющие себе вольное обращение с другим полом, даже смеющиеся над девственной скромностью других, поставляющие, например, в молодой девице признаком образованности смелость и открытость ее, которые будто бы не дают заметить в ней женской слабости.

Желание нравиться, чтоб прельстить собой другой пол

«Но ты понадеялась на красоту твою и, пользуясь славой твоею, стала блудить и расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего...» (Иез.16:15). Желание прельстить собой, однако, обнаруживают не одни женщины, но и мужчины. Оно возникает от сознания своей красоты. Да; и мужчины любят рисоваться красотой своего лица или всего стана пред женским полом; натурально или искусственно они отличают себя тем, что особенно может нравиться в них женскому полу, как, например, осанка, звучный голос; заучивают какие-нибудь стихотворения, анекдоты, поговорки, чтобы занимать и веселить женский пол. Но как это неблагонамеренно и неумно со стороны их! Они должны бы, напротив, показывать себя пред женщинами примером рассудительности и степенности. Должны бы щадить женщину, как существо слабее себя, от соблазна, от прельщения своею красотой. (Святые же Божии, если обладали особенной красотой, то с особенным же старанием избегали встречи с женским полом, и даже иные из них носили в таком случае на лице своем покрывало, как например, Димитрий Прилуцкий (Четь-мин. под 11 февраля)).

Но преимущественно прельщать своей наружностью – порок женского пола (так называемое, кокетство). У девицы или женщины, которые усвоили себе этот порок – и взгляд, и улыбка, и тон речи, и походка, и все движения (не говоря здесь о том, что относится к одежде): все у них направлено к тому, чтобы привлечь к себе внимание других, чтобы понравиться другому полу. При недостатке же природной красоты или при упадке ее с годами, искусство прельщать собой усиливается или только в силу привычки не оставляется, делаясь уже тогда смешным и жалким: тогда-то, например, употребляют румяна, как румянилась Иезавель (4Цар.9:30), чернят брови сажей (равно, как постаревшие мужчины красят седины в своей голове, забывая слова Спасителя: *«не можешь одного волоса сделать белым или черным»* (Мф.5:36)). Это женская прелесть

сильно расстраивает дух страстных мужчин; она играет душами других, приманивает к себе всех без цели или, большею частью, для того только, чтоб поторжествовать своей красивой наружностью. Как погрешает здесь женский пол! Когда Евангелие строго говорит к мужчине: *«всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует»* (Мф.5:28), тогда оно возвышает и женщину, устраняя, охраняя ее от чувственного наслаждения со стороны мужчины. А между тем, женщина своею женскою прелестью сама старается бросить в мужчину стрелу, хочет возбудить в нем чувственные пожелания. Не унижает ли она этим своего нравственного достоинства и не подлежит ли за прельщение мужчины тому же суду, какой произносится на мужчину за похотный взгляд на нее? Вместе с тем, любя жеманство, кокетство, она сама поставляет себя в фальшивое (обманчивое) положение. Вместо любви или поклонения, мужчина проницательный платит ей тайным пренебрежением, а развратные в кругу подобных себе только осыпают ее насмешками. Нет! когда женское лицо чуждо всякого притворства, всякой заботы понравиться другому полу, когда оно показывает себя как есть, без ломки своего языка, без изнеженных повышений голоса, без ложных сожалений или ахов: тогда-то, напротив, эта простота, эта непринужденность, истина и скромность более всего украшают женщину и располагают к ней.

Чрезмерная угодливость женскому полу, или, так называемое, ухаживание

Женский пол, действительно, по самой природе своей требует, как бы, особенного внимания к нему. Он слабее мужского. Сказано: «сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт.2:18), «помощника», а не более. Эта сравнительная слабость, по самому созданию женского пола, увеличилась с грехопадением человека. После греха в раю, который усвоила себе прежде жена, уже вполне образовалось и теперь вполне прилично название женскому полу «немогшего сосуда» (1Пет.3:7). И вот, эта-то немощь женщин и требует особенного внимания к ним, но в каком смысле? Только в смысле «помощи, руководства, снисхождения, покровительства». «А что сверх этого, то от лукавого» (Мф.5:37). Так, например, отдавать особенную почтительность девице или женщине за один их пол: выполнять (в делах даже общественных или служебных) по их просьбе и ходатайству что-либо с уступками правде и закону; спешить угодить каждому желанию их; чрезмерно оберегать их покой, делать за них лично или же руками других то, что составляет существенный долг их; придумывать разные случаи, чтоб только вызвать у них улыбку довольства или слово благодарности, как бы и теряться духом, из лица мужественного и самостоятельного делаться бессильным, когда они прибавят себе красоты уборами; наконец, в самом храме Божиим раболепствовать пред ними: все это не имеет для себя никакого законного основания. Разве немощь составляет достоинство или заслугу человека? разве она дает особенное право на то, чтоб пользоваться уважительностью и всевозможными уступками со стороны других? Но, что же именно изобличает эта чрезмерная угодливость женскому полу? Ради чего мужчина унижает свое достоинство, как мужчина, поклоняясь женщине, раболепствуя пред ней? Ради только чувственных наклонностей своих. (Оттого-то нет уже раболепства лицам престарелым в женском поле. В древности, например, святые жены Таисия и

Пелагея, обладавшие привлекательной красотой, до обращения своего в полном смысле были кумиром для похотливых мужчин; богатые кидали к ногам их огромные деньги, а небогатые разорялись для них займами: когда они проходили или проезжали по улице свита поклонников всякого возраста окружала их (Четь-мин. под 8 окт.). Ухаживая за женским полом, мужчина питает в себе внутреннюю похоть таким сознанием, что на него обращается внимание женского лица, что женское лицо к нему признательно и сочувствует: да и то одно ему приятно, что он вращается в кругу женщин. А затем, или в иное время, этот поклонник достигает на самом деле худой цели. Зато, достигнув своей цели, не он уже (как бывает в большинстве случаев) раболепствует женскому лицу, а женское лицо делается ему рабом. Да; для самого женского пола чрезмерная угодливость ему со стороны мужчин составляет великое искушение. Женщина и без того любит, чтоб на нее обращали внимание: она, так сказать, притягивается сама к себе и притягивает все стороннее, потому что живет почти исключительно внутреннею домашнею жизнью. А когда еще пред ней раболепствуют, поклоняются: тогда она, если не воспитана родителями в страхе Божиим, если и затем нет на нее разумного влияния ни брата, ни мужа, тогда тем более она прихотничает, портится нравственно, а в конце всего – готова бывает жертвовать сама всем для прихотей мужчины. Отсюда происходит грубое падение иногда самой благородной прелестницы. (Например, целование наедине посторонним мужчиною рук у женского лица – такое опасное искушение для женщины, что нужно ей спастись бегством, чтоб не пасть). Итак, сколь же это положение женщины: *«быть ей тварию поклоняемою»* и противно достоинству мужчин, и вредит ей самой!

Возложение на себя одежды чужого пола и личины (маски)

Слово Божие и св. Церковь положительно запрещают то и другое. *«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье»* (Втор.22:5); *«никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене.. не носить личин»* (6 Всел. 62). В полном маскараде, когда т.е. мужчина на время надевает на себя все женские одежды, а женщина – мужские, когда самое лицо покрывается маской и изменяется голос: здесь-то как же легко быть вольному обхождению и худому сближению между собой двух полов! И сколько, действительно, под масками говорится недоброго, возбуждающего к подозрениям и интригам! По номоканону виновные в этом грехе подлежат отлучению от Церкви (ст.23). (Если же некоторые из святых подвижниц принимали на себя полный вид мужчин, если под мужским именем поступали в мужские монастыри, то, с одной стороны, нужда, по которой они решились на это, а с другой – подвижническая цель их, совершенно оправдывали их (Гангр. 17 и 13). Но враг-дьявол нападал на них в таком случае другим искушением – неестественным подозрением их в нарушении целомудрия). Но и смешивать только одежду полов, даже и у детей, не следует, сколько бы время и обычай ни разнообразили ее. Почему же? Также по причинам нравственным. Для мужчины принадлежности женских уборов (например, глухая верхняя рубашка наподобие женского платья, разные бантики и ленточки) бывают соблазнительным напоминанием о женском поле. Если только и висит на глазах женское платье, если лежит пред глазами женская обувь, – и то уже иногда соблазняет). А на женском лице подобия мужского платья и вида (например, мужское пальто и полусюртук с застегнутыми пуговицами, обувь со стуком или на высоких каблуках, большой пояс, шапка, сдвинутая, притом, на ухо, шнурки как у военных), – на нем все это показывает отсутствие скромности, или крайнюю развязность в отношении к мужскому полу. (Особенно же

стрижка волос без всякой нужды в женском лице предосудительна. По учению слова Божия ([1Кор.11:10](#)) и по смыслу соборных правил (Гангр. пр. 17), волосы у женщины напоминают о ее зависимости от мужа. Как «серафимы, лица закрывающие» ([Ис.6:2](#)) в службе пред Богом, так и не стригушая своих волос и прикрытая ими женщина с боязнью и почитанием относится к мужу. Следовательно, если какая женщина или девица сбрасывает с себя волосы, это значит – она сбрасывает ту зависимость, которая возложена на нее Самим Богом, и как бы тем она хочет перешагнуть в мужской пол. Прежде стригли только избличенных блудниц, именно в наказание за их порочную жизнь и в знак того, что она потеряла женскую стыдливость. В виду таких-то нравственных причин и поставляется в вину даже смесь костюмов мужского и женского, а не только полное переряживание одного пола в другой. В этой смеси более ложным выходит положение опять-таки женского лица. Одеваясь по-мужски, женщина будто думает придать себе тем мужскую воинственность. Но нет! Ей не быть сильнее мужчины (говоря вообще), а исканием силы через мужские наряды она только теряет свои женственные достоинства, лишается должного к себе почитания.

Подсматривание на чужую обнаженность или полуобнаженность

Пример Давида, который *«увидел... купающуюся женщину ..., и послал... взять ее, и она пришла к нему. И он спал с нею»* (2Цар.11:2–3) показывает, как быстро пробуждается половое стремление при взгляде на обнаженных или только полуобнаженных лиц другого пола. Иметь совершенную нечувствительность к различию тел, т.е., чтоб мужчине бесстрастно смотреть на женскую обнаженность, а женщине – на мужскую (например, когда Симеона юродивого втащили в баню моющихся женщин, то он ничего страстного в себе не чувствовал (Четь-мин. под 21 июля), – это есть самая высокая степень целомудрия, свойственная немногим. Полагаться же на свое бесстрастие в настоящем случае, думать быть крепче Давида – весьма опасно. Нет; не должны мы во всю жизнь свою верить этой плоти, особенно те из нас, которые испытали сласть плотскую. Поэтому должны мы избегать всякого взгляда на чужую обнаженность, например, когда женщины занимаются обиходом домашним (мытьё полов, белья), когда кто спит, раскидавшись: лучше по возможности не видеть чужой обнаженности и одинакового пола, как поступили умные сыновья Ноя в отношении к своему отцу. (Случайный и мимолетный взгляд на чужую обнаженность бывает особенно для тех, которые сражаются в себе за целомудрие). Кто же намеренно отыскивает случаи к тому и с услаждением останавливает свои глаза на том, как лица другого пола остаются почему-либо в обнаженном или полуобнаженном виде, – тот и безрассуден в своем любопытстве¹³¹; потому что одна форма у тел человеческих в мужском и женском роде и, кроме полового различия, каждый может судить о чужом теле по своему; а главное, тот в высшей степени возбуждает себя к сладострастию.

Соблазн на собственную наготу

По чувству христианского целомудрия требуется стыдиться и себя, или собственной наготы. Одни из святых, как, например, Антоний Великий (Четь-мин. под 16 января), никогда не видели обнаженным своего тела; другие, как Тихон Задонский, под конец своей жизни, или, иначе сказать, в конце своих духовных подвигов, также переставали омыwać свое тело в бане; еще иные, строгие хранители своего целомудрия, стыдились и своей комнаты, когда переодевались, особенно до сорочки, почему и употребляли на сей раз ширму; стыдились также некоторые и сияющего на них солнца, когда должны были обнажиться на открытом воздухе; значит, стыдились не только других и самих себя, но и неодушевленной природы; наконец, что же? Одни, обнажаясь, чувствовали стыд и от присутствия существ бестелесной и святой природы, например, своего ангела-хранителя, который сопутствовал им в дороге и при котором они должны были раздеться, чтобы переплыть через речку, когда не случилось на берегу лодки (из Алфав. Патерика). Вообще, строжайшие хранители своего целомудрия между святыми, как например, (кроме Антония Велик.) Пахомий, Аммоний, Серапион и другие советовали и сподвижникам своим не обнажать своего тела иначе, как только в случае тяжелой болезни или особенной нужды. Конечно, не напрасно же или по излишнему опасению они прибегали к такой утонченной осторожности, как и не напрасно названы Церковью и в истории «великими», нет, но вследствие глубокого изучения этой мудрейшей науки: «как избежать страстей». В настоящем нашем состоянии, которое есть состояние падения, потеря первобытной наготы, теперь-то свойственное каждому человеку скрывать и от себя собственную обнаженность, напоминающую о первом грехе, чем засматриваться на нее. Взгляд с услаждением на обнаженные свои члены легко приводит к мысли о противоположном поле и к удовлетворению плотской похоти. Особенно такой взгляд сопровождается смущением для

тех, которые ведут жизнь высокоцеломудренную. Вот, они руки свои видят всегда обнаженными, и этого довольно кажется им.

Не отклонение себя от живых соблазнительных картин плотской похоти

Когда из стана еврейского один на глазах всех ввел в свой дом женщину для блуда, эта живая соблазнительная картина, напротив, нисколько не изменила в прочих печального настроения духа, в каком они находились по одному случаю, а Фенееса и вызвала на особенную ревность против соблазна (Чис.25:6–9). Нравственный, целомудренный человек никогда не окажет сочувствия к живым картинам плотского греха, которые случайно или неожиданно попадут ему на глаза, но и спешит отклонить себя от них. (Это, например, уличная встреча с двумя лицами, которые изъявляют друг к другу знаки незаконной любви, и другие где-либо неожиданные скверные встречи; это неожиданное же показ бесстыдными людьми скверного изображения в резьбе или рисунке, которым они сами любуются, которого разыскивали; это картины и скотской похоти, часто встречаемый на улице). Страшный у нас предатель – рассеянный глаз. Греховные впечатления на прочие чувства с меньшей борьбой проходят или же, скорее, изглаждаются противными впечатлениями; например, если кто слышал с услаждением страстную музыку, а вслед за тем услышит чей-либо жалобный плач, первое впечатление подавляется в нем последним. А через глаз впечатление скверное, как, вот, в особенности это – сладострастное, точно насквозь проникает человека. Оно и в присутствии, и в отсутствии соблазнительного предмета мучит душу. Оно надолго остается в душе, смущая ее грязным представлением. Итак, нравственный человек, как от чумы, отвращает глаза свои и бежит от живых картин или напоминаний плотской похоти. Когда волей или неволей с некоторым услаждением и любопытством, или же без этого, он посмотрел на такие картины, тогда помогают ему (и часто одним разом) отрешиться от них то, чтоб, войдя с благоговением в церковь, стать пред иконостас.

Украшение дома, особенно опочивальни, соблазнительными картинами или статуями

«Коврами я убрал постель мою, ...спальню мою надушил смирною... и корицею; зайди, будем упиваться нежностями до утра» (Притч.7:16). Против этого греха сказано на одном из вселенских соборов: «картины и статуи, обаяющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенения нечистых удовольствий, не позволяем ... начертывати» (Правило 100 Трулльского собора). Любящие соблазнительную обстановку, особенно своей спальни, обнаруживают в себе в высшей степени сладострастное направление: приманку для своей похоти они поставляют ближе к тому месту, где и может удовлетворяться похоть. И, как некогда Далила усыпила в своих объятиях сильного Самсона (Суд.16:14): так каждая спальня, которая украшена обнаженными статуями, картинами нечистой любви, подобными же картинками в альбоме, может усыпить, расслабить дух даже и твердого в целомудрии человека. Сюда же надобно отнести пуховики, шелковые одеяла и занавесы, которые тоже довольно заманчивы для похоти плотской. Еще – «сосудцы с духами» (Ис.3:19), или обилие помад, духов и разные куренья, вроде сказанной корицы. Все это в спальнях, действуя на обоняние, однако, не облагораживает и не возвышает духа, а только расслабляет дух. (А, вот, святые же Божии, какими и мы все по христианству должны быть (1Пет.2:9), совсем не так смотрели на свою постель. Для них постель казалась как бы могилою. Ложась спать, они представляли себе, что, может быть, наступающая ночь будет для них уже последней. Так и в молитвослове при вечерних молитвах дается ревнующим о спасении души наставление: «засни, помышляя день судный... Аще обрящеши возглавицу мяжку, остави ю, а камень подложи Христа ради». Если же нападал на святых в их спальни или ночью блудный помысел, то они, между прочим, тотчас зажигали свечу¹³²; потому что к свету меньше идут темные и скверные мысли, потому что враг-

дьявол, как сам тьма, и нападает на людей с соблазнами больше во тьме.

Разжжение похоти искусственными способами

Закон Божий внушает: *«умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть»* (Кол.3:5). Искусственно же разжигая в себе похоть то внутренними горячительными средствами, между которыми первое место занимает *«вино, от которого бывает распутство»* (Еф.5:18), то внешними – механическими, о которых *«стыдно и говорить»* (Еф.5:12), – поступая так, человек делает насилие и вред своему организму. Это есть сладострастное приготовление себя к блуду, иногда и остающееся только приготовлением, но нравящееся, в то же время, само по себе. Если же после него иной решительно согрешает, то уже согрешает, когда бы и не хотел (со стороны плоти) согрешить или, когда бы легко мог обойтись без греха. Тело его усмирено чем-нибудь, например, болезнью, малым и холодным питанием, усидчивым занятием; а, между тем, душе желается блуд; похотливая душа с усилием вызывает страсть и в теле. Такое-то усиленное желание согрешить со стороны души, и составляет здесь вину. Но сугубо грешит тот, кто разжигает искусственным способом похоть и в другом лице, с сознанием ли этого лица или скрытно от него. Чем ближе иной к старости лет, но, чем более развита в нем внутренняя похоть, тем скорее этот человек употребляет разные подстрекательства к тому, или чаще прибегает к искусственным способам для того, чтоб разжечь в себе телесную похоть. Сюда же относится грех некоторых из женского пола, известный под словами: *«присушить, приворотить»*. О нем сказано в номоканоне: *«жены, покушающиеся некими обояниями привлечь неких в любовь к себе ...»* (гл.13); о нем же можно читать в житии св. Киприана и Иустины (Четь-мин. под 2 окт.). Вообще же, искусственное разжжение похоти напоминает и об идолослужении язычников, у которых некоторые службы божествам совершались удовлетворением плотской страсти.

О, если б человек старался водворить, твердо поместить в самой душе своей чувство целомудрия. Тогда бы не только

душа не подстрекала ко греху холодное и ослабевшее тело, но и горячая молодая плоть была бы смиренной пред душой!

Изысканная и нескромная одежда

Церковные правила не осуждают и шелковых одежд, кто носит их «с благоговением»¹³³. Вообще нет нашей речи об одеждах, которых требуют приличие, звание и сан, которые заводятся не сверх состояния и показывают вкус, чувство изящного. Целомудрию противны, собственно, «нарядность» одежд «или одеяния риз, лепота» (1Пет.3:3) ... Так, гоняются за модными одеждами, которых характер – непрерывные перемены, да перемены часто к худшему, менее изящному и удобному; употребляют излишние украшения, например, у женского пола это заграничные шелка, бархат, браслеты, подбавляющие красоты рукам; заграничные шелка, бархаты, браслеты, подбавляющие красоты рукам; сюда же идут те наряды, против которых сильно восставали в дщерях сионских древние пророки: «красивые и гремящие цепочки, серьги и множество колец на руке, ожерелья на шею, запястья (рукавнички), увясла (повязки на голову)» (Ис.3:16–22). Такая изысканность в одеждах («щегольство») в пользу ли целомудрия говорит? Нет! Тех, которые гоняются за ней, безусловно, или ради моды, тех она плохо рекомендует и не приведет к добру. Люди нецеломудренного поведения всегда отличались щегольством, и поэтому чрезмерное щегольство можно считать предвестником потери целомудрия. В апокалипсисе нарядные одежды, украшения золотом, драгоценными камнями и жемчугом преимущественно усваиваются блуднице (Откр.17:4–5). (А в житиях тех святых жен, которые были блудницами и любили украшать себя дорогими одеждами, читаем, что эти жены, когда обращались к Богу, то называли прежние свои украшения не иначе, как «проклятыми дарами», без сомнения, в смысле приобретения их от разврата. Покаявшиеся грешницы не смели приносить свои наряды в церковь для пожертвования и даже сжигали их на глазах у всех¹³⁴). Св. отцы и проповедники, писавшие, или говорившие против щегольства, всегда были того убеждения, что страстная привязанность к нарядам доказывает

решительную развращенность или положение человека на полдороге к развращенности¹³⁵. И действительно, эта страсть главнее всего происходит от желания нравиться другому полу. А такое стремление естественно развивает ветренность, суетность. (Благовоспитанные же юноши и девицы, или твердые в доброй нравственности мужчины и женщины не будут, подобно застаревшему ребенку, привязываться ко всему яркому, цветному, издающему от себя звук или шум. Эти личности будут только наблюдать приличную скромность и изящность в своих одеждах). Ветренность, суетность, отсутствие серьезной мысли и серьезного дела в жизни чрезмерные любители нарядов доказывают и тем, как пользуются своими нарядами. Стоит посмотреть на дело и только глазами здравого рассуждения. Например, к чему же это иной мужчина по целому часу проводит в занятии своим туалетом, скорее, потерпит несколько пятен на своей душе, чем малое пятнышко на платье, и все свое состояние тратит на то, чтоб «во что одеться?» (Мф.6:31). Зачем это девица или молодая женщина перед выходом из своего дома, а особенно перед каким-либо праздником в своем доме или в кругу знакомых (например, и перед каждым вечером), зачем в продолжении многих часов не могут насмотреться в зеркало, требуют взаимной проверки хорошо ли на них все лежит и взаимных услуг при этом убранстве? Сколько соперничества в нарядах со своими знакомыми! Сколько пересудов – к лицу или не к лицу тот и другая одеты! К чему это украшение ног такою вычурною и ценною обувью, и почет этой обуви до того, что не в часы употребления она полагается на стол наравне с головным убором?

Затем, грешна, собственно, *нескромность, нецеломудренность* одеяний. У мужчин, например, это короткость сюртуков. Женщины обнажают шею и руки или только покрывают себя легкими (лицемерными) покровами, обрисовывают талию, делают разные складки, чтоб обратить внимание на соблазнительные места... Не признак ли это, что и сердца этих девиц или женщин вполне доступны для другого пола? Да; такой наряд, как раскрытая грудь, обнаженные руки дальше локтей, такой полуобнаженный наряд («декольте»)

естественно подавляет стыдливость и возбуждает порочные страсти, как в зрителях, так и в тех, которые таким образом наряжаются. Относительно нескромности в туалете нельзя еще не сделать особенного замечания о волосах у женского пола. Женщины как-то не могут справиться со своими волосами. Волосы, действительно, составляют природное украшение их. Но эту природную красу они и еще стараются увеличить, да только не всегда скромно. То они завивают у себя волосы, чтобы вились кудрями; то развивают и оставляют их колебаться; то понижают, то поднимают, обременяя голову (шиньонами) пуком чужих волос (и, может быть, эти волосы с бедного мертвеца какого), и, как бы думая *«приложити возрасту своему лакоть един»* (Мф.6:27); то делают волосы златовидными, вплетая в них золотые вещи: то, наконец, совсем лишают себя этого естественного украшения. Не напрасно же и в апостольских посланиях писалось против нескромного плетения волос (1Пет.3:3–5). Между тем, сообразнее было бы с природою женщины, и, следовательно, с правилами женской скромности, в той или иной степени прикрывать голову, и не только так на молитве в церкви, но и во всякое время при выходе куда-либо. И вот, когда к изысканности-то или драгоценности одежд присоединяется еще и нескромность их, затем особенное уменье, как у женщин, обратить внимание других на то, что в этих одеждах есть нового, когда одевающаяся так девица или женщина, притом, молода и красива: после всего этого уже готово полнейшее *«прельщение очей мужских»*. Тогда похотливые юноши и мужчины *«раскрыв рот, смотрят на разряженную и красивую»* (2Ездр.4:19)».

Наконец, в отношении к целомудрию и материал одежды не безразличен; например, шерстяная одежда, намеренно или только по недоразумению надеваемая на свое тело, особенная мягкость, теплота платья изнеживают тело и возбуждают плоть (не без причины же многие подвижники носили на себе грубые власяницы). Сюда же следует отнести разные мыла для омовения, масти для натираний, духи для вспыскиваний. (Например, в древнем Риме богатые женщины, убивая свое

время на уборы и наряды, каких средств не придумывали, чтобы придать себе красоты и грациозности! Они имели по несколько сот ослиц, чтоб только пользоваться молоком этих животных для своих омовений).

Итак, можно ли сомневаться в том, что нарядные и нескромные одежды, изысканная мягкость или теплота их, и другие разнеживающие плоть принадлежности к ним, можно ли иметь сомнение, что все это взятое вместе, располагает к нецеломудрию, портит нравственность? В виду всего этого, апостол Павел, дозволяя *«украшение лепотное»* (т.е. приличное), и предостерегает всех девиц и женщин-христианок: *«со стыдливостью и целомудрием, украшали себя»* (1Тим.2:9). О, как прискорбна для Церкви эта нынешняя погоня за нарядами! и как желательна коренная перемена некоторых нарядов!

Виды телесного блуда

Скоктание, или щекотание; страстное осязание и лобызание

«Скоктания и иные тмочисленные страсти не оскудеша от Мене» (Из мол. ко св. причащ.). Если чувства зрения и слуха, с одной стороны, могут вносить в душу нецеломудренный помысл, а с другой – в сладострастном и удовлетворяют своим образом его плотскую похоть, то тем более чувством осязания, или самым прикосновением к другому полу, возбуждается и питается плотская похоть. Таково, например, щекотание в виде игры; таковы поцелуи или так же во время общей игры и по форме самой игры, или же решительно сладострастные (еще хуже, у некоторых сектантов они прикрыты Христовою любовью, а у иных православных христосованьем во дни Пасхи: христосуются с другим полом только для того, чтобы испытать при этом приятное ощущение от прикосновения к другому полу); таковы страстные или любовные обнимания. Подобные-то прикосновения к лицам другого или даже одинакового пола (иногда, впрочем, они бывают случайными, ненамеренными) и порывают к действительному падению... Вообще, чувство осязания самое опасное в отношении к целомудрию, и, следовательно, требует от человека особенной сдержанности. Скажут нам: «Любовные лобзания и объятия еще не оставляют никакого следа на теле, например, девицы; тело от них не растлевается. Что же тут смущаться?» Пусть так, ими нельзя доказать или изобличить следов нецеломудрия. Но тело девицы или юноши после этого уже не остается чистым от постыдного прикосновения, и эти незаконные поцелуи, и объятия, как огонь, должны жечь совесть их.

Искушения во сне

Нехорошие ночные грезы иногда вменяются в вину, а иногда остаются без всякого вменения. Вменяются, когда, например, человек в продолжении дня допустил сладострастный взгляд на лицо другого пола или такой же разговор с кем. Душа легко воспроизводит все это во сне, и вот, человек подвергается осквернению и по душе, и по телу. В другой раз человек засыпает с нехорошими мыслями. (Эти мысли предлагают ему и бесы блуда на том, именно, основании, или в такой надежде, что затем одной душе его, когда тело заснет и прекратится сознательная деятельность души и тела, одной душе труднее будет бороться с искушением, которого задатки уже полагаются). А последние вечерние мысли, и особенно, на самой постели, важны. Они бывают главными во время сна и первыми поутру: что задано будет мельнице с вечера молотъ, то она и работает (мелет) всю ночь. Таким образом, и опять застигает человека сонная греза, противная чистоте души и тела, хотя здесь и меньшая степень вины, чем после сладострастного взгляда, разговора или прикосновения; потому что здесь повод к ночному искушению не был поставлен пред глаза, а мысли о предметах отвлеченных, вообще, сопровождаются едва ощутительными движениями в нас.

Вменяется сонное искушение, когда происходит от многоядения и многопития, особенно от переполнения желудка жидкостью. Предаваясь излишней сытости, человек делает от себя дополнение к чувственному, а, таким образом, и дается ему знать то естественное движение, которое, собственно, предназначено для чадородия. (Вредит на сей раз также лежание на спине, а не на боках, покрытие себя слишком теплым одеянием). Но и пороки в характере духовном, как самомнение и обсуждение ближнего, иногда наказывают человека искушением во сне: тогда опять естественная страсть дает о себе знать, чтоб человек научился смирению, чтобы не почитал себя высоким. «Но за что же (скажут) винить человека, когда он в сонном состоянии не проявляет свободных действий,

так как свободные только действия должны быть вменяемы?» Здесь человек подлежит ответственности за последствие того, что делал свободно и с сознанием, подобно тому, как нетрезвый обвиняется же в тех безобразных поступках, которые допустил без памяти и полного сознания. Может быть, еще искушенный во сне и не помолился перед сном своему ангелу-хранителю, не осенял своим (нагрудным) крестом место своего ночлега, или постель, *«от главы и до ног, такожде и от всех стран»*¹³⁶, не крестился снова и не возносился мыслью к Богу после того, как, пробуждаясь ночью, вставал и снова засыпал.

Но вот, когда не было ни прямых поводов к искушению во сне, ни опущений молитвенных, за которые могло бы оно постигнуть нас; когда оно последовало от минутного лишь обращения мысли нашей к другому полу, притом, невольного обращения; когда оно застигло нас даже после поста и молитвы; словом, когда оно случилось, как естественное телесное движение (от множества влаг) или же очевидно по одной зависти дьявольской, в этих-то случаях нет греха и чувству целомудрия нечего тревожиться от сонных грез: *«яже суть безгрешна»*, сказано в церковных наставлениях. (Иногда же и молитвы нашей не было, и постель, или сами мы не оградили себя крестом, между тем, искушения во сне не случилось. Здесь опять своя хитрость у врага. Он располагает нас не верить молитве и крестному знамению, и с этой-то целью оставляет нас в покое от ночного искушения, хоть бы мы вовсе без молитвы заснули). Пусть иным снилось бы и прямое совокупление с посторонним телом, иногда даже с умершим (например, вдове с ее мужем): печаливать себя после этих скверных сновидений не следует¹³⁷. Только кто может – должен, очистившись телесно (в случае самого истечения), прочесть «молитвы от осквернения». В затруднительном же случае может осквернившийся (как советуют святые подвижники) положить поклоны, например, семь раз по семь¹³⁸ или только по одному, а то (когда и коленопреклонения не положены), можно столько же прочесть молитву Иисусову. Надобно, однако, заметить, что сонное искушение, собственно, по зависти дьявола, без тех или иных поводов со стороны человека, не может повторяться

часто. А твердые в правилах целомудрия или супружеского воздержания и совсем не подвергаются ему.

Возобновление в памяти сонного соблазна

Это значит содействовать дьяволу, как участнику сонного нашего соблазна, в достижении его цели; потому что он с тем, между прочим, намерением и представляет нам во сне соблазнительные образы плотского греха, чтоб мы снова осквернили этой нечистотой свою душу, вспоминая ее. Например, яснее представляется сознанию, по короткости сна, тот сонный соблазн, который последовал во время послеобеденного отдыха. И вот, кто, пробудившись, не воспротивится возобновлению в памяти того, что грезилось приятно для плоти, тот развращает свою душу и вызывает себя на грех. Это действия сознательные, свободные, и, следовательно, вполне вменяются. Нет, и более верным средством к тому, чтоб реже или совсем не испытывать нам дьявольских искушений во сне, признается: не обращать на них внимания, забывать их, если особенно они бывают в одном сонном представлении, без телесного осквернения.

Истечения

Это скверные истечения кроме сна, или наяву. Если они происходят от слабости известных органов (подобно тому, как поврежденная, ослабленная плотина пропускает через себя воду), то слабость, или болезнь своего рода, не могла же прийти без нравственной вины человека. Но самые поводы, или случаи, при которых обнаруживается эта телесная слабость, всего яснее доказывают чью-либо вину. В самом деле, когда человек подвергается наяву известным истечениям? Когда вдруг встречает красивое лицо другого пола; когда ожидает для себя сласти греховной; когда с любопытством расспрашивает или выслушивает, как другим кем совершен был плотской грех; когда после самых коротких промежутков времени снова удовлетворяет половой страсти; когда, наконец, наедине думу за думой переводит в себе, представляя соблазнительные лица иного пола. Таким образом, и понятно, почему у святых подвижников истечения наяву называются «пределом блуда». И как же человеку не совеститься самого себя, когда он ходит, или сидит, или разговаривает с другими, может быть, даже с семейными своими, а между тем, сам весь в осквернении! Нужно, с Божией помощью, подавлять в душе плотские пожелания, а тело утомлять, чтоб оно менее воевало. Нужно вспомнить о своем ангеле-хранителе, которому тяжело быть с тем человеком, который находится *«в скверне плоти и духа»* (2Кор.7:1).

Лишение себя невинности или целомудрия

«Юношей также увещевай быть целомудренными» (Тит.2:6); «отвергнув и мирские похоти, целомудренно жили» (Тит.2:12). Слова: «увещевай» (умоляй) и «отвергнув» (значит не без борьбы с собой) показывают, что целомудрие юноши или девицы должно быть сохранено не как-нибудь случайно, т.е. по отсутствию только поводов, соблазнов к потере его, и не по одному стыду ее со стороны людей или из боязни родителей, но с сознанием, с твердостью, в чувстве страха Божия, с надеждою на награду от Господа Бога. «Случайно» только избежать растления себя, или оставаться целомудренным только в физическом смысле, а в душе не дорожить целомудрием, а внутренне не считать целомудрия подвигом и богоугодною добродетелью, – это еще не заслуга: пять юродивых тоже оставались девами, но пред ними затворены были двери в брачный чертог (Мф.25:10). Нет; важно – когда чья-либо девственная невинность, сохраняемая с начала и до конца жизни по особенному обету или без обета (т.е. по обстоятельствам, которые не благоприятствовали в свое время жениться или выйти в замужество), – важно, когда эта пожизненная девственность еще встречала себе искушения. Важно особенно, если девственница или девственник не усвоили себе от одиночества жесткого, или злого характера (а таков, большею частью, характер старых дев и холостяков); напротив, всегда и во всем в жизни держались и держатся духа евангельской доброты и терпеливости. К этому самому и может привести их разумное и строгое девство, как и вообще черты богоподобия беспрепятственнее и полнее отображаются или развиваются на чисто девственной душе, чем в людях, познающих сласть брака: «говорю это для вашей же пользы», внушает Апостол тем лицам, которые бы последовали его советам о безбрачном девстве (1Кор.7:35). В таком случае, целомудрие их – жертва Богу самая чистая, добродетель самая высокая. Герои такой добродетели называются в апокалипсисе «первенцами Богу, первые» предстоят «у престола Божия»

(Откр.14:4–5) в царстве вечном. (И у язычников в древности известно было девство, целомудренные девы – весталки – служили в идольском храме и пользовались особенным почетом. Но в христианстве девственность, например, женского же лица, считается гораздо выше, независимее: здесь дева может и не поступать для священного служения в церковь, как бы священная какая вещь, может и не быть ни диакониссой, ни сестрой милосердия; она сама по себе, тем более с обетом монашеским, уже жертва Богу, «невеста Христова»). «Почему же девство не поставлено в закон, если оно столь высоко? почему касательно его даются только советы»? Этим нисколько не умаляется достоинство его, а, напротив, возвышается. Значит девство – не иго закона; значит ему предлагают быть, как жертве, как дару пред Богом.

Затем, до брака же и каждый, действительно, обязан сохранить полную девственность. Это сохранение так необходимо и дорого, что равняется понятию или представлению: «сохранить благодать крещения». Да; отроческая и юношеская девственность, с одной стороны, составляет первый нравственный долг человека, а с другой – жертва и заслуга пред Богом, потому что достается не без некоторой борьбы с молодостью лет, с препятствиями в себе и отвне. В Ветхом Завете лучшими жертвами считались начатки плодов и первенцы животных, т.е. все первое, непорочное; так-то и целомудренная юность до брака есть святое жертвоприношение Богу. В то же время, это добрачное целомудрие награждает само себя. Устоявшие с Божией помощью против всех соблазнов до замужества или до женитьбы получают и на целую жизнь, в некоторой мере, нравственную твердость характера, или устойчивость добродетели. Прекрасный пример на этот раз видим в целомудренном Иосифе. Иосиф, богобоязненно отвергнув искушение жены Пентефрия, показал в себе твердость духа и за этим временем, именно, когда невинным попал в темницу (между тем, другие-то в унынии еще скорее предаются плотской страсти); он устоял вообще в верности и чистоте пред Богом и тогда, как возвысился во всем Египте. Да; одна победа над

соблазном для целомудрия, но победа самая крепкая, наделила Иосифа крепостью богобоязненного характера на всю жизнь (а надобно помнить, что это был соблазн мужчине со стороны женского лица). В Новом Завете святыми Божиими выходили большею частью те же лица, которые или во всю жизнь свою, или (если обязывались браком) до брака сохранили благодать крещения, т.е. девство свое, как можно понимать особенно на сей раз чистоту вслед за крещением.

После этих рассуждений не очевидна ли тяжкая-претяжкая вина такой девицы или такого юноши, которые не дорожат своею девственностью, как богоугодной святыней, которые произвольно жертвуют своим невинным состоянием? О, какая плачевная жалость! Эти молодые люди отнимают у самих себя сокровище, которого уже нельзя им в полном смысле воротить, к которому они будут обращаться назад только с глубокими вздохами раскаяния. Они должны бы преждевременно обдумать страшные последствия своего падения, т.е. прежде того времени, как страсть возобладала ими друг к другу. Так как первое падение не тотчас же бывает, но лица двух полов взаимно себя обольщают, то тут-то особенно и надлежало быть стражем своей невинности. Отсюда видна нужда хранить себя вообще против грехов «сердечной похоти». Скажут: «для всех падающих остается покаяние и исправление жизни; так и потерявший целомудрие может же снова уцеломудриться по телу и по душе». Но здесь падение особенное. Падший или падшая – хоть бы однажды только – уже перестали быть всегда юными, или детьми о Христе. Они не остаются более не ведущими зла, которое и могли бы знать, только со стороны тяжелой вменяемости пред Богом (в теории, а не на самом деле). Это первое. Затем, они, несчастные, ставят себя в затруднительное положение в отношении к самим себе. Они, может быть, думали только испытать сладость полового греха, а потом и остановиться. Но нет! Им уже нельзя не бояться и гораздо труднее избежать новых падений: и железо снова ломается в том месте, где сначала надломилось. Как редки примеры, чтоб, однажды нарушившие целомудрие (особенно лица мужского пола), снова не падали тем же грехом! Горькое

бывает сожаление после первого падения и полагается намерение не падать более, но первый сильный соблазн – и снова повторяется грех. Эти люди должны держать себя в постоянном напряжении и страхе, если хотят удержаться от нового падения (и менее они несчастны, а более близки к милости Божией, если остановятся на первом падении). Они должны переиспытать борьбу с такими помыслами, какие раньше, в невинном состоянии, совсем не были страшны им и не приступали к ним, подобно тому, как в огороженном саду недоступен бродячий скот. Наконец, говоря, собственно, о лице женском, которое потеряло свою невинность и которого вина не осталась тайною, – такая девица поставляет себя в неприязненное отношение и к другим, для которых особенно близка ее временная и вечная участь, с которыми тесно связана ее честь: это, например, родители ее, или вместо родителей – воспитатели, это братья и сестры ее. Между тем, как посторонние для нее, например, подруги, только оббегают ее и пренебрегают ей, – семейные же едва не проклинаят ее за падение. Когда же она выйдет в замужество, тогда жених ее, не зная ничего о ее вине, увидит себя обманутым, высказывает горькое раскаяние в своем выборе. Посему церковная епитимия за блуд, даже и самая меньшая, полагается до 3 лет (Вас. Вел. 38), как за тяжкий грех пред Богом и людьми, как за безрассудство против своего счастья. Но рассуждают: «иное молодое лицо женское или мужское теряет свою невинность только по излишней своей невинности или по неопытности, по незнанию зла, на которое решается; следовательно, для него не должно быть нравственного вменения греха». Не спорим, – возможны такие жалкие, несчастные случаи падения. Однако и самая молодая юность разве не могла сознавать неприличие и неправильность прикосновения к себе чужого тела? – Что же до тех, которые решаются расстаться со своим целомудрием уже в 25 лет, то это самые неразумные и тяжкие грешники; потому что они уже пережили особенно пылкие лета и, озираясь назад, должны были бы только благословлять Бога за свою невинность: – они совсем погубляют прежний свой подвиг.

О! как, с одной стороны, истинно счастливый тот человек, который собственным ли чувством страха Божия или, более, предостережениями добрых людей остался и остается целомудренным! Но с другой, как злосчастен, жалок произвольно жертвующей своею невинностью! В первом случае счастье, а во втором – несчастье, люди опытом дознают, особенно в дальнейшие годы после своей молодости. Пусть можно угодить Богу еще более покаянием, чем девством – это известная истина: тысячами примеров можно подтвердить ее. Но сколько же тут и особенной трудности! (Например, чего стоило Иакову Постнику загладить пред Богом потерю своего девства и одно только падение во всей жизни! Он в продолжение 10 лет находился заключенным в своей пещере, как в могиле, не позволял себе и взглянуть кверху). О, все те, которые еще остаются в состоянии девства до брака или совсем не имеют надежды на брак! Умоляем вас «апостольски», или по примеру Апостола: пожалейте же себя, не отдавайте ни за какие сокровища этого сокровища – своего девства! Пусть где-нибудь в жарком климате и камни от зноя распадаются, а вы не допустите сгореть на себе девству. Когда святым подвижникам и подвижницам, сохранявшим себя в девстве и целомудрии, предстояла опасность расстаться с девственностью своею и пасть в беззаконный блуд, – они и бегали, оставив самое платье свое, если могли убежать, – и умоляли, и устращали казнью Божией тех, которые соблазняли их ко греху, и представляли себе картину вечной муки пред самые глаза. (Известен пример, как пустынный, приняв ночью в свою келью блудницу, которая притворилась заблудившеюся в пустыне, и очутившись всего на шаг от блудницы и от греха, – как он жег персты своих рук над свечой, чтоб предошутить будущий огонь адский и остаться целомудренным)¹³⁹. О, нынешние юноши и девицы! Вас умолять к сохранению целомудрия Церковь имеет во сто раз более побуждений или опасений, чем в свое время умолял апостол Павел. И мы тысячу раз умоляем вас *«быть целомудренными»!*

Незаконная беременность

«Она беременна от блуда» (Быт.38:24). По-видимому, лишение себя девства и забеременение – соединенный грех. По-видимому, здесь нет новой вины в сравнении с тою девицею, которая так же лишила себя девства, но не подверглась беременности. Но это только, по-видимому. Беременность для стыдливой сколько-нибудь девицы или же женщины, не имеющей мужа, составляет явное Божие наказание за грех их и, так сказать, публичную епитимию им. А этим самым указывает на особенные обстоятельства в их грехе, которые увеличивают их вину. Так, может быть, иная пала в круг или сожительстве таких лиц, со стороны которых видела только хорошие примеры поведения. Другая, может быть, решилась на падение после многих предосторожностей, для которых поводом была замечаемая в ней вольность, но к которым она не хотела оказать внимания. Может быть, это был для иных уже не первичный грех, т. е. не первоначальное лишение себя девства или вдовьего целомудрия, или супружеской верности (в отсутствие мужа). Нет, – грех их повторялся неоднократно, но только не оставлял после себя в таком роде следа. Между тем, при тайности его, они, падающие, еще пользовались именем честных, не осуждая себя в душе, а даже осуждали и горделиво осмеивали других за подобную жизнь.

Во всяком случае, последствия незаконной беременности представляют большое зло. Так, забеременевшая, делает великую обиду самой себе. Она пристыжает себя пред всеми; лишается приличного себе жениха или остается навсегда не пристроенной (не замужней); подвергает себя опасности лишиться благословения от родителей, которые живы и чрезмерно огорчены ею: но во всяком разе лишается их нежной любви, которую они даже и готовы были бы по-прежнему питать к ней, может быть, за свойства ее кроткого характера, но уже не могут; безумно обрекает себя на страдания – носить бремя, родить и воспитывать незаконное дитя; сама поставляет себя в такое положение, что ей приходит новая, страшная мысль –

избавиться от беременности истреблением своего плода; видит опасность замучиться в родах и явиться на тот свет не успевшею показать плоды покаяния; в первой беременности может и не догадаться, что непраздна, и не знать – когда придет «год ее», время разрешения от бремени, потому что естественно стыдится или боится с кем-либо поговорить о своем страшном положении; а отсюда, родив вдруг и в доме же родительском, страшась плача своего младенца, и не придумав ничего раньше, – как обеспечить его и себя, тотчас посягает на его жизнь; так или иначе, родив дитя, не дает ему возможности лепетать сладкое имя отца, лишает его, вместе с тем, удовольствия разделять детские радости с братом или сестрой, потому что их нет или не должно быть; заставляет дитя большею частью вырастать на чужих руках; а главное, передает ему, как зачатому незаконно и сладострастно, наследственную склонность к сладострастию (Чис.14:18). Боже мой! какая же все это безжалостливость забеременевшей к самой себе и к своему плоду! – Затем, незаконная беременная женщина грешит против других, и, прежде всего, против своего родного дома: например, если это девица, то ее беременность поражает, как гроза, всю семью, весь дом; от такой неожиданной грозы прочие члены семьи и не знают куда скрыться: каким же неожиданным врагом для своих родных делается забеременевшая! Иногда еще она решается оклеветать невинного, как научит ее обольститель (таких примеров немало видим в житиях святых). А сколько она вызывает на себя соблазнительного говора или пересудов! Не отталкивает ли она от себя одним видом своей беременности, и, так сказать, не пугает ли каждого честного человека, который волей или неволей встречает ее? (К беременным же от законного брака чувствуются, напротив, уважение и сострадание). И вот, совокупность всех этих обстоятельств, несомненно, увеличивает пред Господом Богом вину незаконной беременности и дает основание смотреть на этот грех, как на грех особый, от потери целомудрия! Как же бы деве или вдове из-за одного опасения могущей быть беременности не утрашиться греха, и не оградить себя от падения всеми силами? Ради чего это,

несчастная, обрекает себя на тысячу сожалений, на позор людской и на множество неприятностей и страданий? Ради только кратковременного услаждения грехом. А стыд-позор от незаконной беременности будет иметь силу между людьми дотоле, пока по милости Божией будут оставаться в людях стыдливость и честность, сознание явного греха грехом. О, безумие! о, несчастье девицы, решающейся на грех против 7-ой заповеди! Не говоря уже о всех прочих винах по лишению себя девства, не должна ли бы ее утешить эта одна мысль, что может она забеременеть и родить? А что такое дело и естественно, и легко, могла же бы она знать, как и не скрывают этой страшной возможности от каждого еще невинного лица настоящие строки. Особенно преступна решимость на новый и новый грех такой девицы или женщины, которая, согрешая неоднократно, пощажены были от зачатия. Как же могли они знать, что после которого-либо из новых падений не застигнет их беременность?

Но с незаконно беременною женщиной должен разделять участь ее в отношении позора людского, справедливого гнева родителей ее и ответственности пред Богом и тот, который сделался виновником ее беременности. Если же этот человек и не изобличается обстоятельствами в своем грехе; если он ускользнул от суда гражданского и не преследуется общественным мнением – пред всевидящим и правосудным Богом – он злой преступник. Хоть бы ему и не говорила девица или женщина пред совершением греха: «если бесчестишь меня – можешь ли взять меня и пропитать», но такая речь должна была слышаться в его душе перед грехом. Итак, он должен спешить, пока не застигла его кара Божия, спешить принести самое слезное покаяние за незаконную беременность, которой сделался виною. К епитимии вообще за блуд, ему присоединяется еще особая епитимия.

Обольщение невинного лица

Как в раю дьявол обольщал Еву: «*что яко рече Бог*» и проч., так лукавый мужчина прельщает невинную девицу. Обольститель и говорит о невинной сладости плотского греха, и уверяет в ничтожной вине его, или вменяемости, и успокаивает ее за тайность и бесследность дела, а чаще всего, представляет скверное дело под видом чистой любви; ублажает ее, неразумную, самыми нежными именами, предлагает ей подарки, обещает на ней жениться; словом, употребляет во зло ее невинность и неполное ведение, пользуется слабостью ее пола. Когда же он достигнет своей цели; тогда так же скрывается со всеми своими обещаниями от жертвы своего соблазна, как скрылся от Евы дьявол-искуситель, выполнив свой замысел. Часто развратник первый же насмеивается над той, которую обольстил. Таким образом, здесь мы видим полное подражание дьяволу-искусителю. Но искуситель в раю проклят: не подобной ли участи подвергает себя и каждый, кто соблазняет невинную девицу или прельстил уже многих невинных, достигнув на этот раз какого-то сатанинского искусства или обаяния? Олоферн с первого дня, как увидел красивую Иудифь, искал случая обольстить ее, зная о чистоте ее жизни: и было попущено промыслом Божиим погибнуть ему от скоропостижной смерти (Иудиф.12:16–17;13:6–9). А, если само женское лицо обольщает невинного юношу или целомудренного мужчину: «*тенетами (мягкостью) устен (в блуд) привлече его*» (Притч.7:21); в таком случае, грех тем преступнее, чем более женскому лицу дано от природы стыдливости. Да; Господь Бог по Своему промыслению о людях оградил мужской и женский пол взаимною стыдливостью, и этим качеством в особенности наделил женщину. Итак, со стороны женщины величайший это грех, когда она, убив в себе стыд, обольщает невинного юношу или целомудренного мужчину, сама первая предлагает им постыдное дело. При таком-то бесстыдстве со стороны женщин (если бы оно повторялось часто) «*не бы спаслася всякая плоть*» (Мф.24:22).

(«Дочерью дьявола» назвал один подвижник женщину, которая дала слово пред развратными мужчинами лишить его девства и, не успев в своем дьявольском намерении, тут же отдала свою душу. Только чудотворная сила подвижника воскресила ее от смерти, и затем она обратилась навсегда к Богу)¹⁴⁰.

Насильственное растление

Жена Пентефрия употребила насилие над целомудренным Иосифом, хотя Иосиф и остался непобедим (Быт.39:12). Здесь видим прямое грабительство или настоящий разбой. Высматривают удобный час, когда напасть, нападают на сонную, на одинокую, на беззащитную, часто с угрозами убить, затворяют дверь, завязывают руки, не дают кричать или же поставляют невинную в такое положение, что и крик-жалоба не помогли бы ей в свое время, не оправдали бы, а, скорее, послужили бы к большему бесчестию ее. Эта обида несчастной девице, равно как родителям или родственникам ее, столь тяжкая, что, говоря по-человечески, трудно забыть ее. Чем может загладить ее в отношении к растленной растлитель? не тяжелее ли его обида всякой брани, всяких побоев и самого увечья? По правилам св. Апостолов этот человек отлучается от Церкви, и, вместе с тем, будучи холостым, обязывается взять за себя изнасилованную, хотя бы она была и убогая (Прав.67). Вина изнасилования тяжче, если виновный в насилии имел власть или надзор над невинной, как, например, господин над своей служанкой или опекун, или врач, и, если он употребил еще над невинной истязания. – Страшно и представить такие вины!»

Любодеяние, соединенное с насилием над другим лицом

Такому любодейному изнасилованию подвергалась, но спаслась от него, Сусанна, имевшая мужа и детей (Дан.13). Пусть здесь нет растления, или насильственного отнятия девства, пусть насилие употреблено над такой девицей, которая раньше потеряла целомудрие, или над вдовой, или над замужней женщиной. Но это блуд более преступный, чем по обоюдному согласию полов. Преступно насилие нравственному чувству изнасилованной. Слова нет, что девица согрешала же раньше. Но она не желала в данное время согрешить или, может быть, положила твердое намерение никогда более не падать этим грехом. Но вот, грубая сила порабощает ее своей страсти! Тем более преступно поругание над честной вдовицей; потому что и имущественная какая-либо обида вдове (например, отнятие у нее имения) почитается одним из самых тяжких грехов; а здесь ограбляется честь, целомудрие.

Наконец, изнасилование замужней женщины (кроме сластолюбия) включает в себе такие вины: тогда оскверняется честность чужого христианского брака; делается великая обида бедному мужу изнасилованной. В том случае, когда изнасилованная, избегая стыда или не имея никого свидетелей, не может вступить за себя, а особенно, беременев незаконно, и не может доказать пред своим мужем, что беременность ее от насилия. О! тогда сугубое отмщение ожидает безобразника от Самого Господа Бога.

Любодейным насилием частью почитается и такой блуд, когда кто, обольстив невинную девицу или вдову, затем подчиняет ее своему влиянию, как бы приковывает ее к себе; потому что сильна его природа и преобладает над несчастной его мужской характер. Обольщенная и лишенная целомудрия, уходит от своего соблазнителя, и опять приходит к нему, так как не имеет силы воли; не питает она к нему любви, и идет за ним, как *«вол идет на убой и как пес на цепь»* (Притч.7:22). Не мириться бы ей с пороком, восстать бы от падения в такой

верной надежде, что ее скоро простит Бог: и она была бы на пути спасения. И действительно, в своей порочной жизни эта падшая девица или женщина менее виновна, чем ее соблазнитель. Но горе, горе соблазнителю!

Подпадение чьему-либо насилию

С первого раза представляется, что грех насилия вменяется только тому, кто насильствовал, а не лицу здесь страдательному; потому что со стороны последнего была противная воля. Однако ж бывают такие обстоятельства (прежде или совместно), которые в некоторой мере делают виновным пред Богом и насилуемое лицо. Так, пусть иной хранил свое девство; но он, может быть, безразборчиво говорил про свою невинность с другими; притом, не был воздержан в питье вина, «*в нем же (скажем и здесь) есть блуд*» (Еф.5:18). И вот, завистливые и неблагонамеренные люди, желавшие сравнить его с собой по нарушению седьмой заповеди и посмеяться над ним, угостив его вином до беспамятства, лишили его целомудрия! (Твердые же в страхе Божиим, когда товарищи их насильно увлекали в свой круг для попойки и с целью развратить, бегали и в окна). Так, иная не берегла себя при своих выходах из дома, от семьи; не стеснялась оставаться на несколько времени одна в совершенном безлюдье с мужчиною; свободно входила по делу к неизвестным мужчинам (например, по торговле какой, по мытью белья), а также не ограждала себя в совместных или близких по расстоянию ночлегах от мужского пола, но так она поступала по одной рассеянности или в духе самонадеянности. И вот, лишив себя спасительной охраны ангела-хранителя своего, она подвергается насильственному растлению. Так, некоторые «нечисты и в самой чистоте своей», т.е. при физическом девстве или вдовьем целомудрии они вполне растлили свою душу любовными песнями, которые привыкли петь и слушать, романическим чтением, вольностью обхождения с мужским полом, слушанием рассказов о том, как иная где уловила в свои сети мужчину, и наоборот. И вот, для них насилием бывают только первые порывы со стороны насилующего, или одна неожиданность греха, но они не борются до конца с насилующим, или же прямо поддаются страсти, для увлечения которою иногда достаточно двух-трех минут. (Совсем иначе поступали богобоязненные девственники

и целомудренные люди, когда подвергались чьему-либо насилию: одни из них лучше решались принять смерть мученическую, чем отречься от Христа и, вместе с тем, лишиться своего целомудрия¹⁴¹; другие добровольно делали себе иные страдания и лишения, чтоб в минуты насилия не почувствовать чужой страсти¹⁴²; третьи же старались убедить (и убеждали) удержаться от греха, которые, подобно им, тоже никогда не осквернялись, но, которые, обладая над ними большею физическою силою и пламенея страстью, готовы были насиловать их¹⁴³: эти насилуемые с первого раза будто и уступали, но, между тем, у них была умная мысль только продлить время, чтоб в насилующем прошел порыв страсти). Итак, только для следующих лиц изнасилование несколько не поставляется в вину и составляет, действительно, одно несчастье: кто не мог ни убежать, ни кричать о помощи или же кричал, или кричала, но «не бе помогаяй» (Втор.22:26–27) им; который или которая сопротивлялись до последних сил и не соуслаждались чужой похоти; над которыми были употреблены истязания или была особенная власть¹⁴⁴; которые подверглись блудному осквернению в беспамятстве, или в неестественном сне, что произошло так же помимо их воли и было злоумышленно подготовлено тем же насилующим лицом. В подобных-то случаях блудное изнасилование равняется тому, как бы напал убийца.

О, лица целомудренные и не желающие потерять целомудрие! вооружитесь заранее твердостью воли против всякого бесстыдного обращения к вам какой-либо личности другого пола! Помните пример Иосифа, которого и несколько раз насилowała одна и та же жена Пентефрия, но он не послушался и не убоился ее (Быт.39:10).

Детораствление

Детораствлитель есть губитель и души, и тела той или того, которых раствлеает. В лицах, раствленных им прежде времени, т.е. до половой зрелости, преждевременно же и пробуждается страсть. Так, например, девица, от 12 до 14 лет, ознакомленная со грехом невольнo, с употреблением во зло ее невинности и неведения, затем уже произвольно предается греху, если нет для нее сторонней усиленной поддержки: девства, которым она могла бы дорожить, уже лишилась, и эта потеря большею частью не остается тайною для других. Итак, не в ответе ли пред Богом за ее распутство останется раствлитель ее, хоть бы он сам, может быть, вразумился и перестал согрешать любодеянием? Потом: чем рановременнее раствление дитяти, особенно девицы, тем более оно влечет за собой опасность жизни и непременно приносит вред здоровью. А, если ранораствленная, действительно, пойдет путем порочной жизни, то скоро настанет для нее вообще истощение сил или жизни: для молодого цветка, когда его срывают и засыхание быстрее. О, какая же это безжалостная решимость со стороны возрастного человека раствлить дитя! Раствленный мальчик или раствленная девочка, по словам номоканона, «яко сосуд проседеся» (как жалкий разрушенный сосуд), и требуют освящения (Ст.186). Справедливо Церковь карает за этот грех 12-летней епитимией¹⁴⁵. Детораствлением почитается и вообще совокупление взрослого с девицею прежде 14 лет, хоть бы эта девица уже была лишена невинности, и хоть бы произвольно соглашалась на сожитие.

Похищение из дома девы или замужней, а то и бегство их самих для гнусной похоти

Фараон взял к себе от Авраама красивую Сарру и хотел сделать ее своею женою, думая, однако, что Сарра еще не замужняя: этим поступком он вызвал от Бога на весь дом свой тяжкие удары, от которых избавился только тем, что возвратил похищенную Сарру в свое место (Быт.12:15–20). Да; можно и похитить или девицу из дома родительского, или замужнюю от мужа, похитить обманом или насилием. Если же затем похищенная будет лишена чести, то тут допускаются и обман, и кража, и непозволенное сластолюбие, и тревога ближнему (ближний здесь родители или муж похищенной). Похищение замужней или помолвленной невесты более виновно, потому что им нарушается обязанность к браку. Церковь отлучает от себя за этот поступок виновных на три года¹⁴⁶. Впрочем, обман может быть скоро понят, и похищенная должна бы тотчас бежать или возвратиться домой. И вот, если она не бежит или, напротив, сама еще решилась на бегство для гнусной похоти, если это бегство ее делается началом преступного сожития, в таком случае видим наглость блуда обоих этих лиц, гнусную измену девицы дому родительскому, повод с ее стороны к громкому говору о себе в народе и безумное доверие своей судьбы обольстителю. Отец пускается в погоню за беглой дочерью, а мать ложится в постель от горькой печали. В конце всего, бежавшая, остается ни с чем: ее бросает обманщик, которым иногда бывает и человек женатый, значит не могущий же жениться на ней. После этого вина похищенной совершенно равняется вине похитителя. О, дерзкий похититель! зачем же ты отнимаешь у ближнего твоего последнюю овечку (Ин.4:18)? Действительно, у иного отца или у иного мужа и всего достояния была только дочь или жена.

Наложничество

Может быть так же и мужчина наложником: подобно тому, как нецеломудренная женщина бывает «на содержании» мужчины (вроде какой-то убогой), и мужчина иногда для той же цели живет в доме и на средства посторонней для него женщины. Затем, наложничеством надобно считать сожитие с лицом другого пола даже и разное, т.е. в разных домах или квартирах, но только известное всем, или многим. Это не просто блуд, но блуд явный, окрепший. Когда человек холостой тайно падает плотским грехом, тогда менее преступности в его грехе. Почему же? потому что в этом случае можно еще предполагать его борьбу со грехом и падение его только в силу особенного соблазна. Но, когда кто живет с наложницей, тогда, по всей справедливости говоря, нет никакой борьбы этого человека со страстью, тогда соблазн поставлен им пред глаза на каждый день и час: так сказать, он сел у самой воды и хочет пить беззаконие, как воду. Эта-то непрерывность греха или неготовность прекратить любодейную связь и составляет «смертную вину» наложничества. Часто или нечасто падают между собой наложники, не этот здесь главный вопрос. Преступно то, что они не прерывают своей связи, что не делают ни одного шага вперед, чтоб исправиться, сами себя не разрешают от греха. — К непрерывности же блуда их присоединяется и открытость, бесстыдство его. Наложники уже не таятся со своею срамотою. Нередко, например, бывает, что наложница не принадлежит к числу слуг, даже не называется и «экономкой», не прикрывается, стыда ради, именем родной сестры или близкой родственницы. Нет; она уже сама имеет прислугу, управляет хозяйством в доме; помещается в одной комнате с хозяином дома или квартиры; не прячется от посторонних глаз, напротив, выходит в гостиную к посетителям и гостям, именуется от своего сожителя нежным именем друга, везде выходит и выезжает с ним из дома; не скрываясь и не стыдясь носить от него беременность.

Как же Церковь смотрит на такую жизнь? Зная, когда и кому оказать снисхождение, а кого подвергнуть строжайшему суду, Церковь «явленного блудника или прелюбодея»¹⁴⁷ не только не допускает к св. Причастию, но даже не позволяет ему переступить через порог храма и не удостоивает того, чтоб принять от него какую-либо жертву в храм, например, свечи, заздравную просфору. Да! По смыслу церковных правил, имеющий наложницу или живущая наложницей, должны обратно унести из церкви свое пожертвование. К ним и обыкновенная, или срочная, епитимия (за блуд 7 лет, а за прелюбодеяние 15) не имеет применения. Они считаются совсем отлученными от Церкви, пока не прекратят своей связи. Невольно после этого рождается вопрос: ради чего же так человек отчуждает себя от святости, от самой церкви, в которую все прочие входят беспрепятственно? ради каких удовольствий он делает себя «отлученным, изверженным», живя иногда с наложницей или наложницею не год или два, а целую жизнь? Ради только чувственных побуждений, а иногда, вместе с тем, по сочувствию к уму, образованию, мягкости души своей сожительницы. Между тем, всем этим желаниям мог бы он удовлетворить законным порядком – в христианском браке. Сладки, значит, «краденые воды» (Прит.9:17)! И собственное счастье, которое можно было бы найти в приличной женитьбе, нипочем; и душа, и суд церковный – для него ничто. Лишь бы ему жить противозаконно, – называться и писаться, где нужно, против совести холостым, а иметь у себя непотребную женщину. Чернота и тупоумие в жизни!

О, живущие между собой наложничеством! не посрамляйте Церкви своей языческой жизнью! Церковь запрещает вас и чуждается, хоть, видимо, может быть, вы и пользуетесь еще правами сынов и дочерей ее, хоть успеваете вымолить себе у священнослужителей ее разрешение во грехах и приходите к св. Причастию. Церковь, вместе с тем, и сама молит, убеждает вас прекратить преступную связь. Послушайте ее голоса ради собственного счастья, особенно вы, мужчины, которые могли бы найти себе прекрасную чету для законного брака! Послушайте внушений Церкви более всего для того, чтоб не губить своей

души! Употребите, с Божией помощью, решительные меры к прекращению своей позорной связи. Если нужно вам для этого и переменить дом, квартиру, даже уехать в другое место для жительства или ради службы, переменяйте, уезжайте. Действительно, перемена-перемещение на этот раз отлично помогут вам. Поспешите разорвать на себе узы, которые теперь – куда бы вы ни пошли – везде с вами!

Разврат

Когда кто согрешает блудом часто и с разными лицами, это называется «развратом». Разврат бывает «тайный», как замечается у Сираха: *«человек преступаяй (оставляет) ложе свое, глаголя: стены закрывают меня, и никто же мя видит»* (Сир.23:24–25). Тайно мужчина проводит или призывает к себе в дом для похоти ныне одну, а завтра иную непотребную женщину, или же вне своего дома пользуется каждым случаем обольстить и склонить ко греху лицо другого пола.

Разврат затем бывает «публичный», в так называемых «домах терпимости»: *«создала еси себе храм блудничий... и разложила голени твоя всякому мимоходящему»* (Иез.16:24–25). В этих домах бывает *«на вся дни и ночи веселие светлое»* (Лк.16:19) и нет другого занятия, как только прием развратных посетителей, как торг за свою и чужую плоть, как пирования, песни, ревность и ссоры: здесь не найдете ни одного уголка чистого или святого, но все осквернено и пропитано развратом.

Разврат, наконец, бывает «по страсти развитый», как видим в примере двух старцев, которые *«быша уязвлены похотию»* на Сусанну (Дан.13:10). Если страсть к разврату не будет подавлена вначале, то об этой-то страсти, в ряду других страстей, по преимуществу мы должны сказать, что она тем чаще предъявляет свои позывы, чем более удовлетворяется. Например, какой-либо девице стоит только некоторое время провести в явном разврате, и она, жалкая, слишком медленно будет исправляться, если и решится исправиться ради слез своей матери или после убеждений со стороны родных. Ей у родных кажется скучно, а в позорном доме, в котором она побывала несколько времени или которого быть знает по слуху, там воображаются ей музыка, смех, ночное пение... Крепится она несколько времени, и потом вдруг показывает себя точно в лихорадочном припадке. Она бежит от своих, бежит иногда прямо в дом непотребный, и там видят ее как бы иступленную, помешанную: она и смеется, и плачет. Это почти то же, что запой пьяницы, повторяющийся время от времени. Мужчина же,

у которого и половое чувство пробуждается позже, не оставляет разврата в самой седине своей, если во все периоды жизни и во всех состояниях ее, т.е. и до брака, и в супружестве, предавался разврату, и если еще, соблюдая воздержание в других случаях, например, относительно употребления вина, пользуется крепким телосложением и здоровьем. А когда будет изнемогать его тело, он искусственно возбуждает в себе похоть. Так как страсть разврата состоит в падении с разными лицами, то разнообразием лица она и раздражается, или поддерживается.

Но, как бы плотский разврат ни проявлялся, он отвратителен сам по себе, губителен для души и тела человека, и в высшей степени противен Богу. В нем уже решительно нет ничего благородного, возвышенного; нет личной или особенной любви к другому полу: ныне на час любовь (животная) обращена к тому человеку, а завтра – к другому; нет ни малейшей верности и даже требования (претензии) на верность; нет часто и вкуса к красоте, а также и разбора в равенстве лет: похоть обращается подчас к человеку безобразной наружности, пожалуй – к полоумному, а также к старому, или же к старшей себя по летам. Словом, развратник, как беснующийся похотливый скот: для него и нет ничего святого, лишь бы удовлетворялась его скотская похоть. Порок его пагубно отзывается на умственных способностях и силах его, вообще, на душевном настроении. И это происходит от той естественной причины, что мозг и половые органы у человека находятся между собой в тесной связи. Таким образом, у развратника притупляется память, теряется способность и охота к умственным занятиям, слабеет дух до младенческого малодушия и до притупления ко всему высокому. Ни геройства, ни самоотвержения в добродетели не ожидайте от этого человека: он весь делается плоть и кровь, каким-то жидким, вялым, способным только для чувственности. Даже обыкновенного внимания в дневных занятиях у него не хватает: занимаясь должностными или хозяйственными делами, он помышляет о близости темной ночи, когда бы мог снова предаться наслаждениям плоти. Разврат губит жизнь, особенно

в молодых годах, и особенно у тех людей, которые расположены к чахотке и которые, между тем, нарушив свое целомудрие, своею-то болезнью еще более подстрекаются к похоти. От него, особенно в связи с нетрезвостью и курением табаку, человек скоро хилеет, делается без волос, без цвета в лице и живости в глазах, наконец, и преждевременно сходит в могилу.

Это один из семи смертных грехов пред Богом, кроме всего сказанного, и вот почему. Тело христианина имеет тесную связь с Телом Господа Иисуса Христа: христианин есть как малейший член тела Христова, так что все христиане, взятые вместе, принадлежат к одной главе, или для всех их, как для одного тела, одна глава Христос (1Кор.6:15). То же самое тело, которое мы носим, носил и Господь Иисус Христос: Он ввел пречистое Свое тело в общение с божеством, или с Своей божественной природой. И вот, развратный человек *«уды-то «Христовы» творит каждый день или весьма часто как «уды блудничи» (1Кор.6:15)!* Какое тут отдаление от жизни со Христом, а вместо того – сближение с дьяволом! Дьявол, как дух, хоть не может творить блуда; но любит блуд, любит его за то, что им человек всего более отдаляется от Бога и Христа. Не без глубокого же основания святые подвижники рассуждают, что *«ничто столько не радует бесов в человеке, как блуд, развитый до разврата»*¹⁴⁸. Не напрасно же слово Божие с особенным уверением (не льстите себе) учит, что *«ни блудницы, ни прелюбодеи, ни сквернителю царствия Божия не наследят» (1Кор.6:9–10)*. Так! это истинная угроза. И над теми-то, которые не раз только блудники или прелюбодеи, а во всю почти жизнь свою, над теми она и сбудется. Тело развратника, любившее воспламеняться блудною страстью, будет гореть в огне геенском; любило оно благоухания, мягкость, теплоту, тучное питание (мясом) и вино, как средства, подстрекающие к половому наслаждению, и будет на том свете терпеть во аде смрад от *«огня и жупела» (Откр.21:8)*, крайнюю и вечную тесноту во всем. Снова поставим вопрос: ради чего же человек развратный подвергает себя такой страшной участи? Ради *«временного греха сладости» (Евр.11:25)*. Да! если какой грех

особенно есть временная сладость, так это половое совокупление вне законного брака. Стоит ли из-за этой временной греха сладости обременять в настоящей жизни свою совесть? не страшно ли из-за нее губить свою душу на веки веков?

О, вы, несчастные, которых совесть обличает в разврате или которых развратная жизнь уже всем известна! Хоть раз испытайте себя: способны ли вы перенести вечный огонь во аде? Положите, например, пальцы свои над горящей свечой или будьте в сильно нагретой бане. Конечно, вы не перенесете более от огня. Но что же вы готовите себе в будущей жизни? Где надеетесь взять крепость сил, чтоб там претерпевать жгучесть вечного огня? Думаете ли, что его совсем не будет? Нет, никакими убаюкиваниями ни от себя, ни от других вы не уничтожите его: слово Божие уже тысячи раз оправдывало себя. Можно уничтожить, или предотвратить от себя вечный огонь одним только покаянием, и не в минуты лишь исповеди, но на самом деле. Не мы предрешаем вашу участь, но слово Божие. Мы сами так же грешны и страшимся последнего суда Христова. Но грех разврата плотского, наравне с другими смертными и чрезмерными по тяжести своей грехами, ужасает нас, как ужасен он для каждого православного и богобоязненного христианина. Итак, подумайте, други, о своей судьбе! А чем дальше будете откладывать эту думу, тем еще опаснее. Подумайте¹⁴⁹!

Сводный брак (в расколе)

«Благослови их», сказано о первом браке, который был еще в раю (Быт.1:28); «только о Господе», говорит апостол Павел о заключении брака между христианами (1Кор.7:39). Еще не все. Тот же богодухновенный апостол учит: «тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф.5:32), (т.е. по отношению Христа к Церкви). Таким образом, брак для истинно верующего, во-первых, есть благословенный, а во-вторых, носит на себе печать тайны духовной, т.е. изображает собой любовь Христа к Церкви, или, ближе сказать, к душам людей. Истинные христиане с первых же времен, смотря на брак этой высокой точки зрения, связывая его с мыслью о самом Христе, признавали необходимым церковное освящение его или благословение через законно поставленных священников; они находили венчание необходимым именно для сообщения мужу и жене той особенной благодати Божией, которая бы помогла супругам осуществлять (оправдывать) на деле таинственное значение брака. Отсюда, брак есть таинство. Спрашивается: кто же в расколе благословляет брак жениха и невесты, и кто может сообщить жениху и невесте Божию благодать для супружеской их жизни? Благословения родителей на этот раз недостаточно; оно может только предшествовать браку и должно быть само по себе. (Тем-то вот более сводный брак в расколе и вредит раскольникам, что, обольщая своею законностью, не дает им видеть своей вины). Но «ныне этот брак разрешен правительством»? Разрешен и дозволяется он, это верно; но не более, как естественный союз, подобный тому, какой существует у магометан и язычников, принадлежащих к подданству одного государства. Разрешен он без всяких высших нравственных целей, за одну лишь потребность его в государственном благоустройстве; потому что связи семейные составляют основу государства. Истинная же церковь Христова не может признать и благословить этот брак, так как он не имеет ничего общего с отношениями Христа к христианам. Разрешен он, как только мера, вынужденная обстоятельствами, или, прямее сказать, –

по жестокосердию (самых раскольников). Да, раскольники не хотят покориться условиям христианского, церковного брака. И, чтоб, с одной стороны, оградить их произвол: отгонять от себя жен, когда им вздумается, а с другой – удержать от бегства самих жен, – положено записывать их брак (вместо церковных метрик) в книги от светских начальников. После этого брак их поступает в ведомство просто какого-нибудь сельского управления, а не состоит под покровительством Церкви (волость сделалась для раскольников дороже Церкви!). В этом самом, действительно, видим мы нечто подобное тому, как Моисей, по жестокосердию только и по неразвитию евреев, с целью предотвратить между евреями многие переходы жен к мужьям, не более, как поэтому, дозволил им разводы, но с книгою отпускною (отпущения) (Мф.19:8; Втор.24:1). Итак, не очевидно ли, что сводный брак в расколе после того, как дозволен правительством, нисколько не возвысился и не узаконился в смысле правил веры? Напротив, он еще унизился и окончательно признан, как только естественный брак, так что после этого, живущие сводом, ничем не лучше «язычников»? О, заблудшие раскольники! И для вас нравственность христианская не другая может быть, как для нас православных христиан. Но вот, вы, отчуждив себя от Церкви, лишаете себя возможности и в семье жить с спокойною совестью! Для язычников, потому что они язычники, брак их все-таки законный союз, а не блуд. Для вас же, так как вы христиане, «свод» ваш уже блуд. Поэтому Церковь православная, заботясь о вашем обращении, с готовностью присоединяет к себе и тех из вас, которые на первый раз ищут присоединения к ней только ради венчания брака.

Гражданский брак, устроенный без церковного венчания, или только одобрение такого брака

И самые язычники в древности не иначе заключали брачный союз, как обращаясь за содействием к своему божеству. Этим они невольно выражали, что брак есть особенное, торжественное событие в жизни человека, что он выше обыкновенного договора, который бы утверждался гражданской властью и который можно было бы по обстоятельствам переменить или ограничить. А в христианстве брак есть такое же таинство, как крещение, причащение и другие, да еще он таинство «великое», как говорит апостол Павел. Заменить его гражданским, сравнить его с обыкновенным договором (договор-контракт заключается у нотариуса: по нему, обыкновенно, что-либо продается или покупается), значит, главным образом, лишить его той нерасторгаемости и того обеспечения, какие сообщает ему Церковь, раздаятельница Божией благодати. Значит это сорвать с него тот прекрасный венок, которым увенчал его в Новом Завете Господь Иисус Христос. Значит снова низвести женщину в то унижительное состояние, в каком она находилась в Ветхом Завете, а особенно у язычников. В гражданском браке женщина постоянно должна беспокоиться за дальнейшую свою участь, так как упадок ее красоты или раньше этого какая-либо неприятность в семье дают повод ее мужу тотчас же сменить ее другою и третью, а, если она мать детей, то должна сдерживаться от сильной привязанности к детям и семье, т.е. сдерживаться в самых естественных и невинных своих чувствах; потому что не знает верно, – кому же достанутся дети в случае развода, хотя бы и должно принадлежать право воспитания их стороне невинной. Какое же это расстройство жизни! (В Англии, например, только легко допускается развод, а гражданский брак еще не узаконен. Но как же там пала женщина, как жестоко обращаются с ней!) Да; гражданский брак нисколько не серьезен и легко угрожает разрывом (особенно слабой стороне), если не завтра, то послезавтра. В нем,

если и произносятся слова: «люби всегда, или до конца жизни, вечны симпатии», то без Евангельского смысла. В нем любить и терпеть мужу свою жену, и наоборот, не обязательно. Таким образом, человеку легкомысленному, нетерпеливому и необузданному в своих страстях и делается скучным, тягостным до конца самой жизни любить, а часто и терпеть, одно и то же лицо, любить и держать при себе волей и неволей это лицо. Тогда, прежде всего, он легко допускает супружескую неверность, а затем решается прекратить брак, женится снова. Но посмотрите на христианский брак. Как он обеспечен! В нем любовь мужа к жене, равно, как жены к своему мужу, каждый раз снова оживляется таким напоминанием: *«как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее»* (Еф.5:25). В нем супружеская любовь и преданность опираются или утверждаются на особенной благодати таинства. Нет; гражданский брак или только одобрение и желание его – новизна в жизни христианина ни с чем несообразная; – новизна самая дикая, придуманная, главным образом, мужчиной, чтоб он мог с необузданной свободой удовлетворять плотской похоти. (В России у нас нет гражданского брака и он не может быть. Но существует его имя в открытом наложничестве и, к глубокому сожалению, многими уже одобряется идея его). – Для тебя, православный христианин и добрый сын Церкви, – пусть будет отвратительно одно имя «гражданского брака»!

Падение в кумовстве или же с самой крестницей, вообще – в духовном родстве

Вместе принявшие кого-либо от купели еще не состоят между собой в родственной (духовной) связи и даже могут вступать в законный брак друг с другом. Но с теми, у которых они приняли, и тем более с самим крестником или крестницей находятся в духовном родстве: в отношении к первым, они соотцы, а для последних – отцы. Итак, превращать столь близкое духовное родство в скверну плотскую, падать в блуд с родственниками по духу, или по церковному обязательству, – это без сомнения грех. Блудная связь на сей раз даже преступнее, чем с плотскими родственниками. Тяжесть греха видна и из церковной епитимии за него. Согрешившие с теми, у кого приняли от купели, т.е. с кумовьями в ближайшем смысле, подвергаются епитимии в продолжение 11 лет¹⁵⁰, а допустившие грех с самим крестником или с крестницей даже до 20¹⁵¹; по правилам других канонистов блуд с крестницей, или духовной дочерью, (страшно сказать!) равнялся бы блуду с родной матерью (по номок. постн.). А также, в древности был закон: не продолжать более супружеского сожития мужу и жене в том случае, если они не намеренно сделались восприемниками собственных детей. А это случалось во время многолюдных крещений перед Пасхой над оглашенными: воспринять-то они хотели посторонних, а тут, в замешательстве от стечения народа, восприняли своего возрастного сына или дочь¹⁵², а, таким образом, сами себе сделались кумовьями. Итак, ты, христианин, – рассуждай обо всем по духовному и не слушай тех, которые рассуждают, будто тело кума-кумы крестников такое же, как и у других, и будто нет греха в совокуплении при кумовстве.

Кровосмешение

«Взошел на ложе отца твоего» так говорил сам отец своему виновному сыну (Иаков Рувиму). И этот грех в семье Иакова беспокоил праведника даже до последних минут его жизни (Быт.49:4; 35:22): столь он возмутителен! Апостол Павел с сильными обличениями восстал против кровосмесника в коринфской Церкви и даже не удостоил виновного своего слова, но говорил о нем другим, выражая тем крайнюю бесчестность его поступка: «дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело» (1Кор.5:2). Всего преступнее кровосмешение в первой степени родства и в нисходящей линии, т.е. старого с молодым, например, деда со внучкой (Лев.18:10), свекра с невесткой (Лев.18:15). Гражданский же закон в этом случае судит без различия вероисповеданий, т.е. даже и магометан или язычников). Кровосмешение родного брата и сестры осуждается как убийство (Вас.Вел.67). Затем, грех с мачехой наказывается отлучением от Церкви (VI Всел. Собор, 4); за падение с двумя сестрами или с двумя родными братьями, а также с сестрою жены, виновные подвергаются 11-летней епитимии (Треб. свящ.), с женою брата (т.е. с невесткой) – 10-летней, с двоюродной сестрою тоже 10-летней, а с троюродной – 6-летней. Вообще, за кровосмешение нет епитимии менее 9 лет. Кровосмешением считается любодеяние и в таких степенях родства или свойства, в которых законный брак мог бы совершиться только по особенному разрешению от епархиальной власти. – Чем же столь тяжок этот грех? Тем, что в нем человек открывает «срамоту кровных» (Лев. гл.18) своих. – Неистовствуя похотью, разрушает те пределы стыдливости и неприкосновенности к единокровному телу, которые положила сама природа, например, между братом и сестрой: в этом случае, значит, человек не умеет оправдать доверия от самой природы. Наконец, кровосмесники производят физическое расстройство в самой жизненной стихии своих организмов, именно, в крови (в науке оно называется «возмущением крови»). Здесь и припоминается казнь, на которую осудил

коринфского кровосмесника апостол Павел: «*предать сатане во измождение плоти*» (1Кор.5:5). Не тот смысл этих слов, чтоб грешник навсегда отлучен был от Церкви Божией, кроме которой уже остается область сатанина, но, чтоб злой дух измождал его тело, чтоб плотский грех в плоти же был наказан какою-либо болезнью. – После всего этого нам с тобой, добрый читатель этих правил христианской жизни, остается стыдиться и печалиться за подобные плотские грехи даже и в других: «слышится в вас», обратил свою укоризну Апостол на одного кровосмесника ко всем христианам в Коринфе.

Падение или постоянная связь с иноплеменным лицом

«Начал народ блудодействовать с дочерьми Моавы... И воспламенился гнев Господень на Израиля» (Чис.25:1:3). Здесь вина падает на лицо православное, и некрещеный нисколько не разделяет ее. Грех судится преимущественно со стороны духовной; потому что то тело, которое освящено водою крещения, миропомазано и соединяется с телом Христовым в таинстве причащения, то, вот, тело христианин соединяет для блуда с телом не крещенного. Это значит (как было сказано на одном из вселенских соборов) «с частью Христовою (совокупляти) жребий грешников» (VI Всел.,72). Правилами церковными православному воспрещается и только мыться вместе в бане с каким-либо некрещеным (там же пр.11). Запрещается вступать (вновь) в законный брак с лицами иноплеменными по вере – с язычниками, магометанами и проч¹⁵³. Тем строже, значит, должна быть осуждена незаконная связь с иноплеменным лицом. Потом ко греху любодеяния здесь прибавляется нарушение указанных в законе отношений к неверующему, – нарушение, которое грозит чистоте веры. Особенно безобразно и преступно, когда кто ищет согрешить (и согрешает) с иноплеменным телом из похотливого любопытства. – О, православный или православная! «Господь телу» (1Кор.6:13) вашему, а вы, между тем, имея блудное сожитие с иноплеменными и неверующими лицами, уходите в область противную, сатанинскую!

Малакия

Об этом грехе следует особенно сказать: *«блудник грешит против собственного тела»* (1Кор.6:18); т.е. тогда как в других грехах члены тела, например, язык, руки или ноги, бывают только орудиями, а грехи представляются вне, или дальше, здесь же самый грех совершается в теле. Тайность и доступность этого греха зарождают его и поддерживают. В самом деле, здесь не нужно (как втайне мыслит рукоблудник) лицо другого пола, чтобы удовлетворить похоти: похоть дома около себя; и просить о ней никого не требуется, и опасаться за отказ нечего, и следы греха составляют свой собственный секрет. Оттого-то, между прочим, этому пороку предаются не только мужчины, но и женщины, не только молодые, но и престарелые, не только вообще падшие блудом, но даже не испытывавшие полового совокупления, как, например, отроки и отроковицы, даже люди равнодушные к другому полу, например, холостые к женщинам. Особенная же сладострастная чувствительность, которою сопровождается малакия, развивает этот порок до такой степени, что рукоблуднику связывают руки с целью удержать его, что он бессознательно (во сне) рукоблудит, что и естественным удовлетворением половому побуждению, т.е. даже женитьбою или замужеством, он не всегда излечивается от этой болезни. Тут особенно видна в теле человека связывающая его волю привычка: удовольствие, которое испытано телом этого дня, завтра в тот же час снова требуется со стороны тела; удовлетворенное завтра, требование того же удовольствия на третий день повторяется еще с большею силою, и так далее. Но какой это ужасный порок! Справедливо природа наказывает за него столько, как не казнит ни за какой другой грех. Рукоблудник (онанист) и тупеет памятью, и худеет лицом, и теряет зрение, и дрожит (руками), словом, весь делается, как «бродячий мертвец». При таких казнях со стороны самой природы, Церковь уже с меньшей строгостью относится к виновному: она не подвергает его многолетней епитимии, как наказывает других грешников, но

только назначает ему подвиги, помогающие исправиться от порока, например, сухоядение и по 100 поклонов в продолжении 40 дней (По прав. Иоан.пост.). Читатель описываемых пороков! Поистине, нам нужен с тобою плач Иеремиин над теми, которые узнали на деле этот противоестественный порок, как это, в особенности, дети, не имеющие родителей, и дети взрослые в учебных заведениях!

Муженеистовство

«Мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам» (Рим.1:27). Это и называется грехом содомским, за который Бог не потерпел городов Содома и Гоморры, истребив их огнем. Значит это грех, вопиющий на небо об отмщении. Вместо женского пола человек прельщается мужскою красотой (в мальчиках), делает над мужчиной то, чего нет и в похоти скотов.

Гнусность неописанная! Праведный Лот до того гнушался и боялся этого греха (хоть и присмотрелся к нему в содомлянах), что, когда содомляне пришли к нему и нападали на его гостей с целью осквернить их, то он предлагал развратникам собственных дочерей для естественного совокупления (Быт.19:4–9). (Не хотел Лот в самом деле или решительно пожертвовать честью своих дочерей ради того, чтоб не допустить в своем доме греха мужеложства. Нет; но он только думал отвлечь содомлян от их намерения, делая им такое неожиданное и отважное предложение; он надеялся выиграть время, пока Господь вступится за него и поставит преграды злу). По словам апостола Павла, дойти до этого противоестественного греха значит, так сказать, *«быть выдану Богом»*: *«потому предал их Бог постыдным страстям»* (Рим.1:26). По правилам же церковным мужеложник подлежит 15-летнему запрещению (Вас.Вел.62). О, читатель! помни, между прочим, на сей раз для себя или других такое испытанное предостережение: *«не спать на одной постели с отроками, когда сам молод, ни с человеком и равных лет»*¹⁵⁴.

Ознакомление невинного лица с малакией и муженеистовством

Правда, бывают люди, которых никто не научал малакии, между тем, как они повинны этому греху. Дав волю своей внутренней, или сердечной похоти, они сами сочинили для себя этот грех, а, вернее сказать, враг-диавол был на этот раз их учителем. Первые опыты греха они делали не сознавая ясно, что это грех; так особенно самооскверняются лица женского пола, которые по стыдливости своей не открывают никому своей тайны, но с развитием в себе страсти (как и мальчики) обыкновенно начинают уединяться. Зато все остальные самоосквернители, а особенно мужеложники, не были бы такими несчастными, если бы не научены были протiwоестественному блуду кем-то со стороны или увидели случайно этот соблазн на других. Горе-несчастье увеличивается от того, что большею частью здесь ознакомили старшие молодых. (Притом, и на этот раз употребляется иными насилье... В женском поле так же одни других научают малакии и делают ее совместно). А ознакоми́нный с каким-либо протiwоестественным грехом, будет быстро стремиться к нему сам по себе, например, 10-летнему ребенку стоит только быть наученным малакии, а затем он иной раз не поддается самым заботливым мерам со стороны, когда хотят остановить его от порока (так бывает в фабрике, в школе, в заведении, но все реже – в сельском быту). Детским-то неразумием и поддерживается страшное зло. За сугубую малакию и сугубая назначается епитимия, как мужчинам, так и в женском поле: вместо 40 дней сухоядение распространяются на 80 дней с 50 поклонами каждый день¹⁵⁵. И какое, в самом деле, бремя берет на свою совесть человек, например, пожилой, который ознакомляет детей с мужеложеством и сам растлевает их! Всегда ли он может затем отыскать этих детей, чтоб остановить их мольбой и слезами от порока, которому научил? Скорее же можно с собственного горького опыта предупреждать совсем невинных (например, в

товариществе, между родными братьями), чем остановить наученных.

О, бесстыдные распространители противоестественного блуда! Если бы вы вспомнили своевременно такую угрозу слова Божия: *«ни малакии, ни мужеложники... царствия Божия не наследуют»* (1Кор.6:9).

Женоневежество

«Женщины их заменили естественное употребление противоестественным» (Рим.1:26). Здесь не только противоестественность любодеяния, но и ничем не извиняемая похотливость плоти. Всякий иной противоестественный блуд может еще вначале возникнуть из-за того, что плоть бесилась, а удовлетворить ее естественным путем трудно или невозможно было, так как не находилось лица другого пола. А так-то зародившись, противоестественный грех и поддерживался привычкою. Но здесь нет никакой нужды в противоестественности: на самом естественном ложе лицами двух полов допускается совокупление неестественное; еще страшнее этот грех, когда допускают его законные муж и жена. Такой отвратительный блуд мог внушить человеку и, опять, только дух лукавый; или же он переносится мужчиною на женское лицо в силу привычки к мужеложству. Посему он вполне равняется греху «содомскому», т.е. так же есть грех вопиющий. И епитимия за него определяется не менее как 15-летняя. Эту епитимию несет также женское лицо, если оно добровольно покорилось неистовому требованию мужчины¹⁵⁶. В случае же насилия или грубого требования со стороны мужчины, хоть бы то был и законный муж, – по правилам церковным женщина имеет право тотчас открыть эту тайну духовному отцу: *«аще же насильствует зол муж, тогда жена да известит духовным»*¹⁵⁷. – О, повинные этой блудной гнусности! Подумайте, каким стыдом покроетесь вы за нее на страшном суде, когда Господь *«осветит скрытое во мраке»* (1Кор.4:5)! Убойтесь имени вопиющего греха! Это ведь тот же вопль, какой относится в св. Писании к крови убиенного Авеля (Быт.4:10), к *«угнетению нищих и убогих»* (Иов.34:28) и к мученическим пыткам над кем-либо за веру (Откр.6:10). Вами угнетаются, разрушаются самые права природы: ваш грех так велик, что не имеет нужды ни в признании, ни в свидетелях, но вопиет сам за себя, призывает мщение-наказание от Бога самым действием своим. Поспешите же навсегда прекратить его и раскаяться в

нем! Будьте готовы понести за него какое-либо посещение Божие и молитесь Богу, чтоб не подвергнуться посещению тяжкому. Господь многомилостив к тем, которые каются пред Ним искренно!

Скотонеистовство

Это последняя и крайняя степень сладострастия. Но в заключении о различных видах телесного блуда прежде всего скажем, что стоит только не воспротивиться первоначальному падению в этот грех, а после первого падения не положить сильнейших преград ему, и человек становится близок ко всякой блудной скверны. Где только есть плоть, туда и влечет его враг-дьявол: влечет как к лицам того же пола, коли нет разных полов. Затем, если не будет совсем посторонней человеческой плоти, тогда некоторые (как мы видели) допускают телесный блуд и без участия иного тела¹⁵⁸. Душегубец дьявол сильно располагает человека к противоестественным грехам; потому что эти грехи более тяжки пред Богом и более вредны для души и тела. Наконец, когда не бывает плоти ни другого пола, ни одного и того же, или однородной человеческой, тогда-то вот дьявол влечет плотоугодника и к скотской плоти. Так происходит скотонеистовство, в котором видим и насилие другому роду, – твари неразумной, между тем, как человек поставлен над животными господином. И слово Божие, и Церковь страшно карают за скотонеистовство: *«всякий скотоложник да будет предан смерти»* (Исх.22:19). Даже и животное, которое сделалось жертвою человеческого сладострастия, не бывает терпимо: оно по закону тотчас убивается (Лев.20:16), как оскверненное. (Нельзя ли и скотоложнику побояться, что первая же молния падет на его голову?). В церковных правилах, допустившие этот грех из пожилых осуждаются на пожизненную епитимию, т.е. до самой смерти (Агкир.соб.16); но и молодым определяется епитимия не меньше 15 лет (Вас. Вел.67). (Скотонеистовство допускается не только мужчиною, но и женщиною. Со стороны женского лица оно бывает особенным образом, в форме будто бы менее отвратительной; но в таком разе оно скорее обращается в страсть, а труднее изобличаясь, чем уличное, остается неисправимым!). Здесь-то особенно удерживает нашу пишущую руку тот, кто сказал: *«о том, что они делают тайно, стыдно и*

говорить» (Еф.5:12) – Но, читатель, твоею и моею душой овладевает ужас при мысли, как губят и душу, и тело повинные этому проклятому блуду! А доводит до него нетрезвость, праздная комнатная жизнь и приближение к себе скота, будто друзей каких.

Участие в блюде других

Извинение в других плотского греха разными предложениями

«Не сообщаться с блудниками» (1Кор.5:9) сказано. Между тем, как многое говорится к извинению плотского греха! Например, «Половое совокупление такая же естественная потребность, как есть и пить». Но не всегда безгрешно и то питание, которого требует природа. Например, есть и пить краденое или силой захваченное у другого тоже грех. Так точно и удовлетворять половому побуждению воровски, вне законного брака, а иногда с насилием другому лицу, без сомнения, составляет грех. Затем: несколько неверно, будто половое сообщение естественная потребность, подобная питанию или сну. Нет: оно составляет необходимую потребность только в общечеловеческой жизни, как причина и цель продолжения рода человеческого, а отнюдь не может быть названо необходимостью и чем-то обязательным для каждого человека (1Кор.6:1). Апостол Павел, излагая учение о законном браке, несколько раз повторяет совет свой и о безбрачии, которое без сомнения не иначе должно быть, как полное девство или как полное целомудрие после законного брака возможное, впрочем, по усердию и в брачных узах¹⁵⁹. Неоднократным повторением своего совета он как бы выражает желание, чтоб совет исполнили сколько можно большее число лиц. Совет не возводится, скажем, и здесь в смысле закона; однако же он идет свыше, а не от одного апостола, или не просто он человеческий. Это видно из того, что Апостол, предложив такой совет, заметил: *«а думаю, и я имею Духа Божия»* (1Кор.7:40). Но возможно ли было бы высказать такой совет, и в таком именно обширном виде, если б подчревная потребность была естественной, необходимой? Сильнее хотят доказать естественность дела самим делом, – говорят: «кто же из тех, которые имеют здоровое и хорошо питаемое тело, кто сохраняет себя целомудренным? Значит, человеку нельзя обойтись без половой страсти. Значит, она естественна». Из такого рассуждения (как увидим) выйдет совсем противное

заклучение. Вот, без хлеба и воды никто не может прожить: это и значит – естественная потребность, не составляющая греха. Но без полового совокупления все-таки многие обходятся, значит, оно к неизбежным естественным потребностям не относится. Например, одни соблюдают себя от всякого вида блуда до 25 лет и более, и так не только лица духовного звания или строгого христианского воспитания, но и миряне, и люди необразованные, не только девицы, которые дорожат женихами, но мужчины. Другие, оставшись вдовцами и вдовицами, совсем не помышляют о блуде или же противятся возникающим о нем помыслам. Но есть и до конца жизни не оскверняющие себя никаким видом телесного блуда, не заменяющие для себя этой страсти (как иные за необходимое признают) другим чем, например, запоем в вине. Обратимся к слову Божию, которое для верующего достовернее всяких слов. Слово Евангельское ясно уверяет нас в возможности вместить человеку от младенчества и до конца жизни девственность: *«кто может вместить, да вместит»* (Мф.19:12). И действительно, церковная история, равно, как жития святых, представляют много примеров всегдашнего в жизни девства; в Ветхом Завете это были, по преданию, Илия и Елисей, в Новом – после Божией Матери – Предтеча, апостол Иаков¹⁶⁰, Иоанн Богослов, Павел апостол, дочери архидиаконов Николая и Филиппа; затем – в тот же апостольский век, или до образования монашества, при Игнатии Богоносце в Филадельфии известно было и целое общество дев¹⁶¹. О монашестве, как о целом звании лиц, отказавшихся от половых отношений, здесь и говорить нечего. – Что же касается до силы этих отношений, которая будто бы непреодолима и замечается в людях повсюду, то *«сначала не было так»* (Мф.19:8) в природе человеческой. Но и теперь этим доказывается, скорее, упадок нравственности людей, чем естественная надобность в половом сообщении. Есть места, где разврат гуляет, но есть местности, где о нем и не слышно, и нет почти примеров незаконных рождений. Спаситель представляет целый ряд людей, для которых естественнее не любить, чуждаться полового соития, чем сколько-нибудь стремиться к

нему: *«суть скопцы, иже из чрева материя родишася»* (Мф.19:12).

«Зачем же врачи, которым известнее физиологическая жизнь человека, признают необходимым и неизбежным половое общение?» Затем, что они односторонне смотрят на человека, т.е. только как на организм, без духовного начала. Нет; у человека есть дух. И, если дух его очищен от всего низкого и плотского, если он усвоил своему духу дух Евангельской веры и глубокого страха Божия: в таком случае он властелин над плотью, силен преобладать не только половые требования или пожелания, но и на некоторое время самые естественные потребности, как, например, пищу во время поста. В какой степени дух христианина может возвыситься над плотью в интересах служения Богу, можно видеть в примере тех угодников Божиих, которые и законно могли познать друг друга мужской пол и женский, потому что приняли брак и жили не врозь, а вместе, или в ближайшем соприкосновении, однако ж, не познали себя взаимно. Почему же? По взаимному святому согласию оставаться девственниками, как, например, Хрисанф и Дария¹⁶².

«Отказ себе в удовлетворении половой похоти вреден». Совершенно напротив. В таком случае, человек, нисколько не истощая себя, делается еще крепче и здоровее: лишь бы он не вознаграждал себя за то внутренним самораствлением, не занимал бы своего воображения до страстной охоты соблазнительными представлениями. (В древности удерживались от плотских половых влечений те люди, которые приготавливали себя к чему-либо высокому, или от которых ожидали чего-либо особенного: из этих-то людей выходили и физически сильные – силачи).

«Что это за грех? Вот, зло сделать человеку, действительно, составляет грех». Не делать зла или вреда ближнему – это само по себе. Но и блуд непременно остается блудом. Если б в нем не было греха и порока; то почему же блудник выбирает себе темную ночь и, вообще, глухой час и глухое место, чтобы удовлетворить своей страсти? почему он стыдится своего греха? Зачем, будучи, в сущности дела, бесстыдным, однако ж,

притворяется стыдливым пред женским полом, например, когда застанут его одетым не в полные одежды? Тут и самый притворный или лицемерный стыд не говорит ли о стыде действительном, которому следует быть, когда, например, при другом поле произносятся слова или допускаются движения нецеломудренные? не доказывает ли этот стыд, что таинственность отношений между мужским и женским полом естественна и сорвать с нее покров было бы грубостью, неблагородством? Нет: развратный это совсем притворные слова говорит, будто половое сообщение вне законного брака не порок и не стыд. В первую минуту после своего грехопадения он не то чувствует в своей совести. Тотчас-то совесть его стыдится этого греха еще более, чем других грехов. Этому греху преимущественно свойственно слово «падения». Тут человек весь падает, всем телом: *«блудник грешит против собственного тела»* (1Кор.6:18). После других грехов и самых тяжких, например, грабежа или побоев ближнему, человек еще не чувствует себя оскверненным всецело, не оmyвает рук, идет в свое место и по-прежнему занимается своим делом. А после блуда он особенно живо ощущает стыд и зло, гнушается самим телом своим, оmyвает свое тело, думая чрез это хотя сколько-нибудь сбросить с себя гнусности. Но, если бы и все в примирительном духе относились к падению с другим полом вне законного брака, вина порока от этого не сглаживается пред Богом: *«блудников же и прелюбодеев судит Бог»* (Евр.13:4), сказано. Да; Бог судит и строго рассудит, если люди не умеют и не хотят осудить.

«Молодость, пылкость лета... Молодая вдова...». Но так извиняющие плотской грех ужели не оскорбятся и не содрогнутся, если и родная их сестра-девица, увлекшись молодостью, потеряет целомудрие? Невинная-то молодость еще лучший оплот против похоти плоти; а молодость падшая, скорее, требует со стороны других вразумления, взыскания и надзора, чем того, чтоб извинять ее.

«Мужчине грех – ничего: он не красная девица». Но почему же мужчина менее будто обязан сохранять свою невинность, чем девица или женщина? Если женщина, действительно, имеет

больше стыдливости, которая может удерживать ее от постыдного дела; то у мужчины взамен этого больше твердости воли. Человеческие законы, обыкновенно, пишут мужчины, а не женский пол. Поэтому и не мудрено, что мужчины, постановляя закон о целомудрии и верности женщин, себя-то не обязывают к равному целомудрию, самим-то себе на этот раз делают послабление. Но не так бывает в законах Божиих. Здесь заповедь: «не прелюбодействуй», «бегайте блуда» (1Кор.6:18) в равной степени относится и к мужчине, и женщине. Слова же «кто смотрит на женщину с вожделением» относятся к мужчине, хотя нельзя устранить здесь и женщину: потому что Иисус Христос полагал общие законы; – говоря, по-видимому, к одному мужчине, который есть глава жены, Он, в то же время, давал наставление и женщине. Мужчина (говорят) не красная девица и, согрешив, на себе следов не оставляет». Но разве быть целомудренным, девственным нужно пред людьми только, а не первее всего пред всевидящим и всесвятым Богом? И разве мужчина один согрешает половым совокуплением? к кому же отсылают развратного юношу или мужчину, прощающие им грех? – к публичной блуднице, к продажной женщине? Но разве эти несчастные и родились для того, чтоб быть развратными? разве они не были когда-то невинными? разве у иной не найдется честный брат, который также скорбит о разврате своей сестры, а у другой – нет матери престарелой, которая плачет не наплачется о развратившейся дочери и от горя уже близка ко гробу? разве (и здесь скажем) женщина только жертва похотям мужчины и вещь какая, не стоящая сожаления? разве не нужно жалеть ее и тогда, когда она сама не жалеет себя, так стремительно и губит свою душу для вечности? Нет; Спаситель пожалел блудницу, которую, между тем, книжники и фарисеи осудили было на побиение камнями, – пожалел и защитил, предупредив ее только впредь не согрешать (Ин.8:11). Оскорблением для женщины нужно считать не только блуд, но и одно воззрение на нее с блудною целью: *но еже вожделети ея*, потому что и здесь мужчина касается ее не по закону, – касается не руками, но своими глазами.

«Невозможно тем, которые близко обращаются с лицами другого пола, воздержаться от плотского падения. На половой страсти спотыкаются самые умные люди и высокие личности, которые воздержны во всем прочем, тверды очень в других правилах жизни». Для кого невозможно или трудно воздержаться, тот и женись: *«во избежания блуда, каждый имей свою жену»* (1Кор.7:2). Не трудна ли заповедь: *«распинать плоть свою со страстями и похотями»* (Гал.5:24). Однако, эта заповедь дана для всех. Заповедь же не прикасаться к другому полу еще не есть общая и непременная; совет же о чистом безбрачии, по немощи людей, относится не ко всем, а предлагается полной и доброй воле нашей. Обуздывается только животная сторона дела, и для этого-то установлен брак. Пусть естественное отношение у законных мужа и жены то же, что и у такого мужчины, и такой женщины, которые временно или постоянно совокупляются между собой. Но первые сохраняют естественное достоинство человека, а последние – нет. В жизни первых законность, а в сожитии последних – беззаконие, или первые живут в порядке воли Божией, а последние – выступили из воли Божией и покорности Богу. Наконец, тело первых при христианском воздержании есть *«не блужению, но Господеву»*, не отторгается оно от Христа, но как муж, так и жена – оба остаются *«Христовы»* (1Кор.6:13); тела же последних не могут быть Христовыми и только остаются *«блужению»*; потому что *«совокупляющийся с блудницей, становится одно тело с нею»* (1Кор.6:16). Тем же, которые разжигаются, совсем не на что ссылаться или жаловаться. Господь Бог, собственно говоря, ничего не требует от нас противного нашей природе. Так и особая заповедь Его в десятерословии против блуда не отвергает совсем влечения к другому полу. Повторяем: кто не может воздержаться, тот женись или вступай в замужество. Больше тут и рассуждения никакого не должно быть. Запрещение: *«кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует»* уже не относится к законному браку; на законную жену можно смотреть, сколько угодно. Но, если невоздержный не хочет воспользоваться этим позволением вступить в брак, и

согрешает; в таком случае, пусть знает о себе, что он преступник закона Божия, скверный блудник, и пусть уже не сетует, если Господь Бог накажет его за грех. (А, присмотревшись к ходу своих дел, если в душе его еще есть сколько-нибудь веры и страха Божия, он и не может не заметить над собой, что Бог наказывает его за противозаконную жизнь, например, болезнью какой или неудачами в чем). Препятствие же к самой женитьбе могут быть устранены твердою волею и, во всяком случае, должны быть принесены в жертву закону Божию, который запрещает блуд, как смертный грех.

После всего этого решительно не может быть никаких извинений для плотского греха. Ты, благочестивый христианин, никогда не слушай тех, которые, согрешая этим грехом, еще отстаивают его! Этим они еще более укореняют в нем и самих себя, и подобных себе. Враги они Божии и святой Церкви!

Попущение близкому лицу согрешить блудом

«Увидели (Сару), что она женщина весьма красивая..., и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов» (Быт12:14–15). Явилось в городе особенной красоты новое (женское) лицо, и вельможи хотят послужить чувственности царя: напротив, так как они были ближе других к царю, то должны бы еще отвлечь его от греха. Здесь видим прямое подстрекательство к блуду. Но затем виновны, на сей раз, и только недосмотр, не предостережение. Так как к падению этим грехом близок каждый человек и, не говоря о падениях изысканных, подготовленных, какие бывают вообще со стороны лиц мирских – светских, случаи такого жалкого падения постигают иногда и людей духовной жизни, если эти люди лицом к лицу станут, или будут поставлены к соблазну, если не убегут от соблазна, то на этот раз излишне доверие вообще честности лиц, соприкасающихся наедине другому полу. После сего неправы те, которые покидают знакомое лицо в месте соблазнительном и опасном для его целомудрия. Тем более виновно неудержание близкого человека от греха, когда он прямо идет ко греху; так иные ходят со своими товарищами в непотребные дома, хоть сами так и не согрешают. Тяжко виновны совет, научение и содействие близким своим относительно плотского греха; так некоторые рассказывают своим невинным еще сверстникам о совершении этого греха и о том, чем легче или скорей можно прельстить невинную; другие предоставляют своему холостому товарищу женское лицо для преступного сожительства. Виновны родственники и близкие люди, когда не стараются отвлечь уже падшее лицо от связи, например, чтоб вызвать его куда-либо для прогулки (в имение какое или в город) и, чтоб таким образом прервать связь. (Святые же Божии особенно берегли своих ближайших и решались на самые смелые меры, чтоб только сохранить их от насилия или увлечения ко греху плотскому; так, Авраамий, священник и затворник, сам пошел в непотребный дом под видом старого плотоугодника, чтоб оттуда

возвратить свою падшую племянницу¹⁶³; так, когда один товарищ – брат не мог удержать другого от входа в непотребный дом, то все-таки не оставил его одного пойти, но остановился у ворот этого дома и плакал, пока он был там¹⁶⁴; другой так же не допустил своему близкому пойти одному для скверной цели, но сопровождал его, убеждая на каждом шагу удержаться от греха¹⁶⁵. Зато они и спасали падших или предостерегали готовых пасть). Как и нам с тобой, добрый христианин, будет благодарен впоследствии тот человек, которого мы отвлечем от греха и который, таким образом, останется целомудренным, или только не увеличит у себя бремени новых плотских грехов! Как самим нам свойственно желать, чтоб особенно близкие-то к нам хранили себя в той же целомудренной честности, как и мы, – чтоб для нас, чистых на сей раз, и окружающее все было чисто, чтоб заведенный нами по какому-либо случаю разговор против плотского порока был принимаем с сочувствием и ближайшими нашими! (Сюда же отнеси и всегдашний твой совет о женитьбе каждому холостому человеку или же молодому вдовцу между близкими твоими).

Дружеское принятие у себя или посещение самим лиц, живущих в незаконной связи

Между тем, в слове Божиим сказано: «с таким даже и не есть вместе» (1Кор.5:11) (разумеется обыкновенное хлебосольство). Сущность греха здесь заключается в сочувствии чужой любодейной связи и в соуслаждении ею. Иначе как же постоянно иметь на глазах чью-либо преступную связь, видеть мужчину и женщину, ласкающих друг друга, как бы в силу законного супружества, видеть ласкаемых ими детей незаконных: видеть все это, и не выразить ничем своих чувств против их постыдного союза! Затем, грех здесь заключается в открытой поддержке незаконной связи. Иначе как же это с ласкою, дружески встречать и провожать у себя тех, пред которыми, между тем, церковь Божия затворяет двери! как искать хлебосольства или только не отказывать в своем хлебосольстве или поддерживать лишь прежнее дружество с лицами, которые считаются врагами Богу по своей любодейной связи! Нет, кому нравится такое хлебосольство и дружество; тот, очевидно, уже не в искреннем союзе с Церковью и Богом, а «совокупляющийся с блудницею» (1Кор.6:16). Особенно виновна на этот раз гостеприимная или покровительственная связь со стороны таких лиц, которые известны в обществе своею степенностью или серьезностью, как люди семейные или пожилые, или, как занимающие высокое место по службе. В дружестве с такими-то лицами наложник и наложница хотят найти и показать пред другими подкрепление преступной своей связи. Наконец, иногда же грех здесь состоит в искательстве чего-либо у живущих между собой противозаконным союзом, даже в отбросе завидной наложницы или в привлечении себе другого обожателя; потому что и трудно, действительно, не усвоить себе свободных понятий о целомудрии или неприкосновенности собственного брака тем, которые имеют пред глазами своими пример любодейного сожития. Но говорят: живущие между собой в незаконной связи, иногда особенным образом вызывают на гостеприимные сочувственные отношения

к ним своею добротою и ласковостью, а также и примерным между собой миролюбием; так согласно не живут между собой иной раз «законные муж и жена». Да; женщины, например, живущие в наложничестве, большей частью показывают себя милосердыми, добрыми, ласковыми. Но только в этой доброте нет ничего чистого и высокого. Они щедры на деньги, на вещи, на угощения, собственно, потому, что все это чужое для них или такое, которым завтра, послезавтра, если откажет им сожитель, они уже не могут распорядиться. Ласковостью и добродушием к посетителям они как бы хотят вымолить прощение за свою незаконную связь. Что же до ласковости и дружелюбия между собой самих наложников, которые будто бы вызывают на сочувствие к ним, то тут можно видеть только то, что они сошлись и живут по страсти, или же они чувствительностью своих взаимных отношений хотят придать благовидную форму своей незаконной связи. Говорят еще: «что же гордиться пред грешными людьми? Христос-Спаситель, напротив, окружал Себя блудниками и грешными». Нет; не по гордости духовной, ни по фарисейству, ни по вражде какой и не из-за одного только внешнего неприличия целомудренный христианин отстраняет себя, даже до разделения совместной трапезы, от тех людей, которые живут в незаконной между собой связи. Но почему же? Собственно, по несочувствию к пороку их, и ради того, чтоб сохранить единомыслие с церковью. Надобно еще заметить, что слово Божие, внушая православным христианам чуждаться сношений с явными грешниками, впереди всех выставляет блудника (1Кор.5:10). На примеры же Христа-Спасителя в настоящем случае, очевидно, делается совершенно напрасное указание; потому что в трапезах Его с прелюбодеями мы видим в Нем только небесного пастыря погибающих овец. — Ты, сын святой Церкви! также и для собственной своей пользы никогда без крайней нужды не зови к себе, ни сам посещай живущих в наложничестве и, вообще, людей развращенных; не входи с этими людьми ни в какие сделки, потому что из всех соблазнов самый заманчивой — соблазн блуда, столь близко видимый и в чужой любодейной связи.

Предоставление у себя дома убежище блуду

«С прелюбодеями общаешься» (Пс.49:18). Так, одни дают у себя квартиру незаконно живущим, зная о незаконном их сожительстве, да таких-то квартирантов больше у себя и держат; другие в своих гостиницах отдают особые номера для тайных свиданий или ночлегов лицам двух полов; третьи принимают в свои торговые бани проходящих или приезжающих, очевидно, с постыдной целью, например, и ночью прямо с маскарада в клубе; четвертые только не препятствуют приходить в свою квартиру или в дом постороннему и к посторонним, которые живут у них, приходит так же явно с худой целью. Это значит на деле соизволять и содействовать блуду других. Домовладельцы оправдывают себя на сей раз тем, что они не знают наверное: «для какой цели и на продолжительный или же на кратчайший срок кто нанимает у них помещение»? Они говорят, что «желающие согрешить, найдут же для себя место в другом и третьем доме». Но оправдания тут не может быть никакого; потому что каждый должен охранять собственную свою совесть от участия в чужом грехе, которого признаки, между тем, столько явны. Лучше же иметь свои помещения в продолжение какого-нибудь времени пустыми, не приносящими никакого дохода, чем делать из них убежище для блуда. – О, вы принимающие и упокоители творящих блуд! не льстите себе (1Кор.6:10), не обольщайте себя пустыми надеждами, будто на вас нет греха за порок этих людей. Участие ваше с ними несомненное и Богу ненавистное. Лучше страха Божия да убойтесь!

Тайное сведение других для блуда

«Не участвуйте в бесплодных делах тьмы» (Еф.5:11). Первый сват блудных дел есть дьявол. Он (как вполне дознали святые подвижники) испытывает желание в двух лицах разного пола и когда испытает ту и другую сторону, начинает разжигать в них похотное влечение друг к другу. Таким образом, тайно сговаривающие и сводящие лиц для блуда, выполняют чисто бесовское дело. Прежде всего, этим делом занимаются безнравственные женщины: они по первому требованию и за вес монеты приводят к развратнику падшее лицо, а часто, после долгого своего сговора – и невинное. Этому низкому делу нередко служат и мужчины (прислуга), которые для мужчин же рекомендуют или отыскивают – сопровождают в квартиру их женское лицо, расположенное ко греху, а особенно погрузили себя в этом грехе городские извозчики. Наконец, тому же постыднейшему делу служат и те, которые только лишь передают (как бы почта) любовную переписку двух молодых лиц с сознанием содержания этой переписки, о чем дает им понять самая тайность дела. Если б не было подобных руководителей к блуду, то и разврат не столько бы распространялся между людьми, как теперь: лица благородного звания и стыдливые не вдруг же решатся сами делать шаг к бесчестному делу. Итак, виновные в сведении других к блуду по желанию их! вспомните, что вы ведь занимаетесь прямо бесовским делом, что разрушаете «великое дело искупления Христова», потому что отвлекаете от Христа души! О, не горе ли вам? Отвратите же от себя это горе решительным исправлением!

Публичное содержание блудниц

«Давала подарки всем любовникам твоим, ... чтобы они приходили к тебе блудить с тобою» (Иез.16:33). Содержатели блудниц (в своем ли доме или в наемной квартире) участвуют в грехах их. И это участие бывает особенное, с преступным до последней степени характером. Оно выражается в ловле, обмане, покупке, развращении невинных лиц и в бесовском злорадовании, когда подвергнется растлению невинная. Оно бывает в отношении к содержимым лицам принудительное, безжалостное: заставляют служить чужой страсти бедную, которая иногда уже пресытилась от разврата и изнемогает телом. В отношении же к тем, которые приходят в дом терпимости с гнусною целью, содержатели его употребляют все заботы к тому, чтоб тем заманчивее была обстановка их дома. Дома терпимости, это гнездилища и других сродных пороков. Там ругательства, общее пьянство, и мужчин, и женщин, нередко буйство, драки, убийства; там обманы, продажа вина и напитков вдвое или втрое дороже настоящего; там кражи и грабительства, после которых жалкий посетитель часто остается не только без запаса денег, но и без одежды. Там крайнее бесстыдство во всем; например, если там бывает музыка, то самая бесстыдная; если слышатся песни, то самые грязные; если начинаются танцы или пляски, то самые наглые; там и разные кощунства. Словом: публичный дом это ад на земле – ад не по мукам еще грешнику, но по развращенности тех, которые живут в нем и собираются в него. И вот, если развратная жизнь каждой блудницы, которая находится в доме терпимости, есть вполне смертный грех, т. е., приводящий к вечной смерти; если, без сомнения, смертно грешат частые посетители этого дома: то сколько же чужих смертных грехов принимают на свою душу публичные содержатели блудниц! Ужасная мысль! И как же еще эти люди могут дышать и глядеть на свет Божий?! Они должны бы признать себя заслуживающими и такой казни, чтоб расторгнуться пополам и погребстись живыми, вместе с теми, которых содержат для

разврата! Но, что же, собственно, заставляет их решаться на такое дело, унижительнее которого для человеческого достоинства нельзя и представить (а унижение тут более берет на себя женский пол)? что понуждает их быть участниками множества чужих грехов самого преступного качества? Ничто отвне, ни вызов чей-либо, ни бедность, ни убожество. Если же признаем здесь вызовом денежные прибитки (деньги, можно сказать, всегда и всего легче наживаются около греха и порока): это нисколько не извиняет их, напротив – еще увеличивает их вину; потому что тут они делают промысел – торговлю из разврата. Нет; главное всего собственное влечение к развратной жизни, соуслаждение развратною жизнью других, бесовская радость распространять разврат – вот, что заставляет кого-либо публично содержать блудниц! Эти-то крайне безнравственные побуждения оправдывает такой человек и на самом деле; так, если содержателем дома терпимости бывает пожилое женское лицо, то и оно падает тут же с развратными посетителями. Если даже законные муж и жена вместе содержат, то и те падают с посторонними, не обижаясь друг на друга за неверность. Случится ли которому-либо из них овдоветь? И даже несчастье не вразумляет: овдовевший или овдовевшая спешат заняться тем же скверным промыслом. Случится ли подпасть под суд и подвергнуться тюрьме за особенные какие-либо преступления в содержании публичного дома? и после выхода из тюрьмы опять обдуманно бросаются к тому же делу, собирают снова скопище блудниц. Итак, если на том свете будут низшие и высшие степени вечных мучений, то, без сомнения, самая высшая степень их принадлежит этим развратителям душ человеческих, содержащим непотребные дома. Смрад от адского огня, как смрад или дым после пожара содомского, заставивший Авраама поскорей бросить соседство Содомы, этот смрад будут обонять на том свете люди, возлюбившие здесь злосмрадие блудного греха, а более всех – содержатели и содержательницы блудниц. Что же до духовного суда им в настоящей жизни, то они уже считаются решительно отлученными от Церкви и от Бога: *«тех, которые на пагубу душ собирают и содержат блудниц ... определяем отлучать»*,

произнесли отцы на VI вселенском соборе (пр.86). (Да; и целый Вселенский Собор рассуждал против этого зла – публичных домов! Болезненная, значит, рана они сердцу Церкви. Можем ли и мы ныне не вопиять против такого зла, желая прекращения его?) Эти люди признаются недостойными принять кого-либо от купели¹⁶⁶, не допускаются и до присяги¹⁶⁷. О, если б они, несчастные, еще поспешили раскаяться и принести *«плоды покаяния»* (Мф.3:8), подобно преподобномученице Евдокии, и другим святым женам, которые вышли из бездны греховной на путь спасения! Великая была бы радость о каждом из них *«на небе, пред святыми ангелами»* (Лк.15:10)!

О холостой жизни

Отговор и прямое препятствие другим вступить в брак

«Возбраняющих жениться» слово Божие поставляет в числе людей особенно грешных (1Тим.4:1–3). И эти люди будут по преимуществу в последнее время, или пред кончиною мира, когда и холостая жизнь особенно будет в ходу. Таким образом, с первого раза по вопросу о поддержке и распространении холостой жизни видно уже, что это великий грех. И мы вполне убедимся в том из подробного рассмотрения настоящего предмета. Прежде определим: какой отговор и препятствие к браку разумеются здесь? Без сомнения, не в тех видах отговаривают, чтоб холостой или вдовец после первого, да и после второго брака поступили в монашество, к которому в них замечается склонность, а также и не потому, что, может быть, требуется отвлечь иного жениха или невесту от неудачного их выбора. Нет! советуют вообще не жениться или решительно препятствуют женитьбе-замужеству. Для чего же? Чтоб женатые, нажив детей, не наскучивали (начальству или хозяевам, у которых служат) жалобами на свои расходы и нужды; чтоб можно было двинуть холостого по службе, а в купеческом сословии в дорогу по делам, куда только будет угодно; чтоб к холостому в дом или квартиру всегда удобнее было прийти, особенно холостым же, и у него оставаться дольше для веселой беседы; чтоб женившийся сверстник или товарищ по службе или по торговому занятию, сделавшись пред холостыми степеннее, вообще не стал несколько выше их в нравственном и житейском быту; наконец, и чтоб воспользоваться наследством после холостого одинокого человека, особенно после вдовца, если они богаты. Когда в отговоре или в прямом препятствии другим лицам вступить в брак скрываются такие только побуждения и не обращается внимания на то, даже и нет вопроса о том, в чистоте ли сохраняет свою холостую жизнь то лицо, которому не советуют, не велят жениться, или только не угрожают ли ему особенные искушения для целомудрия: в таком случае, возбранение

жениться или выходить в замужество составляет самый тяжкий грех. Почему же? Это значит почти совсем лишиться человека счастья в жизни. Бесцельная холостая жизнь не дает человеку полноты развития, даже физического, а тем более, нравственного и религиозного. Так, прежде всего, здесь достойно замечания то обстоятельство, что между мирскими лицами (о монашествующих здесь речи не должно быть) достигают самой глубокой старости только люди женатые; из холостых же, как мужского, так и женского пола (по исследованию некоторых статистиков) ни один не доживает до 100 лет. – Затем, в отношении душевного развития для женатых семья составляет лучшую школу, в которой они развивают в себе все благородные свойства человеческой природы, например, добродушие, терпеливость, трудолюбие и заботливость о других. Холостые же того и другого пола, обыкновенно, менее бывают добры, а под старость лет и делаются особенно суровыми, жесткими; они гораздо менее терпеливы, трудолюбивы, постоянны в своих словах и на деле, заботливы об общем благе. (На что уж ссыльные преступники: и между теми гораздо мягче и благонадежнее к исправлению оказываются женатые и семейные). Не завися от другой половины, не связываясь заботами содержать семью и детей, холостые люди вообще увлекаются чувством независимости и ложной свободы, заняты бывают, более, собой, чем человечеством и государством; воспитывают в себе свою одинокою жизнью чувства самолюбия и гордой отчужденности от других. Еще хуже, еще большая беда их, если они и не имеют у себя доброго друга в жизни, если не живут вблизи чьей-либо семьи. (Монах и здесь исключение. Это – не светский холостяк, если он истинный монах. Против его самолюбия и превратно понимаемой независимости существуют правила монашеского послушания: «*послушание*», когда оно со стороны старших применяется к лицам и цели с благоразумным и умеренным требованием, приносит здесь великую пользу. А от праздности или против ложной свободы спасают монаха или монахинь молитва и монастырский труд, только бы жизнь монастырская устроилась более или менее по жизни древних

подвижников). Тем менее в холостых, в сравнении с женатыми и семейными, развиваются чувства богобоязненные. У холостых как же мало нужд и горя! При одинокости их жизни им требуется немного для содержания, между тем, как нужды-то житейские, пища, жилище, одежда, – естественно располагают человека искать Божией помощи. Потом: их не печаливает болезнь жены, не заставляет задуматься приближающееся разрешение от бремени (берем вместе мужа и жену, потому что забота и страх здесь касаются обоих: один страдает душой, а другая телом); не затрудняет и последующее затем состояние немощи жены-матери; не устрашает их вдовство; не постигает потеря детей; не поставляют иногда в крайнее недоумение и бессилие вопросы, как управить детьми и семьей; не особенно стесняют неприятности по службе, потому что они легко могут перейти на другую службу. Между тем, горести-то жизни более всего смиряют человека пред Богом и обращают к Богу. Но всего достойнее сожаления то обстоятельство, что холостому человеку, если он бездельно остается холостым и не возложил на себя обета целомудрия, – ему трудно среди мира не соблазниться на чужую красоту, а затем уже не пойти путем порочной, неумеренной жизни, до самых лет старости. (Отговаривают, прямо препятствуют вступать в законный брак или только лишь на долгое время отсрочивают его другим. Но, ах! Если б, вместе с тем, эти отговаривающие давали холостым силы сохранить девство и целомудрие. Между тем, они не дают ни сил, ни предостережений; потому что и не могут дать). – Супружество же на этот раз прекрасно удерживает человека в пределах умеренности и порядка; потому что в нем одинаковость, правильность полового сообщения, а не непрерывное раздражение похоти от непрерывной же перемены лиц, совместно падающих. И вот, совесть холостых мало-помалу отягчается плотскими грехами! Из холостых-то (как видим) более выходят неверующие и безбожники. Итак, можно ли еще сомневаться, что без цели холостая жизнь и не естественна, и весьма опасна? Когда апостол Петр сказал Спасителю: *«лучше есть не жениться»* – Спаситель не одобрил этого предложения для всех. Таким образом, отговор

или прямые препятствия совершиться чьему-либо браку составляют величайшее зло; потому что препятствуют развиваться человеку в чистых человеческих и христианских качествах, а главное – участвуют в развитии разврата. Не само состояние холостых и не замужних лиц мы обвиняем, так как это состояние в некоторых может быть и нравственным; но, собственно, бесцельность его и посторонние ему препятствия для смены законным браком. Да; что-нибудь одно из двух должно быть для холостых: «или законный, притом, своевременный брак, или же девственная, целомудренная жизнь, в смысле жертвы Богу, с торжественным ли обетом монашеским или почему-либо без обета» (в последнем случае, например, для девиц, вообще, для женского пола, которые часто при самом желании себе супружеской жизни не могут же сами устроить ее). Некогда Церковь этого одного и требовала от молодых людей: *«чтецов, приходящих в совершенный возраст, побуждать или ко вступлению в брак, или к обету целомудрия»* (Карфаг. соб. 20).

Православный христианин! Женат ли ты сам или вдов, или уже слишком запоздавший жениться, – искренно советуй каждому холостому человеку женитьбу, законный брак. Еще апостол Павел мог в свое время советовать христианам безбрачную, холостую жизнь. Но то были христиане строгие в своих правилах. И побуждения, по которым он советовал такую жизнь могущим между ними воздержаться, были высокие, искренние и частью особенные. Это – гораздо большее удобство в безбрачии угодить Богу (1Кор.7:32); затем – жалость к ним: *«а мне жаль вас»* (1Кор.7:28), так как с женитьбою и замужеством человек неизбежно берет на себя много забот и печалей, – *«таковые будут иметь скорби»* (там же); и, наконец, – время гонений и изгнаний за веру, которые столько и везде были ожидаемы для первых христиан и которые одинокому человеку, конечно, легче было перенести, чем семейному. Святой совет апостола и ныне остается неизменным для единиц в мире и для всех тех, которые, удаляясь от мира, по истинной ревности принимают обет монашеский. Но у нынешних христиан и внешнее положение совсем иное (гонений нет), а внутреннее,

или свободно-нравственное, и тем более. Холостую жизнью так или иначе все в мирском быту злоупотребляют; холостая жизнь без возвышенной цели, в пользу которой была бы жертвованием, человека только расстраивает. Итак, во имя счастья ближнего и в целях общего народного благонравия будь же по самому глубокому убеждению защитником и распространителем семейной жизни вместо противохристианского отговора к ней.

При намерении вступить в брак, отлагательство его.

«Блажен, кто в юности, составя свободную чету, употребляет естество к деторождению», сказано в правилах церковных¹⁶⁸. «Блажен» – вот как честит Церковь раннюю женитьбу! А ныне, между тем, молодые люди избегают законного брака, и, собственно, не по недостатку зрелости, но для того только, чтоб насладиться вольною холостою жизнью, или для разудальства по всяческим: «еще рано жениться», говорят, и – больше ничего. Но и старшие тут же их поддерживают: «еще молод (рассуждают), еще успеет пожить женатым (а девица быть замужницей): пусть повеселится на свободе». Не здравые и не христианские понятия! Холостой, который, между тем, имеет намерение вступить в законный брак и не иначе представляет себя в ближайшей будущности, как женатым, – такой холостой человек должен быть верен своей невесте и прежде самой женитьбы, прежде обетов или обязательств супружеской жизни. Пусть он еще не знает своей невесты; но он должен сделаться достойным ее, кто бы она ни была, – как и сам желает, чтоб она была достойна его руки, явясь к нему девою скромною и целомудренною. Лучшим приданым и со стороны каждого жениха девственной невесте может быть мужская его девственность. Почему? потому что тот человек, который не касался ни к одному чужому телу по низким побуждениям похоти, – тот-то, женившись, всегда более привязывается к законной жене, более способен любить ее с чистым сердцем или с возвышенным чувством, более благонадежен со стороны супружеской верности. Но в настоящем случае плохие надежды на того, кто бесчестно живет до брака, и с той, собственно, целью отлагает свою женитьбу, чтоб вольнее пожить. Этот человек наживает себе до женитьбы такие пороки, которые делают его впоследствии и не благонадежным мужем, и не заботливым отцом детей; например, в нем встречает жена уже готовые и укоренившиеся привычки: чтоб подолгу отлучаться из дома для товарищеских свиданий, чтоб вдаваться в нетрезвость, не любить семьи. А

главное: этот человек совсем теряет склонность к законному браку. Не женившись до 30 лет, он уже начинает бояться женитьбы, делается на сей раз в высшей степени нерешительным, мнительным. (И родители его, и добрые родственники убеждают жениться, да и сам он много раз изъявляет готовность на женитьбу; но ему и невест в целом свете не стало, и все еще хочется дожидаться высшего чина, лучшей должности или большего обеспечения, чтоб можно было решиться на брак. Словом, он в великой борьбе из-за женитьбы и отсчитывает целыми годами отсрочку ее, между тем, как он же в первой молодости лет был доверчивее и спокойнее на сей раз). А, испытав до брака все виды плотских наслаждений, он часто, по Божью правосудию, наказывается неплодством или бездетностью в браке. Таким образом, из-за себя делает бездетной и жену, к ее огорчению. – Ты, православный христианин, – конечно, останешься на стороне правил церковных, «ублажающих» раннюю своевременную женитьбу: например, между простолюдинами не позже бы 21 года, а в образованном классе никак не дальше 25 или 30 лет. Практика жизни и подтверждает, что лучшая пора для женитьбы – эти самые лета человека.

Выбор себе невесты за одну красоту или богатство

Невеста, которую отыскивал себе благочестивый Товия, была не только красна, но и умна (Тов.6:12). *«Товия полюбил ее и душа его крепко прилепилась к ней»* (Тов.6:18). Это было прежде, чем он увидел ее. На чем же утверждался его выбор? На таких отзывах, как о невесте, так и об отце ее, что род ее добрый, благочестивый (законники) (Тов.6:13). Таким образом, Товия, отыскивая себе подругу жизни, обратил свое внимание более всего на ум ее, т.е. на умственные ее действия, и на самый род ее, или на благочестие отца. Таков-то должен быть выбор и каждым невесты, равно как и невестою жениха. Но выбирать невесту за одну только красоту лица или за одно приданое, – не видим ни одного благоприятствующего примера, или текста в Священном Писании. (Священное Писание – в сотый раз скажем – есть непогрешимый для нас учитель и первый, вечный благодетель наш на всех путях нашей жизни, во всех обстоятельствах и переменах ее). В нем мы встречаем только общее предостережение, чтоб *«по наружности не судить о человеке»*, чтоб и не хвалить никого за красоту и не презирать кого-либо за лицо (Сир.11:2): пчела, вот, малейшее творение, а плод ее первый между сластями. Другое предостережение, уже относящееся прямо до красоты замужней женщины, следовательно, и выбираемой в замужество, находим в Св. Писании такого рода, что пленяться женскою красотою и похотствовать на красоту жены не следует (Сир.25:23). Правда, говорится там и о красоте телесной, как о качестве, пленяющем всю душу человека; но при этом рядом поставляются другие необходимые качества жены: *«доброта, кротость* (Сир.26:17:21) *и благоразумие* (Сир.26:16). А относительно приданого сказано, что берущий себе жену полагает основание своему обогащению, т.е. умная жена сама по себе несет приданое, входя в дом, как хозяйка, которой дотоле не было в доме, как помощница мужу в хозяйственных трудах его (Сир.36:26). Затем, в слове Божиим уже прямо выражается, что богатство женино (и не такое, которое бы впоследствии по

случайному наследству пришло, а с браком, в виде приданого принесенное) производит и гнев, и стыд (Сир.25:24). Христианину стыд здесь можно чувствовать еще при одном воспоминании об обычае, существующем на сей раз у неверующих язычников, именно: «прежде женитьбы платить за жену». У язычников дорого ценится невеста, так что нужно выплачивать за нее оброк (калым), будто за вещь какую, а у христиан, в таком случае, жених дорожит собой до того, что позволяет как бы покупать себя (за первой женой иной берет деньги, и за второй – если овдовеет – так же ищет капитала). Да; основывать прочность и счастье брака на этих только внешних подпорах: красоте, высоком положении и богатстве – величайшая ошибка и вина против таинства брака. Эти подпоры для брака хрупкие, преходящие. Войдем в подробность.

Красота телесная есть природный дар, а не что-либо приобретенное личным трудом или зависимое от человека; следовательно, как избыток ее не составляет добродетели, так и отсутствие ее – не порок. Затем (будем говорить только о женской красоте), не вводят ли какое-то слепое счастье в жизнь человеческую на сей раз те люди, которые за красоту лишь выбирают себе невест? Вышла девица красивою от природы или особенно способна прибавить себе искусственной красоты, и значит, она счастлива, будет непременно замужем. Чем же виноваты прочие девицы, не обладающие красотой, равно как и родители их, на которых лежит естественная забота пристроить их к замужеству? Рассудите, справедливые женихи, имеющие у себя и сестер невест! Но красота женщины увядает с деторождением или же случайно – от болезни, наконец, – вообще с годами. Что же заменит ее, если жених на нее только обращал свое внимание при женитьбе, если не задавал себе вопросов о родителях и воспитании невесты, не заботился насколько можно познакомиться с невестою, словом – бросился только на красоту, только половые качества и прелести поставлял первым достоинством в своей невесте? Истинным счастьем, истинною находкою для него назовем, если его невеста с красивою наружностью будет соединять умственные качества, а особенно, христианское воспитание и

преждевременное ознакомление в духе же христианском с важностью супружеских обязанностей, о котором, к сожалению, и при большом образовании редкие родители заботятся для своих дочерей. Но, если всего этого не будет, – что же тогда? В таком случае, *ослепление отчасти бысть* (Рим.11:25). Тогда явится позднее раскаяние за выбор и меньшим злом в супружеской жизни последует холодность, а большим – раздор и неприятности. Таким образом, жених сам себя обманывает и карает за пристрастный выбор подруги себе. Но, по правде говоря, при красивой-то наружности невесты всего скорей он встретит в ней недостаток внутренней, нравственной красоты. Что тут причиною? Причина та же: выбор женихами невест за одну красоту. Когда в невесте более всего ценится красота (отсюда первый вопрос: «какова, красива ли?»), тогда и невеста первым достоинством поставляет в себе – быть, или только казаться красивою. А от этого, естественно, она занимается пустотой, располагается к тщеславию, о красоте же душевной нисколько не заботится. Отсюда всевозможные ее заботы быть на вид красавицей, молодой (т.е., отсюда-то происходят разные умыванья мылом и натирание мастями, убивается время на прически, на приготовление нарядов, занимают девиц только обновы, весь разговор их при встрече с другими о платьях). Отсюда желание невесты, особенно молодой, чтоб и жених смотрел на нее, как на игрушку¹⁶⁹. Таким образом, гибель выходит даже и обоюдная: женихи ищут только красоты в невестах, а невесты стараются лишь показаться красивыми, о других же качествах, умственных и нравственных, и заботы не имеют. Но для женского пола гибель, очевидно гораздо большая; потому что можно ли удержать за собой красоту, когда она будет увядать? легко ли приобрести себе вдруг душевные прекрасные качества, даже прийти к мысли о приобретении их, если раньше не было заботы о том? Нет; одна только христианская нравственность, благодетельная для человека во всех отношениях, спасает женский пол от этой жалкой гибели. Чем же? – тем, что, не осуждая совсем заботы о приличии и даже о вкусе в одеждах (1Тим.2:9), христианский закон, в то же время, поставляет главным предметом женской заботливости

красоту души: «не внешнее плетение волос..., но сокровенный сердца человек» (1Пет.3:3:4); «чтоб также и жены... украшали себя... добрыми делами» (1Тим.2:9:10). Дело, значит, начинается с того, чтоб быть приятным Богу. Полагаются иные нравственные начала, могущие гораздо тверже расположить к женскому лицу. И действительно, красота телесная делается как-то обыкновенною от того, что каждый день на глазах, а красота души, – скромность, нежность чувств, терпеливость, целомудренность, простота и теплота веры, усердие к молитвам и церкви, – все это как бы обновляется с каждым днем, более и более занимает в женщине и постороннее лицо, а тем более, ее мужа, если только муж не будет до крайности расстроенным в образе своих мыслей и жизни. Первая красота изменяется и упадает, а последняя не знает никаких перемен. (Лучше в красоте телесной обращать внимание на приличность и приятность вида (грацию), на ясное лицо (Сир.13:31) – которые возбуждают сочувствие и бывают выражением доброй души: эти черты долгие не изглаживаются).

Равным образом, выбирать невесту за один капитал, за большое имение или, чтоб войти в дом, или ради богатого родства, – и непрочно, и предосудительно само по себе. Так, богатство не ответит же за крепкое здоровье, которого, между тем, нет и которое необходимо для понесения беременности и деторождения, так как эти тягости общи всем, и богатым, и бедным женщинам. Богатые или только знатные (женины) родственники то сами обеднеют, то потеряют силу по службе, то умрут, – между тем, как жить-то придется с женой. Так, договариваться до брака о деньгах, писать документы или даже в церковь не идти для венчания без того, если не будут выданы деньги, – что же это, как не унижение для брака, который есть таинство и союз дружеский? Не достает сколько-нибудь к денежной сумме, требуемой в приданое, и жених, уже хорошо ознакомившийся с невестою, готов совсем прекратить сватовство: где же его любовь и сочувствие к невесте, если он в виду такого побочного препятствия готов оставить свою невесту? невеста ли ему после этого нужна, или же дороги только деньги? Потом, как несвойственно молодому человеку

хотеть жить в чужой счет, средствами своих тестев! к чему иному может повести его излишество средств, т.е. и полученных в приданое, и тех, которые своим порядком пойдут ему по должности или по частному какому занятию, – к чему более поведет это излишество, как не к щеголеватой и рассеянной жизни? Но умная, хоть и бедная, жена сумеет хорошо распорядиться и малым состоянием; легкомысленная же и небережливая даже богатство расточит хуже ветра; значит жених здесь ищет меньшее, оставив большее. Как естественны в супружестве и тяжелы мужу попреки со стороны жены, когда она принесет с собой богатое приданое, когда все в доме будет от нее! как естественно первенство или только старание взять во всем первенство со стороны такой-то жены (Сир.25:24)! Это значит взять за себя госпожу, а не жену. Самолюбие и суетность жены на этот раз доходят даже до того, что она все считает в домесвоим, что и детей, которые воспитываются в заведении средствами ее приданого, она называет только «моими», а не нашими. Но возразят нам: «почему же не воспользоваться готовым капиталом или имуществом, которое можно получить за женою»? Речь наша не об этом, а только о требовании за невестою денежного или имущественного приданого, – о требовании даже и в таком случае, когда отец невесты принужден входить в большие долги. Речь наша об обегательстве умных и благовоспитанных невест, и о решимости на брак с такою, которая то лишь имеет достоинство, что единственная наследница богатых родителей, и которую иначе жених и не подумал бы никогда сватать. Тем менее речь наша не против пособия новобрачным на первое время их жизни, например, до определения мужа на службу. Но, если помимо этого первоначального пособия желают получить за невестою деньги, то и трудно положить пределы желанию.

Итак, повторяем: только лишь воспитание невесты в христианских правилах и добродетельные качества ее – вот твердые и благонадежные задатки для прочности супружеского счастья! Об этих-то задатках прежде и главнее всего и должен позаботиться жених при выборе себе невесты. (Слуга Авраамов по такому, вот, признаку предположил выбрать невесту для

Исаака: *«это будет та девица, которая, придя к колодцу, поведет с ним приветливую речь и окажет ему услугу, – напоит его самого и верблюдов его из своих рук водой»* (Быт.24:13–14). Предположения были верные: приветливость и услужливость с первого раза показали бы в невесте простоту и доброту души, а ношение ею воды от колодца говорило бы в пользу ее, как способной к хозяйству и готовой на всякий труд. Кроме того, для страннлюбивого дома Авраама доверенный выбирал и невесту, расположенную к той же добродетели, чтоб она подходила под характер новой для нее семьи, чтоб противоположным характером не внесла в эту семью разлада). – Женихи и невесты! если вы хотите найти взаимное счастье в супружестве, – вот, чего ищите друг в друге: *«веры и веры в Бога»!* К этому еще присоединяйте такие условия счастливого брака: *«небольшое расстояние между собой в летах, незначительную разность в умственных способностях, приблизительно одинаковую образованность, одинаковое родоприсхождение и звание (очень важный вопрос!), наконец – и равномерные средства к жизни».* Это также существенные условия счастливого брака! Резкий недостаток и одного из них, как хотите, скажется на счастье супружеской жизни.

Брак без участия родителей, или без совета старших, или же прямо без благословения родительского

В слове Божиим сказано: *«выдающий замуж свою девицу поступает хорошо»* (1Кор.7:38). Следовательно, выдача в замужество дочери прямо относится к родителям (а, конечно, и на сыновей в той же мере простирается власть родительская). Затем, в браке Исаака с Ревеккою, о котором для примера счастливого и богоблагословенного супружества упоминается в молитвах венчальных, видим, что о женихе за отсутствием отца заботился его дядька, а невесте давал наставления и предлагал свои советы брат ее (Быт.24:10–67). В древности еще был церковный закон, по которому брак, заключенный без согласия и вопреки благословенья родителей, – даже не считался законным браком (Вас. Вел., 38), но получал свою твердость только после того, как оскорбленные родители изъявляли на него свое согласие (там же, пр.48). Ныне, положим, и так свенчанный брак не теряет своей силы, не расторгается; ныне пусть не требуется в числе прочих документов перед браком письменное свидетельство о согласии родителей. (В случае же предъявления родителями препятствий только останавливается брак¹⁷⁰. И решение вопроса о нем бывает здесь по согласию старейшего лица, т. е. отца). За всем тем, брак без согласия и против воли родителей и ныне наказывается, даже и гражданским законом¹⁷¹. Почему же именно требуется согласие родительское на брак? Прежде, или главнее всего потому, что брак заключается на целую жизнь, а в христианстве это есть великое таинство: расторжение или развод церковного брака по произволу немыслимы; здесь муж и жена любят себя взаимно, как и Христос Церковь. По этой-то серьезности брака, в виду столь высоконравственного значения его, он обставляется еще и другими условиями, например, строгим законом, чтоб он не был по принуждению, – предварительными оглашениями о нем в церкви, свидетельствами посторонних лиц и т. п. Осуждая побуждения к

браку, недостойные брака, например, или только чувственные (красота), или корыстные (приданое), христианство устраняет при заключении брака также и легкомыслие, торопливость, в некоторой мере – своеволие со стороны жениха или невесты. А практика дела ясно-преясно доказывает нужду участия в браке родителей или старших посторонних лиц. Действительно, как же многие ошибаются, женясь или выходя в замужество сами по себе! Молодые люди руководятся в супружестве одними первыми впечатлениями и не смотрят в даль; они действуют под увлечением чувственной любви, которая, между тем, слепа. Вот и причина несчастливых супружеств! Нет, – если по пословице: «всякий человек – чужой в собственных делах», то в особенности в женитьбе или замужестве уместно и полезно недоверие к самому себе. Родителям, как и посторонним советникам, уже нечего прельщаться красотой невесты или жениха: это была бы для них одна только сторона дела, менее всего их занимающая. Они обнимают здесь многие другие стороны дела, выгодные, положим, и для них, но еще более полезные для самих жениха и невесты. Во всяком случае, в их выборе не будет односторонности и более будет беспристрастия, если и допустить иной раз пристрастие. Они научились собственным опытом ценить, – в чем, главным образом, заключается счастье супружеское; они наказаны, может быть, и сами за то, что без ближайшего участия или прямо против воли родителей выбрали себе чету. (Наказание это чувствуется и не вдруг, а через многие годы: но оно верно; потому что совесть человека уверяет в нем). Вот пример и постороннего выбора невесты одному жениху: «человек... желая уразуметь» (Быт.24:21), т.е. внимательно всматривался и в лицо невесты, и в речь, и в ответы ее, и в походку, и в занятия, чтоб по всему этому узнать о характере ее, о настроении души. Не беспристрастный ли это выбор? – С другой стороны, согласие и благословение родителей в браке требуются из уважения к их правам и к тем заботам, какие они понесли при воспитании детей. Права и заслуги родителей здесь, так сказать, вопиющие. Ужели, в самом деле, родителям быть в стороне, не иметь участия в столь важном деле, как брак их

детей, если они, между тем, целую жизнь трудились, беспокоились над воспитанием детей? по какому это праву сын приводит в дом отцовский, где глава отец, или только вводит в круг родства кровного, где старшим лицом так же отец, – так приводит или вводит новое лицо, которое не было для родителей желательным, в выборе которого, по крайней мере, обойдено без всякой причины личное участие родителей? (Посему-то правило о согласии родителей и распространяется в особенности на тех молодых людей, которые живут еще с отцом и не имеют ни самостоятельного жилища и хозяйства, ни должности или службы гражданской, предоставляющей им с должностными обязанностями и некоторую независимость)¹⁷². Жених (как ныне, к сожалению, это делается), миновав отца–мать, прямо обращается к невесте и спрашивает ее о согласии на брак. Когда уже последует обоюдное согласие, тогда он дает знать родителям, тогда начинается сватовство. Но почему же не вести этого переговора через родителей? что было бы тут вредного или унижительного? зачем поставлять родителей лицами второстепенными и начинать действовать совсем без ведома их? не легко ли может случиться, что отец–мать будут иметь свои основательные причины не согласиться на брак, между тем, как невеста уже изъявила согласие жениху и дали они друг другу руку? Вообще не одна ли форма выполняется и не деньги ли только нужны на свадьбу, если жених и невеста обращаются к родителям после того уже, как между собой все порешили? О, как это напрасно и незаконно!

Затем, даже и самые пожилые люди, даже такие, которые женятся во второй и третий раз, не должны отклонять участие родительское в своем браке, а в случае смерти или отсутствия своих родителей – чуждаться совета старших или близких к себе лиц; только бы эти лица были благожелательные и опытные (но не записные свахи: но, если это будут прикосновенные очень к свадебному делу по родству, по свойству, то совет их требуется только проверить свидетельством других лиц, но так же, не отвергать, потому что совет и этих сколько естествен, столько же может быть и правильным, полезным). Почему же именно не должны даже и пожилые женихи или невесты при браке своем

пренебрегать советами других? Потому что нередко и они следуют одному чувственному впечатлению, поддаются увлечению глаз и плоти, прельщаются молодостью лет или одною ловкостью движений и приемов в своей невесте (женится вдовец на девице, которая, между тем, и моложе его сыновей, и не отличается скромностью). Отсюда-то неизбежные ошибки в браке даже пожилых людей.

Итак, женихи и невесты! Хотя выбор ваш должен быть и самостоятелен, хоть, собственно, вам-то достанется «жить век» с теми, кого выберете для брака, а не родителям вашим; однако ж, родительское участие в вашем браке, а за отсутствием родителей – совет и руководство старших лиц, вполне законны и в высшей степени необходимы. Если родители со своей стороны только советуют вам иное, чем вы думаете, или объявляют свою волю – желание в ином только виде, это еще не может связывать вас; так, когда бы родители предлагали вам для брака лицо, к которому и раньше, и после, словом – всегда вы чувствовали решительное нерасположение, то и можете отказаться от их совета. Но, если они прямо не благословляют вас и запрещают вам выбор на справедливых основаниях (например, чтоб не обесчестить браком целой семьи), тогда низшая воля должна подчиниться высшей. Смотрите же, чтоб вам не прогневить Бога и не погрешить против собственного счастья!

Брак раньше, а то и после узаконенных лет, и неравный по летам

Все эти три однородные случаи в браке вменяются в вину. Так, если Церковью первейший срок для брака назначается жениху 18 лет, а невесте – 16: то усиливаться совершить брак раньше этого времени прибавкою лет или, положим, открытою просьбою перед духовным начальством, только без всякой надобности, – не следовало бы. Ранние или преждевременные браки вредны в физическом отношении: от них, например, бывает недонос беременности; от них дети не отличаются крепостью тела и, вместе с тем, или впоследствии времени, твердостью духа. Частью они вредны и в нравственном отношении; потому что в них жених и невеста еще не отошли от характера детства, или не пришли в зрелость. – Так, если Церковью самый крайний срок для брака полагается со стороны мужчины 80 лет, то решаться на брачный союз с обеих сторон в близкие к этому лета грешно, неразумно и вредно (а бывают такие примеры). Вообще, поздние браки редко выходят плодородными, а еще реже дают здоровое потомству. В нравственном отношении об этих браках можно сказать одно не в пользу их: чем позднее своими годами жених и невеста, особенно, вступавшие в первый брак и, значит, не испытавшие супружеской – семейной жизни, которая требует своего рода ломки (уступчивости) характеров; тем менее надежды таким супругам сойтись между собой и привыкнуть, или привязаться, друг к другу. – Но всего неестественнее, неразумнее, вреднее и дальше от цели брака относительно же детей брак слишком неравный по летам. От такого брака, т.е. когда, например, муж старше жены своей 20 годами, так же не бывает детей, или рождаются дети хилые и недолговечные. Притом, от старого мужа рождается, более, женский пол, а не мужской; следов., тут нет надежды на замену сыном, который за смертью отца, обыкновенно, заступает в семье отцовское место. При бесплодии неравного брака говорят иногда, что «Бог не благословил его»: но как жаловаться на отсутствие Божия

благословения тем людям, которые поступают несогласно с законами природы? Особенно вреден относительно рождения детей брак старой жены с молодым, т.е., когда невесте около 30 лет, а жениху 20: вреден такой брак, потому что мать-то находится ближе к младенцу по сложению и здоровью младенца, чем отец, потому что для рождения здорового дитяти необходимее молодость матери, чем молодость отца. – Возьмем и здесь нравственную сторону. Как мало целесообразно в браке, неравном по летам! Тогда, например, не может быть искреннего сочувствия между мужем и женой (один дряхл, а другая молода). Со стороны старого мужа обыкновенно возникает мучительная подозрительность (ревность) и отсюда стеснение им во всем своей жены, раздор обоих их. А молодой жене и действительно бывает искушение для супружеской верности; затем ей угрожает раннее вдовство, как состояние еще более опасное и тяжелое. На практике жизни видим, что, где более запоздалых женихов (как именно в больших городах, для которых, между тем, ранние-то браки особенно были бы благодетельны), там более встречается молодых вдов; там больше насчитывается сирот, которых не довоспитали их отцы и над воспитанием которых должны трудиться изо всех сил одни матери, а еще чаще – за беспомощностью самих матерей – посторонние лица. Таким образом, молодая жена при старом муже даже и со стороны возбуждает в себе сожаление. Зато старая жена с молодым мужем как бы уже не заслуживают жалости, первая – за свое легкомыслие, а последний – за свои низкие расчеты в женитьбе, или за произвольное убожество. – Нет, жених и невеста! вы должны соединиться между собой по некоторому внутреннему влечению, но не случайно как-нибудь: а для этого нужна зрелость лет. Вы должны отдаться друг другу по свободному решению, а не по принуждению обстоятельств: поэтому прочь влияние сильнейшего на слабейшего, например, старого, но богатого, холостяка в отношении к девице молодой, но очень бедной. Шаг можете вы сделать и скоро, но шаг будет непоправим. Решая свой выбор, вы должны смотреть не на приманку или на лестную обстановку в первые только полгода-год своей жизни, а на всю свою жизнь. Старые из вас, берущие

за себя молодых невест, тем более, старые невесты, выходящие за молодых, казалось бы, в браке своем уже непременно выигрывают, выходят победителями. Но их радость бывает непродолжительная, и они вздохами да слезами оплачивают свою победу. Это верно.

Искание брака в близком родстве

Церковь даже расторгает те браки¹⁷³, которые заключены в близких запрещенных степенях родства (Лев.18:7; 20:19). Родниться в кровном или ближайшем родстве значит идти против уставов природы. Природа держится и распространяется, как указал ей Творец, смешением разнородных. (Известно даже, что и врожденные болезни, например, золотуха, чахотка, счастливо проходят, если разноплеменные лица соединяются законным браком, например, русский с крещеной инородкой). Если б чаще допускались браки в близком родстве, это повело бы род человеческий к сокращению. Кроме того, от таких браков (где они бывают) рождаются дети то немые и глухие, то безобразные и глупые. Искание родственного брака ничем не может быть извинено (особенно в одной и той же семье, когда семья велика, и когда жених и невеста садились за один стол, а бывали такие примеры). Разве целого мира мало, чтоб найти себе невесту, кроме двоюродной, например, сестры или троюродной племянницы? (Преступным также супружеством был бы такой брак, когда повенчались бы два лица от других затаенного, но им самим и родителям их известного родства, и самого кровного родства, как родные брат и сестра оба незаконнорожденные или же один от законного брака, а другая незаконнорожденная). Если же искатели родственного брака говорят в оправдание себя: «это лишь лицо мне нравится, оно пришло по сердцу, а другой невесты не надо»; то, очевидно, брак в таком случае был бы по страсти, и, следовательно, не христианский. Собственно, с духовной стороны такие браки осуждаются и запрещаются по той причине, что родственные связи и сами по себе священны: превращать-то их в плотскую связь значит отнимать у них эту святыню, значит – красивое безобразить. – Женихи и невесты! будьте благодарны обстоятельствам, закону, а во всем этом Самому Богу, за то, что вы встретили препятствие своему брачному союзу в ближайшем родстве, на который уже совсем решились было!

Вольное обращение между собой жениха и невесты до брака или супружеские отношения прежде венца

Ревекка лишь только увидела пред собой жениха своего, *«взяла покрывало и покрылась»* (Быт.24:65). Так и у каждого жениха и невесты взаимные отношения должны быть прикрыты целомудренною стыдливостью. До венчания они все же меньше близкие между собой лица, например, брат и сестра. Притом, не бывают ли случаи, что свадебный сговор совсем расстраивается после продолжительного времени, после обменов жениха и невесты подарками и взаимной откровенности? Поэтому до венца, и по существу дела, и для благородной формы его, необходима сдержанность как в уединенных прогулках, в пожатиях рук, в свиданиях безвременных (например, в глубокий вечер), в разговорах и в переписке о взаимной преданности, так и в гневе друг на друга, в требовании излишних услуг или в оскорблении родителей с той или другой стороны, т.е. или жениховых, или невестиных. В случае расторжения брачного сговора эта вольность обращения будет новым стыдом, новым наказанием, особенно невесте. Но и с благополучным завершением брака она будет отзываться неприятным воспоминанием для совести. (Удивляется иной вольный жених, что невеста его, как только он прямо и пристально взглянет на нее, – вся краснеет; эту красноту ее он готов назвать забитостью ее в семье. Но эта краснота прекраснейший цвет девства, великое достоинство нареченной его невесты). – Вина также жениха и невесты, если они тотчас же после сговора надевают на себя и носят кольца. Допускать это прежде церковного обручения, значит быть виновным в грехе самовольного обручения. – Что же до преждевременного сожития желающих венчаться, то такое сожитие *«не есть брак, и даже не начало брака»* (Вас. Вел., 26), но только блудная связь. Даже лучше этим людям совсем разойтись, т. е. лучше им соединиться браком с другими лицами; потому что до законного лишь брака они страстно привязывались друг к другу, а со временем законного супружества легко между ними

возникнут попреки, холодность и презрение. Но, если уже им не с кем более соединиться браком и, если они примут законный брак: все же *«венцом (как, между тем, они думают) не прикрывается их грех»*. Со дня лишь церковного брака законно их сожитие, а за прежнюю связь они должны понести епитимию, которая полагается 4-летняя, – понести или оба, – жених и невеста, или один тот, который насилием или обольщением растлил невинное лицо (Вас. Вел., 22 и 25). Но, если сожития или связи не было, а только пред самым браком вследствие вольного обхождения допущен грех, в таком случае, виновные подлежат однолетней епитимии (запрещению приступить к святым тайнам) (Вас. Вел., пр.69). Наконец, кто падет прежде брака не с самою невестою, а с матерью ее или с другим кровным для нее лицом, тому и брак с этою невестою воспрещается (Вас. Вел., пр.69). – Нареченные женихи и невесты! не в последней короткости обхождения должно состоять ваше предварительное ознакомление и не в том, чтоб вам ни на час не отставать друг от друга, везде выходить и выезжать вместе, – нет, не в этом! Но, чтоб увериться во взаимных добрых качествах и на основании-то взаимной любви и взаимного уважения утвердиться в решимости сочетаться браком. Который из вас будет держать себя скромнее и степеннее, тот в глазах другого и заслужит большее уважение. А вам нужно позаботиться не об одной сердечной любви, но и о взаимном уважении; потому что первое без последнего не совсем прочно.

Суета и рассеянность пред браком

Чем важнее дело (а как важны в жизни женитьба и замужество, и говорить нечего), тем более надобно молиться об успехе его, тем внимательнее надобно готовиться к нему. То приготовление к браку, которое состоит только в заботах о приданом, в заказе разных вещей мастерам, в убранстве дома и т.п., – есть одна внешняя сторона дела; это заботы, не питающие духа и не обеспечивающие счастья будущих супругов. Тем более, не в том приготовление к браку, чтоб были предварительные вечера, то у невесты, то у жениха, чтоб дольше отсрочена была свадьба для большего значения ее. Нет; достойное приготовление к браку, со дня сговора и до самого венца, составляют только такие действия: молитвословие в доме чрез священника о том, чтоб Господь Бог благословил начинаемое дело и помог завершиться ему; если же посредство священника в настоящем случае почему-либо не может быть употреблено, – как же однако за «данным словом» не помолиться тотчас, выслушав или приняв благословение родительское? – ежедневная молитва жениха и невесты друг о друге; предание ими себя воле Божией; ознакомление их со смыслом церковных обрядов брака, а особенно, усвоение духовной тайны брака, т.е., что браком означает отношение Иисуса Христа к Церкви; вообще, ожидание венчания с благоговением и радостью, как таинства, а не как одной формы дела; предварительный, в день венца (а не после венчания), молебен к соименным святым или Божией Матери. Не оттого ли, между прочим, ныне высказывается легкомысленное желание гражданского брака, что женятся и выходят в замужество, не понимая совсем святости брака и приступая к нему без всякого приготовления? Ах! Если б жених и невеста истинно оценивали время от сговора до брака! Этим временем надобно им дорожить и дорожить. Оно никогда для них более не повторится (если брать во внимание один только брак в жизни), не повторится в смысле особенной чести, особенных ожиданий, особенного довольства или какой-то приятнейшей

беззаботности. Само слово Божие дает этому времени значение особенного торжества, величия, невинной радости. У псалмопевца жениху, выходящему из своего чертога, употребляется утреннее восходящее солнце (Пс.18:6). Христос-Спаситель Себя Самого сравнивает с женихом (Мф.9:15) и не раз приводит речь о женихе и невесте: *«имеющий невесту есть жених»* (например, говорит Он), *«а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха»* (Ин.3:29). Почему же именно такое величественное почтение отдается дням жениха и невесты пред совершением над ними брака? Потому что доверчиво предполагается, что они выдержали подвиг девства и встречаются между собой будто после победы какой. – Ожидается над ними исполнение благословения Божия: «плодитесь и размножайтесь», и, таким образом, в них, так сказать, красуется жизнь человечества. Выражается и со стороны других сочувствие к их горячей взаимной любви, как к прекрасному образцу дружества между людьми, как к самому приятному явлению единения среди разъединяющего людей греха. О, если б жених и невеста с этой-то духовной стороны смотрели на предсвадебное свое время и в этом-то смысле дорожили им! – Наконец, христианское приготовление к браку прекрасно могут они выразить особенною исповедью и приобщением пред браком, т. е. сверх говенья в предыдущий пост и не взамен этого говенья. Исполнение исповеди пред венцом, требуемое Церковью (Треб. Мог. ч.1, стр. 362), особенно благотельно для тех, которые в холостых, к сожалению, проводили не совсем честную жизнь. Исповедь примирит их с Богом и произведет, вместе со святым причащением, сильное впечатление на их супружескую жизнь. Но. если и одно только лицо (а не оба дружно) выполнит в это время христианский долг, – будет некоторое благотельное действие даже на другое лицо, маловерующее или неусердное. – Православные жених и невеста! будьте уверены в том, что, если вы так проведете время перед свадьбой, то с более радостным сознанием примете брак, с чувством истинного торжества будете обходить в венцах вокруг наложия и живее ощутите на себе духовную благодать таинства!

Непощение до венца и неблагоговение во время венчания

Таинство брака принимается всего раз в жизни (как в большинстве супружеств). Отсюда прекрасный обычай приступать к нему не иначе, как «натошак»; и действительно, грех не поститься в день свадьбы. Постится же из возрастных желающих креститься, хоть и в первый раз еще слышит урок о христианском посте; тем более не пьют и не едят причастники здоровые и больные, а также, по возможности, и исповедники. Пощение перед свадьбою будет соответствовать духу усиленной молитвы, который выражается во всем последовании венчания. Притом, пить из чаши благословенное вино за венчанием не лучше ли не пившим, и не евшим? Если же не постятся до конца потому, что венчание бывает позднее, ночью; то Церковь, снисходя к слабости сил жениха и невесты или к непривычке их поститься, – снисходя разрешением им малой пищи, строго, однако, осуждает самую безвременность венчания ночью. Приличным и законным временем для брака она полагает часы тотчас после обедни¹⁷⁴, когда и легко могут попоститься каждый жених и каждая невеста. Известно, что браки православных христиан из уважения к посту не совершаются никогда на постные дни (кроме особенной надобности в неделю мясопустную). Но кто не показывает внимания и благоговения к браку уже в самой церкви, т.е. и в непродолжительные минуты венчания; кто не старается расслышать молитв, которых так много читает священник и которые столь торжественны, небрежно стоит перед наложником, не представляет себе в духе веры того, как сходит на него благодать таинства, тот забыл, что Церковь во время брака ни о ком больше не молится, как о двух лицах: о женихе и невесте (раз всего только произносится молитва «за *воспитавшие родители*»). Невнимание и неблагоговение жениха и невесты во время венца показывают, что они как бы не нуждаются в церковном венчании или готовы заочно обвенчаться (по обычаю западных). И не готовились-то они по-христиански к браку, и

бессознательно венчаются! Между тем, этот один час имеет влияние на целую их жизнь. Они должны бы молиться, чтоб Сам Господь Бог был тут с ними, закрепил их клятвы. Будут ли они после этого глубоко уважать религиозные обязанности в браке: верность супружескую и нерасторгаемость? – О, жалкая, потому что и невозвратимая рассеянность ваша, женихи и невесты! Научитесь на сей раз благоговению пред браком и из примера Церкви. Церковь при самом множестве браков в один день и в одном храме не венчает их по нескольку пар вместе, но велит совершать каждый брак отдельно, чтоб не было замешательства и неблагоговения¹⁷⁵.

Допущение быть на брачном вечере неприличным увеселениям и безобразной нетрезвости

В правилах соборных сказано: *«не подобает на браки ходящим (т.е. даже и посторонним лицам) скакать или плясать, но скромно вечерять и обедать, как прилично христианам»* (Лаодик. пр.53). Тем более, значит, подобные увеселения не приличны и составляют вину со стороны самих новобрачных. И действительно, как же это тотчас из-под венца бросаться на пляску, на танцы? Как это тотчас же обращаться к табакокурению, участвовать в общем смехе и пустословии? Новобрачным есть чем в это время занять свой дух. Их должны занимать тайное ощущение в себе благодати, которая только что низошла на них в браке; молитвенная мысль при взгляде на венчальные иконы Спасителя и Божией Матери, мысль о том, чтоб Сам Господь и Божия Мать невидимо посетили их брак, как и некогда в Канне Галилейской; все еще чувство на своей голове венцов, которых они никогда не сронят с себя, если будут жить в супружеской верности. Вместо услаждения музыкой, которую пусть слушали бы другие, лучше бы им услаждать свою душу чувством радости и благодарения Бога за то, что, наконец, совершился их брак, которому, может быть, предшествовали многие колебания и препятствия; а еще лучше было бы, если б взамен музыкантов они пригласили в свой дом бедных и нищих для трапезы и милостыни: пусть это назвали бы другие странною новостью, зато новость стоила бы меньшей траты, а принесла бы несравненно большую пользу для супружеской жизни их. Но, вместе с тем, новобрачные ответят пред Богом и за неприличное поведение своих гостей на браке, если сами бывают хозяевами или распорядителями брачного пира. Так, нередко они позволяют быть на браке самой безобразной нетрезвости гостей; для блеска, для славы выставляют угощение вином даже и посторонним лицам, кому только угодно воспользоваться их угощением; допускают гостям на браке произносить такие шуточные слова, петь такие пошлые песни, делать такие выходки, что после всего этого

христианский брак решительно теряет в глазах всех посетителей брачного вечера (а неизбежно бывают тут и дети) чистый, духовный смысл и принимает одну только чувственную сторону; гости толпой сопровождают новобрачных к брачному ложу, будто их касается тут дело, а главное – в настоящем случае смешивают святое с грешным, священные и высокие песни («в законе сени и писаний»...) с мирским пением, с хохотом и новой попойкой. Затем, гости и сами по себе несколько дней сряду, с раннего утра и до вечера составляют пиры, для пирушек то переходят из дома в дом, приглашая к себе новобрачных, как будто христианский брак есть радость единственно плотская, будто это дверь для всех участников его к плотским наслаждениям и законная остановка ежедневных работ и занятий. Как в день брака, так и на остальных свадебных обедах, новобрачные готовят для гостей в постные дни скоромные блюда, между тем, как тут же и в числе первых гостей бывает (хоть не всегда) священник (с другими духовными лицами) которого, таким образом, и поставляют в крайнее затруднение, если не есть, то благословить запрещенные блюда. За все эти бесчиния, оскорбляющие брак, как таинство, и супружескую жизнь, как жизнь чистую и законную, без сомнения, принимают на себя ответственность пред Богом новобрачные, если могут предотвратить их, и – не предотвращают. А, если все это допускается по распоряжению одних родителей новобрачных, то тем еще хуже. Родители здесь унижают чистоту собственного брака, – унижают, прежде всего, пред новобрачными же, от которых раньше таили (и должны были таить) чувственную, плотскую сторону в своем браке, вообще – охраняли случаи, оскорбляющие целомудрие. А уже во всяком случае виновны сами по себе невоздержные и нескромные гости: как же это гостям говорить и делать пред глазами молодых то, что неприлично слышать и видеть даже давним супругам? – О, новобрачные! покажите на первый раз свою самостоятельность после церковного венца, который есть знак царской власти, – покажите эту самостоятельность тем, чтоб и самим вам не веселиться по-мирски на своем

христианском браке и гостей отвлечь от безобразных увеселений!

Гнушение браком, как чем-то нечистым

При сотворении человека Господь сказал: *«плодитесь и размножайтесь»* (Быт.1:28); в апостольских посланиях читаем: *«брак у всех да будет честен и ложе непорочно»* (Евр.13:4). Апостол Петр имел жену и родство по жене – тещу, однако это не помешало ему получить ключи царства небесного (Мф.8:14). Когда на первом вселенском соборе все уже склонялись к тому, чтоб духовным лицам запретить разделять ложе с законными женами, тогда некто Пафнутий-исповедник, сам не испытавший никогда супружеской жизни, встал и начал опровергать такое предположение; с ним единодушно все согласились¹⁷⁶. А раньше, во времена Апостолов, стремление некоторых к девству достигло до таких пределов неблагоразумия, что даже для всех христиан считали приличным жизнь только безбрачную, холостую. Это мнение распространилось, между прочим, в церкви Коринфян, которым апостол Павел посему и разъяснил в послании мысль о христианском девстве. Он признал холостую чистую жизнь менее развлекающею в ревностном служении Богу (1Кор.7:35), но и брак похвалил (ст.28) как меру, охраняющую целомудрие и предупреждающую блуд: *«если и женишься, не согрешишь»*. Затем, правила соборные прямо подвергают клятве тех людей, которые почему-либо гнушаются или собственным браком, от которого уже не могут отказаться, или супружеским ложем других. Так, если думают некоторые, будто женатые не могут войти в царство небесное, правила соборные осуждают такую мысль (Гангр.собор.1). Если иные уходят от своего супружеского лица, гнушаясь брачным ложем, будто нечистым, – по смыслу соборных правил не принимается Богом от этих людей жертва воздержания (Гангр. собор, пр.14). Не одобряются в правилах даже совершенно безукоризненные в холостой жизни, если только избегают женитьбы *«не ради самой святыни девства»* (Гангр. собор, пр.9), а из-за того, чтоб не связываться сожитием с женским полом; тем более не заслуживают похвалы те, которые при своем целомудрии от самого рождения или же со

времени вдовства (например, монашествующие обоего пола) гордятся пред женатыми или замужними женщинами (Ганг.Соб.10). Наконец, Халкидонский собор с некоторою снисходительностью относился даже к монахиням, которые выходили из монастыря замуж (прав.16). Брак монахинь признавался Церковью и только те подвергались строжайшему наказанию, которые вступали в замужество уже после сорокалетнего возраста. Итак, совершенно это неправильный и напрасно-злостный разговор некоторых: «дело мужа и жены только рожать детей; приятно им так-то жить, так наслаждаться удовольствиями похоти». Это больше говорят по злой зависти те, которые никогда не женились или не могут жениться, например, старые холостяки. Но чьи же еще это речи? Это речи и древних еретиков-гностиков, которые ненавидели распространение рода человеческого. Таких же мыслей держатся ныне некоторые из раскольнических сект, а также новейшая секта штундистов. Гнушаются жалкие невежды святым браком, между тем, как сами-то под благовидным предлогом безбрачия предаются гнусному разврату. Нет; цель брака в христианстве не просто размножать род человеческий, но и увеличивать число членов в царстве небесном. Супружеское совокупление (и здесь скажем) отнюдь не блужение, не блуд (1Кор.6:13). Блужением называется злоупотребление естеством, а в браке только отправление естества. Блудница не есть Христова, – она служительница дьявола: а в законном браке муж и жена – оба Христовы. О, вы, злонамеренные завистники и насмешники законного брака! Если бы вы еще знали, как дорого искупаются супружеские наслаждения людьми женатыми и многодетными! Многодетные супруги даже такие несут тягости в своей семейной жизни, что подчас им кажется самую счастливою долю холостых, что, если б они вперед знали все эти заботы, страхи и опасения в семейном быту, то, может быть, и предпочли бы супружеству безбрачную жизнь с обетом целомудрия. Словом сказать, честная семейная жизнь часто составляет еще гораздо больший подвиг, чем честная же жизнь холостых.

О супружеской жизни

Холодность в супружестве или же любовь только кратковременная, по одному животному возбуждению

Сказано: *«должны мужья любить своих жен»* (Еф.5:28) (а также, без сомнения, и жены своих мужей). Это потому, что муж и жена *«и будут (два) одна плоть»* (Быт.2:24). Не так только друзья, и не за одно неизбежное сожительство в жизни, они должны иметь друг к другу любовь; нет, но ради естественного союза, по законности брака. Из двух половин (как показывает и самое слово: «пол») составляется в полном виде человек. (Впрочем, мы говорим так вообще о гармонии человеческой жизни, а отнюдь не хотим сказать, будто каждое в отдельности лицо человеческое неполно, недостаточно, нуждается в лице другого пола для своей полноты, или восполнения). Во имя законного брака охлаждаются самые кровные связи, как, например, детей в отношении к своим родителям (да и самих родителей к детям, если родители, имея их от первого брака, вступают во второй брак): *«оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей»* (Быт.2:24). В первые, например, дни после венца муж и жена («молодые») так любят друг друга, что ни родные братья, ни близкие друзья не дороги для них. Также взаимная привязанность их, скрепленная законным браком, скрепляется и отношениями к ним тестей и свекровей. Тести, например, вдруг начинают питать любовь к человеку, которого раньше, может быть, никогда не видали. Они отдали зятю свою дочь, которую воспитали, имение, которое трудом приобретали, все отдали, что только могли, и не жалеют, между тем, как в других случаях убыль капитала или имения привела бы их в досаду. Это и значит, что брак есть «таинство по самой природе». Итак, любить друг друга муж и жена должны так же, как каждый из нас любит и жалеет самого себя. С первого уже раза дело здесь представляется таким, что и напоминать о нем супругам нет нужды: *«должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя»* (Еф.5:28). Но в христианстве есть еще высшее,

внутреннее основание для взаимной любви супругов: «мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф.5:25). Христос до предания Самого Себя на распятие и смерть возлюбил Церковь, т.е. души грешные и повинные казни, но затем уверовавшие в искупительные страдания Его и помилованные: к такой же точно самоотверженной любви в отношении к своей жене стремится и муж-христианин. Церковь, или верующие христиане, со своей стороны должны, так сказать, дышать на своего вечного благодетеля – Христа, думая только о Нем, радуясь Ему: так же точно и жена должна стремиться вниманием и любящим своим сердцем к мужу. Первая жена произошла от ребер своего мужа, когда он спал: так и Церковь составила из бока Христова, во время мертвенного сна Иисуса Христа, т.е. из воды и крови, которые истекли из прободенного ребра Его и под которым таинственно надобно понимать воду крещения (ею мы возродились) и кровь причащения (ею поддерживается духовная жизнь наша). Здесь и значение слов: «от плоти Его и от костей Его» (Еф.5:30). Итак, холодность, а тем более ненависть, обоих супругов друг к другу или только одного которого-либо были бы самым грубым противоречием любви Христа к Церкви. А по обоим этим основаниям, т.е. и по чувству природы, и со стороны благодати, любовь между мужем и женой, можно сказать, есть любовь невольная. Личные качества или достоинства, действительно, могут усиливать их любовь, сделать ее особенно приятною. Но, в то же время, пусть и не будет этих достоинств, не только телесных, как красота, молодость лет, но и душевных, как добродушие, кроткий характер, пусть не будет всего этого; однако холодность или прямая ненависть мужа к жене, и наоборот, не извиняются. (Чрез жену, если она заслуживает особенной любви, муж больше любит даже и свою тещу, равно, и тестя, а жена в том же самом случае – свекровь свою и свекра, – это правда. Но, если и не обращается сердце с особенною любовью к тестям и свекрам, все же и к ним оно не должно быть ненавистливое). Факт (брачный союз) совершился законно, и этим положено основание для всегдашней взаимной любви первее и

необходимее всего между самими супругами, а далее, между теми, от рода которых они взаимно соединились. Хоть, допустим, иной муж будет и всеми почему-либо в общежитии не любим; но есть в мире одно лицо, которое должно любить его: это законная жена его. Равным образом допустим, что иная жена на всех людей или на многих почему-либо производит неприятное чувство, например, своим характером, пороками; но есть в мире человек, который еще любит и должен любить ее: это законный муж ее, знающий, между тем, и прежде, и ближе других ее пороки.

Возразят: «как же это, в самом деле, любить поневоле, по приказанию? можно ли тем более (если выйдем из возвышенности, из идеала, и сойдем ближе к жизни), – можно ли, например, любить мужа жестокого или жену столько злоую, что она считает своего мужа как бы лицом посторонним для себя? не заслуживает ли, напротив, (первый – ненависти, если он жестокий тиран? и не достойна ли быть отторгнутой от сердца последняя, если она строптивая, притязательная, неласковая? как первого можно представить Христом, а вторую – Церковью при таких характерах?). Должен или должна любить, – вот только какое слово слышится здесь в самой совести человека, подобно тому, как долг службы заставляет же идти на службу, хоть бы служба была очень неприятная. Что один в супружеской чете холоден и ненавистник, это не дает права другой половине выражать те же чувства. Христианская – евангельская нравственность тем-то, между прочим, и возвышается над всякою другою естественною или философскою нравственностью, что не освобождает нас от исполнения обязанности к другим, когда другие нарушают эту самую обязанность в отношении к нам. Враг, например, зол, ненавидит: но не велено отвечать ему тою же монетою, а заповедуется, напротив, любить его (Мф.5:43–44). И, если незлопамятная любовь даже врага иногда смягчает: не тем ли более супружеская привязанность может преодолеть холодное или совсем ненавистливое сердце? Да; христианскими началами более всего можно здесь направить или поправить дело. Так, например, муж должен вспомнить, что ему все же

легче любить свою жену, чем Христу возлюбить Церковь. Он сам такой же человек, с такими же недостатками и грехами, как жена; между тем, Церковь (т.е. люди, верующие во Христа) не была такою красивою невестою, чтоб могла привлечь к себе любовь жениха-Христа, напротив, была нечиста, безобразна (Еф.5:27); однако ж, Христос не возгнушался ею и омыл ее водой крещения (1Кор.6:11). Церковь снова и часто оскверняется, но Христос снова же очищает ее таинствами покаяния и св. причащения. – Без евангельского духа, или вне этих христианских начал, любовь в супружестве не имеет уже своей глубины и прочности. Это будет, так сказать, только «наружность любви», под которой пусто. И эта пустота (говоря не в строгом смысле) скоро даст о себе знать, например, в нуждах по хозяйству, в неисправностях и огорчениях со стороны детей; в подобных обстоятельствах супружеская любовь легко сменяется гневом, раздором. – Не спорим, что любовь мужа и жены может поддерживаться и одним плотским союзом, без возвышенных христианских мыслей. Но эта любовь сорная и мелкая для духа. Будет, например, муж говеть в пост или оба они встречают великий праздник, как тогда трудно мужу выразить свою ласку жене только в характере духовном, а не так, чтоб и тут любовь не была плотяною или страстною! Между тем, то было бы прекрасное и самое желаемое качество супружеской любви, когда бы муж мог по временам совершенно бесстрастно ласкать свою жену, как, в свою очередь, и жена его.

Затем, к стыду многих, надобно сказать, что их любовь супружеская бывает и еще короче, в одни лишь часы полового, чувственного возбуждения. Как надобно думать об этой любви? Она, конечно, не заслуживает имени христианской супружеской любви. Это, скорее, страсть, чем разумная и великодушная любовь. Это только часы любви, а не дни ее. Это инстинкт животный, или любовь в одной крови, а не в сердце. Например, у дикого язычника и в этой любви не изъясняется нежность чувств, а проявляется одно холодное насилие или требование. (Христианину же сказано: «люби свою жену», т. е. не пол один, а всю личность). Эта половая в супружестве любовь, т.е. решительно без христианского чувства, предоставляет сама

себя минутам чувственного возбуждения, а не подчиняется внушениям разума и сознания долга. Поэтому, как минутны или кратковременны бывают требования плоти, так у иных лиц кратковременна и эта любовь; с удовлетворением чувственному наслаждению, она недолго остается в человеке и переходит в прежнее состояние холодности или ненависти. Пусть бы только с этой любви начиналась любовь в тех супругах, которые почему-либо охладели друг к другу даже до такой ненависти или взаимной нетерпеливости, что, когда, например, разговаривают между собой, а особенно остаются одни, не могут быть спокойны. Пусть бы этим путем достигалось упрочение взаимной любви их. Облагородить же и поддерживать во всякое время любовь супружескую (т.е. даже с прекращением супружеского ложа на известное время или окончательно), так поддержать любовь супругов может – повторяем – более всего вот что: «верующая мысль о союзе Христа с Церковью, – союзе, которого печать полагается на каждом браке». В таком-то чувстве те из святых Божиих, которые были связаны брачными узами, до самой смерти сохранили друг к другу любовь; так, например, апостол Петр, принимая в товарищество себе жену во время проповеди, любезно приветствовал ее и пред мучениями за веру¹⁷⁷.

Итак, супруги-христиане! вот ваш долг, который вы обязаны выплачивать друг другу каждый день, и от платежа которого никогда не можете освободиться: это – взаимная любовь ваша! Сколь бы у одного из вас или у обоих друг против друга не накопилось с годами в душе недовольства, гнева, злобы, о! всеми силами противостаньте чувству взаимного охлаждения, а тем более взаимной ненависти. Страшное, богопротивное это состояние, когда и голос, и кашель, и взгляд, и невинные привычки, и вещи, которыми особо обладаете вы с привязанностью, все это становится вам ненавистным друг в друге! Сохрани вас Бог от такого взаимного ненавистного состояния! Воспротивьтесь взаимной ненависти и вражде! Чем дальше, тем будет хуже. Но всегда есть еще некоторая возможность возобновить вам свою супружескую любовь. О возобновлении ее более всего должен позаботиться муж: «муж,

люби свою жену». Женщина, как вообще существо более нужное и признательное, больше расположена любить того, кто старается заслужить ее привязанность, и дольше сохраняет к своему мужу любовь, которая в нем, между тем, охладела. Но это самое не дает права мужу менее стараться заслуживать ее доверие и любовь, в той надежде, что она все простит ему или что и без того она любит его (как в начале супружеской жизни). Зато, по мере врожденной чувствительности, жену глубоко трогает и равнодушие мужа, очевидная ненавистливость его: тогда немного шагов до отвращения ее к мужу. Спешите же вы, мужья, возобновить и поддержать супружескую свою любовь к женам, а вы – жены исправиться от всякого раздражительного разговора, взгляда и действия в отношении к своим мужьям! Если же чья жизнь вначале проходила также в довольной любви и привязанности (к сожалению, есть такие, которые охлаждаются друг к другу года чрез два и даже через несколько месяцев после свадьбы, тут бывают уже особенно резкие причины); если с годами и с приближением к старости более охлаждаются и между многими супружеские чувства, возникает взаимная ненавистливость, тогда-то особенно такие супруги прибегните к этому сильнейшему рецепту против супружеской нелюбви, т. е. вспомните, что один из вас носит на себе образ Христа, а другая – Церковь, и что вы должны до гроба любить друг друга. Иначе вы бесчестите в себе этот образ, иначе сомнительна и ваша собственная любовь ко Христу, неживое ваше отношение к Церкви. О, возлюбленные супруги-христиане! храните и, если утратите, снова тысячу раз возобновляйте в себе взаимную супружескую любовь!

Супружеское сношение в непозволительные (физически) времена

Здесь, прежде всего, разумеется время *«месячных кровей и кровоочищения после родов»*: *«если кто праведен..., к своей жене во время очищения нечистот ее не приближается»* (Иез.18:6). Приближение в это время супругов составляет скверну плоти и духа: со стороны мужа оно означает *«обнажать истечения женские»*, а со стороны самой жены – открыть *«течение своих кровей»* (Лев.20:18). Оно вредно, т.к. кровоочищение женское есть, своего рода, болезнь, вредно для жены, но и опасно для организма мужа. Оно обличает несдержанность похоти, на этот раз особенно в жене. Оно есть дело насильственное для совести; если женщина во время своих регул, а также после родового очищения, освобождается и от религиозных обязанностей, например, от приобщения в пост, от хождения в церковь до 7 дней, то не тем ли более следует освободить ее или должна освободить себя в это время от плотских супружеских обязанностей? Затем, с физической стороны не позволяется супружеское сношение в те дни и часы, когда который-либо из супругов еще не поправился после тяжелой или продолжительной болезни; когда оба они, будучи вообще слабы своим здоровьем, удостоверяются в последовавшей беременности; когда мать вскармливает грудью свое дитя; когда она находится в состоянии особенной слабости тела, например, после долгих умственных занятий, после работы и т.п. Так, супруги, необходимы вам и со стороны природы некоторые правила воздержания в плотской связи!

Неумеренность в супружеском ложе

«Не для удовлетворения похоти, но поистине, как жену» говорил праведный Товия (Тов.8:7). Чтоб видеть виновность супружеского невоздержания, укажем те цели, какие имеет брак мужа и жены. Первая, и самая чистая цель брака – «рождение детей» (Быт.1:28). Вторая: «разделение между мужем и женой домашнего труда, или взаимная помощь в жизни» (Быт.2:18). Третья и последняя: «удовлетворение половому побуждению» (1Кор.7:9). Таким образом, половое наслаждение уже само по себе стоит на последней ступени, хотя и «честна женитва» (Евр.13:4). Взятое же и ценимое отдельно, оно и будет «блудодеяния ради», т.е. полагается только выше разжжения, или блуда; тогда «лучше есть жениться, нежели разжигаться». А, если еще прибавить к этому неумеренность, или частовременность сообщения, – тогда что же выйдет из законного брака, как не одна плотская прихоть, как не потеха для животного инстинкта? и достойно ли такое пользование браком, в особенности, со стороны христианских супругов? Нет; о первых супругах было сказано: «и узнали они, что наги» (Быт.3:7). Значит и между законными мужем и женой должна быть умеренная половая стыдливость, которая, между тем, с частовременным совокуплением их непременно понижается и утрачивается. Неумеренность-то супружеская более бывает причиною того, что муж и жена не могут без страстного ощущения и на одну минуту встречаться друг с другом пристальным взглядом, ласкою, пожатием рук, лобызанием, тогда как в известное время не должно быть и мысли о похоти. (С редким же сообщением между собой, и опять непременно возвращается к ним половая стыдливость). Неумеренное наслаждение супружеским ложем, скорее, свойственно мусульманству; там оно и усвоено; там оно даже вносится в список райских утех, считается у чувственных людей предупреждением вечного блаженства. – Оно может довести в особенных случаях до падений и вне закона. Вот, муж и жена, пользуясь законностью брака, тайностью и доступностью

каждый день (если не отлучаются) супружеского своего ложа, тем, что никто их ни поверяет, ни упрекает в частовременном между собой совокуплении, – пользуясь не по совести всем этим, чрезмерно развивают в себе плотскую похоть. Но что, если вдруг их постигнет вдовство или продолжительная болезнь, препятствующая совокуплению? что им тогда делать с развитою страстью? готовы ли они выдержать борьбу с ней? Сомнительно! Всегдашняя неумеренность супружеская также вредна и для здоровья, и даже более вредна, чем только несдержанность в непозволительное физическое время. Когда она достигнет высшей степени, тогда, несомненно, истощает силы, особенно молодых супругов. Тогда она ведет к сокращению жизни; потому что «жизнь человека есть горение». А известно, что, чем сильнее пламя, тем скорее потухает. В половом же совокуплении жизнь на короткие минуты возжигается, как полное пламя; потому что оно сопровождается потрясением всего человека (всей нервной системы). Отсюда и очевидно вредны последствия для жизни от крайней неумеренности. Наконец, если эта неумеренность обнаруживается и только в частых или продолжительных супружеских ласках, без решительного акта совокупления, и тут нужно видеть в ней некоторое недостоинство пред всевидящим Богом. Особенно при старости лет обоих супругов, когда высшая цель брака – рождение детей не может быть более достигаема, особенно в эти лета частое обращение к супружескому ложу составляет вину. (Между тем, иные супруги в старости-то лет, не опасаясь уже зачатия детей, и предаются больше супружеским наслаждениям. Зачем же так? зачем льстить плоти на сей раз? Она ведь подобна лакомому псу: не отказывай ей в похоти, и – будет она как пес, который тем больше подбегает и ласкается, чем больше бросают ему лакомых кусков). С приближением старости лучше было бы совсем оставить плотскую супружескую связь, и, т.о., сделать брак жертвою чистоты пред Богом. Чтобы легче достигать этого, полезно, например, иметь отдельные ложа (некоторые и с молодых лет отделяются); не нужно предаваться унынию, в часы которого более супруги ищут взаимного совокупления; не

нужно начинать и развивать постельные ласки; а главное, хорошо помнить, что время уже коротко, т. е. сокращать в своем умопредставлении время от года к году, и так доходить до конца жизни, или до смерти: тогда-то само собой *«имеющие жен будут, как не имеющие»* (1Кор.7:29), или само по себе забудется наслаждение супружеским ложем. (Так и поступали святые супружники; например, преподобные Ксенофонт и Мария с окончанием деторождения положили обет более не касаться друг к другу, и вполне сохранили свой обет (Четь-мин. 26 янв.). А были и такие супруги-подвижники, например, Мелания Римлянка и Пиниан (Четь-мин. 31 дек), Феофан преподобный, и жена его (Четь-мин., под 12 март.) которые еще в самых молодых годах прекратили взаимное половое общение ради девственной чистоты и царства небесного. Препод. Панфутию, желавшему узнать, как он далеко ушел в своей подвижнической жизни, с кем может сравниться по святости своей, угождает ли Богу, было сказано найти в мирском селении одного женатого человека, по должности старшину. И великий подвижник, между прочим, узнал, что этот человек, по согласию со своей женой, уже более четверти века живет в строжайшем супружеском воздержании, как с духовною сестрою (Четь-мин. 8 окт.)). Супруги-христиане! супружеские наслаждения предоставлены вашей воле, вашему обоюдному желанию. Но при этом, слово Божие выражает такую мысль, чтоб воздержание вы считали законом, а сходились бы между собой, уступая пожеланию или руководясь и здесь благоразумием. Помните, что все, главным образом, зависит от ревности. Ревностный о спасении души и о чистоте своей, при помощи Божией, укротит и такое сложение тела, которое более располагает к похотливости: а мало ревностный и умеренным (холодным) сложением тела не хочет управить. Поставляйте же себе христианским долгом воздержание в самом супружестве!

Невоздержание от супружеского ложа в Великий пост

«Да пребываете в посте и молитве, и паки вкупе собирайтесь» (1Кор.7:5), дается прямая заповедь законным мужу и жене. Эта заповедь может идти и ко всем церковным постам, а также к постному времени на среды и пятницы; но особенно она относится к великому посту, и, тем еще более, к говению. О соблюдении великого поста в супружеской неприкосновенности положительно указывает церковное правило: *«от жен воздержатися весь святой великий пост. Аще ли падется с женою во святой пост..., весь пост обезчестова»*¹⁷⁸. Вообще же, молитве супружеское сообщение не препятствует; потому что оно еще не делает осквернения человеку. Но в приведенной заповеди слова Божия разумеется молитва особенная, усиленная, какою и бывает она в посты, преимущественно же – в великий. Сказано не просто: «молитесь», но: да пребываете в молитве, потому что при воздержании супружеском молитва чище и совершеннее. – Итак, православные супруги! В особенности Великий пост должен быть для вас неприкосновенным относительно супружеского совокупления, – неприкосновенным весь от начала и до конца, и как в один год, так и во все годы, или как с молодых лет, так и до старости. На этот раз весьма важен шаг с первого же года супружеской жизни или даже вслед за самым браком, если брак был пред неделями великого поста, – твердый шаг, чтоб в великий пост не прикасаться супругам друг к другу: сохранившие в целомудренной чистоте первый пост уже и во всю последующую жизнь свою не допустят обезчестования Великого поста совокуплением. О, супруги-христиане! положите же себе правилом: особенно в Великий-то пост не прикасаться друг к другу, даже и не допускать супружеских ласк, но быть между собой как духовные брат и сестра. Это будет жертва ваша, угодная Богу.

Прелюбодеяние

«Прелюбодеи судимы Богом» (Евр.13:4). По правилам церковным прелюбодею епитимия вдвое больше чем блуднику, именно – до 15 лет¹⁷⁹. Притом, имя «прелюбодея» отнесено в них не только к нарушителю собственной супружеской верности, т.е. к человеку женатому или замужней, но и к холостым; когда холостые нарушают чужое супружеское ложе. Что же сказать о тяжести греха прелюбодеи по существу самого дела? Если это законные муж и жена, то они во время венчания дали обет взаимной супружеской верности. Обет свой они произнесли сознательно и свободно пред крестом и Евангелием, и залогом его получили обручальные перстни. Итак, крест и евангелие, святая церковь, священник и Сам Бог, бывшие свидетелями их обета или готовности остаться верными в супружестве: все это ими забыто! какая небогобоязненность! Затем: прелюбодей, так сказать, рассекает себя, делясь в одно и то же время на двое, или отдавая одновременно свои члены и законной жене, и блуднице (а жена, в свою очередь, и законному мужу, и незаконному сожителю). Напротив, каждый из супругов в минуты искушения должен бы сказать чужому лицу: «это не мое тело, не мне оно принадлежит; потому не могу согласиться с твоим желанием». Тело же, рассеченное на две половины, обыкновенно, умирает. Так и брак, разъединенный прелюбодеянием, уже теряет свою жизненность, сочувственность и гармонию. Например, как же приступит муж к ложу своей жены, если он втайне сознает себя виновным пред нею и пред Богом, потому что прикасался к другой жене или деве? с каким чувством жена должна встретить ласки своего мужа, если она сделалась недостойною этих ласк, как преступница пред мужем и пред законным браком? (Все это до того мучит совесть иных супругов, что они не могут выносить своего состояния и без всякого вызова сами открывают свою преступную вину, например, падшая жена пред мужем. Впрочем, эта исповедь и неуместна: за тайный грех нужно тайно же покаяться пред Богом). С каким, также, стыдом нарушитель

супружеской верности встретит своих тестев, которые вручили ему свою дочь? А, если еще дело выйдет так, что измена жены как-либо со стороны делается известною честному мужу или честная жена достоверно узнает об измене своего мужа? что тогда? В таком случае, муж допытывается у своей жены сознания и весь расстроился духом, а жена запирается и клянется, стыдясь, или опасаясь сознаться. Сколько же тогда бывает упреков, раздора, притеснений со стороны сильнейшего или же бессильных слез со стороны слабейшей, но невинной! А, если, наконец, и оба, муж и жена, падут, и оба будут догадываться относительно своей взаимной неверности? что в таком случае? Тогда они будут как чужие друг другу, как два тайные врага, до времени, между тем, ласкающие друг друга: при взаимной неверности или со стороны одного только лица уже никак не может быть истинная супружеская любовь. И к тому же, после этого, будет большая половая привязанность прелюбодея и прелюбодейцы (потому что привязанность этого рода не может раздвояться). К одному лицу она, действительно, будет преобладающею, но только так же без всякой твердости; другое же или третье лицо (кроме законного брака), с которым прелюбодей разделяет свое ложе, будет не лучше вещи, сберегаемой для запаса в кладовой (как на востоке гаремы). Какое все это расстройство в супружестве! Но в прелюбодейной связи дело доходит иногда до невольного рабства. Так, мужу умная жена и тяжелого слова не скажет, а посторонняя женщина, с которою он имеет связь, и будет бить его, он все вытерпит. Еще худшее положение жены. Если она только раз падет с известным лицом, то уже не смеет противиться этому лицу при новом уединенном нападении его; потому что боится с его стороны огласки пред мужем о первой своей вине; да и нравственно ему уступает. А что сказать, к стыду прелюбодеев, о похоти их? Есть у иного законная жена, и он не удовлетворяется тем, прибегает еще к другому женскому лицу; или «жена своего мужа имей» (1Кор.7:2), но для ее похоти мало одного мужа, она отдается другому и третьему мужчине. Тогда возникает естественный вопрос или упрек прелюбодеям: «разве нет у него жены, разве нет у нее мужа?».

Что же касается вины холостых прелюбодеев, которые т.е. согрешают с замужними или женатыми, то можно сказать здесь кратко: вина этих людей подобна тому, как богач отнимает последнюю овечку у бедного (2Цар.12:4). Холостой прелюбодеем или прелюбодеем вторгаются в чужой брак, как бы становятся в середину между мужем и женой, которые во время венчания стояли пред крестом и Евангелием, рассекают в двух лицах своим постыдным вторжением единую плоть. В смысле этого коварства и обиды чужому союзу такой блуд холостым и считается в правилах церковных «сугубым».

Грех прелюбодеяния (как и всякий другой) стараются извинить. На первом месте здесь ставят «разлуку или отлучку». Но, когда разлука, например, по торговым делам, бывает или продолжительная, или дальняя, лучше же делать ее совместно, лучше путешествовать вместе с женою, как путешествовали Авраам с Саррою. Не стоит ли понести по хозяйству всякую трату или трудность, чтоб только избежать столь тяжкого греха, как прелюбодеяние? Но когда отлучка будет многолетняя и не представляет совсем возможности жить вместе (например, муж поступил на военную службу), тогда надобно примириться с этим состоянием, подобно тому, как вдова мирится же со своим вдовством и хранит себя в целомудрии. Вообще, в продолжительной супружеской разлуке супруги с первого раза должны твердо стать против искушения; например, они должны и еще уменьшить употребление вина на все время разлуки, и свои выходы из дома, если и раньше были воздержанными и домоседами; не засматриваться на чужие четы (супружеские пары); дальше оградить себя в домашней жизни от другого пола, например, муж и хозяин дома пусть дальше держит себя от женской прислуги (на сей раз хороша предварительная предусмотрительность супругов друг о друге); ближе поставить перед свои глаза портрет отлучившегося мужа или отлучившейся жены (если есть портрет). Первая выдержанная борьба с искушением придаст силы против другого и третьего искушения, а там и совсем не будет борения в ожидании свидания с женой (как и жены с мужем). Продолжительная супружеская разлука и без того может

потрясти супружескую любовь и сделать супругов как бы чуждыми друг другу: сохрани же Бог, не приняв предостережений против греха, согрешить!

Извиняет иное лицо свои падения болезнью своей четы: «муж давно лежит в постели и ни жив, ни мертв; жена подверглась болезни слабоумия или положительно помешалась». Но болезнь одного лица в супружеском союзе скорее же должна отзываться особенным охлаждением к похоти, чем быть вызовом к утехе ее вне законного брака. Здесь частью применимы слова: *«аще страждет един уд, с ним страждут вси уди»* (1Кор.12:26), т.е., если болит одна половина (например, жена), то боль должна чувствоваться и другою половиною (мужем). Душевная же болезнь (умопомешательство), вследствие которой больное лицо или содержится в больничном заведении, или живет на опеке у своих родителей, или спокойно остается дома, но без всякого сочувствия к кому-либо или чему-либо, этот случай, действительно, составляет тяжкое посещение в супружестве. Принимая этот случай за великий крест, здравствующее в супружестве лицо должно с покорностью Богу проводить в целомудрии свои дни: тогда крестоносца ожидает великая награда, подобно, как и девственника. А то, если, с одной стороны, сумасшествие представляется болезнью неизлечимую, с другой – здравствующее лицо еще молодых лет (один женился только, и оказалось, что жена его малоумная, идиотка), в таком разе лучше искать законным путем нового законного брака. Доколе же новый брак не будет разрешен, не следует преступать через прежний, законный.

Извиняет собственное падение жена тем, что муж ей изменяет: за неверность мужа она мстит неверностью ему самому, делая это, однако, втайне. Но не говорит ли ей совесть, что этим тайным мщением она несколько не успокоила себя и не помогла делу, а только нажила себе новую печаль? не должна ли была она помнить, что муж ее, оскорбляя ее своею неверностью, все же, главным образом, *«своему Господеви стоит или падает»* (Римл.14:4), т.е., первое всего грешит против Бога, которому она и должна бы предоставить над ним

суд? Нет; несчастной жене, т.е. имеющей неверного или развратного мужа, и остается эта одна отрада: сохранить собственную чистоту и невинность. И, если кто со стороны начнет внушать ей другие отрады, особенно, так, посторонний мужчина, выражающий к ней вначале свое сожаление, а потом доводящий ее до падения с собой, в таком случае только увеличатся ее душевные страдания.

Бывает и так, что «бесплодная жена решается на прелюбодеяние с кем-либо вовсе не по сладострастному побуждению, а ради того только, чтоб зачать и родить». Но ныне не ветхозаветные времена, когда с нетерпением ожидали Обетованного и когда высшею наградою от Бога почиталось многодетство (Втор.7:13–14); ныне обещаются за добродетельную жизнь награды духовные, Евангельские. А затем в законном, но бесплодном браке незаконное рождение не будет ли насилием этому браку? не самовольное ли это, помимо Творца и законодателя, распоряжение зачатием? не вносятся ли тогда в супружеский союз с чужим семенем и чужие наклонности, так что неизбежно должна последовать борьба неестественного отца с сыном?

Итак, законные муж и жена! нарушение вами супружеской верности (прелюбодеяние) никогда не перестанет быть грехом, притом, самым тягостным для вашей совести. И горе себе созидает тот из вас, кто только раз допустит это нарушение! Хоть падший или падшая и слезно будет раскаиваться за первое падение, но большею частью не сохранит себя от нового падения. Горе же, горе каждому прелюбодею! Зато какое глубокое утешение, как вполне уместны и чистолубезны эти слова: «ты мой, ты моя» для таких супругов, которые во всю жизнь остались верными друг другу в супружеском ложе! О, православные супруги! дорожите взаимною верностью от первого дня брака и до старости лет. Притом, храните супружескую верность не ради только греха или стыда, но «по доброму расположению друг к другу».

Взаимное увольнение супругов для свободной жизни с другими

В слове Божиим увольнение супругами друг друга *«только по согласию»* допускается для одной цели: *«да пребываете в постеле и молитве»*, и то лишь *«до времени»* (1Кор.7:5). А вот, иные поступают совсем напротив, как бы для поругания над этими Божественными словами. Взаимному их увольнению для беспрепятственной связи с посторонними лицами, обыкновенно, предшествует обоюдное падение. Когда же неверности их сделаются заметными или явными для них самих, когда они обмениваются между собою винами; тогда и начинают легко смотреть на взаимные вольные отношения к лицам другого пола. В таком случае, некоторые делят свои комнаты в доме так, что в половину к ним свободно входит каждое постороннее лицо другого пола, а сами они не могут свободно, без предварительного уведомления, входить друг к другу; чаще же и совсем расходятся, наделив (в чьих руках есть капитал) другое лицо частью капитала, а затем открыто соединяются с другими лицами. Все это делается без гнева и, по-видимому, в духе мира. Но по какому это праву супруги могут входить в такую сделку между собой, или взаимно уступать? Можно уступить что-либо из личных только прав или из материальной собственности. А здесь уступка делается в счет Божьего закона о супружестве, или из прав Самого Бога; потому что христианский брак закреплен таинством. Нет; хоть бы и миролюбиво увольняли муж и жена друг друга для свободной жизни с иными лицами; это мир, основанный вовсе не на супружеском единодушии, а на взаимном нерасположении друг к другу. Это, прямо сказать, *«сатанинское согласие к обоюдному разврату»*. Какая безнравственность! (Она напоминает о временах языческого мира, когда иные и дарили друзьям своих жен, даже беременных). Супруги-христиане! если даже десятки лет проходят жизни вашей врознь, поспешите соединиться. Иначе, над вашей головой угроза слова Божия: *«прелюбодеи... царствия Божия не наследят!»* (1Кор.6:9).

Самовольный развод

«Жене не разводиться с мужем своим, ...и мужу не оставлять жены своей» (1Кор.7:10–11). Если развод и может быть, то законным порядком и по законным причинам. Не говорим здесь о внешних сторонних причинах, которые предъявляются не самими мужем и женой, а другими лицами по должности последних или по особому требованию закона: эти причины (например, брак в запрещенном родстве или несовершеннолетних), скорее, неприятны для лиц разводимых, чем желательны. Сам же собой один из супругов может законно начать дело разводное по причинам или физическим, или нравственным.

Физическую сторону здесь составляет физическая неспособность к супружескому сожитию, если, впрочем, эта неспособность от природы и до брака оставалась затаенною¹⁸⁰, а не произошла в самом браке, как несчастье. Но и тут – *«кто может вместить, да вместит» (Мф.19:12)*, т.е. лучшею жертвою Богу со стороны обиженного лица была бы решимость не требовать дозволяемого развода, но оставаться в браке для одного дружества и взаимной помощи: живут же вместе престарелые муж и жена, которые не имеют более между собой плотского сообщения и, может быть, так же не имели никогда детей. В смысле физической причины к разводу можно принять ссылку такого рода, когда виновное лицо лишается всех прав состояния или безвозвратно ссылается; другому (невинному) лицу, конечно, нельзя вменить в нравственную обязанность нести ту же участь. Если без всякой вести остается муж или жена, то также возможен, по снисхождению, развод этого брака через 5 лет¹⁸¹; а в случае безвестной отлучки на войну (далеко зашел муж и не уведомляет о себе), или захвата в плен (дорогой на окраинах где-либо неверные отняли у мужа жену и увлекли ее в свои пределы), в этих случаях, так как они подают более надежды на возвращение безвестного лица, срок для расторжения брака полагается двойной, или 10-летний¹⁸². Но и самую безвозвратную ссылку, при видимом расторжении

брака, внутренне не всегда расторгается брак. В благоприятных на сей раз обстоятельствах брак может возобновиться, например, если ссыльный будет неожиданно прощен или окажется невинным, а оставшийся дома супруг раньше не искал законным порядком развода.

Нравственной причиной развода прежде всего надлежало бы назвать желание поступить в монашество. Но, предполагая в разводе, как необходимое качество его, принужденность с которой-либо стороны, или неволю, относительно поступающих в монашество мужа и жены (при узаконенных летах, т. е. для первого – 40, а для второй – 30, и по взаимному их согласию¹⁸³, мы совсем не можем вести здесь речи о разводе. Нет; поступающие в монашество, в собственном смысле, не расторгаются браком, хоть на деле и пред законом навсегда последовало их разлучение по силе монашеских обетов. Брак их еще более возвышается: вместо плотской и внешней связи может оставаться между ними связь исключительно духовная, посредством переписки о духовной жизни и через словесное уведомление друг о друге. (Преподобные Андроник и Афанасия в монашеском виде спаслись вместе, только первый не узнавал в последней своей жены, которая надела на себя мужское платье)¹⁸⁴.

В собственном смысле нравственную причину к разводу может быть неверность супружеская: *«кроме вины прелюбодеяния»* (Мф.5:32). Вот самое главное, что позволяет быть разводу и, вместе с тем, подтверждает строгость супружеских отношений! Но, вообще говоря, в православии супружеский развод не должен быть. Почему же? Потому, во-первых, что муж и жена составляют из себя «плоть едину», две половины целого человеческого существа, так что к первой чете супружеской (Адаму и Еве) было отнесено одно имя «человека»: *«и сотворил Бог человека... мужчину и женщину»* (Быт.1:27). Затем, христианские супруги несут на себе знамя союза Христова с Церковью, который никогда не расторгается. И, наконец, развод всегда вредит и тяжкою обидою отзывается половине слабейшей, которую без сомнения, составляет жена. Посему, *«что Бог сочетал, того человек да не разлучает»*

(Мф.19:6). Развод тогда бы был терпим или полезен в виде временной меры, когда бы люди не понимали в муже и жене единства по плоти и по духовной тайне брака, когда бы не признавали по невежеству своему за женщиною общечеловеческих прав, были бы близки по грубости своей к тому, чтоб лишать жизни своих жен. Таково и было невежественное состояние (жестокосердие) евреев (и то, в позднем времени) (Втор.10:16), для которых законом Моисеевым разрешен был развод. «А сначала (до грехопадения) было не так» (Мф.19:8).

Применив эти общие суждения о нерасторгаемости христианского брака к практике жизни, мы вполне удостоверимся, с одной стороны, в неосновательности тех причин, в силу которых защищают развод, а с другой – в недостижимости разводом желанной цели. Да; евангельская заповедь о разводе, хоть строга и как бы жестока, но удобоисполнима и полезна для самих супругов. Укажут ли супруги на «разность своих характеров», чтоб позволить себе развод? Но разность их характеров дело естественное. Притом, иногда здесь бывает собственная их вина: это поздний их по летам брак, который делает трудным примирение или применение слишком разных характеров. Значит им нужно винить себя, а не церковный брак, не позволяющий развода. А во всяком случае, должны они изучать взаимно характеры, с целью применяться друг к другу, и изучать в начале супружеской жизни, помня, впрочем, и то, что некоторые недостатки, как бы, неожиданно могут встретить друг в друге (особенно, так, в жене), даже через пять-десять лет. Принесут ли они жалобу «на ежедневные в супружеской жизни неприятности, всего чаще – жена на угнетение мужем»? Но угнетение встречаем и в других особенно близких союзах или отношениях человеческих, например, по службе. Если все на свете будут прибегать к разводу, как к средству против нарушения прав; в таком случае, постоянно придется людям расходиться между собой. Пусть иной и тиран своей жены, пусть даже покушался на ее жизнь: все же для таких единичных случаев неблагонамеренно было бы делать общим для всех закон о разводе, в случае угнетений

и жестокости¹⁸⁵. «Предался ли муж чрезмерному пьянству? растратил ли женино приданое или, напротив, нетрезвая жена все, что попадет под руку, уносит из дома»? Но, без сомнения, слабые и еще к худшему состоянию придут, если будут брошены. Да тогда к нетрезвости и расточительности может присоединиться еще другой порок, связь с посторонними лицами, или прелюбодеяние. А согласно ли с обетами супружескими только желать или допустить, чтоб супружеское лицо стремилось к худшему состоянию? Не прямо ли ответственным в чужом грехе прелюбодеяния делается та сторона, которая оставила свою чету? *«Кто разводится ... кроме вины прелюбодеяния, тот подает... повод»* отпускаемому лицу *«прелюбодействовать»* (Мф.5:32). И почему же это посторонние люди должны затем принять на свою опеку или только терпеть всецело нетрезвого или нетрезвую, которые брошены, а не те, чей это муж или чья это жена? Рука сухая не действует и безобразит тело, однако не отсекают ее: зачем же совсем отсекать от себя жену, которая все же скорее может исправиться, нежели мертвый член в теле? или зачем жена отсекает от себя мужа, как бы целое тело от головы, которое, естественно, потом погибает?

Наконец, и самая «неверность супружеская, по крайней мере, первый дознанный опыт ее, не извиняют развода и не принесут пользы». Евангельское учение: *«разве словесе прелюбодейна»* еще не непрременный закон для развода, а только позволение или оправдание его. Муж, без сомнения, согрешит, если не примет жены, которая раскаивается и дает обещание быть верной¹⁸⁶. Если не будет прощена первая неверность в супружеском ложе и не будут приняты разумные меры против этой неверности со стороны другого лица, которое остается невинным: тогда с разводом повторится много неверностей. О древнем пророке Осии известно, что он взял в замужество блудницу, но потом совершенно исправил свою жену. Развод по причине супружеской неверности многими понимается так: «муж имеет право выгнать от себя жену, как только удостовериться в ее неверности. А, если сам допустит неверность, и даже несколько неверностей: это извинительно

ему и нечего ему опасаться, что жена может законно удалиться от него». Справедлив ли такой взгляд мужей, часто оправдываемый и на деле? Нисколько. Пусть женщина, сознавая свою слабость по природе, более дорожит своим мужем, чем муж ею, и пусть поэтому не пользуются поводами к разводу. Пусть в Ветхом Завете, применительно к неразвитым нравам людей, женский пол строже был осуждаем за неверность супружескую (Суд.15:6; Иер.3:1), да и в Новом христианство вначале имело такой обычай, который мужу предоставлял более прав разводиться по поводу прелюбодеяния, чем жене (Вас. Вел. 21:9). Но Апостол Павел закон о верности супружеской дает прежде мужу (1Кор.7:3). Обеты супружеского целомудрия во время церковного венчания в одинаковой мере произносят и муж, и жена. Если тело мужа есть, вместе с тем, тело жены, то муж и должен хранить в целостности собственность своей жены, а не расточать и уменьшать этой собственности прелюбодеянием. Нет; Церковь православная, вопреки законам греко-римским, нисколько не предоставляет мужу больше прав разводиться с женой; не отдает она на произвол мужа, как лица сильного, по поводу супружеской неверности тотчас же выгонять от себя виновную жену, а в других случаях и жене не позволяет по одному капризу ее и нетерпеливости разводиться с мужем, например, убежать бы к родителям. Проповедуя равенство мужа и жены в нравственных качествах, закон христианский так же строго судит и жену, однажды падшую, как и мужа, который хоть бы раз был изобличен в падении. Кратко: христианский брак так нравственно высок, что муж ли будет развратный или только неумный и ленивый, жена ли дойдет до нетрезвости или только будет непривлекательна своею наружностью, только лишь крайне досаждают мужу своим строптивым характером – всем этим супруги должны жертвовать другой высшей цели брака, о которой говорит Апостол: *«тайна сия велика есть; аз же глаголю во Христа и во Церковь»* (Еф.5:32). А, таким образом, и развод в христианском браке не должен быть *«по всякой вине»* (Мф.19:3), т. е. ради каждой неприятности или по произволу. Таким образом, в полном смысле или решительно

прелюбодеями считаются как тот, кто, отпустив или удалив от себя жену, берет себе другое женское лицо для сожития, так и те, которые живут с изгнанными женами, так, равно, и жена, после развода с мужем живущая нечестно (Мк.10:11–12). А в Ветхом Завете был такой карательный закон на сей раз: когда бы жена, выгнанная мужем, снова была выгнана и другим мужем, который принял ее, или же овдовела после этого второго мужа, первый муж, даже и чувствуя жалость к ней, или нуждаясь в сожительстве с нею, не имел права возвратить ее к себе (Втор.24:2–4). Итак, лучше всего не быть разводу между православными. А если есть для него законная или уважительная причина, то он не может произойти самовольно, но только с разрешения той же Христовой власти, которая сочетала его. Ни священник отнюдь не может никому дать так называемое «разводное письмо», ни вся местная церковная власть (исключая разводов по ссылке и безвестной отлучке) не решает сама по себе вопросов о разводе. Решение этих вопросов принадлежит высшей духовной власти (св. Синоду)¹⁸⁷.

Супруги, живущие в самовольном с которой-либо стороны разводе! Зачем же это вы остаетесь противниками христианского закона? Если хотите быть в числе истинных христиан, то поспешите исполнить заповедь Божию, которая относится к вам: *«если же разведется (жена), то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим»* (1Кор.7:11), т.е. да *«помирится»*. А, если вы не хотите и возвратиться к прежнему браку, который самовольно одним из вас расторгнут, т.е., если вы знаете посторонних: где же в таком случае ваша вера, где уважение ваше к имени христианина? Не насилуйте же после этого священника, как духовного отца, придя к нему для исповеди и требуя себе разрешения во грехах и дозволения приступить к святым тайнам. Оставьте напрасное самооправдание, что *«вы поневоле делаетесь грешниками – прелюбодеями, так как сердце ваше кипит при одной мысли об обидах со стороны того лица, с которым решились развестись, и так как, в то же время, не можете воздержаться от незаконного совокупления»*. Господь Бог никогда не поставляет человека в такое состояние, чтоб человек непременно грешил тяжкими

грехами. Коли не хотите смириться друг пред другом, как огорченная, так и огорчившая сторона, и, в то же время, не храните себя в целомудрии: то еще повторяем вам закон о правильном разводе. Просите-просите развода, раскрыв искренно свои причины. Но, если Церковь не признает ваших причин уважительными, то вам больше и выхода нет в своем положении, как возвратиться к прежнему браку, а во всяком случае, оставить постороннюю связь или только по времени грех прелюбодеяния. О, ради Бога, ради души своей исправьте же свою жизнь!

Вступление в брак при живой жене или при живом муже

«Чего ради жену юности твоей оставил?» (Мал.2:14). В церковных правилах и то не остается без замечания, если иной поспешит вступить в новый брак, не удостоверившись вполне в смерти отсутствующей четы, а также встречается против намерения своего вдруг с двумя мужьями или же с двумя женами (Вас. Вел.). Но кто женится или (с помощью других) вступает замуж при живой чете заведомо и с сознанием, те, так сказать, злостные банкроты своего брака. Так, в решимости их подлежит суду подлог (если они представляют для свенчания и ложные документы); они вводят в обман своих знакомых или друзей, которых приглашают быть свидетелями их брака: не щадят от ответственности священника, который по неведению свенчает их – ответственности не легкой (монастырское покаяние); легкомысленно играют участью тех лиц, которые так же по неведению вступают с ними в брак; наконец, ругаются браку, который может быть только между одним мужем и одной женой (1Кор.7:2). Остановимся особенно на последней вине, как самой главной здесь. Что должно делать многобрачное лицо, если откроется его обман, если, например, у одного мужа вдруг будут две жены? Права брака тогда приостанавливаются. Пред одной женой двоеженец – нарушитель обета супружеского, а пред другой – обманщик. Жены его должны соперничать, спорить за привязанность общего мужа, доколе незаконный брак по суду не изобличится и не будет расторгнут. Нет; Авраам, например, «имевший в видах потомства» кроме Сарры, и по желанию самой Сарры, другую жену, а затем по настоянию той же Сарры удаливший от себя Агарь (Быт.21:10); в заключение всего был погребен с одной лишь Сарой (Быт.25:10). Но пусть многобрачный вступает в брак в надежде, что никогда не встретится с прежней женой и что будет жить только с новой, или от нового брака. А нерасторгаемость прежнего брака и, так сказать, «два венца на одной голове»? а обман Церкви, учреждения Божьего и святого? Как же все это тяжело должно

лечь на совести христианина! Итак, ты, многобрачный или ты, многобрачная (одновременно)! оплакивайте свою вину, которая и при церковном венчании вашем равняется вине прелюбодеяния (Лк.16:18). По правилам же отеческим вам епитимия должна бы быть в продолжение семи лет с разными подвигами покаяния (VI Всел.87).

Супружеская ревность, а с другой стороны -- нехотение прекратить поводы к ней

«Не ревнуй жены» (Сир.9:1), говорится к мужу, а женская ревность осуждается так: «*болезнь сердца и печаль – жена ревнивая*» (Сир.26:7). Ревность эта, прежде всего, происходит от недобрых причин со стороны ревнующего, и в том самом уже состоит ее вменяемость. Причины же ее, большею частью, вот какие: своя решимость на неравный по летам брак, потому что, как известно, больше всего ревнуют, тогда, как муж старый, а жена молодая; недоверчивость вследствие собственной нечестности до брака: в холостой жизни или до замужества обращались с любовью к разным лицам, даже вторгались в чужие браки, и опасаются того же увлечения со стороны близкого теперь к себе лица; но всего чаще – одно самолюбие, которое на сей раз подстрекается сознанием своей недостаточной красоты: чрезмерно желает муж, чтоб жена дорожила им; чрезмерно любит жена, чтоб ею одной занимался муж.

Еще более ревность вменяется в вину по своим последствиям: она оскорбляет невинное лицо и, пожалуй, заставляет это лицо употреблять хитрости, чтоб не подать на себя подозрения; она не щадит между посторонними самых скромных и целомудренных людей, к кому есть случай приревновать; она – тиран для самого ревнующего (особенно такова ревность жены), мучитель сама по себе; нет, например, покоя жене от мысли, что муж изменяет ей: отсюда хождения вслед мужа или пытливые тайные допросы о нем, личное настояние пред ним, чтоб он сознался в своей вине. Не отравля ли это для супружеской жизни? (В древней Греции даже совсем запирали женщин из ревности и не позволяли им ни с кем видаться, кроме близких родных).

Но, с другой стороны, и не безвинным остается тот, кто по упрямству или рассеянности не хочет удалить причины ревновать его и этим еще более развивает ревнивость в своей чете: он сам подстрекает в другом эту склонность, которая

мало-помалу обращается в болезнь, своего рода. Так, например, муж любит ухаживать за красивыми женщинами; изъявляет похвалы и удовольствия к чужой красоте; часто с нежным чувством вспоминает чужое женское лицо; бывает у замужних жен даже в такое время, как отсутствуют их мужья, холоден к ревнующей жене; не оставляет знакомства с холостыми товарищами, которые известны развратным поведением; любит подолгу отлучаться из дома. Так жена выражает видимое предпочтение к каким-либо молодым мужчинам; желает, чтоб какой-либо нравящийся ей мужчина чаще бывал в их доме или квартире; не удаляется от разговора и встречи с посторонним мужчиной наедине; чрезмерно любит наряды, которыми, очевидно, хочет понравиться не мужу же, потому что дома не носит нарядов, а посторонним; любит клубы – этот рассадник и рассеянности, и супружеской ревливости. Ужели все эти причины, возбуждающие ревность, невинны? ужели можно относиться к ним без внимания и с улыбкой? и ужели нельзя устранить их в какой-либо мере? Нет; мир супружеский сто́ит того, чтоб оберегать его от всяких внешних (наносных) причин. Любовь супружеская и действительно должна быть сосредоточенною и, так сказать, замкнутою; например, жена справедливо же считает тело мужа своим, а потому надобно оказать к ней снисхождение – не пренебрегать ее ревностью, но разуверить ее в напрасных подозрениях. – Супруги-христиане! будьте больше воздержны в самом законном сообщении, и – тогда каждый из вас будет знать другого по тайному сожитию, как самого себя. Тогда и немыслима будет между вами ревливость: отношения ваши на сей раз будут патриархальные.

Неснисхождение к недостаткам друг друга, но и нестарание о взаимном исправлении этих недостатков

«Мужья...не будьте...суровы» к женам (Кол.3:19) (как, в свою очередь, и жены к мужьям). Господь Бог при самом создании наделил мужа и жену такими свойствами, что они друг друга восполняют, взаимно сливаются и привлекаются. Это «половые особенности их», физические и нравственные, например, в муже ум, сила, власть, а в жене любовь, кротость, изящество. Но с грехопадением Адама, или с повреждением грехом природы человеческой, эти чистые свойства природы получили не совсем хорошее направление; так, например, твердость характера в мужчине нередко доходит до жестокости и дерзости, сила чувствований в женщине – до изменчивости и раздражительности. Отсюда неизбежны неприятности между мужем и женой. Как бы они в начале ни любили друг друга, но взаимное недовольство их скажется. И как бы они искусно ни прикрывали этого недовольства, или несогласия, например, взаимными ласками даже на зависть посторонним лицам, но неприятности между ними будут таиться; и тем больше можно, наверное, предполагать этих неприятностей, чем более они стараются быть ласковыми в присутствии посторонних. (На этот-то раз опытно сознается вся невыгода неравного супружества: то по степени образования один учен, а другая нисколько не образована, то по внешнему состоянию одна богата и изнежена, а другой беден и прост по образу жизни, то по родопроисхождению и званию один чиновник, а другая из мещанского рода; не без причины же святые в своих семействах, как например, Авраам и Товит, за недостатком еще племен, отыскивали себе и сыновьям жен одного, или близкого рода). Отсюда-то и вытекает необходимый долг супругов предупреждать столкновения между собой. Чем же? тем, чтоб снисходить к взаимным недостаткам, уступать друг другу, особенно в резких чертах своих характеров (например, один вспыльчив, а другая – упряма). Вследствие того, что нет

снисхождения и терпеливости к взаимным недостаткам (например, в муже – скупость, а в жене – небережливость), вследствие этого образуется привычка каждый раз в известном случае (в данном пункте обыденной жизни) выражать недовольство то взглядом, то укорительным словом, а то и прозвищем, попреком за родину, за родство. После всего этого, вот, и возникает взаимное ненавистное чувство, к которому более способна – только не вдруг жена. Но, с другой стороны, неблагоприятно и грешно сживаться с недостатками супружескими; замечая и сознавая эти недостатки, допускать, чтоб они укоренялись; называть в муже (или наоборот) безобразное красивым, худое – добрым, словом, поблажать друг другу. Хорошо единомушие супружеское, да только для доброго. Если муж и жена сошлись между собой молодыми и не разлучались надолго друг от друга, то страсть одного иногда развивается на глазах другого, как, например, пьянство, запой. Неприятная страсть: но что же смотрело трезвое лицо, когда страсть, возрастала? А также, нередко муж и жена передают страсти друг другу, например, привычку сердиться, выходить из себя: тот, от кого перешла страсть, может быть, уже исправился, а кому она сообщилась, в том остается надолго, или на всегда. В случае неисправимости страсти не следует подавать к ней поводы: надобно вести дело так, чтоб страсть не обнаруживалась или не повторялась снова, например, малодушная раздражительность жены, готовая в минуты раздражения высказать – Бог знает – какие угрозы, даже и на самую жизнь свою. Да; снисходя к взаимным недостаткам, каждый из супругов должен взаимно же исправлять эти недостатки разумными и кроткими мерами. А иначе счастье и внешнее благосостояние супружеское не устроится. Еще хуже, если муж и жена будут страдать одним каким-либо недостатком, например, оба будут вспыльчивы: в таком случае только после долгой борьбы, и то более умный, вперед исправится, но будет страдать от этого недостатка в другом, не желая, наконец, воздавать злом за зло. Но, если крупный какой-либо недостаток, или, прямее сказать, порок, будет в одном лице, а другое совершенно чуждо этого порока, например, муж любит

употреблять вино до излишества, а жена никогда и нисколько не пьет, тогда более благонадежно или предупреждение этого порока, или исправление от него; в таком случае, должна быть прямая просьба слабого перед крепким; чтоб последний развлекал первого в тоскливые минуты пробуждающейся страсти, чтоб пополнял эти минуты своею любовью, да! более всего своею супружескою любовью и ласками. – О, добрые супруги! Не думайте пережить недостатки друг в друге одним требованием, чтоб не было этих недостатков, – не думайте разом искоренить их. Нет! Исполнение мудрого правила в человеческой жизни: «если хочешь быть терпим – терпи», с вас-то, вот, должно начинаться, чтоб потом распространяться и в общежитии. И как приятна, как любезна будет ваша жизнь, если вы будете снисходить друг к другу, но, в то же время, незаметно, однако ж, настойчиво, станете заботиться о взаимном исправлении от этих недостатков!

Разглашение пред другими своих супружеских несогласий

«Всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф.12:25). Подобным образом и разделение между мужем и женой, когда обнаруживается огласкою пред другими супружеских неприятностей, ведет еще к большему разрыву. Обратимся прежде к стороне более нетерпеливой и малодушной, к жене. Вот жена приносит пред другими жалобу или только ропщет на своего мужа. Что же муж? Когда он услышит об этих жалобах, еще хуже, сам будет очевидцем их: начинает защищаться, старается оградить свое право обладания над женою. Искра несогласия, может быть, уже близка была к тому, чтоб потухнуть, а гласностью она раздувается. Чего же, собственно, желала жена? Она желала показать вину своего мужа, думала найти против него защиту: между тем, муж приходит еще в больший гнев против нее. Кроме того, она ссорит его в это время и с другими, которые принимали ее сторону, и эта ссора так же особенно нежелательна; потому что первые, которые естественно принимают ее сторону – это ее родители, а его тестя, т.е. лица, имеющие над ним родительские права. А что, если она сама во всем виновна, если только одна нетерпеливость ее, одни капризы ее, причиной огорчений ей со стороны мужа? (А на практике, как хотите, так-то больше и бывает). Что же тогда? В таком случае муж, будь и великодушен очень, может потерять к ней терпение. И пусть бы еще напрасные жалобы ее, оскорбительные упреки происходили наедине, с видимым старанием скрыть все это от других: тогда муж скорее бы перенес и умереннее доказал бы неосновательность жалоб. Но гласность этих жалоб и неудовольствий, но старание высказать их громко, по крайней мере, без осторожности, так что не могут не услышать их, или не заметить посторонние лица, все это решительно уменьшает кредит доверия к жене. Вместе с тем, здесь частью видна и безжалостливость ее к мужу. Муж – лицо общественное: ему дороги доверие и доброе о нем мнение

других. А нетерпеливая жена лишает его этого общественного доверия и уважения своими неосторожными жалобами или только слезливым ропотом. Случай может быть и маловажный, ежедневный: но гласностью его жена вполне вредит своему мужу, вредит, без сомнения, и самой себе. Перейдем к мужу. Вот и сам муж рассказывает пред кем-либо о своих несогласиях с женой, об обидах, которые терпит от нее. Виновна или невиновна пред ним жена, только он, прежде всего, себя же унижает такую гласностью; потому что он ведь глава жены, он ведь должен управлять женой. А жена, в таком случае, видит себя еще более беззащитною; потому что первой защитой ей должен бы быть муж. Нет! супруги, как «плоть едина» (Мк.10:8), должны жить друг в друге. Следовательно, та сторона, которая разглашает о взаимном несогласии, говорит сама на себя; которая унижает другую, унижает себя же. И чем больше будет этих откровенностей о тайнах супружеских, сначала пред родными, а потом пред посторонними; тем более разглашающее лицо отделяется от своего домашнего очага, перестает жить сердцем своим дома. Тогда взаимное доверие между супругами падает, и они берегутся друг друга, как чужие; вместо улучшения дела или вместо водворения супружеского мира, они приходят еще в большие сомнения относительно друг друга, потому что иные со стороны, и действительно, может быть, пожалеют и утешат обижаемое лицо, зато другие еще подстрекнут это лицо к большему неудовольствию. Наконец, между мужем и женой остается общего одно то, что они живут под одной крышей. Но возразят нам: «люди посторонние и без того знают о несогласиях их». Пусть знают или догадываются, только не из уст которого-либо из них самих. Но, конечно, если знают и толкуют посторонние, то по их же неуместной откровенности или явной неосторожности (допускают перебранку на улице, как у крестьян, или в глазах прислуги, как у горожан). – «Доколе же терпеть? доколе виновному торжествовать в своих несправедливых действиях? – Дотоль, пока крест, возложенный Богом, остается на плечах. Да; злой и немирный муж – крест от Бога, и, тем более, с такими недостатками жена составляет крест (Сир.25:15,18:25) для

мужа. А кресты христианин должен носить с покорностью воле Божией: они смиряют, они очищают за грехи. Сколько бы иной ни был знатен или силен вне семейной своей жизни, т.е. в обществе или по службе, но семейная супружеская жизнь прекрасно его смиряет, если случится в ней разлад. Уйти от нее нельзя и неблагоразумно; потому что *«соединен ли ты с женой? не ищи развода»* (1Кор.7:27); потому что та же жизнь изменяется и доставляет в другое время свои отрады. Это первое. Затем, и мы вполне согласны, что иной раз весьма полезно участие третьего лица в решении споров и несогласии между мужем и женой; потому что, обыкновенно, каждый из них считает себя правым и не доверяет о себе суду другого: жена то обидчиво укоряет, то прибегает к слезам, а муж указывает на ее вины и не сознает своих погрешностей. Одна сторона говорит: «все люди скажут со мной одно; все подивились бы, что я терплю; не дай Бог жить с таким мужем...». Но и другая сторона повторяет то же самое. Таким образом, и конца нет спорам и один какой-либо случай делается предметом спора несколько раз. Еще духовная книга, рассуждающая против несогласий супружеских, могла бы вразумить более виновное лицо, но это лицо, например, жена, может быть, не любит или вовсе не умеет читать. В таком-то случае участие третьего лица в супружеских несогласиях было бы очень полезно. Но тогда уже требуется согласие обоих, мужа и жены, на то, чтоб были доверены супружеские тайны. И этим лицом, главнее всего, если не исключительно, может быть священник, которому они поверяют и тайны своей совести, только и тут – не всякий священник, а опытный и равно ими обоими уважаемый. За священником же следуют или родители (если живы) или только самое кровное или близкое лицо. Затем, всякое иное вмешательство в супружеские несогласия (особенно в селах пред волостными начальниками) может лишь вредить делу. А жалобы, пред кем ни случилось, едва не пред каждым встречным, довершают семейное расстройство. – О, супруги, супруги! берегите доверие друг пред другом и честь со стороны других. Как бы ни велики были ваши взаимные несогласия, ни тяжелы обиды которой-либо стороне, – все же более надежды

вам примириться между собой и начать жить согласно, если не выдаете друг друга пред посторонними. А намеренный вопль по случаю обиды или недовольства чем, вместо разговора, в таком случае, шепотом, а намеренная или только несдержанная огласка – жалоба друг на друга в неудовольствиях, – не зложелательство ли это, и не явная ли вражда? Нет! О тайнах супружеских и трудно судить постороннему лицу; умный, опытный человек не будет делать своего решительного заключения по одному рассказу о супружеских неудовольствиях в пользу того или другого лица. Тут нередко бывает, что то лицо, на стороне которого все, от взрослых детей до соседей и знакомых, то-то гораздо более виновно в супружеских несогласиях. Кто же вернее может узнать жену, как не муж, а мужа в семейной жизни – как не жена? Но муж, как лицо общественное, всегда скорее может быть известен людям, жена же в большинстве примеров может быть вполне открыта одному только мужу. Итак, будьте вы одно и не имейте ближе к себе других, как только самих себя. Не делайте никого участниками своих супружеских несогласий и прочих тайн в супружеской жизни, никого, кроме самого искреннего человека, и то для одного утешения в своей скорби или для совета, а для разбирательства никого – кроме священника, известного духовною рассудительностью.

Открытие в супружестве тайн родительского дома или же только из прежней своей жизни

Если и сказано в слове Божиим: *«оставит человек как отца своего и мать и прилепится к жене своей»*, то, конечно, оставит не до того, чтоб не любить и не благодарить родителей. Оставление здесь выражает только гораздо большую супружескую любовь в сравнении с сыновней любовью. Оно относится и к общежитию, так как сын оставляет дом родительский или дочь уходит от родителей, чтоб основать свой дом и свою семью. Положим, нельзя не быть полному сочувствию мужа к жене, равно как и жены к мужу, коли первая жена и вышла из-под сердца мужа. Но не следует забывать последующего порядка человеческой жизни: и муж (мужчина, мужской пол) стал рождаться от жены, каждый и каждая стали иметь своего отца и мать. Затем, связь родительская не подлежит перерыву или смене, как может подлежать этому связь супружеская: мужа или жену можно иметь в жизни не одного и не одну, а родные отец и мать бессменны и незаменимы; иные женятся или выходят в замужество (пусть законным порядком) до нескольких раз, а родились только однажды; со смертью мужа или жены брак и прекращается видимо, а при второбрачии совершенно изглаждается, сменяясь новым. Таким образом, привязанность, благодарность и преданность родителям не должны быть всецело приносимы в жертву любви супружеской. Но не так поступают иные супруги, особенно молодые, и особенно жена. На первых порах взаимного обмена мыслей и чувствований муж, например, сообщает своей жене о несогласной жизни своих родных родителей, а ее свекров, и приводит несколько примеров такого несогласия. Молодая жена передает мужу, как холодны были к ней родители во время ее детства, как предпочитали ей в семье других и как вообще она находилась в каком-то нерасположении и угнетении во всем родительском доме. Говоря все это, она выражает радость, что освободилась из-под зависимости родительской и нашла себе друга и защитника в муже. Иногда

эти тайны передаются с чувством досады и в укор родителям, а иногда только по одной неосторожности и излишней откровенности. Но во всяком случае, не значит ли это чернить углем дом родительский? не значит ли поставлять против себя братьев и сестер, которые остались в доме и до слуха которых могут дойти такие отзывы? А, если в близком или дальнем времени по несчастью какому опять придется искать приюта в родном доме? легко ли тогда рука возьмется отворить двери оговоренного дома? Но пусть родители и простят неосторожные речи своей дочери или своего сына, молодых супругов. Однако ж, как тяжело родителям видеть такую сыновнюю неблагодарность, если тем более и угнетения выданной дочери в сущности дела не было. Как им грустно представить, что и прочие дети, лишь только будут пристроены, вместо благодарности так же выразят злопамятство на них! А затем, и своему супружескому согласию муж и жена только вредят этою неуместною откровенностью. Первый сильный гнев, первая распря, и муж упрекает жену тем самым пороком или тою чертою характера, какие она открыла ему в лице своего отца или матери; еще раньше те же укоры он выражает в разговоре или в письме к своим тестям по какому-нибудь неудовольствию. – Как же все это неблагоприятно! – Не должны также супруги знакомить друг друга с тайнами из собственной жизни до брака, которых нельзя нравственно одобрить. А иная сторона и любопытствует про эти тайны; так это бывает между теми супругами, которые до брака жили в дальних странах друг от друга и совершенно не знали один другого. Нехорошая тайна из прежней жизни только может возбудить подозрение в супружестве. – Нет, супруги, не раскрывайте взаимно таких тайн из родительских домов или из прежней своей жизни, которые не делают чести родному дому и вам. Для сердечного обмена разговорами можно будет найти другие предметы. Желаем вам сохранить между собой и навсегда те же нежные отношения друг к другу, как, вот, вы живете в первые месяцы после своего брака. Но придет время и много раз оно будет приходить, когда вы с услаждением вспомните и дом родительский, и семью

родную, и юношество свое, хоть прежде и казалась вам почему-либо тяжелою жизнь у родителей.

Оставление женою мужа, и наоборот – мужем своей жены, во время болезни и в несчастье каком

Господь Бог с тем намерением *«от одной крови Он произвел весь род человеческий»* (Деян.17:26), чтоб все люди, как одно тело, естественно оказывали любовь и помощь друг другу. Но люди нарушили этот первоначальный о них план Творца. Чем же? Своим грехом: грех породил между ними своекорыстие, самолюбие, холодность к ближнему и измену: *«а мне какое дело»*, говорит каждый (в ком сила греха чрезмерно развита), – говорит, когда видит другого в горе или беде. Предвидя это коварство людей, Господь Бог, вместе с тем, и также при самом создании человека, установил, а в Новом Завете чрез единородного Сына Своего подкрепил, такие союзы, которые уже неизбежно связывают нас друг с другом, в силу которых уже крайне неестественно было бы бросать человека, отступаться от него по своекорыстию или злобе. Первый из таких союзов и есть супружеский. В этом смысле даже естественный брак, т.е. в язычестве, весьма благодетелен. Вот первое, что обличает супружескую измену во время несчастья! – Но христианский образец (идеал) брака на сей раз еще выше. Здесь преданность супружеская вытекает из тайн веры, которая без сомнения должна быть дорога каждому. *«И себе предаде за ню»*, сказано о самопожертвовании Христа для Церкви: а муж и жена (как не раз мы сказали) в своем союзе то же, что Христос и Церковь. Вот второе и несравненно сильнейшее побуждение иметь супружескую преданность в случае несчастий! При этом не можем не указать и на тот обряд при венчанье, когда муж и жена пьют из общей чаши вино. Этим обрядом, очевидно, означает, что муж и жена должны делить в жизни пополам не только довольство и радости, но и бедность, горе, болезни, именно до исполнения слов: *«Себе предаде за ню»* (в противность злой пословице: «муж любит жену здоровую»). Наконец, не вдвойне ли тяжелы будут горести в жизни, если этим горестям не будет сочувствовать даже первое, ближайшее, в мире лицо: муж или жена? У

многострадального Иова невольно вырвалось из груди слово к жене: «безумная», когда жена не хотела сочувствовать ему. И при этом он прямо указал ей на те благодеяния Божии, на то семейное счастье, которое раньше делили же они вместе (Иов.2:10). Да; ни с чем это несообразно оставлять супругам друг друга в несчастьи. Приведем здесь самые примеры, чтоб с дела еще яснее видеть нравственную вменяемость этой измены.

Муж совсем покидает жену, у которой отнялись ноги, или же, оставаясь с ней только стыда ради людского, попрекает ее продолжительною болезнью, очевидным убожеством. Жена не заботится о муже, который или изувечился, или чахнет, или просто болеет чем; она не хочет послужить ему у постели его, или же служит так неохотно, что затворяет его одного в доме (если они бездетны и бедны), а сама надолго уходит к знакомым для свидания; вместо успокоения его духа, она еще больше раздражает его собственной нетерпеливостью, будто она-то больная, а не муж. Что сказать об этих изменах? Неблагодарно, невеликодушно со стороны мужа покидать больную жену. И он должен быть готов умереть за жену. Но вина жены на этот раз еще больше. Почему же? Потому что судьба ее зависит от благосостояния мужа: следовательно, она всячески должна оберегать жизнь своего мужа. Затем она, как и всякое женское лицо, по природе своей более способна трогаться страданиями других и, в то же время, натурально более терпелива в служении страждущим (пример – сестры милосердия). – Ее не отвлекает от служения больному мужу служба общественная, как, напротив, отвлекается в этом случае муж. (Сама творческая сила Божия щадит на сей раз мужа: в жизни мы видим престарелых, более, в женском поле, чем в мужском, – видим, что переживают более жены, чем мужья, хотя самой глубокой старости достигают преимущественно мужчины же; следовательно, на долю мужа меньше падает служить жене, болеющей от какой-либо случайной причины или по причине продолжительной старости). А вообще сказать: виновна ли болезнь, это Божие попущение, чтоб из-за нее супругам покидать друг друга? Но пусть болезнь произошла и от

своей вины, например, от нетрезвой жизни. И тут, что же другому лицу вымещать свою злобу на виновном отказом в помощи? Можно лишь пользоваться этим временем, как самым лучшим для того, чтоб усовестить болеющего или болеющую к исправлению. Нет; «Себе предаде за ню» – каждый из супругов должен говорить в своей душе во время болезни другого, какая бы болезнь ни постигла последнего – краткая или продолжительная, легкая или тяжкая. Болеет ли который только минутно от устатка или от ушиба на работе, – и тут без сомнения нужно выражать жалость и заботливость, а не относиться холодно или еще с гневом – упреком за неосторожность.

Немало бывает и других несчастных случаев в жизни, когда решительно должна высказаться к супружескому лицу или преданность, или жалкая измена. Так, например, муж должен переменить место своей службы или по частным своим делам отправиться на житье куда-либо: а жена не хочет идти с ним, будто бы на скуку, например, из столицы в отдаленный город, или из города в простое село; таким образом, она живет врознь до неопределенного времени, требует себе особого содержания со стороны мужа. (Не так поступила богобоязненная Сарра: она не только следовала за Авраамом в Египет по тесным обстоятельствами их страны, но и для безопасности жизни своего мужа, по совету его самого, назвала его «братом» своим, а не мужем; а когда ее за красоту взяли в царский дворец, то она ожидала вместе с мужем особенной Божией защиты в столь тесном положении их обоих и, действительно, и сама осталась неприкосновенною, и спасла жизнь своего мужа со стороны египтян. Иного мужа гонят по зависти: а жена тут же выдает его, если не делом и руками, то разговором пред другими, несочувствием к нему. (Не так поступила Мелхола в опаснейшие минуты для своего мужа: она сокрыла Давида от преследований Саула (1Цар.19:13). Жена по какой-либо вине попала в тюрьму: а муж не хочет и облегчить ее участь в такой мере, как позволяет закон, и прийти к ней для свидания. С другой стороны, иная жена отказывается ради привязанности своей к родине или из-за неудобств дороги следовать за своим

мужем в место ссылки его. Между тем, в последнем-то случае более всего надлежало бы оправдать слова: «*Себе предаде за ню*». (И по закону ссылка не каждый раз составляет развод мужа с женой, хоть бы одна сторона желала воспользоваться разводом). У первых христиан брак во дни несчастий, например, во время гонения за веру, выступал наружу во всей чистоте отношений: тогда плотская любовь оставалась на заднем плане и супруги любили друг друга вполне по-христиански, утешая себя взаимно в страданиях.

Наконец, нужно помнить, что естественный и христианский долг супругов не покидать друг друга в несчастьи относится не к пожилым только, которые уже сжились между собой до непреодолимой взаимной привязанности и которые обязали себя взаимно в жизни многими услугами; нет! это долг и молодых мужа и жены, которые только лишь соединились браком. Дитя, вскоре после рождения умирающее, все же для родителей остается дитятей: тоже и вчерашний лишь муж для жены, и наоборот. – О, супруги-христиане! не изменяйте друг другу в горестях и несчастьях, но жалейте в это время друг друга, утешайте, поддерживайте. Будьте столько преданы взаимно и самозаботливы друг о друге, чтоб каждый из вас легко открывал другому про свою горесть или не старался бы только скрыть ее по наружности. Скрывают же иногда свое горе не из опасения обеспокоить печальною вестью другое лицо, но, чтоб избегнуть нового беспокойства самим себе; потому что вместо жалости, которую оказывают им в таком случае и посторонние, опасаются по прежним примерам встретить только одни укоры, одни строгие выговоры или злые советы. Сохрани вас Бог повторять этот пример жены Иова!

Неуважение и невспоможение жениным родственникам, и наоборот

Святой Давид уважал и любил родственников своей жены. Не иметь уважения и не помогать (если позволяют средства и если просят о помощи) родственникам жены или мужа – повод к раздору супружескому. И, так как этот повод может быть всегда на лицо, т.е. в том случае, когда родственники живут близко, то и раздору не будет конца; в свою очередь усиливают его недовольные родственники, которых не принимают в дом или не наделяют в нуждах. (Этого повода к супружескому несогласию разве не будет тогда, когда муж и жена совсем не имеют около себя родственников). Случается, что одна сторона имеет большое родство и в том родстве много бедных, а другая – безродная, сами же супруги – люди состоятельные. Редкое великодушие покажет последняя сторона, если не будет чуждаться родственников своей четы. Затем, так как женитьбою или замужеством поставляются два лица по интересам жизни во взаимную зависимость, которая незаметно приучает к мирной зависимости и в общежитии: то родство женино или мужнино приносит свою долю пользы в том смысле, что более или менее смиряет супругов, особенно возвышенных чем-либо, выводит их из самолюбивой замкнутости, сближает их вообще с человечеством (сам-то князь, а родственники по жене, а родные братья жены – едва не простолюдины). Впрочем, обязанность принимать, посещать и, в случае нужды, поддерживать пособиями родственников по браку имеет свои законные ограничения. Так, бывают родственники нечестного поведения: их вредно принимать в дом, особенно при детях. Бывают родственники по жене нетрезвые, тунеядцы, неисправимые: помогать им трудовыми деньгами, во имя женина родства, не будет пользы. Некоторые из этих родственников совсем бесцельно или по малому только заделью слишком часто уж приходят или приезжают и, придя или приехав, подолгу гостят – живут; или нравится им веселая жизнь; например, после села в город; или хочется сберечь свои домашние расходы; но угощать

и содержать составляет бремя, особенно когда есть своя семья и дорого содержание в городе, да притом одному городскому или попутному жителю приходится иногда быть на множество посетителей – родственников. Нет! никто не обязывает нас материально тратиться для таких родственников. Иное дело – ласковый разговор, и иное – угостить или содержать. Наконец, есть и такие родственники, которые приходят расстраивать домашнюю жизнь супругов, особенно молодых: таковых и в дом не нужно принимать. Затем, родственные обязанности по супружеству иногда совсем прекращаются; именно тот вдовец или та вдова перестают быть родственниками, первый – по жене, а вторая – по мужу, которые вступают в новый брак; потому что прежний брак их окончательно расторгнут, а с этим – и родственная связь по этому браку; они приобретают новое родство, и очевидно нельзя же им одновременно иметь двух тестев, или двух свекровей, или двух свояков. Тогда родство остается только с их детьми (если есть дети) от прежнего брака, а отнюдь не с ними самими. – Добрые муж и жена! уважайте родство друг у друга и помогайте взаимным родственникам в их нуждах. Но и не действуйте в ущерб и на гнев друг другу, т.е. так, чтоб жена обременила своего мужа из-за своих родственников денежными расходами, нужными для собственной семьи, а муж слишком беспокоил бы жену приемом своего родства. Все ваше должно быть ближе к вам и взаимная ваша жалость должна быть больше.

Нестарание привлечь к православию неправославную свою чету

«Почему ты знаешь жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1Кор.7:16). На основании этих слов может оставаться по-прежнему брак христианина даже и с некрещеным лицом (например, когда бы муж – татарин крестился, а жена нет). Только этот брак не считается христианским и не носит на себе отношений Христа к Церкви. При каких же условиях он может оставаться в прежней силе? – «И он согласен жить в нею» (1Кор.7:13), т.е., если неверная сторона желает того. От прикосновения неверной стороны еще не может быть вреда или нечистоты; нечист, например, язычник по своей религии, потому что поклоняется идолам, и в этом-то нисколько не участвует его жена – христианка, но он не нечист по браку, которого нарушителем не был и не хочет быть. А чистота верующего преодолевает над нечистотой неверного, или некрещеного: «*неверующий муж освящается* (сказано) *женою верующей*» (1Кор.7:14), т.е. еще не свят, а освящается. Святость здесь, впрочем, разумеется не в смысле благодатном, т.е. будто благодать Христова от жены верной сообщается и неверному, или некрещеному (одна дорога удостоиться благодатного освящения – крещение и миропомазание), но в смысле освящения брака, как естественного союза, или полной законности брака. Другое условие: «*если же неверующий хочет развестись, пусть разводится*» (1Кор.7:15), т.е., если же неверная сторона не хочет оставаться в браке или принуждает верную к своему неверию, к обрядам своей религии, или есть несомненные опасения разлада супружеского из-за веры, в таком случае оставаться христианину в смешанном браке значит делать насилие своей совести. Но, если не будет и последнего препятствия, что же (спрашивается) за цель хранить прежний брак? Чтоб не возбудить напрасной ненависти к истинной, православной вере и обратить неверное лицо, хотя успех последнего дела остается еще под сомнением: «*не спасешь*

ли». (Так, в первые времена Церкви много обратилось к христианству через смешанные браки). Так и ныне не следует устрашать или смущать разлукой супружеской желающего или желающую креститься. Польза тут при твердости веры в крещеном лице, очевидная. Это лицо успокаивается за законность брака, т.е. не думает, будто, приняв крещение, но оставаясь по-прежнему в сожителстве с некрещеным, находится в преступной связи. А в другом лице (некрещеном) возбуждается желание истины. И естественно; потому что ведь не навязывается для продолжения супружеской жизни крещеный к некрещеному, но сама неверная сторона просит верную остаться в прежнем браке, и, следовательно, имеет крепкую привязанность к верной, где же любовь, там и успешнее может быть дело. – Тем более возможен законный брак православной с католиком или единоверцем, равно как православного с католичкой или лютеранкой. В этом случае не только может сохраниться прежний брак (т.е., когда одно лицо присоединилось к православию), но и соединяется (венчается) вновь брак по взаимному согласию мужа и жены. (Опыты жизни, однако, заставляют предупредить, что, когда бывает большое неравенство знаний по религии, то лучше не быть смешанному браку; например, случается, что муж немец образованный, а жена – простая русская женщина).

В браке различном по вероисповеданиям, когда он уже совершился, не могут не быть особенные обязанности мужа и жены в отношении к вере и друг к другу. Так, прежде всего, православное лицо должно удерживаться от укорения чужой веры; потому что укоризна (например, немчиной) может вести и к половому разрыву брака. – Затем, в смешанном браке муж и жена обязываются воспитывать детей (когда будут у них дети) в православной вере: *«дети ваши были бы нечисты, а теперь святы»* (1Кор.7:14). Как истинно православной вере должно быть отдано преимущество, предпочтение по врожденному чувству уважения вообще к истине (на чем и основывается право обращать – привлекать иноверное супружеское лицо к православию), так и в воспитании детей от смешанного брака должен быть верх на стороне истины. Тем более супруги такого

брака не должны насиловать религиозные убеждения приведенных детей (т.е., когда бы к неправославному привела жена детей православных). – А всего главнее: на православном лежит забота привлечь к православию свою чету. Почему бы (подумает кто) не оставаться на этот раз совсем без заботы? Нет; эта беззаботность была бы противна любви супружеской. Если истинно веровать в Бога составляет первое счастье для человека; то как же с прочими благами не пожелать мужу или жене этого самого счастья? Или надобно любовь назвать неискреннюю, или же согласиться с тем, что само православное лицо не имеет живой уверенности в своем православии, не понимает оно: на которой же стороне истина? Та же беззаботность была бы противна целям единодушия супружеского. Пусть не допускает иноверная сторона споров или оскорблений против православной веры. Но сколько тут резкого несходства в порядках религиозной жизни! Например, жена, воспитанная в православии, привыкла в великий пост быть у исповеди и св. причастия, а муж – католик иногда и ксендза не найдет себе, чтоб исполнить тот же долг по своему вероисповеданию. Жена русская соблюдает посты, а рядом с ней сидит за столом у мясного или молочного блюда в великий пост муж ее лютеранин, не почитающий для себя за грех такую пищу. Муж православный молится усердно пред иконой Божией Матери, а жена его – лютеранка по своей религии совсем не воздаст подобающего благоговения к Царице Небесной и вообще смотрит на исполнение мужем молитвенных правил, как на одну внешность. У католика и русской врозь приходят и такие великие светлые праздники, как Рождество Христово и Пасха. Жена православная желала бы принять в свой дом православного священника с крестом, а мужу – единоверцу противно ее желание. Как же все это тяжело отзывается для духа тех православных супругов, которые преданы своему православию и которые еще больше сознают цену, истинное величие православия, сопоставляя каждый раз свои порядки в религиозной жизни с порядками неправославными! Не тяжело ли также православной жене лишиться позволения и помянуть за упокой своего неправославного мужа, например, из лютеран,

у которых совсем не принято поминать? Таким образом, не без вины остаются пред Богом и пред собственным душевным покоем те супруги, которые совсем не думают привлечь к истинной, православной вере другое супружеское лицо. Но спросят: «какая же есть возможность обратить неправославного мужа или жену неправославную? Они не дети; каждый из них дорожит своею верою, в которой родился. Ужели достаточно одной только любви супружеской, одних просьб во имя этой любви, чтоб муж или жена переменяла вероисповедание»? Обращает к вере благодать Божия. А как обращает, – это тайна. Благодать не стесняет свободы человека. Отсюда неизвестность этого дела, как говорится у апостола: *«почем ты знаешь?»* Но быть орудием к обращению – дело открытое и возможное. Так, муж может лично убеждать неправославную жену или же прибегнуть по этому предмету к посредству других, например, священника. Жене же в настоящем случае слово Божие дает такую прекрасную сеть для прекрасной ловли: *«житием жен своих без слова приобретаемы были»* (1Пет.3:1) (неверующие мужья). И в первом случае, т.е. когда муж старается обратить жену, нет никакой хитрости; а во втором – видим только, что истина говорит сама за себя. Правда, что слово, или проповедь, со стороны жены к неправославному мужу, скорее, может остаться без всякого действия; потому что муж более упорен (неподатлив) и более склонен к сомнениям в вере. Но целая жизнь жены, расположенная по правилам святого православия, может подействовать на неверного мужа и помимо всякого слова. Тогда жена является пред ним, как ближайший представитель или служитель православной веры. Только бы она вполне была предана своей православной вере, только бы для нее супружество оставалось супружеством, а Христос сам по себе; например, если она привыкла по своему воспитанию быть в воскресные дни у богослужения, чествовать святые иконы возжжением пред ними свечи или лампадки, то и в супружеской жизни с лютеранином не должна отступать от этих правил. Влияние ее на мужа в духе твердого православия будет возрастать постепенно: муж неправославный на самой практике и домашним – ближайшим путем удостоверится в том,

как благодетельны для человека правила святого православия: в душе своей он сознает жену достойнее себя во многих отношениях. Так-то в древности многие жены-христианки, уступчивые пред своими мужьями, терпеливые и преданные им, ревнующие о пользе ближнего, – все это в противность женам языческим, которые были капризны, нечестивы и слишком суетны: так-то многие из них и привлекли из язычества к христианству своих мужей, например, св. Нонна и Горгония¹⁸⁸. Напротив, какая это жалкая перемена и измена, когда лицо православное в смешанном браке начинает равнодушно смотреть на все вероисповедание, например, русский, женатый на немке, и похвал не находит вере и нравам немцев! какое это неуместное угождение, если жена русская вместе с мужем своим протестантом посещает кирху! какая угодливость или трусливость той же жены, если она в первый же пост, который будет вслед за венчанием ее с неправославным, разом порешает с церковными постами, которые раньше соблюдала: будто она прежде этого времени, от самого детства, соблюдала посты лицемерно! Равным образом, какое печальное оправдание слов «не оба ли упадут в яму» (Лк.6:39), если жена православная, выйдя в замужество за раскольника, который только для женитьбы и принял обряд присоединения, если эта жена как есть начинает смотреть раскольницей! Вначале она уклонялась от православной Церкви только из подражания мужу, а потом уклонение ее делается и окончательным в силу привычки. О, православные в смешанных браках! если вы так поступаете, то ведь ваши поступки похожи на «бogoотступничество из-за плотоугодия»! Это ведь увлечение Соломона, который ради жен-иностранок завел у себя идолов! (3Цар.11:4–9).

Незаботливость о взаимном спасении души и немоление на сей раз друг о друге

Эту речь мы поведем уже исключительно против нарушений взаимного религиозного долга супругов, или для подражания таким святым бракам: *«целуйте Прискиллу (жена), и Акилу (муж...), и домашнюю их церковь»* (Рим.16:3:4), т.е. столько благочестивых среди мира супругов, что дом их сделался церковью. Оказывать снисхождение к взаимным недостаткам и исправлять себя взаимно от этих недостатков (о чем раньше сказали мы) могут муж и жена и не в целях чисто духовных, а только для благополучия и благоустройства настоящей жизни: так иногда заботится и язычник-муж о своей жене-язычнице. Но спасение души – иной вопрос. Здесь цели простираются за пределы настоящей жизни. И опять, эти цели должны достигаться не тем только, чтоб привести неправославное лицо к православной вере, но, чтоб и оба православные, муж и жена, т.е., уже стоящие на пути к спасению, спасали друг друга. Основание для сей священной обязанности находим во взаимном соотношении самой первой четы. Адам и Ева были соединены не одною плотскою связью, но и внутреннею, нравственною. Заповедь «не вкушать от древа» была дана им совместно, относилась равно к ним обоим: совокупными силами они и должны были исполнить эту заповедь, чтобы остаться на целую вечность в раю. Во всем другом занятия мужа и жены разделены. Относительно же вечного спасения у них общее поприще, это в одинаковой мере занимающая их забота. Здесь и слабость пола в сторону (Гал.3:28): жена может показать себя крепче своего мужа. Но взаимная заботливость о спасении души приносит супругам пользу еще в настоящей жизни. Так, например, супружеская любовь и уважительность, умеренность и верность в супружеском ложе, неоставление друг друга в несчастии, все это можно считать благонадежным или прочным при таком только условии, если муж и жена богобоязненны; если они до некоторой степени ревниво заботятся о взаимном исполнении домашних молитв, об удержании себя от гнева,

злости и зависти в отношении и к посторонним лицам; если заботятся о назидании себя словом Божиим, о взаимных духовных собеседованиях и о восторгах предметами священными, божественными; если молятся о спасении друг друга. Тогда-то жизнь их будет и внутренне светла. Тогда, если и возникнут между ними супружеские несогласия, то не будут эти несогласия продолжительными и никак не усилятся до взаимной ненависти или отвращения. Затем, когда они верующие, ужели взаимная вечная участь не должна занимать их? ужели они не пожелают друг другу избежать вечных мук? В настоящее-то время такое желание вполне естественно или уместно вообще для лиц, сколько-нибудь сочувствующих друг другу. Иное уже дело будущая жизнь: там действительно не будет сожаления даже и у мужа к жене, и у жены к мужу, т.е., если одно лицо там будет блаженствовать в раю, а другое мучится в аду; *«там плоть и кровь не будут иметь места»* (1Кор.15:50). Но, когда муж и жена желают взаимно друг другу счастливой участи за гробом, когда они хотят снова встретиться и на веки соединиться между собою (завещают же они похоронить себя рядом): то и должны стараться, чтоб эта встреча была на радость им, чтоб было им чем порадоваться, утешиться, когда сойдутся снова. В самом деле, свидание их там будет радостно, собственно, не за нынешнее плотское сожитие, которое как бы обратилось им в природу по силе привычки, но почему же? Потому что они здесь дружественно молились и постились, что единодушно подавали милостыню, что несли вместе какой-либо особенный крест в жизни и что, таким образом, воспоминания их о земных подвигах, которые будут составлять там одно из блаженств, воспоминания их будут одинаковы. Наконец, главнейшее основание и побуждение им заботиться о взаимном вечном спасении заключается в прообразовании брака: *«яко же и Христос возлюбил Церковь»*. Христос в том и показывает Свою любовь к Церкви, что спасает ее. Прежде и больше должен показать на сей раз свою заботу муж; потому что он глава, руководитель своей жены. Да, муж должен бы объяснять жене по своему разумению обязанности христианские, отвлекать жену от суеверий, подкреплять часто ослабевающий ее дух,

рассказывать ей жития святых, убеждать ее к частому приобщению святых Таин вместе с собой, особенно под старость лет, стараться исправить ее не от тех только пороков, которые несносны для него самого, например, сварливость ее, но и от таких, которые нисколько не беспокоят его, между тем, противны Богу, как например, пристрастие к чтению светских книг, изнеженность, сребролюбие. Затем, в свою очередь, и набожная жена сильно может действовать на развитие в муже религиозных чувств. По опыту известно, что ничей голос не может так подействовать к смягчению и вразумлению мужа, как голос благоразумной и богобоязненной жены: ни друга, ни начальника человек грубый не слушает так, как свою жену, если только жена его вполне безукоризненная в своем поведении, если она знает час, когда подействовать на него, когда посоветовать ему, умолить его к добру. (Вообще, женщины, в силу своей восприимчивой природы, способны и мужчин расположить к большей религиозности, как, напротив, они же сильны возбудить их и к изуверству. Некогда в Антиохии евреи воздвигли гонение на апостола Павла. Кого же они употребили посредствующими лицами в этом деле? «Набожных» женщин в городе (Деян.13:50)). Но, если муж уже неисправим, богобоязненная жена, страшась за вечную участь его, усиливает свою молитву за него, просит в церкви поминать его на проскомидии. А во всяком случае она не останется от Бога без награды за свое христианское терпение к неисправимому лицу. О, далеко, далеко еще вы, муж и жена, не искренние супруги, если взаимное спасение души считаете посторонним для себя делом! Еще хуже, когда вы смеетесь над пастырским наставлением спасать друг друга (будто-де братия в монастыре). Жалко и то, что один хотел бы жить по духу христианского закона, а другая сторона ничего этого не понимает!

Супружеская вражда из-за религиозного направления

«Враги человеку – домашние его» (Мф.10:36). Эта вражда несправедлива. При единстве плоти муж и жена, однако, имеют каждый свою душу, свою свободу. Что же им гневаться-злобиться, если один или одна из них любит духовное, божественное? Уже и то худо, что нет подражания доброму примеру, а тут еще притеснение, упреки на каждом шагу «монахом, богомолкой». Как же в других-то случаях защищается и уважается свобода, а здесь ей нет хода? Своими, а не чужими силами тела и духа трудится для спасения муж или жена: за что же быть недовольным другому лицу? Нет; хоть бы и болели у мужа ноги от долгого стояния на молитве, хоть бы он мало ел или не питался мясом (известны такие примеры между престарелыми супругами), жене нечего в таком случае скучать: жизнь ее мужа еще более продлится от душеспасительных подвигов его. Но, если религиозность касается чего-либо общего мужу и жене, т.е., если она, проявляясь вне, сопровождается затратою капитала, пожертвованием вещей или хозяйственных каких запасов, например, муж заводит и украшает иконы, отделил в своем доме особое помещение для приема странников, в другом же месте – жена любит наделять пособиями сирот, делает частые заказы о каких-либо службах в церкви, то и в этих случаях супружеская вражда несправедлива. Прежде всего, муж, как сам приобретатель своего состояния, без сомнения, не может быть упрекаем и удерживаем в расходах, которых желает его добрая душа, для которых он имеет и вновь дополняет средства своими трудами и заботами. Говорит: «но в доме оставалось бы все то, что он жертвует на церкви, духовенству, миссиям, на монахов, в богоугодные заведения или в тюрьмы». Пусть так. Но эти остатки не опять ли пошли бы на роскошь в доме, которой и без того много? не опять ли они были бы на тунеядство членам семьи? «Все раздает другим, а жене, семейству ничего не оставит». И не отдает всего; между тем, устрояет вечное спасение своей души,

ради которого, как цели этих пожертвований, следует сделать ему всякую уступку, нужно отнестись к нему с полным уважением. «Бесполезно ему совсем тратить деньги на монастыри, на приюты, на духовные книги и библиотеки». А веселиться *«и каждый день пиршествовать блистательно»* (Лк.16:19) или же скоплять богатство до слов: *«разорю житницы мои»* (Лк.12:18), – разве это польза, разве не это-то составляет погибель вечную? «Лучше бы на что другое жертвовать, а не на церкви и бедным». Но не слышалась ли бы такая речь и о других пожертвованиях, т.е., будто, тоже излишних и бесполезных, если б они были? – Затем, и жене принадлежит же доля в приобретениях мужа. Таким образом, она может независимо от мужа подавать милостыню и делать другие пожертвования и расходы для удовлетворения своих религиозных чувств. На этот раз и тайность расхода с ее стороны не составляет хищения или кражи, хотя лучше не прибегать к тайности. – Вражда в супружестве из-за духовного направления неразумная и неблагородная. Не слишком ли странно это в жене: умного и набожного человека все умные же и благонамеренные люди ценят и уважают; иные даже за находку считают пользоваться его дружеством, а жена недовольна им и во всем доме возбуждает против него вражду! Злоупотребляя его христианскою терпеливостью, не опасаясь за такие крутые меры взыскания, какие можно было бы встретить со стороны мужа с иным – светским направлением, она оскорбляет его, и наедине, и при других! Какая неблагодарность и жестокость! Или не странно ли это в ином муже: богобоязненная жена – самое верное лицо ему и составляет его честь, между тем, он не ценит ее и презирает ее! Видя в строгой жизни ее укори́зну себе, развращенный, или только холодный к религии муж ненавидит ее, по крайней мере, смотрит на нее, как на что-то жалкое, неразумное или отжившее свой век. Итак, супружеская религиозная вражда неосновательна во всех отношениях, и есть грех. Пусть то лицо, которое выносит ее, еще более возвышается своим духом от угнетений: но как же жестоко, например, самому мужу быть гонителем своей жены (Диоклетиан и замучил свою жену, царицу Александру)! – О,

супруги-супруги, враждующие между собой из-за религиозного направления! Поверьте, что, если б вы были одинаково набожны, то жизнь ваша и еще во сто раз была бы любезнее. Набожному мужу, например, ни одна сторона не желается столько в жене, как набожность; потому что, и вообще, набожное женское лицо к себе привлекает. Лучше сочувствуйте же друг другу в набожности, а не враждуйте за нее. Нисколько не стесняйтесь и выражать ее друг пред другом. Пусть, например, утром один из вас еще остается в постели, а другой у изголовья самой постели творит молитву на коленях!

Попреки бесплодием в супружестве

«Разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева?» (Быт.30:2) отвечал Иаков на попреки Рахили, которая не рождала от него детей. В самом деле, не от человека зависит: «зачать или не зачать дитя», но от благословения Божия. Вместе с тем, трудно решить здесь вопрос: «которая же сторона виновна, – муж или жена»? Иногда Господь наказывает бесплодием которого-либо из супругов за нехорошую жизнь его прежде брака; иногда же не дает супругам детей, чтоб они, оставаясь бездетными, могли более благодетельствовать круглым сиротам в родстве своем или совсем чужим; а иногда не благословляет детьми по другим премудрым целям. Таким образом, грешат против брака супруги, которые попрекают друг друга бесплодием, даже выражают один пред другим раскаяние, что сочетались между собой браком. Затем, если, с одной стороны, и приятно иметь детей, если дети еще крепче связывают между собой мужа и жену, как плод брака, как предмета общей нужной любви и заботливости, то с другой – не дети ли часто бывают поводом к раздору супружескому, и так, особенно, в период воспитания их? (Впрочем, здесь виной не само чадородие, за которое нужно благодарить Бога, но – или злочадие (Сир.16:4), или же недружественность отца-матери в деле воспитания детей. Например, иногда нетерпеливые супруги в виду худых наклонностей, замечаемых в детях, упрекают друг друга: «по тебе вышел сын...»; а иногда которое-либо лицо совсем не содействует другому в строгом христианском воспитании детей, и отсюда – дети выходят очень недобрые. В этом-то случае и признается лучшею долею не иметь детей, умереть бездетным) (Сир.16:4). – Наконец, дети, хоть главная, но еще не единственная цель брака. Не рождает жена мужу детей: но она ему вернейший друг и советник в жизни, добрая хозяйка в доме и поддерживает в нем чувства веры и страха Божия. Во всяком случае, нужно не упрекать бесплодием в супружестве, но, доколе еще обнадеживают лета, молиться Господу Богу, чтоб разрешены были узы

неплодства. – О, бездетные супруги! если вам и без того горько, что не имеете детей: зачем же увеличиваете свое горе взаимными попреками в неплодстве? Коли у вас нет привязывающих друг к другу детей, старайтесь еще более усилить взаимную привязанность личными вашими достоинствами!

Отношения мужа к жене

Непротивление суетности жены и угождение ее до женообожания

Женское лицо (как уже мы показали) в особенности наделено от природы чувством приличия, вкуса и изящества. Но, как всякое чистое по природе чувство человек искажает своим неразумием и грехом: так и это чувство в себе многие из женщин обнаруживают чрезмерно и превратно. Отсюда их суетность во всем, начиная от цветов до платья, от приема будничного гостя до праздничных вечеров. Речь наша не о тратах только на излишние вещи, но и о пустоте того, чего женщины желают, что им нравится, и о минутной надобности некоторых желаемых ими вещей. Более всего суетность жен проявляется в нарядах: первый разговор у них при встрече о нарядах, первое их любопытство – рассматривать в гостиной обновы; иные из одежд их до того бывают причудливы, что могут нравиться ради только суетности или в силу одной моды. И весь род человеческий тщеславен и суетен: а женщины в особенности. Пожилых лет жена, – и та в случае подарка или награды от мужа за какой-либо труд не желает себе ничего, как шелка да бархата. Но, так как эта суетность жен требует расходов, то тут и должен быть ответчиком муж. Богатый муж без счета тратит на прихоти жены. А малосостоятельный и последнее отдает своей жене, вздыхая, чтоб только сделать ей удовольствие. Если же нет и этого последнего, если обыкновенные средства к жизни недостаточны, решаются на злоприобретения, например, по своей должности, чтоб исполнить желание своих жен; так, например, Иезавели очень понравился сад Навуфея, и Ахав, муж ее, решился приобрести для нее любимый подарок кровью невинного садовладельца. Но, нет! благоразумный муж должен твердо стоять против прихотливых желаний и требований жены, должен отклонять ее от суетности, которая вредит ей и ему в хозяйственном и нравственном отношении. Наконец, угодливость иных женам доходит и до женообожания. Обожать в женском поле, хоть бы законную жену, грешно. Самое слово: «обожать» есть грех,

потому что соединяет в себе понятие об отнятии чести у Бога. Тем более само дело в настоящем случае преступно; потому что тут человеку отдают то, что следует Богу. Женообожание встречается больше всего со стороны старых мужей в отношении к молодым женам. Им, очевидно, извращаются правильные отношения между супругами. Со стороны мужа здесь видим раболепство, а со стороны жены – чрезмерную прихотливость и капризы. Но муж поставлен быть главою жены: «к мужу твоему обращение твое»¹⁸⁹, узаконил Бог в наказание первой жене за то, что она во зло употребила равенство с мужем, расположив его послушаться ее в том, в чем не следовало. Этот закон так верен для жизни (и потому должен быть долговечным), что лишь только будут ослаблены права и влияния на жену со стороны мужа, жена забывается, начинает возноситься и злоупотреблять: это то же, что дать воде проход (Сир.25:28). Хочет ли муж удостовериться в слабости своей жены? Пусть только ослабит свои отношения к ней, даст ей полную волю, и придет к печальному удостоверению. Таким образом, серьезность и, до некоторой степени, строгость – вот самое верное отношение мужа к жене! Должен относиться так муж к своей жене, любя и жалея ее, а не в духе, собственно, самовластия и преобладания. Пусть он и очень доволен мягкостью сердца и добротой своей жены (таков вообще женский пол, за редкими исключениями), но он ясно видит и то, что для нее необходимы с его стороны постоянное руководство и сдержанность, что иначе она погибнет и что по самой-то любви к ней он должен удерживать за собой право управлять ею. В женообожании скрывается худая цель. Это – как хотите – похоти мужа, и, в таком случае, муж любит свою жену, «как бы блудницу» (блаж. Иероним). Не в том совсем виде было бы дело, если б муж был тверд пред своей женой, если б стыдился и считал для себя унижительным повиноваться ее прихотливым требованиям. Тогда она невольно уважала бы его и боялась. – Наконец, для нее самой решительно нет ничего прочного и полезного, если муж раболепствует пред ней. Теряется ее красота, начинается старость, и муж видит в ней только хозяйку дома, а в простом или небогатом классе людей – и, пожалуй,

одну прислугу. Тогда тем более муж платит ей упреками и презрением, чем более она в свое время досаждала ему своими прихотями и капризами. Но даже и в пору молодости и красоты ее чрезмерное угождение ей со стороны мужа (чего желает она и чем, может быть, очень довольны ее родители) не приносит в существе дела чести ей, напротив – унижает ее до лишения достоинств человека. Муж, в таком случае, смотрит на нее, как только на предмет для своего наслаждения, и разве, еще как на средство для своего честолубия: услаждается пред другими тем, что жена его столько красивая или ловкая. За все это он думает расплачиваться ей только нарядами да обновами, и много-много вежливостью: искренней же любви и уважительности к ней так же нет в его сердце. Что же после этого остается в женообожании для мужа и для самой жены? Одно зло. – Нет, муж-христианин! Годы и практика жизни заставят тебя раскаяться, если ты будешь удовлетворять суетности жены и угождать ей во всем. Положи же себе правилом не быть угодливым исполнителем каждый раз ее желаний. Не продавай ей своего первенства за чечевицу чувственных наслаждений. Итак-то, веди дело особенно вначале, или вслед за своею женитьбою. В это время жена более стыдится и боится своего мужа. Тогда и нужно полагать ей законы, так что она волей и неволей будет повиноваться.

Презрительное обращение с женой

Сказано: «мужья, обращайтесь благоразумно со своими женами..., оказывая им честь» (1Пет.3:7). А на одном из соборов презрение к жене запрещается под угрозой клятвы: «аще кто порицает оную (жену), да будет под клятвою» (Гангр.соб,1). Жена – помощница и друг своему мужу, а не безответная раба. Она не носительница только от него детей и не для одного хозяйства или обихода в доме, – нет! В таком унижении и презрении жена была только у древних язычников. Впрочем, и у самих евреев, хоть не была она угнетенною, но в силу закона о разводе, который был вызван жестокосердием евреев, так же находилась в тяжелой зависимости от своего мужа. В том же презрении и ныне остается жена у диких народов. (Лучше ее участь на сей раз у таких некрещеных народов, которые ушли от прежней своей дикости, но, вместе с тем, еще остаются в патриархальном состоянии нравов, как дети природы, которые т.е. и несколько развиты, и неразвращены пока посторонними примерами). Особенно презренное состояние и ныне жен магометанских. Здесь жена не имеет и прав религиозных, не может входить в мечеть для молитвы. Но в христианстве, но в обществе людей, понимающих и почитающих святую православную веру, жена вполне пользуется общечеловеческими и религиозными правами. Христос-Спаситель снял с нее иго принижения. Прежде всего «Благословенная в женах» составляет украшение не только для дев, но и для жен. Во всех местах, где встречаем мы в евангелии женщин, видим, что они удостоиваются снисхождения и покровительства со стороны Господа Иисуса Христа (так, например, было обращено Им внимание на хананеянку (Мф.15:28), на тех жен, которые приносили к Нему своих младенцев для благословения (Мф.19:13–14)). И по существу самого дела жена, без сомнения, равна мужу в общечеловеческих и нравственных достоинствах. Она столько же способна к высоким понятиям и духовным подвигам, как и муж. Так, еще из ветхозаветной истории знаем, что еврейские

жены умели и петь, и сочинять торжественные песни: Мариамна, сестра Аарона, управляла хором; этот хор воспевал *«победную песнь»* после перехода евреев чрез Чермное море (Исх.15:20–21; 1Цар.17 и 18). В Новом Завете видим женскую природу наравне с лицами мужского пола способною ко всему религиозно-нравственному. А это, конечно, самые главные способности человека. Они главнее наук, художеств, торговли и т.под. Например, самарянка в беседе с Спасителем богословствует (Ин.10:24); Марфа – сестра Лазаря с уверенностью говорит об общем воскресении (Ин.4:7); женский голос, а не иной чей, из толпы народа в чувстве восторга и довольства проповедью Спасителя произносит: *«Блаженно чрево носившее Тебя и сосцы, Тебя питавшие»* (Лк.11:27). Мало того: в духовных подвигах новозаветного времени прежде успели показать себя жены, а не мужчины: пример тому – Мария Магдалина и другие жены во время крестного пути и у самого креста Спасителя. Затем, и во все последующие времена из жен были ревнующие к делам спасения, а это – опять повторим – самые главные дела человека; например, они содействовали христианским миссиям (жена апостола Петра сопровождала его в Рим¹⁹⁰; известны между ними не только подвижницы (Мария Египетская), но и писательницы сочинений аскетических (Синглития)¹⁹¹ и для богослужения (Кассия – *«волною морскою»*)¹⁹². Итак, с чем же сообразно, если муж пренебрегает своей женой, будто ни к чему более не способною, как только носить детей или заниматься хозяйством по дому? Непростителен и со стороны чужих лиц презрительный взгляд на женский пол: как же мужу-то презирать свою жену? Гордый муж будто остерегается сказать ей лишнее ласковое или откровенное слово, считает для себя унижением попросить ее совета, сознаться пред ней в каких-либо своих ошибках или слабостях, показать себя ослабевшим по духу и нуждающимся в ее утешении! Но все это напрасно. И мы тоже не к тому клоним свою речь, чтоб жене учительствовать в церкви (1Кор.14:34–35; 1Тим.2:12), или выйти на общественную деятельность по всем пунктам деятельности мужчин, или сочувствовать ее суетности, как чему-то умному. Нет; мы только

указываем в жене способности, равные с мужчиной, к этому главному в жизни человеческой: «к вере и добрым делам». Но, если иная жена и, действительно, как бы, не понимает ничего, если трудно уговорить ее в чем-либо, то здесь причиной – умственная ее неразвитость. О, муж-христианин! Не говори каждый раз к жене твоей горделиво и повелительно, не доводи ее до того, чтоб она стояла пред тобой на ногах, выслушивая твою речь, или чтоб с трепетом входила к тебе, будучи ни в чем не виноватой, подобно Есфири, которая как-то представилась пред лицо Дария (Есф.5:1). Не превозносись пред ней своим умом или образованием, или большею красотой. Эти и другие преимущества твои, может быть, возвышающие тебя и пред многими другими, должны только приносить жене твоей честь и пробуждать в ней сорадование, а не быть, напротив, причиной личного унижения ее пред тобой и поводом к ее печали. Для нее дороже то, чтоб ты был добрым, любезным мужем, чем ученым только или знатным по должности. У нее есть чувство, в силу которого она сознает свое недовольство твоим горделивым обхождением, пусть в обхождении и не будет еще явно-оскорбительных слов. У ней есть и свои достоинства, хоть невысокие пред людьми, но, может быть, приятные Богу. Ты пренебрегаешь ею, не удостоиваешь ее настоящего или личного имени («жена, хозяйка, старая, ты и ты...»), но она разделяет с тобой жизнь, она первая будет у твоей постели, если Бог посетит тебя болезнью. Еще хуже, если ты, и не имея особенных преимуществ, горделив пред нею только потому, что ты муж, что лицо старшее над ней. О, великодушный муж! Лучше смирись пред твоею женою и уважай ее не только как человека и ближнего твоего, но и как друга твой жизни! Поверь, что нежная и признательная от природы душа ее в высшей степени расположена любить тебя, если ты будешь постоянно оказывать к ней знаки внимания, будешь стараться заслуживать ее уважения.

Жестокие побои жены

«Мужья, не будьте суровы к женам» (Кол.3:19). Если жена и виновата, если она ведет себя в чем-либо слабо или чем-либо крайне досаждают, доходит до побоев ее худое дело. Кто прибегает к побоям, тот уже не оставляет в запас никаких других средств к исправлению слабой или злой жены: это последняя, с его стороны, мера. Но, вместе с тем, эта мера неверная: побои, более, ожесточают жену и, скорее, унижат ее в глазах ее самой, чем исправят; суровостью и жестокостью не исправишь жены, особенно от увлечения, например, от неверности (демон не изгоняет демона). А как же эта мера несообразна с таинственным значением христианского брака! Муж – глава жены, как и Христос – глава Церкви. Но некогда Церковь (т.е. люди) была же порочна и казалась неисправимою, однако Христос не обращался к насилию или чрезвычайным казням для нее, но старался пересоздать ее, исправить и простил все ее вины. Свои заботы об исправлении Церкви, об ее святости и непорочности, Господь показал даже до того, что *«Себе предаде за ню»*. Если же жена и неисправима в своих пороках или в злом характере, нужно смотреть на это, как на особенный «крест» в жизни, а не истязать ее. Впрочем, всего чаще побои вызывает не жена своим поведением или грубым характером, а сам муж нападает на нее по поводу собственной какой-либо вины. Вот, например, жена в горести своей упрекает его развратною жизнью, а он ударяет ее. Жена или не может ничего дать ему на вино для удовлетворения его страсти, или не желает дать, а он требует непременно, чтоб нашла и дала ему денег, и бьет ее за то только, что она не имеет денег или же удерживается дать. Спросят: «не виновна ли в самом деле жена в упорстве пред мужем в этих случаях?» Нет, она не упорствует пред мужем, а только не хочет быть участницей его пороков, противницей закону Божию. Значит вины ее в этом случае нет. Вообще, муж, бьющий или истязаящий свою жену, уже не друг ее жизни, не своя она ему в таком случае, и не составляет для него собственной плоти, которую бы он естественно должен был

питать и греть (Еф.5:29). Какое после этого унижение для обеих сторон! какое безнаказанное самовластие мужа! Муж-бийца поступает не лучше того слуги, который ниже всех в доме и которого никто не боится, но который имеет у себя в распоряжении одно только живое творение (например, лошадь), и на этом-то творении вымещает всякую досаду свою. Пусть муж преобладает над женой грубою (физической) силою; пусть жена слабее его. Но эта слабость должна бы побуждать его к защите жены, а не быть поводом к жестокому и зверскому притеснению ее¹⁹³. Не для того же молодая, например, жена оставила отца, мать и все родство, чтоб терпеть одни оскорбления от мужа. – О, благоразумный муж! помни, что жена столько же по своей природе и чувствительна, восприимчива к огорчениям и обидам, какие сделают ей, сколько способна быть любящей и преданной, когда обращаются с ней дружелюбно. Итак, будь осторожен, чтоб не вооружить ее против себя жестокостями. Тогда трудно будет для тебя восстановить дружелюбные отношения ее к тебе!

Непропитание жены с оставлением на ее опеку и детей

«В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт.3:19): эта речь относится к мужу. Значит мужу назначены в жизни более тяжелые труды, из которых уже, как из готового материала, жена должна вырабатывать все нужное для дома. На нем лежат самые главные заботы по дому. Естественный долг его пропитывать и жену, а тем более заботиться о детях. Не убожит ли себя после этого такой муж, который еще не пробудился утром, а жена наработалась; который по лености никуда не выйдет из дома, или по нетрезвости ничего не приносит домой с должности или от ремесла, а жена постоянно в трудах, везде одна хлопочет то по делам самого мужа, то за малых детей, наконец, как бы и обязывается приготовить самому мужу кусок хлеба? Что же после этого муж для своей жены? Одно имя... Во имя-то мужа иной, действительно, требует от жены и стола. Нет; ты, муж, как «сила», должен и малые нужды твоей жены (только бы они не были прихотью) принимать на свою опеку и заботливо удовлетворять их! Ты должен по возможности обеспечить жену и на случай ее вдовства!

Отношения жены к мужу

Нарушение заповеди: «жена своим телом не владеет, но муж» (1Кор.7:4)

Муж и жена по закону составляют одну плоть. Итак, относительно супружеского совокупления тело жены принадлежит мужу, но и над телом мужа имеет власть жена, кто бы он ни был по своему званию или образу жизни. Выходит, что муж и жена здесь господа один над другим, и вместе – рабы друг другу. В других случаях муж имеет преимущество, а здесь нет. Воля одного лица в настоящем случае должна сообразоваться с волею другого. Уклониться от совокупления в известный раз может кто-либо не иначе, как *«только по согласию»* (1Кор.7:4). А затем, надолго оставаться свободным от совокупления, если оно позволяется и физически (при здоровье) и нравственно (не во время говенья и приготовления к Тайнам Христовым), – так оставаться может одно лицо только дотоле, пока не последует требования со стороны другого. Тут добродетель целомудрия и награда за эту добродетель не относятся к одному, но к обоим, и одно лицо без другого не может на сей раз сделаться добродетельным: чудная зависимость, и смиряющая, и возвышающая мужа и жену друг пред другом! Только порока невоздержания уже не разделяет другое лицо, которое желало бы быть воздержным, но подчиняется невоздержанию первого лица. Апостол Павел, будучи сам девственником, по долгу учителя христианского вошел в это дело между мужем и женой, и сказал им: *«не лишайте себя друг друга»* (1Кор.7:5). Слово «лишать» значит брать что-либо против воли, насильно; как, напротив, что берется у человека с согласия его, того нельзя назвать лишением. Правда, эти слова Апостола не закон, но «совет»; не обязанность какую они внушают, так что непременно или часто должны муж и жена между собой совокупляться, но только извещают о таком деле, которое предоставляется свободе супругов, которое сами супруги должны между собой устроить. Законом же, или, вернее сказать, нарушением закона, это дело становится тогда, как одно лицо будет противиться: тогда уже и

грех, и осуждение за грех. Но заповедь: «своим телом не владеет» высказывается прежде к жене. Почему же? По многим причинам. Жена стыдливее, чем муж: словесного требования относительно супружеского ложа она не выскажет, хотя и остается недовольна уклонением от нее мужа. Она, действительно, более расположена хранить воздержание и так, вообще, и ради опасности рождения детей, которого тягость преимущественно к ней относится, и еще потому, что половые ее наклонности, раньше пробуждаясь, раньше и охлаждаются (муж же – распространитель потомства). Но самое главное: она-то более здесь погрешает, – и погрешает не в видах богоугодного воздержания, а чаще всего злоупотребляя полным на сей раз равенством со своим мужем и добиваясь угодливости себе с его стороны, она отвечает несогласием своему мужу на супружеское предложение. Но что же? Будто она хочет чем-то особенно одолжить его, если согласится с ним; будто собственность какую она здесь уступает; будто с ее стороны может быть в настоящем случае торг какой или договор, например, за обнову. Дотоле волей или неволей покорная мужу, она начинает величаться пред мужем, дорожить собой, заметив в нем плотское пожелание. Горделивость ее доходит даже до того, что каждый раз, как почувствует себя оскорбленною чем-либо со стороны мужа или получит отказ в какой-либо вещи, – первую угрозою или местию объявляет, «чтоб муж не касался ее, чтоб не знал ее, и едва не клятвой подтверждает эту угрозу». Не нарушение ли это закона? не оскорбление ли это прав мужа? И что же отсюда происходит? Покаяняя себе на минуту мужа, горделивая жена во все остальное время подпадает гораздо большей зависимости его, чем следовало бы. Она теряет в глазах мужа доверие, как человек изменчивый в своих отношениях, как готовый при случае досадить и отомстить. Она отравляет чувство наслаждения супружеского при совокуплении, между тем, как это чувство вложено в природу человека Богом же. Она, наконец, в случае решительного бегства от мужа во время законных требований его или только по причине разных упреков ему в эту пору доводит его до падения с посторонним лицом.

Тогда сбываются слова: *«чтобы не искушал вас сатана воздержанием вашим»* (1Кор.7:5) ...

Но, если иная жена и по истинному воздержанию, ради жертвы Богу, уклоняется от своего мужа, – и тут она поступает неправильно; потому что единомушие в супружестве важнее всего: коли нарушена будет любовь, начнется раздражение – брань со стороны мужа, – какая польза от воздержания и от самой молитвы? Можно достигнуть победы над пожеланиями мужа в пользу души только просьбою, убеждением, а не с боем и с гневом. Итак, во всех отношениях виновна жена, если уклоняется от супружеского ложа. Пусть для нее ни по чем доброе мнение о ней мужа; пусть она не дорожит привязанностью к ней мужа, для которой могло бы быть или началом, или возобновлением супружеское сообщение. Но ужели и смертный грех мужа (прелюбодеяние), допускаемый из-за нее, не потрясет ее духа? О, сколько слабых мужей пали от этой неумной и незаконной уклончивости в ложе жен! – Жена-христианка! ни противоречий, ни упреков каких-либо мужу не должна ты выражать при супружеском совокуплении. Если бы ты и была недовольна мужем, не время тут высказывать недовольство. Ты должна по закону исполнить желание мужа, а не по особенной какой-либо от себя милости или уступчивости. Коли сделалась женой, то и должна выполнять обязанности жены. Дождаться упрашиваний со стороны мужа или договариваться с ним, или спорить по случаю совокупления – это, скорее, свойственно наемной женщине, чем законной жене. Довольно для тебя одного слова или намека со стороны мужа на сей раз, чтоб исполнить его желание и твою супружескую обязанность. И, покоряясь молчаливо желанию мужа, ты не должна выражать что-то неприятное или какое-то гнушение по поводу супружеского совокупления. Вспомни, что в древности Енох и после того, как имел от жены своей сына – Мафусаила, взят живым на небо (Быт.5:24), как величайшей праведник. Наконец, и не считай неуместными эти наши советы тебе. Нет; они очень уместны, коли слово Божие предлагает их. Они очень необходимы, коли непонимание и неисполнение их угрожает

раздором супружеским и падением в смертный грех со стороны второго лица.

Искание и достижение господства над мужем и во всем доме

«А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем» (1Тим.2:12). Господствование жены над мужем неестественно. Муж старше жены по сотворению. Он является как нечто основное, а жена как нечто последующее. Он творится самостоятельно, а жена, как бы младенец от матери, уже родится от него, получает свою жизнь из ребра его (взамен утробы матерней). В этом смысле она называется в слове Божиим «останком духа» мужа (Мал.2:15). Притом, не муж создан для нее, а она сотворена по потребности его, чтоб быть ему в сообществе с подобным. Как же после этого ей присвоить первенство над мужем, если и с первого раза того не было, напротив – вначале же выразилось ее зависимое и подчиненное положение? Затем, муж и телом, и душой, старшее преобладающее лицо над женою. Тело у мужа крепкое до грубости, а у жены нежное, частью сходственное с нежным сложением дитяти. (Важное здесь и рост; жене нравится в муже большой рост, сравнительно со своим ростом; и – естественно. Жена высокого роста, а муж низкого: это неприятно для глаз и для чувства). В душевных силах и способностях муж тверд, самостоятелен. На этот раз он отличается рассудительностью и, между прочим, рассматривает предмет в целом, жена же обладает более памятью и воображением, быстрым, но не глубоким взглядом на предметы, особенным чутьем к частностям в делах (отсюда понимание ею тонких приличий); в ее суждениях более чувства, чем мысли, в действиях – более подражательного, чем самостоятельного; самое чувство ее хоть живо, сильно (отсюда слезливость), но не столь продолжительно, как в муже. В отношении дома и семейства муж «голова и руки», а жена только «грудь или сердце». Словом, жена по всему своему виду уступает мужу. Если муж создан по образу Божию и по подобию, то она создана как бы уже по образу его и потому есть образ образа. Муж преобладает над ней силою, смелостью, духом, волею или характером. Он

носит в себе какое-то «внутреннее могущество» над ней и выражает сознание своего господства. Как же в виду всех этих качеств его жене желать управлять им? Не значит ли это желать, чтоб нижнее было верхним, тело сделалось вместо головы? Нет; гораздо естественнее для жены повиноваться мужу, находиться под его защитой и управлением: это будет составлять «честь и достоинство» ее. – Затем, к естественной зависимости жены от своего мужа по истории присоединилась зависимость нравственная: *«он будет господствовать над тобой»* (Быт.3:16), сказано было Еве, которая согрешила прежде и была уже виновной, тогда как Адам некоторое время еще оставался невинным. С восстановлением падшего человечества искупительною жертвою Христовою это нравственное подчинение жены мужу приняло совершенно иной вид, но не прекратилось. «Всякому мужу (сказано) глава Христос, жене глава – муж, глава же Христу – Бог» (1Кор.11:3). Высокое учение! Начнем разбор его с последних слов. И Христос имеет над Собой главу. Какую же? Равный Богу Отцу по существу или по природе (Флп.2:6), Он, в тоже время (так как принял человечество и исполнял дело спасения человеческого на земле), подчинялся, как Богочеловек, Отцу, «пославшему» Его (Ин.8:29 и др.). Затем, Сам же Он – глава мужу; потому что покорил Себе и горделивый дух мужа своим евангельским учением (1Кор.15:24) (в обширном смысле, без сомнения, Христос – Глава всей Церкви). Наконец, муж глава жене. Как уже мы сказали, жена совершенно равна мужу по общечеловеческим правам, или по природе, подобно тому, как Отец и Сын в божеской природе лица равносильные, равночестные. Равна жена мужу тем более по духовным и христианским правам: и вера, и благодать, и всякая духовная помощь, – все у ней также от Господа, как и у мужа, и сообщается ей не от мужа, а богоучрежденным порядком. И ее глава также Христос есть. Но за всем тем равенство ее с мужем во Главе Христе не уничтожает ее подчинения мужу, как и подчинение не уменьшает равенства в Господе. Муж с этой христианской точки зрения есть нечто такое в отношении к Главе-Христу, как иные члены в теле имеют более прямое

отношение к голове, а другие посредственное, или как Апостолы и священство в Церкви прямее относятся ко Христу, чем прочие члены в Церкви, или православные христиане. Муж есть глава и представитель своего христианского семейства. (Далее, вообще о главенстве мужа в слове Божиим говорится: «муж образ и слава Божия.., жена же слава мужу есть» (1Кор.11:7), т.е. образ Божий отображается в жене через мужа, именно в смысле «господствования» (Быт 1:26), о котором идет наша речь. Сила и могущество от мужа уже переходят на жену, например, по управлению домом. Как лупа светит через солнце (при венчанье кольцо жены по уставу должно быть серебряное, означающее как бы луну, а перстень мужа должен быть золотой – в знак светящего солнца): так скажем по простой, но разумной пословице: «жена красна мужем», хотя, в то же время, *ни муж без жены, ни жена без мужа в Господе* (1Кор.11:11).

Итак, не к разрушению ли намерений Божиих может вести главенство жены над мужем и во всем доме? Да, повторим еще: жене вполне свойственным должно казаться покорение себя мужу, а также сознание, что без мужа она беспомощна, что муж ее опора. Это покорение для нее нисколько не будет тягостно, если будет «как прилично в Господе» (Кол.3:18). Но лишь только жена будет искать и, действительно, достигнет первенства над мужем, тотчас внесет беспорядки и в собственную жизнь, и во весь дом. Печальный пример на этот раз показала первая жена: коль скоро Ева решила поступить самостоятельно, не посоветовавшись с мужем, то и прельстилась по действию злой силы (1Тим.2:13–14). Те же неурядицы видим и ныне, где управление бывает женское, а не мужское, как, прежде всего, между ними двумя, мужем и женой, так и в доме, так, особенно, в делах служебных или общественных. (Мало ли неприятного и смешного видим, когда жена за мужа распоряжается по службе или, когда только лишь вмешивается в дела служебные, подает свой голос в присутствии лиц посторонних). Нет! Сколько бы и сама жена не старалась возвысить свои права над мужем и другие, доброжелательные к ней, ни усердствовали улучшить ее значение в сравнении с мужем (проповедуя женскую

эмансипацию), но, если это возвышение и улучшение ее предпринимаются помимо христианства, или не в духе веры, всегда выйдет в нем односторонность, какая-либо недостаточность со вредом самой же жене. Но скажут: «муж, может быть, слаб характером или поведением своим: не лучше ли ему быть под управлением своей жены? По своему не образованию, а то и по недостатку способностей от природы, он совсем не заслуживает, чтоб ученая и способная жена повиновалась ему». Напрасно. И слабый муж (кроме нравственной слабости) будет тверже самой крепкой по характеру жены. Слабость пола в жене, пусть она будет и очень находчивой сравнительно с мужем, раньше или позже скажется: умер муж, и жена сознает в нем потерю своей силы и защиты. Впрочем, и здесь, как во всем, виновна, между прочим, цель. Пусть и будет влияние жены на мужа. Но только пусть оно будет не по гордости и честолюбию, а по искренней цели вести слабого мужа к добру: тогда оно в высшей степени похвально и желательно. О, жена-христианка! Избегай, избегай заносчивости и распорядительности над своим мужем. Характер покорности и любви, слово смягчающее, иногда же и умоляющее, а не власть и высокомерие – вот твое преобладание над мужем!

Усиление каждый раз раздора с мужем

Это бывает, когда жена:

1) не хочет смолчать перед мужем на его справедливое замечание, или, когда отвечает на его колкости (допустим его вину) новыми колкостями (неуступчивость);

2) в другое время молчит по целым дням, не садится вместе с ним обедать, чувствуя какую-либо обиду или, опять, огорчившись только справедливым взысканием его (тупое упорство);

3) делает ему наперекор там, где нет никакой нужды противоречить и не представляется никакого вреда сделать по его желанию;

4) никогда не хочет сознаться перед ним в своей вине, всегда остается недовольна своею участью в супружеской жизни;

5) если же муж хочет доказать ей виновность ее, убедить ее в чем-либо, тем более, спорит, припоминает старое и упрекает его старым, словом – от вразумлений и увещаний не только не смягчается, напротив, еще более ожесточается;

6) сама допустив какую вину, сама наговорив или сделав обидное мужу, прибегает к слезам и считает себя угнетенною, между тем, как муж и не думал угнетать ее;

7) не хочет приготовить по желанно мужа или к урочному часу все нужное для него после трудов и т. п.

После нарушения мира с Богом раздор супружеский есть первое зло: потому что ни с кем из людей не дорог так мир, как у мужа с женой. Потрясите основание дома, и весь дом буде разрушаться. Так и в супружестве, любовь и согласие – основание всему. От раздора здесь происходят вред здоровью, расстройство духа, потеря сна. Этот раздор отзывается неприятно и со вредом на всем доме, например, на прислуге. Следы его муж носит с собою везде: дух его отражается и на делах по службе мужа, на отношениях к другим в общежитии. Но и опять, тяжело возвратиться мужу домой, где ожидают его или только упорное молчание жены, оскорбившейся ничтожным чем, или злой крик, брань ее. Тогда припоминаются слова,

сказанные в сильной горести мужа: *«лучше жить со львом, нежели со злою женою»* (Сир.25:18). Наконец, раздор супружеский тяжел с духовной стороны, потому что препятствует молитве. Апостол Петр, сам имевший жену, после наставления благоразумно обращаться с женами, говорит: *«дабы не было вам препятствия в молитвах»* (1Пет.3:7). Когда жена раздражает своего мужа, когда на одно слово его отвечает десятью, когда одной минуты или одного слова со стороны мужа не по ее сердцу достаточно, чтоб из тихого и доброго состояния духа перейти ей к гневу и укорам, тогда оба они непокойны. В таком случае, сколько бы они ни молились, – молитва их будет малополезна, если не совсем напрасно: молятся они, а сердца их кипят гневом. Или, хотел бы муж обратиться умиленным духом к Богу, а враждующая жена на глазах, и, таким образом, сердце его смущается. Другой человек, с которым произошла размолвка, далек от глаз и легко забывается, а здесь напоминание о раздоре ежеминутное. О, добрая, добрая жена! Положи себе правилом: тотчас прекращать начинающийся или следовавший раздор с мужем. Наделенная от природы мягким сердцем, ты первая, после своей ли вины или обиды со стороны мужа, – первая произноси к нему мягкое слово. Муж великодушен и незлопамятен: он тотчас смягчится к тебе. Не накликай сама на себя неприятностей и страданий своею нетерпеливостью и упрямством. Будь вовремя молчаливой пред мужем, и – тогда муж увидит в тебе дар Господень (Сир.26:17). Будь вместо дерзкой – стыдливою, и тогда благословение на благословение сознает он чрез тебя (Сир.26:18)¹⁹⁴.

Безучастие и несочувствие к трудам мужа

«Сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт.2:18), вот первоначальное назначение жены; и у апостола Павла между необходимыми качествами и обязанностями семейной женщины указывается «управление домом» (1Тим.5:14). Этому предназначению жены соответствуют ее природные способности и расположения. Она способна добавить то, чего не может сделать муж. Господь Бог премудро разделит труды мужа и ее занятия. Муж не ко всему способен: иначе, т.е., если б мужчины и к женским занятиям вполне были способны, был бы повод пренебрегать женским полом и считать его излишним. Тогда как мужу определена деятельность более высшая и существенно-необходимая, на долю жены достаются дела меньшие, внутренние заботы о доме. Муж более умное – то может сделать, между тем, как для менее умного, каковы дела по хозяйству, меньше способен. Жена же по природе способна заниматься хозяйством, умеет вникать во все подробности хозяйственных дел, да и особенно терпелива в этих делах. Посему жена-хозяйка – это естественный человек, приятная личность. Только бы она, сама ли по себе или же по требованию мужа, не отдавалась хозяйской работе до многопопечительности Марфы, чего не одобрил Спаситель. Только бы по своей ли воле или же невольно – не поработала себя домашним хозяйством до такой степени, что, тогда, как муж ее и одевается хорошо, и приходит по воскресеньям в церковь, она не имеет у себя приличного платья, во все воскресные дни и годовые праздники ради своего хозяйства остается дома (бывают такие примеры даже и у людей состоятельных). Впрочем, не для всех жен хозяйство может быть исключительным делом. Есть такие, которые несут другие занятия на пользу ближнего, например, по обучению в школах детей, по наблюдению за женскими школами, по делам общественной благотворительности и т. п. Мы говорим, собственно, о брезгливости жены к хозяйству, между тем, как нет для нее другой внешней и более благородной деятельности.

Уклонение от попечительности по дому (не говоря о потерях экономических) не приносит пользы здоровью, вредно отзываясь и на нравственной стороне жены. Да; неделовая, не занимающаяся домом и хозяйством, жена, частью, и нравственно падает. Она склонна к праздности, к болтливости, к пересудам и к тому, чтобы ходить по чужим домам (Тим.5:14, снес. 2Фес.3:11–12). Она считает для себя унижительным разговор о состоянии кухни и погреба, о том в какое время лучше бы запастись известными жизненными предметами, между тем, как этот разговор был бы лучше многих других разговоров для нее. Она поздно поднимается от утреннего ложа, между тем, как муж с раннего утра на деле, заботясь (кроме пользы обществу) устроить и дом, пропитать семью. Она или только посылает мужа на труд, сама отправляясь в гости, или и труда его не ценит, называя его труд «привычкою, пристрастием», или, наконец, нисколько не жалеет его после трудов, после усиленных занятий. Неоправдание при этом для жены, если, по-видимому, нет никакой нужды ей заниматься по дому и хозяйству или не требуют занятия мужа с ее стороны облегчения; например, дом обеспечен управляющими и слугами, а муж (*имеет*) своего рода помощников по должности и свою прислугу, которая приготовляет для него все. Нет; умная и трудолюбивая жена всегда найдет занятие по дому и для того, чтоб чем-либо облегчить трудящегося мужа. Она и поможет мужу собраться на службу, и проводит его туда, и встретит его со службы. Тогда мир ее с мужем не нарушается, и муж идет в свой дом каждый раз с душевным удовольствием: приятнее своего дома в таком случае он и не находит. О, жена-христианка! не пренебрегай же хозяйством, хоть бы оно и не имело иногда красивой обстановки. Тогда будет более сберегаться приобретаемое мужем, вся семья будет в большем довольстве, для самой прислуги веселее вести свое дело. Тогда твоя попечительность в маленьком мире дома-семьи («есть хозяйка в доме, и – все хорошо») как бы будет напоминать о промысле Божием, который управляет целым миром. С каким уважением и сочувствием останавливаешься всегда вниманием на труженице по хозяйству, жене крестьянина! Тут видишь

картину той достойной хозяйки, которую прекрасно изображает Соломон (Притч.31:10–31).

Траты в обременение мужу

«При худой жене хорошо иметь печать» (от злой жены хорошо запечатывать все). «И делай всякую выдачу и прием по записи» (что даешь ей, все записывай) (Сир.42:6:7). Главный приобретатель в доме есть муж. Доля жены по содержанию дома и семьи легче: жена раздробляет на части уже готовое. А мужа тяготит забота приготовить целое. Когда не достает чего в доме или вышли какие запасы, тогда первый вопрос к мужу. Его долгом признается найти средства к жизни домашней и семейной. Поэтому его трудовые рубли и копейки должны бы быть дороги для его жены, если она истинная подруга его жизни. Много-много трат в доме: а в ответе один муж. Между тем, иные жены и не берегут, что есть, и тратят на то, для чего нет ничего. Они берут деньги у мужа часто и тайком, и употребляют их на пустое, будто эти деньги не обоюдная их собственность с мужьями. Они идут в лавки и магазины, и там покупают многое в долг, будто оплачивать эти долги будут посторонние, а не их мужья, будто счет по этим долгам минует их мужей. Нет, жена-христианка! не обременяй ты мужа излишними расходами и тратами. Лучше и из того, что уже определено употребить в расход, берегай, старайся делать остатки, предъявляя их своему мужу. Тогда не будет одного из поводов, и особенно сильного, к раздору супружескому.

Решимость на жизнь мужа

Жена превосходит мужа силою чувствований вообще, и в любви особенно. Это верно. Но, злоупотребляя силою чувства, она столько же начинает ненавидеть известное лицо, сколько любила его; так точно и в отношении к законному мужу. В чувстве ненависти и мщения на что она не решится, если в душе ее нет веры и страха Божия. И вот, отсюда чаще бывают примеры мужеубийств, чем женоубийств! Но так как у жены недостаточно физической (грубой) силы, то является особый способ к умерщвлению мужей. Развратная или злая жена посягает на жизнь своего мужа тайно, посредством отравы. Несчастливая! Восставая против жизни своего мужа, она восстает и против самой себя, потому что жизнь мужа и жены должна быть нераздельною. Она и мужеубийца, и, как бы, самоубийца. Ее преступление немного только меньшее отцеубийства, страшнейшего из всех грехов человеческих, и больше детоубийства. Ничто не извиняет ее преступления: ни сговор других злонамеренных людей отравить мужа, ни непонятная будто бы нелюбовь к мужу, ни побои и притеснения с его стороны. Решаясь совершить преступление, она должна была бы спросить себя: «на чью же жизнь посягает», и естественное чувство устрасило бы ее. – Итак, горе-горе жене, которая так сгубила своего мужа!

Относительно вдовцов и вдовиц

Чрезмерная печаль о чете или, напротив, забвение

Безутешные слезы по случаю вдовства показывают недостаток веры в будущее воскресенье и свойственны «не имущим обетования» (1Фес.4:13). Они бесполезны, потому что факт уже последовал, воля Божия совершилась. Когда только болел тяжело муж (или у мужа жена), тогда скорбь, слезы были еще своевременны (2Цар.12:23); потому что могли умиловить Бога и быть как бы выкупом за близкого к смерти. А затем, печаль может ли изменить обстоятельства? Она только ослабит телесные силы, отвлечет от должностных или хозяйственных занятий, хотя в меру всегда уместна. (Мужья же иные, овдовев, выражают свою печаль тем, что начинают упиваться вином. Но, если они любили своих жен, то для духа умерших большое беспокойство, что смерть последних сделалась поводом к их слабости). Тем более безутешные слезы не одобряются, если льются не ради умершего мужа или умершей жены, но о собственном горе вдовства, иногда же и для вида, чтоб не показаться холодным или жестокосердным к умершему (отсюда причитанья у гроба или на могиле покойника). Но с другой стороны, как постыдно не трогаться смертью своей жены или мужа, злопамятствовать на них или поминать их злом, никогда не посетить их могилы! Будто жена для мужа или муж для жены был человеком посторонним, которого стоило уважать, пока он оставался жив, пока можно было извлекать из него какую-либо пользу. Нет! Доколе еще не принят новый брак или нет совсем желания и самой возможности принять его, доколе должно быть живое воспоминание об умершей жене или об умершем муже, как и само родство с родственниками умершей четы во все это время не прекращается. Авраам и оплакивал умершую Сарру, и много хлопотал о могиле для нее: он приобрел себе собственную землю, чтоб не могли другие беспокоить праха его жены (Быт.23). – Вдовцы и вдовицы! По случаю своего горького вдовства, особенно в первые дни его, не спешите задаваться вопросами: как вам жить в одиночестве? Когда можете забыть

свою потерю? Предайтесь воле Господа, и Он укажет вам пути жизни, и облегчит ваше горе! Не останавливайте течение ежедневных ваших занятий по должности, по дому, по кабинету своему: это наилучшее спасение вам от полного упадка духом. Но и любите вспоминать в душе и в разговоре умершую свою чету. Эта любовь ваша будет иметь особенное достоинство; потому что в ней уже нет никаких расчетов или видов.

Неусердие помянуть за упокой чету

Поминовением за упокой облегчается участь человека за гробом и даже изводится душа его из мук ада, если находилась в аде. У мужа и жены бывает много совместных грехов в этой жизни и нередко один из них доводит до греха другого. Следовательно, вдовец, молясь за умершую жену, молится как бы и за свои грехи (равно, и вдова). Во всяком случае, где же любовь супружеская, если не хотят помолиться за умершую чету? где милосердие к умершей или умершему, если отказывают им в том, что могло бы облегчить их тяжелую участь за гробом, наконец, и доставить им вечное блаженство? Не жалеют же поставить над могилой дорогой памятник: видно, памятником хотят прославить и себя. Но о самом-то главном не имеют заботы. Если иной муж по своему вольномыслию и не верит пользе поминовения, то хоть из любви к умершей жене уступил бы на сей раз обычаям православия, – поручил бы Церкви поминать свою умершую. – Вдовец! Если и есть у твоей жены родители, или братья, или сестры, которые поминают ее, ты сам по себе должен помянуть ее. Ничего не осталось тебе от жены, кроме ее имени, ни детей, ни имущества; но душа ее жива и с душою-то ее можешь ты сближаться посредством молитвы церковной. Не покидай же и за гробом друга твоей жизни. Вдовица! кому же ближе помянуть твоего мужа, как не тебе? Кто напомним и друзьям его, что был такой-то друг у них, если не ты в своем трауре при сорокоуственном поминовении и во все остальные годы при службах вселенского поминовения с заупокойною просфорою в руках и с молитвою в сердце. Кто, как не ты? О! если и муж не поминает за упокой своей жены за литургиями, и жена не придет в церковь помянуть своего умершего мужа, тогда не все ли равно, что эти умершие были бессемейными и безродными?

Неусиление в себе духа веры и молитвы, особенно свойственных вдовам

«Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога» (1Тим.5:5); «та вдова (сказано об Анне) ... не отходила от храма... постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк.2:37). Для вдовых правила жизни полагаются более строгие. Почему же? Например, почему вдова должна жить верою в Промысл Божий больше, чем другие? Потому что над ней опека Самого Господа Бога, так что Господь называет Себя *«судьею вдовиц»* (Пс.67:6). Вообще, вдовцы и вдовицы столько почтенны пред Богом, столько любезны Ему, что чрез них Он мирится с людьми, которые сделались ненавистны Ему по своим грехам и не имеют никакого оправдания в своих грехах; так некогда Он на виновных евреев произнес угрозу: *«Я закрываю от вас очи Мои ..., Я не слышу...»* и после этих слов тотчас прибавил: *«вступайтесь за вдову... и грехи ваши...как снег убелю»* (Ис.1:15,17:18). Ради вдов Апостолы установили в свое время особую должность *«диаконис»* (1Тим.5:9). Или почему вдовый человек должен усиливать свою молитву в сравнении с другими? И по избытку у себя времени, или по беспрепятственности семейных обстоятельств для большей молитвы; и потому что он, часто не имея никакой опоры в жизни, надежную опору может найти только в Боге. Итак, вдовец и вдова вовсе не понимают своего состояния, если не думают жить верою в Бога и не отдают себя подвигу молитвы. Как девство само по себе еще не достигло своей цели для известных пяти (юродивых) дев, так и одно имя вдовца или вдовицы при самой чистоте их вдовства еще недостаточно для полноты Божиих преднамерений о них. *«Была усердна ко всякому доброму делу»* (1Тим.5:10) говорится об истинной вдовице: то же, конечно, следует сказать и о вдовце. – Честные вдовцы и вдовицы! Ваше вдовство страшно горькое событие в вашей жизни: немногих это несчастье посещает. Но вы не забыты Богом, напротив, вы в особенной памяти и любви у Бога, если только усиливаете свою веру и молитву, если

вообще свидетельствует – отличаете себя богобоязненной жизнью. К богобоязненности вы призываетесь, преимущественно, пред другими, в ней благой «путь» для вас, *«по которому мне идти»* (Пс.142:8). Подражайте же святым вдовцам, например, Иосифу обручнику, и вдовицам, например, вдове Сарептской. Как Пресвятая Дева никому другому не была поручена, кроме честного вдовца Иосифа, так и Илия пророк ни к кому другому не был послан, *«только ко вдове в Сарепту»* (Лк.4:26). Зато сколько же тот и другая из этих вдовых показали в себе веры в Промысл Божий и доброты к ближнему, первый – приняв в свой дом Святую Деву, не имеющую у Себя родителей, а вторая – не отказав пророку во время голода и в последнем куске своего хлеба (3Цар.17:12)!

При вдовстве наряды, роскошь и хождение на мирские увеселения

«Иудифь сделала для себя на кровле дома своего шатер, возложила на чресла свои вретиче, и была на ней одежда вдовства ее ..., (несмотря на то, что) «муж ее ... оставил ей золото и серебро» (Иудиф.8:5:7); «а сластолюбива – заживо умерла» (1Тим.5:6). Вдовство – еще повторим – есть печаль и крест в жизни: для молодых же или только для пожилых людей – это самый тяжелый крест. Итак, когда вдовец бывает в светлом платье или вдова вся разряженная, когда они любят во всем роскошь и ходят на мирские увеселения, например, на балы, в театры, на свадебные пиры, тогда и понятно каждому, что для них как бы нипочем несчастье, которым посетил их Бог; понятно, что они не скучают о своих четах. Если одна половина на том свете, не естественно ли другой переноситься мыслями туда же? А главное: бытность вдовца или вдовицы на мирских веселых собраниях, особенно на браке, раздражает их, живее напоминает им об их одиночестве, и после всего этого или только возбуждает их к зависти, или соблазняет к нарушению вдовьего целомудрия. Сколько пало вдовцов и вдовиц от такого именно образа жизни! Но скажут: «ужели запрещается всякое развлечение вдовым? зачем и еще увеличивать их горе отказами во всем? Развлечение безвредное, как например, прогулка, свидание с родственниками, и никому не вменяется в вину. Но для чего же вдовцы и вдовицы потемняют золотой свой крест? Они уже близки к великому венцу, потому что терпят великое посещение Божие, потому что доля их в жизни очень нерадостная. Еще немного – немного терпения и лишений, и – они были бы верными наследниками царства небесного. – Нет, честные вдовцы и вдовицы! Не для вас существуют мирские увеселения. Вы должны покончить с ними или, по крайней мере, если вы молоды и намерены вступить в новый брак, не раздражайте себя ими до времени.

Решимость на второй или третий брак

«Если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет» (1Кор.7:39–40). Значит запрещения вступать во второй и третий брак нет. Для чего же и возбуждаем мы вопрос о второбрачии и троебрачии, будто о чем-то недостойном православного христианина? Все-таки второй брак, нисколько не составляя блудодеяния, как, напротив, учил один из древних еретиков (Новат), есть снисхождение к немощи человеческой, неготовность посвятить себя в остальные годы жизни строжайшему целомудрию «если не могут воздержаться», сказано (1Кор.7:9). Чтоб смиренно сознавалась пред Богом эта неготовность нести подвиг строжайшего целомудрия, Церковь назначает второбрачному и троебрачному епитимии, первому – годовичную, а второму даже до пяти лет (Вас. Вел. 4). Облегчение этих епитимий, если не отмена, зависит и от семейных обстоятельств, извиняющих решимость на второй или на третий брак. Церковь строже относится к третьему браку при таком условии: если троеженцу более сорока лет (следовательно, для него прошли годы, особенно пылкие для плотской страсти) и, если у него есть дети от первых двух браков (следовательно, достигнута им первая и благороднейшая цель брака «деторождения» (Номок. прав.52), или «потомства»). Не запрещая второго и третьего брака, слово Божие и Церковь, однако, одобряют чистое вдовство: «она блаженнее, если останется так, по моему совету» (1Кор.7:40) учит апостол Павел. На чем утверждается этот совет? Прежде всего, на том же основании, что как брак хорошее дело, но девство лучше, так и второй, и третий брак, получая благословение от Церкви и оставаясь законными, однако, ниже первого или единственного в жизни брака. В существе же дела, преимущественно, вдовства пред новым браком состоит и опять в том, что вдовый человек удобнее может служить Богу и ближним добрыми делами (1Кор.7:34). Христиане первых времен, уважая целомудрие, избегали второго брака, и этому целомудрию их удивлялись язычники. Далее: хоть вдовство стоит ниже богоугодного

девства, но оно так же высоко поставляется, если бывает честным, не укоризненным. Из вдовых достойные возводятся в высокий сан архиерейский; некоторые святые, вступив в первый брак не по своему желанию, а, более, по убеждению родителей, вдовели и, как вдовы, были великими праведниками¹⁹⁵. А неприятности, которые встречаются в супружеской жизни во втором и третьем браке? сколько же их! Так, например, если будут и «вводные» дети, и дети от нового брака, тогда той стороне, у которой родятся дети от последнего брака, не желательно видеть, чтоб пользовались лаской дети первобрачные, или вводные. Но, если не будет собственных детей, а будут одни «вводные»: досадно, зачем же нет собственных детей, и эта досада чувствуется каждый раз при взгляде на «приведенных». Наконец, допустим, что и не будет такой досады, потому что нет желания иметь собственных детей, но неприятно только то, зачем вообще ласкает муж или жена свое приведенное дитя. На этот раз особенно ревнива жена. По природному свойству «все к себе привлекать, сосредоточивать», жена второбрачного и детного мужа неприятно смотрит, когда он уделяет свою любовь к сыну или дочери от прежнего брака; ей желательно, чтоб он занимался ей одной, ласкал бы ее одну. Все эти затруднения, очевидно, должны быть взвешены пред вступлением в новый брак вдовыми, которые могут так (без брака) пребыть. «Но, если же столь высоко, прежде всего, девство, а потом чистое вдовство вслед за первым браком, то дозволением и узаконением второго и третьего брака не умаляется ли достоинство девства и чистого вдовства? И, если не закон это от Бога – после первого брака больше не жениться и не выходить замуж, что же за нужда держаться апостольского совета быть вдовым? для чего же предлагать такой совет, не возводимый в закон»? Прежде на это возражение скажем, что апостол Павел высказывает свой совет не лично; но по внушению от Духа Святого «Думаю, я имею Духа Божия». Потом – тем самым, что хранить чистое вдовство до конца жизни не поставляется законом, а может вдовец или вдова и вступить во второй и третий брак, – тем еще более возвышается достоинство

вдовства. Тогда вдовец или вдовица несут на себе вдовство не как иго закона, а как жертву и дар Богу, с полною свободою. Но говорят: «иная вдова или иной вдовец очень молоды». В таком случае, оставшись добровольно вдовыми и целомудренно соблюдая свое вдовство, они наследуют тем больший венец в царстве небесном. Овдоветь в молодости несравненно тяжелей, чем в пожилых годах: на этот раз, молодую вдову, например, св. Златоуст уподобляет *«разожженной печи»*. Но в случае или бессилия, или нежелания нести подвиг целомудренного вдовства сначала и до конца, не следует нисколько стесняться вторым или третьим браком. Тогда нужно пожертвовать и всеми внешними неудобствами второбрачия и троебрачия, чтоб не осквернить своего вдовства смертным грехом прелюбодеяния, – не осквернить и хоть раз. – Итак, последняя речь к вам, вдовствующим: если ты, вдовец, еще молодых или только средних лет, или, если ты, вдовица, кроме того же благоприятного срока лет, имеешь искателей твоей руки, если вы добровольно отказываетесь от брака, а не по старости лет и другим препятствиям, и, если несете подвиг вдовства не только в целомудренной чистоте, но и с сознанием, и убеждением, то великая будет вам мзда на небе! Вы рядом будете стоять пред престолом Божиим с девственниками от матерного рождения. А, если вы не надеетесь сохранить себя во вдовьем целомудрии, то, не смущаясь, решайтесь на второй и третий брак. Но при этом и медлить вам, например, целые годы, нечего; потому что ваши годы уже не первая молодость, и отдаление второго брака будет только затруднять воспитание вами детей, могущих быть от этого брака.

Попреки при новом браке счастьем прежнего

«(Иаков) возлюбил Рахиль больше, нежели Лию» (Быт.29:30). Во-первых, эти попреки незаконны; потому что новым браком прекращается прежний. О прежнем браке, или о любви к прежнему супружескому лицу, значит, и помину не должно быть. Поэтому не следует, пожалуй, второженцу иметь портрет первой своей жены: взгляд на этот портрет естественно производит неприятное чувство во второй жене. Затем, попреками возбуждается ревнивость, так сказать, к самому праху. Например, второбрачный муж говорит своей жене, что «прежняя жена его была и красивее, и послушнее, и любезнее к нему». Но, что же выходит? От этих слов жена начинает ненавидеть ту, которой, может быть, никогда не видала, от которой ничего неприятного не встретила. Возникает соперничество – вражда к умершему лицу, между тем, как и в обыкновенной человеческой вражде более или менее мирятся с тем врагом, которого уже нет на свете. В попреках часто скрывается лукавая цель: попрекает жена из вдовых своего мужа прежним добрым мужем, чтоб новый муж больше угождал ей, больше ухаживал бы за ней. Тут еще и нет сознания своей вины пред Богом, т.е., если действительно второй муж или вторая жена хуже первых по характеру; в таком случае второбрачный человек должен бы сознать пред Богом, что он не заслужил по своим грехам лучшей подруги жизни. Наконец, укоряющее лицо вредит самому себе; потому что укоризною охлаждает к себе любовь укоряемого. Люди и без того меньше бывают привязаны к тому, чем владеют не первые, а после других (например, приятнее нам жить в том доме, который мы сами построили, чем в купленном после других жильцов). Поэтому жена, например, за вторым мужем должна бы стараться заслужить особенными ласками и добродушием любовь к себе нового мужа, должна бы помочь ему изгладить сознание, что ему принадлежит вторичное право владения, а также (если он и сам из вдовых) забыть прежнюю любимую им жену: между тем, она попреками своими и его беспокоит, и себя

отталкивает от него. – Второбрачные! оставьте же взаимные попреки прежним браком и не любите даже разговаривать о лицах прежнего своего брака. Одна только остается на вас обязанность к прежней чете: поминать за упокой первую чету, и даже – если состоите в третьем браке – и вторую. Тем более должны вы исполнять эту обязанность, если имеете от первой четы детей.

О соблазнах

Дерзкая или только беспечная открытость своего греха

«Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну» (Рим.14:13). «Преткновение» – это как камень или обруб дерева, которые лежат на дороге и за которые идущий запинается. Таковы соблазны для человека в ходе его жизни нравственной и духовной. Впрочем, «соблазн» есть нечто большее. Об иной камень можно только споткнуться, а от другого и пасть. Так, претывается человек по силе стороннего примера только в мыслях, например, сомнениями, ложными взглядами, а падает в самих делах. Иначе сказать: «претывается» составляют только то, что наводит на худые мысли или расстраивает дух, а «соблазны» – это уже поводы поощрения ближнему к тому же греху. Мы и начинаем свою речь с того, что более виновного в соблазнах, с самых дел греховных. – Человек – падшее, слабое существо. В нем (можно допустить такое исчисление) «две доли зла и одна только доля, или третья часть, добра». Отсюда, скорее, он склоняется к злу, чем к добру, скорее подражает худым примерам, чем добрым. Отсюда в слове Божиим строже осуждается соблазн, чем самый грех, от которого он происходит. Спаситель с кротостью и милосердием говорил о грешниках, которых пришел призвать «на покаяние» (Мф.9:13), а на соблазнителей произносил «горе» (Мф.18:7) и сравнивал их с тем, что лучше было бы им с камнем на шее быть брошенными в море (Лк.17:2). Грех не более как нитка, которая скоро рвется; он может ограничиваться одним лицом. Соблазн же, как длинная цепь, которая влечет ко греху других, или распространяет грех. В грехе грешник может очиститься покаянием и исправлением жизни: очистить же и прекратить соблазн, который он подал другому, не всегда властен. Таким образом, более нравственную вину имеют такие грехи, которых человек несколько не скрывает, хоть бы и не думал ими соблазнить других, а только сам по себе грешил. Так именно он поступает или по своей дерзости, или по одной

беспечности, или по неудобству скрыть свой грех, или же независимо от всего этого распространяет соблазн по особенному видному своему положению между людьми. Таковы «уличные» грехи: пьяный вид (колеблется на ногах или лежит на земле, между тем, известен всем, как должностной человек или гражданин); песни целым хором (тихо на улице, например, летом, и крик песен одного человека, а тем более нескольких, так и входит в уши каждого); пляска площадная¹⁹⁶; в особенности же, сквернословия (матерная брань), слышимое на улице не тем только, к кому оно обращено в гневе или просто в разговоре, но и многими, которые проходят мимо или сидят в домах своих; тут, естественно, бесстыдный сквернослов, будет ли он холостой человек и еще молодых очень лет, дает о себе понять другим, что ему известен на деле грех блуда, и, таким образом, в чем никто не подумал бы подозревать его, то он рассказывает на себя публично. (О, как возмутительны для нравственного чувства эти уличные соблазны, как нужно бы преследовать их общими силами!). Таковы и комнатные грехи, но более или менее открытые, как например, скоромная пища в посты, неприличные свидания с другим полом, вольные речи о святой вере и насмешки над священным, хвастовство своими скверными делами (Пс.93:4) – это странное свойство греха. «Что же (спросят), – разве тайный грешник лучше, чем явный»? В сущности дела, не желателен ни тот, ни другой. Однако тайный грешник, а особенно с совестливым преднамерением не соблазнить других, менее отвечает пред Богом. Он еще имеет некоторую власть над собой, потому что не допускает обнаружиться своим постыдным привычкам. Иное дело – злоумышленность, затаенная вражда, клеветы: на сей раз, действительно, лучше видеть явного грешника. Но в других грехах тайный грешник менее вреден и, таким образом, меньше виновен пред Богом, Он только больше вредит самому себе; потому что, скрывая свое тайное зло, лишает себя посторонней помощи к исправлению. Явный же грешник, как «антонов огонь». Путем своего соблазна он быстро распространяет грех. Хоть и не все соблазняются его грехом, но слабые, вообще, или допускавшие когда-либо тот же грех легко увлекаются его

примером. – О, благоразумный христианин! не присоединяй ты к твоему тяжкому греху новой вины – соблазна ближнему. Не обольщай себя и тем, будто никто не видит тебя и не следит за тобой, когда ты на глазах других допускаешь какое-либо постыдное дело. Поданный соблазн спеши пред соблазненными тобой загладить противоположным добрым делом.

Основание или одно одобрение основываемых увеселительных заведений и народных игрищ

«Везде оставим следы веселья» (Прем.2:9), «и похвалил я веселье» (Еккл.8:15). Это уже сознательный соблазн, намеренный вызов других ко греху. Даже и невинные, по-видимому, развлечения в обществе не совсем безопасны; потому что очень трудно не перейти в них за границу умеренности. Здесь не то, что в скромном кругу своего семейства или родства: здесь люди один другого возбуждают к рассеянности словами и примером, и обладание над собой скоро ослабевает. Здесь бывает похожее на испытание вкуса от вина: сначала вино услаждает вкус и развеселяет дух, а затем заставляет забыть приличие и доводит до забвения чести и обязанностей. Кроме того, в общественных увеселениях как скоро заводятся, так же скоро и сменяются знакомства, что делает человека непостоянным в дружестве, как и всякая перемена заманчива тем, что нравится сама по себе. Ко всему этому надобно прибавить трату времени; опущение обязанностей, опытное ознакомление со страстями человеческими или только возбуждение в себе усыпленных дотоле страстей. Что же после этого сказать о тех людях, которые, устраивая увеселительные дома и места, делают, таким образом, вызов других к увеселениям, очевидно опасным и вредным, как, например, танцевальные клубы, танцклассы, игорные дома, цирки? Не было еще в ином городе, с самого основания его, театра и народ не чувствовал же в театре нужды; но какое-нибудь распорядительное лицо в городе, или влиятельное по своему капиталу и доверию, строит театр такой величины и высоты, и на таком видном месте, что новое строение спорит с существующими храмами и даже далеко оставляет позади себя Божии храмы своей величиной. Не было особых песенников в месте проулки какой или катанья, например, на сырной неделе, и кто-нибудь придумывает построить помещение для хора этих певцов и собирает их хор. – Другие же одобряют подобные постройки, достаивают их

имени современных, полезных и изящных. Но люди, в которых довольно страха Божия, которые любят правильную (регулярную) жизнь, всегда скажут, что лучше было бы им не видеть этих поводов к излишним удовольствиям: они рады бывают, когда эти поводы (соблазны) прекращаются. Не будь человек вблизи глубокой ямы, и – тогда, если б кто и повлек его к яме, он имел бы еще время и возможность воспротивиться: а коли он стоит у края ямы, удобно столкнуть его туда. Так не будь вблизи увеселительного заведения и тогда муж-жена, даже и холостые люди, провели бы время дома. Итак, сколько же тяжкую ответственность за чужие грехи принимает на себя частный строитель увеселительных заведений и народных игрищ, строитель ради выгод своей торговли или же, единственно, с целью развлекать народ! Быть может, этот человек еще воображает себя благодетелем своего общества, да и действительно слышит похвальные и благодарные отзывы от современников. Но ах! не то он будет чувствовать, когда начнет умирать и когда «знамения веселия», его увеселительный постройки и учреждения, как памятники соблазна народного, будут оставаться после него. Тогда рад бы он был сгладить их с поверхности земли, но уже будет поздно. Перед смертью или только на закате его дней взгляд его на увеселения будет трезвее и правильнее: тогда он увидит, что все это не только «суета, всяческая суета» (Еккл.1:2), но и развращение нравов. Тогда он сознает, что задача жизни человека вовсе не та, чтоб только порядочно повеселиться на свете, что будто кто много забавлялся, тот много и жил, нет! но запас добрых, богоугодных дел: тогда он поймет, что веселье первее всего должно исходить из сердца, а не отвне, и насильственно возбуждаться. Скажут: «развлечения человеку полезны и необходимы». Правда. Но здравый смысл и христианская совесть одобряют только такие развлечения, которые освежают силы, а не истощают их, подкрепляют дух, а не расстраивают душу. – О, ты добрый христианин и верный сын Церкви! дальше-дальше будь от того, чтоб основать какое-либо небывалое народное увеселение или только одобрять постройку увеселительного дома, или изобрести

соблазнительное игрище для народа. Иначе ты положишь
тяжелый камень на твою совесть.

Издание и распространение соблазнительных сочинений, картин или изображений

«Будут лжеучители... и многие последуют их разврату» (2Пет.2:1:2). Соблазнительным сочинение признается по своему свойству и по безнравственной цели, которая имела для него. Если какое-либо описание или изображение, например, женщины в непристойном положении, делается в сочинении особом и с целью научною (история, медицина): в таком случае нет еще нарушений благопристойности и приличия. Но, когда это самое допускается в сочинении чисто литературном, тогда целая книга или отдельное место в ней, не имеющее связи с общим направлением ее, или песнь-пьеса какая получают значение соблазнительных, вредных. Вредны для нравственности все такого рода книги и издания, от философских и физиологических до еженедельной или ежедневной газеты, и до детской азбуки, в которых употребляются описания или выражения, противные чувству нравственности, показывается неуважение к вере и святыне, или же осмеивается христианское подвижничество. Неполезны еще известия в газетах, знакомящие читающую публику в живых примерах, или с противоестественными пороками, или с блудными связями в самом кровном родстве, или со страшными преступлениями лиц высокого сана и звания. (Порок, как порок, существующий между людьми, и без того известен читателям: для чего еще олицетворять его в свежих примерах и напоминать о нем? Страшное преступление лица высокого или духовного и без того смущает население местное: к чему еще передавать о нем целому белому свету? Ведь это не законодательство какое или чтение с нравственными выводами, система нравственная. А читатель, и самый благонамеренный, или осторожный, не может не встретиться в газете или журнале с такими известиями). — Что же сказать о сочинителях всех подобных книг, повестей и газетных известий? Они умрут, а сочинения после них останутся и будут заражать умы других неправомыслием или же сердца развратом. Может быть, сами-

то они со временем и покаются, сознав свои заблуждения и дурное направление. Но хода своей книги уже не могут остановить. Книга, выпущенная в свет, сама напрашивается, чтоб ее читали; так и их книга будет ходить по белому свету и читаться тем с большим любопытством, чем больше заключает в себе соблазнительного. А также, и пошлой песни или любовной пьесы не исправят составители их; потому что все это с живого голоса или на практике передается от них к другим. – То же должно сказать о соблазнительных картинах и статуях. Удивляться надобно, как это поднимается кисть у иного живописца или нож у резчика-ваятеля, или рука у литографа и фотографа, чтоб производить безнравственные картины и с безнравственною целью!? О, злые и развращенные люди! что же это вам досадила человек, что так развращаете его? сколько душ вы соблазните, сколько глаз оскверните одною своею картиною или статуей! (Из Священной истории знаем, что некто Миха сделал кумира только для одного себя, для своего лишь дома. Но воины узнали об этом и украли у него кумира. Затем, идолослужение от одного его дома и распространилось по целому городу и племени (Суд. гл. 17–18)). Соблазн от безнравственных изображений берет свою силу даже и над серьезным человеком, вследствие постоянного или только частого влияния. Иногда же впечатление этого соблазна бывает быстрое: нечаянно или минутно только взглянул человек на соблазнительную картину, и – не может опомниться, одуматься: ум его уже помрачен, сердце осквернилось. Он или действительно падает тем, что представляет картина, или только долго не может освободиться от скверного представления. Даже и то излишне, когда допускают на картине или в каком-либо изваянии полное обнажение человека, чтоб натуральнее показать члены и все изгибы тела. Ужели живописное искусство пострадало бы без этой натуральности? есть еще (кроме тайных) члены в теле, чтоб во всей натуре изобразить их. Да не гораздо ли натуральнее изобразить человека и в самом обнажении с прикровением чресл, так как первая обнаженность человеческая явилась не иначе, как препоясав свои чресла листьями от райских деревьев? – Любят

еще карикатурить на газетных листках или особыми картинками человека: смех невольно приходит при взгляде на эти картины. Целью этих карикатур имеется обличить кого-либо в пороке. Но ужели урок обличения не мог быть преподан без того, чтоб не безобразить наружность человека, который создан по образу Божию и по подобию? Распространяет же сочинение или песнь, или картину соблазнительного, безнравственного содержания не только тот, кто раздает другим экземпляры их, но и лишь только показывает нескольким лицам один и тот же экземпляр, чтоб прочитали или посмотрели. Без сомнения, это распространение также злодейский шаг, но только менее виновный, чем первоначальное произведение книги или первоизобретение картины. – Читатель этих правил христианской нравственности! Если ты сочинитель какой-либо или художник, о! не вооружайся против Господа Бога и святой Церкви изданием таких сочинений или картин, которые развратят человека или расстроят его дух. Нет; так как в тебе предполагаем мы чувство христианское, то каждому твоему новому произведению в свет должна предшествовать теплая молитва к Богу, чтоб Господь Бог даровал тебе непогрешительное писание или полезное произведение.

Знакомство с людьми, имеющими какой-либо особенный порок, или вообще порочной жизни

«Кто прикасается к смоле, тот очернится, и кто входит в общение с гордым, сделается подобным ему» (Сир.13:1); «пустые споры...чуждыми истине» (1Тим.6:5). И вообще, в сообществе людей более соблазна, чем в домашнем уединении. Истинный признак христианства или людей, принадлежащих Христу, не «многочисленность», а «малость» (Мф.20:16; Лк.12:32). Мир столько уклонился к злу, что и не легко различить в нем добро от зла, что часто и те примеры, которые большинством принимаются как добрые, в самом деле опасны, что обычаи всегда и везде принятые, в сущности дела, вредны и противны Христу. Таким образом, где скучиваются люди кроме серьезного дела и где чаще повторяются эти скучиванья, – там и больше влияния соблазнительных примеров и требуется большая осторожность против влияния соблазнов: «горе миру от соблазнов» (Мф.18:7); «не сообразуйтесь веку сему» (Рим.12:2), предостерегает нас слово Божие. (Поэтому-то враг – дьявол всячески старался возвратить пустынных в мир, надеясь скорее победить их соблазнами близ общества, или на народе)¹⁹⁷. Но близкое знакомство с людьми порочными уже самый легкий путь, чтоб усвоить нам недобрые убеждения и дурные правила жизни. Иной из нас не замечает вредного впечатления на себя от этого знакомства и тем успокаивает себя. Но впечатление мало-помалу в нем развивается и приводит его к тем же порокам, которые видит он в близких лицах. По знакомствам и можно даже определить характер известного человека, если лично он неизвестен нам. Коли ладит кто с порочными, коли нетрезвые или игроки, или взяточники, или сребролюбивые с расположением принимают его у себя и коли те только и знакомые у него, не ожидайте от этого человека доброго направления (1Ин.2:15). А, если он скоро разошелся с кем из порочных: это более говорит в его пользу. Путь худых знакомств особенно опасен для молодых людей, а между пожилыми – для слабых характером. От чего, например,

благовоспитанные в доме родителей дети, поступив в учебное заведение, переменяются? – От влияния худых знакомств. От чего человек, совсем не расположенный к пьянству, начинает часто упиваться? – от постоянных свиданий с нетрезвыми по службе или по совместному какому занятию: первый у него свободный вечер, и – он спешит к этим лицам. От чего прямой и правдивый дотоле человек потерял целостность своего характера? – от постоянного обращения с такими лицами, которые известны своею уклончивостью и лукавством. Не о том наша речь, будто добрые совсем не должны знать худых. По воле Божией «пшеница» оставлена «расти с плевелами» до самой жатвы, т.е. до кончины мира (Мф.13:39). Худые люди или многие из худых и еще худшими были бы, если б не находились в среде добрых, честных и богобоязненных. Но кто молод или без молодости лет очень нетверд в своих нравственных правилах; тому без нужды знакомиться с порочными никак не следует. Затем и прочие, которые имеют нужду в знакомстве и частом общении с этими людьми, должны твердо поставить себя против порока или общей развращенности их, чтоб не перенять себе от них вредного. Тем более не к тому мы ведем речь, чтоб чуждаться людей, не уважать общественности. Но, входя в общество по приличию, по званию, по семейным и родственным отношениям, нужно иметь царем «свой ум в голове»; нужно с большею осторожностью относиться и к тому, что в обществе называют добром, и что кажется добрым; нужно и одобряемые большинством обычаи и правила в жизни принимать не иначе, как проверив их заповедями Божиими. – О, избранная христианская душа! блюди себя чистой «от мира» (Иак.1:27) а особенно не следуй «на совет нечестивых» (Пс.1:1).

Скорое чувство соблазна на ближнего и даже только притворный соблазн

«Жена которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел» (Быт.1:3). Не нужно соблазнять ближнего, но не следует и соблазняться. «Не думал иной совсем согрешить: но увидел грех на другом, и согрешил». Ни книга, читанная, склонила его ко греху, и ни речь чужая прельстила его согрешить (хотя, в свою очередь, и это все бывает), но последовало на него со стороны других, так сказать, «немое» действие соблазна. До греха мы хвалимся, что не могут нас соблазнить, и смело, самонадеянно идем навстречу соблазнам, вместо того, чтоб уклониться от них и побережься: а после греха, напротив, ссылаемся на поданный соблазн. Но, скорее, последование поданному соблазну показывает, что не крепка в нас любовь к Богу: если б мы более искренно и горячо любили Бога и Христа, то и уклонялись бы от предвиденных соблазнов и воспротивились бы тем соблазнам, которые неожиданно встречаются нас. Легкомысленное подражание чужому соблазну обличает нас и в малой любви к ближнему; потому что мы делаем ближнего участником своего греха, или частью ответчиком за свой грех. Тем более не имеем мы тогда правильной любви к самим себе, потому что губим свою душу, гонимся за каждым худым примером. В Евангелии не видно ни одного примера, чтоб Апостолы когда-либо и на кого-либо соблазнились. Первые христиане жили среди множества языческих соблазнов, и не смотрели на худые примеры. Грех по поводу поданного соблазна, тем не менее, грех. – Как мы соблазнились чужим грехом: так, в свою очередь, и сами будем соблазнять других. Таким образом, от одного соблазна родится другой и распространяется зараза греха. Но могло бы быть и противное. Так, если б мы были более великодушны и благоразумны, то людские соблазны еще предостерегали бы нас от пороков и доставляли бы нам твердость – стойкость в честности и добродетели; потому что, видя человека, увлеченного каким-либо пороком, мы видим вред от этого

порока уже не по описанию в книге и не по рассказам, а лицом к лицу. Почему, например, иной человек и сам-то вспыльчивый в присутствии другого, который, выйдя из себя, стучит и кричит, – потому тогда принимает вид кроткого? – по действию примера с противной стороны. Или почему в нас рождается искреннее желание быть простыми, уважительными ко всем в обхождении, если мы встретим чрезмерного гордеца? – потому что, когда только гордец и пройдет мимо нас с надменным взглядом или немного поговорит с нами, или в присутствии нашем, с другими величаво, сухо, не отличаясь, между тем, от нас особенно какими-либо заслугами, тогда даже и на несколько часов остается в нас самое тяжелое представление его вида и разговора. – Но нередко еще соблазн бывает притворным, или, как только одно сочинение, один предлог ко греху. Иные вовсе не чувствуют соблазна, а только хотят извинить им свой грех, которого в душе желают; например, они ждут, – не ослабит ли при них поста какое-либо достопочтенное лицо (особенно священник), и, дождавшись этого примера, бросаются на всякую пищу. Здесь даже два греха: заранее готовится грех и сочиняется оправдание в этом грехе. – Великодушный христианин! пусть на соблазненном меньше греха, чем на соблазнителе. Но, чем желать меньшей вины и утишаться меньшею ответственностью пред Богом, лучше же пожелать себе большей награды и больших венцов. И действительно: когда соблазняемый воспротивится соблазнам и преодолееет их, тогда добродетель его еще выше, заслуга его пред Богом славнее. Лот был праведнее в своем Содоме, чем Лазарь в Вифании. Действительно, Господь более благоволит к тому и несравненно больше награждает того, кто остается Ему верен среди множества соблазнов. Он не оставляет без награды даже и такого человека, который борется с худыми помыслами. Беспокоится этот человек от каких-либо скверных помыслов и думает о себе, что уже совсем погиб: но Господь в это-то самое время возлагает на главу его венец за победу над помыслами. Итак, если нынешнему христианину, может быть, и труднее спастись, потому что он окружен большими соблазнами, зато и

более угодна Богу его верность и чистота жизни. Зная это, не унывай же от соблазнов, возлюбленная душа!

Неотказ себе в чем-либо позволительном, но соблазняющем, или смущающем других

«Если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнять брата моего» (1Кор.8:13). Не так сказал Апостол, что «приведу брата к тому греху, или погублю», но только не соблазню. Это значит, что в данном случае «соблазн» имеет смысл только «смущения совести», а не составляет, с одной стороны, увлечение или прельщение ко греху, а с другой – подражание греховному делу – не составляет; потому что здесь вовсе нет греха, но допускается такое дело, которое можно допустить, можно и оставить. Так, например, иного соблазняет плата или вознаграждение мне за труд какого-либо особого рода. И лучше я поступлю, если для успокоения его совести откажусь от этой платы. Другого смущает моя прогулка в каком-либо месте. Если так, то благоразумнее я поступлю, если оставлю эту прогулку, чтоб успокоить ближнего. Нечего говорить, не похвальна и немощь чьей-либо совести, но нельзя похвалить неблагоразумие того человека, который трогает и, так сказать, бьет чужую совесть или который, по крайней мере, не хочет разъяснить ближнему, в чем дело и как это напрасно ближний соблазняется им. Христос Спаситель совершенно мог не платить подати на храм, как Единородный Сын Того, в честь Которого построен был Иерусалимский храм, но *да не соблазним их* (сборщиков), сказал Он, и велел Петру отдать за него и за Себя (Мф.17:27). Апостол Павел дело невинное запретил себе «во веки», навсегда, чтоб и однажды только не соблазнить брата¹⁹⁸. Почему же лучше отказать себе в том, что позволяет закон и что не составляет греха, – отказать в пользу немощной совести другого? По многим причинам. Этот отказ себе будет добрым нашим пожертвованием для ближнего; оскорблять совесть тяжело. А ближний наш, почитая по своему недоразумению и неразвитию, грешным или предосудительным наше невинное какое дело или удовольствие, или только осудил бы нас за воображаемый грех, или решился бы на то же дело, но решился

бы против своей совести. Следовательно, в том и другом случае оскорбил бы свою совесть. – Он почитает нас больше сведущими (1Кор.8:10) в сравнении с собой и другими, и потому смотрит на пример наш, тогда как примером других не стал бы дорожить, не думая в них видеть дознания истины и законности: не должны ли и мы оправдать его доверие к нам? – Если и нас сердце смущает, что подаем соблазн ближнему, то лучше же оставить позволительное и – в существе невинное дело, но только соблазняющее ближнего; иной вопрос, если мы не знаем наверное, соблазняются ли нами, и, если только предполагаем соблазн от себя другим, тогда нечего нам беспокоиться. – Да и самое дело наше, составляющее предмет соблазна, ведь таково, что, с одной стороны, состоит в нашей воле, а с другой – не прибавит нам и не убавит у нас святости, не принесет нам особенной пользы, но и не доставит вреда. Следовательно, нечего нам гнаться за ним. – Наконец, не отказав себе в этом деле, мы не окажем снисхождения к ближнему, выразим пренебрежение к нему, между тем, как «за которого умер Христос» (1Кор.8:11), т.е. Христос не отказался и умереть за него.

Итак, великодушный христианин! Не говори: «что мне до того, что другие соблазняются мной по своей мнительной совести и по своему необразованию? Пусть сами достигают такого же знания дела». Когда они достигнут знания: тогда и не будут больше соблазняться. Но, если ты разумно смотришь на вещи, если считаешь безгрешным то, в чем действительно нет греха: то будь же разумен до конца. При разумных своих воззрениях и действуй разумно, не сбивай с пути ближнего твоим поступком, который соблазняет его. «Блюдайте, да не презрите» единого от малых сих, наименьших из верующих в Мя, сказал Спаситель (Мф.18:10).

При холостой или вдовьей жизни сожителство в доме с посторонним лицом другого пола, хоть бы и без преступной цели

На одном из вселенских соборов было сказано: *«не иметь сожителствующую в доме жену, разве мать, или сестру, или тетку, или те только лица, которые чужды всякого подозрения»* (1Всел. 3, Вас. Вел. 88). Пусть это правило состоялось соответственно для лиц духовного сана и к ним-то в строгом смысле должно теперь применяться. Но оно не может не иметь применения и к мирским, или светским лицам в таких случаях:

а) когда женское лицо раньше было в преступной связи с тем, у кого живет в доме или квартире, или же с иным кем имело такую связь, а все это не тайна для других;

б) когда сожителствующие холостой и девица оба молоды или они – мужчина и женщина равных приблизительно лет;

в) когда нет в доме посредствующих между ними лиц, т.е. нет ни сестры, ни возрастных детей, и когда, притом, помещение их сближено;

г) когда холостой, так-то живя, и не женится, а девица или вдова остается не замужнею.

«Что же, однако, худого в этом сожителстве, если нет постыдной связи»? Прежде всего, эти лица сами себя поставляют в соблазнительное отношение друг к другу. Если они по целым дням вместе и сидят, и обедают, и разговаривают, если нечаянно сталкиваются между собой не одетые, например, утром после сна, ночью в случае какой-либо тревоги или болезни, не позволяющих в скором времени и прикрыться прилично; в таком случае, как же трудно им остаться чистыми от плотского пожелания! Это похоже на то, как сидеть голодному у сытного стола или жаждущему у чаши с водой, и не сметь прикоснуться ни к чему. Но выход безвредным из такого соблазнительного состояния имел бы, как и вообще победа над соблазнами, действительно заслугу пред Богом, если б все это и казалось безразличным в глазах других; если б не соблазняло

никого. Чем же, между тем, уверят сожительствующие сами или чрез других, которые – допустим так – и вполне уверены в чистоте их отношений, – чем уверят, что нет между ними преступной связи, нет по временам плотских падений? Входит только посторонний человек в их дом или квартиру, и, встретив девицу, которая по звонку отворяет дверь, вообще, увидев тут женское лицо, равное по летам холостому хозяину дома или квартиранту; или же, заметив только в комнатах женские платья, башмаки, гребенки, – вместе с этим, не тотчас ли встречается с мыслью не в пользу целомудрия холостого хозяина? Но, если даже и позволительные сами по себе действия часто наводят иных немощных совестью на соблазн, не тем ли более подобное сожительство, которое прямо запрещается церковными правилами, может соблазнить многих? (Вообще, о соблазне надобно сказать, что угроза за него горем тогда только минует человека, когда от того же соблазнительного дела происходит в другом роде польза, и когда эта польза, происходящая от соблазна, гораздо больше или важнее вредных впечатлений, какие чувствуются от него некоторыми лицами. А, если от какого дела бывает посторонним лицам один соблазн, полезного же ровно нет ничего: то, хотя бы и не основательно нами соблазнялись, мы не останемся правы). Но говорят: «как же обойтись в доме по хозяйству без женского лица?» Можно обойтись; потому что мужчина и сильнее женщины, и меньше по домашней жизни требует для себя, да в иных нуждах своих удобнее может замениться мужчиною же. Поэтому, если б, и действительно, представлялись гораздо большие удобства в услугах со стороны женского лица: все же лучше пожертвовать этими удобствами, чем допустить такую вину: *«уязвляя немощную совесть..., согрешаете против Христа»* (1Кор.8:12). Еще иные говорят в извинение себя: «девица или вдова нуждаются в нашем сочувствии, а также и в помощи нашей, чтоб не отняли или не расхитили у них капитала – имения». Что же? опекуном, экономом или поверенным для них и возможно быть, но нет нужды принимать их к себе или входить к ним в дом на житье. И все же тут идет речь только о временном и материальном: а не стоит ли этим пожертвовать

ради того, чтоб не ввести других в соблазн? Говорят, «девица или вдова – бедные, бесприютные» или же: «это бедная наша родственница. Ужели же не добродетель приютить их, между тем, как нет к ним преступных намерений?» Вместо женского лица можно в том же роде оказать благотворительность бесприютному мужчине. Притом, и в среде женщин найдутся же лица, которые более нуждаются в приюте, например, престарелые, убогие. Почему же нет заботы о последних, а приглашаются для приюта молодые и красивые? не потому ли, что эти могут удовлетворять, если не прямо плотской страсти, то похотному воззрению? а также, почему бы и тем, и другим не помогать из дома? для чего помещать их у себя? Во всяком случае, можно ли сравнить эти два предмета: покровительствовать одной какой-либо девице или вдове, приняв их к себе в доме, и соблазнять множество душ? – Нет, холостые или вдовцы! ничем не извиняется ваше тесное сожительство с женским лицом, хотя бы преступной цели у вас и не было. А, если у вас все чисто, если в вашем сожительстве ни с той ни с другой стороны не чувствуется грубого, животного побуждения: то и тем менее надобности вам допускать соблазн другим.

Удержание себя от порочных дел по одному лишь опасению людского соблазна

«Ненавижу ложь и гнушаюсь ею; закон же Твой люблю» (Пс.118:163) – вот по какому побуждению нужно удерживаться от несомненно греховных дел, а не потому лишь, что нами будут соблазняться, что о нас будут толковать. Должно быть в нас внутреннее отвращение от зла, когда мы боимся делать злое. Доброю своею нравственностью прежде всего мы должны служить Богу, а не людям. Кто же, собственно, по опасению соблазна удерживается от пороков: у того только одна наружность нравственности. Но бывают пороки, которых не видят другие и которыми, следовательно, никто не может соблазниться. И вот, на эти-то пороки в таком случае, хоть бы они были самого преступного качества, и бросаются часто голодные страсти наши! Да и то уже не составляет ли от нас соблазна для ближнего, когда он видит или убежден, что мы отвращаемся пороков из-за одного лишь соблазна? – Нет, христианин! удаляясь бесчестных и законопреступных дел, действуй ты лучше в простоте и по чистой совести. Тогда не будет у тебя никакой натяжки в поступках и добрые твои примеры скорее найдут сочувствие в других.

Отлагательство самых добрых дел из опасения соблазнить ими других, или завинение кого в соблазне по поводу этих дел

Да, и святые дела могут быть материалом для соблазна. Так, фарисеи строжайший пост Крестителя объясняли «беснованием» (Мф.11:16–19). А Христа Господа нашего за то, что Он обедал с мытарями, где в Нем каждая негрубая душа могла бы видеть только пастыря погибающих овец, за это они называли Его *«человек, который любит есть и пить»* (Мф.11:19). Вообще, фарисеи постоянно соблазнялись, потому что они были фарисеи-лицемеры. Наклонность соблазняться добрым и есть качество фарисеев. Сама проповедь апостольская о Христе Распятом была *«иудеям соблазном»* (1Кор.1:23); иудеев соблазняла смерть Спасителя на кресте, как смерть презренная, смерть тяжких преступников: им нужен был Мессия в виде всемирного завоевателя. Так и ныне, эта фарисейская наклонность соблазняться святым обнаруживается в некоторых в виду чьей-либо сильной и решительной стремительности к делам евангельским. Например, если священник начнет каждый воскресный день говорить проповеди или мирянин по искреннему усердию будет часто приступать к Св. Тайнам: этим, как «новым и небывалым» делом, обыкновенно, многие соблазняются. Но как же можно из опасения подобных соблазнов прощаться с добрыми делами или нарушать прямые нравственные обязанности? В таком случае, и совсем нельзя быть ревнителем добрых дел. Что было бы, если б Апостолы, убоясь соблазна евреев, замолчали о Христе Распятом? Нет; на такие-то соблазны уже несколько не следует обращать внимания. Подобные люди готовы всем соблазняться: они сами себя соблазняют и соблазнами сами себя погубляют. Из-за них нельзя же делать насилие своей совести и изменять истине и добродетели. Когда апостол Петр заботливо заметил о смущении евреев: *«соблазнились»* по поводу вопроса о ядении и немытыми руками; тогда Спаситель спокойно ответил ему: *«оставьте их»* (Мф.15:12–14). Равным

образом, не следует обвинять и других, которые особенно своей ревностью в каком-либо святом деле или вообще строгою своею жизнью возбуждают против себя говор, из-за которых иные просто волнуются. Чем же виновен какой-либо правдивый, честный и богобоязненный христианин, если неблагонамеренные и упрямые люди не хотят понять его духовных целей? Да и, собственно, соблазняют их не порок и не нарушение закона, потому что они друзья порока и нарушений, нет! Но они самому-то добру придают смысл зла и на это мнимое соблазняются. Какую еще осторожность может употребить ревностный христианин, чтоб не толковали того и другого о делах его святой ревности, и чтоб не быть ему предметом молвы народной (Ин.7:12)? ужели ему сойти с той дороги, по которой он идет и кроме которой нет ни для кого истинного пути? И конца не будет соблазнам и соблазнительным рассказам лицемеров или прямо развращенных людей по поводу чьей-либо высокой христианской деятельности, если смотреть на эти соблазны и винить за них деятеля. – О, ты, ревностный о добре христианин, читающий эти наставления! Две души ведь не могут быть в одном теле. Так и нечего надеяться, чтобы в одно и тоже время и, любя Бога, угождать Богу святою жизнью, и, любя ближнего, предотвратить соблазнительный говор, недовольство и насмешки со стороны тех людей, которые *«не приняли любви истины»* (2Фес.2:10). Следовательно, остается, не смущая ни себя ни других в подобном состоянии, знать и выполнять только свое дело – служить Христу!

Заповедь 8: «Не укради»

Не вреди и внешнему твоего ближнего, – его имуществу, равно, как и своей собственности

После того, как Господь Бог (шестою заповедью) оградил от вреда с нашей стороны физическую жизнь ближнего, внушая нам, в то же время, беречь собственную жизнь, а затем (седьмою) указал нам вести жизнь и по душе, и по телу в целомудрии, и вообще, в правилах чистой нравственности, после всего этого Он ограждает ближних от наших обид и в том, что только отвне или материально принадлежит им, и, вместе с тем, заповедует нам, чтоб мы сами благоразумно, с пользою относились к своей собственности. На это произнесена Им восьмая заповедь: не укради. Все, что только касается имущества чужого и своего, от денежного капитала до иголки и нитки, – все это и входит в круг наших обязанностей по восьмой заповеди Божией, все должно быть изложено в общих правилах под заглавием этой заповеди.

**Против грабительства, или явного и
насильственного присвоение себе чужих вещей**

Грабёж, равно, как не подание против него помощи ближнему

«Не насилствуй» (не будь грабителем!) (Притч.22:22). Всякой вещи, всякому имению есть свой владелец. (Никем не обладаемое имущество, это, разве, пустые пространства земли. Здесь только непосредственное приобретение может принадлежать тому, кто первый завладел бы частицей земли или стал бы обрабатывать землю на известном пространстве: это право завладения, притом, принадлежит, более, государствам и народам, чем частным лицам). Существенный признак грабежа составляет насилие пред лицом самого владельца, или хозяина ограбляемых вещей, хотя и без опасности для его жизни. Но, когда это насилие выражается в угрозах и бывает вооруженным, тогда грабёж переходит в разбой: видя оружие в руках нападающего, владелец тем скорее отдать то имущество, которое бывает предметом похищения. Но пусть иногда насильственные действия и угрозы не представляют опасности ни для здоровья, ни для свободы владельца. Пусть даже совсем не будет здесь орудия и угроз. Однако владелец по необходимости уступает свою собственность: потому что видит неравенство сил могущему быть против него насилию; потому что у него непременно хотят отнять то, на что отнимающее не имеют никакого права, и отнять с целью похищения. Это-то наглое нарушение грабителями прав чужой собственности и есть преступнейшая вина в грабеже. Тем виновнее, значит, грабёж, когда он допускается на улице, т.е. пред большим количеством людей, присутствия которых надлежало бы постыдиться: подбегают к другому, срывают с него одежду или выхватывают из рук вещь, и убегают. Виновнее также грабёж, когда происходит на дороге, в путешествии чьем-либо: в это время нужда в вещах для каждого более ощутительна, и, следовательно, собственность каждого еще более дорога для него самого. Но и еще виновнее грабёж на особых путях сообщения, как, например, большая трактовая дорога, пристань у реки, вагоны на железной дороге;

потому что в таком случае делается оскорбление и правительству, так как правительство особенно покровительствует путям сообщения; тогда нарушается безопасность, которая особенно должна быть на путях сообщения. Словом, одно имя «грабителя» устрашает. Грабитель – общий враг благосостояния других: он обнаруживает дерзость злой воли, которая нисколько не уважает правды. А, если иногда и нет на глазах хозяина вещей, которые он похищает, все же он похищает открыто, в присутствии других людей. Равным образом, не подать помощи против грабежа, например, от крика «грабят» и прятаться в сторону или уходить внутрь своего дома – большая вина, потому что это значит допустить другому совершить грабеж. Да в таком случае и себя с имуществом и домом нельзя считать безопасным: этого дня ограбили моего соседа, а завтра могут ограбить и меня, если я из опасения допросов на суде или вообще по равнодушию к собственности ближнего не постараюсь по мере сил моих остановить грабителя. – Грабитель-грабитель, возможное ли это слово в обществе православных христиан? И, если ты еще носишь имя христианина, вспомни голос Христа, как голос строгого обличителя: *«как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями»* (Мф.26:55). Ты отнимаешь у ближнего личную свободу на время, и собственность его навсегда, или почти на всегда! И, о! если б ты скорей пришел к чувствам того другого разбойника, который умолял Христа о царстве небесном.

Поджог, или только неосторожное обращение с огнем, особенно при курении табака, и бездействие на пожаре

Умышленный поджог, это такое ужасное злодеяние, примеров которого не видим ни в свящ. истории, ни в жизни древних народов. Подумайте, на что решается и какие разрушения делает поджигатель! Он, например, зажигает нежилой дом в досаде на то, что этот дом должен отойти от него к другому наследнику или покупателю: и в один час не стает дома, который строился долго и которым могли бы пользоваться другие еще продолжительное время; да кроме того, хоть дом был и не жилой, но находился вблизи других жилых домов, которым и угрожала явная опасность сгореть. Он по злости своей зажигает в поле чужой хлеб или скошенное сено, или же у городского жителя фруктовый сад, магазин со съестными припасами (особенная опасность от этого пожара, если припасы были жирные), склад дров, кладовую с суконными товарами, которые пусть и не издадут от себя пламени, но будут только тлеть: и вот, не остается следов от того, чем Бог наделил и людей, и скот для пропитания, чем с умеренностью, и благодаря Бога, люди долго-долго питались бы и содержали себя! Он из мести подкладывает огонь под дом соседа, а то ради особенной прибыли зажигает собственный (застрахованный) дом, и огонь, против ожидания его, обнимает прочие строения: в таком случае, он грабительно отнимает у ближних самое необходимое в жизни, т.е. приют, в котором не отказывают и животным; разом он лишает многих всего имущества, которое было скопляемо многими годами и трудами; разом делает многих нищими; зажигая же и истребляя что-либо собственное, но застрахованное, вредит страховой компании. Он истребляет огнем ту деревню или то селение, откуда изгнали его в ссылку: и вот, бедные жители с горькими слезами, с ропотом на свою судьбу или же с проклятиями на злодея, которого предполагают, так-то привозят дерево по дереву и камень по камню, чтоб не остаться под открытым

небом и на время самой зимы! Шайка злонамеренных людей сначала подбрасывает записки о пожаре (значит, это самое тяжелое для совести преступление, когда невольно предупреждают о нем, между тем, как, не предупреждая, беспрепятственнее могли бы совершить его!); предупредив жителей записками или одним словом, шайка зажигает целый город с разных концов, кидается с огнем внутрь дворов и домов: на все это злодейское и с такою дерзкою отвагою она решается ради того только, чтоб например, отомстить правительству (мечь политическая) или же принудить жителей к большому страхованию домов (бывали такие замыслы у некоторых богачей); и вот, одни из домов горят, а при этом, может быть, в прах обращаются вековые памятники и такие драгоценные вещи, которых уже ничем нельзя возобновить или заменить; в других домах только происходит ломка и потеря множества вещей; в третьих – хозяева несут напрасные траты, чтоб вывезти дальше загород свое имущество и сохранить его в продолжении нескольких тревожных дней; в четвертых – и последний рубль отдают, чтоб строения их на последующее время были застрахованы от огня в обществе, ради одного страха потерять все: между тем, и деньги на этот раз не имеют иногда своей цены; потому что дома не такая вещь, которую можно всегда найти в готовности, как другие вещи покупаются в магазине: для них нужны материалы, руки и время; когда все это будет готово, тогда лишь погоревшие увидят восполнение своих потерь. Особенно как страшна вина умышленного поджога ночью, когда человек и не придумает, что спасти из своего имущества, когда и пожарные служители с своими огнегасительными снарядами запаздывают, или в темноте без успеха действуют! как страшен поджог порохового погреба, еще – рудников, которые требуют особенно больших издержек для устройства их! Здесь уже мы не говорим о впечатлениях поджога на здоровье жителей; о тревожном набате в колокол, потрясающем и старых, и малых, или о страхе черных вывешенных шаров; об увечьях на пожаре; о простудах ночью, которая иногда оканчивается смертью; о сгорании людей; о близости к центру пожара больницы, где несчастные не могут

спасти и самих себя. Не злодеяния ли это одно другого ужаснее? и не злодей ли из злодеев после этого умышленный поджигатель? чем виновны дома и имущество, которые он истребляет? не духам ли только злым свойственно так бесцельно все разрушать по одной злобе? Да; здесь и припоминается злоба дьявола, по действию которого сгорели посеы у праведного Иова; приходит на память злоба бесов, которые со стадом свиней бросились в воду. (Вина поджигателя не уничтожается, если его поджог будет предупрежден усилием других или потушен в самом начале, независимо от его воли. Только в таком разе вина его, и, следовательно, наказание ему уменьшаются, если он, подложив горючие вещества к строению, сам же известит о начавшемся пожаре, или, кроме того, окажет с опасностью для своей жизни помощь против пожара: тогда видим его виновным только в покушении на зажигательство; видим его раскаявшимся, так как иначе его содействия против пожара не могло бы быть до самоотвержения и пренебрежения личною опасностью). Не свойственно ли после этого злонамеренным зажигателям целого города ожидать, что первая же молния во время грозы падет на их головы? можно ли им не считать себя заслужившими за свой злой огонь вечного огня на том свете? Боже мой, как страшно их преступление!

Затем, и только неосторожное обращение с огнем и удобосгораемыми предметами составляет великую вину; потому что эта неосторожность часто приводит к таким же последствиям, как и умышленный, или подготовленный пожар: эта неосторожность одна из самых преступных неосторожностей человеческих. Не говоря о случаях, так сказать, забытого огня, например, когда допущена противозаконная теснота в постройках: когда опасно устроены печи, не чистятся дымовые трубы, неосторожно хранятся где-либо удобовоспламеняющиеся предметы и огнесветительные материалы; сколько же случаев таких, в которых человек, нося в своих руках огонь, оставляет после себя след целого пламени! Например, будет оставлен в поле не погашенным костер вблизи леса, соломы, стоящего на корне, или сжатого хлеба, там же будут выжигать кустарники, коренья, сучья в

недозволенное время, т.е., когда бывает сильный ветер или жаркая и сухая погода: и вот, начинается лесной пожар! сколько тут напрасно погибает древесного материала! сколько после этого бедных людей позябнет зимой в своих домах, по нужде задумываясь над каждым поленом, вследствие возвышенной цены на дрова! сколько новой траты ради того, чтоб потушить лесной пожар, – траты и труда, и времени; потому что лесные пожары продолжаются иногда целые недели, огонь от них проникает и внутрь земли (где есть торф), вообще, требуют огромного запаса противодействующей им силы! Оставлен будет во время топки овин без всякого надзора, и в короткое время погибает хлеб, этот дар Божий, которым бы пропитались многие семьи! Ходил кто-либо перед ночью с зажженной лучиной по своему двору или со свечей в кладовую, вообще, в помещения вне жилых комнат (в последних местах искра огня еще могла бы быть замечена), неосторожно иной поставил лампу, не погасил где или не унес откуда свечи, оставил на ветру для охлаждения горячие угли или самовар с горячими углями: и – вот, во всех подобных случаях и сам хозяин дома вдруг теряет все свое имущество и соседей своих делает бездомными! (Когда же вор крадет ночью со свечей и производит не намеренно пожар, тогда различаются два проступка: и кража, и неосторожный поджог).

А сколько горит домов, строений и разных материалов от курения табаку! Не курение ли табаку увеличивает в последнее время пожары? не от него ли загораются дворовые строения, сгорают самые дома и целые населенные кварталы? Курят на сеновалах и чердаках, курят на улицах и площадях, там, где это запрещено, например, где есть щепки от строения, курят в хвойных лесах, бросают недокуренный табак перед сном на стол, где бумаги: и вот, ради прихотливого удовольствия, которым наслаждался в данное время один какой-либо человек, истребляются многие драгоценности, лишаются невинные или бедные люди самого необходимого в жизни, как теплый уголок! Для курения табаку человек имеет нужду везде ходить с огнем, в чем не нуждался раньше и не нуждаются другие, не курящие.

Что сказать о таком еще обращении с огнем, которое показывает явную и дерзкую неосторожность, но которое, к счастью, остается безвредным? Например, не хотят осмотреть двор и кладовую, куда ходили при ветре и перед ночью со свечей, варят смолу без всякой предосторожности, не смотрят за железной печкой в столярной, где груды стружек и леса сухого? Вину этих людей можно сопоставить с виной того человека, который стреляет в цель там, где много проходящих, но, к счастью, никому не делает убийства. О, сколько же беспечности, легкомыслия и дерзости в обращении этих людей с огнем.

Наконец, и бездействие на пожаре – вина против собственности ближнего; потому что усиливающейся пожар усиливает и потери. Бездействие это составляет: равнодушное смотрение на пожар вместо тушения, которое, между тем, возможно и к которому приглашаются все зрители; неизвещение о случившемся пожаре и непризывание других на помощь; неспешение без уважительных причин на пожар в лесах; самовольное оставление только потухающего пожара, а не потухшего совсем; отзыв, когда горят дом, фабрика, пароход, склад товаров, – отзыв такого рода, что хозяин того или другого в силах понести пожарные убытки или же совсем не стоит сожаления; а отсюда вместо жалости смех-хохот на пожаре, вместо возбуждения других к тушению пожара охлаждение чужой ревности тушить его, затем, незаботливость приобрести пожарные инструменты и иметь в достаточном количестве пожарных служителей (пожарное депо).

О, сколько бы добра хозяйственного было сохранено и достало бы для владения в продолжение целых десятков лет, сколько бы совсем напрасных трат и нужд было предотвращено, если б не было у нас пожаров, если б люди береглись огня, как есть «огня», на каждом шагу! Может ли Церковь не вопиать против этого житейского зла, если оно оставляет после себя столь разрушительные следы для благосостояния народного, если от поджогов или только от неосторожного обращения с огнем горят и храмы Божии, самые святыни? – Вот почему, читатель, мы с подробностью изложили пред тобой этот вопрос!

И насчет экономии общественной, и против тревоги жителей мы искренно заботимся; потому что все это имеет большое влияние на жизнь народа религиозно-церковную. О, если б *враги оны* (Лк.19:27), зажигатели, прекратились на свете! Если б и неосторожные с огнем, ненамеренные враги, но все же враги общего благосостояния и покоя, со всею осторожностью стали обращаться с этой опасной стихией и не подавали бы, между прочим, повода к печальным известиям в летних номерах газет о пожарах и пожарах!

Обирательство домов вдовиц и сирот

Горе объявил Христос-Спаситель книжникам и фарисеям за то, что они снедали (т.е. под предлогом набожности обирали) дома вдовиц (Мф.23:14). А в Ветхом Завете строго был осуждаем тот человек, который только брал в заклад последнюю вдовью одежду: *«у вдовы не бери одежды в залог»* (Втор.24:17); там же нуждающаяся вдовица ради своих нужд поставлялась рядом с левитами (Исх.22:22–24). Посему обижать вдов и сирот по имуществу – великий грех. И прямо ли кто присваивает себе их капитал или же обирает под предлогом доброжелательства и, пользуясь их доверием, или только расстраивает их имение, – конец выходит один: обеднение вдовы или тем большее обнищание сирот. Это даже грех *«вопиющий на небо»* (Втор.14:28); потому что вдова существо беззащитное: у нее одна только защита, одно только оружие – слезы. Этот грех и еще на несколько степеней увеличивается, если обирает сирот опекун или душеприказчик; потому что тут, кроме злостного грабительства, употребляется во зло доверие, которое оказали к честности опекуна закон и добрые люди. – Христианин! особенно вдовье и сиротское да будет для тебя неприкосновенным. Как одну щепку бросить уделить на двор бедной вдовы есть уже добро, так и отнять оттуда не более как щепку – зло.

Притеснение дорожного человека платою

«Пришельца не притесняй и не угнетай его» (Исх.22:21).

О древних мытарях известно, что они притесняли народ излишними поборами на мостах и на прочих пунктах сообщения. И вот, ныне не лучше того такие мытарства! – Извозчики (ямщики) в непогоду или же в случае недостатка запасных подвод назначают дорожному человеку за проезд двойную и тройную плату и, назначив так, не хотят даже и продолжать разговора; содержатели подвод трактовых за определенную уже плату и на определенном пространстве и места притязательно стерегут, и требуют, чтобы никто – и самый малосостоятельный человек – не обходил их, все бы брали только у них подводы, сколько бы ни дорого было платить им: иначе они и экипаж с посторонними конями остановят, и путника задержат; – перевозчики через реку, обязанные бесплатно переправлять по-своему, условно с местным или земским учреждением, не иначе поднимаются ночью для своего дела, как, выслушав обещание об особом вознаграждении себе, или же получив это вознаграждение вперед; а также и днем в весеннее время, когда по реке еще не устроена правильная переправа, между тем, проезжему человеку нужно спешить, и днем они за какой-нибудь час своей работы полагают втрое против положенной таксы, задерживают своим вымогательством целые обозы; – капитаны на пароходах или сами хозяева пароходов требуют настоятельно и с грубостью дополнительную плату с того человека, который от ненастной или холодной ночи желал бы, по слабости своих сил, укрыться в каютное помещение, между тем, не в состоянии сделать им новую плату и, между тем, помещение в каютах (классе) остается же свободным; – прибрежные жители как бы рады случаю, когда нужно снимать чье-либо судно или пароход, занесенные к ним на берег или на мель: они объявляют за свой труд плату вместо десятков рублей – сотни, а вместо нескольких сотен – тысячи; – наблюдающие на пристанях за судоходством, незаконно задерживают судно или плот под предлогом прописки и

осмотра, или прямо производят незаконный сбор с водоходцев; – кондукторы или даже сами начальники на железных дорогах привязываются к незначительной ручной поклаже пассажира, если видят малейший повод к тому, требуя особой платы за эту поклажу или же подвергая ее штрафу; лишают они иной раз удобства в низшем классе и заснуть, вынуждая этим занять высший или же особый (спальный) класс; – доставители стола – съестных припасов на пароходах и при железной дороге за все полагают двойную и тройную цену; – содержатели постоянного двора, как за пищу и помещение для самого проезжего, так и за корм для его дорожного скота, а также кузнецы за поправки дорожных экипажей, – не удовлетворяются прибавлением к обыкновенной плате полтрети или трети, но назначают больше, словом – как только захотят взять содержатели номеров и гостиниц для проезжающих за один час помещения сверх суток, берут как за целые сутки; самое же помещение у себя, услугу, содержание до того высоко оценивают, что попытаться их столом, подышать воздухом в их номере в продолжении одного дня равняется где-либо содержанию месячному (свечи, вода умыться и для чаю, вино, – на все чрезмерные цены). – Ужели же здесь не мытарства? ужели все это не насильственное обирательство, тяжкое для дорожного человека еще потому, что соединено бывает с горделивым взглядом на него, с сухими и грубыми ответами, с готовностью задержать его в пути за противоречие заплатить недостающий рубль или даже копейки? Надлежало бы путеводителям помнить, что положение каждого человека в дороге, есть положение частью критическое: к такому положению, напротив, надлежало бы относиться с сочувствием и снисхождением. При этом, каждый дорожный человек, действительно, находится в некоторой зависимости от них. Но, что для иных дорожных ничего не стоит оплачивать их высокие цены за подводы, за номера или содержание, что иные только и ищут, может быть, по тщеславию, высоких цен, например, чтоб остановиться в самой дорогой гостинице: это не оправдание для них, когда они берут дорого или лишнее. Зачем брать те же цены и с людей менее состоятельных? Иной человек, пожалуй, и может быть назван состоятельным, но в

дороге он истрачивает все денежные запасы. Другой же не спорит за плату ради только своего достоинства, тяготясь, однако, высокой платой и не имея возможности найти иное путесообщение, или иную дорожную квартиру. Нет, приведенные нами примеры – настоящее мытарство и они не извинительны в отношении даже к состоятельным людям между проезжающими, а к бедноте и нищете – преступны. (Один, например, начальник по экспедиции ссыльных обирал же препровождаемых в ссылку, а, наконец, сам-то был отправлен, как преступник с ссыльными). – Что же делать, чего же пожелать против этих притеснений дорожному, где они бывают? С одной стороны, неприятно, да и не извинительно, невежество простолюдинов (извозчиков, двороподержателей и т.п.), которые притесняют платою дорожных людей. Нужно, значит, пожелать им образования, общительности в обхождении и умеренности в требованиях за свое добро. С другой, далеко-далеко недостаточно и одной внешней образованности, даже строгих наказов от правительства, от хозяев путей сообщения, еще и самых жалоб в газете за денежное притеснение проезжающим, – недостаточно всех этих мер, чтоб путеводители (от буфетчика на пароходе до начальника станции по железной дороге) щадили состояние дорожного человека, поступающего на известное время во власть их. Нужно, главным образом, этим, как и тем – первым, чтоб имели христианскую доброту сердца, чтоб поставляли самих себя в положение проезжающего или проходящего, и сострадали бы дорожным. – О! если ты, читатель наш, сам из дорожных путеводителей или только часто встречаешься с ними по знакомству, – в первом случае помни про себя, а во втором – объясни другим, что притеснение ближнего в дороге платою – самое бесчестное качество и грех пред Богом. Зато, как приятен, как любезен добрый и снисходительный в платах и приемах путеводитель! Такого путеводителя дорожный человек долго с приятностью вспоминает и сто раз готов бы принять его у себя в доме с благодарными объятиями! Благодетелем признается самарянин, поднявший с дороги избитого и бескорыстно ухаживавший за избитым. Но и гостинник, у которого он остановился с избитым;

оказался очень добрым: потому что получил *два сребреника*, и больше не требовал¹⁹⁹ (Лк.10:35).

Повреждение путей и способов сообщения

«Опустошение и гибель на стезях их» (Ис.59:7). Это также частью вид грабительства, когда кто по крайней небрежности не поправляет дорог, тем более с явную злонамеренностью и по своекорыстию портит их, равно как и другие способы сообщения. Так, например, препятствуют проходу по тротуарам и мосткам, проезду по улицам и в поле, оставляя на указанной для всех дороге что-либо тяжелое и громоздкое; разрушают плотину или в нужное время не спускают воды, не разводит плавучих мостов, перекадывают канаты с одного берега на другой, не отводят паромных перевозов, и вот, таким образом, неизбежно останавливают ход судов, пароходов, плотов с деревьями; повреждают телеграф, чтоб похитить из состава его какие-либо вещи, или производят в телеграфе замешательство – замедление, чтоб успеть выполнить какой-либо преступный замысел против чьей-либо собственности, – в почтовом сообщении теряют по неосторожности, по забывчивости или умышленно простые и страховые письма, только задерживают у себя разносимые письма и пакеты, замедляют дольше указанного времени отправкой проходящей почты, отказывают в приеме и выдаче писем и посылок без уважительной причины, и притом, с грубостью, не доставляют подавателям сведений, или не удовлетворяют их по случаю потерь в почте и т.п. В таких случаях оказываются напрасными те расходы и труды, которые уже употреблены и употребляются казною или обществом на пути сообщения. А затем отнимается время в путешествии, в доставке или посылке чего-либо, время, которое часто бывает дороже и денег. Что же, в особенности, до почты, то ей каждый из публики доверяет свое имущество и даже свое лицо, свои личные тайны. Она, как и прочие казенные транспорты, существует в силу доверия публики. Потому и чувствительны остановки, неудовлетворения, оскорбления лицам приходящим, которые отправляют или получают. Простое письмо, например, ничего не значит для посторонних, – менее, чем клочок бумажки, который остается бросить или сжечь. Но оно (особенно

семейное) дорого для тех, от кого и к кому отправляется. – Так, читатель, в путях и способах сообщения, которыми иные заведуют, остается только исполнить и исполнить. Тут нет ничего со стороны исполнителей своего или дарственного, а все только казенное или общественное. И опять, как приятны и дороги те исполнители, которые без всякой задержки и до самоотвержения встречают и провожают кого-либо или что-либо в путесообщении!

Во время неурожая, или в случайной нужде, чрезмерно дорогая продажа жизненных припасов

«Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ» (Притч.11:26). Жизненные припасы, как: хлеб, продукты из зерна и овощные, корм для скота, топливо для печей, – не предметы роскоши и не прихоть, которую можно оставить и хорошо бы оставлять. Но это такие покупки, без которых обойтись нельзя, и в которых нуждается как богатый, так и бедный. Поэтому торговля ими сколько чистая и честная и, так сказать, патриархальная, столько же может быть в руках иных людей или в иное время и похожую на грабительство. Иной сам-то хозяйственным образом приготовил себе или же только дешевою ценою купил хлеб, сено, осветительные материалы, а предлагает для продажи во много раз дороже и даже медлит продавать, хоть бы случился неурожай или временный недостаток в этих припасах за бездорожеством, медлит, чтобы дожидаться еще высших цен. В таком случае, он не по праву берет себе лишнее, а у бедных отнимает и последние копейки, пользуясь затруднительным положением всех; он как бы рад неурожаю и случившейся, для продовольствия, нужде, как бы рад народному несчастью, тогда как все прочие вздыхают. Не с благодарностью Богу за свои хозяйственные запасы он предлагает их другим в продаже, но только ищет случая, как бы продать дороже. Нет; торговля жизненными припасами, как первостепенными потребностями для существования человека, всегда требует умеренности, и тогда нет честнее ее. Но, если во время неурожая или в случайной нужде иные торговцы извлекают себе из этой торговли средство сравнительно обогатиться, тогда бедность, действительно, готова проклинать их. И надобно заметить, это проклятие не похоже на то, которое произносится в одной злобе, в минуты раздражения: вызванное голодом и страданием, оно и может иметь свою разрушительную силу (Сир.4:6). Ради чего же так поступает купец, который и не потерпел бы ущерба, если б стал продавать припасы и в половину дешевле? Но и непомерное понижение

цены на жизненные припасы бывает насилием для собственности ближнего, если допускается предумышленно. Роняют цену на предметы продовольствия, которые привозятся или доставляются со стороны. И что же выходит? Эти предметы и перестают привозить, потому что очевидный убыток от их привоза. Тогда вместо избытка происходит действительный недостаток в предметах самой первой необходимости, и купцы, имеющие запас их, опять непомерно возвышают на них цену. Христианин! Если от тебя зависит и в какой ни есть мере будет зависеть: употребляй все меры и уступки от себя, чтобы удешевлены были необходимейшие припасы в жизни человеческой. Тогда ты будешь другом народа, благодетелем твоих ближних.

Вообще несоразмерные цены за товар, за службу свою или за личную какую услугу

Можно ли каждый раз определять соразмерные цены за товар, а за частную должность или за кратковременную какую услугу вознаграждение? Можно! Эта соразмерность известна каждому, кто занимается подобными делами. Товар готовится дома или у других покупается оптом: таким образом, прибавление на него цены сверх стоимости легко можно определить. Плату за частную какую службу, например, по постройке железной дороги, по земству или за особенную услугу кому, например, исполнить поручение, также есть возможность назначить и просить себе – частью по сравнению этих занятий с трудами других лиц, частью по употреблению на эти занятия того или другого количества времени. Но вот, какого-либо товара другие не держат и торгуют им (например, погребковыми винами) в каком-либо месте единицы, и продается этот товар несоразмерной ценой: не насильственное ли здесь присвоение себе чужих денег? Покупатель мог бы не брать дорогого товара: но волей и неволей берет, потому что взять его не знает где, между тем, как это необходимая для него, по обстоятельствам, покупка. Идет он из магазина со вздохом и, может быть, с пустым кошельком, а продавец веселится и торжествует; до бедности покупателя продавцу нет дела. Или вот, иной назначает и получает за свою службу многие тысячи в год, пользуясь тем обстоятельством, что приглашается служить для огромного капитального дела и что лиц, подобно ему приспособленных для этого дела, найдется немного. Но не грех ли такая чрезмерная оценка самого себя, своих способностей и знаний? не пользуется ли здесь человек случаем только «нажиться, составить себе капитал»? и не часто ли его огромное вознаграждение (например, по земской службе) идет тоже в раскладку на народ, в среде которого, между тем, много бедных? Равным образом, честно ли поступают те люди, которые, раньше не предъявив о плате им за личную какую услугу, требуют потом такой платы, которая и велика сама по

себе, и не по средствам ближнего, принявшего от них услугу, например, за домашние уроки? Ведь возвышать цену за товар или вознаграждение за труды при благоприятствующих обстоятельствах можно и бесконечно. – О, дорогие люди за свои товары или за личные услуги и службы, дорогие не столько по существу дела, сколько по своему корыстолюбию и самомнению! Вам все мало, сколько бы вы ни получали. Но посмотрите, как другие и не менее вас способны к делам, и более еще вас трудятся, однако довольствуются за свое добро и занятие гораздо меньшим. Смотрите, чтоб после дорогих и недоступных, не остаться вам совсем незанятыми ничем. Бог нередко поступает так с подобными людьми!

Казнокрадство при подрядах, в порученном хранении или расходовании казенных денег или вещей

Казна есть общее достояние государства. Пусть ограбляющий ее не видит лицом к лицу хозяина, но в отдаленном смысле хозяином ее можно назвать каждого честного члена в государстве, который непременно участвует в составлении казенных капиталов и имущества своими податями, повинностями, пошлинами и особыми пожертвованиями. Следовательно, грабитель казны отнимает достояние не у одного человека, а у множества лиц; не приметна как бы тяжесть его грабительства для других, но она верна. Отсюда следует преступность казнокрадства. Так, например, крадут казну должностные лица при подрядах. Здесь двойной грех: и деньгам казенным убыль, потому что подрядчик отсчитывает особую сумму должностному лицу, производящему торги, между тем, как мог оставить лишнюю сумму в казне, и вещи доставляет или постройки производит не в полной доброте; потому что, взявший от него деньги на подряд, боится или совестится быть требовательным к нему. А иной раз должностные люди тех мест, где производятся казенные торги, и сами на себя берут подряд от имени жены или чрез другое подставное лицо. Так, люди, имеющие на руках своих казенные деньги или вещи, употребляют все это для собственной надобности (доколе не откроется недочет на них) или ссужают других деньгами из-за прибытка, равно, и вещами, например, тем, которые от подрядчиков следуют к поставке. Так, лицо, уполномоченное принимать и расходовать суммы и вещи казенные, либо записывает их на приход в меньшем количестве, чем действительно поступает, либо в расходе помечает, а то другому, который и должен получить их за свою работу или за службу, или в виде награды, велит пометить собственноручной распиской гораздо больше, чем выдает в действительности. Казенные хлеб и соль, военные снаряды и одежды, показываются или попорченными, чтоб затем продать

их с публичного торго и на торгах на себя же перевести, или числятся совсем утраченными, будто бы, от непредвиденных обстоятельств, чтоб без дальних вопросов обратить их в собственность. И есть ли возможность исчислить все хищнические нападения в этом роде на казну, которой почему-то все не жалеют и которую считают неистощимою? Правда, закон гражданский строго судит за обличенное казнокрадство, но оно трудно изобличается и легко допускается там, где нет христианской совести и твердой богобоязненности. (Для поставщика например, легче иной раз отдать деньги, чем вещи и материалы, следующие по подряду в казну, и приемщик берет от него деньги – без сомнения, в меньшем количестве, взамен вещей, которые, таким образом, считаются принятыми в казну, но в казне никогда не окажутся). Итак, против казнокрадства вернейшее предостережение только христианская совесть и довольство положенным за службу или должность вознаграждением. Вина этого греха может быть меньшею только тогда, когда, растративши или насильно присвоивши себе казенные деньги и вещи, сам возвратит их вполне, притом, прежде, чем открыты будут его злоупотребления. Читатели! Казна уважает же нашу личную собственность; например, она признает владения наследственные в фамилиях. Так должны и члены государства уважать ее достояния.

Угнетение должника и самое одолжение его с обдуманном раньше планом, чтоб перевести в свою собственность все остальное имущество его

«Его (должника) душил, говоря: отдай мне, что должен... Пошел и посадил его в темницу» (Мф.18:28–30). Долги в нуждах семейной жизни, а особенно в делах торговых, бывают неизбежны. Своих денежных средств недостаточно или совсем нет, а расход, а потребности иногда не терпят отлагательства, как, например, брак дочери, похороны, путешествие, разрушение какое в доме, срок платежа за товар по займу, наконец, и только исключительное время застаться какими-нибудь покупками. Тогда нельзя не прибегнуть к займу, нельзя не сделаться должником. Заем и есть законный оборот дела, равно как со стороны кредитора эта законная временная уступка другому своих денег или тратимых вещей: должник делается их хозяином и за все случаи потери их отвечает. К таким-то особенно должникам богатый заимодавец должен быть снисходительным. Чтобы оказать снисхождение, он может избрать два пути:

- а) простить совсем долг,
- б) отсрочить уплату его.

Если прощение долга бывает не вынужденное обстоятельствами, но вполне добровольное, так что кредитор мог бы по закону подвергнуть своего должника и тюремному заключению, тогда это добродетель евангельская. Тогда кредитор верующий и по вере своей так поступающий, сам удостоивается особенной милости от Бога: ему прощаются грехи, которые составляют его собственный долг Господу Богу, и в которых он приносит покаяние (Мф.18:35). И отсрочка долга, в своем роде, тоже милосердая мера в отношении к должнику: но она частью уже по справедливости должна быть. Богатый кредитор не потерпит от нее особенной потери, а бедный плательщик, между тем, успеет поправиться своими делами. Но вот, иной из кредиторов, не хочет сделать ни того, ни другого, – и не прощает долга, и не отсрочивает его. А, рассуждая по

духовному, мог бы он совсем простить бедняку долг; потому что сам-то остается должником (Богу) десятью тысячами талантов (около 18 миллионов рублей), между тем, как должник обязан ему только сотнею динариев (около 20 рублей). В чем же, однако, вина кредитора против чужого имущества, если он теснит за долг? В том, что угнетаемый им должник для уплаты ему долга принужден продавать свои вещи за малую цену и даже, может быть, совсем лишиться дома. (Кредитор) то и дело посылает к должнику за долгом, а между тем, знает верно, что должник рад был бы заплатить, если бы имел сколько-нибудь денег. (Вина кредитора в том), что угрожает бедному должнику и личным задержанием (арестом), наконец – действительно сажит его в тюрьму. Тюремное заключение за долг (не говоря уже о тревоге духа и бесчестии) отнимает у должника время, которым бы он мог воспользоваться для поправления своих дел, и еще более расстраивает его хозяйственные дела. (Мы не имеем в виду здесь злостной или беззаботной несостоятельности и не вырешенных вопросов о том: сколько, кому и от какой причины вошел в большие долги должник, – вопросов, в силу которых требуется иногда действительно задержать его). Когда же и взять с должника нечего, и долг его незначителен, да, притом, последовал долг не от бесчестных причин (например, ему самому изменили должники), тогда кредитор, заключая должника в тюрьму, пропитывая его там на свой счет, чего же больше хочет, как не того, чтоб только удовлетворить своей мести? В таком случае, и должник, вытерпев срок тюремного заключения, который по закону должен равняться цифре его долга, уже перестает быть должником²⁰⁰. – Еще хуже, если заимодавец раньше обдумает и убедится, что должник не в состоянии будет уплатить ему долга и что в крайности вынужден будет расстаться с последним своим имением, например, с домом, фабрикой. Находя остальное имущество его выгодным для себя, богатый заимодавец с готовностью одолжает его требуемой суммой, но при этом с первого раза так поставляет и затем в последующее время так ведет дело, чтоб остальное имущество должника легко перевести к себе в собственность. Не тонкое ли это грабительство? Можно ли тут ожидать

«милости, не сотворшему милости» (Иак.2:13)? Ты, христианин, будь милостив к должнику, который искренно говорит тебе: «*потерпи на мне, и все тебе заплачу*» (Мф.18:26), который сердечно желает уплатить. Принудительные же меры на сей раз не прибавят ему возможности к уплате, не выжмут у него денег, коли их нет.

Привычка входить в долги и медленная уплата их, или же совсем не платеж

Решаться на долги нужно только в самых тесных обстоятельствах. Между тем, иные просят одолжить их деньгами или же берут вещи, материалы в долг без всякой нужды, потому только, что их одалживают; этого дня взяли они в долг, но и завтра просят одолжить; сегодня одолжили у одного, а завтра делают заем у другого, хотя, положим, без намерения еще отказаться от долга; словом – занимают до тех пор, пока их одалживают. Не обременение ли это для других и не насилие ли для чужой собственности? Отказать кредитор, может быть, стыдится, между тем, как сам имеет нужду в наличном капитале. А чаще всего готов бы он отказать; но, дав займы раньше, опасается, чтобы огорченный им должник, не отперся и от прежнего долга. Затем, входить в долги нужно в такой мере, как есть надежда погасить их, и с указанием на определенный, или только приблизительный для платежа их срок. Когда своевременно, а тем более до назначенного срока, должник принесет свой долг, тогда кредитор спокоен и доволен. Тогда кредитор готов снова верить ему в долг. Иным состоятельным людям в таком случае приятна, собственно, честность или исполнительность должника; во имя честности-то они и готовы снова одалживать. Но задержанный долг, может быть, заставляет самого заимодавца кредитоваться у других, «ходить и просить из-за своих денег»; лишает его самого возможности быть точным в платежах другим; делает ему потери, потому что он рассчитывал в известном случае на деньги от своего должника, как на деньги собственные и наличные, а между тем, обманулся; а также наводит его на сомнение и беспокойство. И опять, не насилие ли это для собственности ближнего? Напомнят должнику о долге, и он отвечает: «через неделю отдам», снова напомнят, и он назначает новый срок, и так еще несколько сроков, оправдывая разве самый последний из них. Эта медленность в платеже

происходит или от того, что займут не по средствам, или же от одной беззаботности уплатить.

Наконец, входить в долги нужно, без сомнения, с душевным расположением заплатить их. Заем в том и состоит, чтобы занимающий возвратил своему заимодавцу денежную ли сумму в полном ее количестве (если не было договора об особенном росте), или вещи, или материалы по их числу, в полноте меры или веса, словом, все в, равном займу, количестве и качеству. Между тем, иной возьмет в долг, и по выходе от кредитора уже забывает о долге; решается на заем, и не думает когда-нибудь заплатить, даже имея у себя состояние; пользуется от своего заимодавца вовсе не предметами прихоти, которые так же в его воле было покупать или не покупать (как из магазина модные вещи и т.п.), но первейшею потребностью, или самым необходимым в жизни, как квартирование в чьем-либо доме (на улице нельзя же было бы жить), и не дорожит этим; не успевает уплатить долг и не имеет верной надежды для уплаты, а между тем, продолжает жить, нисколько не ограничивая себя в излишних расходах, не увеличивает своего труда, чтоб иметь возможность хоть по частям уплачивать. Сто раз слышит напоминание о долге, много раз получает письменный счет, читает с почты письма с теми же напоминаниями, даже вынуждает самого заимодавца быть у него, приехать к нему, может быть, из дальнего места. И вот, то молчит, то отзывается недостатком денег, то прячется от кредитора, то совсем не признает долга, то, обличаясь в долге письменным каким документом или очевидными свидетелями, гневается на своего кредитора: дотоле все был мир, все был называем дающий в долг добрым, прекрасным человеком, а как только он стал просить себе долг, хоть бы и скромно, так и мира с ним нет, так и враг он, так и недобрый человек, будто порок, собственно, напоминать о долге, а не удерживать у себя чужое. Не захват ли это чужого состояния? Да; неплательщик долгов ограбляет, прежде всего, своего кредитора; потому что от неустойки его, вместе с подобными ему, у иных совсем падают капитал-торговля. По крайней мере, неплательщик вводит кредитора в очевидные убытки и делает ему тревогу: решается кредитор на

новые траты, например, предъявляет ко взысканию в суд, и, однако, ничего не получает; тратит время, чтобы быть у мировых судей и в судах, однако и тут долгое время не удовлетворяется из-за уклончивости должника; много раз бранит его в душе или гласно, и не видит никакой пользы от самой брани. Неплательщик (значительных) долгов ограбляет и других, к которым, по-видимому, уже не имеет никакого отношения. Как же ограбляет? заставляя их платить его-то кредитору излишнее за товар покупки, так как иной кредитор-купец по недостатку великодушия хочет загладить свои пропадающие в долгах деньги излишнею ценою на товары. Ужели же все это со стороны должника не подобие грабительства? и как же думает он умереть, оставляя после себя беспечные и злонамеренные долги? не узы ли это для его души большие долги? А вот, напротив, богобоязненный христианин, если по нужде и задолжается, никогда не потерпит, чтобы к нему приходили в дом с требованием долга. Он сам заботится о своих долгах. Он даже любит платить долги; чувствует себя в особенном каком-то удовольствии и покое, когда честно рассчитывается со своими заимодавцами, потому что здесь и действительно есть для него некоторое напоминание, некоторая связь по делу его нравственных долгов. (Разумею грехи пред Богом: эти-то долги ведь еще сильнее связывают совесть и беспокоят душу). Ты, благоразумный христианин! с Божией помощью держись на этот раз таких правил: жить и вести свои житейские дела только наличными средствами; в случае же вынужденных долгов просить у заимодавцев извинения и снисхождения относительно платежей, при самых платежах благодарить их за одолжение и терпеливость.

Банкротство по свое вине или же совсем ложное

«Должен был десять тысяч талантов» (Мф.18:24). Это и есть неоплатный должник, который в торговом сословии называется «банкротом», т.е. человеком до того несостоятельным, что ни капитала, ни товара, ни имущества его далеко не достало бы для пополнения всех долгов его, которые предъявлены на него или еще остаются неизвестными. По собственной вине банкротство бывает от нерадивого или, напротив, от смелого, слишком предприимчивого ведения торговых дел. Доверяет купец управление своей торговлей другим, сам же любит только пиршествовать или проводить время в общественных удовольствиях, не заботится своевременно заготовить материалы для фабрики, или не пользуется лучшим временем для продажи своих произведений – и вот, таким образом, расстраивает свое состояние. А то берется за подряды не по силам, прибавляет к существующим делам в торговле, к фабричному какому производству, новые дела без запаса средств, заводит многие постройки, не выяснив себе пользы от них, за бесценок продает свои товары, чтоб только не упустить сделать обширную покупку новых: и вот, вдруг делается банкротом. Разве это произвольная и бескорыстная бедность? Нет; если кто банкрот от нерадения, то значит не умел «отдати сребро... торжником» (Мф.18:25,27:28); а, если от излишней и смелой предприимчивости, то был алчен к составлению себе капитала. В том и другом случае, называясь «неосторожным банкротом», он карает и других. Так, может быть, иная вдова, желая иметь прибыль от своего наличного состояния, и последнюю сотню рублей вручила ему, как человеку по общим отзывам богатому. А он вдруг предъявляет себя несостоятельным или волей и неволей признается таким со стороны главных своих кредиторов. После этого не доводит ли он чрез себя и других до нищеты? можно ли ему доверить продолжать торговлю? И вот, справедливо по закону он лишается прав торговли²⁰¹.

«Горе тому, кто без меры обогащает себя не своим» (Авв.2:6). Это уже злонамеренный банкрот. Представление себя ложно несостоятельным есть «злостное банкротство». Правда, и у такого должника далеко нет наличных денег или наличного имущества, чтоб покрыть свои долги. Но он, прежде, чем предъявить себя несостоятельным, перекрепляет свое имение или передает имущество безденежно в другие руки, скрывает у себя остальной капитал, перевозит свой товар в чужие магазины, а в своих лавках или кладовых оставляет для вида только немного и худшее: и все это он делает, единственно, с таким умыслом, чтоб под предлогом несчастных дел предложить в уплату вместо рубля половину или даже менее. Этого банкрота обязывают по закону подпискою, чтоб он не скрыл ничего из своего имущества: а между тем, он и все дело основывает на том, чтоб «скрыть», и чтоб после легкого расчета с кредиторами завладеть их капиталами, которые по частям были доверены ему. Кредиторы волей и неволей соглашаются на половинную плату от него, а иногда и на какую ни есть. Они видят в его руках свою собственность, скрытую только на время, и не могут изобличить его; потому что все улики раньше им устранены. Но он редко действует один в настоящем случае, у него бывает друг-покровитель, который принимает на себя вид его заимодавца. Этот друг и мнимый богач-кредитор то первый уступает ему в принятии от него ничтожного платежа долгов, то сам платит за него прочим заимодавцами – во всяком случае, тут же составляет себе из чужих капиталов какое-либо состояние. Ужели все это не насилие собственности других? ужели не ограбление? Общественное мнение преследует злостного банкрота, как и соучастников его: потому-то, и покончив с выгодною своею делами, он боится вдруг показываться в обществе. Но еще сильнее преследует его совесть: еще большую казнь встречает он в неуспехе последующих своих дел. По суду своей совести, например, он сам себя лишает права сделать какое-либо значительное пожертвование в церкви; потому что из награбленного имения жертва Богу не угодна. О, несостоятельный большими капиталами должник! Не лучше ли было бы тебе признаться пред заимодавцами в своем

бессилии уплатить им долги и отдать во власть и на усмотрение их как остатки наличного своего капитала, так и все имение свое? А ты столько и стольким лицам делаешь тяжких обид! столько прогневляешь Бога обманами, напрасными клятвами, еще и добровольным, как бы тюремным заключением себя дома и праздным бездействием до решения дела о твоих долгах!

Невознаграждение ближнего за его убытки или труд, сколько требовалось вознаградить

В Ветхом Завете был закон вознаграждать человека за те убытки, какие другой кто-либо сделал ему, например, если бы у него были потравлены поле, сад или жатва, – вознаграждать или большим количеством против потраченного, или вещами, лучшими по качеству (Исх.22:5–6). Новозаветная правда христианина, без сомнения, должна преизбыточествовать перед этою правдою. Какие же могут быть убытки со стороны ближнего для нас? Они могут состоять или в деньгах, которые он потратил в нашу пользу, или в имуществе его, которое мы повредили, или совсем потеряли, например, нанимая у него в доме квартиру. Сюда же относятся приношения-подарки нам от художника, сочинителя, ремесленника, мастерицы их благородными произведениями. Пусть это и подарки, но такого рода, что приносит их бедный или малосостоятельный, а принимает, имеющий состояние; приносит по усердию и уважению, но, вместе с тем, кроме личного своего труда, и сам он должен заплатить другим по какой-либо части за приносимое; – приносит, положим, без всякого вызова других или по своей ошибке, по ложной надежде на помощь, на вознаграждение, но все же тратится, теряет, делая приношение, между тем, как для принимающего ничего не стоило бы ему заплатить, а то была бы возможность и отклонить – возвратить само приношение его. Сколько бывает таких неоплачиваемых приношений в обиду и огорчение приносящим! Если вообще ближний и не требует с нас вознаграждения за убыток по своей совестливости или потому, что не может очевидно доказать понесенный потери, которые, между тем, не подлежат сомнению: то мы сами должны предложить ему вознаграждение, которое в его воле принять или не принять. А, если он ожидает вознаграждения: в таком случае, отказ с нашей стороны будет насильственным отнятием его собственности.

Равным образом, как нечестно оставить без всякого вознаграждения личный чей-либо труд или же вознаградить за

него слишком скупой! (Здесь мы не имеем в виду выполнения платы по договору: коли была договорена или определенно обещана плата-награда за труд, то и остается буквально выполнить ее, как и самый труд в точности же выполнен. Но, может быть, предлагалась плата в таких только словах: «заплачу, не оставлю без благодарности»). За личный труд человеку, который пропитывается от своих рук, должна быть награда соразмерная тому, как подобный труд награждается в других случаях или другими лицами; таковы, например, бывают частные мелочные работы ремесленника в продолжение дня или нескольких часов; переписчика каких-либо бумаг и т.п. «Личные силы», т.е. телесные и душевные, – это есть внутренняя «коренная собственность» человека, личность его. Положим, человек тут не несет никакого убытка, не отдает от себя ничего материально или не убавляет из своего кошелька. Но не еще ли важнее его услуга, когда он служит нам не мертвым имуществом или денежным кошельком, а лично, своими силами? Особенное внимание, особенная соразмерность должны быть оказаны на сей раз к услугам ближнего высшим и самым достопочтенным, в которых, т.е., более участвовали ум и сердце его, чем физические силы, как, например, услуга умного, но бедного состоянием советника в делах, священника, исправляющего церковные требы. Итак, *«горе»* тому ... *«кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его»* (Иер.22:13). Ты, христианин, в настоящем случае положи себе такие правила: за понесенные уже другими траты для тебя старайся вознаградить; а, если у тебя нет средств для вознаграждения или малое только вознаграждение можешь сделать, то искренне проси извинения; в таких трудах для тебя ближнего, за которые без сомнения должна быть плата, хоть и небольшая, по возможности вперед условливайся с ним, чтоб предложением ему, по незнанию, малой платы не оскорбить его и с мира не перейти к неприятным спорам, или же, в случае недостатка твоих средств, мог бы ты отказаться совсем от его услуги.

Насильственное задержание чужого капитала или чужой собственности, которые случайно перешли в руки

«*Вот тебе твое*» (Мф.25:25). Следует ли возвратить задаток денежный или имущественный после дела, которое начиналось, но не состоялось; ошибочно ли получены кем вместо известного лица деньги, по случаю ли пришел в руки полный капитал чей; переданы ли нам кем-либо при счете или плате лишние деньги; оказалось ли застроенным чужое место взамен своего; случайно ли с нашим скотом пришел из табуна во двор наш чужой скот; забыта ли будет гостем или посетителем у нас ценная вещь: все это, от тысячи рублей до чужой трости или палки, мы должны возвратить законному владельцу по первому требованию его. Как только раскроется пред нами заблуждение, что мы не законные владельцы тех денег или того имущества, которым дотоле пользовались в качестве хозяев, тотчас и должны возвратить в целости чужую собственность, или, в случае невозможности физического возврата – заплатить деньгами. Ни давность владения, например, каким-либо участком земли, ни привычка – привязанность к владеемым вещам или одушевленным предметам, например, к животному, не оправдывают нас на сей раз; равным образом, если б и грубо или насильственно нападал хозяин на те вещи, которые еще находятся у нас, и на которые он имеет бесспорное право, – мы не должны поставлять это поводом отказать ему в этих вещах: с его стороны тут допускаются только нетерпеливость или самоуправство. Нет; не возвращая чужого после того, как убедились мы, что оно чужое для нас, и, получив заявление хозяина о принадлежащей ему собственности, мы грешим, несомненно. Тяжесть греха здесь заключается, между прочим, в полной возможности поправить дело. Чужой капитал или чужая собственность сохраняются в наших руках целыми и законный владелец их, не имея, может быть, только внешних доказательств настоятельно требовать их от нас, просит,

умоляет отдать ему, а между тем, наш захват, наше противозаконное завладение остаются в прежней силе. Виновно также здесь завладение чужим ученым или художественным произведением, которое есть благороднейшая и пожизненная собственность человека. Да; нужно всегда охранять и умственный труд ближнего, в смысле автора, переводчика, первого издателя, а не располагать, как бы своею собственностью, его трудовыми мыслями и собранными им сведениями или художественным произведением, а не воспроизводить чужой труд просто, не употребив нимало личных сил, не испросив согласия первого производителя, не указав и на источник, откуда сделано заимствование, извлекая себе отсюда денежные выгоды. (Нравственная же, душевспасительная польза здесь иное дело, – на нее и будет рад, благодарен первый производитель). Вообще, насильственным, хоть бы и под благовидными предлогами, присвоением чужого связывается душа. Как же после этого человек придет к исповеди и будет просить разрешения в грехах, коли сам не разрешает себя от чужого капитала или имущества? – О, христианин! твое и мое в собственности да будет для тебя всегда самым строгим различием.

Искание чужого или не принадлежащего наследства

«Завладеем наследством его!» (Лк.21:38). Так как наследник вступает в права умершего, которому принадлежали деньги или имение: то, прежде всего, искатель такого наследства, которое не принадлежит ему, не как наследственное, или потомственное, т.е. по наследственности кровного родства, и не как произвольное, т.е. по воле или завещанию владельца, – искатель этого рода оскорбляет память покойника. Покойник и не думал иметь его своим наследником, а он хочет получить долю в оставшемся имении или даже завладеть всем имением. Покойник прямо завещал свое имение иному лицу и прямо же, может быть, устранял его от наследства (на такое завещание и имеет каждый владелец полное право даже в последние минуты своей жизни), а он насильно вступает в права наследства. Скорее же, может иной добровольно отказаться от наследства, которое принадлежит ему или отчислено для него, чем незаконно присвоить себе наследство. – Искатель чужого наследства вдвойне обижает законного наследника. Так, лишь только он заявит свои права считаться наследником, имущество, наследуемое до решения дела, подвергается запрещению, а от времени, движимое имущество, обыкновенно, утрачивает свою крепость и цену. Затем, законный наследник должен напрасно тратиться, чтоб защитить от него свои права. Но, если теми или иными путями он успеет в своем искании, то уже и делается полным грабителем ближнего под видом ложно примененных прав. Тем хуже, если он отнимает наследство не у лица родственного, а у благотворительного какого заведения или церкви, в пользу которых завещал покойник всю собственность или часть своего капитала. В таком случае, отнятие чужого бывает и материальное, и, частью, в смысле духовном. У богоугодного заведения, или у церкви, искатель захватывает себе деньги или дом, вещи и проживает их, а покойника лишает духовных плодов от пожертвования. Покойник, распределяя свое имущество по бедным людям да по церквам, хотел и еще

оказать этим заслугу пред Господом Богом, желал, чтоб его поминали за упокой, как жертвователя, а тот, дерзкий, не дает созреть таким прекрасным плодам, посягает ради своего корыстолюбия или праздной и веселой жизни на вечную награду покойника. – О, читатель! не льстись в жизни твоей на чужие наследства. Лучше тебе оставаться под соломенной крышей, чем жить не по праву в наследственном богатом доме.

Корысть с пожара, наводнения и, вообще, в тревожных обстоятельствах ближнего

В правилах церковных на сей раз сказано: *«время, всем угрожающее погибелью, почитать для себя временем корысти, это свойственно есть людям нечестивым и богоненавистным, дошедшим до крайней степени гнусности. Посему справедливым признается всех таковых отлучать от Церкви»* (Григ. Неокес. 3). Ближний и без того терпит страшные потери, может быть, до последней своей одежды, например, когда горит его дом, когда водой разнесло все строение его или товар; и без того иной находится в тревоге и опасности, например, когда повозка или сани его погрузили в снег и он оставляет все это на дороге без всякого надзора, чтоб пойти и попросить других о помощи; и без того кто-либо страдает душевно и телесно, например, когда провожает на тот свет жену, и при этой-то горести забывает или не успевает затворить свои ящики с имением и вещами. Между тем, бесчестные люди в это время отнимают у ближних собственность и тем еще более увеличивают их потери или душевные страдания. Едва несчастный успеет опомниться от тревоги, и видит, что кругом его уже ничего нет (все растащили). Не грабительство ли это? Да, здесь не просто кража, хотя и тайно дело делается, но грабеж: потому что вместо собственных угроз и насилий, свойственных грабежу, вор здесь пользуется теми угрозами и насилиями, которые произвел несчастный случай. Тем хуже и тем справедливее название «нечестивых и богоненавистных» относится к таким обманщикам, которые в каком-либо народном собрании вдруг кричат о пожаре, которого, между тем, нет, – чтоб произвести тревогу, и во время этой-то тревоги грабить, рвать с испуганных людей украшения и, вообще, дорогие вещи. – О, наглые грабители! Нажиться во время тревожных обстоятельств ближнего, действительно, случай удобный, и вы торопливо пользуетесь этим случаем. Но кто недобр к людям в счастье их, тот, может быть, еще пощадит несчастного. А у вас и этого нет. Сомнительна, значит, ваша доброта к человеку в

какое ни есть время. Лучше пробудите в себе доброту и честность.

Корысть с мертвого тела, особенно с поруганием для мертвеца

Это доказывает, с одной стороны, алчность к вещам, а с другой – крайнюю неуважительность к имени и лицу человека. Будто мало для ограбления других предметов и с живых лиц, если уж желательно грабить, будто грабитель мертвых сам не смертный, будто он не будет в свою очередь столь же неподвижным и беззащитными! Где же ближе каждому человеку представить себе собственную смерть и, таким образом, прийти бы в чувство раскаяния, как не в виду мертвеца и не под обонянием мертвого запаха? А грабитель, между тем, бросается на легкую корысть, – берет себе что-либо с мертвого тела. – Тем страшнее этот грех, когда ограбление соединяется с поруганием для мертвеца: например, когда бросают мертвого вниз лицом; когда обнажают его совсем или до сорочки и так-то оставляют его на открытом месте, напоказ людям; когда, наконец, разрывают его могилу, будто знают, что он положен в хороших одеждах или с какими-либо дорогими вещами. В древние времена грабительство последнего рода (в могилах) встречалось столь же нередко, как ныне бесчестные люди непременно оснимают мертвеца, когда найдут его в поле или на улице ночью. Древние гробокопатели с целью грабежа подвергались строжайшему наказанию: они отлучались от св. причастия на 10 лет, притом – с самыми строгими подвигами покаяния, например, должны были полагать каждый день по 200 поклонов и стоять на коленях (Вас. Вел. 66). – О, человек-человек! зачем же трогаешь ты мертвых? И тебя самого ожидает какая-нибудь могила. Да смотри, не случилось бы так, что тебя и не примет могила, что чужая-то могила, раскапываемая тобой для грабежа, вдруг обвалится и придавит тебя!

Утаение найденной вещи, особенно когда известен ее хозяин

«Когда увидишь вола брата твоего или овцу его, заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему; если же не близко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то приberi их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их; так поступай и с ослом его, так поступай с одеждой его, так поступай и со всякой потерянной вещью брата твоего...» (Втор.22:1–3). Если потерянная вещь принадлежит и врагу или недоброжелателю: «заблудшего приведи» (Исх.23:4–5). Потерять нетрудно каждому что-либо из своих вещей, а особенно деньги. Но ужели потерянная собственность перестала быть нашею собственностью потому только, что выпала из рук наших? А если это будет огромная потеря, и если все-таки известно, что кроме такого-то места или таких-то рук она ни на шаг дальше не может скрываться? Нет; право человека владеть потерянным не прекращается. Но говорят: «иной раньше потерял такую же точно вещь и приблизительно такой же цены: ужели не может пополнить свою потерю этою находкою»²⁰²? Не может, по смыслу церковных правил: «обольщают себя, удерживая найденную чужую собственность, вместо своей утраченной»²⁰³. Это значило бы делать обиду за обиду в вещах, или, точнее сказать, вымещать свою потерю на собственности ближнего. Еще иной говорит: «неизвестно, кто потерял вещь; а не посторонняя ли это для меня забота отыскивать хозяина ее»? Если находка ничтожна (например, будет она меньше 10 рублей, в таком случае, и без упрека совести может оставить ее у себя тот, кто нашел ее и не знает, чья это собственность); если, напротив, находка очень значительная: нужно объявить о ней во всеуслышанье на том месте, где она найдена, или же дать знать начальству, или через печатное слово. Хуже, когда она будет изобличена: тогда и правилами церковными полагается епитимия²⁰⁴. Еще виновнее утаение чужой потери, если потерявший сам объявляет о себе в

газете, а кто нашел вещь и прочитал газету, или получил газетное известие через других, молчит и молчит. Более виновна также утайка в том случае, если не предъявляет о вещи смотрителя или сторожа тех заведений, или мест, где вещь потеряна: в таком случае, нарушается этими людьми доверие к ним со стороны других лиц. Но доколе не явится хозяин найденной вещи (а после объявления хозяин поспешит явиться): следует хранить ее в целости (Втор.22:2). Когда же хозяин будет просить вещь: нужно возвратить ее прямо или, смотря по обстоятельствам, с посредством гражданского начальства. Словом, утаить найденное есть грех насильственного присвоения чужой собственности: ни права употребления, ни права обладания над находкою не имеет тот, кто нашел ее и думал бы воспользоваться ею под предлогом «своего счастья». Мало того: по-христиански этот человек должен возвратить находку без всякого скверноязычия²⁰⁵, не требуя себе доли за то, что или указал, где лежит потерянная вещь, или похранил ее, но предоставить вознаграждение за нее усердию ее хозяина.

Ты, христианин, так всегда и поступай, если случится быть в твоих руках чужой потере! Не удерживай ее и под бескорыстным каким предлогом, например, чтобы помолиться за того, кому она принадлежит.

Виды кражи или тайного присвоения себе чужой собственности

Кража как сильная привычка, или страсть

«Воры... царствия Божьего не наследуют» (1Кор.6:10). Если же отказывается им в царстве небесном, то значит доля их – ад, вечная мука. Как бы пред такую угрозою не остановиться вору! Между тем, несчастный сам себя вовлекает в такое состояние, что не хочет исправиться и часто делает свое исправление крайне затруднительным. Его подстрекает к краже легкость приобретения: там еще нужно трудиться да терпеть, а тут в один час может быть нажива для пропитания или для веселой жизни в продолжение целого месяца. Его подстрекает к повторению кражи невоздержанная или пьянственная жизнь: самая большая часть краж, обыкновенно, происходит от нетрезвости или от разгула жизни. Страдающему от запоя или от пьянства не до того, чтобы усидчиво зарабатывать себе кусок хлеба, и он бросается на чужую собственность, чтобы скорее удовлетворить своей страсти и дольше продлить удовлетворение ее. Всего же более подстрекает вора в краже заманчивость ее. Так как существенным признаком ее, в противоположность грабежу, бывает тайность, отсутствие хозяина или владельца вещей, вообще – отсутствие всяких насильственных, грубых мер и угроз, свойственных грабительству и разбою: то здесь льстит человеку борьба его с легкими, большею частью, препятствиями к похищению, нравятся его самолюбию то искусство и та хитрость, с которыми он успевает достигнуть своего намерения, или одерживает верх над теми мерами хозяина, которые хозяин со своей стороны употреблял, чтоб охранить от его рук свое имущество. Таким образом, в краже вор находит, своего рода, удовольствие – наслаждение даже и помимо материала своей страсти, т.е. кроме тех денег или вещей, которые крадет. Иной раз он совсем не успевает извлечь себе выгоду или пользу из украденного: еще не успеет положить или унести вещь, а уже обличается или задерживается. (Однако ж, и тогда он нравственно виновен, потому что одним этим прикосновением к чужой вещи возмутил уже в другом спокойствие владения). Казалось бы, таким

образом, безуспешная кража произведет на него впечатление не в пользу привычки красть. Но нет! ему нравилось самое приготовление к краже: он с приятностью прошел ряд этих подкрадываний, затаенных вздохов, наблюдательных осмотров кругом себя. Поэтому самый неуспех в краже часто подстрекает его к новым попыткам красть; на сей раз «тайную кражу» можно сравнить с «тайным блудом». (Бывает пристрастие и к кражам особого рода: это «материальные стороны кражи». Кто на что сделался искусным, тот за тем более и гоняется, чтоб украсть; например, один крадет железо и все, что носит характер железа, – другой любит обирать готовое платье, третий – серебряные вещи, а некто имел страсть воровать бриллианты). И вот, таким образом, человек развивает в себе страсть к воровству, особенно, когда с малолетства начал красть. И вот, почему всегда большее число заключенных в тюрьме бывает «по краже» (из 20 человек в камере один только сидит не за кражу, – и все это более молодой народ); потом, всегда более возвращаются в тюремное заключение или подпадают снова суду не за другие преступления, как за кражу в разных видах ее. Отсюда – неискоренимость вора, отсюда и страшная угроза ему лишением царства небесного.

Вины его, действительно, тяжкие. Так, например, он безжалостно отнимает у других в короткое время то, что другие приобретали в продолжение многих лет и многими трудами; так он нередко лишает семейного человека и куска хлеба; вводит других еще прежде своей кражи в напрасные траты; все это – наем ночного караула, постройка высоких и твердых стен, крепкие затворы у дверей и окон, железные сундуки и множество замков, – все это было ли бы нужным, если б не было воров? От вора так же нужно застраховать свое имущество, как и от огня. – Так, он даром загубляет самые дары природы: помнет, разломает многое, но не найдет по себе ничего украсть. (Взлом увеличивает его вину, а особенно внутренний, или для свободного входа внутрь самого дома или комнаты, – увеличивает, потому что тут преодолеваются уже сильные препятствия, следовательно, показывается особенное усилие злой, преступной воли). Или скроет вор вещи в лес, в

подземелье, и не успеет оттуда взять их по причине своего ареста или по другому случаю, так что вещи навсегда остаются скрытыми или только без наблюдения портятся. После всего этого, очевидно, вор, – самый злой враг собственности и благосостояния ближних. Но, вместе с тем, ни сила заманчивой страсти, ни наследственность ее, как, может быть, от родителей, ни соблазн и сговор со стороны других, ни бедность, ни самый голод (Лк.15:13–16) не извиняют его и не извинят на страшном суде. Его страсть (например, и к однопредметной краже, – *мономания*) тогда бы только была непреодолимым побуждением красть и, таким образом, уничтожала бы вменяемость или ослабляла бы вменение его поступка, если бы рука его могла делать кражи против его воли. Беден ли он? но его бедность и происходит от кражи; потому что, если у него двигаются руки, то и мог бы он найти себе пропитание, особенно в нынешние времена, когда рабочие руки почти везде столь дороги. А, если он беден до крайности и голодует, то должен обратиться за помощью к тем, которые естественно или ближе других могут пособить ему, а не красть. Блудный сын довел себя и до последней крайности, однако, лучше захотел питаться со свиньями, нанявшись пасти стадо их, чем красть и пропитываться краденым. (Такой случай, чтоб отец для спасения своего семейства от несомненной голодной смерти взял тайно чужие съестные припасы, т. е. случай столкновения прав, хоть, все же, неравных, может быть, слишком в редкость и не повторяемый). – Не извиняет вора также и то, если он, воруя, подбрасывает украденные вещи, с которыми не знает куда деваться. Иное еще дело, если б он добровольно отдал украденное. В церковных правилах на этот раз, действительно, смягчается вина его: *«украваший, аще сам по себе раскаясь, обвинит себя, на год да будет отлучен от причастия токмо св. Таин: аще же обличен будет, то на два года»* (Вас. Вел. 61). Что же, читатель, посоветуем привыкшему красть для исправления его от бесчестной страсти? Самый главный совет передадим ему из слова Божия: *«Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись»* (Еф.4:28). Личный труд научит его ценить и чужие труды. Зная по опыту, чего стоят деньги или вещи,

владеемые им, он будет предчувствовать неприятное положение быть обкраденным и считать вперед похитителя своей собственности врагом своим и злодеем, а, таким образом, и не будет касаться собственности других. Действительным также предостережением против склонности к краже нужно почтить не касаться чужого наедине и вообще избегать тайных действий. Еще – для исправления от этой страсти в самом сильном развитии ее хорошо искать благонамеренной помощи от других, как например, преподобный Дорофей исправил от нее одного близкого к себе человека (Душеполезные поучения)²⁰⁶.

Принятие для хранения или покупка заведомо краденного, а также вещей сомнительной собственности

Кто принимает похранить у себя краденое или покупает это, или продает со знанием, тот, положим, лично и не совершает кражи и в этом смысле еще не вор, не зачинщик и не пособник в краже, потому что является действующим лицом уже после совершившегося преступления, потому что злая воля его проявляется, когда представился случай проявить ее. Однако ж, его вина в краже несомненная, так что составила народная пословица: «не тот вор, который ворует, а тот, который принимает». И действительно. Если бы не было принимающих и покупающих краденые вещи, тогда большинство воров должны были бы оставить свой промысел, потому что деньги наличные всего реже им удастся украсть, а украденные вещи они затруднялись бы каждый раз обращать в деньги. Не имея же возможности или нужды сами пользоваться ими, должны были бы бросать их. Таким образом, приматели и покупатели краденого, не совершая лично кражи и даже не содействуя в ней предварительно вора, в то же время, поддерживают воровство. *«Татем прииматель... едино лето да не причастится»*, положительно карает этих людей правило церковное (Номокан. 47). Тем большая вина тех из них, которые до самой кражи обещались принять краденое, или же покупают, зная и случай недавней кражи и лицо, у которого похищены вещи. Но и покупать вещи сомнительной собственности – вина. Пусть продавец не скажет что вещь его «краденая», и даже будет уверять в противном, даже предлагает от себя расписку, будто продаваемое – его собственность. Но разве с честной продажей скрываются от людей? А продающий краденое, обыкновенно, старается продать один на один или же в отдаленном месте от своего жительства. Разве при честной продаже продается вещь за что ни есть, а продавец воровских вещей почему-то продает их за бесценок? Во всяком случае, принявший или купивший сомнительную вещь не может

успокоить себя относительно владения ею, как честный и законный владелец. Потому лучше было бы ему и не покупать этой вещи. О, напрасно успокаивают себя неучастием в чужом грехе приниматели или покупатели краденых или сомнительных вещей! Не будь у них любостяжания и сребролюбия, они и не решились бы ни на принятие, ни на покупку!

Необличение знакомого вора

«Когда видишь вора, сходишься с ним» (Пс.49:18). Нужно обличать злого вора и пред судом, если суд отыскивает его, и пред теми, у которых он крадет, и пред собственной его совестью. Между тем его прикрывают сами блюстители общественного порядка из-за денег же, сограждане или односельцы – из опасения, чтобы он не обокрал их самих, попечители казенного или общественного благотворительного заведения по своему невниманию или из-подобострастия к старшему в своей среде, который будто бы также знает о нем, и снисходит. Первые прямо «сходятся с ним» и уже увеличивают общество воров; вторые ошибаются в своем расчете, потому что вор обкрадет и их, если будет случай; третьи, хоть «сами» не «творяют» кражи (как и вторые), «но... соизволяют творящим» (Рим.1:32): ясно они видят, что, например, какой-нибудь смотритель или эконо́м казенного дома по всем частям хозяйства присваивает себе и быстро богатеет, но не делают ему ревизию, но не подают голоса против его злоупотреблений, просто только подписывают счетные книги и журналы. (Меньшая или прямо простительная на сей раз вина, если не объявляет вора близкий родственник или лицо благодетельствованное им, т.е. первые не объявляют по расположению кровному, а последние – по благодарному чувству признательности) (Улож. о наказ.128). Ради чего же знающие о воре, и даже обязанные обличить его, сносят его или еще принимают его у себя, как честного человека? Сам он, может быть, согрешая, ссылается на бедность или на соблазны, хотя и никакие оправдания его не извиняют; а прикрывающие его какое же удовольствие получают от своего молчания? Сам он, может быть, и раскаивается в своем грехе; а укрыватели даже и не думают о своей вине пред Богом, когда укрывают, успокаивая себя тем, что не они ведь крадут. Сколько отсюда происходит зла! Казна или ближний терпят потери, которые между тем была бы возможность вознаградить или только на последующее время предотвратить. Пред судом скрываются или уничтожаются следы преступления.

Наконец, вор искажает суд совести над самим собой, начинает смотреть на свой грех, как на что-то обыкновенное. Он не видит, чтобы им оскорблялись или от него отвращались: что же ему-то самому осуждать себя? Зачем терять смелость? Известно, что человек часто судит о том, что должен делать не по своей совести, но соблазняется мнением других. (Впрочем, и открывать-обличать вора следует не так, как обличают иногда на рынке. На площади оденут пойманного с покражей во что-либо особенное и кричат и стучат о нем. Это и не по-христиански и не послужит на пользу виновному, а особенно виновной: тогда преступное лицо теряет всякий стыд. А между тем и покража, например, со стороны женского лица, может быть сделана ничтожная. Бывают примеры, что женские лица после такого бесчестия и заболели). Высшая степень греха, о котором идет речь, состоит в том, когда вору дают убежище, где он может или воспользоваться плодами своего преступления (например, сосчитать и привести в порядок украденное), или же на первое время укрыться от преследования законной власти. А давать заведомо и постоянно пристанище вора — значит вступить в общество их и вполне разделять с ними преступные кражи. Пусть участие тут выражается только в обещании принять вора, и даже дается обещание не прямое, а безмолвное. Но оно уже обличается своим постоянством: постоянно или каждый раз принимают у себя воров. Нет, благочестивый и чистый христианин! Все мы должны общими силами предупреждать развитие воровства и искоренять в других этот порок. Ветхозаветный закон, во всем строгий, в отношении же к вора был, по-видимому, снисходительным. Он преследовал только вред имуществу других, какой они делали, и требовал вознаграждения за убытки (Исх.22:3), а не заботился казнить воровство, как страсть, как распространенный порок, потому что предполагал, что ради только насущного хлеба иной решается взять чужое (Притч.6:30). Ныне же у нас не то. Кражи, утайки, присвоения допускаются по привычке, по алчности и искусственно в высшей степени. Итак, должны ли мы проходить мимо, молчать и прикрывать, когда видим крадущих?

Принятие залогов от нетрезвого, или игрока, для удовлетворения их страсти

Здесь мы хотим сказать преимущественно о временном увлечении иных к пороку, например, человека нетрезвого или картежного игрока. Пройдет разгар их страстей и они обращаются к своим обыкновенным занятиям. Но как же они находят себя после этого относительно своего состояния или средств? Вот иной крайне нуждается в своих вещах, например, зимой – в теплой одежде, между тем его вещи просто лежат в чужом доме, как обеспечение долга. Таким образом, залогоприниматель в лице его лишает ближнего необходимого довольства жизни. Затем, должнику остается усиливать свой труд, чтоб одновременно и удовлетворить текущим потребностям по содержанию своей семьи или одного только себя, и приобретать деньги на выкуп залога, и еще особо уплатить за одолжение деньгами. Не в силах он понести такой труд, а то для удовлетворения своей страсти делает новые заложения, и вот залогоприниматель совсем завладевает его вещами, которые всегда дороже ссудных денег. Не обирательство ли это ближнего? А завлечение его в грех? А пособничество ему в страсти? Нетрезвый и игрок поневоле остановились бы, если б залогоприниматели не снабжали их наличными деньгами. Относительно ссуды денег пьянице между прочим замечают, что «на всякую другую крайнюю нужду трудно кому ни есть найти в долг денег, а на вино почти всегда находят». Какие же это благодетели, одолжающие на сей раз деньгами? Это – благодетели только себе, а враги ближнему. Они как бы желают, чтоб ближний их напивался вином или обыгрывался в карты. Особенно низкими обирателями в этом случае бывают прямо торгующие вином в раздробительной продаже. Сколько бы ни приносил им нетрезвый своих вещей в заклад, они с охотой принимают, одалживая не самими деньгами, а вином. Принесет ли им иной для залога даже святую икону или серебряный с груди крест? И к тем вещам протягивают руку. (А в часы свирепой страсти запоя и

действительно человек ничем не дорожит, – только бы ему утолить свою жажду вином). Принесет ли он к ним последнюю обувь? И от того не отказывается. Обещает ли, им плату в счет будущего урожая, распоряжаясь тем, чего еще не получил от Господа Бога? принимают от него и эту будущую плату, только бы сбывалось у них вино. предлагает ли им в промен имеющийся хлеб и другие сельские производства? С особенною охотою соглашались на промен. Даже и телесный труд такого человека мелкие виноторговцы принимают под заклад вина: вместо денег они оплачивают произведенную им работу известною мерою вина. Справедливо же закон наказывает таких залогопринимателей, если они будут изобличены тем, что и вещи от них возвращаются закладчику и долг им считается не заслуживающим платежа (Улож. о наказ. ст. 695–6). Закон так-то строго воспрещает продажу вина в долг и под заклады вовсе не в тех соображениях (фискальных), чтоб соблюдены были на сей раз денежные интересы казны, но исключительно в нравственных целях, чтоб не расстраивалась народная нравственность, чтоб сохранилось общественное благочиние. Но этого наказания дающим деньги или вино под заклад еще недостаточно; потому что эти люди окрадывают ближнего вдвойне: и вещественно и нравственно. Они тяжко грешат пред Богом. – О, как же низка и виновна их прибыльная жизнь! Видно, и им наскучило честно трудиться и приобретать!

Безгласное завладение чужим под видом остатка

«В малом ты был верен» (Мф.25:23). Иногда остаток денег или материалов может только с первого раза показаться остатком, например, при расходе их: постыднее же будет возвращать его, если вскоре окажется в нем недостаток. Во всяком случае, остаток не нам принадлежит, хоть бы был составлен нашим усердием или экономией. Поэтому нужно вернуть его хозяину, от воли которого зависит, принять его себе или отдать нам в награду. «Нет вблизи хозяина, чтоб вернуть? А то нет лица, которые имели бы право усчитать нас в хранимых или употребляемых нами материалах? Да и сам остаток незначительный?» В таком случае прежде, чем оставить его за собой, можем огласить его хоть пред посторонними лицами. Положим, эти лица не имеют права разрешить вам владение чужим: но здесь важно отсутствие тайности, скрытности пред самим собою; важно не дать самим себе повода допустить и в другом и в третьем случае скрытность, притаённость (внешнюю), которая вообще бывает признаком кражи и может частью развивать в человеке кражу. Впрочем, христианин, мне и тебе позволительно иной раз и безгласно воспользоваться самим для себя или для других незначительным остатком чужих денег или вещей, позволительно, если мы уже утвердились в характере не брать ничего чужого. В таком случае мы стоим выше мелких опасений и мелочных злоупотреблений, именно потому, что действуем в духе «свободы Христовой» (Гал.5:1).

Тайноядение, а также и тайнопитие, особенно вина

Бывает тайноядение и благонамеренное, невинное, чтобы не сделать смятение между другими, не соблазнить кого: так апостол Петр тайлся в пище между антиохийскими христианами из язычников в виду пришедших в Антиохию иудеев. Конечно, не об этом тайноядении и тайнопитии наша речь. Но, во-первых, о том, которое бывает большею частью из взятого тайно: едят и пьют тайком от хозяев или собственников какой-либо пищи или питья²⁰⁷. Таким образом, здесь может быть и лишение ближнего в том, что он приготовил для самого себя поесть – испить, значит, лишение его в существенной потребности. Затем, тайность на этот раз допускается даже по собственной пище или питье: не хотят поделиться с другими, пригласить к столу человека, которые еще не трапезовал, и потому таятся; и только лишь не во время пьют или едят, и потому скрываются, чтобы не оговорили их (например, рано утром в воскресенье пьют чай). Такого-то рода тайноядение или тайнопитие помимо тех причин, которые к нему побуждают, и которые то еще более увеличивают вменяемость его, то уменьшают, не может не беспокоить совести христианина: таким образом требует самоосуждения пред Богом. Но особенно виновно тайнопитие вина. Оно может быть или в гостях, когда, например, отвернется в сторону хозяин, которому принадлежит право угощать, или у себя в доме, чтоб не показаться пред другими пьющим. Скрытное, келейное тайнопитие вина очень способно развивать страсть и даже запой (особенно в женском лице). Как и вообще порок затаенный быстрее развивается в силу того, между прочим, что не встречает себе противодействие со стороны других благонамеренных лиц. И так ты, христианин, вспомнив, между прочим, кражеское тайноядение Евы в раю от запрещенного плода, избегай тайноядений и тайнопитий нечестных по приобретению или только своекорыстных или же для удовлетворения страсти.

Кража по домам во время всенощной или в церкви

Имущественная обида ближнему в первом случае состоит в том, что вор идет украсть ночью. (А вообще вина ночной кражи увеличивается; потому что ночной вор, пользуясь темнотой ночи, действует смелее и больше уносит. Таким образом, по дерзости его и защита против него позволяется большая, чем днем, нет тут ответственности пред совестью и за тяжкие удары ему (Исх.22:23). Вторгаясь в дом во время всенощной, он идет на беззащитных, т.е. на престарелых или детей, которые остались стражами дома. Следовательно, он идет взять большее, и действительно берет большее, если не может унести всего. Это самое и составляет особенность вины крадущего по домам во время всенощной. Затем, следует в его проступке сторона религиозно-нравственная. Из-за вора лишней человек остается дома и не идет в церковь, например, к стоянию на «страсти», ко всенощной на «Благовещение», к заутреням в «Рождество и Пасху», не идет поневоле, чтоб не встретить потом своих комнат и ящиков пустыми. Но и придя в церковь, не имеющий у себя семьи беспокоится духом, что вот-де вор вторгнется в его дом-квартиру и похитит все, и следовательно, не молится с полным вниманием. Малодушные же люди, потерпев действительную потерю во время своей бытности в церкви, ропщут-досадают на самую службу церковную, которая сделалась виною их разорения. Таким образом, крадущий по домам во время всенощных делает убыль ближнему и вещественную и религиозно-церковную. Сам по себе он глубоко оскорбляет Господние праздники: чем светлее для прочих праздник, тем мрачнее для него по черным делам его. Что же до кражи в церкви, то здесь нравственная сторона проступка так важна, что об имущественной обиде ближнему можно и не говорить. Там, где учат добродетели, где кругом такие свидетели, как святые Божии в своих ликах, где присутствует Господь Бог своею благодатью и славой, где люди молятся и приносят покаяние во грехах, – там вор или целая партия хищников крадут, срывают с других вещи...! И это допускается

ими преимущественно в минуты особенного умиления и благоговения богомольцев, например, когда все подходят ко кресту, к аналойной иконе, прикладываются к мощам или чудотворному образу. Таким образом, хищники в церкви (пусть и не церковных, а мирских вещей) не дают богомольцу спокойно излить свою душу перед святыней, заставляют его каждую минуту беспокоиться за деньги и другие вещи, которые находятся с ним. Таким образом, обокрав его, они оставляют неприятное впечатление в нем после исполнения им святой обязанности или давнего обета, отталкивают и других от посещения святынь: а всем этим умаляют достоинство самих святынь или честь храма часовни, где хранится святыня. О, если б эти наглые хищники, сознав свои тяжкие вины, поспешили в церковь только для того, чтоб помолиться и раскаяться в грехах своих пред Богом, чтоб изъявить пред духовным отцом твердую решимость не красть больше ни в церкви и нигде!

Святотатство

«Святотатствуешь» (Рим.2:22). В грехе святотатства различаются:

- а) церковные вещи (имущество);
- б) вещи, освященные и употребляемые при богослужении и
- в) те, которые принадлежат к евхаристии;
- г) наконец, дары Христовы и святое миро.

Церковные вещи могут храниться и, следовательно, быть похищаемы, не в церкви только, но и вне ее: в часовнях, в ризницах, в кладовых, в столбах с образами. (Впрочем, икона из дома, временно находящаяся в церкви, например, во время сорокоустного поминовения по умершем, кружки при церкви в пользу бедных или для благотворительного употребления не составляют церковного имущества). Похитить что-либо из церковных вещей, например, свечи, которые еще не были поставлены пред иконами, деньги с блюда или под замка, из материалов каких, например, кирпич, листы железа, дрова, – это только кража, но кража выходящая из ряда других краж. Затем, и временно только пользоваться чем-либо из церковных вещей, например, коврами, настольными подсвечниками, обыкновенной посудой и бельем (полотенцами), – пользоваться в своем доме или квартире не для молитвенного и богослужебного употребления или не по случаю какого-либо духовного праздника-собрания, а только взамен мирских вещей, которыми бы можно было позаимствоваться из мирских домов – все это также составляет немалый грех. По правилам святых Апостолов похититель церковного воска и елея должен возвратить в церковь впятеро больше (Прав.72). Да, вещи, принесенные в жертву храма и уже освященные богослужебным употреблением, например, огарки, иконы и оклады у иконам, кадила, ризы, богослужебные книги (кроме напрестольного Евангелия) скорее могут быть проданы за ветхостью или по избытку в них для подобного священного употребления, и только лишь некоторые (как, например, металл) с переделкою, с переливкою, отданы за плату, пожалуй, и для обыкновенной

мирской потребности, – чем поступить для мирского употребления и в мирской дом. Умышленно же красть из церкви освященное богослужением и церковным употреблением – значит допустить грех Иуды, который в намерении своем уже крал дорогое миро, изливаемое Мариею на пречистые ноги Спасителя (Ин.12:3–9).

Наконец, похитить с престола или из ризницы употребляемые евангелие, крест, потир, дарохранительницу, антиминс, святое миро, самые дары Христовы или только покрывало или пелену с престола – похитить одну из этих святынь также из кратковременного хранилища, например, из дома священника, или пользоваться в домашнем и мирском употреблении которою-либо из них (исключая, разумеется, мира и святых даров): это-то самое и почитается в строгом смысле святотатством: *«святотатец, сие есть, иже украдет что из церкви священное от святаго жертвенника, от сосудов церковных»*, сказано в номоканоне (Прав. 50:183). Такому святотатцу полагается епитимия 15-летняя (Григ. Нисск. 8). А Валтасар, дерзнувши употребить церковные сосуды для своего пира, наказан был сначала самым тревожным страхом, затем – и неожиданною смертью (Дан.5). Тяжесть святотатственной кражи увеличивается, когда она соединена бывает с оскорблением для святыни (растворят царские двери, опрокинут сосуд с миром, окровавят пол и стены храма в побоях защитникам святынь, после чего требуется уже освящать церковь и священные вещи). – О! не рука ли только некрещенного может подняться на кражу таких вещей? не довольно ли для жадного грабителя мирских домов и вещей, чтоб ограблять? Не значит ли это, например, похищая крест, потир, лжицу, – ограблять Самого Христа? О, страшные хищники! Но даждь им, Господи, *«прежде конца покаяние»*!

В обширном или духовном смысле святотатством еще почитается: употребить для таинства не то вещество или не того качества, как требуется по правилам церковным, например, для обедни подать вино спиртовое, окислое, жидкое, дешевое или просфоры черные, черствые (все это – нередкие злоупотребления и самочиние церковных старост: мягкую и

лучшую по форме просфору продадут мирянину для поминовения, а для литургии, для евхаристии нарочито выбирают черствые и худшие); самовольно совершать таинства (у раскольников служат и берутся крестить, исповедовать, венчать их попы, а в православии тот, кто состоит под законным запрещением); допускать к св. тайнам явно для всех и, по существу дела, человека недостойного (Мф.6:6).

Святокупство (симония)

«Серебро твое да будет в погибель с тобою..., покайся в том грехе своем...» (Деян.8:20:22). Так было сказано волхву Симону, который за деньги хотел получить от Апостолов высший духовный дар сообщать другим посредством возложения рук Духа Святого. От него и произошло название греха – *симония*. Тот же грех и ныне повторяется: когда прямо за известную сумму денег, или, желая самим себе особенного почета, рукополагают кого в сан священнический или дьяконский; когда за деньги же, которые прямо показываются, или обещаются, или только ожидаются – разрешают кого в грехах; когда по излишней вере деньгам приобретают себе часть от св. мощей или только покровцы от хранителя этих святынь (употребить же на сей раз подарок или денежную плату лицу некрещеному, в руках, которого была бы святыня, не составляет греха); когда известную сумму определяют, и без приноса ее даже и не допускают приложиться к мощам и чудотворной иконе. Пророк Даниил строго ответил, когда ему предлагали за проявление дара прозорливости серебро и высокую почесть: «дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому» (Дан.5:17). Соборные правила так же гремят на тех, которые с одной стороны покупают, а с другой – продают благодать, которая, между тем, *не продаваема*²⁰⁸: то они лишают за этот грех священной должности, то подвергают анафеме²⁰⁹. Преступно здесь, что духовное оценивается вещественным, бесценное отдается за прах, «*туне*» приятное сообщается «*не туне*» (Мф.10:8), что происходит торговля священным с обеих сторон. Вина этого смертного греха распространяется и на тех, которые только посредственно, но, однако, сознательно содействуют ему²¹⁰, и равно, и тяжкая вина – будут ли деньги приняты вперед или после²¹¹. О, как страшно заносит эту домашнюю и низкую страсть сребролюбия в самое святилище Божие!

Злоупотребление пожертвованиями других, которые сделаны на какое-нибудь богоугодное святое дело

«Сказал же он не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор» (Ин.12:6). Здесь глубоко оскорбляется религиозное чувство ближнего. Каждый, кто от искреннего усердия жертвует в церковь или на миссионерское дело, или на богоугодное какое заведение, или по случаю какой-либо особой молитвы, например, молебна, – каждый желает, чтобы его пожертвование достигло своего назначения, чтобы принесло свою пользу и даже только не без умной бережливости было употреблено. Это сердечное желание жертвователя тем достопочтеннее, что иной раз он жертвует не от избытков своих, а с отказом самому себе в некоторых потребностях; жертвует, за недостатком денег, и вещами, или произведениями своими, как только может, например, книгами, хлебом, холстом и т.п. Между тем, те люди, в руки которых по доверию к ним поступили эти пожертвования для передачи куда следует, или для безотчетного употребления по их усмотрению, или для постепенного расходования, положим, и с записью, те люди употребляют чужие жертвы не для славы Божией, а в свою пользу; например, удерживают у себя под каким-нибудь предлогом или без всякого размышления деньги, которые были вручены им на свечи, для молебна, на покупку какой вещи к церкви, для раздачи бедным; пользуются для своих только корыстных или иных личных видов материалами или вещами, например, духовными книгами, которые предназначены беднякам или приходским школам. Если же и не так употребляют все то, что вручено им с известною священной целью, небережливо, непроизводительно для духовного дела, например, в миссионерстве, словом, как только стороннюю для себя собственность. О, воры святых пожертвований ближнего! Представьте себе доброе и невинное чаяние жертвователя, как он думает удостоиться милости Божией в силу своего пожертвования, как предполагает, что его пожертвованием

давно пользуются, кому он назначил пользоваться, как от его пожертвования возрастают духовные плоды! Между тем, всего этого еще нет на деле, все это, вот, вы задержали в своих руках. Поспешите же исправить свои злоупотребления, если еще можете – самым делом, а, если нет – глубоким покаянием пред Богом.

Неправедное присвоение чужой собственности обманом

Делание фальшивой монеты или только сбыт ее заведомо

«Чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесарево» (Мф.22:20–21). Да; самому царю принадлежит право повелеть производить денежную монету, а государству всему следует доход от нее. Таким образом, работа фальшивой монеты, хоть бы из металла и материалов того же достоинства, составляет кражу у самого царя и всего государства. Каждому открыты способы трудиться для приобретения состояния, между тем, работою фальшивой монеты и кредитных билетов, имеющих в общем обращении свое достоинство, иные, не трудясь, хотят вдруг обогатиться в счет государства; они хотят жать там, где не сеяли и не работали; они собственным трудом и преобразования никакого не делают в монете по виду ее, а только копируют произведение царя и тем самым еще оскорбляют самое произведение. Главное же: изготовляя деньги, эти люди обессиливают государство в основании его, хотят усвоить себе самим часть государственной силы посредством быстрого обогащения. Государство, посему, и справедливо вступает за свои права: так, например, оно преследует даже тех, которые хоть не принимают никакого участия в работе фальшивой монеты, но знают о ней достоверно и, между тем, не доводят до сведения правительства²¹²; преследует и одну случайность получения фальшивых денег, если кто, положим, добросовестно получил монету, не зная о ее фальшивости, но жалеет потерять собственное и потому спешит передать ее другому под видом настоящей²¹³.

О, если б подделыватели или переводчики фальшивых денег, до привлечения их к делу, вразумились и добровольно поспешили открыть правительству своих соумышленников, еще не известных! Тогда они доставили бы средства обнаружить и пресечь преступные действия других к пользе государства, а сами были бы помилованы правительством: их имена даже

сохранились бы втайне, по крайней мере, до гласного разбора дела.

Незаконная продажа золота, равно, как такая же работа из него вещей

«Лучше тысяч золота и серебра» (Пс.118:72), сказано в слове Божиим о дарах духовных. Следовательно, между дарами же вещественными, или в природе видимой, золото есть первая драгоценность. Кому же, как не целому государству, первоначально должна принадлежать эта драгоценность? Да; уже государство предоставляет от себя другим как добычу золота, так и торговлю им по частям. Но скажут: «не счастье ли человека, который случайно нашел целый самородок золота или серебра, или же кусок драгоценного какого камня, например, алмаза»? Счастье пусть будет счастьем. Но как всякую находку надобно предъявить хозяину ее; так известно каждому и хозяин драгоценностей из недр земли. Хозяин в настоящем случае – казна. Она не оставляет без вознаграждения того, кто случайно найдет кусок золота или драгоценного камня; но она не предоставляет этому человеку непосредственно продавать найденное, которое он и стал бы продавать ничтожною ценою. Золото на этот раз можно отнести к вещам, которые общи для всех, как свет или воздух, и которых исключительно один кто-либо не может зачислить за собой собственностью. Как в семье все имеют одинаковое право смотреть на какую-либо драгоценность или пользоваться этой драгоценностью, так и члены всей государственной семьи равны в правах на драгоценное. Где же будет справедливость, если один кто завладеет золотом? Еще скажут: «иной отыскивал золото или обработал его». Но и другой так же употреблял усилия отыскать: чем же достойнее первый, чтоб исключительно и безгласно один мог завладеть отысканным? А если личным трудом на обработку золота признать тот труд, который употребляется на обращение золота в слитки, то пред ценностью металла в природе этот труд ничего не значит. – После сего преступно поступают и те, которые производят и продают какие-либо золотые вещи без установленных клейм, которые сплавляют золото и серебро не в пробирном

учреждении, употребляют только в малом виде серебро для вещей без законной пробы, а также выдают под видом золотых вещей бронзу и т.п. – Так, читатель, золото нельзя сравнить с ягодой в поле, которую может всякий сорвать и съесть. Да, иной раз, например, в садах, и ягоды не дают рвать.

Подложные в деньгах или по имуществу документы, а также утайка подлинных

Пример таких подлогов видим из евангелия в приставнике дома. Этот человек дозволил должникам своего господина писать фальшивые долговые расписки и сам скреплял каждую из расписок. Так, например, кто был должен сотнею мер пшеницы, тому он говорит: *«напиши восемьдесят»*. И ныне есть люди, поступающие так же в делах денежных или имущественных. Но, к сожалению, они еще хотят оправдать себя примером этого человека, потому что сказано-де в евангелии: *«и похвалил господин управителя»* (Лк.16:7–8). Напрасно! Похвала здесь относится не к утайке, которую никак нельзя похвалить с нравственной стороны, а, собственно, к самозаботливости. «Приставник» заботился задобрить должников господина, чтоб затем найти у них пристанище и покровительство, т.е. в случае удаления своего от должности. Что он действовал и в настоящий раз не так, как позволительно было бы каждому поступить в затруднительных обстоятельствах жизни, – видим из собственного его взгляда на свои действия и, затем, из постороннего свидетельства о его действиях. Сам он только, *«призвав должников господина своего, каждого порознь»* (Лк.16:5), заставлял писать фальшивые документы, т.е. вел дело с каждым из должников не иначе, как только порознь или с глазу на глаз: следовательно, опасался того, чтоб не открылась его сделка. А посторонний голос называет его *«неправедным»* (Лк.16:9) даже и после того, как он такую ловкостью вышел из опасного состояния. – Ты, христианин, отвергай и в душе, и на деле все эти хитрости, которые придумывает корысть человеческая, чтоб завладеть чужим и только посредством бумаг, имеющих достоинство денег или предоставляющих право на имение²¹⁴!

**Продажа или изготовление вещей, которые
продавать и изготавливать можно по особенному
лишь дозволению и праву**

Так, например, в аптеках продают настоящие яды или только сильно действующие вещества не в таком виде, или не тем лицам, в каком и каким дозволено продавать, продают те же ядовитые вещества и другие, которые вовсе не имеют на то права по закону; некоторые производят недозволенно табак и имеют иные фабрики, например, карточные, без узаконенных дозволений и свидетельств. Вина этих людей заключается в том, что они вредят чужим интересам: другие оплачивают права, а они под чужими правами продают и сбывают еще и больше других; потому что могут уступать больше или же пользуются слабостью людей бросаться на запрещенные покупки. – О, производители запрещенной продажи иди производства! у вас одна только забота, чтоб взять огромный барыш. А о том вы не подумаете, что вещь, которую тайно продаете или изготавливаете, например, порохом, может иной страшно злоупотребить! (Сколько, вот, этот же порох в связи с модными и распространенными револьверами делает ныне ужасных, невозвратимых бед!)

Тайная уклончивость от положенных пошлин

«И от тайных моих, очисти меня» (Пс.18:3). Так, например, на таможне просто провозят или покупают вещи, хоть и дозволенные законом, но обложенные пошлинами; там же пассажиры провозят товары или вещи не оплаченными в тайных, например, в своих в экипажах (автомобилях) или около себя, например, зашитыми в одежду. Посылают по почте под видом казенного, следовательно, без платы, свое частное и личное, например, пакет, посылку (часто это допускается должностными лицами); на почте же оценивают уже чрезмерно малую цифрой и при средствах своих что-либо посылаемое, чтобы меньше заплатить в страховой сбор, или же отправляют опять в тайных помещениях ящика поклажи такое, что подлежит особой пошлине. Затем, оценивают доход от своего завода или строения во много раз меньше, чтобы не увеличен был на них узаконенный налог. И сколько случаев, где легко и неуловимо уклоняются от положенных пошлин! Но тут-то христианин и должен показать, что действует по совести, что не дожидается посторонних настояний или напоминаний к уплате того, что требуется пошлинными правилами. Он помнит, что, если и успеет сберечь малое, то в другом месте потеряет немалое; потому что не оплатил пошлины с сознанием; и эта уклончивость его остается тайною только для людей, но она открыта пред лицом всевидящего Бога. Он не оправдывает себя на сей раз тем, что у него и без того много таких потребностей в жизни домашней и общественной, в которых уже никак не может обойтись без платежей, если не в данное время, то после. Но, если он и во многом нуждается, если даже и для всех ныне предметы продовольствия в жизни дороги; то первоначальную причину всего этого он полагает не в ином чем, как в грехе человеческом, который породил и поддерживает скудость на земле. Впрочем, благочестивый христианин, и здесь также можем мы с тобой по духу «свободы Христовой» (Пс.18:13), без боязни и недоумения обойти иной раз малую пошлину. Это можем мы позволить себе, когда находимся в особенной нужде

не платить пошлины (все уважительные исключения в общем законе не могут же быть исчислены), когда тем более выполняем такое полезное дело, пред которым неоплаченная пошлина как капля воды в море и которое, между тем, могло бы замедлиться.

Похищение чужого вместе с другими, или чрез совместный обман

Так, например, с торгов продается имение, состоящее под запрещением или опекой, и – приставленные для продажи входят в сделку с одним каким-либо покупателем, чтоб удалить других; а еще чаще сами покупатели предварительно соглашаются между собой в пользу одного, взяв от последнего плату: в первом случае убыток бывает честной стороне покупателей, а во втором – тому, чье имущество продается с аукциона. – Так, работники какой-либо фабрики, сговорившись между собой, приходят к хозяину и просят возвысить им плату без всякой нужды, только потому, что есть случай – предложить. Еще хуже: в фабрике или заводе совместно с ближайшими надзирателями утаивают богатство заводчика, например, железо. – Особые члены торгового общества, товарищества или компании делят между собой какой-либо денежный доход или часть имущества с убытком прочим членам: предоставляя, по обыкновению, прочим отчет, например, годичный, они ложно уверяют, что нельзя было получить большого прибытка от торговли или что такие-то вещи израсходованы или повредились. Подобным образом особые члены какой-либо частной, но капитальной постройки, разделяют между собой часть строительных денег или материалов, а смотрители и экономы какого-либо заведения пользуются после общего соглашения между собой экономией от потребляемых предметов. Крестьяне целым транспортом, или более 9 человек, отправляются в чужие лесные дачи и там истребляют лес или только портят его, например, пастьбою своего скота, насечками для добытия сока: лесные же чины и полесовщики этих дач, получая с них хорошую награду деньгами, также совместно потворствуют им. Все подобные кражи посредством совместного обмана (а как много их на белом свете!) виновны особенно тем, что показывают открытость – наглость воровства или дружное воровство. В виду их, честный человек невольно задает себе вопрос: «к кому

же после этого иметь общественное доверие, если и целое товарищество, целое учреждение крадет»? В отношении же к владельцам денег или вещей, у которых крадут, кроме материальной обиды им, и допускается это-то главное в такой краже: обман. То или другое берут у них не с бою, а большей частью дружно и мирно. Владелец бывает поставлен в такой обман, что сам соглашается передать похитителям свои деньги или вещи, полагая, что они имеют на то известное право. – Нет! для тебя, христианин, должно быть противно участие в таком дележе присвоенного обманом. Сказано в слове Божиим: *«блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»* (Пс.1:1).

Неверный вес, неточная мера и недочет денег при сдаче

Древние пророки обличали за все это торгующих: *«уменьшить меру... и обманывать неверными весами»* (Ам.8:5, снес. Мих.6:11). Спаситель же на сей раз возвысил нравственные требования: *«мерю доброю»*, т.е. вообще не уменьшенную, полную; *«нагнетенною»*, потому что, придавив рыхлый материал (например, пух), можно выдать его мерой и больше; *«утрясенною»*, так как, если потрясти (например, рожь, овес), то и войдет в меру более; *«переполненною»* (например, масло бы вровень с краями посуды); *«в лоно ваше»*, т.е. до того полную меру, что остается класть уже в пазуху (Лк.6:38). После этого не противно ли христианской совести поступают те, которые обвешивают, обмеривают и не досчитывают денег, пользуясь или доверием покупателей, которые не будут перевешивать и перемеривать, или неопытностью их, например, при отпуске товара детям! Мало того: иные с умыслом для обмана имеют у себя и веса или меры меньшего, неуказного размера, а также делают мерила уменьшенные, чтоб вымерить что-либо громоздкое, например, дрова, камень, межу, еще иной раз и прибавляют к продаваемым вещам искусственную тяжесть (например, в сено кладут сучья деревьев, клочки снега, а чаю дают отсыреть или обкладывают его, равно, как и сахар, излишними бумагами, чтоб больше было веса). – Наконец, некоторые не только не помнят о утрясенной мере, но и в противоположность тому *«растрясывают»* свой товар, чтоб он казался большим на вид, и чтоб увеличить за него цену. Во всем этом не присвоение ли себе чужой собственности путем мелочного обмана? – Нет, торгующие и продающие! Вы-то всегда можете более прибавить, и во всяком случае, не уменьшить свою меру, чем покупатель прибавит вам к своей плате; потому что деньги-то наличные, которые он предлагает вам, считаются дороже ваших вещей. Хоть и малые деньги иногда платит он, да все же это деньги.

Соккрытие недостатков в том, что продается или обменивается

Здесь допускается:

а) также обман, тем более оскорбительный для покупателя, что, может быть, покупатель и не пожалел бы заплатить больше, да была бы вещь без порчи или животное (покупаемое или обмениваемое) без порока;

б) убыток покупателю или принявшему обмен; потому что эти лица должны снова тратиться на те вещи, в которых ошиблись и без которых, между тем, не могут обойтись; и

в) злоприобретение: берут чистые деньги, а сдают гнилое и поврежденное, или же в мене сами получают хорошую вещь, а от себя предлагают худую.

Купля и продажа не есть какая-либо игра, но, своего рода, договор, или только кратковременное сближение двух лиц: продавец бывает рад покупателю, но и покупатель как бы своим представляет себя на минуту продавца. Сколько же тут лицемерия и фальшивого возбуждения чувств с одной стороны, раскаяния и досады с другой, если сокрыт бывает порок в проданной вещи и если, притом, цена за вещь взята полная! Будто покупатель не в свое отечество попал, когда видит себя после своих покупок со всех сторон обманутым и наказанным убытками! Будто и продавец не в своем отечестве хочет оставаться, утаивая от того и другого, и третьего из покупателей недостатки в своем товаре! Естественно, последний лишается доверия от прежних покупателей и должен ожидать себе новых, или вовсе не знающих его, если хочет и этих также ввести в обман и убыток. Непрочная торговля, а, в то же время, и совесть нечистая!

Привычка говорить о своих нуждах, или притворная бедность

Если б и действительно нужды далеко не покрывались теми наличными средствами к жизни, которые иной получает, то и тот частый говор о нуждах неуместен. Разве только друг какой или особенный благотворитель вызовутся помочь ему, а прочим от его речей одна скука. Таким образом, когда он жалуется каждый раз на свои нужды, то не получает себе пользы, а еще более беспокоивает свой дух (одни непременно противопоставят ему собственные нужды, а другие вовсе не поверят ему). Нет; пусть же лучше этот человек помолится Господу Богу, чтоб Господь помог ему прожить нужное время, чем вести пред каждым разговор свой так, чтоб пожаловаться на недостаточность своего содержания.

Но бывает, действительно, притворное беднячество. Говорят иные состоятельные люди, что, вот, уже и последние деньги они расходуют на содержание себя или же вовсе не имеют чего расходовать. Случится ли у них какой убыток по хозяйству или уменьшение дохода от должности, или небольшая пропажа денег, они столько жалуются, что как бы ни у кого нет такого несчастья, как их несчастье. Коснется ли речь дороговизны на что-либо или дальнейших лет их жизни, и высказывают опасение, что, пожалуй, придется им «по миру ходить». Какие все пустые речи! Эти люди, так сказать, крадут у самих себя: они имеют довольно, и жалуются на свои недостатки; говорят о своих долгах, которых только по своим расчетам не оплатили, но у себя еще больше имеют должников, которые и верны, и благонадежны. Обыкновенно, они толкуют о своих нуждах или пред теми, которые готовы попросить у них денег, чтобы не дать просителям денег, чтоб вперед отказать, или же перед людьми состоятельными, чтоб самим покорыстоваться от последних. Они нередко пристыжают самих себя пред обществом: случится у них кража денег, и тогда пред всеми изобличается их беднячество, которым дотоле прикрывали себя, или постигнет их смерть, и все узнают про их

состояние. Если же эти люди прямо пристрастные к деньгам, или сребролюбцы; то еще менее выдерживают до конца роль бедняков. Так, например, их просят о займе, и они сначала отвечают, что нисколько не имеют денег, что сами ищут человека, у которого бы могли занять. Но лишь только скажут им о хорошем залоге или о процентах, тотчас же переменяют свой взгляд и тон речи. Говорят, что «есть какие-то там у них оставшиеся, или сберегаемые на что-то деньги, что, пожалуй, готовы они одолжить, что еще и с отцом-то просителя, кажется, были знакомы», и так далее. Эти-то люди, судя по себе, не доверяют нуждам и бедности других. Они любят возвеличивать только чужие доходы или средства к жизни, а уменьшают цифру собственных средств. А им-то уже совсем нельзя верить в нуждах их, потому что расходов они не делают, милостынь не подают, о пожертвовании каком и не подумают, да и потерь или утрат никаких не имели. Наконец, они неблагодарны, и лжецы пред Богом. Бог дал им, а они прибедняются; там, в ящике лежат у них денежные билеты или наличные деньги и, положим, люди не придут проверить их состояние, только Богу все известно: они же готовы побожиться, что ничего не имеют. Или деньги у них отданы частным лицам в рост (для процентов) и, значит, дома лишь нет у них денег: а, между тем, они как бы по чистой совести открываются, что во всем доме у них нет ни копейки. Будто те деньги, которые отданы ими в посторонние руки, уже не их собственность и будто в счет этих денег и вообще, в верной надежде каких-либо денежных получений не могут они заимовать и, не стесняя себя, расходовать. У них есть достаточный в сравнении с другими капитал и цифра этого капитала постоянно у них на памяти: а они выдают себя за нестяжательных, за бессребреников (приятно ведь составить о себе в людях такое понятие...), представляют себя младенцами, даже и не умеющими сосчитать денег.

Так, мы распространились о привычке говорить про свои нужды, собственно, потому, что этою привычкою люди питают в себе порок сребролюбия; сребролюбивы или корыстолюбивы они на сей раз на словах. Притом, привычка отзываться недостаточностью денег ныне сделалась и общею. И сильные

богачи говорят: «где же нам взять средств?», как будто ныне и звания богатых уже не существует, и будто у богачей насильно мог бы взять кто деньги, если бы они открылись, что имеют состояние. Ты же, христианин, лучше помни слова Святого Писания: *«Имея пропитание и одежду, будем довольны тем»* (1Тим.6:8).

Составление себе состояния притворным нищенством

Когда и совсем нет сил самому пропитывать себя, нужно принимать милостыню только по мере надобности, а не излишнюю. Между тем, иные, получив первые пять-десять милостынь, может быть, по действительной нужде, затем решаются на другие милостыни уже без всякой нужды. Отчего же? Оттого, что, увидев у себя в руках деньги, начинают привыкать к деньгам, что нашли легкий способ для приобретения денег. Мы не говорим, чтоб эти люди злоупотребляли милостыней для нетрезвой жизни или в поблажку своей лени, как другие нищие²¹⁵. Нет, они, может быть, и трезвы, и частью занимаются делом. Но они иным образом злоупотребляют милостынями. У милостынных денег они развивают и питают в себе страсть сребролюбия, подобно тому, как Иуда развивал и питал в себе страсть у ящика подаяний в пользу общины Христовой. Таким образом, эти люди скопляют значительные суммы денег, как, например, в столицах. (Когда откажут им в пособии тем, что «мелких нет», они в забытье говорят: «можем разменять»). Что же сказать о вине этих нищих-богачей? Принимая подаяние из рук людей богатых, они переводят на себя то, что могло бы увеличить милостыню истинно бедным. А чаще они крадут обманом у небогатых же людей, которые подают им, сами имея семейства и претерпевая нужды. Хоть эти люди и не предлагают им серебряных монет, зато на каждом почти шагу подают: а из мелких монет составляются ведь рубли. Итак, горе вам, нищие—сребролюбцы, если вы не поспешите обратить свою милостыню для милостыни же нищим²¹⁶!

О бережливом употреблении чужой и своей собственности

Употребление чужой собственности без спроса, а также и без всякой бережливости

Каждому дорога его собственность, особенно та, которая приобретена личным, да еще тяжелым трудом. Отсюда происходит у нас желание, чтоб не касались нашей собственности, чтоб уважали ее. Мало того: берегли бы ее и в то время, как мы сами почему-либо не можем уберечь, например, когда отсутствуем. Но это желание у многих бывает только лично для себя, или про себя. Видать, что у другого вещь свободная или что у него много подобного рода вещей, и пользуются чужою вещью: подобное пользование чужим допускается от чашки или ложки до помещения в целом доме. Говорят, «у вещи ничего не ubyло, и она в целости возвращается владельцу». Так. Но зачем же нарушать право владения? Почему не спросить хозяина о позволении? А может случиться, что он сам, в то же время, понуждается в своей вещи? Тогда, естественно, будет остановка в его занятиях, – остановка еще и в том смысле, что иной раз, не зная у кого вещь находится, он тратит время на отыскание ее около себя. Нет; «в той мере, в какой пользуемся мы чужим, и крадем это чужое для себя». «Но, если (говорят) спросить хозяина о его вещи, он откажет по своей скупости: между тем, в вещи крайняя нужда, например, зимой – в теплой одежде, во время голода – в хлебе или в каких-либо съестных припасах». Вот в этом-то случае, т.е. для сохранения здоровья от явной опасности или для целости жизни своей и семейства своего, в этом одном случае и можно взять чужое, не спросившись. Хотя, и тут права не настолько равные, как двое держались бы на реке за одну доску и каждому нужна была бы доска для сохранения его жизни: однако ж, чувство самосохранения должно взять верх над стыдливостью воспользоваться чужим без спроса или тайно. (Этот поступок близок по своему смыслу к необходимой обороне против врага жизни). Христос-Спаситель не обвинил же Своих учеников, когда ученики, проходя посевами и томясь от голода, рвали чужие колосья (Мф.12:1–4). Но дальше этой

нужды пользоваться чужим без спроса было бы послаблением своей нравственности: раз утолить голод чужим хлебом можно, но воровать для того, чтоб кормиться, например, за недостатком работ, – явное преступление. Во всяком случае, употребившие чужую собственность без спроса, должны положить себе правилом: если известен или вблизи находится ее хозяин, – пусть же уведомят хозяина хоть в последствии времени, чтоб почтить чужое право владения.

Иные же к безгласному временному владению чужим присоединяют еще новую вину: и не берегут чужого, владея им. Такая небрежливость допускается ими от книги до экипажа, или рабочей лошади. Иногда рядом лежат вещи совершенно однородные: своя и чужая, и вот, первую берегут, а последней не жалеют, одну оставляют совсем без употребления из экономии, а другую без пощады употребляют. Есть ли тут какое-нибудь уважение и верность в отношении к чужой собственности? Недобросовестно еще употреблять для своих нужд такие вещи, которые взяты только на сохранение, а также не беречь того, что дано на поддержание. Здесь уже был, своего рода, договор: один вверил свое добро, а другой принял. Принятое нужно возвратить в целости, за исключением случайного убытка у вещей, который падает уже на хозяина их. – Честная, христианская душа! Пусть хозяин тех вещей, которые находятся у тебя на сохранении или почему-либо близки к тебе, живет в глубокой дали. Пусть луч солнечный не достигнет до хозяина их с такою вестью, что его вещи и употребляются в дело, и не берегутся. Но ты помни, что всевидящий *«Господь близь есть»* (Пс.118:151), и потому не пользуйся чужим без ведома, или в ущерб хозяину.

Не предупреждение ближнего относительно убытков или потерь, которых он сам не предвидит

В торговле, в каких-либо достройках или в покупках иной прямо идет к убыткам и потерям, потому что не предвидит того по своей неопытности или недальновидности. Таким образом, сожаление к ближнему и жалость напрасной траты им труда или денег побуждают нас предупредить его. Между тем, видя все это, одни из нас молчат по равнодушно, другие – злонамеренно, например, в однородной торговле, а третьи и по такой надежде – не достанется чего им по дешевой плате или же бесплатно от этого человека, подобно тому, как кто рад бывает воспользоваться одеждою, которая осталась на берегу от утопленника. Постыдное своекорыстие! Впрочем, и предупреждать об убытках нужно не так, чтоб одному была польза, а прочим всем потеря; например, на хлеб скоро повысится цена, и хлебный торговец, получив такое известие, совсем приостанавливает свою продажу, между тем, как у других хлеба в запасе нет или мало. «Гневаются, оскорбляются за подобные предупреждения» (например, молодые люди)? Если убытки или потери им угрожают значительные, да от этих убытков может произойти вред имуществу многих лиц, – нужно перенести напрасный гнев, тем более, что гневливые впоследствии времени несомненно будут нам благодарны. – Читатель! когда ты потерпишь в чем-либо, по незнанию, большие убытки, чувствуешь же в душе недовольство на тех, которые знали, и не предупредили тебя, не допускай, чтоб и другие в подобном случае оставались с тем же чувством недовольства в отношении к тебе.

Чрезмерные цены за ремесленную работу и искусство

Повод ремесленникам возвышать цены подают суетные и роскошные потребители работ их, например, одежды, обуви: но брать лишнее не следует даже и с людей состоятельных. Между тем, в том же дорогом мастере может понуждаться и человек среднего состояния: откуда же последней возьмет средства, чтоб оплатить ему чрезмерные цены? что у этого останется на семью и на содержание дома после одной, двух вещей, которые со вздохами он оплатил дороговому мастеру? Мастер о том и не подумает. Он только прибавляет год от года цену за свою работу, пользуясь тем обстоятельством, что успел взять с некоторых лиц дороже. Таким образом, он богатеет за счет других, пускается в роскошь и уже начинает жить не скромным ремесленником, а купцом или дворянином, выдает себя за образованного, не будучи образованными. Но иногда он вредит и собственному состоянию: чтоб избавиться от его тяжких цен по ремеслу, стараются выписывать его работу из другого города или места. Да, настоящее это бремя для народа – чрезмерно дорогие мастера и мастерицы! (Святые тоже приносили на рынок для продажи свое рукоделье, но они очень заботились о том, как бы не взять лишнего. Иные из них и не пересчитывали денег, которые им давали за вещи). – Что же до художников, то чрезмерные цены на произведения их и делают недоступным приобретение их произведений (а между тем, что же, например, нужнее, как не иконы?) и убавляют честь у благородного труда их. – Помилуйте, мастера и мастерицы! до чего же вы возвышаете свои платы, между тем, как на иную вещь, вышедшую из рук ваших, и посмотреть нечего – до того она мала? Вы бы должны благодарить Бога, что Он дал вам способность к ремеслу или искусству (Исх.31:3–5), и служить ближнему ремеслом, не отягощая ближнего. Вы хотите приобретать себе не столько количеством труда, всегда любимого Богом, сколько качеством, т. е. хотите меньше работать, да больше заработать. Нет, лучше облегчайте жизнь

народную, а не отягощайте ее; потому что и сами вы нуждаетесь в других случаях в труде ближнего: потому что ваша-то дороговизна работ, между прочим, заставляет иных бегать и жениться, чтоб не горевать с семьей, чем, например, они «одеждутся». (А удерживать от женитьбы прямо или косвенно – великое зло). Умеряйте же, сколько возможно, свои платы за труд ремесленный!

Некрепкая работа вещи из-за моды или от нерадения

«Все они надеются на руки свои, и каждый умудряется в своем деле», говорится о ремесленниках (Сир.38:36). Корысть также заставляет некоторых мастеров заботиться только о виде или фасоне вещей, чтоб привлечь покупателя, а не о крепости их; для приглядности, или, вернее сказать, – для нового рисунка вещи они жертвуют и удобством ее: например, стулья, действительно, аккуратны, но зато сесть-то на них некуда, потому что они воздушны. Нет, мудрость ремесленников и художников должна состоять, прежде всего, в том, чтоб вещь, которую они делают по заказу или на продажу, была крепкою, а затем более бы соответствовала своему употреблению. Старинные вещи отличаются крепостью, хотя в сравнении с нынешними менее красивы на глаз. Это значит, что прежде мастера как не жалели материала для производимых ими вещей, так и усидчивы были за работой, так и заботились особенно об удобстве употребления вещей. Нынешние, напротив, своим искусством стараются услужить суетности публики. Но этим они частью унижают свой труд; затем, не берегут состояния ближних, которые вместо одной, по-прежнему, вещи должны держать две-три; наконец, и опять вредят своему же интересу, потому что огласка чьей-либо некрепкой работы отводит заказчиков или покупателей от его произведений. – О, ремесленники! пожалейте вы денег ближнего, чтоб он не имел нужды чрез короткое время опять заводить те же вещи, тем более, что всяких вещей требует жизнь его. Работайте же так, чтоб он дольше пользовался вашей вещью и вас же с честью поминал.

Незаботливое хранение своего имущества, а отсюда – повод другим к легкой покраже его

«То бодрствовал бы и не допустил бы подкопать свой дом» (Лк.12:39). Да; кто не хранит тем или иным способом своих денег или имущества, тот сам открывает к себе дверь вору и виноват во многом. Он добровольно лишает себя денег или имущества, разбрасывая все это и не справляясь по временам о целостности своих достояний; и так поступает он не потому, что испытал верность окружающих лиц, но по одной беспечности. А, лишившись вещей, он и сам беспокоится, и других беспокоит, сколько для отыскания потерянного, столько же подозревая напрасно тех и иных в краже. Вместе с тем, он подает поводы одним начать красть (как людям молодым, от которых не затворяет даже и денег), а другим упражняться в любимой краже. Вещей иногда не жалко, потому что они ничтожны. Но жалко того, что их крадут, и крадут, как большею частью бывает, лица близкие и домашние. Впрочем, иметь ключи от всевозможных шкафов и постоянно носить с собой пачку этих ключей, оставлять счетом каждую копейку или вещицу в доме, – это оскорбляет честь тех, от которых так оберегаются, а иногда и подстрекает этих употребить против бдения свое бдение, против хитрости свою хитрость. Итак, требуется умеренность и в хранении своего имущества. – Читатель! хоть замки и караулы показывают неестественность человеческой жизни, но делать нечего, против бесстыдного воровства или же утонченной кражи нужно вооружаться дозволенными мерами. Это будет, своего рода, борьба со грехом.

Роскошь и расточительство

«Одевался в порфиру...и каждый день пиршествовал блистательно» (Лк.16:19). Роскошь состоит в том, когда тратят многое и излишнее на свои одежды, на ежедневный стол, на обеды и вечера, на прислугу, на выезды, на украшение дома или квартиры, на вознаграждение жалованьем или отдельной платой кого-либо и за что-либо сверх всякой нужды, ради одного щегольства. Для роскоши нужны средства и постоянное прибавление средств или доходов: иначе она немыслима. Пусть она и не истощает всего капитала у богача или не превышает чьего-либо большего жалованья; пусть свое, а не чужое люди тратят роскошествуя; однако, зачем же столько тратить одному на себя, сколько достало бы на содержание многих? «Питающаяся пространно» осуждается в слове Божиим (1Тим.5:6). К чему, например, эти бутылки вина за обедами, оплачиваемые многими рублями и осушаемые в один час? К чему это гореть десяткам свеч, когда достаточно было бы трех-четырех, или для чего отапливать огромный дом, когда никто не живет в нем? Ведь это значит напрасно истреблять жизненные материалы. Сколько можно указать подобных примеров роскоши! Но еще более роскошь виновна, когда поедает все наличные средства, даже заставляет входить в долги. Тогда-то особенно человек и не имеет «из чего уделять нуждающемуся» (Еф.4:28), т. е. нарушает ту заповедь слова Божия, которая относится к употреблению нами остатков или излишков нашего состояния²¹⁷. Потом, отсюда-то происходит такая погоня людей за деньгами, такая расчитанность в каждом деле на большую цифру денег. А это тягостно отзывается на общенародном довольстве. От этого каждый старается увеличить плату за свой труд или товар. В самом деле, начиная от дворового слуги и доходя до чиновника и ученого, от чего же ныне все заняты этим одним – как бы увеличить свое жалованье? Оттого, собственно, что жизнь сделалась дорога, что нужно-де одеться прилично, отпраздновать именины, сделать вечер и т. д. О, эта опустошительная роскошь! зачем же ей нет преграды? не будь

ее, тогда многим не было бы нужды изнурять себя трудом или прямо прибегать к обманам и несправедливым приобретениям.

Что же до расточительности, пример которой по Евангелию видим в притче о блудном сыне: «*расточил имение свое*» (Лк.15:13), то здесь с первого раза представляется будто еще характер нестяжательности, какая-то «беззаветная доброта». Но, если всмотримся, то выйдет «простота хуже воровства». Расточительный расходует деньгами или материалами уже не по средствам своим. У него только временно в руках бывают деньги, и он уверен, что за случайным избытком их, снова его постигнут нужды. Казалось бы, всего благоразумнее было ему поберечь запас денег на последующее время, тратить их постепенно и только на самые необходимые предметы. Но нет! он как бы зол на свои деньги: так и сорит их, пьет и ест сладкое и дорогое, покупает себе вещи вовсе не нужные. Что же выходит из его щедрости? Он стесняет самого себя в довольстве жизни; потому что, расточив вдруг все деньги, начинает голодать: не лучше ли было бы ему разложить на многие месяцы то, что он тратит в один месяц? Но он стесняет и других; потому что просит часто у тех же, пред которыми хвалился своею щедростью и простотою, которых осуждал в излишней скупости, принимая их бережливость за скупость: не лучше ли ему было бы отказать себе в излишних прихотях, чем обременять других? Щедрость его была не в чужой ли счет? О, безумная расточительность! Христианин! если ты не привык к роскоши и расточительности, то и счастлив. Те, которым роскошь и расточительность обратились в привычку, уже неспособны отличать роскошное от довольного и, сколько им ни давайте денег, израсходуют всякую сумму; эти примеры видим особенно на детях богачей. Но чрезмерная роскошь и расточительность редко проходят без обнищания (Притч.23:31): от них беднеют и частные лица, и целые общества. Итак, ты и на последующее время никогда не мирись с этими привычками.

Вызов на трату денег, с одной стороны, и трата их, с другой, на театры, цирки и трактиры

Вот «поедатели домов» (Мф.23:14) те люди, которые представляют в театрах, содержат цирки, устраивают увеселительные места, а также открывают трактиры с музыкой во время обедов и ужинов там, где, между тем, искони каждый имел свою домашность! Не было еще в городе одного лишнего расхода, и поселяются в нем, или же временно приезжают в него эти празднующие. Они нанимают временное помещение, рассылают объявления, и народ толпами собирается к ним. А рядом с увеселительными яствами их поставляется торговля закусками, и питьями (буфет). И начинают сыпать к ним деньги, да не копейками, но полтинами и рублями! Им нет нужды до того, трудовые ли это деньги приносят им или легко нажитые, от избытка или от скудости: им бы только побольше иметь свою выручку; они не будут благодарить народ, а, разве, посмеются над его простотой. (И непостижимо уму, откуда это берутся у народа деньги на театры, цирки, трактиры!). Все приманки увеселители употребляют, чтобы привлечь к себе народ: музыка в их трактирах во время обеда, тоже протянутая рука к деньгам. Взглянуть только на них, как на искусников, услышать их голос, увидеть движения: все это так ценится, что нужно платить им полтины и рубли. О, безжалостные люди! (Ими бывают больше чуждые для русского – иностранцы).

Но еще более не извинительна нежалостливость к себе самим тех из народа, которые посещают их заведения. Будто у посетителей покрыты все необходимые и существенные расходы, когда они несут деньги в театры, цирки, балаганы и гостиницы. Не честнее ли было бы этим людям уплатить свои долги или повинность общественную, чем сносить деньги в ненасытимые места? не лучше ли было бы им позаботиться о постройке или покупке себе дома или же исправить на доме крышу, которая протекает, чем в продолжение года истратить порядочную сумму денег на пустые удовольствия? На чем же они пополняют невозвратимую трату своих денег? На том,

например, что у них и помину нет о расходах в пользу чистых наслаждений для души, например, купить бы духовную книгу для чтения, содержать церковный хор, или же прямо в пользу спасения души, какова милостыня бедным. Но скажут: «само правительство позволяет театры, цирки» и т.п. Дозволяет, но не посылает туда, но не советует нести на увеселения последние деньги. Правительство – не Церковь: оно не учит строгим правилам жизни и тому, что составляет *«единое на потребу»* (Лк.10:42), потому что право этого учительства принадлежит только Церкви Христовой; оно не касается совести и частной жизни каждого из граждан, но только преследует прямое зло для народа в хозяйственном или нравственном отношении, иногда же оно предпочитает меньшее зло большему. Нет, правительством нечего прикрывать свою вину, как содержателям народных увеселений, так и тех, которые ходят на эти увеселения. Правительству еще будет приятнее, если в народе больше сохранится местного богатства и довольства (а ведь целые тысячи в одно лето уходят из иного города, и не особенно великого, после этих гостей с увеселительными представлениями, со зверями, с чудесными фокусами). В старину люди не знали же подобных увеселений; зато они и не горевали о напрасных тратах, и были запасливее нас, как по хозяйству, так и для душевно-спасительных расходов. Православный христианин! Ты не иначе смотри на представителей разных увеселений и зрелищ, как на посягателей твоего состояния. Убеждаем тебя – похрани же от них свои остатки, а тем более пожалей уносить им последнее.

Напрасный отказ ближнему в займе или в поручительстве за него, или же, напротив, одолжение его не по средствам

«Просящему у тебя, дай» (Мф.5:42); «добрый человек поручится за ближнего» (Сир.29:17). Одолжение и поручительство составляют взаимное вспомоществование (2Кор.8:14), сбережение собственности и ближнего, и своей от напрасных трат. Одолжить чем-либо верному человеку какая же потеря? Если он и делается полным хозяином взятого займа и истрачивает взятое, то возвращает тем же количеством, тою же мерою или весом, а относительно денег, которые составляют общий способ размена, отдает их в той же цифре. Тем более поручиться за такого человека какой убыток? В поручительстве требуется одно удостоверение, или обнадеживание за другого. Итак, истинная эта обида честному человеку, который всегда платил долги и желает заплатить, но которому в случившейся нужде отказывают, даже и те, которым он сам некогда одалживал. Идет он к иному с верною надеждою занять, а слышит в ответ: «сожалею, но не имею денег, чтобы дать». Это и выходит любовь к ближнему только «словом» и «языком», а не «делом» (1Ин.3:18). Нуждающийся в деньгах, может быть, не спит ночи, не зная, где занять их на нужное время. Но тот, который мог бы одолжить его, не думает о его бессонных ночах и беспокойствах: этот человек или не испытал крайних нужд, или, давно живя в довольстве, забыл про свои прежние нужды. Он предлагает просящему займы только такую услугу, чтобы этот обратился для займа к такому-то: но, чем бы советовать бесполезно, потому что и другой, наверное, так же откажет, лучше бы помог. Он отказывает потому, будто бы, что «не имеет денег»: но, чем так очевидно лгать, лучше бы прямо ответил, что «не намерен одолжить». Начинает он рассказывать про свои собственные нужды, но просителю от этих рассказов еще тяжелей, потому что они только сильнее дают ему почувствовать любовь к нему ближнего не более, как «словом» и «языком». Итак, лучше же человеку нуждающемуся, после

многих напрасных просьб о займе или поручительстве, совсем не просить, лучше и не тратить времени; но положиться, единственно, на помощь Божию и ожидать перемены своих обстоятельств, иначе он может почувствовать отвращение ко всем своим знакомым. Но кредиторы рассуждают: «многие не сдерживают своего слова по займу; говорят смиренным голосом и готовы целовать руки, пока не дадут им в долг денег; а как получают деньги, то и считают их своей находкой» (Сир.29:4). Это относится к людям неизвестным или же сомнительным своею верностью. Есть нам на случай ссуды ближнего и другая заповедь слова Божия: «*помогай ближнему по силе твоей*» (Сир.29:23); а особенно «*поручительство привело в разорение многих*» (Сир.29:20), т. е. привело к потере собственного имущества; например, человеку семейному, только что обеспечивающему содержанием свою семью и дом, очевидно, не до того, чтобы давать в долг деньги или поручаться за кого. Кроме того, иному совсем не по занятиям и досугам, чтобы ходить и предъявлять ко взысканию с должников, которые не стали бы платить. В последнем случае лучше прямо помочь человеку неизвестному, который просит о займе, но, в то же время, готов принять пособие, чем отпустить его от себя ни с чем. А во всяком разе у каждого из нас есть возможность давать займы тратимые вещи, например, хлеб, свечу. Нет; ты, добрый христианин, положи себе правилами: если имеешь состояние, ссужай деньгами известного тебе по честности человека; уже такова твоя доля, чтоб ссужать. Если же не имеешь запасов денежных, то никогда не отказывай соседу в займе хоть мелочными вещами или материалами, какие имеешь. Пусть ты сам не беспокоишь других займом денег, тем более не ходишь или не посылаешь к соседям ни за чем, имея у себя в запасе всякие вещи. Но одолжи ближнему «*ради заповеди*» Божией и для успокоения его.

О неправедных приобретениях

Незаконные проценты

«Не бери от него (бедного) роста и прибыли, и бойся Бога твоего» (Лев.25:36). В отношении к тому же бедному дана нам в Евангелии заповедь: «взаимы давайте, не ожидая ничего» (Лк.6:35). Значит процентов (рост) не следует требовать от бедняка, который берет займы или деньги, или материалы какие, берет не в видах своего прироста или обогащения, а только для пополнения своих нужд. Например, если он строит или покупает себе дом, которого у него не было и в котором крайне нуждается, потому что имеет большую семью: богатый человек обязан одолжить его деньгами, «не ожидая ничего». Если в сельском быту подобный бедняк просит займы ржи для весеннего посева, зажиточный крестьянин должен ссудить его просто, а не требовать двойного количества ржи или же вознаграждения личною работою за заем сверх платежа. Подобным бедным людям и в подобных нуждах назначать проценты возбраняет совесть и строго осуждают церковные правила (1 Всел.17 и др.): нужно пополнить недостатки ближнего, между тем, процентами они увеличиваются. Итак, для бедных христиан «серебра своего не дает в рост» (Пс.14:5). Но, вместе с тем, непротивны христианскому закону и проценты на деньги, равно как на меру и вес занимаемых материалов, если должник получает от ссуды особенный плод, или прирост. Почему не противны? Потому что от такого займа ему выгоды и для выгоды-то он занимает: вправе же, конечно, участвовать в этих выгодах и заимодавец. Затем, данный займы капитал или материал подвергаются опасности: не должно ли быть вознаграждено это опасение? Впрочем, не всегда и существенно проценты принадлежат займу; от воли кредитора зависит – или с процентами одолжить, или просто, хоть бы на целый год, и хоть бы был одолжен человек не бедный, и не в воздаяние за взаимную от него когда-либо ссуду, а только из уважения к его благородной нужде. Без сомнения, проценты должны быть умеренные, и – тогда только они не противны христианскому закону. Как же определить их меру? Они

умеренны, следовательно, не противозаконны, тогда как от них получает пользу та и другая сторона, и кредитор, и лиходатель. Но, если от них выгоды единственно на стороне кредитора, явный убыток должнику, тогда они составляют лихву, – грех пред Богом и преступление закона гражданского. Но, так как и тут цифра их еще не определяется, и так как исключительно произволом кредиторов она не может быть определена, то этот вопрос могло решить (и решает) одно правительство. По закону проценты свыше 6 считаются лихвенными и в случае утраты займа должником не только не поступают под защиту закона, но и подлежат суду²¹⁸. Сверх этого количества закон позволяет принимать проценты только с целью благотворительной, например, в опеку при займе опекунских денег. Также, свыше 6 процентов могут одни предлагать, а другие брать, если нет никакого усилия с одной стороны и очевидна польза другой. После этого понятно, как вопреки всем законам поступают те из христиан, которые, по примеру евреев – ростовщиков, назначают лиходателям вдвое и втрое проценты сверх положенных, и притом не на годичный срок, а на полгода или даже менее. Не вопиющее ли это злоприобретение? Разве для лиходателя такие проценты могут быть выгодными? В сущности дела, они только увеличат его заем, и, следовательно, нужды: если не тотчас, то впоследствии времени, они непременно скажутся ему тяжким бременем. Если б он не нуждался в деньгах, то и не просил бы с усилием. Но оправдывают себя банкиры: «занимающий деньги сам соглашается платить проценты, какие ему предлагают». Нет, не он соглашается, а нужда его, или, точнее сказать, – он соглашается на какие ни есть проценты, глотая слезу; потому что иначе не получил бы в заем денег. Да, требовать и брать высокие проценты, это то же значит, что со слез и вздохов ближнего собирать себе деньги. Тут и злоприобретение, и бесчеловечие! Ты, христианин, в одних случаях следуй на сей раз христианскому закону, а в других – не отступай от гражданских узаконений.

Лихоимство (взятки)

«Мы никого не обидели, ...ни от кого не искали корысти» (2Кор.7:2). Лихоимством называется подарок–приношение деньгами, вещами, намеренным проигрышем, например, в карты, продажей чего-либо за бесценок, одною работою ремесленника или рабочего для дома – незаконный подарок, с одной стороны, и принятие (его) – с другой. Цель здесь, единственно, та, чтобы принявший подарок сделал в пользу приносителя что-либо противное обязанностям своей службы или долгу правды. Лихоимство признается законченным, если деньги или вещи только обещаны и изъявлено согласие из-за них отступить от закона и от самой силы закона. Но нет еще взяточничества в платах за составление таких бумаг, которые поступают не в то место, где служит сам составитель их, или которые составляют с дозволения начальства. А также, не составляет взятку подарки за доброе лишь усердие к службе и гласные, может быть, за службу совсем без жалования, во всяком случае – не ради уступок закону и правде. Тяжелее вина взяточничества, когда назначаются известные поборы, допускается вымогательство или томится в ожидании чего-либо тот, который мог бы принести подарок: так, например, Феликс томил апостола Павла в темнице, не принесет ли ему Павел взятку (Деян.24:26). В этом грехе, кроме двух сторон, дающей и принимающей, имеют иногда участие другие лица. Так, иной берется передать взятку (случается, и затаивает ее); другой, как например, начальник, достоверно знает о взяточничестве своего приближенного, и потворствует взяточничеству или ради собственной корысти (как всего чаще бывает), или только по слабости характера.

Какая же вина взяточника, собственно, с денежной или имущественной стороны? Он неправдою собирает себе деньги, чтобы проживать или составить капитал. Он получает по своей должности жалование, и не хочет довольствоваться, между тем, как сказано: «довольствуйтесь своим жалованием» (Лк.3:14). Говорят на сей раз: «иному очень мало жалование, а

потребности велики». В таком случае, мог бы этот человек подыскать себе другую должность с большим окладом, или же найти дополнительный какой труд к должности своей с оплатою. Злоупотреблять же, равно, как и красть, даже и в бедном состоянии не позволительно. «Совсем без жалования несую какую побочную должность». Если должность отнимает у него время для содержания, он вправе отказаться от нее. А если должность принята из чести и по усердию, то из чести же только и следует нести ее. Взяточник обижает ближнего, получая от него не принадлежащее и часто еще выжимая у бедного полтину–рубль. Большею частью, он бывает состоятельнее лиходателя: значит, тут бедняк наделяет богача! И этот богач–взяточник без всякого стыда оставляет у себя чужие деньги даже в таком случае, когда ничего по обещанию своему не успеет сделать. Бедный лиходатель сто раз понуждается в деньгах, которые снес к нему и которые воображает себе просто лежащими у него там в куче с прочими приобретениями, или которые уже перешли от него в наследство к родственникам: но взять обратно своих денег он уже не может. Ныне иные не берут мелких взяток и в этом случае выдают себя бескорыстными: но разве крупные взятки и изредка не то же взяточничество, и разве они не злоупотребление, если получаются и от самого богатого человека? Разве годовые оклады от целых учреждений, компаний и контор не те же взятки незначительного чиновника? Говорят в оправдание себя: «подарок принес мне без предварительного моего согласия и не был желаем мною». Если так, то и следовало бы возвратить его: иначе все будут носить подарки, не спрашиваясь и не договариваясь, а то иной раз и будто бы забывают у вас вещь, или будто по неумению играть в карты, проигрывают вам деньги. «(Меня) умоляют даже принять подарок». Умолять не стали бы, если бы ради подарка не ожидали отступления от закона или прикрытия опущений и злоупотреблений. Без нужды никто не станет бросать деньги, это верно; искренность же и смиренность просьбы бывает здесь только до той поры, пока не будут сданы деньги или вещи: а там уже смотрят на взяточника, хоть бы он был и высокий начальник, как на человека купленного, и обходятся с ним

смелее, без всякого в душе уважения. Но «при подарке и отступления-то от закона, и несправедливости никакой не допущено, а только оказано снисхождение, только ускорен ход дела, обойдены некоторые обряды без ущерба делу в смысле законности». Все это надлежало бы сделать и без вынуждаемого (намеком, замедлением, томлением) подарка, собственно, по человеколюбию, из уважения к лицу просителя или к обстоятельствам его. Словом, конца не будет предложениям и извинениям, если кто хочет брать денежные и имущественные подарки по службе или же в таких делах, которые обязан был исполнить безвозмездно. Взяточничество обращается, наконец, в привычку, в страсть, своего рода. И увеличение вдвое жалования не исправляет иных от порока, как, напротив, честный человек даже при малом жаловании, но, в то же время, при большой у себя семье, не решается же на взятки: квартира у этого служащего тесна, и стол, одежда, прием посетителей у него бедноваты, зато совесть его спокойна, зато он более тверд на своем месте. А кто привык к взяткам, как к легкому и скорому обогащению, тот будто и не имеет заботы о самом себе на последующее время. Хоть бы на долгое время за свою вину оставался без службы, но, получив должность, снова бросается на взятки, думая вознаградить свои потери. Зато через полгода же, или через год и снова теряет он место. Нет; нужна самая твердая решимость отказываться от взяток, и эту решимость может пробудить и поддержать в душе только одно: «христианская совесть». (Где же те чистые, бескорыстные личности, которых бы нельзя было подкупать никакими приношениями, которые бы не терпели взяток и в других лицах, все так ради одной христианской правды и честности, и без допущения другого зла в своей службе именно «не делать ничего»; где же эти личности? Мы бы *«прославили их, потому что они – чудо»* (Сир.31:9), каждый в своем месте. Но дай их, Господи, больше для каждого времени!)

Что же сказать о виновности тех, которые дают взятки? Вина лиходателей тоже несомненная, хоть и меньшая. Они дают лихву против собственных убеждений, следовательно, признают ее делом незаконным. Они так же иногда через взятку

богатеют, например, по какому-нибудь подряду, или только беспрепятственно продолжают свои злоприобретения денег-имущества, например, на какой-либо должности. Они покупают себе деньгами то награду, то место службы, то невинность в своем проступке. Они склоняют к делу, противному обязанностям службы, к явной несправедливости, или самого начальника, или секретаря его, или приближенных к нему. Зло увеличивается, если они приносят взятку, например, высшему лицу под видом богоугодного или благотворительного пожертвования, ни раньше, ни после тоже не жертвуя. Нельзя умолчать и о том оскорблении, какое они делают честным лицам, которым, судя по себе или по примеру других, так и толкают в руку пачку денег и упрашивают принять ни с того, ни с сего. Истинно честный человек, положим, пожалеет о таком поступке их и не будет взыскивать: но все же тяжело для его нравственного чувства, когда он скажет, что не может принять подарка, и, однако, его упрашивают принять. Наконец, дающие взятку напрасно лишают сами себя денег или вещей. Лишают себя, вместе с тем, права жаловаться на взяточника, если подарок окажется напрасною тратою: только гласным осуждением, упреками и презрением они платят этому человеку, и когда же? Тогда как он не будет больше иметь на них влияния, потеряв должность, отъезжает от них. Да! Предлагать и давать взятки дело так же постыдное и виновное пред Богом. Ты, христианин, не связывай себя ни тем, ни другим – ни предложением, ни принятием взяток, если будешь поставлен в искусительное, на сей раз, состояние. Так у тебя все будет развязано, все будет в доброй свободе: и совесть, и язык, и руки, и просьба собственная, и отказ другому в просьбе.

Излишний торг при покупке чего-либо или притеснение в цене продавца, когда он – видимо – нуждается продать товар или вещи свои

Так, в свою очередь, и покупатели обижают продавцов, – чем же? Понижением цен на их вещи. Предлагают от себя такую цену, которая или ниже товара, или едва лишь равняется стоимости его; следовательно, хотят, как бы, даром взять товар или вещь. Одни так поступают по незнанию настоящих цен за покупаемые вещи, другие – по недоверию к продавцу, судя о нем по примеру других, т.е., будто он запрашивает и хочет взять лишнее. Продавец уже не знает, чем удостоверить их в истине своих слов: таким образом, они доводят его и до божбы, если он имеет привычку божиться. Он, наконец, (если особенно это не сам хозяин, а только доверенный в магазине) приходит в самое напряженное состояние духа от излишней ряды покупателей, потому что предлагают ему за товар ни с чем несообразную цену; указывают на другие лавки, где будто бы те же вещи продаются дешевле; унижают доброту его товара. Но сделать резкий ответ, который бы заставил покупателей или скорее решиться на покупку, или, что всего вернее, уйти из лавки, – так ответить он не может, потому что он человек, в своем роде, зависимый от покупателей; потому что иначе может заслужить молву грубого приказчика. И вот, случалось, иные даже заболели, вынося сряду от многих покупателей такое напряженное состояние духа. – Но особенно составляет вину излишний торг в том случае, когда бывает с сознанием и преднамеренно. Вот, например, иной купец находится в критическом положении по своей торговле: нуждается поскорей сбыть свой товар и получить деньги. Или вот, чиновник, должностное какое лицо, перемещающееся куда-либо для службы, должен как ни есть продать недвижимое свое имение, а также, может быть, и дом. Или вот, родственники умершего имеют нужду обратить в деньги вещи, в которых не имеют для себя никакой нужды. К этим людям прежде других являются покупатели, которые предлагают им за вещи половинную и

даже меньшую цену. Покупатели иной раз совсем не нуждаются в покупаемых вещах, но только пользуются случаем даровой покупки их, чтоб потом продать другим дороже или же, чтоб самим владеть уже без жалости тем, что приобрели за бесценок. Будто они рады критическому положению своего ближнего. Будто они сами не могут быть в том же положении: ведь, если не перемещение куда временное по должности или по другим обстоятельствам, то последнее и общее для всех перемещение в вечность постигнет и их; таким образом, могли бы они подумать, что после них также будут предлагаемые для продажи вещи, которыми они владели. – Для чего же это нам, в самом деле, насиловать продавца излишним торгом? Если у вас нет средств оплатить покупаемую вещь, то и должны мы отказать себе в пристрастном желании приобрести ее или же купить ту же вещь низшей доброты, следовательно, по низшей цене. Купец не виноват, что у нас недостает денег выдать ему настоящую цену. А, между тем, войдем в его положение: как ему чувствительно наше недоверие! как огорчительно насилие с нашей стороны воспользоваться не по праву его собственностью! и как дорого иногда для него время, чтоб напрасно говорить с нами! Равным образом, для чего же это нам притеснять тех, которые продают вещи при своем отъезде или после смерти чей? не прямое ли это злоприобретение? Пусть они соглашаются на самые крайние уступки, но согласие их вынужденное. В душе же своей они ропщут на нас. Нужно бы по-христиански помочь им, чтоб скорее развязались с связывающими их вещами, а не притеснять. Не напрасно же некоторые благонамеренные люди, имея в виду других покупателей, полагают себе правилом: не покупать ничего после несчастий ближнего. – Ты, христианин, избегай излишнего препирательства с продавцами, в котором скрывается корыстолюбие, обида купцу и беспокойство собственного духа!

Скряжничество (голодание за собственным столом)

«Против скупого на хлеб будет роптать город» (Сир.31:28); «даже на хлеб и в столе своем терпит скудость» (Сир.14:10). Когда, с одной стороны, множество существенных нужд в семье и по дому, а с другой – ограниченность средств, заставляют нас отказаться от желания сделать у себя обед или ужин, да возвеселились бы мы «с друзьями моими» (Лк.15:29): тогда это и благоразумно, и едва ли вызовет чей-либо ропот из нас. В таком случае, мы и самим себе отказываем во многих потребностях жизни. Но, если кто отказывает себе и другим при хороших средствах; если, например, никогда и никого не пригласит к себе для хлеба-соли, между тем, сам посещает чужие обеды и ужины; если дома у себя ест только сухое и соленое, если одевается в засаленные, дырявые и бедные одежды; пешком идет в дороге, когда бы мог проехать, или же путешествует на медленной и дешевой подводе вместо скорой и покойной: такой отказывает себе в существенном не ради какого-нибудь подвижничества, или чтобы иметь больше остатков в пользу бедных, а только по жалости денег или материалов, только для большего еще приращения своих средств, такой-то отказ называется «скряжничеством». Это есть самое безумное злоприобретение, крайняя степень сребролюбия. На что похоже скряжничество? Его ни с чем нельзя сравнить. Сравнивая его в нравственном смысле с расточительностью, все же расточительность найдем менее худшею. Расточительный полагает цель жизни, по крайней мере, в части своего лица; скряга же полагает ее вне себя, – в деньгах и имуществе. В отношении к Господу Богу этот человек – неблагодарное существо: он не умеет благодарить Бога, «дающего нам все обильно для наслаждения» (1Тим.6:17); потому что не испытывает удовольствия от своих благ, потому что блага лежат у него, как бы погребенные в земле. Ближнему он досаждаст тем, что всегда сух к каждому, кто бывает у него: и может ли тот быть добрым для других, кто зол для самого себя? Кажется, скорее же, скряга отдаст часть своего тела, чем уделит

ближнему из своих денег или хлеба. Но, повторяем – особенно для себя-то он зол или враг. Он и голодует, и зябнет, и утомляется в ходьбе, и не досыпает, не зная сам из-за чего. Будто он поставлен беречь чужое, а не иметь собственного. Он завидует самому себе (Сир.14:6), и, вместе с тем, – крадет у самого себя. Он собирает и хранит только для других: над чем он задумывался, к чему не смел прикоснуться, то после него пойдет по разным рукам и будет быстро тратиться. – Христианин! подивись тому, как это люди бывают или роскошны и расточительны, или напротив, скупы до скряжничества! Как в редкость такой человек, который бы не прельщался деньгами и, так или иначе, не злоупотреблял бы ими (Сир.31:9). *«Невозможное человекам возможно Богу»* (Лк.18:27).

Требование себе платы за каждую малейшую услугу

«И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф.5:41). Общий смысл этой евангельской заповеди тот, чтоб в случае требования кем-либо от нас небольшой услуги, мы старались оказать двойную услугу. О, как особенно ныне-то забывается эта заповедь! Прошел кто одну улицу, чтобы указать приезжему неизвестный дом, или поднес в дороге чьи-либо вещи на пространстве нескольких шагов, или попрошен сходить куда в продолжение пяти-десяти минут, или помог снять верхнюю одежду в чьей-либо передней, и что же? За все это каждый требует себе платы на чай, на калач, на вино. Так бывает со стороны простолюдинов. Но лучше ли в сословии образованных и благородных? Адвокат или знаток законов высказал кому-либо на дому у себя совет по делу, искусный в счетоводстве проверил чей-либо счет, и непременно требует заплатить ему. Всякая услуга ныне ожидает себе платы, всякий талант оценивается на деньги. Что же это за обирательство ближнего на каждом шагу, и иной раз такого из ближних, для которого еще приятно было бы послужить, например, для лица духовного? где же благородный, бескорыстный труд в пользу ближнего? как здесь забывается слово: «ближний!» как люди показывают себя чужими друг другу! Не жалко ведь заплатить за малейшую услугу (хоть больше таких, которые не могут на каждом шагу платить), но тяжелое в душе чувство пробуждается, когда видишь, что не хотят тебе оказать и малейшую услугу просто, по братскому расположению, когда, притом, не представляет твоей собственной свободы и заботливости вознаградить за услугу, а напоминают и осаждают просьбами. Ты, христианин, если и не богат, люби бескорыстную услужливость ближнему хоть в малом-то! Если скажут тебе за услугу: «спасибо», и то прими с утешением; потому что, разложив это слово на составные его части, мы получаем такое благожелание от ближнего: «спаси тебя Бог!». Повтори за ближним в душе ту же речь, заменив в

ней слово «тебя» словом «меня», и тогда почувствуешь некоторое облегчение после услуги ближнему.

Выманивание чужих денег посредством работы и продажи бездельных вещей

Бездельными вещами называются вещи не для капитального и существенного употребления, но для одной суетности. Часто и удобства нет в употреблении их. Одно удовольствие от них разве для глаз, да для мысли – новизна, т.к. люди любят бросаться на что-либо яркое и новое. Где бы можно было совсем обойтись без вещи или удовлетвориться самою простотою, домашнею или самодельною вещью: там придумывают вещь хитрую, иногда забавную и являются особые торговцы и лавки для продажи подобных вещей. Между тем, все эти вещи – от коробки для спичек до серебряных вместилищ к табаку – довольно ценны. Не очевидно ли, что мастера и продавцы их только выманивают ими чужие деньги? Не злоупотребление ли это, в некоторой мере, со стороны мастеров и купцов? Ужели руки первых и магазины последних не могли бы быть заняты предметами, более разумными и полезными для употребления? Читатель! Если ты мастер, или торгующий мелкими вещами, не вовлекай же ближнего в напрасные траты, предлагая ему от себя – притом, не дешевое ценой – бездельное и не совсем нужное. Может быть, ему нужен хлеб, а не твои модные или забавные вещи.

**Заповедь 9: Не произноси ложного свидетельства
на ближнего твоего**

Не вреди ближнему твоему, как и самому себе во всех отношениях словом

Кроме жизни, целомудрия и собственности ближнего, есть еще у него одно достояние, которого мы так же не должны касаться со вредом, но обязаны по христианской любви охранять, как принадлежащее ему. Это есть честь его, или доброе имя. Вредить ближнему на сей раз мы можем языком своим, иди даром слова. Вообще, наши обязанности к другим (а, вместе с тем, и самим себе, потому что сказано: *«возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе»*) не были бы полными, если б обнимали положение человека только отвне (целость его жизни и здоровья, целомудренная чистота тела, имение, как поддержка телесной жизни его); если б не было в этих обязанностях постепенного перехода или поступления от ближайшего к дальнейшему, от материального к духовному; если б был в них забыт орган слова, как посредник в переходе от тела к душе и от души к телу. Отсюда, девятая заповедь Божия об употреблении слова человеческого. (И только в отношении к ближнему и к нам самим, а не к Богу и святым, о почитании которых словом было сказано нами под третьей заповедью). Отсюда все то, чем язык наш или, равносильные языку, перо и печать, могут выразить долг нашей любви и справедливости к ближнему, и самим себе, или же нарушить этот долг, все это от свидетельства на суде до ответа на частное письмо входит в область девятой заповеди Божией.

Виды клеветы

Ложное свидетельство на кого в суде

«Мнози лжесвидетельствоваху» (Мк.14:56) на Иисуса в Синедрионе иудейском. На Богочеловека не могло быть ни одной правдоподобной клеветы, посему «равна свидетельства» на Него «не бяху» (Мк.14:56). На человека же клевета всегда может быть и имеет силу доверия и только оставляет место сомнению («Кто знает, может быть, и в самом деле виноват?»). Говорят и о таком человеке, которого жизнь очевидно противоречит свидетельским на него показаниям). Из клевет самая тяжелая ложное показание на кого-либо в суде, которое может быть иногда почему-либо и без присяги. Здесь не просто хотят лишить чести невинного, но и подвергнуть его наказанию. Да и обвинение (при невинности) гораздо тяжелее перенести под видом закона, или по приговору суда, чем частным образом. Клеветливые показания свидетеля и тем еще виновны, что в нынешних судах его спрашивают неоднократно по поводу противоречий его самому себе, или показаниям других свидетелей, спрашивают так и стороны обвиняющая и защищающая, и присяжные заседатели: между тем, вот, он подтверждает свою клевету пред всеми до нескольких раз. Посему по правилам церковным самая меньшая епитимия лжесвидетелю в суде или при исследовании дела полагается шестилетняя (Василий Великий). – Христианин! не очерняй ты своей совести пред самим собой, постыдясь света дневного и публики на суде, чтоб лжесвидетельствовать на ближнего! Из многих примеров известно, что, когда лжесвидетели явно изобличались, то они или чернели как уголь, или сами подвергались тому наказанию, до которого хотели довести ближнего, или вообще наказывались неудачами в своих делах.

Ложная защита других в суде

«Отмсти мене» (защити меня).. «Отмщу» (защиту) (Лк.18:3:5). Так, в нынешних судах одни просят защитить их пред судом, а другие соглашаются быть их защитниками (адвокатами). Необходимость и польза этой защиты признаны законом и согласны с духом христианского милосердия. Но всеми ли добросовестно применяется к делу закон о защите? О, нет! Одни из адвокатов совсем отрицают преступление, для которого только мало представляется доказательств, другие оправдывают разными рассуждениями и самого явного преступника. Например, извиняют жену, которая убила мужа, – с одной стороны, тем, что муж притеснял ее, а с другой – невозможностью у нас, или крайнею трудностью при существующих законах получить развод; оправдывают и тех, которые сделали убийцами своего отца или матери, – на том основании, что грубость нравов свойственна нашему крестьянству, что дерзкое обхождение с родителями у наших крестьян не составляет редкости; защищают вора, которому воровство обратилось в страсть и не кажется грехом, – защищают его под предлогом безвыходного его положения; многие из адвокатов наобещают многое подсудимому: подсудимый и легко верит им, а в конце всего, они запутывают его дело и только разоряют его, или еще подводят под ответственность, так что, не будь их – тогда, например, мировой судья легче и скорее решил бы его участь. Из-за чего же адвокаты так ведут свое важное, по цели, дело? что заставляет их быть натянутыми в своей защите, прибегать к разным тонкостям слова, наконец, называть явного преступника невинным? Они так действуют не по жалости к нарушителям закона и не из желания этим людям, чтоб исправили свою жизнь, когда будут на свободе. Нет, их ложная защита наряду с правильной идет как бы поневоле. Сначала льстит их тщеславию звание адвоката, которое и сделалось ныне очень желаемым для многих. Затем, исключительное занятие защитой в судах при множестве людей этого рода заставляет даже и

предлагать свои услуги, а потом вести дело, как случится. (Где бы достаточно было 50 адвокатов, там их 200. Итак, до того ли тут, чтоб разбирать невинность и преступность? Лишь бы согласились принять или приглашали быть защитниками. Между тем, могли же бы иные соединять звание защитника с какою-нибудь службою, и, таким образом, не имели бы нужды браться за защиту таких дел, которые не заслуживают защиты, по крайней мере – продолжительной, усиленной). Наконец, желание воспользоваться большим денежным вознаграждением – вот, что главным образом подстрекает идти на, неровный истине, бой и с бою взять оправдание вопиющей неправде (известно, как быстро богатеют иные адвокаты).

Но как много зла от этой ложной защиты в судах! Защитник, прежде всего, ложно убеждает самого себя относительно невинности подсудимого. По крайней мере, он показывает себя пред публикой, что убежден в правоте своего клиента. А отсюда, незаметно в душе его развивается легкий взгляд вообще на преступления. Своим красноречием делая из черного белое, переиначивая показания свидетелей, толкуя статьи закона, как нельзя их толковать, всем этим он сильно настраивает присяжных заседателей в пользу явного и тяжкого преступника, т.е. ложно убеждает и других. Это естественно; потому что присяжные в большинстве менее вообще развиты в сравнении с ним и меньше сведущи в законах. Не приносит такой защитник пользы и самому преступнику, которого виновность особенно ему-то известна, потому что преступник открывает пред ним свою совесть. Он, скорее, вредит преступнику, чем существенно помогает. Преступник мог бы исправиться, если б потерпел заслуженное наказание, а он освобождает от наказания виновного своею защитой. Иное было бы дело вместо уничтожения вины смягчить вину в виду особенных обстоятельств. – Ложный защитник досаждал противной стороне, так как ложная защита его почти никогда не обходится без обиды другим, которым подсудимый чем-либо повредил. – Он вредит своим искусством и непрямодушием целому обществу; потому что ходатайствует о безнаказанности явных преступников, а таким образом обнадеживает

беснаказанностью и на последующее время как этих самых преступников, так и других, слабым поведением, людей. Следовательно, он содействует размножению в обществе преступлений и преступников. Представим, например, себе, что иной своею защитою оправдал вора, который только с его стороны заслуживал прощенья, потому что мог достаточно вознаградить его за защиту себя. Тогда, что же выходит? Выходит, что сам-то защитник всех обирает: и вора, который готов был все отдать от себя, чтоб только выйти из-под суда, и обкраденных воров, которые будто бы за ложный донос должны еще заплататъ, и самый закон правосудия, у которого отнимается сила.

О, умные защитники! Остерегитесь быть укрывателями преступника, которых, как вам известно, строго же закон осуждает! Пусть будет приятным для вас защищать только невинного. Но зачем вам мириться с явным преступлением и в пользу преступления унижать дар слова, расточать знания свои в законах, словом, заводить какую-то игру?

Оправдание присяжными в суде виновного, будто бы, по человеколюбию и под другими предлогами

«Остависте... суд, и милость, и веру» (Мф.23:23). Некогда фарисеи, к сожалению, всецело нарушали все эти требования относительно суда. В нынешних судах от присяжных судей уже можно было бы ожидать выполнения всех этих требований, т.е. правдивости, снисхождения и веры, или совести христианской. Почему можно ожидать? Присяжные должны сознать особенную важность поручения, которое на них возложено. Закон предоставляет судить преступника населению той местности, где совершилось преступление; потому что местное население знает и преступника, и свидетелей, которые говорят «да» или «против» него, и другие местные обстоятельства, при которых он совершил свое преступление. Да; никто не может столь верно понять обстоятельства известного преступления, как местные жители. Они-то по закону и произносят свой суд над преступником в лице присяжных заседателей. Долг последних сказать: «виновен или же невинновен подсудимый», как затем обязанность коронных судей постановить приговор на основании законов, согласный с этим. 12 человек присяжных, прежде, чем станут пред налой для принятия присяги, чтоб быть действительно «присяжными-судьями» и приступить к делу суда, подвергаются самому строгому выбору. Выбор их начинается (как, например, в уездах столичных городов) с 1000 имен, а оканчивается только 12 человеками, как бы напоминающими о 12 судейских престолах на всемирном суде, с которых будут судимы 12-же местных колен Израилевых (Мф.19:28). Где только не поверяется предварительно избирательный список, очередных присяжных? Словом, состав 12 присяжных выходит, как триста Гедеоновых воинов из десяти тысяч (Суд.7:3:8) или как чистая пшеница после самой продолжительной и тщательной очистки. – Далее: этим присяжным предоставлена всякая возможность убедиться в виновности или невинности подсудимого. Они не только выслушивают (краткое) судебное следствие о преступнике, но и

имеют право спрашивать (через председателя суда) о том, чего не поняли, или что может вести к разъяснению дела – спрашивать, как и самого подсудимого, так и каждого из свидетелей, и особо сведущих людей, например, врача, которые по желанию их же, или по усмотрению самого суда, или по требованию сторон бывают вызваны в заседание. Так как каждый из присяжных по своей совести должен решить участь подсудимого и сам за себя в этом случае отвечает пред Богом, то и не должен стесняться в виду публики, если не понял чего-либо в деле, равно как и ожидать, – не выскажет ли за него другой кто из товарищей того недоумения, которое возникло в его душе во время слушания им дела или рассматривания глазами вещественных доказательств преступления: более стыда судить о деле, не поняв и не изучив его. Затем, так как нередко стороны, т. е. обвинитель и защитник, каждый, желая доказать правильность своего взгляда на дело, и особенно последняя сторона, в своих судебных спорах увлекаются и могут поставлять присяжных в крайнее недоумение, то после всех судебных прений и пред тем временем, как присяжные должны пойти в совещательную комнату для решения вопроса о подсудимом – председатель суда говорит свою заключительную речь, в которой имеется целью восстановить дело в истинном виде, например, дать правильное объяснение перетолкованным статьям закона. Дозволяется также присяжным во время судебного следствия делать письменные отметки, хотя и запрещено руководствоваться запасом каких-либо книг, так как здесь сильны не книга и не преобладание образованного над неграмотным, а совесть, да внутреннее внимание к делу, или изучение дела во всех подробностях. Таким образом, каждый из присяжных после заседания суда должен бы входить в совещательную комнату уже с готовым убеждением относительно подсудимого, т.е. виновен или невиновен подсудимый и в последнем случае не заслуживает ли снисхождения. – Наконец, решение присяжных считается неприкосновенным. Вслед за объявлением его в заседании всего суда и публики, подсудимый или освобождается, или присуждается к известному наказанию. Обвиняемый, правда,

может жаловаться, но не на присяжных, которые будто неправильно обвинили его и оправдали другого виновного, а на самый суд, который отступил от каких-либо законов при производстве дела, или во время приговора. Даже и в особых исключительных случаях, когда или высшая власть (сенат) по жалобе обвиненного, или, когда сам же местный суд единогласно признает решение присяжных неправильным, карающим совершенно невинного, – и тогда только лишь – назначается новый состав присяжных заседателей для перерешения подсудимого, но последнее слово опять остается за ними. Если же присяжные и в новом составе своем обвинят того же подсудимого, тогда судьи не могут не постановить приговора, согласного с решением их. Вот как уважается суд присяжных заседателей, основанный на присяге и на внутреннем убеждении, которое в свою очередь основывается на изучении и обсуждении ими всего того, что узно по делу или что было представлено вниманию их! – Но всегда ли бывает правилен суд присяжных заседателей? О, к сожалению, нет! Нередко присяжные выносят оправдательный приговор и таким тяжким преступникам, которые сами сознаются в своей вине, например, убийцам, как бы желая внушить преступнику, что он ошибается, что напрасно верит своей совести. Какие же побуждения и основания имеют присяжные, чтоб прощать явных и тяжких преступников?

Тут много бывает побуждений. Больше всего действуют на присяжных сознание преступника, его смущение пред судом, его жалобный голос и слезы, как особенно у женщин. Напротив, менее снисхождения оказывают они к запирающимся в своем преступлении. Не таится ли здесь чувство самолюбия, по которому человек, обыкновенно, располагается в пользу тех, которые сознаются пред ним и, так сказать, поддаются ему, покоряются? Вместе с тем, как легко обмануться в искренности сознания и слез подсудимого, а особенно подсудимой (до того иногда виновное лицо сумеет тронуть судей, что и дают ему деньги)! Или даже пусть будет несомненна искренность преступника, пусть в том же духе были первоначальный (до суда, пред следователями) показания его, все же на основании

этой одной искренности нельзя оправдывать или прощать его. Не всегда сознание вины доказывает в преступнике готовность исправиться; иногда оно бывает только кратковременным порывом сердца. Саул искренно же сознавался в своих тяжких винах пред Давидом, – называл себя ввиду своих проступков и безумным, и много прегрешившим; однако ж, не исправился и после такого раскаяния (1Цар.26:17–25). Чистосердечное раскаяние преступника или преступницы может только смягчать меру наказания им, а не изглаждать совсем тяжкую вину их. Присяжные не вправе прощать их ради тех жалостливых впечатлений, какие они пробуждают своим внешним видом, голосом и слезами; потому что они виновны не лично против суда, а против законов всего общества. – Извиняют также преступника «вынужденностью его обстоятельств, или безвыходным, будто бы, положением его, отчего, собственно, он и решился на преступление; например, рассуждают, что жена и была изменницей своему мужу, и раздражала мужа на каждом шагу, и уронила его честь в обществе; таким образом, муж в порыве сильного гнева мог нанести ей смертельный удар». Но ведь для каждого преступления человек может указать какой-либо вызов, своего рода, вынужденность или неволю. Затем, бывают еще преступления совсем ненамеренные и неожиданные, как одно несчастье. Если же все эта вины покрывать снисхождением, – за что же тогда суду остается карать? А забыто здесь, что, если б от человека не отступила охраняющая его благодать Божия, если б он не удалил от себя ангела-хранителя, то и не допустил бы тяжкого уголовного преступления: отступление же от него благодати и ангела-хранителя – это одно уже говорит не в пользу его. – Иногда присяжные оправдывают преступника или преступницу «понимая по-своему закон», который в известном случае нарушен, и который, будто бы, слишком строг или неприменим ко времени: так, например, они легко оправдывают раскольников в преступлениях против веры, основываясь на современной веротерпимости. Но они призваны быть не критиками существующих законов, а судьями деяний преступника на основании этих законов. Не свой суд они

выполняют, но суд общественный и царский, наконец – суд Самого Господа (Втор.1:17), у которого нет лицемерия. – Удерживаются присяжные от обвинения вполне по закону, «принимая во внимание уже понесенные преступником терзания от собственной совести или предоставляя ему быть наказанным одною совестью его. Они опасаются тяжкого приговора на него со стороны коронных судей». Напрасно. Они призваны к участию не во внутреннем каком-либо суде, а во внешнем и открытом: место для суда совести другое – в церкви у исповедного наоя. Во всяком разе обнаруженные преступником терзания совести не могут быть основанием для оправдания его: совесть – судья от Бога, а в суде судит закон гражданский. Опасениями же за тяжкий приговор преступника присяжные не должны стесняться. Их обязанность только решить вопрос о виновности или невиновности его, и в этом должна состоять вся забота их. Чтоб угрожающее преступнику наказание не было для них подавляющим чувством и не могло стеснить их в решении его участи, для этого-то и помину не бывает ни со стороны обвинителя (прокурора) и защитника, ни в речах председателя суда о наказании в буквальном смысле. Речь об этом идет уже после решения присяжных, когда присяжные не принимают никакого участия в суде, сравниваются с публикой. Да, если б тягость наказания преступнику, и сама собой представлялась ясною, и была бы не по силам его, например, для человека образованного или изнеженного в образе жизни, а, с другой стороны, – не находилось бы решительно обстоятельств, в силу которых можно было бы испросить снисхождение к подсудимому: присяжные должны знать, что вправе ходатайствовать у верховной власти об особом снисхождении к этому несчастному. Решая преступников слишком снисходительно, присяжные думают, как бы сберечь для самих себя снисхождение («каждый-де может подвергнуться тому же несчастью преступления»). Но подобное снисхождение, если б в нем, к несчастью, понуждались сами присяжные, и им не послужит в пользу; потому что всем тем, которые избегли за преступление суда человеческого, нельзя избежать суда

Божьего, который, между тем, миновал бы преступника, если б преступник понес наказание по закону гражданскому (Наум.1:9). – Присяжные думают «оправдать себя и похвалиться милосердием христианским, в чувстве которого, будто, милуют, и пример которого показал всем нам Христос-Спаситель, когда простил блудницу (Ин.8:3–11)». Но милосердие христианское может оставаться само по себе при самом обвинительном приговоре, потому что присяжные обвиняют преступника не сами по себе и не по личной злобе, а по требованию закона: в душе своей они должны жалеть его. Христос-Спаситель, научая своих последователей быть милостивыми к ближнему, однако, оставил за судом гражданским право карать виновных. А в Ветхом Завете и законы гражданские с их казнями за преступления непосредственно даны были от Бога.

Итак, что же сказать о вине присяжных судей, часто оправдывающих явного и тяжкого преступника под влиянием того или другого из указанных побуждений? Они злоупотребляют доверием правительства, потому что не хотят действовать заодно с правительством на основании законов. – Не оправдывают доверия от общества, потому что показывают себя плохими представителями «общественной совести». Потворствуют допущенным преступлениям, берут на себя ответственность пред Богом за их новые проступки, которые легко допустит подсудимый, если останется безнаказанными за первое свое преступление и воспользуется полной свободой. – Избранные, произбранные судьи! Милуя другого, своей-то участи не отягчайте пред судом Божиим! Окажите милостивое внимание и к тем голосам в собственной своей среде, которые говорят справедливо против преступника, но которые только не имеют перевеса между вами своим числом! О, ради Бога, ради исправления нравов народа и пользы всего государства оцените же свое высокое, хоть и кратковременное, служение! В своих решениях, кроме милости, непременно проявляйте и суд, и веру, для чего имеете полную возможность! А иначе участие ваше в суде только поведет к горшему злу!

Запирательство пред судом в преступлении иногда и при явных уликах или, напротив, принятие на себя небывалой вины

«Солга неправда себе» (Пс.26:12). Преступник закона, неискренний и сначала, или у следователей, а потом на самом суде, отвергавший совсем свое преступление, иногда при явных даже уликах, – только вредит самому себе и увеличивает свои вины пред Богом. Он не повинуется начальству, которое убеждает его сознаться в преступлении. Не слушает христианских увещаний священника, который иногда приглашается дать ему увещание. Замедляет ход своего дела до суда и на суде, так как в последнем случае иной раз искренним рассказом и оканчивается судебное следствие о преступнике (т.е. кратчайшее повторение раньше исследованного дела). Иногда этот преступник из-за себя оставляет в подозрении невинных, что с его стороны составляет «косвенную клевету». Он поставляет судей в недоумение относительно некоторых сторон своего дела, и в этом случае поступает противно примеру Спасителя; потому что, когда Спаситель видимо стоял на судилищах человеческих, а невидимо отвечал пред вечным судом Божиим и грехи мира, которые принял на Себя, тогда объяснял же Он судьям, что принадлежало Ему; так например, неверие человеческое поставляло Ему в вину, что Он называет Себя Сыном Божиим, и Он на предложенный вопрос: «Сын ли Божий и царь ли?» отвечал утвердительно. Несознательный преступник, затем, охлаждает в присяжных сожаление к себе и не достигает же у них своей цели, т. е., чтоб оправдали его, будто невиноватого по словам его; потому что присяжные, убедившись всем ходом дела в его виновности, и объявляют его виновным. А также, и суд за упорство его в доказанном преступлении еще возвышает ему меру наказания одною или несколькими степенями, иногда приговаривает его к другому наказанию, более строгому, потому что и он присоединяет к своей вине новую вину, притом, обнаруживает в себе расположение быть преступником на

последующее время. Что же до внутренних сторон его запирательства, то он не выражает нисколько уважения к истине; глотает, точно верблюд, крупную ложь; доходит даже до сатанинской неосознанности именно – начинает и сам себе верить, будто невинен, будучи виновным; наконец, уже и наказываемый, в силу привычки не перестает называть себя невинным. Но допустим, что он своим запирательством и не раздражит особенно против себя ни мирового судью, ни целое собрание судей, и что при помощи запирательства успеет избежать заслуженного наказания: однако, верно, что успех его не послужит ему на пользу. Почему же? По той причине, что не одно и то же быть только под страхом наказания или же вынести на самых плечах наказание; страх проходит скоро, а действительность, а самое наказание проникают всецело человека, дают о себе знать и душе, и телу его, оставляют в нем сильные и продолжительные впечатления. Таким образом, практика преступлений человеческих нередко и представляет такие примеры, что те люди, которые не сознались пред судом в своем преступлении и остались не уличенными и не наказанными, – те безбоязненное решаются на новые преступления, и уже более тяжкие в сравнении с прежними, – подпадают новой подсудимости, зато уже и более строгой к ним. С другой стороны, и объявлять на себя небывалую вину неразумно и грешно. Так, иные винят себя только ради того, чтоб не называли их больше упорными; между тем, они тоже не опасаются наказания, потому что обещают их простить. Другие, будучи виновны и обвинены в одном преступлении, ложно принимают на себя новое преступление уже с явно-преступными целями; например, чтоб запутать дело, найти новые предлоги к оправданию себя в первом преступлении, иметь возможность прожить даром на казенном содержании в тюрьме и даже воспользоваться случаем к бегству или только отдалить от себя срок ссылки в Сибирь, наконец, перемениться именем с другим преступником, также осужденным, ради какой-либо выгоды своей. Это значит «клеветать на самого себя» и скрывать от суда действительного преступника, посмеиваться над судом. – Ты, друг наш, читающий эти строки! Если по

несчастью также подпадешь суду гражданскому или церковно-гражданскому, не делай себе еще большего вреда своим запирательством. Но, если, напротив, будешь невиновен, то во имя истины и в пределах свойственной христианину скромности, старайся до конца доказать свою невинность. На суде, не только, что в частной жизни, даже и по смирению христианскому нельзя принимать на себя несвойственную вину.

Полное сложение с себя вины своей на невинное лицо при поводе к тому

Так, во дни Соломона были две женщины, спавшие вместе. Одна из них, застав ночью грудное свое дитя, воспользовалась тем, что у другой было такое же дитя: она взяла у спящей живого младенца, а своего мертвого переложила, и затем утверждала, что заспала другая, а не она (3Цар.3:16–28). Так, жена Пентефрия, опасаясь огласки своего насилия Иосифу или только желая излить на Иосифа свою досаду, сложила свою вину на него, воспользовавшись тем случаем, что в руках ее осталась одежда его (Быт.39:7–19). Подобных примеров немало можно видеть и в житиях святых. Развратные мужчины соблазняли девиц. Когда же соблазненные девицы делались непраздными, то научали их показать, что виновники их беременности старцы монастыря, которые останавливались для ночлега в доме их родителей²¹⁹. И ныне иной решается пред судом сложить с себя всю вину свою, как есть, на другого, который был вместе с ним, когда он совершал какой-либо проступок. Третьего лица, которое бы могло опровергнуть клевету нет: внешних обстоятельств, которые бы доказывали физическую невозможность, или несбыточность на деле этой клеветы, также не представляется. Так, например, были бы два человека в одной комнате и один из них, обращаясь по своему занятию или по своей службе с драгоценностью какою, и уронил бы, и повредил эту драгоценность; а другой видел бы только его неосторожный или решительно небрежный поступок. И вот, первый предъявляет на последнего, что не он, а последний-то тронул драгоценность, он же, напротив, еще старался поддержать ее! Но виновен ли последний в том, что ему случилось быть несчастным свидетелем чужой вины, и что не мог он умолчать о поступке, так как поступок тотчас и без того открылся бы, и был бы поставлен в вину ему, как укрывателю? Не чрезмерная ли это чернота совести: сложить с себя свой грех на невинное лицо и обличать за себя другого? Еще преступнее, если иной решается на это не по одному

самопоощрению, но потому, что представился случай досадить-повредить ближнему. Как тяжело ближнему носить чужую вину – иногда долгое время – и видеть рядом возле себя виновного, которого все почитают невинным, и который в злобе своей торжествует! – О, добрый христианин! Да сохранит тебя Божья благодать и от поступка преступного или только неосторожного, и от решимости завинить в нем за себя совершенно непричастное лицо!

Ложный донос

«Аще... навет сотворит нань ... Да не пощадит его око твое ... Да сотворите ему, якоже и он умысли сотворити супротив брата своего» (Втор.19:11,13:19). По строгости, которая вообще свойственна ветхозаветному закону, ложный доносчик не заслуживал пощады и был присуждаем к тому самому наказанию, которому подвергал невинного. Преступления или проступка при ложном доносе, очевидно, не было; а наказание за сочиненное преступление уже определялось. Кому же должно было достаться это бремя, как не сочинителю его для другого? Таков был ветхозаветный суд ложным доносчикам; так, например, были побиты камнями вместо невинной Сусанны ложные на нее доносчики (Дан.13:62). Ныне нет подобной строгости. Да и люди сделались столько осторожны, что умеют избежать при ложном доносе заслуженного наказания. Так, например, делают ложный донос по начальству и суду под предлогом преследования злоупотреблений по чьей-либо службе или в торговле чьей, а в самом деле по одной досаде на ближнего; так, недобросовестный должник доносит на кредитора с целью отсрочить или уменьшить плату своего долга, будто кредитор, требуя с него долг, сделал ему личную обиду. Пусть подобные доносители, не опасаясь за наказание себя, вместе с тем и не надеются доказать своего доноса; потому что совершенно невинного, и в то же время, не растерявшегося духом, трудно уловить в словах и присудить к наказанию. Но они остаются довольны и тем, что очернили честь ближнего, что наделали ему беспокойство, что наделили его бессонными ночами. Сколько же здесь злости! не навет ли это вражий? – Тем более вины в ложном доносе, когда доносителем бывает должностной человек. В таком случае, донос делается или на равного себе, или на подчиненного. В первом случае доносчик пользуется какою-нибудь служебной ошибкой, иногда одной лишь опiskeй своего собрата, подающей повод предположить злоупотребление, а во втором – злоупотребляет доверием,

какое имеют к нему по его должности; так, например, он неправильно делает худой отзыв о поведении подчиненного, выставляет препятствия к награде кого-либо, которых, между тем, нет. Он рассчитывает на то, что его доноса или сведений поверять не будут, что ему поверят во имя его должности. Какая недобросовестность! Он вводит в заблуждение высшую власть; допускает подлог по службе; вредит своему ближнему, который для него здесь в лице подчиненного. Последнему было бы гораздо легче, если б его ложный донос или только неосновательный отзыв (например, о поведении в послужном списке) подверглись исследованию: но это бывает редко. И самое меньшее, когда по доносу должностного лица не делается никакого взыскания, – и это не находка для невинного. Клевета не только сообщается присутственному месту или высшему начальнику, но и оглашается пред «третьими лицами», т.е. пред канцелярскими чинами, которые участвуют в делопроизводстве или письмоводстве. Затем, высшее начальство, пред которым оклеветан подчиненный, без сомнения, может иметь влияние на дальнейшую участь этого человека, если он известен и высшим лицам своею службою или должностью. Таким образом, здесь, кроме оскорбления чести, угрожают оклеветанному другие неприятные последствия. – Вообще же говоря, строгая вменяемость ложного доноса, – будет ли доносителем частное или должностное лицо – состоит в том, что доноситель действует против своей совести, против личных своих убеждений. А, если же он остается полубожиженным; если, не убедившись решительно, доносит в силу одних недоказанных слухов: это обличает его неосторожность или нерадение к своей должности. – Ты, читатель наш, никогда не берись за перо доносителя умышленно ложного или ни на чем не основанного, а также, берегись подтверждать своей подписью чужой ложный донос, представляемый от лица многих. Письменная клевета, да еще по начальству или суду, тяжелей словесной.

Тяжбы

«Брат с братом судится... Вы имеете тяжбы между собою» (1Кор.6:6–7). Под именем тяжб надобно понимать не просто письменные жалобы по начальству и суду, которые легко и скоро могут быть решены, но жалобы излишние, затем – угрожающие продолжительным исследованием (процессом), настойчивые и повторяемые (апелляция). Так, бывают тяжбы по имению, по обидам и притеснениям на службе, и по частным оскорблениям чести. Без сомнения, вообще, жалобы позволительны: на то и существуют суды. К жалобе иногда вынуждает долг самосохранения: жалобой предупреждается притеснение со стороны человека сильного или же прекращается целый ряд чьих-либо обид; устраняются препятствия к какому-либо полезному занятию; иногда для пользы службы раскрываются в каком-либо лице неспособность его к делу, злые качества и незаконные действия его. Однако ж, и еще лучше поступит христианин, если не прибегнет к жалобе. Почему? – В таком случае, он более даст в себе места для веры, в Промысл Божий, более выразит преданность воле Божией и более докажет пожертвования собой, своими личными интересами, для покоя ближнего. Так, например, иной терпит невинно притеснения от начальника, и все сочувствуют ему. Но, подай он жалобу на эти притеснения с тем одним намерением, чтоб избавиться от них, и тогда некоторые его же начинают осуждать, не смотря на свое убеждение в его невинности. Слово Божие поставляет на самую высокую степень любви к ближнему того человека, который имеет право пожаловаться: «имеем жалобу» (Кол.3:13), и оставляет свою жалобу; этот человек показывает себя подражателем «Христово всепрощения». Но, когда в слове Божиим идет речь о тяжбах, тогда прямо выражается, что тяжб не должно быть между христианами. И в самом деле, что же полезного приносят они? Если они бывают денежные и по имению, то нередко половина имения и уходит судам, а иногда трата-то выходит тратой, а пользы или выгоды не остается никакой. Если они бывают за

оскорбление чести, то не ровен соперник: иной сумеет еще более очернить честь разными сторонними обвинениями, но так, что прямо вступить за новые обиды нельзя. Притом, до тяжбы личное оскорбление оставалось тайною немногих лиц, а в тяжбе оно делается предметом разговора для всех и часто появляется в печати. Между тем, тяжбы и времени много отнимают: текущие дела, неоконченные предприятия, неожиданные занятия вопиют о себе, а тут вот еще надобно защищаться, надобно писать на соперника, от него отписываться, являться в суд, искать совета у знатоков закона, ради тяжбного своего дела отвлекать (например, по свидетельским показаниям) от занятий других людей, затруднить мировых судей, у которых кроме разбора личных тяжб, и без того довольно дела по решению других недоумений. Тяжбы расстраивают молитву и вообще вредят течению духовной жизни: неприятности и мысли к оправданию себя, к завинению же другого, как нарочито, приходят на молитве; от тяжб иные реже начинают ходить в церковь, отлагают совсем в пост по долгу христианскому говенье (не исповедуются и не приобщаются). Тяжбы – это бич для духа и тела: они лишают спокойствия душевного; они не дают свободы при сопернике ни поговорить искренно, потому что за каждым, ведь, словом следит соперник, – ни написать близкому лицу в ответ как чувствуется, так как соперник может услышать об ответе; они заставляют сберегать до времени разные бумажки; они утомляют дух ожиданием конца, даже сушат кости. От тяжб усиливаются вражды, возникают столкновения и споры с новыми лицами ради того, чтоб взять верх над своим соперником. От них посторонние честные люди поставляются в состояние колебания: чью же сторону поддержать своим удостоверением в качестве свидетелей, правую или виновную? И чаще всего, эти посторонние для дела люди остаются на стороне виновного, только более сильного лица. Следовательно, эти люди изменяют своей честности и правде дела. Виноваты они. Но этого не случилось бы, если б известный человек не завел тяжбы и не привлек их к допросу по своей тяжбе. Две-три тяжбы по начальству и суду, и – уже легко развивается склонность тягаться; склонность эта делается

столько сильною, что тяжбник не удовлетворяется решением одного суда, переносит свое дело в высшее судебное место, непременно старается настоять на своем, наконец, будто и не может жить без тяжб. Тогда этот человек (сутяга), естественно, лишается в обществе расположения и доверия: от него все устраниаются, с ним даже боятся говорить, чтоб он не привлек к какой-либо ответственности; у него на все готов закон, но только по одной букве и с злым намерением, а не до духу и для честной защиты. Скажут: «ужели же правее те, которые обижают и притесняют? Нет; если для нас не одобряется только и заводит тяжбное дело против понесенной обиды, то тем более вины, тем более греха и осуждения тем людям, которые совершенно напрасно нас обижают. О, богобоязненный христианин! возненавидь ты эти тяжбы, избегай хождений по судам, не ищи знакомства с поверенными да адвокатами, из которых иные способны только вовлечь в тяжбу, и которым легче сойдет всякое тяжбное дело, чем тебе. Еще и еще претерпи, предай свое невинное дело суду Божию, и Господь защитит тебя!

Ябеды, или наушничество, и благоволение к наушникам

«Чтобы не найти у вас ... ябед» (2Кор.12:20), предупреждал апостол Павел коринфянам, собираясь прийти к ним. Ябеда, это тайный и словесный донос по начальству или старшим лицам, – донос, взятый с дела, но только иной раз с прибавлением и не основанными ни на чем догадками. Имя наушника и шепотника еще более характеризует человека, который любит говорить ябеды: этот человек, как-то согнувшись, подходит к вам и высказывает свои ябеды под ухо, шепотом. По началу своему ябеды – детский порок, но по своим последствиям – возмужалое зло. Они в ходу, прежде всего, между детьми в школах и семьях. А затем – в службе и в кружках многолюдных, именно там, где начальствующее лицо почти одно, и стоит очень высоко, подчиненных же, или низших, много (как, например, в каком-нибудь присутственном месте, в тюрьмах пред смотрителем, в заводе пред управителем, на фабрике пред хозяином). Чем виновен ябедник? – Он никогда не имеет у себя доброй цели: у него одна цель – выслужиться пред высшим лицом. К этой цели присоединяется, впрочем, и желание повредить известному человеку, но не всегда: большею частью у ябедника нет личных неприятных отношений к тем, о проступках которых он передает. А, если он иной раз доносит неосновательно, по одной догадке своей или без понимания тех побуждений и намерений, которыми руководился оговариваемый им в своем поступке, а также и с преувеличениями, в таком случае, его наговоры принимают вид клеветы (тайной). В какое затруднительное положение поставляет он человека, на которого наговаривает! Начальник или высшее лицо, видимо, недовольны этим человеком, между тем, причины недовольства непонятны. Лучше была бы открытая клевета; потому что открытую было бы легче опровергнуть. – Но, что же заставляет самих высших лиц принимать и слушать наговорщиков, и по наговорам-то судить о людях? Непременно какие-нибудь собственные неисправности

по должности начальнической или же особенные вины пред низшими и младшими. Боится, например, начальник, чтоб о его неправдах не донесли высшему начальству, и – старается вперед узнать, от каких лиц может он опасаться этого доноса, кто особенно недоволен им и кто говорит про него смело; мало занимается он своею должностью, ленится входить в подробности дел, и хочет дополнить свое бездействие и лень сведениями от наушников; иных обличает совесть то в грубом и жестоком обхождении с низшими, то в присвоении себе долей чужого содержания, например, в каких-либо общежительных заведениях, то в удержании у рабочих при расчете денег, и вот, они хотят обезопасить себя от предвидимых оскорблений, от какого-либо вреда, например, чтоб не напали на них по сговору в известный час, – обезопасить тайными доносами наушников. А некоторым только лестно знать обо всем, что около них делается, лестно похвалиться своим «всезнанием», которое без труда им достается при сидении дома в кабинете, и будто по вдохновению приходит. Эти люди, обыкновенно, считают наушников верными, правдивыми, ревнующими о правде, отличают их наградами и своим вниманием. Между тем, не замечают того, что благоволят к недостойным, что чрез них унижают и самих себя; затем, затмевают пред собой истину, которая любит свет, а не тьму; развивают в своих подчиненных дух коварства, взаимного предательства; наконец – и самих наушников поставляют не только в неприятное отношение ко всем прочим в среде подчиненных, но и ради себя подвергают иной раз смертной опасности. – Не напрасно же святой Давид прогонял из своего дома тех, которые тайно клеветали пред ним на ближнего (Пс.100:5). – О, читатели! не прибегайте, хоть бы и с доброю иногда целью пресечь зло, – не прибегайте к темным, незаконным путям, как посредство наушников.

Посеяние вражды и раздора между кем-либо

Евангелие, напротив, заповедует нам быть миротворцами. Оно дает высокое имя «сынов Божиих» (Мф.5:9) миротворцам, так как эти люди подражают примеру Сына Божия, Иисуса Христа, Который примирил прогневанное Божество и виновное человечество. Одни вполне намеренно посевают вражду между близкими лицами из каких-либо своих видов или по одной зависти доброму миру этих лиц: первому они скажут, что друг или знакомый его как-либо похулил его или хочет сделать ему какой-либо вред, вообще не любит его, но и второму сообщают то же самое о первом. И вот, мир между двумя близкими лицами начинает колебаться! Еще мог бы он легко между ними быть восстановлен, если б они объяснились между собой. Между тем, сеятели вражды показывают себя дальновидными: они так поставляют дело, чтоб начинающие враждовать не встречались между собой, чтоб, между прочим, и преувеличения с их стороны в сообщаемых рассказах не вышли наружу²²⁰. Но другие, как женский пол, посевают между кем-либо раздор неосторожным и невоздержным своим словом, или только уступая, но без полезной цели, просьбы ближнего услышать от них: кто про его честь говорил. Чем крепче должен быть мир между кем-либо, тем преступнее нарушение этого мира со стороны; так, например, поссорить друг с другом совместных начальников, родных братьев или мужа и жену – особенная вина. – Христианин! остерегайся быть намеренным сеятелем вражды между твоими ближними. Как быть мировым посредником между враждующими, и именно – на основаниях евангельского братолюбия, значит подражать примирителю неба и земли, Господу Христу, так, напротив, посеять вражду между другими и с целью одной вражды, а не для того, например, чтоб прервать их взаимно-вредную связь, – есть дело, свойственное только врагу-дьяволу.

Сообщение третьему лицу слышанной, но не проверенной, худой вести о ближнем

«От обольщения щадите язык» (Прем.1:11). Первые распространители худого слуха о ближнем, которые несколько не сообразят сами в себе – можно ли еще поверить слуху, виновнее последующих: последние уже «пересуждают», а не «разглашают». Если б первоначальный слух замирал в устах умного человека, то и дальнейшего ничего не было бы к обиде ближнего. Говорит распространитель слуха: «что слышал, то и передаю». Но, чем торопиться передавать, лучше бы спросил снова того человека, от которого слышал, – на чем же этот основывает свой рассказ; а также, лучше бы сам обдумал и хоть бы немного приложил своего смысла, – применим ли еще к лицу и делу слух. Как часто случается, что слух сам в себе невероятен или даже физически невозможен! (Например, было бы сказано, что такой-то человек толкнул от себя вещь и разрушил ее: между тем, следы разрушения оказались на его же стороне, а не на противной, тогда как по законам движения должны бы быть там, откуда дань толчок; или сообщалось бы о чем-либо противозаконном действии в известном месте и в известное время, тогда как этот человек совсем не был в том месте и в тот час). Распространитель слуха скажет только одному, скажет, может быть, под условием секрета и вовсе без намерения оклеветать ближнего, даже сам остается не уверенным в том, что слышал. Но этот один, доверенный его, в свою очередь, расскажет тоже одному, и тоже с заказом о секрете, а там уже секрет улетучивается. Таким образом, слух проходит далеко. При этом каждый еще что-нибудь от себя прибавит по своим личным взглядам на предмет или по личному отношению к тому, кого касается слух. По мере же огласки возрастает и бесславие ближнего. Из ничтожной его ошибки сочиняют важную, из простительного делают непростительное. А что делать ему, если относительно его чести производят что-либо «от небытия в бытие»? Слух про него прошел такой странный и бесчестный, что, с одной стороны,

невольно сотрясается вся душа, а с другой – невозможно найти первую нить этого слуха: тот говорит – слышал от того, а другой от другого. Невинный не знает пред кем оправдываться. Между тем, замечает, что все на него смотрят с подозрением, все дают ему понять, будто он в чем-то виноват, погрешил. Не тяжелое ли это состояние? Но оно опасно еще тем, что может иного невинного раздражить против всех, против всего человечества; так и святой Василий Великий, претерпевши в жизни множество людских напраслин, вследствие их едва не дошел до человеконенавидения (в письме к еп. Митроф.). Первый распространитель злого слуха о ближнем, может быть, вскоре удостоверится, что слух, дошедший до него, совершенно ложный, но как может он поправить свою ошибку? разве возможно удержать стремящийся ветер? И выходит, что он устами всех напрасно бесчестит ближнего, что все злословящие уста есть и его уста. – О, благоразумный христианин! не бери на себя ответственности за сообщение третьему лицу худой, не проверенной тобою вести о ближнем, которая вскоре же может оказаться ложною. А, если, к несчастью, допустишь такую ошибку, еще поспеши – сколько можешь – остановить народную молву, и не жалея себя, чтоб признаться пред всеми в своей ошибке.

Легкомысленное доверие ко всякому слуху о человеке, а отсюда – предубеждение против него

«И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ» (Ин.7:12). Есть люди, которые ни сами не слагают на ближнего напраслин, ни распространяют между другими чужих слухов о нем; однако доверяют непохвальному говору о нем. «Что-то все не хвалят его, все не любят: так и я думаю о нем, что он нехорош», – вот рассуждение их! Отсюда происходит недоверие их к этому человеку, предубеждение против него, непонимание всех слов и действий его в худую сторону, устранение его от должности или от почетного поручения, которых он вполне заслуживал бы. Прежде всего, легковерные сами себя унижают: они живут чужими взглядами и суждениями, не хотят мыслить сами. Не должны ли бы они подумать, что, может быть, худое говорят об известном человеке или прямо враги его, или, хоть люди чуждые пристрастия, но также основывающиеся на одной догадке? чем же виноват этот человек, если те только и имеют свидание с ними, которые готовы всегда сказать о нем слово не в пользу его, что правильный-то и беспристрастный отзыв о нем со стороны вполне его понимающих не доходит до них (а он был бы самый приятный)? Но главное: этот человек, о качествах которого толкуют часто доброе, гораздо же больше – худого, не безызвестен и им самим, а насколько они знают его – знают с хорошей стороны. Зачем же это они доверяют больше посторонним слухам, чем собственным сведениям? если они не были самовидцами проступков его, о которых слышат со стороны, а, между тем, сами видят в нем лишь добрые качества и особенные заслуги, – на чем же утверждают свое недоверие к нему? И вот, так-то иногда увлекаются злыми слухами о ближнем самые добрые и благонамеренные люди! Зато, с противной стороны, эти люди столь же легко удаляют своего доверия и расположения тех, которых все или многие пред ними хвалят, которые умеют приноровиться к ним и часто бывают у них, но в которых они уже и сами замечают порок,

даже несколько пороков, но все не перестают благоволить. Таким образом, пред этими легковерными людьми смешиваются и добрые в худые личности. Скажут им об одном: «добр», и они считают его добрым. Скажут о другом: «не хорош», и для них этот человек сделался не хорошим. Может быть, они даже любили последнего, но ради худых слухов о нем отказывают ему в своем расположении: не признак ли это слабый, не возвышенной и даже скудоумной души? А должны бы они сами испытать неодобряемого многими; должны бы помнить, что вернее всего человек узнается в столкновениях, например, по службе, или среди таких решительных обстоятельств жизни, когда невозможно быть притворным или двоедушным; должны бы знать, что особенно в рассуждении новых лиц опасно верить первому впечатлению. Они думают, что не обидят же особенно ничем ближнего, доверяя всяким слухам о нем, что сами не разглашают о нем худого. А разве ему приятно видеть, как они сухо обходятся с ним, как предпочитают ему недостойного? разве ему не огорчительно, если он употребляет все меры заслужить их доверие, а видит исполнение над собой пословицы: «силой милому не быть»? Нет! Сам Господь всеведущий, всевидящий и вездеприсутствующий, говорил о Содоме и Гоморре: *«сошед убо узрю, аще по воплю их... совершаются»* (Быт.18:21). Так Он говорил, собственно, в наставление людям, чтоб люди не скоро верили всякому слуху о ближнем, чтоб те, которым, вместе с тем, принадлежит власть наказывать, не спешили определять наказание прежде того, как точно удостоверятся в виновности обвиняемого²²¹; известен пример Пентефрия, как этот человек без всякого дознания, по одному наговору, бросил Иосифа в темницу, и как даже и после того ни разу не позаботился осведомиться – виновен или нет Иосиф. – Итак, ты, благоразумный христианин, никогда не цени и не суди людей по одним слухам, потому что слухи часто бывают ложными. Но и в частности о каком-либо действии или качестве ближнего, которое раньше ты находил же добрым, почтенным, не спеши переменять твоего мнения и убеждения, если услышишь немало противных отзывов (в смысле критики).

Осуждение ближнего не по праву

«Не судите, да не судимы будете» (Мф.7:1). Есть люди, которым принадлежит законное право судить других; это, например, священник, судья на своем судейском стуле, начальник на начальническом месте и глава своей семьи. Но и эти люди делаются виновными в осуждении ближнего, если, осуждая, не имеют цели, которая состоит, очевидно, в удержании других от худого, или, если осуждают за глазами. Осуждение, собственно говоря, не есть клевета, потому что произносится к виду действительно худых поступков или качеств ближнего. Кто из нас не знает, что осуждать грешно, но, в то же время, как мало таких, которые бы не осуждали! В чем же скрывается начало склонности осуждать? В том, что человек не сознает собственных грехов, что скрывает от себя собственные недостатки, что в осуждении других находит лучшее средство скрыть в себе худое. Да; кто любит осуждать других за худое, о том следует сделать верное заключение, что он своих грехов не видит и не помнит; напротив, начинающий сознавать свои недостатки и тяжесть своих грехов, непременно уже перестает осуждать других. Таким образом, с углублением в свои грехи и с покаянием во грехах сама собою падает в человеке склонность к пересудам. В святых Божиих прежде всего ослабевала эта-то склонность, потому что исправление жизни и спасение начинаются с познания своих грехов. Отсюда рядом стоят: *«зрети моя прегрешения и не осуждати брата»*, но *«зрети»* поставляется впереди. Если же иной, любящий вообще осуждать, не осуждает иной раз ближнего и в явном пороке, то потому, что это явный же порок его самого; например, пьяница уже не осуждает пьяниц. Зато, как только тот же человек перестанет согрешать известным грехом, и осуждает этот самый грех в других, как бы допуская вторую вину взамен первой. Так, все бывает по искушению врага-дьявола, и так все происходит в жизни людей невнимательных. — Осуждение ближнего, если допускается редко и то, увлеченно, в разговоре с другими, принадлежит к числу немощей человеческих, или

грехов ежедневных. Но, как страсть или всегдашний порок, оно оскорбляет Бога. Осуждающий других за грехи присволяет себе сан Божий, или право Божьего суда: *«Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом сто́ит он, или падает»* (Рим.14:4). Нередко самозванный судья входит в противоречие с судом Божиим, т. е. он строго осуждает того, которого уже давно помиловал Бог или которого грех уже изглажен покаянием; потому что грех-то грешника был виден, а покаяние его осталось не замеченным, а, может быть, он уже и десять раз покался в своем грехе. – Любящий осуждать, оскорбляет своего ближнего; потому что отказывает ближнему в любви, которая по правилу христианскому *«вся любит»* (покрывает) (1Кор.13:7); потому что иногда еще и ошибочно осуждает: ошибочное суждение может быть или в смысле излишней строгости, так, как могут быть обстоятельства, которые оправдывают грешника, но о которых осуждающий не знает, или же по причине недалёковидности, или просто от нехотения всмотреться в дело. Почему – случалось – и святых называли грешными, трезвых – нетрезвыми, – называли так не со слуха, собственно (потому что слух и доверие к слуху – другое), а по личному недосмотру²²². Иные осуждают вообще народ или жителей известного города или селения в смысле описания пред другими местных характеров. Это еще ничего, если допускается в чувстве сожаления и для предостережения других. Но когда подвергают осуждению самое лицо, на которое и указывают, которое называют по имени, как фарисей указывал на мытаря, тогда осуждение вполне виновно. Есть такие люди, которые про каждого из знакомых своих имеют в запасе несколько случаев или примеров к осуждению их. Наконец, склонность-привычка осуждать других решительно перестает быть маловажным грехом в виду того, сколько ею человек вредит самому себе. Да; эта склонность отвлекает внимание человека от собственных его грехов: а не великий ли отсюда вред? Она и отнимает время, и подавляет в человеке желание, чтоб человек имел пред глазами собственные грехи. Отсюда и выходят пред ним свои недостатки, как только «сучок», слабости ближнего – как «бревно» (Мф.7:3). Она, эта привычка

осуждать, вызывает строгий суд Божий на наши собственные грехи, как, напротив, христианское правило не осуждать никого, ослабляет строгий суд Божий к нам самим (Лк.6:37). Таким образом, в первом случае мы показываем себя в отношении к себе самим немилосердными, потому что вызываем на себя большую строгость, а во втором – незаботливыми, потому что не пользуемся готовым снисхождением к нам от Господа Бога. Люди же духовной жизни за осуждение ближнего часто наказываются какими-либо минутными падениями, что и сами сознают.

Скажут: «ужели же нужно называть худое добрым или в виду чьих-либо худых действий молчать? не значит ли это быть как бы слепым»? Нет; святые не были же слепотствующими, когда смалчивали о погрешностях ближнего. Если и мы будем молчать в виду чьих-либо неправильных и порочных действий, это не значит, чтоб мы не видели этих действий, или чтоб соглашались с ними в душе: нет, мы только не открываем своих уст для суда над ближним, только не развиваем в себе словом – речью чувство неуважения к ближнему, которое и без того в таком случае к нам напрашивается. – Оправдывают «привычку осуждать ближнего любовью говорить правду». Когда есть вызов говорить такую правду, или без особенного вызова, есть польза высказать свое мнение о пороке ближнего, например, чтоб облегчить ложный – примирительный взгляд других на его порок; тогда только и можем мы говорить, тогда совсем не будет на нас вины осуждения. Всего лучше судить не человека, а его проступки: в суждении-то о грехах ближнего особенно важна цель. Но так ли, между тем, делают любящие осуждать других? Нет; они осуждают согрешающего более за глазами его и с тою целью, чтоб сопоставить в известном случае с его неисправностью свою исправность, с его нечестностью свою честность, с его пороком свою добродетель, следовательно, осуждают только по чувству самовозвышения. – Хотят еще иные уменьшить вину своих пересудов тем, что «худые дела и качества известного человека и без того гласны, что про них твердит белый свет и что молчание о них уже не остановит общего говора». Но, если уже гласны, то бесполезно и

разглашать. Зачем и еще в некоторой мере усиливать соблазн, и еще один камешек бросать в того, на кого без того сыплется много камней? – О, добрый христианин! искореняй в себе эту привычку осуждать ближнего. Когда увидишь его согрешающим, тотчас обрати от него жалостный взгляд на самого себя, скажи: «завтра, может быть, и я, как слабый человек, допущу тот же тяжкий грех». Ближнего же на этот раз исправляй тем, чтоб стараться жить лучше его, а не осуждением своим.

Нестарание защитить человека от клевет, когда невинность его известна

«И помыслих (смотрел, ожидал), и никтоже заступи» (Ис.63:5.) Кто уважает истину, тот защищает ее и тогда, как она страдает в лице других. Заступаясь за невинного, этот человек почитает самую невинность; отстаивая правого, ищет торжества самой правде, оклеветанной или угнетаемой. Следовательно, нестарание защитить всеми силами невинного, которого невинность нам известна, показывает в нас неполноту любви и уважения к самой истине и правде. Это верно. Если б Пилат любил истину, то не так бы слабо и малодушно защищал ее в лице вечной истины, Иисуса Христа. — Затем, какая это приятная добродетель пред Богом: защитить от напраслин невинного! Здесь нет уже своекорыстия; а иной раз, может быть, еще самопожертвование не пред теми только лицами, от которых мы защищаем невинного, вступая с ними в борьбу, но даже пред самым невинным; потому что невинным иногда бывает личный враг наш, в невинности которого на этот раз, между тем, мы уверены. — Какая важная услуга ближнему: защитить его от клевет! Это значит поднять человека, затоптанного злыми людьми в грязь; значит оживить полумертвого и помочь оживлению в нем всей прежней, добросовестной и общепольной его деятельности. Притом, в такой защите нуждаются не одни бессильные люди, но иной раз самые сильные. Следовательно, она есть взаимный братский долг наш. Почему же даже и сильные не в силах бывают защитить себя? потому что не всегда самозащитнику невинного верят; не совсем доверяют и той защите его, которая бывает со стороны близких к нему лиц, например, от сына или брата; не каждый раз желательно ему самому самозащитнику, почему же? потому что он, защищая себя, должен указать на свои добрые заслуги, иногда на тайные добродетели, от чего по смирению христианскому свойственно ему уклониться; иногда для него неудобно и по месту самозащитнику, так как лица, к которым донесена на него клевета и которые не имеют

основания не верить клевете и, таким образом, верят, – те лица живут от него далеко или же не совсем доступны и в случае письменного обращения к ним. – Между тем, всегда ли трудно нам защитить невинного? Нет, иной раз достаточно одного слова нашего, одной речи, и гнусная клевета будет разоблачена.

Теперь судите же, добрые, люди, – какое это важное опущение пред Богом, пред святой истиной, пред своим ближним, когда имеющие возможность защитить невинно оклеветанного не подают ему никакой помощи! Нужно бы защитить и того человека, который не просит нас о защите, и не думает, и не знает, как попросить. Между тем, что же бывает на практике жизни нашей? – Вот, кто-либо из высших или влиятельных, или богатых лиц с достоверностью рассказывает о слышанной худой вести относительно известного человека, и все, которые тут сидят и которым раньше была известна эта пустая весть, все молчат: точно у них не стало на этот раз совсем языка. От чего же молчать? Чтоб не навлечь на себя самих неприятности защитой, возражением лицу высшему или сильному, чтоб не заговорить в первом голосе, между тем, как сказано: *«Глаголах о свидениях твоих пред цари, и не стыдяхся»* (Пс.118:46). А часто отыскиваются и такие, которые еще стараются поддержать клевету, хоть не прямо, но вообще, поносным словом на невинного, и, хоть не всегда по зависти или ненависти к невинному, а, собственно, из угождения к лицу влиятельному, в котором заметили предубеждение и нерасположение к этому человеку. Тем более нужно бы нам защитить невинного после того, как он умоляет нас о защите себя, как со всею подробностью и доказательностью раскрываете пред нами на словах или в письме клеветы, которые на него сложены, и как сами мы видим – клеветы, то угрожают ему еще более тягостными последствиями. А мы что? Мы не хотим поднести с ним его тяжести, даже и перстом отказываемся двинуть его тяжесть. Вся наша помощь ему оканчивается словом: «жалею, жалко...». Между тем, может быть, нам стоило бы для оправдания его только видеться с несколькими лицами, – только бы прочитать пред одним из этих лиц подлинное оправдательное письмо его. Ужели и мы сами

никогда не думаем встретить какую-либо клевету от других и не понуждаемся в оправдательном слове со стороны знающих нас? Если б мы были святы, то, пожалуй, не имели бы нужды в посторонней помощи на сей раз. От чего же? Не оттого, что святые были свободны от злого языка человеческого; но, что они, с одной стороны, имели больше силы духа перенести незаслуженную клевету, а с другой – могли легко чудесною силою оправдать себя от клевет: они заставляли и мертвых отвечать из могилы, кто этих мертвых убил, и младенцев грудных говорить, от кого эти младенцы родились (Алф. Патерик). Как же мы-то не сострадаем и не помогаем друг другу, напрасно подвергаясь клеветам! И сколько-сколько мы опускаем таких случаев, когда могли бы защитить от наговоров невинного, и не защищаем! Вместе с тем, как эти опущения мало трогают нашу совесть, как мы ни почем считаем их, будто они и должны быть! Да; все люди споткнулись на этом грехе. Ты же, истинный христианин, еще порадуйся, когда будет тебе случай и возможность защитить от клевет невинного! Прими с великодушием под свое покровительство тех, которых все оставили, не смотря на правоту их! Будь другом несчастных и угнетенных! Вспомни пророка Даниила, как сей великодушный муж заступился за оклеветанную Сусанну, которую все осудили, и которая уже ведена была на смертную казнь (Дан.13:48–64)!

Без нужды открытие худой тайны из жизни умершего лица

«В покои мертвеца упокой память его» (Сир.38:23). Умершие, так же ближние наши в духовном отношении. Они только отсутствуют, или как бы отлучились от нас. Но честь отсутствующих тоже следует охранять; клевета, например, одинаково виновна, – в лицо или заочно говорится: тут имеют значение сторонние лица, которые слышат эту клевету, а не присутствие самого оклеветываемого. Так-то и относительно оскорбления чести умерших людей. Вина оскорбления в настоящем случае увеличивается от того самого, что на мертвеца все можно говорить: он не вступится за себя, как вступается живой кто, хоть бы и отсутствующий. Затем, худая тайна, открываемая на мертвого, например, что он имел с кем-либо прелюбодейную связь, как-то не мирится с его настоящим состоянием: он уже не может более удовлетворять своим страстям; жизнь его мы представляем в одной душе без плоти; он уже ушел от суда человеческого и предстал на суд Божий: зачем же прилагать к нему чувственное? Наконец, если мы с уважением относились к этому человеку, когда он был жив, то худая тайна, какую услышишь о нем, вдруг разрушает в нас чувство уважения к нему: не полезнее ли было бы нам не узнать этой тайны, чтоб не раскаиваться в своем уважении к нему? Вот история, которая передает как добрые, так и худые действия давно умерших лиц, – это иное дело: тут выводятся уроки для жизни людям последующего времени. А в частности, худая тайна об умершем, которого мы знали, который жил в наши дни, ничего не принесет нам, кроме соблазна. – Нет, христианин! без нужды не говори ничего худого о тех, которые уже все покончили с тобой по внешней жизни. Держись на сей раз древней пословицы: «об умерших или доброе, или ничего».

Излишняя мнительность, или подозрения на других без оснований

Напрасные подозрения на ближнего, это «клевета в сердце». Здесь не то, чтоб человек говорил сам напрасно на других или основывался на чужом рассказе, или имел бы прямые поводы (данные) заключать худое о другом, нет! Большею частью бывает совсем не так; но он на основании какой-либо ничтожной догадки составляет подозрение на ближнего, и – подозревая непременно в худую сторону, злое, недоверчивое, т.е. он сам сочиняет подозрение. Бывают подозрения безотносительные к своему лицу. Так, например, заключают о человеке по нехотению его ответить, или по краткости его ответа, что он вообще горд, что даже и разговаривать не хочет, между тем, как он не дал ответа (положим, так и не раз, и не два) потому лишь, что обдумывал что-либо серьезное и что подробностью ответа не хотел прервать нить своих размышлений. (Кто часто и глубоко размышляет, тот знает, как даже одним сказанным словом прерывается на несколько мгновений мысль). Так, на основании того, что иной человек прилично одевается или занимает такое место или должность, где другие богатеют, на основании этого думают, что и он богат, даже определяют цифру его капитала, ничему противному не хотят верить, например, когда бы он просил о займе, когда бы и следовало помочь ему, между тем, как он еще в долгах, или во всяком случае не имеет денежных запасов. Так, по лицу иного заключают о его нетрезвости, тогда как он воздержан в вине; по походке и телодвижениям делают заключение о душевном состоянии, или о характере, и – часто ошибаются; предполагают о чем-либо падении в блуд, а падения не было. (И при благоприятствующих обстоятельствах подозрение последнего рода оказывается иногда ложным: так-то на этот раз нужно быть осторожным, чтоб не заподозрить напрасно). Но чаще подозрения бывают «личные», или по опасению вреда самому себе со стороны тех, на кого падает подозрение; так, один думает, будто ближний пожаловался или

наговорил на него высшему начальству, с которым он имел свидание, между тем, ни жалобы, ни худого отзыва не было; другой представляет себе, что до него касалась чья-либо в поношение речь, тогда как о нем и помину не было; честолюбивый и властолюбивый вообразил себе, что известный человек препятствует его честолюбивым целям, но совсем напрасно. – Мнительность, особенно под старость лет, у некоторых доходит даже до болезни. На этот раз она сходственна с «физической» мнительностью²²³, или с воображаемостью у себя всяких болезней²²⁴, хотя мнительные, в то же время, бывают часто крепки телосложением и не трусливы на болезни. Мнительным людям вдвойне все слышится и видится, а, пожалуй, иной раз представляется глазам их и то, чего совсем нет на деле²²⁴.

Что же сказать о вменяемости этого характера? Мнительные люди, прежде всего, беспокоят самих себя: они никому не доверяют, всех и каждого остерегаются без причины; иной раз стыдятся пред самими собой своих нелепых подозрений на ближнего, т. е., если их подозрения изобличают на деле, и потому-то они, обыкновенно, таят свои подозрения в душе. – Они оскорбляют ближних сами по себе или втайне, а во многих случаях и заведомо. Они не имеют христианской любви к ближнему, которая «*всему веру емлет*» (1Кор.13:7) (всему верит, и больше верит доброму, чем худому). Для них, наконец, все люди худые, – все воры, все обманщики, все неискренние и не доброжелательные люди: вот как они чернят в душе своей род человеческий! Пусть люди, действительно, изменчивы: пусть многим и очень многим доверять нельзя. Но и сам мнительный не в числе ли тех, о которых сказано: *всяк человек ложь?* (Пс.115:2). Более неизменная верность человека возможна только в христианстве. И – вот, лучше бы мнительный и недоверчивый старался развивать в других христианский-то дух словом убеждения, а еще более примерами собственной верности. Когда ближние видят его недоверие к себе, терпят от него напрасные подозрения; тогда и не стараются заслуживать у него доверие. Напрасные подозрения его тем обиднее, чем предмет их важнее, или же не применимее к лицу

подозреваемому; например, подозревает мнительный, что известный человек хотел подвести его под ушиб или удар, которых и не могло произойти, – или думают о ком-либо без всякого основания, что этот человек в каком-либо деле покорыстовался несколькими аршинами дешевой материи, тогда как с его стороны было еще пожертвование. Мнительный во зло пользуется простотою ближнего. Ближний говорит с ним откровенно, пусть иной раз и лишнее: а он выводит из речей свои догадки во вред ближнему. Да что же сам-то он в отношении чистоты дел? Казалось бы, по его опасливости встретить везде худое, сам он уже бережется всего худого. Напротив. Он потому-то более и склонен к подозрению, что расположен к злу. Когда бы он был далек от зла, тогда менее всего подозревал бы и в других злое. Как злой человек легко обвиняет и доброго; так, напротив, добрый не вдруг решается обвинить и злого. И выходит опять: истинная *«любы всему веру емлет»*. Особенно характер мнительный, подозревающий всех и все, тяжело переносить в начальнике. – Ты, христианская душа, не нарушай и собственного мира, и не оскорбляй чести ближних подозрениями, для которых нет никаких оснований, которые из прямого-то правила делают кривое. Доверяй больше доброму в ближних, опасайся от них худого, и за простоту свою сам больше встретишь от других доверия.

Предположение о человеке благочестивом по поводу особенного несчастья с ним или постоянных неудач в его жизни, будто он великий грешник (о неповинных страданиях)

«Сядите ныне (одумайтесь), и да не будет несправедливо» (Иов.6:29) (чтоб не допустить вам несправедливости своим обличением). Так отвечал Иов друзьям своим, которые, не зная за ним никакого порока, объясняли его страдания тем, что, видно, он «тайный преступник». Неразумные друзья предполагали, например, что он, может быть, грабил других (Иов.11:14), что вообще за тайные свои грехи заслуживает еще больших страданий, чем какие терпят на гноище, что прежняя его богобоязненность, за которую он был уважаем, теперь подлежит сомнению (Иов.4:6). И так советовали, чтоб поспешил покаяться пред Богом. – Те же суждения нередко повторяются и ныне. Так, когда иной строгой благочестивой жизни бывает застигнут либо особенным несчастьем, или же везде встречает неудачи, тогда одни начинают сомневаться в искренности его благочестия, готовы почесть его только лицемером; другие прямо думают о нем, как о человеке недостойном пред Богом и как о великом тайном грешнике; третьи даже выдают себя на сей раз за пророков, – говорят, что «и надлежало ожидать такого наказания ему за грехи его, что несомненно Бог нашел его за тяжкие грехи»; четвертые совершенно сходственно с мнением друзей Иова обвиняют его в самообольщении, советуют ему всмотреться в свою тайную жизнь и поскорее покаяться пред Богом; а пятые при этом признают бесполезным его святой подвиг, например, проповедь слова Божия или подаяния милостынь, – говорят, что и без этого подвига, которому он посвятил себя, мог бы он быть добрым христианином. Почему же такой взгляд на страдающего праведника нужно назвать ошибочным? – Ему в горькие дни и часы его жизни более известно, чем посторонним людям, за тяжкие ли грехи Бог наказывает его, или же посещает с иною какою целью: совесть его тогда особенно бывает верным

советником и учителем ему (Иов.5:17). Он и убежден, что Бог облегчит его участь, только не знает, – когда и как. Пусть каждый христианин должен избегать самооправданий; пусть благоразумно, и, сознавая себя невинными, винить нас себя во грехах. Кто же в самом деле из смертных, встретив чрезвычайный какой-либо удар в своей жизни, или встречая сряду скорби, – кто может в строгом смысле судиться с Богом или требовать себе отчета: «за что же это Бог столько карает меня»? Если б кто дерзнул поставить такой вопрос, – и уже не в виде сыновней жалобы на Господа Бога самому же Богу, а как обиженный пред обидящим: тогда Господь противопоставил бы ему тысячу обвинений в его совести, и он не в силах был бы дать никакого ответа. Однако этот же самый человек не может на основании посторонних намеков ему или прямых упреков, т. е. совестью других, – не может завинить себя в тайных тяжких грехах, которых не допустил, тем более сознаться в том, будто вера и богобоязненность, которые всегда замечали в нем другие, были неискренни и как пустые слова²²⁵. Отнять у него это сознание своей невинности, значило бы отнять последнее утешение в его страданиях. Пусть подозревающие его в тайных, чрезмерно тяжких грехах, не доверяющие ему и после того, как он свидетельствовался бы пред ними своею совестью в своей неповинности таким грехам, – пусть видят тут его заблуждение, но ему лучше остаться со своим заблуждением, как лучшей отрадою в несчастьи, чем согласиться с ними, чем завинить себя в преступлениях, которых страшится его душа, чем, по крайней мере, отпереться от своего христианского направления. О, легче же было бы ему не познать пути истины, чем, познав этот путь и столько идя по нему, возвратиться назад! (2Пет.2:12). Иное дело исправляться ему от того, что есть в этом самом направлении несовершенного, например, от нетерпеливости. Праведный Товит также не мог перенести едкой укоризны от своей жены, будто его милостыни и попечение об умерших ничего не значат (Тов.2:14; 3:1). А Езекия, когда был в самой страшной скорби, потому что пророк Исаия объявил ему час смерти, – даже дерзнул напомнить Богу о прежних своих заслугах и молился со слезами, чтоб Бог

помиловал его ради этих заслуг (4Цар.20:3–5). Так, что для Иова было тяжестью отказаться от прежней своей богобоязненности: то же и ныне составляет душевную тяжесть ревностному христианину встретиться с такою мыслью, будто он бесполезно трудится в каком-либо душеспасительном деле. Для чего же вводить самому себя в заблуждение? Труд христианский, например, вроде указанной проповеди слова Божия или милостыни, без сомнения, полезен. Иное, также, дело стараться отделять свою личность от этого труда, т. е. отделять в том смысле, чтоб не возвышать себя за него, чтоб все-таки и, *«сотворив повеленная»*, признавать себя *«неключимым рабом»* (Лк.17:10).

Но, где же начало ложного взгляда на несчастья, постигающие человека несомненно святой жизни? Начало то же самое, которого держались и друзья Иова, объяснявшее страдания великого праведника тайными его преступлениями, так как в явных грехах и пороках не могли осудить его (Иов.8:4; гл.22). Именно думают, будто внешнее счастье или несчастье в этой жизни имеют естественную связь с делами человека, будто доброму и непременно живется счастливо, а злему – напротив; будто там, где случилось чрезвычайное несчастье, – там непременно существует и великий грешник. Этих мыслей могли еще держаться несовершенные в вере из ветхозаветных. Но в Новом Завете понятие о несчастьях и страданиях идет рядом с понятием о царстве небесном: *«блажени плачущии...»*, сказано в Мф.5:4; *«многими скорбями подобает... внити в царствие Божие»* (Деян.14:22). Так, многие из несчастий в этой жизни для верующего и высокодобродетельного христианина являются не как очищение нравственное, потому что у него нет особенной нечистоты, и не как непереносимая казнь ему (Иак.1:12; 1Пет.1:6) даже и не как прямая воля Божия, но, собственно, приходят к нему по злобе на него мира и по нападениям врага-дьявола. Ведь надобно пересоздать весь мир, исторгнуть совсем с поля мира плевелы (Мф.13:29), чтоб верующие и благочестивые люди могли оставаться в совершенном покое со стороны неверующих и порочных людей. Затем, немало несчастий или только неприятностей в жизни богобоязненный человек несет, и

вроде испытания своей веры в Промысл Божий и как вообще знак любви к нему Бога. По учению слова Божия те и не дети Отца Небесного (Евр.12:3–10), которые не терпят наказаний, следовательно, не терпят никаких несчастий или кратковременных сильных печалей. Святые угодники глубоко усвоили это учение, так что самые высокие из них радовались, тогда должны были терпеть (Иак.1:2). Любящий Бога и Христа, правда, познается и в счастье своем. По какому же признаку или доказательству? – по смирению. Но еще более он познается в несчастье. Здесь же почему? – по терпению и покорности своей Богу. Да; несчастья его-то особенно смиряют, приводят ему на память его грехи и слабости, так что после этого он и стыдится, по смирению, посмотреть в лицо другим, готов всем дать пред собой предпочтение. – Еще полезны для него несчастья, чтоб нисколько не прекращалась его молитва и была бы его молитва самою теплою. – Попускает ему Бог быть в несчастии или неудачах, многих сряду, также и потому, что иногда он хочет служить Богу, но, вместе с тем, не думает еще оставить служения какой-либо мирской страсти, тем более – несколькими страстями: тогда Бог как бы совсем предоставляет его самому себе. Отсюда, например, выходит: он искал чести у известных мирских лиц, а эти люди еще более бесчестят его. Должен бы он противиться больше врагам невидимым, духам злобы: тогда скорее бы Бог смирил пред ним и врагов человеческих. – (О тех же людях, которые собственными неосторожностями, собственным невоздержанием и явными своими пороками, и страстями вызывают на себя несчастия и страдания в жизни, – о тех и речи здесь не может быть).

Итак, что же остается сказать о вменяемости напрасного подозрения на людей благочестивых по поводу несчастий с ними? Так как со стороны милосердия и правосудия Божия нельзя ожидать, чтоб правые и святые люди без причины были караемы тяжкими страданиями, то говорить об этих людях: «Бог карает их за тяжкие грехи» значит предлагать свою несправедливость правде Божией и, так сказать, «льстить Богу» своею несправедливостью. Затем, следуют здесь тяжкие обиды ближнему, насилуют его совесть, навязывая ему тайные и,

главным образом, смертные, тяжкие грехи; советуют ему, как тяжкому грешнику, раскаяться во грехах, чтоб прошло его несчастье; слагают на него всю вину даже таких страданий, которые очевидно пришли к нему по зависти, ненависти и злобе людей; не берут назад своего несправедливого упрека ему и после того, как он хотел успокоить их от напрасного подозрения, как открывался пред ними по совести в незаслуженных им страданиях; не оказывают ему и того утешения, какое оказывает злодей злодею в несчастии; готовы, таким образом, сбить его совсем с доброй дороги. – Ты, верующая душа! не предугадывай по-своему судьбы праведного человека, когда постигнет его какое-либо несчастье. Будь лучше *«пророком токмо во отечествии своем»* (Мк.6:4), предусматривай – не заслуживаешь ли сам-то ты по своим винам пред Богом тяжкого наказания.

Напрасное беспокойство чьего-либо духа противным разговором или неосновательным замечанием и упреком

Господь выразил сильное негодование на апост. Петра, когда Петр говорил противное относительно Его страданий и смерти, которые, по Его словам, и по вечному предопределению, должны были исполниться (Мф.16:22–23). – Как же часто некоторые из нас заводят разговор, противный ближнему! Не тот здесь разумеется разговор, без сомнения неприятный, – который нужен для исправления или предостережений других от зла, который неизбежен в виду угрожающей кому-либо опасности, но случайный и при этом еще по самому своему содержанию неправильный. Видим, что ближнему не нравится наш разговор, еще хуже и раньше имели мы случай слышать его суждение об известном предмете: однако не прекращаем своего разговора, хотим убедить его в том, в чем его убеждение или правильнее, или, по крайней мере, не представляет никакого ущерба для нравственности. – Как нередко иные обращаются к ближнему с неосновательным замечанием или упреком! Блудница, например, с усердием изливала мир на ноги Спасителя, а ее упрекают в напрасной трате мира (Мф.26:9). Говорят к иному человеку: «тебя не любит такой-то», между тем, эта нелюбовь ничем не вызвана с его стороны. Подобных примеров не мало представляет ежедневная жизнь. Что же бывает последствием этих неприятных разговоров или неосновательных замечаний и упреков? Обеспокоение духа в ближнем, а часто и возбуждение его к гневу, раздражению. «Тебя не любят тот и этот, или многие», – разве легко встретить такое известие о тех людях, которые за любовь платят злом, которым, по крайней мере, не подано ни малейшего повода питать нелюбовь и которые сами-то тем менее достойны любви других? Дух наш (в смысле настроения) ведь не вещь какая-либо, которую можно было бы легко переложить с места на место. Кто же из нас может совладеть со своим духом в такой степени, чтоб переходить

вдруг из состояния огорчения в покой, из печали в радость, из задумчивости в веселость? Такое самообладание показывали только великие святые. Как иногда надолго отлагаем мы разговор с другими, неприятный, собственно, для нас-то самих! Как даже совсем не говорим о прошедшем каком-либо случае, чтоб воспоминанием о нем не возмутить своего духа! Мы нисколько не забыли про этот неприятный случай, касающийся нас самих или близкого к нам лица, и тот человек, который с нами сидит и беседует, также помнит о нем и, может быть, один из всех и знает его. Казалось бы, не было нам ничего опасного или оскорбительного завести разговор об этом предмете. Однако мы молчим, хоть, быть может, одновременно с собеседником заняты одною и тою же мыслью. Почему же молчим? – Потому что иное – мысль и иное – слово. Мысль или воспоминание, скорее, проходит, если не сопровождаются словом. От слова же более развивается мысль, – и, когда в мысли одна неприятность, тогда оно только усиливает огорчение для духа. – Обыкновенно, мы избегаем же противного разговора с высшими нас: тут чаще всего управляет нами подобострастие. Зачем же не сдерживаемся от неприятного разговора, от неуместного замечания, от неосновательной укоризны пред равными нам, а еще чаще пред низшими нас? – На этот раз мы не сдерживаемся потому, что не опасаемся для себя неприятных последствий, – думаем, что все перенесут и должны перенести от нас. – Нет, ты, христианин, щади душевный мир и покой каждого человека! Не вдруг приступай к ближнему и с таким неприятным для него разговором или известием, которые рано или поздно должен ему высказать.

Излишнее смущение кого-либо собственным духом от клевет и оттого, что имеет он много напрасных врагов

«Хулими, утешаемся» (1Кор.4:13). Можно не быть, как и не следует быть, клеветником на ближнего: но трудно самому избежать клевет и напраслин. В том особенный признак падшего человечества, что люди любят осуждать в других недостатки. Когда же нет в ком недостатков или нет средств узнать об этих недостатках, тогда прибегают к вымыслам; тогда к действительному что-либо прибавляют или относят совсем противный смысл. В основании своем клевета всегда имеет нечто взятое с дела или с жизни; так Господь говорит о разорении церкви Тела Своего, а клеветники отнесли эту речь к Иерусалимскому храму (Мф.26:61). Для того, кто слышит клевету на себя, сейчас же понятно, и часто ему одному только и остается понятным, — с чего возникла клевета: иногда он и вперед чувствует, или предчувствует среди неблагонамеренных людей предмет клеветы. Равным образом, можно не враждовать, как и не следует враждовать, против других, но трудно доброму и правдивому человеку прожить так, чтоб не нажить себе врагов. Иной вовсе не подает повода, чтоб против него враждовали: он часто и разговора или свидания с враждующими не имеет, между тем, против него враждуют. Его лучшие таланты, его нравственное направление, несходственное с направлением других, его взгляд на чью-либо вольность в жизни или страсть, — взгляд или действительно выраженный им, или только предполагаемый с его стороны: все это для неумных и пристрастных людей, любящих за себя обвинять других, бывает поводом к вражде на него. — Как же быть христианину среди таких вымышленных напраслин и такой непрошенной вражды к нему? Без сомнения, он не должен отвечать за клевету клеветой, за вражду враждой²²⁶. Да и это не всегда было бы для него возможно; потому что часто доходят до его слуха только клевета или следы вражды к нему, но лиц, которые клеветают на него или, по вражде своей, вредят ему, он

совсем не знает. Как же ему быть? – Он не должен слишком беспокоиться или упадать духом, когда слышит на себя напраслины, когда знает, что у него есть враг и что немало напрасных врагов. Чем же он может успокаивать себя? Спокойным размышлением о деле, спокойною совестью, полною готовностью со своей стороны быть терпеливым, уживчивым и внимательным к путям Промысла Божия в своей жизни. Объяснимся подробнее. Так, своими думами и сердечным беспокойством он не остановит же клевет и не удалит от себя врагов. Зачем же ему слишком тревожиться? – Клеветы и вражда против него не имеют подтверждения в его совести, а жить со своею совестью всего важнее и приятнее. Можно, положим, и оправдываться против клевет и враждований. Но усиленное оправдание иной раз еще более унижает или возбуждает действительные подозрения. Нет; гнусные клеветы не стоят даже оправдания, если особенно не требуется от нас, чтоб мы оправдались в них. Они всего лучше обличаются спокойным величием духа и молчанием (Мф.27:14). – Затем они, равно, как и непрошенная вражда, не всегда же мешают нам (если мы невинны) продолжать полезные труды и строгую жизнь. Клеветники и враги всегда останутся позади нас, а мы, с Божией помощью, не останавливаясь, пойдем по той самой дороге, по которой следовало бы и каждому умному идти, и которая приведет нас после всех толчков и своей тесноты на широкую свободу вечного живота (Мф.7:13). Истина в истине и добродетель в добродетели тем-то и познаются, что встречают себе клеветы и вражду: это их участь (Ин.15:19–21) и, вместе, венец. И нечего надеяться христианину (снова повторим здесь), хоть бы он сам «с ненавидящими мира бех мирен» (Пс.119:6), – надеяться ему на мир и любовь к себе со стороны тех, в которых нет или мало веры, которые забыли Бога. Одна христианская любовь к Богу и терпеливость могут пережить все несогласия со стороны людей. Но грешный мир дотоле не будет знать и любить благочестивого человека, доколе не позаботится познать Самого Бога (1Ин.3:1). Нужно только со своей-то стороны решительнее быть готовым к терпеливости, к уживчивости, к миру, – «начинать мир взаимный

с самого себя»^{««}. Наконец, клеветники и враги нередко бывают для нас вместо бича или кары от Самого Бога: Бог знает через кого нас наказать. И вот, клеветы и вражды то напоминают нам о виновности нашей в других случаях; то, приводя нас своею грубостью, в испуг, предостерегают от тех самых преступных дел, в которых нас заставляют, и к которым, может быть, мы уже и были близки, о которых, может быть, уже мы и помышляли. В самом деле, если всмотримся в свою жизнь внимательнее, то не найдем ли, что от некоторых пороков нас спасла клевета, которая уже приписала нам эти пороки, как действительность? Мы только имели сильное расположение к этим самым порокам, а тут и накрыла нас людская клевета, которая, так. обр., вывела нас из состояния беспечности, вразумила нас противостать соблазну, хоть клеветник и остается сам по себе, – тем же неблагонамеренным и злым человеком. – В таком случае, нам остается со смирением и преданностью к Промыслу Божию сказать: *«да благоухает пред Богом жертва»* (1Цар.26:19). Давид не велел же останавливать Семей, когда Семей напрасно хулил его (2Цар.16:11). – Вспомним еще, что и Сам Господь наш был оклеветан. Святые Божии так же встречали много самых невероятных клевет. – Итак, ты, верующая и благочестивая душа! не смущайся, не упадай, если застигнет тебя какая-либо человеческая клевета или, если ты терпишь напрасную вражду человеческую. Не теряй к себе уважения и любви среди этих клевет и враждований. Не то худо, чтоб терпеть напраслины, но худо самому слагать их на другого; и не то порок, чтоб иметь врагов, а самому враждовать против других. Напрасные клеветы и вражда составляют для нас, несомненно, крест от Бога и дорогое приобретение (Мф.5:11).

Брань на ближнего

Личное бесчестие ближнему на словах, а также в письме или другим каким образом

Спаситель сказал: *«уже аще (всуге) речет брату своему, «рака» (пустой или негодный человек): повинен есть сонмищу»* (Мф.5:22) – Брань, очевидно, отличается от клеветы и пересудов: потому что она состоит не в том, чтоб отнести к ближнему известный постыдный поступок, а вообще, в словах или движениях ругательного свойства. Это есть, по преимуществу, злословие. Но не равна брань. Например, название человека в лицо, а тем более в присутствии других, словом: «подлый» совмещает в себе целый ряд бесчестных поступков. А название «бессовестный, отчаянный» тем еще хуже; «потому что отнимает у человека и надежду быть честным и добрым: таким обр., за последнее слово уже делается угроза «геенною» огненною; т. е. не временным уже наказанием, а вечным. Ругательство: «скотом» или именем одного из скотов лишает человека разума и смысла, сравнивает человека с бессловесными. Подобная брань признается личным оскорблением и тогда, как касается только личности жены, родителей или детей. Нам кажется чрезмерно строгим такой приговор слова Божия за одно бранное слово. Но ничем незаслуженная личная брань, вроде «бессовестного», доказывает уже прекращение всякой любви к ближнему. А с прекращением братской любви прекращаются и все добрые отношения к человеку; во вражде-то и заключаются все грехи к другим, например, кража, клевета, убийство, как, напротив, в искренней братской любви – *«исполнение закона»* (Рим.13:9). Ругательство, как признак оскудения любви, усилятся в числе прочих пороков пред кончиною мира (2Пет.3:3) Но и когда столь строго осуждает евангелие за одни бранные слова ближнему, – как же, между тем, легко многие оскорбляют других этими словами, например, называют другого «подлецом, бессовестным, скотиною, злодеем, мерзким человеком», – называют так даже в семейном быту?! Одно лишь уменьшает тяжесть этого греха, или ослабляет страх наказания за него: это

– именно то, что многие так бранятся не по злости, а в минутном гневе и по силе привычки. – Затем, обида ближнему на письме так же считается личной, если письмо прямо следует в руки обижаемого: вместо слуха ближний принимает здесь обиду зрением. Брань на письме, равная по смыслу и выражениям той словесной брани, о которой мы сейчас сказали, еще виновнее; потому что перо менее стремительно, чем язык, следовательно, предполагает большую умышленность и хладнокровность в обиде, к тому же, написанное с ругательствами, письмо можно было бы удержаться отправить. Особый вид письменной обиды – такие знаки или изображения, которые имеют целью опозорить чужую честь. О, это и дерзкая, и жестокая личная обида! (Так, например, выбивают у кого-либо стекла, чернят ворота дегтем). – Нет, благопочтенный читатель! не допускай и в самом сильном гневе бранных слов на кого-либо. У благородного человека и гнев-то выходит благородным, чужд каких-либо грубых, ругательных слов. Что же до бесчестных знаков на ближнего, которые делаются из-за угла и, между тем, составляют публичное бесчестие ближнему, то никогда твоя душа не должна мириться с этой низкой мерой повредить ближнему.

Печатная гласность о ком-либо в преувеличенном или извращенном виде

Церковь не отвергает гласности, которою раскрываются чьи-либо темные дела. Цель здесь – раскрытие истины. А где только и след истины, там уже нечто близкое к христианству, которое составляет вечную истину. От темных дел в жизни гражданской и церковно-общественной страдают светлые души, стесняется в своем правильном развитии самая жизнь. Печатною гласностью и разоблачаются темные дела эти. Она значит врачевство против общественных зол: после законодательной, судебной и правительственной сил, это есть четвертая сила в жизни общегосударственной. Но люди способны злоупотреблять и тем, что само в себе или по своей цели прекрасное, доброе. Так-то многие злоупотребляют и печатною гласностью. В таком случае, газетная гласность оказывается уже не врачевством общественных зол, а иной раз началом общественных болезней. Предают печати недостатки и погрешности человека, которые надлежало бы покрыть снисхождением; печатно ведут между собой споры и малые денежные счета, не стоящие внимания читателей, отнимающее только у читателей время, которым можно было бы воспользоваться для чтения более разумного; до того в газете преувеличивают или извращают дело, что тотчас же в одном из последующих номеров появляется подробное опровержение напечатанных обвинений, которому нельзя не поверить больше в сравнении с первой корреспонденцией; по одной только личности описывают чьи-либо злоупотребления, заменяя словесную свою брань печатной, но совсем не думают гласностью разрешить какие-либо недоумения, принести какую-либо общую пользу; легко успевают повредить, хоть на некоторое время, имени самых почтенных людей в том случае, если эти люди не хотят вести печатную защиту (полемику), которую и действительно лучше оставить; потому что некоторых она совсем расстроила в жизни; свела с прекрасной дороги. – Но и в той печатной гласности, которая оценивает чей-либо

литературный труд, иные руководятся вовсе не любовью к истине, хотя и уверяют в своем желании сказать одну истину, а только личными отношениями к сочинителю или к книге его. Так, например, набрасывают тень подозрения на личные намерения и качества сочинителя, которые не относятся к делу критики, привязываются к мелочам, опуская из виду достоинства сочинения в общем, между тем, как эти общие достоинства, может быть, раньше были признаны уже многими другими критиками, и они-то, собственно, и возбудили новую завистливую критику. Таким образом, роняют и труд, и честь сочинителя книги; не допускают до читателей полезнейшее издание. После всего этого печатная газетная гласность сама по себе лишается доверия у серьезных читателей, а кого она касается – тех же, в свою очередь, лишает доверия и уважения пред легковерными читателями²²⁸. Она сама виновата в том, что теряет доверие к себе. Опытные читатели, для которых притом большая часть описываемых в газете личностей бывает известна, обыкновенно, не вполне доверяют, когда газета кого-либо хвалит, потому что знают, что похвалы ее преувеличены, что кого она уж будет величать, в том всякое качество выставляет в превосходной степени. Но эти читатели столько же не верят и печатной хуле на кого-либо; потому что ожидают в скором времени оправдательную корреспонденцию; – потому что газета извращает дело. Нет! если какое в особенности слово, то печатное-то должно быть в высшей степени осторожным и верным. Это потому, что печати многие безусловно веруют. А газетной печати и нельзя не верить, кто не знает лично дела и не опытен еще в чтении корреспонденций, касающихся чьих-либо злоупотреблений; потому что это не сочинение, с доводами или доказательствами которого можно и не согласиться: она передает только факты, на основании которых здравой мысли остается сделать то или другое заключение. Таким образом, она (впрочем, не столько сами издатели газеты, а, более, местные корреспонденты ее, или временные доставители статей), – она держит иногда в ложном убеждении относительно какой-либо личности или дела какого множество читателей. Затем, печатное слово распространяется

шире и сохраняется дольше, чем всякое иное слово. Оно трудно исправимо и на сей раз бывает подобно пущенной стреле, которую невозможно воротить: возражение в печати же, которым хотят восстановить опозоренную честь, не всякий прочитает, а, прочитавший одно последующее, без предыдущего, не вполне удостоверяется в чьей-либо невинности. – О, если б печатная гласность о текущих делах в жизни гражданской и общественной не была пристрастной, умышленно-ложною, но умеренною и сто раз проверенною в первых руках! Если б она преследовала не ошибки какие-либо, а, главным образом, вопиющее зло, хоть бы и в сильных лицах, между тем, как она очень редко касается на этот раз дела из подбострастия к лицам и по равнодушию к общественному делу! Если б она была отпечатком единодушия в добрых и правых делах! Если б действительно и верно помогала в таких беспорядках, злоупотреблениях и неправдах, в которых и самому благонамеренному и терпеливому человеку не представляется другого исхода (вера в Промысл Божий может быть сама по себе), как предать все это гласности газетной или иной, менее обширной, например, посредством извещающего письма!

Насмешливый над ближним характер

«Сей бе, егоже имехом... в посмех» (Прем.5:3). Это то же осуждение недостатков в ближнем, но под видом шутливых слов или посредством подражания ему в его разговоре или телодвижениях, в форме прозвищ ему и делах рассказов (анекдотов) о нем. Впрочем, здесь – не то, что в осуждении и пересудах – редко касаются крупным недостатков или тайных пороков ближнего. Насмешливый не говорит прямо, но большею частью с улыбкой и иронией: нужно просить его о подтверждении речи, чтоб понять его правильно. Пред способностью иного человека осмеивать целый белый свет не устоит: будто он не находит никого достойным, чтоб говорить с другими серьезно, и отвечает каждому отрывочно и шуточно; серьезно он начинает говорить разве на службе или тогда, как рассердится. Отсюда этот человек всем неприятен. Некоторые, как сказано, свою насмешливость выражают и в подражаниях: сходственно повторяют голос и выговор другого человека, какие-либо телодвижения его или привычки в телодвижениях. Но к чему эти подражания! как часто они бывают и там, где нет ничего смешного! Да в таком разе не в каждом ли человеке можно найти что-либо смешное? Для одного то и другое кажется в ком-либо смешным, а для другого вовсе нет тут смешного. Гораздо смешнее выходит тот сам, который осмеивает посредством подражаний других. – Придумывают и повторяют смешные или ругательные прозвища другим. И опять детская насмешливость! как же многим можно придумать поносные прозвища! Между тем, в грубой среде людей стоит только раз произнести придуманное прозвище ближнему, а там и пойдет в ход это прозвище, и часто оно делается более отличительным и употребительным, чем обыкновенное имя. – Приводят целые рассказы на какую-либо черту из жизни и деятельности известного человека, будто бы смешную, вызывают к однородным анекдотам и тех своих собеседников, которые сначала бывают только слушателями их; так анекдоты рассказываются и о самых почтенных лицах, нередко про

родных дедов и бабушек; хоть родных-то и близких осмеивать жалко и не хотелось бы, но для красного словца и по привычке – и тех не щадят от осмеяния. Вообще же, насмешливые люди несправедливы, неуважительны и не имеют любви к ближнему. И вот, на них иной раз буквально сбываются слова: *«имже бо судом судите, судят вам!»* (Мф.7:2) какие недостатки душевные или телесные они осмеивали в других, – те-то недостатки к ним приходят. Для оправдания себя они, обыкновенно, говорят: «мы только шутим, а не хотим сделать обиды ближнему; только для веселого разговора, чтоб не скучали, говорим, а нет у нас намерения оскорбить кого». Но ближнему, которого они осмеивают, что же до их намерения? По злобе или по одному легкомыслию, в котором сами сознаются, подвергают кого насмешкам, – удар для чести этого человека выходит один и тот же. Притом, в невинности намерения смеющихся можно еще посомневаться. Почему же именно на этого человека, а не на иного, они нападают с насмешками? не скрывается ли тут иной раз тайная зависть? не больше ли подстрекают их к осмеянию известного человека счастье и таланты его, чем смешное что в нем? Да и самое легкомыслие, или ветреность, по которым бы только забавлялись над честью ближнего, – разве не вина? – Нет, христианин! для тебя да будет отвратительным этот насмешливый характер над ближним!.. Суди по себе: если б кто пошутил и над маловажною твоею слабостью, и без намерения обидеть тебя – не почел ли бы ты это обидою для себя?

Посмеяние над чьим-либо уродством

«Безчестяй убогие согрешает» (Притч.14:21). Можно не быть жестоким к уродам и убогим на деле, но, в то же время, словами – оскорблять не от жестокости сердца, а только по легкомыслию или неведению; так, например, обыкновение называть уродов не именами настоящими, или христианскими, а по убожеству их, шутят над их слепотой, или глухотой, или над безобразием лица. Неправильные и вредные остроты! Иным людям Господь допускает родиться уродами с тем, «да явятся дела» Его на них (Ин.9:3). Смеяться и шутить над ними, и, значит, уничивать в них волю Божию. Бывали примеры, что слепцы, как есть одни, путешествовали по святым местам и еще других руководили своими советами на сей раз; а иные, потемнев от болезни или по старости лет, еще более сосредоточиваются в себя, и, так. обр., светлее начинают рассуждать о предметах по службе, если еще не окончательно, или не по всем частям, оставили свою службу. Вообще, там, где есть уродство, телесный недостаток или особенная не красота лица, но не полоумное состояние, – так по Божией премудрости, и благодати примечаются особенные душевные таланты, видны часто и особенные прекрасные качества. – Затем, кто смеется над уродством ближнего, тот в лице уroda частью осмеивает и самого себя, свое грехопадение во Адаме; потому что ведь не было бы ни уродств, ни безобразий, ни разных физических недостатков, если б не было первого греха и не умножался доселе грех. – Шутка и посмеяние над уродом истинная обида ему. Если на него и только пристально посмотрят, например, как он по косноязычию долго не может выговорить слово, это одно кажется ему тягостным: а тут еще шуткой вызывают на него внимание других. Обыкновенно, смеются над человеком, который под силу: в таком случае урод бывает первою игрушкою для них при других. Но умеют же эти люди сдерживаться от посмеяния и шуток, если урод сам может ответить за себя, или принадлежит к знатному семейству. Во всяком случае, когда шуткою-смехом обижают урода, – это

истинная обида ему в том именно смысле, что он остается без права защитить или оправдать себя (например, не может же он сказать в ответ своему ругателю: «ты сам урод»), что не в силах он извлечь для себя какой-либо урок отсюда, как умные люди пользуются укоризнами в другом роде, не может же он сказать: «больше не буду уродом». Шутка над ним или одно название его по убожеству каждый раз напоминают ему, что он «человек обойденный, жалкий, неприятный для других». А это вызывает его на ропот пред Богом и развивает в нем характер озлобленный и дикий: последнее особенно сбывается над уродами детьми. Нет! по человеколюбию не так следует относиться к уродам, а вот как: нужно стараться показать пред ними вид, будто мы и не замечаем их телесных недостатков: – когда они наравне со здоровыми ищут у нас или должности, или работы какой за плату и когда труд их разве немного лишь был бы меньшим против здоровых, мы должны предпочесть их здоровым; – когда они по слабости своих сил не доделают, что мы должны быть снисходительными к ним, а если можно – и дополнить их труд собственными силами; – когда они входят в многолюдный круг какой, например, в вагоне железной дороги, нужно ободрять их ласковым взглядом, или словом, или услужливостью; – когда другие начинают смеяться над ними, мы должны удерживать насмешников. – Христианин! на нарушай ты долга почтения и любви даже и к уроду; потому что и урод в числе ближних твоих, и о нем промышляет Бог.

Неприветливость в обхождении по высокомерию или только по привычной и сознательной грубости

«Честию друг друга больша творяще» (Рим.12:10). Приветливый человек, это прежде всего почтительный, а затем – ласковый, общедоступный, говорливый. (Мы будем понимать здесь приветливость, собственно, словесную, разговорную, которая естественно выражается и в глазах, и улыбкой). Мир никогда не увидит столь привлекательного примера приветливости к другим, как в обращении Иисуса Христа с Апостолами, затем с простолюдинами и мытарями: Апостолов Господь почтил названием друзей; человека, недостойного участвовать в брачном пире, как и самого предателя Иуду, Он назвал тем же именем; к мытарю Закхею обращался: «Закхее!», а Марфу и дважды назвал по имени: «Марфо, Марфо!». Тот же дух приветливости выражается в посланиях апостольских под именем «братий», заочным «святым целованием их», а потом как бы в виде подарка какого – посланием верующим «мира и благодати». – Следует быть почтительным и приветливым к ближнему ради общечеловеческого достоинства его, но, вместе с тем, и в редких, или только в самых злых и безнравственных людях мы не встретим хоть одно личное достоинство, после чего могли бы отказать им в почтении и приветии. – Почтительности, а особенно ласковости, как-то и желает, выжидает себе каждый человек со стороны других; и чем кто сам грубее, тем приятнее кажется ласковость к нему других. Ради одного ласкового слова, особенно от высшего или старшего лица, иной уступает совету или требованию такого рода, исполнение которых в высшей степени полезно ему и необходимо. Тем более почтительная и ласковая речь к ближнему полезна для нас самих. Если мы имеем у себя врагов, то такую речь смягчаем своих врагов; в то же время, благословляя более других, тем в меньшей мере сами подвергаемся злословию. Если же мало мы имели у себя друзей и благорасположенных, то ласковостью можем увеличить число их (Сир.6:5)²²⁹. – Ласковость-приветливость к

ближнему, однако, нелегкая добродетель. Она нравится нам в других, когда другие выражают ее к нам, но приучить себя к ней в такой степени, чтоб она была в нас постоянным характером, очень трудно. Для этого требуется немалая борьба с собой, немалое принуждение самому себе; нужно делать быстрые душевные переходы, чтобы, например, от гнева в домашней жизни тотчас перейти к приветливому разговору с посторонним человеком, который в минуты этого самого гнева придет к нам по делу или для свидания; когда в веселости духа и каждый готов быть несколько ласковым. Но эта трудность тем более возвышает цену всегдашней приветливости и учтивости ко всем.

Между тем, исполняется ли нами долг братской почтительности и приветливости? О, есть даже такие высокомерные люди, которые не хотят назвать ближнего по имени, и притом не заочно, а прямо в лицо или в присутствии его! Например, привыкли звать своего слугу: «человек, человек»! Какая оскорбительная и, вместе, бессмысленная величавость! Когда слышишь эту кличку, то так и припоминается древнее рабство. Но лучше было бы назвать слугу прямо «рабом». На зов же: «человек» и он, в свою очередь, может ответить зовущему господину: «и вы тоже человек, а не высшее предо мной творение, не ангел же»! Св. Церковь не стыдится называть каждого своим именем, например, когда принимает причастников к чаше Христовой; при этом, правда, она прибавляет слово: «раб», но не иначе как в смысле раба «Божия». Человек же поставляет себе за низкое назвать своего ближнего именем или взамен имени, которое неизвестно, общим приветствием «брата-друга»! Другие привыкли звать низшего себя фамилией, и опять не только заочно, но и в лицо, а в том и другом случае вовсе не по нужде какой, например, чтоб отличить этого человека в большом собрании лиц, в какой-либо перекличке, или ради порядков служебных, или же по забывчивости имени, но, единственно, по привычной грубости, по необразованности. Однако эту необразованность и самый необразованный без всякой науки и напоминаний может сознавать. Третьи – как особенно в крестьянстве – называют других и по имени, но в уменьшительном и бранном виде: не

больше ли и здесь понимающих неприличие такого зова, чем непонятливых? Наконец, между образованными-то и довольно высокими по своей должности есть такие, которые людей самых заслуженных в своем роде, самых почтенных, если не равных им во всем, – и этих даже при первом свидании встречают вопросом: «что скажете»? Будто и непременно приходят к ним все в качестве просителей, будто не иначе может войти к ним кто в дом или в квартиру, как только по своим нуждам, по поводу которых они готовы сделать милость или отказ; будто не могут прийти к ним для их собственной пользы или только для одной почести им! будто сам-то проситель, придя к ним, забыл, о чем хочет просить, – и будто не понимают они сами, как нелегко для чувств человеческих являться униженным просителем! – Но не таковы впечатления доброй приветливости. Когда человека не только зовут по имени, но и величают, когда и затем в разговоре не оббегают намеренно его имени и отчества, но часто его приветствуют именем, тогда он больше чувствует уважения к самому себе. Это самоуважение и не есть болезнь самовозвышения, нет! но естественное и умеренное чувство; потому что принимающий себе личное приветствие по имени и отчеству еще ничего лишнего не присвоает себе. Иное дело, когда величают кого по должности, по чину, по сану. Однако и тут должна быть выполняема заповедь: «ему же честь, честь» (Рим.13:7); нечего отказывать другим в заслуженном. Притом и тут, может быть, кроме воздаяния заслуженной чести, прекрасная польза для чествуемых; так, например, для лиц священного сана, которым сан такое же присвоенное титуло, как и христианское или по крещению имя, – для этих лиц величание может быть добрым напоминанием о том, чтоб они достойно носили свой чин или сан. – Иные в извинение себя говорят: «мы были почтительны и ласковы; но нашего доброго, благородного обхождения не оценили». И еще будьте почтительными и ласковыми. Действуйте на сей раз подобно матери, которая сколько бы ни ухаживала за детьми, – снова делает доброе так, как будто начинает делать только в первый раз. Да; любовь христианская *«не гордится и долготерпит»*. Другие, более виновные, рассуждают: «мы любим говорить правду; оттого и

считают нас неласковыми». Но надобность высказывать строгую правду встречается не часто, зачем же в остальное-то время не быть почтительным и приветливым? Да и самая правда должна высказываться без грубости. Нет; нечего прикрывать неприветливость правдивым характером. Она может быть извинена, и прямо не составляет порока только в двух случаях: когда бывает «без намерения» или «с особенным добрым намерением». Спроста неприветливые, это такие люди, которые привыкли к уединению, следовательно, не привыкли к обществу: они чувствуют себя как-то робкими при встречах с незнакомыми лицами; а также люди, у которых постоянно занята голова, для которых сказать и несколько слов – значит потерять нить размышлений, каковы, например, люди ученые, а особенно сочинители, и еще аскеты по жизни. С добрым же намерением и неприветливые бывают только до времени: они хотят испытать человека в его характере и направлении, и потому обходятся с ним до некоторой степени сурово; когда же этот человек вынесет с честью испытание, тогда они открывают к нему объятия своей братской приветливости. На сей раз мы знаем пример из жизни Самого Господа. Так, Господь долго не оказывал приветливости к хананеянке, не хотел слышать и просьбы за нее со стороны Апостолов. Зато, когда хананеянка вынесла его испытание, Он пред всеми прославил ее веру ([Мф.15:28](#)). – О, если б мы помнили и исполняли заповедь слова Божия «о большем чествовании друг друга»! сколько тогда убавилось бы у нас неприятных столкновений в жизни и прибавилось бы успехов в делах! сколько бы мы усладили взаимно свою жизнь! Но, когда мы с тобой, возлюбленный брат, и не можем выразить приветливости к ближнему, например, не можем побеседовать с ним, потому что спешим куда-либо или утомились, или болеем, или не хотим оторваться от своих серьезных размышлений: в таком случае, по крайней мере, объясним ему, что не можем поговорить с ним, что просим у него извинения. А потом и постараемся в другое время вознаградить нашу сухость к нему приветливой речью.

Слишком свободное обращение с другими

«Любы не превозносится» (1Кор.13:4), не заносится в словах и манерах в обращении, не действует с плеча, но потихоньку, и всматриваясь. Можно и не быть грубым в обращении, выражать к ближним приветливость, но, в то же время, быть уже сверх меры близким, свободным на словах и в движениях по общежитию. Как с другим полом слишком свободное, короткое обращение располагает к потере целомудрия (см. выше), так чрезмерною короткостью отношений вообще к ближним нарушается добрая благородная связь. Говорить на «ты», когда приличнее было бы сказать «вы»; шутить со своими знакомыми, как бы в кругу своей семьи; избирать другого, будто любя; делать крикливые возгласы; небрежно употреблять в разговоре руки; вмешиваться во все со своим суждением; рассуждать и с высшими в духе ложной свободы и ложной независимости, которые столько свойственны нынешнему времени, — рассуждать с ними так, о чем вздумается или же только безвременно видеться с ними; не сдерживаться нисколько в прикосновениях к ближним по надежде на короткость отношений, например, в пожатии рук — вся подобная вольность не прилична христианину и не проходит без вредных последствий. Отсюда возникает несдержанность в разговоре, или многословие; отсюда бывает нарушение мира с ближними и происходят взаимные укоры, так что и сбывается пословица: «дружба от не дружбы близко живет»; отсюда зарождается дерзость; на ту же вольность или грубость вызывается в отношении к грубому и другой; присутствие слишком вольного по обращению человека оказывается тягостным; а главное — ничто так «не охлаждает любви и не посеивает ненависти, как это вольное обращение». — Христианин! не об изысканности или щеголеватости разговора и телодвижений наш совет тебе, но об умеренных выражениях и благородном обхождении, которые бы вливали в душу ближнего отраду и любовь. И такому-то скромному обхождению с ближними надобно бы приучать себя с детства, так что после 25

лет и трудно привыкнуть к нему. Помни, что, если мы осторожно будем вести себя по внешнему человеку; то можем сохранить и внутреннего человека.

Привычка спорить

«Заражен страстью к состязаниям и словопрениям» (1Тим.6:4). Споры, положим, неизбежны в наших разговорах; потому что с тех пор, как Адам согрешил в раю, как вслед за расстройством человеческой природы вообще расстроилась и мысль, – с тех пор люди потеряли единомыслие. Прения – споры теперь и существенно полезны, особенно в предметах науки; потому что ими «разъясняется истина». Но бывает излишняя или ненужная спорливость, страсть спорить. Лишь только выскажется другая мысль, произнесется какая речь, спорливый уже возражает. Хоть бы и не было ему нужды возражать, потому что дело очень ясное или же не представляется важным: он непременно возражает в силу одной своей привычки не соглашаться ни с кем и ни с чем, или только казаться несогласным. Жалко, что и первым возражением этот человек не удовлетворяется. Когда его опровергнут, – он заводит новый спор. Наконец, не имея чем защищаться, он играет только словами. Так. образом, споры этого рода доказывают одно тщеславное намерение мыслить иначе, чем мыслят другие, и желание выстоять на своем. В таких спорах решительно нет смирения и одно беспокойство для груди и духа самого спорщика. Но приятен ли спорщик другим и полезен ли для самого дела? Нет; он нарушает тихую беседу ближних; и сам доходит, и других доводит до ссоры (2Тим.2:23)²³⁰; поэтому заставляет обегать его в обществе. Да и там: где затем, собственно, собираются, чтоб обменяться мыслями, чтоб заявить свои мнения и предположения, как, например, в съездах, советах, в общественных собраниях, – и там споры много отнимают времени. Спорили долго, а дела не вырешили. Почему же? Потому что в таком случае легко уклоняются от своей задачи и запутывают дело, между тем, как впереди вопросов для решения еще много. – Напротив, как же приятна та беседа, где нет споров! С другой стороны, как благоразумны и приятны те люди, которые, собравшись вырешить какие-либо недоумения и предположения путем

гласных суждений, наперед определяют себе со всею точностью спорный вопрос! А определив, и сами не отступают, и других удерживают отступить от предмета спора; – не позволяют себе коснуться чьих-либо личных сторон; каждый раз умеряют свой голос, чтоб громким спором не беспокоить слушающих, особенно женский пол; – наконец, заметив совершенную бесполезность прений, начинают молчать! «Но ужели (скажут) ради опасения быть названным человеком спорливым и неприятным, тотчас же соглашаться с каждым мнением»? Нет, это будет другая крайность. К сожалению, для этой крайности многие жертвуют истиною мысли и правдою дела. Можно не пускаться в такой лишь спор, от которого не видно пользы. Но, когда защищается неправильная мысль или неправое дело, тогда ни в душе не следует соглашаться с тем, ни на деле изъяслять на то своего согласия подписью, или другим каким участием. А чтоб не обманулись другие нашим согласием с ними, когда мы будем молчать, – хорошо сделаем, если скромно выразим, что ради только дальнейших споров начинаем молчать. Еще лучше спорный предмет отложить до другого времени; потому что время даст возможность больше вдуматься в этот самый предмет. Вообще же, надобно положить правилом, чтоб после спора по одному предмету до трех раз уже начать молчать; потому что все лишнее от лукавого. – Ты, христианин, не люби споров, которые нарушают мир твой с ближним, а особенно вредят семейному миру!

Привязчивость к словам ближнего с целью завинить его

«Любы» христианская «*вся любит*» (все покрывает) (1Кор.13:7). Привязчивость, о которой хотим сказать, есть «жестокосердие слова» в отношении к ближнему. Иной злонамеренно пользуется или напрасно обижается чьим-либо словом: берет вместо предмета самую личность, например, было сказано только о деле: «глупое это дело», а он огорчается, будто его самого назвали глупым. Но мало ли мы произносим поспешно и необдуманно? зачем же привязываться словам или, как говорится, «каждое слово поставлять в строку»? зачем не пощадить необдуманной речи ближнего, особенно в том случае, когда она произнесена не в духе? Еще хуже, когда намеренно вызывают ближнего на такой ответ, чтоб он ответил резко, необдуманно, и после этого привязываются к нему; так фарисеи закидали Спасителя множеством вопросов, думая, что Он ответит им с замешательством, и что, таким образом, будет им повод уловить Его словом (Мк.12:13). Ту же привязчивость обращают и к письменной речи: прочитывают несколько раз строки, высматривают с какой бы стороны напасть на человека в письме его и нападают. Добрый человек по своей простоте и доверчивости скажет в ответ или напишет что-либо неровное или неточное, например, в своем словесном объяснении или в письменном условии, а тут толкуют его слова иначе, с натяжкой. Для чего же? – Чтоб завинить его, или же, не завиняя ни в чем, только приневолить его к выполнению чего-либо неприятного или сверхдолжного. Вообще, человек, привязчивый к словам других, тем виновен, что хватается за слова, упуская мысль, что гоняется за выражениями и видит в этих выражениях обиду или оскорбление себе, между тем, как и уверен, что не было тут у других намерения обидеть его или оскорбить, – что обращает излишнее внимание на внешность, на форму разговора или на строки письма, а не ценит в ближнем доброй цели и доброго направления. Можно ведь и сто слов сказать таких, к которым удобно привязаться, и, однако, быть невинным,

добрым по душе; но можно и все слова приладить, или все строки написать так почтительно, что не к чему будет в них привязаться, однако же скрывать в себе до времени злые намерения. – Ты, христианин, как христианин, будь снисходителен к недогадливым словам ближнего, тем менее привязчив к смыслу таких слов, в которых вовсе не видно злонамеренности или значение которых сам же ближний объясняет тебе. Если б тебе привелось защищаться против чьих-либо обид и, если б в словах и письменных строках своего обидчика ты мог найти другой смысл и, так. обр., его же словами опровергнуть его, – не пользуйся и этим мелочным и неблагородным способом к оправданию себя и обвинению обидящего: лучше, защищаясь или доказывая, отыскивай вину его в самих действиях.

**Ложь словом, соединенная с ложью мысли, равно
как и заменяемая какими-либо знаками**

Ложь на глазах и упорная

«Не лгите на истину» (Иак.3:14). Видов лжи много. Мы начнем с самой грубой, которая произносится на глазах. Так, иной рассказывает себя больным, между тем, как совершенно здоров; – отсутствующим в доме, тогда как сидит дома и даже дает слышать свой голос тому, кто желает его видеть; – истратившим на что-либо известное и другим весь свой денежный капитал, тогда как и половины капитала не употребил; другой через несколько же минут отпирается от своих слов, – и так, даже в малостях, пользуясь тем обстоятельством, что никто третий не был свидетелем его слов. Это ложь бесстыдная. Человек высказывает ее, не краснея и не смущаясь, как и Иуда без стыда спрашивал о себе наряду с прочими невинными учениками, – не он ли предатель, будучи окончательно предателем (Мф.26:25). Такой лжец большею частью и не надеется, что ему поверят. Но, когда он произносит подобную ложь, подавляя истину, тогда идет прямо против своей природы. Почему же? – потому что любовь к истине и правде более других чистых человеческих свойств осталась в нас после грехопадения Адама. Вот, малые дети ближе к первобытной природе, и, смотрите, как они говорят обо всем откровенно. Вольнодумцы и развратники, – на что уже люди, забывшие Бога, но и те выражают до некоторой степени уважение к истине и не дают прощения бессовестному лжецу. Они даже думают видеть особую «религию честных людей» в том, чтоб говорились правда. Затем в жизни замечается, что, когда кто хочет высказать всю правду или только часть правды, между тем, как не отличается правдивым словом, тогда этот человек прибавляет к своим словам: «любит Бог правду», т.е. произнесением правды он думает подражать Самому Богу. Следовательно, высоко ставит правдивую речь. А в решительные минуты и самый лживый человек отзывается на голос истины по какой-то внутренней силе в себе. – Кто не способен лгать и любит говорить всегда правду, тому и завистники или враги его отдадут на этот раз почтение. Зато

много раз замеченный лжец до того теряет доверие других, что и справедливым словам его не доверяют, до того роняет себя пред другими, что, будь он отличенный наградами или высокая какая особа, – не пользуется уважением других, как и сам к себе не питает на этот раз уважения. Всего опаснее, что очевидный и упорный лжец удаляется от Бога, потому что делается родня дьяволу, который *«ложь есть и отец лжи»* (Ин.8:44). О, православный христианин! люби ты говорить всегда одну правду, будет ли она для тебя выгодна или иной раз не обещает тебе личной пользы. Люби распространять и между другими правдивое слово. Чем же? замечанием – когда возможно – чьей-либо явной лжи, снисхождением к человеку или смягчением ему взыскания ради того только, что он не скрывает своей вины, говорит о себе всю правду.

Обман в шутку

«*Всякая ложь не от истины*» (1Ин.2:21). В шуточном обмане нет, положим, намерения повредить или досадить ближнему ложным известием, напротив, предлагается, своего рода, приятная услуга. Но шутка – зародыш лжи. Кто в пятый и десятый раз обманывается в шутку, тот привыкает лгать, тому начинают не верить в самой правде (говорят: «он любит шутить»). И как же обманом-то подслуживать ближнему? А иногда от этого обмана ближнему больше бывает напрасного томления, чем приятной или веселой услуги: человек желает скорее узнать о деле, которое интересует его, между тем, от него скрывают, и – как известно ему – скрывают, шутя. Вообще же сказать, шуточным обманом оскорбляется чувство истины. – Ты, христианин, как любитель истины во всем, избегай даже и шуточной лжи. Могут быть и шутки, но невинные, но без примеси лжи. Шутит иной раз и седина, но редко употребляет обман.

Ложь по нужде или, как говорят, «во спасение»

«Почто тако обманула мя еси» (1Цар.19:17), сказал Саул Мелхоле, которая, спасая жизнь своего мужа, даже дважды пред ним солгала; потому что и положила на постель вместо болящего Давида статую, и сказала, будто Давид ей самой угрожал жизнью, если выдаст его. Примеров подобной вынужденной лжи по истории можно указать еще несколько: так, Авраам, придя в Египет, назвал Сарру вместо жены своею сестрою (Быт.12:11–13); Ревекка обманом подвела к Исааку для благословения вместо старшего сына, которым был Исав, младшего – Иакова (Быт.27:6–18). Во всех этих случаях ложь была употреблена, как единственная мера избежать несравненно большего зла, чем виновен грех лжи, и, как средство к полезной цели. Так, если б Мелхола не скрыла Давида, то Давид был бы убит. Авраам из двух зол: или лишиться жизни чрез чужую ревнивость, или видеть прелюбодейное насилие Сарре, – из этих двух зол, которых явно должен был опасаться со стороны египетского царя, но которые, однако, как оказалось впоследствии, по милости Божией миновали его, хотел путем придуманной лжи избежать первого зла, допуская в крайности последнее, как меньшее. Обман Ревекки так же не был гнусным обманом: она знала характеры братьев, понимала значение клятвы, с которою Исав продал свое первенство, и имела особенное откровение о преимуществе меньшего сына при самом рождении Иакова. В житиях святых и тем более примеров такой неправды на словах. Часто святые, употребив ложь, удерживали собрата от повторения какого-либо тяжкого греха²³¹, а то еще предостерегали близкий грех²³². Случалось, что они и не минутно только решались сказать ложное, но обдумывали целый план притворного действия²³³, чтоб отвлечь другого от беспорядочного в душе состояния. – Случаи лжи, к которой вынуждают нас подобные обстоятельства, т.е., чтоб сохранить в целости жизнь ближнего или свою, чтоб охранить честь невинного и чтоб отвлечь других от тяжкого греха, – всегда

могут повторяться. Что же, – вменяется ли эта ложь в вину? Нет! В правилах церковных она прямо называется «ложью во спасение ближнего» и признается невменяемой: *«аще солжет, да спасет душу, греха не имать»* (Номоканон, 97). Однако ж, и в этом случае богобоязненному христианину нельзя совсем успокаивать себя, но нужно держаться таких правил: считать вынужденную ложь искушением для себя, а не просто решаться на нее; допускать ее не часто, а из многих случаев, разве, однажды, – в крайней необходимости; прибегая к ней, изъявлять пред Всеведущим свое сердечное нерасположение придумать или подтверждать ложное; если ложь по необходимости должна быть еще продолжительною; – видеть в таком положении своем, которое попущено Богом, нечто, вроде казни себе. Но, между тем, сколь же часто «ложью во спасение» прикрывают и такие случаи, в которых бывает, разве, одна доля пользы, а две доли – во вред, и которые, между тем, можно было бы устранить! Как нередко употребляют самые преступные обманы под тем предлогом, что желают достигнуть благочестивой цели, например, выманивают и последнее у сирот или у бедных людей, чтоб эти пожертвовали на какое-либо благотворительное дело, потворствуют самым явным порокам известных лиц, чтоб иметь на них влияние и чрез них добиться – как говорят – какой-либо пользы Церкви или обществу! Нет; это уже не «ложь во спасение», а «коварный иезуитизм». – Ты, христианин, и вынужденную ложь считай уклонением от истины и выражай за нее пред Господом Богом сокрушение!

Неположительность слова или суждения об одном и том же предмете

«Едино буди слово твое» (Сир.5:12). Иные говорят или отвечают неясно, нерешительно: «ни да, ни нет». От чего же это происходит? – от нетвердости их мысли, которая у них как ветер непостоянна, а также и от торопливости ответа. Отсюда, однако, немало бывает вреда. Окружающие нас (чаще всего семейные) не поняли нас и не знают, как же они должны поступить, чтоб сделать по нам. И делают нередко на огорчение нам или вообще в ущерб делу. Но в ошибке их мы сами виновны; потому что мы сказали им нерешительно, «надвое», да и то без ясного определения могущих быть препятствий или перемен. – Еще хуже чья-либо неположительность, чье-либо непостоянство суждения об одном и том же лице или предмете до явного разноречия с самим собой. Взгляды и понятия каждого человека, положим, могут меняться по мере развития его, или по случайным обстоятельствам, в таком случае, перемена взглядов еще не вменяется в вину; тогда оставаться при прежнем слове, вопреки своему убеждению, из одного опасения быть названным непостоянными – не следует. Но, в одно и то же время, или об одних и тех же предметах рассуждать с явным противоречием себе, смотря только потому, с кем идет разговор наш и чью сторону выгоднее поддержать: это уже значит двоязычие. – Христианин! положи себе за правило: если не знаешь, что вдруг ответить по какому-либо делу или вопросу, то лучше и не отвечай до времени. Затем, целое суждение о ком-либо или о чем-либо, так как тут имеешь ты немалые минуты, чтоб обдумать предмет – высказывай по мере своего разумения и убеждения, но всегда положительно и ясно, чтоб не вводить других в заблуждение, чтоб не оскорблять ближнего неясностью и не доводить самого себя до позднего раскаяния.

Оправдание себя перед другими при полном сознании в душе своей вины

«Не уклони... в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех» (Пс.140:4). Еще может быть оправдание себя в каких-либо ошибках, опущениях и нарушениях закона незнанием дела, болезненностью состояния, крайне стеснительными обстоятельствами: тогда оправдание бывает искренним и в виде искреннего-то принимают его как Сам Бог, так и добрые люди. Но речь наша о самооправдании такого рода, когда человек называет себя перед другими невиновным, между тем, как душа его говорит ему противное, – когда он мог бы беспрепятственно исполнить что-либо, между тем, отвечает, что не имел никакой возможности исполнить. Не ложь ли это, которую нельзя назвать очевидною только потому, что те, перед которыми человек произносит ее, – не видят ее? В этом-то смысле ложные слова произносил и первый человек в раю. Адам ссылаясь на жену, которая склонила его поест от запрещенного плода, и которая поэтому будто бы одна была виновата. Но он говорил противно своему сознанию; потому что недоумений у него относительно заповеди никаких не было, потому что заповедь он принял непосредственно от Бога. Он слагал частью свою вину и на то, что ему была дана жена, что, будто, не будь у него жены, – он, может быть, и не согрешил бы. Но это были слова, опять противные правде и его внутреннему убеждению; потому что Господь Бог создал ему жену после того, как он почувствовал свое одиночество, т.е. по вызову его самого. Так и ныне, у многих, кто сделается виноватым, не бывает недостатка в предложениях к оправданию. Всех посторонних обстоятельств, а тем более, внутренних побуждений и расположений, какие были у нас, когда мы допустили что-либо худое, – не знают ближние наши и потому иногда верят нам: но мы сами на этот раз неверны, потому что оправдываемся против внутреннего своего сознания. Положим, в таком самооправдании нет еще самохвальства: но оно пропитано ложью. Затем, и в сущности дела, лукавое оправдание не

приносит же нам ничего, кроме бесполезной суеты и прямого вреда; потому что «злом не исправляется зло». Самым же лучшим оправданием для нас, когда мы погрешим в чем-либо, будет вот что: сказать, что «мы виновны, ошиблись, погрешили». Это будет вполне справедливое оправдание, и, вместе с тем, успокоит тревожный дух наш, подобно тому, как твердым колом крепко придерживается к берегу лодка во время сильной погоды. Но скажут: «хоть человек и оправдывается на словах, но в самом сердце, наверное, обвиняет себя в своих поступках. Зачем же строго судить его за самооправдание? Виноватым никому не хочется быть». Сердце должно быть сердцем, и уста – устами. Когда кто противно делу и собственному сознанию оправдывает себя: все же говорит ложь и располагается ко лжи на последующее время. Правда, что от сердца-то происходят лживые слова. Но, вместе с тем, и от слов может лгать самое сердце: начни чаще лгать языком, хоть без одобрения в сердце произносимой лжи, и – сердце будет скоро лживым. Пред преступниками в тюрьме; когда хотят убежать, нужно, прежде всего, крепче затворить двери, а потом все остальное легко будет уладить: так, если мы закрепим на языке ложные слова, то и внутри, в самом сердце нашем, они заглухнут. – Христианин! положи себе правилом: не запирайтесь в своей вине противно своему убеждению. Но чем больше слов скажешь к оправданию себя пред другими, тем больше примешь на свою душу лжи.

Неискреннее почтение к сочувствию в обхождении (лесть)

«Несть лести во языке моем» (Пс.138:4). Кто был первым льстецом? Змий-искуситель в раю: он польстил Адаму и Еве, что они будут равными Богу. Так-то и всегда поступает угодливая лесть. Если вы чем-либо возвышены, если вы богаты, если имеете влияние в обществе или в каких-либо делах: лесть возвеличивает похвалами ваши действия, в которых иногда нет ничего особенного и которыми только выполнили вы свою обязанность; лесть находит нечто достойное удивления и в том, на что вы сами никогда не обращали своего внимания; она смеется и готова надрываться от смеха, лишь только заметит вашу улыбку над кем-либо или над чем-либо; она на все вам отвечает: «да, так»; она поддакивает вам даже и тогда, как не поймет вашего разговора; почитая вашу речь оконченной, между тем, как речь вами еще не окончена, льстец уже хвалит вас; за минуту был взгляд его по известному предмету и в разговоре с другими такой-то, и взгляд на тот раз искренний, правильный, подходите вы к той же беседе, вслушиваетесь в его слова, высказываете почему-либо совсем противное мнение, и он вдруг начинает с вами соглашаться в противоречие самому себе, опять поддакивает вам. Бывает лесть тонкая: эта лесть часто предупреждает вас («без лести сказать»), чтоб вы больше поверили ей; она часто берет верх и над самыми умными людьми, так что умные не замечают ее влияния на себя; но еще больше эта тонкая лесть уловляет в свои сети простоватых, над которыми потом и смеется, увидев их, как они простодушно поверили ей. Бывает лесть грубая, или наивная; например, будто по ошибке и незнанию, но в самом деле намеренно иной называет чиновника высшим чином, чем какой принадлежит этому человеку, а подчас и не чиновное лицо, например, купца, величает «благородием»; наивный льстец, смотря на вас, велит всем слушать вас, говорит, чтоб тише сидели или стояли, когда вы что-либо рассказываете. Бывает лесть на словах и в глаза вам,

а во всяком случае – вслух вас, а также и на письма, каковы, например, адреса, превышающие меру ваших заслуг и способностей. Впрочем, все это примеры лести уже в полном смысле слова, или такой, которую иные не затрудняются назвать «низкою» и против которой вопиют. Но есть еще лесь повседневная, которая не строго осуждается и, будто, не замечается: например, встречают вас с самыми почтительными величаниями, но не от души; спрашивают вас о здоровье, но не от сердца; постоянно улыбаются, разговаривая с вами, и пожимают вам руку; но не по искреннему чувству; предлагают вам свои услуги, но только на словах; несколько раз повторяют пред вами приглашение, чтоб вы остались у них отобедать, но начинают упрашивать вас к обеду уже тогда, как узнают, что вы не можете или не хотите у них быть гостем. Затем, льстят не только низшие высшим, бедные богатым, простые знатым, а часто, и равные равным, иной же раз и высшие низшим. Для своих видов и высшее лицо берет руку у низшего по-приятельски, думает визитом своим польстить низшему и т. д. Лесь в обхождении, как лесь, часто сама себя обличает своим непостоянством: перестал иной человек быть нужным, потерял силу и значение, и едва-едва поздороваются с ним. Таким образом, этого рода учтивость-сочувственность никогда не выдерживает слов: *«истинствуяще в любви»* (Еф.4:15).

Что же сказать о нравственной вменяемости лести? В ней мы видим просто «искажение способности говорить»; потому что льстец говорить каждый раз совсем не то, что у него в уме и на сердце. Какое же после этого значение имеют для него слова, если он только ложь говорит пред ближним (Пс.11:3), если иной раз даже и та, и другая сторона, т. е., и он сам, и тот, кому он льстит, сознают друг пред другом, что все знаки учтивости их – одна форма и прямой обман (актерство)? Будто человеку дан язык для того, чтоб мог он искуснее скрывать свои мысли, а не сообщать ближнему свои чувства, как есть! В намеренной лести, которая на все отвечает: «так, верно», льстивый человек представляет из себя какую-то пустую вещь: будто у этого человека нет своей мысли, потому что он во всем следует чужому мнению. Когда, например, говорит с ним

высшее и знатное лицо: он, пожалуй, не слушает всего последовательно, а только следит в разговоре за тем, за что была бы возможность ему похвалить высшую особу, пред чем мог бы он выразить свое удивление; он ожидает окончания речи, чтоб первый мог рукоплескать этой речи. А, если нет повода подивиться какому-либо качеству или действию высшего лица или, если он неприличным или слишком смелым находит для себя хвалить высшего в лицо: в таком случае, хвалит вещи этого человека, – дом, комнаты, мебель, а также вино или чай, какие предлагают ему в угощение, или он ласкает нежным образом детей того человека. – В льстивой речи, уверяющей почтением и преданностью, которых, между тем, нет, извиняющей даже недобрые качества ваши, – в такой речи, когда человек, по-видимому, весь был бы ваш, можно видеть не один обман, но и вредный умысел: слова такого человека мягки, как елей, но *«та суть стрелы»* (Пс.54:22); и чем большее зло этот человек готовится сделать вам, тем больше выражает пред вами вежливости и ласк. В этом случае лучше же неприветливый и грубый, хотя не желателен и такой, – лучше, потому что последний уже не вводит вас в обман, не закрывает пред вами истины относительно вас самих или по делу какому, не убаюкивает в вас чувства правдивости, не приучает вас слушать лесть и от других. О, сколько же унижает себя эта угодливая лесть в обхождении, сколько она вредит делам, как должна бы тяготить и самого льстеца! Хоть бы на час льстивый человек сбросил с себя тяжелую форму лестных приветствий, истертых учтивостей и приемов, показал бы себя пред другими, как есть, вздохнул бы свободнее, сказал бы другому искреннее слово, не оглядываясь по сторонам и не опасаясь за напрасную обиду со стороны ближнего! И что же, в заключение всего, приобретает себе льстец? Ничего, кроме подобной же со стороны других неискренности и натянутой вежливости. В горькие минуты, скорее же, ваше сердце стремится к человеку прямому и простому, чем к ловкому и учтивому, но очевидно-фальшивому. – Светская утонченность в обхождении – это просто неестественное состояние: человек тут притворяется, натягивается, не похож на самого себя. Это состояние вредно

отзывается и на долговечности жизни: известно по медицине, что актеры от этой именно причины не пользуются долговечностью. – Нет; обхождение христианина совсем не таково должно быть. В истинном христианине от «мыслей его не отступают его слова»; если б была возможность быть ему переплавлену, как переплавляется серебро, то и тогда не нашли бы в нем ничего фальшивого или двоедушного (Пс.16:3). Истинный христианин обходится с другими бесхитростно и просто, как бы с самим собой. Если он и приветлив на словах, если учтив и любезен в приемах, то не в одном каком-либо случае, а во всякое время, и не к известным только лицам, а ко всем, не с предзанятыми какими-либо мыслями, а по созданию долга быть почтительным и добрым в отношении к ближнему. Но, вместе с тем, его ласка, его учтивость не бессердечная, не равняющая всех, как одного, не по казенному только: но к более близким лицам или родственникам она и более близка, еще более сочувственна. Словом, обхождение христианина с другими бывает такое же, как обходятся между собой братья и сестры; потому что и все мы между собой братья по вере во Христа. – Христианин! помни, что ты называешься по имени Того, в устах Которого никогда *«не обретется лесть»* (1Пет.2:22)! Итак, поставь себе правилом: не льстить ближнему ни на словах, ни в письме, но быть почтительным и сочувственным к нему в меру и в простоте души. И это еще не все. Не люби и сам принимать или выслушивать лесть; потому что многие, к сожалению, не любя льстить другим, однако легко поддаются чужой лести.

Неискренний отзыв о другом, когда требуют ответа

«Отложше лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему» (Еф.4:25). Не от праздного любопытства спрашивают нас, – каков такой-то человек, но для чего же? – Чтоб избрать его на должность, чтоб доверить ему какое-либо занятие, поручить ему управление имуществом, войти с ним в близкие, хоть и временные, сношения, приблизить его к себе навсегда, сноситься с ним по делам службы, соединить с ним судьбу другого лица законным браком. Нас просят дать о нем искренний отзыв, высказать относительно его способностей и характера убеждение, которое не сейчас же в душе нашей составилось, но было раньше, а, следовательно, без труда может быть нами высказано. А мы, вот, не даем настоящего ответа! Или рекомендуем недостойного, или уклоняемся от положительного ответа, говорим только: «не знаем; кажется, что добрый человек; сами увидите», или же хотим что-то сказать, но не досказываем. Какой вред отсюда? Тот, что известному человеку можно было бы не доверять, а, между тем, ему доверяют во вред и себе, и ему самому. А если и не представлялось бы особенных препятствий принять его на должность или войти с ним в близкие сношения, если в нем были бы указаны только незначительные недостатки, без которых более или менее не один человек не бывает: то можно было бы принять предосторожности против известных его недостатков, можно было бы с первого раза и вести с ним дело по его характеру. – Нет; ты, христианин, – простота, не будь уклончив в отзыве твоём о таком человеке, которого достаточно знаешь и на счет которого просят тебя сделать отзыв. А когда без надобности, и, более, из любопытства, чем с целью, спрашивают тебя об отзыве, то или одобряй доброго и достойного, или, будь кто не хорош и будь тебе все-таки не желательно осудить его словом, просто промолчи, что для умного человека и будет достаточным с твоей стороны отзывом.

Двусмысленная улыбка при разговоре о ком-либо, возбуждающая подозрение относительно этого человека

«Блага ярость паче смеха» (Еккл.7:3). И не требуют нашего отзыва об известном человеке, но только при нас высказывают доброе мнение о нем, а мы, вот, вредим ему своей улыбкой. Улыбка наша показывает, что мнение о нем, направленное в его пользу, – неверно. В какой же степени оно неверно, улыбка наша не поясняет, так что нужно думать, будто этот человек никуда не годен. Не лучше ли было бы нам прямо высказать, что есть худого в нем? А почему же мы этого не высказываем. Может быть, и потому, что он, действительно, недостоин одобрения: но, в таком случае, не следовало бы увеличивать его бесчестие и вводить других в неопределенное понятие относительно его чести. Может быть, не высказываем и по той причине, что открытый отзыв требуется подтвердить, между тем, как для подтверждения мы не имеем примеров (фактов). Может быть, думаем оправдаться, что говорить-то против того человека мы ничего не говорили, между тем, как своею улыбкою, возбуждающею подозрение, еще больше наговорили. Словом, это ложь мыслью, вышедшая уже на уста, но недосказанная. Ирод только посмеялся над Иисусом Христом, о Котором должен был произнести суд: но словами также ничего не выразил, – виновен ли Он или нет. Так-то и ныне нередко одними двусмысленными улыбками отделяются относительно тех людей, против чести которых ничего серьезного или основательного не могут сказать: очень легкий способ повредить ближнему! – Для тебя, христианин, да будет чужда эта двусмысленность не только на словах, но и в самой улыбке, когда дело касается чести ближнего.

Неизъявление сочувствия и почтения к человеку, которого напрасно не любят или теснят

«От всех враг моих бых... страх знаемым моими» (сделался я от множества врагов страшилищем для знакомых моих): «*видящий меня вон (так даже на улице) бежаша от мне*» (Пс.30:12). Помилуйте, добрые люди, – чего же вы стыдитесь или боитесь пойти к тому человеку, которого другие не любят или же одно только высшее лицо теснит, например, начальник, равно как опасаетесь к себе пригласить его наравне с другими, а то и еще меньше – в случайной встрече боитесь остановиться с ним. Всем знакомым вы делаете свое посещение, например, в годовой праздник, а также и по особой просьбе бываете у своих знакомых, например, в именины их: а к этому человеку боитесь прийти, чтоб не прошел слух, что посетили его. Что же, разве он преступник какой и разве вы очень высоки и достойны перед ним, что он должен считать особенным благоволением для себя ваше посещение? Всех знакомых вы заботитесь пригласить к себе самим на обед, на вечер, и только исключаете на сей раз из списка ваших знакомых этого человека. Что же, разве он недостоин вашего обеда? Разве все прочие более близки к вам, более послужили и доброжелательствуют вам, чем он? разве он своею бытностью у вас осквернил бы ваши комнаты, ваш дом или квартиру? Даже и с незнакомым, даже и с неприятным для вас человеком, вы готовы при встрече сказать слово, пройти «поприще едино» (Мф.5:41): а от того, которого другие не любят или гонят, вы стараетесь поскорей убежать. Что же, разве он вреден чем? разве разговор с ним менее был бы для вас приятен, чем с другими? Нет! вы и довольно хорошо знаете этого человека; вы и никаких сомнений или подозрений относительно его ума, честности, невинности, правдивости и заслуг не имеете; вы и не питаете к нему никакой личной неприязни, напротив – в душе своей уважаете его, жалеете его, сочувствуете ему; вы готовы бы по душе и сами быть у него, и его видеть у себя, и наговориться с ним при встрече: но только все, так, невидимкой бы, и неслышимо для других. В чем же

причина? Вся причина только в том, что этого человека другие не любят, или одно высшее лицо к нему не благоволит. Стало быть, вы не любите его чужою нелюбовью, не жалуете его по примеру чужого неблаговоления, бегаєте его из угождения другим лицам, которые более нужны для вас, чем он по своему внешнему положению, чуждаетесь его из одного опасения быть названным его другом и сообщником. Какое малодушие! какая трусливость! Где же ваш собственный взгляд на этого человека? где же ваше личное убеждение относительно его личности? Да, если б он и действительно был виноват против других, если б он подавал какой-либо повод не благоволить к нему, вам-то что до враждебных отношений к нему со стороны других? Если он хорош для вас, зачем же вы отказываете себе в удовольствии видеть его у себя, посетить его, разделить с ним беседу при встрече? Если б он и явно вошел в неприятные отношения к высшим или знатым лицам, например, не соглашаясь с ними в мнении, как и должен был не согласиться, – принося на них жалобу, как и мог по справедливости пожаловаться, вам-то зачем прерывать с ним добрую связь? ужели в таком случае никто не должен и продавать ему в рынке или магазинах, и не пить, и не есть вместе с ним за одним столом, и не молиться вместе в церкви? О, как же это люди всегда стыдят, унижают себя таким малодушием и такую несправедливостью в отношении к тому, которого напрасно не любят или же угнетают! Где же у этих людей христианская прямота и сочувственность? – Думают иногда, что тот человек, которого они для одного вида чуждаются, но которого, однако, и не хотят видимо утешить, – думают, что он по своей доброте не взыщет с них. Но, ах! Если б они поставили себя на его месте и в его положении! Тогда увидали бы, как тяжело быть обойденным от всех без всякой причины! И ради чего же они обижают его своим невниманием и отчуждением? – ради пустых опасений, или для мирской только суеты своей. – Нет, ты – христианин, ты верная ближнему душа! еще больше и смелей изъясляй знаки почтения и сочувствия к тому человеку, которого напрасно не любят, или же без причины теснят. Вспомни при этом пример Иосифа Аримафейского: с какой прямою и

смелостью Иосиф выразил чувства своего благоговения к Тому, Которого, между тем, человеческая ненависть и месть довели до смерти! Оказывай ты в некоторой мере сочувствие и сострадание даже и к судьбе виновных.

Относительно данных обещаний ближнему

Неисполнение данного слова в свое время

От воли человека зависит назначить время, когда он готов исполнить что-либо по просьбе других. А, если и другие назначают ему это время, то все же не без его согласия (в делах неслужебных). Нет совсем определенного срока исполнить? – в таком случае, меньшая лежит на нас забота. Но, во всяком случае, мы должны раньше или позже оправдать данное слово; потому что связали себя им. Скорее, могут забыть наше обещание другие, пред которыми мы обещались (если предмет обещания не важен), чем мы сами. И чем неожиданнее будет с нашей стороны исполнение, т. е., если другие уже забыли, что мы обещали им, если почему-либо прошло много времени после нашего обещания, тем больше будет верности нашей данному слову и приятного для ближних. Но в случае определенного срока мы должны употребить всевозможное усилие, чтоб оправдать этот срок, и тем самым очистить себя от данного слова, а ближнего успокоить. Отсрочка может быть. Но тогда уже мы имеем нужду извиниться или просить прощения в своей неаккуратности. Вот, если б так-то дела человеческие текли по службе, в общежитии, по ремеслам и в кругу семейном или домашнем, то, без сомнения, больше было бы у нас успехов в самых делах и меньше переписки и взаимных неудовольствий. Между тем, сколько же ныне таких, которые даже ни разу не выполняют в свое время, что обещали! Когда они говорят: «завтра придем, пошлем, сделаем»; этих «завтра» еще много надобно выслушать от них, чтоб дожидаться исполнения, подобно тому, как бедная вдова все на «завтра» же волей и неволей должна была надеяться со стороны судьи (Лк.18:3–5). Если есть возможность сейчас исполнить обещанное; если исполнение уже предрешено; и если самое исполнение может состоять всего в одном слове или позволении; какое же удовольствие отлагать дело до «завтра» и что же лучшего принесет нам это «завтра»? Говорить в таком случае: «завтра, завтра» не значит ли только шутить над ближним, лишая его совсем надежды быть удовлетворенным?

Много уже назначенных нами или для нас сроков нарушено нами: какое же основание имеет ближний надеяться на нас? (И действительно: те люди, которые сами-то точны, исполнительны в данном обещании, с первого же раза перестают верить тому, кто своевременно не исполнил пред ними обещанного. Но это уже, пожалуй, слабость их). Или, когда иные говорят: «через неделю изготавим дело», то знайте, что исполнение их будет разве через пять недель. А когда назначают срок месяц, то предайте себя терпению на полгода, если не дольше.

Неисполнительные оправдывают себя: «все же мы не отказываемся от своего слова» или: «все же мы исполнили свое обещание». Но не тяжелое ли это было состояние для ближнего, когда он со дня на день или с часу на час ожидал нашего ответа, свидания, помощи, или вещи и дела какого от нас? Иногда он в минуты ожидания и не способен был заниматься текущими делами, потому что так уже настроил себя, чтоб видеть нас у себя или получить от нас что. Иногда он терял от нашей неисполнительности время; потому что мог бы или к другому лицу обратиться по тому же предмету, или же сам исполнить то, чего ожидал от нас; но не решался ни на то, ни на другое, чтоб не вышли его труд или трата какая вдвойне. Потерю для него времени составляло и то, что он много раз ходил за нами и просил нас, чтоб мы поспешили выполнить данное ему обещание. Еще больше, может быть, он потерпел чрез нас ущерб в самых делах: надеялся в известное время на нашу услугу, и опустил те или иные выгоды по своим делам. Да и великая ли это честь исполнить после времени срока то, что когда-нибудь должны же были мы исполнить? Не столько ли раз мы солгали пред ближним, сколько сроков изменили своему обещанию? О, как это ныне утратилась исполнительность обещаний! Не такие примеры оставили нам Христос-Спаситель и Апостолы. Обещался Спаситель увидеть учеников в Галилее после Своего воскресения, и даже предварил исполнение данного обещания ([Мк.16:7](#) снес. [Ин.20:19](#)). Апостол Павел назначал свои свиданья с церквами, и выполнял их ([1Кор.4:19](#) снес. [Деян.18:21](#)), не смотря на множество отклоняющих обстоятельств ([Рим.15:22](#)). — Ты, христианин, положи себе

правилом: не тотчас давать обещание другим в чем-либо, но по соображении со своими силами и обстоятельствами. Впрочем, и от назначения срока, когда просят о сроке, не уклоняйся под тем, например, предлогом, будто сроком должен связать себя, будто и без этого готов бы выполнить: если предложишь от себя срок или согласишься на предложенный, то гораздо больше успокоишь ближнего. А затем, к назначенному времени при помощи Божией и старайся оправдать свое слово. Чтоб точнее оправдать данное слово, лучше же по возможности отдалí срок его: тогда еще можешь и раньше срока исполнить обещанное к большему удовольствию того человека, которому обещался.

Неисполнение совсем обещания

В священной истории известен такой пример верности данному обещанию. Навин, вождь евреев, дал слово Гаваонитянам, которые пришли и просили его о пощаде, что они не будут тронуты его воинским оружием. Между тем, оказалось, что они обманом довели его до этого слова. Что же? Ответил ли он им изменой за измену? Нет, он, со своей стороны, остался верен данному обещанию (Нав. 9). Правда, что человек может обещать только по-человечески же, т. е., под таким условием: «если буду жив и здоров». А, безусловно, один Господь Бог есть «верен Обещающий» (Евр.10:23). Как всеведущий, Господь видит вперед до точности, что обещает нам и, значит, Сам ни в чем не может обмануться; а как всемогущий, Он имеет силу привести в исполнение Свои слова; наконец, как святой, Он не хочет напрасно наобещать что-либо или не может ввести кого-либо в обман. У человека же нет этих качеств. Поэтому обещание человеческое может, действительно, не исполниться. Однако в отношении последнего качества нельзя не требовать и от самого человека точности. Не обладая, безусловно, святостью, человек, однако, может (потому что свободен) и должен (потому что Господь *«погубляет вся, глаголющая лжу»* (Пс.5:7), – может и должен обещать другим, также без обмана, с сердечным намерением исполнить обещаемое. Если же он так обещает, то и, наверное, исполнит. Что же до ошибочных его обещаний, т. е., когда он обещает что-либо по недоразумению, а также невозможных, когда встретит непреодолимые препятствия исполнить (например, пожар, отлучку): то эти обещания, без сомнения, не вменяются ему в вину. – За неисполнение таких обещаний или только за отлагательство их, обыкновенно, и другие бывают к нему не взыскательны. Между тем, какие же более обещания в свете нарушаются? Нравственно-возможные. Например, дали слово прийти к вам, и не приходят по лени или незаботливости; обещались вам помочь, и не помогают по скупости или холодности; уверяли вас, что исполнят такое-то поручение или такую-то просьбу

вашу, и совсем забывают исполнить, или не принимают никаких мер к исполнению. Тем прискорбнее встретить нарушение данного обещания в лице высшем, например, в начальнике; потому что чем выше лицо по своей власти или внешнему состоянию, тем и больше имеет средств выполнить свое обещание. Высшее или знатное лицо должно бы подражать такому, не напрасному, верованию о царском слове: «царское слово неизменно». – Что же за вред от нарушения обещаний? Тогда человек показывает прямой обман, по меньшей мере, непостоянство характера. Обнадежил он другого своим обещанием, и потом вдруг отказывается от своего слова или извиняется в неисполнении обстоятельствами, которые составляют один предлог. Тем хуже с его стороны и тем тяжелей для других, если он несколько раз подтвердит свое обещание с уверением: «непременно», и после всего этого изменяет. Да и как можно надеяться, чтоб такой человек когда-либо исполнил свое обещание? Он с тем и обещался, чтоб не исполнить. Дал обещание, и тотчас же забыл. При первой встрече с тем, кому обещался, еще вспомнит про свое обещание и, для приличия, пожалуй, извинится. Но затем, при новых встречах уже не стыдится и не извиняется, будто дело так и должно быть. Как же это, не краснея нисколько, обещаться другому, между тем, как нет совсем в душе намерения исполнить? Этот человек столько верен в своей лжи, что, если б вдруг другие стали уверять его, что он исполнит свое обещание, он затруднился бы поверить. Итак, он только лицедействует пред другими. Но зато, он уже и жалок, зато он и теряет у других доверие. Есть еще люди неточные или льстивые на словах; но, когда они пообещаются чем-либо другому, то остаются верными и точными. Не таков изменчивый в обещаниях. Ему нипочем дать сто обещаний: он щедр на обещания. Боже милостивый и праведный! а не таков ли ныне характер людей? Не на то ли ныне люди живут, чтоб льстить друг другу обещаниями? Ты, возлюбленный брат наш! Положи себе другие правила: когда обещаешься другому, имей в душе искреннее намерение исполнить; выразив окончательно свое обещание, которое по содержанию своему и цели доброе, а по средствам твоим

возможное, в точности исполни, хоть бы тот человек, которому ты обещался, и сам не исполнял пред тобой свои обещания, или хоть бы он сделался твоим врагом!

О воздержании языка

Празднословие и болтливость

«Всяко слово праздно... воздадут о нем слово в день судный» (Мф.12:36); «от многословия не избежиши греха» (Притч.10:19). Можно и не быть злоречивым, например, не оскорблять ближнего словами; но, в то же время, можно вести почти каждый раз речь праздную или же быть болтливым. Правильное ли это употребление человеческого слова? Без сомнения, нет. Слово наше есть, своего рода, творчество: не было слова, и мы производим его в мир. Господь Бог словом Своим сотворил мир: так и наше слово должно бы творить только одно полезное, если не великое. Иное слово столько может быть долговечным, что доживет до последнего суда и там-то будет свидетельствовать о человеке или на спасение его, или на погибель. Между тем, наши же ежедневные разговоры бывают у многих, например, в кругу знакомых, в гостях и при встречах, в семье и частью на самой службе, или в промежутки службы? Это разговоры о погоде, о ценах на вещи, о вкусах, а у любителей животных – о породе их, и даже до последних тонкостей вида или характера иного животного! не празднословие ли это? Скажут: «о чем же больше говорить? для чего же и дан человеку язык, если столько будем стеснять себя в разговоре»? Могут быть разговоры по нуждам семейным, о том, как лучше выполнять ремесло или должность; нет также ничего худого говорить об устройстве города, о ходе текущих дел в обществе, об исторических событиях и т. под. Но, конечно, всего полезнее и важнее были бы разговоры о духовных предметах, и это уже была бы беседа духовная (о ней мы на этот раз не говорим). Однако ж (исключая предметов ученых и духовно-нравственных), и те все невинные разговоры, на которые мы сейчас указали – не должны быть продолжительными: иначе не избегнем мы многословия, а в многословии не избегнем греха. Как многие имеют слабость многословить – заговариваться или непрестанно говорить (порок это и мужчин, а более – женщин!) Рукам и ногам своим дают отдых, а языку – нет: сидите вы с этими людьми целый

день, и – они неумолимо будут говорить к вам, и все одни говорить. Молчание для них было наказанием, некоторою пыткой. – Чем же вредит такая болтливость? Вот чем: человек болтливый едва ли когда будет с сильным умом; ему нет времени обдумывать свои мысли: прежде, чем созреет у него мысль, он уже выпускает ее. Так сказать, он и думает вслух других: его язык, как осел у неогороженного стойла: приходи и отвязывай осла, кто хочешь. Этот человек не удерживается от пересудов и других грехов языка. Он охлаждает в себе добрую теплоту сердца, подобно тому, как, чем чаще отворяется в комнате дверь, тем более остуживается комната. Он чувствует позыв на сон, так что иные на разговорах перед сном и засыпают. – Он невольно увлекает к болтливости и других, потому вреден в кругу собеседников.

Но, между тем, как прекрасно умеренное молчание! Не потому нужно молчать, что мы не имеем в готовности ответа, но, чтоб знать время и меру для своего разговора. (Впрочем, и не противно разумному молчанию говорить иной раз с утра до вечера, – только о полезном). Разумное молчание девять предметов держит в душе, и разве одному дозволяет выйти чрез двери уст (Сир.25:9). С таким молчанием везде можно найти себе больше покоя. Будем ли мы в каком-либо затруднительном положении, и – молчание большая помощь нам, даже может быть на этот раз нашу победу: Христос-Спаситель молчанием привел в стыд Пилата. Молчание, только бы им не смущался наш ближний, только бы оно не было в ущерб нашему самозащитению или предупреждению ближнего от зла, – такое уместное молчание – наблюдатель за нашими сердечными помыслами, прибавлением нам ума, учебник к большему познанию самого себя, враг нашей дерзости, свеча для молитвы. Вот сколь дорого молчание, – впрочем, не по природе, но по свободной сдержанности, между тем, как иные признают это качество в человеке недостатком!

Но, как же нам быть? Пользу умеренного молчания многие из нас сами сознают, а за болтливость часто раскаиваются. Какие же средства обуздать язык? Обуздание языка, действительно, трудная работа над собой. В слове Божием

говорится, что, кто обуздывает свой язык, способен обуздать и все тело (Иак.3:2). Святые угодники долго и много трудились, чтоб защитить себя от собственного языка. Они принуждали себя к молчанию не только внутренними средствами, но иногда и механическими²³⁴. Так-то, и для нас первое средство против празднословия и болтливости – принудить себя молчать. Принужденное же молчание рождает от себя нечто такое, что располагает к самому молчанию: тогда человек видит, что и лучше ему молчать, тогда он начинает чувствовать особенное удовольствие от молчания. Надобно строже держать себя в те минуты, когда нам сильно хочется говорить. А эти минуты бывают или при особенной радости, или в особенной печали. Так, когда мы бываем чем-либо особенно обрадованы, то спешим поделиться своими чувствами с другими. Естественное и невинное это чувство. Но легко и тут погрешить, например, тщеславием. Потому, лучше иной раз пропустить первые порывы радости и не пойти к знакомым, чтоб тотчас же сообщить им про свою радость. В случае особенной своей радости нужно больше в благодарном сердце слагать слова к Богу-Благодетелю; чем рассказывать другим про свои успехи. Так, в скорби или во множестве сряду разных скорбей очень желательно нам поговорить с другими. Это также естественная и невинная потребность души. Но смотрите, вы, печальные друзья! в своих вздохах, по-видимому и смиренных, не выражаете ли вы своей непокорности воли Божией? не больше ли людям вы жалуетесь на свои печали, чем открываете (Пс.141:2) их сердцеведцу Богу, и, таким образом, не отдаляете ли от себя время Божественного утешения? Словом, мы должны быть внимательны, чтоб «не по страсти» говорить или молчать, но только Бога ради. Если видим, что можем говорить по Богу: то и нечего стесняться разговором, не должно быть даже особенной заботы нашей и о том, что сказать. А, если сознаем, что лучше молчать, то промолчим Бога ради. Наконец, так как сам с собой человек не будет празднословить и многословить, а, скорее, он, оставаясь один, будет петь или читать, то для обуздания языка, и чтоб не раскаиваться за свои слова и разговоры, для этого прекрасное средство больше

сидеть дома. А, если кто живет среди многолюдства, если для кого неизбежны по службе и по делам встречи и неожиданные столкновения, тому опять, да поможет Бог принудить себя к молчанию. А, чтоб не стали называть его угрюмым, чтоб не огорчались его неразговорчивостью, недостаток разговора хорошо он может пополнять приветливым взглядом, дружеской улыбкой. Святые угодники в настоящем случае также делали себе самопринуждение до механических мероприятий. Так, например, иные из них привязывали себя к камню или связывали себя, чтоб не пойти к другим и не наговорить лишнего (Исаак Сирин). А некоторые отдавали себя в продолжение известных часов на голод, чтоб прошло желание видеть других и разговаривать с другими; потому что и действительно иной раз лишние речи происходят от многоядения, особенно у подвижающихся, между тем, как минуты голода помогают укрощению чувств, а, таким образом, и к обузданию языка. Заключаем тебе, христианин, свои наставления относительно сдержанности языка такими словами одного пустытника: *«убегайте, братия, убегайте»!* Братия спросили его: *куда же еще нам бежать, когда мы без того далеко убежали»?* *«Убегайте этого»*, сказал святой, положив персть на свои уста (Макарий Великий).

Безвременный и чрезмерный (неподобный) смех

В одном месте на страницах Библии сказано: «*есть время смеяться*» (Еккл.3:4). Значит, позволяется и смех, как телесное выражение радости. Смех, равно как и обращение с людьми доброго и веселого характера, прекрасно действуют на здоровье. Из всех телесных движений, которые потрясают и тело и, вместе с тем, душу, смех есть самое здоровое: он помогает пищеварению, благоприятствует кровообращению, ободряет жизнь. Но, вместе с тем, в слове Божиим сказано: «*буй*» (глупый) «*в смехе возносит глас свой*» (поднимает громкий смех): «*разумный едва тихо осклабится*» (тихо улыбнется) (Сир.21:23). Об этом-то безобразном смехе, а также о частовременном и безвременном и говорим мы, как о нравственной вине христианина. Неподобный смех (хохот²³⁵) уже и для здоровья вреден: от него надсажается грудь. Он неприятен для благородного слуха. А когда он бывает безвременным и непрерывным, как у молодых девиц и юношей (совсем не над чем смеяться, а смеются), то, подобно болтливости, составляет признак неразумия и обличает крайнюю рассеянность. Для духовного христианина излишний смех тем вреден, что те смешные предметы или слова, над которыми он много смеялся, возобновляются ему на молитве. Этот смех происходит тоже от пресыщения пищей, а также и от беса блуда. – Итак, ты, христианин, будь умерен в выражениях твоей веселости посредством смеха. Притом, и предметы твоих улыбок должны быть только невинные, а не на обиду ближнему.

Пустые или суетные по содержанию басни и сказки

«Скверных и бабьих басней отрицайся» (1Тим.4:7), вот как осудил апост. Павел басни вроде детских сказок. Чем же они вредны и почему же вменяются в вину? Они подавляют в душе чувство истины. Но так как они рассказываются больше детям, то здесь еще новая беда от них. Дети не способны отличить действительное от вымысла. Таким образом, дети обманываются насчет тех лиц и предметов, о которых слышат в сказках, но которых на самом деле нет. При этом, дети меньше делаются восприимчивыми к рассказам из священной истории, между тем, как священные рассказы представляют одну сущую и назидательную действительность. – Итак, христианин, не смотри снисходительно и на сказки: в них несомненное злоупотребление даром слова.

Самохвальство вообще и случайными какими-либо преимуществами, особенно пред новыми лицами

«Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои, – чужой, а не язык твой» (Притч.27:2). Самохвальство сходственно с «тщеславием и гордостью» (о которых, как о страстях, мы сказали выше, в своем месте (грехи против 2-й заповеди)). Но оно и отличается от этих страстей. Так, положим, тщеславный тоже ищет себе похвал, – только его искательство выражается в действиях, или посредством вещей, а не на словах: самохвал же исключительно языком выражает похвалы себе. Тщеславный, как и славолуб, домогаются, чтоб другие о них говорили или писали (в газете, например), а самохвал не прибегает к посредствам и не ожидает посредств, но сам себя превозносит или на словах, или, так же, в печати. Но, если он иной раз не только не относит к себе похвал, напротив, еще унижает себя – говорит, что в нем нет тех или других качеств, т.е. нет именно тех-то, какие имеет – то здесь виден только вызов других на то, чтоб другие стали опровергать его, а, опровергая, естественно, указали бы на добрые качества или заслуги его. Следовательно, в этом случае он так же сам себя восхваляет, но только языком других. Положим, и гордый гордится теми же преимуществами, например, властью, ученостью, произведениями ума, как величается и самохвал, но гордость гордого более «в духе», чем на словах; даже по самой-то гордости гордец не хочет прибегнуть к самохвальству. Самохвал же прямо величает себя пред другими. Утонченность его приемов разве тем выражается, что он при встрече с новыми лицами, которые совсем не знают его, – так и ведет свою речь, чтоб эти люди тотчас поняли, с кем имеют встречу. Кратко сказать, самохвальство есть тщеславие на словах или горделивость на языке: вся причина здесь в речи, в словах. Признаемся искренно, – кто же из нас не готов похвалиться собой и своим? Но и на эту слабость мы должны обратить свое внимание. А в ком она сильно развита, тот, хоть незаметно, но, несомненно, вредит самому себе. Чем же? Он отклоняет от

себя любовь других; потому что каждый раз будто укалывает других, напоминая им о своих достоинствах, которых у его собеседников нет. Указывая на свои успехи, иной раз намеренно, а иной раз только по излишней общительности характера и по детскому доверию, он наскучивает другим: ему думается, что его успехи в делах занимают всех, между тем, как своим рассказом о них он только возбуждает в других зависть. Привычку к самохвальству, как отсюда видно, страдают иногда и люди весьма достойные. Но есть такие, которые хвалятся добрыми качествами, почти не имея их, например, честностью, или же выхваляют в себе ничтожные заслуги, о которых иной никогда не скажет. Такого рода хвастливые встречают со стороны ближних уже презрение или осмеяние. Вообще, самохвал делается неприятен другим, потому что занят исключительно самим собой, говорит только про себя и склоняет других говорить только о нем, а к положению ближнего равнодушен. Таким образом, и выходит на практике, что люди, скорее, хвалят того, кто сам себя не хвалит, но иной раз более достойного совсем обходят похвалами. Словом, это большая ошибка, истинный вред в отношении к самому себе, к своей чести, когда человек, то и дело восхваляет себя пред другими: разве только семейные и домашние будут к нему сносливы. Но всему причиною эта привычка: «я» и «я», особенно развитая с молодых лет. – Самохвал прогневляет и Бога; потому что сказано: «*хваляйся, о Господе да хвалится*» (1Кор.1:31). Вместо того, чтоб хвалить Бога вообще и за особенные благодеяния в своей жизни, он более выхваляет самого себя (забывая простую пословицу: «не хвались, а лучше Богу помолись»). Вместо оглашения дел Божиих, милости и правды Божией, он более оглашает собственные дела. Он не проникается сознанием величия Божия: иначе не стал бы хвалить себя. Если б он больше помнил о величии Божиим, если б имел в живейшем сознании бесконечные совершенства Божия, то и больше молчал бы о своих достоинствах и заслугах; тогда все хорошее он относил бы к Богу, а в себе самом находил бы одно худое. Итак, самохвальство нельзя назвать незначительной, безвредной слабостью.

Чем же можем мы исправить себя от этого порока? Если помысл искушает нас, чтоб мы рассказали о себе что-либо достойное похвалы, могущее даже удивить других, тотчас вспомним о тайных своих грехах пред Богом; тогда у нас будет сознание, что мы недостойны похвал. Если, между прочим, хотим мы похвалиться, что, вот, мы лично известны каким-либо знатным особам, графам и князьям, или, что бывали во многих странах, вспомним, что эта наша известность и бывалость не спасут же нас в критических обстоятельствах жизни, по крайней мере, для людей духовной жизни все это редко полезно, так что в иных случаях неизвестные никому и нигде не бывавшие больше успевают. При встрече с незнакомыми лицами, например, в дороге, когда язык наш так и порывается сказать, кто мы, какие имеем достоинства, – употребим усилие обуздать свой язык: пусть лучше узнают и помнят нас по нашему скромному и приветливому обращению, по нашим благородным поступкам, чем по внешним преимуществам. – Особенная осторожность требуется от нас, когда уже без нашего намека хвалят нас в глаза. Пусть тогда мы и не самохвалы. Но похвалы нам со стороны других все же сладки как мед. Между тем, свойство меда, если он употребляется часто или в излишестве, – увеличивать желчь; подобно этому и похвалы, часто выслушиваемые нами с услаждением, увеличивают в нас самонадеянность, а затем охлаждают ревность к добру. Итак, без вреда выслушивать похвалы способны не многие. Итак, нужно нам по возможности уклоняться от похвал (принять же одобрение своих действий или утешение в своей скорби – иное дело). Лучше всего отвечать на похвалы молчанием. Молчание, часто принимаемое как знак согласия, здесь же служит совсем противным признаком. Здесь оно не означает согласия, но, скорее, дает понять тем, которые хвалят нас, что мы сознаем себя недостойными похвалы, что и не находим что сказать в ответ. Даже лучше и в тоне смирения не отвечать на похвалы, т. е, будто мы недостойны их. – Христианин! остерегайся самохвальства и хвастливости. Себе-то самому ты должен быть более известен, чем другим. И, если глубоко вступишь в

себя, то и придешь в сознание, что нечем тебе хвалиться, и не будешь ты хвалиться.

Незаботливость о своем добром имени или же, напротив, излишняя забота о том

«Пецыся (заботься) о имени» (Сир.41:15); «подобает и свидетельство добро имети от внешних» (1Тим.3:7). «Доброе имя, общественное мнение, добрая о человеке молва», это понятия однозначные. Но здесь нет славолюбия (в смысле страсти)²³⁶: здесь речь не о славном или громком имени, но только о честном и добром: добивающееся громкого и великого имени, напротив, часто теряют доброе имя, или общественную доверенность. А также забота о добром имени и не есть самохвальство или хвастовство: в настоящем случае человек старается завладеть себе похвалу и доверие от других не языком, но самыми делами, – не похвальбою своей честности, но самою честностью. И не так он скоро успевает на этот раз, как минутна бывает его сама восхваляющая речь, которой иногда и верят, но заслуживает доброе имя только годами, подобно росту долголетних деревьев, которые за то бывают и крепки. Впрочем, может кто-либо употребит и слова, может и гласно высказать пред другими свои достоинства и заслуги, за которые должно принадлежать ему доброе имя и на основании которых должно составиться о нем мнение или целого общества, или же только известных лиц в пользу его. Когда же так может каждый поступить? – Если не понимают его; если хотят променять его на других, и не только с явною обидою его личности, но и в ущерб делу; если уронили его доброе имя, в котором выражается вся личность каждого человека в общественной жизни и которое лучше богатства, дороже золота и серебра; если он опасается потерять уважение и доверие не у тех только, которым сколько не угождай, никогда не угодишь даже и самою честностью и трудом, но у людей достопочтенных и уважаемых им; если тем более он имеет опасение лишиться должности или службы; если всего главнее – надеется достигнуть этим путем каких-либо высоких целей на общую пользу. Ап. Павел в том же послании к Коринфянам, в котором самохвальство назвал качеством людей неразумных

(2Кор.11:16), сам хвалится, или перечисляет права на похвалу себя, как то: родопроисхождение от Авраама, принадлежность свою к избранному народу, преимущественную пред другими апостолами проповедь; гораздо большие в сравнении с другими гонения за дело проповеди и чрезвычайные божественные видения (2Кор.12:22–29). Но речь его о себе в этом тоне отнюдь не самохвальство, а только защита своего апостольского достоинства, которое иные недоброжелатели унижали, – только противопоставление себя людям, к которым Коринфяне имели пристрастие, и, между тем, как эти люди, под видом добрых учителей, подчиняли Коринфян своему влиянию и объедали последних (2Кор.11:19:20). Затем, тут была его забота о дальнейших успехах проповеди слова Божия. Тут еще видим мы, как он прославляет Бога, Который чрез него, как чрез посредника или служителя верного, столько совершил полезных дел. Этот пример апостола показывает нам, почему и в каком смысле мы должны дорожить доброю народною молвою к себе. Как добрая совесть нужна нам для нас самих, так нуждаемся мы в добром имени в отношении к людям. Доброе имя поставляет нас в добрые отношения к другим. Давид говорил о себе, что по одному слуху знают его другие (Пс.17:45). Так-то и ныне одно имя или фамилия того человека, который правдой, а не искательством, заслужил себе общее уважение и доверие, бывает вместо рекомендательного письма. Просит ли этот человек за кого-либо принять на должность или в услужение? – ради доверия к нему принимают. Является ли кто от его имени с письмом или с одним приветствием почтения (с поклоном) подателю письма, оказывают прием, или помощь, или снисхождение, словом – что только будет нужно. Переходит ли от него служащий на другое место? – если переходит только по обстоятельствам, то легко соглашаются дать искателю место; а если по отказу, то также отказывают ради одного убеждения, что, значит, этот человек нехорош, коли не мог быть терпим и тем почтеннейшим лицом. – Добрая народная молва, доброе имя у людей, кто дорожит ими, сдерживают от низких поступков. Сколько бы убавилось пороков и бесчестных дел у человека, если б он каждый раз задавал себе вопрос: «что же скажут о

мне добрые люди, как узнают о моем поступке!» Но какого добра можно ожидать от тех, которые, допуская худые дела, еще рассуждают: «пусть говорят о нас другие, что хотят!» Это уже значит: *«и человек не срамляясь»* (Лк.18:2); это есть соль, сама в себя испортившаяся. С добрым именем (с авторитетом) можно приносить гораздо большую пользу другим; мнение почтенного человека, принимается с уважением; мнением такого человека, когда оно известно, руководятся другие даже и в отсутствие его (Пс.17:45). Наконец, оценка доброму имени в отвлеченном смысле (в идее) выражается нами и невольно, когда мы говорим другим при встрече или пишем в заглавии: «почтеннейший, достопочтенный, достоуважаемый», когда считаем это приветствие и выше слов: «милостивый государь». А в общественно-государственной жизни за особенную награду признаются титулы: «почетный член», «почетный гражданин», «почетный судья». Доброе имя остается и после смерти человека: отсюда «вечная память» доброму человеку.

Чем же можем заслуживать доброе людское мнение о себе? – Честностью дел, верностью своих слов, постоянством характера, ревностью о добре. Самая же лучшая рекомендация о нас была бы: «он христианин, или христианка». Хорошая, также, рекомендация о человеке – это «истинно русский человек» по душе, или как *«воистину Израильтянин, в нем же лъсти нєсть»* (Ин.1:47). В нынешнее время, когда даже и к малому просвещению так скоро прививается вольность мысли и направления, ныне быть истинно русским составляет, в своем роде, честь. Но возразят: «и честные люди, которые, кажется, уже вполне заслуживают уважения и доверия, очень часто не пользуются доверием в обществе; например, при выборах, особенно тайными голосами, их обходят». Как же после этого понимать значение доброго имени в обществе? Да; многие, очень многие из самых почтенных людей век свой живут в неуважении и недоверии у своего общества, между тем, как бесчестные и низкие по душе слывут добрыми, получают звание «почетных», пользуются преимуществом личного выбора. Но те почтенные люди только терпят бесчестие, а не заслуживают его. Иной ведь раз и целые общества могут так же неверно

понимать, как заблуждается один человек. Бывали примеры, что народные приговоры падали на самых честных тружеников (да, не каждый раз верна бывает и эта пословица: «глас народа – глас Божий»). Пусть эти достопочтенные люди не в списке любимых и почитаемых миром: зато имена их *«написана суть на небесех»* (Лк.10:20). Впрочем, может быть, и к ним имеют внутреннее уважение, и даже большее в сравнении с другими; но уважение – уважением, а выбор на какую-либо общественную должность – выбором; в последнем случае, обходя их, избиратели или хотят удружить выбором другому лицу, или не хотят как-либо досадить самим себе, т. е. своему самолюбию или своей слабости. А иногда в последующем уже времени и эти почтенные люди достигают полного уважения и доверия. Итак, усиливаться заслужить доброе имя в обществе не следует, но только лишь нужно всегда быть честным и постоянным. «Как же поступить, если иные действительно сами виновны в потери доброго имени»? Они должны принести искреннее признание в своей вине пред теми, которых мнение и доверие особенно дороги для них, и которые готовы уже и изменить свое отношение к ним. Затем, пусть они снова заслуживают, как у этих лиц, так и у прочих, доброе имя добрыми качествами, и при этом не досадуют на медленность своей выслуги: апостолу Петру, после того, как он допустил измену, потребовалось трижды уверить Иисуса Христа в том, что он искренно любит своего Учителя и Господа. Но, вместе с тем, напрасно иные до того дорожат общественным о себе мнением, что постоянно справляются: «как же о них думают и отзываються другие? что сказал о них такой-то и такой-то»? Излишнее внимание людей к молве народной и увеличивает о них молву, но только не к чести их, а к бесчестию. Еще хуже: они начинают заботиться не о добросовестном служении Богу, а только о том, как бы угодить на вкус других. Эти люди сами себя сбивают с доброй дороги; потому что, гоняясь за тем, *«да добре рекут»* о них *«вси человецы»* (Лк.6:26) они так и располагают своими действиями, чтоб сказали им все на похвалу, хоть пред Богом-то на горе.

Итак, ты, христианин, дорожи добрым мнением о себе, прежде всего, в твоём обществе и в среде окружающих тебя. А затем, не пренебрегай мнением и тех, которые далеко живут от тебя, с которыми ты ни разу в жизни больше не встретишься или же никогда не встречался раньше. Ближний, хотя бы находился за несколько тысяч верст от нас, все же ближний нам. Если он, например, по какой-либо переписке или по какой-либо связи с нами, имеет повод думать и отзываться о нас худо, — мы должны исправить это мнение, как только можем. Да; ошибка это многих, будто с кем не придется никогда встретиться, с теми и можем мы обходиться как хотим. Пред Господом Богом все люди, как одна семья.

Нетерпение обличающей правды

«Обличение нечестивому раны ему» ([Притч.9:7](#)); «бысть нам во обличение» ([Прем.2:14](#)) ... Сам-то человек (исключая тех, которые ищут совершенства христианского) не видит всех своих ошибок, иногда не сознает и явных неправд или пороков, скрывает от своей личности самого себя, и, таким образом, находится в жалком самообольщении. Зная характеры многих людей, он не знает только самого себя. Всею этому причиною самолюбие. Но даже и при христианской настроенности, даже и при готовности сознать в себе ошибки и худые стороны, не вдруг иные приходят к сознанию: но только при особенной Божией помощи и в силу дружеских им напоминаний или, напротив, упреков от врага. Посему, как естественно, с одной стороны, то, чтоб другие высказывали нам неправильные наши действия, так с другой желательно, чтоб все из нас выслушивали напоминания и обличения. Умные-то люди так и смотрят на правду, которая высказывается пред ними относительно их самих или ближайших к ним лиц. Умный человек готов даже рассердить другого с тем, чтобы последний в гневе своим упрекнул его слабыми сторонами. А некоторые из святых даже давали деньги, чтоб укорил их кто, и чтоб могли они приучить себя к терпению (по словам Великого Варсонофия). Они выслушивали самые колкие укоризны с лицом светлым и ласковым. Так и апостол Петр благодушно выслушал обличение Павла ([Гал.2:11](#)). Здесь мы не говорим о незаслуженных ничем укоризнах или обличениях: принимать такие обличения, значит, готовить себе вечную награду на небе ([Мф.5:11](#)). Но, если человек с терпением выслушивает и те замечания, на которые сам вызвал своими винами или к которым только подал поводы, и, в таком случае, он, хоть бы выслушивал их неизбежно, оказывает, своего рода, подвиг. Почему же? потому что это показывает, что он уважает и любит истину, что ревнует больше об истине, чем о самом себе, позволяя другим обличать себя за оскорбление истины, что не отвергает своего спасения, преодолевает свое себялюбие.

(Замечательно, что и люди духовные по жизни, скорее, перенесут обличение от самих себя, от своей совести, чем от других: один подвижник столько унижал себя за свои грехи, что считал себя и недостойным жить на свете; а когда его обличил другой, что, вот, он напрасно переходит с места на место, – тогда он тотчас огорчился²³⁷. И почему бы это нам не любить выслушивать от других справедливые, а, пожалуй, иной раз и преувеличенные обличения? Если лесть подобна меду, при своей сладости увеличивающему желчь, то и обличения подобны полыни, которая горька на вкус, зато очищает внутреннюю нечистоту. Что убудет у нас, если кто выскажет нам несколько обличений? Если мы не заслужили этих обличений, то и слава Богу. А, если заслужили, то лучше ли нам не знать своих недостатков и пороков? больше ли будет уважать нас тот человек, который, хоть знает про нас худое и готов бы вразумить нас, но молчит? Однако ж, люди не любят, очень не любят выслушивать обличающую их правду. Не терпят обличений не только от низших и равных, но даже и от тех, которые имеют право и долг обличить их, как начальники, родители, наконец, и духовные отцы, обличающие на духу. Еще не беда, если иной примет обличение с вспыльчивостью; но затем тотчас же и сознает себя виновным. Гораздо хуже, если кто и не убежит от обличителя, не захлопнет пред вами дверей, выслушает вас, а потом досадует на вас и злопамятствует. И еще хуже: когда иной не видит и не слышит лично обличающего, когда обличитель даже и не касается его личности прямо, например, когда он только встретит книгу, в которой без пощады осуждается его грех, как, особенно, против VII заповеди (*не прелюбодействуй*); и – вот, начинает сердиться на сочинителя этой книги, которого раньше, может быть, любил же и уважал. Преудивительное это дело, как люди оскорбляются за обличения! Иной, например, погибает от пьянства, здоровье его день ото дня разрушается; все знают его, как нетрезвого человека. Но начните ему говорить, что он губит своею нетрезвостью и душу, и тело свое, он назовет ваши слова ложными и разгневается на вас. Кто-либо из прислуги скажет матери по чистому доброжелательству о пороке ее сына. Мать

встревожится, потому что порок сына пугает ее и, во всяком случае, нежелателен ей в любимом сыне. Но потом она начинает сомневаться: верно ли сказано; не принимает во внимание самой честности, серьезности того человека, который сказал; начинает по-своему толковать слова этого человека. И чем же оканчивается дело? Ропотом на справедливого человека, даже обвинением его в том, что он только возмутитель семьи и клеветник. Значит, для подобных людей ничего, если и погибают они сами, или кровное лицо их: только бы им не знать и не слышать об этой гибели. Пусть знает про все Господь Бог, но лишь бы им оставаться в приятном незнании. Как же это они не рассуждают, что к их же пользе высказывается правда, как это они отвергают очевидный свой порок! Не притворство ли это? Как обвинят в своем пороке не себя, а того, кто заметил этот порок? Не противно ли это сердечному убеждению? Если желаете быть виноватым известным человеком или только неприятным ему: скажите ему всю правду относительно его личности, и – ваше желание исполнится. Ирод все «со сладостью» слушал Иоанна (Мк.6:20), значит, любил же, частью, истину, желал же себе пользы. Но лишь только Иоанн коснулся его больного места, его беззаконной и соблазнительной для всех связи с Иродиадою, и тотчас он восстал против обличителя. Так бывает и всегда. Иные люди охотно слушают вообще правду. Но лишь только кто войдет в противоречие с их ложным убеждением, лишь только обличит господствующую в них страсть, потребует от них своим прямодушным суждением или советом расстаться с любимой их привычкой или только изменить положение, к которому они привыкли: тотчас с их стороны возникают недовольство, нелюбовь и гнев. Какие же отсюда происходят последствия? В отношении тех, которых обличают, вред уже очевидный: они остаются в прежнем заблуждении или в прежнем пороке, более и более коснеют в том или другом. А в отношении других или вообще в жизни человеческой от нетерпения обличений усиливается тонкая уклончивость людей, чтоб не сказать правды, обессиливается правда, падает взаимная доверенность. – Ты, возлюбленный мой собрат! никогда не

отвращай своего слуха, если будет к тебе обличительное слово. И, если раздражает тебя это слово, – будь уверен, что в тебе есть какое-нибудь заблуждение, а, еще скорее, какая-нибудь страсть, с которыми тебе не хочется расстаться, но которые, очевидно, тебе же самому вредят.

Открытие тайны своей или чужой прежде времени, или когда не требуется это

Чтоб хранить тайны, нет выше на это примера, как молчание Пресвятой Богородицы и обручника ее Иосифа. Здесь мы видим глубокое хранение и своей, и чужой тайны. Пресвятая Дева хранила собственную тайну, а Иосиф молчал пред другими о Ее тайне, не зная еще смысла этой тайны. Могла бы Божия Мать открыть Свою тайну о чревоношении и по доверенности человеческой, потому что Иосифу была открыта Ее чистая жизнь, как, в свою очередь, и благочестие Иосифа было Ей известно. Тем более должна бы Она, судя по-человечески, с большим обнаружением день ото дня своей тайны, сказать о Себе Обручнику из страха, если не большей какой беды, то, по крайней мере, обличения со стороны Иосифа, который, повторяем, ничего не знал об Архангеле благовестителе. Но Она умолчала о Своей тайне и предоставляла за Себя говорить пред Иосифом ангелу же от имени Божия. Иосиф также молчал о Ее тайне, и только придумывал средство, как бы предотвратить затруднение или вред по поводу этой тайны. Высок пример, но зато он разом обнимает наш долг относительно хранения тайн. Начнем с тайн духовных же, или по духовной жизни. Если и можем мы сообщать о тайной своей добродетели, то или только глубокому христианину, или лучше в третьем лице (2Кор.12:2–6). Иначе потерпим вред. Так, откроем ли мы неосторожно тайну только что предпринимаемого своего дела? Можем повредить успеху этого дела с двух сторон: и со стороны врага – дьявола, который постарается поставить нам препятствия в полезном и святом деле, и со стороны людей, которые будут завидовать нам, и по зависти, также, препятствовать. А, если нам завещана чужая духовная тайна, например, до смерти известного лица, подобно тому, как Христос – Спаситель не велел говорить о Своем преображении прежде Своего воскресения (Мф.17:9), то преждевременным раскрытием ее можем мы и подстрекнуть к духовной гордости того, кого она касается, и повредить

собственному спокойствию духа. Из тайн житейских (мы имеем здесь ввиду только добрые тайны) свою тайну хранить нужно также для собственной пользы. Но как много мы вредим себе, насказывая на свою голову! Расскажем откровенно о свидании, или о переписке с кем-либо из высших лиц, и тем навлекаем на себя неожиданную неприятность. Ведь не было бы преступной и хитрой скрытности нашей, если б мы и смолчали о том, о чем нас не спрашивают, и что знать другим нет пользы; была бы тогда одна сдержанность языка. Но, если и со стороны кто-либо, например, человек сильный в каком-либо отношении, шутя стал бы выведывать от нас тайну, чтоб затем воспользоваться нашею откровенностью по каким-либо своим видам, то и в таком случае мы должны быть осторожны в своем слове (Сир.13:14). Как неблагоприятно хвалится надевающий на себя оружие, чтоб воевать, наравне с теми, которые уже снимают с себя оружие после войны (3Цар.20:11), так и не умно говорить вперед о задуманном своем деле, которое не требуется знать другим и которое очень важно. Но еще чаще мы не сохраняем чужой тайны, которая и доверена нам под условием сохранить ее. В таком случае, к нам относится постыдное имя переносчиков (Притч.20:19); тогда мы отталкиваем от себя доверенных друзей или знакомых; а в делах политических, как, например, весть о войне или о престолонаследии царского дома, такая весть, известная нам только по частному письму или разговору и неосторожно нами разглашаемая, и без вины делает нас виноватыми. Почему бы нам не удержаться от сообщения всякой чужой тайны? ужели тайна, так сказать, разорвала бы нас (Сир.19:10), если б мы погребли ее в себе? Скажут: «трудно быть между двух сторон: одна просит сохранить тайну, а другая закликает открыть ее; первая будет опечалена открытием тайны, а последняя – оскорблена сокрытием». Но кто произносит клятву, на том и будет грех: вверенную же тайну следует сохранить. Читатель! особенно в хранении-то тайн покажи обуздание твоего языка. Тогда ты недалек будешь от того, чтоб и обуздать все тело твое».

Об излишнем любопытстве

Любопытство к чужим письмам и бумагам

Любопытство к чужой переписке может быть «намеренное и ненамеренное». В первом случае сами скрывают письма (до или после почты) или же обращаются к посредству других, чтоб могли тайно прочесть чье-либо письмо, затем прочитывают открытые (на бланках) письма прежде передачи их тем, к кому они адресованы, или только от досуга роются в чужих бумагах в отсутствие хозяина и без всякой цели. Ненамеренное же или случайное любопытство на этот раз составляют: придя в чужой кабинет или поместившись в кабинете на некоторое время, например, во время гостьбы, иной читает попадающиеся ему на глаза письма и деловые бумаги, смотрит на денежные счета, которые лежат пред ним, обращает внимание на мелкие записки и заметки; другой, подняв где-либо брошенное письмо, также прочитывает это письмо. Подобным любопытством оскорбляется право ближнего знать то, что ему одному принадлежит; неожиданно предаются гласности его секреты, а отсюда происходит ущерб его доброму имени или имуществу. К чему же все это любопытство? Какие полезные знания оно принесет нам? Кто привык сидеть за сочинением бумаг или за чтением дел и книг, тому не довольно ли было бы работы для глаз у себя в доме? Не лучше ли было бы ему, если б он дал отдых своим глазам и своей мысли в чужом доме и кабинете, чем по привычке, или по пристрастию к книжным и письменным занятиям, придя, вот, и в чужой дом, или квартиру, все только искал бы глазами какое-нибудь хоть малейшее чтение? (Что же до печатного, то печатное, которое уже получило смысл публичного чтения, конечно, может быть везде читаемо: книгу в чужом доме всегда можно от досуга взять в руки и просмотреть). Зачем же в чужих письмах подвергать своей проверке чувства других, – чувства иногда очень нежные, например, в переписке отца с детьми или сестры с братом? Да к чему и этот механический труд: перечитывать чужие письма и бумаги, которых, может быть, у иного или в ином месте целая груда? Потом, нужно посмотреть на настоящий предмет с

духовной стороны. Святые угодники избегали всякого излишнего знания; например, иной раз они не любопытствовали даже и пред теми, которые с ними жили, – куда их сожителю пошли или откуда пришли, где были долгое время²³⁸. Чего же они боялись, заботливо охраняя себя от такого любопытства и знания? Того, чтоб не нарушить своего внутреннего безмолвия, чтоб творить умную молитву или не прерывать таинственной беседы с Богом. Если же мы и далеки от подобной духовной высоты, все же любопытство к чужой переписке может расстроить наш дух. Полюбопытствовали прочесть чужую бумагу, чужое письмо, а там встретили возмутительные для целомудрия картины или какую-либо не совсем приятную речь на самих себя, написанную, однако, спроста, или без решительного намерения обидеть нас. – Нет, ты, христианин, никогда не любопытствуй читать чужие письма и бумаги. Где печать, там должна быть и тайна. И не только не отыскивай чужих писем, деловых записей, чтоб прочесть их, но даже намеренно отводи свои глаза от чужих бумаг, которые будут лежать пред тобой.

Привычка подслушивать или подсматривать

«Невежество человека – подслушивать у дверей; неразумный сквозь дверь заглядывает в дом» (Сир.21:27:26). Да, это и невежество, и неблагородство, когда подслушивают чужой разговор, например, через тонкую дверь или перегородку, как в совместных квартирных помещениях; или, когда подсматривают тайно и недозволенно на чужие занятия, например, в щель двери, через ворота, проходя по тротуарам мимо окон, высматривая в приблизительную (подзорную) трубу. Так примечают (соглядают), обыкновенно, за тем, что не должно быть открытым и что составляет секрет, например, в жизни какой-либо семьи, в совещании какого-либо комитета или комиссии, в разговоре начальника с подчиненным. Мало ли что творится или делается в кругу семьи или лиц, секретно и служебно занятых одним делом? Кроме оскорбления ближнего, здесь может пострадать и честь его. Иной раз чья-либо честь в настоящем случае пострадает совсем напрасно; потому что будет подслушана или подсмотрена только минута из жизни семьи или из служебной деятельности каких-либо лиц, только десятая часть, и эта-то часть выпадет не хорошая, между тем, как девять добрых останутся неизвестными. Не ошибочное ли после этого будет заключение о порядке чьей-либо жизни или деятельности? – Нет; ты, христианин, не унижай своего достоинства этим детским подслушиванием и подсматриванием на недозволенное.

Праздное дознание о слабых сторонах ближнего

«Слышим некия ... лукавно обходящия» (2Фес.3:11) (все любопытствующие с греч.). Бесцельная пытливость о слабостях ближнего виновнее осуждения. В осуждении человек имеет уже готовую слабость ближнего, а иной раз осуждает только потому, что чужой порок резко бросается в глаза, или же по увлечению примером других. Но в пытливых расспросах о том, как поживает такой-то, – нет ли у него таких-то пороков, например, если он холостой или вдовец, то честно ли ведет себя: в этом случае, человек сам себе изобретает грех осуждения или собирает материалы для пересудов. Здесь заключается начало забвения собственных грехов. Но, если пытливый и не допускает словесного осуждения (полюбопытствует, расспросит и замолчит), все же зачем ему обременять свою память знанием чужих недостатков? Не довольно ли своих грехов, чтоб заняться ими, чем старательно отыскивать чужие? Вообще, благоразумно ли ослаблять в себе уважение к ближнему бесцельным любопытством относительно его слабостей? Любопытствуют же на этот раз больше не о соседях и знакомых; а о лицах высших и знатных: будто человеку и легче будет, если он успеет узнать, что те и другие так же порочны. – Нет, христианин! И те пороки ближнего, которые пред глазами нашими, мы должны как бы не видеть, – о которых неожиданно доходит до нас слух, должны как бы не слышать, покрывая все снисхождением: так и поступал между святыми Макарий Великий, которого называли «богом земным» в том смысле, что он, подобно Богу, покрывающему мир, покрывал все недостатки других (Четь-мин. под 19 янв.). Только обязанности отца семьи, пастыря прихода или наставника учащихся позволяют и заставляют вникать в жизнь других, собственно, и с худой стороны.

Страсть расспрашивать или рассказывать о НОВОСТЯХ

«*Ни во что же ино упражняхуся*» (ни в чем охотнее не проводили времени), «*разве глаголати что или слышати новое*» (Деян.17:21), так замечается об афинянах, любителях новостей. Но такие любители и никогда не переводятся. «Что нового, или новенького», вот их первый вопрос при разговоре. Иные из своего рассказа о новостях извлекают для себя и корыстные виды. То раньше других они стараются услужить известным лицам новостью, а до времени одни втайне владеют ею, чтоб сообщить ее с большею для себя пользою или в час, более для себя удобный. С другой стороны, любящие слушать новости иной раз отлагают и взыскание с того человека, который, придя к ним дать отчет о своих ошибочных действиях, между прочим, или даже прежде всего, старается рассказать им про новость: ради сообщаемой новости, они не исполняют к нему долга справедливости, мирятся с ним, между тем, как не должны бы мириться в известном случае. Газеты также до того спешат услужить новостями читателям, что и ошибочно передают новости, а затем к вине своей прибавляют новую вину, что не выполняют требования оговориться в ложном слухе. Христианин и дозволенным должен пользоваться в меру. Новости же как хотите – составляют услаждение для слуха, и слуха рассеянного, исключая общественных, которые составляют общий интерес. Они – как хотите – влекут мысль только к случаям дня и отвлекают ум от вечного, или от «*единого на потребу*». Напротив, когда бы человек больше обращал свою мысль к вечности, тогда менее интересовало бы его временное и ежедневное, не стал бы он ожидать с нетерпением почты или гостя, которые вот-вот принесут к нему что-нибудь новенькое: случится ему услышать новость, выслушает; нет ее – не скучает. – И ты, читатель, лучше держи себя чуждым этого увлечения афинян заниматься только новостями. Поставляй себя на этот раз в положение такого сельского жителя или прямо – затворника, до которых и почта-

то не доходит, вблизи которых нет многолюдства, и которые, таким образом, живут совсем без новостей, но только изо дня в день трудятся над своим делом. Новость для себя они находят в том, чтоб приращать свой честный и спасительный труд.

Об улучшении своей речи, или дара словесного

Необдуманная, или небрежная речь

«Прежде нежели возлагаши, увеждь» (обдумай) (Сир.18:19). Так, например, иной называет человека или вещь какую совсем не тем именем, как следует, скажет что-либо наизнанку, – и это допускает довольно нередко. Другие делают вопрос или сами отвечают на вопросы тупо, отрывочно; произносят целую речь или прочитывают что-либо к другим в один тон; проговорить так скоро, что слова их мелькают подобно колесу или же, напротив, в рассказе своем бывают медлительны до усыпляющей скуки. Если одни из этих недостатков происходят от торопливости, которая и в других случаях больше путает дело, чем ускоряет его, то тут еще одна случайность. Человеку, который торопится, сберегая свое время, уже не до слов: он стремится только к делу. Поэтому к отрывочной или извращенной речи этого человека можно иметь снисхождение. Но чаще причиною небрежной речи бывает только рассеянность или одна неуважительность к тем, с кем в известный час мы говорим. Напрасно! Мы должны совершенствовать все дары, какие имеем от Бога: так и дар выражать мысли требует своего совершенства²³⁹. Приятная речь, т. е. умеренно-громкая, раздельная, с переменою тонов, с мягкостью голоса, точная в выражениях, главное всего – естественная, а не модная и вычурная, – такая речь привлекает собеседников. И, если придется нам склонять других к чему-либо доброму или отклонять от худого: при таких-то качествах речь наша произведет гораздо большее впечатление. – И ты, христианин, не огорчай ближнего небрежною своею речью, равно и небрежным неясным почерком руки в письме (одни точки). По-видимому, все это мелочи: но из этих-то мелочей и складывается большая часть нашей жизни. Этими мелочами мы часто оскорбляем ближнего или только затрудняем его в выполнении наших требований; например, сказали мы что-либо невнятно (особенно так при старости лет, когда и зубов у нас не станет, когда выговор делается шипящим), а слушавший нас стыдится попросить нас о повторении к нему речи, чтоб не

показаться или глуховатым, или непонятливым: и вот, таким образом, выходят недоумения!

Привычка пересекать чужую речь

«Иному глаголющу не многослови» (Сир.32:11). Здесь видим и напрасное усиление голоса: к нам только начинают говорить, а мы пересекаем чужую речь, чтоб волей и неволей нас выслушали; собеседник же усиливает пред нами свой голос (точно к глухим), – и все это продолжается несколько раз или дотоле, пока мы не замолчим. Отсюда происходит и забитость – забвение мысли: была хорошая мысль, но мы не дали другому досказать ее, и она затерялась. Этим же самым мы лишаем других права быть выслушанными, не уважаем чужой речи: другой хочет высказать нам или при нас кому-либо свое мнение, а мы не даем ему говорить, предвосхищая себе одним право слова, и таким образом для него проходит охота или же срок говорить. Отсюда происходят недоумия с обеих сторон: и той, которая пересекает речь, и чьи слова не выслушиваются; оканчивают между собой разговор и расходятся, не поняв друг друга вполне. Тем хуже, если иные намеренно пересекают или заминают чужую речь, чтоб разговаривающий с ними не договорился до упреков им, которых они заслужили и ожидают, или чтоб незаметно отвлечь их собеседника от напоминаний, которые для них-то были бы неприятны, хотя и законны. Понятно, что такой человек пользуется промежутками молчания, скорее начинает новый разговор, чтоб не припомнилось и не сказалось другим по его вине какое-либо слово. – Ты, читатель наш, не люби пересекать чужой речи и будь терпелив выслушивать других; иначе будут тяготиться разговором с тобой.

Безотвязная просьба или же только учащаемая без крайней нужды

Один Господь Бог долготерпелив и многомилостив: Его и можем мы просить неотступно в своих нуждах. На сей раз Он благоволил сравнивать Себя с судьей, которого неотступно просила одна вдова, и который ради только «безочьства» ее исполнил ее просьбу (Лук.11:8). Но не таков человек. Он делается нетерпелив к неотступному просителю. Он скучает от частых просьб одного и того же лица, и особенно по одному предмету. С другой стороны, правда и то, что просьбы иногда бывают без крайней нужды, по одной привычке просить и быть безотвязным. Ты, читатель наш, и щади ближнего твоего, чтоб не привести его в досаду своими безотвязными и частовременными просьбами, и не вреди самому себе безуспешностью просьб и самоунижением. Положи себе правилом: «по самому нужному делу просить не более трех раз». А иначе твоя просьба получит вид спора, прекословия. Иначе ты будешь с первого раза внушать своей встречей страх тем, у кого хочешь просить что, или привык просить. При этом, не считай излишнею и такого рода предусмотрительность, чтоб заранее приготовить другого к выслушиванию твоей просьбы.

Нехотение ответить на чье-либо письмо

Христос – Спаситель ответил на письмо к Авгарю, когда Авгарь в простоте своей просил Его, чтоб Он пришел к нему в город и навсегда поместился бы у него²⁴⁰. Если мы молчим на чье-либо письмо только по недосугам своим или по причине большой переписки, от этого не легче же тому, кто ожидает от нас ответа и, может быть, снова не раз повторяет к нам свои запросы или просьбу, или вовсе не зная о наших недосугах или не имея к другому кому обратиться к крайней своей нужде. Да коли у нас нет времени для ответов, можем отвечать с помощью других лиц, чтоб, с одной стороны, успокоить человека, пишущего к нам, а с другой – так или иначе оправдать то доверие, которое вообще к нам имеют, и те надежды других, которые на нас полагают. Между тем, не чаще ли всего мы не отвечаем, притом, на несколько писем сряду, совсем по другим причинам? Например, отложив ответ до времени, мы совсем забываем о нем, теряем самое письмо; – не хотим выполнить того, о чем нас просят или что даже мы были бы обязаны выполнить; считаем для себя за низкое ответить, показать только почерк своей руки тому, кто к нам обращается. Ах! зачем же это мы томим ближнего напрасным ожиданием от нас ответа? зачем же обижаем его своим невниманием и горделивостью? ужели унижение для нас ответить человеку – положим – и очень простому в таких, по крайней мере, словах: «да или нет»? Если б не было у него нужды до нас, тогда он и не писал бы к нам, и не повторял бы своих писем до двух-трех раз. Точно, как камень в реку его письма к нам: никакого ответа никогда он от нас не дождется; или будто для ответа он должен сам прийти или приехать к нам за сотню или тысячу верст! Огорчаясь нашим молчанием, он представляет нас господами неумолимыми, величавыми, презирающими других. Пусть его представления и будут преувеличены, но все же он имеет основание для них. – Нет, ты, благородный и великодушный христианин, поставь себе правилом отвечать на каждое письмо, хоть бы ответ твой состоял в отказе, и хоть бы по

обстоятельствам было опущено тобою довольно времени для этого ответа. Но доколе ты не дал ответа на чье-либо письмо, доколе считай себя в долгу пред пишущим тебе, сколько бы этот человек ни был прост по своему званию, или низок по своему положению против тебя. Хоть бы и арестант из тюрьмы послал к тебе записку, и арестанта удостой ответа письменного или словесного узаконенным порядком. Можно разве оставлять без ответов письма только лишь искательные, например, с поздравлениями от подчиненных, или просительные без всякой нужды, или требующие уведомления для одной формы (например, о получении чего-либо через почту), – и то, извинившись при случае, пред пишущими в своем молчании.

**Заповедь 10: «Не пожелай жены искренняго твоего,
не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни
раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни
всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго
твоего»**

Не вреди ближним, как и самому себе, в одной душе твоей, – чувствованием, мыслью, желанием

Как знаем, обязанности наши к ближнему, и в то же время к самим себе, начинаются с пятой заповеди Десятословия: они и написаны были на особой скрижали закона. Впрочем, пятая заповедь, определяющая отношения наши к самым близким людям, уже одна содержит в себе все остальные, требуя по каждой из остальных исполнения обязанностей к этим, ближним лицам особенно искреннего и деятельного. Затем замечательно, что в остальных после пятой заповеди, т.е. в отношении ко всем вообще людям, Господь Бог постепенно, шаг за шагом, ограничивает нашу поврежденную грехом природу. Так, например, Он, высший законодатель, говорит: «не злодействуй против тела; не делай вреда целомудрию и вообще доброй нравственности; не касайся со вредом ничего, что из внешнего или материального принадлежит ближнему твоему, равно как и тебе самому; не вреди чести других, равно как и своей собственной». Без сомнения, в исполнении дел по каждой заповеди Десятословия надобно достигать своего совершенства. А вообще, в деятельности человеческой, или по главным предметам ее, мы должны идти к большему и большему совершенству. Указывается во второй половине Десятословия (именно – с шестой заповеди и до десятой) деятельность сначала рукам нашим, потом – всему телу, затем – относительно вещей, дальше – языку, или слову, – такая деятельность, которая гораздо достойнее, выше той, какую мы обыкновенно проявляем. Таким образом, до десятой заповеди человек весь уже пред глазами у нас. Весь он (по наружному виду) очищен, огражден от зла, напутствован заповедями Божиими. Но у него есть еще душа; есть глубокая, «внутренняя жизнь» в отношении к ближним и самому себе, не всегда уловимая для обыкновенных глаз. Нет сомнения также в том, что доброе участие души должно быть в исполнении каждой заповеди, что каждая из десяти заповедей дана нам и для души и тела. Но вот десятою же и последнею заповедью Господь Бог

уже всецело полагает границы зла и самому сердцу нашему, совершенствует в добре самую душу нашу, заставляет нас войти, так сказать, в самую глубину духа нашего и там-то все устроить в порядке и чистоте; упрочивает на твердом основании все наши добрые отношения к ближним и самим себе; «поставляет в самой душе нашей свой престол правды и святости»; «не пожелай...». И так все, что относится до внутренних состояний нашей души, – все это входит в область десятой заповеди Божией: здесь место речи и об искренности желаний, и о теплоте сердца к Богу и ближним, и о чистоте мыслей об особенных делах духовного милосердия к ближнему. Правда, и здесь иногда мысль наша будет встречаться то с употреблением слова (например, в семи делах милостыни духовной, которая выражается между прочим и добрыми советами), то с материальными пожертвованиями в пользу ближнего, т.е. и здесь мысль наша будет иметь соприкосновение с другими заповедями. Но ведь и при сильном ударе в музыкальный инструмент, обыкновенно, все же струны издают звук: то же самое повторяется в гармонии жизни человека.

О нравственном настроении чувствований

Зависть вообще

«Зависть горьку имате» (Иак.3:14). С именем зависти тотчас представляется нам что-то черное, снедающее душу. Но такова и есть зависть. Она составляет печаль о счастье ближнего, изъявляет досаду на чужое добро. Неприятно обнаруживается она и во внешнем виде человека. Отличительные черты завистника: сухие глаза, нахмуренные брови, выдающиеся плечи; от досады он трет своими пальцами. (Впрочем, минутное желание или чужой вещи, например, какой-либо комнатной, или чужого таланта, например, ловкости говорить, еще не есть злая зависть. Это только грех своекорыстного пожелания. Оттого-то в этом грехе мы легко приносим сознание: «согрешил, позавидовал», говорим мы на сей раз). Не то зависть в настоящем смысле своего слова. В полном своем развитии оно есть постоянное злое чувство в душе, которое направлено или против одного какого-либо человека, или против разных лиц, к кому только будет случай выразиться ей. Но, преимущественно, если не единственно, она бывает обращена к лицам знакомым и близким. Это, например, соседи, сослуживцы, ровесники наши, родственники, а также имеющие между собой однородные занятия и желающие достигнуть одинаковых успехов, например, в однородной торговле или в какой-либо промышленности. Чтоб питалась зависть, требуется постоянная совместная жизнь с тем, кому завидуют. (Человеку достойному, прекрасному, который в своем месте много терпит от завистников, очень хорошо живет там, где он бывает гостем: в чужом месте ему сочувствуют и здесь-то мы видим невольное, и, хоть временное, уважение к истине и добродетели в лице его со стороны людей, в свою очередь, так же завистливых). Для зависти затем, как питающий ее материал, необходимо требуется со стороны ближнего ум, ученость, заслуги, успехи дел, награды, возвышения, высшие к нему милости и покровительства. Таким образом, зависть не столько деревенский порок, сколько городской; место ей не столько между простолудинами, сколько в высших кружках

людей: Мардохеи и Даниилы боролись с ней при царских дворах. Где же родопроисхождение ее или историческое начало? О, как сродна человеку зависть! Ее видим мы первую из страстей человеческих, – вслед же за самым грехопадением прародителей в раю. Ее встречаем в самой первой семье. Каин позавидовал своему брату Авелю, и зависть его разразилась новым страшным грехом, который доселе потрясает душу. Но, если от исторического начала зависти в целом роде человеческом обратимся и к частной жизни каждого человека, то прежде других страстей встретимся с признаками той же злой страсти. Первое недоброе чувство в младенцах замечается какое же, если не зависть? (Двое грудных детей питались от одной матери, и, когда мать кормила одно дитя в виду другого, – другое рвалось от досады). Начинается зависть каждый раз оттого, когда человек увидит или услышит что-либо лучшее в положении других, чем сам не владеет; например, видит он как другой строит себе большой дом, и начинает завидовать; встречает равного себе со знаком отличия, и скорбит от зависти; слышит, как хвалят другого или хотят возвысить известного человека, и вдруг будто кто-то уколнет его в самое сердце. Да, от зрения и слуха начинается каждый раз зависть. Скажут: «мы не завидуем, а только не миримся с тем, как недостойные люди везде успевают, как они не по своим способностям или направлению нравственному получают должности, награды или выгоды в жизни». Это, конечно, иное дело. Но в таком случае нет нашей печали о чужом счастье, а чувствуется одно сожаление: зачем же известный человек столько искателен или столько к нему пристрастны другие? Нет тогда нашей досады на чужое добро, а выражается только благородное негодование к чьему-либо недостойнству. Эти чувствования и проходят скоро, а не возрастают в зависть. Умный и богобоязненный христианин тем более не хочет завидовать незаслуженному и неправедному счастью ближнего. Где же конец зависти? О, смерти для зависти нет, как и для страсти сребролюбия! Это грех, так сказать, бесконечный, зло постоянное. Другие страсти хоть на известное время замолкают, после того, как человек удовлетворит им: а зависть – не так. Предоставьте сегодня

завистнику то самое, чему он завидовал вчера: он действительно порадует, но только на короткие минуты; завтра же он будет снова завидовать ближнему в других предметах. И, по мере того, как делается счастливее соперник его, – он усиливает свою досаду на счастливого. Наделите его всяким счастьем – он и еще найдет чему позавидовать. Таким образом, не в редкость примеры, что самые высшие лица, которым бы казалось нечего желать в положении низших, завидуют этим низшим; например, царь Ахав позавидовал винограднику Навуфея. Зависть потому еще в высшей степени живучее чувство, что завистливый не останавливается на том, чтоб достигнуть тех же выгод или даров счастья, которые увидел у других, и которых раньше сам не имел; нет! Он досадует и на то, чем владеет или пользуется в равной мере с другими. Он хотел бы на сей раз достигнуть вот какого положения: «ему одному иметь те и другие преимущества, а другим быть без всего, хоть бы другие и не меньше его заслуживали счастья». Словом, остается быть или нищим, или порочным человеком, например, пьяницей, или низким до убожества, чтоб избежать ненасытимых глаз завистника, т.е. завистник не позавидует, разве, кошель нищего, или беспорядочной жизни нетрезвого, или положению такого простяка, на которого никто не обращает внимания: этим только людям он все прощает. Чего же, спрашивается, желает ненасытимая зависть? Что ей нужно? Ее желания – самые низкие. Завистник – враг истины, которая на этот раз тем еще драгоценнее, что проявляется в самой жизни человека. Завистник не терпит ничего светлого. Все, что есть лучшего в людях, как-то: таланты, терпеливый и честный труд, благородная ревность, бескорыстие, – все это ему не нравится в ближних, потому что всему этому он завидует. Значит, ему нужно видеть или только слабое, или же прямо порочное. Это, выходит, коршун, для которого, хоть есть прекрасные луга с благоухающими цветами, чтоб во время полета останавливаться, но который, между тем, летит к местам гнилым и зловонным. И замечательно: завистник, столько, по-видимому, желающий себе одному добра, между тем, часто

идет против собственной пользы. Вот, например, такой-то человек был прекрасным помощником ему по службе или на должности его, приносил истинную пользу и всем: но пробудилась в нем зависть к этому человеку, окрепла в душе его зависть, и он старается удалить от себя доброго сотрудника. Не нужны и отличные успехи дела, не жалко и попуститься многим начатым предприятиям: лишь бы устранить от себя лицо, к которому зародилась и таится в душе зависть. (С такими-то примерами, т.е., когда завистник, очевидно, действует во вред себе, и еще не раз мы встретимся). Угнетает, например, высший низшего без всякого отчета пред своею совестью. На каждом шагу виноват пред ним низший, а в существе дела, достойный человек: везде он так и отыскивает причины, чтоб завинить этого человека. Будто он поставил себе обязанностью всегда винить невинного. И думает он про себя, что законно поступает, что никогда не допустит себе позавидовать низшему лицу: между тем, на деле выходит не так; он действует по одной зависти во вред себе и общей пользе. Давид, когда побеждал врагов, кому же больше служил, как не Саулу? Чье же более устроил и утверждал благосостояние своими воинскими успехами, как не благосостояние престола Саулова? Но, когда хор девиц прославил в песне больше его, чем Саула; с этой минуты, вполне можно так сказать, кто-то уколол Саула в сердце, и Саул стал преследовать столь дорогого для себя и для всего государства человека.

После всего этого, уже не трудно судить о преступном качестве зависти. Она вредит себе же самой. Завистник неспокоен, досадует на чужое добро, но без всякой почти пользы самому себе; потому что не успевает же каждый раз попрепятствовать счастью и успехам человека, которому завидует. Чувство зависти он, обыкновенно, скрывает от других и даже от самого себя; из приличия, или по иным побуждениям он не всегда выражает зависть и в своих речах, – разве бледность лица иногда ему изменит. Но зависть затаенная, в пределах одной души его, еще больше теснит его грудь. А сколько он вредит ближним! Зависть – это причина самых разнообразных зол ближнему. Сказано: *«идеже зависть и*

рвение, ту нестроение и всяка зла вещь» (Иак.3:16). Потому, между внутренними чувствами, которыми мы вредим ближним и себе, зависть занимает самое первое место: (потому-то относительно внутренних состояний человека, которые нужно исправить, о ней у нас первая речь). От зависти мы начинаем чувствовать к иным нерасположение, которое в его основе не понимаем и, не понимая, называем безотчетным; зависть побуждает нас к злоречию, к унижению достоинств и заслуг ближнего к оклеветанию, к объяснению его неоспоримых и многолетних трудов только счастливыми обстоятельствами. Завистник тотчас подставляет ногу достойному человеку, для которого открывается хороший ход, например, по службе. О, какому же злу не сродна эта зависть! На что низкое она не способна! На что светлое и доброе она не полагает своей черной печати! Не решается ли она на самые убийства? Как же тяжело иному целый век жить среди злых завистников! От зависти люди терзают друг друга, точно не люди, а звери.

И нам с тобой, христианин, нужно строже проверить себя: не часто ли и мы завидуем ближнему? Если так проверим себя, то и увидим следы зависти в расположениях своего сердца, и даже в словах и действиях в отношении к ближнему. Исцелиться же от этого недуга можем вот чем: не будем стыдиться принести сознание, хоть пред самими собой, что мы завистливы; станем, пожалуй, избегать бытности в тех местах или встреч с теми людьми, которые пробуждают в нас чувство зависти; такое наше обегательство людей будет вовсе не по отвращению к ним, как бы к врагам нашим (если мы не развили в себе уже и ненависти в отношении к ним), не только доставит нам больше покоя; не будем иметь пристрастий земных: кому немного нужно, тот и не завидует, но и со своей стороны пощадим ближнего, – не будем подавать ему поводов, чтоб он раздражался чувством зависти в отношении к нам: например, при людях завистливых с осторожностью следует хвалить других, а тем более говорить о собственных великих предприятиях или о таком замечательном деле, которое уже успели мы выполнить.

Зависть внешним преимуществам ближнего: красоте, богатству, уму и благосостоянию

«В злобе и зависти живуще» (Тит.3:3). Именно зависть составляет жизнь, или движет жизнью, многих и многих. Итак, мы рассмотрим это злое чувство во всех жизненных его проявлениях, чтоб осудить его не вообще только, но и в частности. Так, например, есть своя, или особого рода, зависть мирская, иначе сказать: досада на какие-либо внешние и земные преимущества ближнего. Начнем с того, что ближе представляется глазам: с «красоты телесной». Завидуют другому, что он красив лицом, что имеет стройный стан тела. Такую зависть выражают как не имеющие красоты, так и те, которые обладают ею: первые выражают зависть каким-либо досадливым самоунижением, а вторые – оспариванием чужой красоты. Этот род зависти преимущественно свойствен женскому полу: досадно иной, что она не может нравиться, как нравятся за свою красоту другая и третья. Но природная красота – дар Божий: хорошо ли досадовать на Божий-то дар? за что не любить красивого или красивой, если не в их воле было родиться иными, хотя и от них зависит сохранить дольше свою красоту? А если красота честно, естественно сохраняется ими – это опять составляет заслугу их. – Завидуют чужому «богатству». Зависть богатства самая обыкновенная. Иной из бедных как-то и в душе своей имеет неприятное чувство к богачу, без всякой вины со стороны богача, за одно то, что последний богат, между тем, как *«обоих их Господь сотвори»* (Притч.22:2), между тем, как в правилах соборных сказано: *«и богатства с правдою и благотворением не унижаем»* (Неокес.21). Бедный думает про богатого: *«нестя падения оплоту, ниже прохода»*, т. е. ограды его стоят твердо, со всех сторон огородился он: *«ниже вопля в стогнах»* его, никто на него не нападает, нет в отношении к нему шума, не тужит он, как ему жить – содержаться и во время самой дороговизны на все. Но напрасно *«ублажиша»* (Пс.143:14–15) богатого за это одно. Богатство вот в чем состоит: *«чтоб не нуждаться в богатстве! А,*

если иные и из самых богачей таковы, что *«им же, есть Бог»* (Пс.143:15), т.е., если они люди богобоязненные и строгие по жизни, и, если, таким образом, имея всякое довольство, между тем, ограничивают себя во всем ради спасения души? Что же тогда? в чем же завидовать им? не меньше ли они пользуются, чем иной бедный, теми чувственными удовольствиями, которые можно покупать деньгами? Да, для этих богачей весь внешний блеск их, как-то: большие комнаты, обилие всяких вещей, большие дворы, хорошие экипажи, сам денежный капитал, – все это для них как-то «скользит», или мало занимает их. А нередко бывают и такие примеры, что «сквозь золото льются слезы». Впрочем, не о том наша речь, будто богатство не составляет счастья в жизни, которым не следует дорожить, или будто богачи неприкосновенны, будто непременно доля их быть богатыми, будто они заслуженно пользуются богатством, между тем, как другие не заслуживают этой доли, будто и мысли у других не должно быть относительно их, – зачем же они богаты (такого взгляда на свое положение они пожелали бы). Нет; но мы хотим только сказать, что и богатых Творец – Господь Бог, и их молитвы Он принимает. А мы от одного желания себе богатства не будем же богатыми. Что же нам досадовать, когда другие богаты, коли сами мы тоже не можем выйти в богачей? Напротив, по любви христианской мы должны и богачу сочувствовать в его довольстве или, так сказать, прощать ему от сердца счастье богатства, которым он обладает. Против зависти к богатству нужно поставить себя внутренне так, что без всякого смущения принимать слух, если и в невероятной цифре тот и другой из знакомых наших имеют денежный капитал. (О том еще, что богатство приносит множество забот, что оно редких не опутывает или не привязывает к себе, что при нем трудно спастись, т. е. о злоупотреблении богатством, и не говорим здесь). – Завидуют власти, начальству других. Это так же неразумная зависть; потому что нельзя же всем быть начальниками, потому что начальников требуется не много. И несправедливая это зависть; потому что не всегда от воли и желаний человека зависит: быть или не быть ему начальником. И напрасна, или бесполезна она, потому что, хоть и тяжело

быть вторым или третьим лицом такому человеку, который по своим способностям, заслугам и летам мог бы, кажется, занять первое место, но все же он силой не может присвоить себе начальствование, не может сам себя произвести в начальника. А кто умно и честно себя держит на низшем месте, к тому и начальник иной раз обратится за советом, того и без имени начальника знают и уважают. (О том, что иные, имея в руках жезл начальнический, вздыхают о скромном подчинении, что дельные начальники пользуются малым временем даже и для своего отдыха, что вот так-то они часто бывают окружены завистниками, – тоже не говорим здесь). – «Завидуют уму, учености, ученым степеням и правам». Вот этого рода зависть самая сильная! К чужой красоте, например, мужской, многие вовсе не имеют зависти. Богачам также не каждый раз завидуют; потому что для одних богач и нужен, других он часто угощает, третьи в нем, кроме богатства (кошеля с деньгами), ничего не видят такого, чем бы он превосходил их, и потому не гонятся за ним. Притом, бедняк позавидует богачу только раз, да на том и остановится: сегодня такой-то человек богат и завтра тоже; таким образом, чувство зависти к богатому вновь не зарождается, а только питается. Затем, и начальниками в их начальствовании немногие же завидуют; скорее, начальников осуждают, если видят их несоответствующими своему месту. Но совсем не те отношения к умному человеку, и при уме, еще не любящему льстить другим. Умный – даровитый человек имеет в самом себе внутреннюю силу на других. Он при каждой встрече с другими своим дельным суждением, тем более новыми какими-либо почтенными трудами, дает почувствовать менее его умным и развитым свое превосходство пред ними. Отсюда-то зависть к нему со стороны других особенно бывает живуча. Отсюда прямое гонение на него. («Где богатому не завидуют, а умного не преследуют», обратилось в пословицу? Людям же посредственного, а тем более слабого ума, на этот раз лучше всех живется на свете). Но зависть чужому уму так же несправедливая и бесполезная. За отличные умственные дарования ближнего надобно бы только воздавать славу высочайше-премудрому Богу. Затем, в возможной мере

развивать свой ум и искать образования никому не отказано. А ученому достигнуть его учености или потрудиться составить какое-либо ученое произведение (сочинение) никто же со стороны не помогал. Чем бы завидовать чужому уму, пусть бы завистник сам развивал себя в познаниях. Не завидует же, может быть, умный, ученый человек нашему денежному капиталу: отчего же мы завидуем его уму? Видно, нам хочется, чтоб ум-то и познания сами собой пришли к нам, без всякого труда с нашей стороны, так как труд свой мы сочли за лучшее на этот раз обратить к приобретению денег. – Притом, завидуя умному, не убавим же мы у него способностей; напротив, своею привязчивостью в духе критики к его мыслям, произведениям и действиям, скорее, подвинем его вперед, к большей еще сообразительности и опытности. Но, если чья-либо зависть умному и честно-деловому человеку обнаруживается и преследованием его, унижением его труда, и, если от всего этого он упадает духом, расслабевает способностями и, таким образом, делает опущения против пользы своей и общей, это уже падает на ответственность завистников. Наконец, есть еще умность, просвещенность другого рода, которую можно иметь каждому и без книжной учености – это умные дела человека, умная его жизнь. Святые подвижники не учились же в академиях, которых во времена многих из них совсем не было, но их умные изречения, как плод духовных опытов их в жизни, и ныне самыми умными приводятся в разговоре и сочинениях в виде свидетельств. (О том, что умные и даровитые люди часто предаются пылким страстям, особенно нетрезвости, что они делаются холодными к Богу и маловерующими, т.е. о злоупотреблениях умственными дарованиями и ученостью, здесь рассуждение также оставляем). – «Завидуют вообще счастью или благоденствию других, например, что у иного есть дети, другой прекрасно устраивает участь своих дочерей замужеством, третий имеет уже и внучат, четвертый счастлив своею женою, пятый при всем этом пользуется хорошим здоровьем или спокойным местом службы». Но виноват ли наш ближний, что его-то жизнь течет счастливо, а наша – нет? Что нам пользы, если мы, так сказать, запрещаем (в своей душе)

пользоваться ему каким-либо счастьем, коли у нас самих нет этого счастья при самом усилии иметь его? Не часто ли бывает каждому свое счастье? не обманываемся ли еще мы иной раз относительно счастья известного человека, судя по его наружности? (Например, говорят: «он счастлив в детях». На деле же выходит не то. Дети отцу известнее и, быть может, отец несет тяжелую борьбу с направлением и худыми наклонностями своих детей). Не может ли прийти время и для нашего счастья? А самое главное: не ожидаем ли мы другой, вечной жизни, где Господь Бог уравнивает наши доли, – кому чего Он не додал здесь, тем воздаст там? (О том же, что и самые крепкие духом люди в счастье и довольстве забываются, готовы сказать себе: «не поколеблюсь вовек» (Пс.29:7), «что мне, – знать никого не хочу»; что вообще счастливая и благоденственная жизнь легко усыпляет человека и только Божии посещения могут разбудить его от такого усыпления (Пс.77:34), т. е. о злоупотреблениях земным счастьем, опять не ведем здесь речи; потому что могли бы, конечно, и сами мы, но, в то же время, и не могли – если б положились на Божию помощь – злоупотреблять своим счастьем). Итак, умный христианин! Никакому внешнему благосостоянию и преимуществу других пред тобой «любь» твоя да «не завидит» (1Кор.13:4). Совершенством христианской братской любви для тебя на сей раз может быть вот что: если видишь пред собой тот или другой дар земного счастья, пропусти к нему всех, не заботясь о себе, – останется, ли что на твою долю, лишь бы досталось другим.

Зависть по отношению к некоторым дарам духовным

«Ведяще бо, яко зависти ради предаша Его» (Иисуса Христа) (Мф.27:18). Как гордость бывает духовная, так точно и зависть. В чем состоит духовная зависть, лучше всего можем понять с примера иудейских первосвященников в отношении к Иисусу Христу. Иисус Христос не имел таких мирских и внешних преимуществ, которым бы можно было позавидовать в Нем. У Него не было ни богатства, ни дома, ни мирской власти. Но у Него была божественная мудрость, была трогающая сердца проповедь, была необыкновенная духовная власть, которой невольно повиновались торжники в храме, были неисчислимые благодеяния Его народу и чрезвычайные чудеса. И вот, по мере того, как народ начал славить Его за эти качества, – стали завидовать Ему те, которые по своему званию и положению должны бы более или менее отличаться теми же качествами (кроме чудес)! Так-то и ныне есть завистники в этом роде. Например, завидуют архиерейскому или священническому сану; завидуют проповеднику слова Божия, – его талантам, усердию и успехам в проповеди; тем более, можно встретить завистников человеку среди мирян, который усерден к церкви, часто говеет и приступает к святым тайнам, щедро подает милостыню, строго соблюдает посты. Чем же обнаруживается эта духовная зависть? Она особенно секретна и сам завистник должен употребить строгое испытание над собой, чтоб проследить ее в себе. Так, например, она изобличается тайным отдалением от того лица, к которому обращена; тайным сожалением, что известное лицо слишком уже высоко поставлено (например, у архиерея и священника целуют при благословении руку, и – этому завидуют); – еще тайным и ни на чем не основанном подозрением, будто известное духовное лицо на своем высоком месте забывается. Более же ясно эта зависть выражается толкованием в противную сторону действий или только намерений человека набожного; говорит, например, что он ханжит, ищет себе славы или что, видно, имеет на своей

душе по прежней жизни много тяжких грехов, за которые и замаливает Бога; случается, ревностного христианина прямо называют безумным, помешавшимся (1Кор.2:14). Эта зависть обнаруживается еще советом, чтоб ревностный христианин оставил какой-либо предпринимаемый подвиг или не продолжал бы более душеполезного дела: совет прелгается под предлогом доброжелательства; так, например, советовали иудейские первосвященники Иисусу Христу, чтоб Он запретил народные приветствия Ему при входе в Иерусалим будто бы для своей же пользы. Здесь оправдываются слова: *«ревнуют по вам не добре»* (Гал.4:17). Если же у духовной зависти нет сил повредить ближнему, в таком случае, она выражается странно, по-детски²⁴¹. Наконец, она и может усилиться до ненависти. В таком случае она преследует невинное лицо на самом деле, как или чем только может; тогда сбываются слова: *«все хотящие благочестно жити, гонимы будут»* (2Тим.3:12). Эта ненависть имеет свой особенный характер. Сильнее и опаснее ее нет. Всякая иная скорее может пройти, например, вследствие понесенной обиды. И обиду, и личное оскорбление, пожалуй, забудут. А здесь, хоть нет вовсе обиды или оскорбления, между тем, ненависть не проходит; потому что причина-то ее (зависть) не уничтожается. Иной человек и будет по природе добр. Но зависть мало-помалу подавляет в нем доброту, – не ко всем, а, собственно, к тому, кто возбуждает ее в нем своею благочестивою жизнью. Да; по опытам духовной жизни это верно, что и самый благородный и добродушный человек делается злым и жестоким, если разовьет в себе к кому-либо духовную зависть до ненависти. Тут у зависти и немало бывает противоречий. Она и хвалит, и хулит человека, и уважает его, и пренебрегает им; она друга или доброжелателя, которым бы надлежало дорожить, почитает своим врагом. И то уже тяжело человеку, когда завидуют ему за одни естественные таланты. Но, когда кто, кроме естественных талантов, отличается христианскою ревностью, строгим духовным направлением, тогда война против этого человека поднимается вдвойне. Тогда возникают и убийственные замыслы: *«убиваете и завидите»* (Иак.4:2)²⁴².

Как же надобно судить о нравственном вменении духовной зависти? Если слово Божие и предсказывает о святых людях: «будете ненавидимы» (Мф.10:22), «гоними будут» (2Тим.3:12); то без сомнения, это предсказание только соответствует делу или берется с самого дела. Но мог бы и должен бы каждый в отношении к благочестивому человеку поступать иначе. Нет; завистник святому делу есть враг добра, враг Христа. Если б он искренно любил Христа, то, и не делая в ином случае сам доброго, радовался бы христианской добродетели в других; с сочувствием принимал бы всякое дело, которое совершают другие во имя Христа и которое служит к славе Христовой; успех ближнего на сей раз он признавал бы будто собственным успехом. Не удивительно ли жалеть благодати Божией для других, например, когда кто часто приобщается св. таин Христовых или заслуженно удостоивается высшего духовного сана!? как это и святые-то дела поставят поводом к раздору и несогласиям?! сколько разрушается самых добрых христианских предприятий единственно по духовной зависти! не падают ли иногда целые православные миссии от этой подруги врагудьяволу? – О, православный христианин! строго стереги свое сердце, чтоб не затаилась в нем духовная зависть и даже на короткое время. Дафана и Авирона, живших в строжайшие времена Ветхого Завета, поглотила земля, когда они позавидовали священству Аарона и от зависти возмутились (Чис.16:31–32).

Зависть возможности другому грешить

«Ниже завиди творящим беззаконие» (Пс.36:1). Это зависть противная духовной: завидуют ближнему и в том, что он успевает в делах, неодобряемых совестью и вредных для души. Вот, например, такой-то человек на своей должности наживает себе темными путями деньги; другой, который занимает подобную должность или только равен ему по летам службы, очень досадует, что не имеет возможности так же наживать себе состояние. Или, вот, кто-либо пользуется средствами и случаями проводить время в светских наслаждениях и увеселениях, например, бывать на гуляньях и в театрах, числиться постоянным членом клуба, делает у себя вечера, жить с целью этой веселой жизни в столице или городе, а не остается в глухом селе: и ему иные завидуют, почитая себя несчастными за то, что не имеют средств также возвеселиться «со други» (Лк.15:29). Но этих завистников можно спросить: «что же, согласны ли они позавидовать и той участи в будущем свете, какая может постигнуть их соперника на сей раз? Нет! не завидовать надобно успехам этого человека, а пожалеть о его заблуждениях и увлечениях; не досадовать следует в виду его успехов, а порадоваться за свое положение, что мы-то далеки от подобных соблазнов. Затем, есть своего рода вред и для этого человека, если еще завидуют ему. Зависть других поощряет его к пороку, располагает его думать, будто он не худо поступает, коли стоит ему завидовать. – Нет, христианин! Ты не «завиди творящим беззаконие», потому что они идут не той дорогой, которою нужно идти, потому что губят себя.

Соревнование ближнему в делах суетных или прямо порочных

«Ничто же по рвению» (Флп.2:3). Нужно соревновать другим в добром (1Кор.12:31), например, в покаянии или молитве: эта ревность была бы полезнейшая и богоугодная. Между тем, соревнуют в суетном, а иногда прямо в худом. Это соревнование не одно с завистью. Соревнивый уже не досадует на то, что ближний его владеет каким-либо преимуществом; но сам старается иметь то же преимущество или пользоваться тою же самою вещью. Это значит завидовать ближнему на самой практике, или, точнее сказать, значит стараться перещеголять других в суете и грехах. Так, например, появился новый наряд на известном лице, и вот, через самое короткое время тот же наряд показывают на себе и другая, и третья личность, хотя наряд и не представляет ни удобства к употреблению, ни особенной красоты, и, хотя он вовсе не по средствам для подражателей. Так, кто-либо построил себе по вкусу экипаж: не уступает ему и знакомый его, старается еще дороже завести себе того же фасона экипаж. (Вообще, надобно заметить, этой внешности, т.е. при выходе и выезде другого, люди больше завидуют, чем внутренней домашней жизни его, которая менее бывает известна им). Так, один-два успели угодливостью войти в милость к начальнику или старшему влиятельному лицу, являются подражатели им, которые хотят еще превзойти их изобретением средств к тому, чтоб пользоваться милостью того же высшего лица. И сколько-сколько можно указать примеров соревнования ближнему в суете и пороках! Но где же собственный взгляд на дело? где предварительное размышление о том, – стоит ли подражать другим, например, в том, что только бросается в глаза или льстит самолюбию и тщеславию? – Ты, христианин, соревнуй другим в одних добрых качествах и делах, притом – не с тем, чтоб унижить их пред собой, но, чтоб достигнуть одинакового с ними или еще большего совершенства для пользы своей и для благоугождения Богу. Эта ревность полезна даже и в том

случае, когда бы кто начал трудиться для добра решительно из подражания другим или, пожалуй, по одному чувству зависти (Флп.1:18).

Тайные недоброжелательства ближним

«Любы... радуется же о истине» (1Кор.13:6). Зависти вообще свойственно желать, чтоб другие не пользовались счастьем. Но тайные недоброжелательства – нечто отдельное от нее. Они часто бывают только минутным чувством. Иной человек будто и не завидует другому, но в то же время не желает им успеха: сам по себе он тоже или не хочет, или не может воспользоваться тем самым, в чем они надеются успеть, но, в то же время, и не соизволяет им на ожидаемые успехи. (Речь наша, без сомнения, не о таких успехах, которых и совсем не должно быть. Например, когда бы кто искал должности, будучи вовсе неспособен к этой должности и недостойн ее: в таком случае не только не грешно пожелать неуспеха, напротив – следует употребить возможные меры, чтоб отвлечь человека от успеха в его искании. Нет; мы имеем в виду успехи в чем-либо нравственно-позволительном и безвредном). Вот, например, человек начинает какое-либо полезное дело: мы сознаем полезность его дела, однако втайне говорим себе: «пусть бы была помеха его делу». Или вот иного хотят наградить: мы сознаем по совести его заслуги; однако были бы довольны, если б он остался без награды. Желаем также иному в душе переместиться куда-либо от нас или заболеть, или даже умереть. Да, иной раз втайне желаем мы кому-либо и самой смерти, желаем не как-либо злодейски, а как-де умирают все прочие. Еще повторю: странно именно то, что в основании всех этих желаний и не имеем мы в виду ничего полезного для ближних наших и не видим для самих себя выгоды или интереса. Выходит, «ни себе, ни другим». И сколько подобных недоброжелательств таим мы в своем сердце! Но это не мелочи, которые можно оставить без внимания. Нет; подобными недоброжелательствами мы разрушаем в самом основании естественные свои отношения к ближним: будто все враги нам, коли мы не желаем никому добрых успехов! Где же, притом, справедливость у нас, если без всякой причины не соизволяем мы в своей душе успехам ближнего? Тем более, эти тайные

недоброжелательства противны христианской братской любви. Дух этой любви таков: ближний для нас то же самое, что мы сами; мы не должны искать своего, чтоб найти свое, потому что кто ищет только своего, тот часто и не находит своего; мы должны желать другим счастья даже и тогда, как сами бываем застигнуты несчастьем, – желать ближнему добрых успехов, когда сами мало успеваем. Правда, трудно для нашего ветхого человека возвыситься до этой степени в любви к ближнему. Но эта «любви», которая «не ищет своего» (1Кор.13:6), составляет наш долг, или образец (идеал), к которому мы должны стремиться. Пример этой самоотверженной любви показал нам Спаситель наш во многих случаях; так, когда в саду Гефсиманском пришли взять Его на страдания и взяли, Он, между тем, заботился о покое Своих учеников. Зато любовь к ближнему в этом духе самая приятная пред Богом: это любовь ангельская. Но и ничья недоброжелательная душа не может же скрыться от Бога. Пусть ближний наш не догадывается, как мы ему недоброжелествуем; пусть он смотрит прямо в лицо нам, и, однако, ничего не предполагает в нас против себя: но пред Всеведущим каждое злое движение сердца нашего открыто. Притом, можно ли ручаться за то, что мы не оправдаем на деле тайного своего недоброжелательства, если представится к тому случай, если будем находиться в искушении – сделать вред ближнему? Таким образом, повторяю – нельзя оставлять в душе просто, или на произвол самой души, тайные недоброжелательства ближнему, хоть бы они происходили и не от вражды, хоть бы не обнаруживались ничем вредным на деле. Они виновны еще тем, что, обыкновенно, сопровождаются коварством-изменою на языке. Говорят другому: «желаю вам счастья и успехов в делах», между тем, как в душе таят совсем противные намерения; или же подписываются в письмах: «ваш доброжелатель, готовый к услугам вам», тогда как совсем нет доброжелательства, нет готовности услужить даже и в том самом деле, которое бывает предметом письма. Как же нам с тобой, христианин, не быть тайными недоброжелателями? Будем строже проверять свои чувствования в отношении к ближнему, и недоброжелательства

покажутся нам самым отвратительными. А что нам будет отвратительно, от того уже не трудно отречься. Если же и затем они будут возвращаться к нам или же против воли нашей будут возникать в нас: в таком случае, будем подавлять их в себе смиренной мыслью, но и успокоимся, что они больше не оскверняют нашего сердца. Хорошо на сей раз поставлять себя ко всем ближним приблизительно в такие чувства, как мать относится к своим детям. Вот, мать уже всегда и непременно желает своим детям благополучия и успехов, как только понимает это благополучие и успехи! И о, если б так-то мы были доброжелательны ко всем и каждому!

Злоумышленность против ближнего на деле

«Скрыша сеть... мне» (Пс.139:5). Это значит копать пред другим яму, или не просто не доброжелательствовать ближнему, не обнаруживая ничем вредным своего недоброжелательства, а тем более не то, чтоб подвергнуть кого-либо законной ответственности за проступок или остановить иного от зла, которое было бы вредно для него самого. Нет! Это значит уже на деле злоумышлять против ближнего, и злоумышлять особенным образом, тайными путями, под скромным молчанием, иногда же и под дружескою улыбкою. Пример такого злоумышления видим в судьбе пророка Даниила. Придворные, среди которых жил Даниил, не зная на чем уловить праведника, придумали уговорить царя к изданию указа, чтоб никто и ни о чем не просил для себя в продолжение 30 дней, кроме царя. Знали они, что Даниил нарушит этот указ, что праведник не оставит ежедневной своей молитвы истинному Богу. И по человеческим своим соображениям успели же погубить его, буквально ввергли его в ров (к голодным львам): только Промысл Божий не дал им окончательно погубить его жизнь (Дан.6:4–23). – О, как противен Богу человек, который любит изрывать пред другими ямы! Противен он, потому что показывает в себе некоторое «художество на злое», покрывает злостью всю свою душу! Как противен такой человек ближнему! О его кознях узнает ближний уже тогда, как ничем нельзя поправить дела, – как одна нога будет уже в изрытой им яме, будто он потешается над судьбою ближнего! Словом сказать, изрываемая ближнему яма такое зло пред Богом, что Господь Бог иной раз не только не дает исполниться этому злу, но и обращает его на главу злоумышленника: *«ров изры, и ископа, и впадет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его»* (Пс.7:16–17). Так вельможи, ввергнувшее невинного Даниила во львиный ров, сами туда были брошены: они не успели еще достигнуть дна во рве, как были растерзаны зверями (Дан.6:24). Так, некто Ахитофел, когда увидел, что царь Давид, которого он хотел лишить престола, одерживает победу,

– поднял на себя руки. Так и предатель Иуда, увидев, что все сделал только на погибель своей головы, – пошел и удавился. – Да удержат тебя, христианин, эти примеры от решимости на злоумышление пред ближним!

Злорадование несчастьем ближнего

«Да не порадуешься... в день гибели их» (Авд.12). Злорадования еще нет в том, когда кто бывает доволен, как раскрываются злоупотребления известного человека с неизбежным бесчестьем для него или падает чей-либо вредный проект какого дела. Нет! Здесь только видно благородное сочувствие торжествующей истине и прекращению, или уменьшению зла. Злорадованием считается, когда ближний, которого постигло зло и несчастьем которого, вот, иные радуются, ни пред делом, ни пред ними не виноват, или же не особенно виновен. Можно и зложелательствовать тайно ближнему, но еще не чувствовать и не выражать радости, когда зло уже на самом деле постигло его. Затем, если иной радуется неблагополучию своего врага, который сделал ему много обид, то здесь злорадование будто и ожидалось. Но без всякой причины не жалеть ближнего в несчастье, но без всякой со стороны его досады или обиды радоваться его несчастью, – только потому, что он превосходнее нас чем-либо или более успевал в чем, это показывает каменную душу. Чем же, обыкновенно, выражается такое злорадование? – Чувством удовольствия, когда застигает ближнего что-либо неприятное, например, когда ему отказали в просьбе, или случилось с ним прямое неблагополучие, – болезнь, потеря службы и тому подобное. Завистник все смотрел невесело, а как только случилась беда с ближним, которому он завидовал, которого не любил, – тотчас же его взгляд проясняется: эта ясность, веселость его взгляда особенная, с злым оттенком, как и вообще ни одно чувство столь сильно не выражается в глазах, как зависть. Что другому печаль и горе, то для завистника составляет радость и удовольствие: несчастье ближнего он считает своим счастьем, неудачу его своим успехом, тревогу его – своим покоем. – Злорадование выражается и на словах, притом – не только заочно, но иной раз прямо в глаза. В таком случае оно более виновно, потому что это значит ругаться ближнему в несчастье его. Иногда говорит прямо: «что теперь,

каково тебе»? Иногда же намеренно ведут разговор о том, как хорошо этому человеку жилось дотоле, чтоб таким образом сильнее он чувствовал свое новое положение. – Нет! ты, христианин, держись на сей раз таких правил: неприятностям и несчастью ближнего сострадай, как, в свою очередь, и радости его сочувствуй, сорадуйся. Сострадание ближнему гораздо для нас легче, чем сорадование; потому что в первом случае не требуется еще особенное самопринуждение по пословице: «лежачего не бьют», т.е. сострадание является само собой, а в последнем, т.е., чтоб счастливому не только не завидовать, но и сочувствовать, сорадоваться, – для этого нужна уже возвышенная, благородная душа. Ведь к зависти склонны все люди, как склонны и мы сами; например, иной высокопоставленный или даровитый – умный человек всегда может относительно себя думать, что, если у него и немного врагов, то завистники ему едва ли не все. Итак, начнем хоть с легкого-то, т. е., чтоб не чувствовать удовольствия и не выражать радости, когда ближнего нашего, того самого, который раньше красовался пред нами своим счастьем, постигло зполучие.

Бесовское злорадование, т. е. греху невинного лица

«*Не радуйся о злодеющих*» (Притч.24:19). Бесовская радость противопоставляется ангельской радости. Как ангелы радуются на небе, когда грешник приносит покаяние, значит восстает от своего падения (Лк.15:10), так бесы в преисподней радуются, когда праведник тяжело согрешит, значит падет со своей духовной высоты. Например, по замечанию святых подвижников, бесов очень радует чей-либо блудный грех. Так же, вот, и некоторые из людей радуются падению невинной девицы, с особенным удовольствием передавая друг другу про такую новость: это выходит радость бесовская. Так же, вот, иные увидят человека, дотоле набожного, падшим в какой-либо тяжкий грех или явно избалованным в пороке, – торжествуют (повторяя слова: «да спляшет с нами, Исаак»): это выходит опять радость бесовская; потому что бесам только свойственно утешаться душевною гибелью людей. В особенности бесовское злорадование выражается при падении таких по жизни духовных людей, которые сами были строги к другим, хоть строги благонамеренно, или были поставляемы прочим в пример честности и благонравия, а тем более лиц духовных по званию, – священников и монахов. Если же это злорадование чисто бесовское, то оно и не может не быть особенно противным Богу: святее от того не будешь, что видишь других не устоявшими в своей святости, видишь и радуешься в душе их падению. Нет, христианин, в случае тяжкого грехопадения человека дотоле безукоризненной жизни, первое чувство в тебе должно быть скорбь, а не внутреннее самоуслаждение своим нравственным преимуществом пред этим человеком. Святые плакали, составляли даже в иное время общий, как бы похоронный плач, если кто из среды их сворачивал с пути спасения. «Любы» христианская «не радуется о неправде» (1Кор.13:6).

Всегдашнее недовольство своим состоянием

«Научился быть довольным тем, что у меня есть» (Флп.4:11). Вопрос о недовольствии своим жребием и остается рассмотреть в заключение всех служений о зависти; потому что сделаться довольным своею судьбою значит перестать быть завистливыми. Недовольство здесь разумеется вообще своею судьбою, а не в частности теми и иными неудобствами своего положения, тем более скорбями, которые в известное время терпим: нельзя же не желать предотвратить неудобства своего положения или не чувствовать своей скорби. Недовольство своею участью – это и общая болезнь. Весь род человеческий ничем не доволен. Например, если возьмем во внимание возрасты жизни, то увидим, что дети желают скорей быть взрослыми, молодые хотят казаться старыми, а старые остаются недовольны сединою, скрывают свои годы и с чувством недовольства спрашивают: «где же наша молодость»? Бездетный недоволен тем, что у него нет детей, а имеющий детей скучает, что обременен семейством. Каждый свое лишь горе считает слишком тяжелым. А есть такие, которые обладают по-видимому всеми дарами счастья, между тем жалуются на свою участь. Притом недовольство своим жребием не считают грехом. Где же причины его? Нам всегда кажется лучшим то положение, в котором находятся другие, и мы думаем, что были бы более счастливы и довольны в положении других. Но это пристрастные сравнения себя с другими. Мы смотрим на одну только сторону жизни известного человека, которая ближе к нам, – на его успехи и преимущества, но не видим его внутренней жизни, которая может быть полна разных тревог, не обращаем еще внимания на то, – были ли бы достаточны наши силы и способности для того звания или состояния, в каком находится ближний наш. При этом мы допускаем новую ошибку: непременно сравниваем себя с теми, которые ушли вперед нас по внешнему благосостоянию или более нас счастливы. Нет, если б мы отбросив частности, внимательнее всмотрелись в свою жизнь, то увидели бы в ней много таких удобств и

преимуществ, которых лишены другие, – увидели бы много таких лиц, которых положение в сравнении с нашим, так сказать, еще обиженнее. Затем, мы сами готовим себе несытую трапезу. Как же? Так, что если ожидаем себе какого-либо успеха или счастья, то ожидаем всегда в большей мере, чем следовало бы ожидать после здравого размышления и проверки с делом. Отсюда происходят обманутые надежды, отсюда равнодушно мы относимся и к тому немногому, которое из многого выполняется по нашему желанию. Мы досадуем на свои неуспехи, а того и не сообразим, что ожидания наши были излишни и может быть неисполнимы. Кроме того, мы бы должны измерять свои желания не одним сердцем, которого желания (житейские) могут быть беспредельными, а таким взглядом на себя: заслужили ли мы у Бога, чего ожидаем? Если б мы сами по себе менее удостаивали себя за свои заслуги и способности, то и примирились бы со всякою долею в своей жизни. Как же после всего этого нам утвердить себя в таком состоянии, чтоб всегда оставаться довольными своим жребием? Нужно сравнивать себя по дарам счастья более с теми, которые на сей раз остаются позади нас, а не с особенными счастливыми. Нужно поставить себе правилом: ожидать в будущем не больше, чем позволяет предмет ожиданий, и даже менее, чтоб с большею ценою принять полученное сверх ожидания. Нужно положить себе цель в жизни, и цель правильную. Предположенная цель в жизни будет сводить к единству наши мысли и желания; она будет занимать нас после пробуждения утром и до вечернего сна; она будет постоянно возбуждать наши силы к деятельности. Эти цели, правда, и есть у многих, например, у художника его художество, у купца – торговля. Но в том-то опять беда наша, что большею частью цели жизни у нас неверны, что время их изменяет; например, художник почему-либо больше не может заниматься своим художеством, равно как и купец, потерявший капитал, – торговлей: в таком случае эти люди начинают скучать, остаются недовольны своим жребием. И так какая же верная и неизменная цель в жизни каждого человека? Это вообще труд для Бога, для спасения души: какими путями каждому достигать этой самой цели, нужно

усматривать из обстоятельств своей жизни, из более постоянного положения своего. Тогда цель будет одна, за то и жизнь будет целостна. О, христианин! И справедливость дела того требует и собственный твой покой состоят в том, чтоб тебе оставаться довольным своею судьбою. Не будь же, как говорится, «вечно недоволен» и неспокоен. Лучше держись мудрого, христианского правила – быть всем довольным!

**Неразвитие в себе чистых природных чувств:
истины, изящного, стыда и особенно религиозных,
чем приобретается чистота и доброта сердца**

«Сердце чисто созижди во мне, Боже» (Пс.50:12). Сердце наше есть способность чувствовать, и как бы это середина души нашей. К нему сходится вся духовная деятельность наша. Христиански-чистое сердце, это как чистый, светлый ручей воды, в котором можно видеть и самое дно; это – чистое, светлое небо, на котором нет ни одного облачка. Впрочем, и эти подобия еще слабы. Чистое сердце человека – такая краса, что всякая другая красота или изящество в природе будут ниже его. Первый для нас пример этой чистоты, без сомнения, есть богочеловеческое сердце Иисуса Христа: «яко кроток есмь и смирен сердцем», сказал о Себе Господь (Мф.11:29). Из Апостолов в особенности была чистая, невинная душа Иоанна Богослова. Святые угодники над чистотой сердца трудились целую жизнь, но зато и обладали ей²⁴³. Мы, конечно, не можем похвалиться чистотою своего сердца. А что, с противной стороны, составляет его нечистоту, то в нас есть. Обратимся к евангелию и посмотрим, как об этом предмете говорится там. «От сердца бо исходит помышления злая, убийства, прелюбодеяния» (Мф.15:19) и т. д. «Исходят», т. е. переходят в дела. Но, если же «не исходят», если почему-либо не обнаруживаются в греховных делах? Что же тогда? В таком случае, злые помыслы остаются в одном сердце: выходит только скверна духа, а и не плоти, вместе с тем. Худо первое, т.е. переход нечистых помыслов в самые дела: но нет ничего хорошего и в последнем, или в осквернении помыслами сердца. В первом случае, помыслы *сквернят* уже всего человека (Мф.15:18), т. е. и душу его, и тело, и внешние члены. А во втором – все зло задерживается в одном сердце. Примеры или виды этой нечистоты здесь мы не будем приводить: они были рассмотрены нами, когда мы говорили о тайных недоброжелательствах ближнему и т.д. Поставим теперь вопрос: как же можем мы достигать сердечной чистоты?

Для этого, например, мы должны правильно развивать в себе «чувство истины», которое врождено нам, или воспитывать в себе любовь к истине. Ум наш принимает истину, а сердце должно воспринимать или усвоить ее. Это значит «*глаголай истину в сердце своем*» (Пс.14:1), как, напротив, есть люди, которые хоть об истине и размышляют, хоть истину по какой-либо своей обязанности и цели защищают, но в сердце свое ее не проводят: мало того – «*любве истины*» совсем «*не прияша*», «*благоволят*» же только к неправде (2Фес.2:10), и в этом-то случае для своих личных видов готовы на время помириться с самым несомненным врагом своим, готовы ужиться, как бы с самым врагом-дьяволом, если б на каком-либо пункте жизни явился им этот враг. Не совсем то состояние человека, когда, чувство истины в его сердце глубоко вкоренилось. Тогда выходит человек с убеждением, а не такой, который не имеет никаких убеждений или же действует на каждом шагу противно своим убеждениям; тогда видим человека прямодушного, а не двоедушного (Иак.4:8).

Должны мы правильно развивать в себе естественное «чувство красоты», или чувство к прекрасному, высокому, вкус. Что же содействует развитию в нас этого чувства? Например, «любовь к природе», – частая бытность в объятиях природы, или на открытом воздухе, охота любоваться на цветы, поля, леса, горы, звезды, небо и на царство животных. Пример такой любви показал нам Христос-Спаситель. Как известно, Господь чаще всего говорил проповеди к народу в полях и пустынях, молился на горах, во время сорокадневного поста жил со зверями. Все святые (исключая тех, которые избирали себе особенный подвиг затворничества или пещерной жизни) также любили природу: для них самым приятным отдыхом и наслаждением были сады, огороды, прогулка или сиденье в лесу, особенно при закате солнца. Вспомним, куда же в начале был помещен для жизни первый человек? – среди природы, под открытым небом. Наши дома, спальни и кабинеты, это уже жизнь искусственная, а не первобытная. Оттого-то, чем более человек привязывается к комнатам и чем менее дышит и смотрит на природу, имея возможность и дышать, и смотреть на

нее, тем дальше уклоняется от патриархальной простоты жизни, тем менее способен чувствовать изящное, прекрасное. (Между прочим, при взгляде на царство бессловесных хорошо останавливаться особенным вниманием на тех, которые самым наружным видом или характером внушают нам чувство красоты и чистоты; это, например, голубь, который и красив, и до того любит чистоту, что тотчас оставляет ту местность, где заводится нечистота; – это пчела, которая не терпит смрадного дыма, ведет чудный порядок в своем улье, собирает плод с благоуханных цветов)²⁴⁴. Да; любовь к природе, развивая в сердце человека чувство прекрасного, имеет очень важное влияние на мягкость его сердца, на чистоту его ощущений, особенно тогда, как сердцем усвоена христианская истина. (Иные из крестьян, постоянно обращаясь в природе, однако ж, остаются грубыми: но это оттого, что в них нет развития истинных знаний). Вот, дети отличаются чистотой сердца. И смотрите, что же особенно занимает их, если вывести их из комнат, например, в поле летом? – цветы и цветы, к которым они так и припадают. – Затем, развитию в сердце чувства к благородному и высокому содействуют «картины – живопись». Кому доступно или самое занятие живописью, или только приобретение изящных картин, или одно рассматривание их: тот и может питать в себе любовь к живописи с таким именно убеждением, что, любясь на картины, он тем облагораживает, возвышает в себе душу. В православном христианине, хоть бы он по состоянию и был бедный, могут всегда развивать истинный вкус: иконы в церкви, стенная живопись, рисунки иконостаса, обиходность во всем храме. – Прекрасно облагораживает, смягчает и возвышает чувства «пение»: *«поюще в сердцах ваших»* (Еф.5:19), сказано прямо, т. е. поет как бы не грудь, а самое сердце. В особенности возвышенно действует на чувства пение духовное, а из духовного – коренное, церковное, или то, которое, как поминок, оставили нам святые песнопевцы²⁴⁵. Итак, вот, для христианина «изящные» предметы по своему содержанию и силе! Театры, же, балаганы и подобные наслаждения, хоть так же могут развивать вкус, но только такой, который не будет годен для

будущей жизни. Надобно помнить, что вкус для вечности здесь же развивается нами. По вкусу сердца Господь Бог и там назначит каждому, кто достоин, награду или одну из обителей, которых у Него много (Ин.14:2).

Есть самое благородное чувство в природе человека. Это «стыд», в котором видим какое-то сжатие сердца. Сердце сжимается от страха встретить бесчестие или позор, иной раз только за чужую вину, а не за свою. Наружно стыд проявляется краскою в лице, или румянцем. Сердце и румянец здесь дружественны. Сердце, так сказать, командирует от себя часть крови к лицу, – не для того, чтоб самому остаться пустым, но, чтоб заслонить человека от постыдных речей и действий, чужих или его собственных. Истинный стыд в том состоит, чтоб чувствовать смущение, когда что-либо говорится или делается противное совести и закону Божию. Особенно ощущаем мы в себе это чувство во время своей наготы. Так оно обнаружилось и в начале, в раю. Святые Божии «восстанавливали в себе все чистые свойства природы»: так и относительно стыда они достигли особенной чуткости; например, они обнаруживали в себе телесный стыд в высшей степени²⁴⁶. Чувство стыда, хоть явилось в человеке после греха и как следствие самого греха, есть чувство благодетельное. Оно для нас охрана от худых слов и действий: только бы мы не понимали его ложно, или не доходили бы в иных случаях до ложной стыдливости. – Чем же развивается и поддерживается в нас это чувство? Развитие или избыток стыда в нас зависит, в особенности, от строгого нравственного воспитания. Но, если кому не дано такого воспитания, тот должен или довоспитывать себя, или перевоспитывать (как, впрочем, и во всяком случае, или для каждого человека требуется то или другое). Относительно же стыда воспитание требуется простое. Нужно только не подавлять в себе этого чувства, опасно доходить до таких поступков, которые подвергают нас стыду пред всеми или многими, равно, как следует щадить и других от публичного стыда²⁴⁷. Потому что понести заслуженно хоть немного раз общенародный стыд – значит, уже быть близким к тому, чтоб совсем подавить в себе чувство стыда. Нужно избегать близкого

или частого обращения с такими людьми, которые отличаются бесстыдством (жалкое отличие!). Но, если прекрасно стыдиться людей, то тем еще более нужно хранить стыд пред Самим Господом Богом. Когда же можем мы чувствовать стыд пред Богом? Когда сознаем свои грехи или только бываем застигнуты какими-либо печальями, которые большею частью происходят также от грехов. Приметьте за собой: если вы останетесь в уединении и будете изливать пред Богом свою душу в скорбных чувствах и молитве, – рука ваша как-то сама по себе поднимается, чтоб прикрыть лицо. Тогда оправдываются слова: *«стыд лица моего покры мя»* (Пс.43:16). Затем, мы должны развивать и поддерживать в себе чувства прямо благочестивые или, так называемые, «религиозные». Более всего в нас может развивать эти чувства сознание всеприсутствия Божия, или живое представление, что нет ни на шаг такого места или пространства, где бы ни находился Господь Бог, и нет такого мгновения в нашей жизни, когда бы Он не слышал или не видел нас. Такое сознание носил в себе Иосиф целомудренный, и – сколь же это была чистая, невинная душа! Без сомнения, на развитие религиозных чувств благотворно действуют: церковные службы, бытность у святых мощей, хранение от мощей покровцов, домашние всеобщие молитвословия, принятие у себя достойных своего звания священников и монахов, или бытность у тех и других. Чем чаще христианин окружает себя этими священными предметами и лицами, тем более воспринимает религиозных впечатлений на свое сердце. Отсюда возникает в нем дух молитвенный. Отсюда бывают частые воздыхания его к Богу и образуется в нем привычка «шептать молитвы», особенно, так, под старость лет. «Шептанием молитв» мы называем здесь привычное произнесение какой-либо краткой молитвы, например «Боже мой; Господи помилуй; Боже, милостив буди мне грешнику» или: «ими же веши судьбами, спаси мя», – произнесение при каждом случае, более действующем на чувства, например, при горьком каком-либо воспоминании, во время боли какой, при грое и т. под. Очевидно, религиозные чувствования должны обнаруживаться и в делах, приносить свой плод в самой жизни.

Однако ж, дерево приятно уже и тогда, как цветет, или прежде своего плода: так и религиозные чувствования – прекраснейший цвет души нашей.

Сделаем общее суждение о чистоте и доброте сердца. Это состояние высокое и трудно достигаемое. Скорее же, можно достигнуть чистоты ума, чем чистоты сердца. Но зато это состояние более постоянное, между тем, как ум способен изменяться и колебаться. Зато оно более благодетельно для всей жизни человека. Оно ступень к ангельской природе и на том свете удостоится самой высшей награды: *«блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»*, сказано (Мф.5:8). Без содействия благодати Божией невозможно достигнуть этой чистоты и доброты сердца. Когда святой Давид произнес молитву о чистоте своего сердца, то затем сказал: *«и Духа святаго не отыми от Мене»*, т.е. выразил надежду быть чистым по сердцу только благодатию Духа.

О, благочестивый христианин! если ты хочешь истинно любить самого себя, то полюби чистоту своего сердца и развивай его в доброте. Чистота и доброта сердца мало-помалу, сделаются твоим достоянием, если ты для них будешь употреблять средства, т. е., если будешь развивать в себе природные чувства истины, красоты и стыда, особенно же христианские религиозные чувствования (что было предметом настоящей нашей главы). Тогда ни грубый, или черный какой-либо труд, ни постоянные умственные занятия, ни строго подвижническая жизнь, ни разочарование в людях; так как люди часто за доверие платят изменою и за доброжелательство – кознями, – ничто не иссушит до самой старости твоего сердца. Сердце твое навсегда останется мягким, сострадательным и сочувственным ко всему чистому, возвышенному и святому. И ты храни веру в этого (идеального) человека, как святыню. А главное: старайся прежде быть им сам!

Омертвление, или бесчувствие сердца к духовным предметам

«Сей мертв бе», сказано о блудном сыне (Лк.15:32). Омертвление этого рода есть невидимая, но несомненная смерть духа для всего божественного и священного; – это холодность к вере, совершенное равнодушие к вечной участи своей. Как в наболевшем каком-либо члене тела уже не чувствуется боль, например, в сухой руке: так и в душе не бывает сочувствия к духовному. Такое состояние не вдруг образуется, но бывает последствием продолжительной беспечности жизни, – беспечной, впрочем, об одной душе, о Боге, о вечности, но, может быть, самой заботливой относительно житейского. Таким образом, в юношах омертвление души еще не бывает: в них легко пробудить сочувствие к христианской добродетели; в них, скорее, бывает только вольность направления, легкость суждений, чем бесчувствие души. Последнее состояние свойственно людям пожилым и старым. Оно мирится и с мягкостью характера, и с приличной безукоризненной, по наружности, жизнью, – мирится со всяким званием, даже и духовным. Временное только несочувствие к духовному и божественному, например, хочет человек заняться чтением евангелия, и – на него нападает лень; встанет на молитву, и – торопится окончить свое моление; стоит за высокой службой литургии, и – хочет скорее дожидаться конца службы; молится против своей страсти, и – тогда же на деле выполняет страсть: такое охлаждение к духовным ощущениям еще нельзя считать омертвлением души. Омертвление – повторяем – уже усвоенная душою холодность, постоянное качество души. Приведем примеры. Человеку предлагают убеждения, советы, чтоб он веровал в Бога, чтоб молился и ходил в церковь, чтоб исполнил долг исповеди и св. причастия. Он слушает вас, но будто совсем ничего не понимает, будто глух, он даже и не противоречит вам, даже не гневается. На глазах его прекрасные примеры христианской набожности каждый день, например, со стороны отца; но он – по крайней мере, до времени – будто

ничего не видит. Если же он не в первый раз слышит чтение евангелия, то и такие места евангельские, как учение о страшном суде, его не устрашают: случается, что прослушает он историю страшного суда, и – начинает смеяться. – Что же занимает такого человека в жизни? О, у него много занимательного. Только он не живет в себе, потому что внутри себя он не находит ничего такого, что питало бы его дух, так как настоящим питанием для человеческого духа могут быть предметы только духовные, евангельские, божественные. Находя в себе пустоту, скучая самим собою, он живет вне себя, в вещах сотворенных. Отсюда, силы его души обращены только к греховному, земному или, по меньшей мере, к суетному. Так, например, стремления своего ума он удовлетворяет многознанием, многочтением, разведыванием; пустоту своего сердца хочет пополнить мирскими, светскими развлечениями, хлопотами о богатстве и другими предметами, которыми услаждаются его чувства; пустоту своей воли пополняет многожеланием суетного, таким многожеланием, чтобы все было в его воле и руках. Иногда же и все наскучивает ему, хоть жить на свете еще желается. Но, вот, что всего достойнее сожаления: этот человек не видит своего состояния, не признает себя в какой-либо опасности, не беспокоится за свои грехи и опущения по обязанностям христианина. Ему и на мысль не приходит, что должен бы он изменить свою жизнь. Если же ему напомним об этой перемене, он ²⁴⁸ считает напоминание излишним, даже и не понимает, к чему оно ²⁴⁸. Нередко случается, что омертвевшие духом, но не явно-порочные, и сами себя почитают, и от других, которые подобны им, почитаются безгрешными ²⁴⁹. – Какое самообольщение! какое опаснейшее состояние!

Как же выйти из этого омертвения по душе? Оно должно смениться «умилением» (Деян.2:37) сердечным. Умилиться сердцем значит пожалеть самому себя в виду страшной участи, как грешника, на том свете. – Затем, холодное сердце будет оживляться, если человек будет часто читать евангелие, будет с усердием молиться, будет живее представлять себе вечные муки грешнику: прекрасно на сей раз иметь у себя пред глазами изображение «вечной муки» на бумаге или масляными

красками: Но застарелые болезни не скоро и не легко излечиваются. Так, и от бесчувствия души ко всему божественному и, в то же время, от сочувствия только греху и суете мирской можно исцелиться только немалым временем. Не напрасно же святые угодники молили Бога, чтоб жить им дольше, чтоб, таким образом, и больше покаяться. – О, собеседник мой по настоящим «чтениям»! Поверим мы себя, – не близки и мы к страшному состоянию «окамененного нечувствия»? (из молитв.вечер).

О нравственном направлении умственных сил

Не нравственное направление деятельности пяти чувств

«Имущих чувствам обучена... в рассуждение добра же и зла» (Евр.5:14). Пять внешних чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, это органы нашей познавательной способности. Ими мы приобретаем низшее познание, или только материал для знания, но почти весь материал для душевного нашего развития. Особенное значение в этом случае имеют зрение и слух. Душевная жизнь наша значительно беднее бы от потери внешних чувств вообще²⁵⁰. От деятельности их зависит раскрытие самого ума. Высшие стремления ума развиваются из собственной природы души посредством чувственных или внешних впечатлений. Отсюда следуют наши обязанности и к этой (низшей) познавательной деятельности, т. е. посредством пяти чувств. Долг наш, вообще, умерять действия чувств, – не в целях только здоровья их или долговечности, но, главным образом, для того, чтоб от них не было ущерба для жизни внутренней, душевной. Обыкновенно, чем более человек занят видимыми предметами, тем менее способен и расположен к занятиям невидимым, например, умственным. – Но, к сожалению, каждое из пяти чувств наших способно более подслуживать греху, чем вносить в душу, как через окна ее, впечатления добрые, святые. Для христианской истины и добродетели чувства наши оказываются как-то тупы, хотя начало греха, во всяком случае, заключается не в них, а в душе. Отсюда встречаем выражения в слове Божиим: «*тма ослепи очи...*» (1Ин.2:11), «*чешем слухом*» (2Тим.4:3). Отсюда новый наш долг в отношении чувств: противодействовать их греховному влечению. Не без разбора мы должны принимать весь тот запас сведений для ума и души, какие они доставляют нам. Мы должны удерживать их от предметов запрещенных, от наслаждений безнравственных. Но, если они неизбежно встречаются с греховными искушениями: мы должны стараться удержать их так, чтобы, например, «*видя, не видеть и слушая, не слышать*». Это возможно в том случае, когда мы, при

помощи Божией, сделаем ум управителем своих чувств, когда подчиним чувства душе или обратим действительность их в душу. Не известно ли по опыту, что, если человек глубоко занят какими-либо мыслями, то его чувства остаются как бы в стороне, или прекращают свою деятельность, даже до того, что он не замечает, когда мимо его проходят, даже не чувствует, когда трогают его. Так велика может быть сила души! Так, видимые предметы и прикасаясь чувством, например, слуху музыкальные звуки, в самую же душу могут и не входить, потому что со стороны души нет на них воззрения, душа делает им от себя отпор. Более всего мы должны подчинять такому управлению ума два чувства: зрение и слух, и особенно зрение (не глаз, конечно, смотрит на что-либо соблазнительное, но через глаз, как чрез орган, смотрит наш ум). Когда не удержим от греховного увлечения этих органов – зрения и слуха, тогда и обоняние у нас ослабевает, и осязание, и вкус неумеренно возбуждаются. Противодействуя греховному увлечению пяти чувств, мы должны желать или искать для каждого из них благодатного освещения. Известно, что, когда нас миропомазали, то на каждом из пяти чувств положена была своя «печать дара Духа Святаго»²⁵¹. И мы, однако, можем возвращать эту первобытную чистоту своим пяти чувствам. Чем же?

Глазами, например, будем чаще видеть храмы, и все то, что есть и совершается в храмах²⁵², будем ими любопытно рассматривать священные изображения, чаще обращать их на домашние иконы и горящую пред иконами лампадку: все это вместо того, чтобы смотреть на зрелища, на картины грязные и соблазнительные. Ушами будем чаще воспринимать чтение или пение божественное и разговоры душеспасительные, прямо затыкая их от речей богохульных и развращенных, отклоняя от слушания пересудов и лести. Обонянием будем чаще ощущать каждения от церковного ладана. С благоуханием росного ладана, составляющего принадлежность молитвы, входит в душу услаждение особенное: оно не разнеживает души, а как-то очищает и укрепляет ее. Суеверие или беспечная греховность боятся ладана, будто напоминания о покойнике. Но верующий и

нравственный христианин любит каждение ладана за службою в церкви, после молебна у себя в доме или после каждения им пред иконами в домашней кадилнице: все это вместо того, чтобы постоянно находиться только в табачном дыму, обонять винных запахов по страсти или обливать себя, или свои вещи, духами. Особенно освящается обоняние и, освящаясь, вносит в душу чистые мысли, когда кто прикасается к святым мощам, от которых благоухание бывает не похоже на мирские ароматы, но какое-то неземное, нетленное или не выдыхающееся. Вкусом будем чаще испытывать тайны Христовы, которые, впрочем, просвещают и всю «чувств простую пядерицу»²⁵³, равно, как ощущать им питье освященной воды: все опять-таки вместо того, чтобы услаждать вкус яствами и лакомствами, и спиртными напитками. Наконец, впечатления для осязания нашего составляют: частое целование икон, креста, Евангелия и слов в евангелии, окропление себя святой водой, коленопреклонения на молитве, несение на плечах во время крестного хода икон: все это вместо того, чтобы каждый раз сидеть или лежать только на мягком, ощущать на себе одежды или около себя только гладкое, шелковое и теплое. – Приводя в пример подобные впечатления для пяти чувств, мы не занимаем тебя, читатель, только словами. Нет! Здесь не игра слов или одна находчивость мысли, но самое дело. Услуга пяти чувств душе, на которую мы указали, самая правильная! Это свет в душу чрез окна ее самый чистый! Это такие впечатления, которые благодатно освящают все пядеричное число чувств! Как оскверненный какой-либо сосуд, по чиноположению церковному, святится окроплением святой воды; так каждое из пяти чувств может освящаться от греховных скверн этими впечатлениями и упражнениями. Тогда-то чувствами вносятся в душу только такие знания и ощущения, которые служат к славе Божией и на пользу ее. – Читатель! Если ты живешь в мире, то для тебя пять чувств гораздо более могут быть проводниками греха и страстей, чем для людей, живущих в уединении. Отшельник удалил себя от многих предметов, которые могут искушать его чувственность, между тем, как ты окружен со всех сторон грешными впечатлениями для своих пяти чувств. Для

отшельника страсть возникает в мысли, тогда как для тебя она зарождается более отвне. Но, конечно, безопаснее же состояние, легче же борьба, когда городские ворота затворены и враги остаются за воротами. Итак, – убеждаем тебя – будь стражем твоих пяти чувств! Затворяй их своевременно, чтоб чрез них не вторглись в душу враги души. Чем больше, например, насмотришься или наслушаешься худого и вредного, тем и больше должен вынести борьбы с собой, если даже и не сочувствуешь худому, если не хочешь согрешить.

Нечистота воображения

Воображение (чувственное представление), входя в состав познавательных сил души нашей, также низшая познавательная способность. Господь Бог дал нам эту способность на помощь уму. Ум без посредства чувственных видов ослабевал бы по связи своей с телом, как сила противоположная телу. Таким образом, свойство воображения составляют чувственные виды, или видимые какие-либо картины²⁵⁴. Воображение тем самым, что живо воспроизводит в душе что-либо виденное или слышанное, а то и первоначально производит какие-либо образы, – этим самым оно помогает уму тверже познавать предметы, облегчать размышления, доставляет душе приятные воспоминания, словом, освежает и обогащает деятельность души нашей. Но, к сожалению, и эту способность мы злоупотребляем, даже более, чем другими способностями. Часто воображение берет в нас верх над рассудком, и в таком случае, в нашей душе не стаёт спокойного состояния, мы теряем правильное размышление о людях и предметах. Тогда мы перелетаем то к прошедшему, то к будущему времени, между тем, как должны бы жить настоящим, потому что *«довлеет дневи злоба его»* (Мф.6:34); тогда мы скупаем ежедневными занятиями по своему званию или должности. Необузданное воображение представляет нам и то, чего не было и не будет на деле, чего мы не слышали и не видели. А из всего этого выходят одни пустые мечты. Предметом мечтаний большею частью бываем мы сами: то мы сочиняем себя богачами, то думаем возвыситься до редких достоинств (быть князьями), то ожидаем какой-то необычайной перемены в своих обстоятельствах, то строим себе крайне отважные предприятия («воздушные замки»). Если б люди были всеведущи и проникли в нашу душу, то посмеялись бы над нашими мечтами. Но и мы сами невольно стыдимся себя, когда опомнимся от своих мечтаний. – Необузданное воображение (что всего достойнее сожаления) придает, обыкновенно, и порокам обольстительную приманку. Если же к этому присоединится еще бесовское

обольщение, как испытали многие святые: то дело доходит даже до того, что мечты воображения представляются наяву²⁵⁵. Бесовское привидение уже не может быть узнано, если человек раньше не узнал дьявола в гнусных и несбыточных мечтах своего воображения: мудрость этого знания принадлежит святым. Итак, чем же остается предотвращать и обуздывать вредные порывы воображения? Нужно больше работать умом и чувствовать сердцем: у святых Божиих так-то и действовали ум да сердце. С умеренностью нужно читать стихотворения, особенно в молодых летах, а затем прямо избегать чтения таких книг, которые переносят человека из мира действительного в мир мечтаний (как, например, вымыслы о рыцарях, о духах), или которые занимают воображение нечистыми представлениями (как, например, романы). Полезны для обуздания воображения телесные труды. Вредны частые встречи с людьми восторженными, или мечтателями. Прекрасно обуздывается воображение представлением страшного суда. Вообще, мы должны, с одной стороны, отклонять себя от таких картин, которые противны христианской нравственности, а с другой – обогащать свое воображение видами чистыми, священными. В таком разе некоторую власть над своим воображением мы приобретаем даже и в то время, как оно выходит из-под нашей власти, когда от влияния крови сильно оно играет, например, в горячечных болезнях и во время сна. Так, известно по наблюдениям над душой, что человеку, который любит читать псалмы и евангелие, и во сне представляются священные тексты. Это часто значит поучаться *«в законе Господнем день и ночь»* (Пс.1:2). Это выходит: *«аз сплю, но сердце мое бдит»* (Песн.5:2). И это бывает наградой человеку за предварительное делание его днем, – наградой; потому что тогда его воображение – как видите – ограждает его во сне от грязных бесовских мечтаний. – О, христианин! Все силы души Господь дал нам для того, чтоб мы украшали ими свою жизнь. Будем же стараться возвышать и воображение свое к предметам чистым и священным. Тогда мы сознаем истинную красу его.

Слабая для доброго память

К умственным, или познавательным способностям души, относится память. Что язык, или слово, для мысли: то память для ума. Память дает пищу уму, припоминая ему что-либо виденное или слышанное, или мысленно воспринятое им: но, в то же время, она и сама хранит, о чем ум размышлял, что ум понимал. Правильно ли мы пользуемся и эту способность? К сожалению, нет! Память наша в одно и то же время бывает как-то и крепкая, и слабая. Чего бы не надо помнить, что бы следовало предать забвению, то она долго удерживает, а что надлежало бы вспомнить, о том забывает. Кто не испытал на себе (по крайней мере из тех, которые стараются сохранить свою душу в чистоте), кто не знает по опыту, что если он певал в молодости мирские песни или только слышал их, то чрез целые 25–30 лет вдруг иной раз так и начинает запевать в своей душе какую-либо песню? Кто также не испытал, что какая-нибудь особенно соблазнительная картина, намеренно или случайно виденная им, долго-долго ему помнится, хоть бы он и не желал помнить ее? Кому еще из людей внимательных неизвестно, что одно тяжко оскорбительное слово, которое мы услышали от известного человека, живо припоминается нам, а десять благодеяний его как-то забываются? И все это для добрых душ бывает против желания их. Святые иногда из-за одного нехорошего слова, которое случайно услышали, перезабывали из духовных книг то, что знали наизусть. Что же нам делать, чтоб направить свою память к лучшему, чтоб она вернее служила цели нашего существования и более соответствовала бы той цели, для которой Бог дал нам ее? Тут уже нечего усиливаться сознанием пред самими собой, что худо помнить худое: такое сознание в доброй душе, или у человека нравственного, само собой пробуждается. Но должны мы отводить от себя *«многия и лютыя воспоминания»* (послед. молитва между вечер), сознавая свою греховность и стараясь произвести в душе противные добрые мысли. Затем не следует вновь заготовлять себе худые воспоминания и представления, а

для этого нужно избегать поводов видеть или слышать, или прочесть что-либо худое, мерзкое. Далее: так как все, что с принуждением выучиваем мы, недолго удерживаем в своей памяти, например, так и некоторые школьные уроки, – между тем с удовольствием воспринятое тверже помним: на этом основании такие святыя знания, как тексты из слова Божия или проповедь церковную, будем принимать на память с охотою и усердием, равно как с тою открытою душою – относиться к внешним впечатлениям в характере священном. Когда таким образом доброе тверже напечатлется в нашей памяти, тогда оно скорей будет вытеснять из души нашей воспоминания нечистые. От головных болей, а под старость лет и вообще, память делается слабою, забывчивою; старый человек больше, и даже с малейшими подробностями, помнит что-либо из стародавнего, чем то, что видел или слышал вчера: это потому, что старое было воспринято им живее, в молодых летах, а новое воспринимается им уже не столь с живым чувством по холодности старческой крови; притом, старое много раз в жизни своей он припоминал. Таким образом, чтоб избегнуть забывчивости или обязанностей наших, которые мы должны выполнить, или данных нами ближнему обещаний или грехов наших, в которых мы должны принести сознание пред Господом Богом: для всего этого полезно нам иметь письменные записи (памятную) или просить других, чтоб напоминали нам. Христианин! всячески подавляй в своей памяти худые, злые воспоминания; так даже и во время покаяния изглаждай образ некоторых тяжких грехов, оставив только в душе имя своего греха и сознание себя грешником.

Нечистота ума и о богомыслии

«Осквернися их ум» (Тит.1:15). Когда человек был невинным и жил в раю, тогда он ум свой занимал только Богом. Если же он любовался на природу, то и в природе также познавал Бога, например, свойства бесконечной премудрости²⁵⁶ и доброты. Но затем ум его разорялся по разным предметам²⁵⁶. Первое, что теперь составляет слабость нашего ума, это – земные, житейские помыслы наши (Флп.3:19). Мы до того привыкли размышлять только о земном, – о доме, о пище и одежде, о торговле и тому подобном, что для высших размышлений ум наш слаб подобно младенцу, что даже божественные предметы мы встречаем с какой-то тайною нерасположенностью. Затем, худшая сторона нашего ума: скверные мысли. Хоть ум и бестелесен, хоть он не вещь: но своим образом оскверняется. Из худых мыслей одни бывают минутные, или как кратковременные возмущения духа, другие же продолжаются целые дни и месяцы; одни тончайшие, которые трудно заметить и которые открываются уже впоследствии, из самых дел, а другие – грубые, которые всякий может сознать в себе.

Итак, какими же путями мы можем достигнуть чистоты мыслей в большей или меньшей степени? Для этого мы должны стараться обращать свой ум в первобытное состояние, или к первоначальному его занятию. Первоначальным же занятием для него было – как мы сказали – всегдашнее созерцание или познание Бога. Удержаться от каких-либо помыслов, например, блудных, еще легче, но вообще сохранять в собранности и чистоте свои мысли очень трудно. Дух или ум наш не то, что ноги: его не свяжешь веревками или цепями. Возвращать его к первобытным упражнениям, это и значит сообщать ему чистоту, освященность. К числу таких упражнений, прежде всего, относится молитва. Молитву в полном смысле можно назвать «беседою души с Богом». Но в человеческой беседе или в обыкновенном разговоре, чем важнее лицо, с которым мы разговариваем, тем больше увеличиваем свое внимание, тем более следим своею мыслью за каждым словом; таков,

например, был бы наш разговор с высоким начальником. Так и молитвенный разговор наш с Богом, естественно, остепеняет нам ум. Пусть для этого разговора не движутся наши уста. Но он, несомненно, продолжается; потому что молча мы произносим же иногда в уме целую речь, разговариваем же и в сновидении. Но, если на молитве своей и еще более мы убеждаемся в том, что ум наш непостоянен, рассеян: то остается нам употреблять меры против рассеянности на молитве, например, нужно постоянно возвращать рассеивающий ум к предмету молитвы. – Прекрасно помогает чистоте ума бытность в церкви. Слушание пения, евангелия и проповеди, – все это сильные впечатления, которыми вдруг запасается человек, подобно тому, как поклонник мощам из дальнего места на целую жизнь выносит от мощей религиозные впечатления. Эти-то впечатления, со вниманием принятые в церкви, и после церкви дольше или короче занимают наш ум. Таким образом, чем чаще будут повторяться для нас святые впечатления, тем больше будет достойных занятий для нашего ума. И самая тишина в церкви помогает нашему уму сосредоточиваться, потому что она напоминает о таинственном и ближайшем присутствии Бога. – Может очищаться наш ум чтением духовным, а особенно, словом Божиим. Слово Божие потому и называется так, что в нем занимают наше внимание речи и откровения Самого Бога; кроме того, оно заключает в себе особенную благодать освящать наши мысли. Итак, если в уме чаще будет молитва, а для глаз и слуха – служба в храме, в руках же Евангелие, то легко ли найдут доступ к нашему уму праздные, а тем более скверные мысли? – Вообще, против худых мыслей один закон: тотчас прогонять их от себя. Не надобно оставлять без внимания безнравственных мыслей и, в таком случае, когда они приходят только на минуту; потому что враг-дьявол, обыкновенно, не начинает вдруг со страсти, а прежде употребляет своего посла – худую мысль, и эту мысль старается чаще повторять в душе нашей. Бывают мысли, например, сделать что или предпринять, с одной стороны, благовидные, а с другой – довольно сомнительные. Относительно этих мыслей хорошо быть медлительным,

например, отлагать выполнение их с утра до вечера, а с вечера до следующего утра. Тогда и избегнем опрометчивости²⁵⁷. Наконец, чтоб дальше быть от худых мыслей, надобно посвящать особенные часы исключительно на богомыслие, например, воскресные вечера, причастные дни. Святые подвижники тут-то ум и считали умом дельным («дейтельным»²⁵⁸), а мысли – «деланием», который был упражняем в богомыслии. Они не все стояли на молитве; но в вечернее, например, время при закате солнца садились на жесткий стул, и занимались богомыслием. Предметом их богомыслия были свойства Божии, например, вездеприсутствие и всеведение, святые таинства, например, св. причастие, а особенно, страдания Иисуса Христа за грехи людей, вечные муки грешнику и вечное же блаженство праведнику. Прекрасную на сей раз услугу оказывает воздержание пищи и питья: при воздержании, и тем более при посте, ум наш легко занимается богомыслием; зато человеку, пресыщенному пищей (например, после ужина), богомыслие так же затруднительно, как трудно плавать в одежде. Если богомыслие бывает при довольном изучении святой веры и, во всяком случае, на основании слова Божия и святоотеческих писаний, то тут нечего опасаться дойти до мечтаний. Затем, сколь ни часто в богомыслии станем мы обращаться к одним и тем же предметам, – мысли наши не истощатся, но все потекут и все будут питать наш ум. Какая же это сладкая пища для ума человеческого! Однако ж, богомыслие было делом легким только для великих святых; а для нас оно не может быть иначе, как с самопринуждением, которое и вообще для христианина необходимо, так как *«царство Божие нудится»* (Мф.11:12). Испытайте предаться, например, в вечернюю пору, божественному размышлению, и ум ваш постоянно будет уклоняться к разным предметам. Следовательно, нужно принуждать себя к богомыслию. – Православный христианин! Когда мы предлагаем тебе православное нравственное учение о чистоте ума, не говори ты нам, что это уже слишком строго. Ужели излишняя строгость, когда желаем и себе, и тебе быть подобными ангелам, которые называются *«умными силами»* (Пс.25:6; 118:59 и др.)? Когда мы

приглашаем тебя еще и к богомыслию, не отвечай ложною пословицею: «до Бога высоко». Солнце от земли так же высоко: однако земля постоянно обращается к солнцу, принимая от солнца свет жизни. Итак, не отрекайся же и от самого богомыслия мирскими делами и заботами. Давид умел же совмещать богомыслие и с делами по управлению государством, и с семейными обязанностями.

Несохранение в чистоте своей совести

«Совесть имуща благу» (1Пет.3:16). Когда Господь Бог вдунул в лицо Адама «дыхание жизни», тогда сообщил ему нечто божественное, или особенно священное. Это была человеческая «совесть». Совестью называется «закон ума» (Рим.7:23). Совесть – наука, различающая пред человеком добро от зла, наука даровая, врожденная. Совесть есть светлое чувство духа человеческого. Она пишет законы у язычников. Первые языческие законодатели не имели пред собой примера писанных законов и не были знакомы с свящ. Писанием; между тем, составили правильные законы, например, о браках, против обид ближнему и убийств. С чего же они списали законы? Со своей совести. Это и значит: *«являют дело законное написано на сердцах»* (Рим.2:15). Да: совесть есть первый учитель человека, – учитель, положим, и не по дальним предметам или не для подробностей, но самому главному и необходимому, т.е. что человек должен делать и чего не делать. Вместе с тем, она есть обличитель. До совершения греха она учит, удерживает, а после греха обличает. Почему же она не обличает или не вполне обличает человека и перед самым грехом, или во время греха? Так, часто мы видим, что и готовясь согрешить, и согрешая, иной вовсе не чувствует смущения совести, напротив – бывает весел, доволен, хоть бы грех его и был тяжкий. А затем, согрешивший, тотчас показывает раскаяние, или только делается скучным. Отчего же это так? Виновником на сей раз бывает ум. Совесть труднее обольстить, чем ум. Прямо, или положа руку на сердце, никто не назовет порока добродетелью, например, не скажет, что воровство или блуд не предосудительные дела. Но со стороны ума являются предлоги: «велик ли это грех? кто Богу не грешен»? Таким образом, обольщенный ум действует и на совесть: совесть входит с умом в сделку. Но, как только грех совершится, как страсть будет удовлетворена, – в первые же за этим минуты совесть и проявляет свое право, которое есть право судить. Сильнее, или только внятнее, совесть упрекает человека в каких-либо

стеснительных обстоятельствах его, и на сей-то раз упреки ее бывают за самые тяжкие грехи и часто возникают через продолжительные годы²⁵⁹. Совесть есть учитель всегдашний, несменяемый: каков бы ни был сам этот учитель, т.е. исправен или неисправен, но, если нет других руководителей на какой-либо вопрос или на какое-либо дело, т.е. нет ни книги Евангелия, ни устной проповеди священника, ни закона, или устава гражданского, все-таки человек должен слушаться своей совести. Но, как строгий обличитель, совесть не всегда же или ежечасно обличает, а только по временам. Почему же? Потому что иначе человек не вынес бы ее мучений, как состояния жестокого. Таким образом, Господь Бог оказывает к нам милосердие, когда освобождает нас от терзаний совести каждый день или час. Зато, как учитель, так и обличитель, совесть терпелива: не то, чтоб раз-два она напомнила человеку, да потом и замолкла навсегда. Нет, ее голос отеческий, и даже больше, чем отеческий; потому что иногда и отец выходит из терпения, выгоняет от себя непослушного сына, между тем, как совесть даже после тысячекратных ослушаний со стороны человека не отступает от него, даже до самого гроба находится с ним. Словом, Господь Бог ничем столько не выразил к человеку Своей любви при сотворении, как тем, что наделил его совестью. Это такой близкий к человеку учитель и обличитель, что долго-долго, не одну тысячу лет, даже до времен Моисея, она одна несла службу учителя, без всяких посторонних помощников. А для чего (спросят) стал нужен при совести закон писанный, для чего понадобилась Библия? Для того, чтоб человек яснее видел в Библии требования Божии, которые неясно стала передавать ему совесть; чтоб прямее сознавал свои грехи, которые стала скрывать от него совесть. В Новом Завете Иисус Христос обновил человеческую совесть святым крещением (Евр.10:22) и евангельским учением.

Какова же совесть сама по себе теперь? Во всех ли голос ее слышан, как голос всегдашнего учителя и обличителя? Не видно ли греховное повреждение и в этой душевной силе нашей, подобно другим душевным силам, — памяти, воображению и уму? Да, и ныне, с большим распространением

тьмы греховной, совесть в человеке темнеет, подобно тому, как свеча в комнате, где больше соберется людей и больше будет удушливого воздуха, – горящая свеча делается тусклою, а, пожалуй, и совсем гаснет. Готовые в слове Божиим названия совести недоброй, высказанные по разным случаям, и к нашему времени имеют полнейшее применение. Так есть совесть у людей слишком «слабая» (1Кор.8:10), так что она молчит или едва-едва говорит. Есть совесть «сомнительная», или мнительная, есть совесть «лукавая» (1Кор.10:25) готовая во всем оправдываться. Есть совесть «мертвая» (Евр.10:2) которая, так сказать, уже устала обличать человека, потому что без пользы вразумляет и обличает его. И есть совесть «сожженная» (1Тим.4:2), или просто бессовестность, которая легко решается на всякую ложь, на всякий проступок и грех. Какие это печальные отзывы о человеческой совести! Что же, – есть ли возможность, потерявшему ее, снова пробудить ее в себе? Есть ли надежда довольно совестливому более развить в себе совесть? Да, есть надежда, и даже гораздо большая надежда, чем на исправление других поврежденных сил и способностей души нашей. Действительно, ни одна душевная сила не сохранила в себе столько остатков образа Божия, как совесть. Какие же меры можем мы употребить, чтоб исправить, очистить, усовершенствовать в себе совесть, чувство столько близкое к каждому из нас?

На совесть имеют влияние всякая неправильная мысль, ложные умствования, неправославные взгляды. Положим, совесть долго еще борется с умом, который принял неправильное направление, уклонился совсем от истины; но затем и она попадает в плен. А просветить ум, сообщить человеку правильные взгляды может одно Евангелие (Мф.6:22). Впрочем, и читая Библию, непременно нужно справляться со своею совестью: иначе и с Библией в руках может человек остаться не имеющим совести (бессовестным). Вот доказательство. Евреи и почивали на законе, а язычники совсем незнакомы были с Библией. Но кто же скорее принял христианскую веру? Язычники. Почему? – Потому что они все-таки руководились совестью: а совесть, как мы сказали, есть

первобытный учитель человека, страж всего доброго в человеке, как бы наместник Божий в душе человеческой. Евреи же не заглядывали в свою совесть и остановились на букве закона, и, таким образом, остались позади язычников. Таким образом, совесть и Евангелие – это как два глаза у человека при одной голове и груди! Евангелием и учением православной Церкви совесть изощряется, наподобие острого ножа. В таком случае, совесть начинает примечать в нас и самые малые погрешности.

Нужно не только спрашивать свою совесть, но и вслушиваться в нее, или дослушивать ее. Иные говорят, по-видимому, спокойно: «совесть моя не укоряет в том и другом», между тем, как действия их, очевидно, неправильные и богопротивные. Как же понимать их? Можно понять их только в том смысле, что они вовсе не прислушиваются к своей совести, что бегут от совести, лишь только она начнет обличать их. Пример такого бегства видим в Пилате. Пред Пилатом стоял Сам Творец совести. Пилат предлагает вопрос Иисусу Христу: «Что есть истина?» ([Ин.18:39](#)) и, предложив вопрос, не дождавшись ответа, тотчас же бежит к народу. Так и ныне, многие стараются убежать от самих себя, лишь только совесть заговорит в них, они бегут в гости, на вечера, в клубы, в увеселительные заведения, для прогулки или же в самом одиночестве своем, которое, между тем, более всего могло бы пробудить спящую их совесть, – усыпляют свою совесть насильственно, например, нетрезвостью, плотским грехом, многотчением. А как еще немало таких людей, которые при намеке вообще на совесть тоже с сомнением и насмешливо спрашивают: «что есть совесть? как понимать ее? есть ли она»? И вот, таким образом, эти люди и сами легко решаются на всякие бессовестные дела, и в поведении других примиряются с явными пороками и вопиющими неправдами! Однако ж, (повторяем) навсегда убежать от своей совести нельзя, как и от самого себя никуда не уйдешь. Страшно только дожидаться того времени, когда совесть без пощады будет мучить. В таком случае, иные близки бывают к отчаянию.

Хорошо прислушиваться, когда других кого обвиняют в тех самых пороках, которым и мы повинны. Бытность, например, в

гласном суде не ради одного любопытства, но с целью наблюдения за ходом современной, нравственной, или, вернее сказать, безнравственной жизни, очень полезна для исправления собственной совести.

На совесть производит самое вредное впечатление тяжкий грех, если не будет в этом грехе скорого раскаяния: вздохнуть, помолиться усерднее за вечерней молитвой по поводу тяжкого греха, отслужить в церкви или дома молебен в чувстве сокрушения необходимо и очень полезно для сохранения в себе чувства совести. Но, если к несчастью будет допущен и смертный грех, или такой, который не дает покоя совести: в таком случае, недостаточно одного уединенного или домашнего покаяния. Нужно тотчас, не дожидаясь ни поста, ни благоприятного времени, прибегнуть к церковному покаянию, исповедаться пред священником. Лучше средства, как частая исповедь, нет на тот предмет, чтоб совесть была нежною, чувствительною, всегда чистою пред Богом: то бы главнейшим делом священников и должно быть, для того бы и можно было желать или большего числа священников, или большей свободы их от других занятий, например, от должностей общественных, чтоб они принимали чаще исповедников. О, любезный мой собеседник! Как дорого иметь чистую, *«благую совесть во всем»* (1Тим.1:19)! Давид, как царь, обладал в жизни и всеми удовольствиями или средствами для удовольствий и счастья. Но лишь только к счастью и изобилию его присоединилось угрызение совести, то и счастье превратилось в скуку: он почувствовал, что *«несть мира в костях его от лица грех»* его (Пс.37:4). Итак, дорожи ты в себе чистою совестью, как святынею! Чистая совесть и может быть только у истинного христианина.

О нравственном направлении воли

Неразвитие в себе нравственного характера

«Тверди бывайте, непоступни» (непоколебимы) (1Кор.15:58). Характеру это есть постоянство не только в делах, но и в мыслях, чувствованиях и желаниях. Человек с характером не берется делать ныне одно, а завтра другое, бросая затем и первое, и последнее. Нет! Этот человек неуклонно стремится к одному чему-либо, разумно предпринятому. Он не падает духом в виду препятствий; напротив, препятствия еще более возбуждают его дух (энергию) к предположенной им цели. Такие люди дороги в общественной жизни: здесь они лучшие деятели. Однако ж, истинный, достойный богоподобной природы нашей характер только тот, когда кто из нас бываете настойчив к добру не иначе, как во имя истины и добра, кто как бы жаждет добрых дел, готов ради своих нравственных убеждений и пострадать. С задатками такого характера могут рождаться люди, могут, вместе с тем, и не рождаться: но воспитание, но развитие в нас этого характера, во всяком случае, принадлежит христианству. Вне христианства возможна разве «слабохарактерность, или бесхарактерность». Слабохарактерный человек часто делает то, чего сам не одобряет; или благоволит к тому, кем, напротив, недоволен, на кого жалуется: этим человеком обладает первый, кто будет ближе находиться с ним. Истинное несчастье для этого человека, если он дойдет до какой-либо страсти, например, до пьянства: хоть и родится у него желание бросить страсть, не будет силы воли бороться с ней. Без христианства возможен разве характер «упрямый». (О чем вы ни попросите упрямого человека, у него на все в готовности один ответ: «нет», так что в той мере, как вы усиливаете пред ним свою просьбу, он становится жестче; упрямый не имеет основательных причин не соглашаться с вами, но вся причина его – нехотение). Вне христианства известен еще характер «своенравный». (Своенравие не одно и то же с упрямством. Упрямый только не соглашается с вами, не уступает вам. Но своенравный идет дальше: он хочет, чтоб и другие непременно

делали по его желанию). В богобоязненном же христианине нет таких неровностей характера, или же они сглаживаются в нем. Например, хоть и он так же твердо держится тех занятий, которые однажды избрал себе, но, вместе с тем, трудится не больше, как Бог указывает ему на каждый день. Притом, он держится в труде своем закона постепенности: начинает с меньшего и идет к большему. Или, хоть и он не отступает от своих планов и начатых дел – не смотрит при этом на сильные препятствия и на множество завистников себе и ненавистников, но, в то же время, и не идет против непреодолимых препятствий, не усиливается чрезмерно, предает судьбу своих дел воле Божией. Стоек и самостоятелен он: однако ж, не до мелочей. Если, например, и совсем закрывается пред ним счастливая дорога, по которой он пошел, – закрывается, единственно, по зависти и злобе человеческой: он уступает обстоятельствами, предполагая, что в этих обстоятельствах, может быть, указывается ему воля Божия, и что Господь Бог устроит его судьбу к лучшему. Но и в это самое время, или в этом принижении, он сохраняет благородство духа и самостоятельность характера. Когда святых мучеников истязали, то вовсе не мучители были над ними победителями, а они побеждали твердостью своих убеждений, непоколебимостью своей воли. Тот же сильный характер всегда замечательно выражался в истинных пастырях Церкви, если внешнее положение их и не было угнетенное²⁶⁰.

Чем же можем мы развивать в себе столько сильный характер? Важно на сей раз обыкновенное или, так сказать, местное постоянство в жизни. Так, например, не следует самопроизвольно и без всякой нужды переходить с места на место, – по службе, по житейскому занятию какому, или только лишь часто переселяться из дому в дом, частовременно перемещать свои квартиры. Дерево, которое часто пересаживают, не приносит плодов: так и дух человека, постоянно перемещающийся, бесплоден. Некоторые переезжают в другой город или в иную губернию, когда постигнет их великое несчастье, например, смерть жены или детей. Но и в настоящем случае спешить перемещением не следует. Нужно оставаться

на том самом месте, где получен удар, – оставаться, по крайней мере, дотол, пока скорбь не пройдет: пройдет скорбь, и тогда можно переместиться, если требует того нужда или есть сильное желание удалиться. А иначе мы и не испытаем благодетельных последствий от несчастья, которым с премудрою целью посетил нас Бог; и можем встретить на новом месте ту же или только подобную скорбь, от которой бежали. Святые не любили часто переселяться с места на место²⁶¹. Да; оседлость-оседлость очень важное условие к развитию в человеке постоянного характера!

Затем: нравственно-сильный характер развивается усидчивым или терпеливым трудом. Труженик напрягает свой ум и телесные силы к известному занятию. Он не оглядывается по сторонам, но углубляется в дело, когда настала для него пора делать. Отсюда остается след и вообще на его духе. Отсюда вырабатывается в нем характер выносливый, настойчивый. Но, в свою очередь, и сила твердого характера отражается на его трудах. Такой человек не только везде находит себе дело, но и заставляет удивляться, – откуда же это у него берется столько сил и времени, что он выносит столько труда и делает столько полезного.

Для христианина есть очень верные упражнения, чтоб образовать в себе нравственно-сильный характер. Это исполнение им уставов церковных. Церковь не любит перемен и только в крайних случаях решается на перемены. Она, например, в известный час ударяет в колокол к вечерне или обедне: этим она приучает нас к постоянству в часах для нашей молитвы. Она отправляет по временам особенно продолжительные службы, например, всенощные на годовые праздники: тем самым она воспитывает в нас характер стойкости для религиозных, духовных дел. Она держит длинные посты, для чего же? – чтоб мы привыкли к лишениям вообще, чтоб были способны побеждать себя.

Еще более развивается в человеке сила характера, когда он выходит на борьбу со злом, когда борется с неправдою, равно как и с несчастьями, которые приходят к нему помимо человеческой неблагонамеренности или злобы. Да! не нужно

поддаваться злу в себе самом и в других; не нужно уступать неправде, сколь бы ни сильны были представители ее. В христианине, однако, эта борьба не какая-либо беспорядочная, так что он заслуженно должен бы принять имя человека беспокойного характером. Нет, в нем эта борьба мирная, не раздражающая других, хотя ею в высшей степени раздражаются люди неумные. Человек с нравственно-твердым характером только лишь не одобряет неправды и злоупотреблений. И, если долг службы и другие обстоятельства не вызывают его, то он и не вопиет об этой неправде и злоупотреблениях, потому что от того было бы одно раздражение других. Когда же на него бывают прямые нападения или, когда его самого вынуждают поступить несправедливо: в таком случае, он лучше решается потерпеть, чем согрешить или изменить своей честности и долгу правды. Что же касается несчастий, застигающих его по воли Божией, то в то самое время, как он горюет в своем несчастье, однако, не вдается в какую-либо слабость, – в это-то время и крепнет его дух, еще тверже в нем устанавливается характер. Испытавший в своей жизни много несчастий, делается подобен крепкому дереву, которого не может сломить никакой ветер. Впрочем, может быть великодушие в несчастьях и неистинное. Иногда оно бывает только «философское», в духе одной гордости. Кто-либо, положим, и не падает духом в горе, не поддается несчастью; но только ради того, чтоб его не называли трусом и малодушным. За общее же положение можно принять, что пусть лучше будет малое падение со смирением, чем добродетель с гордостью. Гордо-великодушный человек, в свою очередь, не ценит и счастья. И к радостям, и печалям в своей жизни он относится равнодушно, вместо того, чтоб в первом случае дать себе свободу нарадоваться, а во втором – наплакаться, чтоб за одно поблагодарить Бога, а в другом – прибегнуть к Богу. Нет; бороться с несчастьями нужно в духе христианском, с покорностью воле Божией, с сознанием своей вины пред Богом. Нисколько не унижат человека на этот раз и слезы, хоть бы то был человек сильный своим умом или властью, или влиянием на других. Слезы в горе и несчастье – великое спасение от жесткого характера, особенно так для

мужчины. – Православные читатели! Христианство в силах все пересоздать. Так, можно и родиться с характером слабым или нетерпеливым, но затем постепенно, с Божией помощью, воспитать в себе характер твердый и великодушный. Примемся же за воспитание в себе нравственно-сильного характера.

Семь дел милосердия духовного

Несведущего научить истине и добру

«Учаще... себе самех» (Кол.3:16). Как душа дороже тела, так дела духовной милостыни ближнему дороже дел телесного милосердия. Между семью, по числу этих дел, первое относится до ума, или до правильных понятий ближнего. Кто же те неведущие, которых нужно научать? Это люди совсем неграмотные, для которых закрыт путь знакомиться с предметами истины и добра посредством чтения. Это иной раз и люди ученые, но при своей учености не знающие того, что главнее всего должны бы знать. Пусть они сами виновны в незнании необходимейших предметов: но христианская любовь «не мыслит зла» (1Кор.13:6) и делится с ними существенно-необходимыми знаниями. Кто же «научающие»? Здесь не может быть речи об учителях церковных, или о священниках, которые учат по прямой своей обязанности, а не по одному усердию. В данном случае, учителями должны быть люди образованные, в том числе учителя по самой должности своей, а также и люди начитанные. Какая программа тех наук, которым нужно учить ближнего по христианскому милосердию? Это – истина, не общечеловеческая только, но более христианская, и добродетель, так же, не естественная только, но более евангельская. Таким образом, если люди образованные и будут бесплатно учить народ, например, отечественной истории или гигиене в «народных чтениях и на публичных лекциях» – это еще не милостыня их, а только добродетель гражданская и патриотическая. Милостыня же должна быть «во имя веры» (Мф.25:40), а в смысле «духовной» должна относиться прямо к духовной христианской жизни ближнего. О большинстве образованных лиц между светскими надобно сказать, что они и не готовы для такой милостыни: потому что знать Закон Божий они предоставляют, по какому-то странному понятию, только священникам да преподавателям в духовных школах. А кто вообще не постиг какого предмета, тот не должен сообщать этого предмета другим, чтоб самому не было стыдно. Без сомнения, и учить всенародно религиозным предметам,

например, в воскресных школах, светские образованные лица не имеют права: потому что не посвящены на то избирающею благодатью. Может кто из них учить одного-двух, а не народ (VI Всел. 64): или, скорее, иной может печатно предложить свои христианские размышления, хотя все же не в форме поучений, или не как по поручению от Церкви. Однако ж, Церковь с готовностью приняла бы услугу их к научению неведущих там или тогда, где и когда вопрос соприкасается религии. Такова большая часть религиозных предрассудков народа, которые и не могли бы быть раскрыты народу простым объяснением из наук естественных (например, относительно воображаемого путешествия по небу пророка Илии во время грома и т.под.) Между тем, исполняют ли люди образованные это дело милосердия: *«неведущего научить»*? О! относительно многих надобно сказать, что нет. Как никогда фарисеи с презрением говорили о простолюдинах: *«народ сей, иже не весть закона»* (Ин.7:49), так и ныне многие из тех, которые имеют степень и звание ученых, только лишь чувствуют свое достоинство пред неучеными, только лишь говорят о простолюдинах: *«невежды ничего не понимают»*, но не заботятся об истинном просвещении неученого народа, чтоб и народ ходил во свете. Нет! любовь христианская *«не бесчинствует»*, т. е. не брезгует, не гнушается никем и ничем, если того требует благосостояние ближнего. Нет, ученые должны быть учеными не для самих только себя, но и для ближнего, не знающего грамоты и не понимающего совсем заповедей веры, а также и законов природы, которые дали бы ему не только чувствовать, но и понять в мире великую премудрость Божию. Они ответят пред Богом за то, что скрывают свои таланты. Еще хуже, если они одни хотят учить и образовывать темный народ, стараются отвлечь внимание своих учеников от законных учителей, – от Церкви. Что мудреного? И во времена Апостолов некто Диотреф, желая сам быть первым учителем, не уважил Иоанна Богослова, не хотел принять посланий апостола (3Ин.1:9–10). У евреев некогда также была развита страсть учительства²⁶². Иное еще дело, когда способные, из светских, указать ближнему путь христианской истины, не указывают этого пути потому,

собственно, что щадят себя от неприятностей, которые уже испытали, предлагая другим эти уроки. Ведь большая разница: когда учит священник и когда мирянин скажет слово, даже и скромное, в урок ближнему. На священника смотрят в настоящем случае как на лицо, обязанное учить, а со стороны мирянина ощущают на себя силу особенно-действующую, силу усердия его. Итак, в этой-то уклончивости научить невежду виден только недостаток христианского самоотвержения, а не прямой отказ от доброго дела.

Между тем, были бы случаи очень многим исполнять дело милостыни, о котором идет речь. Вот, например, ты был в церкви и слышал проповедь. Передай же что слышал тому, кто не был в церкви и в ком на этот раз ты видишь пред собой так же «неведущего». Усердный и опытный в пастырском учительстве священник, и действительно, в одном из своих слушателей думает видеть десять слушающих, т. е., чтоб этот один, со вниманием слушающий его, передал слышанное десяти человекам или более. Но исполняется ли тобой, читатель, этот небольшой долг в отношении к ближнему? оправдывается ли тобой это ожидание со стороны доброго пастыря? Едва ли; потому что тебе и самому не хочется быть учеником Церкви, и других стыдно, будто бы, поставлять пред Церковью в разряд учеников, тогда как первые христиане не иначе назывались, как «учениками». Вот, ты прочитал духовную книжку какую или статью из духовного журнала: поделись прочитанным с другими, которые или не могут вовсе читать, или только не читали этой самой книги или статьи, между тем, как она была бы полезна им. Еще большая будет заслуга того человека, который (как в селе) с ведома своего приходского священника и по указанию последнего примет на себя труд читать к неграмотным душеполезные книги, который даже в свободное время (например, на сырной ²⁶³неделе) отправится с целью этого чтения в какую-либо деревню²⁶³. – Вот, ты имеешь у себя духовный журнал или целую библиотеку духовных книг: не откажи и даже предложи другим почитать твои книги²⁶⁴. – Но высшую заслугу «научить неведущего», высшую в этом роде милостыню, за которую Господь Бог наградит царством

небесным, составляет вот что: сочинение духовных и назидательных книг; – покупка кем-либо из состоятельных людей книжек духовных и потом бесплатная раздача этих книг грамотным при особых случаях, а иной раз, вместо обыкновенной материальной милостыни; – участие в прекрасных по своей цели обществах: распространения книг свящ. писания; распространение же духовно-нравственных книг, – участие в них денежным вкладом, пожертвованием, понесением какой-либо должности и трудом продажи книг по дешевым ценам («книгоноши»); – содействие к устройству читален или библиотек церковно-приходских; наконец, для кого возможно, и проверка самых книжек и картин щедро издаваемых для народа, – полезны ли еще эти издания для народного образования, чтоб вместо хлеба не подать народу худшее камня (Мф.7:9). – Самое ученье нужно предлагать не со властью, а лучше в виде учащегося. Мы должны считать себя не в силах учить других, и – тогда во всю жизнь свою будем оказываться мудрыми. – О, милосердный христианин! не опускай же ни одного случая, когда ты можешь поделиться с ближним сведениями об истине и добродетели христианской. Не доходя до «страсти учить», однако, не будь молчалив, когда слышишь, как ближний в своем неведении рассуждает о чем-либо при тебе слишком ошибочно, – не будь молчалив, и по одному желанию не противоречить ему.

Обратить грешника от заблуждения пути его

«Если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такого» (Гал.6:1). Это дело важнее предыдущего. Там мы видели в ближнем одно незнание, одну темноту его понятий: а здесь уже видим непорядки жизни, там не было только здоровья, а здесь уже болезнь, потому что пороки нисколько не лучше болезни. И на этот раз, прежде всего, заметим, что дело «уверещать, обличать и исправлять согрешающих и порочных» не относится к одним священникам, но также составляет в некотором роде долг православных мирян. Со стороны священников это дело, как уже служба, а мирянам вменяется в особенную заслугу. Притом, священник не всегда бывает с прихожанином согрешающим, а миряне его видят. Да и много таких случаев в жизни, которые без отлагательства времени требуют увещания, замечания, но которых между тем не может преследовать церковное или домашнее слово священника. Все ли, однако, из мирян призываются к тому, чтоб исправлять согрешающих? В слове Божиим этот долг возлагается на «духовных»: «вы, духовные, исправляйте». Кто же эти «духовные»? Это люди с духовным направлением жизни, которых действенность духа выражается особенно, например, в «силе» слова (1Кор.12:8). Однако ж, высокое титуло «духовных» не должно утешать нашего смирения. Может и не имеющий силы духа и не проявляющий явно своей духовности быть полезным для исправления ближнего. Много значит и заметить, напомнить человеку о его грехе, о его неправде и злоупотреблении, только бы замечание или напоминание было выражено с убеждением: есть люди, которых трогает самое первое замечание и которые уже никогда не допустят снова той погрешности или ошибки, какую им заметили. Евангельское слово: «обличи», по объяснению св. толковников, значит «напомни о грехе» (Св. Златоуст). Но, конечно, немудреное и нетрудное дело сказать ближнему: «ты тяжко гресишь; ты неправильно поступаешь: виноват ты, остановись и покайся». В слове Божиим указываются и тот

порядок, и дух, в каком мы должны высказывать правду для исправления ближнего. Сказано: *«Если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним»* (Мф.18:15). С первого раза требуется разговор с братом уединенный, кабинетный или келейный. Гласное обличение может показаться тяжелым, может сделать обличаемого более бесстыдным и наглым, потому и оставляется. Если обличитель успеет подействовать на согрешающего и порочного, то *«приобрел брата»*. Здесь приобретение двойное: ближнего он возвращает Богу и св. Церкви, а себе заслуживает от Бога особую милость. Выходит, что и оба раньше были в потере: один терял сам себя, а другой терял и брата, и свою собственную пользу. Какая же собственная польза последнего или, как мы сказали, особая милость от Бога обличителю? Это прощение ему собственных грехов: *«обративший грешника от ложного пути его, спасет душу (ближнего) от смерти и покроет множество грехов»* и собственных (Иак.5:19–20). Но, если грешник обличением одного человека не вразумится, в таком случае, нужно прийти к нему в двух-трех лицах. Присутствие нескольких лиц может пристыдить его, да и уверить его в том, что первый, кто обличил его наедине, был же прав в отношении к нему, говорил не по пристрастию, а обдуманно; потому что новые обличители, или новые судьи его поступков, говорят к нему то же самое, что говорил и тот. Когда увещание даже и двух-трех посетителей окажется бессильным, тогда *«скажи церкви»*. Под именем «церкви» здесь разумеется церковь частная, приходская²⁶⁵: а еще частнее, надобно понимать здесь священника и духовного отца, так как суд церковный принадлежит первее всего предстоятелям церковным. Наконец, когда согрешающий и порочный не убедится увещаниями или предостережениями самого духовного отца, даже нескольких вдруг священников, когда он еще посмеивается над священническим увещанием: тогда *«буди тебе якоже язычник и мытарь»*. После всего этого уже нечего считать такого человека сыном и членом Церкви, братом своим, а надобно только остерегаться общения с ним, чтоб самим не заразиться его направлением. После этого уже наступает для

него время «отлучения церковного», если не явным образом, или формально, то невидимым судом Божиим. Противься Церкви или посмеивайся над священническим увещанием сколько угодно, но не велика отрада быть отлученным. Затем, о духе или характере обличений ближнему говорится: *«исправляйте... духом кротости»* (Гал.6:1). Кроткий и любящий дух требуется, с одной стороны, для большей пользы порочного, которого нужно обличить и исправить. Обличение в таком духе скорее может подействовать на человека: сердце сердцу дает чутье. Но, если в ком из нас еще нет христианской братской любви к согрешающему и порочному, если этот самый человек нас сильно обидел, и мы не можем пока подавить в себе чувства обиды от него: то и нечего нам начинать увещывать его к исправлению; потому что, в таком случае, у нас непременно вырвется слово укорительное к нему, выразится месть словом, и мы только повредим делу увещания (Рим.6:13). Обличение в духе кротости и со снисхождением должно быть тем более для пользы нас самих: *«наблюдая за собою, чтобы не быть искушенным»* (Гал.6:1). Не только может постигнуть каждого из нас то же искушение, но и близок каждый к самому падению тем же пороком. Речь не о том, чтоб из боязни собственного падения или таких же тяжких грехов, какие примечаются в ближнем, должны мы помалкивать, оставаться равнодушными зрителями его пороков или каких-либо злоупотреблений. Нет! Но только не должны мы обличать ближнего жестоко и по чувству жестокосердия²⁶⁶. Из практики свв. подвижников видим, что те из них, которые слишком сурово обличали своих учеников или послушников, те сами делались близки к падению²⁶⁷ и спасались от падения только поспешным раскаянием в своей погрешности. Вот в каком порядке и духе нужно исправлять согрешающих!

Но исполняем ли мы это дело милосердия духовного? О! *«Даже не слышали, есть ли»* (Деян.19:2) такое милосердие к ближнему, требуемое от нас. Вот, например, иной человек расточает свое состояние на игры, на роскошную и веселую жизнь. Одни жалеют его, другие не иначе называют, как неразумным, но и только. Вразумить же его, постараться

остановить его на пути гибели каждый считает для себя бременем. Два человека между собой поссорились и враждуют, и это лица всем известные. Начинается переговоры об их борьбе: одни обвиняют одного, другие – другого; некоторые говорят: «пусть их тяжутся» (это их дело); а вообще с любопытством следят, чем же окончится их борьба, кто из них возьмет верх. Но найти случай примирить их, но убедить их, что каждый из них в своей мере виноват, но смягчить их гневливые сердца, – это находят для себя делом невыгодным, вмешательством в чужие дела. Где же христианская благонамеренность и любовь? Когда мы видим слепого, который идет в яму, то стараемся удержать его рукой или голосом и считаем делом бесчеловечным промолчать: а когда ближний падает в пропасть зла, то не хотим подать ему руку помощи, которой, к сожалению, и он сам не просит у нас, потому что не видит ясно своей опасности. Бывают и такие примеры: о пороке известного человека много или часто говорят, со всех сторон обсуждают неправильные действия его. Но войди или явись тотчас этот самый человек в кружок тех судей, – настает минутное молчание, за которым следует уже совсем иной разговор: о предмете же предыдущего разговора никогда не передадут ему с целью предостеречь его. Или вот, заметили за известным человеком какой-либо порок, самую важную погрешность: стараются молчать до времени, берегут тайну его греха. Для чего же? Чтоб в случае нужды укорить его, чтоб защититься от него в каких-либо собственных неправдах, за которые он стал бы с них взыскивать. Но и самые благонамеренные рассуждают: *«исправить, высказывая правду, не успеешь, а между тем, вооружишь против себя»* (Прит.9:8). О, друзья мои! Верю, что высказывать правду даже и в том порядке и духе, как предлагает слово Божие, часто бывает тяжелее состояние, чем тому, кто выслушивает ее. Невинный здесь больше иногда терпит, чем виновный; доброе предостережение возбуждает только злую месть. Но вооружимся христианским самоотвержением; будем уповать, что нашу правду Сам Господь защитит и *«выведет, как свет.., как полдень»* (Пс.36:6). Вместе с тем, пред таким человеком, от которого можно ожидать гнева и мщения за обличение его в

пороках, можем употребить взамен словесного и непосредственного обличения письменное. Нет, милосердый христианин! Не уклоняйся от этого дела милосердия, чтоб согрешающего и порочного брата обратить, и ты получишь за свое милосердие Царство Небесное!

Подать ближнему благовременный совет

«Начаток всякого делания совет» (Сир.37:20). В каких это делах нужно служить ближнему добрым советом? В таких, которые имеют значение нравственное: тогда только и будет оказана духовная милостыня. Но, очевидно, вопросы нравственные могут быть не исключительно о спасении души (Рим.11:34), а и по жизни семейной, и по службе общественной, например, как перенести семейное огорчение, как отнестись к чьему-либо злоупотреблению по совместной должности и т.п. Почему вообще нужно одождать ближнего советами? Потому что один Господь Бог не нуждается в советах: «Кто советник Ему бысть?» Люди же, и самые умные, самые дальновидные и опытные, часто ошибаются. Что светлее солнца? И оно иногда затмевается. Моисей был пророк, законодатель и правитель народа, а Иофор – человек простой и происходил из язычников: однако Иофор послужил Моисею таким советом по управлению народом, до которого он не мог вдруг додуматься. Итак, если нельзя обойтись в жизни без чужих советов, то и будет делом милосердия со стороны того, кто понимает дело, – посоветовать. Впрочем, на сей раз нужно не столько выходить со своею милостынею, сколько не скрываться с ней. Мы хотим сказать, что людям близким и зависимым от нас всегда мы можем предлагать добрые советы, т.е. и без вызова их. Но чужим можем служить советами, когда эти только попросят нас. Да, посторонним лучше давать советы не самопроизвольно, но по просьбе их, а также со страхом Божиим и со смирением; тогда не останется на советнике никакой ответственности, как с другой стороны и советом его не связывается тот, кто просил совета.

Исполняем ли мы это дело милосердия к ближнему? Исполнения нашего на сей раз бывает больше, чем в других случаях: но только намерения наши в исполнении столько нечисты, что о духовной христианской милостыни здесь и помину не может быть. Так, еще в делах, нисколько не соприкасающихся нашей личности (например, как полечиться от

простуды, от зубной боли), мы имеем в готовности совет, и совет искренний, по желанию помочь ближнему. Но там, где идет речь о жизни семейной или о службе общественной, – там мы советуем большею частью так как предвидим для самих себя пользу от поступка ближнего в известном случае; там мы стараемся извлечь из нужд ближнего личную какую-либо выгоду или лично угодить себе. Это значит: «*есть совещающийся о себе, самом*» (только для своей пользы (Сир.37:7)). Это значит «своекорыстный совет» вместо искреннего). О! Где же это ныне скорые, искренние и доброжелательные советники? Прежде всего, посоветуются с самими собой, справятся с собственным чувством в отношении к тому делу, на которое требуется дать совет, и тогда советуют. Если же дело будет совсем безынтeресное для них, тогда уклоняются от совета, отвечают сухо: «сами знаете». Еще хуже: советуют ближнему так, чтоб сбить его с толку, чтоб внести разлад в его семью, повредить ему самому или чрез него другому человеку. Предлагая совет, вовсе не имеют полезной цели для ближнего, но только по тайному нерасположению к нему пользуются его тесными обстоятельствами, чтоб он зашел дальше, и не мог бы уже выйти из затруднительного своего положения. Здесь выходит уже большее, чем своекорыстие в совете: здесь уже злосоветие. Еще случается, что, когда сами не могут под видом благого совета посоветовать вредно, то просят о передаче своего совета других, которые, впрочем, иногда и не понимают их тайных намерений; так, из священной истории знаем, что некоторые люди «нанимали» советников для Зоровавеля и Иисуса, чтоб эти ревнители не строили в Иерусалиме храма (Езд.4:4–5). Ты, милосердый христианин! Будь готов для каждого человека только с благонамеренным и добрым советом, когда кто среди каких-либо затруднительных обстоятельств совсем растерялся духом. Любовь христианская «*всему веру емлет*», т.е., если взять настоящий случай, как верит тому, в чем просит совета ближний, так и сама ничего не посоветует ему с хитрым лукавством. За такое милосердие ближнему ты получишь Царство Небесное.

Печального утешить

«*Плакати с плачущими*» (Рим.12:15). Кто это печальные, которых утешить значить сотворить богоугодную милостыню? Это те дома, где оплакивают смерть или отца, или мужа или кого-либо из детей. Это те люди, которых преследуют зависть, ненависть и злоба человеческая, которые незаслуженно понесли столь тяжкое огорчение, что и опомниться не могут, в судьбе которых в высшей степени торжествует неправда над правдою. Это семья, скучающая о разлуке со своим отцом, особенно в годовую праздник. Это люди, пострадавшие и от потерь вещественных, например, от грабежа. Словом – люди, у которых печаль благородная, которых слезы и вздохи только от обстоятельств или от посещения Божия, а не собственно или единственно от их вины. Сколь дорого утешение ближнему в подобной печали, можем судить по собственному чувству. Когда постигнет нас горе, когда каждый день мы ходим с поникшею головою: тогда все люди кажутся нам немилосердными. Это, с одной стороны, потому, что мы слишком заняты своим горьким положением, а с другой – и от действительной холодности ближних к нашему положению: *«ждах соскорбящаго и не бе, и утешающих и не обретох»* (Пс.68:21). Посему великая это милостыня: «утешить печального». С этою милостынею уже надобно идти, а не оставаться дома в ожидании, когда придут за ней: *«благо есть ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира»* (Еккл.7:3). Убитому горем не до того, чтоб расхаживать и просить утешения: ему желательно уединение. Но он ждет, только часто не дождется того, чтоб кто-либо пришел к нему и поделил с ним бремя его душевной печали. Например, как прекрасно посетить тот дом, где умер кто-либо, и именно в тот день (вечером), когда совершилось погребение!

Чтоб лучше исполнить это дело милосердия, надобно поступать так. С первого раза нужно выразить сердечное поболение человеку в его печали: если он плачет, и – мы хорошо сделаем, если покажем у себя слезу; если он вздыхает, и мы должны бы испускать вздохи: *«с сетующими сетуй»*

(Сир.7:37). Не всегда нужно входить в подробности того дела, которое подавляет печалью душу человека; например, если кто терпит обиды, тогда как своим обидчикам не сделал никакого оскорбления, то наши расспросы, а его рассказы нам по этому предмету, еще более могут возмутить его душу. Между тем, иные из нас вот с того и начинают свои утешения печальному, что «не стоит ему совсем задумываться, что печаль его пустая и что он только малодушествует». Прямо сказано: *«утешайте и малодушныя»* (1Фес.5:14). Как же горько человеку, когда мы еще не верим его печали! или как ему прискорбно, когда вместо утешения мы начинаем упрекать его в неосторожности или же только говорим о собственной какой печали, считая свою печаль гораздо большею. – Когда же мы выразим свое искреннее сострадание к печальному, когда расположим его иметь к нам доверие: тогда-то можем предлагать ему самые утешения. Эти утешения должны мы заимствовать из слова Божия и направлять так, чтоб печальный сознал свое страдание только малою частицею или за тень того, что претерпел Господь Иисус Христос и понесли святые Божии. – О, добрый христианин! по любви христианской, которая милосердствует, пусть горе твоего ближнего будет собственным твоим горем. Пусть глубокая печаль твоего брата отзывается и во глубине твоей души. И не успокаивайся сам дотолы, пока не утетишь печального. Хоть бы и весь современный век охладел к ближнему, хоть бы во всем нынешнем свете было «только каждому до себя»: ты не охладевай в своем сочувствии к печальным. Жалей каждого в его горе и печали, как бы родного брата или сестру, и выражай эту жалость в сострадательном взгляде, в ласковом слове, в утешении, какое в силах подать. И – вот, за свое милосердие ты получишь царство небесное!

Молиться за ближних, а особенно за погибающего грешника

«Молитесь о нас», писал апостол Павел о себе к христианам из евреев (1Фес.5:25); «молитесь друг за друга», прямо заповедует другой апостол, Иаков (Иак.5:16). Если один просит о себе молитв, – просит даже у всех, не исключая и последнего мирянина, а другой дает заповедь помогать друг другу молитвою: то значит молитва о ближнем – не напрасное слово, но приносит свою пользу; значит ею выражается долг любви к ближнему, делается милостыня. «Но какая же (скажете) нужда молиться за тех, которые и сами за себя могут приносить молитву, которых молитва, очевидно, была бы еще сильнее, потому что жизнь их богоугодная, – как, например, был высок апостол Павел в сравнении с евреями, у которых искал молитвенной помощи»? Нужда в этой молитве частью может быть пояснена примером: «врач лечит врача». Апостол Иаков, предлагая заповедь о молитве друг за друга, прибавляет: «чтобы исцелиться». Самые сильные духом благочестия, самые усердные молитвенники, в некоторых случаях скорее могут молитвой подать помощь, даже чудесную, другим, чем самим себе, или в своих нуждах. Почему же это так? Здесь мы видим такое Божие устройство: если б эти люди в той же совершенной мере могущественны были помогать молитвой и самим себе, как помогают другим, то не дальновидные в духовном рассуждении могли бы о них думать, что сила помогать другим заключается в них самих, а не от Бога происходит, и, таким образом, вместо Бога прославляли бы только человека. Таким образом, и высокооблагодатствованные люди ищут помощи у менее облагодатствованных; и богатые духом оказываются скудными, «чтобы преизбыточная сила была приписываемая Богу», а не от них (2Кор.4:7). Здесь же милосердый Бог оберегает их смирение: в иное время они видят сильную помощь ближнему от своих молитв, а в другое, встречая неуспех, или только неполный успех молитвы за самих себя, чувствуют, что сами «человек, подобный» всем людям

(Иак.5:17), сами-то немощны. После всего этого как никто не должен затрудняться молитвою за ближнего, так и не может пренебрегать чьею-либо молитвою за себя²⁶⁸.

Но особенно богоугодна молитва за погибающего грешника. На этот раз мы должны решить много вопросов. «Кто это погибающий грешник: не из близких ли к нам или кровных, например, сын, брат, муж»? Нет; если погибает во грехах сын или брат, или муж, то молитва за них, так сказать, уже естественная; потому что участь их близко связана с теми, которые за них молятся. Под грешником погибающим, здесь разумеется даже посторонний для нас человек, только известный нам. «О всех ли погибающих мы должны молиться или только о некоторых, или о нескольких»? Молитва за всех была бы смелою с нашей стороны. И Господь наш сначала сказал: *«Я о них молю: не о всем мире молю»* (Ин.17:9), а потом уже ввел в круг Своей первосвященнической молитвы и всех: *«и о всех верующих..., да будут все едино»* (Ин.17:20). Пусть о всем грешном мире молится Церковь, как она и действительно приносит свои молитвы, например, за литургией: *«прельщенные обрати, заблудшия на путь правый настави»*²⁶⁹. Мы же будем молиться хоть об одном погибающем грешнике или о немногих, называя их в своей молитве буквально по имени. «О каждом ли, опять, грешнике, какого знаем, можем молиться или должны обращать внимание на степень его греховности»? Из слова Божия видим, что молитва наша скорее может быть полезною для погибающего грешника, чем для погибшего: «Если кто видит брата своего, согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится» (1Ин.5:16). Когда апостол Павел просил за себя молитв у христиан, то прибавил: *«так как добрую совесть имеем во всем»*, т.е. мы имеем чистую совесть во всех отношениях, потому и можем воспользоваться вашею молитвою. А в словах апостола Иакова: *«много может усиленная молитва праведного»* (Иак.5:16) выражается, что в молитве, которую приносит праведный за грешного, должно быть свое вспомоществование со стороны последнего. Чем же? Покаянием. Следовательно, в строжайшем смысле молитва наша должна быть только о таком грешнике, на покаяние

которого еще остается надежда, или который еще может сочувствовать нашей молитве. (Как страшно представить, что иной грешник близок к тому, что и молиться за него нельзя!). Впрочем, милостыня молитвы может иногда распространяться и на таких грешников, которые, по-видимому, безнадежны к исправлению. Пример на этот раз видим в Аврааме. Кто был грешнее в свое время, как не содомляне? Однако «отец верующих» и за содомлян приносил молитвенное ходатайство к Богу (Быт.18). «Почему же именно необходима молитва за погибающего грешника»? Потому самому, что он погибает, например, от неверия, от разврата, пьянства, злости, сребролюбия, от своих неправд по службе или по должности: его грехи так тяжки, его страсти до того сильны, а беспечность о самом себе или торжество неправды его над правдою слабых столь велики, что неожиданный час смерти, который может достигнуть его, даже и других, или, если со стороны посмотреть, – устрашает. Затем, может быть, уже не остается более никаких средств, чтоб подействовать на этого человека. Например, обличить его мы или не имеем права, потому что он выше нас, или затрудняемся, так как по горделивости своей он не выслушает нас, а по характеру мстительному может преследовать; наказать его или тоже не имеем права, или не видим пользы, потому что все это: и наказания, и внушения, и замечания, и отказы ему в каких-либо преимуществах или нуждах его, – все уже было употреблено нами, но только без пользы, или к большему еще раздражению его. Таким образом, влияние молитвою на иных погибающих грешников остается единственным средством к исправлению их. «О чем же мы должны просить Господа Бога относительно этих людей»? Чтоб Господь Сам привел их к покаянию и исправлению *«ими же вестъ судьбами»*, т.е. или счастливыми обстоятельствами в их жизни – или, если нужно, – грозным каким-либо посещением, например, болезнью. Молитва эта будет тайная, но, может быть, и в церкви с поминанием на проскомидии «о покаянии и исправлении» погибающего человека. «Все ли мы можем молиться о погибающих грешниках? Каждый ли из нас имеет право творить такую милостыню ближнему?» Вообще, молиться

за ближних доступное для каждого дело. Но молиться о чьем-либо покаянии – это высокая молитва, приносящая и высокую награду от Бога. Обратимся к слову Божию. Там мы видим, что о грешниках молились праведники; так, Моисей Боговидец молился о прощении евреев и готов был даже сам быть исключенным из «книги жизни», только бы виновные евреи были прощены (Исх.32:32); так апостол Павел ради того, чтоб израильяне не погибли навеки, тоже молился сам быть отлученным от Христа (Рим.9:3). У апостола Иакова говорится о молитве праведного, как о молитве могущественной. Итак, труд молитвы за погибающего во грехах ближнего принадлежит людям, которые сильны даром молитвы и близки к Богу по своим заслугам. Как же после этого быть всем прочим, не чувствующим в себе по причине собственных тяжких грехов дерзновения молиться за грешника? В молитве этих не будет ли подобного тому, как кто, оставив своего мертвеца, пошел бы оплакивать чужого? Успокоимся. Сознавая самих себя виновными во многих грехах, но, в то же время, трогаясь положением ближнего, который погубляет свою душу злою какою-либо страстью или вообще безбожною жизнью, мы можем приносить молитву о нем такими словами: «Господи, прости нас! Исправь и спаси от вечного осуждения меня и брата моего, или таких-то...»! Таким образом, чувствующие в своей совести упрек за собственные грехи будут молиться о погибающем грешнике не прежде, как упомянув себя в этой молитве. Вот это и будет великая пред Богом милостыня! Она покажет самую искреннюю и бескорыстную любовь к ближнему. За всякое иное дело милосердия и духовного, а, тем более, телесного, милосердый христианин может еще ожидать себе благодарности со стороны ближнего, которому делает добро. Пусть эта благодарность еще не будет наградой ему за добродетель; потому что он и не должен ожидать себе воздаяния от тех, которым милосердствует, потому что делает милостыню ради Христа, Который и заплатит ему за нее, как за полученное в долг: но все-таки в этой благодарности есть для него своего рода утешение за добродетель. Здесь же, когда он в тайне молит Бога о покаянии и спасении погибающего грешника,

– здесь его милостыня прямо предстает только пред лицо всевидящего Бога; потому что грешник и не знает о том, что за него молится кто-то. И, если бы об известном человеке, который решительно погибает в грехах, молились по согласию многие, то действие молитвы особенно проявилось бы; потому что молитва в таком случае по обету лиц была бы близка к той, о которой сказано: *«между тем, церковь прилежно молилась о нем Богу»* (Деян.12:5). Исполняем ли мы столь высокое дело милосердия к ближнему? Если погибающей грешник постороннее для нас лицо, то мы и не подумаем послужить его спасению своею молитвою. А, если он чем-либо досаждал нам или почему-либо неприятен, то мы втайне как бы хотим отмстить ему, обходя его в своей молитве за здоровье и спасение. Милосердый христианин! Ты молись с искренностью сердца о погибающем грешнике, хоть бы он был и посторонним для тебя, или же молись ныне о том, а в последующее время о другом и третьем. Тогда за свое милосердие ты получишь Царство Небесное!

Не воздавать ближнему злом за зло (не мстить)

«Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство» (1Пет.3:9). Какое здесь разумеется зло нам со стороны других? Многие на этот раз «зло» ошибочно понимают: они самое-то добро называют злом, мир – враждою. Отсюда считают врагами своими и тех, которые нисколько не враждуют против них. Так, например, начальник справедливо и благонамеренно взыскал с подчиненного, а подчиненный считает его своим обидчиком: благонамеренный человек высказал другому правду и предостережение, а последний называет его своим злодеем (Гал.4:16); соискатель с нами известной должности или места имеет те же права, как и мы, а в нем мы видим своего врага. В подобных случаях, очевидно, нет никакой обиды нам со стороны ближнего и ближний не нуждается в нашем прощении, следовательно, и о милостыне духовной не может быть помину. Тут одно малодушие, один нерассудительный гнев, как и вообще оскорбляются большею частью люди неумные, неразвитые или малодушные. Тем более обижаться напрасно ближними не будет согласно с братской христианской любовью. Любовь, сказано: *«не мыслит зла»*. По первому толкованию настоящих слов это значит: «не берет в счет зла и того, в чем другие или со стороны видят зло, не видит в самом зле (в отношении к себе) зла», а не только, что сама не придумывает зло в отмщение. Злом, которое простить ближнему – значит сделать милостыню, называется вот что: нас оскорбили в лицо, и тем более при других; нас напрасно похулили за глаза; очернили наши добрые заслуги, как некогда фарисеи унижали благодеяния Иисуса Христа; отняли у нас что-либо принадлежащее нам, например, какое-либо преимущество, награду, деньги, вещь, подвергли нас какому-либо страданию или буквально ударили. Словом, обиженными мы можем считать себя только тогда, как были мы правы, встречая обиду, или, когда обида нанесена нам несравненно большая, чем был повод к ней с нашей стороны, или же когда кто только не по праву и злонамеренно судит нас за

действительные наши вины. Что же, в таком случае, от нас самих может быть обратным «злом»? Нас избранил кто, а мы не хотим вынести этой брани и отвечаем тем же; нас очернили – и мы стараемся очернить; у нас отняли что – и мы отнимаем, не с тем намерением, чтоб пополнить этим свою нужду или вознаградить свою потерю, которая, может быть, была совсем в другом роде, а чтоб только отплатить за досаждение досаждением, за рану раной. Почему же простить обиду будет милостыня? Можем судить на сей раз по собственным чувствам. Когда мы оскорбим кого-либо, а особенно человека сильного и высшего, – оскорбим или неосторожным словом в минуты своего сильного гнева, или самым делом, и, может быть, только при этом увлеклись примером других: тогда мы беспокоимся, так и готовы шепнуть на ухо оскорбленному: «не вступайся за обиду, будь к нам милостив»! Такую же милость должны мы оказать и сами, когда кто согрешит против нас, нарушит наши личные права и достоинства. Затем, если обыкновенная милостыня состоит в том, что мы отдаем от себя, уступаем, жертвуем другим что-либо, то и, прощая обидящих, также делаем мы свои уступки и жертвы. Например, могли бы мы вступиться за обиды, и не вступаемся; имели бы собственную силу или могли бы воспользоваться знакомством сильных лиц, заслуженным нами уважением от других, чтобы отомстить своему обидчику, и оставляем его в покое: не благороднейшая ли это уступка с нашей стороны? А главное: легкая ли это уступка? Далеко нелегкая. Для нее мы должны внутренне сокрушить себя пред своими обидчиками, – унижить себя пред самими собой. Если же это делается нами ради заповеди Божией, требующей прощать обиды, и с такою мыслью, что мы сами остаемся должными Господу Богу десятью тысяч талантов, между тем, как ближний наш должен нам только сто динариев (Мф.18:24:28), что наши-то оскорбления Богу бывают каждый день, тогда как ближний оскорбил нас, может быть, только один раз: в таком случае мы имеем в себе дух сокрушен, а сказано: «жертва Богу дух сокрушен» (Пс.50:19); в таком случае, мы показываем на деле самое первое из прекрасных качеств христианской любви:

«любовь долготерпит», т. е. показываем в себе великую душу. И вот, за столь великие жертвы и награда обещается нам великая! Какая же? Прощение нам собственных грехов: *«Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»* (Мф.6:14).

Впрочем, не всякое прощение обид бывает в духе христианском. Многие им выражают только гордое незлобие: не вступаются за обиду потому лишь, что презирают обидчика, что «не хотят с этим человеком связываться». Очевидно, в таком незлобии нет еще добродетели, хоть и есть, своего рода, нравственная польза. Но, если оставляется без всякого преследования обидчик, то не лучше ли было бы это же сделать с мыслью о Господе, и, таким образом, получить за свое терпение награду? Затем, по-христиански прощение ближнего должно быть скорое. С милостынею нечего медлить, когда ее ожидают: если на сей раз и полезно иногда приостановиться с тем намерением, чтоб больше оценили наше великодушие²⁷⁰, то все же надобно подать скорую надежду на помилование. Чем скорее простим, тем больше будет нашего самопожертвования. Тут уже не рассуждение что надобно и прекрасно быть великодушным, но самое дело. Тут первая победа над собой: *«не отвечать безумному по безумию его»* (Притч.26:2), или на гнев подобным гневом. Вторая победа, еще более трудная: не потревожиться и сердцем от обиды, никому не рассказать о понесенной обиде, будто ее совсем не было. С другой стороны, если же пройдет после обиды, какую мы встретили, полсуток, день и с неделю, тогда и без того она уже не столь живо чувствуется. А, если она не столь тяжкая, чтоб оставила после себя неизгладимые следы, то время ее совершенно излечивает. После этого невступательство наше за нее и будет делом одного времени, а не будет заключать в себе участия нашей воли, нашей борьбы с собой, и, следовательно, не будет добродетелью. Вместе с тем, скорое наше примирение скорее прекращает и со стороны обидчика вражду на нас. В таком случае, не распространяется зло, или бывает только зло нам, а нет другого зла от нас самих ближнему. В таком случае, вражда бывает, как уголь, оставленный самому себе тухнуть. Напротив,

отложим только примирение или покажем один вид, что готовы вступить за обиду, и возникают косые взгляды, немирная речь, споры, злословия, ропот: все это как лучинки к угольку, от которых образуется пламя гнева с обеих сторон и дым душевных смущений. Проведем только день, неделю во вражде, и у нас является стыд помириться. А чем дальше, тем более будем мы ненавидеть своего врага за тяжкую обиду, да и ему будет время и повод ложно успокаивать свою совесть. Мы думаем, что он, жестоко обидев нас, мучается за нас своей совестью, но часто мы ошибаемся. Если же он вначале, и действительно, чувствовал сильные упреки совести, то, встретив от нас сильное сопротивление, в этом самом сопротивлении находит случай сознавать себя меньше виновным против нас и основание продолжать свою вражду. Таким образом, и временная вражда беспокоит. Посему, как гасится вечером свеча, так поссорившиеся должны скорее погашать в душе своей искру злобы (Еф.4:26)²⁷¹. В правилах церковных сказано: *«аще кто имать вражду на кого, в храм да не входит, ниже да приносы его, дѡндеже примирится»* (Номокан. 123).

Против примирения с обидевшими, равно как и обиженными, приводится очень много оправданий. Так как эти оправдания имеют большую силу, а, в то же время, ежедневная жизнь многих не проходит без взаимных обид и вражды, то рассмотрение этих оправданий считаем мы важнее и полезнее, чем в науке какие-либо исторические исследования. Потому остановимся с подробностью на этом предмете. Говорят, например, «как простить обидчика, если он, обижая нас, еще нарушил общественный порядок»? Оскорбления по должности и с прикосновенностью чести других лиц, с нарушением общего порядка, очевидно, отличаются от личных и частных оскорблений. За нарушение порядка пусть судит оскорбителя закон, а личную обиду простить остается в нашей воле. «Как быть, если при нашей готовности не вступить за обиду, вступаются за нас другие, так как обида нам была самая тяжкая и обидевший заслуживает строгого наказания»? В таком случае, мы можем желать, чтоб было облегчено ему наказание. Иной,

решаясь отмстить за обиду, говорит: «пусть же этот человек вперед не осмеливается оскорблять меня». Сомнительная надежда! В ком настолько было зла, чтоб в первый раз без всякой причины избить, у того, наверное, достанет зла, чтоб и ответить на месть со стороны обиженного новою, да еще большею, обидою. А, таким образом, может произойти целый ряд обид. Таким образом, и своей-то раны не излечишь, и поранишь другого, так что вместо одного раненого выйдет двое раненых. «По крайней мере (рассуждает тот же человек), не всякий другой после этого будет иметь смелость оскорблять меня» О! Возможно ли гнаться за всеми оскорблениями? Возможно ли научить всех, чтоб на последующее время вели себя осторожнее в отношении к нам? Возможно ли всем отплатить? Одному отомстили, другой и третий с иных сторон снова оскорбляют нас: если же так начнем вступаться каждый раз за обиды, то не будем ли постоянно в оборонительном состоянии? Когда же после этого успокоится наша душа? Доколе нам придумывать меры, чтоб мстить врагам? Другой отвечает: «я готов, пожалуй, помириться, но у меня не просят прощения». Так прощает и язычник своего обидчика. Кто же оттолкнет от своих ног человека, который будет без всякого принуждения просить у него прощения? Ведь в редкость был бы такой пример. И, следовательно, тут нет заслуги простить. Иной выражает сомнение: «мой враг, может быть, не пожелает помириться со мной; не больше ли будет мне стыда, если пойду к нему и буду просить прощения»? А, может быть, он и помирится; может быть, он уже тяготится в своей душе враждой, да только так же стыдится сказать слово о примирении. Но, если он и покажет себя упорным во вражде, все же нас не убудет, если мы скажем ему одно слово: «хотим помириться с тобой, хотим простить тебя». В данную минуту он, положим, и не согласится на примирение. Зато в последующее время больше надежды на мир с его стороны. Нужно только воспользоваться случаем, чтоб лично объясниться с ним; потому что при личном объяснении, обыкновенно, разрешаются многие недоумения, падают напрасные сомнения, а часто обидевший видит в своей обиде такие еще обстоятельства,

которые увеличивают его вину, которых он вовсе не предполагал. Иногда приносит жалобу: «не я сделал обиду, меня обидели: между тем, на меня же и гnevаются, от меня же и ожидают, чтоб я признал себя виноватым и искал примирения». Не удивляйся этому, друг мой, и не мирись с таким убеждением некоторых, будто благородное и извинительное дело отплатить обидчику равною обидою. Св. Давид говорил о себе: *«яже не восхищах, тогда воздаях»* (т.е. я чего не отнимал, то должен отдать) (Пс.68:5). Дело это очень обыкновенное, что люди гордые, но неумные, сами же обижаются тем человеком, которого напрасно избидели. Но, если ты, оставаясь невинным как прежде обиды тебе, так и после обиды, сам первый покажешь желание помириться с обидчиком, твоя любовь будет уже свыше-человеческая, ты войдешь тогда прямо в «область любви Божией»; потому что не мы первые возлюбили Бога, а Он возлюбил нас (1Ин.4:10). Кто кого посещает: здоровый ли больного или наоборот? А враждующий и есть больной, между тем, как не желающий враждовать должен быть назван человеком здоровым. Нужно ли говорить, что лучше быть здоровым, чем больным? Рассуждают: «отчего бы обидчику не позаботиться – попросить прощения»? Но он, может быть, не знает, что нужно это сделать, или, может быть, считает себя правым по своей нерассудительности. Итак, за неведение его будьте к нему снисходительны: *«Не видят, что творят»* (Лк.23:34), говорит Господь о своих врагах. А, если он и знает, только не хочет смириться, то тем большее осуждение ожидает его, когда вперед его просьбы вы просите его. Говорят, «иные совсем не понимают, что хотят простить их по-христиански; потому что они христиане только по имени, они не усвоили себе заповедей евангельских и духа христианского. Они еще глумятся над словами: «прости меня, брат»! Они еще злоупотребляют терпением христианина или тем смелее оскорбляют его в такой надежде, что он не будет мстить». Пусть они не знают евангельской заповеди о прощении обидящих, но могут почувствовать благодетельное влияние на себя этой заповеди со стороны других. Когда благодатная сила этой заповеди доходила до язычников, – и те в иных случаях

смягчались. (Терпел много обид один святой проповедник Евангелия, и язычники, тронутые его евангельским терпением, наконец склонились к вере)²⁷². Поставлять же терпеливость христианина в обидах поводом к новым обидам ему – это уже языческое качество: тут повторяются то же поругание над христианином и та же злая хитрость, как некогда язычники сочли выгодным для себя напасть войной на евреев в субботу, день бездейственный у евреев, и как легко положили до тысячи воинов еврейских, потому что воины, уважая покой субботы уже с излишнею ревностью, совсем не хотели сопротивляться. Во всяком случае, не великодушие христианина, собственно, причина того, что некоторые еще больше обижают его, но злая воля этих обидчиков. Злоупотребляют этим его христианским великодушием: зато другие вразумляются, и последних бывает не меньше, если даже не больше. Победа над обидчиком и врагом не в том состоят, чтоб и ему сделать зло, но, чтоб он не сделал нам истинного зла; или, чтоб остался бессильным повредить нашему христианскому направлению. А, чтоб он не подумал, будто мы прощаем ему по одному малодушию и трусости, – будем сохранять пред ним свое нравственное достоинство, не будем одобрять его худых поступков или иначе как-либо покупать его расположение. Возражают: «мы прощали не однажды; неужели же все прощать»? Сколько раз нужно прощать ближнему его словесные и личные обиды, этот вопрос разрешен в Евангелии. Сказано: «до семдесят крат седмицею» (Мф.18:22)²⁷³. По счету это выходит 490 раз. Но, очевидно, здесь указывается неопределенное число: дается только наставление, чтоб мы всегда прощали за личные оскорбления, кто будет просить у нас прощения. «Трудно и скучно будет прощать множество раз»? Трудность здесь происходит оттого, что мы не привыкли прощать. Но разве и оплачивать каждый раз за обиды легче? Как сказано выше, кто в духе евангельском перенесет обиды, тот гораздо более спокоен. Скуки же много раз прощать обидящих можно и не испытать, потому что обидящий сам отстанет со временем от того человека, который «не побежден бывает от зла, но побеждает благим злое» (Рим.12:21). Иные оправдывают себя

и так: «пусть другой кто обидел бы меня, скорее бы я перенес обиду: а от этого ничтожного человека не хочу терпеть». Нечего вперед хвалиться терпением. Да оно здесь и не заслуживает похвалы; потому что, когда кто сильнее нас сделает нам обиду, тогда поневоле мы терпим. Лучше показать терпение там, где оно идет к делу и где более будет оценено. Нечего обращать внимание только на личность должника, а нужно исполнить этот свой долг в отношении к нему: *«яко же и мы оставляем должником нашим»*. Кто бы ни избидел нас, высший или низший, богатый или нищий, свой или чужой, – все же ведь это ближние наши. Возражают: «неужели и отец будет просить прощение у своего сына, или старший брат у младшего, или господин у своего слуги, начальник у подчиненного?» Собственно говоря, в христианстве нет ни отца, ни сына, ни старшего, ни младшего, ни высшего, ни низшего²⁷⁴; *«все вы братии есть»* (Мф.23:8). Однако ж, нет унижения, если и отец, виновный пред своим сыном, скажет сыну слово мира или начальник и высшее лицо будут искать примирения с теми, которых обидели: они будут мириться с обиженными, как христиане с христианами, а не как старшие с младшими или высшие с низшими. Но, если даже против них-то, собственно, будут виновны младшие и, если последние не захотят прийти к ним, чтоб помириться, чей же долг склонить враждующих к прекращению²⁷⁵ вражды, как не старших и более рассудительных? Ужели же всем и оставаться так во вражде да самой смерти? Наконец, когда почему-либо действительно неудобно будет прийти к обидевшим нас или обиженным нами самими, чтоб примириться, тогда можем успокоить ближнего письмом или словесным заказом через другого, что нет нашего намерения мстить ему. Во всяком случае, наш взгляд при встречах с этим человеком, наш тон и движения, все наши отношения к нему должны доказывать, что мы не враждуем против него. Если же обиженное или обидевшее лицо совсем отсутствуют или находятся далеко, если нет возможности ни видеть их, ни написать к ним, в таком случае, остается примириться с ними в одном сердце. Христианин! Предай себя на терпение обид без счета этих обид и без различия лиц, кто

бы ни обидел тебя. Это вменится тебе вместо множества монет, которые бы ты роздал бедным в качестве милостыни! И ты за такую милостыню получишь Царство Небесное²⁷⁶!

Простить в сердце врага (не помнить зла)

«Бывайте друг ко другу... милосерды, прощающе друг друга» (Еф.4:32). Не довольно ли уже сказано нами о прощении обидящих и, что хотим сказать, не одно ли будет с предыдущим делом милосердия? Нет! Есть разница между непереследованием обидящего и между тем, чтоб простить его окончательно или в самом сердце. Первое может быть делом только наружным и невольным, а второе бывает внутренним и свободным. Первое – внешнее и хлопотливое дело и потому может быть оставляется: а последнее – домашнее и близкое, потому держится. Яснее сказать: в первом случае часто мирятся только на словах, а не в действительности, не мстят за обиду только потому, что нет возможности доказать ее или же приличие, состояние и недосуги не позволяют мстить; во втором – уже полное водворение в душе мира и совершенная непринужденность к миру. Таким образом, прощение обид врагу в самом сердце нравственно выше. И вот, многие на сей раз обманываются. Они почитают себя великодушными и милосердными, между тем как в самом сердце еще не перестали злопамятствовать. Чем же обличается их злопамятство? «Избегают встретиться со своим врагом по чувству отвращения и ненависти к нему. Когда же случайно встретятся с ним, тотчас переменяют взгляд и тон речи. Если останутся с ним одни, глаз на глаз, например, в комнате, и, если разойтись в продолжение нескольких минут не могут: эти минуты для друзей бы очень приятные, им кажутся вместо пытки. Они понимают друг друга, но молчат». Правда, есть намерения или обстоятельства, когда позволительно избегать встречи с врагом. Какие же это намерения? Чтобы скорее исправиться от чувства вражды к нему, потому что обыкновенно то чувство укореняется в нашей душе и делается привычкой, которое часто повторяется, как вот гнев вообще или только к известному лицу. Случится ли человеку только быть снова в том месте, где он потерпел самую тяжкую обиду и где долгое время терпел те или иные обиды? Это напоминание для него, если он

не отвечал за обиды обидами, бывает весьма трогательным и уже приятным; но, если, напротив, он не был великодушен во встречаемых обидах, чувствует новое расположение ко вражде. В этих видах и полезно «разойтись» с врагом, прекратить всякие встречи с ним; тогда облегчится и для нас, и для него борьба с злопамятством. Можем также избегать встреч-свиданий с ним по такому намерению, чтобы восстановить к нему в какой-либо мере чувство уважения. Из опыта известно, что заглазно мы более как-то уважаем других; постоянно обращаясь с ближним и замечая его слабости, мы ослабляем к нему свое уважение. Но вот не желать увидеть врага по чувству презрения к нему и так, чтоб он знал об этом, но не принимать его к себе, если он за чем-либо пришел к нам, или ради него не выходить для необходимого свидания с другими лицами, в среде которых он находится: что же все это доказывает, как не злобу, которая остается в нашей душе в отношении к нему? Или, встретившись с ним неожиданно, не приветствовать его поклоном, не подать ему по обычаю руки, напротив, ясно выразить всеми знаками презрение к нему: что же это, как не сердечная вражда? Затем распространять то же неудовольствие и на лица близкие к нему, например, на брата его или на невинных детей, или же мстить ему только в лице близких его или сочувствующих ему, коли нельзя отомстить непосредственно: не явное ли это злопамятство? Не Саулова ли это злоба (1Цар.21)²⁷⁷. Как нам с отвращением бегать врага, коли он наш брат, коли мы встречаемся с ним в церкви, на общем богослужении? А преднамерение о нас Господа: «*все едино будут*» (Ин.17:21), прежде на земле, потом же – в Царстве Небесном, может ли мириться с этим как бы вечным обегательством нами своего врага? И вот, выходит, что, если мы не воздаем врагу злом за зло, то только одним делом, а еще пока не словом, видом и движениями. Вспомним, как Господь наш до самого конца терпел в глазах своих Иуду-предателя! Нет; надобно принуждать себя к кроткому обхождению и с врагами: может быть, Бог и даст им покаяние и исправление (2Тим.2:25). Как ни мала была надежда исправить Саула-ненавистника, но Давид и того врага старался вразумить. Вот

какая мягкая речь была у Давида: «*господин мой, царь! за что преследуешь меня...? какое преступление заметил за мною?*» (1Цар.26:18) Если принудим себя к вежливому обращению с врагом, это уже будет большой шаг к тому, чтоб исправиться нам от злопамятства. «Пользуются каждым случаем, чтоб сделать худой отзыв о своем враге, действительном или только воображаемом». Зашла ли о нем с другими речь, мимо ли он прошел, возникнет ли осуждение о злоупотреблениях и беспорядках у постороннего лица, но таких, от которых можно сделать заключение к нему, или к которым он имеет косвенное отношение? И сыплются на него хулы и обвинения. Но будто он уже во всем виноват и нигде не может быть ни умным, ни справедливым человеком потому только, что враг нам! «Без всякого вызова жалуются пред другими на своего обидчика». Эти жалобы иным обращаются и в привычку, или в болезнь своего рода: затверживают оскорбительные слова, так же и те действия, и телодвижения, при которых выражено к ним оскорбление, ведется целая история разных обид или кратко исчисляются обиды. Друг мой! Много было тебе обид, много притеснений и потерь, – это правда. Но и какая же польза тебе рассказывать обо всем этом? Не можешь ли ты этими рассказами частью унизить и то терпение, которое уже показал? Не лучше ли тебе забыть обиды и, по примеру св. Давида, показывать себя против новых козней и злословий со стороны врага, как бы не имеющим ни языка, ни слуха (Пс.37:14–15)? «*Мне отмщение: Я воздам*» (Рим.12:19), вот, что говорит Господь! «По-видимому и прощены все обиды. Но, если обидчик снова чем-либо оскорбит, припоминают все прежние его обиды, даже такие, которые были пять-десять лет». Однако, мы не желаем же, чтоб Господь Бог припоминал нам наши давние грехи, в которых мы прощены Им через служителя в таинстве покаяния: зачем не противимся возобновлению их в себе, если они и невольно приходят к нам на память? Нужно говорить только о настоящем, но и за настоящее надобно скорее забыть обиду, чтоб не бросить камня в ту рану, которая уже закрылась сверху, и чтоб, таким образом, не растравить этой раны. Святые Божии, обыкновенно, держали себя в таких чувствах в

отношении к своим врагам, что для них будто не было известно – «рождались ли на свет и существуют ли их враги?»²⁷⁸. Иные сами и не заводят разговора в поношение своего врага: однако «желают в душе слышать на него бранную речь и любят встречаться с такими людьми, которые также недовольны врагом их и поносят его». Положим, враг наш не знает и люди не догадываются, как мы ожидаем поносного разговора о нем: но пред Всеведущим открыто наше злопамятное сердце. «Некоторые на минуту готовы бывают (в душе) и поразить орудием своего обидчика и врага, живо представляют себе, как бы могли поразить его». Не самая ли это злая вражда на ближнего? Да и не опасна ли она, если злопамятный не старается подавить в своей душе такого рода картины, пусть они приходят к нему и неожиданно или нежелательно? «Произносят в одном сердце молча проклятия и ругательства на своего врага (например, «безбожник, злодей, изверг»), и так ясно произносят, что не достает одних только звуков». Между тем, в Евангелии сказано: *«благословите клянущие вы»* (Мф.5:44). «По-видимому, и не имеют неудовольствия на своего обидчика и врага: но, если кто-нибудь оскорбит его или унижит, если постигнет его какая-нибудь неудача или беда, наконец, и смерть, радуются этому в своей душе». Где же любовь к ближнему, которая *«вся любит (покрывает)»*, подобно какой-либо кровле? не воздаяние ли это, так же, злом за зло в душе? Нет, Давид искренне скорбел об умершем Сауле, отдавая честь заслугам Саула (2Цар.1:11–12); а тем более плакал об убитом Авессаломе. «Отказывают в своем благодеянии врагу, когда он находится в крайней нужде, не могут расположить своего сердца так, чтоб благодетельствовать ему». Но сказано: *«аще алчет враг твой, ухлеби его; аще ли жаждет, напой его»* (Рим.12:20). И лютые звери делаются мягче, когда их накормить. Если мы первые только заговорим с врагом, это уже бывает ему вместо удара, пристыжает его. Оказать же ему на деле благодеяние – значит собирать *«углие огненно на главу»* его (Рим.12:20), – собирать в том случае, если он и после самых знаков милосердия нашего не перестает враждовать²⁷⁹. «Не молятся за врага, чтоб Бог простил его, и чтоб он был

благополучен». В Евангелии сказано: «*молитесь за творящих вам напасть*» (Мф.5:44). Пример молитвы за врагов после Христа-Спасителя видим в первомученике Стефане (Деян.7:60) и в некоторых последующих мучениках. Молитва за врага очень располагает быть великодушным к нему; потому что имя его поминается наряду с именами ближайших к нам лиц. Эта молитва способна тронуть и самого врага, если он узнает о ней (Четь-Мин. под 6 февр.). Она сильна пред Богом; потому что чистота ее ангельская. Кто прежде всякой другой молитвы, прежде моления о собственной душе помолится о милости своему врагу, от того Бог скоро принимает и другие молитвы. Наконец, вообще «не питают еще любви к своему врагу», как заповедуется Евангелием: «*любите враги ваша*». Без сомнения, любовь эта не может же равняться любви родственной и дружеской, как несправедливо было бы принимать заодно врага и любимого родственника, или друга. Расположить себя к любви в отношении к врагу можно и такою мыслью; через него полюбил нас Господь Бог. В самом деле, когда враг наш в тот или иной раз злобно вопиет на нас; когда высказывает нам наши недостатки; привязывается ко всему, что мы ни делаем; когда под влиянием вражды подмечает каждый неправильный шаг наш, чего, между тем, не делают по любви и снисхождению к нам наши друзья; когда, таким образом, мы делаемся осторожными в своих поступках; когда прямо выполняется над нами казнь Божия чрез него за наши погрешности, тогда не сказывается ли ясно душе нашей, что он наш благодетель не по намерению своему, а как орудие Божьего посещения?

Во всяком случае, злопамятная душа должна заботиться о том, чтоб исцелиться от злопамятства. В мести, или воздаянии злом за зло, грех представляется еще не столько продолжительным, как в злопамятстве: по крайней мере, так дело бывает, когда кто мстит одному человеку или за одну какую-либо обиду. В злопамятстве же злоба не кратковременная, но повсечастная: это точно гвоздь, вколоченный в сердце. Таким образом, непрестанность и закоренелость злобы составляет здесь первую вину пред Богом.

Слово Божие требует прощать обидящих прежде захождения солнца: а столько же раз для злопамятного солнце заходит во вражде! Иные передают и детям в наследство свою вражду к известному лицу или дому. Злопамятный и непримиримый в своем сердце не имеет чистой и свободной молитвы; он молится не умом, а, скорее, одними устами в неразумии, или он только по привычке выполняет в известные часы правило молитвы. Он сам краснеет от своей молитвы и сам поневоле сдерживает свой дух, который начал было разгораться к Богу, в то время, как вдруг вспомнит о своих враждах с ближним, о своем неудовольствии на ближнего. Тут и не нужно далеко идти, чтоб самому себя осудить или пристыдить в неискренности молитвы. Так, например, в церкви ничто столь часто не слышится, как чтение или пение: «*Господи помилуй*». Но как же мы будем молить Бога помиловать нас, когда сами не милуем в сердце своего врага; как будем просить о прощении себя, между тем, как сами окончательно не прощаем тяжко обидевших нас? Злопамятный и непримиримый в сердце отталкивает от себя уже готовые ему милости Божии (1Пет.4:8), лишает себя благодати Божией. Его непримиримая вражда – как стена каменная, препятствующая дойти до него милости и благодати Божией. А, когда у человека отнимется милость и благодать: к чему же он будет способен? Таким образом, злопамятный и непримиримый считается уже «*пребывающим в смерти*» (1Ин.3:10:14). Он не спасется хоть бы и захотел быть мучеником, не спасется, доколе будет упорствовать в своей вражде²⁸⁰. Правда очень дорого стоит сердцу человеческому простить своего врага; самая это трудная борьба – забыть тяжкие и многие обиды от какого-либо злодея; самый это черствый хлеб быть приветливым к врагу. А потому и самое высокое совершенство любви евангельской – любить врагов, молиться за них. В Ветхом Завете были только намеки, чтоб доброжелательствовать врагу. Там люди по грубости своего сердца не могли еще вместить в себе столь высокой добродетели. Потому там было «око за око, зуб за зуб», так говорилось: «*возненавидиши врага твоего*» (Мф.5:38:43), хотя и этим законом достигалась же своя цель; потому что опасение

встретить себе обратную месть и вражду со стороны ближнего естественно сдерживало от обид. А мы живем под высшим Евангельским законом; нам предлагается вообще большая благодать бороться со грехом. Так и в рассуждении врагов и обидчиков должны мы достигать совершенства мирных отношений к ним. И, о, если б мы каждый раз от искреннего сердца, а не на словах только, прощали друг другу обиды! Если б не злопамятствовали за обиды и любили своих врагов! Тогда бы и на земле частью был рай! С другой стороны, с мыслью о враге каждый из нас необходимо должен помириться, представляя свою личную жизнь. Не может не опасаться врагов и тот, кто менее подают поводов враждовать против него, как смиренный и братолюбивый христианин. Вражда зародилась на земле с тех пор, как зародился грех и появились страсти. Но, если и нельзя избежать врагов, зато есть возможность ослабить их вражду, обезоруживать их и даже из врагов сделать друзьями. Эта возможность только в христианстве: больше нигде не найти ее, или же во всех прочих мероприятиях она будет слишком непрочною. С появлением только Христа на земле, воспели ангелы: *«и на земле мир»*. Посему духом христианским и может поддерживаться братолюбие. Враждуют иногда между собой и люди истинно христианского направления: так случается, иной по злобе дьявола вдруг начинает не любить и не любить своего брата. Но в этой вражде нет жестокости и она скоро проходит.

О, искренний христианин! Прощай от сердца всех на свете! Оставь у себя только одного врага-дьявола и с этим лишь врагом не заключай никогда мира, и борись. За прощение врагов, как за милостыню духовную, и будет оказана тебе великая милостыня: Царство Небесное!

О приготовлении к будущей жизни

Нестремление к христианскому совершенству

Для православного христианина достигать совершенства – значит не быть только по первоначалу христианином; например, приняв в зрелом возрасте крещение или православие после иноверия, остановиться только на этом, – успокаивать себя мыслью, что «я христианин» (Деян.26:28). Нет! Но следует идти дальше, следует подробнее изучать закон христианский, развивать в себе искренность веры, стараться жить по заповедям Божиим и правилам Церкви. Совершенство для него состоит в том, чтоб приобретать, и «с усилием» (Мф.11:12) приобретать общехристианские добродетели; например, молиться, хоть понемногу, но часто; делать милостыню, если не телесную, для которой у многих не найдутся средства, то духовную, которая в одном каком-либо своем роде, например, простить ближнему обиду, доступна для каждого; часто приступать к Таинствам Исповеди и св. Причащения; любить читать слово Божие и духовные книги. Совершенство для христианина не отказываться ни от одной добродетели, ни от одного случая, чтоб сделать христианское добро, когда будут для того силы. Мало этого: для духовных целей и добровольно ограничивать себя в естественных потребностях жизни, жертвовать даже дозволенными удовольствиями, иногда обречь свое тело на особенные лишения и страдания, наконец – кто может «вместити» (Мф.19:12) – избирать себе и такие высокие подвиги, как раздаяние всего имущества нищим (Мф.19:21) и целомудренное безбрачие (1Кор.7:28). А за всем тем не видеть срока или предела, когда бы мог завершиться круг наших добродетелей, когда бы настала пора полного покоя в этой работе над собой. «Любы, сказано, николиже отпадает» (1Кор.13:8), т. е. не ослабевает от того, что терпит, не перестает в этой жизни, перейдет и в будущий век. Долг ли для христианина столь строгая жизнь? Да! В слове Божиим сказано: «бывайте подражатели» (Еф.5:1), кому же? Самому Богу, бесконечной святости, – вот кому! Слово Божие заповедует нам иметь такие же чувствования, как были в Самом Христе

(Флп.2:5), а вообще, заповедует *«расти до полного возраста Христова»*. Какое же это непроходимое поле на пути к совершенству, и, вместе с тем, – какая честь быть подражателями самому Богу! Затем, долг наш исполнять в совершенстве заповеди Божии естественно вытекает из любви к Иисусу Христу: *«имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя»* (Ин.14:21), вот, что завещал нам Господь в лице Апостолов, когда отходил от этого мира! Если мы горячо любим Его, – то не можем не стараться делать всего того, что Он требует от нас в Евангелии и апостольском учении; и не будем делать только по выбору, одно выполняя по своей склонности, а другое даже не считая нужным и важным (Пс.118:128); не будем возделывать в себе вместе и добрые, и худые плоды, но одни добрые. Святые угодники пламенно любили Христа, и – чего же, каких жертв они не готовы были принести ради чистоты своей души и тела, или ради пользы ближнего, которого любили в Боге и для Бога (Мф.10:37)! Да, любовь ко Христу – мерило для нашей ревности к святой жизни.

Далее: мысль о Царстве Небесном, к наследованию которого мы призываемся, мысль о тех блаженствах в будущем свете, *«ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша»* (1Кор.2:9) (если судить по дарам нынешнего счастья) – вот новое побуждение нам стремиться к совершенству христианскому! Нужно наследовать Царство Небесное сколько по благодати, столько и по правде; нужно для Царства Небесного, радости которого так неописаны, принести собственные всевозможные труды. Если б Авраам, которого видел богач среди адских своих мук блаженствующим в раю, раньше побывал в раю, то пожелал бы и еще больше потрудиться для рая, чем действительно потрудился. Пусть нельзя предположить, будто праведники в раю будут раскаиваться или сожалеть, что мало трудились, что мало потерпели в этой жизни ради души и Бога: подобное раскаяние, как, некоторого рода, печаль, не будет иметь места там, где вечно будут довольны и в состоянии радости (Откр.21:4). Но, несомненно, – праведники сознают в раю, что в тысячу раз большую награду они получили, чем потрудились на земле, что

недостойны были страсти нынешнего времени (временные страдания их) вечной славы на небе (Рим.8:18). Наконец, большая и большая строгость жизни и сама собой выходит для людей глубоко благочестивых. Тут от одного труда возникает другой, одна добродетель рождает другую, так как добродетели связаны одна с другою. Успел христианин при помощи Божией потрудиться довольно в какой-либо добродетели: а там впереди видит другую и третью добродетель, до которых почти и не касался. Когда святые богоотцы Иоаким и Анна не находили ничего укоризненного во внешнем поведении своем, тогда, почитая себя и еще очень недостойными пред Богом, обратились с самым строгим вниманием к сердцу своему и старались очистить свое сердце от всякого греховного движения. При этом, самые лишения, самые страдания и потовые труды во имя истины и добродетели христианской имеют для христианина свою таинственную сладость, с которою он и не хочет расстаться, если испытал ее вполне. Нам странным и скучным кажется, как это древние подвижники день и ночь стояли на молитве, постились по несколько дней, но странная, скучная и излишняя, по нашему, жизнь их, между тем, для них-то была так приятна, что они желали бы бесконечно продолжать ее, увеличивая свои труды и подвиги²⁸¹. Так и ныне пусть христианин постоянно находится в душеполезных трудах; пусть постоянно борется со врагами истины и терпит скорби; пусть те только минуты считает у себя счастливыми и покойными, когда переживает одну скорбь и переходит к другой; пусть имеет у себя немного этих переходных минут, следовательно, и немного счастливых дней. Но за всем тем ему и на этом свете хорошо: хорошо среди самых скорбей ради царствия Божия (1Кор.6:10); его жизнь вовсе не скучна, как думают, потому что спокойствие совести, умеренное услаждение своими добрыми трудами и заслугами очень дорога для него и никаким богатством не могут быть окуплены, потому что с его душою живет благодать Божия, его сердцем таинственно движет Дух Святой (Рим.14:17). Суетный же человек, а тем более тяжкий и неисправимый грешник, даже и

ныне испытывает, первый – крушение духа, а последний – многие беспокойства и страдания, в силу своих страстей.

Итак, совершенство в христианской жизни, которое на высших степенях или в особенных своих состояниях называется «аскетизмом», для христианина есть необходимейший и, так сказать, естественный и, вместе с тем, приятный долг. В нем призвание каждого христианина (Еф.2:10). Напрасно думают, будто подвижники (аскеты) – история только древних времен или будто ныне такие люди могут быть только в пустынях да монастырях. Нет! Есть и в нынешние времена аскеты, притом – кроме пустынь – среди мира, или между мирянами. Мир – люди не всегда примечают среди себя человека строгой, высокой жизни: а сам он видит себя во всем недостаточным, слабым, что уже и составляет признак движения в нем жизни вперед. Таким образом, благодать Божия и ныне невидимо устрояет свое дело. Но мы, большинство из нас, идем ли вперед, стремимся ли к совершенству христианскому? Уже не будем говорить о христианах только по имени, которые дошли просто до бесчувствия к духовным, божественным предметам. Сколько же таких между нами, которые считаются живыми членами Церкви, между тем, остановились на одном, ничего себе ни с одним новым годом не прибавляют! (Новый год – лучшее время для испытания себя на сей раз). Например, постились, и не допостились, хотя могли бы со всею точностью церковного устава вынести пост, как в день Великого пятка. Простили своего оскорбителя, но не допростили; потому что в самой душе своей еще таят на него гнев, который и выражают вредом ему, как только представится случай повредить. Жертвовали на полезное, христианское дело, и не дожертвовали, например, из-за чьей-либо неблагодарности. Целомудрствовали, и не доцеломудрствовали; потому что после долгой вдовьей жизни и уже под старость лет снова вступили в брак. Ревновали о приобщении Святых Тайн, и не доревновали, потому что из пределов двух-трех постов в году (Великого, Успенского и Рождественского) будто и боялись выступить, чтоб приступить к Святым Тайнам еще и в четвертый пост, тем более, приступать несколько раз кроме постов, среди мясоястия, хоть и в церковь

почти каждодневно приходили. Обыкновенно, рассуждают: «мы делаем доброе по своей силе и возможности». Так. Но не больше ли у нас этой-то силы и возможности, чем на деле показываем? Все ли, например, мы делаем в пользу ближнего, который ожидает от нас помощи и утешения, что от нас зависит? Не останавливаемся ли тотчас в добром деле, как должны понудить себя, или должны принести в некоторой мере жертву своими силами, духовными или телесными? Не так ли вообще выполняем христианские обязанности, что большую строгость и точность в исполнении их предоставляем другим, которые будто бы на этот раз более нас опытны или сильны, а относительно самих себя рассуждаем, что довольно с нас и этого усердия, что и этот душеспасительный труд сойдет с рук, а все же он есть у нас? Подобную нравственную леность в самых трудах для спасения души показывали галатские христиане, и апостол Павел написал к ним: *«не льститеся, Бог поругаем не бывает»* (Гал.6:7). «Бога нельзя обмануть: Он видит, что у нас есть больше сил и возможности делать добро, чем вы думаете и говорите пред другими, а другие верят вашим словам. Но, что вы посеете в этой жизни, то и пожнете. Жатва же, между тем, была бы прекраснейшая. Она была бы без всякого нового труда (Гал.6:9) или изнеможения, не так, как ныне утомляются обыкновенные жнецы. Она продолжалась бы целую вечность». Многие и многие думают вести жизнь более строгую, душеспасительную как-либо после, например, когда освободятся от обременяющих их дел, а чаще всего – под старость лет. Но в слове Божиим сказано: *«дондеже время имамы, да делаим благое»* (Гал.6:10). Сейчас-то и есть это время. А потом, вскоре, может его не быть: смерть иногда вдруг подкрадывается к человеку. Хорошо и такое намерение в душе: больше потрудиться для Бога и для вечности, когда освободимся от дел. Господь Бог «и намерение доброе ценит». Но начинать служить Ему нужно даже среди множества занятий, пусть будут и эти занятия сами по себе богоугодные и общепользные: например, молитвы они не заменят же. Тем более нечего на этот раз указывать на старость лет: старость может и не прийти, да уже она сама по себе освобождает

человека от некоторых душеспасительных подвигов, например, от строжайшего по уставу церковному поста²⁸².

Итак, ревностный христианин! Будем же помнить, что идти вперед и вперед в христианской жизни – наше призвание, священнейший это долг наш пред Богом! (Во всем мы ищем совершенства, например, в науках, в художествах; зачем же по христианской жизни только останавливаемся на одном?) Если нам нравится представление для самих себя строго подвижнической жизни, когда, например, мы читаем жития святых, или, если после некоторого уклонения, например, на какую-нибудь неделю, от духовного настроения к рассеянности и чувственности, сердечно мы желаем снова возвратиться к прежнему, более строгому, образу жизни, к прежним порядкам молитвы домашней и хождений в церковь, то и прекрасно, то и хорошие это задатки в нашей душе. Стремление к строгости христианской жизни и может развиться в нас более и более, если мы сами будем стараться поставить себя, и Господь по желанию нашему поставит нас в благоприятные для этого условия. Итак, *«задняя убо забывая, в предняя»* да простираемся (Флп.3:13), каких бы лет мы ни были с тобой!

Неприготовление к смерти

«Бдите и молитесь, не весте бо, когда время будет» (Мк. 13:33). Приготовление к смерти – вот последняя из всех наших общечеловеческих и христианских обязанностей! Наука блаженно – умереть мудрее всех наук (Откр.14:13); день смерти лучше дня рождения (Еккл.7:1). Но не вдруг дается всякая наука: так и эта наука требует преждевременного ознакомления с ней; между тем, как она на столь отдаленное время отлагается нами, как никакая другая наука или никакое другое занятие. Живое представление себе картины, как будет в человеке разлучаться душа с телом, как умерший будет положен в тесный гроб, зарыт землею, черви будут его друзьями (Иов.17:14): все это приводит в страх и беспокойство. А слышимый рассказ о том, как иной обмерший в могиле стонал, как потом найден был с признаками страшной борьбы со смертью (изломанная крышка гроба, изорванная рубашка, искусанные персты), тем более ужасает. Да, мы стараемся отдалять от себя подобные представления, будто и умирать нужно только другим, а не нам. Но напрасно. С одной стороны, смерти никому не миновать (Еккл.8:8), а с другой – мысль о ней страшнее для тех, которые нисколько не готовятся к ней. Приготовление же к смерти убавляет страх ее. Впрочем, можно видеть смерть лицом к лицу, но не получать от того пользы. Так, врачи и фельдшера легко присматриваются к ней на больных умирающих, могильщики и чтецы по покойникам привыкают к смертному тлению, погребая мертвецов. Но у этих лиц часто нет же христианского примирения со смертью. Иные из них, действительно, без всякого страха смотрят на смерть, по крайней мере, до времени. Но отчего же? Или от безумного своего неверия в загробную жизнь или от какой-либо занимающей их страсти, или так же от насильственного устранения от себя мысли, что и их самих постигнет смерть. Итак, задача о приготовлении к смерти требует самого обстоятельного рассмотрения, как задача последняя в нашей жизни, и мы так-то постараемся рассмотреть ее.

Кто должен готовится к смерти? К ней должны приготавливаться и здоровые, и больные. Из здоровых не должны чуждаться мысли о ней даже и молодые люди. Станным покажется наш совет молодым, чтоб они думали о смерти, как странно было бы приехать гостить, и, поздоровавшись, тотчас же уезжать. Однако кто же из молодых может уговориться со своею смертью, чтоб не спешила прийти к нему? Хоть редки примеры, но в каждом месте есть, что и молодые люди; даже, по-видимому, с задатком долговечности, заболевают и умирают. Лазарь, брат Марфы и Марии, рано же умер (на 30 году). А еще больше примеров скоропостижной смерти. Где смерть минутная, там молодость лет несколько не поможет; потому что там нет болезни, которую бы человек молодой и крепкий силами скорее перенес. Итак, смерть близка к каждому, как к старому, так и к молодому: она проходит по палатам больничным, она же стоит и возле залы танцевальной. Случалось, люди умирали совсем неожиданно²⁸³, например, в день своей свадьбы, или от ничтожной, по-видимому, причины²⁸⁴. Словом, одна минута отделяет человека от смерти. Как же после этого и молодым людям не опасаться ее с той и иной стороны, и не готовиться к ней? Обыкновенно, молодые отлагают мысль о смерти и приготовление к часу смертному до старости. Но, если они свое приготовление полагают в покаянии (как и следует), то откладывать это дело слишком непрочны для успеха дела. Кто до 60 и 70 лет не жил с Богом, кто совсем не был знаком с христианскою жизнью, тому как трудно вдруг настроить себя по-духовному! Большое неведение богоугодной жизни показывают те, которые думают, будто эта жизнь, или спасение души, состоят только в том, чтоб иметь уединенную комнату или каждый день становиться там, на известном месте, в церкви и полагать земные поклоны. С поклонами-то можно управиться, да ум-то и душу трудно управить к Богу. У старого человека, между прочим, не стает мягкости-теплоты сердца, которая в религиозной жизни имеет большое значение. Тем более у него не станет крепости телесной. Иной молодой думает, что «вот, в старости лет он будет поститься, ходить в церковь и читать духовные книги»: между тем, как приблизится к нему старость, –

встречает он в своем положении совсем иное. Старому все изменяет в теле, например, ноги его, как старые колонны дома, слабо поддерживают тело (Песн.5:15) и не позволяют долго стоять на молитве: руки его дрожат и скоро устают, между прочим, и от крестных знаменований; глаза темнеют, так что вечером, например, помолиться ему по каноннику или же почитать слово Божие и духовные книги очень трудно, или совсем невозможно: и выходит – пользуйся тем или вспоминай то, что успел узнать на память с молодости; слух его закрывается до того, что все чтения в церкви и проповедь церковная до него не доходят: он должен или опять довольствоваться знанием прежних церковных молитв и поучений, или просить особого для себя пастырского наставления; голос его также слабеет и самая речь делается невнятной, шипящею (от разрушения зубов), так что услуга его в пользу ближнего гортанными органами (чтением, наставлениями устными) сравнительно меньше, чем у молодых людей. А что сказать о потере им умственных способностей в последней дряхлости, или о возвращении его к младенчеству в буквальном смысле? О, как же неблагонадежно полагаться на старость для того, чтоб больше приготовиться к вечной жизни! Как же необходимо заранее позаботиться о запасе добрых дел! – Тем более, хилые-то силами и часто болеющие, хоть бы и молодые по летам, должны думать о смерти. Между тем, на деле же часто видим не то. Иной расположен к чахотке, а не удерживается от страсти, например, просиживает до полночи за картежным столом, согрешает и плотским грехом, вместо того, чтоб дорожить сомнительными днями своей жизни и успеть бы более приготовиться к смерти. Другой часто болеет от хилости сложения, между тем, усиливает свои купеческие дела, вместо того, чтоб умерить их и больше бы позаботиться «о едином на потребу». Нет, если б слабые здоровьем были заняты мыслью о своей смерти и приготовлением к ней, то смерть долгие бы не пришла бы к ним и, пожалуй, они были бы долговечными; потому что, в таком случае, они больше удерживались бы от вредных удовольствий и от страстей, которые более всего сокращают жизнь (Прем.1:12).

Какое сильное напоминание приготовляться к смерти приближающаяся старость! Старый не воротится к молодости. Не может он надеяться (например, в 50 лет), что еще проживет столько же. Когда он откуда-либо после гостьбы или свидания уезжает или с кем-либо из уезжающих прощается: естественно, может опасаться, что уже не увидится со своими близкими в этой жизни. Когда слышит об окончании каких-либо начатых дел, близких для него, не прежде 10-летнего, например, срока: должен представлять себя к этому сроку скорее в вечности, чем на земле. Словом, будущим временем он-то особенно не может обнадеживать себя. Кто бы возвращался в свой город после дальней отлучки всего через пять лет, тот, наверное, полагает не встретить (и не встречает) тех и иных престарелых между живыми: старые скрываются с глаз людей, как гости расходятся с вечера, сколь бы ни долго гостили. Поэтому-то каждый раз, как только коснется дело нескольких лет вперед, речь и вид старого человека должны быть трогательны, потому что тотчас раздается у него вопрос: «доживу ли я...». Так, вообще, краткость времени, остающаяся для гостьбы старого на этом свете, ясно напоминает ему о приготовлении к смерти. Но, если обратимся и к частным напоминаниям, то эти напоминания также очень ясны. Так, когда у старого человека притупляются чувства, – зрение, слух, обоняние, осязание, а также и вкус (пищеварительные органы слабеют) (2Цар.19:35): тогда и может он понять, что пора бы ему покончить с чувственными впечатлениями и с теми плотскими наслаждениями, которых раньше он искал посредством этих чувств, что время ему сосредоточиться в себе, думать больше о Боге. Когда усталость и болезни заставляют его больше сидеть дома, когда сон его становится короче; тогда-то особенно он может начать жить жизнью внутреннюю, обратиться к пересмотру прежних своих дел, убедиться в суете светских или мирских удовольствий и размышлять о вечных радостях и блаженствах в Царстве Небесном. Но так ли ведут себя в старости? О, нет! Седина головы напоминает о снежной мертвой зиме или о белом погребальном саване, а голова, между тем, наполнена заботами житейскими или злоумышлениями против ближнего,

даже, может быть, блудными помыслами. Правда, многие из стариков начинаюсь поговаривать о своей смерти в кругу близких лиц, но, в то же время, в душе своей желают себе, как бы, бесконечного живота. Другие уже и делают приготовления к смерти; например, шьют себе похоронное белье и платье, между тем, не заботятся об одеяниях для души, которая вслед за выходом из их тела так-то и оказывается совсем нагою; выбирают себе место для могилы, но не заботятся о *«месте светле и злачне»*, куда бы могла поселиться душа их тотчас за гробом; словом, только внешним приготовлением к смерти занимают себя. Как молодые люди рассчитывают на старость относительно приготовления своего к смерти, так самые старые еще отлагают внутреннее и нравственное приготовление к смерти. До какого же времени отлагают? До дней болезни, которые будут пред смертью. Но ах! Какой это неверный расчет! Пред самую смертью готовиться к смерти, вместо того, чтоб иметь о ней мысли раньше, значит начать укладывать свои вещи на пароход, когда уже был первый звонок к отходу парохода. Многим и многим перед смертью случается болеть так тяжело и тревожно, что болезнь поглощает у них все внимание и все чувства. И самый верующий, самый молитвенный христианин до того иногда мучится от болезни, столько борется с болезнью (не говоря уже о бессознательном состоянии), что, как бы другие за него должны и веровать, и молиться, и распорядиться по имуществу в видах благотворительных завещаний

В чем же должно состоять самое приготовление к смерти, прежде всего, со стороны людей здоровых? Первое дело – «помнить смерть», или сознавать, что дни наши коротки, что вот-вот смертный час и подойдет. Св. Давид просил у Бога сказать ему *«кончину и число дней»* его (Пс.38:5). Этими словами пророк Божий не жаловался на долготу своей жизни, потому что жизнь есть дар от Бога, а за подарок, обыкновенно, благодарят. И не желал он тем скорее умереть, например, по причине сильных бы страданий в жизни; потому что это значило бы уклониться от Божиих посещений, которыми богоугодная душа очищается для Царства Небесного. Нет, Давид,

собственно, молил Бога о том, чтоб живее ему представлять и всегда иметь в памяти короткость здешней жизни, и чтоб мыслью-то о короткости, между прочим, утешиться в страданиях. Так, помнить близость смерти есть особый дар, который нужно испрашивать у Бога молитвою²⁸⁵, это есть, по убеждению святых Божиих, особенный «умственный подвиг». Говоря о подвиге, мы понимаем не просто воспоминание о смерти и, так сказать, телесный только помысл о ней, например, в виду мертвеца. Нет! Но укоренившуюся и сердечную память о смерти, или сердечное убеждение, что жизнь наша коротка. Сначала эта память смертная с величайшим трудом дается человеку, а потом столько человек сближается с нею, что будто и ему одному на свете придется умереть; он не растягивает своей жизни ни на годы и десятки лет, а быстро сокращает жизнь в своем умопредставлении (1Кор.7:29), как будто и при здоровье завтра же придет к нему смерть. По совету святых подвижников лучший час вспоминать смерть – после обеда²⁸⁶. Хорошо приводить на память описанные или виденные примеры чужих смертей. Затем, прекрасно помогает припоминанию смерти такая внешность: прогулка по кладбищу (вместо бытности на гулянье), бытность на похоронах (особенно таких, где выполняется после обеда «заупокойная чаша» с пением); наконец, для кого возможно, – и приготовление себе заранее гроба, и хранение его у себя в потаенном месте²⁸⁷. Но чем же именно полезно такое памятование смерти? Самая главная польза – беспристрастие к настоящей жизни. И естественно, кто живет где-либо гостем и, если не сегодня, то завтра-послезавтра думает выехать, тот избегает как вражды с людьми, так и особенного дружелюбия со многими, – между прочим, не обременяет себя покупками, даже даром не берет ничего, кроме того, что может понадобится ему в дороге. Таково отношение к здешней жизни каждого, кто сознает себя гостем-странником на земле, кто приближает к себе мысленно смерть, и все так не для вида только или по примеру других, не для прикрытия лишь своих житейских пристрастий, например, к деньгам и имуществу, к общественным должностям и чинам, но искренно, или «в чувстве сердца». Другая польза от

памятования смерти – сдержанность, в частности, от тех и иных привычных грехов. Да, память смертная – такое сильное средство против грехов и страстей, что в слове Божиим называется «безгрешным» (Сир. 7:39)²⁸⁸ человек, помнящий смерть, хотя безгрешного между живыми и нет. На что еще сильнее доказательства в этом случае: напоминание о смерти было употреблено даже в раю для бессмертных и безгрешных Адама и Евы. Посмотреть на дерево запрещенное, над которым как бы была надпись: «смертию умрете», значило то же, что ныне нам окинуть и измерить своими глазами те доски, из которых будет сколочен наш гроб. Помни же каждый, что вот, перед смертью, охладает твое тело, что ты не возьмешь с собой ничего на тот свет, что неизвестные годы и столетия будешь сокрыт в темной могиле до трубы архангела, помни, что, может быть, нынешний день уже последний в твоей жизни, и поверь, что после всего этого сила греха и страстей в тебе ослабнет, а усердие к добрым делам увеличится. Пусть это средство удержат себя от греховности принужденное: но принуждение к добру вообще необходимо по свойству нашей падшей природы; но от принуждения может быть переход и к свободе, к свободной благочестивой деятельности. С другой стороны, самая высокая добродетель, например, постничество, монашеское девство или супружеское целомудрие, пастырская проповедь слова Божия, – без памятования о смерти и страшном суде бывает нетвердою, даже опасною в том смысле, что может располагать человека к духовной гордости. Таким образом, воспоминание о смерти благотельно для грешника; но несколько не излишне и для праведника.

Можно при этом поставить вопрос: «если столь полезно всем помнить смерть, то не еще ли лучше было бы, если бы каждый вперед знал время своей кончины»? Действительно, год и час смерти тайна для нас. Нередко видим, что человек, который имеет крепкое сложение тела и подавал надежды на долговечность, в первый раз в жизни заболевает и, поболевав немного, умирает. Он и сам не ожидал своей смерти. Если он пред тем говорил с близкими: «в этом году, или скоро я умру», то говорил как-то нетвердо и с переменою тотчас своего

разговора на другой предмет. А, когда иной, заболев, прямо начинает говорить: «умру» и действительно не встает уже со своей постели, тогда видим только естественное предчувствие тела умереть по ходу болезни. Любопытствуем мы о душевном предчувствии смерти такими людьми, которые не имели внешнего повода ожидать себе смерти, но которых, между тем, через час же застигла смерть (каковы большею частью бывают умирающе от паралича), и которые за час-то до последнего своего вздоха еще были на службе или у кого-либо по делам частным. Но что же оказывается? Частью и эти люди не выражали никакого опасения за свою жизнь, даже весело разговаривали, даже говорили про близкую смерть других лиц, например, больных. Почему же (повторяем) Господь Бог не дает людям ясно предузнавать смерть? Для кого предузнание ее может принести пользу, тем Он и дает предузнавать ее, или предчувствовать, хоть отчасти; таковы грешные люди, от которых ожидается покаяние. Или кому безвредно предузнать время его смерти, те и предузнают, как например, многие из благочестивых и праведных людей. Но, вообще говоря, предвидеть год, а тем более день своей смерти, для человека опасно; потому что тогда он начал бы успокаивать себя мыслью: «еще успею покаяться во грехах и приготовлюсь», тогда он стал бы жить не лучше современников Ноя, словом – не спешил бы творить добрые дела; потому что иному привелось бы узнать свою смерть задолго, за многие десятки лет. А, таким образом, наклонности многих переходили бы в состояние страстей, страсти же обращались бы во вторую природу и делались бы неисправимыми. Нет; неизвестность смерти и каждый раз представление себе ее в близком времени гораздо лучше. В таком случае, человек начинает держать себя так, каким хотел бы видеть себя перед самою смертью. Но скажут: «когда же наслаждаться жизнью, если человек все будет занимать себя мыслью о смерти, все будет собираться умереть»? Грешные удовольствия, конечно, потеряют в таком случае свою силу и прелесть, но их и не должно быть. Враг-дьявол знает все это и потому охотно пообещал бы человеку, помнящему смерть, все богатства мира, только бы этот человек перестал помнить

смерть. Отсюда следует ряд миролюбцев и плотоугодников, которые боятся всякого напоминания о смерти (Сир.41:1), боятся, собственно, не по болезненной мнительности, но в силу упреков совести, обремененной у них грехами: они и терпеть не могут слышать о покойниках или видеть похороны. Зато, поверьте – чистые, дозволенные наслаждения жизнью, при всегдашнем сознании короткости жизни и ожидании смерти, имеют гораздо большую цену. Тогда в пище, например, от стакана чаю до сладких плодов с дерева, в наслаждении природою – от зимнего луча солнца, проходящего к нам чрез окно в комнату, до летней нашей прогулки в поле, в семейных и родственных удовольствиях – от ежедневной беседы с семьей до встречи с кровным родственником через многие годы: все это тогда будет иметь несравненно большую приятность и сладость. Да, память о смерти вовсе не враг чистым наслаждениям нынешней жизни.

Приготовлением к смерти должна быть молитва о *«христианской кончине живота»*. Это значит кончина приготовленная, с исповедью, с принятием Св. Тайн и соборованьем, наконец – с выслушиванием «отходной», или молебна на «исход души». Святые, обыкновенно, ²⁸⁹удостаивались такой кончины, хотя и то еще не худой же признак, когда кто вдали от церкви и общежития умирает без исповеди, однако, в добром христианском расположении, в мире со своею совестью, с христианским ожиданием себе часа смертного. Вообще же говоря, часы перед смертью, как время перехода от земной жизни к вечности, чрезвычайно важны сами по себе, т.е. независимо от того, что предыдущая жизнь была тоже добрая. Важно здесь то, с какими расположениями человек вдруг предстанет душой пред Господом Богом. Многие ли из самых богобоязненных христиан имеют столько чистую и спокойную совесть, что готовы были бы умереть, когда бы ни застал их час смерти, и не нуждались бы в очищении своей совести исповедью? Таким образом, надобно иметь раннее желание и преждевременную молитву о том, чтоб умереть с полным христианским напутствием. Господь Бог и выполняет ²⁹⁰это желание богобоязненного христианина.

Иные желают умереть так, чтоб смерть их была назидательна для окружающих, чтоб они могли до последних минут своих говорить наставления или утешения другим, чтоб их последние слова затем были пересказываемы, как слова замечательные, исполненные веры или даже прозорливости (пожалуй, преданы печати), вообще, желают меньше бороться со смертью и умереть спокойно и бесстрашно. Такое желание возникает в них оттого, что они читали в житиях святых или в рассказе журнальном о современных подвижниках, про чью-либо тихую кончину, или сами были очевидцами чьей-либо подобной кончины. Пусть последние минуты и слова умирающих вообще примечательны. Но, может, однако же, быть наша смерть и не так спокойною, назидательною и торжественною, как мы задолго представляем ее себе: вместо утешения других мы можем сами понуждаться в утешении, можем встретить в себе ослабление веры, а тем более, вместо безболезненной кончины подвергнуться страданиям до «лютой смерти» грешника (Пс.33:22). В таком случае, естественно, мы придем в смущение: ожидали того, а вышло другое. Притом, и само по себе желание трогательной и назидательной для других кончины представляется опасным; потому что оно суетно и подстрекает к духовной гордости. Итак, лучше же желать умереть просто, незаметно, как умирает каждый прохожий или последний бедняк в городской больнице.

Что же до приготовления к смерти самым делом, то совет здесь может быть с первого раза высказан коротко. К смерти готовится добрая жизнь, или, с одной стороны, удаление себя от всего того, что осуждает вся эта книга, а с другой – усердное выполнение, при помощи Божией, всех тех нравственных обязанностей и наставлений, какие предлагает она. Запас добрых дел обнадеживает безбоязненною кончиною так же, как безбоязненно ожидал себе смерти апостол Павел (2Тим.4:7), который каждый день умирал в трудах и борьбе для добродетели (1Кор.15:31). Каждая и малая победа над собой, какую мы вынесли во имя истины Христовой, каждое несчастье, каким выстрадались мы, и каждое малое усердие наше для добра – все это вполне оценим перед смертью.

Особенное, самое усердное приготовление к смерти добрыми делами, конечно, желательны со стороны престарелых: *«возраст старости житие нескверно»*, сказано (Прем. 4:9). Престарелый постепенно должен слагать с себя житейские занятия или общественные служебные обязанности. Для чего же? Не для одного отдыха, но, чтоб всецело посвятить остальные дни свои Господу Богу; не по досаде на чью-либо неблагодарность за его службу или труд, но, чтоб остаться одному с собой, чтоб пожить для одного себя, чтоб упражнять себя в таких мыслях, чувствованиях и делах, которые бы более роднили его с Богом, так как вслед за смертью нужно будет ему соединиться и вечно жить с одним Богом. Скажут: «иной старый человек не имеет ни детей, ни родственников, которые бы могли обеспечить его, и потому необходимо должен и еще служить или работать». Но по самой старости-то лет и одинокости своей он нуждается в немногом, и, следовательно, имеет возможность пользоваться свободным временем. (О старцах же и старицах, обеспеченных детьми или собственным состоянием, и говорить нечего). Затем, если деятельность иного старца и очень важна для Церкви, государства, общества, науки или по воспитанию юношества; если благонамеренные и благородные люди просят этого человека и еще послужить на общую пользу; если и деятельность его такова, что вся в характере богоугодия, например, если это бесплатная служба в богоугодном заведении или в благотворительном комитете: однако, мы остаемся в таком убеждении, что и этот золотой человек – если он, вместе с тем, глубокий христианин, должен сложить с себя большую часть своих служений, предоставив общественную деятельность другим лицам. Пусть бы до самой смерти, как до полной отставки, была у него одна только должность из множества прежних его должностей и обязанностей, но не более. Надобно помнить, что Христос-Спаситель, оставивший нам *«образ, да последуем стопам Его»* (1Пет. 2:21), в последние дни Своей жизни, с утра до вечера, каждый день был в церкви, неутомимо назидая народ словом Божиим и щедро изливая на несчастных больных Свои милости, – между тем, где же, где такие люди, которые бы ради приготовления к

христианской кончине под конец своей жизни слагали с себя должности, не только бесплатные, или необязательные, но даже и с платою, с жалованьем? Решаются на вторичный срок службы при пенсии, или несут после службы какую-либо частную должность, имея состояние, словом, служат или работают до того, что завтра же и умереть. Когда же тут готовиться к часу смертному и к вечной жизни? И вот, застигает их смерть неприготовленными! Все приготовление их состоит разве в одном напутствовании исповедью и святым приобщением. Нет; следуя указанному примеру Христа-Спасителя, эти старые люди, обладающие, между тем, в некоторой мере физическими силами, должны бы каждую неделю, если не каждый день, быть в церкви, каждый пост, если не каждый месяц, приобщаться Святых Тайн. Должны бы также и дома стоять на молитве подолгу, – выполнять полуночную молитву по примеру Давида, служить бы ближним, если могут, какими-либо делами благотворения. О, какое это жалкое и общее заблуждение – суетиться до последней престарелости лет! Будто эти люди вечно хотят жить на земле!

Заблаговременно также некоторые должны позаботиться о духовном завещании. Говорим – некоторые; потому что не у всех и многих есть что оставить после себя, хотя и эти, по примеру святых угодников, которые пред смертью писали завещания, могут завещавать; например, о поминовении себя, о том, что прощают тех, кто обидел их. О завещании должны иметь заботу в особенности те лица, которые не могут не опасаться спора и тяжб после себя за свой капитал и имение, если точно не распределять ни того, ни другого. Пусть это дела земные. Но, если они и не интересуют самого завещателя, то наследники, может быть, только того и ждут, чтоб предъявить свои права на его имение и начать тяжбы. Чтоб предотвратить такое зло вслед за своею смертью, завещатель и должен своевременно приготовить завещание. Это будет полезно ему и с духовной стороны. Как же? Кто составляет завещание, тот, значит, думает умереть и примиряется с мыслью о своей смерти. Многие, боясь встретиться с этою мыслью, и боятся приступить к духовной: у них дрожит рука сделать только

начальные слова для завещания. Зато они и не успевают вполне распорядиться своим имуществом: скопляли-берегли, во многом себе самим отказывали, а потом после смерти оставляют все без пользы для своей души, тогда как могли бы еще, возбудив в себе чувство веры и покаяться, сотворить «от мамоны неправды» нечто для «вечного крова» своего (Лк.16:9). Отложенное до предсмертной болезни завещание делает немало замешательств. Больного беспокоит мысль, что он все еще не составил завещания: но и приступить к завещанию тем больше беспокойства для его духа. Уже когда он пересилит себя, когда велит составить завещание и подпишется под завещанием: тогда настает у него более свободные и спокойные минуты; тогда он начинает и внутренне готовиться к смерти. Следовательно, преждевременное, т.е. в здоровом еще состоянии, духовное завещание лучше всего. Впрочем, окончательное подтверждение завещания должно быть перед самою смертью. Это необходимо во многих отношениях: иной из родственников, которому предназначалась часть наследства, может даже и естественно перестать быть родственником, например, вдова – своячина, которая выйдет замуж; отдать заранее в наследство свое имение, капитал и дом, – не говорим о чужих, приближенных только лицах, но даже и собственным детям или жене, значит наследников слишком обнадеежить, а себя самого поставить в зависимость от них, значит вымаливать у них собственное, например, для христианской благотворительности, смотреть на свое из чужих рук. Итак, благоразумнее закрепить духовное завещание в последний день своей жизни (Сир.23:19–25).

В чем же может состоять приготовление к смерти уже тяжело заболевшего или решительно безнадежного человека? Такого рода больной должен сам, не дожидаясь напоминаний, начать приготовление; потому что семейные его, по жалости к нему, а посторонние, пожалуй, преднамеренно, могут и совсем не сказать ему об опасности его положения. Иной, например, находится в чахотке, к которой присоединились еще другие болезни. Со стороны все уже знают, что он должен умереть, что не для чего ему больше предпринимать дальнейшее путешествие,

чтоб лечиться. Но его обольщают выздоровлением или, по крайней мере, скрывают от него несомненную опасность смерти. Часто он и сам питает в себе ту же надежду выздороветь, потому что любовь к жизни в человеке есть любовь врожденная, чувство самосохранения в каждом из нас – одно из сильнейших чувств. И вот, этот больной мог бы и, пожалуй, готов был бы больше подготовиться к смерти; между тем, он не готовится, между тем, все заботы его об одном – только, чтоб вылечиться. (Пусть другой из безнадежных, совсем приговоровившись умереть, и выздоровеет. Его христианская подготовленность к смерти будет иметь после влияние на более безбоязненную встречу им смерти, которая когда-нибудь придет же. Но, без сомнения, его безбоязненность будет не такая, как в воине, который не раз встречался со смертью на сражениях, но в котором, однако, может и не быть веры, – нет! Но преданная Богу и в духе покаяния). Таким образом, во время тяжелой болезни больной сам должен просить у врача откровенного слова – не в опасности ли его жизнь. А со стороны примирить его со смертью легко бывает лишь тогда, когда он имеет религиозные убеждения²⁹¹. Затем, опасно заболевший должен поспешить примириться с теми, на которых имел сильный гнев или с кем издавна был во вражде. Если и Церковь во всем разрешает умирающего, хотя бы он был связан многолетней епитимией²⁹²: тем более сам умирающий должен разрешить других, которые пред ним чем-либо были тяжко виновны. По евангельскому слову кто не прощает ближнего, тот и сам лишается прощения (Мф.6:15). Для умирающего-то особенно легко может «зайти солнце во гневе». Если он сам не позаботится, чтоб враждующий пришел к нему и примирился с ним или не передаст чрез других свое слово прощения, то примирение может и не состояться, – не только потому, что у того, который остается в живых, более самонадеянности, но иной раз только по неизвестности последнему о его смертной болезни. К прощению ближнего в предсмертные часы можно отнести прощение должников, если должники бедные, а состояние умирающего позволяет их простить. Здесь же нужно сказать о прощанье с женой, с детьми или родителями. Кто

больше приготовил себя к смерти в духе веры и христианской надежды, для того прощание с кровными, которых он оставляет после себя, легче; потому что этот человек, умирая, смотрит на всех и на все окружающее уже другими глазами, как бы с того света, куда все должны переселиться. А кто нисколько не приготовился умереть, кто был слишком привязан к семье, которая, между тем, так же тварь, для того гораздо болезненнее прощание с семьей. В таком случае, полезно утешить как себя, так и родных или сирот оставляемых, надеждою свидания в будущей жизни. Однако ж, и в этой надежде не должно быть ничего плотского или чувственного. Нет; далеко не все родные на том свете встретятся между собой. Приятная встреча и новое вечное сожитие возможны там только при единомушной вере и единомушном желании семьян угодить Богу добрыми делами. Пример предсмертного прощанья – вполне сознательного и для того, кто прощается, и для тех, с кем прощаются, видим в апостоле Павле, когда Павел в последний раз виделся с ефесскими пастырями. В этом прощанье вполне выражаются чистота совести и искренний отчет в действиях пред теми, которые остаются в живых (Деян.20: 25–38).

Умиравший должен позаботиться устроить неоконченные свои дела. Так, некогда Сам Бог велел поступить Езекии. Например, умирающий должен распорядиться об уплате собственных долгов, если имеет их; вознаградить тех, которые в жизни его особенно чем-либо служили ему²⁹³ и мало, притом, были вознаграждаемы, или только пред смертью во время продолжительной его болезни ухаживали за ним; разрешить какие-либо вопросы и сомнения, например, если он напрасно был обвиняем в чем, или напротив, действительно был виновен, чтоб в первом случае перестали произносить на него нарекания за самым гробом, а во втором – не были бы подозреваемы из-за него невинные из живых, которым еще дорога честь в этой жизни; распределить детям занятия их или продолжение собственных, каких-либо общепользовательных трудов и т.п. Но без сомнения, главная работа и здесь должна быть обращена на пользу души. Нужно поспешить уничтожить какие-либо соблазны или исправить какое-либо зло, если всему этому

был виновен умирающий и, если есть еще возможность для уничтожения или исправления: тем самым умирающий докажет искренность своего раскаяния. Прекрасно, если умирающие, особенно одинокие, жертвуют на церкви, на монастыри и богоугодные заведения, не успев, или не желая раньше по своей скупости или холодности сделать ничего подобного. Наследники их, может быть, только поблагодарили бы их и с первых годов помянули бы за упокой, а потом сами умерли бы и, в свою очередь, завещали бы наследство другим, а то оставили бы после себя имение на один спор и раздор. Но здания священные и богоугодные будут стоять дольше, и добрый плод от этих зданий всегда будет относиться к участи умершего жертвователя. При богоугодных пожертвованиях иные мало заботятся о поминовении своей души за бескровной жертвой, которого, между тем, ничем нельзя заменить; завещают, например, чтоб их похоронили со звоном, тогда как от звона нет еще пользы для души. Святые Божии (например, игуменья Афанасия), умирая, очень заботились о поминовении за упокой своей души. Итак, умирающий христианин должен просить вообще своих близких, чтоб помянули его (без сомнения, эту просьбу более прочих могут выполнить священники, как совершители бескровной жертвы). Кроме этого, хорошо он сделает, если доверит одному лицу (из священников же или из среды благочестивых мирян), чтоб исправили по нем сорокоустное поминовение, чтоб отслужили, если возможно, и несколько особых, так называемых, заупокойных обеден за его одного, или, по крайней мере, подавали бы к общей литургии на проскомидию особую просфору с запискою о нем одном, чтобы затем доверенное лицо (а, может быть, и несколько таких лиц) не забывали бы помянуть его за бескровной жертвой во дни родительские.

Человеку, который провел свою жизнь не просто в суетности, но и в пороках, который, однако же, умирает не вдруг, – этому человеку естественно унывать. Он убедится на опыте, что недостаточно перед смертью только нескольких дней, чтоб глубоко покаяться пред Богом. Он увидит, что совсем без пользы прожил свой век, что короткою жизнью надлежало

бы ему дорожить не для забав, а для большего запаса заслуг пред Богом; сознает, что умереть можно только однажды, что после смерти нельзя уже воротиться с того света для исправления своих ошибок, что вот, в этой-то половине столетия живут и цветут те люди, а в другой – уже другие, что одна волна времени в житейском море покрывает другую, только лишь никто не умирает на целую вечность. В этом случае, с некоторою завистью грешник будет смотреть на тех, которые остаются после него в живых и могут вполне воспользоваться своею жизнью, чтоб устроить вечную свою участь. Обо всем он начнет судить правильнее, увидит пред собой несомненную жизнь за гробом, если только он не безбожник или ожесточенный грешник. Как же быть такому умирающему грешнику? Положим, прошедшее для него невосвратимо, хотя пред всеведением Божиим оно остается живым. Но настоящим временем он может еще воспользоваться, пусть это настоящее составляют для него немногие лишь дни или часы. Он должен поставить себя, и душою, и телом, пред Спасителем мира и видеть в крестных ранах Господа знаки своего оправдания во грехах (при этом, хорошо быть у его постели и пред глазами распятия, которого, к сожалению, многие не имеют, хотя бы могли иметь). Доколе умирающий еще дышит, дотоле Иисус Христос остается для него пастырем, а чрез минуту после смертного вздоха Иисус Христос уже будет его судьей, совершающим над ним свой суд «*чрез ангелы люты*» при участии ангелов добрых. Итак, «*дондеже на пути*» к сему суду и должен он располагать временем. Что перенесет он с собой в ту жизнь, то и будет развиваться в нем там²⁹⁴. Воспоминание о разбойнике, покаявшемся на кресте, может воодушевить его в эти минуты. Словом, сознавая, что вечная участь каждого человека зависит еще и от последних минут жизни, умирающий грешник должен, так сказать, погрузиться верою в ранах «*Распятого за ны*»; должен сознать, что страдания Иисуса Христа бесконечно больше значат, чем бесчисленное множество грехов его.

Иногда пред смертью бывают особенные страхования, кроме тоски или тоскливого чувства одинокости (один по себе

отходит, сопутствующих никого нет). Эти страхования застигают не только нераскаянных грешников, но, иной раз, и богобоязненных христиан. Они происходят от духов злых, которые прямо приступают к умирающему: они вовсе не грезы, но жалкая действительность²⁹⁵. Для грешника они составляют препятствие к покаянию, или к полному примирению с Богом, а в отношении к праведнику видим в них последнюю попытку со стороны духов злых, чтоб смутить праведника, говорим, последнюю; потому что, если и еще после смерти будут нападать на душу праведника духи злые, на, так называемых, «*мытарствах*», то там душа уже не в ответе за тогдашнее свое состояние, там она будет отвечать за часы и дни, только проведенные на земле, а не за вечность. Однако ж, не нужно унывать от предсмертных страхований, равно как вообще от страданий, могущих быть при разлучении души с телом. Умиравший должен был бы преждевременно умолять своего Ангела-Хранителя, чтоб Ангел находился с ним в последние минуты (см. канон Ангелу-хранителю). Но и в самой смертной агонии молитва к Ангелу-Хранителю, а особенно слушание канона Божией Матери (Параклисис) или служение молебна чрез священника, как известно по опытам, очень-очень успокаивают дух. Хорошо заблаговременно познакомиться с канонами Божией Матери, который читается «на исход души». Хорошо предчувствующему последние свои минуты припоминать слова: «*аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла*» (Пс 22:4), и произносить краткую молитву: «*Господи Иисусе, приими дух мой*» (Деян.7:59).

Иные из умирающих желают скорее умереть. Между ожиданием смерти и желанием ее есть разница. Если желает скорее отойти такой человек, который провел свою жизнь в светских наслаждениях, которые, наконец, изменили ему, то желание его, очевидно, бывает следствием сильной привязанности к миру. Нет; лучше этому человеку желать пожить хоть несколько дней, чтоб иметь возможность больше очиститься болезненными страданиями для будущего света. А, если желает скорого разрешения от тела благочестивый христианин, если и этот говорит: «теперь уже я готов умереть»,

то ему следует сказать в ответ: «Господь еще не готов принять тебя; потерпи немного».

О, возлюбленный христианин! Жизнь твоя тогда лишь будет проходить правильно, когда ты будешь проводить ее в приготовлении к вечности. Но, чем больше будешь ты отдалять от себя мысль о смерти телесной, тем ближе будет к тебе состояние смерти духовной. Итак, верующая и богобоязненная душа! *«Помяни, яко смерть не замедлит»* (Сир. 14:12)! Памятование о смерти и христианское приготовление к ней – это, уже повторяю, последняя твоя нравственная обязанность, последний урок тебе в школе настоящей жизни. За сим и слово Божие, и Церковь прекращают к тебе все свои уроки, все свои советы и наставления. За сим следует вечность и вечность...!

Слово о покаянии преподобного и богоносного Симеона Нового Богослова в переводе Епископа Феофана

1) О покаянии, – и что для очищения души недостаточно одного раздания имуществ, если не стяжем и плача.

2) Об изгнании Адама из рая, – и что, если б он покался, по преступлении заповеди Божией, то не был бы изгнан из рая.

3) Какое благо принесло ему покаяние, какое принес он по изгнании?

4) Что надлежит каяться тому, кто хочет истинно покаяться.

5) О втором пришествии Господнем.

6) Обличение тех, которые живут не худо, но не с добрым расположением, а притворно.

1. Доброе дело – покаяние и велика польза, бывающая от него. Ведал сие Господь наш Иисус Христос Бог, всяческая провидящий, и сказал: *покайтесь, приближися царствие небесное*. Желаете ли и вы научиться и познать, что без покаяния нам невозможно спастись? Покаяние же я разумею такое, которое бывает от всей души и от всего сердца. Послушайте Апостола, который говорит: *всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй, во свое тело согрешает (1Кор.6:18)*. И опять, в другом месте: *всем явится нам подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2Кор.5:10)*. Но на это иной может сказать: благодарю Бога, я не осквернил тела моего никаким срамным делом (чего я, всякий грех соделавший, сказать не могу), – и, говоря так, иметь некое от сего утешение, что-де чист от плотского греха. Но Владыка наш Христос в притче о пяти девах юродивых дает решительное удостоверение, что от одной чистоты телесной никакой не получим мы пользы, если не будем иметь и прочих добродетелей. Те пять дев имели и немного елея в сосудах своих, т.е. некоторые внешние добродетели, причастны были и некоторых дарований, от чего и лампы их горели некоторое время; но за нерадение свое, невежество (в делах духовных) и

леность были осуждены на вечное мучение. Они не позаботились очиститься от скрывавшихся в душе их страстей, которые приводимы были в движение бесами, и даже не познали их как следует. От того под бесовскими воздействиями были растлеваемы сердца их чрез сосложение с помыслами, с которыми скрытно имели смешение, бывая пленяемы ими и побеждаемы.

Но какие это бесовские действия? Страсти, – зависти, ревности, ссоры, спорливости, осуждения и клеветы, ненависти, гнева, огорчения, злопамятства, тщеславия, человекоугодия, самоугодия, сребролюбия, плотской похоти, коею услаждались и посредством сласти творили блуд в помыслах; к сему еще – страсти неверия, бесстрашия (пред Богом), боязливости (не знать пред чем), уныния, печали, противоречия, лености, сонливости, самомнения, высокоумудрия, гордости, объядения, любоимания, безнадежия, и все прочие тонкие и скрытные страсти греховные, приводимые в движение демонами.

Блаженный Апостол Павел взывает подобно Христу и говорит: *мир имейте* (δῖώκετε, гоните) *и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр.12:14). По какой причине сказал он: *гоните*, т.е. всегда ищите мира и святыни, непрестанно ищите? По той, что невозможно в один час соделаться нам и стать святыми. Надобно начинать с меньшего и, постепенно преуспевая, восходить к более и более совершенной святыне, и чистоте. И, хотя бы мы прожили в этой жизни тысячи лет, никак не возможем достигнуть полного совершенства святыни, но долг имеем подвизаться ради ее непрестанно так, как бы теперь только положили начало. Это самое показывает св. Павел, когда о себе говорит: *гоню же, аще и постигну, о немже и постижень быхъ от Христа Иисуса*. (Флп.3:12).

Посему умоляю вас, братия мои, внимайте тому, что мною говорится вам, и послушайте слов грешного брата вашего. *Приидите, поклонимся и припадем к благому и человеколюбивому Богу нашему, предварим лице Его во исповедании и восплачемся пред Ним, сотворшим нас; ибо Он*

Господь наш, мы же людем Его и овцы пажити Его, и не отвратит Он лица Своего от нас. Только покаемся от всей души и отринем не злыя только дела, но и самые лукавые, и нечистые помыслы сердца нашего, уничтожим их совершенно. Ибо Божественное Писание говорит: расторгните сердца ваши, а не ризы ваши (Иоил.2:13). Что пользы, скажи мне, если мы будем раздавать бедным имущество свое, а от зла не отстанем и греха не возненавидим? Что, так же, пользы, если мы делом не будем совершать какого-либо плотского греха, а в сердце будем питать срамные и нечистые помыслы, совершая, таким образом, грех тайно, в душе своей, и обладаемы будучи нечистыми страстями душевными? Отринем же, молю вас, вместе с серебром и златом и обычное нам рабство страстям; не будем стоять в нерадении, как доселе, но восприимем подвиг отмыть скверну страстей слезами покаяния.

Как, если царь какой, сидя на троне своем, с короною на главе и в царских одеждах, по своей воле возьмет что-либо нечистое и своими руками вымажет тем свое лицо и замажет чувства свои, до невозможности видеть, слышать и обонять, а потом, раскаявшись, что так сделал, положит очиститься от этой скверноты, но не войдет тотчас в жилище свое, чтоб омыться водою и, отмыв ту нечистоту, опять чистым, каков был прежде, воссесть на престол свой, а вместо того, чтоб отмыть эту нечистоту, станет раздавать бедным сокровища свои и богатство свое; то, хотя бы он раздал все движимое и недвижимое имущество свое, не получит от этого никакой пользы, если не отмоет водою нечистоты своей, и все смотрящие на него, когда он, имея на лице своем такую нечистоту, обращается с синклитом своим и с князьями своими, будут иметь его в посмешище: так невозможно получить какую-либо пользу и тому, кто так же раздаст все богатство свое и сделается совсем нищим, если не оставит греха, не отвратится от зла и не очистит души своей покаянием и слезами. Пусть какой-либо человек, нагрешивший, и чувства души своей закрывший нечистотою греховных сластей, раздаст бедным все богатство свое и оставит славу чинов своих, великолепные дома, рабов, родных, друзей и знаемых, и, обеднев таким образом, нищим, и ничего

не имущим, придет и сделается монахом: но при всем том, ему, пока жив, потребны и слезы покаяния, которые совершенно необходимы, чтоб омыть и очистить ими скверну грехов, особенно, если он, как и я, нечист не кое-какими, а большими и многими грехами.

Итак, если хотим очистить души свои от скверн греховных, то для этого недостаточно только раздать бедным имущества свои, но потребно еще плакать и проливать слезы от всего сердца. Я так думаю о себе, что, если не очищу скверны грехов моих слезами моими, но отыду из настоящей жизни оскверненным, то праведно буду предан поруганию и Богом, и Ангелами, и ввергнут в неугасимый огонь вместе с демонами. Да, братия мои, так есть воистину. Ничего не внесли мы в настоящую жизнь, чтоб, когда согрешим, дать то Богу для искупления грехов наших, как и Евангелие говорит: *что даст человек измену за душу свою?* (Мф.16:26). Се суд правый! Се праведное и истинное смирение, как говорит и Дух Святый устами Давида: *не прииму от дому твоего тельцов, ниже от стад твоих козлов. Яко мои суть вси зверие дубравнии, и проч.* (Пс.49:9:10). И еще: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:18–19). Опять и Христос говорит: *не мните, яко приидох разорити закон или пророки: не приидох разорити, но исполнити* (Мф.5:17). Ибо ветхий закон не мог врачевать души от невидимой болезни страстей греховных земными врачевствами, то есть телесными оправданиями, дарами, жертвами, всесожжениями и прочим. Почему и Предтеча Иоанн говорит: *се Агнец Божий, взявляй грехи мира* (Ин.1:29). Также и Апостол Павел: *закон духа жизни о Христе Иисусе освободил мя есть от закона греховного и смерти* (Рим.8:2).

Желаете ли знать, как Христос исполнил закон и пророков, как говорит сам Он? Послушайте. Закон говорит: не убий, а Христос: не гневайся; закон: не прелюбодействуй, а Христос: не похотствуй; закон: не клянись ложно, а Христос: совсем не клянись. Рассуди теперь: кто не гневается, тому как возможно убить? Кто не допускает похотствования, тому как возможно

соблудить? Тому, кто совсем не клянется, как можно поклясться ложно? Итак, Христос Господь законом Духа, т.е. Евангелием, отсекает от души корни грехов; и это есть исполнение закона, – то, чтоб кто не за какое-нибудь дело оправдывал себя или считал себя праведным, но, чтоб во всем и пред всеми был как мертвый, чтоб уж совершенно ничем не смущаться и не тревожиться, и не вздорить с теми, которые печаливают его чем-либо прискорбным, но жить вполне по заповедям Христа Господа и исполнять ревностно Его повеления. Все заповеди Христовы даны нам в противность грехам; в этих заповедях надлежит жить и их ревностно исполнять всякому, кто желает сподобиться царствия небесного; для всего же прочего надо быть бездейственну и мертву. Христос Господь говорит: *аще пребудете во Мне, и глаголы мои в вас пребудут, егже аще хотите, просите и будет вам (Ин.15:7)*. Последуем же слову Христову с усердием и ревностию, пока достигнем того места, где пребывает Христос. Христос где Сам пребывает, туда влечет и последующих Ему, и помещает их во святом святых, как великий архиерей, – там, куда, как человек подобный нам, Он вошел первым, как Сам говорит: *ииктоже приидет к Отцу токмо Мною. Аз есмь путь, истина и живот (Ин.14:6)*. И еще: *Отче, ихже дал еси Мне, хошу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною: да видят славу Мою, юже дал еси Мне (Ин.17:24)*. Распнемся же и мы со Христом, т.е. будем претерпевать всякое искушение, какое ни найдет на нас, и умертвимся по любви к Нему для всех удовольствий мирских, чтобы жить с Ним. Будем вместе с Ним шествовать путем, ведущим на небо, храня чистыми сердца свои; ибо, когда будем шествовать путем заповедей Его и последовать Ему, не обращаясь вспять, тогда никакого вреда не возможен причинить нам враг наш диавол, особенно, если будем шествовать с мудрым руководителем и добрыми спутниками. Убоимся примера бесплодной смоковницы, проклятой Христом за бесплодие, и принесем Христу достойные плоды чрез покаяние. Не дадим себе воздремать нерадением души своей и не попустим вляться туда и сюда в прелестях мира, в то время, когда надлежит трудиться в делании заповедей Божиих, чтоб не погасить светильника

возженного, и светящего под действием плодов покаяния, и не уподобиться пяти юродивым девам. – Но делами добрыми и богоугодными будем приумножать талант благодати Христовой.

Ибо для всех вообще, не для монахов только, но и для мирян, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспевать во всех добродетелях. А, что то, что я говорю, истинно, подтверждает слово мое и св. Иоанн Златоуст, великий столп и учитель церкви, в беседе, в коей истолковывает пятидесятый псалом, где говорит, что и для того, кто имеет жену и детей, рабов и множество слуг, большое богатство и почести, и кто велик и славен по мирским делам, возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродетели, и приять Святого Духа, соделаться другом Богу и сподобиться созерцания Его. Таковы были жившие прежде Христа: Авраам, Исаак, Иаков, Лот, Моисей, Давид, – оставляю прочих, потому что их было премного, а в новой благодати, во время воплощенного домостроительства Христа, Бога нашего, Апостол Петр, рыбарь неученый, проповедавший Христа по всей вселенной. Впрочем, всех их кто исчислит, когда они – паче песка морского? Много было царей, князей и лиц властных (не говоря уже о бедных), которые с большим иждивением строили города, дворцы, храмы Божии, богадельни, странноприимницы, сохраняющиеся доселе. Имея же все сие при жизни, они пользовались тем благочестно и богоугодно, не как господа и властители, а как слуги Божии, распоряжаясь тем, что дал им Бог, так, как было угодно Богу. Они пользовались миром, как говорит св. Павел, но не злоупотребляли. Почему, и живя в мире, они были славны и знамениты, и в другой жизни, в царствии небесном, в нескончаемые веки будут славнейшими и светлейшими. Так и мы, если бы не были нерадивыми и беспечными презрителями заповедей Божиих, но усердными, ревностными, и внимательными исполнителями их, то не имели бы нужды оставлять имущества свои, удаляться от мира и делаться монахами. Но, чтоб тебе лучше убедиться в этом, послушай, что будет говориться далее.

2. Бог в начале создал человека царем всего земного, и не только земного, но и того, что находится под кровом небесным: ибо и солнце, и луна, и звезды созданы для человека. Итак, будучи царем всего этого видимого, человек терпел ли от этого какой-либо вред для добродетели? Нет, не терпел. Напротив, если бы он всегда благодарил за сие Бога, создавшего его, и все это Ему посвящал, то паче преуспевал бы в добродетели. И, если б он не преступил заповеди Божией, то, конечно, не потерял бы царства своего, какое имел, и не ниспал бы от славы Божией. Но, как преступил заповедь Божию, то праведно изгнан из рая, и стал жить в трудах и хлопотах, и умер в изгнании.

И послушай, – скажу тебе нечто такое, чего никто еще не высказал с полною ясностью. Говорит Божественное Писание: *сказал Бог Адаму: Адаме где еси?* (Быт.3:9). Для чего говорит это Творец всяческих? Конечно, для того, чтоб расположить Адама прийти в чувство, сознать грех свой и покаяться. Для того и говорит: Адаме, где еси? Как бы говорил: Адаме войди в самого себя, познай наготу свою и уразумей, какое одеяние и какую славу потерял ты; Адаме, где еси? Некоторым образом, Он как бы возбуждает его и говорит: о, Адам, приди в себя, и исповедай со смирением грех свой. Выйди оттуда, где ты скрываешься. От Меня ли думаешь укрыться? Скажи: согрешил. – Но он не говорит этого (или, лучше сказать, я, бедный, не говорю этого, потому что это собственная моя есть страсть); а что говорит? *Глас слышах Тебе, ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся* (Быт.3:10). Бог же что сказал ему на это: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* (Быт.3:11).

Видишь, возлюбленный, благоутробие Божие? Что, когда Бог сказал Адаму: где ты, и Адам не исповедал греха своего, а сказал: *глас слышах Тебе, ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся*, – Он не разгневался на него тотчас и не отвратился от него, но опять спрашивает его, говоря: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* –

Понял ли ты глубину премудрости Божией, – что, когда Адам сказал: *наг есмь*, Бог говорит ему: что говоришь ты, что наг, а грех свой скрываешь? Не думай, что Я вижу только тело твое, а сердца твоего и помышлений твоих не вижу. Ибо Адам обманулся и действительно подумал, что Бог не знал о грехе его, некоторым образом, так говоря в себе: скажу, что я наг; Бог, не зная причины этого, спросит: от чего же ты наг стал? а я отвечу ему: не знаю». Так я обману Его и опять получу прежнее покровение. Если же и не получу сего, по крайней мере, Он не изгонит меня теперь же из рая и не вышлет в другое место. Вот, что подумал Адам, как и ныне делают то многие, и первый я сам, скрывая грехи свои. – Но Бог, не желая, чтоб грех Адамаотяжелен был этою несознательностью, говорит ему: откуда узнал ты, что наг, если б не вкусил от древа, от которого запрещено было тебе вкушать? Он, как бы, так говорил ему: и ты думаешь укрыться от Меня? Не знаю будто Я, что ты сделал? Чего же не говоришь: согрешил? Скажи, несчастный: ей, Владыко! истинно согрешил я, преступив заповедь Твою, послушал совета жены своей и большой сделал грех, поступив по слову ее и преступив Твое собственное. Помилуй мя, Боже, и прости. Но он не говорит этого, не смиряется, не сокрушается; сердце его ожесточено, каково и у меня, бедного. Если б он сказал это, то опять остался бы в раю и не подвергся бы тем лишениям, какие испытал потом. Одним этим словом: согрешил, он искупил бы все множество лет, какие пробыл в аде.

Вот, что я обещал тебе сказать! Но послушай еще и далее, и поймешь сколь истинно слово мое. – Бог сказал Адаму: *в оньже аще день снесете от него – от древа запрещенного – смертью умрете* (Быт.2:17), – смертью, т.е. душевною; – что и совершилось тотчас, – человек совлекся одежды бессмертия; и ни Бог не сказал ничего более (того определения), ни совершилось ничего после того особенного. Бог, провидя, что Адам имел согрешить, и желая простить его, если покается, не сказал ничего более сказанного. Но Адам отрекся от греха своего и не покаялся, даже и будучи обличаем Богом; ибо сказал: *жена, юже дал еси со мною*, та прельстила меня

(Быт.3:12). Увы ослепленной душе его! Сказав так, он сказал, как бы, Богу: Ты Сам виноват, потому что меня прельстила жена, которую Ты дал мне. Что самое стражду ныне, и я, бедный и несчастный, когда не желаю смириться и сказать от всей души, что сам я виновен в своей гибели; но говорю, что вон тот-то побудил меня сделать или сказать то и то, он мне посоветовал и сбил с пути. Увы бедной душе моей, говорящей такие слова, полные греха! О, бесстыднейшие и неразумнейшие слова души бесстыдной и неразумной! – Итак, после того, как Адам сказал это, говорит ему и Бог: *в поте лица твоего снеси хлеб, дóндеже возвратишия в землю, от неяже взят еси: яко земля еси и в землю пойдешу* (Быт.3:19). Он, как бы, так сказал ему: Я говорил тебе покаяться, чтоб остаться в прежнем твоём состоянии; но, как ты жесток сердцем и нераскаян, то удались от Меня. Этого отдаления тебя от Меня будет достаточно для твоего наказания: ты – земля, и в землю пойдёшь. Уразумел ли ты теперь, что Адам за то, что не покаялся и не сказал: *согрешил я*, изгнан из рая, осужден проводить жизнь в трудах и потах, и отойти в землю, из которой взят? – Потом, оставив его, Бог подходит к Еве, желая обнаружить, что и она праведно осуждается вместе с Адамом на изгнание, так как не хотела покаяться, и говорит ей: что это ты сделала? чтобы хоть она сказала: *согрешила я*. Ибо по какой другой причине сказал бы ей Бог такие слова, кроме, разве, для того, чтоб побудить ее сказать: о, Владыко, по неразумию моему сделала я это, бедная и несчастная, и преслушала Тебя, Господа моего, помилуй меня и прости мне! Но она не сказала этого, а что? *Змий прельсти мя*. О, нечувствие окамененное! И ты, Ева, – после того, как согласилась беседовать со змием, говорившим тебе слова, противные Владыке твоему и Богу, предпочла его Богу Творцу твоему, нашла лучшим заповеди Господа твоего совет его и почла его более истинным, чем заповедь Божия, – не сознаешься, что сделала худо и не каешься?! – Так, поскольку и она не захотела сказать: *согрешила я*, то и она изгнана из рая сладости и отдалена от Бога. – Вникни же в глубину тайн человеколюбивого Бога и познай из сего, что, если

б они покаяться, то не были бы изгнаны из рая и осуждены возвратиться в землю, из коей взяты. Как же это? Послушай.

3. поскольку, будучи изгнаны из рая, они тотчас начали алкать и жаждать, зябнуть и дрожать, вести труды и поты, и претерпевать все те тяготы и прискорбности, которые претерпеваем и мы ныне: то скоро восчувствовали, в какое горькое низошли состояние и какому великому подверглись бедствию. Тогда познали они и свое жестокосердие, и нераскаянность, и Божие к ним неизреченное снисхождение и благоутробие. Почему, ходя и сидя вне рая, они каялась и проливали слезы, били себя в лицо и исторгали власы главы своей, оплакивая прежнее свое жестокосердие. И это делали они не один, или два, или десять дней, но всю жизнь свою. Ибо, как можно было не плакать, вспоминая оного кроткого и благоволительного Владыку, оную неизреченную сладость рая, те неописанные доброты и красоты цветов райских, ту беспечальную и беструдную жизнь и соображение с Ангелами? Как бывает в мирской жизни, что слуги, приставленные каким-либо именитым господином служить ему, пока соблюдают внимание, почтительность и послушание господину своему, имеют пред ним дерзновение, пользуются его благосклонностью и любовью, и живут у него в покое и довольстве; а когда возгордятся и начнут отступать от воли господина своего, и презирать сослуживцев своих, то не только теряют дерзновение свое пред ним, но и его благосклонность и любовь, и по его приказанию изгоняются в страну далекую, где подвергаются бесчисленным нуждам и скорбям, и, чем более страждут и бедствуют, тем более чувствуют горесть своего положения, вспоминая потерянное ими покойное и довольное житье: так, то же самое, пострадали и прародители наши, жившие в раю и наслаждавшиеся великими его благами. Они познали величие сих благ и цену им, когда потеряли их, быв изгнаны из рая; тогда же познали они и всю великость понесённого ими зла. Почему непрестанно горевали и плакали, призывая благоутробие Божие.

Что же делает Бог, скорый и готовый на милость и косный на наказание? Он провидел, что они, наконец, смирятся и

раскаются, потому predetermined и особый способ к отменению Своего на них праведного приговора, но не тотчас привел в исполнение сие predetermined, а свои назначил для сего и время, и место, и образ, чтоб научить нас любомудрствовать и не восставать против Творца своего и Бога. Как predetermined, так потом и сделал, и тем, которых изгнал из рая за продерзость пред Ним и нераскаянное сердце, поскольку смирились и оплакивали себя, устроил путь к возвращению потерянного. Именно: для сего сам Единородный Сын и Слово безначального Отца снизошел с небес на землю и не только соделался человеком, подобным им, но и благоволил понести смерть насильственную и позорную, потом низошел в ад, извел их оттуда и восстановил. Итак, Христос столько, как каждодневно слышишь, пострадавший за них, чтоб возвратить их из такого далекого изгнания, ужели бы не сжалился над ними, если б они покаялись тогда в раю? Как можно, чтобы не сжалился над ними Тот, Кто по существу человеколюбив и благоутробен, и Кто создал их для того, чтоб они наслаждались благами рая и прославляли Благодетеля своего?

Но, чтоб тебе лучше познать сие и поверить слову моему, слушай и еще. Если б они покаялись тогда, когда находились еще в раю, то получили бы опять только рай, и ничего более. Но, поскольку изгнаны быв из рая за нераскаянность, потом раскаялись, много плакали и бедствовали, то Владыка всяческих Бог, за труды их и поты, за бедствия, претерпенные ими, и за доброе их покаяние, благоволил паче почитать их и прославить, чтоб заставить их забыть все понесенное ими зло. И что же делает? Смотри, сколь велико человеколюбие Его! Сошедши во ад и изведши их оттуда, Он не ввел их опять в тот же рай, из которого они изгнаны, но возвел на небо небесе и, когда воссел одесную Бога и Отца своего, спосадил их с Собою. Помысли же, какою великою почтил Он честию Адама, который был раб Ему по естеству, и сподобился быть отцом Ему по благодатному домостроительству? Видишь, на какую высоту вознес его Владыка наш Христос, за его покаяние, смирение, плач и слезы! О, сила покаяния и слез! О, море человеколюбия неизъяснимого и милосердия неисследованного!

4. И не только Адама почтил Бог и прославил, но и нас, сынов его, которые т.е. восподражали его покаянию, слезам, плачу и всему, о чем сказали мы, – и даже доселе прославляет Он и чтит, как Адама, тех, которые каются, как следует, и делают то, что делал Адам, – еще и тех, которые отныне и напоследок будут так делать и каяться, миряне ли они или монахи, будет Он прославлять, как его, как сам сказал Он, истинный Бог наш: «истинно говорю вам, не оставлю их никогда, но, как братьев моих и друзей, отцов и матерей, сродников и сонаследников Моих, покажу их, прославил и прославлю их, и на небеси – горé, и на земли – низу, и животу их, и радованию, и славе не будет конца».

Скажи же мне, брат мой, какую пользу принесла прародителям нашим она беструдная и беспечальная жизнь, какую имели они в раю, когда они вознерадели, презрели Бога неверием Ему и преступили заповедь Его? Ибо, если б верили Ему, то Ева не сочла бы змия вернейшим Бога, Адам не поверил бы Еве паче Бога, – и они поостереглись бы вкусить от древа запрещенного. Но вкусили и не покались, и за это изгнаны из рая. – Впрочем, и от изгнания опять они получили не вред, а великую пользу. Это в силу домостроительства спасения нашего. Ибо Владыка наш Христос снизошел с небес, смертью Своею разрешил узы нашей смерти, и снял осуждение, перешедшее на нас от преступления прародительского, силою святого крещения возродил нас, воссоздал и избавил от сего осуждения и сделал нас в мире сем совершенно свободными, чтобы враг наш диавол уже не действовал в нас и на нас насильственно и принудительно, – почтил нас самовластием, какое даровано было нам в начале, и дал силу против врага, чтоб желающие удобно побеждали его, паче всех святых, бывших до воплощенного домостроительства Христова. Но и когда умирают такие, не нисходят во ад, как древние, а восходят на небеса и сподобляются получить тамошнее упокоение и вечную радость, – теперь в некоей лишь мере, а по общем воскресении – вполне и всецело.

Итак, пусть никто не выдумывает извинений своим грехам и не говорит, что мы, в силу преступления Адамова, подлежим

всецело действию (несопротивительному) диавола и принудительно влекомы бываем на грех. Которые думают и говорят так, считают верно, что воплощенное домостроительство Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа было бесполезно и всеу, – каковое слово есть слово еретиков, а не православных. Ибо по какой другой причине нисшел и воплотился Христос, и для чего другого пострадал Он, если не для того, чтоб разрешить осуждение, происшедшее от греха, и освободить род наш от рабства диаволу, и от действия в нас (властного) сего врага нашего? То и есть истинное самовластие, чтоб никоим образом не быть властвуему от другого кого. Мы все рождаемся грешниками от праотца нашего Адама, согрешившего, преступниками от преступника, рабами греха от раба греха, подклятвенными и мертвыми от подклятвенного и мертвого, и из-за Адама, приявшего действие лукавого диавола, его советом подвинутого на грех, поработившегося ему и потерявшего самовластие, и мы, как чада его, подлежим действию и властному господству диавола и бываем рабами ему. Для того Господь наш снисшел с небес, воплотился и соделался человеком, подобным нам во всем кроме греха, чтоб уничтожить грех, – зачат был и родился, чтоб освятить зачатие и рождение людей, – воспитываем был и возростал мало-помалу, чтоб благословить всякий возраст, – начал проповедовать, соделавшись уже совершенным мужем, тридцатилетним, чтоб научить нас не забегать вперед и не упреждать ни в чем тех, кои больше нас по уму и добродетели, то есть, более нас разумны и добродетельны, особенно, если мы еще молоды и несовершенно рассуждением и добродетелью, – сохранил все заповеди Бога и Отца Своего, чтоб разрешить всякое преступление и нас, преступников, освободить от осуждения, – соделался рабом, прияв зрак раба, чтоб опять нас, рабов диавола, возвести в господское достоинство, и сделать господами и властителями самого диавола, прежнего тирана нашего, – что и подтверждают святые, изгоняющие диавола, как слабого и немощного, и слуг его, не только в жизни, но и по смерти, – повешен был на кресте и соделался клятвою, как говорит пророк: *проклят всяк висяй на древе* (Втор.21:23), чтоб

разрешить всю клятву Адамову, – умер, чтоб умертвить смерть, и воскрес, чтоб уничтожить силу и действие диавола, имевшего власть над нами посредством смерти и греха.

Так, Господь наш, ввергнув в среду смертоносного яда греховного неизреченное и животворящее действие Божества Своего и плоти Своей, освободил род наш от действия диаволова, и очищая нас святым крещением и животворя причащением пречистых тайн честного тела Своего и крови, делает святыми и безгрешными, – но и опять оставляет иметь нам самовластие, чтоб не казалось, что мы служим Владыке нашему Христу по принуждению, но по собственному нашему произволению. Почему, как в начале Адам в раю был свободен и безгрешен, и по самовластной воле своей послушался врага, прельстился и преступил заповедь Божию, так, напротив, и мы, возрождаемые святым крещением, освобождаемые от рабства и делаясь свободными, если не послушаемся по своей воле врага нашего диавола, то этот лукавый никаким способом не может поселить в нас какое-либо зло. Теперь, если прежде закона и пришествия Христова, без пособия тех средств, о коих мы сказали, многие и очень многие угодили Богу и явились непорочными, из которых праведного Еноха Бог почтил преложением, а Илию вознес на небо на огненной колеснице: то мы какое можем дать оправдание, если после явления благодати, после такого и толикого благодеяния, после уничтожения смерти и греха, не являемся святыми, если по возрождении святым крещением, какое мы получили, состоя под охранением святых Ангелов, коими ограждены, и под действием благодати Святого Духа, коего сподобились, не оказываемся даже подобными тем, кои были прежде благодати, т.е. прежде Христа, но пребываем в нерадении, презираем и преступаем заповеди Божии? – А что мы, если понерадим о своем спасении, будем наказаны паче тех, кои грешили прежде Христа, это показал Апостол Павел, говоря: *Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении* (Евр.2:2–3).

5. Итак, всякий из нас, в какое бы ни впал прегрешение, пусть не обвиняет Адама, но порицает себя самого, и пусть показывает, подобно ему, истинное и достойное покаяние, если желает сподобиться царствия небесного. Если же не хотите всячески подвизаться, чтоб соблюсти себя безгрешными и сохранить заповеди Христовы, или, если, не сохранив их и согрешив, не хотите каяться до конца жизни вашей и горько оплакивать грехи свои, но пребываете в жестокосердой нераскаянности, то, вот что говорит Господь к тем, которые не хранят заповедей Его, или не каются тотчас, но отлагают день от дня, которые не верят и не слушают словес Его, после таких и толиких чудес, после воплощенного домостроительства и такого света истины, распространенного по всему миру: *«сотрясется под ними земля и расторгнется на многая, не терпя носить на хребте своем неблагодарных, жестоковых и непокорных Мне, и узрят они падение свое, приближающееся к стопам их, и вострепещут. Ибо, когда земля потрясется, и небо подвижется, и с треском, как свиток, свиется от страшных ужасностей тех, тогда ужаснутся непреклонные и бесчувственные сердца их, как у зайца в час заклания; померкнет свет, спадут звезды, солнце и луна угаснут над ними, а из ограждений (коры) земли изыдет огонь преизливающийся, как волны морские»*. – Как во время потопа отверзлись хляби небесные и низошла вода, и мало-помалу покрыла все множество людей; так и тогда отверзнутся основания земли и изыдет огонь, не мало-помалу, а весь вдруг, и покроет всю землю, подобно морю огненному. Тогда, что будут делать те, которые говорят: оставили бы лишь меня в настоящей жизни, и я царствия небесного не захотел бы? Что будет с теми, кои ныне смеются и говорят так? Чем защититься им тогда? Могут ли они сказать, что не слышали, или что нас никто не научил, или что мы не знали имени, власти, крепости и силы Владыки всяческих? Нет, не можем мы сказать ничего такого. Ибо на это скажет нам Владыка наш Христос: о, окаянные! Сколько раз Я возвещал вам волю Мою чрез пророков, апостолов и всех почти рабов Моих? Я Сам сколько учил вас, открывая вам всякую истину? Не слышали вы

разве Моего Евангелия, которое говорит: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф.5:5). Я взывал, а вы не слушали. Я взывал: *блажени плачущии*, а вы смеялись, переглядывались, разговаривали один с другим и длили празднословие свое, и затем звали друг друга на пиры, работая чреву своему. Не говорил ли Я, что *тесен и прискорбен путь, вводящий в живот* (Мф.7:14), и, что *нудится царствие небесное и только нуждницы восхищают е?* (Мф.11:12). А вы разваливались на мягких постелях, и изобретали всякого рода упокоения плоти своей. Не говорил ли Я, что, *хотящий быть первым, пусть будет последним, и всем раб и слуга?* А вы предпочитали председания и преждевозлежания, власти и чины великие, и не хотели со смирением послужить бедному, убогому и всеми брошенному. Не говорил ли Я: *еще аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Мф.7:12). А вы исполняли только свои хотения и похоти, лихоимствуя, похищая, обижая, и вообще, угождали только себе самим. Не говорил ли Я: *аще ты кто ударит в ланиту, обрати ему и другую?* (Мф.5:39). А из вас одни только смеялись, слушая это, а другие даже и слышать этого не хотели, говоря, как нехорошо и несправедливо Я предписал это. Не говорил ли Я: *аще кто ты поймет по силе попреще едино, иди с ним два?* (Мф.5:41). А вы, сами никогда этого не исполняя, заставляли только так делать братьев своих. Не говорил ли Я: *блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради?* (Мф.5:11). А вы не сносили даже слова несколько сурового, не только от равных вам, но и от больших вас. Не говорил ли Я: *радуйтесь и веселитесь* во время гонений и скорбей? А вы любили паче похвалы, честь и славу, и, когда случалось вам испытать скорбь какую, не рады бывали и самой жизни своей. Не ублажал ли Я нищих? А вы никогда от души не хотели сделаться нищими. Не говорил ли Я, что кроткие наследят царствие небесное? А вы были как звери дикие в отношении к тем, которые не исполняли малейших желаний ваших; когда же видели, что они не исполняли заповедей Моих, тогда сочувствовали им и были снисходительны и кротки, говоря, что Господь повелел быть снисходительными к таким и

кроткими. Не говорил ли Я вам: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть?* (Мф.5:44). А вы говорили, что это дело апостолов и великих святых; ибо кто другой может так делать? Бедные и несчастные! почему же сами вы не делались святыми? Не слышали разве, как Я говорил: *святи будите, якоже Аз свят есмь?* (1Пет.1:16). А вы оставались в грехе и в нечистотах похотных.

Женам же особо скажет Он: не слышали вы, как в церкви читали жизнь и деяния св. Пелагии, которая была прежде блудницею, а после сделалась святою? Жизнь и деяния преподобной Марии Египетской, которая тоже была блудною и нечистою, а потом соделалась земным ангелом? Жизнь святой Феодоры, которая впала в прелюбодейство, а потом явилась чудотворицей? Не слышали также жизнь Евфросинии девы, преобразившейся в Смарагда? И еще – жизнь Ксении, воистину странной и дивной? Не слышали, как они оставили родных, богатство и самых обручников своих, и, Мне послужив в бедности и смирении, соделались святыми? Почему же и вы не подражали им, – блудницы – блудницам, распутницы – распутницам, замужние – замужним, девы – девам?

Опять и мужам, – царям и властителям скажет Он также: не слышали вы, как Давид согрешил, и когда пришел к нему пророк Нафан и обличил его, не противоречил ему, не разгневался и не скрыл греха своего, но тотчас встал с престола своего и, падши на землю пред всеми, сказал: *согрешил я пред Господом моим, и во всю жизнь свою не переставал день и ночь плакать, проливать о том слезы?* Не слышали, что тот же Давид говорил: *от гласа воздыхания моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся неясоти пустынной. Пепел яко хлеб ядях, и питание мое с плачем растворях?* (Пс.101:6–7:10). И опять: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю омочу?* (Пс.6:7). Не слышали, как еще говорил он: *Господи Боже мой, аще сотворих сие, аще есть неправда в руку мою, аще воздах воздающим ми зла: да отпаду убо от враг моих тощ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет и поперет в землю живот мой, и славу мою в*

персть вселит? (Пс.7:4–6). Почему же и вы не подражали ему и подобным ему? Уж не подумали ли вы, что вы славнее и богаче его, и потому не восхотели смириться предо Мною? Бедные и несчастные! вы при всем том, что тленны и смертны, хотели быть единодержавцами, и, если где-либо оказывался кто такой, который не подчинялся вам, вы тотчас восставали на него, как на ничтожного раба своего, при всем том, что он сораб ваш и вы ничего не имеете преимущественного пред ним: как же вы не хотели работать и покоряться со страхом и трепетом Мне, Творцу своему и Владыке? и когда вы делали зло тем, которые погрешали против вас, то что подумывали о том, в чем сами погрешали против Меня? – Что нет никого, кто бы взыскал кровь онеправдываемых вами? Или, что нет никого, кто бы видел все, что вы делаете в тайне? Или забыли вы Меня, Творца своего и Бога и подумали, что уж никого нет больше вас? Или не чаяли вы, что имеете некогда предстать предо Мною обнаженными и против воли своей? Не слышали вы, что Я говорил: *кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф.20:26–27). Как же не вострепетали вы и не пришли в чувство, чтоб сознать ничтожество свое и смириться, боясь пасть в гордость от суетной славы мира сего, преступить заповедь Мою и преданными быть в неугасимый огонь адский? Не слышали разве вы, как Давид, когда поносил его Семей, называя убийцею, не только не разгневался, но сознал себя худшим его и запретил тем, которые хотели убить его?

Итак, вот и Моисей, и Иисус Навин, и Давид, и многие другие прежде воплощенного домостроительства, и еще множайшие после него, ныне, как видите, прославляются вместе со Мною. Многие из них были царями, властителями, богатыми, как и вы, но жизнь свою провели в страхе Божиим, в правде и смирении, не воздавая никому злом за зло, хотя многократно были бесчестимы и презираемы не равными только себе, но и низшими, и Мне оставляя сделать за них отмщение; а в чем согрешали предо Мною, в том каялись от всей души и плакали о том со страхом и трепетом всю жизнь свою: ибо слышали, что будет день второго пришествия Моего и суда, и

веровали тому. Вы же презрели заповеди мои, как какого-нибудь ничтожного и бессильного лица. Так с теми, с которыми вы предпочитали обращаться, которых слова слушались, которых дела делали, и которым доследовали, с теми вместе получите и уготованное им, то есть геенну огненную.

Таким же образом, и грешным патриархам противопоставит Он патриархов святых, – Иоанна Златоустого, Иоанна милостивого, Григория Богослова, св. Игнатия, Тарасия, Мефодия и всех прочих, которые были образами и подобиями истинного Бога, не только словом, но и делом. И грешным митрополитам противопоставит Он митрополитов святых, Василия Великого, Григория, брата Васильева, Григория чудотворца, св. Амвросия, Николая – и, словом сказать, всякого патриарха, всякого митрополита и всякого епископа грешного сопоставит Он с апостолами и свят. отцами, просиявшими прежде их в тех же епархиях, и, поставив всех их, одних против других, то есть праведных против грешных, или, как сказано, овец одесную, а козлиц ошуюю, скажет последним: не в тех же ли местах проводили жизнь и вы, как и те, Мне угождавшие и служившие? Не на тех ли кафедрах сидели и вы? – Почему же не подражали вы делам их? Как не убоялись вы держать и вкушать Меня, чистого и непорочного, нечистыми руками и еще более нечистыми душами своими? Как не ужасались и не трепетали вы, делая сие? Зачем тратили вы достояние бедных на собственные свои удовольствия и на своих родных? Зачем продавали вы Меня за серебро и золото, подобно Иуде? Зачем покупали вы Меня, как какого раба непотребного и Мною пользовались на удовлетворение пожеланий плоти вашей? Почему, как вы не почтили Меня, так и Я не попечалюсь о вас. Отыдите от Меня, делатели греха, отыдите!

Так-то, наконец, осуждены будут отцы отцами, рабы и свободные рабами и свободными, богатые и бедные богатыми и бедными, женатые женатыми, неженатые неженатыми, и просто сказать, всякий грешник, в оный страшный день суда, увидит подобного себе против себя в жизни вечной и в неизреченном оном свете, и будет осужден им. Как бы сказать, всякий грешник будет видеть против себя подобного ему праведника, то есть

царь царя, начальник начальника, блудник нераскаянный блудника покаявшегося, бедный бедного, раб раба; и вспомнит, что и он был человек, и он имел душу и тело, и все другое, как и тот имел в настоящей жизни, такое же достоинство, такое же искусство, такой же промысл, однако ж, не хотел подражать ему; и зажмет рот свой, не имея ничего сказать в защиту себе. Когда миряне грешники увидят в царствии небесном мирян праведных, грешные цари – царей праведных, богатые и женатые грешные – богатых и женатых святых, и все другие грешники, имеющие находиться в аде, подобных себе, находящимися в царствии небесном: тогда покроются стыдом, подобно оному богачу, который, палим будучи огнем неугасимым, увидел бедного Лазаря, покоящимся на лоне Авраама.

Мы же, монахи, такие, т.е., которые, подобно мне, ленивы, нерадивы и грешны, – что мы постраждем тогда? Какой стыд, какие муки обымут нас, когда увидим тех, которые в жизни сей имели жен и рабов, и рабынь, веселящимися в царствии небесном вместе с женами и детьми своими? Когда увидим тех, которые исправляли разные должности и обладали богатством, угодившими Богу? Или, короче сказать, – когда увидим всех тех мирян, которые исправляли всякую добродетель и жизнь свою проводили в покаянии и слезах, со страхом Господним, стоящими в веселии светлости праведных? – Когда подумаем, что мы, которые оставили отцев и матерей, братьев и сестер и весь, вообще, мир, для спасения душ своих, – некоторые же из нас оставили чины, богатство и все другие блага мира сего, – и, удалившись из мира, сделались нищими и монахами, для стяжания царствия небесного, за свое нерадение и леность, и за поблажку худым похотям своим, сами себя довели до того, что нас отбросили ошуюю вместе с блудниками и прелюбодеями, и со всеми жившими непотребно в мире сем: тогда, – увы нам! – какой страх и трепет, и какой стыд покроет нас?! Поверьте мне, братие, что этот стыд будет для нас мучительнее всякого мучения грешных мирян. Когда я, отвергшийся мира и всего мирского, стану наряду с грешными мирянами, которые имели жен и детей и были озабочиваемы

делами мирскими, чтоб равной вместе с ними подвергнуться муке, а они, обратившись и увидев меня вместе с собою, скажут: и ты, монах, оставивший мир, здесь вместе с нами стоишь? Как же это, как? – тогда чем имею защититься пред ними, и что сказать им? Кто может, братия мои, описать как следует словом, ту великую скорбь, какою я имею обьят быть тогда? Конечно никто. Да и что сказать, и чем защититься?

Оставили мы, монахи, мир и все, что в мире, но не отвратились от него всею душою, между тем, то и есть истинное удаление от мира и всего мирского, когда кто, убежав от мира, возненавидит все мирское. И, что есть мир? – Послушай. Не есть он ни серебро, ни золото, ни лошади, ни мулы, ни яства, ни вино, ни хлеб; потому что все, что необходимо для поддержания телесной жизни, употребляем и мы, монахи, едим и пьем, сколько потребно. Не есть он ни дома, ни поля, ни виноградники, ни загородные жилища; а что же есть? Грех, пристрастие к вещам и страсти. А яже в мире что суть? Пусть это скажет нам Иоанн Богослов, возлюбленный ученик Христов: *не любите мира, ни яже в мире: яко все, еже в мире, похоть плотская, похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1Ин.2:15–16). Почему, если мы, удалившись от мира и оставивши его, не соблюдаем этого, что нам пользы от одного удаления? Из какой бы части мира мы ни вышли, и в какую бы страну ни переселились, везде встретим те же вещи и те же нужды; потому, будучи человеками, куда ни пойдем, нигде не можем жить иначе, как живут человеки, яко человеки. Где бы мы ни находились, везде нам необходимо потребное для тела, и кроме того, везде встретим жен, детей, вино, всякого рода плоды и прочее. Так уж устроена жизнь наша. Итак, от всего этого не убежишь; а от чего убежать можно? От пристрастия к сему. Тогда и от греха легко избежать. Если же мы имеем похоть плоти, похоть очес и парение помыслов, то как, находясь среди всего этого, избежать нам греха и не подвергнуться уязвлению от стрел его? Но я знаю очень хорошо, что многие и в древние, и в нынешние времена сохраняли и сохраняют себя неуязвленными от него, и, находясь среди вещей и дел мирских, среди попечений и забот

житейских, проводили и проводят жизнь в совершенной чистоте и святости, следуя указанию св. Павла, который говорит: *время сокращено есть прочее, да имущии жены, яко неимущии будут... и купующии, яко не содержаще: преходит бо образ мира сего (1Кор.7:29–31)*. Посему и о прочем разумевай, т.е., кого бесчестят и обижают, и тем подвигают на гнев, тот пусть не гневается; кого хвалят, тот пусть не держит в уме своем того, что говорят в похвалу ему; кто побуждается сделать кому отмщение, – тот пусть будет в мире как мертвый всем сердцем своим, и прочее. Кто раз сделался таковым, тот прочее пусть усердно ревнует о том, чтоб уж и всегда соблюдать себя беспечальным даже о самой жизни тела. Таковыми были и во всякое время бывают те, которые усердно подвизаются.

Если мы не подвизаемся сделаться такими и проводить такую жизнь, то, что скажем тогда на будущем суде? Что презрели славу и богатство? Но Господь скажет нам: но вы не оставили зависти, спорливости и задора. А что это отстраняет и отделяет нас от Бога, об этом говорит Апостол Иаков: *аще зависть горьку имате и рвение в сердцах ваших* (есть и доброе рвение, когда кто ревнует другому с доброю целью, т.е., чтоб и самому делать то добро, которое видит в брате своем), *не хвалитесь, ни лжите на истину. Несть сия премудрость свыше низходящи, но земна, душевна, бесовска. Идеже бо зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь (Иак.3:14–16)*. Немного после опять говорит он: *просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете (Иак.4:3)*, и к сему прибавляет: *прелюбодеи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть? (Иак.4:4)*. И подумай, не сказал он, что мир только есть враг Богу, но и любы мира; потому что из-за нее бываем мы прелюбодеями и прелюбодейцами. А что это истинно, послушай самого Христа Господа, Который говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф.5:28)*. И в другом месте сказано: *не пожелай, елика суть ближняго твоего (10-я заповедь)*. Из сего явно, что не тот только удаляется от Бога и бывает врагом Ему, кто делом совершает грех, но и тот, кто любит его и похотно желает какой-

либо вещи, т.е. имеет пристрастие и привязанность к чему-либо земному и мирскому, потому что в этом и состоит *любви мира*. Почему, пусть кто наг и лишен всего земного и мирского, и явно не делает никакого греха, но имеет любовь и пристрастие к сему; то он враг Богу, как говорит и Иоанн Богослов: *аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем (1Ин.2:15)*. Но и Господь наш Иисус Христос говорит: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всю крепостию твоею, и всем помышлением твоим (Лк.10:27)*; так что, кто имеет расположение, пристрастие и привязанность к чему-либо другому, тот уже не исполняет сей заповеди.

Мы же, бедные и несчастные, оставили то, что велико, славно и высоко в мире, а сделавшись монахами, любим кто рясы светлые, кто другие одежды красивые, кто пояса, кто обувь, кто яства и пития сладкие, кто ножи и прочие орудия, или другие вещи еще более ничтожные, из-за которых отпадаем от любви к Царю всех Христу и становимся врагами Ему, не чувствуя того. Почему, если не покаемся в этом, как должно, и не отторгнем от души нашей всякой злой похоти и всякого лукавства, спорливости, задора и гордости, то всеконечно осуждены будем в огонь вечный, вместе с мытарями, блудниками, грешниками и с теми богачами, которые жили нечисто. Восприимем же подвиг, братия мои, и начнем творить всякую добродетель, всякое же худо и всякую страсть отвергнем от всей души, возненавидим всякую вещь, и большую, и малую, которая подвергает опасности души наши, и будем употреблять только такие, которыми не был бы занимаем ум наш и не услаждалось сердце, чтоб не попасть ошуюю вместе с грешными мирянами, из-за таких ничтожностей, и не увидеть братий наших и отцев, стоящими одесную Бога, и нас осуждающими, – не увидеть, говорю, грешным игуменам каждого монастыря игуменов, Богу угодивших в тех же монастырях, грешным диаконам – таких, которые просияли как светила, в таком же диаконстве, грешным послушникам и рукодельникам – таких, которые, тем же занимаясь или проходя еще и низшие послушания, явились святыми и за то увенчаны наряду со святыми мучениками, – осквернившим юность свою

плотскими грехами не увидеть сохранивших сию юность в чистоте, – мужам, падшим по нерадению своему, не увидеть таких, которые терпели брань плотскую от юности до престарения, и, однако ж, сохранили целомудрие свое, – старикам, до конца жизни творившим дела несмысленных детей, не увидеть таких, которые в старости покаялись, или даже сделались монахами и в короткое время, под действием страха Божия, отсеки злой навек, укоренившийся с юношеского возраста, – которые смеялись – таких, которые плакали, – которые безвременно ели и пили до сытости и пресыщения – таких, которые и в определенное время не вкушали вдоволь, – которые проводили время в утехах и весельях – таких, которые всегда были печальны и унылы, вспоминая страшный день суда и грехи свои, – которые, оставя богатство и славу, пришли и сделались монахами и, однако ж, нисколько не хотели подчиняться и смиряться – таких, которые пришли к нам от бедноты, но пожили с нами в смиренном послушании и за смирение свое соделались светлейшими и славнейшими многих царей и патриархов, стоящих там же вместе с ними одесную.

6. Что же, братия мои возлюбленные, поняли, что я сказал вам? Знаете теперь, какой стыд имеет тогда покрыть нас? Напечатлели в уме своем и восприяли в чувство час оный? Или опять повторить мне то же самое в собственную свою и подобных мне нерадивцев, и ленивцев пользу? Ведь и с нами то же самое будет в оный страшный день суда; многие из братий наших окажутся стоящими одесную Бога в славе великой, а многие окажутся стоящими ошуюю и будут осуждаемы ими. Да и как не быть им осужденными? Когда два человека, занимающиеся тем же мастерством, или два юноши, чистые от всякого греха и бедные, отвергшись мира, сделаются монахами, и один из них, по собственному произволению, делает всякую добродетель, а другой – всякое худо, то как первого не одобрить, а второго не осудить? И разве не видим, что это всегда почти бывает между нами? Одного видим послушным, внимательным, смиренным, с братиями обращается он как раб Бога, а не человеков, служит братиям верно и почтительно,

мудрование имеет смиренное и сокрушенное, о себе же самом так судит и говорит: я, честный отче (мне не раз приходилось слышать это от таковых), и в мире жил в большой нужде и тесноте, и с большими трудами добывал себе пропитание, как же мне не радеть о послушании, пришедши сюда, и даром есть хлеб монастырский? За это Бог взыщет с меня в день суда. Но, как я пришел сюда работать Богу, то и буду трудиться, сколько могу, чтобы плод трудов моих превосходил трату на мое содержание; буду слушаться настоятеля моего и всех братий моих до смерти, без роптания, так, как бы слушался Самого Христа, и постараюсь ни в чем не оказаться ослушником пред ними. Другого же видим тщеславным, невнимательным, непослушным, и с собою рассуждает он все противоположно первому и говорит: вот, дал мне Бог жилище, хлеб, вино, яства разные с избытком, стал я равен с прежними, и первым пред теми, которые имеют прийти после меня; я брат всем им, хотят ли они того, или не хотят; так буду есть, пить, спать вдоволь, потому что какая мне нужда трудиться и работать, чтоб другие получали пользу от моих трудов? А, если прикажут мне что-нибудь работать, я скажу им, что немощен, не могу, и, если будут принуждать к тому, отвечу: хоть задушите меня, или выгоньте, не могу работать, – и нахмурюсь, будто плачу, вскрикну и скажу: вот, колена подгибаются и в глазах потемнело; по такой причине я получу разрешение есть с утра, как захочу; или буду ворчать, браниться, поперечить и роптать при всяком послушании, какое мне ни дадут, и всячески они соскучат возиться со мною и оставят меня в покое и не хотя; а если дадут мне иной раз какое небольшое послушание, то я совсем не буду радеть о нем; сказать к примеру, если заставят меня смотреть за мулами, то сначала проговорю, что не умею ходить за ними, а потом нарочно буду оставлять их без поила и корма, тогда поневоле или оставят меня, или дадут мне помощника, на которого я и свалю весь труд, сам же сделаю что-нибудь для вида и залягу; если велят мне быть хлебопеком, то я, чтоб не показаться ослушником, буду уверять их притворно, что не умею печь хлебы, и скажу, что ни разу не видал, как печется хлеб, но пойду и испеку им такой хлеб, что

будет как камень, и они, не могши есть его, не будут более принуждать меня к такому послушанию; если пошлют меня прислуживать на кухне, то я не послушаю игумена и, не поклонившись даже ему, скажу: Господи помилуй! Меня это ты, отче, из всех выбрал, чтоб приставить к такому низкому послушанию? Разве нет других братьев в монастыре? Так думает он сказать, чтоб отделаться и от этого послушания. Затем пересматривает все послушания и на все готовится отвечать: не умею, не могу, – а, если принудят, исполнять их кое-как и портить. Как замышляет, так потом и делает, или еще и хуже того.

Итак, вот имеем мы пред глазами своими двух братьев, из которых один во всем покорствуется с благодушным послушанием и с сердцем смиренным, без лености, ропота и лукавства, а другой поступает совсем противоположно тому. Теперь, когда придет смерть и возьмет их обоих такими, как есть, – и в день Страшного суда, этот, лукавый и ленивый, поставлен будучи ошуюю Владыки Христа нагим и связанным, обратится и увидит одесную Его того собрата своего, собеседника и сотрудника, вместе с ним сделавшегося монахом, что он весь одет светом и славою, подобно Самому Христу, – что имеет он сказать тогда? Поистине, братия мои, нечего ему будет сказать тогда, но, стень и трясьйся, и скрежеща зубами, пойдет он в вечный огонь адский.

Таким же образом и каждый из нас, грешных, будет осужден своим святым, – неверные будут осуждены верными, согрешившие и непокаявшиеся будут осуждены согрешившими, может быть, даже больше их, но показавшими великое и теплое покаяние. Почему, прошу вас всех, если знаете за собою, что сделали что худое и в чем-либо согрешили, и грехами своими уязвили и умертвили души свои, попекитесь от сего же часа исправиться, покажите достойное грехов ваших покаяние и всячески восподвизайтесь сделаться достойными стать одесную Иисуса Христа, Спасителя нашего и Бога. Если хоть и малые какие знаете за собою погрешности, отбросьте и их сколько можно скорее, чтоб за эти малости, как вам кажется, и вам не пришлось стать ошуюю. Не считайте эти малости малыми и

ничтожными, но имейте их за великие. Ибо кто погрешает по своей воле в малом и бережется от большего, тот большему подпадает наказанию, так как, победив большее, побеждать себя допустил меньшему. К тому же, и одной страсти достаточно, чтоб ввергнуть нас в ад, как сказали мы выше, приведши во свидетели самых Апостолов – Иоанна и Иакова. Чтоб подтвердить это еще и примером, спрошу вас: кто имеет брань с десятью или двенадцатью врагами, если, когда начнется война, с самого начала победит и убьет всех первейших противников своих, наиболее мужественных, но, видя, что остались еще один или два слабеньких и немощных, выступающих против него с робостью, не устремится на них издали и, схватив, не свяжет или не убьет их, то не будет ли он убит ими? Если он, в гордости своей сбросив оружия, завалится спать, презирая тех двух слабеньких, то не устремятся ли на него эти двое, или даже и один, чтоб связать его и взять в рабы себе, или и убить, и сделать посмешищем пред всеми людьми, которые праведно будут говорить: поделом ему, что попался в рабство или убит, это ему за гордость и беспечность? Я же скажу лучше: за неразумие и бессмыслие его. Ибо не столько достоин он похвалы за мужественную вначале борьбу и победу, одержанную над более сильными врагами, сколько порицания, презрения и отвержения за то, что попустил одолеть себя тому одному, слабому.

Таким же образом, братия мои возлюбленные, и мы никакой не получим пользы, если, победив большие страсти, останемся побежденными от меньших, – именно: если сохраним от осквернения плоть свою, если не будем поддаваться гневу, зависти и корысти, но будем порабощены объядению, винопитию, или сну, или лени, или прекословию, непослушанию, или ропоту. Что пользы для нас воздерживаться только от злых дел, о коих мы сказали? Если мы возьмем тайком лишь кусок хлеба, или другое что, и съедим без благословения настоятеля, или, если по своей воле, без болезни и крайней нужды, не пойдем на службу церковную, кто может сказать, что мы свободны от греха? Того, у кого все тело было в ранах и потом вылечено, нельзя назвать совершенно

здоровым, если у него осталась еще хоть одна небольшая ранка, но того следует называть надлежаще здоровым, кто изгладит, если возможно, самые знаки ран, бывших на теле. Итак, перестанем считать малости малостями, но, слыша, что многие были осуждены за них и сильно наказаны, будем воздерживаться всеми силами от них, чтоб избежать вреда, причиняемого ими. Пусть никто из вас, братия мои, не останется связанным какою-либо из малостей, как и всякою другою страстию, но отныне же пусть положит начало покаянию. Не стыдись никто обнаружить победу над собою, исповедав грех свой, если, когда побежден будет какою страстию, да посрамится враг диавол и прекратит свои нападения. Не дадим господствовать над собою ни зависти, ни гневу, ни ярости, ни вздорности, от которых обыкновенно происходят срамословие и ругательство. Да не господствует над нами тщеславие, гордость и высокоумие, чтоб низвергнуть нас во глубину ада. Далеко от себя отгоним все сие, и вместо того стяжем всякую добродетель.

Спросите, кто же может усмотреть все эти маленькие прегрешения, чтобы воздерживаться от них и не провиниться ни в одном из них, когда их бесчисленное множество? Я скажу вам, кто благодатию Божиею может не провиниться в них. Кто всегда помнит грехи свои и помышляет о будущем суде, кается и плачет, тот преодолевает и препобеждает все вообще страсти. Ибо он подымается силою покаяния столь высоко, что никакая страсть не может достать его и схватить душу его, парящую горе. Но если ум наш не возвысится и не достигнет меры бесстрастия покаянием, слезами и духовным смирением, происходящим от слез, то нам невозможно быть свободными от сказанных страстей. Мы будем уязвляемы непрестанно то одною, то другою страстию и снедаемы ими, как дикими зверьми, и здесь, и по смерти за них не сподобимся царствия небесного, и ими же терзаемы будем всю вечность. Посему умоляю и не перестану умолять всех вас, духовные братия мои, не нерадите о спасении своем, но подвижайтесь всячески приподняться немного от земли, потому что, если совершится над вами это чудо, что вы (духовно) как бы повиснете в воздухе

над землею, то, восхитившись чудом сим, вы уже не захотите более сойти на землю или стоять на ней. Землею называю я мудрование плотское, воздухом – мудрование духовное. Сказанное мною значит, что, когда ум наш освободится от лукавых помыслов и страстей и мы, в силу сего, вкусим свободу, какую даровал нам Христос, Бог наш, тогда мы не захотим уже низойти в прежнее рабство греха и плотского мудрования. Но будем всегда бодренны и трезвенны, и будем непрестанно молиться, как заповедал нам Господь наш, говоря: *Бдите и молитесь (Мф.26:41)*, – пока не внидем в блаженное царство небесное и не получим обетованных благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Кому подобает всякая слава во веки веков. Аминь.

Примечания

¹ - Из журнал. отзывов.

² - Этот переход от рассмотрения и одного рода грехов к разряду других (сверх последовательного перехода от одной заповеди к другой) мы помещаем здесь, как образчик для таких, между читателями, лиц, которые, нося с нами один сан и звание учителей церковных, вздумали бы эту нашу систему нравственного (практического) богословия избрать для себя конспектом (хоть и с исключениями) нравственных церковных бесед к народу и предложить такие беседы импровизацией или письменно. Мы, после импровизированных (как и всегда) бесед «по православно-догматическому богословию» (в порядке нашей книги: «Учение православно-кафолической веры, 4 тома), продолжавшихся, однако, до 4 лет, перешли к церковным импровизациям этой самой системы нравственной, и – тотчас убедились, что опять вступили на почву (по предмету церковных пастырских собеседований) верную и полезнейшую. Увидев себя, свои деяния, так сказать, натурально описываемыми в наших проповедях, слушатели еще больше начали собираться и тесниться к нашей проповеднической кафедре. Авт.

³ - Различные виды человекообожания в отношении к лицам (напр. детообожание, женообожание), будут показаны нами ниже, в своих местах.

⁴ - Св. «Лестница» по рус. перев. 1862, стр. 149.

⁵ - Один древний царь-язычник хотел создать на земле для своего единственного сына «Адамов рай». Он с малолетства поместил сына в великолепном дворце с садом, окружил его молодыми товарищами, запретил при нем говорить про болезни и смерть, велел постоянно занимать его разнообразными, приятными предметами. И цесаревич достиг уже юношеских лет, но не знал ни малейшего неудовольствия и огорчения, не знал даже, что люди иногда терпят нищету, старятся, болеют и умирают. Когда он выезжал из дворца к народу, но на всех путях прогулки, по распоряжению отца, его встречали увеселительные зрелища и музыка. Но душа молодого человека, оставленная в

голоде, предъявила о себе. Раз, встретив старика, близкого к смерти, он стал желать привязаться к чему-либо вечному, и томился недоумениями, относительно загробной жизни. Бог послал ему наставника в лице одного пустынника, и он – познал истину, утолил ею голод своей души, и тотчас же отвратился от наслаждений плотских. Это был преп. Иоасаф (Чет.-Мин. под 19 ноября).

⁶ - Такой взгляд на плотскую страсть можно встретить у всех св. подвижников, напр. у св. Леств.

⁷ - О вреде плотской страсти для здоровья будет сказано в 6 заповеди, требующей беречь жизнь и здоровье, а также и в 7, где раскрываются виды ее, или грехи.

⁸ - О вреде, бывающем от табакокурения для имущества и домов, скажется в 8 заповеди, запрещающей вредить собственности ближнего, и своей.

⁹ - Поэтому мы будем встречаться с ним, называя его имя, много раз в своей книге, излагающей обязанности христианские и нарушения их

¹⁰ - «Сильнии гневливи суть» (Притч.31:4) по преимуществу. И вот, один древний царь, не имея на ком излить свой гнев по случаю того, что утонули его корабли в море, велел дать триста ударов морю

¹¹ - Эти виды, или грехи страсти гнева указываются нами под 4 и 10 заповедями. О вреде же ее для здоровья, говорится под 6 заповедью.

¹² - О различных греховных проявлениях страсти сребролюбия, или о грехах по силе этой страсти, будет сказано в 8 заповеди, требующей правильно относиться к имени своему и ближнего, хотя далеко не все грехи против сей заповеди происходят от сребролюбия, которое, повторяем, страсть не многих лиц.

¹³ - О страсти властолюбия, следующей здесь по порядку, не говорится особо, потому что она, так сказать, личная человеческая страсть людей начальствующих. В изложении обязанностей по званию последних, она и рассматривается (см. в 5 заповеди о «жизни граждан. и обществ.»).

¹⁴ - Достопамят. сказ. о подвигах св. отец, стр.158, сказ. 8; 262, 1.

¹⁵ - Там же, 287, 26.

¹⁶ - Лавс., гл. 204.

¹⁷ - Святые Божии то далеко держали себя от тех, которые хотели ублажить их, то допускали некоторые странности, чтоб внутренне не чувствовать соуслаждения похвалами и знакам почитания, которые воздавали им. Так, кто приходил к Макарию Египетскому, считая его за святого и великого старца, с тем он и не говорил ничего, но кто, придя к нему, начинал высказывать ему укоризны, хотя бы и несправедливые, того он принимал с удовольствием (Дост. сказ. о подвиж. 149:30).

¹⁸ - Например, препод. Пафнутий, желающий знать: «далеко ли он ушел в богоугодных подвигах своих, с кем может сравниться этими подвигами», приходил из пустыни, по Божию указанию, к трем человекам: к гудочнику, к старшине сельскому и к купцу (в жит. преп. Таисии под 8 окт.)

¹⁹ - Преп. Макарий Египетский также был послан видеть в мире двух женщин замужних (между собой сном), которые превосходили его своею жизнью (Четь-Мин. под 19 янв.)

²⁰ - Лавс. 141, изд. 1850.

²¹ - Прим. в Лавс. гл. 216 и мн.др.

²² - Василий Вел. о смиреномудрии

²³ - Так удостоверяет св. Макарий Египетский, который и сам стоял на высшей степени христианского совершенства и видел дивного из святых, Антония Великого (бес. Его 7, гл.4).

²⁴ - Леств. сл.26, гл.180.

²⁵ - Варсан. вел и др.

²⁶ - Ав. Дорофей, стр. 138–139.

²⁷ - Св. Злат. В слове против живших с девственницами по р.п.

²⁸ - Объяснение этой заповеди десятословия со стороны грехов, которые она запрещает, а также 4 и 6, было помещено нами в журнале «Душеполезного чтения» за 1871 год в III томе. Здесь оно предлагается полнее в ином порядке. Авт.

²⁹ - В Луге духов. повествуется, что Божия Матерь дважды вразумляла одного комедианта, который поносил ее пред народом, а затем, явившись к нему в третий раз, очертила его Своим перстом по рукам и ногам, которые и отнялись у него тотчас: таким образом он сделался как пень (гл. 46).

³⁰ - Луг дух. 194.

³¹ - Целое собрание примеров казни Божией современным кошунникам можно видеть в книге нашей: «Домашние настав. пастыря» т. 4, 404.

³² - Улож. о наказ. ст. 179.

³³ - У черемисов, например, обряд присяги состоит в том, что они съедают что-либо с острия ножа.

³⁴ - Уст. угол. суд. ст. 715.

³⁵ - Уст. угол. судопроизв. стр. 98.

³⁶ - Трое с клятвою подтвердили одну бесстыдную ложь, при этом изъявляя готовность понести в противном случае разные казни, первый – сгореть, второй – заболеть тяжкою проказою, а третий – ослепнуть. И что же? Над ними буквально сбылись все эти казни: тот сгорел, этот наказан болезнью с ног до головы, а третий, в виду неизбежного наказания себе, начал плакать и от слез лишился зрения (Евс.ист.кн.VI, гл.9)

³⁷ - О том, чтоб «не изменять присяге при следственных показаниях», подробнее сказано нами в другой книге нашей: «Дом. наст. Паст.», т. I. стр. 419, изд. 1863 г.

³⁸ - Прор. Моисей тоже свидетельствовался небом и землею: но в ту же минуту он вспоминал и имя Бога (Втор.4:25–26). Словом, если святые Божии в своей клятве или божбе и указывали на предметы высокие и священные, то они только призывали эти предметы быть свидетелями пред Самим Богом, свидетелями своего обращения к Богу, и тем еще яснее представляли для себя величие Божие, а не к ним, собственно, относили свое клятвенное обещание.

³⁹ - Отсюда слова в молитвах заклинательных при крещении: «изжени из него (крещаемого) всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

40 - Некоторые святые Божии, когда писали предсмертные завещания, то прежде всего в своих завещаниях благодарили Бога за то, что Бог удостоил их православного крещения.

41 - Чинопослед. присоед. из иноверн. к правос. Церкви.

42 - «Чин, како приимати..., иже никако же быша правоверии».

43 - Номок.при больш.требн.

44 - Вас. Вел., св. Златоуст и др.

45 - Дочь Иеффая, однако, была принесена в жертву, но не в буквальном смысле, а в духовном, или в смысле ее безбрачия, отречения от мира, и т. под.

46 - Св. Злат. В похв. сл. Мелетию.

47 - Ис. Сир. 118 по р.п.

48 - Леств. сл.28.

49 - Достопам. сказ о подвиж. св. отц. перев. с греч. 196, 32.

50 - Там же, 256, 31.

51 - Эти вопросы относятся, собственно, к сохранению жизни и здоровья, о чем должно быть сказано (и скажется) в отделе VI заповеди.

52 - О вреде излишней хлопотливости для здоровья и жизни скажется нами особо, в отделе VI заповеди.

53 - Вопрос этот предлагается под восьмью заповедью.

54 - Один был и бедный, и увечный, но отказался от предлагаемой ему милостыни: «я (говорит) тружусь, плету молодые прутья». (Древ. патер. гл. 6. 22). Другого просили принять деньги хоть на бедных же. Он отвечал: «тут будет двойной стыд, – и без нужды приму и потщеславлюсь чужим подаванием» (там же, сказ. 21).

55 - Подробное изложение о них можно читать в другой книге пашей: «по православно-пастырскому богословию письма», ч. 1, стр. 72.

56 - Лаод. соб. 14; в требн. изъявл. муж. пр. гл. 38.

57 - В ветх. завете, кроме других постов, некоторые имели усердие дважды в неделе поститься. Без сомнения, эти недельные дни пощения не могли угадывать в наши среды и

пятницы. По усердию постились (в том числе и фарисеи) по понедельникам и четвергам.

⁵⁸ - Св. Злат. в одной из бес. на крещ.

⁵⁹ - Таково уже мудрое предвидение природы (а она действует по законам Господа Бога), что сон в некоторой мере и в некоторых случаях заменяет питание. Во время сна менее израсходуются питательные соки и позыв на пищу при нем почти замирает. (Отсюда некоторые животные безвредно проводят целую зиму во сне).

⁶⁰ - Когда братья Макария узнали, что он за один стакан вина, которым угощали его, дома не пил целый день воды, то и не стали более предлагать ему этого угощения (Четь-мин. под 19 янв.).

⁶¹ - Препод. Исаак, постясь и глубоко сокрушаясь о своих грехах, примешивал к своему хлебу несколько пепла из служебного кадила.

⁶² - Изречение одного из св. подвиж.

⁶³ - В сл. против зрелищ на разл. случ. ч. 2 стр. 348–349.

⁶⁴ - Молитва при венчании вторая.

⁶⁵ - Именно предполагается, что Каиафа, из угождения Анны отставному первосвященнику, велел привести Иисуса Христа в дом последнего.

⁶⁶ - Синаксарь в субботу мясопустную.

⁶⁷ - Изъявл. пр. в Тр.

⁶⁸ - См. изд. наше: «Исповедь отроков и всех вообще», где для семилеток особое обращение на исповеди духовного отца.

⁶⁹ - Правило 130.

⁷⁰ - В греческом тексте: пребудут, т. е. дети.

⁷¹ - Из посл. погреб. младенцев

⁷² - О вреде и тяжести этого греха говорится нами в отделе VII заповеди.

⁷³ - Номоканон при большом требнике, пр.165

⁷⁴ - Улож. о наказ. ст. 269 изд. 1871.

⁷⁵ - Полн. собр. р. летоп. 1, 200 и др.

⁷⁶ - Литургия Василия Великого.

- 77 - Полн. собр. р. летоп. 1,151.
78 - Полн. собр. р. летоп. 5.5.
79 - Конст. Влад. князь.
80 - Злат. в бес.к Антиох. нар.
81 - Четь-Мин. под 13 нояб.
82 - Прол. под 21 мая.
83 - Четь-Мин. под 18 янв.
84 - Четь-Мин. янв.19.
85 - Четь-мин., мая 15.
86 - Анк.22.
87 - Василий Великий, пр.56, и Григорий Нисский п.5.
88 - В одном государстве для предупреждения самоубийств был издан указ, в котором самоубийцы назывались «трусами», и самоубийства сократились. Отсюда видно, что самоубийство имеет большую связь с гордостью.
89 - Лавсаик, гл.36.
90 - Четь-Мин. под 28 янв.
91 - Четь-Мин. под 4 дек.
92 - Четь-мин. под 2 дек.
93 - 6 Всел., 91.
94 - Вот что один очевидец смертной казни в одном из иностранных государств, где так развита эта казнь, – вот, что он сказал: «в толпе (зрителей) не оказалось... и мысли, что две бессмертные души (были казнены двое) предстали к своему Судье ... И величайшая пронизательность не могла бы изобрести ничего, что на таком тесном пространстве и в такое короткое время могло бы поселить столько зла, как публичная казнь».
95 - Мол. жене, егда изверж. млад.
96 - Апост. прав.21; I всел.1.
97 - Констан. двукр. пр.8.
98 - Там же.
99 - Конст.двукр.соб.пр.8.

¹⁰⁰ - И действительно, лучшим испытанием того: не вредно ли, не ядовито ли что из давнего съестного (наприм., соленая рыба, особенно белужина, которая в сыром, хоть и осолоненном виде прямо составляет яд, а также, испортившееся копченое мясо), – лучшей поверкой на этот раз признается предварительно датьчасть этого съестного псу. Если пес извергнет, или будет беспокоиться после съеденного куска, то вредность для человека такого съестного – очевидная. Это замечание мы делаем для тех добрых христиан, которые соблюдают церковные посты, которым и желаем мы соблюдения постов; но, да не похулится через пищу пост...

¹⁰¹ - О вреде излишней хлопотливости в нравственном отношении было сказано нами раньше.

¹⁰² - Как о страсти душевной, было сказано о гневе в 1 части этой книги.

¹⁰³ - См. в последней книге о «делах милосердия душевного».

¹⁰⁴ - О вреде их в нравственном отношении было сказано в своем месте, именно – в рассуждении о плотской страсти и в учении о церковных постах (см. заповедь 4).

¹⁰⁵ - См. толк. Вальсам. и Зоп. на 32 прав. Лаодик. соб.

¹⁰⁶ - Григ.Неокес.пр.1

¹⁰⁷ - О неправильностях одежды в смысле «нравственном, или в отношении к чувству нравственному, будет сказано нами в следующей книге под VII заповедью.

¹⁰⁸ - Быт.31:35.

¹⁰⁹ - См. в 1 части этой книги о «плотоугодии».

¹¹⁰ - О семи же делах «духовного» милосердия к ближнему будет сказано под десятой заповедью.

¹¹¹ - Четь-Мин.15 авг.

¹¹² - Один заключенный (из образованных) до того томился от скуки, не имея книг для чтения, что говорил: «если б дали мне и календарь за старый год, я несколько раз прочел бы его».

¹¹³ - Быт.18:7.

¹¹⁴ - Так и рассуждал препод. Пимен Многоболезненный, который родился больным, вырос в болезнях и только перед смертью своею сделался здоровым. Он до того был болен, что ближние, тяготясь служить ему, оставляли его иногда без пищи на два, на три дня (Четь-Мин. под 27 авг.).

¹¹⁵ - Служб. Вел. Пятка.

¹¹⁶ - Из послед. погреб. священ.

¹¹⁷ - Так, один святой вынул у льва сильную занозу из ноги. Лев не отстал от него, начал служить ему, носил, например, воду; а когда святой умер, то зверь не мог вытерпеть горя и, рыкая на могиле его, издох (Луг дух. гл. 106). Плакал также зверь о кончине Павла Фивейского. (Четь-Мин. под 15 янв.).

¹¹⁸ - Жалкий пример на это знаем также из отечественной истории. Иоанн Грозный в детстве любил забавляться истязаниями разных животных, например, кидал из окна кошек и собак, и любовался, как бедные от боли пищали и корчились. И вот, от этих-то истязаний над животными он впоследствии времени перешел к жестокому обращению и с людьми!

¹¹⁹ - Луг духовный, гл. 162.

¹²⁰ - См. эту книгу нашу ч. 1, под II заповедью.

¹²¹ - Прим. в древн. Патер. гл. 5, сказ. 17.

¹²² - Там же.

¹²³ - Один подвижник 14 лет был искушаем блудными представлениями; но не допускал, чтоб помысел согласовался в нем с похотью. (Древн. патер. 5:17).

¹²⁴ - См. в 1 части под 2-ой заповедью «о страстях».

¹²⁵ - Ощущением этого зловония, застигавшего так или иначе, иные и освободились от сильных блудных помыслов (Леств. 15. 81; Древ. патер. гл. 5:25).

¹²⁶ - 6 Всел. 51 снес. Карфаг., 18.

¹²⁷ - Леств. сл. 28, о мол. ст. 57.

¹²⁸ - К одному человеку очень строгой жизни прикоснулась женская рука, прикрывающая его ноги во время ухода за ним по болезни его, и он почувствовал в себе телесные силы для греха, и подвергся страшному искушению. Поэтому пр.

Пафнутий Боровский, всю жизнь остерегавшийся непосредственных прикосновений к чужой обнаженности, даже до рукопожатий, тотчас отвлек свою руку от человека, который неосторожно взял его за ладонь, проводя его, крайне больного, в церковь (Четь-мин. под 1 мая). На этот же случай есть наставление у Антония Великого.

¹²⁹ - «Уже омертвело мое тело», говорил один старец тем, которые предостерегали его от короткости с женским полом. Понадеялся он на свою старость, не принял предостережений, и подвергся так же страшному искушению (Древ. Пат. 5:38).

¹³⁰ - Древ. Пат. 5, 5.

¹³¹ - А тем, которые подвизаются или готовятся подвизаться за целомудрие и чистоту своего тела, тем и не до того, чтоб думать о встречах с другим полом. Их без того враг-диавол преследует наяву или во сне образами иного пола. Таковы, например, были видения Антонию Великому (Четь-мин. под 17 янв.), препод. Сарре, которая 13 лет вела борьбу с демоном блуда (Древ. Пат. 5:13). Когда же один благочестивый человек, быв в законном браке, поступил в монастырь с сыном своим-младенцем и решился воспитать своего сына в совершенном целомудрии, не говоря сыну какой это бывает на свете женский пол, и не показывая ему женских лиц, тогда совершеннолетнего сына его враг-дьявол старался познакомить с женским полом, показывая от себя молодому подвижнику женские образы (Там же, сказ. 24).

¹³² - Древн. Пат., гл. 5, 40.

¹³³ - Ганг. соб.12.

¹³⁴ - Четь-мин. под 8 окт.

¹³⁵ - Св. Злат. в беседе 8 на 1Тим.

¹³⁶ - Наст. в мол. веч.

¹³⁷ - Дионисий Александрийский, правило 4; Тимоф. пр.12.

¹³⁸ - Варсонофий Великий, отв. 93 (перев. с греч.).

¹³⁹ - Древ. Пат. Гл. 5, 40.

¹⁴⁰ - Древний Патерик 5, 40.

141 - Четъ-мин. под. 13 апр. от Патер. Скит. снес. Ист. Евсев кн. VIII, гл. 12.

142 - Лавс. гл. 29.

143 - Луг. дух гл. 38.

144 - Вас. Вел. 49, снес. Григ. Неокес. 2.

145 - Треб. свящ. в изъяв. н. прав. гл. 37.

146 - Вас. Вел., 30.

147 - Треб. свящ. в изъяв. н. прав. гл. 109.

148 - Лествица, стр. 179 по русс. пер.

149 - О средствах, помогающих исправлению от разврата, здесь уже не повторяется. Они были указаны в общем рассуждении о страсти плотской (см. 1 часть).

150 - Треб.изъявл.нуж.пр.гл.32.

151 - Там же, гл.33.

152 - Номок. при больш. треб., изд. Павл., стр. 184–185.

153 - О том на каких основаниях оставляется по-прежнему брак крещенного с некрещенной, и наоборот, будет сказано ниже в этой же книге.

154 - Древ. Пат. гл.5, сказ.45.

155 - В требн. свящ. гл. 58.

156 - В требн. свящ. гл. 39 и 40.

157 - Номокан. ст. 42 (по втор. киев. и первым двум москов. издан.).

158 - Святые угодники ни с одною из страстей не боролись столько, как с плотскою. Хоть многие из них и жили в пустыне, не видели лиц иного пола: но страсти, в смысле первородного греха, или прирожденной склонности грешить, находятся в человеке, а, так. обр., святые, уходя в пустыню, уносили и их с собой туда. Сам Иосиф, первейший по истории пример целомудрия, славен не за бесстрастие, а за победу над соблазном. Святые принимали заботливые меры также и против неестественного блуда: отсюда частые советы их друг другу против свободного обращения с отроками. Вообще, они особенно на сей-то раз не доверяли себе и потому, можно сказать, до гроба были осторожны относительно плотского

греха. (Известны же примеры, что, когда тяжело-больным служили в уединении женские лица, тогда от одного прикосновения рукою к этим больным женщин воспламенялась в них похоть по искушению бесовскому, и были случаи несчастного падения при целомудренной дотоле жизни. (Алфав. Патер.)). Но зато святые одерживали победу над плотскою страстью, сохраняли себя в полном целомудрии.

¹⁵⁹ - Об этом будет сказано частью в этой же главе, и подробнее в наставлениях о воздержании в супружеском ложе.

¹⁶⁰ - Блаж. Иерон. против Иоан.

¹⁶¹ - Посл. Игнатия к Филадельфийцам, гл. 4.

¹⁶² - Четъ-мин. под 19 марта

¹⁶³ - Четъ-мин. под 29 окт.

¹⁶⁴ - Луг. дух., гл.26.

¹⁶⁵ - Древ. Патер. гл.5, ск.31.

¹⁶⁶ - Требник Петра Могилы, стр.12.

¹⁶⁷ - Том. XV зак. суд. угол. ст. 215.

¹⁶⁸ - Афан. Вел. в посл. к Аммуну.

¹⁶⁹ - К такой мере привлечь мужские глаза – только с иною, доброю целью – прибегла некогда и Юдифь. Пред тем, как пойти к военачальнику Олоферну и быть для него орудием казни Божией, Юдифь – благочестивая вдова – вымыла свое тело, красиво расчесала свои волосы, облила себя благовониями, надела лучшие одежды, украсилась цепочками, браслетами и перстнями. И воины Олоферна, тем более сам Олоферн, были поражены ее красотой (Иудиф.10:3–5)

¹⁷⁰ - Вас. Вел. 38, Свода зак. т.Х, ч.1, ст. 6.

¹⁷¹ - Улож. о наказан. 1869 г., ст. 1549, 1566.

¹⁷² - Св. зак. т. Х, ч. 1, ст. 179.

¹⁷³ - Григ. Неокесар., пр.2; Вас. Вел. 23,78,87 и др.

¹⁷⁴ - Кормч. ч. 2 и указы Св. Син.

¹⁷⁵ - Ук. Син. 1773 июня 3.

¹⁷⁶ - Церк. ист. Созом.

¹⁷⁷ - Церк. ист. Евсеев. кн.3, гл.30

- 178 - Требн. свящ. гл. 26.
- 179 - Василий Великий, 58.
- 180 - Св. зак. т.10, ч.1, ст.46–49.
- 181 - Уст. конс. §§.231–237.
- 182 - Ук. син.1855, апр. 30.
- 183 - Св. зак. т.9, ст.252.
- 184 - Чет. мин. под 9 окт.
- 185 - Закон гражданский судит мужа не только за такие побои жене, которыми подвергается опасности жизнь, но и только в характере истязания (улож. ст. 1583).
- 186 - См. Понимание слов 1Кор.7:11 у Ермы в запов. 4 гл.
- 187 - Уст. д. конс., гл.6.
- 188 - Твор. св. отц. 1843. т. II слово Григ. Наз. 18.
- 189 - Вот примеры раболепства пред женой, достойные смеха и сожаления: Дария, царя Персидского, женщина била по щекам, заставляла его смеяться своему смеху и ухаживать за собой, когда была не в духе или рассержена, – снимала с него царскую корону, когда он сидел на троне и надевала на себя его корону (2Езд.4:29–31). А о другом древнем царе известно, что этот чистил обувь у той женщины, с которою имел сожитие (из сочин. св. Дмитрия Рост.).
- 190 - Евс. церк. ист. кн.2.14; снес. Мф.8:14.
- 191 - Четь-мин.под 5января.
- 192 - Кассия жила в IX веке: в означен. каноне принадлежат ей ирмосы до 6 песни; но остаются от нее и другие службы.
- 193 - Св. Златоуст, действительно, зверским логовищем изображает тот дом, где муж бьет свою жену, как зверь пожирает свою добычу, откуда вопли жены разносятся по улице и обращают на себя внимание и соседей, и прохожих (в 26 беседе на 1Кор.).
- 194 - Так именно и поступали все умные и святые жены со своими мужьями. Например, мать бл. Августина (Моника) имела у себя мужа вспыльчивого, и притом, худой нравственности; но никогда не противоречила ему, если он выходил из себя, – не противоречила ему ни словом, ни делом. О пороках его,

особенно о неверности супружеской, она не заводи́ла речи. Когда же муж ее приходил в спокойное состояние духа, тогда она старалась подействовать на него кроткими советами, представляя ему вины его. Другие, близкие к ней, жены удивлялись, не могли понять, что это за секрет у нее в обхождении с мужем, чем это она так успешно побеждает горячего мужа, между тем, как у них остаются знаки на лицах от грубого обращения с ними мужей, которые, по-видимому, и более мягки своим характером. И она указывала им только на своевременное покорное молчание и на своевременную же настойчивую речь пред мужем. (Испов. Август, кн. IX, гл. 9). – У Авигеи был муж злой и неумный, как показывало и самое имя его (Навал – безумный), но она умела и пред другими заглаждать следы его злого нрава, и его самого укрощать. Например, раз он был сильно не трезв, а нужно было сообщить ему весьма неприятную весть по поводу его худых поступков. И что же? Нетрезвому она не сказала ни одного слова, ни большого, ни малого, но выполнила все уже на следующее утро (1Цар.25:36–37).

¹⁹⁵ - Преподобная же Афанасия игуменья дважды выходила замуж, хотя и в первом, и во втором браке исполняла только волю родителей. Она была великая подвижница: нетленные и чудотворные мощи ее открыты через год же после ее смерти. Жила в IX веке (Четь-минеи под 12 апр.).

¹⁹⁶ - Раньше (см. 1 ч.) говорилось о безвременности этих увеселений в отношении к праздникам, а здесь показывается новая вина их – соблазн.

¹⁹⁷ - И успевал он иногда в этом: так, один из египетских подвижников возвратился из пустыни домой с самыми добрыми намерениями – чтоб раздать отцовское имение бедным, почитая отца умершим; между тем, подвергся в мире, по искушению врага, тяжкому падению.

¹⁹⁸ - Повод, по которому Апостол в урок других высказал такое решение относительно себя, был такой. Одни из коринфских христиан спокойно покупали и употребляли в пищу остатки от жертв, которые были приносимы идолам, зная и рассуждая, что «идол есть ничто», что он не сообщает ни

святости, ни порока пище, и что есть мясо идоложертвенное не значит еще принимать участие в идолопоклонстве. Другие же не возвысились пока до таких совершенно верных понятий.

Недавно обратившись от идолопоклонства, эти думали, что есть остатки идоложертвенные – значит сообщаться с идолами или с теми силами, которые сокрыты в идолах. Впрочем, и они ели идоложертвенное по примеру первых, которые сильны были своим рассуждением. Только как же ели? – С укоризною в своей совести, противно своему убеждению. Таким образом, они сквернили, пятнали свою совесть. Вот, апостол Павел, доказав, что есть или не есть остатки от идольских жертв – дело невеликое пред Богом и не представляет никакой потери, и повел обличительную речь на первых за смущение ими совести в последних, т.е. речь против соблазна немощной совести (1Кор.8:3–10).

¹⁹⁹ - Сребреник или динарий стоил по нашему счету 20 коп. Следовательно, содержатель гостиницы всего получил от проезжего самарянина 40 коп.

²⁰⁰ - Уст. гражд. судопроизв. ст. 1237.

²⁰¹ - Улож. о наказ. 1165.

²⁰² - С одного подвижника требовали настоятельно долг, и он не имел, чем уплатить. Нашел он на дороге деньги, и – казалось бы тотчас уплатит этими деньгами свой долг. Но нет, – он и в крайности не воспользовался находкой, но объявил о ней (Древн. патер. гл. 6, сказ. 8).

²⁰³ - Григ. Неокес. 6, см. пример в жизни Василия Нового (26 марта).

²⁰⁴ - Там же пр. 70. Равным образом, и по законам гражданским не объявивший о находке подлежит денежному взысканию, кроме возвращения вещи; а допустивший это во второй раз и осуждается в краже.

²⁰⁵ - Григ. Неокес. 11.

²⁰⁶ - Твор. его по р. п. стр. 137.

²⁰⁷ - Один святой тайно брал остатки хлеба, и тайно ел их, а также пил тайно. В особом сновидении, на котором осуждались

его дела, и видел он, что за это поили его смолой вместе с серой (Евстафий, в Алф. Патер.).

²⁰⁸ - Трулл. 22–23.

²⁰⁹ - IV Всел. 22; VII Всел. 5.

²¹⁰ - VII Всел. 5.

²¹¹ - Вас. Вел. 90.

²¹² - Улож. о наказ. ст. 560.

²¹³ - Там же ст. 576. Более же виновны и наказываются на этот раз: а) подделыватели и переводители монеты, а также покупатели–сбытчики ее, которые знают тех, которые подделывают и переводят; б) доставители заведомо орудий и припасов для подделки монеты, и билетов; в) допускающие тайный привоз из-за границы и выпуск поддельного; г) с умыслом уменьшающие у звонкой монеты настоящий вес ее, наприм., посредством обрезывания; д) противозаконно переливающие ту же монету; е) старающиеся придать бо́льшую ценность монете посеребрением ее, или позлащением, или натиранием ртутью; ж) открывающие (это те, которые от правительства работают или охраняют монету) секретные способы к выделке государственных кредитных билетов, – открывающие не только с умыслом, но и по одной неосторожности.

²¹⁴ - Много бывает подлогов в актах и обязательствах, как и в билетах государственных или общественных кредитных установлений. Потому уже здесь мы исчисляем некоторые приемы на сей раз: а) представляют в казенный или частный банк долговой вексель от человека, известного своим состоянием, чтоб, заложив вексель, получить себе денежную ссуду, между тем, как тот человек и не состоит им должным, и ничего не знает об этом деле их: таким образом, случается, вводят в убыток или самый банк, или того негаданного должника, т. е. в случае своей невозможности заплатить банку; б) составляют фальшиво межевые планы, а также полный текст (а не одну подпись) таких бумаг (доверительных писем, расписок, счетов, переводов), которыми доказываются или право на имущество, или права каких-либо принятых

обязанностей по имуществу, при этом подделывают из корыстных видов чужие печати или употребляют обманом штемпели частных лиц; в) допускают поправки и подчистки в документе в ущерб тому лицу, от имени которого составляется документ; равно, в духовном завещании не своевременно, после смерти уже завещателя, подписывают завещательный акт, как свидетели его, в главное – с обидою наследникам; г) заведомо продают и покупают, или иначе как приобретают ложные документы, производят сделку на основании такой доверенности, которая уже уничтожена; д) утаивают подлинные документы, наприм., свою долговую расписку тем лицам, у которых взяли деньги или товар, как, с другой стороны, и одолжающие не возвращают умышленно должнику заемное его письмо, или не помечают на этом письме уплату; употребляют для своей корысти бланковую подпись другого, которая доверена им с известной целью, и т. под.

²¹⁵ - См. 1 часть этой книги.

²¹⁶ - Не так, вот, поступали не этот раз благочестивые люди. Эти отказывались от денег, когда могли обогатиться, принимая деньги в виде пособия. Так, один богатый человек принес много золота в скит братьев. Но ни настоятель, ни братия не коснулись до его золота. Он положил целую корзину с золотом у церковных дверей, чтоб желающие брали, сколько хотят. И тут никто не подошел за его деньгами (Древ. патерик, гл.6:23).

²¹⁷ - Св. Иоанн Милостивый не мог заснуть под шелковым одеялом, которого дороговизна, по-видимому, и не могла бы беспокоить его, потому что это была не покупка, а подарок ему. Отчего же он не мог заснуть? Оттого, что тем одеялом, по убеждению его, могли бы прикрыться многие бедные семьи. И вот, он продал дорогую вещь, а деньги раздал нищим (Четь-Мин. под 12 ноября).

²¹⁸ - Улож. Ст.1707.

²¹⁹ - Лавсаик, гл.125 и др. На св. Ефрема Сирина такую же вину сложил с себя некто тоже Ефрем (Четь-мин. под 28 янв.).

²²⁰ - Вот жалкий пример успешного посеяния вражды в нашей отечественной истории. Царь Алексей Михайлович и

патриарх Никон были самыми искренними друзьями. Они вместе молились, вместе садилась за трапезу, в полном союзе действовали для пользы Церкви и всего государства. Но придворные и вельможи посеяли между ними вражду и употребляли все средства, чтоб не могли они иметь между собой личного объяснения, или уединенного свидания. Злая цель вполне и была достигнута. Но, если б царь и патриарх на один только день или час сошлись между собой, тотчас вражда их прекратилась бы.

²²¹ - С таким толкованием останавливаются на приведенных нами словах св. толкователи слова Божия, наприм. Злат., Григорий Двоеслов, Исидор Пелусиот и друг.

²²² - Так, в одном древнем женском монастыре некоторую монахиню сестры имели основание почитать нетрезвою, потому что видели ее часто спящею, будто бы от вина, в монастырской ограде. Между тем, что же оказалось? Когда все ночью отходили ко сну, монахиня эта проводила часы в молитве со слезами и коленопреклонениями (алфав. Патерик). Правда, что это был подвиг со стороны монахини смелый, но он был предпринят там, где и тем менее должно быть смелости в осуждении ближнего, и где более могло быть тонкого внимания к подвижнической жизни других.

²²³ - Каждую болезнь, о которой услышит мнительный, относит к себе. Один где-то и когда-то даже представил себя умершим, не стал есть и, наверное, бы умер бы с голоду, если б умный друг его притворился так же покойником и не уговорил его поесть вместе с собой, считая его и себя на том уже свете.

²²⁴ - Преп. Дорофей рассказывает об одном человеке, который привык все основывать на своих догадках или подозрениях, что этот человек будто бы видел своего товарища, как он украдкой ел в саду плоды. Из-за этого обманчивого видения подозреваемый едва было не лишился св. приобщения, так как подозрение падало в утро причастного дня его, когда он не только красть, но и есть не должен был. Но, что же оказалось? Он совсем не был дома в те часы и не заходил в сад. Твор. по р. пер. стр.113.

²²⁵ - К одному преподобному пришли некоторые высказать, в чем он многими подозреваем. Посетители говорили ему, будто он горд, любит клеветать на других и даже виновен в блудной страсти. Святой все эти клеветы принял на себя со смирением. Наконец, ему сказали, что он неистинно верует в Бога, что принадлежит к числу еретиков. Тогда он решительно отвергнул от себя подозрение. Почему же? Потому что не осознавать себя верующим, отказаться от чувств религиозных, значит уже прервать связь с Господом Богом (это был св. Агафон).

²²⁶ - Против мщения и злопамятства известным врагам будет речь особая, впереди.

²²⁷ - Один инок везде встречал к себе нерасположенных и врагов. Потому и переменил монастыри. Но так как он сам-то еще не утвердил себя в братской христианской терпеливости, то число врагов его постепенно увеличивалось. В первом монастыре у него был один только враг, а во втором он встретил уже двух, а в третьем же – и пять. После этого он остановился в новом монастыре и уже решился все переносить (пролог под 15 февраля). Этому примеру полезно последовать в мелких распрях и враждах. А от сильной, закоренелой и преследующей вражды часто полезно удаляться (см. в этой же книге о седьмом деле милосердия духовного «простить в душе врага»). Другой инок после многих встреч человеческой вражды пошел в пустыню и стал жить совершенно один. Но и здесь встретил, к удивлению своему, врага и досадителя себе, в ком же? В мертвой вещи, в своем кувшине. Кувшин с водой, поставленный им на пол, вдруг опрокинулся. Он поправил. Кувшин пролился с водой в другой раз также без всякой причины. Наконец, тот же случай повторился и в третий раз. Тогда инок разгневался, схватил кувшин и ударил им о землю: кувшин разбился. Понял инок, откуда происходит этот повод к раздражению его, и решился с Божией помощью бороться с самим собой, быть терпеливым сам по себе

²²⁸ - Книжная же гласность совсем не то, что журнальная. Книга более живуча, чем газета. Она не новость дня, а слово сколько современное, столько же и для дальнего последующего времени. Если же она нравоучительная или историческая, то

имеет достоинство и приносит пользу тем более, чем правдивее изображает характер людей. Таким образом, хотя бы иной видел в книге точь-в-точь свой характер и свои пороки, не должен ею оскорбляться.

²²⁹ - Говоря о почтительности и ласковости, или «о сладких устах», мы невольно встречаемся мыслью с лестью, как с злоупотреблением человеческой ласковости. И будет дальше особая речь об этой лести, или ласкательстве.

²³⁰ - Так как характер споров состоит в том, что один говорит: «это так», а другой возражает: «нет, не так», или один: «это мое», а другой: «совсем не твое, а мое», то споры скоро доводят до ссоры даже и одним таким голословным препирательством! Так, двое жили между собой во всегдашнем мире, но захотели, хоть искусственно и однажды, между собой поссориться. Они поставили посреди себя одну ничтожную вещь и стали попеременно говорить: «моя вещь», «нет! вовсе не твоя, а моя». Этот спор тотчас бы и довел их до ссоры, если б один после второго-третьего возражения не ответил: «если же твоя, то возьми» (из жит. свят.).

²³¹ - Например, из двух, один, встретив сильнейший соблазн, пал в блуд и решился в унынии продолжать блудную жизнь. Другой, невинный, убеждая падшего покаяться и возвратиться в свое место, удаленное от соблазна, говорил, что и он тем же грехом пал, однако твердо решается оставить грех (из жизни египет. подвижн.).

²³² - Один молодой человек уже шел из своего доброго местопребывания, чтоб так же допустить плотский грех. А старец встречает его на дороге, узнает по смущенному его виду о беспокоящей его страсти и убеждает его возвратиться. Убеждает тем, что, будто, вот, и самого-то старца беспокоит та же страсть, однако соизволения его на грех отнюдь нет (там же).

²³³ - Одного человека нужно было отвлечь от нехороших помыслов, с которыми он сам до изнеможения сил боролся. Некто из опытных велел другому огорчить его на словах, потом сам рассудил их в огорченного же признал виновным. Огорченный занялся тогда другими мыслями, – тем, что его и

напрасно избидели, и напрасно осудили. После этого прежние нечистые помыслы совсем отошли в сторону и не сделали ему никакого вреда (там же).

²³⁴ - Так, например, Агафон Великий три года носил камешек во рту, доколе не приучил себя к строжайшей сдержанности языка (Достоп. сказания, 31:15)

²³⁵ - Некто в древности Филимон до того хохотал над ослом, который ел приготовленное на столе, что в припадке этого хохота и умер.

²³⁶ - В смысле страсти, о славолюбии было сказано нами в своем месте.

²³⁷ - Алф. Патерик о преп. Серапионе.

²³⁸ - О св. Филим. в Добротол. ч.4.

²³⁹ - Известный Демосфен картавил: но он исправил свой выговор камешками.

²⁴⁰ - Евс. кн.1, гл.13.

²⁴¹ - Так, когда св. Тихон Задонский, живя в покое, проходил по монастырской ограде, то монастырская прислуга вслед его делала разные смешные телодвижения. Так, один богатый человек строил богадельню, а другой некто не из простых же лиц позавидовал ему и всячески старался остановить его от доброго дела. Завистник дошел до такой нескромности, что однажды, встретившись со строителем богадельни в дороге, схватил палку и погнался за последним, говоря только лишь одно: «зачем строишь богадельню?»

²⁴² - Так, например, по нашей истории известно, что патриарха Никона, столько даровитого и столько строгого в подвижнической жизни, завистники решались отравить.

²⁴³ - Некоторые из них доходили даже до младенческого простосердечия; так, святой Сисой спросил однажды своего ученика: «что же, сегодня я ел или нет?» Но не то это значит, будто святые доходили до забывчивости или до слабости ума. Нет! Они были младенцами без младенческих недостатков, младенцами только сердцем, а не умом. Сердце свое они постоянно обращали к Богу, и потому забывали иногда о своих житейских потребностях.

²⁴⁴ - Отсюда мысль о чистоте церковной свечи, также внушающая нам иметь чистоту и мягкость сердца.

²⁴⁵ - Таковы песнопения великопостные, например, «се жених грядет; да молчит всякая тварь...», а из праздничных, на Рождество Христово, протяженное: «Дева днесь», на Сретение – ирмосы канона и друг. Как же все эти ноты при самой простоте своей умиляют душу!

²⁴⁶ - Так, они стыдились своей обнаженности не только пред людьми, но и пред неодушевленной природою, например, пред светящим солнцем, и не только пред земною тварью, но и пред небесною, например, пред ангелами, которые иногда сопровождали их в дороге и при которых они должны были раскрыться, чтоб переплыть через речку. Они довольны были, когда на берегу встречали лодку, потому что, таким образом, не имели нужды обнажаться для сплава через реку. Но и когда должны были переплывать, то уходили один от другого на дальнейшее расстояние, чтоб не видеть взаимной наготы. Вообще, кроме сильной болезни или крайней нужды, святые не обнажались! (жит. Ант. Вел., Пах., Амм. и друг.). Какое же это неподдельное, нужное и чистое чувство стыда!

²⁴⁷ - Один расстроился в своем поведении: однако ж, не до того, чтоб потерять совсем стыд. Он нарушал седьмую заповедь. Все окружающие его замечали, что к нему приходит для постыдной цели женщина. Решились остыдить его публично. Пришли к нему в комнату, чтоб застать у него постороннее женское лицо. Он успел, однако, скрыть это совиновное лицо под большой кадкой, поставив кадку вверх дном. Но один из тех, которые пришли так остыдить его (впрочем, с целью же остановить его), был святой по жизни и прозорливый. Чтоб избавить его от публичного пристыжения, этот святой человек сел на ту кадку и просидел на кадке до тех пор, пока пришедшие не осмотрели комнаты и не ушли все обратно. Так. обр., виновный не понес публичного стыда, хотя уже и заслуживал его, и это пощадение послужило к его исправлению (Алф. патер.).

²⁴⁸ - Один подвижник спрашивал опытного старца: «вот, некоторые мирские люди и не постятся, и не молятся, не ходят

совсем в церковь, живут во грехах и страстях: между тем, духом не тревожатся, не считают себя особенно грешными, будто они и не падают. А мы, вот, и постимся, и молимся, и стараемся угодить Богу другими подвигами: между тем, все боимся, как бы не погибнуть, как бы не очутиться после смерти в предчувствии вечного огня; все виним себя в падениях и называем себя недостойными и грешными. Что же это значит? Старец отвечал: «справедливо, что миряне, живущие так, уже и не падают; потому что они давно пали, и так пали, что ниже и некуда им пасть. Вместе с тем, и враг-дьявол не борется с ними, так как и они не вооружаются против него» (Пролог, 22 мая).

²⁴⁹ - Один человек высокого чина и старых лет умирал от медленной болезни. Он отличался естественною добротою сердца, щедростью для угощений и вообще, щедрыми платами и вознаграждениями: но не был исполнительным христианином, в церковь, например, приходил, разве, однажды в год. Такого же направления были и его семейные. Врачи окружали его и уже все предвидели его близкую кончину (болел он водянкой). Оставалось ему напутствоваться перед смертью. Но он сам не просил о напутствовании, а семейные не хотели беспокоить его предложением о священнике. Так, без всякого напутствования он и умер. Но чем же успокаивали себя на этот раз его семейные? Говорили: «у него не было грехов; он был как младенец, Он не обижал никого...». Вот сочиненная для других и для себя безгрешность в силу омертвления души!

²⁵⁰ - Господь Бог так мудро и милосердно устроил наши чувства, что и в случае потери которого-либо из них не вдруг же может произойти потеря. Именно, Он дал нам для зрения не один глаз, а два глаза, для слуха также не одно ухо, но два уха, равно, и для обоняния две ноздри, для вкуса и, обыкновенно, язык, и так называемый, небный, для осязания же – осязательные нервы распространены по всему телу

²⁵¹ - Помазываются святым миром для освещения зрения глаза, слуха – уши, обоняния – ноздри, вкуса – уста, осязания – руки.

²⁵² - Приятность взгляда на церковь верующий христианин испытывает особенно во время дороги; например, въезжает в

село, и встречает на краю или в середине села церковь; плывет на пароходе, и видит на берегу реки церковь; едет по железной дороге, и вдали усматривает монастырь с церквями. А, если б ему привелось немалое время прожить среди неверующих, например, в степи башкирской, то после этого встреча глазами церкви истинно обрадовала бы его.

²⁵³ - Из благод. молитв после свят. Причащ.

²⁵⁴ - Что воображение не одно с мыслью ума, в примере из Евангелия можем представить следующие места: так, когда читаем: «в начале бе слово и слово бе к Богу» (Ин.1:1), тогда в нас возникает одна глубокая мысль, а не остается в уме никакого отпечатка или чувственного представления. А, когда слышим: «прослезился Иисус...И воззва: Лазаре, гряди вон», тогда живо нам представляются слезы на Божественном лице Спасителя, выход из гроба обвязанного Лазаря и т.д.

²⁵⁵ - В житиях святых примеры таких мечтаний можно встретить нередко, как в жизни святого Памво и др.

²⁵⁶ - «Рассеянный мой ум собери, Господи» часто встречается в церковном богослужении.

²⁵⁷ - Один подвижник девять лет боролся с мыслью о перемене своего местопребывания. Собравшись идти, он, обыкновенно, говорил своему помыслу: «сегодня еще помедлю». Но и на следующий день повторял то же. Таким образом, он уверился во вреде своего помысла (из егип. подвижн.).

²⁵⁸ - Лествица и др.

²⁵⁹ - Братья Иосифовы через 22 года, когда подверглись крайне стеснительному положению, услышали вопль своей совести по предательству своего брата.

²⁶⁰ - Св. Василий Великий, как подсудимый, был введен к одному областному начальнику (наместнику) и говорил так твердо, что начальник заметил ему: «с такою свободой никто доселе не говорил со мной». «Может быть, (отвечал Василий) ты не встречался с епископом ... Во всем ином мы бываем кротки, смиреннее всякого. Но, когда дело будет о Боге, и

против Бога дерзают возражать, тогда мы, все прочее вменяя за ничто, взираем только на Него единого» (Чет. -мин. под 1 янв.).

²⁶¹ - Вот, только по каким причинам они переселялись: 1) если кто напрасно гневался на них или притеснял их, и, если все меры к примирению со врагом или к смягчению притеснителя, какие они употребляли со своей стороны, оставались напрасными; в таком случае, они поступали по заповеди евангельской: «егда гонят вы во граде сем, бегайте в другой» (Мф.10:23); 2) если их слишком начинали прославлять: чтоб избежать славы, иной раз они вдруг скрывались, по примеру Христа Спасителя, Который тотчас скрылся от народа, когда народ желал объявить Его царем (Ин.6:15); и 3) если кто из них по несчастию падал грехом блуда.

²⁶² - Отсюда употреблялось у них разные названия, которыми означались разные степени учености и учительства.

²⁶³ - Есть инде такие ревнители распространения христианских истин путем чтения.

²⁶⁴ - Есть и на сей раз добрые ревнители, которые, например, несколько раз лишаясь Четъ-миней в руках читающих, имеют особый экземпляр этих книг для себя и особый держат для желающих читать.

²⁶⁵ - О суде церковном, или высшем, вообще, о дисциплине в церковном быту христиан, здесь не ведем мы речи.

²⁶⁶ - Один из святых вот какую меру употреблял для исправления порочных: он давал распутным женщинам деньги, чтоб женщины больше не грешили (Четъ-мин. под 10 янв.).

²⁶⁷ - Вот один из множества примеров: молодой подвижник испытывал в себе сильнейшее желание согрешить плотским грехом. Эта борьба смущала его, и он в простоте своей души прибегнул к старцу строгой жизни, чтоб найти себе совет и подкрепление. Но старец принял его сурово: это был совсем неискусный человек в духовной борьбе со страстями, почитаемый святым по одному лишь доверию и частью по невежеству окружающих. Старец упрекал молодого подвижника в постыдных мыслях и признавал его неспособным к подвижнической жизни. Молодой человек до того упал духом от

этих обличений, что действительно готов был оставить свои подвиги, к которым имел великую ревность, и хотел было принять законный брак. Но нашелся другой старец, который утешил и поддержал его. Чтоб больше воодушевить его в борьбе со страстью, последний сказал ему, что и сам испытывает ту же борьбу. Между тем, тотчас же, по особенному Божиему попущению, вся борьба молодого подвижника с блудною страстью перешла на первого старца. И что же? Этот неразумный обличитель в продолжении одного дня не мог вывести беспокоящей его страсти: также вышел было из своей кельи, чтоб пойти в мир. Но и опять предохранил его второй, опытный и снисходительный старец по имени Аполлос (Четь-Мин. препод. Касс.)

²⁶⁸ - Один человек, саном священник, посещавший в темнице заключенных, нередко в своих затруднительных обстоятельствах просил и арестантов помолиться о нем.

²⁶⁹ - Литургия Василия Великого.

²⁷⁰ - Иосиф посадил братьев своих на три дня под стражу: но не по чувству мщения, а, чтобы испытать – сожалеют ли они о своем тяжком грехе предательства его, и чтобы пробудить в них глубокую решимость не быть больше такими враждующими и жестокими.

²⁷¹ - Св. Иоанн Милостивый, известный нищепитатель, понимал милосердие к ближнему более широко, чем только кормить и одевать нищих. Щедрый на дела телесной милостыни, он творил и духовную милостыню. Так, однажды он по защите людей бедных вошел в столкновение со светским начальником. Проходили сутки с того времени, как начальник оскорбил его. Тогда он посылает сказать своему оскорбителю: «скоро зайдет солнце». Начальник так был тронут этими словами, что не только помирился с ним, но и положил обещание избегать в жизни своей распрей с кем бы то ни было (Четь-Минеи под 12 ноября).

²⁷² - Четь-Мин. под 26 апр. Стефана Пермск.

²⁷³ - У евреев учили, что должно прощать раз-два и три, но в четвертый уже по следует прощать. Апост. Петр по своему

великодушию увеличивал на сей раз число трех до семи и спросил Спасителя: отпущу ли до семи крат? Ответ уже известен нам. Что же, собственно, до тех, которым предлагаются увещания к исправлению их в пороках: аще согрешит к тебе брат, то здесь указано число не более трех или, лучше сказать, показаны три пути для исправления. Но, конечно, и тут на каждом из этих трех путей может же повториться увещание к исправлению.

²⁷⁴ - У первых христиан, правда, младшие по летам назывались детьми, ровесники – братьями, старшие – отцами (то же и в женском поле). Но этими названиями только доказывалась взаимная любовь их, как бы членов одной семьи, – любовь, которой не могли не удивляться и язычники, сколько ни были предубеждены против них. Ныне в том же, частью, духе слышится у простолюдинов слово к старшему: «дядя».

²⁷⁵ - Известен пример, как, опять, Иоанн же милостивый, будучи в сане патриарха, поклонялся послушнику, да еще при всех, прося у него прощения. Известно также о св. Тихоне Задонском, что, когда гордый и несдержанный помещик ударил его по щеке, то святой епископ тотчас поклонился в ноги своему дерзкому оскорбителю, который бы, напротив, ему-то должен был сделать поклон.

²⁷⁶ - Против вражды, которая обнаруживается судебным порядком, и вообще, против не миролюбия в жизни, см. в этой части выше.

²⁷⁷ - Саул велел лишить жизни Ахимелеха и с ним еще 85 священников за то, что Ахимелех дал Давиду, спасавшемуся бегством, съестных припасов и оружие.

²⁷⁸ - Так, например, отзывался св. Григорий Богослов о своих врагах, которых у него было очень много, от которых он и потерпел изгнание (письмо его 129).

²⁷⁹ - Св. Тихон Задонский имел обыкновение утешать злобу своих безрассудных врагов, когда она особенно усиливалась, именно ухлебанием их – предложением им в виде подарка чего-либо питательного, например, чаю-сахару. Иаков, возвращаясь домой и опасаясь мщения со стороны Исава, так же посылал

вперед себя подарки, которые еще предлагались постепенно, чтоб постепенно же смягчить к себе злобного брата, И, действительно, Исав смягчился (Быт.32:13; Быт.33:4).

²⁸⁰ - Вот пример. Одному человеку оставалось только положить свою голову под меч: как исповедник Христов, он уже все покончил с мучителями, которые напрасно ласками и угрозами старались отвлечь его от веры во Христа. Но он имел на другого непримиримый гнев. Враг его был мягче сердцем и поспешил к нему на место мученической его казни, чтоб проститься с ним перед смертью его. Враг и припадал к ногам его, и вслух всех просил о прощении и примирении. Но, что же названный мученик? Он и слышать не хотел о примирении. И вот, как от недостойного, вдруг отступила от него благодать Божия, а с нею исчезли и вера его, и мужество духа. Тогда он отрекся от Христа, изъявил готовность поклониться идолам и остался в живых, хоть по душе сделался «пребывающим в смерти»! Тот же, который показал себя не помнящим зла, а желал примирения с ним, опередил его и сделался вместо него мучеником. (Это был св. мученик Никифор; Чет-Мин. под 9 февраля). Подобный пример можно видеть и в Прологе под 22 марта).

²⁸¹ - На этот раз прекрасно выражаются в своем простодушии некоторые благочестивые люди: «два царства получает человек», т.е. тот, которого они видят, например, усердным молитвенником частым, и приготовленным причастником св. Тайн.

²⁸² - Надобно сказать, что самая большая часть святых начали обнаруживать в себе стремление к строго благочестивой жизни с юных лет, причем, сбывались слова Св. Писания: «благо мужу, егда возмет ярем в юности своей» (Плч.3:27). Так, например, Федор Сикеот, названный так по месту своего рождения, еще 12 лет по примерам одного благочестивого старца ночью ходил в церковь, притом, чрез пустое место. Мать за это строго наказывала его и стала привязывать его к кровати. Но потом, свыше была вразумлена не стеснять его. Он был сначала священником, потом – монахом, затем – епископом, и умер в своем монастыре (Чет. Мин. 21 января.) Те же примеры

видим в жизни мученика Неофита, который еще в школе показал себя самым богобоязненным мальчиком (Чет. Мин. под 21 янв.), в Иоанне Кущнике и мн.друг.

²⁸³ - Военачальника Сисару застигла смерть на постели; Амнона, сына Давидова, – после угощения вином в кругу родства. Один спрашивал: который час? И пока справлялись о часах, он уже умер. Другой читал собственную речь к гостям, которые только что собрались к нему на вечер в именины, и пал на пол мертвым.

²⁸⁴ - Некто (Фабий Максим) проглотил в молоке небольшой волосок, и умер.

²⁸⁵ - «Господи! даждь ми память смертную», положено читать каждый раз в утренних молитвах.

²⁸⁶ - Препод. Филоф. в Доброт., Нил Сорский сл. 7 и друг.

²⁸⁷ - Святые угодники, более, чем мы могли бы припомнить себе смерть без очевидных, осязательных напоминаний ее. Однако, и они прибегали к этим напоминаниям. Так, например, блаж. Иероним держал пред глазами своими череп человеческий. Другие заживо делали себе гроб (св. Тихон Задонский и многие), или выкапывали себе могилу (на Афоне), и по временам ложились на ночь в эти могилы.

²⁸⁸ - Один святой обмирал, следов., испытал смерть на самом деле. После этого мысль о смерти сделалась для него всегдашнею. И он до того убедился в истине слов: поминай последняя твоя, и во век не согрешиши, то пред смертью ничего другого не хотел сказать в совет просившим у него совета, как только эти слова (Леств. 100:18).

²⁸⁹ - Иные из них своими еще устами, в сознательном состоянии, просили и прочитать им «отходную»; так один, простясь со всеми, велел читать канон «на исход души», сам взял в руки кадильницу, покадил ею около себя на постели, и умер (из русских князей, в мире Андрей, а в монашестве Иоасаф; память 19 сент). Но как жалко вспомнить, что ныне многие из православных и не знают о каноне «на исход души», и не просят священника, чтоб прочесть этот канон, а едва-едва успевают привести умирающего к исповеди и св. причастию.

²⁹⁰ - Один благочестивый мирянин всегда с усердием молился о своей христианской кончине и надеялся, что не умрет без исповеди, однако ж, случилось как бы противное. Когда он – как казалось всем – умер, тотчас приходит к нему родственник его и друг. Родственник осудил его, – как же это он напрасно надеялся не умереть без исповеди. Но, что же оказалось? Он был только обмершим. Вскоре он пришел в сознание, поспешил напутствоваться, и – тогда совсем скончался.

²⁹¹ - Один капиталист сделался болен. Болезнь его была такого рода, что позволяла ему заниматься торговыми делами. И вот, когда уже и священник был приглашен к нему, он все еще продолжал принимать своих доверенных с докладами о делах. Он диктовал телеграммы туда и сюда, а священник в зале, между тем, ждал от него приглашения со Святыми Дарами. И что же? Только лишь он хотел повести дело со священником, – тотчас умер. А другой больной страдал органическим повреждением без особенной боли, и, таким образом, также считал себя безопасным от смерти, – читал только романы. Священник сам пришел к нему и напомнил ему о смерти. Он крепко пожал руку священнику, уверяя в том, что, имеющий столько силы в руке, конечно, не опасно же болен. Но затем, всего чрез сутки, он бросился было пригласить к себе священника, но уже было поздно. Священник и поспешил прийти к нему, но он только успел сказать: «умираю».

²⁹² - I Всел. 13; Григ. Нисск. 5.

²⁹³ - Святой Димитрий Ростовский вечером накануне своей кончины, предвиденной им, низко поклонился тому певчему, который переписывал ему сочинения.

²⁹⁴ - О своевременном напутствовании себя исповедью и св. причастием было сказано нами раньше, – в изложении обязанностей болеющего, который не одно и то же, что умирающий.

²⁹⁵ - Лк.12:20. Смотр. пример в «Достопам. сказ.» стр. 139, 308 и мног. друг.